НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы VI Международной научно-практической конференции

г. Минск, 29-30 октября 2026 г.

Минск
2026

УДК 316.42(082)
ББК 60.5я43
С69

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института социологии НАН Беларуси

Редакционная коллегия:
Н. Л. Мысливец (главный редактор), С. В. Агиевец, О. В. Кобяк, А. В. Посталовский, Е. Ю. Смыкова, А. П. Соловей, В. В. Стариченок, Н. А. Сосновская, А. В. Сычков, Т. А. Толстяк

Технический редактор
А. В. Сычков

Рецензенты:
доктор социологических наук, профессор В. В. Кириенко
доктор социологических наук, профессор А. И. Левко

Конференция проведена в рамках выполнения Государственной программы научных исследований «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности» на 2026-2030 годы, Подпрограмма 5 «Социология и политология»

С69 **Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности перспективы :** материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 29-30 октября 2026 г. / редкол. : Мысливец Н. Л. (гл.ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : ИВЦ Минфина, 2026. – 710 с
ISBN

Сборник включает доклады и выступления известных белорусских и зарубежных социологов, экономистов, культурологов, историков и науковедов, принимавших участие в VI Международной научно-практической конференции, которая проводилась в Институте социологии 29-30 октября 2026 года. В представленных статьях рассматриваются наиболее актуальные и значимые проблемы развития современного общества.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и специалистов органов государственного управления, а также читательскую аудиторию, интересующуюся вопросами современного социального развития.

УДК 316.42(082)
ББК 60.5я43

ISBN

© Институт социологии НАН Беларуси, 2026
© Оформление. ИВЦ Минфина 2026

УДК 316.4:004

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

Абдильдина Р. Ж.
заместитель директора Казахстанского филиала МГУ
академик НАН РК, доктор философских наук
г. Астана, Казахстан

Цифровая трансформация общества является одним из ключевых факторов, определяющих направление общественного развития в XXI веке. Стремительный рост информационных технологий и искусственного интеллекта открывает новые возможности для всех сфер развития общества. Вместе с тем цифровизация представляет собой не только технологический, но и социальный, культурный и мировоззренческий процесс, последствия которого требуют всестороннего осмысления.

Современное общество переживает переход к цифровой эпохе, в которой информация и технологии становятся определяющими факторами развития. Искусственный интеллект постепенно начинает выполнять не только технические, но и интеллектуальные функции, которые ранее считались исключительной прерогативой человека: анализ больших массивов информации, прогнозирование, выявление закономерностей и принятие решений.

Развитие цифровых технологий обладает значительным потенциалом для повышения качества жизни и решения сложных общественных задач. Цифровые инструменты расширяют доступ к знаниям и образованию, способствуют развитию науки и инноваций, повышают эффективность управления и создают новые формы взаимодействия. Таким образом, цифровизация и искусственный интеллект становятся важными инструментами общественного развития.

Однако технологический прогресс сопровождается и новыми вызовами и рисками. Современный цивилизационный кризис во многом связан с трансформацией мировоззренческих ориентиров и ценностных установок, определяющих отношение человека к миру и самому себе. Одним из его проявлений становится утрата целостного представления о человеке и его месте в мире, а также усиление утилитарного отношения к природе, обществу и самому человеку. В условиях цифровизации данные тенденции приобретают новые формы.

Особую тревогу вызывает влияние цифровых технологий на структуру человеческого мышления. Современная информационная среда формирует фрагментарное восприятие мира, снижает способность к длительной концентрации и глубокому анализу. Человек оказывается погруженным в непрерывный поток цифрового контента, новостей и визуальных образов. В условиях информационной перегрузки возрастает опасность ослабления критического мышления и способности к философской рефлексии [1, с. 107–118].

Одновременно возникают вопросы о пределах вмешательства технологий в человеческую жизнь, допустимости передачи машинам функций принятия решений, цифровом контроле и защите личной свободы. Алгоритмы социальных сетей, системы анализа больших данных и технологии искусственного интеллекта получают возможность воздействовать на поведение человека, формировать общественное мнение и влиять на потребительские и политические процессы. Поэтому технологический прогресс приобретает не только инструментальное, но и мировоззренческое значение.

Существенные изменения происходят и в сфере человеческого общения. Виртуальная коммуникация создает новые возможности взаимодействия, но одновременно может усиливать одиночество, эмоциональную изоляцию и дефицит глубоких межличностных отношений. Человек оказывается окружен множеством цифровых контактов, но при этом не всегда получает возможность для содержательного общения и взаимопонимания [2, p. 115–122].

Особую актуальность приобретает проблема виртуализации реальности. Цифровое пространство формирует новые способы существования человека, в которых границы между реальным и искусственно созданным становятся все менее очевидными. Человек все чаще взаимодействует с цифровыми моделями и интерпретациями мира, что усложняет различение подлинного и искусственно созданного контента и затрагивает основы общественного доверия [3, p. 38–51]. В этих условиях особое значение приобретают цифровая грамотность и способность критически оценивать информацию.

Возникающие проблемы имеют глубокие философские основания. Начиная с XX века в философии и культуре все отчетливее звучат мотивы кризиса современной западной цивилизации. Если эпоха Нового времени была проникнута верой в разум, науку и прогресс, то позднее стало очевидно, что научно-технические достижения сами по себе не устранили человеческие проблемы и социальные противоречия. Более того, достижения науки и техники создали возможности для мировых войн, тотального контроля над человеком и экологических катастроф, а в современную эпоху – для цифрового наблюдения и алгоритмического управления обществом.

В своей Нобелевской речи Альберт Швейцер предупреждал о духовной опасности, возникающей в условиях роста человеческого могущества [4, с. 241]. По мере усиления технической мощи возрастает риск утраты гуманистических ориентиров, если нравственное развитие общества не успевает за технологическим прогрессом. Эта мысль приобретает особую актуальность в эпоху искусственного интеллекта.

Одним из наиболее глубоких критиков современной цивилизации был Мартин Хайдеггер. Он связывал кризис западной культуры с особым типом мышления, ориентированным на подчинение и использование мира. Современный человек, по его мнению, все чаще воспринимает природу как ресурс и объект расчета [5, с. 320]. Особое внимание философ уделял проблеме техники, подчеркивая, что опасность заключается не в самой технике, а в способе ее понимания и использования [6, с. 53]. В цифровую эпоху эта мысль приобретает особую значимость: технологии уже не только помогают человеку, но и формируют пространство его мышления, коммуникации и восприятия действительности [7, p. 107–110].

Критическое осмысление технологического прогресса продолжили представители Франкфуртской школы Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер. В «Диалектике просвещения» они показали, что рациональность, ставшая основой западной цивилизации, одновременно может нести в себе элементы господства и контроля. Стремление к подчинению природы способно приводить к подчинению самого человека социальным системам власти [8, с. 296]. В современном цифровом обществе эта тенденция проявляется в новых формах наблюдения, анализа и управления поведением человека.

Вместе с тем критическое отношение к технологическому развитию не означает отрицания его значимости. История человечества показывает, что технологии способны существенно расширять возможности человека и общества. Главный вопрос заключается в определении целей и границ технологического развития и обеспечении его соответствия фундаментальным человеческим ценностям. Искусственный интеллект может анализировать данные и предлагать варианты решений, однако вопрос о том, что является справедливым, допустимым и желательным для общества, остается ценностным вопросом и сферой человеческой ответственности.

Как подчеркивал Эрих Фромм, кризис цивилизации невозможно преодолеть исключительно за счет технических достижений. Необходимы глубокие изменения в самом человеке, его отношении к миру, обществу и самому себе [9, с. 240–280]. В цифровую эпоху эта мысль приобретает особую актуальность. Будущее человечества зависит не только от уровня технологического развития, но и от способности человека сохранять свободу мышления, критическое сознание, нравственные ориентиры и ответственность перед будущими поколениями.

Особая роль в осмыслении цифровой трансформации принадлежит философии. В условиях стремительных технологических изменений она выступает как средство критического анализа происходящих процессов, позволяющее оценивать их ценностные основания и долгосрочные последствия. Философия помогает перейти от вопроса о том, что технически возможно, к вопросу о том, что является социально и нравственно оправданным. Именно поэтому в эпоху искусственного интеллекта возрастает значение философской рефлексии как инструмента сохранения человеческой автономии, критического мышления и нравственной ответственности.

В условиях современной цифровой трансформации особое значение приобретает формирование нового типа мышления, основанного на принципах ответственности, диалога и уважения к человеку как высшей ценности [10, с. 67–74]. Речь идет не об отказе от научно-технического прогресса, а о его подчинении задачам устойчивого и гуманистического развития. Это предполагает развитие критического мышления, укрепление нравственных основ образования, повышение культуры использования цифровых технологий и формирование осознанного отношения к последствиям принимаемых решений.

Таким образом, цифровая трансформация общества и развитие искусственного интеллекта являются одновременно важнейшими драйверами общественного развития и источниками новых цивилизационных вызовов. Они создают широкие возможности для науки, образования, экономики и культуры, но вместе с тем затрагивают фундаментальные основания человеческого существования, изменяя способы мышления, общения, восприятия реальности и принятия решений. Главный вызов цифровой эпохи заключается не в противостоянии человека и технологий, а в поиске баланса между технологическими возможностями и человеческими ценностями. Только сочетание технологического развития с духовными, культурными и этическими основаниями способно обеспечить устойчивое развитие общества и сохранить человеческое измерение цивилизации в цифровую эпоху [11, с. 378–384].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция. – М. : Постум, 2015. – 240 с.

2. Tegmark, M. Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence. – New York : Knopf, 2017. – 384 p.

3. Bostrom, N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 352 p.

4. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью. – М., Прогресс, 1992. – 576 с.

5. Хайдеггер, М. Время и бытие. – М. : Ad Marginem, 1997. – 503 с.

6. Хайдеггер, М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. – М. : Прогресс, 1986. – С. 45–66.

7. Russell, S. Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control. – New York : Viking, 2019. – 352 p.

8. Хоркхаймер, М. Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. – М. – СПб. : Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.

9. Фромм, Э. Иметь или быть? – М. : Издательство АСТ, 2018. – 320 с.

10. Йонас, Х. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 480 с.

11. Степин, В. С. Цивилизация и культура. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 408 с.

УДК 316

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О НАУКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКИ

Абраев А. И.
младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Современная реальность все больше обусловлена технологической трансформацией общества. В силу проникновения технологий в научный и образовательный процесс, все большую научную ценность приобретает системный мониторинг общественного мнения о науке, который выполняет роль необходимого инструмента для выработки эффективной научно-технологической политики. Во всем развитых странах сложились четкие, системные практики такого мониторинга, которые имеют свои особенности масштаба, частоты и методологии.

Цель данной работы – выполнить сравнительный анализ мониторинга общественного мнения о науке в таких странах как Российская Федерация, США, страны Европейского союза, Великобритании и Японии, вместе с этим провести анализ исследований глобального, межнационального уровня, выявить их национальные особенности.

В рамках теоритического фундамента данной работы, выступает концепция публичного понимания науки (PUS) и теория доверия к научным институтам [1, с. 45–47].

В Российской Федерации изучение общественного отношения к науке осуществляется несколькими специализированными исследовательскими организациями, каждая из которых использует собственные методологические подходы и направления анализа. Одним из ключевых участников является Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), регулярно организующий общероссийские социологические исследования несколько раз в течение года. Опросы проводятся на репрезентативной выборке, включающей около 1600 человек. Полученные результаты свидетельствуют о положительной динамике восприятия отечественной науки: если в 2008 г. положительную оценку её состояния давали 52% респондентов, то к 2025 г. этот показатель увеличился до 74%. Кроме того, доверительное отношение к представителям научного сообщества выражают 77% граждан страны [2].

Значительный вклад в исследование общественного мнения вносит Аналитический центр НАФИ. С начала XXI века организация реализует масштабные мониторинговые исследования, охватывающие до 5000 участников. Особое внимание в них уделяется вопросам цифровой трансформации экономики, внедрению инновационных технологий и отношению населения к научно-техническому развитию [3].

Дополнительные сведения о восприятии научной сферы предоставляет Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). В рамках проводимых исследований оценивается социальный статус профессии учёного. Согласно результатам опросов, примерно две трети респондентов (66%) рассматривают научную деятельность как престижную профессиональную сферу [4].

Комплексный анализ научно-технологического развития осуществляет Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Исследования Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ) основаны как на собственных эмпирических материалах, так и на использовании международных статистических баз данных, что позволяет проводить сравнительный анализ российского и зарубежного опыта [5].

Отдельное внимание уделяется изучению гендерных различий в отношении населения к науке. По данным ВЦИОМ, мужчины проявляют более высокий интерес к техническим и естественно-научным направлениям исследований, тогда как женщины чаще рассматривают научную деятельность через призму решения общественных и социальных задач. Несмотря на различия в тематических предпочтениях, уровень доверия к учёным остаётся практически одинаковым среди представителей обоих полов [6].

Зарубежный опыт демонстрирует существование устойчивых национальных и международных систем мониторинга общественного мнения о науке. В Соединённых Штатах Америки ведущую роль выполняет Национальный научный фонд (NSF), который начиная с 1970-х гг. один раз в два года публикует доклад *Science and Engineering Indicators*. Исследования основаны на данных опросов нескольких тысяч респондентов и фиксируют стабильно высокий уровень доверия населения к научному сообществу: в 2022 г. данный показатель составил 77% [7].

В государствах Европейского союза аналогичные функции выполняет программа Eurobarometer. С момента своего создания в 1970-х гг. она проводит стандартные исследования дважды в год, а специализированные тематические опросы организуются приблизительно раз в два–три года. Совокупная выборка достигает около 30 тыс. человек, а результаты последних исследований показывают, что положительное влияние науки на развитие общества признают 83% жителей стран ЕС [8].

В Великобритании систематическое изучение отношения населения к научной сфере осуществляется в рамках программы Public Attitudes to Science (PAS), действующей с 2000 г. Мониторинговые исследования проводятся с интервалом два–три года при участии 4–5 тыс. респондентов. Согласно полученным данным, около 80% населения считают научную деятельность полезной для общества [9].

В Японии проведение подобных исследований организовано Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий (MEXT). Начиная с конца XX века особое внимание в них уделяется вопросам роботизации, развитию искусственного интеллекта и перспективам высокотехнологичных отраслей экономики [10].

На глобальном уровне наиболее масштабным исследовательским проектом является Wellcome Global Monitor. Волны мониторинга, проведённые в 2018, 2020 и 2023 гг., охватили свыше 70 тыс. участников из 68 государств мира. Согласно результатам исследования, доверие к учёным выражают около 72% населения планеты [11].

Сопоставление российских и зарубежных практик показывает, что во всех рассмотренных странах функционируют институционально закреплённые системы мониторинга, отличающиеся регулярностью проведения исследований и возможностью накопления сопоставимых статистических данных. Общим результатом большинства проектов является стабильно высокий уровень общественного доверия к научной деятельности.

Российская модель мониторинга характеризуется участием нескольких независимых исследовательских организаций, каждая из которых решает собственные аналитические задачи. Вместе с тем отсутствие единого координационного центра, аналогичного Национальному научному фонду США или общеевропейской программе Eurobarometer, затрудняет унификацию методических подходов и проведение долгосрочных сопоставительных исследований. В этой связи перспективным направлением развития представляется создание единой национальной системы индикаторов общественного мнения о науке.

Следовательно, как в ведущих зарубежных государствах, так и на международном уровне сформированы эффективные механизмы регулярного мониторинга отношения общества к науке, обеспечивающие информационную основу для принятия управленческих решений. Российская практика также располагает значительным массивом эмпирических данных, однако дальнейшее совершенствование системы требует более тесной координации исследований и расширения участия страны в международных сравнительных проектах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Bauer, M. W. Public Understanding of Science / M. W. Bauer // Handbook of Science and Technology Studies. – 4th ed. – Cambridge, MA : MIT Press, 2017. – P. 45–68.

2. Наука и общество: мониторинг [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. – М., 2025. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-obshchestvo-monitoring-review. (дата обращения: 23.07.2026).

3. Аналитический центр НАФИ. Научная грамотность россиян [Электронный ресурс]. – URL: https://nafi.ru. (дата обращения: 26.07.2026).

4. Российская наука [Электронный ресурс] / ФОМ. – М., 2025. – URL: https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/15198/. (дата обращения: 26.07.2026)

5. Гохберг, Л. М. (ред.). Индикаторы науки: 2025 : статистический сборник. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2025. – 496 с. – URL: https://publications.hse.ru/books/1010348681. (дата обращения: 26.07.2026)

6. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Наука в жизни россиян [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru. (дата обращения: 26.07.2026)

7. National Science Board. Science and Engineering Indicators 2024: Science and Technology: Public Perceptions, Awareness, and Information Sources [Electronic resource]. – Alexandria, VA : National Science Foundation, 2024. – URL: https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20244. (дата обращения: 26.07.2026)

8. Eurobarometer survey: Europeans strongly support science and technology [Electronic resource] // European Commission. – 2025. – URL: https://ieu-monitoring.com. (дата обращения: 26.07.2026)

9. Public Attitudes to Science 2022 [Electronic resource] / Department for Business, Energy & Industrial Strategy. – London, 2022. – URL: https://www.gov.uk/government/publications/public-attitudes-to-science-2022. (дата обращения: 23.07.2026)

10. Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (Japan). White Paper on Science, Technology and Innovation 2025 [Electronic resource]. – URL: https://www.mext.go.jp/en/publication/whitepaper/title03/detail03/mext_00008.html. (дата обращения: 26.07.2026)

11. Wellcome Global Monitor 2023 [Electronic resource] / Wellcome. – London, 2024. – URL: https://wellcome.org/engagement-and-advocacy/engaging-people/wellcome-global-monitor. – (дата обращения: 23.07.2026)

УДК 316

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КРУПНЫХ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Авшалумов С. С.
аспирант факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия

И. Р. Пригожин, лауреат Нобелевской премии по химии, ввел понятие «стрелы времени» – принцип эволюционного развития, согласно которому из хаоса рождается порядок, а мир предстает как непрерывный процесс самоорганизации и обновления [5]. Концепция «стрелы времени» позволяет рассматривать развитие современных технологий как одно из направлений эволюции социально-экономических систем. В настоящее время одним из ее значимых проявлений выступает цифровизация, которая в бизнес-среде понимается как процесс изменения бизнес-моделей с использованием цифровых технологий для наиболее эффективного ведения бизнеса [2, с. 138]. Цифровизация оказывает существенное влияние на управление, экономику, социальные отношения и корпоративную среду, что объясняет интерес к ее изучению, формирование соответствующих подходов и парадигм, в том числе, в социологии: «Под влиянием процесса цифровизации происходит становление сложной социо-цифро-природной реальности. Для ее валидной диагностики требуется качественно новая социологическая парадигма – социология цифровизации» [3, с. 7].

Цифровизация является предметом изучения не только социологии цифровизации, но и социологии инноваций, социологии изменений, социологии управления. В рамках последней широкое распространение получило понятие цифровой трансформации бизнеса – комплексного изменения стратегии компании и ее бизнес-процессов, охватывающее внедрение цифровых технологий, под которыми принято понимать «совокупность методов, инструментов и решений, основанных на использовании цифровой обработки данных,

направленных на оптимизацию бизнес-процессов и повышение эффективности деятельности организаций» [4, с. 3].

Анализ представленных в научной литературе типологий цифровых технологий показывает отсутствие единого подхода к их описанию. Большинство из них отражает общие тенденции цифровой трансформации экономики и бизнеса в целом, недостаточно учитывая специфику использования цифровых технологий в корпоративной среде. Предлагаемая нами типология цифровых технологий, представленная на рис. 1, основана на критерии функциональной роли цифровых технологий в корпоративной среде, в особенности в крупных компаниях. По данному критерию цифровые технологии могут быть разделены на две группы: корпоративно-коммуникационные, обеспечивающие организацию бизнес-процессов, внутренние коммуникации сотрудников и внешние коммуникации; сквозные цифровые технологии, применяемые в различных сферах деятельности компании и являющиеся универсальной технологической базой цифровой трансформации бизнеса.

Практически все включенные в типологию цифровые технологии широко используются как за рубежом, так и в крупных российских компаниях и обладают практическим потенциалом применения в реализации корпоративной молодежной политики – общего долгосрочного плана работы с молодыми сотрудниками компании, разработанного по инициативе работодателя, отражающего цели и принципы взаимодействия с молодежью на корпоративном уровне, включающего комплекс мер, направленных на создание условий для развития и самореализации молодых сотрудников, обеспечивающих их вовлечение в реализацию миссии и стратегических целей компании. Они позволяют решить круг задач, связанных с информированием молодых сотрудников, организацией внутренних коммуникаций, адаптацией, обучением и развитием молодежи, формированием кадрового резерва и, таким образом, создают условия для повышения эффективности взаимодействия между молодыми сотрудниками и работодателем, способствуют развитию современных форм корпоративного участия молодежи, повышают вовлеченность молодежи в корпоративную жизнь.

Проведенный нами анализ опыта использования цифровых технологий в реализации молодежной политики крупных российских компаний (Сбер, Яндекс, Финам, Уралхим, Крок, Магнит и др.) позволил выделить четыре основные группы цифровых технологий: технологии цифровых коммуникаций, технологии цифрового управления, технологии цифровой инфраструктуры, инновационные цифровые технологии.

Типология, представленная на рис. 2, показывает, что цифровые технологии играют разную роль в молодежной политике крупных российских компаний. Технологии цифровых коммуникаций обеспечивают информирование молодых сотрудников, развитие внутренних коммуникаций и вовлеченности молодых сотрудников в корпоративную жизнь. Технологии цифрового управления направлены на автоматизацию бизнес-процессов и управление мероприятиями молодежной политики крупных компаний. Технологии цифровой инфраструктуры создают основу для хранения, доступа и защиты данных, без которых невозможно устойчивое функционирование корпоративных цифровых сервисов. Инновационные цифровые технологии связаны с анализом данных, прогнозированием, развитием новых форм обучения, оценки, адаптации и карьерного сопровождения молодых сотрудников.

Как показал анализ опыта использования цифровых технологий в реализации молодежной политикой крупных российских компаний, их роль и значение неуклонно растут. Так, крупные компании играют важную роль в цифровой социализации молодого поколения. В современном обществе невозможно избежать цифровой социализации. Если ранее процесс социализации предполагал передачу ценностей и норм от старшего поколения младшему, то сегодня молодое поколение – это олицетворение цифровизации, с рождения проходящее процесс цифровой социализации [1, с. 188–191]. Роль цифровых технологий в молодежной политике крупных российских компаний можно также рассмотреть через их основные функции:

– информационно-коммуникационная функция заключается в обмене информацией между работодателями и молодыми сотрудниками через цифровые технологии, например, корпоративный портал, социальную сеть, цифровую платформу;

– образовательная функция направлена на создание корпоративного обучения с помощью цифровых технологий, включая дистанционное обучение для молодых сотрудников;

– управленческая функция помогает автоматизировать процесс управления мероприятиями для молодых сотрудников, кадровым резервом;

– интеграционная функция направлена на формирование организационной культуры, благоприятной для взаимодействия молодых сотрудников, в том числе и в цифровой среде;

– адаптационная функция ускоряет адаптацию молодых сотрудников в профессиональной и социальной среде с помощью цифровых технологий;

– координационная функция состоит в цифровом ускоренном взаимодействии между подразделениями и молодыми сотрудниками;

– мотивационная функция заключается в использовании цифровых платформ, геймификации, например, для программ признания молодых сотрудников – это инструмент нематериальной мотивации;

– аналитическая функция состоит в использовании универсальных цифровых технологий для прогнозирования показателей текучести и удержания молодых сотрудников, оценки эффективности молодежной политики;

– инновационная функция состоит в развитии цифровых компетенций молодых сотрудников, появлению новых цифровых решений;

– репутационная функция направлена на повышение бренда компании на рынке молодых специалистов через развитие цифровой культуры и технологий в компании;

– методологическая функция заключается в формировании цифровой основы для организации и реализации молодежной политики компании.

Цифровая трансформация бизнеса влияет на молодежную политику крупных российских компаний, изменяя подходы к взаимодействию работодателей с молодыми сотрудниками, их развитию внутри компании и форм участия в ее работе. Происходит переход от традиционных инструментов работы с молодежью к цифровым форматам управления человеческими ресурсами. Благодаря использованию корпоративно-коммуникационных и сквозных цифровых технологий компании повышают эффективность адаптации молодых сотрудников, развивают систему работы с кадровым резервом на основе анализа компетенций сотрудников. Цифровая трансформация способствует повышению вовлеченности молодежи в бизнес-процессы компании, развитию горизонтальных коммуникаций и изменению корпоративной культуры. Вместе с тем возрастают требования к цифровым компетенциям молодых сотрудников, их способности работать в условиях постоянного технологического обновления и быстро адаптироваться к изменениям цифровой среды. Цифровая трансформация бизнеса становится одним из ключевых факторов модернизации молодежной политики крупных российских компаний и формирования новых подходов к управлению молодыми сотрудниками.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Beck, U. The Metamorphosis of the World / U. Beck. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 223 p.

2. Кондратьева, М.Н. Цифровизация: исследование основных терминов / М.Н. Кондратьева, А.В. Комахина // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2022. – № 3 (165). – С. 134–139.

3. Кравченко, С.А. Социология цифровизации: учебник для вузов / С.А. Кравченко. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 236 с.

4. Пошибаев, А.Ю. Влияние цифровых технологий на эффективность деятельности организации / А.Ю. Пошибаев // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 5. – С. 1–14.

5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

УДК 342.7:316.4

ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Агиевец С. В.
заведующий отделом социологии социальной сферы
Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Развитие инклюзивного образования является одним из стратегических принципов образовательной политики Республики Беларусь. Обеспечение доступа детей-инвалидов, детей с особенностями психофизического развития к участию в обучении в учреждении образования обычного типа имеет социальное значение и нацелено на получение не только образовательных индивидуальных результатов, но и социализации участников образовательных отношений. Актуальность исследования обусловлена активным развитием образовательных отношений с участием детей-инвалидов, детей с особенностями психофизического развития и обозначенными в глубинных интервью экспертов трудностями реализации инклюзивного образования. Теоретическую основу составляют исследования инклюзии как расширение возможностей обучения, изменения образовательной среды, культуры и практики. Эмпирической основой служат материалы анализа глубинных интервью экспертов по инклюзивному образованию и статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Цель статьи – определить приоритеты развития инклюзивного образования в Беларуси на основе анализа экспертных оценок, статистических данных и научных подходов к организации инклюзивной образовательной среды.

В соответствии со статистическими данными численность детей с инвалидностью в учреждениях общего среднего образования увеличилась на 50,4 % с 19 181 человека в 2019 г. до 28 854 в 2025 г. [1]. За сопоставимый период 2019-2024 гг. рост составил 39,5 % и достиг 26 762 человек. Такая ситуация требует принятие правовых и организационных мер по обеспечению учреждений образования специалистами, доступной средой, методической поддержкой и др.

Следует отметить, что в материалах интервью положительно оценивается развитие нормативного правового регулирования образовательной инклюзивно среды. В Кодексе об образовании Республики Беларусь в редакции от 14 января 2022 г. №154-З закреплен принцип инклюзии, который заключается в равном доступе с учетом особых индивидуальных образовательных потребностей и возможностей обучающегося [2]. Вместе с тем эксперты указывают на необходимость более ясного понимания модели инклюзивного образования и последовательности ее реализации, что вызывает необходимость закрепления в законодательстве понятия, прав и обязанностей участников инклюзивных образовательных отношений, способов оценки результатов на уровне учреждения образования, установление ответственности.

Значительное число экспертов указывают на наличие барьеров отношения общества к инклюзии. Эксперты видят причину их наличия в недостаточном понимании родителями потребностей других детей и в сложностях для педагогов в налаживании диалога с семьями. Полагаем, что в данном случае важным является формирование инклюзивной культуры через совместное регулярное обсуждение образовательных потребностей, совместное решение возникающих трудностей и недопущение исключения ребенка из жизни класса. Правовое просвещение педагогов и родителей, направленное на разъяснение прав обучающихся, способов получения помощи может способствовать налаживанию благоприятного микроклимата.

Еще одной составляющей успешного развития инклюзивного образования является методическое и кадровое обеспечение такого обучения. В интервью отмечается значимая роль

центров коррекционно-развивающегося обучения и реабилитации в оказании методической помощи как родителям, так и педагогом. Но на практике есть острая потребность в кадровом обеспечении таких центов для сопровождения учреждений образования. В интервью также обозначены претензии родителей к работе психолого-медико-педагогических комиссий и вносится предложение учитывать более тщательно индивидуальные функциональные возможности ребенка, доступность среды и цели его участия в школьной жизни.

Анализ экспертных оценок и научных подходов позволяет выделить ряд взаимосвязанных приоритетов развития инклюзивного образования, которые являются взаимосвязанными.

В первую очередь необходимо конкретизировать на уровне Кодекса об образовании Республики Беларусь механизм реализации инклюзивной политики. Уточнение нормативных и методических позиций необходимо осуществлять на основе апробированных практик с позиции того насколько они позволяют устранять существующие барьеры реализации инклюзивного образования.

Второй важный приоритет заключается в особенностях развития практических навыков и готовности педагогов. Здесь важная роль принадлежит, наряду с разработкой и постоянным обновлением образовательных программ, организации совместной деятельности обучающихся с различными потребностями и возможностями, а также взаимодействию с семьями в процессе повышения квалификации и подготовки педагогов. Оценивать результат готовности педагогов, их навыки и умения следует в классе через практическое применение. Также важным аспектом при подготовке педагогов является институт наставничества, позволяющий реализовать возможность получения непрерывных консультации в процессе работы в школе.

Третьим приоритетом является налаживание системы работы по сопровождению и партнерству с семьей. Возможности центров коррекционно-развивающегося обучения и реабилитации следует использовать для консультационной помощи учреждениям образования и методической помощи, учитывая опыт более тесного взаимодействия с родителями и детьми. Для всех субъектов инклюзивных образовательных отношений важны не только правовая определенность действий, но и понятный порядок взаимодействия и помощи. Прежде всего для родителей важны порядок обращения за поддержкой и участие в обсуждении образовательной траектории ребенка. Организация такого взаимодействия решит отмеченную экспертами проблему потребности в согласованных действиях субъектов образовательных отношений.

В-четвертых, необходимо определиться с оценкой качества инклюзии через вовлеченность и результаты обучающегося. В интервью отмечаются в качестве предложений для оценки использовать уровень инклюзивной культуры, содержание образовательной практики и состояние педагогической поддержки. На этой основе предлагается сочетать количественные показатели обеспеченности ресурсами с оценкой участия ребенка в учебной и внеучебной деятельности, индивидуальной динамикой развития, его взаимодействие со сверстниками. В научной среде существует мнение, что школьную самооценку следует дополнить обратной связью детей и родителей. Примечательно, что эксперты указывают, что количество педагогов полезно как характеристика ресурсов, но не заменяет оценки изменений в образовательном процессе.

Таким образом приоритеты развития инклюзивного образования связаны с правовыми и управленческими решениями, кадровым обеспечением, доступностью инклюзивных практик, выработкой оценки качества инклюзии, реального наличий обратной связи детей и родителей. Статистическая динамика подчеркивает необходимость развития поддержки учреждений образования, а экспертные интервью уточняют направления этой работы. Практическим шагом может стать более широкая, системная работа по апробации школьных планов развития инклюзии с последующей оценкой образовательных результатов и опыта семей, что позволит определить дальнейшие управленческие решения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Численность детей-инвалидов в учреждениях общего среднего образования // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10103000014 (дата обращения: 20.04.2026).

2. Кодекс Респ. Беларусь об образовании 13 января 2011 г. № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек.2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09 дек. 2025 № 110-З // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 20.04.2026).

УДК 316.334.2

ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В БЕЛАРУСИ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ И ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аксеневич А. М.
заведующий сектором Института экономики Национальной академии наук Беларуси
г. Минск, Беларусь

В условиях макроэкономической турбулентности и структурной трансформации экономики женское предпринимательство, характеризуемое высокой социальной ответственностью, устойчивостью к кризисам и гибким управлением, приобретает значимую роль в формировании устойчивого социально-экономического развития страны. Однако для разработки эффективных мер государственной поддержки необходимо глубокое понимание того, кто является субъектом женского предпринимательства, каковы его социально-демографические характеристики и особенности экономического поведения.

В этой связи была поставлена следующая цель – сформировать комплексный социально-демографический профиль (портрет) женщины-предпринимателя в Республике Беларусь, выявить особенности ее экономического поведения в современных условиях хозяйствования и определить структурные ограничения, влияющие на траекторию развития женского бизнеса. В качестве методов исследования выступили анализ эмпирических данных, а также метод сравнений и сопоставлений.

Социально-демографический профиль белорусской предпринимательницы

Анализ эмпирических данных, представленных в отчете GEM 2024/2025 «Women's Entrepreneurship Report. Navigating Challenges, Driving Change» [1], позволяет сформировать следующий социально-демографический профиль женщины-предпринимателя в Беларуси (таблица 1).

Таблица 1 – Социально-демографический профиль женщины-предпринимателя в Беларуси

Характеристика	Показатель	Соотношение женщин к мужчинам
Возраст	35–54 года (50,6%)	1.02
Образование	Среднее специальное (30,2%)	1.24
Уровень дохода	Высокий (51,6%)	1.34
Стадия бизнеса	Начинающий предприниматель (7,4%)	1.28

Примечание – источник: составлено автором по данным GEM 2024/2025.

Женское предпринимательство в Беларуси – это осознанная стратегия зрелых женщин с высоким уровнем дохода.

Так, женщины открывают бизнес после накопления профессионального и жизненного опыта – в возрастном диапазоне от 35 до 54 лет (50,6% против 49,7% мужчин). При этом 30,2% женщин имеют среднее специальное образование (против 24,4% мужчин), что обеспечивает им более высокий уровень профессиональной специализации и конкурентные преимущества в секторах с высокой добавленной стоимостью. Доля женщин с высшим образованием (7,1%)

несколько уступает мужчинам (7,9%), что может отражать сохраняющуюся гендерную асимметрию в доступе к образовательным программам.

Уровень доходов белорусских предпринимательниц в обозначенном возрастном диапазоне также высок: 51,6% из них принадлежат к группе с высоким уровнем дохода (против 38,5% среди мужчин-предпринимателей в таком же возрастном диапазоне). Высокий доход, в свою очередь, создает «эффект самоподкрепления»: обеспеченность финансовыми ресурсами позволяет женщинам инвестировать в формирование устойчивых бизнес-моделей и развитие бизнеса, осваивать новые рынки. Отметим, что лишь 4,3% белорусских предпринимательниц отметили наличие проблем с финансированием своего бизнеса, в то время как среди мужчин-предпринимателей – 11% (то есть мужчины более чем в два раза чаще сталкиваются с финансовыми проблемами).

Все вышеизложенное опровергает сложившийся в обществе стереотип о том, что предпринимательство является вынужденной стратегией выживания для женщин. Напротив, белорусские женщины рассматривают открытие своего дела как возможность накопления и приумножения капитала: 53,1% называют в числе ключевых мотивов для старта бизнеса приращение своего благосостояния.

Особенности экономического поведения белорусской предпринимательницы

Экономическое поведение определяется системой мотивов, отраслевой специализацией бизнеса и инвестиционным поведением отдельно взятого предпринимателя. Проанализируем данные составляющие применительно к белорусским женщинам-предпринимателям.

Мотивационная структура. Белорусские женщины руководствуются следующими мотивами при открытии бизнеса: построение благосостояния (79,4%); дефицит рабочих мест, предпринимательство как вынужденная мера – 50,9%. При этом значительная доля женщин респондентов ориентирована на социальную миссию – «изменить мир к лучшему».

Отраслевая специализация. Женщины в 2,5 раза реже мужчин представлены в ИТ-секторе (2,6% против 7,7%), но в 2,4 раза чаще – в социальных услугах (23,7% против 9,8%). Это свидетельствует о сохраняющейся гендерной сегрегации, ограничивающей потенциал масштабирования. В то же время женщины активнее мужчин используют социальные сети (69,5% против 57,3%) и e-commerce (62,3% против 59,6%), что формирует их цифровое конкурентное преимущество. В то же время, женщины реже мужчин осознают ценность искусственного интеллекта для бизнеса (13,3% против 18,7%).

Инвестиционное поведение и доступ к финансам. Беларусь демонстрирует лучший в мире показатель доступности финансирования для женщин: они в 2,5 раза реже мужчин указывают финансовые проблемы как причину закрытия бизнеса (4,3% против 11,0%). Это свидетельствует о высокой финансовой дисциплине белорусских предпринимательниц. Однако их инвестиционная активность остается низкой (3,9% против 8,1% у мужчин). Позитивным трендом выступает формирование женской инвестиционной сети: женщины-инвесторы почти в 4 раза чаще мужчин направляют средства женщинам-предпринимателям (61,8% против 16,3%).

Вызовы и структурные ограничения

Несмотря на количественный прорыв, развитие женского предпринимательства в Беларуси сталкивается с рядом вызовов (таблица 2).

Таблица 2 – Ключевые вызовы развития женского предпринимательства в Беларуси

Вызов	Показатель
Меньшая склонность к инновационной деятельности	Женщины в 2 раза реже мужчин склонны к ведению инновационного предпринимательства (22,6% против 41,3%)
Семейная нагрузка	Женщины в 1,8 раза чаще мужчин закрывают бизнес по семейным причинам (27,5% против 15,1%)
Невысокая масштабируемость	Женщины реже масштабируются до 20+ сотрудников (2,5% против 6,0%)

Низкий уровень технологической готовности	Лишь 13,3% женщин считают AI важным для бизнеса против 18,7% мужчин

Примечание – Источник: составлено автором по данным отчета GEM 2024/2025.

Масштабирование и инновационная активность женского предпринимательства сдерживаются двойной нагрузкой, связанной с совмещением профессиональных и семейных обязанностей.

Точки роста и стратегические векторы развития

Сформированный социально-демографический портрет белорусской предпринимательницы, выявленные особенности ее экономического поведения и структурные ограничения позволяют выделить следующие стратегические векторы устойчивого развития женского предпринимательства в Республике Беларусь:

– финансовая поддержка: расширение программ льготного кредитования, грантовые программы и т.п. (белорусские предпринимательницы демонстрируют лучшие показатели по финансовой дисциплине),

– поддержка социально–ориентированных проектов путем создания специальных программ, женских кооперативов и т.п. (42,9% женщин ориентированы на «изменение мира в лучшую сторону»),

– менторство (тиражирование успешных практик и моделей ведения бизнеса женщинами),

– содействие развитию экспортного потенциала (39,9% женщин ориентированы на международные рынки).

Траектория устойчивого развития женского предпринимательства в Республике Беларусь должна строиться на учете следующих факторов: использовании уникальных конкурентных преимуществ белорусских женщин-предпринимателей (финансовая дисциплина, социальная ориентированность, экспортная ориентированность), преодолении системных барьеров (меньшая склонность к инновационной деятельности, семейная нагрузка) и развитии институциональной экосистемы как катализатора роста женского бизнеса.

Необходим переход от политики «поддержки стартапов» к политике «масштабирования и технологической трансформации» женского предпринимательства, что предполагает стимулирование женского STEM-образования, развитие женских инвестиционных сетей и интеграцию программ поддержки семьи и бизнеса.

Приоритетным направлением государственной политики должен стать переход от политики поддержки стартапов к политике масштабирования и повышения уровня технологичности женских предпринимательских инициатив. Это требует системных мер, включая развитие STEM-компетенций у женщин, институциональную поддержку совмещения бизнеса и семейных обязанностей. Системная реализация этих мер способствует формированию устойчивого предпринимательского сектора, который в условиях макроэкономической турбулентности приобретает значение стратегического ресурса.

Инвестиции в женское предпринимательство – это не социальная нагрузка, а стратегический ресурс социально-экономической устойчивости Республики Беларусь в условиях глобальной неопределенности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. GEM 2024/2025 Women's Entrepreneurship Report: Navigating Challenges, Driving Change // Global Entrepreneurship Monitor. – URL: https://gemconsortium.org/report/gem-20242025-womens-entrepreneurship-report-navigating-challenges-driving-change-2 (дата обращения: 25.07.2026).

УДК 001.007 (476)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БЕЛОРУССКОЙ АСПИРАНТУРЫ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ

Артюхин М. И.
ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Сегодня, в условиях обострившейся внешнеполитической обстановки, залогом национальной безопасности Беларуси и России как стран-участниц Союзного государства является наличие современной науки, способной обеспечить устойчивое мировое лидерство в области прорывных научных исследований и инновационных технологий. В январе 2024 г. постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства № 2 утверждена Стратегия научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года, которая является базовым документом стратегического планирования, обеспечивающим формирование единого научно-технологического пространства Союзного государства Беларуси и России. Одной из целей Стратегии является создание единой системы подготовки новой генерации исследователей и специалистов, обладающих набором профессиональных компетенций, соответствующих мировому уровню.

В настоящее время система подготовки научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации как в Беларуси, так и в России переживает период модернизации. Ее проведение обусловлено необходимостью подготовки нового поколения высококвалифицированных исследователей по приоритетным научным направлениям.

Анализ деятельности республиканской системы подготовки кадров высшей квалификации показывает наличие существенных проблем в деятельности республиканской аспирантуры. Одной из острых проблем развития белорусской и российской аспирантуры последнего десятилетия явилось не только уменьшение численности аспирантов, свидетельствующее о снижении привлекательности аспирантуры среди талантливых молодых ученых и студентов, но и ее результативности. И прежде всего – крайне низкий процент аспирантов, успешно защищающих диссертацию и получающих степень кандидата наук по итогам обучения в аспирантуре. В Беларуси актуальность этой проблемы сегодня особенно высока в связи с устойчивой тенденцией снижения числа ежегодно присуждаемых ВАК ученых степеней кандидатов наук. Анализ динамики числа ежегодно защищаемых кандидатских диссертаций свидетельствует, что с 2007 г. по 2018 г. число утвержденных кандидатских диссертаций стабилизировалось в коридоре 560-500 единиц. Однако с 2020 г. наблюдается резкое падение ежегодного числа утвержденных ВАК Беларуси ученых степеней кандидата наук гражданам Республики Беларусь: в 2020 г. – 374, в 2021 г. – 315, в 2022 г. – 264, в 2023 г. – 254, в 2024 г. – 275, в 2025 г. – 222. Эта негативная тенденция свидетельствует о наличии серьезных проблем в деятельности республиканской аспирантуры.

В январе 2025 г. Институтом социологии НАН Беларуси был проведен опрос экспертов в области подготовки научных кадров высшей квалификации. В качестве экспертов выступили доктора и кандидаты наук из научных организаций всех отделений наук НАН Беларуси, имеющие опыт научного руководства аспирантами. Всего было опрошено 79 человек, из них 21 доктор наук и 58 кандидатов наук.

Опрос экспертов показал, что одной из острых проблем белорусской аспирантуры является несовершенство системы отбора наиболее способных, мотивированных и подготовленных к научно-исследовательской деятельности абитуриентов. При поступлении в аспирантуру практически нет конкурса. В итоге хотя все поступившие в аспирантуру лица имели в своем активе магистерскую подготовку и исследовательский опыт на уровне магистерской диссертации общий уровень знаний аспирантов достаточно слабый. Так, только 27,7 % экспертов высоко оценивают уровень знаний аспирантов по своей научной

специальности. Только 9,6 % экспертов оценивают уровень владения аспирантами методологией исследования и навыками экспериментального исследования как высокий. Эксперты очень низко оценивают уровень имеющихся у аспирантов знаний общетеоретических дисциплин, умения работать с теоретическим материалом, знания смежных дисциплин, а также знания иностранного языка.

К основным причинам и факторам, затрудняющих подготовку диссертационного исследования и ее защиту в срок обучения в аспирантуре эксперты отнесли: потеря у аспиранта интереса к научной деятельности к концу срока обучения в аспирантуре (56,6%); необходимость совмещать обучение с работой, не связанной с научной деятельностью (42,2%); отсутствие либо сложности в получении необходимой опытно-экспериментальной базы (38,6 %). Интересно отметить, что только 21,7% экспертов к основным факторам низкой результативности аспирантуры отнесли существующий размер стипендий аспирантов (21,7%). Все остальные причины и факторы, которые сдерживают защиту диссертации в срок обучения (трудности во взаимодействии с научным руководителем, недостаточная поддержка аспиранта со стороны организации, трудности с организацией предзащиты/защиты, отсутствие в учреждении, в котором обучаются аспиранты, диссертационного совета по требуемому профилю) не оказывают, по мнению опрошенных экспертов, существенного влияния на подготовку диссертационного исследования и ее защиту в срок обучения.

Следует также отметить, что эксперты к основным факторам, влияющих на эффективность аспирантуры, отнесли: наличие высокой мотивации к научной деятельности у поступающих в аспирантуру; личная заинтересованность аспирантов на защиту диссертации в срок обучения; уровень профессионализма и компетентности научных руководителей.

Научный руководитель аспиранта, как считает большинство опрошенных экспертов, является важным фактором результативности аспирантской подготовки. Согласно положению ВАК, научными руководителем аспиранта должны иметь ученую степень доктора наук и только в крайних случаях – кандидата наук с большим стажем научной деятельности по данной специальности. Однако в настоящее время среди научных руководителей аспирантов только одна треть является докторами наук. По мнению экспертов, отказ значительного числа докторов наук от научного руководства аспирантами вызван низкой оплатой труда научных руководителей. Эксперты считают необходимым принять срочные меры по повышению заинтересованности научных руководителей аспирантов в результативности аспирантуры и доведения аспиранта к защите кандидатской диссертации в срок обучения в аспирантуре. Прежде всего эксперты предлагают в корне изменить существующий механизм оплаты данного вида научного труда и повысить его размер в разы. При этом пересмотреть практику и критерии подбора и утверждения лиц, привлекаемых организациями к научному руководству аспирантами (так считает 50,6% экспертов), а также ввести новые нормативы, регламентирующие усиление ответственности научного руководителя аспиранта за качество и результативность научного руководства (16,9%). Это несомненно повысит качество научного руководства и одновременно – ответственность научного руководителя аспиранта за результативность всей аспирантской подготовки.

На вопрос анкеты «Оцените уровень кандидатских диссертационных исследований в Вашей области знаний за последние 5 лет?» (замер проводился по пятибалльной шкале, где 5 высшая оценка, 1 – низшая) ответы экспертов распределились (в % по числу ответивших) следующим образом: большая часть респондентов (61,1%) оценивают уровень кандидатских диссертаций в своей области знаний как средний. И только 22,4 % считают его высоким. Среднее значение уровня кандидатских диссертаций, по оценке экспертов, составило 3,78 балла.

Более значимой представляется оценка современного уровня кандидатских диссертационных работ, данная экспертами не «в статике», а «в динамике». Ответы на вопрос «Как изменился уровень кандидатских и докторских диссертаций в Вашей области знаний за последние 5 лет?» свидетельствуют о серьезной озабоченности экспертов негативной тенденцией снижения уровня кандидатских диссертаций в их области знаний за последние

пять лет. 34,9 % опрошенных экспертов считают, что уровень кандидатских диссертаций в их области знаний за последние пять лет существенно понизился. И только 18,1% респондентов считает, что уровень кандидатских диссертаций повысился.

Для модернизации республиканской системы подготовки научных кадров высшей квалификации наиболее перспективным направлением, по мнению экспертов, могла бы стать кластерная модель института подготовки научных работников высшей квалификации, реализуемая в формате государственного заказа. Эта модель развития послевузовского образования предусматривает организацию подготовки научных работников и специалистов высшей квалификации в научно-образовательно-производственных центрах, создаваемых на базе ведущих национальных университетов, крупных научных организаций и инновационно-активных предприятий по тематике, актуальной для развития конкретных высокотехнологичных производств, относящихся к V и VI технологическим укладам экономики. Кроме того, эксперты считают, что необходимо поставить вопрос о разработке и реализации с учетом российского опыта целевой государственной программы «Научные кадры Республики Беларусь». Основная цель данной целевой государственной программы – создание условий для системной подготовки новой генерации научных кадров высшей квалификации мирового уровня, способной обеспечить научно-технологический суверенитет нашей страны.

УДК 316.334.2:339.543

ДАННЫЕ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Алякритский Е. Р.
студент факультета таможенного дела ИПНБ РАНХиГС
г. Москва, Россия

Цифровая трансформация изменила подходы к изучению социальных процессов и расширила круг источников, используемых в эмпирических исследованиях. Наряду с традиционными методами (к которым относятся опросы, интервью, переписи населения, официальная статистика и др.) особую значимость приобретают большие данные, возникающие в ходе деятельности государственных органов (administrative Big Data) [1, с. 113]. В отличие от специально собранной исследовательской информации, они формируются как результат выполнения государством своих функций, что обеспечивает их полноту, регулярность и высокую детализацию. Одним из таких источников могут выступать данные таможенных органов Российской Федерации. Информация, получаемая в ходе совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля, позволяет отслеживать изменения товарных потоков, направлений поставок, логистических связей и поведения участников внешнеэкономической деятельности, которые в дальнейшем отражаются на экономических и социальных процессах.

В этом контексте важно отметить, что сами данные таможенных органов не являются социальным знанием в готовом виде: они представляют собой массив первичных сведений о внешнеторговых операциях, который приобретает исследовательскую ценность только после обработки, сопоставления с другими источниками и содержательной интерпретации. В процессе дальнейшего анализа административные сведения превращаются в инструмент изучения изменений, происходящих в обществе.

Цель настоящего исследования заключается в обосновании возможностей использования таких данных в качестве эмпирической основы формирования социального знания о современных общественных процессах. Для реализации поставленной цели необходимо рассмотреть, каким содержанием обладают данные таможенных органов и какие

возможности их анализа открываются за пределами традиционных задач таможенного регулирования.

Таможенные органы России ежедневно формируют массив информации о перемещении товаров через таможенную границу. Каждая декларация на товары содержит сведения о продукции, ее классификации по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, стране происхождения, таможенной стоимости, количестве, участниках внешнеэкономической деятельности, условиях поставки, маршрутах и способах перевозки [2, с. 42–44]. Масштаб данного ресурса определяется объемами внешней торговли страны (см. табл.). За последнее десятилетие величина внешнеторгового оборота варьировалась от 471,2 до 850,6 млрд долл. США, а наибольшее значение было достигнуто в 2022 г. Даже в условиях изменения направлений международного сотрудничества в 2025 г. данный показатель составил около 700 млрд долл. США. За агрегированными значениями внешнеторгового оборота стоят миллионы отдельных операций, каждая из которых оставляет цифровой след в информационных системах таможенных органов. Именно совокупность таких записей создает возможность перехода от анализа отдельных сделок к изучению устойчивых изменений в экономике и обществе.

Таблица. Объемы внешней торговли Российской Федерации за 2016–2025 гг.

Год	Объем экспорта, млрд долл. США	Объем импорта, млрд долл. США	Внешнеторговый оборот, млрд долл. США	Сальдо внешней торговли, млрд долл. США
2016	287,6	183,6	471,2	104,0
2017	357,0	227,0	584,0	130,0
2018	450,0	238,0	688,0	212,0
2019	423,0	244,0	667,0	179,0
2020	336,4	231,4	567,8	105,0
2021	492,0	293,0	785,0	199,0
2022	591,5	259,1	850,6	332,4
2023	425,1	285,0	710,1	140,1
2024	433,9	283,0	716,9	150,9
2025	418,3	279,0	697,3	139,3

При этом наличие большого объема данных само по себе не превращает их в источник социального знания. Информация, содержащаяся в декларациях, первоначально отражает конкретные хозяйственные действия: перемещение определенного товара, участие конкретной организации, выбранный маршрут или условия сделки. Однако при рассмотрении этих сведений в совокупности выявляются закономерности, недоступные при анализе отдельных операций. Изменения в структуре импорта и экспорта, географии поставок или составе участников внешней торговли выступают не как отдельные статистические факты, а как проявления более широких экономических и социальных преобразований. На этом уровне раскрывается исследовательская ценность таможенных данных. Изменения, зафиксированные в таможенной статистике, возникают раньше, чем их последствия становятся заметны в других сферах. Например, рост поставок определенных категорий товаров может свидетельствовать не только об изменении внешней торговли, но и о последующей трансформации производственных процессов, логистики или потребительского рынка. Последовательность изменений может быть представлена следующим образом: первоначально меняются параметры внешнеторговых потоков, затем эти изменения отражаются на внутреннем предложении товаров и деятельности организаций, а впоследствии проявляются в изменении хозяйственного поведения и повседневных практик населения.

Показательным примером выступает трансформация структуры российского импорта в последние годы. Несмотря на сохранение ведущей роли машин, оборудования и транспортных средств, доля которых составляет около 45–50 % общего объема импорта, внутри данной группы произошли существенные изменения [3, с. 106]. В первом квартале 2026 г. импорт

промышленного оборудования увеличился примерно на 23%, поставки электронной продукции — на 18%, а объем ввоза серверного оборудования и комплектующих для центров обработки данных вырос более чем в 2,5 раза. На формальном уровне статистики эти показатели отражают лишь изменение объемов отдельных товарных категорий. Однако их интерпретация в совокупности с данными о развитии промышленности и цифровой экономики позволяет рассматривать такие изменения как индикатор трансформации производственных процессов, распространения цифровых сервисов, изменения структуры занятости, а также формирования новых моделей хозяйственной деятельности. Тем самым данные таможенных органов становятся источником информации не только об экономических, но и о социальных изменениях, сопровождающих технологическую модернизацию общества.

Аналогичный подход применим и к анализу географии внешней торговли. Изменения последних лет нашли отражение в перераспределении товарных потоков, появлении новых маршрутов и изменении состава ключевых торговых партнеров России. Рост поставок промышленной продукции, автомобилей и электронной техники из Китая, расширение импорта фармацевтических товаров и производственных компонентов из Индии [4, с. 71] сопровождаются перестройкой цепей поставок и адаптацией бизнеса к новым условиям. Для таможенной системы эти изменения выражаются в изменении структуры оформляемых операций. В рамках исследования они становятся источником информации о том, как организации меняют модели взаимодействия, выбирают новые логистические решения и перестраивают внешнеэкономическую деятельность. В этой связи анализ данных таможенных органов позволяет изучать не только параметры международной торговли, но и процессы адаптации хозяйствующих субъектов к изменяющимся условиям.

Не менее важным направлением использования данных таможенных органов является исследование регионального развития. Территориальная привязка каждой внешнеторговой операции позволяет анализировать распределение внешнеэкономической активности между субъектами Российской Федерации и фиксировать формирование новых логистических центров зачастую раньше, чем эти изменения находят отражение в отраслевой статистике. Так, по данным Минтранса России, объем перевозок по Восточному полигону железных дорог в 2022 г. вырос на 23% по сравнению с 2021 г., а к 2030 г. ожидается его увеличение до 357 млн т, что почти на 47% превышает уровень 2021 г. Похожую устойчивость к перераспределению грузопотоков между альтернативными маршрутами демонстрирует международный транспортный коридор «Север – Юг», обеспечивающий выход на рынки Ближнего Востока и Южной Азии [5, с. 89]. Каждое из этих изменений первоначально фиксируется в таможенной статистике как рост числа операций, оформляемых в определенном регионе или через определенный пункт пропуска, и лишь впоследствии проявляется в развитии транспортной и складской инфраструктуры, притоке инвестиций и создании новых рабочих мест. Тем самым сведения, первоначально формируемые в целях таможенного контроля, становятся источником эмпирической информации о пространственном развитии экономики и связанных с ним социальных процессах.

Проведенное исследование показывает, что расширение эмпирической базы социальной науки происходит не столько за счет появления новых методов исследования, сколько за счет переосмысления уже существующих источников информации. В этом смысле данные таможенных органов представляют интерес в качестве административного ресурса, который дает возможность исследовать общественные процессы через фиксируемые государством изменения хозяйственной деятельности. Такой подход фактически изменяет место данных таможенных органов в системе научного знания. При этом социальные процессы фиксируются не непосредственно, а через изменения внешнеэкономической деятельности, которые становятся ранними эмпирическими индикаторами. Это создает предпосылки для более тесной интеграции таможенной статистики в исследования экономики, социологии, регионального развития и государственного управления. Тем самым перспективным направлением становится разработка методологии интерпретации данных таможенных

органов. Именно способы анализа, сопоставления и объяснения данных являются необходимым условием для конверсии сведений о внешнеторговых операциях в фундаментальное социальное знание о закономерностях и тенденциях развития современного общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнеченко, И. М. Большие данные и искусственный интеллект, как факторы трансформации системы государственного управления / И. М. Кузнеченко // Экономическое развитие России. – 2024. – Т. 31, № 2. – С. 113–128.

2. Сальников, И. А. Моделирование базы данных деклараций на товары / И. А. Сальников, В. И. Сальников // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2022. – № 3(83). – С. 42–47.

3. Колганова, Д. В. Анализ товарной структуры экспорта и импорта Российской Федерации / Д. В. Колганова, С. А. Малютина, А. Ж. Рампилова // System Analysis and Mathematical Modeling. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 100–114.

4. Куликова, И. В. Развитие экономических отношений России с Китаем и Индией: перспективы и прогнозы / И. В. Куликова, И. В. Украинцева, Л. Н. Рощина // Прогрессивная экономика. – 2023. – № 9. – С. 68–80.

5. Пак, Е. В. Международный транспортный коридор «Север-Юг»: вызовы и возможности для стран ЕАЭС / Е. В. Пак, Е. Д. Сорокина // Мировое и национальное хозяйство. – 2025. – Т. 71, № 3. – С. 87–113.

УДК 314.74:325.1(4/9)

ОБРАТНОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО КАК МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА ПОКОЛЕНИЙ

Ананченкова П.И.
Заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко
кандидат социологических наук, доцент
г. Москва, Россия

Барковский Е.С.
Соискатель кафедры экономики и социологии здравоохранения Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко
г. Москва, Россия

Цифровая трансформация труда изменяет содержание профессиональных функций, способы коммуникации и принятия решений. Цифровой разрыв поколений проявляется не только в неодинаковой доступности устройств и интернета, но и в различиях по уровню навыков, интенсивности использования программного обеспечения и способности осваивать новые технологии. По данным Eurostat, в 2025 г. хотя бы базовыми цифровыми навыками обладали 60% жителей Европейского союза в возрасте 16-74 лет, однако среди лиц 65-74 лет данный показатель составлял лишь 33%, тогда как в группах 16-24 и 25-34 лет - около 75% [1].

Возрастной цифровой разрыв имеет непосредственное трудовое измерение. Работники 55-65 лет реже молодых используют продвинутые информационно-коммуникационные навыки даже внутри одних и тех же профессиональных групп [2]. Особенно заметны различия в создании электронных документов и применении специализированного программного обеспечения. Более низкая включённость в обучение на рабочем месте повышает риск устаревания человеческого капитала.

Методология. Исследование основано на положениях экономики труда, теории человеческого капитала, концепции межпоколенческого обучения и управления знаниями.

Использованы методы анализа и обобщения научных публикаций, сравнительного анализа, типологизации и экспертного оценивания.

Представлены результаы экспертного опроса 46 специалистов: 18 специалистов по управлению персоналом и корпоративному обучению, 12 руководителей подразделений, 8 специалистов по цифровой трансформации и 8 исследователей проблем труда и профессионального образования. Критериями отбора выступали стаж профессиональной деятельности не менее пяти лет и опыт участия в программах обучения, наставничества либо цифровой трансформации организаций.

Анкета включала 14 закрытых и два открытых вопроса. Экспертам предлагалось оценить основные проявления цифрового разрыва поколений, направления передачи компетенций, потенциал обратного наставничества, барьеры его внедрения и организационные условия результативности.

Механизм обратного наставничества. Обратное наставничество - это процесс передачи знаний, умений и навыков от более молодого и менее опытного работника работнику с большим профессиональным стажем и опытом.

Организационно-экономический механизм обратного наставничества включает пять взаимосвязанных блоков (рисунок 1).

Рисунок 1. Организационно-экономический механизм обратного наставничества.

Таким образом, механизм работает за счёт адресного соединения компетентностной потребности старшего работника с актуальными знаниями молодого наставника, организационной поддержки их взаимодействия и последующего переноса освоенных навыков в реальную трудовую деятельность. Его конечным результатом является не само проведение наставнических встреч, а устойчивое повышение способности старшего работника самостоятельно и эффективно выполнять профессиональные задачи в изменившейся технологической среде.

Обратное наставничество не следует интерпретировать как одностороннее обучение «цифрово слабого» работника. Его сущность состоит во взаимном обмене ресурсами человеческого капитала: молодой наставник передаёт актуальные цифровые практики, а старший работник - отраслевые знания, профессиональные способы решения сложных задач и понимание организационного контекста. Такая конструкция снижает риск стигматизации старших работников и превращает межпоколенческие различия в ресурс развития организации.

Результаты экспертного опроса. Результаты экспертного опроса показывают, что 84,8% экспертов связывают цифровой разрыв поколений с неодинаковой способностью работников самостоятельно осваивать новые цифровые инструменты, а 78,3% - с различиями в интенсивности их применения в повседневной работе. При этом 80,4% респондентов считают обратное наставничество целесообразным механизмом развития цифровых компетенций работников старших возрастных групп.

Наиболее востребованными направлениями передачи знаний названы освоение корпоративных информационных систем и специализированного программного обеспечения - 76,1%, применение инструментов искусственного интеллекта и анализа данных - 71,7%, обеспечение цифровой безопасности - 67,4%, использование современных средств деловой коммуникации - 63,0%. Следовательно, содержание обратного наставничества не должно ограничиваться обучением базовым операциям. Оно должно быть связано с конкретными трудовыми функциями и технологиями, влияющими на качество и производительность труда.

К основным барьерам эксперты отнесли статусную асимметрию между молодым наставником и старшим наставляемым - 73,9%, опасение старшего работника продемонстрировать недостаточную компетентность - 69,6%, дефицит рабочего времени - 65,2%, отсутствие у молодых работников навыков объяснения и предоставления обратной связи - 58,7%. Это означает, что простого объединения работников в наставнические пары недостаточно. Без подготовки участников программа может воспроизводить возрастные стереотипы и вызывать сопротивление вместо развития компетенций.

Ключевыми условиями эффективности признаны добровольность участия - 82,6%, конкретность целей и измеримость результатов - 78,3%, предварительная подготовка молодых наставников - 73,9%, поддержка непосредственного руководителя - 71,7% и конфиденциальность взаимодействия - 60,9%. По мнению 76,1% экспертов, основным результатом обратного наставничества должно стать сокращение цифровых компетентностных дефицитов. Ещё 69,6% ожидают роста уверенности старших работников при использовании технологий, 65,2% - укрепления межпоколенческого доверия, 60,9% - ускорения внедрения цифровых решений.

Таким образом, обратное наставничество может рассматриваться как гибкий внутриорганизационный механизм преодоления цифрового разрыва поколений. Его преимущества состоят в практической направленности, персонализации обучения, освоении технологий без длительного отрыва от работы и одновременном укреплении межпоколенческих связей. Вместе с тем положительный эффект возникает только при институциональном оформлении программы, диагностике потребностей, подготовке наставников и оценке изменений в реальной трудовой деятельности. Модельный экспертный опрос подтверждает логическую обоснованность предложенного инструментария, однако для доказательства устойчивости выводов необходимы фактический сбор данных и сопоставление цифровых компетенций участников до и после реализации программы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Skills for the digital age - Statistics Explained / Eurostat. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Skills_for_the_digital_age (дата обращения: 30.06.2026 г.).

2. Ананченкова П.И. Активное долголетие и геронтологический эйджизм в условиях демографического старения населения. – М.: Академия труда и социальных отношений, 2025.

УДК 316.0:167/168

ПОСЛЕДНИЕ ТРЕНДЫ В ПРЕДВЫБОРНОЙ СОЦИОЛОГИИ: КРИЗИС 2016 ГОДА И ИТОГИ ДЕСЯТИ ЛЕТ МЕТОДИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Анкудинов И. А.
методолог РОМИР,
преподаватель ФСН, аспирант АШПН, НИУ ВШЭ
г. Москва, Россия

Президентские выборы в США и референдум о выходе Великобритании из Европейского союза показали, что неудача предвыборных прогнозов не может объясняться исключительно ошибками выборки или «партийной предвзятостью» отдельных поллстеров. Самым серьезным вызовом для электоральных социологов оказалась труднопрогнозируемая явка. В условиях почти равного баланса сил даже небольшая ошибка в оценке избирательной активности способна радикально изменить результаты опроса, особенно если в выборке оказалось много «избирателей последнего момента» и респондентов, завышающих свою готовность голосовать [1; 2].

Во второй половине 2010-х гг. многие социологические службы взяли курс на повышение политической репрезентативности своих выборок. Расширилось применение многорежимных опросов, рекрутинг и ротация панелей стали строже, особым расположением социологов стала пользоваться техника RBS – Registration-Based Sampling, отбора из реестров избирателей. Одновременно изменились подходы к взвешиванию: отрасль стала отходить от простых постстратификационных весов и все чаще переходить к рейкингу, обобщенному регрессионному моделированию и propensity-score-взвешиванию. Некоторые представители индустрии стали экспериментировать с весами на политические признаки (опыт голосования, партийность респондента), но это помогло лишь отчасти: эффект таких поправок редко выходил за пределы одного процентного пункта [3].

Наиболее перспективным направлением оказались методы Small Area Estimation, прежде всего многоуровневая регрессия с постстратификацией (MRP). Эта модель объединяет иерархическую регрессию и «ячеечное» взвешивание, позволяя тем регионам и группам, представителям которых сложно попасть в выборку, быть допредставленными за счет похожих на них респондентов и общевыборочных средних. Однако MRP не снимает вопроса о качестве исходных данных и не заменяет задачу отделения избирателей от неизбирателей. Для решения этой задачи рекомендуется строить вероятностные модели, отказываясь от непрозрачных пороговых правил и привлекая внешнюю информацию из регистров и микропереписей. Главный вывод прошедшего десятилетия состоит в том, что улучшение прогнозов достигается не одной универсальной «исправляющей» техникой, а сочетанием случайного отбора, аккуратного взвешивания и публично описанных модельных решений [4; 5; 6].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kennedy C. et al. An evaluation of the 2016 election polls in the United States // Public Opinion Quarterly. – 2018. – Vol. 82. – № 1. – P. 1–33.

2. Prosser C., Mellon J. The twilight of the polls? A review of trends in polling accuracy and the causes of polling misses // Government and Opposition. – 2018. – Vol. 53. – № 4. – P. 757–790.

3. Pennay D. et al. How weighting by past vote can improve estimates of voting intentions // Survey Practice. – 2023. – Vol. 16. – № 1. – P. 1–14.

4. Gelman A., Little T. C. Poststratification into many categories using hierarchical logistic regression // Survey Methodology. – 1997. – Vol. 23. – № 2. – P. 127–135.

5. Kiewiet de Jonge C. P., Langer G., Sinozich S. Predicting state presidential election results using national tracking polls and multilevel regression with poststratification (MRP) // Public Opinion Quarterly. – 2018. – Vol. 82. – № 3. – P. 419–446.

6. Rentsch A., Schaffner B. F., Gross J. H. The elusive likely voter: improving electoral predictions with more informed vote-propensity models // Public Opinion Quarterly. – 2019. – Vol. 83. – № 4. – P. 782–804.

УДК 316.74:[378.4+004.8]

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПАРТНЁРСТВО И ТРАНСФОРМАЦИЯ?

Антанович Н. А.
Заведующий кафедрой политологии БГУ
доктор политических наук, профессор
г. Минск, Беларусь

Проблематика новейших технологических изменений, цифровизации и цифровой трансформации стала предметом специальных исследований лишь в нескольких диссертационных работах белорусских ученых. Это диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: А. И. Верещако «Динамика исследовательских программ в классической и постклассической философии техники», 2022; А. Ю. Косенков «Цифровая реальность как объект философской рефлексии», 2024; В. О. Сташис «Цифровая культура как фактор современной социальной динамики: философско-методологический анализ», 2025; а также кандидатская диссертация по социологическим наукам: С. Н. Воронина «Медиаграмотность пожилых людей в Республике Беларусь: социологический аспект», 2025. Отметим докторскую диссертацию по политическим наукам Е. М. Ильиной «Политика в сфере цифровой трансформации: теория и методы», 2025. Отдельное внимание проблемам внедрения и использования искусственного интеллекта (ИИ) в учебном процессе уделено белорусскими социологами Л. В. Филинской, И. В. Левицкой, А. А. Мисун. Широкое освещение проблематика использования ИИ в образовании нашла в публикациях представителей педагогической отрасли науки.

Белорусские исследователи, работающие в отрасли философского знания, обозначили ряд вопросов, релевантных проблематике внедрения ИИ в учебный процесс. А. И. Верещако пишет о функциональной автономности техники и «делегировании ей программ действий», о наделении «равноценным статусом совокупности акторов (людей и технических объектов) в человеко-технических сетях» [1, с. 6]. А. Ю. Косенковым проблематизировано формирование цифровой реальности как «нового структурного уровня универсума» [2, с. 4]. Выявлены признаки цифровой культуры: «высокая скорость взаимодействия субъектов; связь живых и неживых объектов средствами Глобальной сети; перманентная зависимость общественно-экономической жизни от информационных технологий» (В. О. Сташис) [3, с. 18]. Е. М. Ильиной внесен вклад в разработку цифровой теории политики, служащей для «расширения социально-гуманитарного знания в условиях междисциплинарного синтеза вычислительных социальных наук, цифровой гуманитаристики» [4, с. 35]. Однако предметное изучение влияния ИИ на социум и на систему образования остается актуальнейшей задачей политологов и социологов Республики Беларусь.

Как известно, своего рода «рубиконом» широкого распространения ИИ стал выпуск в 2022 г. ChatGPT (компания OpenAI) и китайской DeepSeek в 2025 г. Далее пошел процесс «пролиферации» влияния ИИ и конкуренции ведущих государств мира за доминирование и лидерство в этой сфере. Значимость использования ИИ в образовании признана на уровне ЮНЕСКО и является предметом пристального внимания в ряде стран мира. ЮНЕСКО «призывает к человекоцентричному подходу к ИИ», связывает использование ИИ с реализацией Цели устойчивого развития № 4 и указывает на необходимость решения проблем неравенства в доступе к знаниям, акцентирует угрозу усугубления технологического разрыва как внутри стран, так и между ними. ЮНЕСКО разработан документ «Искусственный интеллект и образование: рекомендации для политиков» [5].

Сегодня без всяких преувеличений можно сказать, что каждый преподаватель задумывается над тем, как менять формы и методы работы со студентами в условиях широкомасштабного доступа к ИИ. Белорусские социологи Л. В. Филинская, И. В. Левицкая, А. А. Мисун (2024) по результатам эмпирического исследования констатировали, что «практически все студенты используют возможности ИИ (на это указали 94,3% опрошенных), при этом 5,7% респондентов обращаются к платным версиям нейросетей» [6, с. 74]. Формируется модель получения «знания по запросу», противостоящая классическим формулам образовательного процесса.

Система образования сталкивается с нарастающим объемом информации, появлением информационных источников разного качества и достоверности. Определенный ответ на постоянное увеличение объема информации дает компетентностная модель обучения, направленная на формирование профессиональных, а также общекультурных, коммуникативных и исследовательских компетенций выпускников. Однако широкое распространение технологий ИИ «бросает вызов» и этой модели обучения, ведь указанные технологии уже вышли за рамки автоматизации рутинных операций, таких как поиск источников и первичный обзор литературы по проблеме; подготовка обзоров монографий и статей; перевод иностранных источников; редактирование текстов; оформление списков литературы. На практике студенты существенно расширяют набор задач, которые могут быть выполнены с применением ИИ. В этой связи резко актуализированы этические проблемы применения ИИ в образовании: нарушение стандартов учебной и академической честности, размывание авторского права и рост плагиата; снижение навыков критического мышления, самостоятельного анализа информации; неспособность отличить достоверную информацию от недостоверной; формирование зависимости от интернета и ИИ; сложности «живой» коммуникации; проблема «снижения ценности» классического образования. Ключевой проблемой прикладной этики в использовании ИИ выступает соответствие технологии ИИ человеческим ценностям. Широко артикулированы угрозы нарушения конфиденциальности и незащищенности персональных данных при использовании ИИ, а также идеологической предвзятости моделей ИИ.

ИИ имеет потенциал для трансформации образования. Однако успешная реализация формата «партнёрство и трансформация» при внедрении ИИ в образовательный процесс возможна при выполнении ряда условий: разработка нормативной базы и инструкций / регламентов применения ИИ в учебном процессе (к примеру, Рекомендации учебно-методической комиссии юридического факультета БГУ об использовании технологий искусственного интеллекта обучающимися разработаны 09.01.2025); систематическая работа по повышению цифровой грамотности преподавателей; формулирование эвристических заданий для студентов с учётом их выполнения с применением ИИ и соответствующими ссылками, перечнем промптов; обратная связь между администрацией университетов и преподавателями, между преподавателями и студентами по вопросам применения ИИ; доступность технологий ИИ, признанных соответствующими образовательному процессу.

Но мы далеки от декларации быстрой реализации формата «партнёрство и трансформация» при внедрении ИИ в образовательный процесс. Важнейшее значение имеет необходимость трансформации компетенций самих сотрудников системы образования, освоение навыков владения технологиями ИИ и data-driven подходов. Следует рационально оценивать проблему нехватки вычислительных ресурсов; сложности разработки комплексной образовательной системы с использованием ИИ, когда «каждый элемент образовательной цифровой экосистемы обеспечивается целым набором технологий ИИ, необходимо обеспечение согласованности всех элементов системы»; «технологии ИИ не должны усиливать разрыв между регионами с разным уровнем доходов и образования» [7, с. 94-95].

Тезисы подготовлены в рамках НИР ГПНИ «Разработка междисциплинарного подхода для подготовки специалистов-политологов в Республике Беларусь», № ГР 20261759 от 22.06.2026.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Верещако, А. И. Динамика исследовательских программ в классической и постклассической философии техники : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.08 / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2022. – 28 с.

2. Косенков, А. Ю. Цифровая реальность как объект философской рефлексии : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.08 / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2024. – 24 с.

3. Сташис, В. О. Цифровая культура как фактор современной социальной динамики: философско-методологический анализ : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2025. – 30 с.

4. Ильина, Е. М. Политика в сфере цифровой трансформации: теория и методы : автореф. дис. … док. полит. наук : 23.00.11 / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2025. – 50 с.

5. Artificial intelligence in education // UNESCO. URL: https://www.unesco.org/en/digital-education/artificial-intelligence (дата доступа: 30.06.2026).

6. Филинская, Л. В. Искусственный интеллект и образование: проблемы, риски, перспективы / Л. В. Филинская, И. В. Левицкая, А. А. Мисун // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2024. – № 3. – С. 71–77.

7. Внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс: управленческие вызовы / Т. А. Орешкина, А. Ю. Долганов, Е. А. Маяцкая, О. Ю. Артюгин // Университетское управление: практика и анализ. – 2025. – № 1. – С. 92-105. DOI: 10.15826/umpa.2025.01.007.

УДК 111.1

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Арутюнян К. С.
доцент кафедры истории, философии и права
кандидат философских наук, доцент
г. Рязань, Россия

Введение. Технологизация общественных отношений, основанная на цифровизации и искусственном интеллекте, является необходимым условием организации и эффективности общественной жизни. В данной статье рассмотрим влияние цифровых технологий на социальное управление, т. к. социальные процессы общественной жизни находятся под влиянием цифровых процессов и требуют технологических преобразований.

В этой ситуации можно отметить достаточное количество работ, которые занимаются исследованием влияния цифровых технологий на политический процесс, государственное управление. При этом цифровизация затрагивает органы публичного управления для воздействия на все сферы общественной жизни.

Стоит отметить, что в современном мире человечество сталкивается с разными видами информации: идеологическими, профессиональными, бытовыми и др. При этом современная жизнь постоянно меняется и формирует вопросы, которые требуют научного обоснования.

В настоящее время формируется проблема закрепления на законодательном уровне прав человека в условиях цифровизации, который является прогностическим фактором по развитию правовой и политической системы. Цифровые технологии предполагают конкретизировать права и свободы человека в отношении цифровой реальности, изменять сущность права и влиять на его эффективность. Следует говорить о новом виде права, регулирующее отношение между индивидами с помощью технологий цифровизации – это технологии искусственного интеллекта (обработка языка, распознавание речи, принятия решений и т.д.).

Для внедрения технологий искусственного интеллекта в разные сферы общественной жизни, необходимы квалифицированные кадры, образовательные модули на всех уровнях

образования, повышение квалификации, профессиональная переподготовка для получения необходимых знаний.

Таким образом, необходимой тенденцией развития общества являются процессы цифровизации общественных отношений. Это один из способов организации власти, который основывается на информационных технологиях. В итоге можно говорить о результативности и целенаправленности развития всех сфер общественной жизни. Главной технологией цифровизации выступает искусственный интеллект. Применение искусственного интеллекта социальной сфере позволит улучшить условия и качество жизни.

На сегодняшний момент модернизация систем государственного управления не может произойти без внедрения цифровых технологий, т. к. государство становится важным фактором по принятию эффективных управленческих решений. В рамках проведенного исследования, автор анализирует потенциал технологий цифровизации – искусственного интеллекта по развитию деятельности государственных органов управления.

Результаты исследования. Основными цифровыми инструментами государственного управления являются следующие:

1. Внедрение цифровых платформ или ресурсов для знакомства с органами государственной власти.

2. Использование специальных платформ по реализации социальных программ, направленных на выполнение мониторинга государственных обязательств.

Возможности цифровизации управления предполагают открытость, прозрачность, подотчетность предоставляемых услуг. Внедрение цифровых ресурсов позволяет обеспечить доступность граждан к получению информации, что дает возможность усилить роль общественности и контроль за информационной политикой. Стоит отметить, что не только цифровые технологии смогут повысить уровень управления, но и комплексные меры – вовлечение гражданского общества, совершенствование институтов профессиональной переподготовки, нормативной базы, этические вопросы. Необходимо формировать общественное доверие к искусственному интеллекту, повышая при этом уровень цифровой грамотности населения. Таким образом, цифровизация не только изменит государственное управление в России, но определить условия более открытого и доверительного общество, где каждый гражданин сможет влиять на принятие решений.

В эпоху трансформационных процессов, происходящих в первой трети XXI в., всё больший интерес исследователей вызывает изучение роли искусственного интеллекта в управлении сознанием индивида и общества. Это особенно необходимо, когда происходит информационная война, имеющая разные проявления.

Серьезное распространение искусственного интеллекта в различных сферах общественной жизни становится угрозой для индивида, т.к. лишает его возможности развиваться, принимать решения, формироваться как личности и т. д.

Следует отметить такой вид управления как ментальное. Ментальное управление – это воздействие на сознание в разных проявлениях как позитивном, так и негативном, осуществляться как стихийно, так и целенаправленно, используя разные ресурсы для воздействия.

Важную роль в развитии ментального управления будет играть искусственный интеллект на сознательном уровне. Особенностью ментального управления является формирование ценностей, идей, потребностей российского общества. Впоследствии искусственный интеллект создает возможности реализации стратегического управления для дальнейшего образа будущего общества.

Философское исследование направлено на исследование вопроса роли и возможностей искусственного интеллекта в управлении сознанием.

В своей работе «Новое в искусственном интеллекте» В. Лекторский и Д. Дуборовский [4, с. 10] изучают вопросы о соотношении сознания человека и искусственного интеллекта. Особое внимание было уделено вопросам роли искусственного интеллекта в когнитивных науках.

В условиях информационного общества поставлена проблема о последствиях цифровых технологий, цифрового интеллекта, а именно замены людей цифровыми роботами, цифровой несправедливости, цифровой несвободе и т. д.

Для решения этой проблемы необходимо провести государственную политику, направленную на управление «свободной» информацией, которая не контролируется обществом. В этих условиях большая роль отводится искусственному интеллекту.

Следует отметить определение искусственного интеллекта. Искусственный интеллект – это способности компьютеризированной техники решать задачи, которые присущи человеку. Сущностные основы искусственного интеллекта – это технологии, которые направлены на обучение компьютеров мыслить, как человек на основе алгоритмических операций, разработанных IT специалистами.

Стоит отметить, что именно методы управления для решения управленческих задач должны дополняться информационными технологиями, новыми цифровыми подходами, менеджерами с управленческим сознанием и т.д. Стоит отметить, что система субъект-объектных отношений в управлении формирует нового субъекта – посредника между субъектом и объектом – искусственный интеллект.

В современных условиях, автоматизация производственных процессов происходит в результате внедрения информационных технологий в разные сферы общественной жизни.

Современная жизнь наполнена гаджетами (смартфон, ноутбук), которые используются людьми в повседневной жизни для выхода в сетевое пространство для получения необходимой информации. Важную роль играют сети Интернет. Возможности Интернета безграничны. Они предоставляют информацию в любой момент, необходимой доя решения поставленных задач.

Происходит взаимный процесс между усовершенствованием технологий, которые предоставляют информацию и устройствами, которые данный доступ осуществляют.

Трансформация, модернизация – это становление нового современного, высокотехнологичного направления, получившего название искусственный интеллект. [2, с. 101].

Стоит подчеркнуть, что очень трудно выделить сферу общественной жизни, в которой бы отсутствовали проявления искусственного интеллекта, направленные на решение поставленных задач.

Одним из проявлений искусственного интеллекта является управление сознанием индивида в условиях цифровой трансформации. Цифровая трансформация – это применение цифровых технологий, необходимых для оптимизации системы управления с помощью технологических процессов.

Заключение. Искусственный интеллект в управлении сознанием включает следующие направления:

1. Машинное обучение индивидов направлено на разработку заранее заданных алгоритмов, направленных на достижение поставленных целей. При этом подобные заготовленные примеры предполагают снижение роли сознания в принятии решений.

2. Глубокая форма машинного обучения – это многочисленные нейронные сети, которые самостоятельно предлагают пути решения проблем. Такая форма обучения управляет сознанием, не предоставляя возможности индивиду самостоятельно достигать поставленных целей.

3. Нейросеть – это модель нервной системы человека. В этих условиях искусственный интеллект стирает границы сознательной деятельности индивида. Индивид действует под воздействием искусственного интеллекта [1, с. 20; 3, с. 95].

Несмотря на сложности, которые возникают в результате роли искусственного интеллекта в управлении сознанием, искусственный интеллект направлен на решение фундаментальных и прикладных проблем в разных сферах общественной жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дзялошинский И. М. Искусственный интеллект: гуманитарная перспектива // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2022. – № 6. – С. 20–29.

2. Дубровский Д. И. Развитие искусственного интеллекта и глобальный кризис земной цивилизации (к анализу социогуманитарных проблем) // Философия науки и техники. 2022. – Т. 27. № 2. – С. 100–107.

3. Искусственный интеллект для науки и наука для искусственного интеллекта / К. В. Анохин, К. С. Новоселов, С. К. Смирнов, А. Р. Ефимов, Ф. М. Матвеев // Вопросы философии. – 2022. – № 3. – С. 93–105.

4. Лекторский В. А. Искусственный интеллект в изучении человека, человек в мире, создаваемом искусственным интеллектом // Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. – С. 10–18.

УДК 338.48

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЭКОЛОГИЗАЦИИТУРИСТСКОГО БИЗНЕСА В РЕГИОНЕ: КЕЙС КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Атамась Е. В.
доцент кафедры государственной политики и публичного управления КубГУ
кандидат экономических наук, доцент
г. Краснодар, Россия

Обраскова Т. С.
старший преподаватель кафедры государственной политики и публичного управления КубГУ
г. Краснодар, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ и КНФ в рамках конкурса 2024 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), 24-18-20049 «Региональная система экономики замкнутого цикла: институциональные модели и технологии развития (на примере Краснодарского края)».

В контексте устойчивого территориального развития для регионов с выраженной рекреационной специализацией экологизация туристского сектора приобретает стратегическое значение [1]. Современный научный дискурс осмысляет эту проблему сквозь призму парадигмы устойчивого развития и экономики замкнутого цикла, где фундаментальными задачами выступают сокращение углеродного следа и ресурсоемкости туристских услуг [2], предотвращение образования отходов и сбережение рекреационного потенциала территорий [3].

Функционирование туристской отрасли сопряжено с базовым противоречием: выступая драйвером деловой активности и генератором региональных доходов, туризм неизбежно усиливает антропогенную нагрузку на локальные экосистемы и инфраструктуру. Эффективное разрешение этого конфликта обеспечивается не просто наличием технологических инноваций, а внедрением стандартов, правил и корпоративных природоохранных инициатив. В этой связи критическую значимость обретают институциональные условия, способные трансформировать фрагментарные экологические инициативы в устойчивую и воспроизводимую норму хозяйственной деятельности.

Актуальность данной проблемы особенно прослеживается в Краснодарском крае, где экосистемы подвержены высокой рекреационной нагрузке. В современных условиях остро встает задача поиска организационных моделей, способных гармонично сочетать коммерческие цели предпринимательства с требованием защиты горных пейзажей и

экологических систем Черноморского побережья. Цель исследования заключается в определении и описании институциональных моделей экологизации туристской индустрии на основе данных Краснодарского края.

В основе исследования лежит неоинституциональный подход, который дает возможность рассматривать процесс экологизации как форму адаптации туристических предприятий к внешнему институциональному воздействию, включающему принудительные, нормативные и когнитивные факторы [4]. Нами рассматриваются экологические практики как комплексные системы хозяйствования. Выявленные в ходе исследования модели демонстрируют специфические реакции туристической отрасли на внешние факторы, при этом они не сводятся к простому отражению какого-либо одного вида давления.

Эмпирический дизайн исследования базируется на методологии сравнительного кейс-стади. Источниковую базу составили официальная статистика, нормативно-правовая документация, нефинансовая отчетность и открытые данные региональных предприятий отрасли. Решающим инструментом для вскрытия реальной управленческой логики и барьеров экологизации стали материалы 15 полуформализованных экспертных интервью. Процедура анализа включала формирование массива применяемых природоохранных решений, их последующую систематизацию по типу инициатора и уровню операционной интеграции, а также углубленное изучение показательных кейсов.

Результатом синтеза эмпирических данных стала типологизация институциональных режимов экологического управления, отраженная на рисунке.

Рисунок. Институциональные модели экологизации туристского бизнеса в регионе (составлено автором на основе результатов исследования)

Анализ показал, что региональный рынок реагирует на императивы устойчивости через формирование трех специфических конфигураций: проактивной интеграции, сетевой диффузии и частичной адаптации.

Для модели проактивной интеграции характерно системное включение экологических принципов в контур корпоративного управления. Хотя эта модель часто встречается у

крупных курортных операторов, определяющим фактором здесь выступает не масштаб бизнеса, а наличие формализованных механизмов: внутреннего мониторинга ресурсопотребления, дифференциации процессов управления отходами, прохождения экологической сертификации и ведения публичной отчетности. В данном режиме экологичность становится неотъемлемым стандартом операционной деятельности.

Модель сетевой диффузии предполагает использование циркулярных практик посредством корпоративных программ и партнерских взаимодействий. Этот подход позволяет компаниям решать вопросы ограниченности ресурсов, и участвовать в апробированных инициативах. Ярким примером выступает привлечение туристского бизнеса (отелей) в программах, направленных на применении косметических средств в таре из вторсырья.

Модель частичной адаптации проявляется в точечном использовании экологичных практик, таких как сокращение использования одноразовых изделий или создание акцента на природной среде туристического направления. Эта модель характерна для сегментов глэмпингов и эко-отелей, где стремление к «озеленению» зачастую продиктовано маркетинговыми целями позиционирования бренда. Однако даже выборочное внедрение природоохранных мер положительно сказывается на общей экологической ситуации в индустрии.

Таким образом, экологическая трансформация в сфере туризма выступает многогранным процессом институциональной селекции, где предприятия формируют стратегии адаптации, различающиеся по уровню глубины и долговечности. Будущее внедрения принципов циркулярной экономики в рекреационных зонах обусловлено способностью организационного сообщества узаконить повторяющиеся нормы ответственного поведения. Для этого необходимо создать дифференцированный инструментарий государственного регулирования, направленный на поддержку каждой из выделенных моделей, что открывает новые перспективы для последующих научных изысканий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Circular Tourism in Santorini: A Triple Layered Business Model Canvas Analysis / Acar O., Poroy Arsoy A., Yücel E., Lamprou S. // Sustainability. – 2026. – Vol. 18, № 13. – P. 6601. – URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/18/13/6601 (date of access: 20.07.2026).

2. Tourism circular economy: Identification and measurement of tourism industry ecologization/ Anxin Xu, Chao Wang, Decong Tang, Weijiao Ye. // Ecological Indicators. – 2022. – Vol. 144. – P. 109476. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1470160X22009499?via%3Dihub (date of access: 20.07.2026).

3. Vargas-Sánchez, A. The new face of the tourism industry under a circular economy/ A. Vargas-Sánchez//Journal of Tourism Futures. – 2021. – Vol. 7, № 2. – P. 203–208. – URL: https://www.emerald.com/jtf/article/7/2/203/254023/The-new-face-of-the-tourism-industry-under-a (date of access: 20.07.2026).

4. DiMaggio PJ, Powell W. The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organisational fields / DiMaggio PJ, Powell WW //Am Sociol Rev. – 1983. – Vol. 48, № 2. – P.147–160. – URL: https://www.researchgate.net/publication/246481910_The_Iron_Cage_Revisited_Institutional_Isomorphism_and_Collective_Rationality_in_Organizational_Fields (date of access: 20.07.2026).

УДК 37.014.5

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ашурзода Л. М.
доцент кафедры «Экономика труда и стратегический менеджмент»
Ташкентского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова, PhD
г. Ташкент, Узбекистан

В современных условиях развитие регионов определяется не только наличием ресурсов, но и качеством человеческого капитала. Образование выступает ключевым фактором, формирующим интеллектуальный потенциал общества и обеспечивающим подготовку специалистов для инновационной экономики. На фоне цифровой трансформации возрастает значение образовательной системы, которая должна адаптироваться к новым вызовам и обеспечивать формирование компетенций, соответствующих требованиям современного рынка труда.

Нормативно-правовую основу современной образовательной политики Республики Узбекистан формируют принятые в 2024–2026 гг. указы и постановления Президента, направленные на системную модернизацию отрасли. В их рамках осуществляется оптимизация структуры профессионального образования с формированием сети техникумов, внедрение международных программ и цифровых технологий, а также усиление связи образования с рынком труда. Одновременно вводятся механизмы обеспечения качества, включая внешнюю оценку и аккредитацию образовательных организаций, а также реализуются проекты по развитию школьной инфраструктуры, инклюзивного и STEM-образования.

Основным вектором реформ является внедрение практико-ориентированного дуального обучения [1] на всех уровнях образования с учетом потребностей регионов, а также углубление интеграции высшего образования и науки на базе современных исследовательских университетов [2]. В целом проводимые преобразования направлены на формирование конкурентоспособной и устойчивой образовательной системы, учитывающей потребности экономики и глобальные образовательные тенденции.

Развитие общего среднего образования Республики Узбекистан как фундамента национальной образовательной системы, на котором формируются основы человеческого капитала, характеризуется устойчивой положительной динамикой, обусловленной демографическими факторами и реализацией государственной образовательной политики. Только в 2025-2026 учебном году количество государственных и негосударственных общеобразовательных учреждений достигло соответственно 11 118 (+1,6%) и 551 (+21,2%). Численность обучающихся в системе общего среднего образования составила 6 870,5 тыс. человек (+1,4%) по сравнению с предыдущим учебным годом [3].

Наряду с положительными изменениями сохраняется ряд таких проблем как региональная неравномерность развития образовательной инфраструктуры, рост нагрузки на образовательные учреждения, необходимость повышения качества образовательных услуг, а также дисбаланс в структуре педагогических кадров. Дальнейшее совершенствование системы должно быть направлено на повышение качества образования, сбалансированное региональное развитие и адаптацию образовательной среды к требованиям инновационной экономики.

Система среднего специального и профессионального образования Республики Узбекистан представляет собой важное звено подготовки квалифицированных кадров и обеспечения перехода от общего среднего образования к профессиональной деятельности. Ключевой особенностью современного этапа развития является структурная трансформация в данной сфере. В соответствии с Указом Президента Республики Узбекистан от 16 октября 2024 года № УП-158 на базе профессиональных школ и колледжей сформированы техникумы.

На начало 2025/2026 учебного года их число достигло 712 единиц, увеличившись в 2,6 раза по сравнению с предыдущим годом. Общая численность обучающихся в системе среднего специального и профессионального образования составила 500,3 тыс. человек (+16,8%). Численность учащихся в техникумах – 463,3 тыс. человек, что более предыдущего учебного года в 3,6 раза. Численность педагогических работников составила 30090 человек (+12,6%). При этом в академических лицеях – 3 676 педагогов (+4,6%), в техникумах – 26414 педагогов, рост в 4 раза [4].

Развитие системы среднего и специального профессионального образования в Республике Узбекистан носит выраженный региональный характер. Лидерами по числу техникумов являются Кашкадарьинская, Самаркандская и Андижанская области, по числу учащихся – Ферганская, Самаркандская и Кашкадарьинская области. Минимальные показатели зафиксированы в Сырдарьинской и Навоийской областях, что указывает на влияние демографических и экономических факторов.

Проведённый анализ позволяет выделить ряд устойчивых системных тенденций развития среднего специального и профессионального образования Республики Узбекистан. Так, структурная трансформация проявляется в сокращении колледжей и лицеев, и росте числа техникумов, квот приема и численности общего контингента обучающихся. Кроме того, фиксируется рост численности педагогических работников, что связано с необходимостью обеспечения увеличивающегося контингента обучающихся и повышения качества образовательного процесса. При этом сохраняется территориальная дифференциация, проявляющаяся в неравномерном распределении образовательных учреждений, обучающихся и педагогических кадров между регионами страны. Такие различия обусловлены демографическими, экономическими и инфраструктурными факторами и требуют учета при формировании государственной образовательной политики.

В дальнейшем совершенствование системы должно быть ориентировано на повышение качества подготовки специалистов, усиление практико-ориентированной направленности обучения, а также на сокращение региональных диспропорций в доступе к образовательным ресурсам. Реализация данных направлений является необходимым условием обеспечения устойчивого социально-экономического развития и формирования конкурентоспособного человеческого капитала.

Система высшего образования Республики Узбекистан представляет собой важнейший уровень непрерывного образования, обеспечивающий подготовку высококвалифицированных кадров для различных сфер экономики и социальной деятельности. В современных условиях она характеризуется одновременно процессами количественного роста и структурной трансформации. В 2025/2026 учебном году в стране функционировало 215 высших образовательных организаций, из которых 97 относятся к негосударственному сектору [5]. Общая численность студентов достигла 1535,0 тыс. студентов (+7,1%). Обучающихся в бакалавриате – 1478,7 тыс. человек, в магистратуре – 56,3 тыс. человек (+41,5%).

Таким образом, современный этап развития образовательной системы требует ее модернизации, ориентации на потребности рынка труда и внедрения инновационных подходов к обучению. Только при условии повышения качества образования возможно формирование конкурентоспособной экономики и устойчивое развитие региона. Вместе с тем региональные диспропорции, необходимость повышения качества подготовки и адаптации к требованиям экономики, свидетельствуют о незавершенности структурных преобразований. Применение экосистемного подхода позволяет усилить связь образования с инновационной и экономической средой, повысить адаптивность образовательных программ к изменениям рынка труда, обеспечить синергию между уровнями образования и различными институциональными субъектами [6, с. 237-239].

Таким образом, дальнейшее развитие системы образования Республики Узбекистан должно быть ориентировано не только на количественные изменения, но и на формирование устойчивой образовательной экосистемы, способной обеспечить инновационное развитие региона и повышение его конкурентоспособности в условиях цифровой трансформации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Республики Узбекистан, от 26.11.2025 г. № УП-232 «О мерах по дальнейшему реформированию юридического образования и науки в Республике Узбекистан». – URL: https://lex.uz/ru/docs/7864119.

2. Указ Президента Республики Узбекистан, от 10.04.2026 г. № УП-58 «О дополнительных мерах по совершенствованию системы высшего образования, науки и инноваций» – URL: https://lex.uz/uz/docs/8129848.

3. Общее среднее образование в Республике Узбекистан на начало 2025-2026 учебного года. Пресс релиз Национального комитета Республики Узбекистан по статистике. – URL: http://m.xabar.uz/ru/talim/ozbekistonda-maktab-oquvchilari-soni-677-milli.

4. Среднее специальное и профессиональное образование в Республике Узбекистан на начало 2025-2026 учебного года. Пресс релиз Национального комитета Республики Узбекистан по статистике. – URL: https://stat.uz/img/press-relizlar/professionalnoe-obrazovanie_p23711.pdf.

5. Высшее образование в Республике Узбекистан на начало 2025-2026 учебного года. Пресс релиз Национального комитета Республики Узбекистан по статистике. – URL: https://stat.uz/img/news/vysshee-obrazovanie_p30807.pdf.

6. Зокирова, Н. К. Формирование условий реализации экосистемного подхода в сфере образования / Н. К. Зокирова, М. Я. Ходжаева // Устойчивость экосистем в условиях цифровой нестабильности : сборник трудов III Международной научно-практической конференции, Симферополь, 23 мая 2024 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, 2024. – С. 237-239.

УДК 316.001:001.89

HOW IS SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE CHANGING? RESEARCH AGENDAS IN KAZAKHSTAN AND BELARUS

Bakytzhanova A. A.
Project manager, Public Opinion Research Center
candidate in PhD
Almaty, Kazakhstan

Alimbekova G. T.
Director, Public Opinion Research Center
Candidate of Sociology
Almaty, Kazakhstan

Introduction. Academic journals are one of the key indicators of the development of sociological science, reflecting current research priorities, methodological approaches, and areas of scientific inquiry. Through analysis of publication activity, one can determine which social issues are becoming the subject of scholarly reflection, which methods are most widely used, and how national research agendas are shaped.

In today's context, the development of sociology is determined not only by the discipline's internal logic but also by the influence of digitalization, societal transformations, government science policy, and the internationalization of science. These factors contribute to the emergence of new research areas and changes in the thematic structure of scientific publications, making the analysis of academic journals an important tool for assessing the current state and prospects for the development of sociological knowledge.

Methods. The study is based on a comparative qualitative content analysis of publications from two peer-reviewed academic journals: Gumilyov Journal of Sociology (Kazakhstan) and Journal of the Belarusian State University. Sociology (Belarus) [1; 2]. The empirical base consisted of articles published in the third issues of the journals for 2025. The units of analysis included the research topics, research objects, methods used, theoretical approaches, and main areas of scientific research.

Results. A comparative analysis of publications in the third 2025 issues revealed differences in the research agendas of the two journals. The Journal of the Belarusian State University: Sociology is characterized by a predominance of theoretical and conceptual publications devoted to the civilizational, value, demographic, and cultural aspects of social development, while the Gumilyov Journal of Sociology focuses primarily on empirical research of contemporary social processes, including digitalization, media, migration, social policy, youth, and vulnerable groups. The Belarusian journal demonstrates a predominantly conceptual and prognostic focus, while the Kazakhstani journal's research agenda is problem-oriented and applied. At the same time, both journals reflect a general trend in contemporary sociology: expanding the discipline's research boundaries by addressing digitalization, value changes, social identity, demography, conflict, and new forms of social interaction. A comparative analysis is presented in Table 1.

Table 1. Comparative characteristics of research agendas of journals in Kazakhstan and Belarus based on materials from issue 3 of 2025

Comparison criterion	**Journal of the Belarusian State University. Sociology, No. 3 (2025)**	**Gumilyov Journal of Sociology, Vol. 152 No. 3 (2025)**
General focus of the issue	Conceptual and analytical understanding of global, civilizational, demographic and cultural processes	Applied and empirically oriented analysis of current social problems of Kazakhstan and modern society
The prevailing level of analysis	Theoretical and general social level	Meso- and microsocial levels with access to institutional and national processes
Main thematic areas	Global threats, the future of humanity, civilizational identity, the transformation of war, demographic attitudes, culture, museum communication	Digitalization, media, nation-building, social conflicts, migration, disability, youth, sports, the state and NGOs
Type of research logic	Prognostic, philosophical and sociological, debatable	Problem-oriented, empirical, socially applied
Representation of empirical research	Empirical research is present, but combined with reflections, interviews and memorial materials	Most publications are focused on the analysis of specific social phenomena, groups and institutions.
Methodological emphasis	Theoretical understanding, expert reflection, analytical and predictive approaches	Content analysis, expert assessment, social group analysis, institutional and comparative approaches
Social groups in focus	Humanity as a whole, society, family, student youth, museum audience	Students, youth, migrant women, people with disabilities, media consumers, vulnerable groups
The image of sociology in the issue	Sociology as a space for understanding the future, civilizational changes and public reflection	Sociology as a tool for diagnosing social problems, analyzing transformations and developing practice-oriented solutions
Key trend	Strengthening the prognostic and ideological functions of sociological knowledge	Strengthening the applied, empirical and problem-oriented functions of sociological knowledge

These differences demonstrate that the academic journal's research agenda reflects not only the authors' thematic preferences but also the developmental characteristics of the national sociological school. Both journals strive to understand contemporary social changes, but the methods of conceptualizing them differ. The Belarusian research tradition is more focused on the theoretical interpretation of social processes and the development of long-term conceptual models, while Kazakhstani sociology demonstrates a growing interest in the empirical study of social transformations and the development of practice-oriented solutions.

The results obtained suggest that the further development of research agendas will be associated not so much with expanding the range of topics studied, but with a rethinking of the very objects of sociological analysis. The most promising areas appear to be research on digital society, artificial intelligence and its social consequences, demographic transformations, social resilience, trust in institutions, migration processes, changing youth values, social inclusion, and inequality. These areas are likely to shape the further development of national sociological schools and strengthen their integration into the international research agenda.

Analysis. The results of the analysis allow us to conclude that the issues under review present two different, yet complementary, models for the development of sociological knowledge. The Belarusian journal demonstrates a commitment to a broad theoretical and predictive understanding of social processes, while the Kazakhstani journal reflects a move toward an empirically rich, socially sensitive, and practically oriented sociology.

Discussion. The obtained results indicate that the transformation of sociological knowledge in Kazakhstan and Belarus is proceeding along different trajectories, reflecting the specific nature of national research priorities and academic traditions. Moreover, the differences between the journals are not manifested in the opposition between fundamental and applied sociology, but in their different research optics. While publications in the Journal of the Belarusian State University: Sociology are primarily focused on conceptual understanding of global, civilizational, and value processes, the Gumilyov Journal of Sociology demonstrates a more pronounced focus on empirical analysis of contemporary social problems, digital transformation, social institutions, and vulnerable groups. At the same time, both journals reflect a general trend in the development of contemporary sociology associated with the expansion of the research agenda, increased interdisciplinarity, and a commitment to studying current societal challenges.

More broadly, the comparison shows that changes in sociological knowledge should be understood not only as a shift in subject matter, but also as a transformation of the social function of sociology itself. The journals demonstrate that contemporary sociology is increasingly moving beyond description to interpreting, diagnosing, and predicting social change. In this sense, national research programs are becoming a mirror of how societies define their most important problems, how they envision the future, and what knowledge they expect from the social sciences. Thus, the transformation of sociological knowledge in Kazakhstan and Belarus reflects a broader shift from sociology as a discipline studying society to sociology as an intellectual resource for understanding and overcoming social uncertainty.

Conclusion. A comparative analysis revealed that the research agendas of the Kazakhstan and Belarusian academic journals reflect different models for the development of contemporary sociological knowledge. The Belarusian publication agenda is characterized by a greater focus on theoretical understanding of social processes and civilizational issues, while the Kazakhstan one is characterized by an empirical study of social transformations and practice-oriented issues. Despite these differences, both journals demonstrate a common trend toward expanding the subject area of sociology, incorporating new social phenomena, and seeking adequate methodological solutions for studying contemporary social processes. A limitation of this study is that it analyzed publications from only one issue of each journal for 2025, which precludes drawing conclusions about the long-term dynamics of research agenda development.

In a broader context, the analysis shows that the research agendas of academic journals reflect not only the state of national sociology but also the nature of the societal needs it addresses. Contemporary sociology is gradually shifting from describing social phenomena to studying the

processes that shape the future of society: digital transformation, demographic change, social risks, inequality, trust in institutions, and the resilience of social systems. Under these conditions, the competitiveness of national sociological schools will be determined not by the number of publications, but by their ability to promptly identify new social challenges, offer scientifically sound explanations for ongoing changes, and shape research agendas that are relevant to both the national and international academic communities.

REFERENCES

1. Gumilyov Journal of Sociology. Vol. 152, № 3. – 2025. – URL: https://socjournal.enu.kz/index.php/main/issue/view/3 (date of access: 02.07.2026).
2. Journal of the Belarusian State University. Sociology. № 3. – 2025. – URL: https://journals.bsu.by/index.php/sociology/en/issue/view/450 (date of access: 02.07.2026).

УДК 316.346

THE PRICE OF THE FUTURE: HOW SOCIAL INEQUALITY SHAPES WOMEN'S REPRODUCTIVE DECISIONS

Bakytzhanova A. A.
Project manager, Public Opinion Research Center
candidate in PhD
Almaty, Kazakhstan

Alimbekova G. T.
Director, Public Opinion Research Center
Candidate of Sociology
Almaty, Kazakhstan

Introduction. Having a child is a long-term life decision that requires assessing not only current circumstances but also future sustainability. Therefore, reproductive decisions are inextricably linked to a person's perceptions of their own future.

Social inequality is considered a structural factor in the realization of women's reproductive intentions. Differences in income, education, employment, and resource availability primarily influence the possibility of having children, rather than the desire to become a mother [1, p. 2447-2458; 2, p. 104723; 3]. According to life course theory, economic uncertainty and the rising costs of raising children contribute to the postponement of motherhood and a decrease in reproductive intentions [4, p. 72-83; 2, p. 104723].

Financial constraints in access to contraception, family planning, and health care reduce the possibility of realizing reproductive intentions, while differences in reproductive outcomes are determined primarily by inequality of opportunity, rather than differences in the desire to have children [5, p. 543-572].

Methods. This study is based on data from the author's quantitative study conducted in Almaty among women of reproductive age (18–49 years) [6]. The empirical base consisted of the results of a standardized sociological survey of 934 respondents selected from a stratified sample. Data collection took place from January to April 2025, and data cleaning, the author between May and June 2025 performed coding, and statistical analysis.

Results

Socio-demographic profile of the study participants.

The study involved 934 women of reproductive age (18–50 years) permanently residing in Almaty. The mean age was 32.8 years (SD = 9.7), and the median age was 32 years (IQR: 24–41). The largest age groups were 25–34 years (31.8%), 35–44 years (25.8%), and 18–24 years (25.7%), ensuring representation of various stages of the reproductive life course.

The sample was highly socially heterogeneous: 65.0% of women were married, 17.5% were divorced, and 13.7% had never married; 73.9% had children, most often two (29.8%). The majority had higher education (41.5% had a bachelor's degree, 13.3% had a master's degree). Only 10.3% rated their financial situation as favorable, 50.5% reported that their income was only sufficient for daily expenses, and 34.8% experienced financial constraints. The average personal income was 282,513 tenge (USD 589), and the median was 230,000 tenge (USD 481), reflecting significant income heterogeneity. The calculation was made using the exchange rate of 1 USD = 475.48 KZT (Morningstar exchange rate, July 14, 2026).

Social inequality and women's reproductive decisions

To assess the relationship between social inequality and women's reproductive decisions, we analyzed subjective assessments of household financial situation, the impact of income on reproductive decisions, family planning, and financial constraints on access to reproductive health services.

The results demonstrate significant socioeconomic heterogeneity among respondents. More than half of the women (50.5%) reported that their income is only sufficient for everyday expenses, while 26.0% struggle to purchase durable goods, 8.8% struggle to buy clothing, and 1.0% struggle to even afford food. Only 10.3% rated their financial situation as sufficient to make major purchases. Meanwhile, 41.4% reported that their income level forces them to choose more affordable healthcare services, 23.7% noted that a stable income facilitates family planning, 14.2% base their reproductive decisions on their financial situation, and 5.4% postpone having children due to financial constraints. The results of the analysis of how financial constraints impact family planning and access to reproductive health services are shown in Table 1.

Table 1. Financial constraints in family planning and access to reproductive health services (n = 934)

The Impact of Financial Situation on Family Planning		
Indicator	**n**	**%**
Yes	231	24,7
No	526	56,3
Difficult to answer	170	18,2
Refusal to receive medical services for financial reasons		
Indicator	**n**	**%**
Yes, regularly	77	8,2
Yes, in some cases	291	31,2
No	283	30,3
I do not seek reproductive health services	146	15,6
Difficult to answer	132	14,1

Almost a quarter of women (24.7%) noted the influence of financial status on family planning, and 39.4% refused reproductive health services for financial reasons. A contingency analysis revealed statistically significant associations between financial status, reproductive decisions, family planning, and refusal of medical care (Pearson χ^2, $p < 0.001$), confirming the influence of socioeconomic status on women's reproductive decisions.

Analysis. The findings demonstrate that social inequality influences reproductive decisions through access to resources, healthcare, and perceived future economic stability. Nearly a quarter of women attribute financial status to family planning, and approximately two-fifths have declined reproductive health services for financial reasons. Statistically significant associations confirm that reproductive decisions are determined not only by income level but also by resource availability and expected life stability.

Discussion. This study demonstrated that social inequality influences women's reproductive decisions not only through income level but also through differences in opportunities to realize their

reproductive intentions. Financial constraints affect access to healthcare, family planning, and the assessment of the conditions necessary for having a child. Therefore, reproductive decisions should be viewed as a process of assessing future life stability rather than a response to current financial circumstances. The obtained results allow us to interpret social inequality as a mechanism for shaping differences in life opportunities: despite the same desire to have children, women make different reproductive decisions due to unequal access to social, economic, and institutional resources.

Conclusion. The results presented reflect only part of a broader study of women's reproductive determinants in households with varying income levels and do not claim to provide a comprehensive explanation of reproductive behavior. The findings demonstrate that reproductive decisions are not only individual choices but also the result of a person's interaction with the social structure, reflecting resource availability, the stability of their life situation, and trust in the future. Therefore, studying reproductive decisions allows us to analyze not only fertility processes but also the mechanisms that perpetuate social inequality.

The obtained results allow us to address a broader scientific question: how social structures are transformed into individual demographic decisions. Reproductive behavior in this case is not only an object of demographic analysis but also a sensitive indicator of the quality of the social environment. While decisions to have a child are increasingly determined by assessments of economic stability, access to healthcare, and the predictability of one's life trajectory, changes in fertility reflect not only the transformation of family values, but also the population's level of trust in social institutions and the future. In this regard, analyzing reproductive decisions allows us to use fertility as an indicator of a society's social development, rather than solely as a demographic process.

The presented research perspective is also relevant for the further development of sociological theory. Traditional models often view reproductive behavior as the result of individual choice or the influence of specific socioeconomic factors. However, the obtained results indicate that reproductive decisions are formed within a space of structural possibilities, where the key role is played not by the absolute amount of resources, but by their sufficiency for building a predictable future. This opens up opportunities for the development of a new research agenda focused on studying the relationship between social inequality, life uncertainty, and population reproduction in various institutional and cultural contexts.

REFERENCES

1. A. M. Gomez, S. Arteaga, and B. Freihart Structural Inequity and Pregnancy Desires in Emerging Adulthood // Archives of Sexual Behavior, Vol. 50, № 6, P. 2447–2458.

2. S. Lin, N. Luo, S. Lin, and N. Luo, Widening income inequality and the decline in fertility intentions: Micro evidence from Chinese households // International Review of Economics & Finance, Vol. 104, P. 104723–104723.

3. A. Bakytzhanova, G. T. Alimbekova, and T. Toikko Social-economic determinants of women’s reproductive health in Almaty (Kazakhstan) // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia.

4. R. Dunbar and S. Grainger, Lifehistory Trade-Offs Influence Women’s Reproductive Strategies // Adaptive human behavior and physiology, Mol. 10, № 1, P. 71–83.

5. K. Musick, P. England, S. Edgington, and N. Kangas «Education Differences in Intended and Unintended Fertility» // Social Forces, Vol. 88, № 2, P. 543–572.

6. Bakytzhanova, A. A., Alimbekova, G. T. Toikko, T. Socio-economic determinants of reproductive behavior: a comparative study of Almaty (Kazakhstan) and Kuopio (Finland) // Gumilyov Journal of Sociology, № 154 (1), P. 27–56.

УДК 394.014+355,01+327

ГОРОД – ЦЕНТР ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, КАДРОВ И РЕСУРСОВ В ЭКОНОМИКЕ, ПОЛИТИКЕ, НАУКЕ, КУЛЬТУРЕ, РЕЛИГИИ, ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

Бабосов Е. М.
главный научный сотрудник отдела социологии государственного управления
Института социологии НАН Беларуси
доктор философских наук, академик
г. Минск, Беларусь

В миропреобразовательном, социокультурном и цивилизационно-идентификационном развитии человечества важнейшая творчески-созидательная и человеко-ориентированная роль принадлежит городам, являющимся территориально-концентрированной формой поселения людей, занимающихся разнообразными способами трудовой, непроизводственной (учебно-воспитательной, здравоохранительной, оборонно-защитной) и познавательно-преобразовательной деятельностью.

Город в своей сущности как исторически сложившаяся социально-территориальная общность людей обладает полиструктурностью, концентированным типом социально-пространственной организации деятельности горожан, разнообразием трудовой и непроизводственной деятельности людей, их социальной и профессиональной неоднородностью, мощным развитием средств коммуникации, функционированием специфического городского образа жизни, органическим взаимодействием градообразующей базы и градообслуживающей сферы жизнедеятельности. Вся интегрированная в сложноструктурную целостность интенсивная жизнедеятельность города материально и визуально может быть представлена наподобие детской игрушечной вертикали, опрокинутой вниз вершиной, а основанием возвышающимся друг над другом кругами непрестанно возрастающим диаметром их поперечного сечения.

Какой бы аспект стратегически приоритетной значимости города как исторически сложившейся социально-территориальной общности людей мы не рассматривали и не интегрировали, неизменно центральным пунктом такого осмысления становятся формирование и развитие креативности человека, будь то конкретный индивид или народ данной страны. Креативность в своей глубинной сущности, способах, формах и особенностях реализации предстает как глубинное социально-психологические свойство личности и/или социальный группы, проявляющейся в способности выходить за пределы заданной ситуации в инновационной постановке, требующей решения проблемы и данность поставленной цели. Алгоритм решения развертывается как спиралевидно развивающийся процесс, архитектоника которого включает в себя несколько непременных компонентов. Они таковы: целеполагание → выбор цели → мотивация ее достижения → конструирование алгоритма движения к цели → развенчание сомнений в возможности ее достижения → преодоление сопротивления и противодействия → достижение успеха в действиях → победоносное завершение действия → повышение качества индивидов, социальных групп и общностей. Все эти акценты, взаимосвязанные в единую неразрывную синергетическую, взаимоусиливающую друг друга систему, интегрирующуюся в общий поток исторической памяти и ее конкретных народов, образуют тем самым сложно-структурированную целостность восходящих друг над другом компонентов целеполаганий и целедостижений (рис.)

На протяжении всей истории города как центры человеческой цивилизации сталкивались с кризисами. Еще из школьных учебников по истории мы знаем, что древний финикийский город-государство Карфаген был трижды разрушен римлянами и троекратно восстанавливался, что древнегреческие города-государства Спарта и Афины были главными фигурантами в Пелопонесских войнах V века до н.э., что первое разграбление и классовое убийство московских горожан, разорение православных храмов в Москве, бывшей в то время

небольшим городом в Рязанском княжестве, было осуществлено в течение четырех дней и ночей 15-20 января 1238 года, во время нашествия монголо-татарского хана Батыя на Рязань. В конце столетия, в 1293 году во время нападения на Русь ордынского полководца Тудана Москва вновь была сожжена и разграблена. В 1382 году Москва подверглась крупному разрушению и сожжению бандами золотоордынского хана Тохтомыша. Деревянные дома выгорели внутри и обгорели снаружи. Этот татаро-монгольский разбой унес жизни десятков тысяч московских жителей.

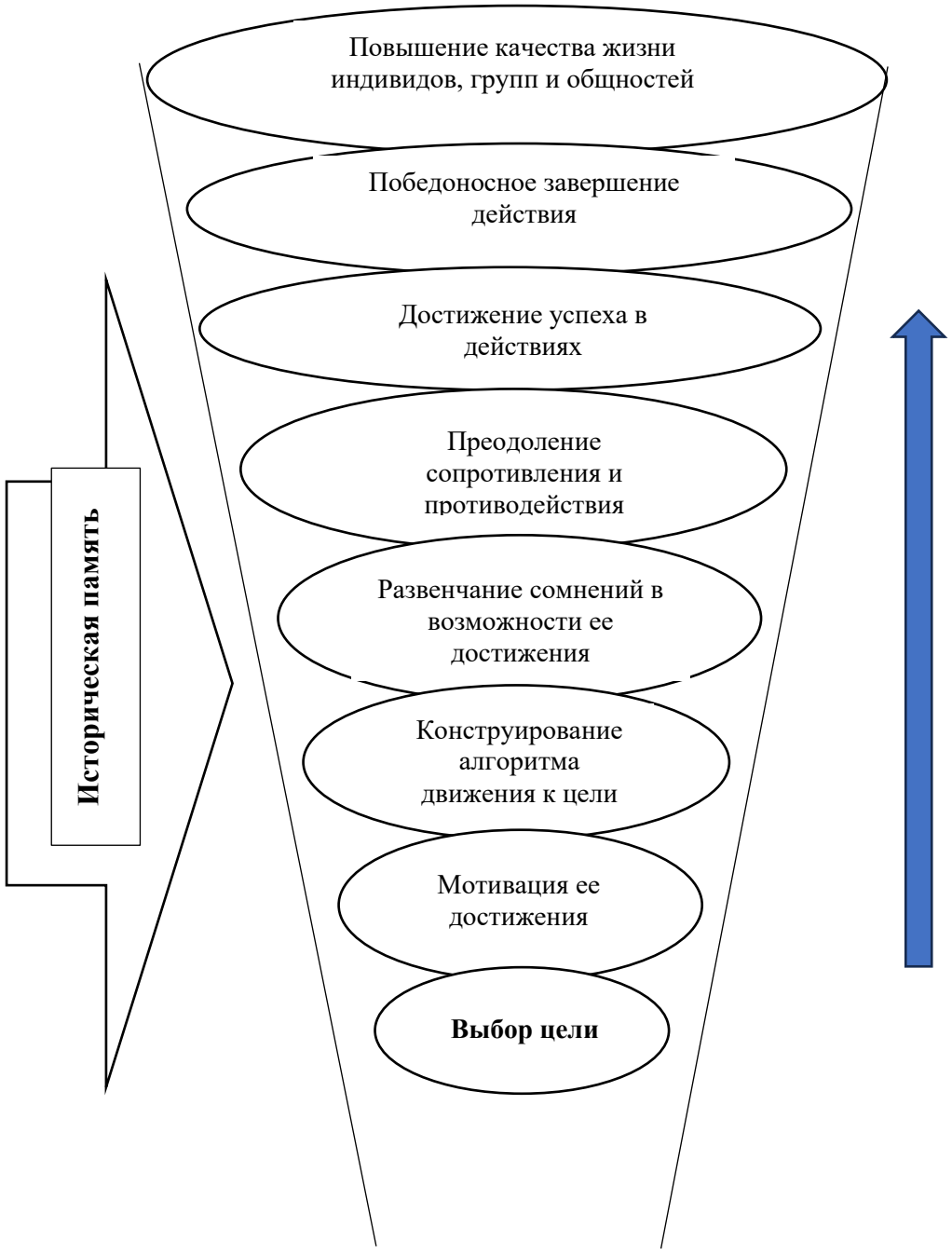

Рисунок. Синергетическая система восходящих друг над другом компонентов целеполагания и целедостижения

Один из самых страшных пожаров столетия произошел в Москве в 1571 году, когда в результате набега, возглавляемого ханом Давлет-Гиреем, был сожжен весь город за исключением Кремля. В 1611-1612 годах совершившие нашествие на Москву поляки и литовцы, подожгли город. Сгорело все, кроме Китай-города и Кремля. Москвичи огромными

толпами оставляли свои дома и покидали выжженный город. Наиболее интенсивные и крупномасштабные разрушения, грабежи и убийства в Москве произошли в 1812 году, когда этот город находился в руках французских войск Наполеона I. Отступающие из города французские оккупанты взорвали две кремлевские башни, заминировали, но не успели взорвать часть кремлевской стены и несколько административных зданий.

Важнейшую социально-культурную, цивилизационную, общественно-политическую, просветительно-воспитательную роль выполнили города-первооткрыватели, осуществившие важнейшие открытия в истории человечества. Так, порох изобрели в китайских городах в IX веке до н.э. таосские алхимики, искавшие элексир бессмертия, в период династии Тао. Бумага также изобретена в Китае в 105 г. до н.э. Цай Лунем – китайским сановником династии Хань, который представил императору Хэ-ди усовершенствованный способ её изготовления.

Письменность – знаковая фиксация речи была изобретена в 3500 году до н. э. в Месопотамии (Междуречье). Её создателями считаются шумеры, жившие в этом регионе. Самая ранняя из известных систем письма – клинопись. Её использовали для записи хозяйственных, юридических и других текстов. Знаки выдавливали заострённой тростниковой палочкой на мягких глиняных табличках – отсюда и «клинообразные» штрихи. Первый алфавит сконструирован в городах Финикии в XV в. до н.э. [1, с. 684].

Города играли ключевую роль в военных противостояниях. В исторической памяти советского народа навечно запечатлена победа вооруженных сил Советского Союза в сталинградской битве осенью 1942 года. В ожесточенных боях в Сталинграде за каждый дом, за каждый квартал воины Красной Армии разгромили трехсот тридцатитысячную группировку немецко-фашистских войск. Уничтожили почти 150 тысяч солдат и офицеров, взяли в плен 91 тысячу вражеских военнопленных, в том числе 2500 офицеров и 24 генерала во главе с командующим 6-й ударной армией генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом. Длившаяся 200 ночей и дней Сталинградская битва, завершившая великой победой народа в Великой Отечественной войне, имела огромное военно-стратегическое, политическое и международное значение, являясь началом коренного перелома в Великой Отечественной войне, символом перехода стратегической инициативы, становящейся все более масштабной и результативной вплоть до водружения Знамени Победы над Рейхстагом и разбитого вдребезги прикладами винтовок и автоматов советских солдат беломраморного бункера германского фюрера Гитлера. Общие потери вражеских войск за время Сталинградской битвы – убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили около 1,5 млн. солдат и офицеров, ¼ часть сил, действовавших в то время на советско-германском фронте. Кроме того, уничтожены 2 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 10 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. боевых и транспортных самолетов

В 1941-1942 гг. в оккупированном немецко-фашистскими захватчиками Минске активно действовал Минский подпольный горком коммунистической партии. Подпольщики уничтожали фашистских солдат и их офицеров, их пособников – полицаев, работников созданных оккупантами административных органов, взрывали склады с вооружением, железнодорожные и автомобильные дороги и поезда с немецкими войсками. Пять активных организаторов минского антифашистского подполья были удостоены звания Героев Советского Союза. Вот их имена: главный организатор и руководитель Исай Казинец, командир разведки Иван Кабушкин, редактор подпольной газеты «Звязда» Владимир Омельянюк, Николай Кедышко – руководитель комсомольской группы, Евгений Клумов – врач, организатор санитарно-медицинской службы партизанских бригад. Минские подпольщики создали 20 партизанских бригад, сражавшихся с ненавистным врагом в разных районах Беларуси. Столице Беларуси Минску присвоено звание Города-Героя.

После XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина, большинство историков, журналистов, военных теоретиков и экспертов в своих выступлениях и публикациях, размышляя о Сталинградской битве, предпочитают избегать наименования Сталинград, заменяя его названием Волгоград. Примечательно, что народ великой культуры и исторической памяти – французы в столице своей страны Париже, понимая, что без великой

победы советских вооруженных сил в Сталинградской битве, генерал де Голь не въехал бы в Париж в ареоле победителя, имеет в этом городе площадь «Сталинград» и станцию метро «Сталинград».

В современном мире, чрезвычайно переполненном конфликтными противоборствами, стратегически приоритетную значимость приобретает неуклонно возрастающая боеспособность и боеготовность вооруженных сил, их боевая выучка, самоотверженное служение Родине – 18-21 мая 2026 года в восточной и центральной части Беларуси была проведена тренировка воинских частей боевого применения ядерного оружия и ядерного обеспечения военных действий. В это же время на российской территории соединения и воинские части Ракетных войск стратегического назначения, Северного и Тихоокеанского флотов, дальней авиации, Ленинградского и Центрального военных округов вывели маршруты боевого патрулирования и развернули на боевых позициях атомные подводные лодки с баллистическими ракетами для несения боевой службы. Личный состав задействованных в учении подразделений авиации Воздушно-космических сил РФ отрабатывал снаряжение специальными боевыми частями аэробаллистических гиперзвуковых ракет «Кинжал» и вылеты в назначенные районы патрулирования. Это была первая совместная тренировка России и Беларуси по управлению тактическими ядерными установками «Искандер». Все действия были произведены так, как это было бы в реальной боевой обстановке, но без практического запуска самой ракеты [2].

Подобного рода военные учения будут повторяться и в будущем для неуклонного повышения уровня боеспособности и боеготовности Вооруженных сил России и Беларуси. Наши две страны, тесно сплоченные в единое государство, опираясь на бесценный опыт боевых действий и историческую память о военных событиях Великой Отечественной войны, начиная с Московской оборонительной битвы в самый трудный для советского народа период в ноябре-декабре 1942 года, когда была разгромлена группа фашистских армий «Центр» и развеян миф об их непобедимости и заканчивая Берлинской наступательной операцией в апреле-мае 1945 года, приведшей к безоговорочной капитуляции фашистской Германии, регулярно проводимые военные учения реализуют акты оборонительного сдерживания возможных агрессий против наших народов и стран.

В современном, усложняющемся мировом геополитическом пространстве, медленно, но неуклонно происходит поворот от чувственно-созерцательного восприятия и теоретического осмысления и интерпретации вооруженных конфликтных противоборств к усиливающемуся убеждению в необходимости обеспечения приоритетного стратегического интегрирования и эффективного практико-ориентированного взаимодействия стран, народов, социальных групп и индивидов. Наиболее отчетливо и эффективно для людей этот благотворный человекоориентированный процесс разворачивается в четырехугольнике стран, сплоченных в трансграничное синергетическое соработничество и военно-техническое взаимодействие – Российская Федерация, Республика Беларусь, Китайская Народная Республика и Корейская народно-демократическая Республика. Прочное основание, незыблемый фундамент этой творческой миропреобразующей и человекоориентированной социодинамики составляет город-столица страны. Впечатляет этимология данного сложноструктурированного термина: столица, т.е. этим понятием охватывается сто лиц в стране, обладающих всей полнотой руководящих, правительственных, организационных, административных, воспитательных, мотивационных, мобилизационных решений и действий. В подавляющем большинстве случаев в этот стократный круг включены Президент страны, главнокомандующий, глава правительства, министры, руководители различных ведомств, мэры самых крупных городов, таких, например, как Лондон, Нью-Йорк, Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Шанхай и др. Незыблемой основой этой неразрывно интегрированной конфигурации выступает экономическая инновационная деятельность социально сплоченных индивидов, групп и общностей, добивающихся эффективного целедостижения сформулированных устремлений, программ, планов посредством успешного преодоления встречающихся трудностей и возможного сопротивления. Прекрасным образцом именно такой деятельности выступает

слаженная работа совместного китайско-белорусского автомобилестроительного предприятия «Белджи», выпускающего до 60 000 автомобилей в год (с момента основания данного концерна произведено, по состоянию на 17.06.2026 г. 374 000 машины) [3].

Важнейшую миpоспасательную и мироупрочивающую роль в обеспечении национальной и общепланетарной безопасности в современных условиях выполняет неразрывное взаимодействие в четырехугольнике союзных стран – Россия, Беларусь, Китай, КНДР. Таким образом, менно объединенная экономическая, социально-политическая, защитно-оборонительная мощь данных государств и их Вооруженных сил создает нерушимый гарант мира и безопасности в сообществе людей планеты Земля.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Великая Отечественная война. 1941-1945. Энциклопедия // М. Изд. «Советская энциклопедия». – 1985.

2. Кононович Е. Ракетный щит Беларуси. СБ Беларусь сегодня. – № 27507 – 22 мая 2026 г.

3. Светлов М. Сколько авто выпустили на «Белджи». Электронный ресурс. – URL: https://myfin.by (дата обращения: 17.06.2026).

УДК 316.42

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЦЕННОСТИ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН

Бальбот Н. А.
Аналитик Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» Российского государственного гуманитарного университета
г. Москва, Россия

Крыштановская О. В.
Директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» Российского государственного гуманитарного университета
доктор социологических наук, профессор
г. Москва, Россия

В современной социальной теории гендерные различия в ценностных ориентациях всё чаще объясняются через структурные условия, в которых формируется способность человека действовать, выбирать и принадлежать. В этом отношении продуктивны три концептуальных подхода. Подход М. Нуссбаум к человеческим возможностям постулирует, что ценности выражают не столько культурные предпочтения, сколько представления о том, какие возможности для достойной жизни признаются реально доступными. Он показывает, что неравное распределение этих возможностей между полами (в сфере труда, публичной активности, правовой защиты) закономерно отражается в гендерно различных ценностных профилях, которые обозначают разный опыт доступности и уязвимости [1]. Концепция политической этики заботы Дж. Тронто раскрывает второй структурный механизм, при котором практики заботы, такие как воспроизводство здоровья, семейных связей, поддержание близких, исторически делегированы женщинам. При этом политически эти практики недооценены, вынесены в «частную» сферу и исключены из публичной повестки. Следствием этого является специфический ценностный порядок, при котором женщины одновременно несут бóльшую ответственность за заботу и сильнее заинтересованы в её политическом признании [2]. Концепция А. Сена о множественности идентичностей критикует редукцию человека к единственной принадлежности и трактует сосуществование семейных, государственных и универсалистских ориентаций не как противоречие, а как рациональную реализацию разных оснований принадлежности одновременно [3]. В совокупности эти подходы позволяют рассматривать гендерную идентичность российских женщин не как набор ролей, а как структурно обусловленную ценностную конфигурацию.

В современных российских реалиях по данным И. Е. Ржановой с соавторами, проведшими анализ базовых индивидуальных ценностей по методике Шварца на российской выборке, гендерные различия фиксируются прежде всего по шкалам самостоятельности, безопасности и власти, тогда как ценности конформности, традиции и достижений оказались статистически равнозначными для мужчин и женщин [4]. Кроме того, А. А. Гречаная, опираясь на данные Европейского исследования ценностей (EVS), показала, что российские женщины в целом демонстрируют более эгалитарные представления о гендерных ролях, чем мужчины, при этом воцерковлённость и наличие детей повышают вероятность патриархальных установок [5].

Цель данной работы заключается в том, чтобы выявить специфику ценностного профиля российских женщин в сопоставлении с мужским сквозь призму указанных концептуальных подходов. Эмпирическую основу составляют данные всероссийского опроса взрослого населения (N=800), проведённого по многоступенчатой стратифицированной выборке с использованием онлайн-панели; предельная ошибка выборки — около 3,5% при доверительной вероятности 95%. Анализируются усреднённые показатели по блокам идентичности и ценностей в разрезах пола, возраста и религиозной самоидентификации.

У российских женщин и мужчин гендерная самоидентификация является превалирующей над другими и формирует общее ценностное ядро: наивысшие средние оценки во всей выборке получают такие ценности, как здоровье и семья. Наиболее значимы оказываются ценности, надстраивающиеся над этим ядром, именно в них гендерные различия устойчивы и содержательны.

Таблица. Распределение ценностных ориентиров (среднее арифметическое по 3-балльным шкалам)

Наименование ценности	**Женщины**	**Мужчины**	**Среднее**
Здоровье	2,86	2,79	2,82
Семья, дети, родители	2,83	2,72	2,78
Справедливость	2,73	2,68	2,7
Права человека	2,68	2,58	2,63
Материальное благосостояние	2,5	2,39	2,44
Сильное государство	2,39	2,49	2,44
Мирное сосуществование с соседями	2,45	2,42	2,43
Свобода слова	2,43	2,38	2,41
Историческая память о ВОВ	2,34	2,39	2,37
Возможность самовыражения	2,39	2,2	2,3
Свобода интернета	2,28	2,25	2,27
Свобода путешествовать	2,35	2,17	2,26
Равенство людей разных национальностей	2,24	2,24	2,24
Единство народов России	2,19	2,24	2,21
Патриотизм	2,13	2,16	2,14
Служение своей стране	1,93	2,05	1,99
Толерантность	2,11	1,78	1,95
Коллективизм	1,72	1,77	1,75

Женщины чаще, чем мужчины, придают значение таким ценностям, как права человека (2,68 против 2,58), свобода слова (2,43 против 2,38), свобода перемещаться по миру (2,35 против 2,17), возможность выражать свою личность (2,39 против 2,20) и толерантность (2,11 против 1,78). Наибольший разрыв с мужчинами зафиксирован именно по толерантности, это означает, что забота (по Торонто) в женском профиле не замыкается на ближнем круге, а распространяется на признание различий и недопустимость исключения. Вместе с тем женщины не отказываются от государственно-патриотических ориентаций: средние значения

по шкалам «сильное государство», патриотизм и единство народов России остаются высокими, уступая мужским незначительно. Ценностная структура, таким образом, организована как сочетание защищённости и признания, что прямо соответствует описанной Сеном множественности идентичности: разные основания принадлежности не конкурируют, а сосуществуют в одном профиле.

Возрастной разрез показывает, что с переходом от младших к старшим когортам возрастает для респондентов обоих полов значимость таких ценностей как сильное государство (от 2,20 до 2,53) и служения стране (от 1,70 до 2,13), тогда как оценки свободы слова, свободы путешествовать и самовыражения снижаются. Однако направление гендерных различий сохраняется в каждой возрастной группе: женские оценки прав человека, толерантности и свобод устойчиво выше мужских. Возраст, следовательно, усиливает логику защищённости, но не упраздняет логику признания, характерную для женского профиля. Иными словами, в соответствии с теорией Нуссбаум, дефицит возможностей, зафиксированный в ценностях, воспроизводится независимо от возрастной когорты.

Религиозный разрез дополняет эту картину. Православные респондентки наряду с высокими оценками ценности семьи поддерживают также «права человека», «свободу слова» и равенство людей разных национальностей. Неверующие демонстрируют несколько более высокие значения прав и свобод при сопоставимой значимости семьи. Различия проходят не по линии «традиция — современность», а по степени интенсивности универсалистского компонента при одинаково высокой роли семейных ценностей в обеих группах. Более высокая для женщин значимость прав человека, свободы слова и свободы перемещений в этой логике есть не идеологический либерализм, а ответ на структурный дефицит: ценить то, в чём ощущается нехватка или что нуждается в защите. Этика заботы, таким образом, не противоречит государственно-патриотическим ориентациям, она объясняет, почему требования признания и безопасности могут сосуществовать в одном ценностном профиле.

Таким образом, ценностная структура российских женщин характеризуется тремя устойчивыми особенностями. Во-первых, при общем с мужчинами ценностном ядре (семья, здоровье) женский профиль демонстрирует более выраженную ориентацию на права, свободы и толерантность: забота, последовательно выходит за рамки частного и приобретает политическое измерение. Во-вторых, государственно-патриотические ориентации не вытесняются, а сосуществуют с универсалистскими в рамках множественной идентичности. В-третьих, эта конфигурация воспроизводится во всех возрастных и религиозных группах, что свидетельствует о её структурной, а не ситуативной природе, а также о неравном распределении возможностей как устойчивом институциональном факторе. Российские женщины выступают носителями особого ценностного синтеза, в котором семейно-государственная укоренённость органично соединяется с чувствительностью к правам и признанию. Это делает женскую ценностную идентичность не периферийным, а центральным индикатором социокультурных трансформаций в современной России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Nussbaum, M. Women and Human Development: The Capabilities Approach / M. Nussbaum. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 312 p.

2. Tronto, J. Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care / J Tronto. – New York : Routledge, 1993. – 244 p.

3. Sen, A. Identity and Violence: The Illusion of Destiny / A. Sen. – New York : W. W. Norton, 2006. – 240 p.

4. Ржанова И. Е., Алексеева О. С., Альбов А. С., Бурдукова Ю. А. Гендерные различия по индивидуальным ценностям у представителей поколения миллениалов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. – Т. 12, № 3. – С. 249–264.

5. Гречаная А. А. Представления россиян и европейцев о гендерных ролях в контексте проблемы гендерного неравенства: сравнительный анализ на данных Европейского исследования ценностей (EVS) // Вестник Института социологии. 2023. – Т. 14, № 2. – С. 212–233.

УДК 316.33:321

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Барановский Н. А.
заведующий отделом Института социологии НАН Беларуси
доктор социологических наук, профессор,
г. Минск, Беларусь

В современных социогуманитарных науках социальное государство как общественный феномен трактуется неоднозначно, прежде всего в зависимости от предметно-целевой направленности конкретной науки и используемой теоретико-методологической основы. В дискурсе социологии и системного подхода, базирующемся на комплексном использовании диалектико-синергетической методологии, социально-правового, структурно-функционального и аксиологического анализа, полагаем, что социальное государство – это форма государственности, проявляющаяся в политико-властном управлении социальной сферой жизнедеятельности населения, основанном на конституционном закреплении и гарантиях реализации социальных прав граждан, осуществляемом государственными органами во взаимодействии с социально ответственным бизнесом, институтами гражданского общества и гражданами на основе принципов гуманизма, справедливости и социальной включенности с целью обеспечения высокого уровня и качества социального благополучия, минимизации социального неравенства, социальной защищенности и безопасности, общественной солидарности и социального развития населения. Исходя из данного определения, полагаем, что основу идеальной модели современного социального государства составляют следующие фундаментальные принципы: а) признание человека, его фундаментальных прав и свобод в качестве главной цели социального государства; б) обязанность и ответственность государства по реализации совместно с социально ответственным бизнесом, институтами гражданского общества и гражданами эффективной социальной политики в области демографии, трудовой занятости, образования, семьи, здравоохранения, пенсионного обеспечения, социальной защиты и других отраслей социальной сферы; в) социально-гуманитарная направленность государственного управления социальной сферой – ориентация на социальную защиту и стимулирование активной социальной деятельности, позитивную социализацию и самореализацию граждан; г) повышение социального благополучия, обеспечение социальной защиты и социальной безопасности, соблюдение принципов социальной справедливости, социального равенства и общественной солидарности являются главными целевыми результатами государственной социальной политики.

Многообразие теорий и национальных социальных практик функционирования социального государства свидетельствует об отсутствии универсальной и единой для всех стран и исторических времен модели социального государства. Однако нельзя впадать в другую крайность – преувеличивать, тем более абсолютизировать, национальные, историко-культурные и другие особенности, то есть конструировать исключительно национальные модели социального государства. Необходимо строить социальное государство, соблюдая его общепринятые сущностные принципы и учитывая тип государственного устройства и политической идеологии, характер, уровень и сбалансированность реального экономического, политического, правового и культурного развития конкретного общества.

Реальным воплощением функционирования современного социального государства является социальная политика, которая представляет собой комплекс государственных, социально-ответственно рыночных и общественных мер, направленных на создание условий, возможностей и мотивации трудовой деятельности социально активных граждан по решению текущих и перспективных вопросов своей жизнедеятельности, а также перераспределение материальных и других социальных ресурсов в интересах социально незащищенных групп

населения в соответствии с принципами гуманизма, социальной справедливости, социального равенства и общественной солидарности с целью удовлетворения базовых материальных и духовных потребностей всех граждан, обеспечения социального благополучия, социального развития, социальной защищенности и общественной безопасности населения.

В современном обществе социальная политика выполняет следующие функции: 1) социального воспроизводства населения и социальной структуры общества; 2) социального благополучия – удовлетворение базовых и других материальных и духовных потребностей граждан; 3) социальной защиты – предоставление поддержки и помощи социально незащищенным группам населения и другим гражданам, оказавшимся с социально неблагополучной жизненной ситуации; 4) социальной включенности – участия всех граждан в экономической, политической и социокультурной деятельности; 5) социального развития – создание условий для повышения уровня образования, культуры, здравоохранения и досуга; 6) личной и общественной безопасности – поддержание социально-правового порядка в обществе, путем защиты граждан от правонарушений, злоупотребления алкоголем, употребления наркотиков и других негативных социальных девиаций.

В зависимости от характера взаимодействия государства, бизнеса, институтов гражданского общества и граждан в социальной сфере выделяются следующие модели:

государственный патернализм, согласно которому государство берет на себя ответственность по финансовому обеспечению, регулированию и контролю за распределением социальных благ на основе принципов социальной справедливости и общественного согласия во всех отраслях социальной сферы: демографии, трудовой занятости, здоровья, образования, пенсионного обеспечения, социального страхования, жилищно-коммунального хозяйства, социальной защиты, личной и общественной безопасности;

корпоративизм, при котором основная обязанность по социальной защите граждан возлагается на корпорации и профсоюзы, функционирующие в сфере экономической деятельности в сочетании с обязанностью государства по минимально-стандартному обеспечению социально незащищенных граждан, а также поощрению общественной и благотворительной социальной работы;

социально ответственный индивидуализм, акцентирующий внимание на право каждого гражданина на самостоятельную экономическую, финансовую и социальную активность с обязанностью самостоятельно заботиться о своем социальном благополучии и социальной защите; государство при этом преимущественно призвано создать предпосылки и условия, стимулирующие граждан к эффективной социальной деятельности, и проявлять заботу исключительно о социально неблагополучных и уязвимых группах населения;

интегративный тип, сочетающий элементы государственного патернализма, корпоративизма и социально ответственного индивидуализма с доминированием того или иного выше обозначенного типа взаимодействия субъектов социальной политики в различных отраслях социальной сферы. В сфере демографии, трудовой занятости, социальной защиты социально неблагополучных групп населения, личной и общественной безопасности граждан целесообразно преобладание государственного патернализма. В области здоровья, образования, пенсионного обеспечения, социального страхования и жилищно-коммунального хозяйства – приоритет политике, основанной на оптимальном сочетании государственного патернализма, корпоративизма и социально ответственного индивидуализма.

Социологическое исследование социальной политики как главного направления функционирования современного социального государства требует разработки комплекса социологических показателей, позволяющих измерять ее состояние, эффективность и перспективы дальнейшего развития. В качестве базовых могут выступать следующие показатели: а) уровень и качество жизни отдельных социально-демографических групп и населения в целом в количественном и качественном измерениях; б) наличие, качество и доступность социальной инфраструктуры: услуг здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, поддержки семьи, культуры, проведения свободного времени; в) уровень

социальной защиты населения, в частности социально незащищенных групп населения; г) степень удовлетворенности гражданами отдельными сторонами социальной жизнедеятельности (трудом и занятостью, здоровьем, образованием, пенсией, социальными выплатами, досугом и жизнью в целом); д) уровень личной и общественной безопасности.

Главными интегральными социологическими показателями состояния, уровня и качества социальной политики являются: социальное благополучие населения, социальная включенность, соблюдение принципов социальной справедливости, социального равенства, общественной солидарности и безопасности. Частными показателями выступают субъективные оценки населением и экспертами уровня наличия и доступности социальных благ и услуг, а также эффективности работы государственных органов, социально ответственного бизнеса и институтов гражданского общества в различных социальных сферах (труд и занятость; здравоохранение; образование; жилищно-коммунальное хозяйство; обеспечение жильем нуждающихся; культура и досуг; пенсионное обеспечение; семейная политика; социальная защита малоимущих; социальная защита многодетных; социальная защита инвалидов; социальная защита детей и молодежи; развитие социальной инфраструктуры, профилактика антиобщественных явлений).

На состояние, эффективность и перспективы развития социальной политики большое влияние оказывают экономические, политические, правовые и социокультурные факторы, которые в процессе социологического исследования должны учитываться. К ним относятся: состояние, структура и динамика численности населения; уровень экономического развития страны; состояние политической ситуации в стране, уровень доверия государству и степень поддержки социального и геополитического вектора развития страны; степень развития институтов гражданского общества; уровень культуры населения и состояние общественной солидарности; уровень и формы социальной напряженности; и другие.

Интеграция и использование комплекса объективных демографических, экономических, политических, правовых, социальных и социокультурных статистических показателей в сочетании с субъективными (рационально-эмоционально оценочными) личностными, социально-групповыми и экспертными измерениями уровня и качества социального благополучия граждан, степени социальной включенности, соблюдения принципов социальной справедливости, социального равенства, общественной солидарности и безопасности является атрибутивным условием социологического исследования состояния, эффективности и перспектив дальнейшего развития социальной политики как генерального направления функционирования современного социального государства.

УДК 314.18

ЭКОНОМИКА ДОЛГОЛЕТИЯ: КАК СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ МЕНЯЕТ МОДЕЛИ СБЕРЕЖЕНИЙ, РЫНКИ ТРУДА И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ КОНТРАКТЫ

Барышкова Е. А.
студент БНТУ
г. Минск, Беларусь

Веренич Г. Д.
старший преподаватель БНТУ
г. Минск, Беларусь

Глобальный демографический переход – устойчивое снижение рождаемости и рост ожидаемой продолжительности жизни – формирует феномен «экономики долголетия», который требует системного пересмотра базовых экономических моделей. В 2024 году медианный возраст населения Земли впервые превысил 32 года, тогда как еще в 1950 году он составлял 23 года, и к 2050 году, по прогнозам ООН, число людей старше 60 лет достигнет 2,1

миллиарда. Традиционная экономическая наука, сформировавшаяся в эпоху растущего или стабильного населения, оказалась плохо подготовлена к миру, в котором численность трудоспособного населения сокращается, а число пожилых растет быстрее любых других возрастных групп [1, с. 15]. В данной статье анализируются системные изменения в трех ключевых доменах: сберегательном поведении домохозяйств, функционировании рынков труда и механизмах межпоколенческой солидарности, при этом особое внимание уделяется растущему разрыву между фактическим старением населения и адаптационными возможностями существующих институтов.

Исходной теоретической конструкцией, объясняющей межвременное распределение доходов, выступает гипотеза жизненного цикла Ф. Модильяни. Согласно данной модели, экономические агенты в период активной занятости формируют сбережения с последующим их расходованием на этапе выхода из рынка труда, что позволяет нивелировать колебания в уровне потребления на протяжении жизненной траектории. Однако увеличение ожидаемой продолжительности жизни вступает в противоречие с ключевыми предпосылками этой модели.

Первая предпосылка – стабильность и прогнозируемость временного горизонта планирования. При относительной неизменности продолжительности жизни в предшествующие десятилетия каждый дополнительный год существования генерирует риск исчерпания накопленных ресурсов (longevity risk). Эмпирические данные по развитым экономикам фиксируют систематический недостаток пенсионных накоплений у домохозяйств: согласно оценкам Национального бюро экономических исследований США, порядка 40 % домохозяйств в предпенсионном возрасте располагают сбережениями, покрывающими менее пяти лет послетрудовой жизни.

Вторая, более глубокая предпосылка связана с постулатом о независимости временных предпочтений от возраста. Поведенческая экономика свидетельствует: приближение к неопределённому горизонту смерти усиливает дисконтирование будущих благ, прежде всего, в отношении здоровья и долгосрочного ухода. Возникает парадокс – при осознании необходимости сберегать на этапе старческого возраста индивиды откладывают начало аккумуляции средств до момента, когда её реализация становится объективно невозможной [2, с. 508].

Рыночная реакция на увеличение продолжительности жизни выразилась в распространении аннуитетов и инструментов, страхующих риск долголетия. Тем не менее, фундаментальной проблемой остаётся отсутствие эффективных рынков долгосрочных аннуитетов вследствие классического эффекта неблагоприятного отбора: экономические агенты с ожидаемой высокой продолжительностью жизни предъявляют повышенный спрос на эти продукты, что деформирует ценообразование.

Альтернативная траектория предполагает переход от индивидуальных накоплений к системам с распределённым риском – в частности, к режиму условно-определённых взносов (применяемому в Швеции, Италии, Латвии). В таких системах размер пенсионных выплат автоматически корректируется при изменении ожидаемой продолжительности жизни. Однако данный механизм формирует новый риск: снижение уровня жизни пожилых людей вследствие удлинения периода выплат без пропорционального увеличения объёма накоплений.

Согласно статистике по странам ОЭСР, коэффициент замещения дохода в распределительных системах сократился с 55 % в 1990-е годы до 42 % в 2020-е годы. Параллельно наблюдается рост доли занятых пенсионеров: в Японии, Республике Корея и США каждый третий представитель возрастной группы 65–69 лет продолжает трудовую активность, что выступает прямым следствием дефицита сбережений [3, с. 101]. Существует и противоположный эффект: увеличение продолжительности жизни стимулирует сбережения в среднем возрасте, так как люди предвидят более длительный период пенсии, что приводит к росту предложения капитала и, следовательно, к снижению реальной ставки процента в долгосрочной перспективе. Однако здесь возникает ловушка: низкие ставки процента снижают доходность накоплений, вынуждая сберегать еще больше, а для экономики в целом

это означает потенциальную «ловушку избыточных сбережений», которую обсуждают теоретики секулярной стагнации. Страны с наиболее старым населением – Япония, Германия, Италия – демонстрируют устойчиво низкие реальные ставки процента, что усложняет задачу накопления пенсионного капитала [4, с. 60].

Переходя к рынку труда, следует отметить, что наиболее очевидный канал влияния старения – сокращение численности населения в трудоспособных возрастах. Для стран Восточной Европы, включая Россию, это означает не просто снижение потенциального ВВП, но и изменение структуры дефицитов: к 2030 году, по оценкам Всемирного банка, в странах с высоким уровнем дохода будет на 15–25 % меньше работников в возрастах 20–44 лет – ключевого источника инновационной и предпринимательской активности. Однако реакция рынков труда оказалась более сложной, чем простое сокращение предложения. Наблюдается феномен «омоложения» старших возрастов: современные 60-летние имеют более высокий уровень образования, лучшее здоровье и иную мотивацию к труду, чем поколение их родителей. В Норвегии, Швейцарии и Исландии уровень занятости среди 60–64-летних превышает 70 % – это выше, чем в некоторых европейских странах среди 25-летних. Это требует пересмотра концепции «пенсионного возраста» как жесткой границы; в экономике долголетия на смену приходит модель трудовой жизни без фиксированного выхода – с постепенным снижением нагрузки, гибридными формами занятости и переобучением в течение всего жизненного цикла [5 с. 18].

Старение населения меняет не только предложение, но и спрос на труд. Пожилые люди как потребители формируют «серебряный рынок» – товары и услуги, ориентированные на потребности старших возрастов: здравоохранение, особенно гериатрия и паллиативная помощь, технологии для поддержания активности, финансовое планирование долголетия, образовательные программы третьего возраста. В США за период 2010–2020 годов сектора, связанные с обслуживанием пожилых, выросли на 35 %, что вдвое быстрее остальной экономики. Одновременно сокращается спрос на традиционные товары – недвижимость больших площадей, детские товары, автомобили с высокой мощностью. Макроэкономический эффект неоднозначен: с одной стороны, расширение сектора здравоохранения создает большое число рабочих мест средней квалификации, что смягчает проблему поляризации доходов, но с другой стороны, эти профессии часто имеют более низкую производительность и, следовательно, более низкую оплату, что ведет к сжатию налоговой базы [6, с. 96]. Влияние старения на производительность труда – предмет ожесточенных дебатов, однако эмпирические исследования показывают, что организации в регионах с быстрым старением населения внедряют роботизацию и автоматизацию быстрее как механизм замещения дефицита молодых работников. Но здесь возникает новый вызов: скорость автоматизации часто превышает способность пожилых работников к переквалификации, и возрастная сегрегация на рынке труда усиливается: работники старше 50 лет оказываются «запертыми» в рутинных профессиях с высокой вероятностью автоматизации, в то время как новые рабочие места требуют гибких цифровых навыков. Межпоколенческие конфликты на рабочих местах становятся реальностью политической экономии труда: молодые работники воспринимают задержку выхода на пенсию старших коллег как блокировку карьерного роста, а старшие работники – как давление с целью их вытеснения из профессии, и в отсутствие институтов, способных урегулировать эти конфликты, падает общая вовлеченность и растет текучесть кадров [7, с. 39].

Наиболее фундаментальные изменения происходят в сфере межпоколенческих контрактов. Классический распределительный контракт, или pay-as-you-go, основан на неявном соглашении: работающее поколение финансирует пенсии старшего поколения в обмен на обещание, что следующее поколение так же профинансирует их старость. Эта система работала при условии роста численности работников либо роста их производительности быстрее, чем числа пенсионеров. Демографическое старение делает это уравнение неразрешимым в прежних параметрах. Коэффициент демографической поддержки в Японии снизился с 7,4 в 1970 году до 1,8 в 2020 году, в Европе – с 4,5 до 2,8. При неизменных

пенсионных формулах это означает либо удвоение ставки взносов, либо сокращение пенсий вдвое – политически неприемлемые варианты. Страны адаптируются тремя путями: повышение пенсионного возраста (в 28 из 38 стран ОЭСР за последние 20 лет), изменение формулы индексации с привязкой к инфляции вместо роста зарплат и введение автоматических стабилизаторов, снижающих выплаты при ухудшении демографических показателей. Однако каждый из этих путей создает издержки для конкретных поколений [8, с. 127]. Старение населения оказывает давление не только на пенсионную, но и на всю систему публичных финансов. Расходы на здравоохранение для лиц старше 75 лет в 5–7 раз выше, чем для 20-летних, а расходы на долгосрочный уход для лиц 85+ – еще на порядок выше при отсутствии функциональной независимости [9, с. 42].

Молодые поколения, миллениалы и поколение Z, сталкиваются с тройным давлением: высокие налоги для финансирования текущих пенсионных и медицинских расходов пожилых, необходимость сберегать в условиях низких реальных ставок процента, которые сами являются следствием старения и избыточных сбережений старших, и перспектива еще более неблагоприятных демографических условий к моменту их собственного выхода на пенсию. Это порождает феномен «межпоколенческого разрыва» в восприятии справедливости. Исследования общественного мнения в Европе фиксируют, что доля молодых респондентов, считающих, что пенсионная система будет существовать к моменту их выхода на пенсию, упала с 60 % в 2005 году до 35 % в 2025 году, и одновременно растет поддержка потолков государственных расходов на старшие возраста и адресной, а не универсальной помощи пожилым [2, с. 518]. Экономическая теория предлагает несколько вариантов нового межпоколенческого контракта. Первый – «актуарная нейтральность», при которой каждая поколенческая когорта платит за свою пенсию и здравоохранение в старости через индивидуальные накопительные счета с обязательным участием; эта модель, реализованная частично в Чили и Австралии, снимает межпоколенческие конфликты, но создает новые проблемы: высокие транзакционные издержки, риск неэффективных инвестиций, отсутствие перераспределения в пользу бедных и менее здоровых [2, с. 518]. Второй вариант – «фондирование человеческого капитала», когда государство инвестирует в здоровье и образование молодых поколений, а те в будущем платят повышенные налоги; эта модель предполагает создание суверенных фондов, финансируемых за счет долгосрочного заимствования под будущие налоговые поступления, что позволяет сгладить потребление между поколениями, но требует доверия к обязательствам государства на 50–70 лет вперед [4, с. 174]. Третий путь – децентрализация межпоколенческих трансфертов через семью, что особенно заметно в странах Южной Европы и Восточной Азии, где старение отчасти компенсируется увеличением внутрисемейной поддержки; однако этот механизм усиливает неравенство и разрушается с урбанизацией и снижением рождаемости [6, с. 290].

Экономика долголетия – это не предсказание далекого будущего, а текущая реальность для большинства стран с высоким и средним уровнем дохода. Ключевой вывод для экономической политики состоит в необходимости отказа от линейных, возрастно-дискретных моделей, таких как жесткий пенсионный возраст или единый для всех норматив сбережений, в пользу гибких, параметрических систем, адаптирующихся к изменению ожидаемой продолжительности жизни. Институты должны научиться работать с гетерогенностью старших возрастов: 65-летний может быть как в состоянии глубокой немощи, так и в прекрасной физической форме, готовой к труду и обучению. Экономика долголетия требует отказа от стереотипа «старость как болезнь» и перехода к модели «долгая жизнь как ресурс» [5, с. 22]. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на том, как меняются функции полезности и временные предпочтения при удлинении горизонта жизни с 80 до 100 лет, каковы макроэкономические последствия массового перехода к модели работающих пенсионеров для производительности и инноваций, а также возможен ли устойчивый межпоколенческий контракт в условиях, когда голосующее большинство составляют пожилые, а налоги платят молодые [9, с. 1340]. Ответы на эти вопросы определят контуры экономической политики на ближайшие полвека, и уже сейчас ясно, что пассивное

приспособление к старению населения обойдется намного дороже, чем проактивное перепроектирование базовых экономических институтов – от пенсионной системы до рынка труда и от налогового законодательства до семейной политики [8, с. 140].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Росстат. Ожидаемая продолжительность жизни и пенсионное поведение населения: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2023. – 112 с.

2. Макаров, А. В. Долгосрочные сбережения населения в экономике старения: институциональные ловушки / А. В. Макаров // Экономический журнал ВШЭ. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 501–522.

3. Соловьев, А. К. Экономика пенсионного страхования в условиях демографического старения / А. К. Соловьев. – М. : Проспект, 2022. – 336 с.

4. Гурвич, Е. Т. Старение населения и бюджетный кризис: уроки для России / Е. Т. Гурвич, Е. Г. Сонина // Вопросы экономики. – 2018. – № 3. – С. 56–81.

5. Малева, Т. М. Старение населения и политика занятости: международный опыт и российские реалии / Т. М. Малева, О. В. Синявская // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. – 2019. – № 29. – С. 7–26.

6. Ярская, В. Н. Серебряная экономика: рынки, услуги и занятость для старшего поколения / В. Н. Ярская, Е. Р. Смирнова // Мир России. Социология. Этнология. – 2021. – Т. 30, № 1. – С. 87–110.

7. Кашепов, А. В. Экономика долголетия: новые вызовы для рынка труда и пенсионной системы / А. В. Кашепов // Народонаселение. – 2022. – Т. 25, № 2. – С. 34–47.

8. Синявская, О. В. Межпоколенческий контракт в пенсионной системе: от солидарности к актуарной справедливости / О. В. Синявская, Д. А. Логинов // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2020. – Т. 47, № 3. – С. 124–144.

9. Российский союз промышленников и предпринимателей. Демографические риски и рынок труда: вызовы для экономики России / РСПП. – М., 2024. – 85 с.

10. Козлов, А. А. Поведенческие факторы пенсионных накоплений в условиях увеличения продолжительности жизни / А. А. Козлов // Финансы и кредит. – 2021. – Т. 27, № 6. – С. 1324–1342.

УДК 316.42

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ КОМПАНИЙ

Батоврина Е. В.
доцент кафедры управления персоналом МГУ имени М. В. Ломоносова
кандидат социологических наук,
г. Москва, Россия

Важнейшим препятствием на пути развития российских высокотехнологичных компаний принято считать количественный дефицит молодых специалистов, выражающийся в нехватке или, в некоторых случаях, полном отсутствии на рынке труда выпускников вузов и специалистов с начальным опытом работы, отвечающих требованиям работодателей.

Количественный дефицит молодых специалистов, востребованных в высокотехнологичных отраслях, чаще всего, связывают с общими тенденциями сокращения числа выпускников высших учебных заведений (прежде всего, технических университетов) и персонала, занимающегося исследованиями и разработками. Так, согласно данным Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ, в 2000 году исследованиями и разработками в России занимались 887 729 человек, в 2023 году – 670 614 человек, в предпринимательском секторе науки в 2000 году работало 590 646 исследователей, в 2023 году – только 348 636 [1, с. 25]. Аналогичные тенденции упоминают в своем исследовании научно-технологического потенциала регионов Российской Федерации К.А. Устинова, М. А. Печенская-Полищук, Д. С. Гончарук и др. Как отмечают авторы, на воспроизводство научно-технологического потенциала регионов (и, соответственно,

работающих в них высокотехнологичных компаний) существенное влияние оказывает кадровая проблема, ее «иллюстрируют отрицательные тренды» сокращения «численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры во всех федеральных округах, численности аспирантов и докторантов, а также численности персонала, занятого исследованиями и разработками» [2, с. 9]. Работодатели достаточно остро реагируют на ситуацию: по данным исследования ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в списке факторов, препятствовавших инновационной деятельности в течение последних трех лет на момент исследования в 2023 году, организации отметили «недостаток квалифицированного персонала» (21,2 %), он занял 6 место из 18 по частоте упоминаний [1, с. 91].

Наряду с проблемой количественного дефицита молодых специалистов, не менее серьезной проблемой для российских высокотехнологичных компаний представляется качественный дефицит выпускников вузов, рассматриваемый как следствие их слабой подготовки, несоответствия содержания программ подготовки в вузах ожиданиям работодателей, быстрого устаревания полученных знаний. Проблема усугубляется существенным повышением требований работодателей к молодым специалистам, объясняющимся тем, что «новые времена требуют новых людей» [3, с. 43], для успешной работы в условиях неопределенности, глобальных изменений и быстрого развития технологий недостаточно обладать только профессиональными компетенциями. Так, помимо требований к профессиональным знаниям и навыкам молодых специалистов, российские высокотехнологичные компании предъявляют высокие требования к их социальным и личностным компетенциям, мотивации, активной жизненной позиции, креативности, другим свойствам личности и способностям, обеспечивающим включенность молодых специалистов в инновационную деятельность.

Попытка осмыслить данные требования работодателей нашла отражение в концепции инновационного потенциала молодого специалиста.

Понятие инновационного потенциала, чаще всего, используется в отношении территории, государства, организации. Определить инновационный потенциал молодого специалиста сложнее. По мнению Я. В. Дидковской, Д. В. Трынова и их соавторов, компонентами инновационного потенциала молодежи (можно предположить, что, в том числе, и молодых специалистов) являются «формы и уровень инновационной активности, реальные возможности участия в инновациях, инновационная восприимчивость (интерес к инновациям), готовность как стремление к творческой деятельности, внедрению новшеств» [4, с. 92]. Следуя логике Г. А. Гончарова, А. В. Ладохи и др., основу инновационного потенциала молодых специалистов составляют инновационные компетенции. Примерами инновационных компетенций могут послужить лидерские инновационные компетенции («быстрота и нацеленность на действия», «способность к внедрению прогрессивных изменений»), креативные инновационные компетенции («способность генерировать новые идеи», «способность создавать инновационную среду»), цифровые инновационные компетенции («расширенная компьютерная грамотность», «способность применять цифровые инструменты анализа данных») и др. [5, с. 50 – 56].

На наш взгляд, в структуру инновационного потенциала молодых специалистов входят как базовые профессиональные компетенции, отвечающие за возможность выпускников вузов выполнять набор профессиональных функций, так и вспомогательные компетенции – креативность, инновационное мышление, навыки изобретательства и др., отвечающие за разработку и реализацию новых идей, а также мотивационные характеристики молодых специалистов – их ориентация на инновационную активность, творческую и профессиональную самореализацию, готовность к риску, нацеленность на результат.

Какие из перечисленных компонентов инновационного потенциала молодых специалистов наиболее востребованы российскими высокотехнологичными компаниями – вопрос дискуссионный. Возможно, это умение работать в условиях неопределенности («лучше к новым реалиям приспособятся счастливые обладатели такой черты, как терпение к неопределенности – ситуациям, когда нет достаточного количества данных, в которых

невозможно предсказать, как будут развиваться события, где присутствует высокая степень риска при планировании и принятии решений» [3, с. 43]), либо профессиональные компетенции, направленные на «изобретение и разработку технологий изобретения», «навыки упаковки и продвижения продукции», «умение сдавать идею под ключ», «развитые навыки самопрезентации» [3, с. 108].

Уточнение и определение приоритетных требований к компетенциям и личностным свойствам молодых специалистов, занятых в инновационной сфере, в том числе, в высокотехнологичных компаниях, вошло в число задач фокусированного интервью, проведенного нами в сентябре 2024 года – сентябре 2025 года. В состав целевой выборки вошли 50 экспертов – директора по персоналу, специалисты по управлению персоналом крупных и средних российских инновационных компаний из сферы информационных технологий, высокотехнологичного производства, финансово-технической сферы (N = 20); директора, руководители направлений, подразделений, проектов крупных, средних и малых российских инновационных компаний из сферы биоинформатики, биотехнологий, ветроэнергетики, робототехники, финансово-технической сферы и др. (N = 15); представители академического сообщества, органов государственной власти, руководители и специалисты тренинговых и консалтинговых компаний, имеющие опыт сотрудничества с инновационными компаниями, реализации различных проектов и инициатив в высокотехнологичной сфере (N = 15). Проведение интервью осуществлялось очно, по телефону и онлайн в формате видеоконференции. Средняя продолжительность интервью составила около 40 минут, с отдельными экспертами общение длилось около 2 часов.

Результаты фокусированного интервью подтвердили, что российские высокотехнологичные компании не ограничиваются требованиями к профессиональным компетенциям молодых специалистов. Их интересуют активные, инициативные соискатели-энтузиасты, готовые с головой погрузиться в работу, способные разбираться в сложных задачах, проявлять изобретательность, мыслить нестандартно. Как отмечали эксперты, многие молодые специалисты, даже имея хорошую базовую подготовку, не могут успешно интегрироваться в работу, что связано с особенностями работы в высокотехнологичных отраслях (режим многозадачности, высокая интенсивность работы, «скорости высокие»); жаловались на то, что «одного образования недостаточно», «тех, кто есть, сложно интегрировать в процесс», «многие не готовы брать на себя ответственность и работать в изменяющихся условиях», «много нетипичных задач, людям это тяжело», «нужно идеи очень быстро воплощать, с этим не справляются», «сотрудники не успевают осваивать новую информацию, новые технологии», «многие не успевают перестраиваться по щелчку». Для того, чтобы успешно адаптироваться к работе в инновационной сфере, проявить себя, добиться результата, молодые специалисты должны обладать «инициативностью», «оригинальностью мышления», «готовностью учиться и учить всех вокруг», «готовностью к риску», «уверенностью в себе», «готовностью к выходу за пределы стандартной зоны ответственности», «стрессоустойчивостью», «активной жизненной позицией», «эмоциональным интеллектом», «гибкостью», «умением общаться и работать в команде», «дисциплинированностью», «самостоятельностью», умением «брать и решать».

Как подтвердило проведенное нами исследование, спектр требований российских высокотехнологичных компаний к молодым специалистам крайне широк. Учитывая, что все перечисленные экспертами требования рассматриваются ими как условие успешного вхождения и дальнейшей самореализации молодых специалистов в инновационной сфере, их включение в структуру инновационного потенциала вполне оправдано. Одним из вариантов группировки данных требований может стать выделение профессионального, интеллектуального, творческого и мотивационного потенциала в структуре инновационного потенциала молодых специалистов.

Таким образом, инновационный потенциал молодых специалистов во всем многообразии его проявлений можно считать стратегическим ресурсом развития российских высокотехнологичных компаний. Вместе с тем завышенные требования работодателей к его

развитию у выпускников вузов, специалистов с начальным опытом работы во многом затрудняют их вхождение в профессию, усугубляют проблему качественного дефицита персонала в высокотехнологичных отраслях. Ее возможному решению может способствовать активное включение работодателей в подготовку требуемых специалистов (через программы стажировок, корпоративные кафедры и т.п.), а также создание ими условий для развития компонентов инновационного потенциала молодых специалистов в корпоративной среде (формирование инновационной культуры, культивирование практик обмена знаниями и опытом между сотрудниками, развитие трансформационного лидерства и т.д.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Наука. Технологии. Инновации: 2025: краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, М. Н. Коцемир [и др]. – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 104 с.

2. Научно-технологический потенциал регионов Российской Федерации 2010-2023 гг.: состояние, динамика, проблемы: информационно-аналитический бюллетень. Вып. 1. / К.А. Устинова, М.А. Печенская-Полищук [и др.]. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2025. – 90 с.

3. Кадровый потенциал инновационного развития региона: оценка потребности и современные технологии подготовки инженерно-технических кадров: монография / Под общ. ред. Е. В. Мельниковой, Ю. А. Безруких. – Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2019. – 188 с.

4. Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего и инновационный потенциал: монография / Под общ. ред. Я. В. Дидковской, Д. В. Трынова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 215 с.

5. Инновационные компетенции субъектов рынка труда. Анализ и основные направления формирования: монография / Г. А. Гончаров, А. В. Ладоха, А. П. Марков [и др.]. – СПб. : СПбГУП, 2025. – 256 с.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ МЕДИАЦИИ И ЕЁ АДАПТАЦИЯ К НОВЫМ СОЦИАЛЬНЫМ РЕАЛИЯМ

Байсарова А. В.
медиатор, свидетельство № 1006 от 01.02.2022 г. выдано Министерством юстиции Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

Медиация – форма внесудебного урегулирования спора с участием нейтрального посредника – в современных условиях получает не только правовое, но и многоуровневое идеологическое обоснование, адаптируясь к реалиям XXI века [1]. Социологическая теория давно отошла от понимания конфликта как патологии. Напротив, конфликт признаётся неизбежным и функциональным элементом социальной жизни, способным выполнять позитивные функции: разрядку напряжённости, обновление социальных норм, выявление реальных интересов сторон. Медиация представляет собой институционализированный способ перевода конфликта из деструктивной формы в конструктивную, где стороны ищут взаимоприемлемое решение [2, с. 145–160].

Медиация имеет глубокие исторические корни, уходящие в архаичные практики: совет старейшин, общинный суд, примирение через посредничество уважаемого третьего [3]. В традиционной белорусской и шире – славянской культуре функцию посредничества выполняли старосты, «мирские сходы», уважаемые члены общины. Однако было бы глубокой ошибкой воспринимать медиацию как простую реставрацию этих институтов. Коммуникационная среда стремительно меняется: как отмечает А.Г. Асмолов, «кто бы мог подумать, что столь стремительно будут меняться пространства коммуникации в современном обществе» [4]. Современный человек нуждается в структурированной, юридически обеспеченной и понятной процедуре. Медиация сегодня – это не возврат к прошлому, а усовершенствованная модель, которая сохраняет главное (диалог, нейтрального посредника, добровольность) и достраивает необходимое (юридическую силу соглашения,

профессиональную подготовку медиаторов, интеграцию с судебной системой, онлайн-форматы). Медиация – это эволюция, а не реставрация [1, с. 34–37].

В Республике Беларусь последовательно реализуется государственная идеологическая и воспитательная работа, направленная на укрепление традиционных ценностей, гражданского согласия и социальной ответственности. Директива Президента Республики Беларусь № 12 «О совершенствовании идеологической работы» акцентирует необходимость формирования у граждан установок на диалог, ответственность и уважение к праву [5]. Медиация как форма добровольного, ответственного и диалогового разрешения конфликтов органично вписывается в белорусскую идеологическую парадигму, полностью соответствует её ценностным установкам и способна стать действенным инструментом их укрепления на практике.

Идеологическая значимость медиации многогранна. Во-первых, она выполняет важнейшую воспитательную функцию: через участие в медиативной процедуре граждане осваивают навыки конструктивного диалога, учатся слушать и слышать оппонента, аргументировать свою позицию без перехода к агрессии. Эти навыки транслируются в повседневную жизнь, формируя культуру мирного сосуществования и уважительного отношения к чужому мнению. Во-вторых, медиация выступает эффективным инструментом профилактики социальных конфликтов и экстремистских проявлений. Своевременное и квалифицированное посредничество позволяет снять остроту противоречий на ранней стадии, не допуская их перерастания в открытое противостояние, что особенно актуально в сфере межнациональных, межконфессиональных и трудовых отношений. В-третьих, медиация способствует формированию правосознания и уважения к закону. Граждане, добровольно приходящие к соглашению, осознают ценность договорённостей, закреплённых в юридически значимом документе, что повышает их правовую культуру и ответственность. В-четвёртых, медиация снижает социальную напряжённость и нагрузку на судебную систему, позволяя государству эффективнее распределять ресурсы и сосредоточиться на стратегических задачах развития. В-пятых, медиация играет значимую роль в реализации государственной молодёжной политики: вовлечение молодёжи в школьные и студенческие медиативные службы формирует у подрастающего поколения установки на диалог и сотрудничество, что является залогом устойчивого развития общества в долгосрочной перспективе.

Следовательно, медиация предлагает цивилизованный, правовой и человеко-ориентированный способ восстановления справедливости и взаимопонимания. Тем самым она работает на достижение стратегических целей государственной политики по формированию социально ответственного и сплочённого общества. Развитие медиации в Беларуси – это идеологический проект, который может быть встроен в существующую систему воспитательной работы, образования и информационной политики. Медиативное мышление становится не просто личной компетенцией, а элементом гражданской культуры, способствуя укреплению социальной стабильности [4].

Современная коммуникационная среда кардинально отличается от той, которая существовала два десятилетия назад. Всё больше конфликтов зарождается в цифровом пространстве: споры в мессенджерах, конфликты в социальных сетях, нарушение договорённостей в онлайн-сделках. Интернет не создаёт новые типы конфликтов, но многократно ускоряет их эскалацию и затрудняет примирение [2, с. 145–160]. В этой ситуации медиация адаптируется: появляются онлайн-медиация, платформы для удалённого урегулирования споров. Однако искусственный интеллект не может заменить медиатора. Медиация – это сложный социально-психологический процесс, требующий эмпатии, понимания контекста и способности выстраивать доверие. Медиативное мышление остаётся человеческой компетенцией, и в цифровую эпоху оно становится ещё более востребованным [4].

Таким образом, медиация в XXI веке – это не просто альтернатива суду, а социально-культурный и идеологический проект, направленный на восстановление диалога, ответственности и доверия в обществе. Её развитие должно учитывать как глобальные тренды

(цифровизация, ИИ), так и локальные социокультурные и идеологические особенности Республики Беларусь. Медиация способствует реализации государственных задач по формированию диалоговой культуры и социальной стабильности, что делает её важным элементом белорусской идеологической модели.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мур, К. Процесс медиации. Практическое руководство / К. Мур ; пер. с англ. М. Цехмистренко. – М. : Медиация и право, 2018. – 480 с.

2. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия / Ю. Хабермас ; пер. с нем. А. И. Беляева. – М. : Весь Мир, 2022. – 880 с.

3. Хёйзинга, Й. Homo Ludens. Человек играющий / Й. Хёйзинга ; пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. – М. : АСТ, 2022. – 400 с.

4. Асмолов, А. Г. Станет ли медиация культурой XXI века / А. Г. Асмолов // Психологическая газета. – 2021. – 1 февр. – URL: https://psy.su/pubs/8847/ (дата обращения: 15.06.2026).

5. Директива Президента Республики Беларусь № 12 «О совершенствовании идеологической работы» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by. (дата обращения: 15.06.2026).

УДК 316.3

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОСТИ: ОТ ЕДИНСТВЕННОСТИ К МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Бакулин А. В.
аспирант ЛЭТИ
инженер-исследователь СПБГУ
сотрудник АЦ ВЦИОМ
г. Санкт-Петербург, Россия

Дерюгин П. П.
доктор социологических наук
профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии СПБГУ,
профессор кафедры социологии и политологии ЛЭТИ
г. Санкт-Петербург, Россия

При финансовой поддержке гранта РНФ № 24-18-00261.

Проблема социального порядка относится к числу фундаментальных вопросов социологической теории. На протяжении всей истории социологии исследователи стремились объяснить, каким образом становится возможной координация действий множества индивидов, не сводящихся к единому центру управления. Именно поиск механизмов, обеспечивающих устойчивость общественной жизни, определял развитие основных социологических парадигм. Однако если классическая социология исходила из существования единого основания общественного порядка, то современная теория все чаще рассматривает социальную реальность как результат взаимодействия нескольких различных механизмов социальной координации. Вследствие этого меняется и понимание социальности.

В настоящем исследовании под социальностью понимается способ организации совместной жизни людей, основанный на определенном механизме координации социальных действий и обеспечивающий воспроизводство устойчивых социальных связей. Такое понимание позволяет рассматривать социальность не как абстрактное свойство общества, а как аналитическую категорию, фиксирующую различные способы формирования общественного порядка. История социологической мысли в этом случае может быть представлена как последовательное расширение представлений о механизмах социальной координации.

В классической социологии конца XIX — начала XX века общество рассматривалось как целостная система, существование которой обеспечивается единым механизмом интеграции. Несмотря на существенные различия между ведущими теоретическими школами, большинство классических концепций объединяло стремление выявить универсальный принцип воспроизводства социальной реальности.

Наиболее последовательное выражение данная позиция получила в работах Э. Дюркгейма, рассматривавшего социальные факты как объективную реальность, существующую независимо от сознания отдельных индивидов и оказывающую на них принудительное воздействие [1]. Общественный порядок, согласно Дюркгейму, поддерживается системой институтов, норм и коллективных представлений, которые обеспечивают интеграцию индивидов в единое общество. Социальность в данной традиции выступает прежде всего как нормативный порядок, основанный на обязательности единых правил поведения. Иную интерпретацию предложил М. Вебер. Сохраняя представление о необходимости объяснения общественного порядка, он переносит внимание с институтов на действия самих социальных акторов. Предметом социологии становится социальное действие, субъективно ориентированное на другого человека [2]. Развивая эту исследовательскую линию, Г. Зиммель показывает, что общество существует не только благодаря институтам, но и благодаря непрерывному воспроизводству разнообразных форм взаимодействия — сотрудничества, обмена, конфликта, соперничества, игры [3]. Впоследствии Т. Парсонс и Р. Мертон интегрировали институциональный и деятельностный подходы в рамках структурно-функциональной традиции, сохранив представление о существовании единой системы социальной интеграции [4; 5]. Таким образом, различия между классическими теориями касались прежде всего природы общественного порядка, однако практически все они исходили из существования единственного механизма социальной координации, способного обеспечить воспроизводство общества.

Во второй половине XX века ситуация начинает меняться. Развитие феноменологической социологии, символического интеракционизма и этнометодологии приводит к пересмотру самого вопроса о происхождении социальной реальности. Если ранее общественный порядок объяснялся существованием объективных структур, то теперь внимание исследователей смещается к процессам его повседневного производства. А. Шюц показывает, что социальный мир возникает благодаря интерсубъективности — способности людей разделять общий жизненный мир и согласовывать значения собственных действий [6]. П. Бергер и Т. Лукман демонстрируют, что сами институты являются результатом процессов социального конструирования и лишь затем приобретают характер объективной реальности [7]. Символический интеракционизм Г. Блумера рассматривает общество как непрерывный процесс интерпретации социальных ситуаций [8], тогда как Г. Гарфинкель показывает, что устойчивость социальных структур обеспечивается рутинными практиками повседневного взаимодействия [9]. И. Гофман, в свою очередь, описывает порядок интеракций как относительно самостоятельный уровень социальной организации, обладающий собственной логикой воспроизводства [10]. Тем самым происходит принципиальное изменение исследовательской оптики. Социальность начинает пониматься не только как результат действия институтов, но и как процесс постоянного воспроизводства совместности в ходе взаимодействия самих участников социальных отношений.

Следующим этапом становится попытка объединить институциональный и интеракционный подходы. Наиболее влиятельные интегративные концепции второй половины XX века исходят из того, что общественный порядок возникает благодаря взаимному влиянию структур и действий социальных акторов. В теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса общество рассматривается как результат взаимодействия системы и жизненного мира [11]. Э. Гидденс в теории структурации показывает, что социальные структуры одновременно являются условием и результатом социальных практик [12]. М. Арчер предлагает аналитически различать структуру и агентность, исследуя механизмы их взаимного влияния во времени [13]. П. Бурдье объясняет воспроизводство социальной

реальности посредством взаимодействия поля, капитала и габитуса, демонстрируя взаимную обусловленность объективных структур и практик социальных агентов [14]. Несмотря на различия между этими концепциями, все они сохраняют общее предположение: основные механизмы социальной координации находятся в пространстве отношений между институтами и действующими субъектами.

Конец XX — начало XXI века сопровождаются качественными изменениями общественного развития, связанными с глобализацией, цифровизацией, распространением сетевых коммуникаций и ростом мобильности населения. Эти процессы ставят под сомнение представление о том, что институты и непосредственные взаимодействия исчерпывают возможные способы социальной координации. М. Кастельс описывает современное общество как сетевое, в котором ключевое значение приобретают информационные сети [15]. Б. Латур и представители акторно-сетевой теории показывают, что устойчивые формы социальной организации возникают в результате объединения людей, технологий и материальных объектов в единые сети [16]. Дж. Урри рассматривает мобильность как самостоятельный принцип организации современного общества [17], тогда как А. Аппадураи демонстрирует, что глобальная современность все в большей степени определяется потоками людей, финансов, технологий и культурных образов [18]. В результате исследовательский интерес смещается от поиска единственного механизма общественного порядка к анализу множественности механизмов социальной координации. Институты продолжают выполнять интегративную функцию, однако наряду с ними возникают сетевые связи, потоковые процессы, цифровые платформы и иные формы организации общественной жизни, которые не могут быть адекватно описаны средствами классической социологии.

Таким образом, развитие социологической теории свидетельствует не о последовательной смене одних форм социальности другими, а о постепенном расширении представлений о способах организации социальной реальности. Современное общество представляет собой пространство сосуществования различных механизмов социальной координации, каждый из которых формирует собственную форму социальности. Однако большинство существующих теорий продолжают анализировать эти механизмы раздельно, что затрудняет описание их совместного функционирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Подвойский, Д. Г. Социологический реализм Эмиля Дюркгейма / Д. Г. Подвойский // Южно-российский журнал социальных наук. – 2004. – № 2. – С. 13.

2. Ховрин, А. Ю. Теоретико-методологические основания исследования социального партнёрства в работах Э. Дюркгейма и М. Вебера / А. Ю. Ховрин // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 3. – С. 29.

3. Ионин, Л. Г. Социология Георга Зиммеля / Л. Г. Ионин // История социологии в Западной Европе и США. – М. : Наука, 1993. – С. 424.

4. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Академический проект, 2002. – С. 880.

5. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ : АСТ Москва : Хранитель, 2006. – С. 873.

6. Шюц, А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии / А. Шюц. – М. : Общественное мнение, 2003. – С. 336.

7. Михалева, К. Ю. Концепция социального института в социологической теории / К. Ю. Михалева, Н. Л. Полякова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2012. – № 2. – С. 16.

8. Николаев, В. Г. Символический интеракционизм Герберта Блумера (II): теоретическая перспектива / В. Г. Николаев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. – 2008. – № 3. – С. 22.

9. Гарфинкель, Г. Исследование привычных оснований повседневных действий / Г. Гарфинкель // Социологическое обозрение. – 2002. – № 1. – С. 29.

10. Goffman, E. The Presentation of Self in Everyday Life / E. Goffman. – Garden City : Doubleday, 1959. – P. 259.

11. Habermas, J. The Theory of Communicative Action. Volume 1: Reason and the Rationalization of Society / J. Habermas ; transl. by T. McCarthy. – Boston : Beacon Press, 1985. – P. 512.
12. Giddens, A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1984. – P. 402.
13. Archer, M. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach / M. Archer. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – P. 354.
14. Bourdieu, P. Outline of a Theory of Practice / P. Bourdieu. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – P. 248.
15. Castells, M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society / M. Castells // The British Journal of Sociology. – 1997. – Vol. 48, № 4. – P. 625.
16. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур ; пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. – 2-е изд. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – С. 384.
17. Денисов, Ю. В. Изменение взглядов на социальную мобильность в свете теории Джона Урри / Ю. В. Денисов // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 6.
18. Макарова, О. И. А. Аппадураи: культурные последствия глобализации / О. И. Макарова // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2011. – № 2 (3). – С. 6.

УДК 316.43

ПЛАНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ С УЧЕТОМ СТАТИСТИКИ И ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Балич Н. Л.
Зав. отделом Института социологии НАНБ
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Планирование социально-культурного развития территорий наряду с государственными программами должно осуществляться с учетом статистических показателей относительно деятельности учреждений культуры и опросов общественного мнения, проведенных на местах. Эти взаимодополняющие инструменты являются частью социологического анализа в целях принятия эффективных управленческих решений. Их важность обусловлена следующим:

- объективные количественные показатели в регионах позволяют изучить уровень посещаемости объектов культуры, проблемы их финансирования, оснащения функционирующих объектов, выявить их возможные ресурсы и потенциал;

- опросы общественного мнения дают более достоверную информацию о потребностях, интересах, предпочтениях и ожиданиях местного населения: востребованность культурных объектов, оценка их работы и качества услуг, потребность в новых объектах, а также другие актуальные вопросы.

Игнорирование статистической или социологической информации может привести к неэффективному распределению ресурсов и созданию не востребованных среди местного населения региональных культурных проектов.

Статистические данные о деятельности организаций культуры за 2021–2025 гг., отражают отрицательную динамику клубов – количество сократилось с 2513 до 2200, публичных библиотек – с 2432 до 2117, музеев – с 159 до 150. При этом отмечается сохранение прежней численности профессиональных театров (28), зоопарков (5), цирков (2), а также небольшой прирост (с 22 до 24) концертных организаций. Сокращение клубов и библиотек происходит в городских и сельских поселениях. Так, с 2021 по 2025 г. в сельской местности библиотек стало меньше на 236 объектов, клубов – на 187. В городах за указанный период закрылись 79 библиотек и 126 клубов [1].

Темпы сокращения указанных объектов в каждом регионе свои. Наиболее ощутима данная проблема в сельской местности, где среди областей в данном аспекте выделяются Брестский и Минский регионы. В каждом из них за последние пять лет клубов стало меньше на 80 объектов (из них 34 в сельской местности Брестской области и 57 – в Минской). В Могилевском регионе больше клубных объектов было закрыто в городах, чем в селе (25 и 16 соответственно). Кроме того, в Могилевской области в сравнении с другими регионами за последние пять лет было закрыто меньше всего клубных учреждений (41) [1].

За пять лет больше всего сокращено библиотек в Витебском регионе (76 объектов), причем в основном в сельской местности. В других областях также отмечается тенденция к уменьшению числа библиотек, расположенных чаще в сельских поселениях. В меньшей степени сокращение затронуло Гродненскую область, где с 2021 по 2025 г. было закрыто 22 объекта (из них 3 в городах). В городах Гомельской области было закрыто 2 объекта [1].

Безусловно, есть объективные причины данной негативной тенденции. Клубы и библиотеки прекращают свою работу из-за снижения их актуальности в цифровую эпоху, изменения интересов аудитории (прежде всего молодежи, нередко предпочитающей онлайн-формы досуга), а также из-за проблем финансирования. Влияют на указанный факт демографические проблемы в сельской местности, отток молодежи в города. Темпы сокращения объектов культуры в городских и сельских поселениях разные. В сельской местности они закрываются в связи с нерентабельностью. В городах они чаще модернизируются, переводятся в мультифункциональные центры, с задачей улучшить качество услуг. Целью таких мероприятий является повышение привлекательности культурных объектов, а не их сокращение.

Анализ оценок респондентов за 2021–2025 гг. показал, что большинство жителей городских и сельских поселений всех областей Беларуси удовлетворены и скорее удовлетворены работой функционирующих учреждений культуры (клубов, библиотек, музеев) по месту жительства. Больше положительных оценок зафиксировано среди жителей городов.

По данным республиканских опросов Института социологии НАН Беларуси, наиболее высокий уровень удовлетворенности работой учреждений культуры в 2024–2025 гг. выразили жители городов Брестской области (93–94 %). Отметим интенсивный рост положительных оценок городских жителей других областей. Так, среди горожан Гродненского региона за пять лет уровень удовлетворенности вырос с 66 до 96 %, Витебского – с 70 до 92 %, Гомельского – с 85 до 92 %, Могилевского – с 76 до 90 %, Минского – с 68 до 86 %. Оценки жителей г. Минска также имеют тенденцию к улучшению с 81 до 93 %.

В целом в большинстве регионов оценки сельских жителей в 2025 г. демонстрируют положительную динамику по сравнению с 2021 г., однако в ряде областей наблюдается нестабильность. В частности, после снижения в 2024 г. уровень удовлетворенности среди жителей Витебской области работой учреждений культуры возрос до 64 %. Аналогичная тенденция наблюдается и среди сельчан Гродненской области: уровень удовлетворенности составил 68 % в 2024 г. и 89 % в 2025 г. Для Могилевской и Брестской областей характерно снижение числа положительных оценок в 2022 г. и последующий их рост, в Брестском регионе отмечено их некоторое снижение – с 80 до 76 % в 2024–2025 гг. Наиболее высокий уровень удовлетворенности работой учреждений культуры в 2025 г. выразили сельчане Гомельской и Гродненской (90–89 %) областей, а также Минской, Брестской и Могилевской (79–70 %).

Несмотря на превалирование положительных оценок и их рост в последние годы, нельзя не учитывать наличие негативных откликов о деятельности учреждений культуры, чаще выраженных сельским населением Витебской и Могилевской областей (35–29 %).

Таким образом, при ежегодном сокращении численности клубов и библиотек уровень удовлетворенности населения работой учреждений культуры, включая возможности отдыха и проведения досуга по месту жительства, характеризуется динамичным ростом. Вместе с тем остаются нерешенные проблемы, актуальные для жителей определенных территорий и требующие управленческих действий на местах. Учет данных статистики и опросов

общественного мнения будет способствовать принятию эффективных решений органами управления в целях планирования социально-культурного развития территорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Статистика культуры, спорта, средств массовой информации [Электронный ресурс] / Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10109100001. (дата обращения: 15.07.2026).

УДК 332.81

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ИНФРАСТРУКТУРА ДЛЯ ЖИЗНИ»

Бердникова В. Н
доцент кафедры государственного и корпоративного управления ИМСИТ
кандидат экономических наук, доцент
г. Краснодар, Россия

Акст А. А.
магистрант ИМСИТ
г. Краснодар, Россия

В современности на данном этапе развития Российской Федерации особую значимость приобретает формирование комфортной и безопасной среды проживания населения. Государственная политика реализует поставленные цели через систему национальных проектов, направленных на повышение качества жизни граждан. Так, одним из ключевых направлений государственной политики в России в сфере пространственного и социально-экономического развития в 2025 году можно считать национальный проект «Инфраструктура для жизни».

Указанный национальный проект объединяет в себе задачи жилищного строительства, модернизации коммунального хозяйства, развития дорожной сети и благоустройства территорий. Прогнозный срок реализации национального проекта установлен до 2030 года, а его ключевой целью выступает обеспечение граждан современной жилищной, транспортной, социальной и коммунальной инфраструктурой [1].

Стоит отметить, что Национальный проект «Инфраструктура для жизни» был разработан как продолжение ранее реализуемых программ «Жилье и городская среда» и «Безопасные качественные дороги», совмещая в себе их основные направления в единую систему инфраструктурного развития.

В целом реализация данного проекта имеет высокую значимость для социально-экономической ситуации в стране:

– способствует росту инвестиционной привлекательности и активности;

– повышает мобильность населения, создавая условия для релокации трудовых ресурсов в рамках страны;

– улучшает условия ведения бизнеса, приводит к созданию новых рабочих мест;

– оказывает влияние на демографические процессы, уровень социальной стабильности и пространственное развитие государства;

– способствует развитию внутристранового туризма и т.д.

Однако в ходе реализации проекта могут возникнуть определенные трудности, а одной из существенных проблем можно назвать недостаточность финансирования. Бесспорно, реализация любых масштабных инфраструктурных проектов требует значительных бюджетных вложений, при этом необходимо учитывать тот факт, что возможности регионов существенно различаются, а в некоторых случаях возможности софинансирования со стороны

регионов вообще ограничены. Например, дотационные субъекты РФ испытывают дефицит финансовых ресурсов, что затрудняет своевременное выполнение мероприятий проекта [2]. В то время как крупные, экономически развитые регионы обладают большими возможностями для реализации проектов. Эти обстоятельства приводят к неравномерности реализации национального проекта и увеличению различий между регионами по качеству инфраструктуры и уровню жизни населения [3].

Данные проблемы неоднократно поднимались на специализированных форумах, дискуссионных площадках и в научных работах экономистов. Например, С. В. Ильченко подчеркивает, что региональные проблемы реализации национальных проектов представляют собой «сочетание финансовых и организационных трудностей» [4]. Группа исследователей Д. Л. Кондратович, И. А. Гущина, О. А. Положенцева сделали заключение, что при реализации проектов сегодня не хватает синергии между государственными структурами, бизнесом и местными жителями, и лишь только системный подход позволит не только решить текущие проблемы, но и существенно улучшить качество жизни в регионах России [5]. М. Ш. Галимуллин в свое называет серьёзной проблемой недостаток управленческих компетенций у многих региональных руководителей. Например, согласование проектной документации часто затягивается, в результате чего сдвигаются сроки выполнения проектных мероприятий. Имеют место случаи, когда наблюдается отсутствие системного подхода к выбору подрядчиков, что является причиной низкого качества работ и необоснованного увеличения затрат на реализацию проектов [6]. Добавим к этому еще рост стоимости строительных материалов и услуг, инфляцию, спровоцированную санкциями и внешними ограничениями.

Специалисты – практики достаточно часто считают, что сдерживающим фактором считаются сложности непосредственно в системе управления проектами. Координация между федеральными, региональными и муниципальными органами власти может приводить к задержкам в согласовании документации, что, в свою очередь, приводит к нарушению сроков реализации. Вынужденные задержки также увеличивают стоимость реализации проектов, а, следовательно, бюджетные средства используются неэффективно.

Первопричины могут быть разные, среди которых:

– недостаточность квалификации кадров, участвующих в реализации инфраструктурных проектов;

– неумение использовать современные управленческие механизмы со стороны сотрудников;

– не всегда эффективный мониторинг процесса реализации проектов на местах;

– неумение заблаговременно просчитать риски, ограничивающие возможности реализации проекта [7].

Есть смысл отдельно выделить вопрос коррупции. Счетная палата РФ особенно внимательно относится к вопросам реализации национальных проектов. Для таких проектов как «Инфраструктура для жизни» характерны высокие коррупционные риски, т.к. требуется проведение большого количества государственных закупок. По всей стране фиксируются случаи нарушения контрактной дисциплины и неэффективного использование бюджетных средств. Эта проблема так же может быть рассмотрена вкупе с недостаточностью системы финансового мониторинга и мониторинга в целом. Таким образом, именно упор на повышение цифровизации и использование единой среды для исполнения государственных закупок в будущем позволит повысить прозрачность процедур и их точность. Использование цифровых платформ мониторинга позволяет заметно повысить прозрачность расходования средств, улучшить контроль сроков реализации проектов и сократить все бюрократические процедуры [8].

Если перейти к конкретным цифрам реализации проектов в стране, то по итогам 2025 г. в рамках проекта «Инфраструктура для жизни» были достигнуты высокие показатели ввода объектов инфраструктуры и дорожного строительства, что свидетельствует о сохранении положительной динамики реализации национального проекта. Председатель Правительства

РФ Михаил Мишустин в своем выступлении с отчетом в Государственной Думе заявил, что объем введенного в эксплуатацию жилья достиг 108 млн кв. м. Свыше 960 тысяч человек воспользовались ипотечными кредитами, в том числе льготными программами семейной, дальневосточной и арктической ипотек, которые по поручению Президента теперь распространяются и на вторичный рынок в городах с недостаточным объемом нового строительства [9]. Кроме того, около 100 тысяч переехали из аварийного жилья в современные квартиры. Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды расширил свою географию. На гранты победителям направлено 25 млрд рублей. Это позволило реализовать более 1100 инициатив по благоустройству. Сегодня продолжают действовать программы социально-экономического развития для геостратегических территорий в России. [10].

Рассмотрим, некоторые особенности реализации национального проекта в одном из наиболее активно развивающихся регионов России – Краснодарском крае. Регион обладает высокой инвестиционной привлекательностью, развитым агропромышленным комплексом, транспортной системой и туристической инфраструктурой. Одновременно регион сталкивается с рядом проблем, а именно высокой степенью износа инженерных сетей, сезонными перегрузками транспортной инфраструктуры, необходимостью ускоренного строительства социальных объектов, дефицитом квалифицированных кадров в строительной отрасли и ростом стоимости строительных работ, а быстрый рост населения и высокая нагрузка на коммунальные и дорожные сети требуют масштабной модернизации инфраструктуры.

На Кубани в рамках нацпроекта «Инфраструктура для жизни» за трехлетний период на модернизацию жилищно-коммунальной отрасли направят около 8 млрд руб. В том числе средства из федерального бюджета – 4,1 млрд руб., из краевого – 3,8 млрд руб. Вместе с тем в 2025 году на реализацию мероприятий национального проекта в Краснодарском крае уже было направлено 13,4 млрд рублей. Средства использовались для ремонта дорог, строительства мостов и модернизации коммунальной инфраструктуры. Регион демонстрирует достаточно высокие темпы реализации мероприятий проекта и может рассматриваться как один из наиболее успешных субъектов РФ в сфере инфраструктурного развития. Губернатор Краснодарского края Вениамин Кондратьев отмечал, что реализация проекта осуществляется «с опережением графика».

По данным региональных властей, в рамках проекта было отремонтировано более 208 километров дорог, а также обновлены мостовые сооружения и путепроводы. Отдельно региональными властями выделяется модернизация коммунального хозяйства. В ближайшие годы в 34 муниципалитетах Краснодарского края планируется обновление 78 объектов коммунальной инфраструктуры. В их число входят объекты водоснабжения, водоотведения и теплоснабжения. Опыт Краснодарского края показывает, что при наличии эффективного регионального управления возможно достижение высоких результатов в реализации инфраструктурных программ.

Подводя итоги следует отметить, что национальный проект «Инфраструктура для жизни» обладает значительным потенциалом для социально-экономического развития Российской Федерации, однако эффективность его реализации требует взвешенного, грамотного, планомерного подхода на всех его этапах реализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кондратович Д. Л. Основные тенденции реализации национальных проектов в АЗРФ на региональном и муниципальном уровнях (по результатам экспертного опроса 2024 Г.) / Д. Л. Кондратович, И. А. Гущина, О. А. Положенцева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 11, № 11. – С. 114-124.

2. Термелева А.Е. Реализация национальных проектов в Российской Федерации: подходы и результаты // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. –2025. –Т. 16., № 1. – С. 174–186.

3. Галимуллин М. Ш. Особенности и проблемы реализации национальных проектов на региональном уровне / М. Ш. Галимуллин // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. – 2025. – № 3. – С. 108-118.

4. Ильченко С. В. Реализация национальных проектов России: проблемы и перспективы // С. В. Ильченко // Вестник экспериментального образования. – 2021. – Т. 28, № 3. – С. 1–8.

5. Мухачёва А. В. Национальные проекты в социальной сфере: эффективность реализации, региональные риски, применение цифровых технологий // Муниципалитет: экономика и управление. 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-proekty-v-sotsialnoy-sfere-effektivnost-realizatsii-regionalnye-riski-primenenie-tsifrovyh-tehnologiy (дата обращения: 25.05.2026).

6. Субъекты финансирования национальных проектов в Российской Федерации: бюджетно-правовой аспект / Мехa В.А. // International Law Journal. –2024. –Т. 7. –№ 5. – С. 52–57.

7. Бердникова П. М. Перспективы цифровой трансформации государственного управления / П. М. Бердникова // Сборник докладов Международной научно-технической конференции молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова, Белгород, 29–30 мая 2025 года. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет, 2025. – С. 40-43.

8. Хамзат М. М. Национальные проекты как инструмент государственной социальной политики: правовая оценка и перспективы развития // Наука. Общество. Государство. 2025. №4 (52). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-proekty-kak-instrument-gosudarstvennoy-sotsialnoy-politiki-pravovaya-otsenka-i-perspektivy-razvitiya1 (дата обращения: 25.05.2026).

9. Хамзат М. М. Национальные проекты как инструмент государственной социальной политики: правовая оценка и перспективы развития // М. М. Хамзат / Наука. Общество. Государство. – 2025. – Т. 52, № 4. – С. 68–79.

10. Бердникова В. Н. Ипотека как инструмент финансирования инвестиционно-строительного процесса / В. Н. Бердникова // Проблемы экономики и управления строительством в условиях экологически ориентированного развития : материалы V Международной научно-практической онлайн-конференции, Томск, 12–13 апреля 2018 года / под научной редакцией И.П. Нужиной, С.А. Астафьева, Л.А. Каверзиной, Ю.Б. Скуридиной. – Томск: Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2018. – С. 72-74.

11. Мишустин подвел итоги развития инфраструктуры для жизни в 2025 году. – 2025. – URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/mikhail-mishustin-podvel-itogi-razvitiya-infrastruktury-dlya-zhizni-v-2025-godu/?ysclid=mpmqbp8aa12385844 (дата обращения: 25.05.2026).

УДК 314.15:331.5-055.2

МАТЕРИНСТВО КАК РЕСУРС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЖЕНЩИНЫ

Боброва А. Г.
руководитель центра человеческого развития и демографии
Института экономики НАН Беларуси
кандидат экономических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Материнство следует рассматривать не только как демографическое событие и основание для предоставления социальных гарантий, но и как важнейший аспект сохранения и развития человеческого потенциала женщины. Этот потенциал включает здоровье, образование, профессиональную квалификацию, экономическую самостоятельность, социальную активность, способность к самореализации и участию в общественной жизни. Рождение и воспитание ребёнка объективно обогащают жизненный опыт женщины, развивают эмоциональную устойчивость, навыки ответственности, планирования и коммуникации. Вместе с тем при недостаточной институциональной поддержке материнство может быть связано с перерывом в занятости, утратой части профессиональных навыков, снижением доходов, замедлением карьерного роста и сужением возможностей для продолжения образования.

Такой подход особенно значим для женщин с высоким уровнем образования и квалификации. Наличие стабильной работы и дохода не устраняет риски, возникающие после рождения ребёнка: семья сталкивается с дополнительными расходами на уход, медицинское сопровождение, образование и развитие детей, а сама женщина — с необходимостью совмещать интенсивную заботу о ребёнке с возвращением к профессиональной деятельности. В этой связи поддержка работающих матерей должна интерпретироваться не как специальная льгота отдельной категории населения, а как инвестиция в сохранение квалифицированной рабочей силы, снижение потерь человеческого капитала и укрепление социально-экономической устойчивости семьи.

Ключевая задача современной семейно-демографической политики состоит не в противопоставлении материнства профессиональной реализации, а в создании условий для их гармоничного сочетания.

Для Беларуси данная проблематика соответствует приоритетам Государственной программы «Развитие демографического потенциала» на 2026–2030 годы, утверждённой постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 декабря 2025 г. № 765 [1]. Программа объединяет проекты по материальной поддержке семьи, укреплению ценностей материнства и отцовства, а также охране репродуктивного здоровья и развитию вспомогательных репродуктивных технологий.

Международный опыт подтверждает, что наиболее результативны меры, объединяющие поддержку доходов, охрану репродуктивного здоровья, развитие услуг ухода за детьми и обеспечение устойчивой связи женщины с рынком труда. Международная организация труда подчёркивает значение оплачиваемых и гарантированных законом отпусков, доступных услуг по уходу за детьми, защиты занятости женщин в период материнства, а также более равномерного распределения семейных обязанностей между родителями [2]. Такая система позволяет уменьшить конфликт между оплачиваемой работой и заботой о ребёнке, сохранить трудовую активность женщин и расширить возможности их возвращения к работе после перерыва.

Показателен опыт Сингапура, где семейная политика сочетает прямую финансовую поддержку, цифровые сервисы и меры в сфере репродуктивного здоровья. В частности, государство софинансирует процедуры вспомогательной репродукции в публичных центрах: для соответствующих критериям семей объём поддержки может достигать 75% стоимости процедуры [3]. Значение этой практики состоит в признании репродуктивного здоровья не только частной проблемой семьи, но и значимой составляющей демографического и человеческого потенциала государства. Для женщины доступность современной медицинской помощи повышает возможность реализовать репродуктивные планы без чрезмерных финансовых рисков и тем самым снижает вероятность вынужденного отказа или длительного откладывания материнства.

Не менее важен японский опыт универсализации детских пособий. С октября 2024 г. в Японии отменён критерий дохода при назначении детского пособия, расширен период его выплаты до окончания старшей школы, а размер выплаты на третьего и последующих детей увеличен до 30 тыс. иен в месяц [4]. Содержательно эта мера демонстрирует отказ от представления о том, что занятая и профессионально успешная женщина не нуждается в поддержке государства. Даже при наличии стабильного дохода семья несёт значительные затраты на жильё, образование, медицинское обслуживание, уход и развитие детей. Универсальный характер поддержки способствует тому, чтобы профессиональный успех женщины не становился основанием для сокращения её социальных гарантий.

Отдельную группу составляют меры, выражающие долгосрочное общественное признание материнского труда и экономической активности женщин с детьми. В Венгрии женщины, воспитывающие или воспитавшие четырёх и более детей, освобождаются от уплаты подоходного налога с доходов от трудовой и самостоятельной занятости [5]. В Италии реализуются механизмы поддержки работающих матерей с двумя и более детьми, включая ежемесячную выплату и, для отдельных категорий, освобождение от части социальных

взносов [6]. Сравнительная ценность этих примеров заключается не столько в размере конкретных выплат, сколько в их общей логике: материнство и занятость признаются взаимодополняющими сферами, а женщина, одновременно воспитывающая детей, сохраняющая квалификацию и участвующая в экономике, получает дополнительную институциональную поддержку.

Российский опыт, в свою очередь, представляет интерес с точки зрения формирования системы поддержки семьи на различных этапах жизненного цикла. Материнский капитал предоставляется также при рождении первого ребёнка и включён в национальный проект «Семья», действие соответствующей программы продлено до конца 2030 г. [7]. Кроме того, с 2026 г. предусмотрена ежегодная семейная выплата для работающих родителей с двумя и более детьми. Важен сам принцип сочетания мер, направленных на жилищные, образовательные и текущие потребности семьи, с признанием того, что трудовая активность родителей не должна исключать их из системы существенной государственной поддержки.

Учитывая прочную социальную основу белорусской поддержки семьи, следующий шаг может состоять в более заметной ориентации на женщину, которая одновременно является матерью, квалифицированным работником, налогоплательщиком, специалистом и гражданкой, реализующей себя в разных жизненных сферах. Целесообразно развивать политику, ориентированную на сохранение и приумножение человеческого потенциала женщины на протяжении всего периода материнства. Приоритетное значение приобретает не только объём денежных выплат, но и доступность инфраструктуры: ясельных групп, дошкольных учреждений с удобным для работающих родителей режимом, кратковременного присмотра за детьми, услуг няни, консультационной помощи, программ повышения квалификации и переобучения. В данном контексте цифровые сервисы способны уменьшить организационные издержки семьи, обеспечив быстрый доступ к информации о пособиях, медицинской помощи, местах в учреждениях дошкольного образования, услугах ухода и возможностях профессионального развития.

Одновременно требуется развивать механизмы, позволяющие женщине сохранять связь с профессиональной сферой во время отпуска по уходу за ребёнком и постепенно возвращаться к полноценной занятости. Речь может идти о гибком рабочем времени, дистанционном и гибридном формате труда там, где это допускает характер работы, доступных программах краткосрочного обучения, карьерном консультировании и содействии работодателям, которые создают семейно-ориентированные рабочие места. Поддержка работающей матери должна быть устроена таким образом, чтобы не создавать у работодателя стимулов избегать найма женщин с детьми. Поэтому часть связанных с материнством рисков и затрат должна компенсироваться через государственные механизмы, социальное страхование и целевые программы для работодателей. Такой подход позволит рассматривать расходы на поддержку материнства не как краткосрочные социальные издержки, а как долгосрочные вложения в здоровье, квалификацию, экономическую активность и благополучие женщин, семей и общества в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Государственной программе «Развитие демографического потенциала» на 2026–2030 годы [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 дек. 2025 г., № 765 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C22500765. – Дата доступа: 21.09.2026.

2. Care at work: investing in care leave and services for a more gender equal world of work [Electronic resource] / International Labour Organization. – Geneva : ILO, 2022. – Mode of access: https://www.ilo.org/publications/major-publications/care-work-investing-care-leave-and-services-more-gender-equal-world-work. – Date of access: 21.09.2026.

3. Co-funding for assisted conception procedures [Electronic resource] // Made For Families. – Mode of access: https://www.madeforfamilies.gov.sg/support-measures/baby-prep/co-funding-for-assisted-conception-procedures. – Date of access: 21.09.2026.

4. Child allowance: the outline of the child allowance [Electronic resource] // Children and Families Agency, Japan. – Mode of access: https://www.cfa.go.jp/en/index-en. – Date of access: 21.09.2026.

5. TaxBEN country profile: Hungary [Electronic resource] / Organisation for Economic Co-operation and Development. – Mode of access: https://www.oecd-ilibrary.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-issues/incomes-support-redistribution-and-work-incentives/TaxBEN-Hungary-latest.pdf. – Date of access: 21.09.2026.

6. Nuovo Bonus mamme 2025: requisiti e presentazione delle domande [Electronic resource] // Istituto Nazionale della Previdenza Sociale. – 2025. – Mode of access: https://www.inps.it/it/it/inps-comunica/notizie/dettaglio-news-page.news.2025.10.nuovo-bonus-mamme-2025-requisiti.html. – Date of access: 21.09.2026.

7. Maternity (family) capital [Electronic resource] // Social Fund of Russia. – Mode of access: https://sfr.gov.ru/en/matcap/. – Date of access: 21.09.2026.

8. The maternity capital programme will continue, and existing social measures will remain unchanged [Electronic resource] // Government of the Russian Federation. – 2024. – Mode of access: http://government.ru/en/news/52118/. – Date of access: 21.09.2026.

УДК 323.2

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В РЕШЕНИИ ЛОКАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: КЕЙС КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Бориско О. А.
доцент кафедры государственной политики и публичного управления КубГУ
кандидат политических наук, доцент
г. Краснодар, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности».

Краснодарский край представляет собой интенсивно развивающийся в экономическом плане регион с масштабными инфраструктурными проектами, с растущим высокими темпами населением за счет миграции. Эти процессы часто порождают острые конфликты интересов: между застройщиками и жителями, бизнесом и органами власти, и активистами. В этих условиях практики гражданского участия становятся необходимыми для сбалансированного развития территорий.

Власти региона, бизнес, гражданские активисты Краснодарского края сталкиваются с широким спектром проблем, которые невозможно решить без гражданских инициатив. Это экологические угрозы (например, мусорные полигоны в Новороссийске и Анапе, разлив мазута в Черном море), инфраструктурные вызовы (разрушенный мост в Абинском районе, проекты сноса домов и проведения новых трамвайных линий в Краснодаре), социальные вопросы (доступность медицинской помощи, качество образования, сохранение культурного наследия).

С целью выявления уровня конфликтности и солидарности при реализации практик гражданского участия на локальном уровне в Краснодарском крае в июле – декабре 2025 г. было проведено эмпирическое исследование методом глубинного интервью (15 интервью в активистами).

По мнению Л. И. Никовской и И. А. Скалабан, гражданское участие – это «процесс вовлечения и поддержания взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению значимого результата» [1, с. 43]. Гражданское участие отражает способность человека влиять на общество и социальные процессы [2].

Важно отметить, что гражданское участие в крае качественно трансформировалось: если в 1990-е и 2000-е гг. оно носило преимущественно стихийный и протестный характер, то сегодня мы наблюдаем появление более институционализированных форм (ТОСов,

общественных советов, волонтерских штабов, инициативных групп). Но этот процесс сталкивается с институциональными и коммуникативными барьерами, преодоление которых требует усилий от всех задействованных сторон.

Особенность Краснодарского края заключается в его поликультурности и полиэтничности, что накладывает отпечаток на формы и содержание гражданского участия. Казачьи сообщества, национальные диаспоры, мигранты по-разному включаются в локальные практики, однако, как показывают интервью, определяющим фактором объединения становится не этническая или конфессиональная принадлежность, а общность территории и общие вызовы. В этом смысле Краснодарский край является примером того, как локальная идентичность перерастает в гражданскую ответственность.

Анализ интервью показывает, что ключевым мотивом гражданского участия в Краснодарском крае выступает угроза личным интересам, которая в процессе коллективных действий трансформируется в осознание общественной значимости проблемы: «Нас почему-то соединяет вместе какая-то беда. Я всем говорю, давайте сделаем наш район лучше. Мы делаем это не для кого-либо, для себя, для своих детей, плюс для гостей» (активист, Анапа). Формула «от своего к общему» является доминирующей мотивационной схемой. Кризисные ситуации (экологические катастрофы, угроза сноса домов, закрытие социальных объектов) выступают тем, что подталкивает к объединению.

Жители Краснодарского края используют широкий спектр форм гражданского участия, которые подразделяются на две основные группы – онлайн и офлайн. Цифровые инструменты сегодня становятся доминирующим средством координации и мобилизации: «У меня в группе 590 человек... Я думаю, есть, конечно, и те, кто просто наблюдатели. Ну, человек 300-400, даже пусть и 500 человек. Кто-то, но один раз он точно помог» (активистка, Апшеронский район).

Информационная функция социальных сетей не ограничивается внутренней координацией: «Работает огласка: если крупные паблики подхватили тему, то она с высокой степенью вероятности будет проработана. Сотня поданных замечаний к общественным обсуждениям будет проигнорирована» (активист, Краснодар). Эта закономерность указывает на то, что публичность становится ключевым ресурсом для гражданских инициатив. Высока роль каналов на Интернет-платформах. Они при определенных условиях могут становиться инструментом не только давления, но и прямого диалога с представителями власти и другими заинтересованными субъектами.

Что касается офлайн-инструментов, они сохраняют свое значение, особенно в сфере прямого действия: «В свое время я попросил жителей, давайте купим себе инструмент... Многих убедил, люди включились в работу, и мы где-то примерно там на 480 тысяч накупили инструмент. Мы выходили, приводили в соответствие территорию» (активист, Анапа). Остаются востребованными также коллективные обращения и судебные разбирательства. Устойчивой и массовой формой участия, превращаясь в повседневную практику сегодня становится волонтерство, особенно в контексте помощи СВО.

Несмотря на рост гражданской активности, существуют системные барьеры, которые значительно снижают эффективность участия и препятствуют институционализации гражданского общества.

Во-первых, это взаимное недоверие представителей власти и активистов. Некоторые из них считают, например, такой формальный механизм как общественные слушания профанацией. «А что туда идти, если за нас все решили» (активист, Новороссийск). Часть местная власть воспринимает общественность как помеху, общественность не верит в возможность конструктивного диалога, что приводит к эскалации конфликтов вместо их предотвращения или решения.

Во-вторых, это разрозненность сообществ. Активисты отмечают, что нет сплоченности, есть определенная хаотичность в их деятельности, нет массового вовлечения и системной работы.

В-третьих, это страх и пассивность граждан. Особенно это характерно для сельской местности, где из-за тесных социальных связей неформальные механизмы давления (угроза увольнения, социальная изоляция) остаются эффективным инструментом сдерживания гражданской активности.

Успех гражданских инициатив напрямую зависит от наличия неформальных лидеров, которые выступают организаторами и медиаторами. Они выполняют функции инноваторов, которые организуют процесс и берут на себя ответственность; коммуникаторов между властью и жителями; администраторов, которые выстраивают системную коммуникацию.

Эффективное развитие территории возможно только при налаживании диалога между тремя основными субъектами – властью, бизнесом и обществом. Но наши эмпирические данные показывают, что этот диалог в Краснодарском крае искажен. Власть часто выступает как закрытая система, принимающая решения без учета мнения граждан и использующая общественные механизмы для формальных процедур. Лишь при определенных условиях (публичная огласка проблемы, личная заинтересованность представителей власти в вовлеченности граждан в решение проблемы) власть готова поддерживать гражданские инициативы. Бизнес воспринимается информантами, принявшими участие в исследовании, неоднозначно. С одной стороны, крупный бизнес часто выступает как деструктивный фактор, но есть кейсы, когда бизнес включается в решение локальных проблем.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что гражданское участие в Краснодарском крае находится на стадии трансформации к более осознанной и институционализированной активности. Этот переход не завершен, появляются устойчивые формы самоорганизации. Это свидетельствует о том, что власть начинает осознавать необходимость системной работы с общественностью, хотя процесс этот идет неравномерно и часто встречает сопротивление.

Цифровые инструменты стали ключевыми для быстрой мобилизации, однако они не заменяют необходимости прямого диалога с властью. Цифровая открытость и готовность к диалогу со стороны власти могут трансформировать конфликтные отношения в партнерские, но эта модель пока не стала нормой, что подтверждают многочисленные жалобы на формализм и бюрократическое игнорирование обращений.

Эффективность гражданского участия сильно зависит от масштаба проблемы и уровня власти, к которому обращаются активисты. Проблемы регионального и федерального масштабов требуют многочисленных согласований, напротив, локальные инициативы (субботники, адресная помощь СВО) часто более успешны, так как не требуют согласования с вышестоящими инстанциями.

Минимизация существующих трудностей в решении локальных проблем видится в переходе от формальных механизмов взаимодействия власти и граждан к реальным механизмам учета мнения населения. Это предполагает создание постоянно действующих диалоговых площадок с участием активистов и представителей сообществ, которые должны восприниматься властью в качестве партнеров, а не конкурирующих субъектов. Также необходимо системное исследование и мониторинг практик гражданского участия в регионе для масштабирования успешных инициатив.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Никовская, Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития / Л. И. Никовская, И. А. Скалабан // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 43–60.

2. Olson, M. What counts as young people's civic engagement in times of accountability / M. Olson // Utbildning & Demokrati. Theme: Citizenship education under liberal democracy. – 2012. – № 21(1). – P. 29–55.

УДК 316.42

СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ РАЗВИТИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

К. М. Бородавко
магистрант Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина
г. Мозырь, Беларусь

Современное образовательное пространство характеризуется усилением внимания к вопросам формирования гражданской идентичности и патриотического сознания молодёжи в условиях динамичных социокультурных трансформаций и информационного противоборства. Процессы глобализации, цифровизации и интеграции обуславливают необходимость подготовки педагогов, способных не только обладать устойчивой гражданской позицией, но и эффективно транслировать ценности гражданственности и патриотизма подрастающему поколению. В этом контексте гражданско-патриотическое воспитание становится не просто одним из направлений воспитательной работы, а стратегическим императивом развития педагогического образования. Сетевое взаимодействие педагогического университета и общественных объединений выступает в данной парадигме как интегративный механизм, обеспечивающий синергию академического потенциала вуза и ресурсного потенциала институтов гражданского общества. Несмотря на признание важности проблемы в нормативно-правовых документах и научных исследованиях, в педагогической теории сохраняется дискуссия относительно методологических оснований и структурной организации данного взаимодействия, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Понятие «сетевое взаимодействие» в сфере воспитания является производным от более широких концептов «социальное партнёрство» и «образовательная сеть», теоретические основы которых заложены в трудах отечественных и зарубежных учёных. Как отмечает А. И. Жук, социальное партнёрство в образовании представляет собой «систему взаимоотношений между субъектами образовательного процесса, основанную на принципах равноправия, добровольности и взаимной ответственности, направленную на достижение общих воспитательных целей» [1, с. 78]. В контексте гражданско-патриотического воспитания сетевое взаимодействие концептуализируется как устойчивая, нормативно регламентированная форма сотрудничества, при которой педагогический университет и общественные объединения функционируют в качестве равноправных субъектов, интегрированных общностью целеполагания и дифференциацией функциональных компетенций.

Методологическую основу исследования данного феномена составляют системный, аксиологический, компетентностный и деятельностный подходы, которые в совокупности позволяют всесторонне раскрыть его сущность и специфику. Системный подход (В. А. Лекторский, В. Н. Садовский) позволяет рассматривать сетевое взаимодействие как целостную систему взаимосвязанных компонентов, функционирующую в рамках более широкой системы воспитательной работы педагогического университета [2, с. 24]. В контексте данного подхода сетевое взаимодействие обозначает не просто совокупность совместных мероприятий, а целостный процесс, включающий координационное планирование, распределение функциональных ролей, ресурсное обеспечение и мониторинг результативности. Например, педагогический университет, обладающий развитой системой сетевого партнёрства, способен адаптировать воспитательные программы под потребности студенческой молодёжи, создавая благоприятную среду для формирования гражданской идентичности. Также подчёркивается важность рефлексивного осмысления собственных

ценностных ориентаций всеми субъектами взаимодействия, что обеспечивает согласованность воспитательных интенций.

Аксиологический подход (М. С. Каган, В. П. Тугаринов) акцентирует внимание на ценностной составляющей взаимодействия, ориентациях, которые определяют поведение и профессиональные выборы субъектов [3, с. 115]. В данном контексте это ценности гражданственности, патриотизма, исторической памяти, социальной ответственности, уважения к государственной символике и традициям. Гражданственность – это не только знание прав и обязанностей, но и внутренняя готовность действовать в интересах общества и государства. Например, в современном мире, характеризующемся множественностью ценностных ориентаций, гражданственность играет ключевую роль в обеспечении социальной стабильности и национального единства. Патриотизм как ценность предполагает не только эмоциональную привязанность к Родине, но и осознанное стремление к её процветанию через профессиональную деятельность. Например, будущий педагог, обладающий сформированной патриотической позицией, способен транслировать эти ценности учащимся через содержание учебных предметов и организацию внеурочной деятельности.

Компетентностный подход (В. И. Байденко, И. А. Зимняя) задаёт практико-ориентированный вектор исследования, определяя эффективность сетевого взаимодействия через способность субъектов мобилизовать ресурсы для решения воспитательных задач в условиях полисубъектной среды [4, с. 12]. Для более глубокого осмысления данного подхода можно привести пример из практики педагогического образования: куратор академической группы, обладающий компетенциями в области сетевого партнёрства, не только знает о возможностях общественных объединений, но и способен интегрировать их ресурсы в воспитательную работу со студентами. Также одной из ключевых характеристик эффективности взаимодействия является готовность субъектов к совместному проектированию воспитательных траекторий. Например, руководитель первичной организации общественного объединения, владеющий компетенциями проектного менеджмента, может успешно координировать совместные инициативы с вузом, используя навыки коммуникации и организационного планирования.

Деятельностный подход (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев) позволяет рассматривать формирование эффективного сетевого взаимодействия как процесс, в котором личность педагога и студента являются активными субъектами, а сама компетентность проявляется и развивается в совместной деятельности [5, с. 371]. Данный подход подчёркивает важность практической вовлечённости всех участников взаимодействия в воспитательный процесс. Например, студент педагогического университета, стремясь к формированию гражданской позиции, активно участвует в проектах общественных объединений, анализирует полученный опыт и рефлексирует его в контексте будущей профессиональной деятельности. В результате такой активности он не только усваивает знания о гражданственности, но и развивает практические навыки организации воспитательной работы. Кроме того, эффективность взаимодействия проявляется в способности субъектов адаптироваться к изменяющимся условиям образовательной среды.

Проведённый теоретико-методологический анализ позволяет рассматривать сетевое взаимодействие педагогического университета и общественных объединений как сложное, интегративное явление, являющееся неотъемлемой частью современной системы воспитательной работы, необходимость совершенствования которого детерминирована вызовами социокультурной трансформации и запросом на консолидацию молодёжи вокруг общенациональных ценностей. Важно уметь адаптировать формы и методы взаимодействия под специфику конкретного педагогического вуза, учитывая региональный контекст, потенциал партнёрских организаций и потребности студенческой аудитории.

Таким образом, формирование эффективной системы сетевого взаимодействия требует комплексного методологического обеспечения и готовности к постоянному развитию со стороны всех субъектов воспитательного процесса. Педагогический университет должен быть ориентирован на открытость к партнёрству и уметь гибко реагировать на изменяющиеся

потребности молодёжи, чтобы обеспечить качественное и ценностно-ориентированное гражданско-патриотическое воспитание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Жук, А. И. Гражданско-патриотическое воспитание учащейся молодёжи: теория и практика : учеб. пособие / А. И. Жук, В. Д. Стариченко. – Минск : БГПУ, 2021. – 210 с.

2. Спивак, В. А. Системный подход и системное мышление как универсальная компетенция специалиста и руководителя : монография / В. А. Спивак. – Чебоксары : Среда, 2022. – 136 с.

3. Каган, М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.

4. Байденко, В. И. Компетенции в профессиональном образовании / В. И. Байденко // Высшее образование в России. – 2004. – № 11. – С. 3–13.

5. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика-Пресс, 1999. – 536 с.

6. Стариченко, В. Д. Управление воспитательной системой высшего учебного заведения : монография / В. Д. Стариченко. – Минск : БГПУ, 2019. – 186 с.

7. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодёжи в Республике Беларусь : утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь, 15.06.2023 № 187. – Минск : НИО, 2023. – 52 с.

УДК 316.4

ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОЙ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Бородкин М. А.
исследователь факультета социологии СПбГУ
г. Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке РНФ, проект № 24-18-00542.

Миграционные процессы сопровождаются переносом и преобразованием совокупности знаний, профессиональных компетенций и навыков, культурных установок, социальных связей, а также инновационного потенциала. Данные факторы определяют возможности развития конкретного региона; поэтому миграцию следует рассматривать не только как демографический или экономический процесс, но и как источник качественного изменения человеческого капитала территориальных образований.

Среди основных направлений исследования внутренней миграции следует выделить следующие:

– миграционные установки населения в контексте современных миграционных процессов, а также вопросы воздействия миграции на социально–экономическое развитие территорий [1];

– структура миграции, а также трансформация подходов к ее государственному регулированию [2]

– последствия миграционных процессов для региональных рынков труда, демографических характеристик населения и уровня социального неравенства [3, 4, 5].

При этом, несмотря на существенную степень разработанности рассматриваемой проблематики, отдельные ее аспекты по-прежнему нуждаются в дополнительном научном осмыслении. Особое внимание заслуживает молодежная миграция, в частности, такие ее составляющие как мотивация, барьеры, изначальные и перспективные миграционные установки.

Для исследования готовности и мотивации внутренней мобильности молодежи был проведен онлайн опрос молодых людей. Опрос проводился среди молодых жителей Санкт-Петербурга в период с марта по апрель 2025 года (N = 155), возраст респондентов от 18

до 35 лет. Выбор города был обусловлен его миграционной привлекательностью как крупного регионального центра. Сбор данных проводился с использованием онлайн-анкеты, распространённой через социальные сети, а также через онлайн-сообщества студентов высших учебных заведений.

Анкета включала 21 вопрос открытого и закрытого типа, направленных на выявление причин переезда, миграционных установок, оценок уровня жизни, возможностей профессиональной самореализации, влияния семейных обстоятельств, а также планов респондентов на будущее.

В качестве основных причин смены места жительства респонденты (с возможностью выбора нескольких вариантов ответа) указали следующие факторы: получение образования (78%); трудоустройство и карьерные возможности (16%); переезд к семье или родственникам (10%); стремление улучшить жилищные условия (4%).

Подавляющее большинство респондентов (94%) рассматривают свой переезд как правильное и в той или иной степени оправданное решение. Это может свидетельствовать о наличии устойчивой позитивной установки на социальную мобильность, вероятно имеющую преимущественно односторонний характер, а также о восприятии принимающих регионов как обладающих более благоприятными условиями по ряду значимых параметров.

В качестве ключевых показателей личностной и профессиональной реализации респонденты прежде всего отмечают возможность получения желаемого образования (82%) и трудоустройства (31%), либо наличие перспектив в данных сферах. Указанные факторы можно рассматривать как фундаментальные параметры, определяющие уровень удовлетворенности текущим и ожидаемым социальным положением. Таким образом, миграция воспринимается участниками исследования как инструмент достижения устойчивой социальной мобильности и формирования условий для более полной реализации человеческого потенциала.

Результаты проведённого опроса показали, что одной из наиболее острых проблем внутренней миграции является высокая стоимость жизни в крупных городах: на данный фактор указали 48% респондентов. Несмотря на сравнительно более высокий уровень заработной платы, реальные доходы мигрантов нередко существенно сокращаются вследствие значительных расходов на жильё, транспорт, питание и коммунальные услуги.

Существенным препятствием для успешной адаптации также выступает проблема поиска жилья, на которую указали 43% опрошенных. В условиях ограниченного предложения доступного арендного жилья мигранты нередко вынуждены соглашаться на временные и зачастую неудовлетворительные жилищные условия.

Ещё одной значимой трудностью является поиск работы (16%). Высокая конкуренция на рынке труда в крупных городах приводит к тому, что вновь прибывшие нередко устраиваются на работу, не соответствующую их ожиданиям и уровню квалификации, либо временно остаются безработными. Подобные обстоятельства могут снижать общий уровень удовлетворённости условиями жизни.

В числе заметных проблем респонденты также отметили отсутствие привычного круга общения (37%). Наличие социальных связей и поддерживающей коммуникационной среды оказывается не менее важным фактором адаптации, чем материальные условия. Отсутствие близких людей, друзей и сложившихся социальных контактов может усиливать чувство одиночества и затруднять процесс интеграции в новую среду. В результате мигранты сталкиваются не только с экономическими, но и с эмоционально-психологическими трудностями, преодоление которых требует времени и дополнительных ресурсов. Вместе с тем можно предположить, что данный фактор носит преимущественно временный характер: по мере адаптации люди формируют новые социальные связи, и прежний круг общения постепенно замещается вновь приобретёнными контактами.

При этом большинство респондентов демонстрируют устойчивую ориентацию на социальную мобильность и стремление реализовать себя на новом месте проживания, несмотря на возникающие трудности (81%). Миграционные процессы в данном контексте

выступают важным механизмом социальной мобильности, создающим условия для личностного и профессионального развития. Освоение новых социальных пространств, повышение образовательного уровня и расширение профессиональных компетенций способствуют формированию устойчивых стратегий самореализации. Таким образом, внутренняя миграция выступает не только источником определённых проблем, но и значимым механизмом социального обновления.

Несмотря на перечисленные трудности адаптации, у большинства мигрантов отсутствует намерение возвращаться в прежний регион проживания: лишь 7% респондентов выразили готовность к возвращению. Это может быть связано с тем, что именно крупные города концентрируют основные ресурсы социального, образовательного и культурного развития, которые в меньшей степени представлены в провинциальных территориях. В результате даже при наличии адаптационных трудностей мегаполис воспринимается молодёжью как пространство возможностей и перспектив.

Согласно результатам опроса, две трети респондентов не рассматривают возможность переезда в другой регион Российской Федерации (61%). В то же время примерно пятая часть участников допускают такую возможность (18%), тогда как значительная часть опрошенных (21%) затруднилась дать определённый ответ. Эти данные позволяют говорить о достаточно высоком уровне потенциальной территориальной мобильности и миграционной активности населения.

Отношение молодёжи к миграции свидетельствует о том, что территориальная мобильность населения и в дальнейшем будет оставаться важным элементом социальной динамики в стране. В этой связи особое значение приобретает учёт устойчивой социальной мобильности населения, прежде всего молодёжи, что позволяет не только фиксировать актуальные тенденции миграционных процессов, но и формировать при участии различных институциональных акторов механизмы регулирования, направленные на сохранение и развитие человеческого капитала регионов.

Одной из наиболее значимых социальных проблем, обладающих потенциалом для государственного регулирования и требующих дальнейшего углублённого анализа, является ограниченный характер обратной миграции – нежелание населения переезжать в малые города и сельские населённые пункты. Миграционные оттоки формируют устойчивые негативные последствия на региональном уровне, включая сокращение доли молодёжи, дефицит квалифицированных специалистов.

В этой связи возрастает необходимость переосмысления миграционной политики, ориентированной не только на экономические показатели, но и на создание благоприятных социальных условий. Эффективная миграционная политика должна сочетать отсутствие жёстких ограничений для территориальной мобильности населения с мерами, направленными на повышение привлекательности жизни и трудовой деятельности за пределами крупных региональных центров. К таким мерам могут относиться поддержка молодых специалистов, развитие социальной и транспортной инфраструктуры, а также формирование гибкой, адаптивной и конкурентоспособной региональной социальной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Флоринская, Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии / Ю. Ф. Флоринская// Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 2 (63). – С. 223–232.

2. Письменная, Е.Е. Влияние миграции на человеческий капитал и интеллектуальный потенциал населения регионов Российской Федерации / Е. Е. Письменная, С. В. Рязанцев, О. О. Смирнов, Т. Р. Мирязов, А. В. Смирнов // Вестник Южно–Российского государственного технического университета. Серия: Социально–экономические науки. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 7–23.

3. Тухтарова, Е. Х. Влияние трудовой миграции на человеческий капитал и ВРП регионов России // Народонаселение. – 2022. – Т. 25. № 4. – С. 163–177.

4. Мкртчян, Н.В. Внутренняя миграция как ресурс развития России: социально-экономические эффекты, издержки и ограничения / Н. В. Мкртчан, Ю. Ф. Флоринская, К. И. Казенин. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 76 с.

5. Мкртчян, Н.В. Пространственные особенности миграции российской молодежи // Проблемы прогнозирования. – 2025 – № 4 (211) – С. 109–120.

УДК 316.4

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ, БАРЬЕРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Бородкина О. И.
ведущий научный сотрудник факультета социологии СПбГУ
доктор социологический наук, доцент
г. Санкт-Петербург, Россия

Введение. Современный этап развития системы здравоохранения характеризуется активным внедрением цифровых технологий в процессы диагностики, лечения, профилактики и мониторинга заболеваний. Кроме того, цифровизация существенным образом меняет систему менеджмента здравоохранения и модели взаимодействия пациентов с медицинскими организациями. Заявленные цели реформирования системы здравоохранения, связанные с повышением доступности и качества медицинских услуг, во многом обусловлены именно процессами цифровизации. Вопросы применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в медицине все чаще становятся предметом не только медицинских, но и социальных исследований [1, 2, 3].

В данной работе представлены результаты исследования, направленного на выявление мнения медицинского сообщества, представленного практикующими врачами и студентами медицинского вуза, относительно области применения цифровых технологий, барьеров на пути цифровизации здравоохранения, а также дальнейших перспектив внедрения цифровых технологий.

Методы исследования. Основными методами исследования стали анализ нормативно-правовой базы и ранее опубликованных данных по проблематике исследования, а также экспертный опрос медицинских работников (N=15) и онлайн-опрос студентов медицинского вуза Санкт-Петербурга (N=125). Для экспертного опроса был разработан специальный гайд, все респонденты дали устное согласие на интервью и последующее использование данных в научных публикациях. Респондентами выступили врачи, работающие в различных медицинских организациях Санкт-Петербурга (поликлиники, больницы, специализированные медицинские центры). Студенческое сообщество было представлено студентами медицинского вуза Санкт-Петербурга, обучающимся по направлениям «Лечебное дело», «Стоматология», «Педиатрия», «Общественное здоровье и здравоохранение».

Результаты исследования

Основные направления цифровизации. Большинство участников как экспертных интервью, так и онлайн-опроса связывают цифровизацию с оптимизацией процесса ведения медицинской документации, а также с возможностями обмена данными с организациями, причем не только медицинскими, но и социальными. Возможности онлайн-консультирования получили противоречивые оценки: с одной стороны, дистанционные консультации позволяют расширить потенциальный круг пациентов, получающих высококвалифицированную медицинскую помощь, что особенно важно для жителей отдаленных районов и сельской местности. С другой стороны, многие респонденты отмечают невысокий уровень доверия пациентов к такого рода технологиям; для пациентов более привычным является формат личного общения, при котором они не только получают профессиональную медицинскую помощь, но и внимание, а часто и сочувствие со стороны медицинского работника. В то же время, сами пациенты, особенно жители больших городов, все активнее обсуждают вопросы здоровья и доступа к лечению в различных форматах онлайн-коммуникации [4].

Что касается применения искусственного интеллекта, то значительная часть как экспертов, так и студентов связывает область применения искусственного интеллекта в первую очередь с диагностикой заболеваний, причем в качестве вспомогательного, а не основного инструмента принятия решений. В этой связи следует отметить, что, конечно, сферы применения искусственного интеллекта значительно шире, и перечень медицинских областей, в которых он применяется (фармакология, онкология, психиатрия, неврология и др.), постоянно расширяется [3].

Роль цифровых технологий в анализе больших данных, позволяющем в дальнейшем выявлять основные характеристики и закономерности распространения заболеваний и прогнозировать с высокой долей вероятности эпидемиологические процессы, отметили лишь некоторые эксперты, которые в той или иной степени соприкасались с данной деятельностью.

Следует заметить, что вопросы применения пациентами цифровых устройств, позволяющих отслеживать различные показатели здоровья (например, показатели сердечно-сосудистой системы, продолжительность и качество сна, показатели физической нагрузки и др.), упоминались нечасто, возможно, по причине того, что ответственность за приобретение и использование такого рода устройств лежит на самих гражданах.

Барьеры цифровизации здравоохранения. Несмотря на значительные преимущества цифровой трансформации, внедрение цифровых технологий сопровождается рядом серьезных проблем.

Большинство респондентов выделили следующие барьеры. Во-первых, необходимость дальнейшей разработки нормативных документов, регулирующих применение цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта. Во-вторых, обеспечение цифровой безопасности, в том числе относительно защиты персональных данных пациентов. В-третьих, существование ряда нерешенных этических проблем, связанных с применением цифровых технологий и искусственного интеллекта, которые относятся не только к обеспечению конфиденциальности, но и к получению информированного согласия, к вопросам осуществления контроля и распределения ответственности за принимаемые решения [5, 6].

Кроме того, все респонденты упоминали о финансовых барьерах, имея в виду, что внедрение цифровых технологий требует значительных финансовых затрат, и некоторые регионы и медицинские организации, особенно не имеющие статуса федеральных, имеют ограниченные материальные ресурсы. Большинство экспертов также упоминали в этой связи неравенство регионов с точки зрения развития цифровой инфраструктуры: начиная от высокоскоростного доступа к интернету и заканчивая техническим оснащением и наличием необходимого программного обеспечения. Другая актуальная проблема связана с кадровым обеспечением. Внедрение цифровых технологий требует от медицинских сотрудников новых знаний, а существующая система подготовки и повышения квалификации кадров не всегда в полной мере удовлетворяет потребности в цифровой грамотности и навыках работы с искусственным интеллектом.

Следует отметить, что существуют барьеры и со стороны пациентов: в частности, значительная часть пациентов, особенно пожилые люди, не обладают необходимым цифровым капиталом [7]. Для определенных групп, например, лиц с инвалидностью, возможности использования цифровых гаджетов и приложений также существенно ограничены в настоящее время. И наконец, заметим, что определенные социальные группы не имеют достаточных финансовых ресурсов для приобретения и использования цифровых гаджетов.

Перспективы цифровизации. Необходимость дальнейшего развития цифровизации здравоохранения как на уровне системы в целом, так и на уровне отдельных организаций не вызывает сомнений [8].

Эксперты, принимающие участие в исследовании, связывают эти процессы прежде всего с деятельностью Министерства здравоохранения. Другими словами, внедрение цифровых технологий в медицину они рассматривают как одну из первостепенных государственных

задач. От медицинского сообщества в ближайшее время ожидается разработка единых стандартов по вопросам применения цифровых технологий и защиты медицинских данных.

Студенты медицинских вузов выразили заинтересованность в реформировании образовательных программ с точки зрения повышения цифровой квалификации врачей.

Заключение. Развитие системы здравоохранения в России во многом связано с дальнейшим расширением использования цифровых технологий, включая технологии искусственного интеллекта, в медицине. Полностью поддерживая данный тезис, респонденты указали на целый комплекс проблем, которые требуют решения. И хотя значительная часть респондентов связывала решение этих проблем преимущественно с государственными структурами, представляется, что активная позиция самого профессионального сообщества, а также выстраивание эффективного взаимодействия с пациентскими организациями могли бы способствовать более успешному преодолению обозначенных барьеров и вызовов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тихомиров, А. А. Цифровое здравоохранение в России: современное состояние, проблемы и направления их решения / А. А. Тихомиров, П. Е. Котиков, М. А. Дохов // Медицина: теория и практика – 2019. – Том 4. – Спецвыпуск. – С. 538–539.

2. Братишко, Н.П. Цифровая трансформация российской системы здравоохранения / Н. П. Братишко, А. А. Моисеенко // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. – 2021. – № 1 (52). – С. 19–26.

3. Алексеева, М. Г. Искусственный интеллект в медицине / М. Г. Алексеева, А. И. Зубов, М. Ю. Новиков // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 7. – С. 10–13.

4. Бородкина, О.И. Институционализация активизма в сфере здоровья в России / О. И. Бородкина, К. В. Ткаченко // Journal of Institutional Studies. – 2023. – Т. 15. – № 4. – С. 79–90.

5. Шадеркин, И. А. Слабые стороны искусственного интеллекта в медицине / И. А. Шадеркин // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 50-52.

6. Гусев, А. В. Этические проблемы развития технологий искусственного интеллекта в здравоохранении / А. В. Гусев, Д. Е. Шарова // Общественное здоровье. – 2023. – Т. 3. – № 1. – С.42–50.

7. Бородкина, О. И. Цифровой капитал потребителей социальных услуг: факторы влияния и потребность в инвестициях / О. И. Бородкина, В. А. Сибирев // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Том 19. – № 1. – С. 129–142.

8. Шадеркин, И. А. Цифровое здравоохранение: прогноз на 2025-2030 гг./ И.А. Шадеркин, В.А. Шадеркина // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. – 2025. – Т.11. – № 3. – С. 73–83.

УДК 930.1:004.738.5

ФЕНОМЕН ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОКОЛЕНИЯ Z

Бочарова О. С.
доцент кафедры правовых дисциплин Филиала РГСУ
кандидат юридических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Пыталев Р. М.
доцент кафедры правовых дисциплин Филиала РГСУ
кандидат юридических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В последнее время дискуссии о фальсификации истории переместились из узкопрофессиональной среды историков в публичное пространство социальных сетей. Однако, как справедливо отмечает современный исследователь медиа Д. Рашкофф, опасность

заключается не столько в заведомо ложных текстах, сколько в изменении самой эпистемологической установки поколения Z (цифрового поколения рождённых после 1995 года), которое перестало воспринимать историю как последовательный нарратив и начинает трактовать её как «набор взаимозаменяемых конструктов» [1, с.45]. «Мы имеем дело не просто с дезинформацией, а с фундаментальной перестройкой того, как цифровой человек соотносит себя с временем» [1, с.47]. Цифровая среда создает иллюзию тотальной доступности знания, но при этом нивелирует критерии его достоверности, а представители поколения Z относят социальные сети к основным источникам информации об исторических событиях, что кардинально меняет структуру исторической памяти. Историческая память, как «…определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [2].

Фальсификация истории в XXI веке осуществляется не столько через подделку документов (что технически сложно), сколько через деформацию контекста и изменение скорости подачи информации, что соответствует теории «акселерации» Х. Розы [3].

Последствием цифровизации и информатизации является развитие т.н. клипового мышления, «сформированного путем быстрого наслоения информации, не всегда отвечающей качеству и достоверности <…> такие изменения проявляются у поколения Z, социализация которых проходила в период уже полностью сформированного цифрового общества» [4, с.405]. Клиповое мышление поколения Z привело к фрагментации знаний и снижению уровня критического мышления. Как справедливо заметила Е.И.Замараева, «…в пространстве сети формируется т.н. клиповое сознание: «видосики», «мемчики», «исторические изображения», компьютерные игры проделывают широкомасштабную пропагандистскую антиисторическую и антипатриотическую работу <…> цифровые продукты в примитивной и комфортной для потребления форме создают “новое” историческое сознание, “промывают мозги”» [5, с. 265].

В силу неразвитости критического мышления у поколения Z определяющим становится тренд принимать на веру готовые модели и схемы, а не анализировать, вырабатывая собственные позиции и решения. Результатом этого становятся т.н. «войны памяти».

Канадский философ М. Маклюэн ещё в середине XX века указал, что «средство передачи это и есть сообщение» [6, с. 9]. Экранный интерфейс, в отличие от книжного, разрушает линейную логику, что приводит к деформации причинно-следственных связей. Этот тезис получил развитие в работах Н. Карра, который эмпирически доказал, что интернет перестраивает нейронные связи, снижая способность к глубокому анализу: «Сеть обеспечивает нас дешевым и легкодоступным знанием, но цена за это – поверхностность мышления, неспособность выстраивать долгие интеллектуальные цепочки» [7, с.115-116]. Важен и тот факт, что в в эпоху постправды (оксфордский словарь признал термин «post-truth» словом 2016 года) эмоция важнее факта, а повторяемость сообщения в новостной ленте создает иллюзию его истинности [8, с.32]. А идея Ж. Бодрийяра о том, что симулякр (копия без оригинала) становится более реальным, чем действительность, в цифровую эпоху воплощается в исторических мемах и фан-артах, заменяющих собой реальные фотографии хроник [9]. Мы наблюдаем процесс, когда интерпретация события, растиражированная в TikTok, вытесняет архивный документ. Неслучайно уже в 2017 словом года было признано понятие «fake news».

Термин «цифровое поколение» был введен педагогом М. Пренски для описания людей, которые с рождения знакомы с компьютерными технологиями [10, с.1], а последующие исследования в области когнитивной психологии показали, что высокая скорость переключения задач соседствует у них с низкой глубиной погружения в текст [11, с.136].

Основными когнитивными особенностями, влияющими на восприятие истории поколением Z являются:

– фрагментарность, когда историческое событие воспринимается не как процесс, а как набор «кадров» – фотографий, цитат, коротких видео;

– эмоциональное ранжирование, когда шокирующая информация о прошлом может повышать виральность. Как отмечают исследователи. ложь в социальных сетях распространяется достоверно быстрее, чем правда: «фейк имеет на 70% больше шанс ретвита, чем правда» [12, с.1149];

– алгоритмическое доверие, когда согласно исследованию Пью-центра (2023), до 62% молодых американцев доверяют информации, подобранной персональными алгоритмами, выше, чем редакторским коллективам [13. с.18].

Итак, с одной стороны, цифровое поколение обладает беспрецедентным доступом к оцифрованным архивам, а с другой – не обладает методологической культурой для интерпретации этих архивов.

Представим классификацию современных способов фальсификации:

1. AI-галлюцинации. Запросы чат-ботам GPT-4 или Gemini стали обычной практикой для школьников и студентов, но такие чаты способны генерировать несуществующие архивные ссылки и приписывать историческим личностям неверные высказывания [14, с.12], что нельзя назвать целенаправленной фальсификацией, но молодой пользователь не проверяет сгенерированный нейросетью текст и принимает его за истину.

2. Дипфейки. Современные технологии синтеза изображений позволяют создавать реалистичные видео, где известные политики или полководцы произносят фразы, которых никогда не говорили. Исследование С.Лю показало, что люди среднего возраста распознают дипфейк в 65% случаев, а подростки – лишь в 35%, поскольку привыкли к условности визуального ряда в компьютерных играх [15, с.78]. Особенность дипфейков быстро и масштабно распространяться, формируя и ложные представления, которые могут сохраняться даже после опровержения, формирует у поколения Z искаженную историческую картину.

3. Алгоритмическое искажение поисковой выдачи. Это фактор SEO-оптимизации сайтов с сомнительным историческим контентом, когда механизмы ранжирования выдают результаты, основанные на популярности запроса, а не на научной достоверности. Это приводит к явлению «эффекта поисковой монополии», когда пользователь склонен доверять первой ссылке [16] и эффект первичности влияет на формирование установок и убеждений.

Понятно, что простое ужесточение законодательства в сфере фальсификации (штрафы, блокировки) неэффективно, поскольку не устраняет эпистемологическую причину – неумение проверять информацию. Дискурс о фальсификации истории в цифровую эпоху должен сместить фокус с моральной оценки (хорошо/плохо) на инструментальный анализ (как работает алгоритм, как формируется доверие). Цифровое поколение Z не враги истории и исторической политологии, а её новая аудитория. Историко-политическая наука играет важную роль в понимании динамики политических процессов и формировании теоретических основ политики через призму исторического опыта. Угрозой является не сам факт появления фейка, а утрата рефлексии по поводу статуса исторического факта. Без временной дистанции нет истории [17], а цифровая среда стирает эту дистанцию, делая прошлое таким же доступным и редактируемым, как пост в соцсети.

Необходимо принять эту реальность и научиться работать в ней, используя те же цифровые инструменты для защиты достоверности, которыми пользуются фальсификаторы для её разрушения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Rushkoff, D. Team Human / D. Rushkoff // New York: W.W. Norton & Company, Inc., 2019. – 243 p.

2. Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3–14.

3. Rosa, H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity // New York : Columbia University Press, 2015. – 470 p.

4. Исаева, К.В. Клиповое мышление как социальный феномен современного общества «в цифре» / К. В. Исаева, А. С. Вантяева // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия: Социология. Политология. –2025. – Т. 25, Вып. 4. – С. 404–412.

5. Замараева, Е. И. Проблемы сохранения исторической памяти в эпоху цифровизации / Е. И.Замараева // Казанский педагогический журнал. – 2022. – № 3.– С. 263–268.

6. McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man // McGraw-Hill, 1964. – 318 p.

7. Carr, N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains // New York : W.W. Norton, 2010. – 276 p.

8. McIntyre, L. Post-Truth // Cambridge, MA: MIT Press 2018. – 240 p.

9. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. – Москва : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

10. Prensky, M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon: The International Journal of Learning Future. MCB University Press. – 2001. – Vol. 9, No.5. – P. 1–6.

11. Kirschner, P.A., De Bruyckere, P. The myths of the digital native and the multitasker // Teaching and Teacher Education, 67. – 2017. – P. 135–142.

12. Vosoughi The spread of true and false news online / Vosoughi [et al.] // Science 359 (6380). – 2018. – №3. – P. 1146–1151.

13. Teens, Social Media and Technology 2023. Pew Research Center. Washington, D.C.

14. Weidinger, L. Taxonomy of risks posed by language models / L. Weidinger [et al.] // FAccT '22: 2022 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. – P. 214–229.

15. Lyu, S. Deepfake Detection: Current Challenges and Future Directions // IEEE Security & Privacy. – 2020. – № 18(5). – P. 74–78.

16. Epstein, R. Robertson, R. E. The search engine manipulation effect (SEME) and its possible impact on the outcomes of elections // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2015. – № 112(33), – P. 4512–4521.

17. Koselleck, R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. Columbia University Press. – 2004. – 340 p.

УДК 338.27

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Бражникова А. В.
магистрант кафедры экономики и организации производства КГЭУ
г. Казань, Россия

Тимергазизова Э. Р.
доцент кафедры экономики и организации производства КГЭУ
кандидат экономических наук, доцент
г. Казань, Россия

Современная экономика развивается в условиях быстрых и часто непредсказуемых изменений. На её динамику влияют технологические сдвиги, колебания мировых рынков и усиливающаяся взаимозависимость стран. Поэтому тема особенностей развития экономики в меняющемся мире остаётся актуальной для понимания текущих событий и долгосрочных тенденций.

В данной работе рассматриваются ключевые факторы, которые определяют изменения в экономике: технологии, международная торговля, финансовые потоки и государственное регулирование. Отдельное внимание уделяется тому, как цифровизация и глобализация отражаются на производстве, занятости и конкуренции. Также обозначаются основные риски, с которыми сталкиваются экономики разных стран.

Трансформационные процессы в глобальной экономике обусловлены интенсивным технологическим прогрессом. Внедрение информационно-коммуникационных технологий, автоматизация производственных процессов и роботизация способствуют повышению

эффективности и снижению операционных затрат в различных секторах экономики. Параллельно с этим возрастают требования к профессиональной компетенции работников, что усиливает значимость человеческого капитала и образовательных систем. Развитие передовых технологий, таких как искусственный интеллект и анализ больших данных, оказывает значительное влияние на методы ведения бизнеса и управление цепочками поставок [1].

Второй значимый блок факторов связан с эволюцией глобальных рынков товаров, услуг и капитала. Либерализация торговой деятельности и прогресс в сфере логистики способствовали расширению возможностей компаний по доступу к международным потребителям и ресурсам, что, в свою очередь, усилило конкурентное давление и стимулировало процесс специализации государств. Однако после глобального финансового кризиса 2008 года и в контексте пандемии COVID-19 были отмечены тенденции к регионализации, усилению протекционистских мер и пересмотру глобальных цепочек создания добавленной стоимости. Трансформации на финансовых рынках, флуктуации валютных курсов и движения капитала делают экономическую систему более подверженной внешним шокам [2].

Третий ключевой фактор, оказывающий существенное влияние на экономическое развитие, представляет собой государственное регулирование и экономическую политику. Правительства, стремясь к достижению устойчивого роста, обеспечению макроэкономической стабильности и решению социальных задач, применяют разнообразные подходы к управлению экономическими процессами. В некоторых странах наблюдается усиление роли государства через реализацию программ поддержки промышленности, предоставление субсидий и инвестирование в инфраструктурные проекты. В то же время, в других государствах акцент делается на дерегулировании и создании благоприятных условий для частного сектора [3].

Значимость наднациональных правил и соглашений, таких как нормы Всемирной торговой организации (ВТО), региональных интеграционных объединений и международных организаций, также возрастает в контексте глобального экономического взаимодействия. Эти механизмы способствуют гармонизации экономической политики на международном уровне и обеспечивают координацию действий между различными государствами, что в свою очередь способствует созданию более предсказуемой и стабильной экономической среды.

Цифровизация выступает в качестве одной из ключевых детерминант текущего этапа эволюции экономической системы. Этот феномен находит своё выражение в масштабной экспансии электронных платформ, электронной коммерции, финансовых технологий (финтех) и дистанционных услуг. Внедрение цифровых решений способствует минимизации транзакционных издержек, оптимизации информационного обмена и расширению рыночной экспансии без значительных капитальных вложений. Параллельно с этим наблюдается возрастание значимости данных как стратегического экономического ресурса, при этом конкурентные преимущества всё чаще коррелируют с доступом к цифровой инфраструктуре и специализированным компетенциям [4, с. 51].

Глобализация продолжает оставаться значимой, однако её природа становится всё более многослойной и противоречивой. Международная торговля товарами, услугами, инвестиционные потоки и миграция трудовых ресурсов интегрируют национальные экономики в единую глобальную систему. Этот процесс открывает новые горизонты для расширения рынков сбыта, трансферта технологий и притока капитала. Однако он также сопряжён с усилением зависимости от внешних факторов и увеличением уязвимости к распространению кризисных явлений. В последние годы наблюдаются признаки «замедления глобализации», что проявляется в эскалации торговых конфликтов, переоценке роли национальной промышленной политики и стремлении к локализации ключевых производственных мощностей.

Структурные трансформации в экономике проявляются через модификацию пропорций между различными секторами и видами экономической деятельности. В частности, наблюдается тенденция к снижению доли промышленного сектора в валовом внутреннем

продукте (ВВП) многих стран, сопровождаемая одновременным ростом значимости сектора услуг, особенно его деловых, финансовых и информационных компонентов. Динамичное развитие креативных индустрий, логистики, образования и здравоохранения, а также «зелёных» направлений, связанных с энергосбережением и использованием возобновляемых источников энергии, свидетельствует о переходе к постиндустриальной модели экономики. Ускорение этого процесса обусловлено усилением роли экономики знаний, где ключевым фактором конкурентоспособности становятся инновации и качество институциональной среды.

В условиях глобализации и интеграции мировой экономики наблюдается интенсификация процессов трансформации, сопровождаемая возрастанием факторов нестабильности и неопределенности. Глобализация, как ключевой драйвер экономического развития, одновременно является источником уязвимости перед внешними шоками, такими как мировые кризисы, колебания сырьевых цен, валютные и долговые потрясения. Эти факторы оказывают непосредственное влияние на макроэкономические показатели, включая темпы экономического роста, уровень занятости и состояние государственных финансов.

Пандемия COVID-19 продемонстрировала высокую степень уязвимости глобальных цепочек поставок и способность локальных шоков трансформироваться в масштабные экономические спады. Эпидемия выявила системные недостатки в управлении рисками и устойчивости глобальных производственных и логистических систем, что актуализировало необходимость разработки комплексных стратегий по обеспечению экономической безопасности [4, с. 97].

Геополитические риски, включая санкционные ограничения и нарушения традиционных торговых маршрутов, также играют значимую роль в формировании экономической нестабильности. Эти факторы могут оказывать как прямое, так и опосредованное влияние на экономическое развитие, требуя от национальных и международных экономических институтов выработки эффективных механизмов адаптации и реагирования на вызовы глобальной нестабильности.

Одним из ключевых вызовов современности является углубление экономического и социального неравенства как в рамках отдельных государств, так и на глобальном уровне. Технологическая эволюция и процессы глобализации способствуют увеличению доходов высококвалифицированных специалистов и владельцев капитала, в то время как социально уязвимые группы населения подвергаются риску утраты рабочих мест и стагнации заработных плат. Данная тенденция приводит к эскалации социального напряжения, подрывает доверие к институтам и препятствует успешной реализации реформ [4, с. 241].

В ответ на перечисленные риски государства и международные организации разрабатывают меры экономической политики, направленные на адаптацию к новым условиям. Среди приоритетов – поддержка занятости и переподготовка кадров, развитие систем социальной защиты, инвестиции в инфраструктуру и цифровую трансформацию. Активно обсуждаются инструменты «зелёного» перехода, стимулирование инноваций и создание условий для устойчивого, инклюзивного роста. Важную роль играет координация макроэкономической и структурной политики, а также международное сотрудничество в сфере регулирования финансовых рынков и налогообложения [5].

Особенности развития экономики в меняющемся мире во многом определяются сочетанием технологических новаций, трансформацией мировых рынков и изменением роли государства. Цифровизация, глобализация и структурные сдвиги создают новые возможности для роста, расширения рынков и повышения эффективности, но одновременно усиливают нестабильность и неравенство. В этих условиях особенно важно понимать взаимосвязь между отдельными тенденциями, чтобы оценивать потенциальные последствия для производства, занятости и уровня жизни населения.

Риски, связанные с кризисами, социальными диспропорциями и внешними шоками, требуют активной адаптации со стороны государств, бизнеса и общества. Направления такой адаптации включают развитие человеческого капитала, поддержку инноваций, модернизацию

инфраструктуры и формирование эффективных институтов регулирования. От того, насколько успешно будут реализованы эти меры, зависит способность национальных экономик не только смягчать негативные эффекты изменений, но и использовать открывающиеся возможности для более устойчивого и инклюзивного развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Российская экономика и финансовые рынки: устойчивое развитие в меняющемся мире // Финансовый вестник: Финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. – 2021. – № 9. – С. 10-11.

2. Нальгиев, И. М. Цифровая экономика: анализ тенденций и перспектив развития в условиях быстро меняющегося мира / И. М. Нальгиев, И. М. Нальгиев // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 5, № 3(144). – С. 151-156.

3. Шаронов, Н. С. Современные методы финансового анализа в условиях нестабильной экономики / Н. С. Шаронов, Э. Р. Тимергазизова // Финансово-экономические исследования: актуальные вопросы теории и практики : Тезисы докладов и выступлений Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых учёных, Донецк, 12–13 марта 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2025. – С. 248-250.

4. Экономика и управление: вызовы и возможности в новой реальности : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Экономического института, Саранск, 28–29 ноября 2024 года. – Саранск: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2025. – 368 с.

5. Алтынбаева, Э. Р. Влияние инновационных разработок и технологий на социальную сферу / Э. Р. Алтынбаева // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 5(130). – С. 338-341.

УДК 316.77

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Бридже Д. Т.
аспирант ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
г. Москва, Россия

Всеволод Д. Е.
аспирант ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Москва, Россия

Постановка проблемы. Цифровизация перенесла значительную часть социальных взаимодействий в среду дистанционных сервисов, где доверие к роли, интерфейсу и сообщению нередко заменяет непосредственную проверку. По данным Банка России, в 2025 г. у клиентов финансовых организаций было похищено 29,3 млрд руб., а число операций без добровольного согласия выросло почти на треть [1]. Поэтому социальная инженерия должна рассматриваться не только как инструмент кибермошенничества, но и как социальный механизм воздействия на поведение. Цель статьи — сопоставить основные трактовки понятия, предложить его определение для цифровой среды и обозначить направления противодействия.

Теоретические подходы. В зарубежной традиции социальная инженерия охватывает несколько уровней. К. Поппер связывал ее с поэтапным реформированием институтов и проверкой последствий управленческих решений [3]. В поведенческой экономике Р. Талер и К. Санстейн показали, что «архитектура выбора» способна предсказуемо изменять решения без прямого принуждения [4]. В сфере информационной безопасности К. Митник, напротив, описал атаки, в которых уязвимым звеном выступает человек, а не программный код [5]. В отечественной социологии управления термин исторически относился к прикладному проектированию социальных и организационных изменений; Ю.М. Резник подчеркивал

управленческий характер социоинженерного подхода [6]. В цифровую эпоху эти линии сближаются: одинаковые данные и алгоритмы могут использоваться как для легитимной персонализации сервисов, так и для манипуляции, а различие определяется прежде всего целью воздействия.

Отечественная традиция и изменение смысла термина. В российской социологии социальная инженерия длительное время понималась преимущественно как практическая деятельность по диагностике коллективов, проектированию организационных изменений и сопровождению управленческих решений. Поэтому современное почти автоматическое отождествление термина с мошенничеством сужает его аналитический потенциал. В условиях платформенного общества принципиально важно различать легитимное управление поведением и манипуляцию: оба процесса могут опираться на одинаковые цифровые инструменты, однако различаются целеполаганием, прозрачностью, наличием информированного выбора и распределением выгод и рисков. Такой подход возвращает проблематику социальной инженерии в предметное поле социологии управления.

Авторское определение. Социальную инженерию в условиях цифровизации предлагается понимать как совокупность технологий целенаправленного воздействия на поведение индивидов и социальных групп, основанных на эксплуатации доверия, авторитета, взаимности и страха с использованием персональных данных, алгоритмической персонализации и синтетического контента. Ее специфику задают три признака: использование цифрового следа для создания правдоподобного контекста; автоматизация и масштабирование индивидуализированных сценариев; размывание границы между допустимым поведенческим воздействием и злонамеренной манипуляцией.

Цифровая трансформация социальной инженерии. Ресурсной базой такого воздействия становятся большие данные и платформенная персонализация. М. Кастельс связывал сетевое общество с доминированием информационных потоков [2], а Ш. Зубофф показала, как поведенческие данные превращаются в экономический ресурс [7]. Для злоумышленника цифровой профиль делает обращение убедительным: сообщение может учитывать организацию, круг контактов, привычные сервисы и поведенческие паттерны адресата. Генеративный искусственный интеллект дополнительно снижает стоимость персонализированного воздействия, позволяя быстро создавать тексты, голосовые и визуальные имитации. Масштаб проблемы подтверждает Verizon DBIR 2025: «человеческий элемент» присутствовал в 60% подтвержденных утечек [8]. Тем самым объектом атаки становится не только учетная запись, но и социальное доверие, обеспечивающее повседневное функционирование цифровых институтов.

Искусственный интеллект как фактор масштабирования. Генеративные технологии усиливают не столько принципиальную новизну, сколько эффективность уже известных приемов. Автоматизированное создание убедительных писем, имитация речевого стиля, синтез голоса и изображения снижают стоимость персонализации атаки и позволяют тиражировать ее на большие аудитории. Одновременно исчезают привычные признаки низкокачественного мошеннического сообщения — языковые ошибки, шаблонность и несоответствие контексту. Это повышает требования к цифровой грамотности: пользователь должен оценивать не только содержание сообщения, но и канал связи, контекст запроса, возможность независимой верификации личности и сам факт искусственно создаваемой срочности.

Социологическое измерение и риски. Доверие сокращает издержки проверки и позволяет человеку взаимодействовать с типовыми ролями — банком, работодателем, государственным сервисом. Манипулятор воспроизводит знакомую ролевую ситуацию и усиливает ее дефицитом времени, авторитетом или угрозой потерь. Последствия выходят за пределы единичного ущерба: повторяющиеся эпизоды мошенничества снижают доверие к дистанционным услугам и усиливают цифровое неравенство второго уровня — различия не столько в доступе к технологиям, сколько в способности критически оценивать цифровую

информацию. Особенно значимым становится разрыв между скоростью развития синтетического контента и скоростью формирования правовых и образовательных норм.

Неравномерность цифровой уязвимости. Риски распределяются между социальными группами неодинаково. Формальный доступ к цифровым сервисам сам по себе не означает способности критически оценивать их содержание. Возникает неравенство второго уровня, связанное с различиями в навыках проверки информации, понимании алгоритмов и опыте взаимодействия с цифровыми институтами. Старшие возрастные группы могут быть уязвимы из-за позднего освоения дистанционных сервисов, тогда как техническая беглость молодых пользователей не всегда сопровождается достаточным социальным опытом распознавания манипуляции. Следовательно, профилактика должна быть дифференцированной, а не универсальной.

Направления противодействия. Ответ должен объединять институциональные, образовательные и исследовательские меры. Правовые механизмы уже движутся от информирования к изменению самой архитектуры решения: с марта 2025 г. действует самозапрет на выдачу кредитов [9], а «период охлаждения» по потребительским кредитам вводит временную паузу перед получением заемных средств [10]. Социологический смысл таких мер состоит в разрыве сценария, построенного на срочности. Образовательный уровень требует регулярного разбора реальных схем, тренировок по распознаванию фишинга и адресных программ для групп с различным уровнем цифровых компетенций. Исследовательский уровень предполагает постоянный мониторинг доверия к цифровым каналам, виктимного опыта и эффективности профилактических кампаний.

Выводы. Цифровизация не изменила базовую логику социальной инженерии — воздействие через социально-психологические механизмы, — но сделала ее более точной, дешевой и масштабируемой. Социологический подход позволяет связать управленческую и криминологическую трактовки понятия и оценивать не только прямой материальный ущерб, но и институциональные последствия. Эффективная профилактика поэтому должна сочетать правовые ограничения, цифровое образование и социологическую обратную связь; конечным критерием ее результативности выступает сохранение доверия к цифровой среде. В этом смысле защита от социальной инженерии является одновременно задачей информационной безопасности и задачей поддержания институционального доверия в цифровом обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций, за 2025 год. М.: Банк России, 2026.

2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

3. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ.; под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

4. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 240 с.

5. Митник К., Саймон В. Искусство обмана / пер. с англ. М.: Компания АйТи, 2004. 360 с.

6. Резник Ю.М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 87–96.

7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А.Ф. Васильева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 784 с.

8. 2025 Data Breach Investigations Report. Basking Ridge: Verizon Business, 2025.

9. Федеральный закон от 26.02.2024 № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)»».

10. Федеральный закон от 13.02.2025 № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

УДК 304.2

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Бровчук Н. М.
младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Современный мир характеризуется процессами стремительной глобализации и активного внедрения цифровых технологий практически во все области человеческой жизни. С одной стороны, эти взаимосвязанные процессы открывают беспрецедентные возможности для мгновенного обмена знаниями, экономической интеграции и кросс-культурного диалога в глобальном пространстве. С другой стороны, интенсивное наступление цифровой эпохи порождает серьезные вызовы: от рисков культурной унификации и утраты локальных идентичностей до кризиса традиционных социальных институтов и усиления информационного неравенства. В этой новой, динамично развивающейся реальности современное общество вынуждено непрерывно адаптироваться к изменяющимся условиям, балансируя между технологическим прогрессом и необходимостью сохранения внутренней стабильности. Это актуализирует необходимость исследовательского обращения к феномену культурного наследия в рамках проблематики дальнейшего развития общества и, в особенности, сферы культуры.

Официально понятие культурного наследия было введено в научный оборот Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой ООН в 1972 г. Согласно Статье 1 данного документа, под культурным наследием понимаются *памятники* (произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки), *ансамбли* (группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки) и *достопримечательные места* (произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии) [1]. Приведенная трактовка способствовала возникновению и развитию многих научно-исследовательских подходов, в рамках которых культурное наследие рассматривается как динамическая система ценностей. Так, по мнению исследователей И. И. Горловой и А. Л. Зорина, «культурное наследие следует понимать как систему ценностей, которые актуализируются и сохраняются в контексте той или иной культуры» [2, с. 5]. Достаточно распространенной является трактовка культурного наследия как материальной и нематериальной части культуры, созданной прошедшими поколениями и воспринимаемой как нечто ценное и почитаемое [3, с. 138].

Соответственно, одна из ключевых идей, получивших широкое развитие в исследованиях данного феномена, состоит в том, что культурное наследие обладает двойственной природой, обосновывающей необходимость его рассмотрения как социокультурного феномена. С одной стороны, наследие выступает как фундаментальная основа самой культуры, аккумулируя в себе вековой исторический опыт, ценности, традиции, смыслы и иные важные ориентиры как общества в целом, так и конкретных групп и общностей. С другой стороны, культурное наследие всегда антропоцентрично и имеет выраженную социальную направленность. Наследие не существует само по себе: оно создается конкретными людьми, сохраняется общественными институтами и полноценно раскрывает свой потенциал только в процессах реального человеческого взаимодействия, коммуникации, обеспечивающих непрерывное воспроизводство социокультурной преемственности.

Особое значение в рамках указанной проблематики приобретает подход российского исследователя А. А. Мазенковой, рассматривающей культурное наследие не просто как социокультурный феномен, а как социокультурную систему. Автор отмечает, что «культурное наследие является социокультурной системой, в силу обладания социокультурными принципами»: во-первых, принцип homo activus (человека активного), отражающий эволюцию феномена от момента зарождения базовых практик наследования до формирования профессиональных, целенаправленных институтов по охране и реставрации памятников; во-вторых, принцип социокультурного баланса, фиксирующий диалектическое единство инноваций и традиций, где гармоничное соотношение старого и нового гарантирует стабильное развитие и жизнеспособность всей системы; в-третьих, принцип взаимообратимости и симметрии социокультурных процессов, указывающий на амбивалентный характер артефактов прошлого. Обладая непреходящей, вневременной ценностью, они одновременно зависят от текущего исторического контекста, поскольку социальные институты, группы и общности склонны переосмыслять и адаптировать содержательное наполнение наследия под актуальные запросы. И последний – принцип антропосоциетального соответствия, раскрывающий субъектную природу наследия, постулируя, что характер и специфика доминирующих культурных ценностей служат объективным индикатором уровня цивилизационного и социального развития конкретного социума [4, с. 78].

Также в рамках рассматриваемого подхода следует отметить сущностные характеристики культурного наследия, предложенные А. Н. Панфиловым. Прежде всего, исследователь указывает на рукотворный (антропогенный) характер культурных ценностей, репрезентирующих итоги созидательного человеческого труда. Кроме того, базовым свойством объектов наследия выступает их высокая ценностная значимость для социума, которая может выражаться в научном, эстетическом, историческом или ином измерении. Наконец, ключевым критерием легитимности наследия является его подлинность (аутентичность), поскольку утрата первородности объекта неизбежно девальвирует его первоначальный смысл и общественную значимость [5].

Таким образом, культурное наследие как комплексный социокультурный феномен играет важнейшую роль в социально-историческом и культурном развитии общества. На индивидуальном уровне обращение к культурному наследию способствует личностному самоопределению, обогащению внутреннего мира человека и развитию его творческого потенциала. Благодаря сохранению и трансляции накопленного исторического опыта, значимых идей, ценностей, смыслов и морально-нравственных ориентиров, культурное наследие обеспечивает непрерывность социально-исторических процессов, способствует поддержанию социокультурного пространства, тем самым выступая в качестве одного из ключевых факторов консолидации социума в условиях вызовов современности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО: конвенции и соглашения, рекомендации, декларации. – М.: Международные отношения, 1991. – 632 с.

2. Горлова, И. И. О трактовке понятия «культурное наследие» в современной гуманитаристике: теоретико-методологические подходы / И. И. Горлова, А. Л. Зорин // Культурное наследие России. – 2020. – № 3(30). – С. 3–13.

3. Медведева, Н. В. Понятие «культурное наследие» и основные теоретические подходы к его изучению / Н. В. Медведева, А. С. Стоналова. – Материалы Афанасьевских чтений. – 2016. – № 3 (16). – С. 138–143.

4. Мазенкова, А. А. Культурное наследие как социокультурная система / А. А. Мазенкова // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2007. – Вып. 4. – С. 77–80.

5. Панфилов, А. Н. Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблема унификации понятий (часть 1) / А. Н. Панфилов // Право и политика. – 2011. – № 2. – С. 293–305.

УДК 336.7

ДИНАМИКА ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ РОССИИ В 2014-2025 ГГ.: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Огородникова Е. П
доцент кафедры финансов и менеджмента
Оренбургского филиала ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
кандидат экономических наук, доцент
г. Оренбург, Россия

Бузулукская А. С.
студент Оренбургского филиала ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
г. Оренбург, Россия

Проблема противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) остаётся ключевой для финансовой системы. Банковский сектор традиционно является основным каналом, через который проходят как легальные, так и сомнительные финансовые потки, что делает его главным объектом финансового мониторинга. Правовую основу финансового мониторинга в России составляет федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ. В соответствии с ним кредитные организации обязаны выявлять и направлять в федеральную службу по финансовому мониторингу сведения об операциях двух типов:

1. Операции, подлежащие обязательному контролю – операции, на сумму 1 млн. рублей или более, вне зависимости от наличия признаков подозрительности.

2. Подозрительные операции – операции, в отношении которых у сотрудников банка возникают основания предполагать, что они совершаются в целях отмывания денег или финансирования терроризма.

За рассматриваемый период объем подозрительных сократился более чем в 26 раз с 1497 млрд руб. в 2014 г. до 56 млрд руб. в 2025 г. (рис. 1). Это свидетельствует о последовательном ужесточении контроля в сфере противодействия легализации доходов.

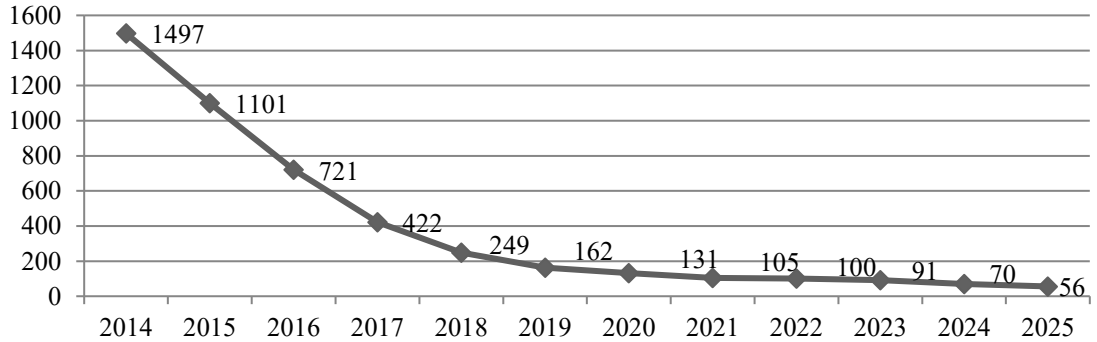

Рисунок 1. Динамика объема подозрительных операций в банковском секторе РФ в 2014-2025 гг., млрд руб.

В практике Банка России подозрительные операции в банковском секторе традиционно делятся на два основных вида: обналичивание денежных средств – вывод денег из безналичного оборота в наличный в целях сокрытия их происхождения или уклонения от налогов и вывод денежный средств за рубеж – трансграничные операции по подозрительным основаниям (авансовые платежи за товары, которые фактически не ввозятся, фиктивные сделки с услугами и т.д.). Именно эти два показателя публикуются банком России в ежегодных аналитических материалах и являются основой настоящего исследования (рис. 2).

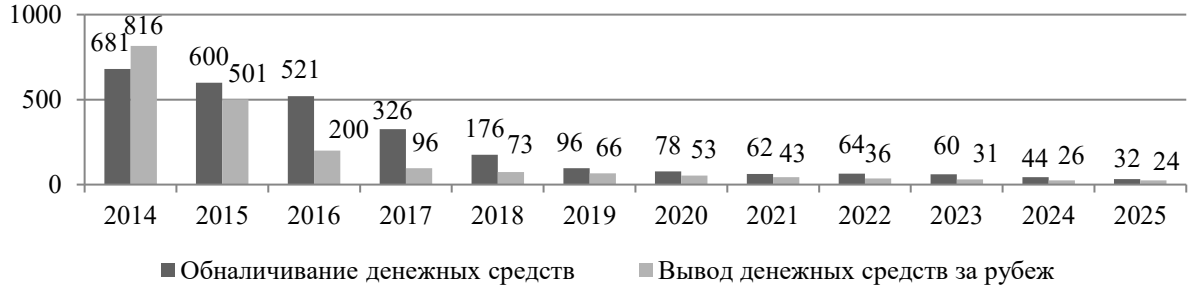

Рисунок 2. Объемы подозрительных операций в 2014-2025 гг., млрд руб.

Объемы обналичивания сократились за рассматриваемый период с 681 млрд руб. в 2014 г. до 32 млрд руб. в 2025 г. Наиболее интенсивное снижение наблюдалось в 2014-2019 гг. Исключением из общего тренда снижения стал 2022 г., когда объемы обналичивания выросли до 64 млрд руб. на фоне снижения выводных операций. В 2023 г. показатель вновь снизился до 60 млрд руб., а в 2025 г. достиг минимального значения в 32 млрд руб.

Наиболее значительно за рассматриваемый период снизились объемы подозрительных операций с признаками вывода денежных средств за рубеж. В 2014 г. показатель составлял 816 млрд руб., а в 2025 – 24 млрд руб., что в 34 раза меньше.

Данные об отраслевой структуре подозрительных операций публикуются банком России с 2018 года. Основными отраслями-потребителями теневых финансовых услуг на протяжении рассматриваемого периода оставались строительство, торговля и сфера услуг (табл.). Лидерство строительного сектора объясняется высокой долей наличных расчётов, сложностью контроля за субподрядными цепочками и традиционно низкой прозрачностью операций в отрасли.

Таблица. Структура спроса на теневые услуги по отраслям 2018-2025 гг., %

Отрасль	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**	**2025**
Строительство	29	37	38	35	43	37	34	39
Торговля	32	24	23	27	26	26	26	23
Сфера услуг	22	25	22	20	19	21	23	23
Прочее	17	14	17	18	12	16	17	15

Снижение объемов подозрительных операций обусловлено несколькими факторами, действовавшими в разные периоды:

1. Расчистка банковского сектора. За 2014-2018 гг. Банком России было отозвано более 400 лицензий [1]. Результатом расчистки банковского сектора стало сокращение общего объёма подозрительных операций с пикового значения 1497 млрд. руб., до 249 млрд. руб. в 2018 году. Объем обналичивания сократился в 3,8 раз. Среднегодовое снижение составило 25,3%. Объем операций по выводу денег за рубеж сократился в 11 раз, что свидетельствует об эффективности принятых мер.

2. Санкционные ограничения. Введение санкций заблокировало традиционные каналы вывода капитала за рубеж: корреспондентские счета в западных банках, переводы через SWIFT, офшорные структуры [2, 3]. Вывод за рубеж снизился с 43 млрд руб. в 2021 г. до 24 млрд руб. в 2025 г. В 2023 г. на фоне его снижения вырос объем обналичивания. Это свидетельствует о переориентации теневых потоков внутрь страны после утраты трансграничных каналов из-за санкций.

3. Платформа «Знай своего клиента». В 2022 г. Банк России запустил платформу, предоставляющую банкам информацию об уровне риска вовлеченности клиентов в подозрительные операции. За два года работы банки предотвратили вывод более 130 млрд рублей в теневой сектор [4].

Согласно Основным направлениям развития финансового рынка РФ на 2026 год и период 2027 и 2028 годов ориентирами развития системы противодействия ПОД/ФТ являются:

1. Снижение административной нагрузки на поднадзорные организации путем сокращения перечня операций, подлежащих обязательному контролю [5, 6].

2. Дистанционная идентификация клиентов. Банкам разрешат открывать счета и проводить операции без личного присутствия человека посредством технологий видео-конференц-связи, что упростит доступ граждан и бизнеса к финансовым услугам.

3. Трансграничный контроль ПОД/ФТ. С переходом на расчеты в национальных валютах и расширением корреспондентской сети с банками дружественных стран система мониторинга должна адаптироваться к новым маршрутам движения капитала. Данные 2022-2025 гг. показывают, что закрытие западных каналов не устранило трансграничные схемы, а лишь переориентировало их, поэтому контроль операций с юрисдикциями высокого риска остается приоритетом.

4. Развитие механизмов взаимодействия Банка России с правоохранительными органами. Документ предусматривает расширение обмена сведениями для выявления и пресечения финансовых преступлений, обновление межведомственных актов, совместные рабочие группы и учебные мероприятия. Координация между регулятором, Росфинмониторингом, правоохранительными органами и финансовыми организациями необходима для быстрого реагирования на новые схемы подозрительных операций.

Проведенный анализ показал устойчивое многолетнее снижение объемов подозрительных операций в банковском секторе РФ более чем в 26 раз за 2014-2025 гг. Объемы обналичивания сократились в 21 раз, а вывод за рубеж – в 34 раза. Это свидетельствует о последовательном повышении эффективности системы ПОД/ФТ. Основными факторами снижения стали расчистка банковского сектора, санкционные ограничения, запуск платформы «Знай своего клиента». Главные отрасли-потребители теневых услуг – строительство, торговля и услуги. Это указывает на зоны сохраняющейся уязвимости, требующие дополнительного внимания со стороны регулятора и правоохранительных органов. Дальнейшее развитие системы ПОД/ФТ предполагает снижение нагрузки на добросовестные организации, дистанционную идентификацию, адаптацию к новым трансграничным маршрутам и усиление межведомственного взаимодействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ковзель, Е. О. Центральный банк как мегарегулятор: эволюция функций и расширение полномочий / Е. О. Ковзель, О. Н. Кузнецова // Тенденции и перспективы развития банковской системы в современных экономических условиях: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 12 декабря 2025 года. Том 1. – Брянск : Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 2026. – С. 8–12.

2. Frankmedia.ru. – URL: https://frankmedia.ru/118489 (дата обращения: 29.05.2026).

3. Андреева Н. В., Огородникова Е. П Межрегиональное сотрудничество, фактор развития российских экономических систем. // Актуальные аспекты обеспечения безопасности человека в условиях развития гражданского общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 95-летию со дня основания ФГБОУ ВО ОГАУ. – Оренбург, 2025. – С. 12–14.

4. Банк России. – URL: https://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024_1/ (дата обращения: 29.05.2026).

5. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов: одобрены Советом директоров Банка России. – М : Банк России, 2025. – Текст: непосредственный.

6. Огородникова Е. П. Цифровизация бизнес-коммуникаций как катализатор прогресса и инноваций в индустрии // В сборнике: Управление социально-экономическими системами: тенденции и вызовы. Сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Воронеж, 2025. – С. 125–129.

УДК 332.1:330.341.4 (083.2)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ НЕРАВНОМЕРНОСТЕЙ В УРОВНЯХ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

Василенко Д. В.
заместитель директора Донецкого филиала РАНХиГС,
доктор экономических наук, доцент
г. Донецк, Россия

Текущее состояние российской экономики столкнулось с таким вызовом, как дифференциация регионов по показателям качества и условий жизнедеятельности людей. Поскольку данный процесс в последние десятилетия не только не утратил актуальности, но еще и усилился, особенно после вхождения в состав РФ новых регионов, экономика которых значительно пострадала от ряда негативных воздействий во внешней и внутренней средах, разработка и реализация на практике инструментария, позволяющего обеспечить сбалансированное развитие всех российских регионов без исключения, стали «во главу угла» у органов государственной и региональной власти.

Неравномерность в уровнях социально-экономического регионов, как одно из проявлений их дифференциации, может быть определена (идентифицирована) в условиях применения пространственного подхода в системе организации регулирования экономических и социальных процессов в системе общегосударственных общественных отношений [1].

Обобщая отечественный и зарубежный опыт по выделению и систематизации особенностей пространственного развития регионов, можно выделить два основополагающих подхода:

1. Использование пространственного подхода в обеспечении экономического и социального развития территории региона направлено на формирование благоприятных условий в границах его экономического пространства для наполнения новыми формами пространственной организации населения и хозяйства.

2. Использование пространственного подхода в обеспечении экономического и социального развития территории региона направлено на насыщение связями между всеми участниками общественных отношений в рамках создания конечного товара или услуг.

В условиях необходимости создания благоприятных условий для социально-экономического развития любой по размеру территории следует сделать акцент на двух свойствах, которыми обладают экономическое пространство территории. Это – равномерность и неравномерность.

Обеспечение равномерности экономического пространства на практике невозможно. «Это обусловлено теми факторами, которые лежат в основе индивидуальности каждой территории – в природе не существует двух одинаковых регионов. Каждый из них, обладая индивидуальным набором характеристик (критериев), определяет не только особенности жизнедеятельности населения, но и специализацию экономики» [2, с. 11]. При этом любое государство заинтересовано в том, чтобы его территориальная структура отличалась равномерностью развития его составных частей (регионов, муниципальных образований, единиц административно-территориального деления), однако, как показывает отечественный и зарубежный опыт, особенно в ретроспективе, это невозможно. Поэтому в настоящее время органы государственного, регионального управления, а также органы местного самоуправления заинтересованы в обеспечении, как минимум, сбалансированного развития государства.

Что касается неравномерности, то данное явление является повсеместным. Как результат, в территориальном делении появляются отдельные единицы, которые выгодно отличаются на фоне других и формируют соподчиненную с ними связь, деформируя экономическое пространство [3].

В общей совокупности факторов, которые напрямую влияют на развитие экономического пространства, можно выделить географическое расположение территорий, особенности расселения населения по территории, насыщенность природными ресурсами и пр.

Первой и основополагающей причиной можно назвать различную степень экономической активности субъектов хозяйствования в тех или иных регионах. Как результат, может наблюдаться появление такого негативного явления, как экономическая рента, т.е. сверхдохода, природа которого лежит в ограниченности предложения конкретного фактора либо же благодаря его уникальным качествам.

Вторая причина – появление маятниковой миграции, т.е. перемещение населения на постоянной основе между местом жительства и местом работы, учебы, отдыха или получения услуг, которое происходит на ежедневной или еженедельной основе. Также ее появление напрямую связано с сезонностью перемещения населения внутри региона. Как результат – усиление неравномерности по ряду показателей качества жизни населения между отдельными регионами.

Третья причина возникновения неравномерности развития экономического пространства регионов лежит в не просто снижении качества экономических связей между основными субъектами хозяйствования, а в их частичном либо полном разрушении, что, по итогу, приводит в локализации производства на незначительных территориях и, соответственно, поляризации экономического пространства.

Четвертая причина кроется в отсутствии единого подхода в системе территориального управления в центре и периферии, что приводит к деградации сельских поселений.

Появление неравномерности развития экономического пространства территории (региона) напрямую зависит от факторов влияния внешней и внутренней сред на ее (его) экономическое и социальное развитие.

В качестве первого признака появления неравномерности развития экономического пространства территории (региона) можно считать концентрацию/дифференциацию производства, которые являются постоянными «спутниками» ее отраслевой специализации. В качестве концентрации следует понимать процесс объединения ряда производств в кластеры с целью обеспечения роста производительности труда, рационального использования наличных ресурсов (природных, трудовых, финансовых, информационных и пр.), максимизации прибыли, эффективизации управленческого аппарата, а также минимизации расходов на производство товаров или услуг. Дифференциация, в свою очередь, может быть охарактеризована в качестве обратного процесса – локализации производственных процессов на конкретных крупных предприятиях.

В качестве следующего признака неравномерности развития экономического пространства территории (региона) следует предложить интеграцию/дезинтеграцию. Интеграция может быть представлена как процесс сближения и объединения экономик различных территориальных образований, позволяющий обеспечить сбалансированное развитие экономического пространства региона, необходимое для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также с целью реализации единой (согласованной) региональной экономической политики [4].

В свою очередь, дезинтеграция может быть представлена в качестве признака, сопровождающего процесс разрушения экономического пространства (его структуры). Выступая в качестве «антипода» интеграции, дезинтеграция наблюдается на тех территориях, которые находятся на стадии разрыва экономических связей с общемировой экономической системой общественных отношений.

Конвергенция/дивергенция – третий признак неравномерности развития экономического пространства территории (региона). Если конвергенция характеризуется сближением ряда неоднородных объектов с целью преодоления существующих проблем в экономическом и социальном развитии, то дивергенция – процесс обратный конвергенции, природа которого лежит в расхождении, «разрыве между уровнями развития отдельных стран, усиления

различий между национальными моделями экономики, их отдельными структурами и механизмами» [5, с. 6]. В зависимости от интенсивности прохождения дивергентных процессов можно идентифицировать степень неоднородности развития экономического пространства – данные процессы прямопропорциональны относительно друг друга.

Поскольку проведение мониторинга является наиболее эффективным инструментом определения неравномерности в развитии экономического пространства территории (региона), необходимо предпринять ряд мер, которые по своему содержанию имеют следующую направленность: обеспечение формирования благоприятных условий для полноценного функционирования региона и отдельно органов местного самоуправления в нем.

Для этого должны использоваться такие инструменты, как SWOT-анализ (выявление сильных и слабых сторон, возможностей и угроз), а также PEST-анализ (анализ политических, экономических, социальных и технологических факторов).

Внутрирегиональное выравнивание представляет собой совокупность мероприятий, проведение которых направлено на сокращение социально-экономических различий между различными территориями (территориальными образованиями) внутри одного региона. Проведение внутрирегионального выравнивая преследует лишь одну цель – обеспечить более равномерное распределение ресурсов, возможностей и уровня жизни между городскими и сельскими поселениями, промышленными центрами и депрессивными районами, создавая тем самым более сбалансированную и устойчивую социально-экономическую систему в пределах всего региона.

Таким образом, проведение государственной региональной политики территориального выравнивания основывается на том векторе социально-экономического развития конкретного региона, который определен в соответствующих стратегических документах территориального развития, на результатах проводимой диагностики ключевых проблем в развитии отдельных территорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иванова, Т. Л., Кретова, А. В., Игуменцева, А. В. Регион и региональная экономическая система: системно-интегративный подход / Т.Л. Иванова, А.В. Кретова, А.В. Игуменцева // РЭиУ. – 2023. – Т. 75, № 3. – С. 1–18.

2. Бондарева, Я. Ю. Сущностно-классификационные аспекты понятий связности, близости и общности элементов экономического пространства в контексте их взаимодействия и процессов сетизации региональной экономики / Я. Ю. Бондарева // Kant. – 2022. – Т. 45, №4. – С. 9–14.

3. Бияков. О. А. Генезис теории экономического пространства / О.А. Бияков // Вестник КузГТУ. – 2004. – №1. – С. 75–82.

4. Акерман, Е. Н. Актуальные проблемы интеграции России в мировое экономическое пространство / Е.Н. Акерман // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2008. – № 313. – С. 130–134.

5. Амирова, Н. А. Региональная конвергенция и дивергенция в России / Н.А. Амирова // Уникальные исследования XXI века. – 2015. – Т. 8, № 8. – С. 6–13.

УДК 316.4

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В НОВЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ:НА ПРИМЕРЕ Г. МЕЛИТОПОЛЬ

Васина О. В.
заведующий кафедрой социологии СПбГТИ(ТУ)
кандидат социологических наук, доцент
г. Санкт-Петербург, Россия

Вопрос развития человеческого потенциала является ключевым для любого региона, особенно для территорий, находящихся в процессе интеграции в новое социально-

экономическое и правовое пространство. Анализ социологических данных, собранных в Запорожской области, позволяет выявить те социальные механизмы, которые формируют основу для развития человеческого капитала — семейные ценности, социальную солидарность, образование, патриотизм и устремлённость в будущее.

В основе представленного анализа лежит концептуальный аппарат Пьера Бурдьё, предполагающий рассмотрение социальной реальности как пространства полей (экономического, политического, образовательного, семейного и т.д.), в которых агенты (индивиды) занимают позиции, определяемые объёмом и структурой капиталов [1]. Капитал выступает не только в экономической форме, но и в культурной (образование, знания, вкусы, ценности), социальной (связи, сети, взаимная поддержка) и символической (престиж, авторитет, признание). Взаимодействие агентов регулируется габитусом — системой устойчивых диспозиций, которые формируются под влиянием объективных условий и, в свою очередь, структурируют практики. Именно через анализ распределения капиталов и динамики габитуса можно понять, как регион, переживающий трансформацию, создаёт или тормозит условия для развития человеческого потенциала.

Ниже представлен анализ данных опроса жителей Мелитополя, проведённого в 2025-2026 гг., который позволяет выделить ключевые социальные драйверы развития региона.

1. Ценностно-символический капитал как фундамент идентичности

Символический капитал – это любая форма признания, которая приобретает ценность в данном поле. В опросе жителей Мелитополя ключевым символическим ресурсом выступают ценности семьи, жизни, справедливости и патриотизма. 75,8% респондентов заявили, что жизнь и здоровье человека являются высшей ценностью, 67,3% ставят семью на первое место. Это не просто абстрактные декларации — они структурируют габитус: повседневные практики, выбор профессии, отношение к образованию и помощи другим.

Интересно, что 52% идентифицируют себя в первую очередь как «человек» или «личность», а не через профессиональную или гражданскую роль. Это говорит о высокой степени рефлексивности и ориентации на универсальные ценности, что свидетельствует о наличии культурного капитала общего порядка, который позволяет агентам адаптироваться к изменяющимся условиям без потери базовой идентичности.

Формирование устойчивой ценностной матрицы, где семья и жизнь человека стоят во главе угла, создаёт базу для долгосрочного социального воспроизводства. Именно эти ценности становятся тем «социальным клеем», который обеспечивает устойчивость общества в условиях трансформации.

2. Социальный капитал и механизмы взаимопомощи

Бурдьё определяет социальный капитал как совокупность реальных и потенциальных ресурсов, связанных с принадлежностью к группе. Данные опроса фиксируют крайне высокий уровень социальной связности: 88% респондентов уверены, что в трудной ситуации найдутся те, кто поможет. 76% получили помощь от родственников, 72% — от друзей. При этом готовность помогать самим также превышает 70% по большинству позиций (моральная поддержка, хозяйственная помощь). Это свидетельствует о плотном социальном поле, в котором горизонтальные связи выступают основным страховочным механизмом, замещая неразвитые формальные институты. Такой тип социального капитала — «связывающий» (bonding) — важен для выживания в переходный период, но для долгосрочного развития необходима его трансформация в «соединяющий» (bridging) капитал, расширяющий доступ к внешним ресурсам. Пока же регион демонстрирует классическую для посттрансформационных обществ структуру: сильные семейно-дружеские сети при слабом доверии к институтам.

3. Образовательный капитал и престиж профессий.

Культурный капитал в его институционализированной форме — это дипломы, квалификации, уровень образования. В опросе 42% респондентов назвали образование важнейшим фактором профессионального успеха, а профессии учителей, врачей, социальных

работников заняли второе место по престижности. Это неожиданно высокий показатель для региона, где экономические трудности обычно обесценивают социальные профессии.

С точки зрения Бурдьё, здесь мы видим инверсию иерархии капиталов: хотя экономический капитал (доходы) объективно низок (лишь 52% удовлетворены своими доходами), символический капитал образования и социальной миссии остаётся значимым. Это создаёт особый габитус — стремление к знаниям и передаче опыта, несмотря на материальную неустроенность. То есть респонденты видят прямую связь между образованием, опытом и профессиональным ростом — это позитивный сигнал для системы образования и политики развития кадров. Такой габитус способствует воспроизводству культурного капитала в следующем поколении, что критически важно для долгосрочного развития человеческого потенциала. Признание образования и социальных профессий как престижных создаёт стимулы для инвестиций в человеческий капитал и привлекает молодёжь в профессии, определяющие качество человеческого потенциала региона.

4. Экономический капитал и субъективное благополучие

Как известно, согласно теории Бурдьё, всегда присутствует взаимоконвертируемость капиталов: экономический капитал можно превратить в культурный (через образование) и социальный (через подарки, услуги). По результатам опроса экономический капитал региона явно недостаточен — сферы доходов и материального положения получают самые низкие оценки (52% удовлетворённых). Однако высокие оценки по сферам дружбы (85%), семьи (80%) и образования (78%) показывают, что дефицит экономического капитала компенсируется социальным и культурным.

Такая структура характерна для обществ, находящихся в фазе мобилизационного развития: люди «инвестируют» в отношения и знания, ожидая, что в будущем экономические условия улучшатся. И эти ожидания небезосновательны — 73% опрошенных с оптимизмом смотрят в будущее, а согласно большинству социальных индикаторов (безопасность, здравоохранение, образование) более 80% участников опроса ждут улучшений.

Высокая удовлетворённость социальными связями при умеренной удовлетворённости материальным положением создаёт запрос на экономическое развитие при сохранении социальной стабильности. Люди готовы развиваться, но нуждаются в материальной базе для этого развития.

5. Габитус оптимизма и практики будущего

Габитус, по Бурдьё, — это не только прошлый опыт, но и система предрасположенностей к определённым практикам. Высокий уровень социального оптимизма (92% ожидают улучшения безопасности, 88% — качества жизни в целом) формирует габитус доверия к изменениям. Это проявляется в готовности учиться, работать, помогать другим и связывать свою судьбу с регионом (многие респонденты хотят остаться в Мелитополе и Бердянске).

С другой стороны, запрос на государственную поддержку (средний балл 7,2 из 10) указывает на то, что респонденты осознают ограниченность собственных ресурсов и нуждаются в «институциональном капитале» — эффективной системе здравоохранения, образования, инфраструктуры. В терминах Бурдьё, поле региона находится в стадии структурации: позиции агентов меняются, а габитус подстраивается под новые объективные условия. В целом оптимистичные ожидания выступают как мощный мобилизующий фактор — они укрепляют социальную стабильность, создают готовность к инвестициям (в том числе в собственное образование и развитие) и формируют позитивный социальный настрой, необходимый для преобразований.

Таким образом, теория П. Бурдьё позволяет увидеть за эмпирическими данными глубинные механизмы воспроизводства и трансформации социальной структуры. В Запорожской области мы фиксируем высокий уровень социального и культурного капитала при дефиците экономического, что создаёт как риски (отток молодёжи, текучка кадров), так и возможности (быстрый рост при адекватной инвестиционной политике). Оптимистический габитус и устойчивые ценности семьи и справедливости выступают главными драйверами развития, но для их реализации требуется целенаправленная работа по преобразованию

структуры полей — через создание рабочих мест, развитие образования и здравоохранения, улучшение инфраструктуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; – СПб. : Алетейя, 2007.

2. Найденова Л. И., Романовский Г. Б. Формирование социального капитала в условиях социально-экономической дифференциации российских регионов // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sotsialnogo-kapitala-v-usloviyah-sotsialno-ekonomicheskoy-differentsiatsii-rossiyskih-regionov (дата обращения: 20.07.2026).

3. Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / В. А. Аникин, Е. В. Антонов, В. К. Антонова [и др.]. – Москва : Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2023. – 462 с.

4. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. Richardson. — New York : Greenwood Press, 1986. — P. 241–258.

УДК 316.7:351.85

КУЛЬТУРНЫЯ ЎСТАНОВЫ БЕЛАРУСІ Ў АЦЭНКАХ НАСЕЛЬНІЦТВА

Вароніна С.М.
навуковы супрацоўнік Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі
кандыдат сацыялагічных навук
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

У сучасным грамадстве культура займае цэнтральнае месца ў жыцці чалавека, уплываючы на яго развіццё, сацыяльныя ўзаемаадносіны і нацыянальную самабытнасць. Інстытуцыянальнае забеспячэнне доступу да культурных каштоўнасцей, арганізацыя вольнага часу і стымуляванне творчасці ажыццяўляюцца праз сетку ўстаноў культуры, якія з'яўляюцца асноўнымі суб'ектамі рэалізацыі дзяржаўнай культурнай палітыкі. Стварэнне ўмоў для рэалізацыі культурных практык выконвае некалькі значных функцый: зніжае сацыяльную напружанасць, папярэджвае эмацыянальнае і прафесійнае выгаранне, забяспечвае механізмы захавання і перадачы культурных, духоўна-маральных і традыцыйных каштоўнасцей паміж пакаленнямі [1]. У сваю чаргу, культурна-статусныя ўзаемадзеянні з'яўляюцца фактарам, які ўмацоўвае ўстойлівасць сацыяльна-стратыфікацыйнай сістэмы грамадства [2].

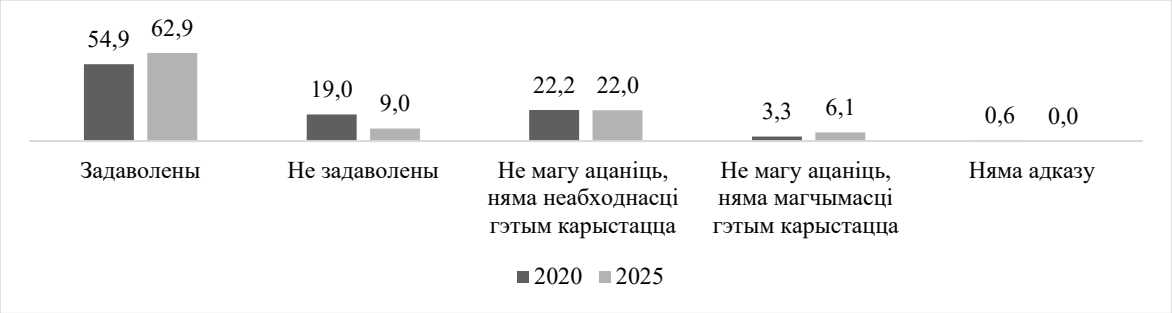
Эфектыўнасць функцыянавання і якасць аказваемых паслуг установамі культуры выступаюць ключавымі дэтэрмінантамі задаволенасці насельніцтва іх дзейнасцю, а таксама ўзроўню культурнага патэнцыялу грамадства. Адсюль узрастае навуковая і практычная значнасць даследавання параметраў задаволенасці жыхароў Беларусі працай гэтых устаноў.

Мэтай праведзенага даследавання з'яўлялася вымярэнне задаволенасці насельніцтва Беларусі функцыянаваннем устаноў культуры ў межах іх населеных пунктаў[1]. Паводле вынікаў даследавання 2025 г., большасць насельніцтва Беларусі (62,9 %) выказала задаволенасць дзейнасцю ўстаноў культуры ў месцы свайго пражывання[2]. У параўнанні з 2020 г., калі гэты паказчык складаў 54,9 %, назіраецца яго прыкметны рост. Адначасова доля рэспандэнтаў, якія не задаволены функцыянаваннем культурных інстытутаў, скарацілася з 19,0 % да 9,0 %. Пры гэтым колькасць тых, хто не мае магчымасці карыстацца паслугамі

[1] Прадстаўленыя эмпірычныя дадзеныя заснаваны на выніках даследаванняў, праведзеных Інстытутам сацыялогіі НАН Беларусі метадам анкетнага апытання ў 2025 г. (N = 1861 чал.) і ў 2020 г. (N = 2099 чал.,) па рэспубліканскай выбарцы, рэпрэзентатыўнай па полу, узросту, рэгіёну пражывання, тыпу населенага пункта.

[2] Тут і далей паказчык «задаволены» уключае ў сябе суму варыянтаў адказу «задаволены» і «хутчэй задаволены»; паказчык «не задаволены» уключае ў сябе суму варыянтаў адказу «хутчэй не задаволены» і «не задаволены».

ўстаноў культуры, застаецца адносна стабільнай і на працягу пяцігадовага перыяду трымаецца на ўзроўні каля 22,0 % (рыс.).

Рысунак. Размеркаванне адказаў на пытанне: «Вы задаволены ўмовамі пражывання ў Вашым населеным пункце: працай устаноў культуры?»[3] у 2020 і 2025 гг., у %

Гендерных адрозненняў адносна задаволенасці дзейнасцю ўстаноў культуры ў рамках даследавання не было выяўлена. Пры тым мужчыны часцей адзначалі адсутнаць неабходнасці іх наведвання (25,5 %, жанчыны – 19,3 %). Важным фактарам задаволенасці выступае тып населенага пункта[4]: гарадскія жыхары найбольш задаволены дзейнасцю устаноў культуры па месцы свайго жыхарства (67,0 %, сельскія жыхары – 47,9 %). Пры гэтым сельскія жыхары часцей адзначалі адсутнасць магчымасці карыстацца іх паслугамі (13,5 %, гарадскія жыхары – 4,1 %), што можа быць абумоўлена інфраструктурнымі асаблівасцямі сельскай мясцовасці. Значны ўплыў аказвае і ўзровень адукацыі рэспандэнтаў: чым ён вышэйшы, тым большая доля задаволеных (базавая адукацыя – 33,9 %, вышэйшая – 73,1 %). Важна, што рэспандэнты з базавай адукацыяй часцей адзначалі адсутнасць як неабходнасці, так і магчымасці наведваць установы культуры.

Вынікі даследавання сведчаць аб тым, што найбольш пазітыўныя ацэнкі дзейнасці ўстаноў культуры характэрны для моладзі да 30 гадоў (70,5 %). У той жа час сярод рэспандэнтаў старэйшых узроставых груп часцей фіксуецца адсутнасць цікавасці да наведвання – такі адказ далі 25,6 % апытаных (да 30 год – 17,5 %) (см. табл.).

Табліца. Размеркаванне адказаў на пытанне: «Вы задаволены ўмовамі пражывання ў Вашым населеным пункце: працай устаноў культуры?» у розных узроставых групах, у %

Варыянты адказаў	**Узроставыя групы**		
	Да 30 год	**30-49 год**	**50 гадоў і больш**
Задаволены	70,5	66,2	57,6
Не задаволены	9,1	9,7	8,4
Не магу ацаніць, няма неабходнасці гэтым карыстацца	17,5	19,6	25,6
Не магу ацаніць, няма магчымасці гэтым карыстацца	2,9	4,5	8,4

Такім чынам, вынікі даследавання сведчаць аб пазітыўнай дынаміцы ў ацэнках насельніцтвам Беларусі дзейнасці ўстаноў культуры: на працягу пяцігадовага перыяду доля задаволеных істотна ўзрасла, а доля незадаволеных – знізілася. Разам з тым вылучаюцца дыспрапорцыі па тэрытарыяльным і адукацыйным крытэрыях: сельскія жыхары і асобы з нізкім узроўнем адукацыі не толькі менш задаволены, але і значна часцей пазначаюць адсутнасць самой магчымасці карыстання паслугамі. Таксама неабходна адзначыць і ўзроставы аспект: моладзь ацэньвае дзейнасць устаноў культуры больш пазітыўна, чым

[3] Пытанне ў анкете было сфармулявана на рускай мове наступным чынам: «Удовлетворены ли Вы условиями проживания в Вашем населенном пункте: работой учреждений культуры (библиотек, музеев)?».

[4] VKрамера=0,3; коэф. сопряж.=0,3; p<0,01.

грамадзяне старэйшага ўзросту, якія часцей не бачаць неабходнасці ў наведванні. Такім чынам, эфектыўная культурная палітыка павінна быць накіравана не толькі на замацаванне дасягнутых станоўчых тэндэнцый, але і на распрацоўку культурных мерапрыемстваў, праектаў з улікам асаблівасцей розных сацыяльна-дэмаграфічных груп насельніцтва.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Мысливец, Н. Л. Удовлетворение социальных потребностей населения Республики Беларусь как показатель национальной безопасности / Н. Л. Мысливец, Н. А. Сосновская, Т. В. Новицкая // Беларуская думка. – 2022. – № 5. – С. 84–91.

2. Смолик, А. И. Социодинамика современной белорусской культуры / А. И. Смолик, Л. К. Кухто // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2011. – № 7. – С. 95–99.

УДК 316.334.3

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Веремеев Н. Ю.
ведущий научный сотрудник Центра политологии
Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Обеспечение общественно-политической устойчивости государства, в условиях современных геополитических вызовов и угроз, предполагает активное вовлечение структур гражданского общества в процессы общественно-политического управления. В Беларуси данная проблематика приобрела особую актуальность после принятия обновлённой Конституции 2022 г. [1], Закона «Об основах гражданского общества» и других нормативных изменений [2, 3], заложивших новую правовую рамку взаимодействия государства и гражданских структур.

Устойчивость политической системы определяется как её способность сохранять заданное направление развития, несмотря на периодически возникающие вызовы. Для операционализации общественно-политической устойчивости зачастую используют ряд эмпирически фиксируемых индикаторов: уровень институционального доверия граждан к органам власти и общественным структурам; устойчивость электоральной поддержки; частота и интенсивность протестной активности; динамика вовлечённости граждан в различные формы политического участия. Институты гражданского общества выступают одним из ключевых стабилизирующих механизмов данного процесса, поскольку именно они формируют каналы, через которые указанные индикаторы могут быть зафиксированы и оценены.

Синтез концепций Ю. Хабермаса, Р. Патнэма, Г. Алмонда и С. Вербы позволяет выделить три механизма воздействия гражданских институтов на общественно-политическую устойчивость. Первый механизм – легитимация власти. Институты гражданского общества выполняют двойную функцию: с одной стороны, они являются каналами артикуляции интересов граждан и тем самым обеспечивают обратную связь между обществом и государством, с другой – служат проводниками политической социализации, формируя гражданские компетентности и культуру политического участия. Государство же, предоставляя гражданам возможность участвовать в обсуждениях и принятии решений, приобретает дополнительный ресурс для повышения своей информированности о проблемах и потребностях населения. Общественные объединения, профсоюзы, научно-экспертные ассоциации и иные формы самоорганизации граждан могут выступить в качестве «мягкой силы», дополняющей формальные институты власти. Их участие в выработке государственных решений через механизмы общественных советов и консультативных

органов способствует повышению вовлеченности граждан в процесс выработки и реализации государственной политики, укреплению общественного согласия и снижению конфликтогенности.

Второй механизм – производство социального капитала: доверие, нормы взаимности и горизонтальные сети снижают транзакционные издержки политического взаимодействия и потребность в принудительных механизмах поддержания порядка. Гражданские ассоциации, профсоюзы, политические партии и некоммерческие организации формируют «плотную ткань» горизонтальных связей, которая способствует укреплению доверия к общественно-политическим институтам и созданию условий для коллективного действия. В обществах с высоким уровнем социального капитала люди более склонны к добровольному соблюдению правовых норм и активнее участвуют в решении общественных проблем, что снижает потребность в принудительных механизмах поддержания общественного порядка [4].

Третий – институциональное посредничество: устойчивость определяется не самим наличием гражданских организаций, а их структурной вовлечённостью в процессы управления. Вместе с тем «сильное» гражданское общество способно быть не только опорой, но и угрозой устойчивости при формальном, квазигражданском характере организаций, а также их зависимости от внешних сил, что требует качественных критериев оценки гражданских институтов, а не только количественных индикаторов их существования в государстве.

Белорусская модель гражданского общества формировалась в специфических историко-политических условиях, определивших её отличие как от западноевропейских, так и от большинства постсоветских аналогов. Если в либерально-демократической традиции гражданское общество складывается преимущественно «снизу» через автономную самоорганизацию граждан, то в Беларуси основным вектором является формирование институтов «сверху» – при активной государственной поддержке и в рамках, определяемых законодательством. Данная специфика не исключает эффективности гражданских институтов, однако обусловливает иную институциональную динамику и требует учёта при оценке их вклада в политическую устойчивость.

Закон «Об основах гражданского общества» (2023) впервые закрепил само понятие «гражданское общество»» и институционализировал формы взаимодействия: избрание делегатов Всебелорусского народного собрания, диалоговые площадки, общественные приёмные. Закон также определил основные задачи взаимодействия государственных органов и гражданского общества, включая обеспечение народного единства, независимости и территориальной целостности государства, повышение вовлечённости гражданского общества в управление делами государства, укрепление единой общности «белорусский народ» как основы социально-политической консолидации [2]. Тем самым закрепленная законодательно рамка взаимодействия государства и гражданских структур приобрела не только регулятивный, но и ценностно-интегрирующий характер.

Особыми формами взаимодействия государственных органов и субъектов гражданского общества в соответствии с Законом являются: избрание делегатов Всебелорусского народного собрания; проведение диалоговых площадок, общественных приёмных, встреч с населением и трудовыми коллективами в целях выработки предложений; участие в реализации решений Всебелорусского народного собрания. Тем самым гражданские структуры институционально встроены в механизмы государственного управления – что соответствует упомянутой выше модели совместного институционального управления.

К субъектам гражданского общества, наделённым особыми правами взаимодействия с государством отнесены: Республиканское общественное объединение «Белая Русь», Белорусское общественное объединение ветеранов, БРСМ, Белорусский союз женщин, Федерация профсоюзов Беларуси. По состоянию на 1 января 2026 г. в республике зарегистрировано 4 политические партии и 844 оргструктуры политических партий, 19 профессиональных союзов (15 республиканских профсоюзов, 1 территориальный и 3 профсоюза в организациях) и 27466 оргструктур профессиональных союзов, 1337

общественных объединений (121 международное, 290 республиканских и 926 местных) и 47812 оргструктур общественных объединений, 43 союза (ассоциации) общественных объединений, а также 7 республиканских государственно-общественных объединений [5]. Данные показатели свидетельствуют о значительном охвате граждан организованными формами гражданского участия.

Одновременно были приняты меры по реформированию партийной системы. Закон «Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений» [2] обеспечил укрупнение партий и повышение эффективности их взаимодействия с органами государственной власти. Содержащиеся в Законе нововведения, с одной стороны, позволили поднять на более высокий уровень развитие партийного строительства и гражданского общества, а с другой – активизировать работу политических партий, повысить ее эффективность и конструктивное взаимодействие с органами государственной власти. Следствием законодательных мер стало значительное укрупнение партий, усиление роли граждан в политической жизни страны, сокращение количества партий до четырех: Белорусская партия «Белая Русь»; Коммунистическая партия Беларуси; Либерально-демократическая партия Беларуси; Республиканская партия труда и справедливости [6]. Зарегистрированные в республике политические партии, являясь важнейшей частью гражданского общества, оказывают существенное влияние на формирование системы ценностей граждан страны, на их мировоззрение и политические убеждения.

Проведённый анализ позволил выделить условия, при которых развитие гражданских институтов позитивно влияет на политическую устойчивость: институциональная интеграция гражданских структур в полный цикл выработки и реализации политики; правовая определённость и предсказуемость правоприменения; формирование социального капитала через поддержку добровольческих инициатив и местного самоуправления; укрепление политической культуры участия при уважении к институтам; баланс автономии гражданских структур и государственного регулирования; развитие информационной инфраструктуры гражданского взаимодействия, включая новые формы онлайн-активности.

Таким образом, связь между развитием институтов гражданского общества и политической устойчивостью носит системный характер. Определяющим является качество институтов и характер их встроенности в механизмы управления. Долгосрочная устойчивость обеспечивается тогда, когда гражданские структуры одновременно выполняют функции легитимации власти, производства социального капитала и институционального посредничества, взаимно усиливающие друг друга. Белорусская модель, оформленная законодательно в 2022–2023 гг., представляет собой оригинальную попытку институционализации взаимодействия государства и гражданского общества, эффективность которой в дальнейшем будет определяться степенью реальной вовлечённости граждан в процесс принятия общественно-политических решений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.

2. Об основах гражданского: Закон Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., № 250-З // ЭТАЛОН-ONLINE. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h12300250 (дата обращения: 12.06.2026).

3. Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений : Закон Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., № 251-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300251 (дата обращения: 18.06.2026).

4. Ефремов, О. В. Участие граждан в решении вопросов местного значения: опыт Республики Беларусь / О. В. Ефремов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2021. – № 2. – С. 107–111.

5. Общественные объединения в Беларуси // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/belarus/society/obedinenija (дата обращения: 18.06.2026).
6. Политические партии Беларуси // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/belarus/society/politicheskie-partii (дата обращения: 18.06.2026).

УДК 394.011

МУЗЕЙ КАК ПЛОЩАДКА ГРАЖДАНСКОГО ДИАЛОГА: ПРОЕКТ «ЖЕНЩИНА. СЕМЬЯ. БУДУЩЕЕ» И РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО СООБЩЕСТВА ПОЛОТЧИНЫ

Воднева И. П.
заведующий Краеведческим музеем,
филиалом НПИКМЗ
магистр исторических наук
г. Полоцк, Беларусь

В современных условиях устойчивое развитие региона невозможно без активного вовлечения граждан в общественные процессы. Женщины традиционно являются активными участниками социальных инициатив, что обусловлено их высокой вовлеченностью в вопросы семьи, образования, здравоохранения и социальной защиты. В современной науке женское гражданское участие рассматривается не только как форма социальной активности, но и как ресурс устойчивого развития территорий. Женские общественные организации и инициативные группы способствуют укреплению социального капитала местных сообществ; развитию социального предпринимательства; сохранению и трансляции культурных и семейных ценностей; повышению качества жизни через решение насущных проблем.

В последние десятилетия музеи все чаще выходят за рамки традиционной экспозиционно-выставочной деятельности, превращаясь в открытые общественные пространства. Социально ориентированные проекты в музейной среде становятся инструментом диалога между институциями и местным сообществом. Механизмами вовлечения выступают: диалоговые форматы (встречи, дискуссии, круглые столы); проекты устной истории и сбора личных свидетельств; партнёрство с общественными организациями; создание коммуникационных площадок для разных социальных групп. Музей перестает быть только хранителем прошлого, превращаясь в пространство для обсуждения настоящего и проектирования будущего.

Примером успешного гражданского диалога Краеведческого музея Полоцка и Полоцкой районной организации ОО «Белорусский союз женщин» стал проект *«Женщина. Семья. Будущее»*, запущенный в 2024 г. Стимулом к его созданию послужило проведение в Полоцке республиканского мероприятия «Разговор о важном» с участием председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь Н. И. Кочановой. Кураторами проекта выступили Ирина Петровна Воднева и Алина Петровна Щукина. В течение полутора лет продумывалась разноплановость формата встреч, определялась целевая аудитория, вырабатывались единые подходы к проведению мероприятий. Сотрудничество позволило объединить ресурсы музея и женского союза, ориентировав их на поддержку различных групп местного сообщества. Внимание в большей степени уделялось женщинам, девушкам как активным агентам социальных изменений.

Проект реализовывался в форматах встреч-интервью, вечеров-портретов и круглых столов, что обеспечивало живой диалог и глубокое погружение в истории героинь. Целевая аудитория – жители Полоцка и Полоцкого района разного возраста, с акцентом на женщин и девушек.

За полтора года площадкой проекта стали истории выдающихся женщин Полотчины: депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь Натальи Гуйвик и Светланы Одинцовой; врача-педиатра Елены Степанец; директора ОАО «Полоцкбыт» Надежды Коршун; женщин из семьи ветерана Великой Отечественной войны Николая Петренко; кавалеров ордена Матери Анны Волковой и Натальи Дайлидёнок, работниц ОАО «Полоцк-Стекловолокно» Лидии Григорьевой и Людмилы Гридюшко; директора Полоцкого районного центра детей и молодёжи Ирины Гаврильчик; руководителя народной студии эстрадного мастерства «Тандем» Натальи Дёминой. Каждая из них – пример многогранности женской реализации: от профессионализма и общественной деятельности до материнства и сохранения семейных традиций.

За полтора года реализации проекта проведено 10 мероприятий, каждое из которых собирало до 30 участников. Несмотря на то, что основная целевая аудитория – женщины и девушки, проект оказался интересен и широкой местной общественности.

Сотрудничество музея и Полоцкой районной организации БСЖ позволило объединить ресурсы двух институций, ориентировав их на поддержку различных групп местного сообщества. Так сложилось устойчивое триединство: музей как культурная площадка, общественная организация как мобилизующая сила и жители как активные соучастники диалога.

Проект последовательно продемонстрировал многогранный образ современной женщины: успешного профессионала, заботливой матери, общественного деятеля, хранительницы семейных ценностей. Героини встреч – от врачей и депутатов до многодетных матерей и работниц промышленных предприятий – показали, что женская реализация возможна в самых разных сферах. Их личные истории стали наглядным примером для молодого поколения и формирования в общественном сознании уважения к женскому труду, материнству и социальной активности. В ходе проекта был сформирован электронный архив женских историй Полотчины, собраны документы, фотографии, которые могут стать основой для научных, образовательных и просветительских программ. Создана яркая музейная площадка, привлекшая дополнительный интерес к выставке «Беларусь XXI века. Наш исторический выбор». В перспективе – масштабирование проекта в формате постоянно действующей площадки для диалога о роли женщины в развитии региона, расширение круга героинь, вовлечение новых социальных групп и тиражирование успешного опыта на другие территории.

Таким образом, реализация проекта «Женщина. Семья. Будущее» наглядно продемонстрировала, что Краеведческий музей Полоцка выступает не просто хранилищем историко-культурного наследия, но и активной площадкой гражданского диалога. Опыт Полоцка подтверждает: музеи, выходя за традиционные рамки выставочной деятельности, способны стать эффективными инструментами гражданского участия. Они аккумулируют социальный капитал, создают условия диалога между поколениями и способствуют устойчивому развитию региона через вовлечение жителей в обсуждение актуальных вопросов.

УДК [321.01+351.858]:355.233.231.1(476+470+571)

О ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Войтеховский А. В.
старший научный сотрудник Центра политологии
Института социологии НАН Беларуси
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Патриотическое воспитание в странах-участницах Союзного государства Беларуси и России представляет собой стратегический инструмент обеспечения общественно-

политической стабильности. В отличие от многих постсоветских государств, Беларусь и Россия прошли особый путь формирования национальной идентичности и интеграционной модели, в которой патриотическое воспитание играет ключевую роль в консолидации общества, легитимации политической власти и укреплении союзных отношений.

Важно отметить и конфронтационный контекст, актуализирующий рассматриваемую проблематику. В условиях противостояния стран-участниц Союзного государства и коллективного Запада при переходе к многополярному миропорядку, вопросы информационной безопасности и защиты суверенитета выходят на первый план. Информационно-психологическое давление, направленное на размывание традиционных ценностей, требует симметричного и глубоко проработанного ответа со стороны государственного аппарата обеих стран.

Интеграционные процессы в рамках Союзного государства сегодня объективно требуют не только синхронизации макроэкономических показателей, создания единого рыночного пространства и укрепления оборонного потенциала, но и формирования сильного ценностного фундамента. В данном контексте формирование «патриотической потребности» и ее удовлетворение связано с высшим уровнем развития личности, особенно в социально-духовном и нравственном плане, что, в свою очередь, способствует воспитанию солидарного и социально ответственного общества, положительно сказываясь на общем социальном самочувствии государства [1].

Ключевой целью современных патриотических практик и стратегий патриотического воспитания в Союзном государстве на сегодняшний день можно считать молодежное просвещение. Именно представители молодых поколений считаются наиболее подверженными различным информационным воздействиям, в том числе деструктивного характера, поскольку процессы их первичной и вторичной социализации сегодня протекают преимущественно в слабо контролируемой цифровой среде и социальных сетях. При этом молодежь представляет собой стратегический потенциал социального развития любой страны. В связи с этим особого внимания заслуживают механизмы эффективной трансляции патриотических идеалов. Базовым социализирующим институтом в данном процессе традиционно выступает семья, где воспроизводятся основы отношения к своей стране и миру в целом. Именно здоровые и теплые отношения в семье закладывают здоровые и теплые отношения в обществе [1].

Однако семья в современном социуме, предполагающем экономическую вовлеченность всего взрослого населения, а также различные дошкольные, школьные и иные внедомашние образовательные формы занятости подрастающих поколений, не всегда способна в полной мере обеспечить передачу необходимых социальных традиций лишь своими усилиями. Именно поэтому важны государственные воспитательные и просветительские программы и практики, формирующие патриотические настроения у молодых людей.

Задача по реализации совместных государственных программ патриотического воспитания в державах Союзного государства представляется необходимой, но вместе с тем сопряженной с рядом сложностей. К ним можно отнести различия в правовом регулировании, различия в апробированных практиках, подходах к составлению информационных материалов, отношение к государственной идеологии.

Так, особого внимания заслуживает внедрение в 2003 году по инициативе Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко обязательных курсов по «идеологии белорусского государства» на всех уровнях образования. Была создана разветвленная система идеологических структур, включая должности заместителей руководителей по идеологической работе на предприятиях и в организациях [2]. В 2025 году был принят документ стратегического республиканского уровня – Директива № 12 от 9 апреля 2025 г. «О реализации основ идеологии белорусского государства». Документ утверждает воспитание патриотизма как одну из основных целей идеологической работы [3]. В это же время Конституция Российской Федерации признает идеологическое многообразие и запрещает обязательность или государственность какой-либо одной идеологии [4]. В контексте

объединительного и мобилизационного потенциала государственной идеологии по образцу Республики Беларусь данное правовое ограничние можно рассматривать как некоторую форму препятствия для оперативной работы по приведению к единообразию государственных подходов к патриотическому воспитанию, частью которого является его идеологическое обеспечение.

Тем не менее, процесс синхронизации патриотического воспитания и образования в Союзном государстве активно ведется. В его рамках осуществляется реализация Декрета Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 2 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024 – 2026 годы». Этот документ предполагает ведение упорядоченного взаимодействия в сферах гражданско-патриотического воспитания в контексте осуществления молодежной политики [5].

Действует также Концепция безопасности Союзного государства от 6 декабря 2024 года. Ее цель – создание единого образовательно-воспитательное пространства, опирающегося на защиту традиционных ценностей. Эта деятельность трактуется как важнейшая составляющая национальной безопасности, стоящая в одном ряду с военной и экономической защитой [6].

В гуманитарной политике Союзного государства формируется ценностно-мемориальный вектор. На практике Концепция реализуется через программные акты, в частности через принятую 16 декабря 2024 года «Дорожную карту... в сфере молодежной политики на 2025–2027 годы». В рамках этого плана организуются лагерные патриотические смены, памятные кампании и межвузовские программы. Институциональное взаимодействие включает в себя проведение молодежных форумов, развитие волонтерских движений и включение союзных номинаций в конкретные отраслевые премии [7].

Рассмотренные правовые и стратегические документы Союзного государства, касающиеся патриотического воспитания, выступают подготовительным этапом на пути к внедрению модельного закона. Известно, что работа над Концепцией молодежной политики Союзного государства вышла на финишную прямую. Данный документ будет регламентировать вопросы образования, патриотического воспитания, координацию студенческих объединений, а также форматы спортивных и творческих мероприятий. Параллельно ведется работа над важнейшим нормативным актом – модельным законом о патриотическом воспитании, который выступит стандартом для национальных законодательств союзных держав [8]. В результате объединение получит четкую основу для проведения согласованной молодежной политики, развития патриотизма и защиты исторической памяти в рамках систем обоих суверенных государств.

Таким образом, патриотическое воспитание в рамках Союзного государства выступает стратегическим фундаментом для обеспечения общественно-политической устойчивости и национальной безопасности России и Беларуси в условиях современного геополитического противостояния. Формирование единого ценностного пространства стало столь же приоритетной задачей, как и экономическая интеграция, при этом главным объектом совместных воспитательных практик обоснованно признана молодежь. Поскольку усилий одного лишь института семьи для защиты подрастающего поколения от деструктивного информационного воздействия сегодня недостаточно, требуется активное и системное государственное участие.

Несмотря на существенные правовые и структурные барьеры, в частности наличие закрепленной государственной идеологии в Беларуси и конституционный запрет на нее в России, странам удается успешно синхронизировать свои подходы для достижения целей обеспечения общественно-политической устойчивости. Логичным завершением этой работы станет скорое утверждение общей Концепции молодежной политики и принятие единого модельного закона о патриотическом воспитании. Это обеспечит стандартизированную правовую базу для согласованной защиты исторической памяти, продвижения традиционных ценностей и формирования солидарного, социально ответственного и устойчивого общества в обеих союзных державах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Узгорок М. Ю. Основные факторы формирования гражданственности и патриотизма в современных условиях // Труды БГТУ. Сер. 6: История, философия. – 2021. – № 2 (251). – С. 90–93.

2. Каратеев Артем Юрьевич «Основы идеологии белорусского государства»: подходы к политической социализации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2014. №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-ideologii-belorusskogo-gosudarstva-podhody-k-politicheskoy-sotsializatsii (дата обращения: 26.06.2026).

3. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.07.2025).

4. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с учетом образования в составе Рос. Федерации новых субъектов : подроб. ил. коммент. / текст коммент., подбор ил. А. Бурданова. – М. : Проспект, 2024. – 215 с.

5. Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024 – 2026 годы : Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 2 // Информационно-аналитический портал Союзного государства (дата обращения: 02.07.2026).

6. О Концепции безопасности Союзного государства : постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 декабря 2024 г. № 14 // Информационно-аналитический портал Союзного государства (дата обращения: 02.07.2026).

7. Дорожная карта органов государственной власти Республики Беларусь, федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации и национальных общественных объединений двух стран в сфере молодежной политики на 2025 – 2027 годы : План М-ва образования Респ. Беларусь; Федерального агентства по делам молодежи Рос. Федерации // Молодежь содружества : эл. библиотека (дата обращения: 05.07.2026).

8. Туров, А. В. Находимся на завершающей стадии формирования Концепции молодежной политики СГ / А. В. Туров // Пресс-центр Парламентского собрания союза Беларуси и России, «Выступления и интервью». – URL: https://belrus.ru/info/nahodimsya-na-zavershayushchey-stadii-formirovaniya-koncepcii-molodezhnoy-politiki-sg/ (дата обращения: 06.07.2026).

УДК 316.342.6

ПОКАЗАТЕЛИ ДВИЖЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Волегов В. С.
и.о. заведующего кафедрой социологии
Пермского государственного национального исследовательского университета
кандидат социологических наук, доцент
г. Пермь, Россия

В современном российском обществе наблюдается относительно высокая динамика на рынке профессионального труда. Происходящие изменения вызваны как цифровыми трансформациями, меняющими содержание трудовой деятельности, востребованность специалистов, так и демографическими и социально-экономическими процессами. Особое внимание привлекают кадровые процессы в классических профессиях, что обусловлено, с одной стороны, их масштабом, а с другой, длительностью существования и наличием устоявшихся механизмов воспроизводства специалистов. Указанные характеристики применимы к учителям как отдельной профессиональной группе, развитие которой в настоящее время связано с целым комплексом проблем. Так, например, исследователи и представители самого профессионального сообщества указывают на отток сотрудников [1], кризис их профессиональной идентичности [2] и разрыв уровня подготовки с текущими процессами в образовании [3].

Воспроизводство кадров в системе общего образования является сложным процессом, зависящим от множества факторов различной природы. В современной научной литературе выделяется ряд макросоциальных факторов, включающих в себя основные тенденции и требования государственной образовательной политики [4, p. 65] особенности государственной политики в сфере образования [4, p. 65], динамику демографических процессов [5, p. 2] и уровень нестабильности рынка труда [6, p. 2]. Кроме того, отмечается влияние территориальных условий: степени социально-экономического благополучия территории [7], влияние структуры подготовки кадров в учреждениях профессионального образования [8, с. 140]. Иными словами, кадровые процессы в системе общего образования отражают сложную взаимосвязь социально-экономических, социокультурных и демографических тенденций в развитии общества.

В качестве эмпирической базы для анализа динамики воспроизводства кадров в общем образовании использованы статистические данные Министерства просвещения РФ по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» [9]. За основу взяты данные по государственным и муниципальным общеобразовательным организациям в разрезе регионов в 2019-2020 и 2025-2026 учебных годах. Отказ от использования промежуточного среза данных обусловлен спецификой 2021-2022 гг., вызванной пандемией COVID-19 и временными изменениями на рынке труда, а также их последствиями. Используемые данные описывают состояние системы общего образования в 85 Субъектах Российской Федерации, публикующих официальные данные, по состоянию на начало соответствующего учебного года, что не позволяет в полной мере зафиксировать движение работников в течение учебного года.

По данным официальной ведомственной статистики в штатной структуре учительского корпуса наблюдается несколько процессов. С одной стороны, данные позволяют зафиксировать увеличение числа ставок, заметное как в отношении городских, так и сельских школ. С другой, изменения штатного расписания слабо связаны с его реальным наполнением: за указанный период реальная численность учителей, работающих в школах по основному месту сократилась на 2%, преимущественно за счет сокращения работников сельских школ (92,3% от численности на начало 2019-2020 уч.г.). Положительная динамика, в большей степени, связана с увеличением учителей начальных классов. Указанные изменения лишь в незначительной степени связаны с изменениями в учебных планах (выделением новых учебных предметов и сокращении изучения иностранных языков). Наибольший рост числа ставок наблюдается в группе «прочие предметы», что может быть результатом создания школами «резервного фонда» для повышения оплаты труда.

Отдельные изменения наблюдаются и в показателях движения кадров, представленных в таблице. Так коэффициент восполнения кадров, отражающий соотношение прибывших и уволившихся работников, демонстрирует постепенное снижение (с 102 до 100 пп.). Однако более серьезные изменения наблюдаются среди школ, расположенных в различных типах населенных пунктов. Так, для сельских педагогов характерен менее высокий уровень движения контингента (как при увольнении, так и при привлечении новых). Более того, сельские школы демонстрируют постепенное сближение показателей прибытия и выбытия. Обратная картина наблюдается среди образовательных организаций, расположенных в городах: при относительно стабильном значении коэффициента приема, фиксируется усиление выбытия педагогических кадров.

Таблица. Показатели движения кадров в общем образовании на начало 2019-2020 и 2025-2026 учебных годов

Тип образовательной организации	Учебный год	Коэффициент оборота по приему	Коэффициент оборота по выбытию	Коэффициент восполнения работников
Сельские	2019-2020	8,21	9,15	89,74
	2025-2026	8,63	9,08	95,14
Городские	2019-2020	12,54	11,48	109,22
	2025-2026	12,47	12,09	103,20

Выявленные расхождения могут быть объяснены спецификой социально-экономических процессов: городские территории обладают более дифференцированным рынком труда, что позволяет работникам образования быть более гибкими в поиске места работы. В то же время, для жителей сельский местности уровень оплаты труда в школах в большей степени воспринимается как достойный [10, с. 21], что приводит к большей устойчивости кадров.

Ещё одна важная тенденция, связанная с показателями кадровой структуры основной школы, касается вакантных ставок. Во-первых, наблюдается существенный рост числа вакантных (в том числе с учетом совмещения) ставок, особенно сильно заметный в сельских образовательных организациях (130,4% по сравнению с уровнем 2019-2020 уч. г.). В то же время, только в 31 Субъекте Федерации из 85 попавших в выборку произошел рост числе незаполненных ставок.

Во-вторых, значения показателей по городским и сельским школам относительно согласованы (коэффициент корреляции Пирсона = 0,623). В разрезе регионов также наблюдаются существенные расхождения. С одной стороны, выделяется ряд территорий с устойчиво низким уровнем незаполненных ставок (не более 0,2% от общей численности ставок), включая Самарская область, Ингушетию, Республику Крым и Ханты-Мансийский автономный округ. Высокий уровень вакантных ставок по обеим территориальным группа школ (доля вакантных ставок превышает 4% от общего штатного расписания) фиксируется в трех регионах: Еврейская автономная область, Республики Адыгея и Калмыкия.

Завершая анализ статистических данных, необходимо остановиться на нескольких существенных аспектах. Во-первых, воспроизводство социально-профессиональной структуры общества является сложным и многоуровневым процессом, зависящим от множества факторов. Особенно заметным это становится на примере учителей как специфической профессиональной группы. На примере полученных данных заметно, что за период с 2019 по 2025 гг. в привлечении, удержании и выбытии педагогических работников сформировалось несколько тенденций, связанных со снижением уровня восполнение работников (особенно в городских школах), а также увеличением доли вакантных ставок на начало учебного года. В тоже время, следует отметить относительную стабилизацию ситуации в сельской местности. Однако имеющиеся данные, включая увеличение числа ставок учителей при стабильной численности фактических педагогических работников, а также внутренняя динамика показателей показывают необходимость продолжения анализа на уровне отдельных территориальных образований и образовательных организаций для формирования более полного понимания современного состояния педагогического сообщества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Заир-Бек, Е. С. Анализ зарубежных практик адаптации молодого учителя к профессиональной деятельности / Е. С. Заир-Бек, Е.В. Пискунова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. ИЯ Яковлева. – 2016. – № 4(92). – С. 92–99.

2. Краева, М. Ю. Кризис профессиональной идентичности педагога в условиях модернизации образовательной системы / М. Ю. Краева // Психологические науки. – 2011. – № 4. – С. 103–109.

3. Прямикова, Е. В. Молодые педагоги между «Сциллой» и «Харибдой»: о профессиональных дефицитах в социологическом ракурсе (на примере Свердловской области) / Е. В. Прямикова,

Е. В. Шалагина, О. Н. Шихова // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11, №. 4(44). – С. 250–251.

4. Tasheva, N. S. Professional Adaptation of Young Teachers in A Preschool Educational Organization // Eurasian Journal of Learning and Academic Teaching. 2022, № 14, pp. 65–67.

5. Vera, C. P. Career Mobility Patterns of Public School Teachers // University Library of Munich, Germany, 2013. – 45 p.

6. Bryant J., Ram S., Scott D., Williams C. 2023. K–12 teachers are quitting. What would make them stay? [Electronic resource]. – URL: https://www.mckinsey.com/industries/education/our-insights/k-12-teachers-are-quitting-what-would-make-them-stay#/ (date of access: 14.10.2023).

7. Волегов, В. С. Численность молодых учителей и показатели социально-экономического развития регионов / В. С. Волегов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2023. – № 4. – С. 579–591.

8. Осипова, О. П. Педагогические кадры на локальном рынке труда: проблемы и дефициты (на примере Дальневосточного Федерального Округа) / О. П. Осипова, С. А. Горохова // Наука и школа. – 2021. – № 2. – С. 136–146.

9. Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. – URL: https://docs.edu.gov.ru/ (дата обращения: 26.07.2026).

10. Родачев, В. А. Особенности субъективных показателей профессиональной адаптации работников образования / В. А. Родачев // Общество: социология, психология, педагогика. – 2026. – №1(141). – С. 18–25.

УДК 314.01

АНАЛИТИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ И ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Волкова О. А.
главный научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН
доктор социологических наук
г. Москва, Россия

Современное общество характеризуется одновременным усложнением демографических процессов и расширением информационной базы их изучения. Статистические массивы, результаты эмпирических социологических исследований и цифровые следы интернет-пользователей создают новые возможности для социального познания. Но эти источники сами по себе не обеспечивают достоверного научного понимания происходящих изменений. Рост объема цифровых данных повышает требования к теории, методам, интерпретации и качеству получаемого аналитического продукта [1]. *Научная проблема* данного исследования заключается в противоречии между многообразием доступной информации, представленной в количественном и качественном формате, с одной стороны, и фрагментарностью ее использования при оценке демографических рисков, с другой стороны. *Цель* предпринимаемого исследования состоит в концептуальном обосновании аналитики демографической безопасности как инструмента современного социального знания и интеллектуального сопровождения управленческих решений на государственном, региональном и местном уровнях.

В данном исследовании аналитика демографической безопасности – это процесс сбора, проверки, интеграции и объяснения данных о воспроизводстве населения, направленный на выявление детерминант, раннюю диагностику рисков и угроз, построение вероятных сценариев и обоснование мер государственной политики. Аналитика демографической безопасности связывает изменения в рождаемости, смертности, миграции и здоровьесбережения с состоянием систем здравоохранения, занятости, образования, социального обслуживания и территориальными условиями жизни населения.

Методологическую основу аналитики образуют системный, междисциплинарный и риск-ориентированный подходы. Теории демографического перехода и демографического метаболизма позволяют объяснять долговременную смену моделей воспроизводства населения и учитывать их социальные детерминанты для прогнозирования [2]. Современная демографическая политика также требует перехода от количественной оценки численности и динамики к анализу социальных детерминант, обусловливающих изменения демографических показателей: условий жизни, доступности здравоохранения и образования, равенства возможностей и устойчивости социальных институтов [3]. Следовательно, предмет аналитики включает количественную динамику, социальные механизмы демографического поведения разных групп населения в регионах и институциональную среду, в которой принимаются индивидуальные решения людей по выбору той или иной поведенческой стратегии.

Инструментальная модель аналитики демографической безопасности может включать в себя три взаимосвязанных *контура*. *Статистический* контур обеспечивает сравнительно-исторические интерпретации (в том числе, с привлечением материальных и оцифрованных архивов), построение динамических рядов, расчет коэффициентов, выявление территориальных различий и прогнозирование численности и структуры населения. *Социологический* контур раскрывает установки, ожидания и барьеры, влияющие на рождение детей, заключение брака, предотвратимую смертность, миграционное поведение, занятость и здоровьесбережение. *Цифровой* контур фиксирует изменения общественных настроений по публикациям в средствах массовой информации, сообщениям социальных медиа, поисковым запросам интернет-пользователей, обращениям граждан и отзывам о работе социальной инфраструктуры. Методологически значимым является не параллельный анализ этих разнородных массивов данных, а их последовательное сопоставление, комплементарность (взаимодополняемость) и взаимная верификация.

Расширенная система современных источников данных позволяет различать фактически произошедшие изменения, формирующиеся намерения и общественную интерпретацию демографических процессов. Например, при помощи Яндекс Вордстат можно проанализировать фазы цикла демографического поведения: интерес, намерение, действие. Официальная статистика и переписи населения дают сведения о масштабах и структуре явлений. Социологические опросы населения и экспертов объясняют социальные причины демографических изменений и явлений. Медиаисточники (в частности, СМИ) показывают, какие проблемы получают публичную видимость и как они интерпретируются. Поисковая активность и цифровые обращения интернет-пользователей к интересующих их источникам информации способны выступать ранними сигналами потребностей, которые позднее вероятнее всего проявятся в статистике. Информация о качестве учреждений здравоохранения, образования и социальной защиты характеризует институциональные условия демографического поведения, а данные о трудовых конфликтах позволяют выявлять связь занятости с межрегиональной и международной миграцией, семейной устойчивостью и продолжительностью активной профессиональной жизни.

Российские разработки способствуют совершенствованию развития аналитики в зависимости от поставленных задач. Для формирования цифрового контура аналитики демографической безопасности могут применяться системы: «Медиалогия» для мониторинга федеральных и региональных средств массовой информации; Brand Analytics и «Крибрум. Про» – для анализа публичных сообщений социальных медиа и выявления общественных настроений, «Яндекс Вордстат» – для изучения динамики и региональной структуры поискового интереса. Интеграция полученных массивов данных, построение временных рядов и сценарное прогнозирование могут осуществляться с использованием аналитической платформы Loginom. Совместное применение подобных инструментов позволяет сопоставлять медийную повестку, цифровые реакции населения и формирующиеся поведенческие намерения.

Ключевым *принципом* проведения аналитика демографической безопасности является полнота охвата доступной информации. Однако она не сводится лишь к увеличению числа измеряемых показателей. Наряду с полнотой информационной базы, представленной в количественном и качественном формате, необходимо проводить территориальную дифференциацию и кластеризацию, темпоральное сопоставление. При этом алгоритмы проводимого анализа должны быть прозрачны, интерпретируемы и соответствовать правилам защиты персональных данных участников исследования (респондентов, информантов, экспертов). При анализе цифровых следов следует учитывать ограничения, обусловленные цифровым неравенством населения, проживающих в крупных городах и сельских населенных пунктах.

Активность интернет-пользователей в сети интернет не представляет в одинаковой степени все социально-демографические или статусные группы населения. В связи с этим в условиях цифровизации не снижается, а, наоборот, увеличивается потребность исследователей и экспертов в результатах социологических опросов, проводимых в очном формате, при помощи бумажных опросных листов или мобильных гаджетов. Большие данные, расположенные в сети интернет, также не заменяют статистику. Это происходит опять-таки по причине усиливающегося неравенства в доступе к качественной интернет-связи. То анализ цифровых следов служит лишь дополнением статистических и эмпирических социологических данных. Хотя сегодня вполне очевидно, что анализ интернет-источников представляет масштабные возможности для углубления количественного и качественного анализа. Особым достоинством такой работы является обеспечение оперативности получения результатов. Анализ цифровых следов предоставляет возможность для обнаружения и интерпретации новых причинно-следственных и корреляционных связей и зависимостей. Это способствует улучшению качества информации, поступаемой к лицам, принимающим решение по разработке социально значимых программ и проектов.

Региональное измерение социально-демографических процессов имеет принципиальное значение для определения развивающихся и усиливающихся тенденций и прогнозирования. Среднеарифметические показатели могут скрывать противоположные территориальные тенденции [4]. При этом практическим результатом аналитики должен становиться не рейтинг территорий, а выделение групп регионов. Для осуществления аналитики демографической безопасности важно проводить кластерный анализ. Его результаты будут способствовать разработке различных сочетаний мер, реализуемых в регионах в рамках семейной, миграционной, социальной и здоровьесберегающей политики.

В государственной политике такая аналитика выполняет диагностическую, прогностическую и превентивную функции. В частности, принятая в Российской Федерации «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 года» закрепляет долгосрочный и межведомственный характер решения социально-демографических задач [5]. Сегодня актуальным становится развитие аналитических компетенций руководителей, способных критически оценивать результаты научных исследований и принимать решения, учитывая предлагаемые аналитиками прогнозы (от негативных до позитивных. Практическая значимость аналитики демографической безопасности состоит в ее прикладном, инструментальном значении для развития современного социального знания и раннего предупреждения прогнозируемых негативных последствий принимаемых управленческих решений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Понкин, И. В. Общая теория прикладной аналитики / И. В. Понкин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 2. – С. 42–48.

2. Lutz, W. A Population Policy Rationale for the Twenty-First Century / W. Lutz // Population and Development Review. – 2014. – Vol. 40, № 3. – P. 527–544.

3. Gietel-Basten, S. Capitalizing on Population Dynamics 30 Years on from the International Conference on Population and Development / S. Gietel-Basten, R. Snow // Studies in Family Planning. – 2025. – Vol. 56. – P. 177–197.

4. Ткаченко, А. А. Задачи пространственного развития России с точки зрения демографических процессов и национальной безопасности / А. А. Ткаченко // Вестник Российской академии наук. – 2023. – Т. 93, № 2. – С. 112–120.

5. Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р. – URL: http://government.ru/docs/54573 (дата обращения: 23.07.2026).

УДК 316

УПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЖЕНСКОГО ПОЛА КАК ПРЕДМЕТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Волосников Р. А.
начальник кафедры ГУО «ИПС РБ»
кандидат социологических наук
г. Минск, Беларусь

Бурмистров В. М.
старший преподаватель кафедры
ГУО «ИПС РБ»
г. Минск, Беларусь

Процесс феминизации вооруженных сил и силового блока в целом является устойчивым трендом развития военной сферы в современном мире. Женщины осваивают практически все военные специальности, однако управление их профессиональной деятельностью остается недостаточно концептуализированным в теоретическом аспекте, что обусловливает актуальность научной разработки данной проблемы.

Высокий эвристический потенциал в познании сложных социальных объектов принадлежит системному анализу. Системный анализ как методологическая стратегия предполагает рассмотрение объекта как целостной системы, обладающей внутренней структурой, образуемой иерархией подсистем и элементов, связей между ними. Любая система функционирует во внешней среде. Открытые системы активно обмениваются с ней информацией, веществом и энергией.

С позиции системной методологии анализ управления профессиональной деятельностью военнослужащих женского пола предполагает решение следующих задач: выделение системы как отдельного объекта системного анализа и установление ее границ; расчленение объекта системного анализа на отдельные элементы и их описание; анализ системы в статике и динамике; построение модели и выявление системных свойств (целостность, взаимосвязь со средой, иерархичность, интегративные свойства, устойчивость и др.).

Применение системного анализа к исследованию управления профессиональной деятельностью военнослужащих женского пола позволяет рассматривать этот процесс как целостную систему, представляющую собой совокупность элементов (подсистем более низкого порядка), которые влияют на процесс реализации женщины в вооруженных силах или иных силовых структурах. Эта система является частью метасистемы более высокого порядка: кадровой политики государства, системы управления вооруженных сил (силовых структур) и др.

И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин предлагают два способа расчленения системного объекта: по уровням и по сферам, что позволяет осуществлять многомерный анализ исследуемого объекта [1].

Анализ управления профессиональной деятельностью военнослужащих женского пола как системы позволяет выделить три взаимосвязанных структурных уровня: социальный, институциональный и личностный.

Макросоциальный уровень включает условия профессиональной деятельности: законодательство, общественное восприятие женщины как военного профессионала, ее социальный статус как военнослужащего, социальные стереотипы, аксиологические ориентации женщин в обществе, экономические и демографические факторы. На социальном уровне осуществляется процесс формирования образа военнослужащей-женщины в общественном сознании, что позволяет исследовать наличие социальных стереотипов, установок, влияющих на профессиональную ориентацию женщин, их адаптацию в условиях военной (профессиональной) службы.

Мезоуровень (институциональный) включает такие элементы, как нормативную правовую базу, систему отбора и подготовки, кадровую политику конкретного ведомства. Их взаимосвязь и функционирование направлено на отбор, обучение и выстраивание карьерных траекторий военнослужащих женского пола.

Микроуровень (воинский коллектив/подразделение): коллектив (воинский, профессиональный), межличностные отношения, морально-психологический климат.

Личностный уровень управления профессиональной деятельностью военнослужащих женского пола содержит элементы, обусловленные субъективными характеристиками, присущими женщинам: особенностями ценностно-мотивационной сферы, спецификой профессиональной идентичности, психологической готовностью к службе, самооценкой и др. Важным аспектом личностного уровня является осознание женщиной себя в профессии в качестве субъекта особой военной (профессиональной) деятельности.

Членение объекта исследования по сферам предполагает выделение функциональных областей: нормативной правовой; кадровой; социально-бытовой (социальные гарантии, жилищные вопросы, учет семейных обстоятельств, работа женских советов); психолого-педагогической (система обучения, психологического сопровождения, адаптации, идеологической работы).

Анализ системы в статике предполагает поиск ответа на вопрос: «Как устроена система управления профессиональной деятельностью военнослужащих женского пола в данный момент?». Анализируются и описываются все элементы, выделенные на предыдущих этапах, связи между ними (структура), уровни системы, раскрываются эмерджентные свойства системы (целостность, упорядоченность, сбалансированность, устойчивость).

Анализ в динамике предполагает изучение процессов функционирования и развития, выявления их особенностей во времени, тенденций и закономерностей. На этом этапе изучаются процессы отбора женщин на военную или государственную службу, организации их профессиональной подготовки и адаптация, прохождение службы (существуют ли объективные преграды), функционирование системы социальной защиты.

Важным аспектом исследования системы управления профессиональной деятельностью военнослужащих женского пола является изучение ее в развитии. Здесь важно найти ответы на следующие вопросы: «Как менялась роль женщин в армии и система управления ими на протяжении времени? Какие тенденции наблюдаются в настоящее время?» и др.

Профессиональная деятельность военнослужащих женского пола обладает рядом особенностей, которые необходимо учитывать при управлении ею:

во-первых, это деятельность в среде, которая в общественном сознании воспринимается как традиционно мужская, что создает дополнительные психологические преграды и требует дополнительных ресурсов для адаптации;

во-вторых, профессиональная деятельность женщин-военнослужащих, связана с высокими физическими и психологическими нагрузками, которые могут негативно сказаться на женском здоровье;

в-третьих, профессиональная деятельность военнослужащих женского пола характеризуется двойственным процессом социализации: с одной стороны женщины должны

подчиняться единым для всех правилам, установленным в военной (профессиональной) среде, с другой – сталкиваются с социальными ожиданиями, определяемыми наличием гендерных стереотипов. Системный анализ позволяет также выявить ключевые проблемы (противоречия) в управлении профессиональной деятельностью военнослужащих женского пола, например, единые для всех требования не учитывают физиологические и психологические особенности женщин.

Таким образом, использование системной методологии к предмету управление профессиональной деятельностью военнослужащих женского пола требует: выделение структурных уровней профессиональной деятельности и соответствующих им управленческих подсистем; выявление системообразующих факторов, определяющих специфику деятельности военнослужащих-женщин; анализ внутренних и внешних связей военнослужащих женского пола, влияющих на эффективность профессиональной реализации; учет динамических характеристик, отражающих изменение их профессионального статуса, адаптационных процессов, карьерных траекторий. Системный анализ позволяет не только выявить структурные компоненты и внутренние противоречия процесса управления, но и определить направления его совершенствования. Ключевым условием эффективности управления является переход от фрагментарных, ситуативных мер к целостной их системе, учитывающей все уровни и аспекты профессиональной деятельности женщин-военнослужащих.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Блауберг, И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1973. – 268 с.

УДК 001.6

НАУЧНОЕ СОДРУЖЕСТВО АН СССР И АН БССР ПЕРЕД ЛИЦОМ ОБЩИХ ВЫЗОВОВ (1930-Е ГГ.)

Володарская Е. А.
главный научный сотрудник ИИЕТ им С.И. Вавилова РАН
доктор психологических наук, доцент
г. Москва, Россия

С первых дней существования Академия наук Белорусской советской социалистической республики, которая была учреждена постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров БССР от 28 октября 1928 г., поддерживала тесные и взаимообогащающие связи с Академией наук СССР. Эта традиция сохраняется и сегодня, усиливая общность исследовательской проблематики, схожесть социально-исторических условий функционирования, близость решений, определяемых современными геополитическими факторами и вызовами. Подобное научное сотрудничество обусловлено не только деятельностью Союзного государства России и Беларуси, но и накопленным опытом научного содружества ученых обеих стран, заложенным в первой половине прошлого века, когда перед общей державой вставали очень серьезные угрозы выживания при необходимости интенсивного движения вперед, прогресса и существенных преобразований во всех сферах жизни общества.

И тогда, сто лет назад, и сейчас экономика и социум России и Беларуси находятся в состоянии активного и очень существенного изменения, динамика и разноплановость которого делает возможным обращение к опыту прошедшей исторической эпохи, чтобы не только вспомнить славные вехи общих научных достижений, но и извлечь уроки, попытаться найти возможные ответы на встающие сегодня вопросы с опорой на социокультурные универсалии традиции и новизны.

Одной их таких основополагающих норм научного общения двух братских народов является взаимопомощь и плодотворный диалог, принципы которого были заложены с самого начала функционирования АН БСССР. Социалистическое строительство белорусской науки базировалось на принципах плановости научно-исследовательский работы, осуществления культурного переустройства и тесной связи с массами, рационализации организационной структуры исследовательских учреждений, решении существенных для развития народного хозяйства проблем, участия в социалистическом соревновании [1]. Академия наук Советского Союза уделяла огромное внимание взаимодействию с Белоруссией. В честь 20-летия создания БССР 12 декабря 1968 г. было направлено обращение Президента АН СССР академика В.Л. Комарова, в котором подчеркивалось, что АН СССР горячо приветствует героический белорусский народ, вошедший в дружную семью социалистических республик, и на основании проводимой политики помощи русского народа Белоруссия из отсталой окраины царской России превратилась в цветущую советскую республику трудящихся, достигшей расцвета во всех сферах хозяйственной и культурной жизни. Отмечалось, что «героический народ Советской Белоруссии – форпост Социалистической Родины на западных рубежах» [2, с.2].

Братское сотрудничество способствовало активному становлению академической элиты молодой советской республики, в котором деятельное участие приняла Академия наук СССР. Например, многие видны ученые, принесшие славу белорусской науке, возглавлявшие академические научно учреждения, обучались или работали в системе АНСССР. Это такие исследователи и организаторы белорусской науки, как Президенты АН БССР генетик А.Р. Жебрак, возглавлявший ранее кафедру в Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, нейрофизиолог Н.И. Гращенков, руководивший до этого Институтом неврологии Академии медицинских наук СССР, а также Всесоюзным институтом экспериментальной медицины, ботаник В.Ф. Купревич, закончивший аспирантуру Ботанического института АН СССР [3]. Президиум АН СССР помогал расширять библиотечный фонд Белорусской академии наук, направляя необходимую литературу по запросу коллег В частности, июне 1945 г., сразу после окончания Великой отечественной войны, академик-секретарь АН СССР Н.Г. Бруневич направляет распоряжение по Академии наук СССР № 305 на имя директора Библиотеки АН СССР И.И. Яковкину с разрешением выдать Библиотеке АН БССР 10 экземпляров книг бронированного фонда [4]. Копия этого распоряжения была направлена 13 июля 1945 г. за № 37-10 в Библиотечную комиссию Президиума АН СССР [5].

Академия наук Советского Союза оказывала неоценимую поддержку, способствуя воспитанию и усилению кадрового потенциала молодой белорусской академической науки. Первоначально в состав АН БССР были включены доктора наук из РСФСР. С опорой на документы, хранящиеся в Архиве Российской академии наук, можно более четко представить этот историко-научный эпизод. В 1936 г. АН БССР обратилась в Президиум АН СССР с просьбой рекомендовать молодых перспективных докторов наук по таким научным дисциплинам, как физика, генетика, животноводство, энергетика, экономика, русская литература, которых можно было бы избрать член-корреспондентами Академии наук союзной республики с последующим утверждением в качестве действительных членов Академии наук Белоруссии. На основании данного обращения Непременный секретарь Академии наук Союза ССР академик А.П. Горбунов пишет на имя директоров ряда научно-исследовательских институтов, входящих в состав АН СССР (Физический институт, Геологический институт, Институт Генетики, Энергетический институт, Институт Экономики, Институт Русской Литературы, Лаборатория Физиологии Животных), письмо от 19 мая 1936 г. № 62-3, в котором просит обсудить вопрос выдвижения кандидатов и предоставления их характеристики в Президиум АН СССР [6]. Перечень специальностей, по которым были востребованы молодые ученые для работы в АН БССР, можно рассматривать как косвенное свидетельство основных направлений развития белорусской науки во второй половине 1930-х гг. Переписка с

директорами указанных выше Институтов системы АН СССР раскрывает особенности реализации данного обращения.

В Архиве РАН имеются ответы всех руководителей профильных НИИ, в которых обосновываюсь возможность предоставить отвечающих требованиям кандидатов или нет. Можно выделить Институты, которые откликнулись на письмо от Президиума АН СССР и предоставили фамилии и характеристики ученых, описать критерии отбора кандидатур. Так, Институт Литературы АН СССР предоставил в письме от 16 июля №54-3 три кандидатуры по кафедре русской литературы для избрания в член-корреспонденты АН БССР [7]. Среди оснований выдвижения кандидатов ключевыми являются профессионально важные для научной деятельности личностные качества ученых, такие как исследовательский талант, кругозор, опыт, эрудиция. Значительная роль в оценке соответствия кандидатур отводилась методологическим воззрениям и участию в просветительско-педагогической деятельности, например, членство в ВКП/б, социалистические убеждения, обоснование в публикациях марксистско-ленинского подхода к исследовательским вопросам при отражении классовой борьбы и критике буржуазной науки.

Но в делопроизводственной документации Общего отдела Секретариата Президиума АН СССР есть ответы с обоснованным отказом в выполнении просьбы АН БССР. Среди причин невыполнения запроса Белорусской АН о кандидатах в письме от 25 мая 1936 № 220/к директор Института Экономики АН СССР академик М.А. Савельев указал на состояние кадров в данное время [8]. В письме от 28 мая 1936 г № 199, подписанном Ученым секретарем Энергетического института им. Академика Г.М. Кржижановского, сообщается, что Институт не имеет возможности выделить двух энергетиков из состава своих кадров [9]. Заместитель директора Института Генетики в письме от 2 июня 1936 г. № 3 мотивировал отказ в предоставлении кандидатов отсутствием отвечающих требованиям научных работников и обещал, что после защиты поступивших в 1935 г. докторантов-аспирантов докторских диссертаций в области генетики-животноводства Институт будет располагать требуемыми для Белорусской АН кандидатами [10]. Был получен отказ и от директора Геологического института АН ССР академика А.Д. Архангельского, который в письме от 3 июня 1936 г № 603 сообщил, что не может указать молодого геолога, который по характеру своих научных работ мог быть рекомендован для избрания в член-корреспонденты АН БССР [11]. Заместитель директора Физиологического института им. Академика И.П. Павлова по научной работе профессор А.В. Тонких в письме от 26 декабря 1936 г. № 28-1140 по поручению академика Л.А. Орбели сообщил, что в Институте не оказалось кандидатур, могущих быть рекомендованы Белорусской АН, так как лица, которых можно было бы рекомендовать, занимают кафедры в вузах и связаны по работе с рядом других учреждений [12].

Отказ от участия в научной помощи братской республике может указывать на недостаточно положительное состояние кадров и относительны кадровый «голод» в АН СССР в период первых пятилеток. В сентябре 1936 г. по материалам поступивших откликов из институтов АН СССР была подготовлена справка, согласно которой лишь два (институт Физики и Институт Литературы) из семи научных учреждений готовы были предоставить кандидатуры [13]. Примечательно, что столь большое число уклонений институтов АН СССР от помощи Академии наук Белоруссии повлекло за собой повторное обращение осенью 1936 г. Непременного секретаря Президиума АН СССР академика А.П. Горбунова к руководству институтов, в котором подчеркивается, что предыдущее обращение могло быть понято в том смысле, что кандидатуры должны быть из состава институтов, хотя имелось ввиду более широкое сообщество ученых по требуемым специальностям [14]. После этого к декабрю 1936 г. Энергетический институт имени академика Г.М. Кржижановского предоставил кандидатуры двух профессоров, работающих в Московском Энергетическом институте им. Молотова и в Институте Связи [15]. Физический институт предложил для перехода на работу в АН БССР сотрудников Государственного Оптического института, Ленинградского и Томского физико-технических институтов [16]. Геологический институт выдвинул двух

талантливых и перспективных кандидатов наук [17]. Институт Генетики также прислал свои предложения [18].

Таким образом, опыт интеграции Академии наук БССР в единый научный комплекс СССР, тесных связей белорусской науки с научными учреждениями союзных республик и координационными органами Академии наук СССР, безусловно, должен быть учтен при обсуждении злободневных тем совместного научного поиска при решении актуальных вопросов дальнейшего поступательного развития общего научного пространства наших стран.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Токарев, Н. В. Становление научных связей Национальной академии наук Беларуси и Российской академии наук. 1929-1941 гг. // Наука и информатизация. – 2014. – № 1. – С. 60-62.
2. Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 2. Оп. 1938. Д. 3109. Л. 2.
3. Ахремчик, Р. В. Президенты НАН Беларуси: наука в лицах // Наука и инновации. – 2014. – № 3. – С. 4-9.
4. АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1945. Д. 269. Л. 1-2.
5. АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1945. Д. 351. Л. 2.
6. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 115. Л. 29.
7. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 115. Л. 17-21.
8. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 115. Л. 28.
9. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 115. Л. 27.
10. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 115. Л. 26.
11. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 115. Л. 25.
12. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 115. Л. 11.
13. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 115. Л. 16.
14. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 115. Л. 15.
15. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 115. Л. 3.
16. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 115. Л. 14-15.
17. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 115. Л. 6.
18. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 115. Л. 7.

УДК 321.01/02

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Вонсович Л. В.
заведующий кафедрой управления и профессионального развития БГУФК
кандидат исторических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Обеспечение общественно-политической стабильности является одним из важнейших приоритетов Республики Беларусь. В условиях острого геополитического противостояния в современном мире, деструктивного идеологического прессинга со стороны коллективного Запада белорусское государство вынуждено искать механизмы защиты своих граждан от негативного воздействия идеологических доктрин, несущих хаос, социальную напряженность, дестабилизацию политической ситуации, деформацию общественной системы. Одним из таких механизмов защиты является государственная идеология, инициатором создания которой выступил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. В Директиве №12, подписанной 9 апреля 2025 года указывается, что идеология белорусского государства есть «система идей, взглядов и представлений, которая отражает национально-исторические традиции, интересы и ценности белорусского народа, определяет цели развития личности, общества и государства» [1]. Идеологическая доктрина Республики Беларусь включает в себя ряд идейных постулатов и принципов, ставших исторически частью

общественного сознания, востребованных временем и национальными интересами страны. К ним следует отнести: государственный суверенитет, независимость и территориальную целостность; единство народа; национальную идентичность; народовластие; сильную государственную власть; поступательное развитие; высокое качество жизни; сохранение исторической памяти и традиционных ценностей белорусского народа.

Реализация целей идеологической политики Республики Беларусь предполагает претворение в жизнь указанных выше идейных постулатов посредством организации и проведения идеологической работы, которая направлена на «построение социально справедливого общества через формирование всесторонне развитой личности, отстаивающей национальные интересы» [1]. Таким образом, в Директиве №12 подчеркивается, что защита национальных интересов – это не только дело самого государства. Каждый гражданин Республики Беларусь, ориентируясь на ценностные идеологические установки своей страны, должен принимать и поддерживать белорусский путь общественного развития, политику государства, решения и действия правящей элиты как основного выразителя интересов народа. Противодействие попыткам деструктивных сил дискредитировать государство, исказить его историю, обесценить роль происходящих в обществе процессов по обеспечению стабильности – вот далеко не полный перечень приоритетов гражданской позиции жителей Беларуси.

Сегодня идеологическая работа в Республике Беларусь организована и выстроена в соответствии с целями социально-экономического и политического развития государства на нынешнюю пятилетку 2026-2030 гг. Она затрагивает функционирование каждого трудового коллектива, в том числе и в сфере физической культуры и спорта. И это вполне обосновано. Длительное время белорусский спорт подвергался беспрецедентному давлению, которое было связано с политическими факторами и санкционными мерами в отношении белорусских спортсменов и системы спорта в целом. В условиях жесткого прессинга важно было не сломаться, не остановиться, нужно было найти силы идти дальше, прославляя страну высокими спортивными результатами. И это удалось сделать. В рамках организации и проведения идеологической работы в сфере физической культуры и спорта был реализован комплекс мероприятий, направленных на формирование патриотического сознания спортсменов и тренеров, укрепление морально-психологического климата в спортивных коллективах, популяризацию ценностей белорусского государства и общества, поддержку внутренней политики и внешнеполитической деятельности страны. Это: единые дни информирования, на которых члены трудовых коллективов получали исчерпывающую информацию о наиболее значимых веках истории белорусского народа, его достижениях, перспективах развития государства в целом и физкультурно-спортивной сферы в частности; культурно-массовые и спортивные мероприятия (культурно-спортивный фестиваль «Вытокі», велопробеги, флешмобы, марафоны, кроссы и др.), популяризирующие белорусских спорт, настраивающие граждан н здоровый образ жизни; контрпропаганда, способствующая минимизации негативного информационного влияния из вне, предотвращению распространения в обществе деструктивных идеологий; идеологическое воспитание спортсменов-учащихся специализированных учебно-спортивных учреждений, училищ олимпийского резерва. Благодаря таким мероприятиях идеологического характера сегодня каждый специалист физкультурно-спортивной отрасли понимает значимость формирования здорового образа жизни, достижения высоких спортивных результатов на международных состязаниях и расценивает их в качестве значимых задач развития белорусского государства.

Планомерная и правильно организованная идеологическая работа в спортивных коллективах на современном этапе развития белорусского общества настраивает их членов на плодотворный труд на благо общества, укрепление гражданского мира, единство, патриотизм, готовность защищать конституционный строй, территориальную целостность, национальные интересы своей страны. Важным также представляется ориентация спортивной элиты Республики Беларусь на упрочение национально-государственной идентичности, сохранение самобытности, традиционных ценностей и исторической памяти народа. Последнее

представляется особенно актуальных. Попытки западного мира исказить историю, принизить значение вклада советского народа в разгром немецко-фашистских захватчиков, обесценить эффективность коммуникации власти и гражданского общества должны пресекаться на корню, идеологически позиционироваться как вредоносные, противоречащие духу белорусского народа, его способности мобилизоваться в сложных условиях на решение задач успешного развития Республики Беларусь.

Использование идеологического механизма в деле обеспечения общественно-политической стабильности страны дает свои позитивные результаты. Сегодня белорусы воспринимают государственную идеологию как неотъемлемую часть политики белорусского государства. Для спортсменов идеология выступает еще и волевым импульсом, способным обеспечить долговременную спортивную карьеру, источником социальной мотивации в достижении высоких результатов в спорте. Воспитанные в духе идеологии белорусского государства спортсмены обладают комплексом убеждений, которые способствуют не только их профессиональной, но и политической активности. Попытки дискредитировать Беларусь, запреты на использование государственной символики на международных соревнованиях, давление на спортсменов, скандалы и обвинения, привязанные к политическому контексту, не сломили их волю, не снизили позицию страны в мировом спортивном сообществе. На протяжении последних лет белорусские спортсмены активно выступали за возвращение в спорт первоначальных ценностей олимпизма, призывали уважительно относиться к праву каждого народа и государства на самобытность, указывали на необходимость ликвидации политики двойных стандартов. И это сработало. В мае 2026 г. Международный олимпийский комитет отменил санкционные рекомендации в отношении белорусских спортсменов. После четырех лет ограничений они снова смогут выступать на международных соревнованиях под Государственным флагом и Государственным гимном Республики Беларусь. Это решение «имеет большое значение для всего белорусского спортивного сообщества и является долгожданным событием для каждого атлета нашей страны» [2].

В современных условиях белорусское общество имеет потребность не только в проведении идеологической работы, но и в осуществлении идеологического воспитания подрастающего поколения. Именно оно создает возможность обеспечить преемственность поколений, осознать молодым гражданам себя потомками победителей, готовых и дальше с гордостью нести Знамя Победы. В спортивной сфере это особенно значимо. Спорт сегодня является действенным средством социализации молодого поколения, о чем свидетельствуют примеры жизненного пути многих выдающихся белорусских спортсменов. Спортивная деятельность – это крепкий фундамент для формирования социальной активности молодых людей, усвоения ими соответствующих образцов поведения, общественных норм и ценностей, приобретения определенных статусов и ролей, обеспечивающих их включение в жизнь социума. Министерством спорта Республики Беларусь разработаны «Методические рекомендации по организации воспитательной работы в организациях физической культуры и спорта», согласно которым идеологическое воспитание – это «систематическая и целенаправленная деятельность по формированию физически и духовно развитой личности, готовой к выполнению конституционного долга, морально стойкой, способной реализовать творческий потенциал, обладающей высоким уровнем гражданственности и патриотического сознания, чувством верности своей Родине» [3]. Целенаправленное идеологическое воздействие государства на спортсменов, а также их тренеров и других специалистов сферы физической культуры и спорта способствует активному включению их в процесс созидания сильной и процветающей Беларуси, формированию их позиции активных участников жизнедеятельности общества и государства.

Таким образом, использование идеологического механизма в деле обеспечения общественно-политической стабильности в стране имеет большое значение. Идеология как система ценностных ориентаций и представлений является «неотъемлемым компонентом национальной безопасности государства» [4, с. 60]. Отсутствие объединяющей

идеологической платформы создает своего рода вакуум, который неизбежно заполняется иными идеологическими системами, нередко противоречащими интересам государства. Идеологическая работа и идеологическое воспитание молодых граждан Республики Беларусь, которые осуществляются на базе фундаментальных ценностей белорусского народа, наиболее знаковых концептов в политической, экономической, социальной, правовой сферах жизни, транслируемых государством как основным политическим институтом, приносят свои позитивные плоды. Беларусь, аккумулируя в государственной идеологии ценности, наиболее востребованные в обществе, активно транслирует их, закрепляет в сознании, в том числе, и представителей сферы физической культуры и спорта, с целью поддержания целостности социума, утверждения общенационального консенсуса по вопросам развития страны. Идеологическая функция государства реализуется через механизмы государственной политики, решающей важнейшие задачи формирования смысловых качеств патриота и гражданина» [5, с. 121], которыми должен обладать каждый житель Республики Беларусь. Их ценностно-смысловое наполнение особенно значимо в условиях идеологического давления, оказываемого на Беларусь государствами западного мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12. – URL: https://president.gov.by (дата обращения: 13.07.2026).

2. НОК Беларуси: приветствуем решение МОК в отношении белорусских спортсменов – URL: https://www.vedomosti.ru (дата обращения: 13.07.2026).

3. Методические рекомендации по организации воспитательной работы в организациях физической культуры и спорта // Министерство спорта Республики Беларусь. – URL: https://mst.gov.by (дата обращения: 13.07.2026).

4. Шевченко, О. М. Идеология как фактор стабильности и безопасности государства / О. М. Шевченко, Л. Л. Штофер // Культура и цивилизация. – 2026. – Вып. 1 (27). – С. 55–62.

5. Вонсович, Л. В. Идеологическая и воспитательная работа в системе подготовки специалистов сферы физической культуры и спорта / Л. В. Вонсович // Актуальные вопросы научно-методической и учебно-организационной работы : сборник материалов Республиканской научно-методической конференции (Гомель, 19–20 февраля 2026 г.) / М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол. : Ю. В. Никитюк (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2026. – С. 118–121.

УДК 338.24

ИСТОКИ И СМЫСЛ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ: ИНТЕГРАЦИЯ И ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ

Воробьева О. В.
доцент кафедры государственного и корпоративного управления КубГТУ
доктор экономических наук, доцент
г. Краснодар, Россия

В течении девяностых и двухтысячных годов в Российской Федерации (далее – РФ) был взят курс на интеграцию экономического, социального, культурного, юридического и политического секторов нашей страны в европейское пространство. Процесс интеграции РФ в европейское экономическое пространство потребовал формирования соответствующего экономического и юридического механизмов этой интеграции.

Применительно к энергетическому сектору РФ таким механизмом стали принципы и подходы Европейской энергетической хартии (далее – ЕЭХ), программного документа Европейского союза (далее – ЕС), определившего стратегию и приоритеты газовых и нефтегазовых компаний РФ на длительный промежуток времени, практически до февраля

2022 года, когда под предлогом начала СВО уже действующая политика санкций западных стран была резко усилена.

Основное содержание ЕЭХ – это декларация необходимости формирования конкурентной среды в энергетическом секторе, поскольку, в соответствии с аргументацией ЕЭХ, структура монополии, включая естественную монополию, не совместима с рыночной экономикой, тормозит развитие рыночных отношений. Поэтому монополия должна быть демонтирована.

В соответствии с требованиями ЕЭХ в нефтяном секторе РФ была сформирована конкурентная среда, а Газпром, структура которого является естественной монополией, оказал сопротивление этому давлению и смог сохранить свою централизованную структуру управления и монопольное положение на газовом российском рынке.

Однако, в результате сложившихся социально-политических условий, структурным подразделениям корпорации пришлось пройти через реструктуризацию, которая была своего рода компромиссом между производственными и экономическими интересами газового комплекса, Газпрома и политическим давлением ЕС.

В результате реструктуризации Газпром отказался от предприятий-комплексов, отличающихся широкой специализацией, сочетающих в рамках одного предприятия практически весь цикл нефтегазового производства – процесс бурения, добычи и транспорта природного газа и нефти. По итогам реструктуризации были сформированы предприятия с более узкой специализацией. Так появились группы предприятий специализирующиеся или на бурении, или на добыче или на транспортировке.

В настоящее время перечисленные выше группы предприятий сохраняют такую специализацию. В соответствии с требованиями ЕЭХ также был взят курс на формирование потенциально конкурентной среды в области добычи природного газа и монопольной, единой и централизованной, не подлежащей разделу сети газопроводов и газохранилищ. Провозглашался т.н. «свободный доступ» к газопроводам Газпрома, точнее к Единой системе газопроводов и газохранилищ РФ, при котором газопровод, являющейся собственностью компании, мог быть использован другой компанией для процесса транспортировки природного газа [1, с 85-87].

Кроме принципа «свободного доступа» к сети газопроводов Газпрома, был взят курс на создание потенциальной конкурентной среды в области добычи природного газа, для чего создавались особо благоприятные условия для новых компаний, занимающихся добычей природного газа. Помимо доступа к системе газопроводов Газпрома, для них устанавливалось т.н. «свободное ценообразование», т.е. государство не вмешивалось в процесс формирования цены на природный газ, добываемый новыми участниками рынка, но сохраняло государственное регулирование на процесс ценообразования на природный газ, добываемый Газпромом.

Описанный автором подход получил название «либерализации газопроводов», или «либерализации газового рынка». Автор относиться к категории тех российских ученых, которые в первой половине 200-х годов поддержали введение в научный оборот термина «либерализационная реструктуризация» как максимально точно отражающего истинную причину организационных изменений, а точнее, реструктуризации газового комплекса РФ в конце 90-х – первой половине 200-х годов.

Экономическая целесообразность такого искусственного формирования т.н. «рыночной среды» и «рыночной экономики» достаточно сомнительна. Пример организационных изменений, реорганизаций и наконец, реструктуризации Газпрома в 90-х – 200-х годах прекрасно демонстрирует известный тезис о том, что все экономические преобразования должны быть результатом внутреннего роста и развития предприятия, корпорации, нефтегазового комплекса и страны в целом. Любые изменения всегда должны созреть внутри экономической системы, а не быть привнесенными извне. Тем более, извне суверенного государства, под воздействием политической конъюнктуры и аргументации, как это имело место с ТЭК России.

В случае попытки навязать экономической системы чуждые ей, привнесенные извне элементы, принципы и подходы процесс отторжения неизбежен, и он может принять форму спада производства, снижения ключевых производственных показателей, роста экономических и социальных проблем в обществе и даже увеличения числа отказов и аварий на производственных объектах.

Как уже было отмечено выше, автор разделяет точку зрения тех исследователей, которые считают, что реструктуризация газового комплекса девяностых – двухтысячных годов не отражала истинные интересы технологического, экономического, производственного развития газовой промышленности РФ, однако в условиях того времени ее можно рассматривать как меньшее из тех зол, которые предлагались тогда на выбор корпорации и руководству нашей страны.

Целесообразность данных мероприятий аргументировалась, как уже отмечено автором выше, не совместимостью монопольных структур с принципами функционирования рыночной экономики. Кроме того, желание РФ интегрироваться в европейское экономическое пространство, а значит торговать, реализовывать на европейском рынке природный газ и нефть, нефтепродукты требовало соблюдения законодательных требований и ограничений ЕС. Что касается тезиса о несовместимости монополии с принципами рыночной экономики, то он абсолютно не состоятелен, что демонстрирует прежде всего практика нефтегазового бизнеса. Страны, традиционно относимые к т.н. «рыночно ориентированным» имеют моно и олигополистические структуры в нефтегазовой промышленности и в ряде других отраслей.

Например, в газовой промышленности Германии длительное время была монополия компании «Ruhrgas» AG. Эта фирма полностью контролировала не только немецкий газовый рынок, но и оказывала серьезное воздействие на газовый рынок Западной Европы в целом. Во многом благодаря действиям Газпрома, стремящегося выйти непосредственно на покупателей природного российского газа на рынке Европы, на место монопольной структуры пришла олигополия, когда фирма Wintershall AG стала составлять конкуренцию «Ruhrgas» AG.

Монопольная структура длительное время была характерна для стран Европы. В Италии нефтяной рынок контролировала одна компания – монополист – фирма Eni, в Великобритании – Brinish Gas, во Франции – Gaz de France, в Австрии – OMV, в Финляндии – Neste. И на европейском газовом рынке длительное время была ситуация олигополии – три компании, «Ruhrgas» AG, Brinish Gas и Gaz de France поделили сферы влияния и полностью контролировали все процессы.

Таким образом, Западная Европа, отдавая предпочтение структурам монополии и олигополии в нефтегазовом секторе, как на уровне национальных рынков, так на уровне европейского нефтегазового рынка в целом, активно навязывала России конкурентную модель этого рынка. Следует также отметить, что структура олигополии характерна для нефтегазового рынка Соединенных Штатов Америки (далее – США), кроме того, в течении длительного промежутка времени на этом рынке прослеживается тенденция к объединению капитала и основных фондов компаний- участников бизнеса, т.е. налицо тенденция к формированию олигополии. Монополия и олигополия характерна также и для нефтегазовых компаний Ближнего Востока, Азии и стран Латинской Америки.

Причина такой высокой популярности моно и олигополистических структур в нефтегазовом секторе в том, что они оптимальны для обеспечения эффективного и результативного управления данным сектором экономики, и для достижения высоких производственных результатов. Практика мирового нефтегазового рынка это подтверждает.

Таким образом, в настоящее время очевидно, что идеи евро интеграции и либерализации нефтегазового рынка в частности, были направлены на экономическое, политическое и социальное ослабление потенциала российского ТЭК и РФ в целом. Несмотря на это концепция евро интеграции сохраняла свою популярность вплоть до событий 2022 года, когда санкционная политика стран ЕЭС, США и Канады резко усилилась и продемонстрировала отсутствие заинтересованности в экономическом, политическом и социальном сотрудничестве с РФ. Особенно ярко отсутствие такой заинтересованности

проиллюстрировала серия диверсий и терактов против нефтегазовой инфраструктуры РФ, в частности подрыв газопроводов Северный поток и Северный поток 2.

ТЭК РФ пережил серьезные, можно сказать радикальные реформы и в настоящее время также находится в состоянии организационных, системных изменений, обусловленных вызовами внешней среды: политикой санкционного давления и ограничений со стороны стран т.н. коллективного Запада, военных конфликтов, разрывом практически всех форм экономического взаимодействия с рядом западных стран, с которыми традиционно сотрудничал российский нефтегазовый рынок. Все это неизбежно стимулировало процесс активной дезинтеграции РФ, ее экономики, культурной и социальной сферы, включая ТЭК, из т.н. европейского экономического пространства [2. 183-188 с].

В настоящее время ПАО «Газпром» также планирует ряд организационных изменений. Газпром рассматривает переход на сервисную модель обслуживания в непроизводственном секторе, в частности, в кадровом блоке. Но на этот раз предстоящие преобразования планируются на основе анализа внутренних потребностей отрасли. К разработке и внедрению данных организационных изменений администрация Газпрома активно привлекает персонал структурных подразделений, для чего была организована работа проектных команд, в состав которых привлечены сотрудники Газпром межрегионгаз, Газпром энергохолдинг, Газпром ГНП холдинг, Газпром инвест, Газпром кадровые сервисы. В этих структурных подразделениях предположительно и будет реализована сервисная модель управления [3, с. 7].

Ориентация на внутренние потребности отечественных вертикально интегрированных компаний ТЭК в целом и учет особенностей их структурных подразделений – необходимое условие для проведения экономически целесообразных реформ, призванных оптимизировать систему управления и производственные процессы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Воробьева, Л. Е. Сравнительный анализ либерализационных моделей европейского, американского и российского газовых рынков / Л. Е. Воробьева, О. В. Воробьева // Бизнес. Образование. Право. – 2010. – Т. 12, № 2. – С. 81–88.

2. Воробьева, О. В. К вопросу о влиянии санкционного давления и ограничений на российские нефтегазовые компании // О.В. Воробьева. – Галактика науки 2025. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Краснодар, 2025. – С. 183–188.

3. Шагов, А. В. Формирование проектных команд по реализации ключевых инициатив / Презентация. Санкт-Петербург, 17 апреля, 2026. – С. 1–13.

УДК. 316.6

АНТИЦИПАЦИОННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГОВ-ИНЖЕНЕРОВ

Воровко О. В.
преподаватель кафедры психологии ИПФ БНТУ
г. Минск, Беларусь

Развитие высоких технологий предполагает появление новых профессий, что обязывает человека осваивать новые виды деятельности. Для быстрого их усвоения необходимы опытные педагоги, способные обучить, дать необходимые знания и умения. Сделать это смогут преподаватели, умеющие легко адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей среды, быстро преодолевающие возникающие препятствия, умеющие прогнозировать результаты своей деятельности, что позволит улучшить качество обучения и подготовить конкурентоспособных специалистов.

В условиях неопределенности очень тяжело достичь запланированного результата, поэтому, каждому педагогу необходимо обладать особым качеством, именуемым как прогностическая компетентность, или антиципационная состоятельность, позволяющему

предвидеть результаты своего труда, своевременно реагировать на изменения и создавать новые модели, подходы, стратегии в обучении, что позволит, в свою очередь, получить запланированный результат.

В. Д. Менделевич характеризует ее как способность человека предвидеть возможные результаты своих действий и принимать решения с учетом результатов, позволяющим управлять своим поведением, прогнозировать будущее и адаптироваться к изменениям в окружающей среде [1, с. 226].

Anticipatory competence важна не только в педагогической сфере, но и там, где необходимо предотвратить возможные проблемы и риски, где на основании прогнозов принимаются решения. Это касается сектора экономики, научно-исследовательской деятельности, требующих больших временных и материальных затрат, в виде инвестиций.

Человек, заблаговременно прогнозирующий собственные реакции, предугадывающий развитие различных событий, обладает способностью, именуемой антиципацией [2], выступающей одним из компонентов саморегуляции эмоциональных состояний в процессе поведения человека и принятия решений [3; 4].

Неспособность людей применять адаптивные способы совладания с проблемными ситуациями, конструктивно реагировать на стресогенные события проявляется в невротических расстройствах, что свидетельствует о прогностической некомпетентности [1]. Чрезмерная акцентуация на антиципации, может привести к противоположному эффекту, проявляющегося в виде стресса и беспокойства, негативно сказывающегося на психологическом здоровье.

Выделяют факторы, способствующие развитию «антиципационной состоятельности»: опыт и знания; гибкость мышления; самосознание; умение анализировать; отсутствие излишней тревожности; развитое пространственно-временное мышление.

В рамках предложенной работы было проведено эмпирическое исследование прогностической компетентности педагогов-инженеров БНТУ в возрасте от 27-56 лет с использованием теста «Антиципационная состоятельность» (ТАС), разработанного В. Д. Менделевичем и опирающегося на антиципационную концепцию неврозогенеза [1; 5, с. 406].

В предоставленных данных отражены три типа антиципационной компетентности: личностно-ситуативная, пространственная и временная (Таблица).

Таблица. Показатели по методике ТАС В. Д. Менделевича

№	пол	**Антиципационная состоятельность**		
		Личностно-ситуативная	**Пространственная**	**Временная**
1	Ж	188	45	38
2	М	164	37	31
3	Ж	178	56	35
4	Ж	181	58	40
5	М	156	50	38
6	Ж	158	43	35
7	М	183	57	43
8	М	170	37	43
9	М	157	44	35
10	Ж	183	57	43
11	М	166	57	45
12	Ж	153	37	31
13	Ж	171	45	25

Значения ***личностно-ситуативной*** составляющей варьируют от 153 до 188 баллов, что указывает на развитую способность испытуемых предвидеть и адаптироваться к жизненным событиям и ситуациям. Средние значения по переменной – выше среднего (x=169.4).

Ориентируясь на личный опыт и текущие обстоятельства, педагоги-инженеры способны предвидеть как будет развиваться та или иная ситуация.

Пространственная антиципация, как способность предвосхищать перемещение предметов в пространстве, координировать собственные движения, проявлять моторную ловкость, развита умеренно (x= 46,2), с диапазоном оценок от 37 до 58. Она, скорее всего, определяется личными когнитивными особенностями и опытом и проявляется индивидуально.

Временная антиципация, презентующая хроноритмологические особенности человека, имеет самые низкие показатели (от 25 до 43), что говорит о слабом развитии умения прогнозировать развитие событий во времени (x= 35,7). Способность прогнозировать и точно распределять время, как и установление временных связей между ситуациями у педагогов-инженеров, развита значительно ниже, можно сказать слабо, в сравнении с предыдущими способностями. Вероятно, для развития этой способности необходимо уметь распределять свое время, а далее прогнозировать его течение. Для этого нужен опыт, тренировки и опять же время.

Переменная гендер, позволяет рассмотреть возможные закономерности между полом участников и их результатами (Рис.).

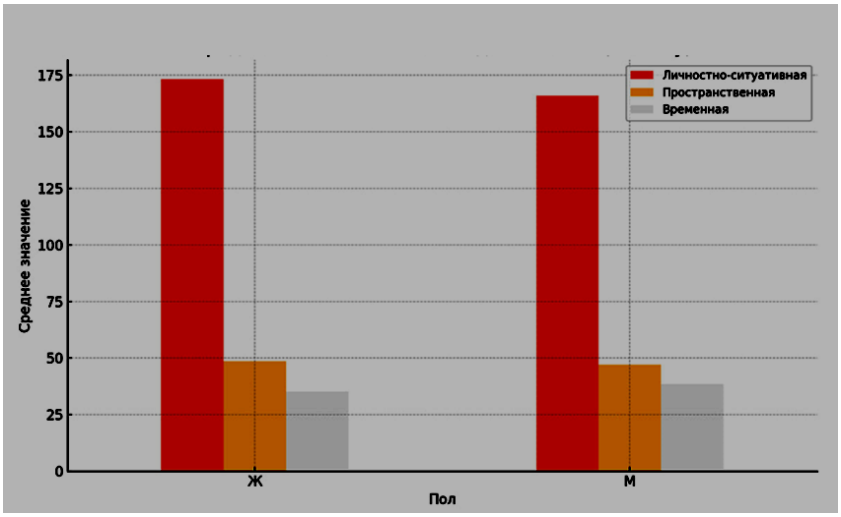

Рисунок. Диаграмма средних показателей гендерных различий по методике ТАС В. Д Менделевича

Средний показатель личностно-ситуативной состоятельности у женщин несколько выше (x=171.5) (от 153 до 188) по сравнению с мужчинами (x=165.2) (от 156 до 183). Это может говорить о том, что способность анализировать окружающие социальные и ситуационные факторы у женщин развита чуть лучше, что указывает на развитую способность к педагогическому анализу и адаптации. При этом среди мужчин есть участники с высокими значениями, что подтверждает индивидуальные особенности восприятия и предвидения.

Пространственная состоятельность мужчин x=45.8 (от 37 до 57) и женщин (x=46.4) (от 37 до 58) в целом схожа, она относительно стабильна, без резких перепадов и находится на среднем уровне. Принципиальных различий между мужчинами и женщинами в этой компетенции нет, так как она скорее зависит от личных особенностей мышления и тренировки навыков.

Временная состоятельность у мужчин слегка выше x=37.2 (от 31 до 43) против женского – (x=35) (от 25 до 43), что означает лучшую способность к прогнозированию профессиональных ситуаций. Средние показатели этого вида антиципации ниже двух других, требующей более длительных тренировок и опята в ее развитии.

Исходя из полученных результатов, можно предположить, что гендер не определяет уровень антиципационной состоятельности. Представленные виды прогнозирования распределены без явной зависимости от пола.

На основе результатов исследования, установлено, что показатели антиципационной состоятельности педагогов-инженеров находятся на среднем уровне.

Для достижения высоких показателей в педагогическом процессе, необходим высокий уровень прогнозирования, поэтому для развития антиципации необходимо использовать в учебном процессе тренинги, направленные на развитие целеполагания и прогностической компетентности, педагогическое проектирование, и методики на развитие прогностического и критического мышления, гибкости мышления, а также рефлексию.

Только при целенаправленной работе в этом направлении возможно формирование инженера-педагога, способного продуктивно и успешно работать в образовательной среде, постоянно адаптирующейся к различным инновациям и изменениям современного мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Менделевич, В. Д. Антиципационные механизмы неврозогенеза / В. Д. Менделевич. – М. : ИД Городец, 2018. – 446 с.

2. Ничипоренко, Н. П. Феномен антиципационных способностей как предмет психологического исследования / Н. П. Ничипоренко, В. Д. Менделевич // Психологический журнал. 2006, – Т. 27. – №5. – С. 50–59.

3. Граница, А. С. Взаимосвязи интуитивности с антиципационной состоятельностью и психологическими защитами у больных с невротическими расстройствами / А. С. Граница // Неврологический вестник им. В. М. Бехтерева. 2017. – Т. 49. – №2. – С. 20–24.

4. Denny, B. T. Anticipatory brain activity predicts the success or failure of subsequent emotion regulation / B. T. Denny, K. N. Ochsner, J. Weber, T. D. Wage // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2014. – Vol. 9. – N. 4. – P. 403–411.

5. Менделевич, В. Д. Неврозология и психосоматическая медицина / В. Д. Менделевич, С. Л. Соловьева. – М.: МЕДпресс-информ, 2002. – 608 с.

УДК 332.8

АНАЛИЗ ВЫПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ «КОМФОРТНОЕ ЖИЛЬЕ И БЛАГОПРИЯТНАЯ СРЕДА» НА 2021–2025 ГОДЫ

Воронецкая Л. Г.
зав. сектором социально-демографической политики
Института экономики НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Государственная программа «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2021–2025 годы, охватывала различные направления: от коммунальных услуг до охраны окружающей среды. Эти направления напрямую влияют на здоровье и благополучие граждан. В рамках программы уделялось особое внимание экологическим аспектам и сохранению окружающей среды. Программа поддерживала реализацию Целей устойчивого развития ООН, задач «зеленой экономики», циркулярной экономики. Достижение поставленных целей направлено на улучшение качества жизни населения, устойчивое развитие, снижение издержек, более эффективное использование ресурсов. Недавно утверждена государственная программа «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2026–2030 годы, которая пришла на смену предыдущей и имеет характер преемственности, что позволит не останавливать движение в заданных направлениях.

Выполнение государственной программы. Государственная программа «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2021–2025 годы отвечала реальным нуждам населения в комфортном жилье, благоприятной окружающей среде, качественных жилищно-коммунальных услугах и содержала семь подпрограмм: доступность услуг; благоустройство; эффективное теплоснабжение; ремонт жилья; чистая вода; «Цель 99»

(работа с твердыми коммунальными отходами, их использование); развитие электроэнергетики и газификации населенных пунктов.

Анализ данных о выполнении государственной программы «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2021–2025 гг. позволил отметить следующее [1].

Выполнение менее 100 % характерно только для показателей «ввод общей площади жилых домов после капитального ремонта» и «строительство, реконструкция очистных сооружений сточных вод (нарастающим итогом)». Выполнение менее 100 % наблюдается по этим показателям в течение всего периода.

Были скорректированы в сторону уменьшения плановые значения целевого показателя «обеспеченность населения централизованными системами водоснабжения». В то же время плановые значения целевого показателя «обеспеченность населения централизованными системами водоотведения (канализации)» скорректированы в сторону увеличения.

С 2021 по 2025 гг. выполнены масштабные работы по улучшению водоснабжения и канализации (строительство, реконструкция очистных сооружений сточных вод и др.).

Со значительным опережением плана идет выполнение программы по целевым показателям «Уменьшение количества претензий на качество оказываемых ЖКУ» и «Ремонт и (или) реконструкция придомовых территорий многоквартирных жилых домов». Высокий процент выполнения характерен для сводного показателя «Снижение затрат на оказание ЖКУ населению (в сопоставимых условиях)».

В процессе реализации государственной программы «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2021–2025 гг. был добавлен на 2023–2025 гг. целевой показатель «замена (капитальный ремонт, приобретение, модернизация, реконструкция) тепловых сетей со сверхнормативными сроками эксплуатации». Скорректированы плановые значения целевого показателя «замена в жилых домах лифтов, отработавших нормативные сроки эксплуатации», плановые и фактические значения по данному показателю стали отражаться нарастающим итогом.

Динамика показателей государственной программы. Значительная часть показателей имеет положительную динамику. Особенно динамично увеличиваются значения показателя «строительство, реконструкция очистных сооружений сточных вод», в том числе с учетом перерасчета его ежегодных значений без нарастающего итога. Тем не менее, темпы роста фактических значений этого показателя должны были быть значительно выше, чтобы обеспечить достижение его плановых значений в конце реализации программы. Есть два показателя со значительными колебаниями значений в течении анализируемого периода, что обеспечило сначала очень высокие темпы роста, а затем – отрицательные темпы роста. Это такие показатели как «уменьшение количества претензий на качество оказываемых ЖКУ» и «замена в жилых домах лифтов, отработавших нормативные сроки эксплуатации». В то же время такая динамика не является проблемной, т.к. в случае с первым показателем наблюдается значительное перевыполнение плана, а в случае со вторым показателем плановые значения тоже достигнуты (с небольшим перевыполнением плана), особенно активно шла замена лифтов в 2022 г. Отрицательные темпы роста наблюдаются по показателю «ремонт и (или) реконструкция придомовых территорий многоквартирных жилых домов», что связано со значительным перевыполнением плана в 2021 г. В то же время, стоит отметить, что несмотря на отрицательную динамику данного показателя в 2022 и 2023 гг., плановые значения достигались.

Ход выполнения заданий по капитальному ремонту жилищного фонда находится на контроле Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь. На сегодняшний день более 60 % ремонта жилья субсидируется государством, а остальная часть – это средства от внесения гражданами платы за капитальный ремонт жилищного фонда. Законодательством предусмотрена защита прав граждан при осуществлении услуги по капитальному ремонту жилого дома с недостатками [2].

В 2025 г. предстояло переоборудовать 23 очистных сооружения по всей Беларуси. В текущей пятилетке первоочередной реконструкции подлежат 70 очистных сооружений

сточных вод. В настоящее время активно ведутся работы на очистных сооружениях Гродно, Пинска, Бобруйска, Иваново, Речицы, разработана проектная документация на строительство еще шести сооружений, а также ведется проектирование оставшихся объектов. Начата глобальная реконструкция очистных сооружений Минска, которую запланировано завершить в 2028 г. [3].

Среди сводных показателей государственной программы «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2021–2025 гг. проблемных показателей нет. В целом выполнение государственной программы имеет высокую эффективность.

Перспективы развития в 2026–2030 гг. На 2026–2030 гг. разработана и утверждена государственная программа, которая пришла на смену предыдущей и в целом имеет характер преемственности («О Государственной программе «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2026–2030 годы, утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 818 от 31 декабря 2025 г.). Целью Государственной программы является рост комфортности проживания в регионах [4]. Государственная программа включает четыре подпрограммы: благоустройство; ремонт жилья; сокращение неликвидного арендного жилищного фонда; чистая вода.

Можно отметить появление отдельной подпрограммы, направленной на сокращение неликвидного арендного жилищного фонда. Процесс сокращения неликвидного арендованного жилого фонда происходил медленно и не имел системного характера. Были снесены отдельные ветхие и пустующие объекты, однако отсутствовала единая комплексная программа; меры принимались эпизодически, исходя из оперативных потребностей, а не из долгосрочных планов.

К основным рискам, которые могут повлиять на выполнение программы, относятся:

– финансово-экономические (дефицит финансирования и рост стоимости работ могут привести к выполнение мероприятий не в полном объеме или прекращение их реализации);

– правовые (изменения законодательства, задержки в формировании нормативной базы способны вызвать увеличение сроков или изменение условий реализации мероприятий);

– административные (низкая координация участников может стать причиной срыва сроков и снижения эффективности реализации программы).

Для управления рисками в новой государственной программе предусмотрены следующие меры:

– оперативная корректировка мероприятий с учетом изменений (обеспечит гибкость и позволит своевременно реагировать на непредвиденные события, такие как изменения в экономической или геополитической ситуации, пандемии, технологические сбои, экстремальные природные явления и др.);

– ежегодное уточнение объемов и источников финансирования (гарантирует долгосрочную финансовую устойчивость программы, позволяя проводить бюджетное планирование с учетом инфляции, колебаний курсов валют и прогнозируемых потребностей);

– привлечение заинтересованных сторон к обсуждению законодательных инициатив (создаст условия для формирования эффективной политики, основанной на реальных потребностях общества, что минимизирует риски отказа от внедрения мер из-за противоречия формальных и неформальных институтов);

– развитие системы управления программой (предполагает совершенствование методологии планирования, внедрение современных инструментов аналитики, обучение кадров, обеспечение единого информационного пространства);

– постоянный мониторинг результативности программы (предполагает систематическое сбор, анализ и интерпретацию данных о достигнутых результатах, выявление отклонений, раннее обнаружение проблем и своевременную корректировку).

Таким образом, Государственная программа «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2021–2025 годы реализовывалась в целом эффективно. Отдельные капиталоемкие инфраструктурные направления требуют усиления организационных и инвестиционных мер. Реализация программы характеризуется устойчивой положительной динамикой, однако, с

учетом выявленных рисков, требуют пристального внимания и, возможно, точечной корректировки некоторые направления в рамках новой Государственной программы «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2026–2030 годы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Государственной программе «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2021–2025 годы / Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 50 от 28 января 2021 г. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100050 (дата обращения: 19.06.2026).

2. В Беларуси за I квартал ввели в эксплуатацию после капремонта более 230 тыс. кв.м жилья. – URL: https://belta.by/society/view/v-belarusi-za-i-kvartal-vveli-v-ekspluatatsiju-posle-kapremonta-bolee-230-tys-kvm-zhiljja-715075-2025/ (дата обращения: 19.06.2026).

3. МЖКХ: в 2025 году предстоит переоборудовать еще 23 очистных сооружения по всей Беларуси. – URL: https://belta.by/society/view/mzhkh-v-2025-godu-predstoit-pereoborudovat-esche-23-ochistnyh-sooruzhenija-po-vsej-belarusi-687962-2025/ (дата обращения: 19.06.2026).

4. О Государственной программе «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2021–2025 годы / Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 818 от 31 декабря 2025 г. – URL: https://government.by/sites/default/files/resolution/2026-01/818%2826011788_818_31_12_2025%29.pdf (дата обращения: 19.06.2026).

УДК 316.4

РОЛЬ ВОЛОНТЁРОВ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ НА РОССИЙСКИХ МАЛЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРМСКОМ КРАЕ)

Воронова К. А.
доцент кафедры социологии ПГНИУ
кандидат социологических наук
г. Пермь, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24-78-10117).

В последние десятилетия на мировом уровне происходит развитие волонтёрства, поддерживаемое ООН (Программой Добровольцы, 2022 г.), ЮНЕСКО (Меморандумом об устойчивом развитии), Стратегией Европейского Союза (2019-2027 гг.) с акцентом на вовлечение в эту деятельность, прежде всего, молодежи [1, с. 692]. Союзное государство России и Беларуси в последние годы также на государственном уровне в едином русле поддерживает участие населения в волонтёрстве и добровольчестве, также делая акцент на воспитании и ценностном развитии молодого поколения [2]. Со стороны государств движение волонтёров поддерживается через социальные программы и проекты (национальные проекты, гранты), также посредством создания специальных институций, например, в Республике Беларусь в 2016 г. создан Республиканский волонтерский (добровольческий) центр, в России также с 2016 г. действует комплексная система волонтёрства «Добро.РФ» и Ассоциация волонтёрских центров (Ассоциация Добро.РФ) [2].

Волонтеры описываются в научной литературе как индивидуумы, помогающие другим людям в улучшении их жизни и ее качества, не ставя на первый план вознаграждение, основываясь на свободном выборе, спланированной деятельности, ее общественной полезности и направленности на решение актуальных проблем, чаще (но не всегда) при этом она носит более менее регулярный характер и связана со специальными организациями [3, с. 137; 4, с. 49]. В отношении последних признаков наметилась тенденция сокращения длительности волонтерства (увеличения эпизодического типа участия), а также индивидуализация с опорой на свои мотивы, а не цели какой-либо организации [5, с. 387].

Эмпирические социологические российские исследования показывают, что разные возрастные когорты и социальные слои населения поддерживают волонтерство, особенно социальной направленности (помощь уязвимым и нуждающимся группам), однако нуждаются в более четком информировании обо всех возможностях участия [4, с. 52-54].

Исследования молодежи показывают, что волонтёрская и добровольческая деятельность, действительно, рассматривается этой группой как ресурс собственного развития, лифт продвижения и инструмент формирования социального капитала. Так Р.В. Ивановым при изучении молодежи в малых территориях были выделены три основные их стратегии, реализуемые посредством волонтёрства: «стратегия социального успеха» (обретение малодоступных социальных связей), «стратегия социального научения» (формирование новых навыков), «стратегия личного развития» (личностный рост, самореализация) [6, с. 105-106]. Волонтерская деятельность среди молодежи коррелирует с имеющимся опытом в этой сфере (например, одиночное волонтерство чаще ведет в дальнейшем к неучастию), с полом (юноши меньше готовы к участию), с материальным положением (наиболее низкая и наоборот высокая самооценка обеспеченности чаще связаны с отказом от участия), социальной активностью (участие усиливается благодаря включенности в общественную жизнь, в деятельность организаций, интересу к политике) [1].

Изучение серебрённого волонтерства (55 лет и старше) выявляет ряд корреляций в мотивации этой деятельности и социально-демографических особенностей: так есть связь между женским полом и участием ради самореализации и развития (для мужчин важнее выгода и польза от участия); для более молодых возрастных когорт серебряного волонтерства (60-69) также характерен прагматизм и собственный интерес, для более старших когорт характерна направленность на оказание помощи и поддержки друг другу; стремление к взаимной помощи также свойственно общему уровню образования (с возрастанием уровня образования усиливается ориентированность на социальные нужды других); прагматизм (вектор на свои нужды) характерен для сельских жителей, направленность на социум для горожан [7, с. 646-649]. Таким образом, обладание социальным капиталом позволяет сильнее ориентироваться на нужды других и социум в ходе волонтерской и добровольческой деятельности.

Одним из актуальных аспектов изучения волонтерства является роль волонтёров при реализации самых разнообразных социальных проектов на малых территориях в российских регионах. Это связано со многими проблемами, характерными для малых городов и сельских поселений: отток населения, в первую очередь молодежи, закрытие градообразующих предприятий и социально-экономические условия, качество жизни и разнообразие досуга, возможности социальной мобильности и перспективы социального роста и др. В этих условиях волонтерство становится одним из инструментов вовлечения населения в решение проблем местных сообществ через участие в социальных проектах, благодаря чему происходит развитие территориальной идентичности, неравнодушия и привязанности к родным местам. Проследим, как это реализуется на практике через результаты эмпирического социологического исследования, проведенного в марте-апреле 2026 г. в рамках второго этапа гранта Российского научного фонда «Консолидационный потенциал ценностей жителей территориальных социумов в преодолении рисков социокультурной безопасности России». Были взяты глубинные интервью с участниками социально-проектной деятельности (НКО, ТОС, добровольческие организации) в нескольких малых территориях Пермского края (численность населения менее 100 тыс. чел.), отличающихся по типу местности (городская, сельская), уровню социально-экономического развития (развитые, средние, депрессивные).

Анализ глубинных интервью показал, что волонтерство очень активно используется при осуществлении социальных проектов на малых территориях: как самостоятельное направление проектов, так и как помощь на определенных этапах проектов, которые изначально не имеют добровольческой направленности. Среди основных сфер можно отметить: экологию, сбор мусора, благоустройство территорий, помощь пожилым и людям с

ограничениями в возможностях, поддержку участников СВО, помощь детям из малообеспеченных семей, зооволонтёрство (забота о бездомных животных, птицах) и др.

Волонтёры в целом являются активной и объединяющей силой в малых территориях и сотрудничают с местными администрациями, различными НКО, образовательными и культурными учреждениями: «*волонтёрские объединения, они прямо очень сильно помогают во всём…*» (Муниципальный округ (далее «МО») № 1, Информант (далее «И») № 2, строки транскрипта (далее «стр.») 272-277), «*нас все видят… и когда мы выходим, люди уже знают…*» (МО № 3, И № 1, стр. 291-310).

Мотивация и ценности волонтеров связаны, прежде всего, с ценностями альтруизма, доброты, проявлением заботы, стремлением к равенству возможностей разных людей, в т.ч. с определенными экономическими или физическими ограничениями: «*нравится вот дарить …тепло людям…да и не только людям, вот даже животным…Я ещё вот часто сопровождаю на мероприятия* [потерявших зрение]» (МО № 1, И № 4, стр. 57-68). Волонтеры не только сами движимы этими ценностями, но и активно распространяют их через свою деятельность: «*…то есть прививаются вот эти вот ценности доброта, забота, милосердие…*» (МО № 1, И № 4, стр. 537-552). Волонтерство дает возможность самореализации и чувство причастности к масштабным проектам: «*Ну и причастность к чему-то большому и значимому тоже немаловажна. И когда ездишь на эти различные мероприятия, форумы*» (МО № 2, И № 5, стр. 1012-1014). Важной для волонтёров является среда общения и взаимодействия, где самореализация носит не конкурентный, а более солидарный характер: «*…Чувство какой-то общности, идейность. Равны по духу. И никто не смотрит на тебя ни снизу, ни свысока*» (МО № 2, И № 5, стр. 1007-1010), «*сообщество единомышленников*» (МО № 2,И № 5, стр. 1068).

Активные волонтеры с наставнической позицией формируют у участников социальных проектов стремление к самореализации и успеху, воспитывают «новых лидеров общества»: «*И многие ребята, кто прошли через этот слёт, они… возглавляют какие-то профбюро, первички и всё остальное. То есть они … как лидеры сформировались*» (МО № 1, И № 5, стр. 219-229), «*Мы открыли очень много детей*» (МО № 1, И № 5, стр. 206-210). Также важно, что участие молодежи в волонтерстве прививает чувство принадлежности, заботы и уважения к своей местности, что очень важно в контексте малых территорий: «*воспитание такой гордости за свою Малую Родину*» (МО № 2, И № 3, стр. 110-116), «*…дети, которые никогда нигде не участвовали, начинают и видят себя важными для территории*..» (МО № 6, И № 2, стр. 559-604).

В целом анализ интервью показал, что развитию волонтёрства способствуют, прежде всего: поддержка со стороны образовательных учреждений (выделяющих часы в учебном плане на изучение социальных проектов и волонтерскую деятельность, организующих летние школы волонтерства), активное развитие в школах «Движения первых» (вовлекает школьников в т.ч. в добровольческие акции и проекты); создание молодежных центров и территориальных органов общественного местного самоуправления; система добровольческих организаций «Добро.Центры»; практическое обучение по волонтёрству.

Также можно выделить ряд проблем и социальных рисков: эксплуатацию бесплатного труда волонтёров и их потребность в равном обмене участием между различными сторонами социальных проектов; нехватку мотивированных наставников, готовых работать с молодежью в проектах; недостаточную вовлеченность в волонтерство средних возрастных когорт, сложности с составлением проектных заявок (особенно смет). Также наблюдается разрыв ценностей, где ценности коллективизма больше присущи серебряным волонтерам, а молодежь чаще ориентирована на индивидуализм. В отдельных случаях возникает даже конкуренция с другими общественными движениями в общих социальных проектах на почве разных ценностей и стратегий поведения. Также информанты указывали на явную гендерную асимметрию в сторону женщин, большую нехватку мужчин-участников.

Таким образом, волонтёры выполняют важную роль, солидаризирующую самые разные стороны, как социальных проектов, так и общества в целом, развивают альтруистические ценности, формируют «новых лидеров» с активной позицией в гражданском обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Певная М. В., Тарасова А. Н., Телепаева Д. Ф. Отказ учащейся молодежи от волонтёрства: исследование и управленческие решения в его преодолении // Перспективы науки и образования. – 2023. – № 1 (61). – С. 690–707.

2. Телепаева Д. Ф. Политика государственной поддержки и роль добровольчества в жизненных планах российских и белорусских студентов / Д. Ф. Телепаева, Ю. Р. Вишневский, О. Н. Гаврилик, Д. В. Минченко // Научный результат. Социология и управление. – 2024. – Т.10, № 3. – С. 243–255.

3. Хворостьянова Н.И. Волонтёрство в российском обществе и в российской социологии: взгляд из-за рубежа // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23. № 2. – С. 136–152.

4. Проказина Н. В. Реализация добровольческого (волонтёрского) потенциала в России / Н. В. Проказина, Н. Ю. Бобылева, Н. Н Хатнюк // Научный результат. Социология и управление. – 2019. Т.5, № 2. – С. 47–56.

5. Краснопольская И.И. Факторы удовлетворенности эпизодических волонтёров / И. И. Краснопольская, П. Д. Гусева, Л. Мейс, Р. Кнаан // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2. – С. 384–408.

6. Иванов Р. В. Активизация участия молодежи в волонтёрской деятельности / Р. В. Иванов // Социология. – 2022. – № 1. – С. 101–122.

7. Астоянц М., Киенко Т. Социально-демографические факторы мотивации социального участия пожилых россиян// Журнал исследований социальной политики. – 2024. – № 22 (4). – С. 641–658.

УДК 316.4

ТЕНДЕНЦИИ В ДИНАМИКЕ ПОЛОВОЗРАСТНОГО СОСТАВА АСПИРАНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В 2016-2023 ГГ.

Ворошень О. Г.
научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Исследование половозрастной структуры имеет важное прикладное значение при прогнозе тенденций развития системы подготовки научных кадров высшей квалификации. Анализ структурных сдвигов в динамике половозрастного состава обучающихся в республиканской аспирантуре, позволяет выявить основные тенденции, характеризующие развитие социального института подготовки научных кадров высшей квалификации, оценить определенные риски для системы воспроизводства кадрового потенциала науки, изучить возможные проблемы в формировании оптимальной возрастной структуры аспирантов.

Анализ динамики численности обучающихся в республиканской аспирантуре показал, что за период 2016-2023 гг. произошло сокращение численности аспирантов с 5090 чел. по 4358 чел. на 14,4 %. При этом изменение численности мужчин и женщин имеет свою специфику. За рассматриваемый период численность обучающихся в аспирантуре женщин сократилась с 2645 чел. по 2516 чел. или на 4,9 %, что значительно ниже, чем в целом по аспирантуре (рис. 1). В то же время сокращение численности мужчин-аспирантов было более существенным. Если в 2016 г. в аспирантуре обучалось 2445 мужчин, то к 2023 г. только 1842 чел. Сокращение составило 24,7 %, что значительно превысило темпы сокращения численности женщин.

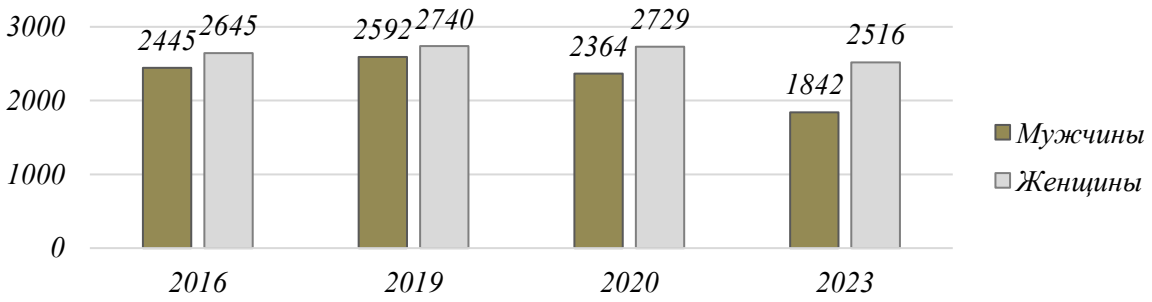

Рисунок 1. Динамика численности аспирантов в Республике Беларусь в 2016-2023 гг. по полу [1–2]

Как видно из данных, представленных на рисунке 1, численность женщин превышала численность мужчин на протяжении всего рассматриваемого периода. Удельный вес женщин-аспиранток в общей численности обучающихся увеличивался постепенно и с 52 % в 2016 году достиг 57,4 % к 2023 году.

На рисунке 2 представлена динамика численности женщин разных возрастных групп. В возрастном составе аспиранток выявлены следующие тенденции. Наблюдается рост численности женщин в ряде возрастных категориях. Следует отметить позитивную тенденцию роста численности аспиранток возрастной группы до 24 лет на 19,8 %, а также возрастной категории 35-39 лет на 27,5 %. При этом наиболее существенное увеличение численности обучающихся в аспирантуре женщин отмечено в возрастной категории 40 лет и старше – на 72,2 %, что скорее можно отнести к негативным моментам, особенно на фоне менее значительного прироста численности более младших возрастных категорий.

Наблюдается устойчивая тенденция поступления в аспирантуру более зрелых специалистов в возрасте после 35 лет, которые совмещают обучение с работой и научной практикой. Доля данной категории женщин выросла с 23,2 % в 2016 г. до 36,6 % в 2023 г.

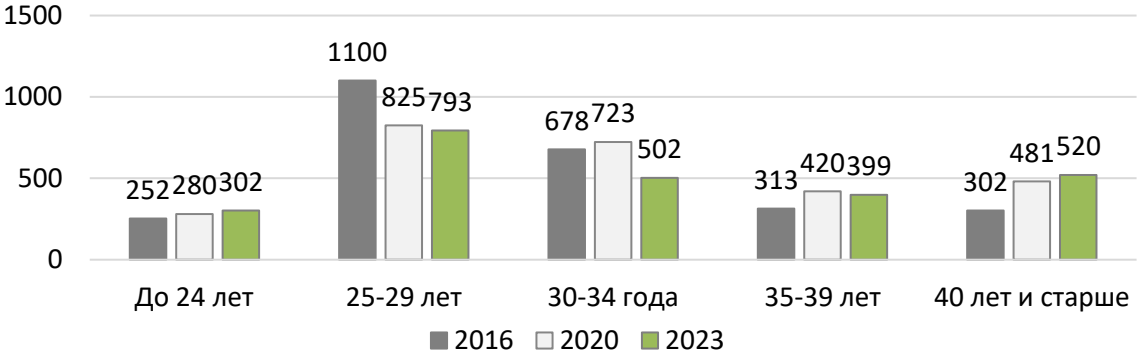

Рисунок 2. Динамика численности женщин в аспирантуре по возрасту в 2016-2023 гг. [1–2]

Среди отрицательных тенденций следует выделить сокращение численности женщин-аспиранток в традиционно самой многочисленной возрастной категории 25-29 лет (на 27,9 %), а также в возрастной категории 30-34 года (на 26 %).

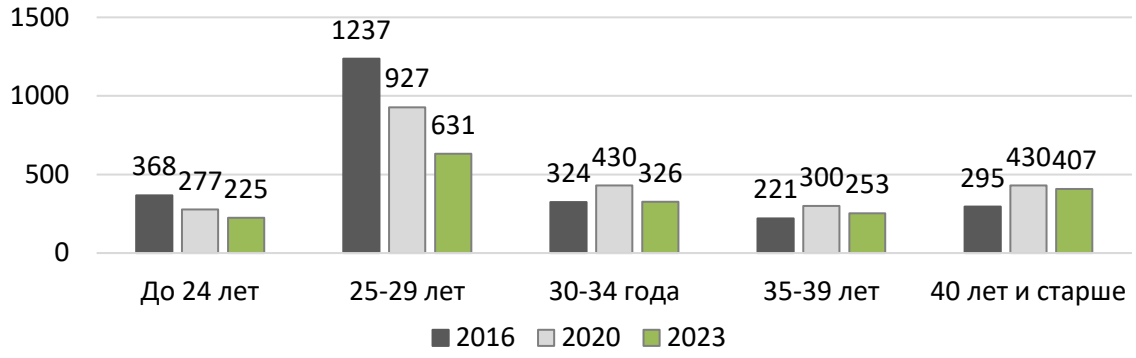

Рисунок 3. Динамика численности мужчин в аспирантуре по возрасту в 2016-2023 гг. [1-2]

В возрастном составе мужчин-аспирантов выявлены следующие особенности. Наиболее многочисленная возрастная категория 25-29 лет за рассматриваемый период претерпела самое существенное сокращение практически в два раза (рис. 3). Если в 2016 г. доля мужчин данной возрастной категории составляла 50,6 %, то к 2023 г. она сократилась до 34,3 %. Меньше стало мужчин и среди самых молодых аспирантов в возрасте до 24 лет (на 38,9 %). Сокращение численности мужчин-аспирантов в возрастных группах до 30 лет сопровождается ростом их численности в возрастных категориях 35-39 лет и 40 лет и старше. Удельный вес мужчин-аспирантов в возрасте после 35 лет вырос с 21,1 % в 2016 г. по 35,8 % в 2023 г.

Общая тенденция, характерная как для мужчин, так и для женщин – сокращение численности в более молодых возрастных категориях, и рост численности аспирантов более старших возрастных групп после 35 лет. Возрастная группа после 35 лет становится более активной благодаря росту числа обучающихся, которые сделали выбор в пользу совмещения профессиональной деятельности с научными исследованиями.

Сложившиеся тенденции привели к изменению в соотношении мужчин и женщин в разных возрастных категориях. В 2016 году доля мужчин была преобладающей в возрастных категориях до 24 лет и 25-29 лет (59,3 % и 52,9 % соответственно). В возрастной категории 40 лет и старше соотношение мужчин и женщин было практически равным (49,4 % и 50,6 %). В остальных возрастных категориях доля женщин была выше. К концу 2023 г. численность женщин превысила численность мужчин во всех возрастных группах. Наиболее существенный разрыв в численности отмечается для возрастных категорий 35-39 лет и 30-34 года. Так, в возрастной категории 35-39 лет: 253 мужчины и 399 женщин, что в 1,6 раза превосходит численность мужчин. Сходная ситуация характерна и для возрастной категории 30-34 года (в 1,5 раза).

Таким образом, за рассматриваемые годы в республиканской аспирантуре сложилась тенденция к росту доли обучающихся женщин, которая затронула все возрастные группы. Сокращение численности аспирантов в целом происходило в основном за счет сокращения численности поступающих мужчин. При этом сокращение численности женщин происходило более низкими темпами.

Общая тенденция, характерная как для мужчин, так и для женщин – сокращение численности обучающихся в более молодых возрастных категориях, и рост численности аспирантов более старших возрастных групп (старше 35 лет).

Полученные данные о половозрастном составе аспирантов могут быть учтены при разработке системы мер по повышению эффективности деятельности аспирантуры. для создания эффективных мер поддержки молодых исследователей и специалистов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Образование в Республике Беларусь, 2021: стат. сб. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-word/OBelstate/prikaz_197_15_12_2023.doc (дата обращения: 22.06.2026)

2. Образование в Республике Беларусь, 2024: стат. сб. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_brochures/index_99834/ (дата обращения: 22.06.2026)

УДК 332.13

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ: ИСТОЧНИКИ ДЛЯ АНАЛИЗА И КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ворошилов Н. В.
старший научный сотрудник Вологодского научного центра РАН
кандидат экономических наук
г. Вологда, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02747.

Одним из ключевых приоритетов пространственного развития России, обозначенных в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-р), является система опорных населённых пунктов, которые должны обеспечивать сбалансированное пространственное развитие страны (в том числе развитие прилегающих к ним территорий), достижение национальных целей, а также будут получать приоритетное финансирование в рамках реализации национальных проектов и государственных программ. В утверждённом в декабре 2024 г. едином перечне 2160 опорных населённых пунктов 726 из них являются малыми городами (число жителей в таком городе в соответствии с принятой российской классификацией менее 50 тыс. человек).

Малые являются особым и специфическим элементом системы расселения и выполняют множество различных функций в пространственном развитии страны и её регионов. Однако большое количество городов обуславливает и наличие значительных различий между ними (даже внутри одного региона – субъекта РФ) по ключевым параметрам развития (масштаб города – от 1-2 тыс. чел. до 49-50 тыс. чел.; тренд динамики численности населения, имеющийся потенциал развития города и достигнутый на его основе уровень развития, уровень доходов населения, роль города в территориальной организации населения и хозяйства, историко-культурный потенциал и т.д.). Эти различия, с одной стороны, приводят и к формированию проблем, в том числе носящих системный характер и требующих особого внимания со стороны органов власти различного уровня, а, с другой стороны, формируют разнообразие и уникальный облик каждого города, конкурентные преимущества и ограничения, возможности выбора и реализации собственных приоритетов долгосрочного развития.

В Стратегии пространственного развития России и в Указе Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» поставлена задача по прекращению оттока населения из малых городов, в том числе на основе повышения привлекательности данных территорий для проживания (модернизация объектов социальной и инженерной инфраструктуры, повышение уровня благоустройства населённых пунктов и т.д.).

Соответственно с научной и практической точек зрения важно анализировать специфику и выявлять проблемы социально-экономического развития различных малых городов России, что позволит обоснованно определить приоритеты и направления их долгосрочного развития. Наше исследование было посвящено проведению такого анализа на примере выборки из 20 малых городов макрорегиона – субъектов РФ, входящих в Северо-Западный федеральный округ (СЗФО). Эти города различаются по численности населения, экономической специализации, виду опорного населённого пункта (их роль в пространственном развитии) и

других параметрах, что позволяет распространить полученные обобщённые выводы и на весь перечень малых городов СЗФО.

Важным этапом проведения таких исследований является поиск всех возможных источников информационной базы для проведения такого анализа. Для российских малых городов можно назвать 6 таких источников. Однако нужно учитывать и имеющиеся ограничения, сложности использования данных.

1. Статистическая информация Росстата:

– База данных показателей муниципальных образований (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm)

(Но во многих случаях малый и средний город не равен городскому поселению или городскому округу; муниципальные районы преобразуются в муниципальные округа с ликвидацией поселенческого уровня).

– Бюллетень Росстата «Численность населения по муниципальным образованиям на 1 января» (прекращено размещение данной информации и остальной информации по большинству демографических показателей с 2025 г.).

– Статистическая информация Росстата о социально-экономическом развитии населенных пунктов Российской Федерации (размещены данные за 2024 г., и частично уже за 2025 г.). Однако в данной информационном массиве отсутствуют демографические показатели.

2. Данные Федеральной налоговой службы о налоговой базе и поступлении налогов (налог на прибыль, НДФЛ, транспортный налог, ЕСХН и другие) в разрезе муниципальных образований (то же ограничение, что город не всегда равен муниципалитету).

3. Данные бухгалтерской отчётности по организациям муниципалитетов и населённых пунктов, размещённые на специальных сайтах – агрегаторах (КонтурФокус, List-Org , Чекко, СПАРК и др.).

(Но здесь информация представлена не по всем предприятиям, с 2022 г. по многим предприятиям прекращена публикация информации на данных сайтах, имеются ошибки в данных, которые нужно перепроверять).

4. Различная отчётная, аналитическая информация органов местного самоуправления; стратегии, генеральные планы городских поселений и округов.

(Но данная информация зачастую весьма ограничена и фрагментарна).

5. Данные Индекса качества городской среды по всем городам России, рассчитываемого Министерством строительства и ЖКХ РФ с 2018 по 2024 гг. (исходные данные для расчёта индекса не публикуются) и Индекса качества жизни в городах (представлены всего 267 городов из 1118 городов России), рассчитываемого ВЭБ.РФ с 2021 года.

6. Данные социологических исследований (опросы населения, органов МСУ, предприятий, фокус-группы и т.д.) и аналитика социальных сетей (в том числе официальных и неофициальных сообществ муниципалитетов и городов) (однако проведение сопоставимых социологических исследований в разных малых городах затратно).

Далее в таблице 1 представим некоторые данные для анализа ключевых показателей социально-экономического развития малых городов СЗФО.

Таблица. Некоторые показатели развития малых городов СЗФО (в сравнении с регионом, в котором они находятся)

Субъект РФ, город	**Численность постоянного населения на конец года, тыс. чел.**			**Среднемесячная начисленная заработная плата работников (без субъектов малого предпринимательства) в 2024 г.**	
	1989 г.	**2024 г.**	**2024 г. к 1989 г., %**	**Значение, тыс. руб.**	**В % от средней по региону**
Архангельская область	**1569,7**	**947,5**	**60,4**	**85,5**	**100,0**
г. Вельск	26,1	21,5	82,3	-	-

г. Новодвинск	49,8	32,4	65,0	80,9	94,6
Ненецкий АО	**53,9**	**41,9**	**77,7**	**140,0**	**100,0**
г. Нарьян-Мар	20,0	24,1	120,2	113,7	81,2
Вологодская область	**1349,0**	**1115,4**	**82,7**	**78,8**	**100,0**
г. Бабаево	13,1	11,7	88,8	74,2	94,2
г. Великий Устюг	36,6	27,5	75,2	54,3	68,9
г. Сокол	47,2	33,7	71,4	61,2	77,7
Калининградская область	**871,2**	**1032,9**	**118,6**	**75,4**	**100,0**
г. Гурьевск	8,2	28,9	352,4	70,5	93,5
г. Гусев	27,2	28,6	105,3	53,6	71,1
Республика Карелия	**790,2**	**519,0**	**65,7**	**81,2**	**100,0**
г. Кондопога	36,3	24,7	68,1	72,3	89,0
г. Сортавала	22,1	14,6	66,0	67,6	83,3
Республика Коми	**1250,8**	**714,8**	**57,1**	**95,1**	**100,0**
г. Печора	65,7	33,8	51,4	102,6	107,9
г. Инта	61,8	18,7	30,3	94,5	99,4
Ленинградская область	**1653,7**	**2059,5**	**124,5**	**93,5**	**100,0**
г. Тосно	32,5	31,7	97,5	76,3	81,6
г. Волхов	48,8	37,3	76,5	81,7	87,4
Мурманская область	**1164,6**	**651,4**	**55,9**	**118,2**	**100,0**
г. Апатиты	88,1	48,4	55,0	100,9	85,4
г. Мончегорск	70,9	38,8	54,8	111,4	94,2
Новгородская область	**751,6**	**567,0**	**75,4**	**67,3**	**100,0**
г. Старая Русса	40,3	26,3	65,3	-	-
г. Пестово	16,0	13,6	84,8	45,3	67,3
Псковская область	**845,3**	**574,5**	**68,0**	**58,4**	**100,0**
г. Остров	28,8	20,7	71,6	45,1	77,2
г. Гдов	6,0	3,2	53,5	44,5	76,2
Составлено, рассчитано по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm; Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года / Госкомстат РСФСР. URL: https://static.statmuseum.ru/results/1989/gorodskie-poseleniya-rsfsr-po-dannym-vsesoyuznoy-perepisi-naseleniya.pdf.					

На основе данных таблицы можно сделать два ключевых вывода (обозначить две наиболее значимые проблемы их развития):

– в большинстве анализируемых городов (17 из 20) сократилась численность постоянного населения (от 2% в г. Тосно до 70% в г. Инте).

– уровень заработной платы во всех городах, за исключением г. Печора, ниже среднерегионального уровня (ниже от 1% в г. Инте до 33% в г. Пестово).

Результаты проведённого анализа социально-экономического и инфраструктурного развития малых городов СЗФО требуют проведения дальнейшего более детального анализа, в том числе в целях выявления факторов и конкурентных преимуществ различных городов; обоснования приоритетов и инструментов их развития с учётом необходимости реализации дифференцированного подхода к различным типам (видам) малых городов и необходимости развития межмуниципальных связей между малым городом и прилегающими сельскими территориями, а также крупными и крупнейшими городами, другими малыми городами данного региона и других регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ
1. Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: монография / М.Ф. Черныш, В.В. Маркин, Г.Р. Баймурзина [и др.]; отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН, 2021. – 598 с.

УДК 316.334.23

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Гаврилик О. Н.
доцент кафедры политологии и социологии
ГрГУ имени Янки Купалы
кандидат социологических наук, доцент
г. Гродно, Беларусь

Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ (№Г26М-044) в рамках проекта «Социальное благополучие белорусского студенчества как фактор устойчивого развития общества».

В современном социологическом дискурсе на первый план выходят исследования социальных явлений и процессов, обеспечивающих перспективное развитие общества. Достижение долгосрочных целей, имеющих стратегическое значение, возможно только посредством инноваций в самых разных отраслях. Инновационный процесс включает в себя не только создание конкретных новшеств, но и всю многоплановость преобразующей деятельности человека, которая непосредственно зависит от уровня его социального благополучия.

Согласно результатам исследований, для белорусской молодежи характерно позитивное социальное самочувствие, высокая значимость свободы, индивидуализма, самореализации, ориентация на быстрое достижение успеха, сочетание патернализма с ценностями потребительства [1]. Выявлено, что белорусская молодежь связывает личное благополучие с активностью самого человека: 85,4 % опрошенных молодых белорусов согласились с утверждением «Государство создает равные стартовые возможности, необходимые для жизненной самореализации. Качество жизни определяется активностью и индивидуальными успехами конкретного человека». 60,6 % молодых белорусов разделяют мнение о полной ответственности государства за благополучие граждан, еще больше (75, %) приверженцев идеи о государственном обеспечении примерно одинакового и достаточного уровня благосостояния граждан [2].

По данным всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник», проведенного в 2025 г. среди взрослого населения Российской Федерации, большинство россиян (56 %) считают, что благополучие человека в первую очередь зависит от него самого, чем от того, как устроено общество (36 %). Данная позиция более выражена среди молодежи – в возрастной группе 18-24 года данный показатель составляет 62 %, среди молодых людей 25-34 лет – 61 % [3].

Широко применяются различные подходы к измерению социального благополучия населения, индексов благополучия – The happy planet index, Better life index, Well-Being Index, Human Development Index, Gallup-Healthways, Prosperity Index, Social Progress Index, National accounts of well-being. Например, ВЦИОМ измеряет индекс социального самочувствия населения по трем ключевым показателям: удовлетворенность жизнью, социальный оптимизм и оценка материального положения семьи.

Концептуализация проблемы исследования социального благополучия отражена в научных трудах М. Селигмана, М.С. Петренко, Г.Е. Зборовского, Е.А. Капраловой, Я.В. Дидковской, С.А. Дукарта, П.Е. Сушко, Н.В. Гоффе, Г.А. Монусовой, В.И. Бархатова, Ю.Ш.

Капкаева, Л.П. Гилевской и других ученых. Исследовательский интерес к данной теме обусловлен стремительными изменениями во всех сферах жизнедеятельности и высокой значимостью человеческого капитала в реализации задач социально-экономического развития современного общества.

Понимание феномена благополучия основывается на различных теориях, в том числе гедонистической теории, объективной теории, теории исполнения желаний или удовлетворения потребностей. М. Селигман выделяет объективные и субъективные оценки благополучия, а также главные компоненты: смысл, вовлеченность, положительные эмоции, достижения, отношения с другими людьми [4]. В социологии понятие социального благополучия выступает интегральным показателем баланса социального статуса личности с ее субъективными характеристиками (потребностями, ожиданиями, ценностями) и возможностями их удовлетворения [5, с. 27-28].

В содержание социального благополучия включают когнитивный, эмоциональный, ценностный, поведенческий компоненты. Исследователями выявлено, что на уровень социального благополучия существенное влияние оказывают различные факторы: состояние окружающей среды, система здравоохранения, образования, социального обеспечения, безопасность, здоровый образ жизни, социальные коммуникации, социальные отношения, самореализация. Социальное благополучие основывается на удовлетворении материальных и духовных потребностей как отдельного человека, так и общества в целом. Предлагается производить оценку социального благополучия населения по трем блокам: 1) демография и здоровье населения, 2) удовлетворенность условиями жизни, 3) духовно-нравственное развитие человека и общества.

С понятием социального благополучия тесно связана категория социального самочувствия, отражающего жизненный тонус индивида и восприятие своего положения в обществе. Исследователями предложены различные типологии уровня социального самочувствия. Например, высокий, повышенный, средний, сниженный, низкий уровень социального самочувствия; позитивный, стабильный, проблемный, критичный типы социального самочувствия; вигилативный (зависимый), мелиоративный (преобразующий), иноптивный (ситуация неблагополучия), солютивный (независимый) типы социального самочувствия.

Несмотря на то, что категория благополучия используется в междисциплинарном дискурсе, предлагается сформулировать теоретико-методологические основания исследования социального благополучия на фундаменте социологической науки. Социологический подход отличается интерпретацией социального благополучия как комплексного феномена, который отражает взаимосвязь объективных и субъективных характеристик положения человека в обществе, его включенность в социальные структуры, социальные отношения, особенности социальной мобильности и социальных ожиданий.

Динамика социального благополучия связана с качественными изменениями уровня жизни, появлением новых индикаторов. Основным источником информации не только об объективных, но и субъективных характеристиках социального благополучия населения являются результаты социологических исследований. Доминирующими методами сбора и обработки информации являются опросные методы и количественные методики анализа данных.

Следует анализировать различные компоненты социального благополучия молодежи, которые включают экономический, психофизический, социальный и иные аспекты. Научные исследования в данной области являются весьма перспективными и имеют практическую значимость, а их результаты являются востребованными как для отдельных организаций, так и для страны в целом. Измерение уровня социального благополучия молодежи важно с точки зрения государственного управления, так как данный показатель отражает социальное здоровье в обществе, инновационный потенциал данной социально-демографической группы в общественном развитии. Особое внимание необходимо уделять образовательным и трудовым стратегиям современной молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ценностный портрет современного белорусского общества: аналитический проект / С. М. Алейникова [и др.] ; пер. на англ. яз. О. О. Самоукина ; под ред. С. М. Алейниковой. – Минск, 2021. – 56 с.

2. Соцопрос: свое благополучие белорусская молодежь связывает с личной активностью // БЕЛТА. – URL: https://belta.by/society/view/sotsopros-svoe-blagopoluchie-belorusskaja-molodezh-svjazyvaet-s-lichnoj-aktivnostjju-710760-2025/ (дата обращения: 04.06.2026).

3. Абрамов, К. Благополучие, здоровье и семья как ценности россиян // ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/blagopoluchie-zdorove-i-semja-kak-cennosti-rossijan (дата обращения: 25.05.2026).

4. Селигман, М. Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия / М. Селигман. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 440 с.

5. Зборовский, Г. Е. К исследованию социального благополучия молодежи: ключевые положения концепции / Г. Е. Зборовский // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 2. – С. 23–39.

УДК 316.422

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВООБРАЖАЕМЫХ СТРУКТУР ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: АЛГОРИТМЫ, ПЛАТФОРМАТИЗАЦИЯ И СЕТЕВЫЕ ИНСТИТУТЫ

Галанзовский А. С.
младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

В традиционном индустриальном (модерна) и постиндустриальном (постмодерна) обществе воспроизводство воображаемых социокультурных структур (интерсубъективных соглашений, ценностей, норм и представлений о правильном устройство мира) обеспечивалось относительно едиными и устойчивыми институциональными агентами. Массовое государственное образование, печатная пресса, канонизированное искусство и национальное телевидение формировали единую символическую установку, в рамках которой индивиды конструировали и воспроизводили социальную реальность [1]. Но вместе с тем, повсеместная цифровая трансформация XXI века, развитие сервисов Web 2.0 (с первенством авторского, а не обезличенного), социальных сетей, платформенных экосистем и алгоритмических систем рекомендации, принципиально изменили архитектуру производства, потребления и трансляции воображаемых социокультурных структур [5]. Если некогда социальное воображение формировалось медленно (путем передачи через творческие процессы сообщества), то в современных цифровых средах процессы конструирования институциональных смыслов приобрели гиперскорость (вместе с феноменом гипертекста, предшествующей сетевой разветвленности онлайн страниц), децентрализацию и высокую степень алгоритмической опосредованности [3]. Цифровая среда перестает быть простым каналом передачи информации и превращается в самостоятельный феномен, гибрид социального порядка, трансформируя традиционные представления о праве, экономике, идентичности и гражданском участии.

Современная социология цифровой среды фиксирует сдвиг от классического медиатизированного воображаемого к алгоритмически-подсказывающему воображаемому [2]. Алгоритмы платформ, таких как поисковые системы, ленты новостей и рекомендательные сервисы, перестают выполнять техническую функцию фильтрации данных и выступают активными социокультурными агентами без наличия самого агента [3]. Алгоритмическая фильтрация формирует «архитектуры выбора», определяя, какие образцы жизни, политические идеи, формы потребления и модели поведения становятся видимыми и доступными для социального воображения актора [7]. В результате алгоритмы выполняют функцию первичной объективации: то, что не попадает в алгоритмические «подсказки»,

вытесняется из коллективной ментальной карты общества, становясь при этом частью заколдованного мира. При этом цифровое воображаемое характеризуется высокой степенью персонализации. В отличие от печатного капитализма эпохи модерна, создававшего единое национальное пространство смыслов [1], платформенные алгоритмы подстраиваются под индивидуальные предиктивные модели пользователей, порождая дифференцированные фрагменты реальности, каждая страница делается частью нового воображаемого языка описания, со своими схемами поведения и «языковыми играми», красочно описанными Л. Витгенштейном.

Одним из ключевых следствий алгоритмизации является тенденция распада некогда единого коллективного воображаемого на множество локальных интерсубъективных миров [2]. В цифровой среде индивиды объединяются в сетевые микросообщества («цифровые тренды», форумы, чаты), внутри которых формируются собственные, обособленные воображаемые структуры. Алгоритмы вовлечения замыкают пользователей в кругу релевантного и востребованного для них контента, что приводит к гипертрофированному укреплению специфических картин мира в рамках информационных «эхо-камер». Внутри таких камер формируются локальные системы доказательств-предикатов, моральные нормы и представления о реальности, часто вступающие в прямой конфликт с общепринятыми институциональными нарративами [5]. Вместе с тем фрагментация воображаемого подрывает легитимность классических институтов: науки, официальных медиа и органов власти. Различные группы пользователей представляют устройство социальных процессов принципиально разным образом, от сциентиских утопий до конспирологических дистопий, что затрудняет достижение базового общественного консенсуса в социальном воображении [4].

Параллельно цифровая эпоха демонстрирует возникновение принципиально новых воображаемых структур, институционализация которых происходит без участия традиционных государственно-правовых регуляторов [7]. Любопытным примером этой тенденции выступают технологии блокчейн, децентрализованные автономные организации (DAO) и криптовалютные рынки. Данные феномены представляют собой чистый вариант быстро конструируемых воображаемых смарт-структур. Во-первых, ценность цифровых активов или статус правил в DAO покоятся исключительно на интерсубъективном консенсусе и совместной вере участников сетевого сообщества в надежность протокола, с прозрачностью, независимостью и рисками взлома [4]. Во-вторых, происходит конвертация кода в институциональную норму, когда воображаемая социокультурная структура выражается в математическом алгоритме и смарт-контракте, автоматически исполняющем принятые сообществом обязательства. Это создает прецедент формирования социальных институтов, чья устойчивость гарантируется не физическим принуждением государства, а технологически зафиксированным воображаемым консенсусом географически распределенных пользователей, чья карта местности не выходит за рамки интерфейса. Э. Юнгер в сборнике эссе «Сердце искателя приключений» описывал лавку мясника, и то как ее наличие формировало образы «восприятия места», со своими догадками и мифологией, в настоящее время лавки с товарами обратились в интерфейс мобильного приложения, где мифология «восприятия места» формируется с учетом собственного апокрифичного языка пользователя [6].

В условиях высокого проникновения мобильных технологий, дополненной (AR) и виртуальной (VR) реальности происходит окончательное размывание границ между материальными и воображаемыми структурами [3]. Цифровой статус, количество подписчиков, репутационные метрики и рейтинг на платформах перестают быть просто условными знаками в виртуальном мире. Они преобразуются в полноценный социальный и экономический капитал, влияющий на реальные возможности актора в физическом пространстве, включая доступ к ресурсам, трудоустройство и социальную мобильность [5]. Социальная реальность становится гибридной: индивид одновременно присутствует в физическом пространстве и в алгоритмически сконструированных полях виртуальных

коммуникаций, ориентируя свое поведение на требования обоих миров. Социальное воображение перестает быть локальным, где каждое сообщество творит собственную воображаемую реальность, теперь достаточно надеть AR очки и увидеть воображаемый мир, который разделяет каждый.

Следует отметить, что трансформация воображаемых структур знаменует собой переход к новому типу социальности – алгоритмическому и платформенному. Воображаемое перестает быть статичным фоном институциональной жизни и превращается в гибкий, динамичный и неуправляемый цифровой процесс. Алгоритмы платформ стали главными посредниками в производстве и распределении воображаемых значений, а фрагментация воображаемого разрушает единые национально-культурные нарративы, формируя множественные сетевые микросообщества с собственными языками описания. В то же время сетевые институты доказывают способность воображаемых социокультурных структур функционировать автономно от классических механизмов легитимации. Дальнейшее изучение цифровых воображаемых структур является крайне важной задачей социологии, позволяющей прогнозировать характер социальных конфликтов, трансформацию институтов и гибридную динамику общественного развития в современную цифровую эпоху.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева. – М. : КАННОН-пресс-Ц, 2016. – 416 с.

2. Аппадураи, А. Современность под рукой: культурные измерения глобализации / А. Аппадураи ; пер. с англ. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 328 с.

3. Быков, И. А. Сетевая политика: теории и практики : монография / И. А. Быков. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2013. – 200 с.

4. Вахштайн, В. С. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 / В. С. Вахштайн // Логос. – 2017. – Т. 27, № 2. – С. 1–48.

5. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 568 с.

6. Юнгер, Э. Сады и дороги / Эрнст Юнгер ; пер. с нем. Е. Воропаева. – Москва : Ad Marginem, 2022. – 264 с.

7. Srnicek, N. Platform Capitalism / N. Srnicek. – Cambridge : Polity Press, 2017. – 120 p.

УДК 316.354.2

ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЗИДАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ОБЛАСТНЫХ ВУЗОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Галич Л. П.
старший научный сотрудник НИИ ТПГУ
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Созидательный потенциал молодежи представляет собой комплексную характеристику личности, в основе которой лежит продуктивная, инновационная и социально ответственная деятельность, направленная на преобразование окружающей среды, включая создание материальных и духовных благ, и достижение общественно значимых результатов. Фундаментом формирования данной способности является комплекс факторов, среди которых особое место приобретает система жизненных приоритетов. Ценности определяют социальную активность личности в целом, от них зависит также направленность, интенсивность и устойчивость созидательных усилий.

Как справедливо отметила И. Н. Морозова: «Созидание есть изменение бытия культуры, которое может осуществляться как на материальном, так и духовном уровнях. Созидание предполагает изменение бытийности вообще, однако созидательное изменение реализуется в соответствии с ценностями положительной аксиологической направленности» [1, с. 41]. Данное восприятие созидания в контексте философии культуры указывает на то, что оно не ограничивается исключительно творчеством, а предполагает сознательное изменение мира в целом, конкретной области жизнедеятельности, в частности, в лучшую сторону. Реализуется созидательный потенциал как на уровне материального, так на уровне духовного, что приводит к изменению самой реальности, ее трансформации и упорядочиванию окружающего пространства. Положительная аксиологическая направленность созидательного потенциала указывает на его связь с ценностями добра, гуманизма, созидания блага, развития, совершенствования. Изучение созидательного потенциала молодежи в контексте жизненных ценностей позволит оценивать готовность данной категории населения развивать свой созидательный потенциал в том или ином направлении.

Целью данной статьи является определение наиболее значимых жизненных приоритетов студентов областных белорусских вузов в гендерном разрезе, которые выступают в качестве ценностного основания их созидательного потенциала. Результаты исследования базируются на проведенном в 2026 году Научно-исследовательским институтом теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь Академии управления при Президенте Республики Беларусь республиканском репрезентативном социологическом опросе студентов следующих вузов: Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусского государственного университета, Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Витебского государственного университета имени П. М. Машерова и Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова. Общее число опрошенных составило 6075 человек.

В процессе исследования для изучения жизненных приоритетов в анкету был включен вопрос «Что для Вас является наиболее важным в жизни?», что позволило определить рейтинг ценностных детерминант и провести сравнительный анализ по полу. Студентам было предложено оценить в линейке жизненных приоритетов значимость соответствующих восемнадцати ценностных позиций, на основании сформированного списка ценностных ориентаций, охвативших ключевые сферы жизнедеятельности личности и сгруппированных по следующим блокам (таблица 1).

Таблица 1. Ценностные ориентации

№	Группы ценностных аспектов	Конкретные ценности
1	Витальный и экзистенциальный блок	Здоровье Безопасность Душевное спокойствие
2	Институциональный блок	Семья Друзья Дети
3	Материально-экономический блок	Материальная обеспеченность
4	Когнитивно-развивающий блок	Возможность учиться Самореализация
5	Профессиональный блок	Карьера Интересная работа Профессионализм
6	Статусно-репутационный блок	Социальный статус Репутация

		Внешняя привлекательность
7	Гражданско-политический блок	Возможность приносить пользу обществу Участие в государственной политике и власть

Для оценки роли жизненных ценностей в структуре созидательного потенциала студенческой молодежи обратимся к эмпирическим данным, полученным в ходе республиканского опроса. Выявленная в процессе исследования информация позволила определить иерархию жизненных приоритетов, в том числе в разрезе гендерных акцентов, лежащих в основе понимания мотивации и направленности созидательной активности студентов белорусских вузов.

Результаты опроса показали, что у абсолютного большинства студентов доминирует здоровье и семья. Такие приоритеты характерны как парней, так и для девушек. Вместе с тем, они являются наиболее значимыми для женской части опрошенных студентов. Так, здоровье является ценным для 82,5% парней и 88,8% девушек; семья – для 78% парней и 86,0% девушек. Данные подтверждают значимость базовых витальных и экзистенциальных потребностей, что в разрезе созидательного ресурса личности имеет двойственный смысл. С одной стороны, хорошее физическое самочувствие (физическое благополучие) и надежные семейные связи выступают ресурсной опорой для саморазвития и самоактуализации, поскольку повышают жизнестойкость, стрессоустойчивость, снижая психоэмоциональное напряжение; с другой стороны – акцент на семейных и ценностях физического благополучия формируют стратегию выживания, стабильности и сохранения достигнутого уровня развития. Гендерные различия, обнаруженные по данным ценностям, показывают более выраженную женскую сензитивность (чувствительность) к потенциальным рискам в данных сферах, что на поведенческом уровне может проявиться в выборе осторожных, поступательных, а не прорывных стратегических установках в процессе постановки целей и достижения результатов.

Третье место после значимости здоровья и семьи занимает материальная обеспеченность, которая так же, как и предыдущие ценности, воспринимается более приоритетной в женской когорте опрошенных: среди 59,3% юношей и 64,9% девушек отметили значимость материальной составляющей их жизни. Таким образом, более высокий уровень потребности у девушек в материальной стабильности может указывать не столько на меркантильный интерес, сколько на стремление к достижению надежного экономического фундамента, позволяющего создавать долгосрочные семейные связи. Наряду с этим, материальное благополучие выступает и условием независимости и автономности, коррелирующими с потребностями в профессиональном развитии, особенно в ситуации ограничения занятости женской части населения бюджетной сферой и более низкой, по сравнению с мужчинами, профессиональной мобильностью. Ситуация на ранке труда показывает суженный спектр созидательных практик женщин, что замыкает их в рамках традиционных профессий, снижая склонность к предпринимательству, сопряженному с рисками, в том числе, финансового плана. В нашем исследовании юноши при несколько меньшей озабоченности материальным благополучием демонстрируют большую готовность к риску, что может быть фактором, повышающим предпринимательскую и инновационную активность.

Наиболее видимые гендерные различия фиксируются на таком ценностном уровне, как душевное спокойствие, друзья, свобода и безопасность. Безопасность оказалась значительно важнее для девушек (разрыв в уровне значимости превышает 11 п.п.), что отражает различия в восприятии социальной среды. При таких «ценностных основаниях» созидательная направленность девушек может быть реализована в стабильных институционализированных структурах – образовании, государственной гражданской службе, крупных предприятиях, в то время как для мужской части населения риск может быть составляющим самоутверждение и важным ресурсом развития человеческого капитала, предпринимательских и инновационных инициатив.

Объяснима наименьшая значимость для девушек ценности свободы по сравнению с парнями: среди женской части респондентов такая ценность важна для 34,2%, среди мужчин – для 40,2%, что для созидательной активности является неотъемлемым атрибутом. Значимость дружбы равна у обоих полов, что указывает на приоритет горизонтальных социальных связей, поддержки, коммуникации и возможностей.

Особый интерес представляют данные по профессионально-развивающему кластеру жизненных детерминант. Так, среди ценностей данного блока больший процент девушек по сравнению с парнями отметили значимость возможности учиться и развиваться, самореализации и карьеры; приоритет интересной работы и профессионализма в своем деле чаще выбирали студенты мужского пола. В то же время ценности профессионального и когнитивно-развивающего блока являются фундаментом инновационности, поскольку без постоянного обновления знаний, наращивания профессиональных, деловых и личностных компетенций уровень созидательного потенциала снижается.

Слабовыраженными жизненными приоритетами для обоих полов опрошенных студентов выступают ценности репутационного блока – внешняя привлекательность, которая важнее для женщин, чем для мужчин, репутация и социальный статус – значимость которых выше среди парней. Так и политическая сфера, власть, возможность участвовать в государственной политике и оказывать влияние на людей – выступили в качестве деприоритезированных ценностных ориентаций в контексте жизненных детерминант, что свидетельствует о том, что молодежь воспринимает политическую сферу как закрытую и не связанную с повседневными стратегиями.

Таким образом, можно сделать вывод, что созидательный потенциал белорусских студентов направлен, скорее на поддержание и укрепление социальных связей на микроуровне (микросреды) и личного благополучия, поскольку в ценностной иерархии преобладают витальные, экзистенциальные и материальные жизненные приоритеты. На второй позиции стоит кластер когнитивно-развивающих и профессиональных ценностей, который и является фундаментальным ценностным основанием созидательной активности студентов, уровень его проявления носит умеренный характер, демонстрирующий «защитный» вектор созидания студентов и отказ от рискованных экспериментов. Вместе с тем, созидательный ресурс активизируется при условии устойчивой внутренней мотивации, в основе которой лежат соответствующие ценности когнитивно-развивающей и профессиональной направленности. Однако более высокая значимость образования и развития у девушек при низкой степени карьерных установок способны нивелировать созидательный потенциал, направленный в сторону инновационной активности, в пользу созидательных усилий, связанных с хобби, самообразованием и саморазвитием ради внутренней удовлетворенности. Что касается мужской части студенческой молодежи, то профессионализм и интересная работа может инициировать карьерную активность, что требует обновления знаний и непрерывного развития профессиональных, деловых и личностных качеств. По этой причине ценностные ориентации выполняют двойственную роль – они служат как «активатором», так и «блокатором» созидательной активности личности. Ценности, направленные на результат и достижения, обладают стимулирующим эффектом, побуждающим к инновационной активности и преодолению трудностей; ценности «сохранительного» толка, связанные со стабильностью и безопасностью, формируют скорее адаптивную поведенческую стратегию. В проведенном исследовании, где одной из задач рассматривалось изучение жизненных ценностей студенческой молодежи областных вузов Республики Беларусь, в качестве ключевого вывода выступило то, что приоритеты студентов лежат в плоскости традиционных ценностей (здоровье, семья, материальный достаток, душевное спокойствие, друзья, безопасность), что обусловлено объективными общественными условиями и характером культурных национальных традиций, которые предписывают умеренность и избегание риска.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ
1. Морозова, И.Н. Концепт созидания в философии культуры: горизонты, ракурсы, смыслы / И.Н. Морозова // Вестник ЧелГУ. – 2020. – Т. 442, № 8. – С. 38–41.

УДК 314.4

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УМНЫХ КОЛОНОК СТАРШИМ ПОКОЛЕНИЕМ: ОПЫТ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Галкин К. А.
старший научный сотрудник Социологического института РАН
филиала ФНИСЦ РАН
кандидат социологических наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03076 (https://rscf.ru/project/25-28-03076/).

Современные исследования всё чаще обращаются к проблеме использования умных колонок представителями старшего поколения, подчёркивая прежде всего функциональную значимость подобных устройств. Голосовые ассистенты могут применяться для решения различных повседневных задач: получения необходимой информации, установки напоминаний и будильников, прослушивания новостей и музыки, управления отдельными элементами умного дома и организации бытового распорядка [1; 2]. В некоторых работах рассматривается возможность использования голосовых технологий в качестве средства коммуникации и психологической поддержки лиц старшего возраста [3]. Вместе с тем эффекты взаимодействия с умными колонками оцениваются неоднозначно: наряду с удобством и доступностью голосового интерфейса исследователи отмечают ряд ограничений, обусловленных особенностями восприятия таких устройств. В частности, общение с голосовым ассистентом может восприниматься пользователями как искусственное и эмоционально неполноценное. В связи с этим подчёркивается, что взаимодействие с умной колонкой не способно заменить полноценную межличностную коммуникацию и удовлетворить потребность человека в реальном социальном общении [4; 5]. Значительная часть существующих работ ориентирована на изучение умных колонок как относительно новых устройств, способных повысить качество повседневной жизни лиц старшего возраста [6]. Культурные и языковые особенности могут также определять не только первоначальное отношение к устройству, но и дальнейшие способы его освоения, уровень доверия к голосовому ассистенту и набор востребованных функций. Поэтому изучение национального контекста позволяет точнее выявить причины различий в использовании умных колонок и определить социальные условия, способствующие или, напротив, препятствующие включению данных устройств в повседневные практики старшего поколения.

В настоящем исследовании ставится вопрос о том, как жители России и Беларуси, относящиеся к старшей возрастной группе, осваивают умные колонки, какие функции используют наиболее часто и каким образом применение голосовых устройств способствует их адаптации к цифровой среде и цифровой социализации. Эмпирическую основу исследования составили полуструктурированные интервью, собранные в Санкт-Петербурге и Минске. Всего было проведено 25 интервью. Помимо этого, в эмпирическую базу вошли результаты анализа данных и контент-анализа программ курсов компьютерной грамотности, предназначенных для лиц старшего возраста в России и Беларуси. Объединение интервью с анализом образовательных программ позволило рассмотреть не только индивидуальный опыт использования умных колонок, но и институциональные условия, в которых происходит освоение новых цифровых устройств.

Результаты исследования позволяют выделить несколько значимых различий между двумя странами. Первое из них связано со степенью проникновения умных устройств на национальные рынки и распространённостью соответствующих практик. В России рынок голосовых устройств развит в большей степени, поэтому спектр сценариев их применения оказывается шире: умные колонки используются для прослушивания музыки, получения новостей и иной информации, управления элементами умного дома, совершения покупок и заказа различных услуг. В Беларуси уровень распространения таких устройств ниже, а практики их использования чаще ограничиваются базовыми функциями, среди которых получение прогноза погоды и новостей, установка будильника, таймера или напоминания. Различия в доступности устройств, объёме представленного контента и количестве поддерживаемых сервисов непосредственно влияют на интенсивность включения голосовых ассистентов в повседневный быт.

Второе отличие заключается в содержании образовательных программ и доступных возможностях обучения работе с умными колонками. В России курсы цифровой грамотности характеризуются более разветвлённой структурой и в отдельных случаях включают обучение использованию современных голосовых устройств. Участники таких программ могут получить представление о принципах работы умной колонки, её основных функциях, способах настройки и возможных сценариях применения. В Беларуси курсы компьютерной грамотности также представлены, однако преимущественно ориентированы на освоение базовых навыков работы с компьютером, смартфоном и онлайн-сервисами. Новые интеллектуальные устройства и голосовые интерфейсы значительно реже становятся самостоятельным предметом обучения, вследствие чего потенциальные пользователи вынуждены осваивать их при помощи родственников либо самостоятельно.

В обеих странах представители старшего поколения демонстрируют повышенную чувствительность к рискам цифрового мошенничества. При этом в Беларуси дополнительно отмечается более осторожное отношение к передаче персональных данных и использованию голосовых команд. Опасения, связанные с возможной утечкой информации, записью разговоров или несанкционированным доступом к персональным данным, сдерживают готовность активно применять умные колонки в бытовых условиях. Существенную роль играет и языковая специфика. В России голосовые ассистенты в большей степени адаптированы к потребностям русскоязычной аудитории и способны учитывать отдельные региональные особенности речи. Белорусскоязычный контент в голосовых сервисах представлен ограниченно, что снижает доступность технологии для части потенциальных пользователей и влияет на общую востребованность подобных устройств.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что использование умных колонок среди представителей старших возрастных групп в России и Беларуси пока не приобрело массового характера. В большинстве случаев взаимодействие с устройствами сводится к относительно небольшому набору базовых сценариев. Успешность освоения голосовых технологий определяется не столько возрастом пользователя, сколько наличием сформированной системы цифровых навыков. Важное значение имеют предыдущий опыт работы со смартфоном, компьютером, интернетом и онлайн-сервисами, а также поддержка со стороны членов семьи, знакомых, социальных работников или волонтёров. Пользователи, уже обладающие базовыми цифровыми компетенциями, быстрее понимают логику работы голосового интерфейса и легче включают устройство в привычный распорядок дня. В России практики применения голосовых ассистентов отличаются большим разнообразием благодаря более развитому рынку, широкому ассортименту устройств и значительному объёму русскоязычного контента. В Беларуси их использование чаще имеет утилитарный и сдержанный характер. При этом воздействие умной колонки на повседневную жизнь зависит от индивидуальных особенностей и потребностей конкретного пользователя. Для одних представителей старшего поколения устройство становится инструментом поддержания автономии и снижения социальной изоляции за счёт напоминаний, голосовой связи, доступа к аудиоконтенту и возможности управлять отдельными бытовыми процессами. Для других

оно оказывается источником стресса и дополнительной когнитивной нагрузки, поскольку требует освоения непривычной модели взаимодействия и вызывает опасения, связанные с безопасностью личных данных.

Одной из ключевых проблем, характерных для обеих стран, остаётся несоответствие дизайна и коммуникационной модели цифровых ассистентов жизненным практикам и когнитивным особенностям пользователей старшего возраста. Устройства и голосовые интерфейсы преимущественно проектируются с учётом потребностей молодой аудитории и людей среднего возраста. Они предполагают использование быстрых и чётких команд, освоение многошаговых сценариев, уверенное ориентирование в широком наборе функций и принятие неформального стиля общения. Исследование также выявляет проявления цифрового неравенства внутри самой старшей возрастной группы. На характер освоения умных колонок влияют уровень образования, предыдущий опыт взаимодействия с техникой, место проживания, доступность интернет-соединения и наличие социальной поддержки. В результате одни представители старшего поколения уверенно используют голосовые устройства и постепенно расширяют спектр применяемых функций, тогда как другие сознательно отказываются от подобных технологий либо ограничиваются наиболее простыми операциями. Рассмотренные вопросы представляются значимыми для дальнейших исследований, посвящённых роли умных устройств в повседневной жизни лиц старшего возраста в России и Беларуси, а также условиям, при которых голосовые технологии могут способствовать цифровой социализации, поддержанию самостоятельности и снижению цифрового неравенства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Огородников А. Ю., Огородникова О. А. Трансформация повседневности пожилых людей под влиянием ИИ-помощников //Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – №. 11. – С. 13–22.

2. Корбут А. М. Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – №. 1. – С. 193–216.

3. Трегубова Н. Д., Фейгина А. Я. «Вежливое» взаимодействие с умными колонками в повседневной жизни: универсальные нормы и новые формы социальности //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2024. – №. 5 (183). – С. 142–165.

4. Wolfe B. H. et al. Caregiving artificial intelligence chatbot for older adults and their preferences, well-being, and social connectivity: mixed-method study //Journal of Medical Internet Research. – 2025. – Vol. 27.

5. McDaniel L. et al. Aging with artificial intelligence: how technology enhances older adults' health and independence //The Journals of Gerontology, Series A: Biological Sciences and Medical Sciences. – 2025. – Vol. 80. – №. 7.

6. Ушкин С. Г., Коваль Е. А., Яськин А. Н. Жить с Алисой: как голосовые помощники трансформируют практики коммуникации? //Журнал исследований социальной политики. – 2022. – Т. 20. – №. 3. – С. 361–376.

УДК 61:316

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ НА ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гапанович-Кайдалов Н. В.
доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФПКиП ГомГМУ
кандидат психологических наук, доцент
г. Гомель, Беларусь

Современные социальные и экологические вызовы (стресс, гиподинамия, загрязнение окружающей среды, нерациональное питание) обуславливают ухудшение здоровья населения,

что особенно актуально для представителей социономических профессий (врачи, медсёстры, психологи), испытывающих хроническое эмоциональное выгорание и высокий уровень стресса. В этой связи здоровьесберегающее поведение и приверженность здоровому образу жизни (ЗОЖ) становятся ключевыми инструментами поддержания физического и психического благополучия.

Здоровьесберегающее поведение традиционно трактуется как целенаправленная активность индивидов, способствующая как физическому, так и психическому здоровью.

На основании обширного числа исследований (таких как работы Д.А. Изуткина, Р.А. Березовской, Т.Ю. Мысиной и других) установлено, что существует прямая связь между поведением человека и его здоровьем. Данная форма поведения способна существенно снизить риск респираторных, сердечно-сосудистых заболеваний и нервно-психических расстройств, а также в целом улучшить или удерживать качество жизни на приемлемом уровне [1].

Однако, несмотря на высокий уровень информированности о пользе ЗОЖ, приверженность ему остаётся низкой: по данным 2023 года, лишь 15,6% респондентов продемонстрировали высокую приверженность здоровому образу жизни, в то время как 47,2% — низкую, а 37,2% — удовлетворительную [2]. Это противоречие указывает на недостаточную мотивацию и отсутствие внутренней потребности в изменении поведения, что требует комплексного подхода, сочетающего знания, психологические установки и социальную поддержку.

Следовательно, помимо распространения знаний о здоровьесберегающем поведении и популяризации ЗОЖ, необходимо также формировать психологическую установку, мотивацию и внутреннюю приверженность к здоровому образу жизни.

Поведение индивида обусловлено социальными знаниями, которые формируют его мотивацию и установки. Поэтому важно установить связь между знаниями о здоровье, отношением к нему и поведением.

Р.А. Березовская интерпретирует отношение к здоровью как «систему избирательных связей индивида с различными явлениями окружающей действительности, способствующих или угрожающих здоровью людей, а также отражающих определенную оценку человеком своего физического и психического состояния» [3, с. 223].

Основываясь на результатах, полученных рядом исследователей (Т.Ю. Мысиной, И.А. Новиковой, М.И. Томиловой и других), можно выделить в структуре отношения к здоровью когнитивный, ценностно-мотивационный, аффективный и поведенческий аспекты. Социальное знание выступает в роли когнитивного компонента и включает в себя сведения о здоровье, здоровом образе жизни и факторах риска для здоровья [4, 5, 6].

Ценностно-мотивационный компонент отражает место здоровья в системе жизненных приоритетов.

Аффективный компонент описывает чувства и переживания, связанные со здоровьем.

Поведенческий компонент характеризует осуществляемые действия и степень приверженности здоровому образу жизни.

Чтобы проанализировать, как социальное знание влияет на формирование здоровьесберегающего поведения, необходимо различать понятия «приверженность здоровому образу жизни» и «здоровьесберегающее поведение». Оба эти понятия описывают заботу человека о собственном благополучии.

Приверженность здоровому образу жизни – это система ценностей, включающая здоровье в качестве основного приоритета личности, определяющая здоровый образ жизни. При этом доминирующими мотивами личности выступают саморазвитие, стремление к высокому качеству жизни, долголетию, физическому и ментальному благополучию и др.

Здоровьесберегающее поведение направлено на обеспечение безопасности, сохранение текущего уровня здоровья и предотвращение болезней. Основными мотивами личности в данном случае могут быть избегание опасности, страх заболеть, подчинение социальным нормам или требованиям и др.

Таким образом, здоровьесберегающее поведение можно рассматривать как условие и предпосылку приверженности здоровому образу жизни.

Социальное знание, как представления о том, что полезно, опасно или вредно для здоровья, регулирует переход от защитных практик здоровьесберегающего поведения к проактивной позиции приверженности здоровому образу жизни. Социальное знание преобразует медицинские факты об опасности для организма тех или иных факторов окружающей среды (курение, употребление алкоголя и др.) в социальные нормы и требования (чистить зубы, соблюдать режим сна, контролировать артериальное давление и др). В результате этого осуществляется переход от мотивации избегания дискомфорта, боли, болезней и др. к мотивации самоактулизации, саморазвития и самосовершенствования.

Приверженность здоровому образу жизни не может сформироваться исключительно за счет волевых усилий человека, если общество не транслирует соответствующее социальное знание. Данный тип знания формирует общественный спрос на инфраструктуру: экологически чистые продукты, спортивные пространства, доступную психологическую помощь.

В исследовании приняли участие 160 студентов Гомельского государственного медицинского университета. Методом сбора данных выступил анкетный опрос с использованием 10-балльной шкалы оценивания. Вопросы касались представлений о здоровом образе жизни, значимости факторов, влияющих на здоровье, а также самооценки здоровья и приверженности ЗОЖ.

Анализ ответов респондентов выявил приоритеты в восприятии здоровья. Для студентов-медиков здоровье ассоциируется прежде всего с физической активностью и физиологическим состоянием. Так, 66,9% респондентов указали на значимость занятий спортом, 54,4% — на здоровое питание. В то же время психосоциальные аспекты, такие как отношения в семье или хобби, упоминались реже — лишь 20% и 11,3% соответственно. Следовательно, для студентов-медиков здоровье ассоциируется с физической активностью и физиологическим состоянием, в то время как психоэмоциональные и социальные аспекты занижаются.

Далее мы использовали 10-бальную шкалу оценивания. Судя по средним оценкам, для большинства опрошенных, наибольшее влияние на состояние здоровья оказывают качество питания (8,31), качество и доступность медицинской помощи (8,23) и физическая активность (8,16). Менее значимыми для респондентов оказались отношения в семье (7,33), интеллектуальная активность (7,3) и использование информационных технологий (6,41).

Следовательно, по мнению студентов медицинского университета, основными факторами, влияющими на здоровье, являются: качество питания, качество и доступность медицинской помощи и физическая активность. При этом, участники исследования, очевидно, ввиду их возраста и медицинской специальности, меньшее значение придают отношениям в семье, интеллектуальной активности, а также использованию информационных технологий (компьютер, телефон и др.).

Общая оценка состояния здоровья 10-бальной шкале для всей выборки – 7,1.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы и обобщения: социальное знание, оказывающее влияние на здоровьесберегающее поведение и создающее мотивацию вести здоровый образ жизни, включает представления о физическом и психическом здоровье, факторах здоровья и условиях здоровьесбережения; с точки зрения студентов медицинского университета здоровый образ жизни, прежде всего, ассоциируется с занятиями спортом, здоровым питанием, хорошей экологической ситуацией; студенты выделяют среди факторов, влияющих на здоровье, качество питания, качество и доступность медицинской помощи, физическую активность. При этом можно констатировать, что имеет место недооценка студентами влияния на здоровье отношений в семье, интеллектуальной активности, использования информационных технологий (компьютер, телефон и др.). Вместе с тем, состояние своего здоровья, осведомленность о здоровом образе жизни и приверженность здоровому образу жизни оценивается студентами достаточно высоко (не ниже 7 баллов).

Социальное знание выступает базовым когнитивным компонентом отношения к здоровью и главным регулятором поведения человека. Именно оно обеспечивает переход от первичных защитных практик здоровьесбережения (избегание рисков, страх заболеть и т.д.) к осознанной и проактивной приверженности здоровому образу жизни, ориентированной на самоактуализацию и повышение качества жизни.

Социальное знание в совокупности с академическими медицинскими знаниями о здоровье, здоровом образе жизни, здоровьесбережении призвано способствовать формированию у студентов медицинского университета здоровьесберегающего поведения и впоследствии – приверженности здоровому образу жизни.

Таким образом, на профессиональное становление медицинского работника и эффективность его последующей профессиональной деятельности в значительной степени оказывает влияние социальное знание о здоровье, здоровьесберегающем поведении и приверженности здоровому образу жизни (спорт, здоровое питание, гигиена и др.). Исходя из этого, важнейшей задачей медицинского образования представляется формирование у студентов медицинского университета современных представлений о здоровье и здоровом образе жизни, начиная с младших курсов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Изуткин Д. А. Человек в системе взаимосвязи образа жизни и здоровья / Д. А. Изуткин // Вестник ТГПУ, 2004. – С. 90–92.

2. Драпкина О. М. Приверженность здоровому образу жизни в России по данным исследования ЭССЕ-РФ: есть ли «ковидный след»? / О. М. Драпкина, М. Б. Котова, С. А. Максимов и др. // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2023. – 22(8S): 3788. – С. 8-19.

3. Березовская Р. А. Исследования отношения к здоровью: современное состояние проблемы в отечественной психологии / Р. А. Березовская // Вестник СПбГУ, 2011. – С. 221–226.

4. Кокурина И. Г. «Отношение» как фундаментальная категория социальной психологии в анализе мотивации совместной деятельности / И. Г. Кокурина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 2012. – С. 29–39.

5. Мысина Т. Ю. Формирование ценностного отношения к здоровью студентов вуза / Т. Ю. Мысина // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». Т. 10, № 2. – 2011. – С. 46–57.

6. Макаров А. В. Образовательные стандарты подготовки специалистов с высшим образованием в Республике Беларусь и Российской Федерации / А. В. Макаров, Н. И. Максимов, В. Т. Федин. – Москва, 2013. – 161 с.

УДК 364.35-053.81(476)

ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В БЕЛАРУСИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МОЛОДЕЖНОГО ПРАГМАТИЗМА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Гецевич А. К.
доцент кафедры истории Беларуси, археологии и спец. исторических дисциплин
ГрГУ им. Янки Купалы
кандидат исторических наук, доцент
г. Гродно, Беларусь

Современная белорусская молодежь – это весомый демографический и экономический актив страны. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, на начало текущего года в стране проживает около 1,64 миллиона молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, что составляет 18,1 % от общего населения республики [1].

Будучи основным стратегическим ресурсом государства, новое поколение формирует свой уникальный взгляд на социальные гарантии, включая вопросы будущего пенсионного

обеспечения. Отношение молодых белорусов к пенсионному возрасту и занятости планомерно меняется в сторону большей гибкости и стремления к ранней автономии.

Согласно социологическим исследованиям, проводимым Институтом социологии НАН Беларуси [2], в молодежной среде активно формируется тренд на «здоровый прагматизм», выраженный в желании как раннего старта, так и достаточно раннего пенсионного обеспечения. Около 39,3 % опрошенных граждан по данным репрезентативных выборок крупных городов заявляют, что хотели бы активно трудиться до 40-55 лет, то есть получать пенсию, начиная с этого возраста, при этом продолжая трудиться и дальше. На классический возрастной коридор получения государственных выплат ориентируются около 29,2 % респондентов, воспринимая государственную пенсию как базовый гарантированный фундамент [2].

При этом молодежь формирует новые требования к социальной инфраструктуре. В рамках республиканских диалоговых площадок и исследований, организованных Белорусским институтом стратегических исследований (БИСИ), ключевыми ценностями молодых работников были названы комфорт жизнедеятельности, прозрачность процессов и высокая адаптивность рынка труда. С точки зрения перспектив пенсионной системы, молодежь видит будущее через призму цифровизации, ожидая полной прозрачности, удаленного управления пенсионными счетами, отслеживания страхового стажа через мобильные приложения и интеграции с общегосударственной автоматизированной информационной системой (ОАИС). Также их интересует гибкость занятости: на фоне рекордной занятости молодые специалисты активно осваивают новые формы (фриланс, самозанятость с уплатой налога на профессиональный доход) и заинтересованы в том, чтобы государственные механизмы учета стажа гибко подстраивались под такие форматы работы [3].

В условиях старения населения во всем мире нагрузка на классическую солидарную систему растет, и в Беларуси она сегодня обеспечивает выплаты порядка 2,4 миллиона пенсионеров [4].

Понимая долгосрочные вызовы, государство предложило механизм, востребованный именно экономически активной частью населения – добровольное накопительное страхование пенсий в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 367 «О добровольном страховании дополнительной накопительной пенсии» [5]. По официальным данным Министерства финансов Республики Беларусь, эта программа пользуется стабильным спросом – договоры заключили уже около 80 тысяч белорусов. Суть системы максимально близка к финансовому мышлению молодежи: работник выбирает тариф (например, 3 % от своей зарплаты направляет на накопительную пенсию), а государство через работодателя соразмерно софинансирует эту сумму (еще +3 %). Накопленные средства защищены государством, капитализируются и выплачиваются гражданину в дополнение к основной трудовой пенсии [6].

Однако существует проблема вовлеченности именно молодого поколения. Несмотря на очевидную финансовую выгоду софинансирования, основную долю участников программы сейчас составляют граждане среднего возраста от 40 лет и старше. Молодежь до 30 лет пока неохотно инвестирует в «длинные деньги», предпочитая направлять текущие доходы на закрытие базовых потребностей (покупку жилья, создание семьи, краткосрочные банковские вклады, оплату обучения) или просто на впечатления (отдых, путешествия). При этом эксперты сходятся во мнении, что именно у молодых людей есть главное преимущество – фактор времени, позволяющий сформировать внушительный капитал к старости за счет сложного процента [7].

Важнейший скрытый вызов будущей пенсионной системы лежит в демографической структуре современного белорусского общества. По данным многолетних обследований Белстата, в структуре семейных пар с детьми в Республике Беларусь преобладают однодетные семьи [8]. Это означает, что сегодняшние молодые люди в возрасте 18-30 лет – это в массе своей единственные дети в семье. В долгосрочной перспективе, если размер государственной

солидарной пенсии не будет полностью покрывать потребности пожилых граждан, на плечи одного молодого человека или молодой семейной пары ляжет колоссальная финансовая нагрузка, которая выразится в одновременном содержании собственных несовершеннолетних детей и обеспечение двоих, а с учетом супруга – до четверых престарелых родителей.

С одной стороны, результаты социологических исследований Института социологии НАН Беларуси [9] и аналитика БИСИ [10] показывают, что на ценностном уровне белорусская молодежь глубоко привязана к семье и декларирует моральную готовность помогать родителям, однако прагматичный анализ доходов свидетельствует о дефиците ресурсов.

Молодые люди до 30 лет сегодня максимально сосредоточены на решении собственных задач, поэтому выделять значительную долю бюджета на долгосрочное содержание родителей большинство молодых людей/семей безболезненно не смогут. В этом кроется опасность пассивного ожидания. Главный риск для нынешних родителей в возрасте 45-55 лет заключается в расчете на то, что единственный ребенок обеспечит старость. Однако в условиях, когда молодая семья сама вынуждена адаптироваться к меняющемуся рынку труда, такая стратегия может привести к взаимному финансовому кризису поколений. Отсюда вытекает главная рекомендация для родителей – рассчитывать в основном на себя и не перекладывать будущие пенсионные риски исключительно на плечи государства и своих детей. Кстати, государство уже предоставило для этого работающим гражданам всех возрастов гибкий инструмент – программу добровольного накопительного страхования. При этом критически важно закладывать в сознание будущего поколения понимание того, что современная молодежь Беларуси, не отрицая значимости государственных социальных гарантий, должна уходить от формата пассивного ожидания выплат. Будущее отечественной пенсионной системы глазами нового поколения – это устойчивая комбинированная модель, где базовый фундамент от государства подкрепляется прозрачными цифровыми сервисами контроля стажа, механизмами софинансирования и развитием личной финансовой грамотности с самых первых этапов карьеры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Статистический обзор ко Дню молодежи и студенчества (25 июня 2026 г.) [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2026. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor-stud-2026.pdf. (дата обращения: 30.06.2026).

2. Продолжать работать после выхода на пенсию готовы более 80% минчан — соцопрос [Электронный ресурс] // МЛЫН.BY: информационный портал. – Минск, 2025. – URL: https://mlyn.by/21012025/prodolzhat-rabotat-posle-vyhoda-na-pensiyu-gotovy-bolee-80-minchan-soczopros/. (дата обращения: 02.07.2026).

3. Результаты масштабного социологического исследования ожиданий населения [Электронный ресурс] // Белорусский институт стратегических исследований. – Минск, 2025. – URL: https://bisr.gov.by/be/node/1173. (дата обращения: 02.07.2026).

4. День пожилых людей [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – URL: https://www.mintrud.gov.by/ru/s-dnem-pojilich-2024-ru. (дата обращения: 02.07.2026).

5. О добровольном страховании дополнительной накопительной пенсии [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 27 сент. 2021 г., № 367 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32100367. (дата обращения: 05.07.2026).

6. Почти 80 тыс. белорусов вступили в программу по накоплению «второй» пенсии [Электронный ресурс] // БЕЛТА : Белорусское телеграфное агентство. – Минск, 2026. – URL: https://belta.by/economics/view/pochti-80-tys-belorusov-vstupili-v-programmu-po-nakopleniju-vtoroj-pensii-778922-2026/ (дата обращения: 05.07.2026).

7. Анализ возрастной структуры участников программы ДНПС [Электронный ресурс] // Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь : официальный канал. – Минск, 2026. – URL: https://t.me/s/fsznlive?before=10228. (дата обращения: 05.07.2026).

8. Семья в Беларуси глазами статистики и общества [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://profkultbrest.by/semya-v-belarusi-glazami-statistiki-i-obshchestva.html. – Дата доступа: 28.07.2026. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: mintrud.gov.by. – (дата обращения: 05.07.2026).

9. В приоритете у молодежи – семейные ценности [Электронный ресурс] // Институт социологии НАН Беларуси. – URL: https://socio.bas-net.by/institut-sotsiologii-nan-belarusi-v-prioritete-u-molodezhi-semejnye-tsennosti/. – (дата обращения: 06.07.2026).

10. Ценностный портрет современного белорусского общества [Электронный ресурс] // Белорусский институт стратегических исследований. – URL: https://socio.bisr.by/wp-content/uploads/2022/10/broshjura-bisi.pdf. (дата обращения: 06.07.2026).

УДК 316.334.3:324+321.01-049.5+316.658.4

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР И ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Глушакова Е. А.
аспирант каф. политологии БГУ
г. Минск, Беларусь

В условиях современных геополитических трансформаций и гибридного противоборства каждый новый электоральный цикл актуализирует проблему социально-политической устойчивости государства. Избирательные кампании XXI века давно вышли за рамки формально-юридических процедур ротации элит, став площадкой для борьбы за институциональный порядок, легитимность, государственную субъектность и личные амбиции. Анализ воздействия выборов на политическую устойчивость отличается высокой актуальностью как на теоретическом, так и на прикладном уровне, где системная значимость проблематики определяется условием современной непостоянности, когда электорат используется внешними и внутренними деструктивными акторами в качестве ресурса дестабилизации общественно-политической ситуации. В свою очередь, сам электоральный процесс трансформируется в пространство для манипулирования общественным сознанием и становится удобным поводом для подогревания «цветных революций». В этой связи научное приращение знаний об онтологии электорального выбора дает возможность руководству государства сформировать прочную институционально-правовую основу и сделать данный процесс устойчивым, системно управляемым и релевантным национальным интересам, предотвращая негативные сценарии использования населения для передачи власти заинтересованным лицам.

Отечественная и зарубежная политическая наука изучает выбор граждан как политологический конструкт в плоскости электоральных процессов, политического поведения, где анализируются психоэмоциональные детерминанты, определяющие отношение граждан к национальной политике в целом, а также как отдельным представителя политических элит (мажоритарная система избирательного права), политическим партиям (пропорциональная система избирательного права). Феномен политических предпочтений, электорального поведения отличается высокой актуальностью и получил развитие в работах таких исследователей, как А. Молчанова, Л. Ефимова, О. Анисимова, Е. Карманов, С. Шкель, Л. Кулецкая, В. Комаровский, К. Абульханова, Е. Шестопал, А. Ковалева, С. Липсет, С. Роккан, Э. Даунсон, Х. Химмельвейт, Т. Адорно, Г. Лассвелл, Г. Айзенк, М. Олсон и др.

Однако уязвимость психоэмоциональных и когнитивных механизмов формирования электоральных предпочтений превращает волеизъявление граждан в главный объект внешнего и внутреннего воздействия. В условиях, когда электоральное поведение

масштабируется до уровня главного фактора легитимации власти, защита механизмов его формирования перерастает из академической проблемы в задачу государственного значения.

Обеспечение стабильности политической системы в период выборов тесно связано с развитием категории электоральной безопасности. В политологическом дискурсе «электоральная безопасность государства представляет собой состояние защищенности личности, общества и государства от угроз в ходе организации, подготовки и подведения итогов выборов и референдумов» [1, с. 12]. Данное понятие подчеркивает, что электоральный выбор является не изолированным проявлением индивидуальной воли, а системным процессом, требующим комплексной защиты от потенциальных деструктивных факторов.

Отметим, что «проецирование «мягкой силы» в отношении избирательных процессов становится грубым вмешательством с целью контроля за развитием» [1, с. 4]. На сегодняшний день, спектр технологий воздействия на электоральный выбор существенно расширился. К возможным формам и инструментальным механизмам влияния на электоральный выбор и результаты голосования можно отнести:

генерирование и искусственная стимуляция протестного потенциала через таргетированные рассылки и рекламу;

осуществление кибератак на информационно-вычислительные ресурсы органов избирательной вертикали;

манипулятивная работа с общественным мнением посредством алгоритмов социальных сетей, цифрового ботоводства и распределения дезинформации (к примеру, технологии дипфейков и ИИ-контента);

физический/цифровой саботаж электоральной инфраструктуры (систем электронного голосования, государственных реестров избирателей, каналов связи), что представляет собой актуальную проблему дистанционного электронного голосования (ДЭГ);

фальсификация и дискредитация электоральных кампаний в международном информационном поле с целью досрочной делигитимации и делегализации их итогов;

финансовая и организационная подпитка некоммерческих организаций и медиа-агентов, выступающих проводниками геополитических интересов, не соответствующих национальным интереса;

«применение манипулятивных политических технологий «демократического строительства», «смены режимов», «демократического транзита», «переходного правосудия» продвижения демократии и прав человека» [2, с. 13-15]. Российский политолог, доктор политических наук Р.В. Евстифеев пишет, что «дальнейшее развитие цифровых технологий может существенно усложнить и усилить инструменты иностранного вмешательства в выборы, приобретающего все более выраженный дистанционный характер» [3, с. 16].

Таким образом, электоральный выбор и электоральная безопасность выступают факторами устойчивости общественно-политической ситуации: в современных условиях цифровизации электоральный процесс способен функционировать как механизм динамической стабилизации и ротации власти только при наличии высокого уровня электоральной безопасности и электорального суверенитета. Защита электоральной инфраструктуры, пресечение деструктивного влияния «мягкой силы» и предотвращение реализации программ «цветных революций» позволяют превратить электоральный выбор из зоны риска в фундамент легитимности и устойчивости государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бояшов, А. С. Формула электорального суверенитета: от предотвращения вмешательства к концепции электоральной безопасности / А. С. Бояшов // Проблемы национальной стратегии. – 2025. – № 4(91). – С. 190–207.

2. Безопасность избирательного процесса / А. С. Бояшов, И. И. Мушкет, О. Н. Лешенюк [и др.]. – Санкт-Петербург : Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств , 2023. – 96 с.

3. Евстифеев, Р. В. Иностранное вмешательство в национальные выборы в цифровую эпоху: постановка проблемы и перспективы исследований / Р. В. Евстифеев // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2022. – № 3. – С. 10–27.

УДК 613.96:004(476)

ДОСТУПНОСТЬ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ И РЕЖИМ ПРЕБЫВАНИЯ В НЕЙ ПОДРОСТКОВ БЕЛАРУСИ

Гребень Н. Ф.
старший научный сотрудник РНПЦ психического здоровья
г. Минск, Беларусь

Цифровая среда стала неотъемлемым атрибутом жизни современного человека. Сегодня она влияет не только на формирование медиапредпочтений, но и формирует личностные установки, ценностные ориентации, идентичность, потеснив традиционные институты социализации. Наиболее активными пользователями цифровой среды являются подростки, которые по данным различных исследований проводят в ней в среднем 5-7 часов в день [1].

Как верно отметили российские коллеги, цифровое поколение, находящееся в противоречивых условиях слома старой социальной ситуации развития и конфликтного формирования актуальной ситуации, требует чрезвычайного внимания не только со стороны родителей, но и со стороны всех структур и организаций, занимающихся вопросами образования, воспитания, здоровья, развития и безопасности подростков и молодежи [2, с. 8].

С 2025 г. на базе ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья» реализуется научный проект «Изучить особенности цифрового поведения современных подростков и разработать метод оценки факторов риска нарушений здоровья, ассоциированных с использованием технических средств информатизации». В рамках данного проекта был изучен такой аспект цифрового поведения как доступность цифровой среды и режим пребывания в ней подростков.

Методом исследования явилась разработанная автором анкета «Цифровое поведение подростков». Анкетирование проводилось анонимно в онлайн-режиме.

Объект исследования: подростки Республики Беларусь в возрасте 14–18 лет. Объем выборочной совокупности составил 21320 подростков, которые имеют следующие социально-демографические характеристики и их распределения:

– по полу: 57,7 % девушек и 42,3 % юношей;

– по возрасту: 14 лет – 16,2 %, 15 лет – 30,0 %, 16 лет – 32,8 %, 17 лет – 20 %, 18 лет – 1 %;

– по месту проживания: 74,9 % – город, 25,1 % – сельская местность;

– по региону проживания: г. Минск – 23,1 %, Брестская область 8,9 %, Витебская область – 9,3 %, Гомельская область – 12,3 %, Гродненская область –11,7 %, Минская область 25,9 %, Могилевская область – 8,7 %;

– по составу семьи: 77,9 % – полная семья, 22,1 % – неполная семья;

– материальный достаток семьи: низкий – 0,8 %, средний – 80,8 %, высокий – 18,3 %;

– по учреждениям образования: 60,9 % – учащиеся общеобразовательных школ, 19,0 % – учащиеся колледжей со среднеспециальным образованием, 12,6 % учащиеся гимназий, лицеев (10–11 класс), 6,3 % – учащиеся профессионально–технических колледжей / лицеев, 1,1 % – студенты вузов.

Как показала реализованное исследование преимущественное большинство белорусских подростков среднего и старшего возрастов имеют в своем распоряжении те или иные цифровые устройства, что позволяет им быть активными участниками виртуального мира. Так, 98,9 % респондентов имеют личный смартфон, 66,2 % – ноутбук, 39,4 % – персональный

компьютер и столько же – планшет, 33,1 % – умные колонки, 32,2 % – смарт часы, 19,9 % – игровые приставки (рис. 1).

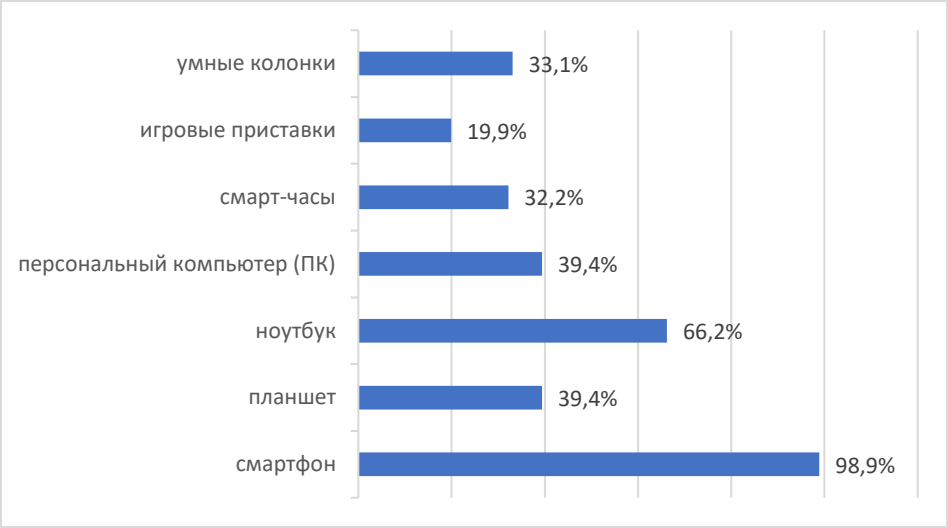

Рисунок 1. Доступные подросткам цифровые устройства

У 60,4 % подростков доступ в сеть Интернет имеется как на смартфоне, так и в точках доступа Wi-Fi (домашний Интернет, свободный Интернет), у 15,6 % – только на смартфоне и у 24,0 % – только в точках доступа Wi-Fi.

Особенностью поколения зумеров является то, что смартфоны вошли в их жизнь как правило в младших классах обучения в общеобразовательных учреждениях. Наше исследование также подтвердило данный факт. Чаще всего у респондентов смартфоны появлялись в 6, 7 и 8 лет. У 9,3 % опрошенных смартфоны появились еще в дошкольном возрасте (рис. 2). Пожалуй, это последнее поколение, у которого первыми игрушками были не гаджеты, а реальные предметы.

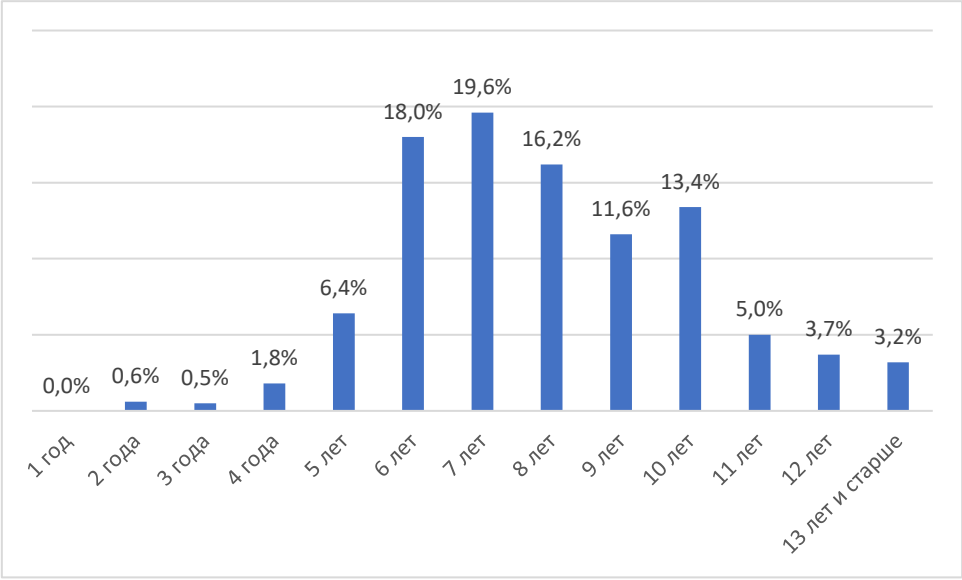

Рисунок 2. Возраст появления первого персонального смартфона у подростков

Режим пользования сетью Интернет у большинства подростков носит импульсивный характер, на что указали 65,0 % респондентов. 35,0 % молодых людей считают, что контролируют свое пребывание в цифровом мире и погружаются в него не больше 10 раз в сутки.

На вопрос «Контролируете ли вы сами время пребывания в социальных сетях, за видеоигрой и в целом время взаимодействия с цифровыми устройствами?» сами подростки ответили так: «да» – 45,8 %, «иногда» – 37,5 %, «нет» – 16,6 %. При этом молодые люди

задействуют следующие формы самоконтроля: 48,9 % установили лимит времени для видеоигр и стараются его придерживаться, 47,2 % – установили лимит времени для просмотра социальных сетей, у 4,0 % респондентов с их согласия установлена функция родительского контроля, 0,3 % – просто следят за временем, либо переключаются на другие виды деятельности, делают перерывы.

Немаловажное значение имеет и контроль частоты и времени использования цифровых устройств со стороны родителей. Согласно полученным результатам, 39,4 % родителей включенных в исследование подростков никакого контроля не осуществляют, 47,8 % родителей – иногда делают замечания, 9,2 % – делают замечания часто и 3,6 % – ограничивают время использования цифровых устройств. С одной стороны, можно отметить некоторую обеспокоенность родителей частым погружением детей в виртуальную реальность, а с другой – отсутствие явного регламентирования родителями цифрового поведения подростков. Учитывая возрастные особенности респондентов, а это подростки среднего и старшего возраста, то невысокие показатели по функции контроля за пользование гаджетами со стороны родителей вполне уместны. В таком возрасте молодые люди должны уметь самостоятельно управлять своим поведение, в том числе и цифровым.

Вопрос, который сегодня активно изучается во всем мире – «Сколько времени подростки проводят за экранами гаджетов и персональных компьютеров в течение суток?». Согласно нашим данным, чаще всего подростки пребывают в цифровом мире 3-4 часа в будние дни 4-5 часов – в выходные дни. И эти показатели в целом несколько ниже, нежели у подростков из других стран [1]. Вместе с тем, около 20 % учащихся тратят на виртуальный мир больше 6 часов в сутки, что может затруднять их повседневную жизнедеятельность и приносить вред здоровью.

Таким образом, цифровые устройства и сеть Интернет доступны подавляющему большинству белорусских подростков, что позволяет им быть активными участниками виртуальной реальности. Погружение подростков в цифровую среду чаще имеет импульсивный характер, т. е. по возникшей потребности без ограничений по частоте пребывания. Самостоятельны контроль за экранным временем доминирует по сравнению с родительским и в большей степени касается видеоигр и социальных сетей. Среднее время пребывания в цифровой среде можно считать оптимальным для подросткового возраста. Однако некоторые подростки погружены в виртуальную реальность чрезмерно, что требует более пристального внимания со стороны взрослых.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Доступность цифровых технологий для молодежи в постсоветских странах // ЮНЕСКО. – 2022. – URL: https://ru.unesco.org. (дата доступа: 10.06.2026).

2. Мы в ответе за цифровой мир. Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: учеб.-метод. пособие / Г. У. Солдатова [и др.]. – М. : Когито-Центр, 2019. – 176 с.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО – ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ И ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА»

Григорьева Н. С.
заведующий кафедрой социологии управления
факультета государственного управления
МГУ имени М. В. Ломоносова

доктор политических наук, профессор
г. Москва, Россия

Соловьев А. И.
заведующий кафедрой политического анализа
факультет государственного управления
МГУ имени М. В. Ломоносова
доктор политических наук, профессор
г. Москва, Россия

В последнее время в политическом лексиконе российского общества активно используется термин «социальная архитектура». Однако, следует отметить, что этот термин пока не имеет четкого смыслового наполнения, а скорее символизирует потребность в адекватном ответе на вызовы и дисбаланс, присущие современной системе управления. С этой точки зрения его основная функция заключается в попытке помочь определить основные векторы конструирования будущего, которые не только должны задать перспективы развития общества, но и предупредить возможные риски и угрозы.

В силу этого существующие на данный момент практики показывают, что центральное место в воплощении этих замыслов занимают имплементационные цели, как говорится, «по ходу» реализации поставленных задач корректирующие исходные установки, уточняющие смысловое наполнение заданий и выбор наиболее оптимальных форм соучастия основных институтов с другими партнерами и участниками.

Следует отметить, что термин «социальная архитектура» не какое-то особое понятие – известно, что оно использовалось в науке еще в XIX в. Так, в издательстве Тинсли в 1876 г. был опубликован манускрипт «Социальная архитектура: или причины и способы слома и реконструкции социального здания» (Social Architecture: Or, Reasons and Means for the Demolition and Reconstruction of the Social Edifice). В этом труде нашли отражение практически все социальные проблемы общества того периода, как, например: «гражданская или социальная свобода и ее составляющие» [1, с. 292-299], «традиционное или социальное равенство» [1,309] или «труд, связанный с искусством и наукой» [1, с. 191-208], расходы труда и деньги» [1, с. 27-37]. Однако, в подавляющем большинстве случаев этот термин использовался в качестве метафоры, расширяющей лексические возможности анализа социальной политики.

С содержательной точки зрения под социальной архитектурой как базовым концептом политического курса правящих кругов скрываются два ее понимания. Прежде всего, это широкая трактовка, означающая переустройство всей общественной среды, включающее социально-политические, экономические и правовые отношения, определяющие местоположение человека и гражданина. Иными словами, имеются ввиду прежде всего социальные отношения, в их многообразии и многофункциональности в связи с организацией социального пространства и социальной инфраструктуры. В этом контексте сфера архитектурных изменений расширяется до анализа текущих и планируемых изменений во всех сферах общества, влияющих на особенности позиционирования как коллективных, так и индивидуальных акторов в социально-политическом пространстве, их взаимоотношения с институтами и центрами власти, жизненные перспективы и т.д. [2].

Что касается узкой трактовки, то понимание социальной архитектуры акцентирует внимание только на определенных параметрах непосредственной среды жизнедеятельности человека, типичных коммуникациях его социального общения и поведенческих моделях, стандартах потребления духовных и материальных благ и некоторых иных аналогичных характеристик. Короче говоря, при таком подходе социальная архитектура выражает потребность в управлении последствиями влияния различных сфер общества и системы управления на условия повседневной (биосоциальной) жизнедеятельности человека. Не случайно, Президент РФ В.В.Путин специально подчеркивал, что страна, уже накопившая «солидный опыт в сфере реализации социоархитектурных проектов», стремится, чтобы такие

цели помогали «раскрывать потенциал регионов, городов и поселков, оперативно откликаться на запросы людей, внедрять эффективные механизмы обратной связи», тем самым, создавая «прочную основу для осуществления гражданских инициатив, совместной плодотворной деятельности государства и общества» [3].

Идеи обустройства территории, удобной для жизни, встречается еще в работах ранних утопистов-социалистов, В «Утопии» (1516 г.) Томаса Мора в основу социального устройства положена общественная собственность, а сам остров представляет собой объединение 54 городов, каждый из которых подчиняется и управляется по единым правилам. А «Город Солнца» (1623 г. Томазо Кампанеллы состоит из «обитаемых стен» (как принято в монастырской архитектуре) и т.д. При этом он не описывает архитектуру домов, для него важнее стены, как источник знания [4].

В социологии употребление понятия «социальная архитектура» предполагается тогда, когда речь идет о совокупности устойчивых связей, институтов, норм и статусов, которые образуют «скелет» общества и обеспечивают его целостность и устойчивость в определенный исторический период. Подобное построение социальной реальности, описано в работах Э. Гидденса, П. Бурдьё и других, которые хотя не использовали само выражение «социальная архитектура», тем не менее их теории структурации и поля описывают именно процесс построения социальной реальности [5, с. 210-224]. В бизнесе термин «социальная архитектура» активно использовался для описания построения взаимодействий внутри компаний, он также активно использовался в урбанистике [6, с. 402-410].

В современное время термин «социальная архитектура» обрел как бы «иное дыхание» – в 2011 г. Питер Хинтьенс на конференции Mix-IT в Лионе (Франция) представил доклад «Социальная архитектура 101», в котором определил социальную архитектуру как процесс и результат планирования, проектирования и развития онлайн-сообществ. Он же предложил набор инструментов для их создания, включая и процесс внесения участниками этих сообщества различных «вкладов» в общее дело, влияя т.о. на цифровое пространство и социальные системы [5, 7].

Можно выделить два момента, которые являются общими как для «старых», так и для «новых» транскрипций. Во-первых, имеются ввиду, прежде всего, социальные отношения, хотя и связанные с организацией пространства и инфраструктурой. Во-вторых, подразумевается активное участие людей в изменении социальной среды, в которой они живут. Иными словами, социальная архитектура подразумевает взаимодействие различных акторов в решении социальных проблем, при этом больше ориентированная на образование «соседских» (в т.ч. сетевых) сообществ, поддерживающих множественные коммуникации и совместные мероприятия, формирующие определенный характер взаимной сплоченности и горизонтальной солидарности. И в этом плане архитектурные изменения способствуют трансформации базовых основ профанной (бытовой) культуры населения и гражданской социализации, что имеет долгосрочные последствия в формировании идентификационных и поведенческих моделей.

Применительно к политике данный термин структурирует возможности населения и властных институтов по отношению друг к другу как условий осуществления публичной жизнедеятельности, представляющих интересы и полномочия разных агентов, ориентированных на сохранение безопасности, выстраивания отношений взаимной ответственности, продвижение своих позиций и презентацию целей, обретение и обмен ресурсами. Суммарный эффект этих взаимодействий проявляется на уровне государства в целом, включая уровень солидаризации населения и власти. Концепт социальной архитектуры стал олицетворять идейно-политические трансформации общества, знаменуя определенный комплекс неординарных задач по переустройству общества и интеграции этих изменений в преобразование социальной сферы. В этом смысле данный концепт можно рассматривать как часть более широкой модели качественной трансформации российского общества, объединяющей решение ключевых внешне и внутри политических проблем, включая как общественные, так и технические проблемы развития, и в конечном счете направленный на

укоренение в стране новых принципов организации социальных процессов, опирающихся на культурно цивилизационные основания отечественного развития, открывая новый этап в развитии российского государства и общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Social Architecture: Or, Reasons and Means for the Demolition and Reconstruction of the Social Edifice. – URL: https://books.google.co.in/books?id=niwUAAAAIAAJ.

2. Социальная архитектура: от запросов в настоящем к горизонтам будущего// Блокнот гражданского просвещения. – 2025, август – сентябрь, (журнал выпускается ЭИСИ и обществом «Знание»).

3. Приветствие В.В. Путина участникам, организаторам и гостям Международной научно-практической конференции «Социальная архитектура: теория и практика социальных изменений». Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), декабрь 2025.

4. Классическая утопия. Лучшая мировая классика. – 2024. – М. – Изд-во «АСТ».

5. Григорьева, Н. С. Социальная архитектура города: историческая память в современном интерьере // Государственное управление. Электронный вестник. – 2026. – № 115. – С. 210–224.

6. Григорьева, Н. С. Социальная архитектура современного мегаполиса. Материалы 8-й Международной конференции факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова (26-28 мая 2010 г.), серия Государственное управление, издательство Изд-во Моск. ун-та. М. – 2010. – Т. 10. – С. 402–410.

7. Hintjens, P. Social Architecture: Building On-line Communities / P. Hintjens. – North Charleston : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. – 138 p.

ЖЕНЩИНЫ – МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА: СОВМЕЩЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Григорьева Н. С.
заведующий кафедрой социологии управления
факультета государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова
доктор политических наук, профессор
г. Москва, Россия

Концепция баланса жизни и труда имеет весомое междисциплинарное влияние в социальных науках и социальной политике многих стран, включая и Россию, отражая давний запрос на гармонизацию двух важнейших сфер жизни человека. В рамках использования этой концепции можно выделить целый ряд направлений, включая и сферу науки и образования. К сожалению, в этой области относительно немного эмпирических исследований [1]. Однако за последние несколько лет такие работы появились. По большей части они касаются положения женщин на рынке труда, а также на затраты женщинами времени на домашний труд [2]. В меньшей степени представлены статьи, в которых рассматриваются аспекты, способствующие развитию академической карьеры женщин. Одно из таких исследований было выполнено в 2023 г. и представляет собой обзор научной литературы, с целью выяснить, что было написано об опыте женщин в академической среде за предшествующие десять лет и определить пробелы, которые существуют в этом поле исследований. Для поиска литературы были использованы три базы данных: Web of Science, Scopus и Google Scholar. В результате тщательного отбора анализу подверглись 129 научных работ и на этой основе были обозначены основные проблемы, с которыми сталкиваются женщины при построении карьеры в академической среде (предубеждения и стереотипы, интерсекциональность, недостаточная представленность на руководящих должностях и в престижных академических иерархиях, конфликты между работой и семьей и т.д.). Однако существует пробел в знаниях о факторах, которые способствуют успешной академической карьере женщин-исследователей и преподавателей [3].

Исследование, которое было выполнено в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2026 г. было сфокусировано именно на выявлении факторов, способствующих успешной научной карьере молодых женщин-ученых, имеющих в своих семьях от 2 до 5 детей.

Триггером к проведению данного исследования послужили два, на первый взгляд, мало связанных факта. Первый – это более ранние исследования по выявлению стратегий семейного поведения современного студенчества, выполненные в Московском университете. Результаты проектов «Семейные стратегии студенческой молодежи: баланс работы и семьи» (2008, 2019) [4] и «Социальные факторы бездетности в России» [5] зафиксировали устойчивую тенденцию: даже при желании иметь не менее двоих детей студенты склонны откладывать создание семьи до достижения карьерных целей и решения жилищного (бытового, материального) вопроса. Не может не вызывать беспокойства и рост доли юношей и девушек, которые вовсе не планируют родительство [6]; в сравнении с 2008 г., в 2019 этот показатель возрос среди юношей в 3 раза, а среди девушек – почти в 5 раз.

Второй – традиционная встреча женщин МГУ с ректором университета В.А. Садовничим в преддверии празднования Международного женского дня 8 марта. В текущем, 2026 г., на нее были приглашены студенты, аспиранты, преподаватели и научные сотрудники МГУ — обладатели государственных наград, лауреаты премии Президента РФ, премий МГУ имени М.В. Ломоносова и И.И. Шувалова, стипендиаты Президента и Правительства РФ, стипендиаты МГУ, участницы волонтерского движения, студенческих строительных и научных отрядов. Молодые успешные доктора наук, выступавшие в качестве спикеров на этом приеме, достигли не только выдающихся научных результатов, но и сочетают интенсивную научную работу с воспитанием двоих и более детей. Именно после этой встречи возникла идея провести исследование, посвященное анализу возможности построения научной карьеры женщинами в возрасте до 39 лет при условии совмещения профессиональных и семейных обязанностей.

Методологической основой исследования послужил просопографический подход (метод коллективной биографии), получивший широкое распространение с 1970-х годов и ориентированный на выявление закономерностей в отношениях и деятельности социальных групп через анализ биографических данных их носителей [7]. Теоретическое развитие просопографии открыло возможности для междисциплинарных исследований академического сообщества, в том числе для изучения жизненного мира и повседневности женщин-ученых. В частности, этот метод применялся для анализа успешных профессиональных траекторий женщин-ученых, работавших в советских наукоградах [8; 9].

Эмпирическую базу исследования составили пять неструктурированных интервью с женщинами-учеными, успешно совмещающими профессиональную деятельность и семейные обязанности. Возраст интервьюируемых был определен в соответствии с Федеральным законом от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (2020), который относит к молодежи граждан в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Применительно к сфере науки в официальных источниках и статистике в качестве верхней границы «научной молодежи», как правило, используется возраст до 39 лет (четыре участницы защитили докторские диссертации в возрасте до 40 лет, трое в диапазоне 35-38, одна – в 29 лет). В докладе представлен подробный биографический профиль участниц интервью, а также их научные достижения. В основу интервью были положены четыре вопроса, которые далее разворачивались в зависимости от реактивного ответа. Основная задача – выявить, влияет ли замужество и материнство на научную деятельность молодых женщин-исследователей?

Анализ интервью позволил выявить ряд существенных сходств в биографиях и профессиональных траекториях респонденток. Все участницы завершили обучение в университете с отличием, что свидетельствует о высоком уровне академической подготовки и мотивации. Их профессиональная карьера в науке началась в период учебы, что указывает на раннее формирование исследовательских интересов. Девушки встретились со своими супругами и связали свою жизнь с партнерами из академической среды, в большинстве – выпускниками или сотрудниками университета, что создает синергетический эффект в

профессиональном развитии. Практически для всех важную роль в профессиональной социализации сыграл ближний круг родственников: у одних научные династии прослеживались в родительской семье, у других – в семье супруга; в любом случае пример и поддержка родных, имеющих отношение к науке, оказывали влияние на формирование научных стратегий и мировоззрения (но есть и те, кто стал в семье первыми представителями академического сообщества). Семейная поддержка – как со стороны родителей, так и со стороны мужей — выступала ключевым ресурсом и в карьерном росте, и в профессиональном самоопределении. Высокая степень самоорганизации, умение заставить себя «строить» свою жизнь – важнейшее условие достижения результата. Более того, они считают, что «материнство дисциплинирует, требует тайм-менеджмента». И, пожалуй, главное – молодые женщины искренне увлечены своей работой и без этого не представляют свою жизнь.

Все участницы с теплотой и признательностью говорили о роли научных руководителей и коллег в профессиональной самореализации, а также интересен широкий спектр вне профессиональных увлечений респонденток, это: горный туризм, исторические танцы, живопись, ролевые игры живого действия, садоводство, (многие из этих занятий укоренены в университетской культуре, как, например, (школа старинного танца МГУ, студенческие турклубы и т.д.); умение переключаться, заниматься другими делами – важная составляющая научного успеха.

Практически каждая участница, размышляя о своем пути, подчеркивала, что наука и материнство не конкурируют в их жизни, а, напротив, взаимно обогащают друг друга, а дети дарят собранность и вдохновение. Иными словами, жизненные нарративы наших собеседниц раскрывают не просто возможность, а органичную сочетаемость высокой научной самореализации с полноценной семейной жизнью, образуя единое, взаимно укрепляющее жизненное пространство.

Проведенное мини-исследование показывает, что наличие детей не мешает, а помогает достигнуть высоких научных результатов – разумеется, не без помощи родителей и коллег, но в первую очередь за счет вдумчивой самоорганизации и осознанного распределения приоритетов. Вопрос, следовательно, заключается не в том, возможно ли такое совмещение в принципе, а в том, как именно преодолевать трудности, какие механизмы и инструменты поддержки для этого необходимы и на чью помощь — семьи, руководства или государства — могут реально рассчитывать молодые женщины-ученые. Таким образом первоочередной задачей становится поиск и внедрение механизмов, способных обеспечить адресную поддержку молодым женщинам, стремящимся к полноценной самореализации и в науке, и в семейной жизни. Пока же, при наличии отдельных инструментов, целостная система адресной поддержки женщин, совмещающих науку и материнство, в стране не сформирована. Истории женщин-ученых, ставших докторами наук в молодом возрасте – это и пример для тех, кто только размышляет о научной карьере или уже вступил на этот путь. Не менее важно, чтобы с представленными биографиями и выводами познакомились родители, преподаватели и наставники, участвующие в формировании карьерных и семейных стратегий молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рождественская, Е. Ю. Академическая женская карьера: балансы и дисбалансы жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 3. – С. 27–47.

2. Баскакова, М. Е. Баланс семьи и работы в российской семье: вчера, сегодня, завтра / М.Е. Баскакова // Общество и экономика. – 2026. – №3. – С. 103–117.

3. Araneda-Guirriman, C., Sepúlveda-Páez, G., Pedraja-Rejas, L. and San Martín, J. Women in academia: an analysis through a scoping review. // Front. Educ. 8.

4. Андрюшина, Е. В., Григорьева, Н. С., Панова, Е. А. Гендерные аспекты изучения семейных стратегий российской студенческой молодежи: результаты компаративного анализа исследований 2008 и 2019 гг. // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 2. – С. 99–113

5. Григорьева, Н. С., Дюпра-Куштанина, В. А., Чубарова, Т. В., Яковлева, И. В. Брачность и родительство в контексте эволюции современной семьи: обзор международных исследований // Государственное управление. Электронный вестник. – 2012. – № 35. – С. 1–22.

6. Григорьева, Н. С. Жизненные планы студенческой молодёжи: семья versus карьера. Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 5. – С. 156–165.
7. Stone, L. Prosopography / L. Stone // 100(1). – P. 46–79.
8. Пушкарева, Н. Л., Жидченко, А. В. Успешные женщины-ученые в советских наукоградах 1950—1960-х гг.: жизненные стратегии, особенности повседневности. Женщина в российском обществе. – 2025. – № 2. – С. 48–66.
9. Женщина-математик с фамилией, известной каждому. Математика для всех. – М.: – 2022. – URL: https://dzen.ru/a/YeaEBlzBCmTAGdQb (дата обращения: 18.04.2026)

УДК 930:316.4:001

ВИКТИМИЗАЦИЯ И ОБРАЗ ВРАГА В УКРАИНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Гронский А. Д.
ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН
кандидат исторический наук, доцент
г. Москва, Россия

Историческая память активно эксплуатируется политиками для собственных целей, далеко не всегда совпадающих с требованиями общества. Поскольку примеры из исторического прошлого помогают мобилизовать массы для тех или иных действий, контроль над исторической памятью приобретает стратегическое значение. Особенно это заметно в периоды кризисов, когда мобилизация общества может поспособствовать разрешению социальных противоречий или, под видом их урегулирования, достижению целей политических деятелей, эксплуатирующих историческую память. Как отмечал в своей работе Н. Л. Мысливец, «прошлое представляет собой […] эффективный и мощный ресурс управления настоящим» [3, с. 5].

Историческая память проявляется, в том числе, и посредством фиксации прошлого в виде материально выраженных явлений – памятников историческим личностям или событиям; исторических зданий, в которых или рядом с которыми происходили определенные события. Также историческую память можно поддерживать через наименования: названия улиц, площадей и самих городов, в некоторых случаях актуализация имен исторических деятелей для называния детей и т.д. Особо следует выделить исторические объекты, которые несут в первую очередь культурную нагрузку. Например, произведения искусства и их создатели, предметы религиозного культа, культовые постройки. Последнее может усилить эффект значимости, поскольку помимо исторического наследия, такие объекты включают в себя еще и духовную составляющую. Использование в формировании исторической памяти сакральных объектов само по себе сакрализирует формирующуюся версию памяти о прошлом, подчеркивая, что именно «у нас» имеется нечто священное, которое по своей сути более ценно и более важно, чем политическое.

При смене идеологической доктрины общества, манипуляции исторической памятью активно используется для создания представлений об исторически заданном идеологическом развороте. Путем активизации инвариантных содержаний исторической памяти, забвения части потерявшего идеологическое значение предыдущего варианта памяти, а зачастую и обычной фальсификации формируется обновленный концепт исторической памяти, который легитимирует новый идеологический курс, создавая представление о его исторической закономерности и естественности. По сути, из-за подавления одних элементов исторической памяти и выделения других, введение в память большой социальной группы элементов или значительных объёмов исторической памяти малых групп и фальсификаций истории формируется новое представление о причинно-следственных связях в истории и о логике исторического развития общности или территории.

Историческая память содержит в себе образы, которые легко использовать для решения некоторых текущих проблем. Например, актуализация образа врага, с утверждением, что этот же враг создавал проблемы обществу в прошлом, мобилизует группу перед лицом мнимой опасности. При этом, в прошлом чаще всего ситуация была иной, мотивы конфликтов были другими, сообщества прошлого могли не являться предками современных сообществ, обладая иной идентичностью, ставя перед собой иные цели и не мысля современными категориями. Таким образом, для передачи необходимой версии исторической памяти заинтересованные силы модернизируют нарратив, вводя в него современные термины и смыслы. Это делает прошлое более доступным для обывателя, упрощает пропаганду, вводя в нее понятные в современных условиях актуальные образы, которых в прошлом могло и не быть.

Еще один способ быстро сплотить общество на основе исторической памяти – трансляция в массы информации о случившейся трагедии. Чем трагедия масштабнее, тем больше шансов, что она будет более эффективно работать на создание нового варианта исторической памяти. При этом случается, что даже прямые потомки «с разной степенью эгоцентричности реконструируют и додумывают трагичное прошлое своей семьи, для того чтобы создать иллюзию преемственности и обрести в ней основу идентичности» [4, с. 369-370]. Общество в целом также может реконструировать трагедии прошлого, чтобы создать повод для эмоций, разделяемых всеми. Однако культурные травмы прошлого не всегда являются таковыми для людей, живших ранее, в то время, когда якобы травма формировалась. Современное общество подходит к прошлому со своим нормативным взглядом. Современные люди воспринимают некие события прошлого как формирование культурной травмы, но для людей прошлого протекающие события могли быть совершенно естественными в силу бытующей в то время культуры, взглядов на жизнь, уровня гуманизма, оценок текущей ситуации. То есть травма может быть не порождена конкретным историческим событием, а «сконструирована дискурсивной сферой спустя годы после события» [4, с. 374]. Помимо того, индивидуальная травма или травма малой социальной группы может быть перенесена на все общество, что тоже является ошибкой при анализе влияния на историческую память культурных травм [4, с. 374].

Постсоветская историческая память локальных государств помимо антироссийских образов, появившихся в эпоху «Перестройки» или после распада СССР, начала «европеизироваться», включая в себя представления и оценки о прошлом, сформировавшиеся в Европе и актуальные для Европы. В первую очередь это коснулось государств западной части постсоветского пространства, отчасти и самой России. «Европеизированный» вариант исторической памяти закрепился в большинстве постсоветских стран. «На самостоятельный вектор исторической памяти позже смогли выйти только в России и Беларуси» [5, с. 81]. Еще одна бывшая «братская славянская республика» – Украина не смогла выйти на самостоятельный вектор формирования исторической памяти. Украина, как и республики Прибалтики, свою память строила на героизации сотрудничавших с нацистами собственных националистов. А нахождение Украины в составе СССР (и ранее – в составе Российской империи) рассматривалось создателями исторической памяти как травмирующее событие.

Однако выдвижение на первый план в политике памяти собственных националистов столкнулось, как и в Прибалтике, с «европеизированной» частью исторической памяти, которая содержит элемент трагических воспоминаний о Холокосте. Эта часть украинской исторической памяти противоречит той части, в которой восхваляются украинские националисты, серьезно запятнавшие себя расправами над евреями (и не только над ними). В результате украинская историческая память состоит из взаимокофликтующих блоков, один из которых восхваляет лиц, совершавших геноцид, а другой скорбит по жертвам этого геноцида.

Официальная историческая память на Украине корректировалась. Например, в период правления президента В.Ф. Януковича она была более направленной на дистанцирование от национализма, но это было лишь отчасти. «Важно отметить, что практически все реализованные модели украинской политики памяти неизменно сохраняли отпечаток украинского этнического национализма» [5, с. 64].

Для того, чтобы создать из России образ врага, а также минимизировать упоминание о том, что украинские националисты были причастны к геноцидам, на Украине происходит виктимизация исторической памяти. Украинцы в прошлом конструируются как жертвы. Описание преследований украинских националистов в советский период, репрессии периода сталинского правления, которые коснулись многих, в том числе и тех, кто сопротивлялся украинизации, «присваивание» голода начала 1930-х гг. и присваивание ему отдельного названия «Голодомор», всё это должно было создать из украинцев образ жертвы, которая страдала от России и объяснить «украинскую политику памяти, выражающую стремление постсоветских украинских политических элит этнически размежевать украинскую и российскую исторические траектории, а также закрепить в национальном сознании украинцев образ исторического противника в лице России» [5, с. 65]. Как логично указала Н. Л. Балич, «Политизация этнических различий обостряет проблему отчуждения» украинцев [1, с. 5], формируя из них массу, противопоставляемую в первую очередь великорусам.

Описание Холокоста в украинском дискурсе исторической памяти также имеет свою специфику. Например, в школьных учебниках по истории Холокост упомянут, однако участие в нем украинских националистов обходится молчанием. Более того, при описании жертв Бабьего Яра среди погибших перечислены в том числе и украинские националисты, но не упомянуто о том, что украинские полицаи участвовали в уничтожении людей в Бабьем Яру. Таким образом, образ палача для украинских националистов отсутствует, но из них формируется образ жертвы, пострадавшей от действий немецких оккупантов [2, с. 298.].

В целом, украинская версия исторической памяти, включает в себя противоречивые сюжеты, которые лица, ответственные за выработку исторической памяти, пытаются скрыть, представив украинских националистов не палачами, участвовавшими в геноциде, а жертвами геноцида.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Балич, Н. Л. Этнорелигиозная идентичность восточнославянских народов / Н. Л. Балич – Минск: Беларуская навука, 2025. – 379 с.

2. Власов В. С., Кульчицький С. В., Панарін О. Є. Історія України (профільний рівень) підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти / В. С. Власов, С. В. Кульчицький, О. Є. Панарін – Київ: Літера ЛТД, 2023. – 335 с.

3. Мысливец, Н. Л. Социология исторической памяти / Н. Л. Мысливец. – Минск: Беларуская навука, 2025. – 237 с.

4. Павловский А. Новая теория постпамяти, или, почему не работает концепция Марианны Хирш [рец.] / А. Павловский. // Новое литературное обозрение. 2025. № 2 (192). – С. 367–387.

5. Федоров В. В., Львов С. В. От коммуникативной памяти к культурной: межпоколенческая трансформация представлений о Великой Отечественной войне / В. В. Федоров, С. В. Львов // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. Вып. № 113 (S). – С. 78–93.

УДК 331.53

РАЗВИТИЕ ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКСПАНСИИ

Грошева Л. И.
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ТВВИКУ
кандидат социологических наук
г. Тюмень, Россия

Современные молодые люди параллельно вовлечены в реальную и виртуальную активность, которые создают единое пространство для профессионального и личностного саморазвития. Высокий темп изменений в системе и качестве подачи информации в свою очередь создаёт ощущение нестабильности и неустойчивости существующих профессиональных и трудовых стратегий, что стимулирует молодых людей к выработке превентивных стратегий либо к предпочтению избегания как способа сохранения морально-психологической устойчивости. По этой причине мотивы выбора направления для

самореализации во многом зависят от текущих трендов в социальном информационном поле, а также от наиболее тиражируемых прогнозов, распространяемых в рамках социальных групп и сообществ, а также в системе закрытых коммьюнити.

Исследователи отмечают, что проблема самореализации молодёжи находится в пропорциональной зависимости от качества избыточного выбора, предлагаемого в виртуальной среде. Обширное количество вариантов может реализовываться в рамках двух принципиально различных вариантов. В тех ситуациях, когда предлагаемые профессиональные и трудовые стратегии характеризуются преимущественно вероятной реализацией и высокой доступностью, молодые люди ориентируются на мнение инфлюэнсеров, социальное окружение и другие виды социального капитала, позволяющие определить наиболее комфортный вариант. Для случаев, когда декларируемые варианты представляются молодыми людьми как маловероятные, фиксируется склонность к игнорированию предлагаемых стратегий, поиску альтернатив или к полному отказу от полноценной социализации и автономии от родительских семей [1, с. 1357]. Хотя наличие большого количества возможностей и свободных профессиональных ниш в целом снижает тревожность молодёжи, качество и степень рациональности выбираемых опций в значительной мере зависит от внешних информационных факторов.

Указанная особенность отражает трансформацию трудовых ориентаций, в том числе в опоре на тренд поколенческой специфики. Данные исследований показывают, что молодые люди испытывают противоречивые установки в отношении выбора и удержания трудовой стратегии. Высокая изменчивость профессиональной структуры, предлагаемой в социальных сетях, формирует у молодых людей ощущение незащищённости профессий в целом от их вытеснения со стороны искусственного интеллекта и процессов цифровизации. Исследователи полагают, что подобные тренды нестабильности переориентирует молодых людей с получения фундаментальных знаний и профессий, требующих системной подготовки и длительной адаптации, на выработку небольшого цикла прикладных навыков, реализация которых возможна в минимальные сроки. При этом указанные стратегии в информационной среде чаще упоминаются в отношении представителей конкретных поколенческих групп (зумеры), что способствует более интенсивному воспроизводству практик [2, с. 44]. Самоидентификация молодых людей с декларируемым поколением в ряде ситуаций может приводить к управлению установками на саморазвитие и профессиональную социализацию согласно предлагаемым подходам и системам в социальных сетях.

А. С. Савенкова и П. В. Сломянский указывают на рост смещения профессиональной самореализации из собственно трудовой сферы в досуговую категорию, образ жизни или средство общения, что обуславливает рост потребности в формировании компонентов эмоционального интеллекта и адаптивности, как надпрофессионального свойства личности [3, с. 54]. Специфическая особенность указанных установок заключается в широком развитии дистанционных форм труда, гибких графиков, частичной занятости, которые зачастую носят творческий характер, сопряжены с различными видами интеллектуальных или общественных видов деятельности. С другой стороны, стремление соединить образ жизни и профессию во многом вызвано широким распространением идеи лимитации, в рамках которой ограниченность времени жизни и вероятность наступления в скором времени негативных геополитических явлений, где ценность отдельных моментов жизни и получения наслаждения от текущей деятельности становится приоритетной, превалирующей над стратегическим подходом к карьере с долгосрочными перспективами.

Максимизация получения удовольствия от трудовой и профессиональной деятельности по мнению Е. Г. Гавриной обусловлена общей нестабильностью развития профессий, их трудовых характеристик и зарплатных предложений. Исследователь отмечает, что высокий темп изменений в востребованности и уровне оплаты труда стимулирует молодых людей либо включаться в конкурентную борьбу и перманентно изучать текущие тренды, либо отказываться от реализации карьерного роста в пользу удовлетворения иных досуговых потребностей [4, с. 32]. Также популяризация форм избегания («крысиная жизнь», «ни-ни» и

др.) для части молодёжи выступает способом демонстрации ответной реакции на дисфункции системы профессиональной социализации, адаптации в рамках профессиональных учебных заведений и первичных трудовых коллективов.

Таким образом, расширение влияния цифровой среды на профессиональный и трудовой выбор молодёжи в значительной мере сопряжено с предоставлением данных и информации, которая при отсутствии онлайн-активности не могла быть доступной для широкой целевой аудитории. Часть данных, которые поступают молодым людям посредством каналов, информационных площадок и блогов, не всегда может быть оценена ими с достаточным уровнем рациональности и объективности ввиду недостатка компетенций в представляемых областях знаний. Дискуссионные площадки и чаты в свою очередь позволяют усилить восприятие тренда в той мере, которая характерна для модального настроения в социальных сетях, даже в той форме и коннотации, которые не соответствуют объективному положению на рынке труда или в рамках профессионального сегмента.

С целью анализа особенностей влияния цифровой среды на развитие потенциала молодёжи в рамках профессиональных и трудовых стратегий автором статьи в январе-мае 2026 года было проведено исследование методом фокус-групп (N=31 группа, по 7-9 человек), в котором приняли участие молодые люди в возрасте 18-23 лет, обучающиеся в системе среднего и высшего образования на выпускных курсах, либо предполагающие отчисление из образовательной организации в ближайший год по причине ухода в трудовую практику или иную сферу деятельности.

Информанты отметили, что современная цифровая среда предлагает им широкий выбор различных профессиональных и трудовых стратегий. Данный факт рассматривается как преимущество по сравнению с другими поколениями и определяется качеством доступа к аутентичной и верифицированной информации. Молодые люди склонны полагать, что успешность саморазвития в рамках профессии во многом зависит от того, насколько возможно обнаружить и впоследствии присоединиться к «эффективному» профессиональному коммьюнити. Аналогичная позиция просматривается также и в досуговой сфере, где молодёжь отмечает наличие возможности перевода хобби, досуга в трудовой потенциал и источник дохода только при включении в информационные группы и каналы, позволяющие оперативно переориентировать основные направления деятельности, а также получить доступ к рынку сбыта и потенциальной целевой аудитории.

Участники фокус-групп обозначали в качестве основного преимущества цифровой среды – участие в закрытых профессиональных и тематических коммьюнити (закрытые группы или каналы в мессенджерах и социальных сетях), где есть возможность получить приоритетные предложения о работе, а также избежать необходимости преодолевать фильтры с применением искусственного интеллекта при приёме на работу. Тем не менее, обнаружение подобного сообщества отмечается участниками как маловероятное ввиду того, что уже действующие участники сообществ создают определённые барьеры для входа. В представлении молодёжи именно цифровое пространство наиболее продуктивно позволяет объединить досуговую, профессиональную и трудовую среду. Более половины информантов высказались в пользу дистанционного труда как возможности сохранить привычный уклад жизни и реализовывать привычный досуг, а также как способ трансформировать уже имеющиеся интересы и навыки в источник дохода. Участники отмечают, что удалённые формы труда позволяют относительно быстро переключаться между отраслями самореализации, а также совмещать труд с обучением, саморазвитием и параллельным освоением новой профессии или смежного вида деятельности. Хотя исследуемые отмечали, что фактическая одновременная реализация дистанционной трудовой и досуговой стратегии зачастую характеризуется низкой вероятностью, ввиду размывания трудовой, бытовой и досуговой сфер жизни.

Распространение и популяризация трендов ускоренных форм обучения, предлагающих за сравнительно краткие сроки (до трёх месяцев) освоение ряда профессиональных отраслей, способствуют нивелированию ценности институционального образования. Подобный факт

проявляется в специфических установках участников. Они указывают, что в их личной библиотеке, представленной либо фактически скачанным материалом, либо набором активных ссылок, собрано не менее десяти профессиональных направлений для освоения и отработки. Упомянутые архивы рассматривались молодёжью в качестве продуктивного потенциала для собственного развития по мере возникновения надобности переориентации субъективных интересов или профессиональных навыков. Несмотря на фактическое наличие материала, в среднем молодые люди в полном объёме осваивают 2-3 курса, в то время как остальные остаются либо не завершёнными, либо в целом не востребованными. Причина избыточного накопления материала заключается в опасениях участников относительно их возможности получать доход, опираясь на текущее образование и имеющиеся навыки. В то же время лишь каждый третий мог уверенно перечислить виды и общее содержание тех материалов, которые ими были собраны в интересах саморазвития. Аналогичная ситуация наблюдается относительно использования официальных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации, которые предлагаются на базе вузов или предприятий. Участники указывали, что ввиду занятости и появления других приоритетов, те курсы, освоение которых не требовало обязательного выполнения контрольных заданий, оставались в качестве потенциально полезных, но отложенных на неопределённый срок. Таким образом, формировался так называемый «пустой» потенциал, реализация которого выступала лишь на гипотетическом уровне ввиду отсутствия достаточных временных ресурсов или приоритетности декларативного обладания навыками в случае невозможности их конкретного применения в оперативном режиме.

В то время как цифровизация признаётся молодыми людьми как фактор, повышающий их потенциал в сфере личностного и профессионального саморазвития, объём информации и его качество зачастую остаются для молодёжи недостаточно доступными и применимыми в условиях высокой изменчивости социальных процессов и рынка труда, в частности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зинич, А. В. Молодёжь на рынке труда: влияние цифровизации и неопределенности мира профессий / А. В. Зинич, С. Г. Максимова, Ю. Н. Ревякина // Экономика труда. – 2023. – № 9. – С. 1353–1366.

2. Дьякова, В. В. Трудовые ориентации молодежи в эпоху цифровизации / В. В. Дьякова, Е. В. Каргаполова, П. В. Астафьева, Ю. А. Давыдова // Primo aspectu. – 2022. – № 3 (51). – С. 42–46.

3. Савенкова, А. С. Цифровизация экономики и её влияние на практики трудоустройства российской молодежи / А. С. Савенкова, П. В. Сломянский // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 5. – С. 52–58.

4. Гаврина, Е.Г. Влияние цифровой экономики на развитие современного рынка труда / Е. Г. Гаврина // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2017. – № 4 (26). – С. 28–40.

УДК 33:005.334

РИСКИ ОТРАЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЁЖНОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Грошев И. Л.
профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) ТВВИКУ
кандидат социологических наук, доцент
г. Тюмень, Россия

Грошева И. А.
заведующий кафедрой теории и истории государства и права, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Филиала АНО ВО ИДК в Тюменской области

кандидат социологических наук, доцент
г. Тюмень, Россия

Процесс выбора рисковых экономических моделей поведения во многом обусловлен совокупностью субъективных установок относительно взаимодействия с социальным окружением и восприятием своих возможностей и нормативных ограничений в поведении. Анализ информационных массивов цифровой среды происходит неоднородно, в то время как реакция в значительной мере сопряжена с внутренней самооценкой, опытом и аналитическими навыками молодёжи как таковой. Характеристики данной группы населения в свою очередь создают специфические риски, нивелирование которых требует комплексного учёта социально-демографических параметров и ценностных ориентаций, транслируемых в обществе [1, с. 85].

Значимой характеристикой молодых людей выступает азарт и склонность к позитивным ожиданиям. С. В. Мамонтова отмечает, что ориентация на благоприятный исход событий в целом характерна для молодого поколения, так как ввиду их процесса становления общество зачастую проявляет к ним больше лояльности в случае ненормативных поступков, но в то же время потенциал молодёжи ориентирован, прежде всего, на будущий успех и результат, достижение которого требует необходимости рисковать для получения качественно нового эффекта [2, с. 53]. Соответственно молодые люди допускают возможность исправить ситуацию в случае реализации негативного сценария или попробовать новые пути и инструменты с учётом негативного опыта. Формирование образа уникальности и абсолютности опыта субъекта в рамках систем информирования, образования и воспитания в свою очередь допускает совершение поступков в высоко рисковой среде, так как молодые люди предполагают невозможность повторения чужого опыта в их условиях ввиду концептуального несоответствия времени осуществления действия, а также ощущения уникальности собственного мышления.

Для молодёжи в большей степени характерна изменчивость планов и потребностей, выражающаяся в смене не только экономического поведения, но и мировоззрения и целеполагания. Изменчивость во многом поддаётся воздействию социальной среды, но часто может быть сопряжена с физиологическими процессами в организме или травматичным психологическим опытом. По этой причине частая смена интересов способствует повышению риска импульсивных покупок, в особенности связанных с хобби, профессиональной направленностью или самореализацией. Переменчивость в отношении целей и планирования не позволяет молодым людям осуществлять регулярный и рациональный контроль над личными финансами, что в свою очередь характеризуется закредитованностью и повышенной долговой нагрузкой. С другой стороны, чрезмерное погружение в идею анархического принципа развития современных общественных отношений наоборот стимулирует молодых людей отторгать возможности социальной интеграции и отказываться от интенсивного включения в межличностные интеракции и экономические операции. По этой причине возникающие импульсы зачастую функционируют в условиях недостатка прямого социального контакта и подверженности восприятия высокой частоты встречаемости тех или иных объектов в виртуальном поле [3, с. 12].

Формирование поведенческих установок молодёжи в условиях цифрового пространства в значительной мере сопряжено с комплексом внутренних и внешних факторов, сочетание которых может существенно различаться в зависимости от специфики социальной интеграции отдельных групп пользователей. В рамках современных исследований подчёркивается, что молодые люди стремятся сформировать собственную эффективную экономическую стратегию, которая строится на аутентичной комбинации приёмов и установок, собранных в системе цифрового информирования. Учитывая кардинальные различия в качестве и характеристиках информационного поля, формируется уникальная ситуация, когда в рамках одного поколения параллельно сосуществуют различные и противоречивые стратегии. Демонстративное потребление с одной стороны, компенсируется аскетичностью и

накопительством – с другой, что создаёт противоречивый дискуссионный фон в рамках тематических форумов и коммуникативных площадок [4, с. 22].

Таким образом, экономическое поведение неразрывно связано с характером самого субъекта, его социальным окружением и действием совокупности внешних факторов, которые имеют как непосредственную, так и опосредованную корреляцию с результативностью предпринимаемых мер. Соответственно изучение рисков экономической активности должно сочетать в себе количественные и качественные методы как оценки собственно молодых людей, так и систем их информирования и просвещения.

С целью выявления особенностей описания рискового поведения в рамках потребительских предпочтений с учётом воздействия статусно-ролевых ожиданий авторами работы в январе-марте 2025-2026 гг. было проведено исследование методом контент-анализа, в рамках которого было проанализировано 284 статьи, опубликованных в молодёжных сообществах и телеграм-каналах. Для анализа отбирались массивы объёмом не менее 2000 знаков. В качестве единиц счёта определены слова и устойчивые словосочетания, единицами анализа выступили устойчивые позиции, характеризующие экономическое поведение молодёжи (потребительская активность, потребительские установки, экономические преступления и т.д.).

22,9 % статей рассматривали потребительскую активность молодёжи с точки зрения приобретения товаров с учётом кэшбека (28,3 %), использование услуг байеров (посредников для приобретения санкционных товаров) – 26,3 %, а также способов приобретения товаров без надлежащей оплаты – 20,1 % (подлог товара, кража, намеренная порча и т.д.). Следует отметить, что социально неодобряемые формы рискового экономического поведения характеризовались большим вниманием в инструктивном поле (63,7 %), в то время как конструктивные направления в большей степени относились к описательному контенту (69,4 %). Хотя в целом представление потребительства в большей степени ориентировано на демонстративный фактор подтверждения статусности и успешности, 18,6 % источников предопределяли нерациональность расточительства и отсутствие объективных оснований для выбора указанной стратегии. Для указанной группы данных характерным являлся перевес значений в сторону рисков случайного стечения обстоятельств – 62,9 % (бдительность сотрудников пунктов доставки, брак товара, смена моды или тренда). Несмотря на непосредственную логическую взаимосвязь между нерациональным потреблением и принятием решений индивидом, доля упоминаемых полностью контролируемых рисков составила всего 10,3 %.

Система накопления (20,8 %) рассматривалась с двух позиций: сознательно нивелирующих риск (42,9 %) в формате депозитов, институциональных инвестиций, а также сознательно акцентирующих внимание на риске (57,1 %) в виде вкладов в негосударственные фонды и новые криптовалюты, а также венчурных инвестиций. Следует отметить, что статьи, ориентированные на нивелирование рисковых интенций молодёжи, использовали системный фактологический материал для обоснования собственной позиции в виде: статистики (42,1 %), фактов из производственной и исторической практики (20,6 %), экспертов с подтверждённой квалификаций (учёная степень, трудоустройство в крупных компаниях и пр.) (13,6 %). В то же время рисковый сегмент установок на накопление чаще обращались к эмоциональной рефлексии пользователей (50,8 %), а также инструкциям в виде схем и блок-комплексов (19,4 %), а также визуализации образа успеха (10,6 %). Последний фактор существенно потерял свою актуальность по сравнению с аналогичными исследованиями за 2018-2020 гг. (падение на 23,6 %). Подобный тренд сопряжён со снижением доверия пользователей к видео- и фотоматериалам в целом ввиду актуализации информирования о технологиях подлога и системе конструирования видео deep fake. Накопления рисковых позиций рассматривались как частично прогнозируемая неопределённость (42,1 %), в то время как для институциональных форм был характерен больший потенциал планирования (53,7 %).

Следует отметить, что в ходе изучения источников было выявлено несколько базовых трендов. Информационные массивы характеризовались однозначностью предлагаемой

позиции и ориентировались на представление одной короткой идеи, метода или краткого комплекса действий. Если в результате аналогичного исследования в 2024-2025 году наблюдалось превалирование однозначно положительной коннотации в предлагаемых позициях и подходах, то на текущем этапе наблюдается переход к компаративно-дискуссионным моделям, когда ранее указанные недостатки предлагаемых моделей выступали в качестве опоры для раскрытия особенностей экономического поведения.

Персонифицированная подача информации по-прежнему оставалась превалирующей. Каждое третье сообщение содержит собирательный образ человека, использовавшего какой-либо поведенческий приём или поэтапную схему действий. В постах появился элемент полемики с другими аналогичными системами действий, что отражает рост спроса на аналитический подход к популяризации экономической активности молодёжи.

Наблюдалось установление непосредственной связи личных характеристик пользователя, его трудового участия или финансового вклада и степени успешности результата, выраженного в различных категориях (финансовый успех, увеличение свободного времени, обретение смысла жизни и пр.). При этом посты текущего этапа исследования, в отличие от предыдущего, ориентировались на максимизацию охвата востребованного результата в попытках указать все возможные положительные результаты.

Взаимодействие с системой ценностей общества в целом и с установками коммуникативной среды в частности определяет модальную и наиболее вероятную поведенческую модель молодого человека, определение которой является залогом корректного и эффективного социального контроля. Распространение цифровых форм межличностного взаимодействия усугубило корреляцию демонстративности, публичности и интенсификации потребительской активности. Перманентная визуализация материального успеха, исключительности и обладания привилегиями сформировала новую форму пустого блага, существование которого снижает качество и уровень жизни молодых людей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Малкина, М. Ю. Самоуверенность, склонность к риску и склонность к недобросовестным действиям как детерминанты экономического поведения студентов / М. Ю. Малкина, Д. Ю. Рогачев // Мониторинг общественного мнения. – 2022. – № 2. – С. 76–91.

2. Мамонтова, С. В. Дистанционная занятость в условиях инновационных преобразований: проблемы и перспективы развития / С. В. Мамонтова // Новая потребительская кооперация – драйвер продовольственного импортозамещения и социально-экономического благополучия российского села: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тамбов, 16–17 мая 2019 года. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. – С. 50–57.

3. Арзыбаева, А. А. Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда Кыргызстана / А. А. Арзыбаева, Н. А. Осмоналиев // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2022. – Т. 22. – № 3. – С. 10–15.

4. Горчакова, О. Ю. Современное экономическое поведение: установки, представления и психологические особенности молодежи / О. Ю. Горчакова, А. В. Ларионова, Н. В. Козлова // Психология и психотехника. – 2021. – №4. – С. 15–28.

УДК 314.7

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СДВИГОВ И МИГРАЦИИ

Давыдова Е. И.
студент кафедры экономики и организации производства КГЭУ
г. Казань, Россия

Тимергазизова Э. Р.
доцент кафедры экономики и организации производства КГЭУ
кандидат экономических наук, доцент
г. Казань, Россия

Современные демографические и миграционные процессы представляют собой один из ключевых факторов, определяющих траекторию развития мировой экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Снижение рождаемости, старение населения и трансформация миграционных потоков формируют новые вызовы для рынков труда, систем социального обеспечения и экономического роста в целом. Цель настоящей работы – выявление основных экономических последствий современных демографических и миграционных тенденций, а также оценка возможных направлений адаптационной политики.

Глобальные демографические тенденции характеризуются устойчивым снижением суммарного коэффициента рождаемости в большинстве стран мира. Согласно данным ОЭСР, сегодня более двух третей населения мира проживает в странах с рождаемостью ниже уровня воспроизводства. В странах – членах ОЭСР, где занятость достигла 668 млн человек в мае 2025 г., ожидается, что численность населения трудоспособного возраста к 2060 г. сократится на 8 %. При этом коэффициент демографической нагрузки (отношение лиц старше 65 лет к населению трудоспособного возраста) увеличился с 19 % в 1980 г. до 31 % в 2023 г. и, по прогнозам, достигнет 52% к 2060 г. Без принятия решительных мер политики рост ВВП на душу населения в странах ОЭСР замедлится примерно на 40 % – с 1 % в год в 2006-2019 гг. до 0,6 % в год в среднем за 2024-2060 гг.

Особенно остро демографические проблемы проявляются в Европе. По данным Евростата, население ЕС достигнет своего пика в 2026 г., после чего начнет сокращаться. За два десятилетия с 2005 по 2025 гг. общая численность населения Евросоюза выросла на 4 %, однако восемь государств-членов, преимущественно в Восточной и Центральной Европе, зафиксировали сокращение населения. Наиболее значительное относительное снижение отмечено в Латвии (-17 %), Болгарии (-16%), Литве (-14 %), Румынии (-11%) и Хорватии (- 10 %). В 2024 г. суммарный коэффициент рождаемости в ЕС составил всего 1,34 рождения на женщину, что значительно ниже уровня воспроизводства (2,1). Низкая рождаемость, продолжающаяся эмиграция и старение населения оказывают все более заметное давление на экономический рост восточноевропейских стран [1].

Европейский центральный банк констатирует, что рост занятости обеспечил около половины экономического роста еврозоны с третьего квартала 2023 г. При этом с конца 2019 г. по середину 2025 г. численность занятых в еврозоне увеличилась на 7,8 млн человек – до 173 млн – во многом благодаря повышению доли работающих пожилых людей и миграционному притоку. Доля мигрантов в рабочей силе еврозоны выросла с 8 % в 2021 г. до 10% в 2025 г., что составило прирост в 4,2 млн работников. Однако, как отмечают экономисты ЕЦБ, «миграция и технологический прогресс необходимы для смягчения экономических последствий старения населения».

По оценкам Европейского банка реконструкции и развития, демографические изменения стали «определяющим вызовом для долгосрочного роста» в странах с переходной экономикой. Сокращение численности населения трудоспособного возраста, как ожидается, снизит ежегодный прирост ВВП на душу населения в странах формирующейся Европы почти

на 0,4 процентного пункта в среднем за период 2024-2050 гг. При этом страны региона «стареют, не успев разбогатеть» [2, с. 86–87].

Миграционные процессы оказывают двойственное влияние на экономику. С одной стороны, международная миграция остается важным драйвером экономического роста. По данным Международной организации по миграции, к середине 2024 г. в мире насчитывалось около 304 млн международных мигрантов, что составляет 3,7% населения планеты [3, с. 65–66]. Денежные переводы мигрантов в 2024 г. достигли приблизительно 905 млрд долл. США, включая 685 млрд долл., направленных в страны с низким и средним уровнем дохода. С другой стороны, усиление ограничительной миграционной политики в ряде стран может иметь существенные негативные макроэкономические последствия. Согласно оценкам Brookings Institution, чистая миграция в США в 2025 г. составила от -10 тыс. до -295 тыс. человек – впервые как минимум за полвека показатель стал отрицательным. Сокращение миграции, по расчетам, снизит рост ВВП на 0,19–0,26 процентного пункта и уменьшит потребительские расходы на 40–60 млрд долл. в 2025 г.

В постсоветских странах демографическая ситуация также остается напряженной. В Беларуси, по данным Белстата, на 1 января 2026 г. проживало 9 056 080 человек, при этом за 2025 г. население сократилось на 53,2 тыс. человек. Естественная убыль населения усугубляется миграционными процессами: за первое полугодие 2025 г. на работу в Беларусь прибыл 21 тыс. иностранцев.

В Российской Федерации, по прогнозам Росстата, до 2026 г. население будет увеличиваться за счет мигрантов на 5,3 млн человек; при отсутствии миграции численность населения в трудоспособных возрастах сократилась бы к 2026 г. до 73,9 млн человек. Евразийский банк развития отмечает, что дефицит рабочей силы в России приобрел хронический характер вследствие демографического спада, старения населения и сокращения трудоспособных граждан [4, с. 46–48].

Таким образом, современные демографические и миграционные процессы формируют комплекс взаимосвязанных экономических вызовов: сокращение предложения труда, рост нагрузки на пенсионные системы, замедление потенциального экономического роста. В этих условиях ключевыми направлениями адаптационной политики выступают: повышение пенсионного возраста и увеличение занятости среди пожилых работников; стимулирование рождаемости; привлечение и интеграция трудовых мигрантов; инвестиции в человеческий капитал и повышение производительности труда, в том числе за счет внедрения технологий искусственного интеллекта и автоматизации. Как подчеркивается в докладе ЕБРР, «демография – это не приговор; то, как экономики реагируют на вызовы, – вопрос выбора». Ранние, последовательные и хорошо продуманные реформы будут иметь решающее значение для смягчения демографического давления и обеспечения долгосрочного процветания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Eastern EU faces mounting demographic strain as populations shrink and age, Eurostat says // Intellinews. – 2026. – URL: https://www.intellinews.com.

2. Ящук, А. И. Мировые демографические изменения и их последствия / А. И. Ящук // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 84–93.

3. Тимергазизова, Э. Р. Межрегиональные миграционные потоки в современной России: проблемы и пути решения / Э. Р. Тимергазизова // Горизонты экономики. – 2025. – Т. 90, № 3. – С. 64–69.

4. Ефимова, А. А. Российский рынок труда в условиях демографических изменений / А. А. Ефимова, А. А. Зайнуллина, Ч. А. Хайруллина // Инновационный потенциал развития науки в современном мире : сборник трудов по материалам XXI Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ, Уфа, 24 марта 2025 года. – Уфа: ООО "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2025. – С. 43–49.

УДК 316(075.8)

КАК РОЖДАЕТСЯ ИДЕАЛ БУДУЩЕГО: ВЫСОКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МИССИЯ СОЦИОЛОГИИ

Данилов А. Н.
заведующий кафедрой социологии БГУ
доктор социологических наук, профессор
член-корреспондент НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Вначале рождается идеал будущего как цель и одновременно определяется программа движения к ней. Любые крупные перемены в человеческой жизнедеятельности предполагают изменение культуры, которые, как правило, являются результатом переосмысливания глубинных жизненных смыслов человеческого бытия и его ценностей. Идеи, рожденные в ходе этого процесса «задают особый ракурс обсуждаемой проблемы, акцентируя внимание на роли ценностей и архетипов сознания, трансформацию которых во многом определяет тот или иной тип цивилизационного развития человечества» [1, с. 8]. Чаще всего на этом пути конкурируют стратегии, сохраняющие базовые ценности прежнего типа развития, с инновационными устремлениями, ориентированными на поиск новых жизненных смыслов и обновление содержания ценностей, отвечающих современным реалиям. Конечно, новые ценности начинают формироваться в недрах старой культуры и человечество, крайне заинтересовано в том, чтобы на их базе выросли и новые идеалы будущего.

Миссия социологии всегда была значимой, высокой. И в современном социуме социологии предназначено раскрывать социальный, духовный и интеллектуальный потенциал государства, вырабатывать базовые парадигмы, сохранять традиции, преемственность и ценности народа. Но, пожалуй, самое главное – за социологией закреплена охранительная функция государства – вырабатывать стратегию безопасного развития страны. Понимание роли этой области научного знания всегда было политически обусловленным и разным. М.К. Горшков в своей юбилейной книге «Есть такая профессия – общество изучать» писал: «Полагаю, что социологии как науки об обществе и для общества основной способ такой защиты – профессионально и честно его изучать, обращаться к анализу не мнимого, а реального и действительного в жизни общества, его национальной и традиционной самобытности, работая тем самым на принятие не надуманных, а продуманных политико-управленческих решений. <…> Уловить, выявить, объяснить переходные явления и процессы, показать тенденции, динамику их развития и есть одна из ключевых задач социологической науки, решение которой ведет к осмыслению новых парадигм мышления, новых концепций и теорий современного общества» [2, с. 8-9].

Но, социология важна еще и потому, что она способна увидеть будущее, упредить надвигающиеся кризисы и катастрофы или минимизировать их последствия. С.А. Шавель дал очень точную формулировку дисциплины: «Социология – наука о жизнеспособности социума как устойчивой и воспроизводящейся формы социальности, человеческого общения – от семьи, коллектива, института до общества в целом, т.е. конкретной страны-государства, направленная на своевременное выявление латентных отклонений и разработку способов упреждающего восстановления системного равновесия» [3, с. 22]. Современной эпохе как никогда нужны новые мировоззренческие идеи. Неудивительно, что теперь данная наука становится востребованной практически. Социальная жизнь современного общества убедительно доказывает, что наступает время философов, социологов и гуманитариев. Как актуально звучат сегодня слова К. Леви-Стросса о том, что «XXI век будет веком гуманитарных наук – или его не будет вообще». Он убежден, что науки об обществе и человеке помогут найти ответы на новые вызовы времени и обеспечить безопасное будущее на планете Земля.

В условиях глобальной нестабильности, в переломные этапы человеческой истории в самых различных сферах культуры происходит интенсивное обновление ценностей и жизненных смыслов, меняются и поведенческие предпочтения и установки, информационная среда обитания. Выстраивание нового идеала будущего фиксируется через обновление ценностной системы. Трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание, которое зиждется на ценностях и жизненных смыслах и были сформированы в течение жизни, в культурной среде конкретного времени и эпохи не могут подвергнуться быстрым переменам. В.С. Стёпин видел этот процесс через постепенный переход к устойчивому развитию. «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [4, с. 10].

Важно проследить, где в современной культуре формируются духовные ориентиры. Такие точки роста становятся материалом для социологического анализа, который обеспечивает внедрение в культуру новых смыслов, определяет их соответствие культурному коду современного социума. Новое будущее укореняется в жизнь общества не за счет заимствования взятых откуда-то извне чужих идей, а именно за счет выработки и утверждения собственных, взращенных на национальной почве.

Сегодня человечество все еще не в состоянии найти ответы на многочисленные вызовы, которые ставит перед ним современное развитие. Симптомы глобального кризиса очевидны, когда «появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным культурным комплексом» [5, с. 8]. В такой ситуации важно «осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития» [6, с. 737].

В культуре кодируется исторический опыт цивилизационного развития человечества. Глобализация, информатизация, цифровизация современного общества актуализирует проблему феномена культурного кода и необходимость изучения его механизма работы и особенностей функционирования. Культура ассоциироваться со средой сохранения и возможной передачи культурного цивилизационного наследия. Хотя проблема существования культурного кода, как некой технологической системы, посредством которой передается и наследуется информация, отражающая традиции, ценности, исторический опыт предшествующих поколений по сей день остается не до конца проясненной. Понятие «код» и его производные, как и вся проблематика кодирования, ее теоретические и практические результаты, пока не получили должного внимания в отечественной философии и социальном знании.

Культурный код – это не механический аналог генетического кода. Здесь нет природой выстроенной четкой последовательности происходящих процессов, распределения ответственности за определенные участки духовного развития человека, возможности механического воспроизводства и повторения. Здесь не возможна и аналогично генной инженерии – социальная инженерия, когда путем хирургического вмешательства можно заменить поврежденное звено в генетическом коде на новое – здоровое и предотвратить возможность нежелательного развития. Усложнен и вопрос о выстраивании заданного будущего, контролируемого определенными структурами. Нельзя хирургически уберечь человека от вражды, зависти, ненависти или вакцинировать его от насилия, хамства, предательства.

По мнению В.А. Лекторского «…есть такие процессы, которыми управлять нельзя, потому что в принципе нельзя точно предсказать их ход. Такие процессы, как это сегодня

стало ясно, есть и в природе. Что же касается человека, то такие его определяющие особенности, как творчество, диалог, любовь, свободные поступки (на которых покоится нравственность), не могут управляться, ибо не могут контролироваться и прогнозироваться извне. Можно создавать более или менее благоприятные условия для развития науки или искусства, но управлять ими нельзя. Как нельзя управлять ценностями, которые человек принимает или нет, но действует в соответствии с которыми он только на основе внутренней свободы» [7, с. 339].

Почвой же, где «завязываются» точки роста будущего, где обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются, как раз и является культура. Преобразование базисных смыслов и соответственно изменение типа культуры всегда связаны с переломными этапами человеческой истории, ибо означают трансформацию не только образа будущего, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности, их ценностных ориентаций. В результате, когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность изменений и их содержание. Определяя потенциал культуры, мы по существу говорим и о масштабе возможных перемен, определяем направления и профиль идеала будущего. Нельзя сбрасывать со счетов, что современные технологии несут человеку и новые риски. Они открыли широкие возможности манипуляции с общественным сознанием, информационного насилия. На современном этапе на роль доминирующего сценария претендует сценарий, реализованный в потребительских обществах, который основан на идее роста потребления как условия экономического роста, включая в этот процесс научно-технологические революции, формирующие новые типы технологического уклада.

Ответом на новые риски должно выступать адекватное развитие национальной культуры, которая естественным образом находится в диалоге с мировой культурой, формирование новых жизненных смыслов и ценностей. «Надо искать точки роста новых ценностей внутри самой техногенной цивилизации. Я думаю, что именно это на сегодня – одна из главных задач философии» [6, с. 740]. «Будущее человечества не задано однозначно. Оно всегда многовариантно. От научной элиты и представителей культуры во многом зависит то, какой вариант станет реальностью <…> Будет ли это господство одной супердержавы или взаимодействие, основанное на взаимопонимании, учитывающее особенности традиций и культуры цивилизаций?» [8, с. 21]. И здесь речь идет о качественно новом состоянии.

Потенциал культуры во многом определяет будущее, обозначает профиль его идеала в сознании населения. Почвой же, где «завязываются» точки роста нового, где обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются концепты, является культура. Эти, зародившиеся в культуре новые жизненные смыслы и ценности, пройдя испытание практикой и став жизненным опытом, традицией фиксируются в культурно-генетическом коде, обеспечивающего новый идеал будущего.

Мир меняется, и ставит перед социологами задачу разработки новых концепций радикальной трансформации мировой политической и экономической системы исходя из четкого понимания того, что в XXI в. однополярный мир не является единственным сценарием будущего. Социологам предстоит разработать новые концептуальные подходы к изучению социальной структуры современного общества, трансформационных процессов в социуме и их влияния на развитие личности, особенности взаимодействия научно-технического и социального прогресса. Актуализируются исследования эффективности функционирования национального государства в постсоветских странах, роль религии, науки, идеологии, культуры в становлении национальной идентичности, изучает диалектику социально-политического, культурного функционирования молодой суверенной страны, какой является Республика Беларусь. Высокая миссия социологии состоит еще и в том, что эти дисциплины зачастую выполняет роль духовно-ценностного «поля» утверждения новой общегражданской культурной идентичности как духовного стержня народа. Они реализуют на практике функции социокультурной и гражданской консолидации общества, укрепления социальной и межнациональной солидарности, сохранения духовной общности и целостности социума,

становятся общей духовно-ценностной платформой для формирования образа будущего страны.

В центре внимания социологов находится тема осмысления процесса укоренения белорусской государственности, национальной идентичности, разработки отечественной модели социально-экономического развития. Здесь и проблема безопасности личности, общества и государства, развития политической системы страны. Порожденный научно-техническим прогрессом и новыми технологиями искусственный интеллект рождает фантазии насчет поражения человека разумного. Возникло целое междисциплинарное направление в науке и технологии по использованию искусственного интеллекта, созданию интеллектуальных машин и систем, которые могут выполнять творческие функции, близкие к мыслительным психологическим способностям человека. К сожалению, сфера когнитивных исследований, с которой связывают в настоящее время достижения научно-технического прогресса, не сопровождается должным нравственным прогрессом.

Прорыв к новому должен быть сопряжен с духовной революцией, с обновлением ценностных оснований цивилизационного прогресса, сохраняющих человечество. Поэтому в центр гуманитарного дискурса должны быть выдвинуты вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судьбы современной цивилизации и культуры, с возможными сценариями безопасного будущего человечества. Вместе с прогрессом в области искусственного интеллекта должна получить адекватное развитие вся система образования. При этом важно не только обозначить наше понимание будущего, охарактеризовать новые вызовы, но и оценить масштаб их возможных негативных последствий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стёпин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3. С. 6-11.

2. Горшков М.К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, библиографические откровения. Москва; Издательство «Весь мир», 2020. – 464 с.

3. Шавель С.А. Общественная миссия социологии. – Минск; Беларуская навука, 2010. – 404 с.

4. Стёпин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. – М., ИФ РАН, 1996. – 175 с.

5. Стёпин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3. С. 6-11.

6. Стёпин В.С. Человек. Деятельность. Культура. – СПб.: СПбГУП, 2019. – 800 с.

7. Лекторский В.А. Человек и культура. – СПб.: СПбГУП, 2018. – 640 с.

8. Абалкин Л.И. Поиск путей взаимопонимания цивилизаций / Л.И. Абалкин // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14-15 мая 2009 г. – СПб.: СПбГУП, 2009. – С. 20-21.

УДК 331:614.2

ДОСТУПНОСТЬ И КАЧЕСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Далилова С. М.
студент РЭУ им. Г. В. Плеханова в г. Ташкенте
г. Ташкент, Узбекистан

Здравоохранение является одним из ключевых факторов развития человеческого потенциала, поскольку состояние здоровья населения напрямую влияет на продолжительность жизни, трудоспособность и уровень благосостояния общества. Согласно концепции человеческого развития Программы развития ООН (ПРООН)[1], здоровье наряду с образованием и уровнем жизни составляет основу человеческого развития.

Под доступностью здравоохранения понимается возможность получения необходимой медицинской помощи всеми категориями населения независимо от места проживания, уровня дохода и социального статуса. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) рассматривает доступность как один из основных принципов всеобщего охвата услугами здравоохранения (Universal Health Coverage) [2], включающий географическую, финансовую и организационную доступность медицинской помощи. Качество здравоохранения представляет собой степень соответствия медицинской помощи современным стандартам, обеспечивающим достижение наилучших результатов для здоровья пациентов. Оно определяется эффективностью лечения, безопасностью медицинских услуг, профессионализмом медицинских работников и удовлетворённостью пациентов.

Доступность и качество медицинской помощи тесно взаимосвязаны. Даже высокий уровень медицинских технологий не обеспечивает улучшения здоровья населения при наличии барьеров в получении медицинской помощи. В то же время доступность услуг без соблюдения стандартов качества снижает эффективность лечения и профилактики заболеваний.

Современное здравоохранение сталкивается с рядом вызовов, оказывающих существенное влияние на доступность и качество медицинской помощи, а также на развитие человеческого потенциала. К числу наиболее значимых относятся неравенство доступа к медицинским услугам, кадровый дефицит, региональные различия и старение населения (см. табл.) [3, с. 207].

Таблица. Основные вызовы современного здравоохранения и их влияние на развитие человеческого потенциала

Вызов	**Проявление**	**Влияние на человеческий потенциал**
Неравенство доступа	Ограниченный доступ к медицинской помощи в сельских и удалённых районах	Рост заболеваемости и снижение продолжительности жизни
Кадровый дефицит	Недостаток врачей и среднего медицинского персонала	Снижение качества и доступности медицинских услуг
Региональные различия	Неравномерное развитие медицинской инфраструктуры	Неравные возможности получения медицинской помощи
Старение населения	Рост числа хронических заболеваний и потребности в длительном лечении	Увеличение нагрузки на систему здравоохранения

Для оценки доступности медицинской помощи на международном уровне широко используется индекс охвата основными услугами здравоохранения (Universal Health Coverage Service Coverage Index, UHC SCI), разработанный Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и Всемирным банком. Индекс отражает степень обеспеченности населения основными медицинскими услугами и рассчитывается по шкале от 0 до 100 баллов, где более высокие значения свидетельствуют о лучшей доступности системы здравоохранения. Сравнительная характеристика значений индекса для отдельных стран представлена на рисунке (рис.) [2].

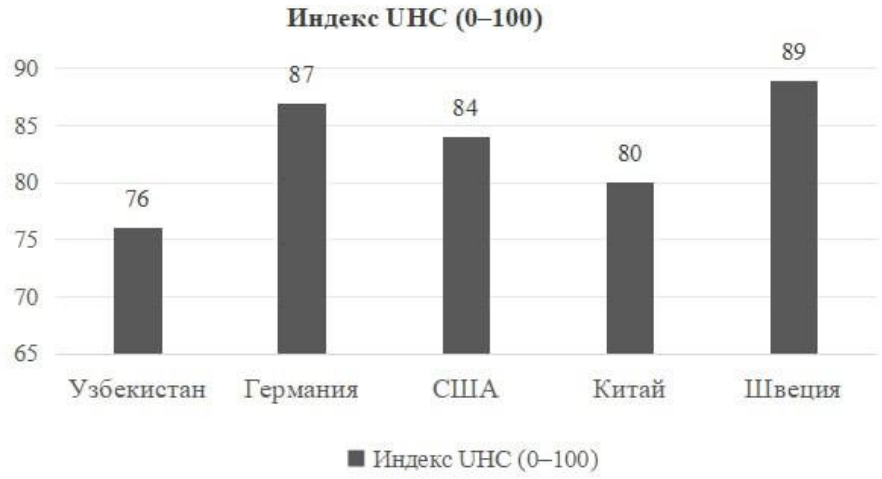

Рисунок. Индекс охвата основными услугами здравоохранения (UHC Service Coverage Index) в отдельных странах в 2023 г.

Данные рисунка свидетельствуют о том, что страны с развитой системой здравоохранения характеризуются более высокими значениями индекса UHC SCI. Разрыв между Узбекистаном и странами-лидерами составляет 11–13 баллов, что указывает на наличие потенциала для дальнейшего совершенствования системы здравоохранения.

В современных условиях цифровая трансформация является одним из ключевых направлений развития системы здравоохранения. Внедрение цифровых технологий способствует повышению доступности медицинской помощи, совершенствованию процессов диагностики и лечения, а также повышению эффективности управления медицинскими организациями.

Одним из наиболее значимых направлений цифровизации является внедрение электронных медицинских карт, телемедицины, систем дистанционного мониторинга пациентов и технологий искусственного интеллекта. Электронные медицинские карты обеспечивают быстрый доступ к информации о состоянии здоровья пациента и повышают качество взаимодействия между медицинскими организациями. Телемедицинские технологии позволяют получать консультации специалистов независимо от места проживания пациента, что особенно важно для сельских и отдалённых территорий.

Искусственный интеллект и технологии анализа больших данных находят всё более широкое применение при диагностике заболеваний, прогнозировании рисков и поддержке принятия врачебных решений. Их использование способствует повышению точности диагностики, сокращению времени обработки медицинской информации и более рациональному использованию ресурсов системы здравоохранения [4, с. 25].

Развитие цифровых технологий открывает новые возможности для повышения доступности и качества медицинской помощи, что оказывает положительное влияние на развитие человеческого потенциала. Внедрение электронных медицинских карт, телемедицинских сервисов, систем дистанционного мониторинга и технологий искусственного интеллекта способствует повышению эффективности оказания медицинской помощи, сокращению времени диагностики и расширению доступа населения к медицинским услугам.

Особое значение цифровизация приобретает для жителей сельских и отдалённых территорий, где использование телемедицины позволяет получать консультации квалифицированных специалистов без необходимости посещения крупных медицинских центров. Кроме того, цифровые решения обеспечивают непрерывное наблюдение за пациентами с хроническими заболеваниями, повышают качество профилактики и способствуют более рациональному использованию ресурсов здравоохранения.

Внедрение принципов «зеленой экономики» в индустрию здоровья напрямую трансформирует критерии качества и доступности медицинской помощи. Экологизация

сектора через цифровые платформы и технологии искусственного интеллекта позволяет преодолеть территориальные барьеры. Развитие телемедицины и удаленного скрининга обеспечивает доступность экспертной диагностики для жителей отдаленных регионов, одновременно снижая транспортную нагрузку и выбросы углекислого газа. При этом отказ от бумажного документооборота освобождает временной ресурс врача, переориентируя его на непосредственную работу с пациентом, что существенно повышает качество лечебно-диагностического процесса [5].

Развитие человеческого потенциала напрямую зависит от эффективности системы здравоохранения, обеспечивающей населению доступную и качественную медицинскую помощь. Современные цифровые технологии в сочетании с принципами «зелёной экономики» способствуют формированию более устойчивой, эффективной и ориентированной на человека системы здравоохранения, создавая условия для повышения качества жизни населения и достижения целей устойчивого развития. Дальнейшее внедрение инновационных решений, развитие цифровой инфраструктуры и экологически ответственный подход к организации медицинской помощи будут способствовать укреплению общественного здоровья, повышению эффективности функционирования системы здравоохранения и развитию человеческого потенциала в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. United Nations Development Programme. Human Development Report. – URL: https://hdr.undp.org (дата обращения: 28.07.2026).

2. World Health Organization. Universal Health Coverage (UHC). – URL: https://www.who.int/health-topics/universal-health-coverage (дата обращения: 29.07.2026).

3. Андрей, В. М. Региональные проблемы развития здравоохранения / В. М. Андрей, Д. Э. Нодари // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 4. – С. 207–217.

4. Сыздыков, Ж. К. Цифровизация в здравоохранении / Ж. К. Сыздыков // Вестник науки и творчества. – 2024. – № 2 (93). – С. 24–26.

5. Апсилям, Н. М. Взаимосвязь зеленой экономики и здравоохранения: обзор современных подходов и технологий / Н. М. Апсилям. – 2023. – № 3. – С. 103–107.

УДК 316.4

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: МЕХАНИЗМЫ И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ РАБОТНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Денискина А. И.
научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Цифровизация производственных процессов, сервисов и коммуникативных практик на рабочих местах оказывает системное влияние на структуру рынка труда, трансформируя содержание трудовой деятельности, востребованные компетенции, профессиональные роли и стратегии поведения работников. Необратимость данного процесса обусловливает как положительные эффекты, связанные с ростом производительности труда, модернизацией рабочих мест и появлением новых профессиональных возможностей, так и социальные риски, среди которых нехватка компетентных кадров, неравномерность доступа к цифровым технологиям, необходимость постоянного обновления навыков и возможная профессиональная маргинализация работников, не успевающих адаптироваться к изменяющимся требованиям. В этих условиях профессиональная траектория работника все в большей степени определяется не только имеющейся квалификацией, но и способностью осваивать новые цифровые инструменты, адаптироваться и приобретать смежные компетенции. Готовность к обучению и переобучению становится стратегическим ресурсом

профессиональной устойчивости. Если ранее владение цифровыми технологиями было преимуществом, позволяющим претендовать на лучшие рабочие места, то в перспективе оно становится необходимым условием сохранения занятости при возможной модернизации рабочего места.

Эмпирическую основу анализа составляют результаты республиканских социологических исследований Института социологии НАН Беларуси, проведенных в 2021 и 2024 гг. Сопоставление данных позволяет оценить изменения степени цифровой включенности работников, их адаптационного потенциала и готовности к освоению новых профессиональных цифровых компетенций. В 2021 г. 12,9 % респондентов отмечали, что их рабочий процесс практически полностью построен на цифровых технологиях, в 2024 г. этот показатель увеличился до 19,0 %. Одновременно доля работников, чья деятельность не была связана с цифровыми технологиями, сократилась с 45,7 % до 28,5 %. В совокупности это свидетельствует о системном сдвиге в сторону цифровой интеграции и постепенном формировании минимального цифрового стандарта профессионального функционала.

Трансформация профессиональных траекторий при этом носит неоднородный характер. Скорость и глубина цифровой адаптации различаются в зависимости от возраста, уровня образования и типа населенного пункта. Наиболее динамичные изменения происходят среди работников в возрасте от 30 до 49 лет: доля тех, чей трудовой процесс полностью основан на цифровых технологиях, увеличилась с 13,4 % до 23,4 %, а доля работников, занятых в нецифровой среде, сократилась с 46,7 % до 24,0 %. Данная группа занимает ключевые позиции в производственных, административных и управленческих структурах, поэтому ее способность адаптироваться к технологическим изменениям приобретает особое значение. Вместе с тем для работников 50 лет и старше интеграция цифровых программ и оборудования в их профессиональную деятельность остается менее интенсивной: доля полностью цифровизированного труда выросла лишь с 6,5 % до 10,7 %, а доля нецифрового труда, несмотря на снижение, остается самой высокой среди возрастных групп: 38,4 % в 2024 г.

Значимым фактором трансформации профессиональных траекторий и интенсивности адаптации к технологическим изменениям выступает уровень образования. Наиболее высокий уровень включенности в профессиональные цифровые практики демонстрируют работники с высшим образованием: в 2024 г. 32,5 % из них работали в условиях практически полной цифровизации, а 43,0 % использовали цифровые технологии как вспомогательный инструмент. Одновременно цифровизация распространяется на все образовательные слои, формируя необходимость приобретения актуальных компетенций независимо от уровня образования.

Важнейшим механизмом адаптации выступает реальное взаимодействие работника с цифровыми технологиями непосредственно в профессиональной среде. Сравнение данных 2021 и 2024 гг. демонстрирует устойчивую зависимость субъективной уверенности работников в способности быстро адаптироваться к изменениям от уровня доступа к цифровым технологиям на рабочем месте. Среди работников, чей труд практически полностью основан на цифровых технологиях, доля уверенных в своей способности быстро адаптироваться увеличилась с 91,8 % до 94,9 %. В группе со вспомогательным использованием цифровых технологий показатель составил 85,7 % и 86,7 % соответственно. Напротив, среди работников, чья деятельность не связана с цифровыми технологиями, уверенность значительно ниже: 46,9 % в 2021 г. и 52,4 % в 2024 г. Таким образом, регулярное взаимодействие с цифровыми инструментами формирует устойчивое ощущение готовности к профессиональным изменениям, в то время как отсутствие цифровой практики сохраняет риск профессиональной уязвимости.

Другим ключевым механизмом становится готовность работника к непрерывному обучению и переобучению. За исследуемый период наблюдается рост готовности к освоению новых цифровых технологий. Доля работников, планирующих осваивать новое цифровое профессиональное оборудование, программы и сервисы, среди мужчин увеличилась с 26,0 % до 42,6 %, среди женщин – с 24,5 % до 43,9 %. Особенно значителен рост среди молодежи до

30 лет – с 34,6 % до 62,2 %, а также среди работников с высшим образованием – с 40,7 % до 61,2 %. Одновременно сокращается доля тех, кто принципиально не планирует осваивать цифровые технологии. Это свидетельствует о смещении приоритетов: от настороженного отношения к технологическим изменениям к осознанной готовности инвестировать в профессиональные цифровые компетенции. Вместе с тем сохраняется группа работников, не включенная в процессы цифровой адаптации. Наиболее уязвимыми остаются работники старшего возраста, лица с базовым или средним общим образованием и часть работников сельской местности, что может привести к формированию устойчивого технологического разрыва.

Таким образом, трансформация профессиональных траекторий в условиях цифровизации представляет собой не единообразный переход работников к новым технологиям, а дифференцированный процесс, зависящий от уровня цифровой обеспеченности рабочего места, образования, возраста, территориальных условий и готовности к непрерывному обучению. Можно выделить несколько взаимосвязанных стратегий адаптации: проактивную, предполагающую опережающее освоение новых цифровых компетенций и использование технологий как ресурса профессионального и карьерного развития; адаптивную, ориентированную на последовательное освоение изменений по мере их внедрения на рабочем месте; и вынужденную, при которой обучение становится реакцией на изменение требований или угрозу потери профессиональных позиций.

Следовательно, повышение адаптивности рабочей силы в условиях цифровизации требует перехода от модели эпизодического повышения квалификации к модели непрерывного развития профессиональных цифровых компетенций с учетом не только технологического оснащения рабочих мест, но и готовности работников включаться в изменяющиеся профессиональные практики. Это позволит снизить вероятность социально-профессионального неравенства в условиях продолжающейся цифровой трансформации.

УДК 316.35:316.42

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЗИДАТЕЛЬНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ МОЛОДЕЖИ

Демидчик В. А.
старший преподаватель кафедры СГиИПД ИУК АУпПРБ
г. Минск, Беларусь

В последние годы в Беларуси заметно возрастает роль общественных объединений в процессах социализации молодежи и ее интеграции в общественную жизнь. Их функции, однако, не ограничиваются организацией свободного времени. С позиции социологии управления такие объединения правомерно рассматривать в качестве субъектов, влияющих на становление и реализацию созидательного потенциала молодых людей [1]. Под созидательным потенциалом в данном случае понимается система ценностных установок, компетенций, знаний и практик, благодаря которым молодой человек оказывается способен инициировать социально значимые преобразования. Непременным условием актуализации этого потенциала выступает социальная компетентность, включающая, согласно подходу Т. Н. Гущиной, когнитивный, коммуникативный, рефлексивный и деятельностный компоненты [2].

Институциональная природа общественных объединений определяет их как особую среду, в которой возможно управление развитием созидательного потенциала. Добровольный характер членства создает предпосылки для возникновения внутренней мотивации и формирования активной субъектной позиции [3]. Взаимодействие строится здесь преимущественно по модели «субъект-субъект»: подростки не просто участвуют в мероприятиях, но нередко сами выступают их инициаторами и организаторами. Большинство

программ реализуется с использованием методов неформального образования через молодежные проекты и инициативы [2].

В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об общественных объединениях» под общественным объединением понимается «добровольное объединение граждан, в установленном законодательством порядке объединившихся для совместного осуществления и удовлетворения социальных, экономических, культурных и иных интересов и достижения уставных целей» [4]. Отдельно закон выделяет молодежные общественные объединения, уставная деятельность которых направлена на обеспечение социального становления и всестороннего развития молодежи и отражает ее специфические интересы. Закон Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» закрепляет особый статус молодежи как социальной группы и предусматривает меры, направленные на ее поддержку [5]. Таким образом, общественные объединения рассматриваются не только как самостоятельные субъекты гражданской активности, но и как важные партнеры государства в реализации молодежной политики, через которые реализуются программы социального становления и развития молодых граждан.

Деятельность общественных организаций в сфере работы с молодежью характеризуется значительной вариативностью форм и результатов. Одни объединения ограничиваются просветительскими мероприятиями без постоянной обратной связи: информация транслируется, но изменения в поведении подростков не фиксируются. Другие делают ставку на массовые акции, однако не сопровождают их рефлексией – участник присутствует, но не осмысляет свою роль и последствия происходящего. Наиболее эффективными оказываются те общественные объединения, где внедряются методы неформального образования, проектные технологии, элементы самоуправления и инструменты оценки результата. В таких объединениях обеспечивается последовательное личностное развитие, которое является управляемым и осмысленным. Впрочем, нельзя исключать, что часть «слабых» практик может оказаться эффективной в специфических контекстах, и это требует отдельного эмпирического анализа.

Управленческий потенциал объединения раскрывается через ряд механизмов. Проектная деятельность вовлекает подростков в полный цикл – от постановки проблемы до оценки результата. Это, в свою очередь, укрепляет деятельностный компонент компетентности. Другой механизм – молодежное самоуправление, когда участники получают реальные полномочия и сами определяют содержание программ и распределение ролей. В таких условиях подростки не только становятся более самостоятельными, но и учатся рефлексии, сопоставляя личные интересы с общими целями и оценивая последствия своих решений для других [2].

Не менее важен и образовательный потенциал объединений. В отличие от школы, где знание часто дается в готовом виде, здесь оно осваивается через дискуссии, ролевые практики или решение задач. В итоге объединение становится пространством накопления социального опыта, доступного управленческому осмыслению и корректировке.

Вместе с тем практика свидетельствует о наличии разрыва между ценностными ориентациями современных подростков и институциональными формами, которые предлагают им некоторые организации. Исследования в области теории самодетерминации показывают, что для молодежи значимы автономия, горизонтальные коммуникации, признание индивидуального вклада, соучастие в принятии решений [3]. В объединениях же, где по-прежнему доминирует жесткая иерархия и формальные процедуры, а деятельность сводится к разовым акциям, подросток, как правило, оказывается в позиции пассивного исполнителя. Его инициатива не находит применения, опыт самостоятельного проектирования не формируется. В подобных условиях о раскрытии созидательного потенциала говорить не приходится.

Цифровая среда сегодня становится естественной средой обитания для большинства подростков. Мессенджеры, онлайн-платформы, игровые технологии – это не просто инструменты, а повседневная реальность, в которой молодые люди строят коммуникацию. И

если объединение игнорирует эти каналы, оно рискует остаться за пределами внимания своей целевой аудитории. Освоение цифровых форматов (онлайн-платформы, цифровые портфолио, игровые технологии) повышает вовлеченность участников и делает управленческие процессы более прозрачными. Вместе с тем, цифровые инструменты не способны подменить непосредственное межличностное общение – они выступают скорее дополнением к нему, нежели заменой.

Эффективность работы общественных объединений в значительной степени зависит от того, насколько развиты их партнерские связи с другими социальными институтами. Взаимодействие с учреждениями образования позволяет интегрировать неформальные форматы в учебный процесс. Сотрудничество с местными органами власти открывает возможности для масштабирования успешных практик и включения молодежных инициатив в повестку территориального развития. Партнерство с бизнес-структурами, в свою очередь, создает ресурсную базу. Однако ощутимый эффект возможен только в том случае, когда объединение обладает управленческим потенциалом и участвует в партнерских отношениях на равных.

Управленческие практики сегодня необходимо перестраивать: от жесткой вертикали – к диалогу, от воспитания «сверху» – к соавторству. И оценивать результаты тоже иначе. Не количество мероприятий, а то, что изменилось в самом подростке: его компетентность, инициативность, готовность действовать. Для этого необходимы инструменты, позволяющие отслеживать динамику: диагностика, мониторинг индивидуального прогресса и регулярная обратная связь. Для этого необходимы инструменты, которые позволят отслеживать динамику: диагностика, мониторинг индивидуального прогресса и регулярная обратная связь.

В качестве наиболее показательного примера реализации описанных механизмов можно привести деятельность белорусских клубов ЮНЕСКО. В их работе хорошо сочетаются ценности культуры мира, межкультурного диалога, добровольчества и неформального образования. Именно такая комбинация принципиально важна для формирования созидательного потенциала подростков- ценности здесь не декларируются, а проживаются через конкретные проекты. Участники проходят все этапы проектной работы: от зарождения идеи до практической реализации. Социальные акции, городские проекты, участие в международных конкурсах и коммуникация с зарубежными клубами – эти направления не существуют изолированно [6]. Они взаимодополняют друг друга и работают на развитие социальной компетентности, затрагивая ее когнитивные, коммуникативные и рефлексивные аспекты.

Из проведенного анализа вытекает практический ориентир для государственной молодежной политики: критерием дифференциации общественных объединений должен выступать не их тематический профиль, а уровень управленческого потенциала. Государственную поддержку в первую очередь заслуживают те объединения, которые не ограничиваются проведением мероприятий, а выстраивают среду для неформального образования, самоуправления и устойчивого гражданского участия. Именно такие организации становятся каналом, через который личная инициатива подростков переходит в социально значимые действия.

Потенциал белорусских общественных объединений в работе с молодежью сейчас можно оценивать как достаточно высокий. При этом важным является то, что результат зависит не от размеров организации, а от того, удаётся ли выстроить такую среду, где подросток чувствует себя полноценным участником. Ключевым здесь является переход от патерналистской модели управления к партнерской, где за молодыми людьми признается собственная позиция и право голоса. Когда это происходит, объединение перестает быть просто площадкой для мероприятий и реально начинает работать как институт формирования социальной компетентности и гражданской зрелости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лапина, С. В. Общественные организации в разработке и реализации стратегий социально-экономического развития / С. В. Лапина // Большая Евразия: национальные и цивилизационные

аспекты развития и сотрудничества : материалы пятой Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 23-24 нояб. 2022 г. : в 2 ч. / ИНИОН РАН; отв. ред. В. И. Герасимов. – М., 2023. – Ч. 1. – С.227–230.

2. Гущина, Т. Н. Развитие социальной компетентности студента педагогического колледжа / Т. Н. Гущина // Социальная компетентность личности: сб. науч. ст. / ЯГПУ им. К.Д. Ушинского ; под науч. ред. Т. Н. Гущиной. – Ярославль, 2020. – С. 111–117.

3. Ryan, R. M. An overview of self-determination theory: an organismic-dialectical perspective / R. M. Ryan, E. L. Deci // Handbook of self-determination research / ed.: E. L. Deci, R. M. Ryan. – Rochester : University of Rochester Press, 2002. – P. 3–33.

4. Об общественных объединениях : Закон Респ. Беларусь от 4 окт. 1994 г. № 3254-XII : с изм. и доп. от 16 марта 2026 г. № 134-З // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 05.07.2026).

5. Об основах государственной молодежной политики : Закон Респ. Беларусь от 7 дек. 2009 г. № 65-З : с изм. и доп. от 11 окт. 2024 г. № 36-З // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 05.07.2026).

6. Демидчик, В. А. Роль молодежных общественных организаций в формировании социальной компетентности подростков / В. А. Демидчик // Межкультурная коммуникация и традиционные ценности в образовательной среде Беларуси и России: сборник науч. трудов Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 31 марта 2022 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: С. В. Лапина [и др.]. – Мн., 2023. – С. 238–241.

УДК 314.7

АДАПТАЦИЯ В СРЕДЕ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Дерюгин П. П.
зав. кафедрой экономической социологии СПбГУ
доктор социологических наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Кузнецова О. В.
доцент-исследователь Балтийского федерального университета им. И. Канта
кандидат филологических наук, доцент
г. Калининград, Россия

Юй Ян
аспирант СПбГУ,
г. Санкт-Петербург, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

Вопрос адаптации к новой социальной реальности становится все более важным в обществе высокой мобильности [1]. Этот феномен особенно ярко проявляется в сфере образования [2, с. 325-349], требуя тщательного анализа стратегий, которые помогут учебному процессу приспособиться к новым условиям [3, с. 78–81].

Проблема заключается в недостаточной проработанности дифференцированных моделей адаптации в условиях общества дополнённой реальности, учитывающих кросс-культурные различия студентов. Существующие подходы зачастую опираются на усреднённые представления об адаптационном процессе и не отражают специфику стратегий, обусловленных ценностными ориентациями и особенностями взаимодействия с институциональными и сетевыми структурами. Традиционные универсальные модели не позволяют уловить эти различия, из-за чего меры поддержки студентов могут быть недостаточно адресными. Цель исследования – выявить и теоретически интерпретировать кросс-культурную специфику адаптационных стратегий российских и китайских студентов в

вузах Санкт-Петербурга с опорой на типологию ценностей П. А. Сорокина и концепцию «потоковых» стратегий Д. В. Иванова, а также обосновать необходимость дифференцированных подходов к сопровождению адаптации в условиях общества дополненной реальности. Основная гипотеза: кросс-культурная специфика адаптационных стратегий студентов обусловлена различиями в ценностных ориентациях и в приоритетах использования сетевых/институциональных ресурсов, что проявляется в доминировании разных типов адаптации у российских и китайских студентов.

В нашем исследовании приняли участие российские (n=184) и китайские (n=178) студенты, обучающиеся в университетах Санкт-Петербурга, 2026 г.) [4, с. 143–152]. (См. табл.). Методика исследования: Участникам были предложены 10 гипотетических сценариев адаптации в гибридном обществе. Они оценивали шесть стратегий поведения по пятибалльной шкале Лайкерта (где 1 соответствует пассивному отношению, а 5 – активному). Основное внимание уделялось готовности применять эти стратегии. Анализ данных включал вычисление средних значений и кластерный анализ для выявления типов адаптационного поведения, а также корреляционный анализ для исследования связи между адаптацией и инициативностью. Оценка основывалась не только на способности адаптироваться, но и на готовности активно или пассивно применять ту или иную стратегию. В ходе анализа данных рассчитывались средние арифметические значения для каждой стратегии, а также применялся кластерный анализ для выделения групп респондентов с похожими моделями адаптации и корреляционный анализ для изучения взаимосвязи между адаптивностью и уровнем инициативности.

Полученные эмпирические данные фиксируют принципиальные различия адаптационных практик в логике освоения среды дополненной реальности в среде студентов-мигрантов и принимающей стороны. Внутри этих кластеров раскрывается специфика конкретных типов адаптации, что позволяет соотнести эмпирику с теоретическими конструкциями – типологией ценностей П. А. Сорокина [5] и концепцией «потоковых» стратегий Д. В. Иванова [6].

Таблица. Типы адаптации российских и китайских студентов (в %)

Типы адаптации	**Диалоговая решётка**	**Конвенциальная адаптация**	**Резонансная адаптация**	**Реляционная адаптация**	**Модулированная адаптация**	**Сетепоточная адаптация**	**Биполярная**	**Смешанная**
Россияне	**Доминантные – 44.8**						**Интегрированные – 55.2**	
	11.4	**3.9**	**10.2**	**13.8**	**4.7**	**0.8**	**18.1**	**37.1**
Китайцы	**Доминантные – 62.0**						**Интегрированные – 38.2**	
	6.0	**4.9**	**5.1**	**4.8**	**4.2**	**37.0**	**11.4**	**26.8**

Ключевым аналитическим основанием выступает дихотомия «доминантные – интегрированные» стратегии. У китайских студентов преобладают доминантные (62,0 %), т.е., ориентация на какую-либо одну группу ценностей, у российских – интегрированные (55,2 %) стратегии, т.е. стратегии, объединяющие различные ценности и ориентации.

В целом, эмпирическая картина показывает особенности кластеров стратегий в пространстве дополненной современности: сетепоточная адаптация (взаимная дополненность сетей и потоков, в целом, – ориентация на виртуальное пространство), – 37,0 % у китайцев и всего 0,8 % у россиян – наиболее яркий контраст, позволяющий сделать вывод, что для китайских студентов сетевые *механизмы адаптации выступают главным ресурсом; смешанная стратегия адаптации* (различные комбинации стратегий адаптации) у российских студентов (37,1 %), – в чем отражается потенциал комбинирования разных тактик приспособления; *биполярная адаптация*, – у россиян (18,1 %), что может указывать на

склонность к чёткому разделению «своих/чужих», «формального/ неформального», «правильного/неправильного»; *конвенциальная адаптация* (конвенция – договоренность, дополнение институциональных ценностей сетевыми связями), – показатели невысоки в обеих группах (3,9 % у россиян, 4,9 % у китайцев), что свидетельствует о второстепенной роли «чистого» следования формальным процедурам; *реляционная адаптация* (реляция как «сообщение»), выше у россиян (13,8 % против 4,8 %), что может отражать большую значимость личных контактов, отношений и прямой коммуникации; *резонансная адаптация* (основанная на отклике), также выше у россиян (10,2 % против 5,1 %), что говорит о более выраженном эмоциональном отклике и необходимости подтверждения правильности своих действий среди различных групп окружающих; *модулированная адаптация* (освоение новой среды не «целиком», а по отдельным блокам – «модулям»), – показатели близки (4,7 % у россиян и 4,2 % у китайцев), т.е. – это поэтапное, «модульное» освоение среды – универсальная тактика, востребованная в обеих группах; *диалоговая решётка* (диалог в рамках институциональной структуры – решетки, институционально – интеракциональные ориентации), – 11,4 % у россиян и только 6,0 % у китайцев, что говорит о трудностях для китайских студентов выстраивать адаптацию в рамках взаимопонимания с формальными структурами.

Теоретическая интерпретация

В логике «потоковых» стратегий Д. В. Иванова, сетепоточная адаптация у китайских студентов, – прямое подтверждение значимости сетевых и потоковых механизмов. В типологии П. А. Сорокина (ценностные ориентации), контраст между группами можно интерпретировать через различные ценностные основания, в частности, российские студенты демонстрируют сочетание ценностей (смешанная стратегия) и одновременно потребность в чётких критериях и границах приспособления (биполярная стратегия), что соответствует рационально-чувственной ценностной модели.

Эмпирические результаты подтверждают теоретические выводы, значимые для социологии адаптации в обществе дополненной современности. Они доказывают:

– неоднородность адаптационного потенциала и важность отказа от «усреднённых» моделей и своевременность перехода к типологизации адаптационных профилей в условиях общества дополненной реальности;

– необходимость рассматривать «сетепоточный» подход как объяснительную модель и основной драйвер адаптации для определённы мигрантских групп;

– признание «смешанной» стратегии как самостоятельного типа адаптации;

– дифференциацию эмоциональных и инструментальных компонентов адаптации (эмоциональный отклик и подтверждение правильности действий как важные переменные, которые нельзя игнорировать при построении адаптационных моделей);

– актуальность межкультурного измерения адаптационных стратегий, важность разработки кросс–культурных моделей адаптации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Урри, Дж. Мобильность / Дж. Урри // Праксис, 2012. – 501 С.

2. Козырева, П. М. Психологические аспекты социальной адаптации / П. М. Козырева, А. И. Смирнов // Россия реформирующаяся. – 2023. – № 21. – С. 325-349.

3. Нагибова, О. В. Социальная адаптация иностранных студентов к обучению в высших учебных заведениях Республики Беларусь // Социокультурная среда: системная организация, антропологическое измерение, пограничная специфика: материалы международной заочной научно-практической конференции (Витебск, 16 ноября 2018 г.). – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 78–81.

5. Дерюгин, П. П. Трансформации стратегий социальной мобильности ИТ-специалистов в условиях дополненной социальности / П. П. Дерюгин, С. Д. Куражев, А. В. Бакулин, Я. Юй // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2026. № 91. С. 143–152.

6. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб., 2000. – С. 80.

7. Иванов Д. В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 2. Теории и методы для дополненной социальной реальности // Социологические исследования. 2024. – № 7. – С. 23–36.

УДК 657.6

КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: БЕЗОПАСНОСТЬ И ОСНОВА ЗАЩИТЫ

Евмененко А. А.
студентка Белорусского государственного университета транспорта
г. Гомель, Беларусь

Кравченко А. В.
старший преподаватель кафедры учетные системы и технологии бизнес-менеджмента Белорусского государственного университета транспорта
г. Гомель, Беларусь

В условиях глобальной экономической нестабильности, трансформации производственно-логистических цепочек и усиления внешнего давления обеспечение экономической безопасности становится приоритетом государственной политики. В этом контексте контрольно-надзорная деятельность (КНД) выступает не просто административной функцией, а системным инструментом минимизации рисков, защиты законных интересов государства, бизнеса и общества. Для Республики Беларусь, интегрированной в евразийское экономическое пространство и ориентированной на технологическую модернизацию, вопрос баланса между контролем и развитием приобретает особую остроту. Избыточное регулирование способно тормозить инвестиционную активность, тогда как ослабление надзора создаёт условия для теневизации экономики, уклонения от налогов и недобросовестной конкуренции. Цель данной статьи – проанализировать роль КНД в обеспечении экономической безопасности Республики Беларусь, оценить её эффективность через призму институциональных преобразований, выявить формирующийся социальный запрос и обозначить векторы дальнейшей оптимизации контрольно-надзорной системы.

Контрольно-надзорная деятельность в научной литературе определяется как совокупность действий уполномоченных государственных органов, направленных на предупреждение, выявление и пресечение нарушений законодательства, а также на восстановление нарушенных прав и законных интересов. В макроэкономическом измерении КНД служит механизмом обеспечения экономической безопасности, под которой понимается способность национальной экономики устойчиво функционировать, противостоять внутренним и внешним угрозам, сохранять суверенитет в принятии экономических решений и обеспечивать достойный уровень жизни населения.

Важным этапом институционального развития КНД в Республике Беларусь стал Указ Президента Республики Беларусь от 16 марта 2023 г. № 227 «О совершенствовании контрольно-надзорной деятельности». Основная цель документа – последовательный переход от преимущественно карательной модели к риск-ориентированной и превентивной системе, снижение административной нагрузки на добросовестный бизнес при безусловном сохранении защитной функции государства в сферах, критически значимых для экономической безопасности. Указом введён ряд системных новаций: расширение моратория на плановые проверки для субъектов малого и среднего предпринимательства, обязательный межведомственный обмен данными в электронном виде, внедрение принципа «одного контроля», а также повышение роли профилактических мероприятий (консультации, мониторинги без вмешательства в деятельность). По состоянию на 2026 год основные положения Указа № 227 сохраняют своё действие; при этом продолжается практическая настройка риск-профилей, донастройка цифровых платформ и уточнение критериев отнесения

объектов контроля к категориям риска с целью дальнейшего снижения избыточной проверочной нагрузки.

Социальный запрос в данной сфере формируется ожиданиями трёх ключевых групп: бизнеса, граждан и государства. Бизнес ожидает предсказуемости, соразмерности вмешательства, прозрачности процедур и возможности диалога с контролирующими органами. Граждане заинтересованы в защите потребительских прав, экологической и социальной безопасности, честной конкуренции и доступности качественных товаров и услуг. Государство, в свою очередь, стремится к устойчивому росту налоговых поступлений, снижению коррупционных рисков, повышению инвестиционной привлекательности и укреплению институционального доверия. Сбалансированная КНД должна отвечать этим запросам одновременно, выступая не барьером, а инфраструктурой экономического развития.

В Республике Беларусь система КНД исторически характеризовалась высокой централизацией и многоуровневостью. Ключевыми субъектами выступают Комитет государственного контроля (КГК) и его территориальные органы, Министерство по налогам и сборам, Министерство антимонопольного регулирования и торговли, отраслевые министерства, а также органы местного управления. Правовую основу составляют Закон Республики Беларусь «О государственном контроле (надзоре)», Декреты и Указы Президента, регулирующие порядок проведения проверок, а также нормативные акты в сферах налогообложения, таможенного регулирования, защиты конкуренции, технического регулирования и экологии.

С начала 2020-х годов в стране запущен комплексный этап реформирования КНД, ориентированный на переход от карательной к превентивной модели. Среди ключевых нововведений:

– внедрение риск–ориентированного подхода, при котором частота и глубина проверок зависят от уровня потенциального ущерба экономической безопасности;

– введение мораториев на плановые проверки субъектов малого и среднего предпринимательства, за исключением сфер с высокими рисками (безопасность продукции, охрана труда, экология);

– создание единого реестра контрольных мероприятий и цифровых платформ для взаимодействия бизнеса с контролирующими органами;

– реализация принципа «одного контроля» и межведомственной координации для исключения дублирования проверок;

– развитие института предупредительных мероприятий: консультаций, информационных писем, «контрольных закупок» и самообследований.

Данные шаги соответствуют общемировым трендам (OECD Regulatory Policy, EAEU harmonization standards) и направлены на снижение транзакционных издержек бизнеса при сохранении защитной функции государства. Однако институциональная трансформация сталкивается с объективными ограничениями: наследием командно-административной культуры, фрагментарностью информационных систем, неравномерностью кадрового потенциала на региональном уровне и консерватизмом в применении новых инструментов.

Анализ открытых данных и экспертных оценок позволяет выделить несколько позитивных тенденций в эффективности КНД в Беларуси. Во-первых, сократилось количество внеплановых проверок, что снизило давление на добросовестный бизнес. Во-вторых, цифровизация процедур (электронные уведомления, онлайн-кабинеты контролируемых лиц, автоматизированные алгоритмы отбора объектов) минимизировала субъективный фактор и снизила коррупционные риски. В-третьих, внедрение риск-матриц позволило сконцентрировать ресурсы на объектах с высокой вероятностью нарушений в сферах, критичных для экономической безопасности: таможенное оформление, налоговые схемы, безопасность пищевой и строительной продукции, легализация доходов.

Тем не менее, в процессе реализации новых подходов сохраняются отдельные аспекты, требующие дальнейшего совершенствования. В ряде случаев контролирующими органами ещё используются показатели эффективности, ориентированные преимущественно на

«выявленность» нарушений, тогда как приоритетом современной парадигмы является их предупреждение. На практике это может проявляться в формализации отдельных проверочных процедур, недостаточной адаптации рекомендаций к отраслевой специфике, а также в неполной синхронизации информационных систем различных ведомств (налоговых, таможенных, статистических, отраслевых реестров), что ограничивает точность риск-профилирования. Указанные вопросы находятся в фокусе внимания государственных органов, и их последовательное решение предусмотрено текущей повесткой реформирования КНД.

Социальный запрос к контрольно-надзорной деятельности в Республике Беларусь трансформируется вместе с развитием рыночных институтов и цифровой культуры. Бизнес-сообщество, особенно в сегменте инновационных стартапов, ИТ-сектора и экспортноориентированных производств, формулирует чёткие требования: предсказуемость правил, соразмерность санкций, право на досудебное обжалование, возможность получения разъяснений до начала деятельности, прозрачность критериев отбора для проверок. Предприниматели ожидают, что контроль будет не только фиксировать ошибки, но и помогать их устранять через консультационное сопровождение и «мягкие» меры воздействия.

Важным элементом социального запроса является доверие. Исторически в постсоветском пространстве контроль ассоциировался с наказанием, а не с поддержкой. Преодоление этого стереотипа требует системной коммуникационной политики: участия представителей бизнеса и НКО в рабочих группах по разработке нормативных актов, проведения общественных слушаний, создания независимых оценочных механизмов. Социальный запрос сегодня – это не требование ослабить контроль, а требование сделать его умным, справедливым и ориентированным на развитие. Государство, отвечающее на этот запрос, получает не только лояльность бизнеса, но и повышение собираемости налогов, рост инвестиций и укрепление институциональной устойчивости.

Несмотря на прогресс, система КНД в Беларуси сталкивается с рядом структурных и культурных проблем. Во-первых, сохраняется нормативная перегруженность: требования различных ведомств часто пересекаются, что создаёт правовую неопределённость для субъектов хозяйствования. Во-вторых, кадровый потенциал контрольных органов не всегда соответствует задачам цифровой трансформации: нехватка специалистов по анализу данных, риск-моделированию, отраслевой экспертизе ограничивает качество превентивной работы. В-третьих, отсутствует единая методология оценки эффективности КНД, привязанная к целям экономической безопасности. В-четвёртых, культура контроля остаётся реактивной: органы чаще реагируют на уже совершённые нарушения, чем выстраивают долгосрочные программы compliance-поддержки.

Векторы оптимизации должны быть системными и многоуровневыми:

1. Полноценное внедрение риск-ориентированной модели с использованием ИИ и больших данных для динамического профилирования объектов, автоматического обновления матриц рисков и исключения ручного субъективизма.

2. Создание единой цифровой экосистемы КНД, объединяющей налоговые, таможенные, статистические, отраслевые и судебные реестры, с обеспечением сквозной аналитики и межведомственного взаимодействия в реальном времени.

3. Переход к модели «контроль как услуга»: развитие институтов compliance-консультаций, пилотных режимов, предупреждений вместо штрафов за первые незначительные нарушения, «зелёных коридоров» для благонадёжных предприятий.

4. Реформирование системы KPI: замена показателей «количество проверок/штрафов» на метрики влияния: уровень добровольного соблюдения требований, снижение административных издержек бизнеса, рост инвестиций, сокращение доли теневой экономики.

5. Внедрение механизмов общественного контроля и независимой оценки: публикация открытых данных о результатах КНД, создание экспертных советов с участием бизнеса, академического сообщества и НКО, регулярный аудит эффективности контрольных органов.

6. Гармонизация с международными стандартами в рамках ЕАЭС и двусторонних соглашений, упрощение процедур для экспортёров, взаимное признание сертификатов и результатов проверок.

Реализация этих векторов требует не только технологических инвестиций, но и изменения управленческой культуры: от менталитета «контролёр-проверяющий» к менталитету «партнёр-фасилитатор». Это возможно через систему непрерывного обучения сотрудников, ротацию кадров, внедрение этических кодексов и прозрачных процедур назначения руководителей контрольных подразделений.

Контрольно-надзорная деятельность в Республике Беларусь прошла значительный путь трансформации: от жёсткой административной модели к более гибкой, цифровой и превентивной системе. Её роль как инструмента обеспечения экономической безопасности остаётся фундаментальной, однако эффективность этой функции зависит не от масштаба вмешательства, а от его точности, справедливости и ориентированности на развитие. Социальный запрос бизнеса и общества чётко сформулирован: контроль должен быть предсказуемым, прозрачным, соразмерным и поддерживающим добросовестных участников рынка.

Будущее КНД в Беларуси связано с углублением цифровой трансформации, внедрением аналитических моделей на базе искусственного интеллекта, реформированием оценочных метрик и формированием культуры диалога между государством и бизнесом. Только баланс между защитой экономических интересов и созданием благоприятной среды для предпринимательства позволит контрольно-надзорной системе стать не барьером, а катализатором устойчивого роста. В условиях глобальных вызовов экономическая безопасность обеспечивается не усилением контроля ради контроля, а повышением его интеллектуальной и социальной зрелости. Республика Беларусь, обладающая развитым институциональным базисом и опытом реформирования, имеет все основания сделать свою КНД образцом эффективного, современного и социально ориентированного государственного управления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О совершенствовании контрольно-надзорной деятельности : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 марта 2023 г., № 227 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2025.

2. Петров, В. И. Контрольно-надзорная деятельность в системе обеспечения экономической безопасности государства / В. И. Петров // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3: Эканоміка. Права. – Мн., 2023. – № 4. – С. 45–52.

3. Сидоренко, А. М. Риск-ориентированный подход в государственном контроле: теория и практика / А. М. Сидоренко // Права і эканоміка. – 2024. – № 2. – С. 78–85.

УДК 316.48

ШМИТТЕАНСКАЯ ТРАКТОВКА ПОЛИТИЧЕСКОГО И РИСКИ КОНФРОНТАЦИОННОГО ПОПУЛИЗМА

Екадумов А. И.
доцент кафедры философии и методологии БГУ
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Процессы глобальной политико-экономической и технологической трансформации инициировали упадок социального статуса среднего класса, стабилизировавшего политическую систему позднеиндустриального общества, что сформировало запрос на популистскую политику [1]. Последняя сопряжена с возрастанием рискогенности глобальной социодинамики. Независимо от идеологической ориентации, популистская риторика в той или

иной мере востребует идеологемы конфронтации, размежевания, игнорирования и несоблюдения чьих-либо интересов в интересах политических сторонников. Подобный тип популизма в его акцентированной версии может быть охарактеризован как конфронтационный. Даже не апеллируя к прямому насилию, он, тем не менее, содействует возрастанию его вероятности. Анализ данного аспекта агрессивного популизма призван выявить связанные с ним риски.

Если на глобальном уровне мировой политики откровенно ксенофобские политические стратегии, за исключением реализующих вооружённое насилие, сдерживаются и компенсируются сложной сетью отношений взаимозависимости транснациональных акторов, то на государственно-национальном и субнациональном уровне конфронтационный популизм способен обрести значительное влияние. В предельном выражении конфронтационная популистская риторика консолидирует группы соответственно бескомпромиссному противопоставлению «свой-чужой», что релевантно изложенной К. Шмиттом концепции политической консолидации как феномена сплочения в противостоянии экзистенциальному врагу [2]. Модель политической консолидации, представленная учением К. Шмитта, успешно реализуемая на практике и приносящая выгоды конкретным акторам, в стратегической перспективе генерирует долго- и среднесрочные риски во всех сферах общественной жизни.

Смещение фокуса с актуальных проблем благосостояния на приоритет защиты «своих» от «чужих», как инициаторов проблем, в мягком варианте маргинализуемых оппонентов, в предельном – смертельных врагов, снимает с популистского политикума ответственность за результативность политики ради благосостояния, не увязанной с преодолением вреда, наносимого антагонистом. Ответственность за издержки и последствия действий переносится на внешнюю силу, разделяется с враждебным актором, а позитивная цель обеспечения благ переподчиняется первостепенной задаче ликвидировать угрозы.

Политическая программа, эксплуатирующая страх перед возможным ущербом достигнутому или ожидаемому благополучию, соответствует духовной атмосфере общества позднего модерна, охарактеризованного У. Беком как «общество риска». [3] В ситуации вытеснения позитивной повестки улучшения жизни негативной повесткой предотвращения катастроф антиуниверсалистские, контрпросвещенческие идеологемы оборонительно-агрессивного популизма обретают благоприятный социокультурный контекст, смещая полюс консолидации от общности надежды к разделяемым страхам.

Идея солидаризации из страха характерна для новоевропейской политической мысли, ассоциируемой с учением Т. Гоббса [4]. Но именно шмиттеанская парадигма политической консолидации реализуется конфронтационным популизмом. В гоббсианской и шмиттеанской трактовках достижение политической консолидации мотивом лояльности общим правилам в ущерб личному произволу выступает страх перед угрозой, исходящей от самовластного Другого. Но для гоббсианской концепции солидарности организующим принципом является индивидуализм. Тогда как принцип шмиттеанской концепции политической консолидации – вынужденный коллективизм группы, возникающий не из войны всех против всех, но из общности внешней угрозы, формирующей из атомарных (гоббсианских) субъектов политическое единство, отражающее внешнего врага.

Согласно гоббсианской парадигме атомарному эгоистичному индивиду чужды и враждебны все. Поэтому своя политическая общность есть не более чем ситуативный союз ради корыстных интересов. В шмиттеанской парадигме отношения свой-чужой константы перед лицом бескомпромиссной внешней угрозы, что позволяет игнорировать как общность интересов и сходства своих с чужими, так и перспективы интеграции и ассимиляции, нивелирующей дихотомию экзистенциального союзника и экзистенциального врага.

В учении Т. Гоббса война всех против всех бессрочно замораживается угрозой государственного насилия, одинаково актуальной для всех атомарных индивидов, принявших политическое состояние взамен естественного. Согласно шмиттеанской парадигме гоббсианское государство, как внешний атомарным индивидам и равноудаленный от

персонального произвола гарант отказа от насилия, оказывается инструментом насилия и защиты одних сообществ относительно других. Масштабируя вражду не эгоистичными индивидами, а сплоченными антагонистичными группами, К. Шмидт наполняет понятие политической консолидации содержанием, отличным как от гоббсианского, так и от аристотелевского его понимания.

В аристотелевой трактовке феномен политической консолидации представлен совокупностью факторов объединения и общения людей по природе и ради благой жизни, [5] т. е. в соответствии с позитивной целью достижения блага. В интерпретации К. Шмитта политическое сплочение становится средством, чьей позитивной целью выступает совместное выживание в борьбе. Эта цель, в свою очередь, определяет первоочередную негативную задачу политического объединения как нейтрализацию угрозы, исходящей от экзистенциального врага.

Именно шмиттеанская концепция политического единства, умышленно или стихийно, проводится популистский риторикой вражды и обороны, поощряя в обществе не индивидуалистический эгоизм, но провоцируя формирование враждебных консолидированных групп, взаимно исключаемых из политического диалога и равноправного обращения к политико-правовым средствам разрешения конфликтов, что увеличивает риски прямого насилия. Тем самым мотивы негативистской консолидации, вытесняя из повестки идеал лучшего будущего и выражаясь в действиях, способствуют сужению пространства политического как пространства консенсуса и компромисса, предотвращающих эскалацию насилия.

Политика, основанная на идее экзистенциальной вражды, в результате, производит ситуацию, изначально провозглашенную в качестве легитимирующего основания: наличие экзистенциальной угрозы извне политического сообщества, угрозы, исходящей от чужаков, исторгаемых за пределы политико-правового отношения.

Если шмиттеанская парадигма осмысления политической консолидации предполагает консолидацию благодаря наличию экзистенциального врага, то альтернативой выступает обратная трактовка: политическая консолидация связана с интеграцией и инклюзией, изживанием вражды и деэскалацией насилия даже при несовместимых интересах. Подробно такую, радикально атишмиттеанскую интерпретацию политического, как не осуществления, но преодоления экзистенциальной вражды, соотносимую аристотелевскому подходу, хотя и не оппонируя К. Шмитту непосредственно, проводит Н. Лоро, исследуя феномен амнистии и замирения по итогам гражданской войны в Афинах. [6]

В контексте исследования Н. Лоро, феномен политической консолидации развивается не из экзистенциальной вражды групп, а, напротив, из ее преодоления невооруженными средствами. Политика предполагает изживание образа экзистенциального врага в практиках ненасильственной конкуренции и солидарности. Обращение к образу врага, напротив, предполагает сужение политической сферы компромиссов и договоренностей за счет исключения оппонента из диалога и обращения к прямому насилию, без обязательств и самоограничений.

Шмиттеанская парадигма политической консолидации не может быть отброшена как неадекватная, но она репрезентирует ее как частный случай – перед лицом действительного экзистенциального врага. Она утверждается в ситуации, когда оппонент сам осуществляет шмиттеанский принцип экзистенциальной борьбы, стремясь к тотальному уничтожению политического противника, навязывая выбор между смертью или победой. Но в случае, когда оппонент следует гоббсианской, тем более аристотелевской парадигме политического, последовательный конфронтационный популизм создает ситуацию самосбывающегося пророчества. Политический конфликт перерастает в антагонистический. Следование шмиттеанской парадигме производит из оппонента того самого экзистенциального врага, обреченного на тотальную вражду ради выживания, поскольку его существование становится несовместимо с целями антагониста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фукуяма. Ф. Будущее истории: сможет ли либеральная демократия пережить упадок среднего класса? // Гуманитарный портал. – URL: https://gtmarket.ru/library/articles/6105. (дата обращения: 16.07.2026).

2. Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 37–67.

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция. – 2000. – 384 с.

4. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс, – М. : Мысль, 2001. – 487 с.

5. Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения в четырех томах. Т. 4. – М. : Мысль, 1983. –С. 375–644.

6. Лоро Н. Разделенный город. Забвение в памяти Афин / Н. Лоро. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – 360 с.

УДК 316.77

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ МЕЖСТРАНОВЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПОДХОДАХ К РЕГУЛИРОВАНИЮ АЛГОРИТМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Екадумова И. И.
доцент кафедры социальной коммуникации БГУ
кандидат политических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Современные тенденции развития технологий интернет-коммуникации представляют собой не только следствие решений и действий технических специалистов и политических акторов, но также и результат воздействия определенных социокультурных условий. Трансформация механизмов и институтов управления интернетом происходит во многом под влиянием коллективных представлений о технологиях цифровой коммуникации. Усиление соперничества за власть и влияние в мировой политике повлияло на облик и социальные функции интернета. Из единой глобальной коммуникационной инфраструктуры («всемирной паутины») интернет превращается в фрагментирующееся пространство, которое, подобно суше, территориальным водам и воздушному пространству, все больше оказывается подконтрольным государственным акторам, которые в целях защиты цифрового суверенитета развивают инфраструктуру, усиливают контроль над данными и цифровыми платформами, прибегают к импортозамещению, выстраивают и защищают критическую цифровую инфраструктуру. Все это происходит на фоне продолжающейся цифровой трансформации, которая, начавшись в бизнесе, была подхвачена правительствами и сегодня все более определяется тем, как они понимают национальные интересы в области развития информационно-коммуникационных технологий.

Хотя ведущие мировые игроки в области развития и регулирования технологий интернет-коммуникации (ЕС, США и Китай) схожи в стремлении укреплять свой цифровой суверенитет, стратегии цифрового развития у них различны. Это отчасти объясняется социокультурными факторами. Социокультурная природа современной интернет-коммуникации проявляется в том, что социальные взаимодействия опосредованы алгоритмическими системами. С одной стороны, алгоритмы представляют собой инструкции и процедуры, направляющие вычислительный процесс от вариативных исходных данных к некоторому результату [1]. В этом смысле алгоритмы являются сугубо техническим явлением, работающим по законам логики и математики. С другой стороны, повсеместное внедрение алгоритмических решений в системы социальной коммуникации уже привело к встраиванию их практически в любые социокультурные процессы. Растущая сложность и непрозрачность алгоритмических систем, используемых в современной интернет-коммуникации, предопределяет значимость того, как регуляторы понимают устройство цифровой среды. Коллективные представления о роли алгоритмических систем в интернет-коммуникации

формируют социально приемлемые способы ее регулирования, закрепляемые в нормах, в том числе правовых. Поэтому межстрановые различия в регулировании алгоритмических систем отражают социокультурные особенности понимания их природы и потенциального влияния на перспективы общественного развития.

*Европейская модель регулирования*обнаруживает представления об алгоритмах как потенциальных инструментах манипуляций и признание необходимости их нейтрализации таким образом, чтобы обеспечить базовые права личности в цифровой сфере, такие как право на неприкосновенность частной жизни, право на защиту персональных данных и свободу выражения мнений. Этим можно объяснить, в частности, предусмотренный статьей 5 Регламента Европейского союза об искусственном интеллекте (ИИ) запрет на ИИ-системы, которые используют техники ниже порога сознательного восприятия человека, а также техники, которые намеренно используют или эксплуатируют какие-либо уязвимости определенной группы лиц в силу их возраста, инвалидности или особого социального положения с целью существенного искажения их поведения [2]. Данную статью дополняют требования к прозрачности ИИ-систем из статьи 13 этого же Регламента, которая обязывает поставщиков высокорисковых ИИ-систем сопровождать их понятными, доступными инструкциями, включающими сведения о поставщике, назначении, метриках точности, устойчивости и кибербезопасности, известных рисках и ограничениях, данных и условиях обучения/тестирования и др. [3].

Американская модель регулирования отражает ценности индивидуализма и свободного рынка. Несмотря на растущий общественный скепсис в отношении общественной пользы бизнес-моделей крупнейших цифровых платформам («techlash»), проявившийся после череды скандалов середины 2010-х годов [4], американский подход к регулированию алгоритмических систем в целом продолжает соответствовать представлению об алгоритмах как о нейтральных инструментах расширения индивидуальных возможностей, требующих минимального государственного вмешательства. В исполнительном указе № 14179 «Об устранении барьеров на пути к лидерству США в области искусственного интеллекта» от 23 января 2025 г. сформулирована цель «разрабатывать системы ИИ, свободные от идеологической предвзятости» [5]. Эта формулировка переносит фокус проблемы со свойств алгоритмов на их искажение внешними факторами (данными, настройками, организационными практиками). Кроме того, амбициозный проект развития инфраструктуры искусственного интеллекта «Stargate» соответствует пониманию технологий как инструмента влияния и повышения престижа страны на мировой арене. Добровольная рамочная модель управления рисками, связанными с искусственным интеллектом, разработанная Национальным институтом стандартов и технологий США, представляет ИИ-риски как управляемые через добровольные корпоративные практики [6]. Такой подход выражает представления о способности рынка обеспечить саморегулирование алгоритмических систем при минимальной роли государства в социальном контроле технологий.

Китайская модель регулирования соответствует коллективистским принципам социальной организации и патернализму во взаимоотношениях государства и общества. Это проявляется в Положении об управлении алгоритмическими рекомендациями информационных услуг в сети Интернет, согласно которому поставщики услуг алгоритмических рекомендаций должны управлять пользовательскими моделями и метками, совершенствовать правила геолокации и рекомендаций «точек интереса» (POI); не заносить незаконные и нежелательные ключевые слова в POI и пользовательские теги. Кроме того, ст. 12 Положения обязывает поставщиков повышать прозрачность и интерпретируемость правил (поиск, сортировка, отбор, представление и отображение контента) во избежание неблагоприятного воздействия нежелательного контента на пользователей [8, с. 7]. Данные нормы отвечают пониманию алгоритмических систем как инструментов поддержания социальной гармонии, где персонализация призвана обеспечивать управляемость и предотвращать социальные риски. Соответствующие принципы реализуются через механизмы обеспечения прозрачности информационных потоков и подотчетности

технологических акторов государству как выразителю общественных интересов. Согласно правилам, вступившим в силу 1 сентября 2025 года, создатели ИИ-контента обязаны добавлять видимые пользователям метки (текст, звук, изображения) и скрытые метки в метаданные файлов, а платформы, распространяющие контент, при обнаружении или подозрении на его ИИ-происхождение, должны добавлять соответствующие предупреждения для пользователей.

Таким образом, правовые меры по регулированию алгоритмических систем отражают социокультурные характеристики различных обществ. Всем рассмотренным странам присущи нормы, выражающие представления об алгоритмических системах как о потенциальных угрозах социальной стабильности, требующих общественного надзора. Различия в их подходах к регулированию таких систем сопряжены с их социокультурными характеристиками. Дополняя институциональные особенности, исторический опыт взаимодействия государства и общества, а также практики социальных акторов, включая регуляторов, судей и конечных пользователей, социокультурные факторы регулирования алгоритмических систем формируют коллективные представления о технологиях. Сформировавшиеся сегодня подходы к регулированию алгоритмических систем цифровой коммуникации позволяют выявить различные модели регулирования алгоритмических систем. Такая дивергенция свидетельствует о тенденции к социокультурной фрагментации интернета. Это создает вызовы для международного сотрудничества, которое требует не только технической совместимости, но и взаимопонимания между представителями разных культур относительно дальнейшего конструирования алгоритмических систем. Признание значимости социокультурных факторов выбора определенных технологических решений представляется необходимым условием выработки совместимых механизмов цифрового регулирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Непейвода, Н.Н. Алгоритм / Н.Н. Непейвода / Институт Философии Российской Академии Наук. – URL: https://iphras.ru/page49106024.htm (дата обращения: 17.07.2026).

2. Article 5: Prohibited AI Practices // The EU Artificial Intelligence Act. Up-to-date developments and analyses of the EU AI Act. – URL: https://artificialintelligenceact.eu/article/5 (date of access: 17.07.2026).

3. Article 13: Transparency and Provision of Information to Deployers // The EU Artificial Intelligence Act. Up-to-date developments and analyses of the EU AI Act. – URL: https://artificialintelligenceact.eu/article/13 (date of access: 17.07.2026).

4. Weiss-Blatt, N. The Techlash and Tech Crisis Communication / N. Weiss-Blatt. – Emerald Publishing Limited, 2021. – 208 p.

5. Removing Barriers to American Leadership in Artificial Intelligence: Executive Order 14179 of January 23, 2025 // Federal Register. – 2025. – Vol. 90. – URL: https://www.federalregister.gov/documents/2025/01/31/2025-02172/removing-barriers-to-american-leadership-in-artificial-intelligence (date of access: 17.07.2026).

6. Василий Сеничев. NIST AI RMF 1.0 на русском: рамочная модель управления рисками ИИ-систем. // КиберОснова, 2026. – URL: https://sgrc.cyberosnova.ru/blog/nist-ai-rmf-na-russkom (дата обращения: 17.07.2026).

7. Харитонова, Ю. Рекомендательные системы: выработка правовых подходов в России и Китае / Ю. Харитонова, Т. Ян // Предпринимательское Право. – 2022. – № 2. – С. 50–58.

УДК 331.108:374:338.24(575.1)

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ УЗБЕКИСТАНА

Еникеева А. Г.
ст. преп. кафедры «Экономика труда и стратегический менеджмент»
Ташкентского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова
г. Ташкент, Республика Узбекистан

На современном этапе модернизационные процессы в Республике Узбекистан неразрывно связаны с полномасштабным переходом к инновационной и цифровой модели государственного хозяйства. Успешность претворения в жизнь ключевых национальных программ, среди которых особое место занимают Стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030» [1] и общестратегический вектор «Узбекистан – 2030», находится в прямой зависимости от качественных параметров, гибкости и масштабируемости отечественного кадрового потенциала. Интеграция ИТ-решений в базовые отрасли – от финансово-технологических систем до аграрного комплекса и государственного управления – влечет за собой коренную перестройку структуры спроса на рынке труда.

Руководитель государства Ш. М. Мирзиёев в рамках своих публичных выступлений регулярно фокусирует внимание на исключительной важности форсированного развития человеческого капитала в реалиях новой технологической эпохи: «Сегодня под влиянием новых технологий, цифровизации и искусственного интеллекта в мире резко меняются количество, форма и содержание рабочих мест… Теперь рынок труда нашей страны должен работать на основе принципиально новой архитектуры» [2].

Однако, стремительные темпы технологического обновления порождают очевидный дисбаланс между растущими запросами работодателей и реальными возможностями образовательной среды. Адекватный ответ на вызовы Четвертой промышленной революции не может быть ограничен локальными реформами вузовского сектора. Необходима глубокая реконфигурация всех без исключения ступеней воспроизводства трудовых ресурсов в рамках целостной концепции обучения на протяжении всей жизни (Lifelong Learning).

1. Вызовы в сфере подготовки кадров и архитектоника рынка труда. Текущие макроэкономические тренды в Узбекистане отражают устойчивый рост удельного веса ИТ-сектора в структуре валового внутреннего продукта. При этом экономике требуются кадры, гармонично сочетающие фундаментальные отраслевые компетенции (в сфере менеджмента, права или финансов) со сквозными цифровыми навыками (Hard Digital Skills), такими как управление базами данных, предиктивная аналитика и работа с ИИ-платформами.

В фундаментальных научных исследованиях академика Академии наук Республики Узбекистан К. Х. Абдурахманова аргументированно доказывается, что в условиях Четвертой промышленной революции классические образовательные паттерны полностью исчерпали себя: «Внедрение технологий искусственного интеллекта и сквозная автоматизация неизбежно изменяют относительный спрос на professions, трансформируя саму архитектонику рынка труда. Главной задачей высшей школы становится не пассивная передача фиксированного объема знаний, а формирование гибкого, адаптивного человеческого капитала» [4, с. 518]. Несмотря на то, что на начальных этапах автоматизация производственных процессов способна оказывать краткосрочное давление на занятость населения, в долгосрочной перспективе данный тренд закладывает прочный фундамент для модернизации рабочих мест и максимального раскрытия интеллектуального потенциала личности [5, с. 46]. Существенным барьером также признается феномен «пассивного человеческого капитала» [6], где молодые специалисты, обладая неплохой теоретической базой, не владеют прикладным индустриальным ПО, что ведет к их ускоренной

деквалификации. Преодоление этого разрыва требует кардинального пересмотра внутренней структуры образовательных стандартов.

2. Ранняя профориентация и когнитивное развитие дошкольников. Поскольку именно в раннем возрасте закладывается базис ключевых когнитивных качеств: системного, пространственного и алгоритмического мышления, творческого подхода к решению задач, а также элементарной цифровой гигиены, технологическая модернизация дошкольного образования приобретает в Новом Узбекистане характер стратегического фундамента. Ключевая задача здесь – трансформация деструктивного и хаотичного потребления контента («экранной зависимости») в контролируемый и полезный процесс умственного развития:

1. Методики «безэкранного» программирования. Развитие логики у детей 5–7 лет посредством специализированных игровых наборов (тактильные робототехнические конструкторы, программируемые модули), позволяющих освоить понятия «команда» и «алгоритм» через моторику.

2. Геймификация и интерактивное пространство. Насыщение детских садов умными интерактивными комплексами, проекционными стенами и сенсорными песочницами для активного формирования пространственного мышления и навыков взаимодействия.

3. Основы кибербезопасности: Внедрение в программы предшкольной подготовки доступных игровых сценариев, обучающих правилам безопасного поведения в сети и формирующих культуру разумного использования электронных устройств.

4. Повышение квалификации педагогов ДОО. Перестройка учебных планов профильных колледжей и институтов переподготовки для воспитателей.

5. Платформенные инструменты взаимодействия с семьей. Запуск специализированных цифровых экосистем, помогающих педагогам и родителям отслеживать ранние наклонности ребенка и выстраивать траекторию его будущей профориентации.

3. Модернизация среднего профессионального образования (СПО). Модернизация колледжей и техникумов должна опираться на следующие приоритеты:

– Масштабирование дуальных моделей обучения: Смещение акцента на практику, где до 60% учебного времени реализуется непосредственно на производственных площадках партнерских ИТ-компаний, финансовых институтов и индустриальных предприятий.

– Плотная интеграция профессиональных стандартов с ИТ-сферой: Совместная актуализация учебных программ экспертами ИТ-парка (IT Park) для оперативного реагирования на появление новых востребованных технологических стеков.

4. Механизмы реформирования высшей школы и модель «Вуз – Индустрия». Качественная перестройка университетского образования должна осуществляться по трем магистральным направлениям:

1. Сквозная технологизация академических программ: Интеграция во все экономические, финансовые и гуманитарные направления обязательных курсов по интеллектуальному анализу данных (Data Science), программированию на языках Python и R, а также предиктивному моделированию экономических процессов.

2. Внедрение концепции микроквалификаций (Micro-credentials). Студенты должны иметь возможность параллельно проходить независимую сертификацию от крупнейших технологических вендоров и финтех-платформ.

3. Развитие гибридных моделей (Blended Learning): Сочетание передовых дистанционных курсов от ведущих мировых ученых с интенсивной очной проектной деятельностью.

Здесь традиционные формальные практики должны уступить место долгосрочным оплачиваемым стажировкам на старших курсах, позволяющим студентам адаптироваться к корпоративной культуре технологических лидеров рынка (таких как экосистема Uzum).

Существенной модернизации подлежит и формат итоговой аттестации. Необходима широкая практика защиты выпускных работ по системе «Стартап как диплом», когда выпускники представляют реальный ИТ-продукт, функционирующую бизнес-модель или

прикладную цифровую платформу, созданную по прямому запросу государственных ведомств или коммерческих предприятий.

5. Цифровые экосистемы, ДПО и международное сотрудничество. В своем выступлении на международном форуме Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев четко обозначил ключевые ориентиры: «Наша стратегическая задача – трансформировать демографический потенциал молодежи в реальный двигатель прогресса через создание совместной онлайн-платформы развития человеческого капитала. Мы должны обеспечить сквозную интеграцию образовательного процесса, обучения цифровым навыкам и прямого доступа к передовым рабочим местам в рамках единой трансграничной экосистемы» [3].

Использование аналитического инструментария больших данных (Big Data) и ИИ-алгоритмов призвано стать технологическим фундаментом для долгосрочного прогнозирования баланса на рынке труда [6]. Создание при университетах специализированных студенческих центров в рамках аутсорсинга бизнес-процессов (BPO) и аутсорсинга знаний (KPO) предоставляет молодежи легальные возможности участия в глобальной цифровой экономике без необходимости физического выезда из страны, что эффективно минимизирует риски «утечки умов» (brain drain).

В свою очередь, время требует гибкости от системы Дополнительного профессионального образования (ДПО) взрослых, которая должна развиваться через:

– Программы адресных «цифровых ваучеров». Инструменты государственного или корпоративного софинансирования переобучения граждан (Reskilling) на интенсивных курсах по ключевым ИТ-направлениям.

– Цифровое развитие преподавательского состава и госслужащих. Организация системных курсов для академического сообщества и аппарата государственного управления по освоению гибких методологий (Agile, Scrum) и принятию решений на основе данных (Data-Driven Management).

6. Массовая технологическая адаптация населения. Необходимо развертывание сети региональных образовательных центров для преодоления цифрового неравенства (Digital Divide) среди старшего поколения и уязвимых групп населения. Программы нацелены на обучение методам противодействия кибермошенничеству, основам информационной безопасности и правилам работы с ключевыми государственными цифровыми сервисами.

Таким образом, комплексная подготовка кадров для цифровой экономики Узбекистана исключает возможность ограничения реформы лишь точечной корректировкой программ в вузах. Требуется полномасштабная институциональная трансформация всей национальной парадигмы непрерывного образования – от базового просвещения населения и дошкольной ступени до гибких траекторий в СПО, ДПО и долгосрочных индустриальных стажировок. Скоординированная синергия государства, академической среды, возможностей отечественного ИТ-бизнеса и международных платформ позволит гарантировать формирование суверенного, гибкого и высококонкурентного человеческого капитала в Новом Узбекистане.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Республики Узбекистан «О стратегии «Узбекистан – 2030» от 11.09.2023 г. № УП-158. – URL: https://lex.uz/ru/docs/6600404.

2. Мирзиёев, Ш. М. Послание Президента Республики Узбекистан Олий Мажлису и народу Узбекистана. 26 декабря 2025 года // Официальный сайт Президента РУз. – Ташкент, 2025.

3. Мирзиёев, Ш. М. Выступление Президента Республики Узбекистан на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума касательно развития человеческого капитала и трансграничных образовательных платформ // Официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан – URL: press-service.uz.

4. Абдурахманов, К. Х. Развитие человеческого капитала в условиях внедрения возможностей искусственного интеллекта // Leadership and Management. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 509–526.

5. Абдурахманов, К. Х. Искусственный интеллект-основа устойчивого развития экономики, г. Москва (Российская Федерация) научное издательство ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2023 г., 294 с.

6. Абдурахманова, Г. К., Абдурахманов, К. Х., Зокирова, Н. К. Управление человеческим капиталом в условиях цифровизации экономики // Ma'rifat.uz.

УДК 338

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ

Дмитров Д. В.
доцент кафедры «Экономика и финансы»
Липецкого филиала Финансового университета
кандидат экономических наук, доцент
г. Липецк, Россия

Епифанцева С. А.
студент Липецкого филиала Финансового университета
г. Липецк, Россия

Экономическая безопасность страны считается важной частью общей национальной безопасности. Особенно сильно это заметно в современной глобальной экономике, когда деньги перемещаются почти моментально, а капитал уже давно не знает границ. Финансовые потоки пересекают национальные границы за считанные секунды, и это создает новые уязвимости, которыми активно пользуются преступники. На этом фоне легализация преступных доходов становится большой проблемой. Такие действия не только расшатывают финансовую систему страны, но и усиливают коррупцию и теневую экономику. Отмывание денег позволяет преступным группам интегрировать незаконно полученные средства в легальный оборот, что искажает рыночные механизмы, создает недобросовестную конкуренцию и снижает эффективность государственного регулирования. Кроме того, наличие работающих схем отмывания стимулирует совершение новых преступлений, поскольку у правонарушителей появляется возможность использовать свои доходы.

И нужно признать, что масштаб этой проблемы со временем только растет. Появляются новые финансовые инструменты, развиваются криптовалюты и цифровые платежные системы, что открывает дополнительные каналы для сокрытия происхождения денег. В этих условиях борьба с легализацией преступных доходов становится не просто одним из направлений правоохранительной деятельности, а ключевым фактором сохранения экономической стабильности и национального суверенитета.

Отдельно необходимо подчеркнуть, что легализация преступных доходов находится в тесной взаимосвязи с сокрытием доходов и коррупцией. Указанные явления не просто сосуществуют, а образуют взаимозависимую систему, в которой каждое из них выступает одновременно и следствием, и катализатором другого. Коррупция генерирует незаконные доходы, а механизмы отмывания денег обеспечивают их сокрытие, интеграцию в легальный экономический оборот и последующее использование, что, в свою очередь, создает условия для совершения новых коррупционных действий. Данный порочный круг формирует устойчивые угрозы для экономической стабильности и подрывает доверие общества к государственным институтам.

Также легализация преступных доходов происходит тайно, и поэтому последствия таких действий не всегда видны сразу. Человек может не заметить, как через его банк проходят сомнительные транзакции, а экономика страны постепенно теряет устойчивость. Но при этом влияние на социальную и экономическую сферы остается очень значительным. Страдают добросовестные предприниматели, которые не могут конкурировать с теми, кто использует серые схемы. Бюджет недополучает налоги, а честные граждане в итоге вынуждены оплачивать последствия этой преступной деятельности.

Причем по мере того, как менялась мировая экономика, менялись и сами способы отмывания денег. Если раньше мошенники использовали относительно простые схемы, такие как дробление крупных сумм на мелкие или создание подставных фирм, то сегодня в ход идут цифровые технологии, криптовалюты, сложные финансовые инструменты и операции через границы. Преступники теперь могут перевести деньги на другой конец света за пару минут, использовать анонимные кошельки и запутанные цепочки транзакций, которые трудно отследить. Совершенно логично, что методы борьбы с этим тоже должны постоянно развиваться. Иначе они просто перестанут быть эффективными. То, что работало десять лет назад, сегодня уже не дает нужного результата. Государственным органам и банкам приходится постоянно обновлять свои подходы, внедрять новые системы мониторинга и обучать сотрудников работе с современными угрозами. В противном случае преступники всегда будут на шаг впереди.

Сейчас же все чаще легализацию преступных доходов считают именно экономическим процессом, который может влиять на устойчивость страны и ее экономическую безопасность. А. Д. Трушанина отмечает, что «правонарушения экономической направленности необходимо рассматривать как экономическое явление (процесс), которое способно не только оказывать дестабилизирующее влияние на социально–экономическое развитие любой общественной формации, но подорвать экономическую безопасность государства в целом» [1, с. 9].

Противодействие легализации преступных доходов представляет собой «комплекс или совокупность взаимосвязанных субъектов, осуществляющих борьбу с отмыванием посредством различных инструментов, методов, норм и форм» [1, с. 1]. Именно такой системный подход позволяет оценить влияние уровня борьбы с отмыванием доходов на экономическую безопасность государства. Так как от того, насколько эффективно работает данный механизм, зависит защищенность национальных экономических интересов.

В связи с этим эффективное противодействие рассматриваемым феноменам требует не применения разрозненных мер, а разработки и реализации целых стратегий. При этом карательный подход, ориентированный исключительно на наказание за уже совершенные деяния, представляется недостаточным. Поскольку преступники всегда будут адаптироваться к ужесточению законодательства. Необходимо развивать корпоративную этику как внутренний ориентир для финансовых организаций и бизнеса в целом. Речь идет о формировании такой культуры, при которой сотрудники компаний сами заинтересованы в выявлении сомнительных операций, а не просто формально отчитываются перед регулятором. Корпоративная этика в данной сфере предполагает внедрение внутренних кодексов поведения, обучение персонала нравственным принципам и создание механизмов, поощряющих ответственное отношение.

Что касается условий для прозрачного ведения бизнеса, то здесь ключевыми направлениями являются: упрощение процедур легальной деятельности, снижение административных барьеров и устранение избыточного давления на добросовестные компании. Бизнес должен понимать, что работать прозрачно выгоднее и безопаснее, чем уходить в тень. Для этого государству необходимо обеспечивать равные конкурентные условия, исключать возможность использования фирм-однодневок и офшорных схем, а также защищать предпринимателей от необоснованных обвинений. Без создания такой среды любые технологии и законы будут лишь создавать видимость борьбы, не решая проблему коренным образом.

Главным законом, который помогает бороться с отмыванием преступных доходов в России, остается Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных путем, и финансированию терроризма» [4]. Данный нормативный акт закрепляет обязательные требования для всех структур, чья деятельность связана с денежными средствами или имуществом. Смысл этих требований прост: любая организация должна работать так, чтобы случайно не оказаться вовлечённой в преступные схемы. Закон не стоит на месте – его постоянно дорабатывают с учётом появляющихся угроз, новых технологических возможностей преступников и рекомендаций

международной организации FATF (Financial Action Task Forse – группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег), которая задаёт мировые стандарты борьбы с отмыванием. В законе детально расписано, как должен работать внутренний контроль, какие операции считаются подозрительными, и что будет, если нарушить правила по борьбе с отмыванием денег. Компании, например, должны проверять своих клиентов, записывать все подозрительные финансовые операции и сообщать о них куда следует – в государственные органы.

Центральному банку России здесь отведена особая роль. «Банк России ведет борьбу с подозрительными операциями в финансовой системе во взаимодействии с Росфинмониторингом, правоохранительными органами, Федеральной налоговой службой и другими контрольно-надзорными органами» [5]. Он запустил платформу под названием «Знай своего клиента». Эта платформа помогает понять, насколько рискованным может быть человек или компания, и в целом делает финансовый контроль эффективным. Благодаря такой системе банкам проще решить, стоит ли работать с нечестными клиентами. Кроме того, есть способ пересмотреть такие решения, чтобы честный бизнес не пострадал.

Получается, что экономическая безопасность России будет крепче только тогда, когда система по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма станет работать по-настоящему результативно. Для этого необходимо постоянно совершенствовать законодательство, чаще применять цифровые технологии и налаживать связи с другими странами. Без такого всестороннего подхода, к сожалению, эту проблему не решить.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Трушанина, А. Д. Трансформация научно-теоретических аспектов противодействия легализации преступных доходов как фактор обеспечения экономической безопасности государства / А. Д. Трушанина // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т.15., №5. – С. 1–12.

2. Шалепина, Т. А. Методы противодействия коррупции, сокрытию доходов и легализации преступных доходов / Т. А. Шалепина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – №9. – С.235–240.

3. Пряхин, Г. Н. Совершенствование методов противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в банковской системе / Г. Н. Пряхин, К. А. Амелешин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – №3. – С. 120–128.

4. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 24.04.2026) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 25.05.2026).

5. Противодействие отмыванию денег и валютный контроль // Банк России. – URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/ (дата обращения: 25.05.2026).

УДК 331.54

КОРПОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПОДДЕРЖКИ РАБОТНИКОВ С ДЕТЬМИ И СОТРУДНИКОВ С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ

Еремеева Т. С.
доцент кафедры социальной работы АмГУ
кандидат педагогических наук
г. Благовещенск, Россия

Актуальность рассмотрения вопросов корпоративных практик поддержки работников, имеющих детей, и сотрудников с семейными обязанностями, обусловлена быстрыми изменениями социально-экономической ситуации, усилением конкуренции на рынке труда и увеличением объема ожиданий от сотрудников организаций. Своеобразной особенностью последних десятилетий является усложнение жизненных циклов граждан, совмещающих

профессиональную деятельность, получение образования, а также рождение и воспитание детей. В таких условиях взрослые члены семей с несовершеннолетними детьми сталкиваются с дополнительными нагрузками, обусловленными необходимостью уделять значительное время уходу за ребенком, решением бытовых вопросов и эмоциональным напряжением. Всё это осложняет возможности совмещения полноценной карьеры и воспитания детей, приводя к серьезным профессиональным и личным преградам, а также нежеланию работодателей принимать кандидатов с различными семейными обязанностями (несовершеннолетние дети, в т.ч. с ОВЗ, иждивенцы трудоспособного возраста, алиментные обязательства и пр.).

Следует также учитывать интересы государства в воспроизводстве населения и поддержании социального и экономического потенциала поступательного развития территорий, имеющих стратегическое значение (в т.ч. дальневосточные регионы) и страны в целом. С целью обеспечения государственных приоритетов в этой сфере принимались меры поддержки семей отдельных категорий, материнства/отцовства, детства, активного долголетия, стимулирования общественного сектора помогающих и поддерживающих НКО, а также партнерства с бизнес-организациями и отдельными предпринимателями.

Научная база по данному направлению довольно богата, однако большая часть работ до недавнего времени была сосредоточена преимущественно на исследовании индивидуального профессионального развития отдельно от семейных обстоятельств конкретного человека. С принятием корпоративного демографического стандарта [2] активизировались исследования в области анализа потребностей работников в специализированных мерах социальной помощи со стороны работодателей, а также сопоставления эффективности отдельных корпоративных практик поддержки работников с детьми и сотрудников с семейными обязанностями. В условиях, когда бизнес перестает воспринимать сотрудника исключительно как производственную единицу, признавая значимость его семейного контекста для обеспечения профессиональной эффективности, возрастает значение механизмов и сервисов, помогающих в реализации не только профессиональных карьерных установок (что, к примеру, крайне важно для работающей молодежи), но и самореализации в брачно-семейной сфере.

Корпоративный демографический стандарт как «комплекс мер, используемых для формирования корпоративных программ хозяйствующих субъектов, направленных на совершенствование системы поддержки семей с детьми, создание благоприятных условий для совмещения работниками профессиональных и семейных обязанностей, повышение престижа и мотивации граждан к семейно-детному образу жизни, многодетности, на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных, в том числе семейных, ценностей» [2] носит рекомендательный характер, но при этом стимулирует работодателей к разработке собственных программных документов, на локальном уровне закрепляющих стратегию организации в области «мер поддержки работников с семейными обязанностями, формировании системы лояльности для своих клиентов, в первую очередь с детьми, внесении вклада в социально-демографическое развитие регионов присутствия и страны в целом» [2].

Корпоративные практики поддержки представляют собой комплекс мер, которые работодатели внедряют, чтобы помочь работникам совмещать профессиональные и семейные роли. Такие инициативы часто называют family-friendly policy (политика, дружественная семья) [5], обозначая «корпоративную семейноцентричность» как стратегию работодателя, при которой потребности членов семьи сотрудника (детей, супругов, пожилых родителей) интегрируются в систему нематериальной мотивации и социального пакета [1]. К примеру, реализуя такую стратегию, работодатель берет на себя часть функций первичной социализации ребенка (через организацию досуга) и психологической стабилизации родителя (через снятие бытового стресса).

Агентство стратегических инициатив (АСИ) в 2026 году институционализировало этот тренд, внедрив механизм модульных соглашений между крупным бизнесом и региональными властями. Это позволяет компаниям не просто оказывать разовую помощь, а выстраивать системную политику, интегрированную в региональные программы демографического

развития и включающую расширенный пакет ДМС, льготные ипотечные программы, поддержку многодетности сотрудников, организацию детского отдыха и спорта и т.д. [3].

Анализ наиболее распространенных корпоративных практик поддержки работников, имеющих детей, и сотрудников с семейными обязанностями, которые реализуются не только в крупных корпорациях, демонстрирует предпочтение прямой финансовой поддержки и материального стимулирования (по случаю свадьбы/регистрации брака, рождения ребенка, семейного юбилея и т.п.) – это наиболее востребованный инструмент, направленный на покрытие базовых расходов домохозяйств [4]. Также компании могут компенсировать расходы на внеурочные занятия детей (кружки, группы продлённого дня) и услуги няни, стоимости медицинских программ, путёвок в санатории или на отдых, помогают с решением жилищных вопросов (предоставляют жилищные ссуды, компенсируют аренду жилья или помогают с погашением ипотеки).

Также практикуются предоставление очередного отпуска в удобное для работника с детьми время (например, на период школьных каникул). дополнительные оплачиваемые или неоплачиваемые дни отпуска в связи со значимыми семейными событиями: рождение ребёнка, регистрация брака, поступление в первый класс, выпуск из школы и т.п., а также возможность трудиться в режиме неполного рабочего времени, по гибкому графику или удалённо (это особенно актуально для беременных женщин, многодетных родителей, а также для тех, кто досрочно выходит из отпуска по уходу за ребёнком).

Нематериальные формы поддержки, как правило, связаны либо с отдельными этапами функционирования семей работников, либо с популяризацией семейного образа жизни и корпоративной сплоченности: организация семейных клубов, курсов для молодых родителей, проведение конкурсов семейной тематики (изобразительного и литературного творчества, изучение родословных), совместное посещение культурных и досуговых мероприятий для работников и их детей, содействие в получении консультаций психолога, юриста по вопросам воспитания, семейных отношений [4].

Корпоративные меры поддержки обычно закрепляют в коллективных договорах, локальных нормативных актах, политике по устойчивому развитию или социальной политике компании. И хотя такие практики становятся всё более распространёнными (особенно в крупных компаниях), в малом и среднем бизнесе они пока менее системны. При разработке программы важно учитывать специфику компании: её масштаб, отрасль, корпоративную культуру и реальные потребности сотрудников.

Можно сделать вывод, что на сегодняшний день корпоративные практики поддержки работников с детьми эволюционировали от благотворительности к прагматичной стратегии удержания талантов. Семейноцентричность становится конкурентным преимуществом компаний в борьбе за человеческий капитал. Для специалистов в области социальной работы и педагогики важно понимать, что современный бизнес берет на себя функции со-родителя и воспитателя. Дальнейшее развитие этого направления требует тесной межведомственной связки государства и бизнеса для создания единого экосистемного пространства благополучия российской семьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гокова, О. В. Корпоративная социальная ответственность бизнеса в контексте поддержки семей, имеющих детей или планирующих их рождение / О. В. Гокова // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – №1. – С. 38–47.

2. Национальный стандарт Российской Федерации (ГОСТ Р 72119 – 2025) «Меры поддержки «Корпоративный демографический стандарт»: Правила формирования корпоративных программ. Методика оценки работодателей (формирование КПД-рейтинга)». – М. : Российский институт стандартизации, 2025. – 16 с.

3 Семейноцентричность: новый тренд на рынке труда 2026. – URL: https://s-pro.group/tpost/l6b5ub1bg1-semeinotsentrichnost-novii-trend-na-rink (дата обращения: 31.07.2026).

4. Тонких, Н. В. Корпоративные стандарты поддержки работающих родителей и оценка эффектов внедрения гибких форматов занятости / Н. В. Тонких, Т. А. Камарова, Т. Л. Маркова // Управленец. – 2025. – № 6. – С. 106–125.

5. Чернова, Ж. В. Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями / Ж. В. Чернова // ЖССА. – 2017. – № 1. – С. 93–113.

УДК 323.2

РОЛЬ ЖЕНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ПРОДВИЖЕНИИ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ермолович Е. П.
старший преподаватель кафедры политологии,
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Беларусь

В условиях глобальных демографических процессов, Республика Беларусь, где суммарный коэффициент рождаемости по данным Национального статистического комитета, составляет 1,026 (данные на 2025 г.), укрепление института семьи и стимулирование рождаемости являются приоритетными задачами государства [1]. Роль женских общественных объединений, выступающих связующим звеном между государством и гражданским обществом, носит базисный характер. В стране функционирует более 20 таких организаций, объединяющих женщин в различных сферах жизни [2]. Их деятельность направлена на защиту прав женщин и семьи, развитие института материнства и детства, формирование семейных ценностей, участие в социальной политике государства.

Одним из ключевых субъектов является Белорусский союз женщин, насчитывающий более 200 тыс. членов (на май 2026 г.) и объединяющий свыше 6 тыс. первичных организаций, является наиболее массовым и институционализированным женским объединением, официально признанным субъектом гражданского общества для особых форм взаимодействия с государством [3].

Значимыми проектами БСЖ, можно отметить «Рука помощи», который ориентирован на поддержку женщин, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, разработка цифровой платформы «Лицом к истории: женский путь Беларуси», «БизнесМАМА» конкурс, который проводится совместно с Минэкономики и другими государственными структурам и направлен на стимулирование предпринимательской активности женщин, воспитывающих детей в возрасте до трёх лет [4].

Белорусский союз женщин принимает активное участие в выработке и обсуждении предложений по совершенствованию системы социальных льгот и механизмов государственной поддержки семей, воспитывающих детей с инвалидностью, уделяя особое внимание защите интересов женщин.

Важным этапом развития взаимодействия организации с государственными институтами стала встреча, состоявшаяся 22 января 2026 года, между Председателем Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь и активом Белорусского союза женщин. Данное мероприятие было направлено на углубление сотрудничества в сфере экспертного сопровождения законотворческой деятельности [5].

В структуре ОО «Белорусский союз женщин» представлены члены Совета Республики и депутаты Палаты представителей Национального собрания, а также руководители республиканских органов государственного управления, организаций, предприятий и представители деловых кругов. Значительный уровень институционального представительства организации подтверждается тем, что 79 её активистов являются делегатами Всебелорусского народного собрания, при этом председатель объединения О.А. Шпилевская и член Совета старейшин Н.А. Ермакова входят в состав Президиума ВНС [3].

Важное место в системе женских общественных объединений, ориентированных на поддержку семьи и реализацию демографической политики, занимает общественное объединение «Белорусская ассоциация многодетных родителей». Данная организация представляет собой добровольное объединение граждан, созданное на основе общности интересов для реализации гражданских, социальных и культурных прав, прежде всего в интересах многодетных семей [6].

Ключевым направлением деятельности объединения является оказание социальной, материальной и иной помощи многодетным семьям, что определяет его предметную специализацию в структуре семейно-ориентированных общественных институтов. Основной целью организации выступает обеспечение социальной и материальной защиты многодетных семей, что напрямую соотносится с задачами государственной демографической политики.

Организационная структура ОО «Белорусская ассоциация многодетных родителей» построена по территориальному принципу и включает областные, городские и районные подразделения, обладающие статусом юридического лица при наличии установленного численного состава. Высшим органом управления выступает общее собрание членов соответствующей организации, которое проводится не реже одного раза в год и принимает решения большинством голосов. Деятельность всех структурных подразделений подлежит государственной регистрации и осуществляется во взаимодействии с местными исполнительными и распорядительными органами.

Показательным примером институционального взаимодействия женских общественных объединений с органами государственной власти является сотрудничество Общественного объединения «Белорусская ассоциация многодетных родителей» с парламентскими структурами. Так, в ходе встречи Председателя Совета Республики Н.А. Кочановой с представительницами ассоциации было отмечено, что партнерские отношения между парламентариями и организацией развиваются на протяжении более десяти лет [6].

В контексте исследования роли женских общественных объединений в продвижении семейно-демографических приоритетов следует учитывать общегосударственный характер демографических вызовов. Так, по мнению заместителя Премьер-министра Республики Беларусь Н.В. Петкевич, демографическая проблематика, обозначенная в Послании Президента на втором заседании VII Всебелорусского народного собрания, носит системный характер и определяется воздействием объективных глобальных тенденций. К их числу относятся сокращение численности женщин репродуктивного возраста, а также процессы старения населения, что в среднесрочной перспективе обусловливает снижение потенциала рождаемости [7, с.211].

Объединённая организация субъектов предпринимательской деятельности ОО «Белорусский союз женщин» выступает институтом развития женского предпринимательства, направленным на консолидацию деловой активности женщин и их интеграцию в экономическое пространство страны, помогает женщинам обмениваться опытом, реализовывать стартапы и вести бизнес-диалог.

Миссия организации заключается в формировании благоприятной среды для развития женского бизнеса через взаимодействие предпринимательского сообщества, государства и гражданского общества. Основными направлениями являются: развитие сети взаимодействия женщин-предпринимателей; установление диалога с государственными структурами; повышение статуса женского бизнеса; продвижение гендерного равенства; развитие социальной ответственности бизнеса; поддержка региональных инициатив; внедрение современных подходов в деловую среду; содействие снижению правовых и социальных барьеров [8].

Республиканское общественное объединение «Белая Русь», являясь общенациональным институтом гражданского общества, включает в свою структуру развитую сеть женских клубов и советов, осуществляющих реализацию благотворительных, просветительских и социально ориентированных инициатив [9].

В контексте проведения в Республике Беларусь Года белорусской женщины деятельность объединения приобретает особую значимость и характеризуется расширением спектра реализуемых проектов. Организация выполняет функцию связующего звена между локальными инициативами и широкими слоями гражданского общества, обеспечивая их институциональную поддержку и распространение на региональном уровне.

К числу приоритетных направлений деятельности относятся обеспечение демографической безопасности, популяризация семейных ценностей, содействие профессиональной самореализации женщин, а также укрепление их социальной защищённости. Существенное внимание уделяется актуализации исторической роли женщин и их вклада в патриотическое воспитание.

Дополнительным элементом деятельности является сотрудничество с религиозными организациями, в частности с Белорусской Православной Церковью, направленное на укрепление духовно-нравственных основ семьи и распространение традиционных семейных ценностей [9].

В 2026 году, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 01 января 2026 года № 1, объявлен Год белорусской женщины. Целью данного решения является формирование национального образа женщины-труженицы и популяризация её роли в сохранении и развитии общества, что также отражает государственную стратегию ценностной консолидации. Эти меры дополняются изменениями 2022 года, внесёнными в Конституцию Республики Беларусь, которые закрепили брак как союз женщины и мужчины, обеспечивая защиту традиционных семейных ценностей [10]. В совокупности они демонстрируют последовательную политику нормативной и символической интеграции, направленную на укрепление институциональных основ семейной политики и консолидацию общественного согласия вокруг базовых ценностей социального государства.

Вместе с тем, несмотря на значительный потенциал, деятельность женских общественных объединений сталкивается с рядом проблем, среди которых можно выделить зависимость от государственной поддержки, недостаточную институциональную автономию и ограниченность ресурсов для реализации масштабных социальных проектов. В этой связи перспективными направлениями развития представляются расширение механизмов государственно-общественного партнерства, усиление экспертной и аналитической роли женских организаций, а также внедрение цифровых форм участия в социальной политике.

Наиболее распространенными направлениями деятельности женских общественных объединений являются просветительская работа, социальная защита семьи и детей, а также содействие оздоровлению женщин и членов их семей. При этом значительная часть женских общественных объединений ориентирована на поддержку проблемных семей. Их целевыми группами выступают многодетные, неполные и малообеспеченные семьи, семьи, воспитывающие детей с инвалидностью, а также дети, нуждающиеся в особой социальной защите. Кроме того, ряд организаций оказывает поддержку детям, пострадавшим от последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Женские общественные объединения в Республике Беларусь выступают важным институтом гражданского общества, способствующим сохранению традиционных основополагающих ценностей белорусского народа. Их деятельность интегрирует социальные, культурные и политические аспекты, обеспечивая комплексный подход к решению демографических проблем. Эффективное взаимодействие государства и женских организаций является ключевым условием устойчивого развития и укрепления института семьи в современной Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Суммарный коэффициент рождаемости // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101200011 (дата обращения 20.05.2026).

2. Общественные объединения // Министерство Юстиции Республики Беларусь. – URL: https://just-minsk.gov.by/ru/departments/upravlenie-registratsii-i-litsenzirovaniya/registratsiya-obshchestvennykh-obedineniy/ (дата обращения 20.05.2026).

3. ОО «Белорусский союз женщин» Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – 2026. – URL: https://president.gov.by/ru/belarus/society/obedinenija/belorusskij-sojuz-zhenshhin (дата обращения 20.05.2026).

4. Общественное объединение «Белорусский Союз Женщин». – URL: https://oobsg.by/ (дата обращения 20.05.2026).

5. Игорь Сергеенко и депутаты Палаты представителей провели встречу с активом Белорусского союза женщин // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/january/92008/ (дата обращения 20.05.2026)

6. Белорусская ассоциация многодетных родителей. – URL: https://bamr.by/ (дата обращения 20.05.2026)

7. Ермолович, Е.П. Роль всебелорусского народного собрания в формировании ценностных ориентиров семейной политики в цифровую эпоху / Е.П. Ермолович // Цифровые технологии и искусственный интеллект в обеспечении информационно-политической безопасности государства: дискурсы, концепты и практики. Белорусская политология: многообразие в единстве. К 30-летию Всебелорусского народного собрания : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 21– 22 мая 2026 г.). В 2 ч. Ч. 1 / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2026. – 346 с. С. 211-218.

8. Объединенная организация субъектов предпринимательской деятельности ОО «БСЖ». – URL: https://www.bsg-biz.by/ (дата обращения 20.05.2026)

9. Республиканское общественное объединение «Белая Русь». – 2026. – https://president.gov.by/ru/belarus/society/obedinenija/belaja-rus URL: (дата обращения 20.05.2026).

10. Об объявлении 2026 года Годом белорусской женщины // Указ Президента Республики Беларусь 1 января 2026 г. № 1. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32600001 (дата обращения 20.05.2026).

УДК 316.334.22:378.12

КОМПЕНСАТОРНЫЕ ПРАКТИКИ АКАДЕМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Ефимова Г. З.
профессор кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ
кандидат социологических наук, доцент
г. Тюмень, Россия

Управление академическим развитием преподавателей высшей школы изучается преимущественно со стороны вуза: описываются программы поддержки, конкурсные процедуры, механизмы отбора перспективных работников, вовлеченность НПР в систему дополнительного профессионального образования российских вузов [1; 2]. За рамками такой оптики остаётся встречное движение – то, что сотрудник предпринимает для собственного развития самостоятельно, за пределами институционального канала и, как правило, за счёт личных ресурсов [3]. Такие действия предлагается рассматривать как компенсаторные практики академического развития. Они возникают как в дополнение к возможностям, предоставляемым работодателем, так и взамен них. Изучение подобных практик значимо, так как они не всегда видимы для управленческого учёта. Университеты испытывают затруднения в фиксации объёма и содержания развития, которое работники получают вне вузовских программ.

Эмпирической основой послужили данные онлайн-анкетирования преподавателей и научных сотрудников (октябрь-декабрь 2024 г., n = 2776) проведенного в пятнадцати российских университетах, участвующих в программе «Приоритет-2030» и кандидатов на

вхождение в нее. Количественные распределения дополнены материалами полуформализованных интервью с 67 административно-управленческими работниками (проректорами, заведующими кафедрами и пр.).

На протяжении трёх лет, предшествовавших опросу, с запросом к работодателю о прохождении внешних программ профессионального, личностного или карьерного развития обращались более четверти респондентов (28 %). Среди лиц, входящих в административно-управленческий и научно-исследовательский треки кадрового резерва, инициативность достигает 57% и 47 % соответственно, тогда как в педагогическом треке составляет 27 %, а среди НПР, не включённых в резерв, – 23 % (см. табл.).

Сдержанность работников выглядит рациональной, если рассмотреть отклик работодателя на поданные запросы. Полное содействие в виде финансирование обучения получили 60 % обратившихся из административно-управленческого трека и лишь 16 % респондентов из университетов, где не создан кадровый резерв. В последней группе более трети запросов сопровождались безразличием либо открыто негативной реакцией руководства (38 %), тогда как в треках кадрового резерва этот показатель не превышает 18 %. Наиболее массовым типом отклика для работников за пределами резерва оказывается символическое одобрение без каких-либо ресурсных решений: 34 % у не включённых в резерв и 42 % в вузах без резерва. Формальная доступность канала, таким образом, не тождественна его результативности.

Таблица. Инициативные запросы преподавателей на внешнее обучение и отклик работодателя, в %

Группа	**Обращались к работодателю**	**Реакция работодателя**			
		Профинансировал обучение	**Снизил нагрузку**	**Только одобрил**	**Безразличие или негативная реакция**
Научно-исследовательский трек	47	45	20	27	18
Административно-управленческий трек	57	60	13	19	13
Педагогический трек	27	38	21	38	10
Не вхожу в кадровый резерв	23	32	16	34	19
В университете нет кадрового резерва	28	16	9	42	38

Примечание. Второй столбец – доля от численности группы; с третьего по шестой столбцы – доля от числа обратившихся к работодателю (множественный выбор).

Там, где институциональный отклик слаб, возрастает доля академического развития, оплачиваемого сотрудником самостоятельно. Респондентам предлагалось оценить структуру мероприятий, направленных на развитие, в которых они участвовали за предшествующий опросу год. Доля респондентов, у которых свыше 30 % такой активности приходится на внешние мероприятия, посещаемые по собственной инициативе, максимальна в университетах без кадрового резерва (43 %) и среди не включённых в резерв (40 %), тогда как в административно-управленческом треке она минимальна (16 %). Здесь отмечена обратная

зависимость – чем слабее институциональная поддержка развития, тем выше личные вложения работника в виде затрат времени за пределами рабочего дня и личных финансов.

Совокупность полученных распределений позволяет говорить о формировании теневого контура академического развития НПР. Он замещает институциональный канал, а не дополняет его, поскольку развитие осуществляется вне управленческих решений вуза, а сопряжённые с ним временные и финансовые издержки несёт сотрудник, а не работодатель. Поскольку университет не располагает сведениями о содержании и результатах развития, полученного НПР за пределами вузовских программ, приобретённые компетенции не могут быть учтены ни при аттестации, ни при конкурсном отборе.

Устойчивость отказа от обращения к работодателю проясняется материалами интервью. Информанты из числа управленцев характеризуют доступ к программам академического развития как слабо формализованный. Сведения об имеющихся возможностях работник получает преимущественно от заведующего кафедрой, тогда как документально закреплённые критерии включения в программы в большинстве обследованных вузов отсутствуют. Дополнительным ограничением выступают возрастные фильтры (до 35–39 лет), унаследованные от показателей государственной молодёжной политики и сужающие доступ для средних и старших возрастных когорт. В условиях, когда результат обращения не может быть заранее гарантирован, самостоятельное действие приобретает для работника характер более надёжной стратегии.

Компенсаторные практики академического развития целесообразно интерпретировать не как проявление инициативности отдельных НПР, а как индикатор дефицита управления. Их распространённость обратно пропорциональна качеству институциональной поддержки, что позволяет рассматривать долю инициативного академического развития в качестве измеряемого признака расхождения между формальными механизмами вуза и реальными потребностями НПР. Из этого следуют два управленческих решения: закрепление прозрачной процедуры рассмотрения инициативных запросов и учёт внешнего развития, полученного работником самостоятельно, в системе оценки квалификации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Амбарова, П. А. Дополнительное профессиональное образование научно-педагогических работников: возможности и проблемы реализации / П. А. Амбарова, Г. Е. Зборовский // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 3. – С. 9–27.

2. Лоретц, О. Г. К вопросу об академическом кадровом резерве / О. Г. Лоретц, Е. М. Кот, С. В. Петрякова, И. Ф. Пильникова, О. С. Горбунова // Образование и право. – 2023. – № 12. – С. 409–414.

3. Гармонова, А.В. Профессиональные стратегии преподавателей: идеи неовеберианцев в реалиях российского высшего образования / А. В. Гармонова, Е. А. Опфер, Д. В. Щеглова, С. В. Гаврилов // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 12. – С. 31–49.

УДК 130.2:316.28

ГЕТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

Жук Е. И.
старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта Г25М-006.

В рамках гетерологического подхода к исследованию коммуникативного пространства закон гетерогенности, указывающий на необходимость разнородности информационных потенциалов для обмена информацией, обозначает основополагающий аспект всякого

коммуникативного процесса [1]. Если исходить из ориентации современного социума на всестороннее развитие креативного человеческого капитала, предполагается, что гетереологическая модель коммуникации может выступать катализатором творческого роста личности и приращения интеллектуального потенциала социума. Это предполагает актуализацию гетерологических принципов в различных сферах межчеловеческого взаимодействия, сознательный отход от позиций догматизма в сторону отрефлексированной диалогической установки, что связано с развитием особых когнитивных и эмоциональных навыков (например, определенной когнитивной автономии, способности к верификации информации в условиях высокой неопределенности, и т.д.), а также новых устойчивых поведенческих паттернов. Гетерологические коммуникативные установки можно обнаружить и реализовывать в самых различных сферах взаимодействия, однако наиболее репрезентативными будут являться образовательная сфера, определенные области искусства, и, конечно, сфера межкультурного взаимодействия. В данных сферах монологизаторские и унифицированные схемы взаимодействия все чаще демонстрируют свою ограниченность, сменяясь более диалогически ориентированными подходами; однако, данный процесс не одномоментен и не прост. На данный момент, особенно ярко «гетерологизация» взаимодействий отображается в различных областях социально-гуманитарной сферы (от педагогики до искусства), где наиболее очевидно, как многообразие смыслов стимулирует духовный рост и интеллектуальную продуктивность; однако в реальности гетерологический подход не оторван и от юридической практики, и от обучения программированию, и т.д.

В образовательной практике базирование на гетерологических установках означает трансформацию привычных иерархических структур и отказ от стандартизации и унификации в пользу осмысленной диалогической коммуникации между учителем и учениками, ориентированный на расширение горизонтов смысла. Ученик, будучи уникальной личностью, не может являться простым «контейнером» для аккумуляции знаний – напротив, гетерологическая контекстуализация образования предполагает апелляции к опыту и видению конкретного субъекта (подробнее см. мои публикации на эту тему), что, тем не менее, не означает отказа от поиска истины в обучении, но предполагает более полное эмоциональное включение учащегося в процесс освоения знаний. Помимо такого рода контекстуализации за счет включения индивидуального опыта, гетерологические практики в образовании также предполагают более интенсивное внедрение художественного элемента, основанных на телесном опыте видов обучения (например, перформативных практик), реконструкцию повседневного контекста, связанного с местом или объектом изучения, и так далее. Все вышесказанное помогает становлению человека как всесторонне развитой коммуникабельной личности с творческим проектным мышлением.

Гетерологический подход в образовании реализуется и в рамках междисциплинарной практики. Например, междисциплинарный STEM-подход (англ. Science, Technology, Engineering, Mathematics – естественные науки, технология, инженерия, математика) в образовании в начале прошлого десятилетия трансформировался в STEAM, включив в аббревиатуру, на первый взгляд, довольно неожиданную составляющую – искусства (англ. Arts); в то же время, данный подход подается именно как обучение будущего, тренирующее системное мышление и раскрывающее креативный потенциал ребенка. В контексте данного образовательного подхода абстрактно-символический и образный типы мышления выступают как своего рода «разные языки», синтез которых и рождает условия для более глубокого схватывания смысла и творческого решения задач за счет расположенности к взгляду «извне». Столкновение с иными точками зрения и дисциплинарными подходами развивает у учащихся способность к эмпатии, критическому осмыслению и децентрации как умению посмотреть на задачу под неожиданным углом – все это валидирует гетерологическую коммуникацию. Так формируется гибкость мышления, несомненно полезная для современной личности характеристика, становлению которой в рамках гетерологической образовательной практики способствуют: диалогическая установка на преобразование смыслов в «свои-чужие» (если не использовать бахтинскую терминологию, это означает готовность и способность к осознанию

и адаптации в рамках собственной картины мира иных точек зрения), способность к сотворчеству в ситуации распределенной субъектности, и наконец, контекстуализация, обеспечивающая выход в практику (на уровне телесных образовательных практик этот аспект также предполагает не только коммуникацию между людьми, но и полноценное взаимодействие обучающегося с физическим и виртуальным мирами).

Что касается гетерологической экспертизы областей искусства, разумеется, гетерологические установки наиболее ярко и очевидно реализуются в нарративных практиках, таких как кинематограф, театр, литература. Однако не только само произведение искусства как культурный продукт способно транслировать гетерологические установки: они также могут быть отнесены и к практике создания произведения (особенно в силу того, что фильм или спектакль – всегда коллективный продукт), и к практике его демонстрации (так, все пространство музея или конкретной выставки может быть связано единым нарративом и, тем самым, при определенных установках представлять собой образец гетерологически выстроенной коммуникации). В истории современного кинематографа наиболее гетерологически ориентированными, в силу исторически сложившегося художественного контекста, выступали отдельные течения и их представители (например, французская «новая волна»). Так, кинопространство может рассматриваться не как объект для пассивного наблюдения, а как место встречи сознаний автора и зрителя; при это просмотр таких фильмов требует определенных когнитивных навыков – например, интеллектуального дистанцирования, когда зритель отказывается от пассивного потребления в пользу определенного соучастия в интерпретации смыслов. При этом, интересно, что несмотря на ярко выраженный диалогический контекст (в таком кино фокус зачастую сделан на речи, беседе, раскрывающей внутренний мир через коммуникацию персонажей), взаимодействие зрителя с персонажем строится скорее не на эмпатии с ее эмоциональным переносом (здесь зритель вовсе не обязательно сочувствует или отождествляет себя с главным героем), а именно на диалогическом усилии понимания при встрече с чужим сознанием, мыслями и моральными дилеммами. «Имитация» такой реальной гетерогенной диалогической ситуации, когда персонаж предстает как подлинный Другой с автономной и зачастую непонятной зрителю логикой, чуждыми ценностями и даже скрытыми мотивами, делает гетерологический кинематограф одним из наиболее реалистичных типов кинопроизводства [2].

В плане межкультурного взаимодействия, гетерология предлагает возможность предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций на более глубоком уровне, нежели это может сделать просто навязанная извне идеология толерантности, грозящая ситуацией так называемого «парадокса толерантности». Это актуально прежде всего в рамках сферы межкультурного взаимодействия. Так, на сегодняшний день общеизвестны в том числе и философские основания критики проводимой политики мультикультурализма, приведшей, вместо ожидаемого диалога культур, к росту взаимной нетерпимости, поскольку параллельная, но не совместная, жизнь различных общин рядом только способствовала духовной изоляции и, соответственно, развитию радикальных настроений. Как и в любом коммуникативном акте, в межкультурном дискурсе важно не только теоретическое осмысление коммуникативных установок и сделанных выборов, зачастую производимое постфактум, но прежде всего возможный выход в практику «здесь и сейчас». Гетерологическую оптику можно трактовать как часть общественного договора, в котором культурная гетерогенность признана как необходимая и обязательно защищается социумом, но только в том случае, если данный конкретный представитель не нарушает принятый в данном обществе «социальный контракт», ограничивая легальную возможность ближнего быть инаковым по отношению к себе. Поэтому в данном случае чрезвычайно важно разведение понятий: принципиальна разница между необходимой политической интеграцией и проблемной культурной ассимиляцией. Также на данный момент в международной юридической практике чрезвычайно важны способы и меры четкого разведения допустимой в цивилизованном социуме критики и так называемого «языка вражды», что напрямую связано с насущной необходимостью гармоничного существования гетерогенных обществ. То есть

гетерогенность как таковая не является предметом решения, но, как данность, она определяет необходимость выбора в пользу актуализации гетерологической модели коммуникации, как минимум на микро- и мезоуровнях, в границах межличностного общения и взаимодействия внутри сообщества (например, образовательного, и т.д.) [3].

Важно понимать, что сфера межкультурного взаимодействия является одной из базовых сфер, отражающих необходимость и вызовы гетерологической коммуникации, поскольку она призвана решать как никогда актуальную проблему сохранения самобытности и уникальности культуры в условиях одновременной необходимости поддержания гармоничного многообразия. Поэтому эффективный менеджмент в данной сфере, разумеется, не ограничивается вышеупомянутой юридической практикой, но напрямую связан также с образовательной практикой, межкультурным взаимодействием в области искусства, коммуникативным пространством медийной сферы. Соответственно, гетерологические установки могут быть применены при принятии коммуникативных решений в области культурной политики.

В качестве цели любой эффективной коммуникации выступает достижение согласия. В традиционной парадигме интерпретации гармоничного общения залогом его чаще всего полагается толерантность, понимаемая как способность к бесконфликтному взаимодействию на основе терпимого отношения к Другому, что зачастую может означать либо пассивную, либо снисходительную позицию в общении. В гетерологической же практике коммуникации предлагается сделать упор на активную заинтересованность в позиции Другого. Поскольку согласие является ключевым элементом известнейших концепций философии диалога, следует помнить также, что данные концепции имели в своем основании гетерологические установки и акцентировали принцип инаковости: соответственно, согласие никогда не должно пониматься как пассивное принятие, но как активный выбор в пользу договаривания. Поэтому, на наш взгляд, актуализация гетерологической модели коммуникации всегда означает также отход от использования более пассивно окрашенного термина «толерантность» в сторону расширения употребления понятий диалогичности, диалогического общения и диалогической ориентации. Такая особенность, соответственно, присуща всем практикам и культурным продуктам, существующим в границах гетерологической модели коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Жук Е. И. Роль гетерологических принципов в решении коммуникационных задач в гуманитарном познании / Е. И. Жук, В. В. Павлова // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2026. № 1. – С. 201–206.

2. Жук, Е. И. Гетерология в кинематографе: «Другой» зритель Эрика Ромера / Е. И. Жук // Киновзгляд: дискурсы и политики : сборник статей / Отв. ред. О. В. Сергеева, Т. А. Вархотов ; СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН. – СПб, 2026. – С. 288–311.

3. Вагнер, А. К. Гетерология как необходимый подход к проблеме формирования идентичности в современном обществе / А. К. Вагнер // Alter Idem. – 2010. – № 3. – С. 26–31.

УДК [316.334.55+316.472](476-22)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ АГРОГОРОДКА

Зеленская М. М.
аспирант Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Процесс развития белорусского общества на современном этапе характеризуется тактической многовекторностью в рамках единой социально-экономической стратегии. С одной стороны, повышение продолжительности и качества жизни, повлекло за собой повышение запросов и обогащение спектра потребностей населения. Помимо удовлетворения

минимальных потребностей, появляется необходимость самореализации, признания, ощущения эмоциональной безопасности. С другой – вызовы современности, такие как процессы глобализации и урбанизации, естественное старение населения, экологическая ситуация и т.д. заставляют людей переосмысливать сам факт существования, находить новые, прогрессивные формы интеракций. Такие привычные понятия, как «благополучие», «ценность», «престиж» приобретают новый смысл. Подобные проблемы затрагивают в большей степени населения городов, преимущественно крупных, однако и сельские жители вынуждены реагировать на изменение социальной действительности.

В Беларуси по данным Национального статистического комитета на 1 января 2026 года насчитывается 22973 сельских поселений, что составляет 99% от общего количества населенных пунктов республики, в то же время сельские жители составляют лишь 21 % от общей численности населения [1]. Необходимо отметить, что сельские территории играют важную роль в развитии страны в целом, обеспечивая продовольственную безопасность и поддерживая экологический баланс. Кроме того, именно сельские жители традиционно являются хранителями национальной культуры и этнической самобытности. Сельскими населенными пунктами согласно Закону «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь», признаются хутора, поселки, деревни и агрогородки. Агрогородок, как наиболее современный и перспективный тип сельского поселения, сформировался в процессе реформации сельских населенных пунктов в начале 2000-х годов. Целью создания агрогородков, в первую очередь, являлось появление в сельской местности среды привлекательной для проживания. Несмотря на то, что агрогородок официально признан сельским населенным пунктом, фактически быт жителей агрогородков имеет свои характерные особенности. Это объясняется, прежде всего, наличием ряда условий при которых сельский населенный пункт можно отнести к категории «агрогородок» – определенный уровень социальной инфраструктуры, который гарантирует обеспечение «государственных минимальных социальных стандартов проживающему в них населению и жителям прилегающих территорий [2]. В процессе формирования и совершенствования агрогородков происходил и, закономерный в такой ситуации, процесс адаптации местных жителей к изменению традиционного уклада сельской жизни, формирование актуальных социальных практик.

Понятие «социальные практики» широкое и многоаспектное. В социологическом словаре А. И. Кравченко оно определяется как «совокупность принятых в культуре (традиционных) способов деятельности, навыков обращения с различными предметами; мышление или действие «по привычке», следование правилу, поведение, имеющее ритуальный характер; частные социальные институты» [3, с 289]. Ю М. Резник, в свою очередь, отмечает, что «социальные практики формируются в ходе совместной деятельности людей, направленной на изменение качества их социальной среды (жизни) в соответствии с их установками (интенциями), социальным капиталом и другими ресурсами» [4, с 85].

Традиционно при рассмотрении понятия «социальные практики» особое место уделяется работам Пьера Бурдьё. Это обусловлено оригинальной авторской трактовкой понятия, включающей в себя такую категорию как «габитус». По мнению автора, «структура, продуктом которой является габитус, управляет практикой…» [5, с 45], при этом «будучи продуктом определенного класса объективных закономерностей, габитус стремится порождать «разумные» способы поведения…» [5, с. 46]. Вместе с тем, при строгом (объективном) анализе термина «социальные практики» и выделении при этом ключевыми аспектами категории «действие» и «взаимодействие» становится очевидным, что к теме социальных практик в той или иной степени обращаются все социологи. Более того, по мнению П. А. Сорокина, предметом социологии как науки непосредственно является «взаимодействие людей друг с другом. с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, с другой…» [6, с. 25].

В контексте осмысления вопросов «трансформации социальных практик (общности)», можно определить это понятие, как влияние действий и взаимодействий (социальных

отношений) на социальную действительность. Отличительные особенности типа населенного пункта обуславливают, в том числе, специфику социальных практик местного населения. В ряду сельских населенных пунктов, формы социальных практик населения агрогородков имеют свои отличительные особенности.

Прежде всего претерпели значительные изменения социальные практики, обусловленные таким социальным институтом как семья. В сельских населенных пунктах, таких как деревня и хутор до настоящего времени распространена многопоколенная, зачастую с патриархальным укладом семья. Несколько поколений семьи проживают в одном доме, ведут совместное хозяйство, порой имеют общий бюджет. При этом старшее поколение семьи традиционно пользуется авторитетом, оставляет за собой право выбора. Что касается агрогородков, ситуация иная. Строительство жилплощади для молодых специалистов и многодетных семей, а также меры государственной поддержки привели к тому, что молодые люди получают возможность проживать отдельно от старшего поколения, самостоятельно определять приоритеты, решать возникающие вопросы. В связи с этим трансформировались бытовые (повседневные) практики, такие как ведение домашнего хозяйства, планирование семейного бюджета и т. п.

Учитывая необходимость не только привлечь молодых людей в сельскую местность, но и содействовать их закреплению, претерпели изменения и социальные практики, связанные с институтом образования и культуры. В связи с наличием молодых, в том числе многодетных семей, изменилось отношение к образовательной и досуговой деятельности. Участие детей в сельскохозяйственном труде в агрогородках не носит обязательный характер, что привело к возникновению запроса на центры дополнительного образования, организацию кружковой работы. Изменения в этой сфере затронули и старшее поколение – на базах центров дополнительного образования, центрах культуры представляется возможность организации объединений по интересам для жителей пожилого возраста. Например, в аг. Колодищи Минской области на базе культурно-спортивного центра организованы работы кружков художественного творчества, спортивных секций, функционирует филиал музыкальной школы. Кроме того, агрогородки зачастую выступают площадкой для проведения культурных мероприятий. Так аг. Жемыславль Ивьевского района Гродненской области привлекает внимание как локация проведения феста «Жамчужная зорка – палац Умястоўскіх», который гармонично сочетает прошлое и настоящее этого населенного пункта и, помимо развлекательной составляющей, способствует консолидации местного сообщества, сохранению исторической памяти.

Обновления затрагивают различные аспекты организации жизнедеятельности местного населения. Жители агрогородков успешно осваивают новые практики взаимодействия с местными органами власти. Наряду с привычными формами взаимодействия, такими как личный прием и деятельность общественных объединений, учитывая общую тенденцию цифровизации общества, в отдельных агрогородках разработаны онлайн-платформы на которых размещаются новости, актуальная для местных жителей информация, есть возможность обратной связи. Моделью может служить информационный сайт аг. Боровляны Минской области «borovljany.by». Хорошим примером плодотворного взаимодействия органов власти и населения является проведение во всех областях республики конкурса гражданских инициатив, в которых традиционно участвуют и жители агрогородков. Так, в 2026 году одним из победителей конкурса является проект зоны отдыха «Мамино счастье» в аг. Прудники Докшицкого района Витебской области. Осваивая практики гражданской активности, жители агрогородков включаются в процесс преобразования своего населенного пункта, решение локальных вопросов и проблем.

Заключение. Активное формирование и становление агрогородков, как качественно нового типа населенного пункта в Республики Беларусь, привело к постепенной трансформации социальных практик сельского населения. Спецификой реализации социальных практик становится более осознанный, рациональный подход к выбору форм взаимодействия, активная гражданская позиция местных жителей. Привлечение в агрогородки

молодых семей содействует целенаправленному процессу передачи подрастающему поколению новых форм социальных практик, направленных на созидание. Агрогородки, при условии дальнейшей государственной поддержки и активном содействии местного сообщества, имеют потенциал для дальнейшего устойчивого развития. Такой формат организации сельского поселения, являясь связующим звеном между городом и деревней, способствует сохранению национальной идентичности, культурного кода народа Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн, 1998–2026. – URL: http://belstat.gov.by (дата обращения: 11.05.2026).

2. Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 5 мая 1998 г. № 154-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от от 31 дек. 2014 г. № 229-З // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 14.05.2026)

3. Кравченко, А. И. Краткий социологический словарь / А. И. Кравченко. – Москва : Проспект, 2015. – 352 с.

4. Резник, Ю. Человек и его социальные практики / Ю. Резник.– М. : ИФ РАН, 2008. – 263 с.

5. Бурдье, П. Практический смысл / П. Бурдье ; пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001 г. – 562 с.

6. Сорокин, П. А. Система социологии / П. А. Сорокин; вступ, статья, сост. и комментарии В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2008. – 1008 с.

УДК: 314.727.2

МИГРАЦИОННЫЙ ОТТОК СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА АПК РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Землякова С. Н.
доцент кафедры ПИМ ЮРГПУ (НПИ) им. М.И. Платова
кандидат экономических наук, доцент
г. Новочеркасск, Россия

Анучина С. Е.
студент ИГСЭО ЮРГПУ (НПИ) им. М.И. Платова
г. Новочеркасск, Россия

Агропромышленный комплекс (АПК) региона выполняет стратегическую функцию, выраженную в обеспечении продовольственной безопасности населения. Вместе с тем сельские территории Ростовской области на протяжении последних двух десятилетий характеризуются устойчивым сокращением численности жителей, что создает угрозу для кадрового обеспечения и развития аграрного сектора.

Динамика численности сельского населения Ростовской области за период с 2002 по 2020 г. демонстрирует отчетливую нисходящую тенденцию. В 2002 г. на селе проживало 1 426 488 чел., из них мужчин – 679 255 чел., женщин – 747 233 чел. Перепись 2010 г. зафиксировала снижение до 1 402 855 чел. (мужчин – 666 864 чел., женщин – 735 991 чел.). К 2020 г. численность сельского населения сократилась до 1 340 309 чел., при этом мужчин насчитывалось 643 658 чел., женщин – 696 651 чел. Таким образом, наблюдается не только абсолютная убыль, но и устойчивое гендерное дисбаланс с преобладанием женского населения. Обозначенные процессы обусловлены как естественной убылью, так и миграционным оттоком, при котором основная доля выбывающих приходится на лиц трудоспособного и младше трудоспособного возраста, что наносит ощутимый ущерб кадровому потенциалу АПК.

На рисунке 1 представлены результаты анализа динамики поголовья скота по категориям хозяйств в Ростовской области за 2000, 2010, 2022-2024 гг., тыс. голов.

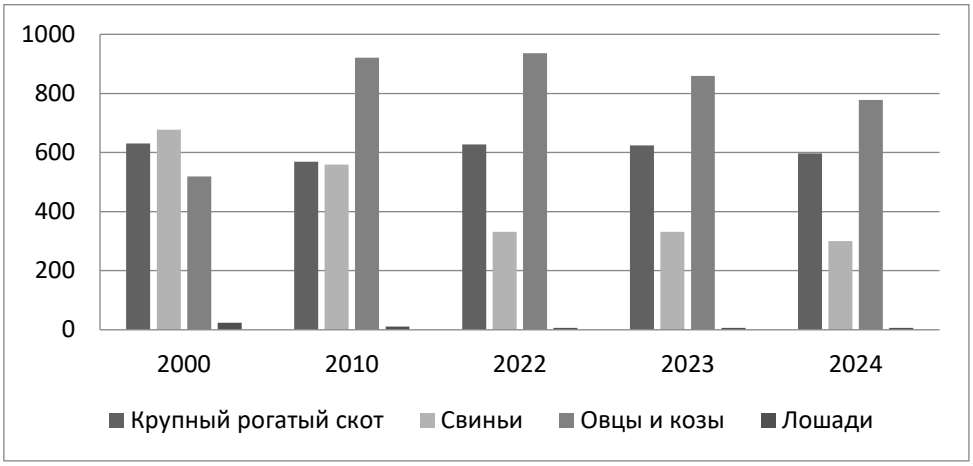

Рисунок 1. Динамика поголовья скота по категориям в хозяйствах Ростовской области за 2000, 2010, 2022- 2024 гг., в тыс. голов [1]

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Поголовье крупного рогатого скота за 24 года, несмотря на колебания в отдельные периоды, сократилось на 5,19 %. Основными причинами снижения выступают рост затрат на содержание маточного стада и низкая рентабельность производства молока и говядины, обусловленная длительным инвестиционным циклом. В условиях высокой закредитованности и неблагоприятной ценовой конъюнктуры на молочном рынке сельхозтоваропроизводители вынуждены прибегать к вынужденному забою скота, что наносит существенный урон отрасли [2].

2. Наиболее выраженная негативная динамика зафиксирована в свиноводстве, где поголовье сократилось на 55,66 %. В Ростовской области разводят свиней пород «Крупная белая», «Северокавказская» и «Донская», однако удорожание комбикормов и кормовых добавок, а также рост издержек на содержание животных обусловили устойчивое снижение численности [3].

3. Положительная тенденция наблюдается в овцеводстве и козоводстве: прирост поголовья за исследуемый период составил 49,84 %. По мнению профессора, доктора сельскохозяйственных наук ДонГАУ Ю.А. Колосова, указанная динамика связана с высвобождением пастбищных угодий и сенокосных площадей вследствие сокращения крупного рогатого скота. Кроме того, отрасль в меньшей степени пострадала от удорожания кормов [4].

4. Поголовье лошадей претерпело многократные изменения и сократилось на 72,08 % относительно базового периода. Данное сокращение обусловлено принятием законодательных актов начала 1990-х годов, среди которых: Закон РСФСР от 23.11.1990 № 374-1 «О земельной реформе», Закон РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР». Реализация указанных нормативных документов привела к реорганизации колхозов и совхозов, ликвидации ряда сельскохозяйственных предприятий, в том числе конного завода «Ростовский» [5].

Учитывая, что крупный рогатый скот является основным источником производства молока, нами проведен анализ динамики валового производства молока в Ростовской области (рис. 2).

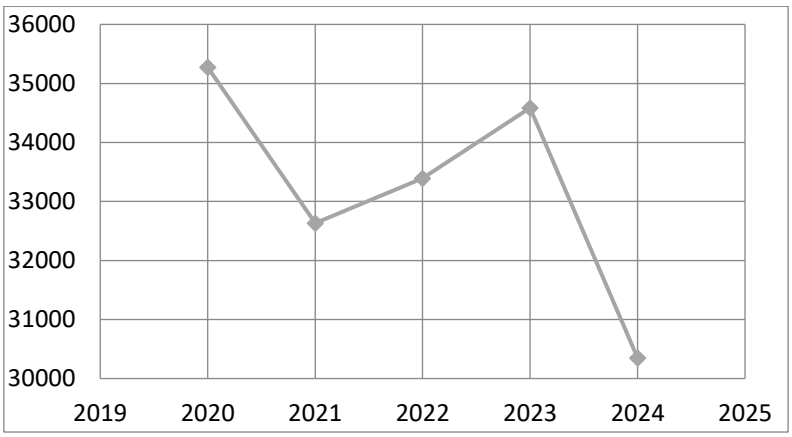

Рисунок 2. Производство молока в Ростовской области, тонн [2, 6]

На основе представленных данных можно сделать следующие выводы.

1. Производство молока в целом демонстрирует нисходящий тренд, за исключением 2023 г., когда государственная поддержка отрасли составила 169,3 млн. руб., направленных на возмещение 50 % затрат на приобретение оборудования, машин и механизмов для молочного скотоводства и 70 % -- на покупку роботизированных систем. Это позволило предприятиям модернизировать техническое оснащение ферм, закупив современное оборудование на сумму 340 млн. руб. В числе получателей поддержки – СЗАО «СКВО» Зерноградского района, ООО «Вера» и СПК (колхоз) «Родина» Матвеево-Курганского района, ИП Глава К(Ф)Х Постукян О.В. Мясниковского района [6].

2. В 2024 г. зафиксировано резкое падение производства, обусловленное следующими факторами: рост цен на электроэнергию и топливо; удорожание фуражного зерна; неблагоприятные погодные условия (заморозки и засухи), негативно сказавшиеся на кормовой базе [2]; отсутствие достаточных налоговых преференций; высокая ключевая ставка Центрального банка Российской Федерации, ограничивающая доступность кредитных ресурсов.

3. Сохраняется дефицит квалифицированных кадров. По данным опросов аграриев, женщины не проявляют заинтересованности в трудоустройстве доярками ввиду невысокого уровня оплаты труда (в среднем 50 000 руб.). Фермеры, в свою очередь, не имеют возможности повышать заработную плату в связи с высокими затратами на содержание животных [2].

В целях разработки инструментов закрепления населения на сельских территориях и привлечения кадров в АПК проведен анализ механизмов стимулирования кадрового потенциала (рис. 3).

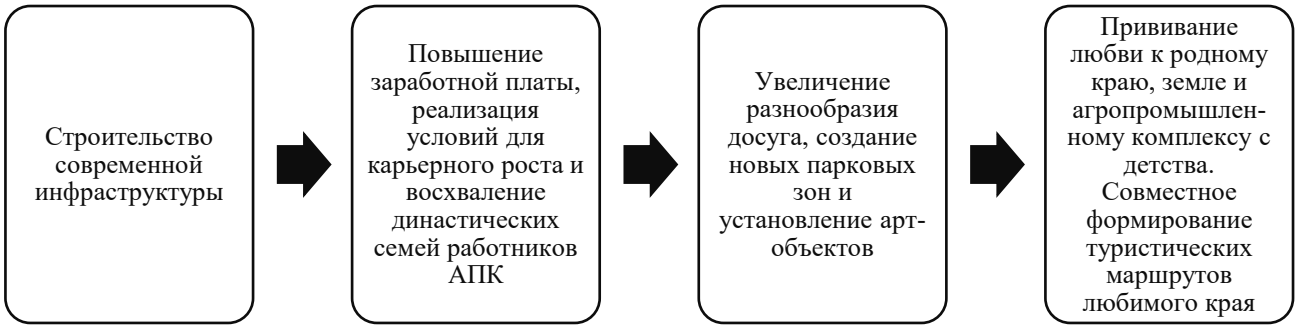

Рисунок 3. Механизм стимулирования кадрового потенциала АПК Ростовской области

Проведенный анализ позволяет заключить, что комплексное применение обозначенных мер способно создать условия для повышения привлекательности сельских территорий, снижения миграционного оттока и восполнения кадрового дефицита в агропромышленном комплексе.

Таким образом, миграционные процессы на сельских территориях оказывают негативное воздействие на производственные показатели АПК Ростовской области. Вместе с тем

предложенные меры стимулирования кадрового потенциала и государственной поддержки могут способствовать смягчению обозначенных проблем, увеличению объемов производства продовольствия и укреплению продовольственной безопасности региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области. – URL: https://61.rosstat.gov.ru/folder/29395 (дата обращения: 15.07.2026).

2. Бабичева, И. Держать коров стало дорого. Почему на Дону поголовье КРС упало почти на 19 % и как дорожают молочные продукты / И. Бабичева // 161.ру. – 2025. – 26 дек. – URL: https://161.ru/text/economics/2025/12/26/76190909/ (дата обращения: 20.07.2026).

3. Любашенко, И. В Ростовской области поголовье свиней снизилось на 6,9 % в 2025 году / И. Любашенко // Коммерсантъ. – 2025. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7890370 (дата обращения: 20.07.2026).

4. Мнение: развитие овцеводства на Дону имеет большой потенциал // PROюгАгро. – 2023. – 3 марта. – URL: https://rostov.rbc.ru/rostov/opinions/03/03/2023/6402007a9a7947e8363a7219 (дата обращения: 20.07.2026).

5. Ермаков, Г. Подкова неудачи: как создавалась, загибалась и чудом выживала конная индустрия на Дону / Г. Ермаков // 161.ру. – 2025. – 11 авг. – URL: https://161.ru/text/gorod/2025/08/11/75808151/ (дата обращения: 20.07.2026).

6. Об итогах развития отрасли молочного скотоводства в Ростовской области в 2023 году и задачах на 2024 год // Официальный портал Правительства Ростовской области. – URL: https://www.donland.ru/result-report/2173/ (дата обращения: 20.07.2026).

УДК [321.01+323.1.01+316.347](476)

ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ

Зенченко С. В.
ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси,
г. Минск, Беларусь

Эффективный механизм репрезентации, трансляции и воспроизводства национально-государственной идентичности граждан отдельных государств является ключевым фактором обеспечения общественно-политической устойчивости в условиях появления новых внешних и внутренних вызовов и угроз. Рост конфликтогенного фактора обусловлен структурной перестройкой системы международных отношений, вызванной формированием многополярного мира, борьбой за рынки сбыта и ресурсы.

Факторами детерминации национально-государственной идентичности выступают географические условия и геополитическое положение, глобализация, цифровизация, цивилизационная принадлежность, специфика исторического пути и исторической памяти белорусского государства, языковая близость, особенности политической и социально-экономических систем общества, государственная политика по укреплению и развитию национального сознания и народного единства.

Географический фактор обуславливает схожесть хозяйственной деятельности и быта, специфику социально-экономического и политического взаимодействия членов этнических сообществ. Преимущественно равнинный рельеф, умеренно-континентальный климат, наличие значительного количества водных ресурсов (рек, озер) предопределили сельскохозяйственную земледельческую направленность деятельности предков белорусов, требующая коллективных, солидарных действий – толокой в условиях не самых плодородных почв, лесистой и болотистой местности. Близкая, генетическая связь с годовыми природными циклами и зависимость от погодных условий сформировали такие черты белорусского менталитета, как чувство сопричастности с окружающей средой, привязанность к родной

земле, народным традициям, обычаям, трудолюбие, рациональность, предприимчивость. Так, 11 июля 2026 года Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на республиканском празднике «Купалье» («Александрия собирает друзей») отметил, что «обряды, ремесла, традиции – основа культурного кода белорусов, ключ к пониманию самих себя» [1]. Массовое празднование народных праздников, в том числе трудовыми коллективами, связанных с народно-обрядовым циклом (Масленица, Купалье, Яблочный и Медовый Спас, Дожинки, Коляды) является перманентным устойчивым трендом, воспроизводящим историческую традицию, укрепляющим историческую память и играющим консолидирующую роль, объедения людей ценностями созидания во имя совместного процветания, трудолюбия, ответственности, коллективизма. В 2025 т. только в Александрию праздновать Купалье приехало 115 тыс. человек [1]. Социологический опрос 2024 г. показал, что 79,3 % белорусов отмечают традиционные праздники в большинстве случаев «часто» или «иногда», при чем в основном доминирует ответ «часто» [2, с. 303–304].

Геополитическое положение Беларуси между западной и восточной (православной) цивилизацией, бассейнами Балтийского и Черного морей предопределили транзитный характер территории, вхождение белорусских земель в различные государственные образования (Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская Империя), воздействие соседних культур на характер и содержание этноконфессиональных процессов и как результат на траекторию развития, специфику репрезентации, трансляции и воспроизводства национально-государственной идентичности. Динамика геополитических процессов в Восточной Европе оказала воздействие на формирование поликонфессиональной и полиэтнической структуры населения страны, что способствовало формированию гражданской идентичности, основанной на солидарных социально-экономических и политических интересах, консолидированной патриотической позиции, вне зависимости от этнической, конфессиональной принадлежности перед лицом военных конфликтов, внешних угроз. В национально-государственном строительстве Беларуси принимали участие представители различных этносов (белорусы, русские, поляки, украинцы, евреи, татары, латыши, литовцы и т.д.). Культурный и языковой плюрализм в сопряжении с идеей социального освобождения и социальной справедливости, закрепленные законодательно еще в Конституции ССРБ 1927 г. и получивший свое дальнейшее развитие в политической и правовой системах как Советской Беларуси, так и суверенной республики, формировал и укреплял народное единство как важнейший принцип общественно-политической устойчивости белорусской модели государственности. Данный принцип позволил устоять и победить белорусскому народу в годы Великой Отечественной войны. Память о героической всенародной борьбе и трагедии белорусов (геноциде) в ходе войны является краеугольным камнем конструирования национально-государственной идентичности.

Историческая политика выступает ключевым и перспективным инструментом формирования и укрепления исторической памяти как значимого компонента конструирования белорусской национально-государственной идентичности. Историческая политика реализуется посредством системной политико-правовой и институциональной деятельности, включающие в себя принятие нормативно-правовых актов, деятельность государственных органов управления и самоуправления, работу исследовательских институтов, учреждений образования и культуры, общественных объединений и организаций. Распоряжением Главы государства в 2022 г. создан и функционирует межведомственный, консультативный и координирующий орган по проведению единой государственной политики в сфере исторической памяти – Республиканский Совет по исторической политике при Администрации Президента Республики. Его деятельность направлена на системную, комплексную, последовательную научно-методическую, экспертно-аналитическую, образовательную, организационную, пропагандистскую работу «по сохранению исторической правды о героическом прошлом белорусского народа, формированию историко-государственного мировоззрения, укреплению историко-культурной и духовно-этической общности белорусов» [3].

Директор Института социологии НАН Беларуси Н. Л. Мысливец отмечает, что «государственная историческая политика представляет собой один из важнейших компонентов государственного строительства в Республике Беларусь, средство консолидации общества на основе общепризнанной гражданско-политической идентичности, инструмент обеспечения национальной безопасности страны» [4, с. 133]. Вопросы исторической памяти, особенно о героических и трагических событиях периода Великой Отечественной войны, исторической политики находится в постоянном фокусе внимания Главы государства и находят отражение в ежегодных посланиях Президента страны к парламенту и народу.

Восточнославянская цивилизационная принадлежность основывается на традиции православного (византийского) христианства, которое определяло не только богослужебную практику, но и образ материальной и духовной жизни, оказывала существенное воздействие на характер общественных взаимодействий и отношений.

Глобализация и цифровизация с одной стороны оказывают унифицирующее воздействие, формируя и распространяя универсальные культурные паттерны, модели поведения, с другой стороны открываются новые возможности для воспроизводства, репрезентации собственной национально-государственной идентичности и знакомства и взаимодействие с другими видами идентичностей.

Приоритетную и перспективную формирующую роль в развитии национально-государственной идентичности отыгрывает языковое единство. Один из создателей белорусского литературного языка, классик белорусской литературы Ф. Богушевич в предисловии к поэтическому сборнику «Дудка белорусская» обосновал существование белорусской нации не только на основе существования экономического и культурного сообщества, обладающего единством исторического пути, но и посредством функционирования общего языкового пространства. Поэт отмечал, что «людей узнают по говору, или по одежде, которую носят, а язык и есть одежда души народа» [5, с. 88]. Кроме того, автор определят актуальное миролюбивое кредо белорусского народа, состоящее в моральной чистоте белорусов, которые никого не били, не подбивали, а только оборонялись [5, с. 88].

Укреплению национально-государственной идентичности способствует сформированная система политико-правовых актов, включающая в себя Конституцию Республики Беларусь, Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь, Директиву Президента Республики Беларусь №12 «О реализации основ идеологии белорусского государства», Концепцию информационной безопасности, Закон «О геноциде белорусского народа». В Конституции указано, что «демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений» [6]. Основной Закон обязывает каждого гражданина беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности, а сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа в годы великой Отечественной войны, патриотизм является долгом каждого белорусского гражданина [6].

Национально-государственная идентичность формируется, воспроизводится и репрезентируется под воздействием целого комплекса, взаимосвязанных и взаимообусловленных внешних (географическое и геополитическое положение, цивилизационная принадлежность, характер политической культуры, особенности политической и экономической систем, социальная структура общества) и внутренних (государственная политика по укреплению и развитию национального сознания и народного единства) факторов. Целенаправленная, планомерная, системная политико-правовая и институциональная деятельность субъектов политики выступают инструментами конструирования, укрепления и развития национально-государственной идентичности как ключевого компонента обеспечения общественно-политической устойчивости белорусской модели государственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Республиканский праздник «Купалье» («Александрия собирает друзей») [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2026. – 11 июля. – URL: https://president.gov.by/ru/events/respublikanskij-prazdnik-kupal-e-aleksandria-sobiraet-druzej (дата обращения: 20.07.2026).

2. Балич, Н. Л. Этнорелигиозная идентичность восточнославянских народов / Н. Л. Балич ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Беларуская навука, 2025 – 379 с.

3. О Республиканском совете по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь : распоряжение Президента Респ. Беларусь от 4 февр. 2022 г. № 22 // 4. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/documents/rasporyazhenie-no-22rp-ot-4-fevralya-2022-g (дата обращения: 18.07.2026).

4. Мысливец, Н. Л. Социология исторической памяти / Н. Л. Мысливец ; Национальная академия наук Беларуси, Институт социологии. – Минск : Беларуская навука, 2025. – 237 с.

5. Багушевіч, Ф. Дудка беларуская / Ф. Багушэвіч : Прадм. Я. Янушкевіча. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 150 с.

6. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution (дата обращения: 18.07.2026).

УДК 316.01

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРОСА «НЕДОСТУПНЫХ РЕСПОНДЕНТОВ»

Змачинская Т. Е.
ведущий социолог ЦСПИ БГУ
г. Минск, Беларусь

Тимашова Е. А.
заместитель начальника ЦСПИ БГУ
г. Минск, Беларусь

Краско С. Г.
стажер младшего научного сотрудника ЦСПИ БГУ
г. Минск, Беларусь

В современной социологии теоретические аспекты опросов малодоступных респондентов представляют собой сложную и многовекторную задачу. Изучение данного вопроса является предметом исследования как отечественных, так и зарубежных социологов.

Актуальность проблемы обусловлена необходимостью получения надежной социологической информации. Исключение из исследования «недоступных респондентов» может привести к появлению пробелов, искажению информации из-за неполного учета мнений всех групп населения. Не отрицая наличия значительных достижений в разработке теоретических аспектов опроса подобных респондентов необходимо отметить, что важно продолжить углубленное рассмотрение данной проблемы как на теоретическом, так и на практическом уровнях.

В ходе анализа теоретических аспектов опроса недоступных респондентов особое внимание следует уделить разнообразию определений этого понятия, предложенных различными авторами. При этом, до сих пор отсутствует терминологическое единство в определении понятия «недоступные респонденты».

На наш взгляд, «недоступные респонденты» – это представители определенной группы, с которыми трудно установить контакт в силу их экономического, политического, социального, демографического статуса или личностных характеристик. К «недоступным респондентам» относятся vip персоны, респонденты с высокой мобильностью,

сверхзанятостью, высоким/низким социальным статусом, представители определенных субкультур, редких целевых аудиторий (проживающие в труднодоступных районах, не имеющие необходимых коммуникативных навыков и т.д.). Более того, данное понятие существенно модифицируется в зависимости от специфики объекта и предмета исследования. Проведение опроса таковых респондентов требует высокой квалификации исследователей, больших временных и материальных ресурсов.

Отдельные специалисты определяют «недоступных респондентов» как круг лиц, не включенных в выборку исследования или тех, кто по различным причинам не может быть опрошен напрямую традиционными методами. Зачастую эти группы остаются вне поля зрения исследователей либо сознательно избегают участия в опросах по различным причинам, включая социальные, экономические и психологические препятствия. Недостижимость может приводить к серьезному искажению результатов, недостаточной репрезентативности выборки и ограничению возможностей для разработки эффективных социальных программ. Белорусские авторы подчеркивают, что «надежность предоставляемой респондентом информации зависит от множества его социальных, психологических особенностей, а также от условий проведения опроса, процедуры его организации и соблюдения системы требований при проведении опроса анкетером» [1].

Для детального понимания социальных изменений рационально использовать гибкие и инновационные методики работы с указанной целевой аудиторией. Осмысление этих аспектов имеет критическое значение для выработки результативных стратегий устранения препятствий недоступности и обеспечения репрезентативности социологических исследований.

Работа с такими респондентами требует высокой квалификации исследователя, установление доверительных отношений, соблюдение этических норм и адаптации методов сбора данных к особенностям целевой аудитории. Эффективное изучение недоступных респондентов основано на сочетании различных методов исследования. Наиболее результативными являются глубинные интервью, метод «снежного кома», выборка «место-время», кейс-стади, анализ публичных выступлений, пресс-конференций и официальных заявлений.

Комплексное применение прямых и косвенных методов, а также триангуляция данных, позволяют повысить достоверность информации и минимизировать влияние ограниченного доступа к респондентам. Опросы являются важным инструментом социологических исследований для получения информации о мнениях, установках и поведении людей [1]. В случаях затрудненного доступа исследователи все чаще отдают предпочтение различным альтернативным методам для сбора данных от недоступных респондентов. Ученые применяют ряд методов, обеспечивающие получение сведений, избегая непосредственного взаимодействия с респондентами [2, с. 45].

Такие мероприятия, как пресс-конференции, являются важным событием в общественно-политической жизни общества. Они предоставляют возможность официальным лицам открыто взаимодействовать не только с журналистами, но и с широкой аудиторией. Важно подчеркнуть, что особенностью этого метода является то, что это предварительно подготовленные мероприятия, следовательно, полученная информация может быть весьма ограниченной. Кроме того, они имеют очень строгий формат, предусматривающий ограниченное время для ответов и четкий перечень вопросов. Изучение коммуникативных стратегий, официальной позиции, реакций на события с помощью этого метода демонстрирует, что остается некоторая вероятность манипулирования информацией при формировании общественного мнения. Как отмечает белорусский социолог А. Н. Данилов, «только правильно подобранный метод исследования и соблюдение принципов и норм его использования обеспечивают достоверность полученных результатов» [3, с. 280].

Работа с недоступными респондентами предусматривает, помимо методологической грамотности, возможность оптимизировать методы опроса к уникальным условиям каждого

исследования и потребностям целевой группы. Они призваны защитить респондентов и членов изучаемых сообществ от грубых вторжений извне, сохранить тайну личной жизни, уберечь от ложных и лживых оценок, что должно соответствовать «кодексу социолога». В этой сфере в белорусском законодательстве функционирует ряд законодательных актов, направленных на защиту персональных данных.

Таким образом, под «недоступными респондентами» понимаются группы, с которыми затруднено установление контакта в следствие их социального, политического, экономического статуса, высокой мобильности, закрытости или иных особенностей. Исключение таких групп из исследования приводит к снижению репрезентативности выборки и искажению результатов исследования, поэтому необходимо осваивать все доступные методы и инструменты; совершенствовать, адаптировать их в соответствии с динамичными условиями и социальными потребностями с целью увеличения охвата и улучшения репрезентативности данных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кучко, Е. Е. Методология и методы социологических исследований : пособие / Е. Е. Кучко, С. Н. Бурова, Л. В. Филинская. – Минск : БГУ, 2018. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/211611 (дата обращения: 20.07.2026).

2. Осипов, Г. В. Методы измерения в социологии. – Москва : Наука, 2003. – 45 с.

3. Социология : учебное пособие / А. Н. Данилов [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : РИВШ, 2025. – 307 с. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/288100 (дата обращения: 24.07.2026).

УДК 332.1:001.895

ИННОВАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Зокирова Н. К.
заведующая кафедрой «Экономика труда и стратегический менеджмент»
Ташкентского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор
г. Ташкент, Узбекистан

Современный этап развития Республики Узбекистан характеризуется четко обозначенными императивами инновационного развития страны в государственных стратегиях и программах. Особое внимание развитию инновационной инфраструктуры уделяется в Стратегии развития Нового Узбекистана [1] на 2022-2026 гг. и в программе «Цифровой Узбекистан – 2030» [2], где определены приоритеты модернизации регионов, улучшения инвестиционного климата и внедрению цифровых технологий во все отрасли экономики. В данных условиях инновационная инфраструктура приобретает значение основы устойчивого социально-экономического роста регионов, обеспечивая эффективное взаимодействие науки, образования и бизнеса на основе реализации высокотехнологичных проектов.

Недостаточный уровень развития инновационной инфраструктуры создает риски снижения предпринимательской активности, сдерживает развитие стартапов и ограничивает реализация современного научного потенциала. Эта взаимосвязь подчеркивает важность развития инфраструктуры для разработки, внедрения и коммерциализации инноваций с учетом современных тенденций роста национальной экономики Узбекистана [3].

Ускорение процессов цифровизации, усложнения международных интеграционных связей и рост сопровождающих рисков и угроз трансформируют глобальное информационное пространство, стимулируют новые научные исследования и повышают интенсивность обмена знаниями и технологиями. Эти тенденции придают инновационной инфраструктуре ключевое значение как механизму интеграции научных, образовательных и предпринимательских

структур, ускорения инновационных преобразований и повышения конкурентоспособности экономики [4, с. 151-153]

Как совокупность организационных, финансовых и институциональных структур, обеспечивающих процессы разработки, внедрения и распространения инноваций, инновационная инфраструктура включает технопарки и инновационные кластеры, бизнес-инкубаторы и акселераторы, венчурные фонды и институты финансирования, цифровые платформы и технологические хабы. Каждый из этих элементов выполняет определённые функции.

Специализированную среду для концентрации научного, технологического и производственного потенциала, стимулирующую развитие кооперации между хозяйствующими субъектами формируют технопарки и инновационные кластеры. Поддержка инновационных проектов на ранних стадиях и становление устойчивых предпринимательских инициатив осуществляется в формате бизнес-инкубаторов и акселераторов.

Финансовую основу инновационной деятельности обеспечивают венчурные фонды, банки, инвестиционные компании и другие финансовые институты, ориентированные на привлечение инвестиций и снижение рисков реализации высокотехнологичных проектов. Взаимодействие и интеграция участников инновационной системы, обмен знаниями и расширение возможностей коммерциализации разработок обеспечивается цифровыми платформами и технологическими хабами.

В Узбекистане функционируют 264 организации, осуществляющие научные исследования и разработки, численность занятых в данной сфере превышает 37 тысяч человек. Развитие стартап-экосистемы также демонстрирует устойчивый рост. Количество стартапов превысило 750, а их совокупная стоимость оценивается почти в 4 миллиарда долларов [5]. Финансовая составляющая инновационной инфраструктуры характеризуется активизацией венчурного рынка. Так, объем венчурных инвестиций в 2025 г. вырос более чем в 10 раз и достиг порядка 99,3 миллиона долларов по сравнению с показателями за предыдущий период. При этом в Узбекистане функционирует пятнадцать венчурных фондов, что свидетельствует о формировании институциональной базы финансирования инноваций [6].

Дополнительным подтверждением развития инновационной системы является прогресс Узбекистана в международных рейтингах, например, 98-е место в топ-100 глобального рейтинга стартап-экосистем [7] и 79-е место в Глобальном инновационном индексе [8]. Развитие инновационной инфраструктуры поддерживается стимулированием на государственном уровне роста объема венчурных инвестиций к 2030 г. до двух миллиардов долларов [9].

Важную роль в развитии инновационной и стартап-экосистемы играет реализация комплекса государственных мер. Постановлением Президента Республики Узбекистан от 14 октября 2024 г. № ПП-357 «О мерах по дальнейшему развитию экосистемы стартап-проектов и венчурного финансирования» предусмотрено внедрение программ поддержки стартапов, включая механизмы софинансирования, компенсации затрат и стимулирования привлечения иностранных инвестиций [10]. Существенное значение имеет также создание и развитие IT Park Uzbekistan, функционирование которого регулируется рядом нормативных актов, включая Указ Президента № УП-5099 от 30 июня 2017 г. [11] и последующие постановления Кабинета Министров, направленные на формирование благоприятных условий для развития IT-сектора и поддержки инновационных компаний.

В условиях цифровой экономики инновационная инфраструктура трансформируется, приобретая сетевой и платформенный характер. Это позволяет ускорить процессы обмена знаниями, масштабирования инноваций и выхода стартапов на международные рынки. Данная тенденция находит подтверждение на примере Республики Узбекистан, где сформирована динамично развивающаяся цифровая экосистема. В частности, деятельность IT Park Uzbekistan обеспечивает интеграцию стартапов, инвесторов и технологических компаний, предоставляя резидентам налоговые льготы, доступ к экспортным рынкам и инфраструктурную поддержку.

Эффективность функционирования инновационной инфраструктуры определяется совокупностью институциональных и организационно-экономических факторов, формирующих условия для устойчивого развития инновационной деятельности. К числу институциональных факторов относятся состояние нормативно-правовой базы, характер и направленность государственной политики в сфере поддержки инноваций, уровень развития финансовых институтов, а также инвестиционная привлекательность региона.

В свою очередь, организационно-экономические факторы отражают степень развитости инфраструктуры поддержки стартапов, доступность финансовых ресурсов, уровень цифровизации экономики и глубину интеграции бизнеса, науки и образования, что в совокупности определяет эффективность взаимодействия участников инновационной системы. Недостаточная развитость указанных факторов приводит к возникновению институциональных барьеров, ограничивающих инновационную активность и снижение эффективности функционирования стартап-экосистем.

Особое значение в развитии инновационной инфраструктуры имеет взаимодействие научных и образовательных организаций с бизнес-сообществом [12, с. 49-51]. Университеты выступают не только центрами подготовки кадров, но и ключевыми участниками инновационного процесса, обеспечивая генерацию новых знаний и технологий. Интеграция науки, образования и предпринимательства способствует формированию инновационной среды, ориентированной на коммерциализацию результатов научных исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Республики Узбекистан от 16.02.2026 г. № УП-21 «О дополнительных мерах по последовательному продолжению и выведению на новый этап реформ в рамках приоритетных направлений развития страны до 2030 года». – URL: https://lex.uz/ru/docs/8050774.

2. Указ Президента Республики Узбекистан, от 05.10.2020 г. № УП-6079 «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации». – URL: https://lex.uz/docs/5031048.

3. Абдурахманов К.Х. и др. Национальная экономика: теоретические аспекты и современные тенденции: Монография. – Т.: Филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2013. – 464 с.

4. Ходжаева, М. Я. Тенденции современного этапа инновационного развития / М. Я. Ходжаева // Сборник докладов Международной конференции по экономике и менеджменту на развивающихся рынках (МКЭМ) : материалы Международной конференции, Москва, 21 мая 2025 года. – Москва: ООО "Издательский дом "Реальная экономика", 2025. – С. 151–153.

5. Science and Innovation in the Republic of Uzbekistan. Press-release. 29.07.2025 г.// National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. – URL: https://stat.uz/img/press-relizlar/press-reliz-innovatsiya-eng-25_07_2025_p64657.pdf.

6. Ким. Е. Стартап-бум: венчурный рынок Узбекистана вырос в 11 раз за три года. [Электронный ресурс]. – URL: https://uz.kursiv.media/2026-04-03/startap%E2%80%91bum-venchurnyj-rynok-uzbekistana-vyros-v-11-raz-za-tri-goda.

7. Глобальный индекс инноваций. Узбекистан. [Электронный ресурс]. – URL: https://statbase.ru/data/uzb-global-innovation-index.

8. Узбекистан впервые вошел в топ-100 мирового рейтинга Global Startup Ecosystem Index 2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.it-park.uz/en/itpark/news/uzbekistan-enters-the-global-top-100-in-the-global-startup-ecosystem-index-2025-for-the-first-time.

9. Рассмотрены приоритетные задачи по развитию цифровых технологий. 20.01.2026 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://president.uz/ru/lists/view/8867.

10. Постановление Президента Республики Узбекистан, от 14.10.2024 г. № ПП-357 «О мерах по дальнейшему развитию экосистемы стартап-проектов и венчурного финансирования». – URL: https://lex.uz/ru/docs/7155290.

11. Указ Президента Республики Узбекистан, от 30.06.2017 г. № УП-5099 «О мерах по коренному улучшению условий для развития отрасли информационных технологий в республике». – URL: https://lex.uz/docs/3249654.

12. Ашурзода, Л. М. Экономический механизм функционирования и развития инновационного кластера науки, образования и производства / Л. М. Ашурзода // Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития в условиях цифровой экономики : Сборник статей XIV

международной научно-практической конференции, Минск, 15 мая 2020 года. – Минск: СтройМедиаПроект, 2020. – С. 49–51.

УДК 37.01

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ОБЩЕГО И ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ: ИСТОРИЯ, СТАТИСТИКА, РЕЗУЛЬТАТЫ

Золотарева А. В.
профессор кафедры педагогических технологий ЯГПУ им К.Д. Ушинского,
доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО,
г. Ярославль, Россия

Проблема междисциплинарной интеграции становится одним из мировых и российских трендов развития сферы образования. Актуальность этой проблемы подтверждается, *историческим, международным, отечественным и эмпирическим исследованием*, проведенным ярославским научным коллективом, созданном при Ярославском государственном педагогическим университетом им. К. Д. Ушинского.

Историко-педагогическое исследование показало, что проблема единства знания обсуждается философами и учеными, начиная с античных времен и до современности:

- в античной Греции знания о мире строилось на синтезе математики, музыки и философии, чтобы ученик мог видеть картину мира целостно (Пифагор, Фалес, Анаксимен, Парменид, Зенон); была создана первая классификация наук: теоретических (физика, математика, метафизика), практических (этика, политика) и творческих (поэтика, риторика) (Платон, Аристотель); утверждали, что знание должно быть практически полезным и служить воспитанию добродетели, что требовало интеграции философии, этики и жизненного опыта (Варрон, Плиний Старший, Сенека) [1];

- в эпоху Возрождения идея целостного знания получила выражение в концепции универсального человека; Леонардо да Винчи, Микеланджело, Альбрехт Дюрер — все они были одновременно художниками, инженерами, анатомами, математиками; происходило становление новых дисциплин: физики (Галилео Галилей, Исаак Ньютон), химии (Роберт Бойль), биологии (Уильям Гарвей); быстрое накопление знаний сопровождалось их дифференциацией и сохранения целостности [2];

- в XIX веке в европейской педагогической мысли усилилось понимание того, что обучение и воспитание образуют единый процесс формирования личности, согласования физического и нравственного развития (Иммануил Кант); создание «воспитывающего обучения» (Гербард); целостного видения предметной области (Гегель); создавалась концепция универсальной гармонии, которая стала важнейшей философской предпосылкой для понимания того, что различные науки изучают не изолированные фрагменты реальности, а взаимосвязанные аспекты единого мира (Лейбниц) ([3].

В XIX-XX веке идея целостности образования получила глубокое обоснование в трудах русских ученых: К.Д, Ушинский, показал, что педагогика должна опираться на все науки о человеке — анатомию, физиологию, психологию, историю, философию; С. А. Рачинский предлагал соединить обучение грамоте, счёту, естествознанию с ручным трудом, хоровым пением, иконописью, создавая единое воспитательное пространство; Л. Н. Толстой создал «свободную школу», где дети учились в соответствии со своими интересами и потребностями; П. П. Блонский, С. Т. Шацкий, А. У. Зеленко и др. в начале XX века предпринимались попытки создания практик «трудовой школы» и комплексных программ образования [4].

В конце XX – начале XXI века в России начали разрабатываться разные теории интеграции в образовании (Г. И. Батурина, А. Я. Данилюк, Г. Ф. Федорец, Н. К. Чапаев, И. П. Яковлев и др.); междисциплинарный подход в образовании (Э. Н. Гусинский,

А. Г. Асмолов, Б. Г. Гершунский и др.); концепции преемственности в образовании (В. М. Туркина, А. Н. Смоловская и др.); концепции вариативности в образовании (А. Г. Асмолов, Л. С. Выгодский, Л. А. Липская, А. М. Цирульников и др.); метапредметный подход в образовании (М. В. Богуславский, Н. В. Громыко, Ю. В. Громыко, А. В.Хуторской и др.); конвергентный подход в образовании (О. Е. Баксанский, Р. М. Исмагилова, А. П. Новиков, В. Г. Смелова и др.) [5].

Таким образом, в системе образования интеграция необходима для формирования у всех обучающихся целостной картину мира; обеспечения преемственности содержании и способов реализации образования разных уровней (дошкольного, общего, профессионального); межпредметных связей между школьными предметами, направленностями ДОД, дисциплинами профессиональных профилей, которые не укладываются в привычные рамки отдельных дисциплин и предметов; построения индивидуальной модели обучающегося [6].

При этом, среди типов образования особое место занимает дополнительное образование, как наиболее гибкое, многообразное, свободное, обладающее большим потенциалом для интеграции с другими типами образования, в первую очередь, с общим образованием (ОО) [7].

Исследования современной зарубежной науки и практики образования показали, что проблема междисциплинарной интеграции ОО и ДОД стали активно рассматриваться только в последние годы, когда актуализировалось понимание, что оба типа образования входят в единое индивидуальное образовательное пространство ребенка. Ключевой тенденцией последних лет является стремление к созданию «бесшовной» образовательной среды для всестороннего развития ребенка [8].

Знакомство с зарубежным опытом показало, что лучшие мировые системы образования активно строят разные модели интеграции ОО и ДОД, за счет чего повышают эффективность и результативность образования:

– перенос навыков и достижений обучающихся из неформального сектора в образовательный процесс школы: результаты, полученные в кружке или волонтерском проекте, могут быть зачтены как образовательный результат (Австрия, Бельгия, Италия);

– государственно–частное партнерство в формировании современных компетенций обучающихся через решение реальных производственных задач: интеграция обучения в школе с практикой на предприятии (неформальное обучение), с получением государственного или отраслевого сертификатов по итогам обучения (Германия);

– дополнительное образование интегрировано в учебный план: слияние ступеней школы, обязательные научные кружки, распределение ресурсов через альянсы, отказ от преподавания предметов изолированно (Китай);

– развитие STEAM–образования для реализации интегрированных курсов, цель которых научить детей решать реальные задачи, применяя знания из разных дисциплин и сфер образования, развивать навыки совместной работы (США);

– «совмещаемое обучение» средствами интеграции ОО и ДОД: все учащиеся средней школы должны заниматься, как минимум, в одном дополнительном объединении; при этом, интеграция направлена на создание гибкой системы, которая учитывает индивидуальные интересы и способности учащихся (Сингапур).

Анализ диссертационных исследований конца XX начала XXI века, выполненных российскими учеными, показал, что вопросы межпредметной и междисциплинарной интеграции ОО и ДОД пока исследованы недостаточно. До 90-х годов XX века дополнительное образование было, практически, «белым листом» для исследователей. Поэтому мы предприняли попытку выявить и обобщить научные и прикладные работы в сфере ДОД, выполненные в последние 25 лет (2000-2025 г.г.).

Изучив более 1000 докторских и кандидатских диссертаций, мы увидели, что наибольшее количество исследований было посвящено вопросам ДОД в социально-гуманитарной (23%) и художественной (22%) направленностях, а также проблемам интеграции ОО и ДОД (20%). Значительно менее пока исследуются направленности: естественно-научная (6,3%); техническая (5,6%); физкультурно-спортивная (4,2%); туристско-

краеведческая (4%). Вопросам сопровождения особых категорий детей средствами ДОД посвящено всего 8,1% диссертаций; 7,8% исследований выполнено в сфере управления ДОД и 8,4% – в сфере подготовки кадров для ДОД.

Таким образом, интеграция ОО и ДОД (в т.ч. и междисциплинарная) является одной из наиболее актуальных и перспективных направлений развития современного ДОД в России.

В России одним из первых исследовал вопросы интеграции дополнительного и других сфер образования коллектив ярославской научной школы под руководством профессора А.В. Золотаревой (Т.Н. Гущина, Н.А. Мухамедьярова, С.Л. Паладьев и др.). Были выявлены, описаны и апробированы: функции и виды интеграции общего и дополнительного образования; тенденции и закономерности развития процесса интеграции образования; особенности разработки интегрированных программ и интегрированных занятий, технологии осуществления интеграции общего и дополнительного образования; особенности интеграции общего и дополнительного образования в условиях учреждения дополнительного образования (УДОД), общеобразовательного учреждения, дошкольного учреждения, учреждения среднего профессионального образования; особенности и технологии сетевого взаимодействия в системе образования [9].

Кроме того, в исследование вопросов междисциплинарной интеграции внесли вклад ученые Москвы, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Челябинска, Екатеринбурга, Челябинска и др. Современное развитие науки, а также глобальные социально-экономические проблемы, которые встали перед человечеством (в том числе и Россией) в последние годы, сделали интеграцию в образовании не просто желательной, а необходимой.

Анализ диссертаций 2000-2025 г.г. показал, что наибольший интерес в науке и практике ДОД составляют следующие аспекты интеграции: междисциплинарная интеграция школьных предметов и дополнительных общеобразовательных программ (ДООП) для достижения предметных, метапредметных и личностных результатов (41%); междисциплинарная интеграция ДООП и программ профильного обучения (21%); интеграция УДОД с организациями культуры и спорта (10%); и далее уже менее 10 %, по убывающей, представлены доли интеграции УДОД с семьей, детскими общественными организациями, колледжами и вузами, с дошкольными организациями.

Особе место в исследовании рассматриваемой проблемы занимает междисциплинарная интеграция профилей подготовки школьных учителей и педагогов ДОД на уровнях высшего образования (бакалавриат и магистратура). Наш статистический анализ показал, что начиная с 2014 года, в вузах России стали появляться двухпрофильные программы подготовки школьного учителя и педагога ДОД. К 2024 году количество таких программ выросло с 6 до 206 программ, которые реализуются в настоящее время в 79 вузах РФ [10].

Эмпирическое исследование оценки педагогами и обучающимися образовательного потенциала междисциплинарной интеграции ОО и ДОД было проведено в 2025 году. В опросе приняли участие 2790 педагогов и 9360 обучающихся из 19 регионов РФ.

Обобщение результатов исследования позволило выявить предпосылки становления и развития междисциплинарной интеграции ОО и ДОД в практике образовательных организаций России, которые подтверждаются следующими данными:

– 39% *педагогов системы образования ставят цели и определяют задачи междисциплинарной интеграции*, чего пока явно недостаточно и требует создания условий для освоения целеполагания;

– педагогам известны признаки, по которым можно судить, что ДООП интегрирована с общим образованием: преемственность содержания образовательных программ; технологическую преемственность способов организации педагогической деятельности; преемственность образовательных результатов;

– педагоги видят и понимают затруднения в практической реализации междисциплинарной интеграции: 28% – в согласованной деятельности учителя и педагога ДОД; 17% – в интеграции и преемственности результатов образования; 15% – в преемственности форм и методов обучения;

– *45% педагогов достаточно высоко оценивают потенциал междисциплинарной интеграции,* ее смысл и важность в достижении предметных, метапредметных и личностных результатов образования;

– *55% педагогов используют для достижения целей междисциплинарной интеграции ОО и ДОД* интегрированные учебные занятия, 45% – междисциплинарные практические задания; 32% – междисциплинарные проекты;

– *у педагогов есть опыт взаимодействия с образовательными организациями разных типов*, при этом, наибольшее взаимодействие осуществляется с общеобразовательными школами (59%); а наименьшее взаимодействие – с вузами (10%);

– *обучающиеся также проявляют заинтересованность во взаимосвязи школьных уроков и занятий в объединениях ДОД:* 29% школьников применяют знания или умения, полученные в кружках/секциях, на уроках в школе; 51% утверждают, что им в учебе помогают знания, полученные в кружках, секциях ДОД; 35% детей хотели бы, чтобы школа и кружки были больше связаны.

Таким образом, междисциплинарная интеграция и преемственность общего и дополнительного образования является важным ресурсом, позволяющим создавать единое образовательное пространство для повышения эффективности и качества образования. Однако в реализации этого процесса еще существуют барьеры, в том числе: организационно-управленческие барьеры (разное расписание, нормативная база и др.); барьеры, связанные с трудностями отслеживания и согласования результатов образования; разные цели и мотивы занятия детей по ДООП; проблемы взаимодействия учителя и педагога ДОД; барьеры использования ресурсов образования; разновозрастной состав образовательного объединения ДОД и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. История философии: Учебник для вузов / Под ред. В. В. Васильева, А. А. Кротова, Д. В. Бугая. – М. : Академический Проект, 2008.

2. Ле Гофф, Ж. Интеллектуалы в средние века / Ж. Ле Гофф. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. – 240 с.

3. Михайлова, Н. В. Философия математики Лейбница, концепция универсальной характеристики и математическое образование / Н. В. Михайлова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е, Педагогические науки. – 2020. – № 7. – С. 79–84.

4. Малютина, К. Н. Исторический аспект развития межпредметной интеграции в образовании / К. Н. Малютина // Историко-педагогический журнал. – 2020. – № 3. – С. 87–94

5. Синенко, В. Я. Интеграционные процессы как основа метапредметности в системе образования (философско-педагогический дискурс) / В. Я. Синенко, Я. В. Бондарева // Современные философские исследования. – 2023. – № 3. – С. 68–75.

6. Золотарева А. В., Мухамедьярова Н. А. Психолого-педагогический потенциал междисциплинарной интеграции и преемственности общего и дополнительного образования. / А. В. Золотарева, Н. А. Мухамедьярова // Психолого-педагогические исследования. – 2026. – № 18(1). – С.134–148.

7. Евладова, Е. Б. Дополнительное образование в школе: в поисках смыслов и ценностей: практико-ориентированная монография / Е. Б. Евладова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. – 186 с.

8. Сериков, В. В. Межпредметные связи в учебном процессе: поиск новых решений / В. В. Сериков, О. В. Гукаленко // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2025. – Т. 2, № 6 (110). – С. 61–79

9. Золотарева А. В., Мухамедьярова Н. А., Тихомирова Н. Г. Основы интеграции и сетевого взаимодействия общего и дополнительного образования: учебное пособие. / А. В. Золотарева, Н. А. Мухамедьярова, Н. Г. Тихомирова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2014. – 235 с.

10. Подготовка и профессиональное развитие кадров для сферы дополнительного образования детей в Российской Федерации: Состояние, тенденции, проблемы и перспективы: коллективная монография / под. науч. ред. А. В. Золотаревой. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. – 271 с.

УДК 343.94

РОЛЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГА В РАМКАХ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Исаева Л. А.
доцент кафедры уголовного права
и процессуальных дисциплин СФ УУНиТ
кандидат юридических наук
г. Стерлитамак, Россия

Гареева Э. Р.
старший преподаватель кафедры уголовного права
и процессуальных дисциплин
г. Стерлитамак, Россия

Актуальность темы исследования обусловлена устойчивой тенденцией к гуманизации и психологизации современного уголовного судопроизводства. В условиях состязательности процесса, закрепленной в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, возрастает потребность в использовании специальных знаний, в том числе в области общей, социальной и медицинской психологии [2, с. 7]. Суды и следственные органы все чаще сталкиваются с необходимостью оценки психического состояния участников процесса, их способности воспринимать обстоятельства дела, давать показания или осознанно руководить своими действиями в момент совершения преступления.

Процессуальный статус психолога-эксперта в современном российском уголовном процессе четко определен нормами УПК РФ. Психолог, выступая в роли эксперта, наделяется широким кругом прав, позволяющих ему эффективно участвовать в доказывании: от изучения материалов уголовного дела до отказа от дачи заключения при недостаточности данных. Однако реализация этих прав ограничена строгими рамками компетенции — психолог не вторгается в область права (решение вопроса о виновности) и медицины (постановка психиатрического диагноза), оставаясь в пределах своей профессиональной предметной области [19, с. 245-252].

Именно поэтому при переходе от анализа процессуального статуса к содержательной стороне экспертного исследования ключевое значение приобретает вопрос о компетенции психолога — круге тех обстоятельств, которые он правомочен устанавливать, используя свои специальные познания. Компетенция психолога определяет границы его экспертной деятельности и одновременно задает структуру тех вопросов, которые могут быть поставлены перед ним следователем или судом. Традиционно эти вопросы группируются по нескольким направлениям, каждое из которых отражает определенный аспект психического функционирования личности в юридически значимой ситуации [20, с. 34-39].

Первую группу составляют вопросы, относящиеся к психическому состоянию и эмоциональным реакциям. Это анализ наличия или отсутствия физиологического аффекта (сильного душевного волнения), стресса, фрустрации, психической напряженности в момент совершения деяния. Психолог анализирует динамику эмоций, глубину переживаний и их влияние на сознание и волю, что имеет прямое значение для квалификации деяния по статьям 107, 113, 114 УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Вторую группу образуют вопросы индивидуально-психологических особенностей личности. Сюда входит изучение темперамента, характера, способностей, мотивационной сферы, структуры потребностей. Особое значение это имеет по делам несовершеннолетних, где необходимо понять уровень социальной зрелости подростка, его способность в полной мере осознавать фактический характер своих действий и руководить ими (ст. 421 УПК РФ), а

также по делам о преступлениях, совершенных лицами с психическими аномалиями, не исключающими вменяемости [22, с. 112-118].

Третья группа — вопросы способности правильно воспринимать обстоятельства. Психолог может дать заключение о том, мог ли потерпевший или свидетель, учитывая его сенсорные, интеллектуальные и возрастные особенности, адекватно воспринимать происходящее событие (например, нападение в темноте) и давать о нем показания без искажений. Это касается оценки достоверности показаний, что особенно важно по делам о преступлениях против половой неприкосновенности, где показания потерпевшего зачастую являются ключевым доказательством, а обстановка совершения преступления сопряжена с сильным психотравмирующим воздействием.

Наконец, четвертую группу составляют вопросы взаимодействия личности и ситуации. Специалист анализирует механизмы психологической защиты, влияние социального окружения, давление авторитетов (взрослых на подростков), формирование преступного умысла под влиянием группы. Данный анализ необходим при расследовании преступлений, совершенных в составе организованных групп или под влиянием третьих лиц (например, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность — ст. 150 УК РФ). Таким образом, компетенция психолога охватывает широкий спектр явлений, но всегда ограничена предметной областью психологической науки и не подменяет собой ни юридической, ни психиатрической оценки.

Переходя от вопроса о правовых основаниях назначения экспертизы к ее практической организации, следует рассмотреть методологический инструментарий, которым располагает эксперт-психолог. Психолог в своей экспертной работе опирается на три основных источника получения информации. Первый — анализ материалов уголовного дела, включающий биографический метод (изучение истории жизни подэкспертного), анализ личной переписки, изучение показаний свидетелей и иных лиц, протоколов допросов и иных следственных действий. Второй — клиническая беседа, то есть направленное интервьюирование подэкспертного для установления психологического контакта, выявления его актуального состояния и отношения к событию преступления. Третий — экспериментально-психологическое исследование, включающее использование патопсихологических и нейропсихологических методик (например, методики исследования памяти, внимания, мышления), тестов интеллекта (тест Векслера, прогрессивные матрицы Равена) и личностных опросников (MMPI, тест Кеттелла, опросник Айзенка) [25, с. 60-69]. Сочетание этих трех подходов позволяет получить максимально полную и объективную картину психологического статуса подэкспертного.

Вместе с тем, проведение судебно-психологической экспертизы сопряжено с рядом организационных и методических проблем. Одной из ключевых проблем СПЭ является то, что она проводится, как правило, амбулаторно или непосредственно в зале судебного заседания. В отличие от психиатрической экспертизы, где законом и ведомственными инструкциями предусмотрена возможность длительного стационарного наблюдения (до 30 дней и более), психолог чаще всего ограничен несколькими часами контакта с подэкспертным. Он лишен возможности наблюдать динамику психических состояний испытуемого, его поведение в различных ситуациях, отслеживать изменения настроения и продуктивности деятельности. Это обстоятельство накладывает жесткие требования к надежности используемых психодиагностических инструментов. Кроме того, амбулаторный характер СПЭ повышает риск симуляции или диссимуляции психологических особенностей со стороны подэкспертного, что требует от психолога особой квалификации и опыта в распознавании неискренних ответов [27, с. 112-115].

Именно для преодоления этих ограничений, а также для решения комплексных задач, требующих одновременного применения и психиатрических, и психологических знаний, в современной судебно-экспертной практике широкое распространение получила комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ). Комплексная экспертиза — это исследование, в котором участвуют специалисты разных профилей (психолог и психиатр) для

решения одних и тех же вопросов, причем их выводы интегрируются в общее заключение. В контексте уголовного процесса КСППЭ является наиболее эффективным инструментом изучения субъективной стороны преступления. Практические преимущества комплексной экспертизы для следствия очевидны. Во-первых, это экономия времени и процессуальных ресурсов, поскольку вместо последовательного проведения двух экспертиз (сначала судебно-психиатрической, затем — при необходимости — судебно-психологической) назначается одна комплексная. Во-вторых, психолог, работая в стенах психиатрического стационара, получает доступ к наблюдению за поведением подэкспертного в течение нескольких дней или даже недель, что амбулаторно недостижимо и значительно повышает глубину и надежность психологического исследования.

Тем не менее, остаются и нерешенные проблемы. К ним относятся неравномерная обеспеченность регионов квалифицированными экспертами-психологами, отсутствие унифицированных стандартов стационарного психологического исследования (в отличие от психиатрического), а также правовая неопределенность роли психолога в судебном заседании (вопрос о допросе психолога как свидетеля по поводу проведенного исследования). Перспективными направлениями развития института являются внедрение видеофиксации экспериментально-психологического исследования для повышения прозрачности экспертизы, а также создание специализированных психологических лабораторий при крупных межрайонных следственных отделах для сокращения сроков амбулаторных исследований.

Таким образом, судебно-психологическая и комплексная психолого-психиатрическая экспертизы являются динамично развивающимися институтами, играющими ключевую роль в реализации принципа индивидуализации ответственности и обеспечения права на защиту лиц с психическими аномалиями. Дальнейшее совершенствование правового регулирования, методического обеспечения и кадровой подготовки в этой сфере будет способствовать повышению качества правосудия и укреплению гарантий прав участников уголовного судопроизводства. Только при условии системного подхода — сочетания законодательных, организационных и образовательных мер — можно в полной мере реализовать потенциал психологической науки в служении правосудию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. – М.: Изд-во МГУ, 1980 – 117 с.

2. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы / Под ред. Е.Р. Россинской. – М., 2011. – 384 с.

3. Ситковская О.Д. Новые направления судебно-психологической экспертизы. – М.: Юрлитинформ, 2000. – 160 с.

4. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учебное пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. – М.: Генезис, 2009. – 606 с.

5. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2016. – 424 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

УДК 32.01+32:004(476)

ЦИФРОВАЯ ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ильина Е. М.
профессор кафедры политологии БГУ
доктор политических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В авангарде методологических инноваций цифровая трансформация (далее – ЦТ) произвела революцию больших данных, модифицировав доказательную базу политологии и инструментарий познания политической действительности, что привело к дифференциации политического знания и конструированию автором цифровой теории политики как нового концептуально-прикладного направления белорусской политической науки [1, с. 41–46] и инновационной учебной дисциплины кафедры политологии БГУ для специальности 7-06-0312-01 Политология (профилизация: Публичная политика) углубленного высшего образования (магистратура).

Учебная дисциплина «Цифровая теория политики» способствует приобретению необходимых знаний, умений и навыков систематизации, объяснения и прогнозирования политических феноменов в контексте политологического измерения ЦТ посредством методологической триангуляции общенаучных и специальных методов сбора и анализа мультимодальных политически значимых данных, составляющих ядро вычислительной политики, для образовательно-исследовательского, информационно-пропагандистского и нормативно-концептуального сопровождения процесса принятия управленческих решений по вопросам цифрового развития.

Объектом цифровой теории политики является политика как политическая действительность (политическая система или сфера общественной жизни), опосредованная цифровыми технологиями. Предметом – сущностные характеристики и закономерности цифрового развития политики, особенности трансформации ее структурных элементов, функций, отношений, направлений, свойств и признаков под воздействием цифровых технологий. Цифровая теория политики относится к политической теории среднего уровня, которая объединяет теоретико-методологические положения с эмпирически тестируемыми гипотезами, связанными с выявлением закономерностей цифрового развития политической системы в локальных, страновых контекстах.

Для цифровой теории политики процесс ЦТ имеет амбивалентный характер, связанный с конструктивным и деструктивным потенциалом цифровых технологий как средств поддержки принятия решений. В основе данной теории лежит научное допущение, что новые возможности работы с большими данными и предсказательная способность гибких моделей машинного обучения сочетаются с серьезными социально-этическими и правовыми проблемами управления данными, алгоритмической предвзятости, достоверности и безопасности информации, что следует учитывать в процессе научного сопровождении процесса принятия решений по вопросам цифрового развития Республики Беларусь.

Общая концептуальная схема цифровой теории политики формируется в рамках политологического измерения ЦТ сквозь призму концепций Индустрии 4.0, «ИТ-страна Беларусь», цифровой экономики, цифрового гражданства, цифровых компетенций и навыков, цифрового/сервисного/государства-платформы и GovTech, бюрократии системного уровня, цифрового суверенитета и сетевой парадигмы, аккумулируя ключевые идеи, отражающие политическую действительность в условиях ЦТ, а также понятийно-категориальный аппарат, посредством которого выражаются содержательно-функциональные аспекты теории.

Исходной эмпирической базой цифровой теории политики являются мультимодальные данные (текст, изображения, видео- и аудиоформаты) о политическом бытии в контексте ЦТ, требующие политологического обоснования: данные цифровых следов, оставляемые

пользователями в Интернете и социальных сетевых медиа; стенограммы политических дебатов, контент по вопросам цифровой повестки и выступления должностных лиц, размещенные на официальных сайтах и аккаунтах органов государственной власти и управления в социальных сетевых медиа; результаты статистических исследований уровня цифрового развития; доклады экспертов на диалоговых площадках, форумах, выставках и конференциях по проблемам цифрового развития; данные специальных агрегаторов сервисов, онлайн-проектов, государственных информационных систем и цифровых платформ для взаимодействия власти и общества, обмена передовым опытом и полезными ресурсами в области ЦТ и др.

Учебная дисциплина «Цифровая теория политики» позволяет:

– привести многообразие отдельных знаний о политических феноменах в условиях ЦТ в единую систему, что способствует обогащению категориального политологического аппарата новыми терминами («цифровая политическая идентичность», «политический дипфейк», «цифровая политическая изоляция», «цифровой бойкот», «онлайн-митинг», «цифровая дипломатия», «партия-платформа», «data-driven политическая кампания», «data-driven политика», «политический бот» и др.);

– установить сущностные характеристики и закономерности развития политических отношений в цифровую эпоху, что обеспечивает новое понимание ключевых теоретических вопросов политического бытия в контексте цифрового профилирования и социального скоринга политических акторов; аналитики больших политико-управленческих данных; автоматизации, блокчейнизации и интеллектуализации управленческой деятельности и политических практик; предиктивного принятия политических решений и проактивного предоставления государственных услуг; моделирования виртуально-реального интерфейса политической системы и интеллектуальных двойников; процедурной риторики политического гейм-дизайна и др.;

– обосновать методологический инструментарий познания политической действительности в условиях ЦТ, который образуют специальные методы, способы, офлайн- и онлайн-приемы и инструменты сбора и анализа мультимодальных политически значимых данных, составляющие ядро вычислительной политики, которые в комбинировании и синергии с общенаучными и устоявшимися методами и подходами политической науки обеспечивают проверку, повышение надежности и достоверности результатов политического анализа;

– прогнозировать дальнейшее развитие политической системы под воздействием цифровых технологий, что предполагает построение прогностической модели ее цифрового развития, учитывающей амбивалентный характер ЦТ, связанный с конструктивным и деструктивным потенциалом цифровых технологий как средств поддержки принятия решений;

– выработать ориентиры политологического сопровождения и совершенствования процесса принятия управленческих решений по вопросам цифрового развития Республики Беларусь.

Освоение данной учебной дисциплины должно обеспечить формирование ключевых академических, социально-личностных, профессиональных компетенций, а также цифровой грамотности в условиях междисциплинарного синтеза и непрерывного развития комплексных «мягких» социально-поведенческих и когнитивных навыков эффективной коммуникации и сотрудничества, комфортного существования и самореализации в цифровой среде (критическое мышление, креативность, умение работать в команде, эмпатия, мультиязычность, управление стрессом, адаптивность и др.) в самой тесной связи с «жесткими» цифровыми навыками в узкопонятийном контексте базовой компьютерной грамотности (умение работать с цифровым контентом и технологиями искусственного интеллекта, различными онлайн-приложениями и сервисами и др.) и специализированных технических знаний в области цифровых технологий (аналитика больших данных, методы машинного обучения и др.).

Таким образом, в системе подготовки политологических кадров учебная дисциплина «Цифровая теория политики» призвана внести вклад в приращение экспертного политологического знания цифровой реальности и способствует привлечению политологов к решению прикладных государственных задач в условиях ЦТ.

Тезисы доклада подготовлены в рамках НИР «Разработка междисциплинарного подхода для подготовки специалистов-политологов в Республике Беларусь», № ГР 20261759 от 22.06.2026 ГПНИ «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности» на 2026–2030 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ильина, Е. М. Цифровая теория политики как новое концептуально-прикладное направление белорусской политической науки / Е. М. Ильина // Вышэйшая школа. – 2025. – № 3. – С. 41–46.

УДК 004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: МЕЖДУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ ПРОГРЕССОМ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫМ КРИЗИСОМ

Ильина Ю. А.
доцент кафедры философии ОГУ им. И. С. Тургенева
кандидат философских наук, доцент,
г. Орёл, Россия

Искусственный интеллект стал неотъемлемой частью нашей реальности, завоевывая все большее пространство во всех сферах жизни общества. До середины 50-х годов прошлого столетия мысль о создании машинных систем, возможности которых будут сравнивать с когнитивными способностями человека, представлялась весьма фантастической. В настоящее же время практически любое техническое или информационное устройство, способное выполнять поставленные задачи по заданным алгоритмическим настройкам, автоматически приобретает статус «интеллектуальный».

Возможности современного искусственного интеллекта поражают воображение. Обладая большими техническими мощностями, он способен работать с огромным массивом данных, выполнять сложнейшие аналитические задачи и принимать решения за считанное время, используя не переборную логику, а «искусственную интуицию» [1]. Поэтому закономерно обращение к помощи искусственного интеллекта с целью привлечения его мощностей при решении необходимых теоретических и практических задач специалистов, например, в сфере финансов, где требуется анализ большого потока информации в режиме реального времени с целью просчитывания возможных рисков и прогнозирования вероятных экономических тенденций или, например, в медицине для автоматизации диагностики, что повышает точность постановки диагноза.

Согласно данным исследований Стэнфордского центра Institute for Human-Centered AI за 2024 год искусственный интеллект превзошел человеческие возможности в областях, связанных со сбором и обработкой большого объема информации, включая классификацию изображений, визуальное мышление и понимание английского языка. В 2025 г. значительные достижения были получены в создании высококачественного видео, а в некоторых ситуациях модели превзошли людей в задачах программирования в условиях ограниченного времени. Это стало возможным, в частности, благодаря появлению таких систем, как GPT.

Как отмечают разработчики GPT-4, вскоре пользователи смогут не просто использовать сгенерированный готовый текст по изначально заданным настройкам, а сами задавать стиль и задачи искусственному интеллекту, описывая эти указания в «системном» сообщении. В качестве примера разработчики приводят метод сократовского диалога, в котором GPT-4 путем наводящих вопросов приводит своего собеседника к решению задачи, заключая – «Всё

верно!» [2]. Несомненно, данный способ работы с искусственным интеллектом может существенно изменить представление о нем не только как инструменте получения готовой информации, но и как способа развития навыка критического мышления для работы, в том числе и с самим GPT, т.к. подобные системы оперируют лишь теми данными, которые в нее вложили без способности верифицировать этот материал на опыте. Это что-то вроде схоластического метода – логично выстроенная мысль без гарантии соответствия реальному ходу вещей.

По идее разработчиков искусственного интеллекта, он должен приносить пользу всему человечеству и отвечать таким ценностным ориентациям, как – этическое развитие, прозрачность, сотрудничество и непрерывное обучение. Но, как ни парадоксально звучит, сами разработчики искусственного интеллекта при поддержке активистов неоднократно писали открытые письма, с призывом более аккуратно отнестись к открытиям в области искусственного интеллекта, следующим за технологиями Open AI, GPT-4, боясь на определенном этапе потерять контроль над суперинтеллектом [3].

Как мы помним, потенциальная угроза «восстания машин» начала волновать человечество начиная со второй полвины XX. В настоящее время в свете достижений в области искусственно интеллекта эта угроза выглядит еще более реалистичной. В частности, об угрозах со стороны искусственного сверхразума предупреждает Н. Бостром отмечая, что разработки в области новых технологий, работа над программой «цифрового бессмертия» и т. д. приближают человечество к созданию бесконтрольного, самостоятельного сверхразума, который сможет самостоятельно улучшать себя. К числу возможностей разумного искусственного интеллекта Бостром относит возможность решить все стоящие перед человечеством научно-технологические проблемы в силу своего превосходства над сознанием человека. Но, как отмечает автор, искусственный интеллект также будет способен сроить собственные планы и принимать решения в силу своей автономности, руководствуясь отличной от человеческой мотивации. Более того, появление искусственного сверхразума может произойти внезапно и займет скорее дни, чем годы [4]. Минимизировать потенциальные нежелательные последствия от деятельности сверхразума, по мнению Н. Бострома, возможно поместив сверхразум в замкнутую, подконтрольную среду, исключив в самой настройке программы вредоносные действия, а также обеспечив отслеживание нарушений [5, с. 146].

О неизбежности экзистенциального кризиса и этических дилеммах, которые могут возникнуть, если гипотетически предположить появление сильного искусственного интеллекта, ощущающего себя субъектом наделенный свободой выбора, предупреждает и С. Р. Аблеев. Как отмечает Сергей Рифатович, в принципе идея создания сильного искусственного интеллекта маловероятна в силу того, что «высокоразвитое сознание всегда будет обладать более широкими психическими возможностями и эволюционными потенциями по сравнению с системами искусственного интеллекта» [6, с. 61]. Но и слабый искусственный интеллект может кардинальным образом изменить судьбу человечества, – подчеркивает мыслитель. В зоне риска в первую очередь попадут люди с неразвитым слабым сознанием, которые просто не смогут конкурировать с машинами ни психологически, ни профессионально.

В возможности создания сильного искусственного интеллекта сомневается и Е. О. Труфанова, утверждающая, что реальной угрозы со стороны сильного искусственного интеллекта не следует ожидать, т.к. в наш век прагматизма центр внимания смещен на развитие слабого искусственного интеллекта или, если точнее сказать, интеллектуальных систем, которые напрямую связаны с прикладными задачами. Так, по мысли Е.О. Труфановой, искусственный интеллект перестает быть частью повестки угрозы и начинает выполнять различные вспомогательные функции в жизни человека, внедряясь в нашу жизнь в качестве разнообразных «помощников». В тоже время, как подчеркивает Елена Олеговна, в связи с этим возникает также дискуссионный вопрос – не ведет ли это делегирование функций интеллектуальным системам к деградации людей или все же просто

является естественным результатом эволюции человека в техносреде? [7, с. 14]. Но, как представляется, данный вопрос можно перефразировать следующим образом: «Не приведет ли излишнее делегирование функций интеллектуальным системам к деградации людей в условиях все более развивающейся техносреды»?

Как известно, новые перспективы неизбежно порождают и новые вопросы, связанные с ними, открывая простор для сократовского «Я знаю то, что ничего не знаю». Как этот образ в ипостаси «думающей машины» соотносится с интеллектуальными способностями человека? Нужно ли наделять искусственный интеллект самостоятельностью и насколько мы можем быть уверенны, что вовремя сможем остановить его в случае негативных тенденций от этой самостоятельности? Вспоминая мысленный эксперимент с неуправляемой вагонеткой, таже возникает вопрос – какой логикой будет руководствоваться искусственный интеллект в случае возникновения критической ситуации, требующей быстрого решения? На эти и многие другие вопросы еще только предстоит дать ответы.

В условиях экзистенциальных рисков особенно актуально звучат Рекомендации ЮНЕСКО, обнародованные уже в 2021 году, в которых отмечается, что в настоящее время человечество переживает существенное влияние со стороны искусственного интеллекта, который полностью трансформирует наше мышление и нашу жизнь как на локальном, так и на глобальном уровне. Поэтому сейчас наиболее остро стоит проблема формирования и принятия всем мировым сообществом общих принципов, регулирующих работу в области искусственного интеллекта [8]. Для понимания степени готовности к этичному применению искусственного интеллекта ЮНЕСКО разработала две практические методологии: первая – «Методология оценки готовности», которая представлена в виде вопросника, позволяющего по различным критериям, включая нормативно-правовой, социально-культурный, экономический и т.д. оценить уровень готовности каждой отдельно взятой страны к этичному применению искусственного интеллекта. Вторая методология – «Оценка этического воздействия» направлена на оценку проектирование и дальнейшей реализации системы искусственного интеллекта с целью выявления и снижения потенциальных рисков. Реализация «Методологии оценки готовности» имеет важное значение в вопросах оценки этичного применения искусственного интеллекта и должна получить социальную и государственную поддержку. Мониторинг всей экосистемы искусственного интеллекта как сложной и динамичной структуры дает общую картину, что позволяет скорректировать и наметить вектор дальнейшего развития в этой области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ушаков Д. В. Психология интеллекта и одаренности / Д. В. Ушаков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – 464 с. (Экспериментальные исследования).

2. Отчет об Индексе ИИ / Artificial Intelligence Index Report. – Stanford, 2024. URL:https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastrukturaii/2024_otchet_ob_indekse_ii_artificial_intelligence_index_report_2024_stanford/ (дата обращения: 01.06.2026).

3. Приостановите гигантские эксперименты с искусственным интеллектом: открытое письмо / Future of life institute. – URL: https://web.archive.org/web/20230330155546/https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/ (дата обращения: 01.06.2026).

4. Селиванов Д. Этические проблемы, связанные с искусственным интеллектом / Д. Селиванов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. – 2010. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2010-04-008-bostrom-n-eticheskie-problemy-svyazannye-s-iskusstvennym-intellektom-bostrom-n-ethical-issues-in-advanced-artificial (дата обращения: 01.06.2026).

5. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Н. Бостром / пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер. – 2016. – 404 с.

6. Аблеев С. Р. Моделирование сознания и искусственный интеллект: пределы возможностей // Вестник экономической безопасности. – 2015. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-soznaniya-i-iskusstvennyy-intellekt-predely-vozmozhnostey (дата обращения: 01.06.2026).

7. Лекторский, Е. А. Алексеева, Емельянова Н. Н., Катунин А. В., Меркулова И. Г., Пирожкова С. В., Труфанова Е. О., Щедрина И. О., Яковлева А. Ф. / Е. А. Лекторский // Философия науки и техники. – 2022. – Т. 27. – № 1. – С. 5-33.

8. Этические аспекты искусственного интеллекта // Рекомендация ЮНЕСКО. URL: https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics (дата обращения: 01.06.2026).

УДК 351.86

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРИОРИТЕТ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ишмухаметов Я. М.
доцент кафедры уголовного права
и процессуальных дисциплин СФ УУНиТ
кандидат юридических наук, доцент
г. Стерлитамак, Россия

Современная эпоха характеризуется тотальной цифровизацией всех сфер жизни общества и экономики, что закономерно превращает киберпространство в новый стратегический фронт национальной безопасности. Как верно отмечает исследователь А.В. Федоров, «киберпространство стало пятой областью военных действий наряду с сушей, морем, воздухом и космосом, где интересы государств сталкиваются с беспрецедентной интенсивностью» [9, с. 45]. Процессы цифровой трансформации, охватившие государственное управление, финансовый сектор, энергетику, транспорт и коммуникации, создали принципиально новую уязвимость – зависимость функционирования ключевых систем страны от устойчивости и защищенности их информационно-технологических основ.

Подходы России к регулированию вопросов кибербезопасности прошли значительную эволюцию – от фрагментарного восприятия к формированию целостной системы. В 1990-е и начале 2000-х годов вопросы безопасности в информационной сфере рассматривались преимущественно через призму защиты государственных информационных ресурсов и противодействия компьютерным преступлениям. Принятая в 2000 году Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [1] заложила важные основы, однако понятие «кибербезопасность» еще не использовалось, а акцент делался на информационной безопасности в более широком смысле, включая духовную и культурную составляющие.

Переломным моментом стало принятие в 2016 году обновленной Доктрины информационной безопасности [2]. Этот документ впервые на уровне стратегического планирования четко обозначил киберпространство как отдельную сферу противоборства. В Доктрине были выделены такие угрозы, как использование информационных технологий для воздействия на критическую информационную инфраструктуру (КИИ), а также в террористических и экстремистских целях. По мнению С.А. Комаровой, «именно Доктрина 2016 года ознаменовала переход от реактивной парадигмы, направленной на ликвидацию последствий киберинцидентов, к проактивной, нацеленной на их предупреждение и прогнозирование» [7, с. 23].

Современным этапом эволюции является утверждение Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [3]. В данном документе кибербезопасность и обеспечение информационно-технической устойчивости обозначены как одни из главных стратегических национальных приоритетов (п. 56). В Стратегии подчеркивается необходимость противодействия использованию информационных технологий для вмешательства во внутренние дела государства, а также декларируется курс на обеспечение технологического суверенитета. Это свидетельствует о комплексном подходе, объединяющем технические, правовые и внешнеполитические аспекты.

Архитектура киберугроз для национальной безопасности России отличается сложностью и многоуровневостью. Исследователи выделяют несколько ключевых категорий угроз, каждая из которых обладает своей спецификой и потенциалом нанесения ущерба.

Во-первых, это угрозы государственного кибершпионажа и хищения интеллектуальной собственности. Деятельность иностранных спецслужб и связанных с ними хакерских групп, нацеленная на получение доступа к закрытой информации (данным в области обороны, ВПК, фундаментальных научных исследований), носит системный характер. По данным Национального координационного центра по компьютерным инцидентам (НКЦКИ), в 2023 году доля компьютерных атак, классифицированных как кибершпионаж, составила около 22% от всех зафиксированных инцидентов [4].

Во-вторых, наиболее опасными с точки зрения прямых последствий являются целенаправленные кибератаки на объекты критической информационной инфраструктуры. К ним относятся энергетические системы, объекты ТЭК, финансовые организации, транспортные узлы. Атаки типа ransomware (шифровальщики) на медицинские учреждения и промышленные предприятия, как отмечает эксперт Д.И. Петров, «преследуют цель не только финансового обогащения, но и дестабилизации социально-экономической обстановки, создания эффекта «каскадных отказов» в смежных отраслях» [7, С. 78]. Ярким примером является инцидент с атакой на автоматизированную систему управления одного из нефтеперерабатывающих заводов в 2022 году, что привело к временной остановке технологического процесса.

В-третьих, значительную угрозу представляют кампании информационно-психологического воздействия и дезинформации, использующие цифровые платформы. Целью таких кампаний является манипуляция общественным сознанием, радикализация отдельных социальных групп, подрыв доверия к государственным институтам и, в конечном счете, – политической стабильности.

В-четвертых, сохраняется угроза использования киберпространства для подготовки и организации террористической деятельности. Это включает вербовку новых сторонников, координацию действий, финансирование через анонимные платежные системы и обмен криптографическими ключами. Борьба с этим видом угроз требует тесного межведомственного взаимодействия и сотрудничества с международными партнерами.

Наконец, деятельность транснациональных киберпреступных группировок наносит значительный экономический ущерб как бизнесу, так и гражданам. Согласно судебной статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 году по статьям 159.6 (мошенничество в сфере компьютерной информации), 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации) и 273 (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ) УК РФ было осуждено свыше 3500 человек, а материальный ущерб от их действий превысил 15 млрд рублей.

Ответом на вызовы современной архитектуры угроз является формирование в России целостной системы государственной политики в области кибербезопасности. Ее можно структурировать по нескольким ключевым направлениям.

Первое направление – совершенствование нормативной базы. Помимо уже упомянутых Стратегии национальной безопасности и закона о КИИ, важнейшую роль играет Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (известный как «закон о суверенном интернете») [5]. Он направлен на обеспечение устойчивости работы интернета на территории России в случае невозможности подключения к зарубежным корневым серверам. Критики закона высказывают опасения о возможном ограничении свободы информации, однако, как отмечает правовед Е.Л. Тихонова, «с точки зрения национальной безопасности, создание инфраструктурного резерва для автономной работы является логичным шагом в условиях нарастающей геополитической конфронтации в киберпространстве» [8, с. 67].

Второе направление – создание специализированных сил и средств для обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий кибератак. Координацию этой деятельности осуществляет Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (НКЦКИ). Важным практическим инструментом стала Государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА), которая интегрирует информацию от субъектов КИИ и позволяет оперативно реагировать на инциденты.

Третье направление – развитие отечественных защищенных информационных технологий и импортозамещение. Санкционное давление ускорило процессы замены иностранного программного обеспечения и аппаратных решений на отечественные аналоги в государственных органах и компаниях КИИ. Эта политика напрямую связана с обеспечением технологического суверенитета, который рассматривается как неотъемлемая часть национальной безопасности.

Четвертое направление – укрепление кадрового потенциала. Вузы страны, в частности, МГТУ им. Н.Э. Баумана, МИФИ, СПбПУ, активно развивают образовательные программы в области информационной безопасности. Ежегодно проводятся национальные чемпионаты по профессиональному мастерству по стандартам WorldSkills в компетенции «Информационная безопасность», что способствует выявлению и поддержке талантливых специалистов.

Пятое направление – активизация международного сотрудничества. Россия последовательно продвигает на площадках ООН, БРИКС и ШОС идею о разработке универсальных правил ответственного поведения государств в киберпространстве, выступая против односторонней гегемонии в этой сфере. Российские инициативы направлены на закрепление в международном праве принципов, запрещающих использование ИТ для вмешательства во внутренние дела других государств.

Проведенный анализ позволяет сделать однозначный вывод о том, что кибербезопасность в Российской Федерации перестала быть периферийной технической задачей и трансформировалась в полноценный стратегический национальный приоритет. Это нашло свое прямое отражение в ключевых документах стратегического планирования, прежде всего в Стратегии национальной безопасности 2021 года. Эволюция нормативно-правового регулирования демонстрирует переход от реактивного подхода к комплексному и проактивному, нацеленному на упреждающее выявление и нейтрализацию угроз.

Современная архитектура киберугроз характеризуется сочетанием традиционных рисков, таких как киберпреступность, с принципиально новыми вызовами гибридного характера – атаками на КИИ, масштабными кампаниями информационно-психологического воздействия и использованием киберпространства для подрыва государственного суверенитета. Ответом на эти вызовы стало формирование разветвленной системы государственной политики, включающей совершенствование законодательства, создание специальных сил и средств, развитие отечественных технологий и активную международную деятельность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 09.09.2000 № Пр-1895) // Российская газета. – 2000. – № 187.

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.12.2016 № 646) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

4. Обзор компьютерных атак на объекты КИИ РФ за 2023 год / Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам. – М., 2024. – 45 с.

5. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 18 (ч. I). – Ст. 2210.

6. Комарова С.А. Эволюция доктринальных основ информационной безопасности в России / С.А. Комарова // Вестник Академии военных наук. – 2020. – № 2(71). – С. 22–28.

7. Петров Д.И. Киберугрозы критической информационной инфраструктуре: вызовы и ответы / Д.И. Петров // Информационное право. – 2021. – № 4(66). – С. 75–81.
8. Тихонова Е.Л. Правовые аспекты обеспечения цифрового суверенитета Российской Федерации / Е.Л. Тихонова // Журнал российского права. – 2020. – № 5(281). – С. 63–74.
9. Федоров А.В. Киберпространство как пятый домен современной войны / А.В. Федоров // Мировая политика. – 2022. – № 3. – С. 44–56.

УДК 47.6+323.15(476)

ДОКУМЕНТЫ КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ И НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ

Казак О. Г.
заведующий кафедрой политологии БГЭУ
кандидат исторических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Комитет по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь (далее – Комитет) действовал в 2001–2006 гг. В соответствии с Положением о Комитете, утвержденном постановлением Совета Министров от 6 февраля 2002 г. № 164, на данный орган государственного управления возлагались в том числе следующие функции: контроль за соблюдением актов законодательства Республики Беларусь и государственных программ в сфере национальных отношений, прогнозирование этнополитической ситуации, предотвращение проявлений национальной исключительности, координация деятельности органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов, общественных объединений в целях содействия реализации прав граждан в национально-культурном развитии [1, л. 158]. Документы о деятельности Комитета включены в состав фонда 7 Национального архива Республики Беларусь.

Анализ документов Комитета позволяет утверждать, что объективных оснований для конфликтов на национальной и конфессиональной почве в Беларуси в начале 2000-х гг. не существовало. В то же время некоторые тенденции в сфере межнациональных отношений требовали внимания со стороны органов государственной власти. В частности, в то время сохраняла актуальность проблема позиционирования частью римско-католического духовенства данной конфессии как исключительно «польской веры». По результатам коллегии Комитета 14 марта 2002 г. отделу по делам религий Комитета была поставлена задача совместно с Гродненским областным исполнительным комитетом принять меры, обеспечивающие в срок до 1 сентября 2002 г. перевод обучения в Гродненской католической семинарии на государственные языки Республики Беларусь [2, л. 101]. Руководство семинарии в ответ на данное предложение заявило об отсутствии условий для таких изменений в 2002 / 2003 учебном году [2, л. 172]. Определенную обеспокоенность вызывал также образовательный процесс в школах и классах, обучение в которых велось на языках национальных меньшинств. Комитет совместно с Советом по делам религий и национальностей Гродненского областного исполнительного комитета в первой половине 2002 г. организовал анкетирование среди выпускников средней школы № 36 г. Гродно с польским языком обучения и в школах д. Рымдюны Островецкого района и д. Пелеса Вороновского района с литовским языком обучения на предмет намерений молодых людей продолжать обучение или работать за рубежом [2, л. 106, 173]. В интервью газете «Советская Белоруссия» председатель Комитета С. И. Буко отмечал, что более 90 % учеников данных школ рассматривали возможность продолжения обучения за рубежом (в Польше и Литве), 60 % заявляли о таком желании как целенаправленном [3].

В фокусе внимания Комитета в рассматриваемый период находилось общественное объединение «Союз поляков на Беларуси» (далее – СПБ). Руководство СПБ регулярно обращалось в органы государственного управления Республики Беларусь с просьбами, касавшимися удовлетворения национально-культурных запросов лиц польской национальности. Зачастую масштаб заявленных проблем был искусственно преувеличен. Так, в письме председателя Комитета С. И. Буко в Совет Министров Республики Беларусь (2 мая 2005 г.) приводились факты, свидетельствовавшие о реальной поддержке со стороны государства культурных инициатив польского национального меньшинства. В Гродненской области в то время действовало 39 польских коллективов художественной самодеятельности, в 2004 г. на оплату труда их работников (руководителей, дирижеров, аккомпаниаторов и др.), пошив костюмов, оплату командировочных расходов и др. было выделено из бюджета более 30 млн руб. Все польские коллективы, которые принимали участие в смотрах, бесплатно обеспечивались транспортом за счет отделов культуры исполнительных комитетов базового уровня. Для репетиций, проведения концертов и фестивалей коллективы могли бесплатно пользоваться помещениями и оборудованием районных Домов культуры. С 1997 г. в Гродненском районе проводился праздник «Августовский канал в культуре трех народов», организаторами которого являлись СПБ и органы местной власти [4, л. 19–20].

В письме С. И. Буко затрагивался вопрос организации польскоязычного образования в Беларуси. В то время действовали школы с польским языком обучения в г. Гродно и г. Волковыске. Учебные заведения были построены в основном за счет средств польской организации «Вспульнота Польска», но их дальнейшее облуживание осуществлялось за счет средств бюджета. Руководство СПБ неоднократно поднимало вопрос о необходимости строительства второй польской школы в г. Гродно и польской школы в г. п. Вороново (более 80 % жителей данного населенного пункта называют себя поляками). С. И. Буко аргументированно считал, что требования активистов полонийной организации не соответствовали объективным реалиям. На момент составления документа в польской школе в г. Гродно обучался 381 человек (школа была рассчитана на 520 учащихся), наблюдалась устойчивая тенденция к сокращению контингента учащихся (2001 г. – 545 человек, 2002 г. – 489 человек, 2003 г. – 418 человек). Не выдерживала критики и точка зрения руководства СПБ о том, что жители Октябрьского района г. Гродно (территориально отдаленного от единственной польской школы города) испытывали трудности в получении образования на польском языке. Идя навстречу просьбам СПБ, администрация Октябрьского района г. Гродно разрешила разместить с 2002 / 2003 учебного года подготовительные классы с польским языком обучения в детском саду № 86. Планировалось, что выпускники этих классов смогут продолжить обучение в расположенной рядом средней школе № 26, в которой велось преподавание польского языка. Однако в первый год поступило лишь одно заявление о приеме в такой подготовительный класс, в следующие два учебных года заявлений не было вовсе. В г. п. Вороново и Вороновском районе отсутствовал запрос на изучение всех предметов в школах на польском языке, в то же время все просьбы об организации обучения польскому языку как отдельной дисциплине удовлетворялись. В г. п. Вороново польский язык как предмет изучали 67 человек, факультативно – 61 человек, в Вороновском районе польский язык изучался в 27 школах (84 человека изучали его как предмет, 1080 – факультативно) [4, л. 21–22].

В 2005 г. в СПБ произошел раскол. «Официальный» СПБ во главе с И. И. Лучником проводил конструктивную линию по поддержке культурных и образовательных инициатив польской диаспоры в сотрудничестве с органами государственного управления и местной власти Республики Беларусь. «Нелегальный» СПБ во главе с А. Ч. Борис занял четкую конфронтационную позицию в отношении общественно-политического строя Республики Беларусь. Официальная Варшава и многочисленные общественные объединения Польши в качестве единственного выразителя интересов поляков Беларуси рассматривали структуру во главе с А. Ч. Борис, контакты с «официальным» СПБ (в том числе финансовая поддержка) были прекращены. В фондах Национального архива Республики Беларусь отложились важные

документы, содержащие информацию о данных процессах (письма Министерства иностранных дел Республики Беларусь, Министерства культуры Республики Беларусь, руководства СПБ во главе с И. И. Лучником и др.).

Особый интерес представляет письмо председателя Комитета Л. П. Гуляко в Совет Министров Республики Беларусь (21 июля 2006 г.) о выполнении поручений, озвученных заместителем Премьер-министра А. Н. Косинцем по итогам встречи с руководством СПБ 12 января 2006 г. Все поручения были выполнены в установленные сроки. Так, в целях повышения уровня конструктивного взаимодействия, обучения руководителей вновь избранных организационных структур СПБ Комитетом совместно с заинтересованными были проведены семинары по вопросам осуществления уставной деятельности и коммуникации с государственными органами (20 апреля 2006 г. – г. п. Ивенец Воложинского района Минской области, 28 апреля 2006 г. – г. Гродно). СПБ при содействии органов государственного управления и их финансовой поддержке принял активное участие в ряде мероприятий или был задействован в их планировании (Международный фестиваль «Полонез – 2006», г. Слоним, 27 мая 2006 г.; фестиваль «Песня пограничья», Островецкий район, 7 июня 2006 г.; Дни польской культуры в г. п. Радунь Вороновского района, 5 августа 2006 г. и др.) [1, л. 48–49].

Областные исполнительные комитеты рекомендовали местным Советам депутатов в регионах, в которых действовали общественные объединения национальных меньшинств, рассмотреть вопросы льготного налогообложения для последних. Все Советы депутатов областного уровня, за исключением Минского городского Совета депутатов, приняли решение о снижении на 50 % налога на землю для «Домов польских» (культурно-просветительские учреждения, аффилированные с СПБ). Всеми заинтересованными районными и городскими исполнительными комитетами были приняты меры по предоставлению помещений на безвозмездной основе для проведения уставной деятельности организационных структур СПБ [1, л. 50].

Несмотря на сложную финансовую ситуацию, СПБ во главе с И. И. Лучинком смог продолжить свою деятельность благодаря содействию государственных органов и учреждений, а также спонсорской помощи бизнеса. В письме И. И. Лучинка и. о. Премьер-министра С. С. Сидорскому (10 апреля 2006 г.) сообщалось, что финансовая помощь бизнесменов и предпринимателей Беларуси организационным структурам СПБ в октябре 2005 г. – апреле 2006 г. составила более 110 млн руб. Некоторые предприятия («Гродненская типография», «Слонимская типография») помогли СПБ рассчитаться с задолженностью [5, л. 106].

Таким образом, документы Комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь являются важным источником информации об этнополитических процессах в нашей стране. Проанализированные материалы свидетельствуют о реальной организационной, методической, финансовой помощи органов государственного управления тем общественным силам, которые стремились к реализации объективно имевших место культурных и образовательных запросов национальных меньшинств. В то же время были выявлены отдельные попытки искусственной политизации этничности, гиперболизации проблем межнациональных отношений в Республике Беларусь. Данные попытки в результате качественного мониторинга этнополитической ситуации, проводимого Комитетом по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь, были своевременно пресечены.

Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы «Этнополитические аспекты национальной безопасности Беларуси» задания «Политическая и социальная безопасность как фактор укрепления белорусской государственности» Государственной программы научных исследований «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности» на 2026–2030 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Оп. 19. Д. 2511.
2. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 18. Д. 607.

3. Беляцкая, М. Особенности национальных вопросов Станислава Буко / М. Беляцкая // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: https://www.sb.by/articles/osobennosti-natsionalnykh-voprosov-stanislava-buko.html (дата обращения: 13.07.2026).
4. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 19. Д. 1107.
5. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 19. Д. 2510.

УДК 347.6

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА: ПРАВОВОЙ ОПЫТ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Кабанов О. М.
студент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета
г. Санкт-Петербург, Россия

Демиева А. Г.
профессор кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
доктор юридических наук, доцент
г. Санкт-Петербург, Россия

Суррогатное материнство представляет собой вспомогательную репродуктивную технологию, при которой женщина вынашивает и рождает ребенка на основании договора, заключенного с потенциальными родителями. Социальная значимость данной технологии обусловлена распространенностью бесплодия: по оценке Всемирной организации здравоохранения, с ним в течение жизни сталкивается около 17,5 % взрослого населения, то есть примерно каждый шестой человек [1]. Согласно данным Регистра вспомогательных репродуктивных технологий Российской ассоциации репродукции человека, в 2023 г. в 125 российских медицинских центрах было проведено 1033 цикла с участием суррогатных матерей, завершившихся переносом эмбрионов, что составило 0,6 % от общего числа учтенных лечебных циклов, а в 2022 г. таких циклов было 1815 [2]. Следовательно, суррогатное материнство является относительно редкой, но устойчиво применяемой практикой, требующей определенности правового положения ребенка, суррогатной матери и потенциальных родителей.

Цель исследования состоит в сравнении правовых моделей суррогатного материнства в России и Беларуси, а также в оценке социальных последствий возмездного и безвозмездного регулирования. Методологическую основу составили сравнительно-правовой и формально-юридический методы, анализ законодательства и научных публикаций. Обращение к опыту Беларуси обусловлено близостью российской и белорусской семейно-правовых систем, а также тем, что оба государства допускают суррогатное материнство, но используют разные подходы к форме договора, определению его существенных условий и установлению происхождения ребенка. Поэтому белорусская модель позволяет оценить, какие элементы более детального договорного регулирования могут быть использованы при совершенствовании российского законодательства.

В России суррогатное материнство определяется как вынашивание и рождение ребенка по договору между суррогатной матерью и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения. Право на применение данной технологии принадлежит гражданам Российской Федерации: мужчине и женщине, состоящим в браке между собой, либо одинокой женщине при наличии медицинских показаний. Суррогатная

мать также должна иметь российское гражданство, находиться в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, иметь собственного здорового ребенка и соответствующее медицинское заключение [3]. Вместе с тем законодательство не устанавливает обязательного нотариального удостоверения договора, не определяет исчерпывающий перечень его существенных условий и не регулирует структуру вознаграждения и компенсационных выплат. В результате содержание обязательств в значительной степени определяется соглашением сторон.

Особенность российской модели состоит в порядке установления происхождения ребенка: потенциальные родители могут быть записаны родителями только с согласия суррогатной матери [4]. Однако пункт 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 предусматривает, что ее отказ не является безусловным основанием для отказа в иске. Суд исследует договор, генетическое происхождение ребенка, причины отказа и разрешает спор исходя из интересов ребенка [5]. Такая практика смягчает буквальное требование о согласии, но сохраняет неопределенность, поскольку родительский статус может окончательно устанавливаться после рождения ребенка.

Правовые последствия пробелов регулирования не ограничиваются спорами о происхождении ребенка. В постановлении от 29 июня 2021 г. № 30-П Конституционный Суд Российской Федерации признал неконституционным отсутствие права на материнский капитал у мужчины, являвшегося единственным родителем рожденных суррогатной матерью детей и впоследствии воспитывавшего их совместно с усыновившей детей супругой [6]. Данное дело показывает, что использование суррогатного материнства порождает не только договорные, но и семейные и социально-обеспечительные последствия, которые должны учитываться законодателем заранее.

В Беларуси договор суррогатного материнства заключается письменно и удостоверяется нотариально. К его существенным условиям относятся сведения о медицинской организации, количество переносимых эмбрионов, права и обязанности сторон, срок передачи и принятия ребенка, место проживания суррогатной матери, стоимость услуг и порядок возмещения расходов, связанных с беременностью, родами и послеродовым периодом [7]. Договор, как правило, возмездный; безвозмездность допускается, если суррогатная мать является родственницей генетической матери, женщины, использующей донорскую яйцеклетку, либо их супругов. Это позволяет согласовать основные условия до начала программы.

Белорусская модель предусматривает и более определенный порядок установления происхождения ребенка. Матерью признается женщина, заключившая договор с суррогатной матерью, а отцом - ее супруг. Суррогатная мать, потенциальные родители и их супруги не вправе оспаривать материнство или отцовство, кроме случая, когда доказано, что беременность наступила не в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий [8]. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении от 26 марта 2026 г. № 7 дополнительно разъяснил особенности установления происхождения детей, рожденных с применением вспомогательных репродуктивных технологий [9]. Тем самым родительский статус определяется преимущественно до рождения ребенка, а вероятность последующего спора о его передаче потенциальным родителям снижается.

Сравнение показывает, что различие моделей состоит не только в допустимости вознаграждения, но и в контроле за его определением и выплатой. Возмездность может быть оправдана рисками для здоровья, ограничениями повседневной и трудовой деятельности, медицинским сопровождением и восстановлением после родов. Однако отсутствие правил расчетов повышает зависимость женщины от потенциальных родителей и посредников. Полностью безвозмездная модель также не исключает принуждения, в том числе в родственных отношениях [10, с. 56–64; 11, с. 71–73; 12, с. 1–10].

По нашему мнению, российское законодательство следует дополнить обязательным нотариальным удостоверением договора суррогатного материнства и перечнем его существенных условий. В договоре необходимо закреплять размер и порядок выплаты вознаграждения, состав компенсируемых расходов, страхование жизни и здоровья

суррогатной матери, медицинское и психологическое сопровождение, оказание помощи после родов, порядок взаимодействия сторон во время беременности, а также последствия прекращения программы или отказа от исполнения обязательств. Безналичные расчеты через специальный счет обеспечат прозрачность выплат и защиту сторон.

Белорусский подход обеспечивает большую договорную определенность, однако ограничение безвозмездных программ родственными отношениями сужает круг суррогатных матерей. Мы полагаем, что безвозмездный договор следует допускать и между неродственными лицами при нотариальном удостоверении, независимой юридической и психологической консультации, проверке добровольности согласия и документальном подтверждении расходов. Это позволит сохранить альтруистические программы без их вытеснения в неформальную сферу.

Общей проблемой России и Беларуси остается нехватка открытой статистики. Без раскрытия персональных данных государственный реестр мог бы фиксировать количество договоров, переносов эмбрионов, родов, осложнений, прекращенных программ и судебных споров. Такие сведения позволят оценить, насколько суррогатное материнство помогает семьям и какие риски чаще возникают на практике.

Таким образом, наиболее убедительной выглядит не полная коммерциализация и не полный запрет выплат, а промежуточный вариант. Суррогатная мать должна иметь право на компенсацию расходов и вознаграждение за принятые на себя риски, но эти выплаты должны быть понятными, официальными и проверяемыми. Безвозмездный договор тоже стоит сохранить, но не ограничивать его только родственниками. Главное в такой модели – заранее защитить ребёнка, суррогатную мать и будущих родителей, чтобы после рождения ребёнка не возникал спор о его статусе и обязанностях сторон.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. World Health Organization. Infertility [Электронный ресурс] // World Health Organization. – 2025. – URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/infertility. – Дата доступа: 22.06.2026.

2. Корсак, В. С. Регистр вспомогательных репродуктивных технологий Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация репродукции человека». Отчет за 2023 год / В. С. Корсак, А. А. Смирнова, О. В. Шурыгина // Проблемы репродукции. – 2025. – Т. 31, № 6. – С. 6–22.

3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 21 нояб. 2011 г., № 323-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Дата доступа: 27.07.2026.

4. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Кодекс Рос. Федерации, 29 дек. 1995 г., № 223-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Дата доступа: 27.07.2026.

5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 16 мая 2017 г., № 16 // Верховный Суд Российской Федерации. – Дата доступа: 27.07.2026.

6. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900278. – Дата доступа: 22.06.2026.

7. По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации, 29 июня 2021 г., № 30-П // Конституционный Суд Российской Федерации. – Дата доступа: 27.07.2026.

8. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 341-З // ЭТАЛОН-ONLINE. – Дата доступа: 27.07.2026.

9. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Дата доступа: 27.07.2026.

10. О судебной практике рассмотрения гражданских дел, связанных с установлением происхождения детей, о взыскании средств на содержание (алиментов) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2026 г., № 7 // Верховный Суд Республики Беларусь. – Дата доступа: 27.07.2026.

11. Тихонов, А. Н. Некоторые аспекты правового регулирования отношений суррогатного материнства / А. Н. Тихонов // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – № 3. – С. 56–64. – DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_56.

12. Денисенко, Н. В. К вопросу о возмездности суррогатного материнства в Республике Беларусь / Н. В. Денисенко // Инновационная парадигма развития системы права : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 19 февр. 2021 г. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 71–73.

13. Hibino, Y. The advantages and disadvantages of altruistic and commercial surrogacy in India / Y. Hibino // Philosophy, Ethics, and Humanities in Medicine. – 2023. – Vol. 18, № 1. – P. 1–10.

УДК 004:316

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ АЛГОРИТМИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Калачев Е. Н.
студент кафедры цифровая экономика Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева
г. Казань, Россия

Цифровизация общества фундаментально изменила механизмы производства и распространения социального знания. Традиционные институты передачи информации постепенно утрачивают свою монополию, уступая место алгоритмическим платформам. Подобный сдвиг актуализирует проблему понимания того, как искусственный интеллект формирует представления общества об истине. Необходимость осмысления этих изменений продиктована задачей сохранения целостности общественного сознания. Цель данной работы заключается в анализе трансформации социального знания под влиянием рекомендательных алгоритмов.

Рекомендательные системы не просто отражают пользовательские предпочтения, но и активно конструируют информационную реальность. Оптимизируя вовлеченность, алгоритмы отдают приоритет эмоционально окрашенному контенту в ущерб сложным аналитическим материалам. Это неизбежно приводит к фрагментации единого информационного пространства на изолированные «алгоритмические эхо-камеры» [1, с. 145]. В результате социальное знание перестает быть общим консенсусом и распадается на набор параллельных нарративов. Подобная динамика напрямую влияет на качество принимаемых обществом коллективных решений.

Опора на алгоритмическую курацию существенно меняет сами критерии верификации истины для массового сознания. Индивиды все чаще делегируют функции проверки фактов и контекстуализации нейросетям и поисковым системам. Данное явление, получившее название «когнитивная разгрузка», снижает способность к критическому осмыслению сложных социальных процессов [2, с. 18]. В долгосрочной перспективе это приводит к размыванию границ между объективной реальностью и ее цифровыми симулякрами. Следовательно, общество становится более уязвимым перед манипуляциями через стратегическую настройку алгоритмических весов.

Цифровое неравенство сегодня заключается уже не только в доступе к технологиям, но и в умении критически с ними взаимодействовать. Те, кто понимает логику работы алгоритмов, используют их как инструмент для саморазвития и получения верифицированного знания. Напротив, пользователи с низкой цифровой грамотностью остаются пассивными потребителями синтезированного контента. Формирование подобной когнитивной иерархии требует пристального внимания со стороны исследователей социальной стратификации. Таким образом, алгоритмизация усугубляет существующее социальное неравенство, порождая новые формы эпистемической несправедливости [3, с. 15].

Преодоление обозначенных вызовов требует разработки новой социологической парадигмы, интегрирующей изучение алгоритмических систем в теорию социального знания.

Необходимо формирование государственных и общественных механизмов аудита прозрачности рекомендательных алгоритмов. Кроме того, образовательные программы должны сместить фокус с базовых цифровых навыков на алгоритмическую грамотность и критический анализ данных. Только комплексный подход позволит гармонизировать отношения между человеком и машиной в сфере производства смыслов. В конечном итоге это обеспечит использование искусственного интеллекта как драйвера подлинного социального развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма / Ш. Зубофф. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 728 с.

2. Радаев, В. В. Цифровой капитализм: новые концепции и формы организации экономической деятельности / В. В. Радаев // Вопросы экономики. – 2021. – № 9. – С. 5–26.

3. Ясков, О. Н. Искусственный интеллект в современном мире: вызовы и перспективы / О. Н. Ясков // Философские науки. – 2020. – Т. 63, № 5. – С. 7–24.

УДК 316.72

КОННЕКТИВНОСТЬ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ И МОБИЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Капалыгина И. И.
заведующий кафедрой естественнонаучных и лингвистических дисциплин и методик их преподавания ГрГУ
кандидат педагогических наук, доцент
г. Гродно, Беларусь

Определение здоровья как целостного многомерного динамического состояния, которое развивается в условиях конкретной социальной и экологической среды и позволяет человеку осуществлять его биологические и социальные функции [1] дает основание считать, что процесс здоровьесбережения является динамичным в той среде или системе, в которой проживает субъект. Перечисленные характеристики позволяют говорить о *мобильности* субъекта в образовательном пространстве. Данное качество связывается исследователями с «гибкостью и подвижностью мотивации, сознательным изменением стереотипов и пластичностью» [2]; движение через сферы, которые могут быть социальными, профессиональными, познавательными [3].

В своих исследованиях В.А. Ясвин выделил пять базовых параметров среды, которые могут быть использованы для характеристики различных систем [4, с. 114]. Указанные параметры образовательного пространства взаимосвязаны и позволяют проанализировать систему высшей школы как здоровьесберегающую. Выявленные ученым параметры образовательного пространства приводят к идее здоровьесбережения указанной системы на основе динамичности ее социальных явлений и процессов. Мобильность как одно из свойств такой системы является основой сосуществования индивидов. Связывая здоровьесбережение, мобильность и благополучие, которое является определением здоровья по ВОЗ, критерием такой связи выступают параметры образовательного пространства модальность, широта, интенсивность осознаваемость, устойчивость, эмоциональность, обобщенность, доминантность, когерентность, активность.

Параметры первого порядка. Модальность показывает степень использования развивающих возможностей или ресурсов пространства, представляет духовно-ценностное благополучие и академическую мобильность. Широта предполагает масштабируемость образовательных мероприятий, географическую распространенность, характеризует социальное благополучие и географическую мобильность. Интенсивность демонстрирует

возможности взаимодействия педагогов и обучающихся и позволяет говорить о психологическом благополучии и интерактивной мобильности. Осознаваемость свидетельствует о включенности субъектов в образовательный процесс при наличии традиций и инноваций, демонстрирует эмоциональное благополучие и идентификационную мобильность. Устойчивость отражает стабильность во времени при наличии изменений и экстраполяции социальных преобразований, влияющих на образовательное пространство, характеризует высокое нравственное благополучие и коллаборативную мобильность.

Параметры второго порядка. Эмоциональность характеризуется насыщенностью эмоционального и реального, позволяет утверждать об эмоциональном благополучии и аттической мобильности. Обобщенность демонстрирует высокую степень координации всех процессов в учреждении, свидетельствует о духовно-нравственном благополучии и коллективной мобильности. Доминантность характеризует значимость смыслового социального конструкта приоритетности будущего, демонстрирует психологическое благополучие, субдоминантную мобильность. Когерентность выступает параметром согласованности социальных влияний на субъект в сочетании с другими факторами, подтверждает социальное благополучие личности и общества, интегративную мобильность социальных процессов. Активность образовательного пространства выступает показателем социально ориентированного созидательного потенциала обучающегося, реализуется нравственное благополучие и социальная мобильность.

Дискуссионным может быть вопрос о степени влияния каждого параметра в той или иной степени на благополучие субъекта. Это может зависеть от выполнимости условий образовательного пространства в осуществлении мобильности каждым индивидом в процессе образования. Коннективность здоровьесбережения, мобильности и благополучия обучающегося является основой социальной трансформации системы ценностей в процессе профессиональной подготовки, которая в дальнейшем может выступать регулятором жизнедеятельности человека, направленного на понимание аксиологичности здоровья, его необходимости и достаточности в нужной мере на протяжении всей жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Щедрина, А.Г. Философско методологические парадигмы в науке о здоровье человека / А.Г. Щедрина // Journal of Siberian Medical Sciences. – 2009. – № 5 – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-metodologicheskie-paradigmy-v-nauke-o-zdorovie-cheloveka. (дата обращения 08.07.2026).

2. Проскура, О. В. Понятие мобильности. Виды мобильности. Академическая мобильность /О. В. Проскура, И. Ю. Герасимчук // Вестник Челябинского государсвтенного университета. – 2014. – № 13 (342). – Образование и здравоохранение. – Вып. 4. – С. 94–98.

3. Мобильность // Толковый словарь по психологии. – URL: https://psychology_dictionary.academic.ru/4275/МОБИЛЬНОСТЬ – (дата обращения 08.07.2026).

4. Ясвин, В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – М. : Смысл, 2001. – 365 с.

УДК 316.4

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Карасева Д. С.
студент ННГУ им. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Россия

Современный мир характеризуется ускорением социально-экономических изменений, из-за чего категория человеческого потенциала становится всё более привлекательной для исследователей. Данное понятие можно трактовать как совокупность способностей, знаний,

здоровья и ценностных ориентаций индивида, однако эта категория остается статической характеристикой до тех пор, пока не используются социальные механизмы, позволяющие потенциалу реализоваться. Среди данных механизмов ключевую роль играет социальный капитал, представляющий собой ресурс, заключенный в структуре межличностных отношений, уровне доверия и общепризнанных принципах обоюдности. Целью данного исследования является обоснование ценности социального капитала как действенного механизма развития человеческого потенциала, на основе классических и современных концепций.

Ключевыми основоположниками идеи социального капитала являются такие ученые, как П. Бурдье, Г. Лоури и А. Токвиль, мысли которых легли в основу современной трактовки понятия. Так, социальный капитал рассматривается как «совокупность социальных связей, основанная на взаимной помощи и доверии, которая упрощает кооперацию и координацию людей для достижения общих целей». Стоит отметить, что данный ресурс не принадлежит отдельному индивиду, так как он возникает именно при взаимодействии между людьми и функционирует как общественное благо, приносящее пользу каждому из участников. В своей монографии О.А. Карпенко рассматривает классификацию, куда входит личный, групповой, положительный, семейный, связующий, вспомогательный и другие виды социального капитала [2, с. 20]. Особое значение автор придает формированию, накоплению и воспроизводству социального капитала с учетом российской действительности. Тем не менее, типологический анализ не раскрывает суть процесса преобразования накопленного социального капитала в социально-экономические результаты, которые способствуют раскрытию человеческого потенциала. Решение этой задачи осуществляется посредством анализа функциональных характеристик социального капитала, которые позволяют выявить механизмы его воздействия на траектории развития как отдельных индивидов, так и социальных групп в целом.

Посредством проведения функционального анализа выявляются конкретные каналы преобразования социального капитала в эффективный инструмент развития. В рамках социологической литературы выделяют ряд таких каналов. Ключевую роль играет информационная функция, которая обеспечивает вовлеченность индивида в разветвлённую систему социальных сетей. Таким образом, люди получают доступ к информации о вакансиях, грантовых программах и иных возможностях, сведения о которых не содержатся в официальных коммуникационных каналах. В рамках социальных сетей также транслируются неформальные нормы и ценностные ориентиры человека, формирующие мотивационную составляющую потенциала [1].

Следующим не менее значимым механизмом выступает психологическая поддержка, которая способствует принятию решений касательно вложений в собственное развитие, а также снижает субъективные барьеры риска. Так, человек с устойчивой социальной опорой с наибольшей вероятностью решится на смену профессиональной деятельности, освоит новые компетенции или начнёт развитие своего дела. Данная функция социального капитала неразрывно связана с психологическим капиталом личности, что признается в рамках современных междисциплинарных подходов.

Тем не менее, социальный капитал нельзя рассматривать как исключительно позитивный феномен, так как его потенциал имеет двойственный характер. Его использование в рамках замкнутого круга лиц может превратить его в инструмент социального исключения, закрывающий доступ к ресурсному обмену третьим лицам. Особенно отчётливо данная тенденция заметна в российской практике, где часто встречается доминирование неформальных связей над формальными институциональными регламентами. В связи с этим возникает зависимость механизмов вертикальной мобильности, возможности получения качественного образования не от профессиональных компетенций, а от личных связей и покровительства. Таким образом, социальный капитал способствует не развитию, а значительному усилению неравенства в социуме [2].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что направленность социального капитала зависит от институциональной среды, куда можно отнести доступность общественных благ, прозрачность отборочных процедур и качество нормативно-правовых актов. При благоприятных институциональных условиях социальный капитал осуществляет функцию консолидации, объединяя социальные группы и создавая конкурентные механизмы, что позволяет реализовать потенциал людей. При отсутствии благоприятной среды, социальный капитал напротив усугубляет сложившуюся социальную иерархию и препятствует реализации потенциала аутсайдеров [1,3].

Стоит отметить актуальную на сегодняшний день в рамках России проблему дисбаланса между связующим и соединяющий типами социального капитала. В условиях институциональной неопределённости опора на родственные и дружеские связи является адаптивным механизмом. С одной стороны, он позволяет выжить в кризисные времена, а с другой – мешает формированию открытого рынка труда и внедрению объективных стандартов оценки квалификации. Именно поэтому, социальная политика должна быть нацелена не на отказ от сложившихся сетевых структур, а напротив, на дополнение их механизмами, которые бы стимулировали межгрупповое и межтерриториальное взаимодействие. К подобным инструментам можно отнести профессиональные объединения, волонтерские проекты, программы наставничества и иные механизмы, позволяющие создать условия для обмена опытом и межгруппового диалога.

Кроме того, структура социального капитала значительно трансформируется под влиянием цифровизации. Разнообразный выбор онлайн-платформ и социальных сетей создает ряд возможностей для молодёжи по созданию и накоплению соединяющего капитала. Тем не менее, такие связи характеризуются меньшим уровнем доверия, устойчивости и глубины в сравнении с личным взаимодействием. В рамках социальных сетей наблюдаются определенные алгоритмы рекомендаций, создающие «информационные пузыри». С функциональной точки зрения они аналогичны замкнутым группам, которые создают эффект ограниченности доступа к альтернативным точкам зрения на когнитивном уровне. Таким образом, цифровизация лишь незначительно помогает в решении дефицита межгрупповых связей. В данном случае возникает новый спектр выгод и вызовов, требующих углубленного социологического исследования.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что социальный капитал – это базовый институциональный механизм. Он напрямую обеспечивает развитие человеческого потенциала, однако результативность определяется не только состоянием институциональной среды, но и сложившимся культурным контекстом. В рамках российской действительности, которая характеризуется сильными неформальными связями, важно сделать акцент на трансформации социального капитала из инструмента закрепления неравенства в механизм социальной мобильности. Для решения данной задачи необходимо объединить усилия гражданского общества и государства. На основе совместной работы, можно достигнуть значительных результатов по повышению общественного доверия, прозрачности процедур, а также стимулированию межгруппового взаимодействия. Благодаря соблюдению данных требований социальный капитал трансформируется в общественный ресурс, а не является привилегией узкого круга лиц. Таким образом, вложения в социальный капитал сопоставимы с инвестициями в образование и здравоохранение, так как без социально-интегрирующей среды возникают трудности даже с реализацией выдающихся личностных качеств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Рогач, О. В. Социальный капитал и человеческий потенциал в управлении: учебник / О.В. Рогач, Е.В. Фролова. – Москва : ИНФРА-М, 2026. – 219 с.

2. Карпенко, О. А. Концепция социального человеческого потенциала и капитала: монография / О.А. Карпенко. – Москва : ИНФРА-М, 2025. – 106 с.

3. Социальный капитал личности: монография / Л. Г. Почебут, А. Л. Свенцицкий, Л. В. Марарица [и др.]. – Москва : ИНФРА-М, 2025. – 250 с.

УДК 330.34:316.42

ОСОБЕННОСТИ СТРАХОВАНИЯ В ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Рубцова Н. Н.
доцент, зав. кафедрой. «МелГУ-Госзакупки» ФГБОУ ВО «МелГУ»
кандидат экономических наук, донент
г. Мелитополь, Россия

Карасёва А. С.
студент ФГБОУ ВО «МелГУ»
г. Мелитополь, Россия

Интеграция Запорожской области в финансово-правовое пространство РФ требует последовательного внедрения стандартов национального страхового рынка. Завершение переходного периода и вступление в силу с 1 января 2025 года федерального законодательства об обязательных видах страхования заложили основу для защиты имущественных интересов граждан и снижения социальных рисков. Тем не менее практическая реализация этих норм на местах сталкивается со специфическими региональными условиями и инфраструктурными барьерами.

Целью исследования является анализ процессов становления и видовой структуры страхового рынка Запорожской области, а также выявление ключевых проблем, сдерживающих полноценное развитие финансового сектора региона.

С 1 января 2025 года на территории региона в полном объеме вступает в силу федеральное законодательство, регулирующее обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО), обязательное страхование гражданской ответственности перевозчика (ОСГОП) и обязательное страхование гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте (ОСОПО) [1, 3, 5].

Ранее установленный переходный период, продленный законодательными органами до 31 декабря 2024 года, выполнял важную адаптивную функцию. Он позволил минимизировать первичные трансакционные издержки локальных хозяйствующих субъектов и предоставил время для подготовки необходимой инфраструктуры, оцифровки баз данных и постепенного приведения внутренних регламентов в соответствие с российскими стандартами [5].

Становление полноценного страхового рынка в Запорожской области с 1 января 2025 года обеспечивается как механизмами государственного принуждения, так и готовностью инфраструктуры финансового сектора. Законодательством предусмотрен запрет на эксплуатацию опасных производственных объектов, осуществление пассажирских перевозок и использование транспортных средств без заключения соответствующих договоров страхования, а несоблюдение данных требований влечет за собой административную ответственность в виде штрафных санкций [3].

Таким образом, формирование развитого страхового рынка в Запорожской области является базовым условием для стабилизации макроэкономической среды, защиты капитала инвесторов и укрепления системы социальных гарантий населения.

В структуре страхового портфеля субъектов Запорожской области выделяются три ключевых направления:

• Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО)

Данный вид страхования выступает базовым элементом интеграции региона в транспортно-правовую систему Российской Федерации [2, 7].

Таблица 1. Помесячная динамика заключения договоров ОСАГО в Запорожской области за 2025 год

Период	Количество заключенных договоров, шт.	Накопительный итог с начала года, шт.	Доля месяца в годовом объёме продаж, %	Накопленный прогресс (выполнение годового плана), %
Январь 2025	+6500	6500	4,96%	4,96%
Февраль 2025	+7200	13700	5,50%	10,46%
Март 2025	+8800	22500	6,72%	17,18%
Апрель 2025	+11500	34000	8,78%	25,95%
Май 2025	+12500	46500	9,54%	35,50%
Июнь 2025	+13500	60000	10,31%	45,80%
Июль 2025	+11000	71000	8,40%	54,20%
Август 2025	+10500	81500	8,02%	62,21%
Сентябрь 2025	+12000	93500	9,16%	71,37%
Октябрь 2025	+14500	108000	11,07%	82,44%
Ноябрь 2025	+12000	120000	9,16%	91,60%
Декабрь 2025	+11000	131000	8,40%	100,00%
Итого за год	+131000	-	100,00%	-

Для обеспечения правоприменения ГИБДД области ввела систему административного контроля:

- Первичное выявление отсутствия полиса ОСАГО влечет за собой стандартные меры административного наказания.

- Повторные нарушения правового режима администрируются по ужесточенной шкале, предусматривающей штрафные санкции в размере от 3000 до 5000 рублей [2].

• Обязательное медицинское страхование (ОМС)

Социальную интеграцию региона завершает система ОМС, гарантирующая жителям Запорожской области право на бесплатную медицинскую помощь на всей территории РФ [9, 10].

Таблица 2. Помесячная динамика оформления полисов ОМС в запорожской области за 2025 год

Период	Количество заключенных договоров, шт.	Накопительный итог с начала года, шт.	Доля месяца в годовом объёме продаж, %	Накопленный прогресс (выполнение годового плана), %
Январь 2025	+4200	709 200	+0,60%	92,31%
Февраль 2025	+4800	714000	+0,68%	92,93%
Март 2025	+5500	719500	+0,77%	93,65%
Апрель 2025	+5100	724600	+0,71%	94,31%
Май 2025	+4900	729500	+0,68%	94,95%
Июнь 2025	+5500	735000	+0,75%	95,67%
Июль 2025	+4200	739200	+0,57%	96,21%
Август 2025	+4800	744000	+0,65%	96,84%
Сентябрь 2025	+6500	750500	+0,87%	97,68%
Октябрь 2025	+5800	756300	+0,77%	98,44%
Ноябрь 2025	+5200	761500	+0,69%	99,11%
Декабрь 2025	+6800	768300	+0,89%	100,00%
Итого за год	+131000	-	-	-

• Добровольное страхование средств наземного транспорта (КАСКО).

В отличие от ОСАГО, защищающего ответственность перед третьими лицами, КАСКО позволяет автовладельцам защитить непосредственно имущественные интересы. Развитие

этого добровольного направления указывает на оздоровление инвестиционного климата и постепенное формирование у населения и бизнеса культуры комплексного риск-менеджмента.

Программы добровольного страхования автотранспорта реализуются на коммерческой основе через локальные представительства действующих в регионе страховых компаний и отдельные интернет-платформы (например, «Ингуро.ру») [6]. При этом функционирование данного сегмента имеет локальную специфику: из-за временных ограничений у некоторых крупных федеральных агрегаторов (таких как сервис «Мастер»), не осуществляющих расчеты для новых территорий, приоритетным каналом для граждан остается прямое обращение в офисы страховщиков на местах.

В заключение можно отметить, что становление страхового рынка в Запорожской области свидетельствует об успешной интеграции региона в финансово-правовое поле РФ [1, 2]. Введение с 1 января 2025 года обязательного страхования (ОСАГО, ОСГОП, ОМС) создало необходимую базу для защиты имущественных интересов граждан, регулирования коммерческого транспорта и обеспечения населения медицинской помощью.

Тем не менее локальная инфраструктура сохраняет серьезный сервисный дефицит. Главной проблемой остается фактическое отсутствие сегмента добровольного личного страхования. ОМС на сегодняшний день является единственным доступным инструментом защиты здоровья на территории области [9]. Для добровольного страхования жизни или оформления полиса ДМС жители региона вынуждены выезжать в другие субъекты РФ (в частности, в Республику Крым), где данные финансовые институты функционируют в полном объеме [3].

Дальнейшее развитие страховой системы Запорожской области требует преодоления этого инфраструктурного разрыва. Расширение присутствия страховых компаний на местах и запуск программ добровольного личного страхования – ключевые условия для полноценной интеграции финансового сектора и обеспечения всесторонней социальной защиты населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Страховщики готовы к запуску обязательных видов страхования на новых территориях // НССО. – URL: https://nsso.ru/press-center/news/8882/ (дата обращения: 20.06.2026).

2. В Запорожской области с 1 января 2025 года полис ОСАГО станет обязательным для всех // Запорожская КП. – URL: https://www.zap.kp.ru/daily/27650/5035757/ (дата обращения: 20.06.2026).

3. Страховой рынок новых регионов: какие услуги доступны и как оформить полис // Дзен. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/Z13OCFLEBjjYIGfj (дата обращения: 20.06.2026).

4. В Запорожской области запустят полноценное обязательное автострахование // Запорожская КП. – URL: https://www.zap.kp.ru/daily/27586.5/4856486/ (дата обращения: 20.06.2026).

5. Переходный период по ОСАГО в новых регионах продлен до 2025 года // АСН. – URL: https://www.asn-news.ru/news/81687 (дата обращения: 20.06.2026).

6. Ингуро.ру: онлайн-сервис страхования. – URL: https://inguro.ru/ (дата обращения: 24.06.2026).

7. Российский Союз Автостраховщиков (РСА). – URL: https://autoins.ru/ (дата обращения: 24.06.2026).

8. АО «НСИС» // Национальная страховая информационная система. – URL: https://nsis.ru/ (дата обращения: 24.06.2026).

9. Территориальный фонд обязательного медицинского страхования Запорожской области (ТФОМС ЗО). – URL: https://tfoms-zo.ru/ (дата обращения: 24.06.2026).

10. Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (ФФОМС). – URL: https://www.ffoms.gov.ru/ (дата обращения: 24.06.2026).

УДК 316.346.32-053.9

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ СТАРЕНИЯ

Кармызова Д. Д.
младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Интерес исследователей к вопросам старения населения заметно активизировался с формированием социальной геронтологии – дисциплины, возникшей в 1940-х – 1950-х гг. [1, с. 312], [2, с. 17–20]. Однако, мультидисциплинарная природа исследуемого феномена потребовала использования объяснительного потенциала иных дисциплин, включая социологию. В основе социологического измерения старения лежат работы ученых, работавших в русле символического интеракционизма (Г. Блумер), этнометодологии (Г. Гарфинкель, К. Уэст, Д. Циммерман) и феноменологии (А. Шюц). Символический интеракционизм представляет собой мезосоциологическое теоретическое направление, согласно которого социальная реальность конструируется в процессах повседневного взаимодействия между людьми. В рамках этого подхода личность трактовалась как совокупность ролей и статусов индивида, а также как результат организации и иерархизации им этих элементов, формирующих уникальное «Я» [3, с. 146]. Вооружившись этими концепциями, социологи начали целенаправленно фокусироваться на исследованиях повседневной жизни пожилых людей [2]. В этом ключе стоит отметить монографию З. С. Блау «Старость в меняющемся обществе» [4]. Автор, опираясь на интеракционистское понимание личности как производной от набора исполняемых социальных ролей, предложила концепцию «сужения ролевого репертуара» как центрального механизма кризиса идентичности в позднем возрасте. З. С. Блау утверждала, что главный вызов старения в современных обществах – это не столько биологическое старение, сколько структурно обусловленная утрата значимых ролей (работника, супруга, родителя) при отсутствии механизмов их замещения. Подход З. С. Блау к проблематике старения предполагает более критическое и интерпретативное отношение к изучению старости.

Более поздние исследования в русле символического интеракционизма, феноменологической социологии и смежных «интерпретативных» социологий объединяются в рамках подхода, который сегодня называют социально-конструктивистской перспективой, суть которого в том, что индивиды обладают субъектностью (агентностью) по отношению к своим жизненным траекториям [5], [6, с. 21], [3]. Исследовательница Ш. Лаз полагает, что «самоочевидные концепции, которыми оперирует символический интеракционизм (личность, роль), в свою очередь являются и причиной, и следствием практик интеракции» [3, с. 148], в которых пожилые люди выступают не «жертвами» социального исключения, а активными субъектами, управляющими презентацией своего хронологического возраста. Автор делает вывод, что возраст – это не онтологическая данность и не просто накопленная совокупность статусов, а перформативный эффект повседневных интеракций; «возраст – это действие, это перформанс в том смысле, что он требует действий и усилий; <…>» [3, с. 147]. Среди прочего, «возраст» непрерывно создается, подтверждается или оспаривается в рутинных микропрактиках (например, при выборе гардероба, речевых паттернах или в телесной самопрезентации) [3, с. 168-169]. Таким образом вектор теоретической эволюции изучения старения пришел к концепции возраста как достижения – возрастной идентичности как ресурса, который можно разыгрывать, переопределять и конструировать заново в каждом акте взаимодействия.

Феноменологическая социология представляет собой важный вариант интерпретативной перспективы в исследованиях старения. Общим для различных подходов в рамках феноменологической социологии является понятие «конструирования смысла» посредством того, что П. Л. Бергер и Т. Лукман назвали «социальным конструированием реальности» [7]. В своих различных проявлениях интерпретативная перспектива повлияла на

исследователей проблематики старения человека, побуждая их анализировать ту роль, которую играют индивиды, пытаясь обустроить свою жизнь [6, с. 22].

В рамках функционалистской парадигмы, восходящей к работам Т. Парсонса, Р. Мертона, П. Сорокина и других, возраст рассматривается как один из элементов, организующих социальную структуру. Одной из наиболее влиятельных концептуальных моделей, разработанных в русле с этой традиции, стала теория возрастной стратификации М. В. Райли, Э. Фонер, Дж. Уоринг и другие [8]. Представители этой теории проводили параллель между возрастной структурой общества и классовой структурой. Подобно тому, как социальные классы определяют доступ к ресурсам и власти, возрастные страты влияют на формирование специфических ролей, ожиданий и возможностей для индивидов на разных этапах жизни. В русле теории возрастной стратификации был разработан концепт «потока когорт», суть которого в том, что каждая новая возрастная когорта входит в социальную структуру со своим уникальным историческим опытом и последовательно перемещается через возрастные страты на протяжении всей жизни. В таком ключе структура общества понималась как динамическая система, в которой индивидуальное старение и историческая смена поколений непрерывно связаны (влияют друг на друга). Хотя концепция возрастной стратификации ассоциируется в первую очередь с работами М. В. Райли и ее коллег, важным предшественником, как концепции возрастной стратификации, так и концепции «перспективы жизненного пути» стала работа Л. Кейна [9], равно как еще более ранние труды социологов и антропологов Ш. Эйзенштадта, Р. Линтона, А. Стросса [6, с. 5-6]. В работах этих исследователей прослеживается идея, что старение и жизненный цикл являются социальными процессами, а возраст – структурной особенностью общества, на основании которой индивиды стратифицируются и/или распределяются по ролям и статусам.

Все эти идеи, в конечном итоге, обострили осознание ученых в необходимости исследования уникальных характеристик конкретных когорт по мере их старения, а также воздействия социальных изменений на смежные когорты [6, с. 5-6], [10], [11, с. 542-543].

На современном этапе развития социологии старения можно выделить несколько основных направлений. С одной стороны, исследователи активно обращаются к проблематике агентности пожилых людей, вопросам позитивных аспектов старения и биографических нарративов, с другой – усиливается критическая рефлексия этих подходов, возвращающая в анализ структурные ограничения, вопросы неравенства, политического и экономического контекста социальной жизни. Так, среди наиболее цитируемых сегодня является концепция жизненного пути [12, с. 107]. В основе этого теоретико-методологического подхода лежит идея изучения индивидуальных биографий в тесной связи с определенным историческим и социально-экономическим контекстом. Основания этой концепции были заложены в работах Р. Хилла, Е. Дюваль (исследования семейного цикла), Г. Элдера, а также К. Ригела, Г. Хагенстад и Б. Ньюгартен, которые внесли вклад в понимание возрастных норм и внутрисемейной динамики. Представители этого подхода пытаются соединить макро- и микроуровни анализа, отмечая влияние исторического контекста, социальных структур, институтов и агентности в динамических теоретических моделях. Макросоциологическая проекция теории жизненного пути представлена в трудах Дж. Клаузена, Т. Харевена, М. Коли и К. У. Майера [6]. Развитием повестки, представленной в рамках микросоциологии старения, стало формирование ряда концептов, из которых наиболее заметным является концепт «успешного старения» Дж. В. Роу и Р. Л. Кана [13], [14]. Исследователи разработали подход, в рамках которого считается, что отстраненность пожилых людей, неизбежная потеря ими физических и биологических функций и др., поддаются корректировке, в том числе посредством собственных действий человека. Позднее этот подход был операционализирован Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и представлен в программе «Активного старения» в 2002 году. [15]. В рамках своей программы ВОЗ провозгласил необходимость совершенствования возможностей для здоровья, полноценного участия в жизни общества и безопасности пожилых людей с целью повышения качества их жизни. Мадридский международный план действий по проблемам старения (ООН) институционально закрепил

данный нормативный и смысловой поворот, сместив фокус от патерналистского понимания старости, как периода освобождения от трудовых обязательств, к ценностям активного участия пожилых людей в жизни общества, включая продленную занятость [16]. Как отмечает Е. Макарова, эта парадигма фиксирует три концептуальных сдвига: 1) отказ от жесткого отождествления старения с обязательным угасанием и утратой дееспособности; 2) признание необходимости включения пожилых людей в различные виды продуктивной деятельности, от профессиональной до волонтерской; 3) позиционирование продленной занятости как доказательства того, что пожилые люди являются не экономическим бременем, а ресурсом общества [11].

В свою очередь, некоторые исследователи критически относятся к концепции «активного долголетия». Основной тезис заключается в том, что в рамках самой концепции успешного и/или активного старения ответственность за качество жизни в старости имплицитно возлагается на самого индивида. Р. Сеттерстен подчеркивает фундаментальный недостаток такого подхода, поскольку многие аспекты старения находятся вне сферы индивидуального контроля, являясь следствием и результатом конкретной социальной системы [6]. Здесь социология старения возвращается к анализу накопленных на протяжении жизни неравенства в здоровье, социально-экономическом статусе, образовательном и культурном капитале. Эти неравенства, аккумулируясь, существенно ограничивают для уязвимых социальных групп саму возможность «успешно» справиться со старением исключительно собственными усилиями. Здесь политическая экономия старения и феминистская критика являются той методологической оптикой, которая позволяет обнаружить эти структурные барьеры [12, с. 108]. Этот вектор исследований также актуализирует поздние работы М. Фуко о биополитике, а также концепцию «управления старостью», демонстрирующую, как государство, конструируя норму «активного долголетия», перекладывает социальные риски на плечи граждан [17].

Таким образом, современная социология старения представляет собой сложно переплетенное концептуальное поле микро, мезо и макроаналитических теорий. Интеграция этих подходов, несмотря на их относительную несопоставимость, может стать ключом к пониманию старения как комплексного индивидуального биографического проекта и социально детерминированного процесса.

Статья подготовлена в рамках НИР «Демографическое старение населения в условиях цифрового общества: вызовы социальной политике Беларуси и Монголии» и в рамках договора с БРФФИ №Г26МН-012 (от 04.05.2026 г.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Wahab, E. O. (2020). Introduction to Social Gerontology / E. O. Wahab, O. E. Ajiboye, O. Oguntola-Laguda // Ingredients of Sociology: Themes and Paradigms / Ed. E. Wahab, A. Bhowmick. – New Delhi, 2020. – P. 325–342.

2. History of Social Gerontology / H. Cox, R. Newtson // Sociological Practice. – 1993. – Vol. 11, № 1. – P. 16–32.

3. Лаз, Ш. Веди себя по возрасту! / Ш. Лаз // Социология власти. – 2019. – № 1. – С. 146–179.

4. Blau, Z. S. Old age in a changing society / Z. S. Blau. – New York: New Viewpoints, A Division of Franklin Watts, 1973. – 285 p.

5. West, C. Doing Gender / C. West, D. H. Zimmerman // Gender and Society. – 1987. – Vol. 1, № 2. – P. 125–151.

6. Settersten Jr., R. A. Handbook of Sociology of Aging / Edit. R. A. Settersten Jr., J. L. Angel. –Springer New York, NY, 2011. – 689 p. – (Handbooks of Sociology and Social Research).

7. Бергер, П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман // Пер. на русский язык: Е. Руткевич. – М. : Центр гуманитарных технологий, 1995. – URL: https://gtmarket.ru/library/basis/4783 (дата обращения: 29.05.2026).

8. Riley, M. W. Aging and Society / M. W. Riley, A. Foner, M. E. Moore, B. Hess [et al.]. – New York: Russell Sage Foundation, 1968. – 648 p. – URL: https://www.russellsage.org/publications/book/aging-and-society-volume-1 (дата обращения: 29.05.2026).

9. Cain, L. D. Jr. Life Course and Social Structure / L. D. Cain Jr. // Handbook of Modern Sociology / Ed. R. E. L. Faris. – Chicago: Rand McNally, 1964. – P. 272–309.

10. Rosow, I. Social Integration of the Aged / I. Rosow. – New York : The Free Press, 1967. – 354 p.

11. Макарова, К. Перспектива жизненного пути в исследованиях старения: развитие теоретической концепции и способы работы с эмпирическими данными / К. Макарова // Журнал исследований социальной политики. – 2024. – № 22 (3). – С. 541–552.

12. Ролич, Н. И. Социологические теории старости и старения: сравнительный анализ // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2017. – № 3 (57). – С. 104–109.

13. Rowe, J. W. Human Aging: Usual and Successful / J. W. Rowe, R. L. Kahn // Science. – 1987. – Vol. 237, № 4811. – p. 143–149. – URL: https://www.science.org/doi/10.1126/science.3299702 (дата доступа: 30.05.2026).

14. Rowe, J. W. Successful aging / J. W. Rowe, R. L. Kahn // Gerontologist. – 1997. – Vol. 37 (4). –p. 433–440.

15. World Health Organization (2002). Active ageing: a policy framework. World Health Organization // URL: https://iris.who.int/handle/10665/67215 (date of access: 01.05.2026).

16. Political Declaration and Madrid International Plan of Action on Ageing // United Nations. – URL: https://www.un.org/esa/socdev/documents/ageing/MIPAA/political-declaration-en.pdf (date of access: 01.05.2026).

17. Фуко, М. Безопасность, территория, население. Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 годах / Пер. на русский язык В. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. – СПб. : Центр гуманитарных технологий, 2011. – URL: https://gtmarket.ru/library/articles/6693 (дата доступа: 02.06.2026).

УДК 316.4

НЕПОСИЛЬНАЯ ЦЕЛЬ И ПОСИЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ В МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кетов И. В.
инженер-исследователь кафедры социологии ПГНИУ
г. Пермь, Россия

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 24-78-10117).

1. Введение. Проектный подход внедряется в муниципальное управление как способ решать проблемы территорий силами жителей. Инициативное бюджетирование и грантовые конкурсы предполагают, что житель приносит в проект то, что его беспокоит, а результат меряется вкладом в развитие территории.

Предыдущий этап, основанный на интервью с муниципальными служащими, активистами и волонтерами тех же шести округов Пермского края, обнаружил иную картину [1]. Организаторы формально следуют краевой повестке с ее туристическим потоком и объемом платных услуг, а содержательно вкладываются в принципиально непродаваемое: кладбища, храмы, книги памяти. Логику разворота информант из несырьевого округа излагает прямо: *«сейчас больших колхозов нет, производства у нас нет на территории, вот, а история огромная»* (Р1).

Естественно заключить, что через организаторов говорит сообщество, однако рядовых жителей на том этапе мы почти не слышали. Настоящие тезисы проверяют это заключение по массовому опросу и показывают, что оно неверно: житель не связывает проекты с актуальными для него рисками, и смысл этой работе придает только тот, кто ее делает.

2. Данные и способ проверки. Использовались данные проведенного в 2025 году формализованного опроса населения тех же шести округов, n = 3000, по 500 респондентов в каждом, квотная выборка по полу и возрасту, выполненного по программе социокультурного портрета территории [2].

Проверку делает возможной устройство анкеты. Один блок измеряет актуализированность социокультурных рисков: какие из двенадцати рисков респондент считает актуальными для своего муниципального образования. Другой фиксирует оценку влияния проектов на предупреждение тех же рисков. Обе батареи заданы всей выборке без фильтров и построены вокруг одного перечня, поэтому сопоставимы напрямую. Были отобраны десять пар одного предмета, например «нехватка рабочих мест, безработица» и «способствуют созданию рабочих мест в территории»; позиции о межнациональных конфликтах и преступности парного эффекта не имеют.

Если житель приносит в проектную работу свою проблему, актуальность риска должна повышать вероятность признать, что проекты этот риск предупреждают. Данные развернуты в формат «респондент-риск», по десять строк на опрошенного, и оценены условной логистической регрессией со стратификацией по респонденту и фиксированными эффектами области. Сравнение идет внутри одного человека, поэтому образование, возраст, доход, округ и склонность отмечать много или мало позиций устраняются по построению, а не контролем. Из 30 000 наблюдений в оценку вошли 23 520, принадлежащие 2352 респондентам; 648 человек исключены как не дающие внутригрупповой вариации. Дополнительно каждая пара оценена отдельной логистической регрессией с контролем числа отмеченных позиций и социально-демографических признаков. Отношения шансов ниже приводятся при нейтральном значении, равном единице.

3. Актуальность риска не связана с признанием проектного эффекта. Связи нет. Отношение шансов составляет 1,03 при 95-процентном доверительном интервале от 0,95 до 1,13 и уровне значимости 0,47. Иначе говоря, житель признает, что проекты предупреждают некоторый риск, с одинаковой вероятностью независимо от того, считает ли он этот риск актуальным для своего муниципального образования. Результат получен на полной выборке и воспроизводится обоими способами оценки. Из десяти пар отклонение значимо в двух. Актуальность экологических угроз повышает шансы признать, что проекты снижают экологические риски, более чем вдвое (2,30; $p < 0,001$). Обратная связь обнаружена по культурному досугу (0,68; $p = 0,004$). Остальные восемь пар неотличимы от единицы, включая «нехватку рабочих мест» и «создание рабочих мест» (0,91; $p = 0,47$) и «антипатриотические настроения» и «поддержание традиций, патриотизма и памяти» (1,13; $p = 0,69$).

Отсутствие связи могло бы оказаться свойством инструмента, поскольку опыт участия имеют лишь около трети опрошенных, а остальные судят о проектах как о категории. Однако на подвыборке участвовавших получаем 1,05 (от 0,91 до 1,21), на подвыборке участвовавших либо осведомленных 0,99 (от 0,90 до 1,10). Оговорим встречное объяснение. Единица может быть не отсутствием связи, а суммой двух противоположных механизмов: актуальность риска повышает значимость темы, но одновременно означает, что проблема не решена, и снижает готовность признать эффект. Развести их на наших данных нельзя, а надежно установлено лишь отсутствие суммарной связи.

Полагаем, что исключение с экологией указывает на границы посильного. Уборка и благоустройство помещаются в то, что проектная форма способна сделать, и актуальность риска переводится в признание эффекта, тогда как занятость и доходы не помещаются в нее ни при каком старании участников. Проект существует в представлении жителя не как средство против актуального риска, а как узнаваемый набор приписываемых ему свойств.

4. Символическая работа не артикулирована населением как ответ на риск. Чаще всего жители признают за проектами создание мест для досуга (40,6 %), реже поддержание традиций, патриотизма и памяти об истории поселения (31,9 %). Различие с досугом значимо ($p < 0,001$), но от повышения уровня жизни (33,9 %) и развития общей культуры (33,5 %) символическая позиция не отличается, и говорить о ее низком месте мы не станем.

Существеннее другое. Позицию «антипатриотические настроения», соединяющую в анкете утрату памяти об истории муниципального образования и безразличие к территории проживания, признали актуальным риском 1,9 % против 38,2 % у нехватки рабочих мест. Это не означает отсутствие ценности памяти: человек может дорожить восстановленным

памятником, не рассматривая его отсутствие как риск. Установлено более узкое, но достаточное: символическая работа как ответ на проблему территории населением не артикулируется.

Отсюда главное для интерпретации качественного материала. Организаторы разворачивают средства в сторону непродаваемого не по требованию снизу, в такой форме не выраженному, и не по указанию сверху, поскольку краевая повестка требует обратного. Сопротивление коммодификации существует, но его субъект не сообщество, а тонкий слой людей внутри самой проектной работы.

5. Механизм не концентрируется на слабых территориях. Доля имеющих хотя бы одну форму реального участия в округах низкого уровня развития составляет 29,1 %, среднего 34,2 %, высокого 32,3 %. Распределение немонотонно, а критерий отнесения задан составителями массива и нами не воспроизводился, поэтому оно поддерживает лишь слабое утверждение: концентрации активности на слабых территориях нет.

Точечное сравнение содержательнее. В Красновишерском округе нехватку рабочих мест признают риском 68,2 % жителей, максимум выборки, а признание за проектами создания рабочих мест там ниже среднего, 15,2 % против 17,4 %. Корреляция этих величин по шести округам велика и отрицательна ($r = -0{,}67$), но при шести наблюдениях незначима ($p = 0{,}146$), поэтому дана как иллюстрация, а не результат.

Механизм здесь иной, чем в третьем разделе: там безразличие приписываемых проектам свойств к содержанию рисков, здесь оценка несоразмерности масштабов при предельно остром риске. Второе не усиливает первое, а дополняет его.

6. Кому и зачем нужен такой механизм. Государство передает вниз ответственность за развитие территории, а с нею только тот набор средств, которым развитие не производится: конкурсный формат принимает благоустройство, досуг и памятные объекты, но не занятость и доходы. Дальнейшее мы формулируем как гипотезу, поскольку данных о региональном уровне управления у нас нет. Задача развития депрессивных территорий имеющимися средствами не решается, а признать это невозможно, и механизм позволяет не признавать: средства осваиваются, объекты появляются, отчетность показывает работу. Разрыв между целью и средством закрывается процедурой, а не результатом.

Низовым администраторам механизм нужен по обратной причине: показатели развития они выполнить не в состоянии, но могут сделать нужное для своей территории и оформить это как движение к показателям. Здесь работает наблюдение М. Липски о том, что политика окончательно создается служащим в точке контакта с гражданином, а дискреция нижнего звена есть условие работы системы [3]. Наши данные добавляют существенное: заполнять разрыв больше некому, поскольку актуальные для населения риски не переводятся им в признаваемые за проектами эффекты.

Жителям механизм нужен умеренно: участвовать хотели бы 50,5 % опрошенных, отторжения он не вызывает, но своих актуальных рисков в него не вносят. Получают площадку, парк, праздник, восстановленный памятник, и это не мало, однако не то, ради чего механизм заявлен. Общий сюжет выходит за пределы края: когда цель непосильна, а отказаться нельзя, система производит деятельность, имитирующую движение к цели, осмысленную для исполнителей и держащуюся на тонком слое людей, чью работу официально не описывает никто.

Отсюда три следствия. Оценочное: измерять проекты вкладом в решение проблем территории бессмысленно, поскольку ни одна из сторон их для этого не использует, а отчетность фиксирует посильное и потому неизменно показывает успех. Управленческое: уязвимость лежит не в финансировании, а в кадрах нижнего звена, и с уходом тех, кто умеет переводить непосильную цель в посильное действие, система не сломается формально, но перестанет производить для территории смысл. Методическое: изучая такие практики через организаторов, исследователь принимает язык узкого слоя за голос сообщества, и массовый опрос позволяет подмену увидеть.

Очертим границу результата. Была произведена работа с суждениями респондентов, и отсутствие связи между признанием риска и признанием эффекта установлено надежно, включая подвыборки. Но что происходит с проектами в округе на деле и как ведет себя сам респондент, из наших данных не видно, поэтому объяснение через границы посильного остается интерпретацией, требующей отдельной проверки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов, А. Е. Концептуализация понятия «социокультурная безопасность» средствами grounded theory Б. Глейзера / А. Е. Кузнецов, И. В. Кетов // Вестник Института социологии. 2026. – Т. 17, № 1. – С. 60–80.

2. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона» / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М. // Институт философии РАН, 2010. – 136 с.

3. Lipsky, M. Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services / M. Lipsky // New York : Russell Sage Foundation, 1980. – 244 p.

УДК 314.8

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ КАК СУБЪЕКТА ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Клычева У. А.
студент КубГУ
г. Краснодар, Россия

Современная сельская молодежь, обладая необходимыми навыками и знаниями, является важным инновационным ресурсом социально-экономического развития сельских территорий России. По мнению исследователей, молодежь является субъектом, способным преобразовывать социальное пространство, тем самым обеспечивая достижение целей устойчивого развития сельских территорий [6, с. 18]. Важная роль молодежи как субъекта развития села отмечена в новой редакции ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», где необходимость включения молодых людей в социально-экономическое развитие сельских территорий и повышение привлекательности сельского образа жизни среди молодежи выступают в качестве одного из стратегических направлений молодежной политики государства [5].

Эмпирическую базу исследования составили результаты электронного опроса сельской молодежи от 18 до 35 лет Краснодарского края (N=300 чел.), который производился на платформе Survey-Studio, с возможностью аутентификации респондента по IP-адресу (респондент не мог дважды заполнить анкету по электронной ссылке), а также транскрипты экспертного опроса (N=18), информантами которого выступили представители органов местного самоуправления и молодежной политики, волонтерских движений и научного сообщества Краснодарского края.

На сегодняшний день в общественном сознании бытует мнение о провинциальности села, а жизнь в сельской местности молодежью не воспринимается как возможность для самореализации, что отражается в высоком миграционном оттоке жителей из села в город (согласно опубликованным данным, численность сельского населения России в 2025 году уменьшилось на 300 тыс. человек по сравнению с 2024 годом [7]). В этой связи государством предпринимаются ряд мер по созданию условий для всестороннего развития сельской молодежи, закреплению молодых людей на селе и формированию положительного образа сельской местности: комплекс программ для самореализации молодых людей на селе, реализуемых Российским союзом сельской молодежи; государственные программы по поддержке в трудоустройстве: «Земский учитель», «Земский работник культуры» и другие.

По словам Председателя Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию А. Майорова: «современный образ села должен включать в

себя те же социальные инновации, которые применимы в городской местности» [1]. В решении данной задачи и создании образа «инновационного села» большую роль играют сельские блогеры как новое направление в блогосфере. Сельские блогеры не только разрушают сложившийся стереотип о деревни как периферийной и отсталой территории, формируя образ «село – место силы», но и способствуют росту экономической активности на селе и развитию сельских территорий. Так, например, Каролина, сельский блогер из Волгоградской области с совокупной аудиторией более 6 млн пользователей, реализует социальный проект Президентского фонда культурных инициатив «В деревне жить!», направленный на популяризацию сельского образа жизни [2]. Елизавета Елистратова, автор канала «Здесь просто уютно» о сельской жизни в станице Ростовской области, занимается сбором помощи для больных и бездомных животных по всей России, объединяя неравнодушных людей [8]. 21-летний Кирилл, ведущий блог о собственной ферме в Чувашии, разработал и выпустил обучающее руководство по выращиванию кур-несушек [3].

О степени сформированности субъектности сельской молодежи можно судить по уровню вовлеченности молодых людей в коллективные конструктивные практики местного сообщества села. Согласно данным социологического опроса, включенность сельской молодежи Краснодарского края в общественные практики местного сообщества выражена слабо (совокупно 53 % ответивших отметили свое редкое участие и неучастие). Основными формами социально-политического участия молодых людей является голосование (участие в выборах) 54 %, а также участие в волонтерских акциях и проектах 33, 7 %: *молодежь участвует, но избирательно, активно в цифровых платформах, в соцсетях, участвует в каких-то экологических, культурных проектах…рост волонтерства происходит, молодежь активно включалась в волонтерские сети во время ковида и гуманитарные проекты* (представитель молодежной политики, МО Брюховецкий район). В МО Крымский район волонтерская группа помощи СВО сотрудничает с местным колледжем, студенты которого активно вовлечены в плетение маскировочных сетей и в участие в погрузке гуманитарной помощи: *буквально вчера мы собрали гуманитарную помощь нашим защитникам Отечества, которая будет в ближайшее время доставлено в зону СВО* (представитель волонтерского объединения, МО Крымский район).

Помимо волонтерской деятельности сельской молодежи, отмечается активное их участие в социальном проектировании как в качестве инициаторов проектов, так и в качестве волонтеров: в одной из станиц Кавказского района молодой человек выиграл грант и организовал клуб досуга для местной молодежи. На территории Брюховецкого аграрного колледжа студентами и преподавателями реализуется экологический проект, направленный на сбор пластиковых крышек, которые отправляются в дальнейшем на переработку. Еще одним направлением созидательной активности сельской молодежи выступает развитие агропромышленной и туристической отрасли: в МО Тихорецкий район в станице Фастовецкой молодые жители основали улиточную ферму «Ползитто», тем самым создав дополнительные рабочие места в поселении; в горном хуторе Кушинка МО Апшеронский район переехавшая в поселение девушка организовала место для кемпинга и глэмпинга, являющееся местом не только притяжения туристов, но и возрождения народных традиций.

Однако результаты социологического опроса показывают, что лишь незначительная часть респондентов указала участие в общественной жизни местного сообщества: обсуждение местных проблем в социальных сетях (15 %), участие в собрании жителей (15,3 %), что указывает на снижение роли социального капитала и сильных связей сельского сообщества для молодых людей. Российские исследователи отмечают, что локальная сплоченность сельских жителей служит ресурсом для «формирования сплоченности на макроуровне, социального участия и интеграции» [4, с. 108], характеризующее местное сообщество как субъекта развития сельских территорий.

По результатам эмпирического исследования можно выделить ключевые факторы, влияющие на уровень вовлеченности сельской молодежи в социально-политические практики на локальном уровне:

лидерский ресурс, отсутствие которого является существенным ограничением для молодежного сообщества выступать в качестве субъекта социально-политических преобразований: *молодёжь станицы неплохая, хорошая, активная, но нужен лидер молодёжный* (представитель МСУ, МО Лабинский район),

информационная осведомленность: отмечается, что сельская молодежь зачастую не информирована о доступных программах и проектах для самореализации: *сейчас для молодежи очень много возможностей, но они не так хорошо транслируется, в том числе на селе, то есть для того, чтобы молодежь имела большую гражданскую активную позицию, было бы здорово наглядным примером показывать, как надо, как не надо* (представитель молодежной политики, МО Кавказский район).

Таким образом, как показало исследование, особое место в политике развития сельских территорий занимает молодежь, обладающая важным трудовым, инновационным потенциалом, для реализации которого действует ряд программ и конкурсов на федеральном, региональном и местном уровне. Несмотря на это, сегодня наблюдается слабое участие сельской молодежи в коллективных практиках местного сообщества, а село не воспринимается многими молодыми людьми как место для ведения бизнеса, инноваций и саморазвития, что препятствует формированию ее субъектной позиции и создает условия для возникновения миграционных настроений. В то же время отмечается иная тенденция, когда молодые люди выступают инициаторами проектов развития, создают бизнес и развивают новые направления занятости на селе, такие какие как креативные индустрии и экотуризм, тем самым создавая рабочие места, обеспечивая устойчивый рост сельских территорий и формируя образ прогрессивного села, привлекательного для жизни и самореализации.

Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РНФ в рамках конкурса 2024 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами», проект №25-28-00887 «Идентификационные стратегии и практики молодежи как фактор политики развития сельских территорий».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. А. Майоров: Современный образ села должен включать в себя те же социальные инновации, которые применимы в городской местности // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: http://council.gov.ru/events/news/129618/ (дата обращения: 10.03.2026).

2. Дневник Каролины // Telegram. – URL: https://t.me/karmelitalifee/5481 (дата обращения: 10.03.2026).

3. Кирилл – молодой фермер // Telegram. – URL: https://t.me/molodoyfermerr/5851?single (дата обращения: 10.03.2026).

4. Козлова, М. А. Социальная сплоченность села: переживание настоящего и восприятие будущего / М. А. Козлова, О. А. Симонова, Н. Д. Воронина // Социологические исследования. – 2018. – № 4(408). – С. 103-111.

5. О молодежной политике в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) : Федеральный закон № 489-ФЗ от 30 декабря 2020 года // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 20.04.2026).

6. Ростовская, Т. К., Санджиев З. Н. Сельская молодежь как экономический и социально-педагогический кадровый потенциал развития села // ЦИТИСЭ. – 2018. – № 2(15). – С. 21.

7. Сельское население России за 2025 год уменьшилось на 300 тыс. человек // Московские новости. – URL: https://www.mn.ru/short/selskoe-naselenie-rossii-za-2025-god-umenshilos-na-300-tysyach-chelovek (дата обращения: 20.04.2026).

8. Твори добро // Telegram. – URL: https://t.me/tvoridobrovoblago (дата обращения: 10.03.2026).

УДК [316.723+793.4](476)

ФОРМИРОВАНИЕ СУБКУЛЬТУРЫ ПАПАРАЦЬ КВЕТКИ НА ОСНОВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-СПОРТИВНОЙ ИГРЫ «СЛУПКИ»

Кобяк О. В.
заведующий отделом экономической социологии
Института социологии НАН Беларуси
доктор социологических наук, профессор
г. Минск, Беларусь

Шифрин А. Е.
декан факультета научной, довузовской подготовки и дополнительного образования
Белорусской государственной академии искусств
кандидат искусствоведения
г. Минск, Беларусь

Под субкультурой традиционно понимают систему ценностей и норм, отличающих определённую группу от большинства общества. Субкультура характеризуется собственным мировоззрением, а её носители – особым стилем поведения, своими способами проведения досуга и использованием оригинальных, узнаваемых атрибутивных элементов в одежде и аксессуарах [1, с. 1102–1103]. В формировании субкультуры роль креаторов, стоящих у её истоков, принципиально значима. Поэтому, предваряя изложение основных тезисов, раскрывающих суть данного процесса, целесообразно обратиться к рекомендации В. В. Радаева, согласно которой обоснование актуальности разработки темы следует дополнять указанием на личную заинтересованность авторов в предмете изучения [2, с. 16]. В настоящем случае первоначальный импульс к работе был связан с необходимостью гармоничного сочетания умственной деятельности и физической активности. Отправной точкой послужили классические городки, однако в процессе регулярных занятий у авторов возникло стремление выйти за пределы установленных правил: разрабатывались новые игровые фигуры, альтернативные способы использования биты и иные технические элементы. Со стороны профессиональных городошников эти эксперименты воспринимались со сдержанным интересом, при этом они не создавали препятствий для апробации нововведений.

В ходе систематической практики сформировалось понимание того, что принципы игры требуют пересмотра. Основной акцент был смещён с выбивания элементов за пределы площадки на закатывание городков (впоследствии – слупков) в активную зону игрового поля с целью выставления призовых фигур и начисления очков. Множественность способов достижения результата обусловила значимость разработки стратегии и соответствующих тактик. Помимо физических качеств (ловкости, точности, выносливости), успех в игре определяется способностью к прогнозированию действий соперника и просчёту вариантов. Таким образом, была создана интеллектуально-спортивная игра в слупки, получившая имя собственное «Папараць Кветка» (так же была названа и ключевая фигура игры). Белорусская торгово-промышленная палата выдала авторам удостоверение о депонировании данного объекта интеллектуальной собственности (серия V-АП № 2022-003).

Дополнительным фактором, повлиявшим на развитие проекта, является профессиональная среда одного из авторов. Научным руководителем О. В. Кобяка на протяжении многих лет выступала профессор Г. Н. Соколова – основатель Белорусской экономико-социологической школы (БЭСШ) [3, с. 8–30], в рамках которой исследовались социальные механизмы и обосновывался их статус в качестве предмета экономической социологии [4, с. 36–46]. Однако в отличие от предшествующих разработок, ориентированных на совершенствование уже существующих механизмов, в данном случае была предпринята попытка создания нового социокультурного механизма «с чистого листа».

В итоге совместной работы авторов был разработан социокультурный механизм формирования особого типа мышления участников сообщества («кветкаўцаў»), определяющий устойчивые паттерны их социального поведения и составляющий ядро формирующейся субкультуры Папараць Кветки.

Практика освоения игры продемонстрировала, что заложенная в её основе комбинаторика игровых элементов стимулирует творческую активность в широком смысле. В частности, фигуры, получившие белорусские наименования («*Вежа*», «*Млын*», «*Дранік*», «*Сонейка*», «*Ясь і Яніна*» и др.), послужили основой для создания стихотворных текстов на белорусском языке, а также песни «*Кветачка будзе ў начы палыхаць...*», что придаёт игре и сопутствующим мероприятиям выраженный национальный колорит. Указанные факты позволяют выделить ряд признаков, характеризующих становление молодой субкультуры.

Во-первых, сформирован оригинальный сленг, включающий термины, семантическая глубина которых в полной мере раскрывается лишь в рамках сообщества (*«слупкі»*, *«кругляшы»*, *«кійкі»*, *«кветкаўцы»* и производные от них). В обиход входят устойчивые выражения: *«усё будзе слупком!»* (всё будет надёжно, удачно); *«гэта трэба (за)слупкаваць!»* (это необходимо закрепить, утвердить); *«злётай кругляшом»* (быстро сходить или съездить туда и обратно); *«згатуй што-небудзь, калі ласка, па-кветкаўскі!»* (приготовь что-нибудь из так называемого «Меню Папараць Кветки»).

Во-вторых, значимым маркером принадлежности к сообществу является активное использование Телеграм-канала «*Слупкі*», который был открыт 21 июня 2025 г. в рамках деятельности Центра культурно-креативных индустрий, созданного на базе отдела экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси при активном участии Белорусской государственной академии искусств. За год с небольшим канал стал не только узнаваемым источником информации, но и привлекательной площадкой для общения представителей субкультуры Папараць Кветки. На канале усилиями администраторов и активных последователей появились занимательные тематические рубрики («Мастер-класс» по организации и проведению игры; викторина «Как вы думаете?»; кулинарная рубрика *«Наша ежа»* с обаятельной ведущей – доктором социологических наук И. А. Андрос; *«Весялушкі»*; *«Няма болей нідзе!»*).

В-третьих, формируется массив публикаций, представленный научными и научно-методическими статьями, раскрывающими различные аспекты игры (связанные с дизайном игровых фигур, физической культурой и здоровым образом жизни, дополнительным образованием детей и молодёжи, вопросами организации шестого школьного дня и т.д.). Основные положения, касающиеся генезиса субкультуры, были представлены авторами на международных научных конференциях в Беларуси и России.

В-четвёртых, характерным признаком современной субкультуры выступает цифровая экосистема, включающая, помимо упомянутого Телеграм-канала, официальный сайт slupki.by, на котором размещены миссия и правила игры с фото- и видеоматериалами, фрагментами интересных игровых ситуаций, а также – основные публикации авторов и других исследователей (что нам особенно приятно), посвящённые игре «Папараць Кветка».

В-пятых, активно разрабатываются дизайн игры и соответствующая узнаваемая атрибутика: логотипы на майках, спортивных рюкзаках для хранения и переноски игрового инвентаря и вспомогательных приспособлений для разметки площадки.

В-шестых, проведена многократная апробация игры (рисунок) на различных площадках: в Белорусской государственной академии искусств, в Институте социологии НАН Беларуси, на базе детско-юношеского клуба «Орлёнок» (руководитель — Е. Н. Журавлёва), а также на дворовых территориях Минска и Постав. Особо следует отметить презентацию игры, состоявшуюся 24 апреля 2026 г. в Центральной научной библиотеке им. Якуба Коласа НАН Беларуси в рамках республиканской культурно-просветительской акции «Библионочь–2026». Важным маркером общественной значимости проекта стало включение игры в официальную программу мероприятий крупнейшего научно-популярного события Беларуси «Фестиваль науки – 2026» (6 сентября 2026 г.).

Рисунок. Апробация игры «Слупки» на разных площадках

Таким образом, мы констатируем возникновение в белорусском культурном пространстве новой молодой субкультуры Папараць Кветки, базисом которой является интеллектуально-спортивная игра «*Слупкі*». Данная субкультура способствует сглаживанию противоречий между физической и виртуальной средами через формирование непротиворечивых, конструктивных ментальных и поведенческих моделей, обеспечивающих не конкуренцию, а кооперацию указанных пространств. Важными конкурентными преимуществами субкультуры выступают, во-первых, перспективная цифровая экосистема, уже включающая ряд взаимосвязанных информационных ресурсов, во-вторых, – отсутствие возрастных, гендерных, территориальных или профессиональных ограничений для вхождения в сообщество «кветкаўцаў». Потенциальный участник должен придерживаться принципов здорового образа жизни, проявлять уважение к белорусскому и русскому языкам и культуре, а также обладать минимальными физическими возможностями для непосредственного участия в физкультурных практиках в формате игры «Слупки».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Красавцева, И. Н. Субкультура / И. Н. Красавцева // Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

2. Радаев, В. В. Как организовать и представить исследовательский проект: 75 простых правил / В. В. Радаев. – М.: ГУ-ВШЭ: ИНФРА-М, 2001. – 203 с.

3. Мысливец, Н. Л. Научная школа социологии труда и экономической социологии профессора Г. Н. Соколовой / Н. Л. Мысливец, О. В. Кобяк // Галина Николаевна Соколова : «Во всём мне хочется дойти до самой сути…» / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии ; сост.: А. Н. Данилов, О. В. Кобяк ; редкол.: Н. Л. Мысливец (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2025. – 394 с.

4. Соколова, Г. Н. Экономическая социология / Г. Н. Соколова. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 255 с.

УДК 316.48

ИССЛЕДОВАНИЕ УЧАСТИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В «КОНФЛИКТАХ РАЗВИТИЯ»: ПОТЕНЦИАЛ ДИСТРИБУТИВНОГО ПОДХОДА

Кольба А. И.
профессор кафедры государственной политики
и публичного управления КубГУ
доктор политических наук, доцент
г. Краснодар, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности».

Современные процессы социально-экономического развития всё чаще сопровождаются прямыми столкновениями между локальными сообществами, с одной стороны, и корпорациями или государственными структурами – с другой. Такие «конфликты развития» (development conflicts) становятся характерной чертой современного политико-экономического ландшафта, особенно при реализации крупных в масштабах определенной территории проектов.

Теоретико-методологические основы исследования подобных конфликтов в настоящее время ещё не вполне разработаны. Нам представляется перспективным использование дистрибутивного подхода, позволяющего объединить положения конфликтологической и институциональной парадигм социальных исследований.

Согласно данному подходу, возникшему в рамках неоинституционализма, в процессе институционализации социальных отношений происходит борьба за распределение положительных и отрицательных для акторов эффектов их взаимодействия. При этом проявляется двойственная природа возникающих институтов: с одной стороны, их существование в той или иной степени выгодно большинству участников взаимодействия (наличие каких-либо норм рассматривается как априори лучшее положение, чем отсутствие любых норм). С другой стороны, институциональные эффекты часто ведут к неравномерному (и несправедливому, с точки зрения ряда участников) распределению благ. Последнее связано с тем, что акторы, обладающие возможностями влиять на установление правил, обеспечивают преимущества, прежде всего для себя [1]. За счёт этого в рамках институтов происходит не только распределение благ, но и борьба за изменение либо сохранение существующих правил (распределительные конфликты).

Данный подход представляется перспективным для исследования «конфликтов развития» и стратегий участия в них локальных сообществ. Основным вопросом в конфликтах такого вида является распределение между стейкхолдерами проектов развития достигнутых эффектов – как позитивных, так и негативных. С точки зрения локальных сообществ планируемые или реально происходящие изменения имеют для них негативный характер, тогда как положительная составляющая развития присваивается другими акторами (бизнес, органы власти, другие сообщества и др.). Такая интерпретация развития предполагает протестный сценарий реагирования на проекты развития с целью блокировать предстоящие изменения и сохранить существующие равновесие в распределении благ. Постепенно среди членов сообществ может сформироваться убеждение в том, что развитие само по себе предполагает негативные последствия.

Исследования данной тематики на основаниях дистрибутивного подхода пока немногочисленны. Можно отметить работу М. Аменгуаля, основанную на данных о конфликтах в горнодобывающей отрасли Перу и Боливии. Центральное место в ней занимает анализ распределительных политики и её изменения под влиянием конфликтов локальных сообществ с фирмами, ведущими разработку недр [2]. К российским практиками

конфликтности в ходе регулирования противоречий, связанных с реализацией проектов развития, данный подход, насколько нам известно, не применялся.

На наш взгляд, его использование создает новые перспективы для подобных исследований. Во-первых**,** он позволяет объяснить, почему локальные сообщества мобилизуются и выдвигают требования о перераспределении благ. Здесь возможны два сценария мобилизации: локальные сообщества могут бороться за сохранение и возможное изменение распределительных эффектов в свою пользу (по сути, на первых план выходит сохранение статус-кво), либо же против ухудшения распределительных эффектов в будущем (на первый план выходят риски и угрозы, оцениваемые сообществом).

Во-вторых**,** дистрибутивный подход помогает понять динамику институциональных изменений на локальном уровне. Согласно Дж. Найту, формальные институты меняются при изменении соотношения сил между акторами и дистрибутивного эффекта. Это означает, что участие локальных сообществ в конфликтах развития может рассматриваться как стратегия изменения баланса сил с целью добиться более выгодного распределения благ. При этом, как подчеркивает Дж. Найт, для успешного институционального изменения необходимо, чтобы акторы сместили свои ожидания относительно стратегий, ассоциирующихся с новым равновесием

В-третьих**,** подход позволяет анализировать взаимодействие формальных и неформальных институтов в регулировании конфликтов. Неформальные институты, по Дж. Найту, возникают спонтанно как «побочный продукт» отношений господства-подчинения и являются «самопринудительными». Однако в случае использования типологии Г. Хелмке и С. Левитски, характеризующей взаимодействие норм формальных и неформальных институтов, картина представляется более сложной. В частности, неформальные институты могут напрямую конкурировать с формальными, в каких-то случаях замещать их или корректировать действе формальных норм [3]. Поэтому они также создают распределительные эффекты.

Представляет интерес эмпирическая проверка гипотез Дж. Найта на материале различных типов конфликтов развития: инфраструктурные проекты, добыча природных ресурсов, городское развитие, климатическая адаптация. В рамках нашего исследовательского проекта группа ученых Кубанского университета стремится проверить их на материалах проекта развития в Краснодарском крае и участия локальных сообществ в конфликтах, связанных с ними.

Требует дальнейшей разработки вопрос о роли идеологических и ценностных факторов в распределительных конфликтах. Хотя Дж. Найт признает влияние идеологий и нематериальных предпочтений на процесс институциональных изменений, в его модели доминирует материалистическая и рационалистическая логика. Между тем, как показывают исследования межэтнической напряженности, в основе конфликтов могут лежать укоренившиеся в общественном сознании моделей социального поведения, связанные с ожиданиями доступа к социальным услугам. Изучение того, как коллективные идентичности и ценностные ориентации взаимодействуют с распределительными мотивами, представляет собой важное теоретико-прикладное направление. Дистрибутивный подход может быть плодотворно дополнен концепциями процедурной справедливости и делиберативной демократии. В этом контексте актуальным становится вопрос о том, как институциональный дизайн может способствовать преодолению властных асимметрий и обеспечению «паритета участия» (parity of participation) для локальных сообществ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Knight J. Institutions and Social Conflict. Cambridge University Press, 1992.

2. Amengual M. Communities, Mines, and Distributive Politics: Direct Contestation in the Andes. Oxford : Oxford University Press, 2024.

3. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 188–211.

УДК 304.44+316.4

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Колядко И. Н.
доцент кафедры философии культуры БГУ
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Развитие современного этапа техногенной цивилизации сопровождается цифровой трансформацией различных сфер социума – от повседневных социальных практик до экономики, образования и культуры. Эта трансформация носит системный характер: цифровые технологии не просто дополняют традиционные практики, а формируют новую архитектуру социальных взаимодействий, меняя принципы коммуникации, обмена знаниями и принятия решений. Цифровые технологии превращаются из вспомогательного средства, обеспечивающего решение задач по обеспечению функционирования отдельных процессов и сфер, в активного агента социальных изменений, способного оказать влияние на характер практической деятельности людей, как субстанциальной основы социальности, создавать новые социальные практики и оказывать влияние на общественное сознание. «Технологии, – как отмечает В. В. Миронов, – из чисто вспомогательного средства, увеличивающего комфортность жизни людей, превращаются в доминирующий фактор, вынуждая человека следовать предписанным алгоритмам, которые не всегда могут его устраивать» [1, с. 68]. Они стирают границы между физическим и виртуальным мирами, создавая гибридную реальность. В результате человек существует одновременно в двух плоскостях: физической и цифровой, что меняет восприятие пространства, времени и собственной идентичности.

Социальная реальность становится по своему характеру гибридной – в ней неразрывно переплетаются физическое и цифровое измерения, формируя единое социотехнологическое пространство. Как отмечает И. П. Салтанович, «возможно, самая большая трансформация, вызванная цифровой революцией, – это создание гибридного измерения между онлайн- и офлайн-пространством. Цифровые технологии реонтологизировали реальность, создали гибридное онтологическое онлайф-измерение [2, с. 63]. Формирующаяся гибридная социальная реальность предстает в качестве сложной самоорганизующейся рефлексивной системы с внутренним социокультурным разнообразием, непрерывно генерирующей новые социокоды, основанные на воспроизводстве значимого социокультурного опыта [3, с. 50]. Эта система возникает на стыке физического и цифрового миров, где традиционные социальные структуры взаимодействуют с алгоритмическими платформами, а культурные практики интегрируются с технологическими интерфейсами. В результате возникают принципиально новые формы коммуникации, познания и коллективной деятельности, которые не сводятся к простой сумме компонентов, а порождают, такие, основанные на эмерджентности, феномены, как цифровая идентичность, цифровая социализация, формирование сетевых сообществ. Особого внимания заслуживает феномен платформенной социальности, характеризующийся алгоритмическим опосредованием коммуникаций, данных и форм власти [4, с. 268].

В условиях цифровизации платформенная социальная реальность формируется как целостная система, интегрирующая три взаимосвязанных компонента: массивы цифровых данных на основе big date, технологическую инфраструктуру, пользовательские практики. Взаимодействие этих элементов приводит к определенному онтологическому сдвигу: социальное перестает быть исключительно символическим или институциональным порядком и закрепляется в формах цифровой репрезентации. Как отмечают в этой связи Д. В. Мельничук и А. В. Рязанов, «данные выступают не просто отражением социальных процессов, но и активным фактором их формирования, поскольку алгоритмическая обработка превращает зафиксированные действия, предпочтения и коммуникации в основания для принятия решений и прогнозирования поведения. Цифровые данные становятся новым видом социальных объектов, которые одновременно репрезентируют социальное и конструируют

его, задавая параметры видимости, значимости и нормальности» [4, с. 269]. Цифровые платформы и интерфейсы перестают быть нейтральными «окнами» в виртуальную среду – они превращаются в активных архитекторов социального опыта. Они не просто предоставляют доступ к определенным функциям – они предписывают способы их использования, маркируя одни действия как естественные и удобные, а другие делая менее очевидными или трудоемкими. Таким образом, цифровые платформы оказываются вовлеченными в процесс «верификации» социального опыта, осуществляя его онтологическое упорядочение через определение, какие аспекты реальности будут актуализированы для пользователя, а какие окажутся вытеснены из поля его восприятия.

Новая конфигурация социальной реальности, формируемая на основе развивающейся информационно-коммуникационной инфраструктуры, с одной стороны, предполагает реализацию определенных технологий управления, которые в условиях глобального коммуникационного пространства могут выступать средствами осуществления контроля над индивидуальным и общественным сознанием, создавая предпосылки для возможности манипулирования. Самой опасной формой такого рода воздействия, пронизывающего социальные отношения как по вертикали, так и по горизонтали становится конституирование новой формы контроля, осуществляемого посредством самоконтроля и самодисциплины, когда «при внешне демократичном фоне коммуникации ее субъект, ощущая себя свободным в своем волеизъявлении или изложении мыслей в тех же социальных сетях, просто не будет осознавать степень манипуляции своим сознанием» [1, с. 64]. Это оказывает влияние на формирование нового типа субъектности и идентичности. Формируется гибридная субъектность – принципиально новый тип человеческой субъектности, возникающий в условиях интенсивной цифровизации и интеграции информационно-коммуникационных технологий в повседневную жизнь. Вместе с тем, «формируются новые механизмы групповой идентичности, основанные не на территориальной принадлежности, а на разделяемых точках зрения, практиках, дискурсах и т.п., следствием которых является возникновение распределенных сетевых структур, члены которых могут находиться в разных точках планеты, поддерживая при этом интенсивные и регулярные взаимодействия» [5, с. 52–53].

Возрастает значимость механизмов самоорганизации: социальные сообщества складываются по принципу «снизу вверх» – через множество локальных взаимодействий, минуя централизованное планирование и внешний контроль. Параллельно трансформируются механизмы формирования идентичности: она конструируется в процессе непрерывных коммуникативных практик, совместного создания контента и его коллективной интерпретации, что отражает переход от статичных, институционально заданных форм идентичности к динамичным, процессуальным моделям. Такие процессы свидетельствует не только о возможностях цифровых технологий, но, не в меньшей степени, способствуют социальной дифференциации на основе дивергенции ценностных предпочтений, существенно ограничивая мобилизационный потенциал такого рода сообществ, «включая проблему устойчивости инициатив, зависимость от алгоритмического управления вниманием на цифровых платформах, уязвимость перед дезинформацией и риски фрагментации и поляризации обществ» [5, с. 53].

С другой стороны, увеличение объема и интенсивности распространения информации, развитие медийных технологий на основе big date и интенсификация процессов цифровой трансформации отдельных сфер общества способно оказывать заметное влияние *на уровень рефлексивности социальной системы.* Рефлексивность в данном контексте подразумевает выявление социоэпистемологических оснований и условий производства знания, формирования идентичностей и организации социальных взаимодействий, и оказывается, таким образом, «проявлением способности структуры, процесса или набора идей перестраиваться в результате осмысления системой своей перформативности (агентами или посредством автоматической самооценки техническими элементами)» [6, с. 8]. Этот процесс реализуется через несколько взаимосвязанных механизмов. Во-первых, ускорение и масштабирование обратной связи: цифровые платформы обеспечивают мгновенную

фиксацию реакций аудитории, агрегирование мнений и их трансляцию в публичное пространство социума. Благодаря этому появляется возможность оперативно отслеживать социальные запросы и корректировать те или иные действия – от локальных сообществ до государственных структур. Во-вторых, повышение измеримости социальных процессов: накопление и анализ больших данных позволяют создавать детализированные модели поведения групп и индивидов, выявлять скрытые паттерны и тренды, прогнозировать развитие ситуаций. Это формирует основу для осознанного принятия решений на всех уровнях – индивидуальном, коллективном и институциональном. В-третьих, децентрализация производства знания: цифровые инструменты позволяют пользователям не только потреблять информацию, но и создавать ее и верифицировать уже имеющиеся данные, что в определенной степени способствует возрастанию степени прозрачности, проверяемости источников и ответственности за распространяемые сведения.

Таким образом, цифровая трансформация не просто усиливает рефлексивность социальной системы, но и меняет ее характер: она становится непрерывной, распределенной и алгоритмически опосредованной. Общество в определенном отношении учится «видеть себя» через призму big date и современные медийные технологии, посредством которых осуществляется дискурсивное конструирование социальной реальности. «Конструируемые реальности, – как отмечает В.В. Миронов, – могут различаться в зависимости от страны, политической ситуации, выступая в качестве средства манипулирования сознанием общества и индивида, погружая каждого в собственный информационный кластер и формируя необходимое отношение индивида к реальности, к тем или иным событиям» [1, с. 78]. Именно в этой амбивалентности цифровых технологий и состоит их сущность – механизмы, усиливающие рефлексивность системы (сбор данных, аналитика, обратная связь), одновременно могут ограничивать рефлексивность отдельных субъектов, ориентируя их на определенные модели поведения и деятельности, скрывая силовые отношения, лежащие в их основе.

На основании вышеизложенного следует, что техногенная цивилизация на современном этапе развития претерпевает существенные изменения под влиянием цифровых трансформаций. Позитивные эффекты этих изменений включают расширение коммуникационных возможностей, доступ к глобальному знанию и культурному наследию, а также оптимизацию повседневных и профессиональных задач. Вместе с тем наблюдаются и негативные тенденции, которые эксплицируются в усилении социальной изоляции, росте случаев кибербуллинга, распространении экстремистских идей и дискриминационных практик в цифровой среде, что требует критического осмысления данных феноменов и обоснование мер обеспечения кибербезопасности личности и государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Миронов, В.В. Платон и современная пещера big-data / В.В. Миронов // Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. – Москва : РГ-Пресс, 2020. – С. 62–83.

2. Салтанович, И.П. Социальность процессов цифровой трансформации / И.П. Салтанович // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2023. – № 4 – С. 57–66.

3. Василенко, Л.А. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия / Л.А. Василенко, Н.Н. Мещерякова // Философия науки и техники. – 2023. – Т. 28. – № 1. – С. 48–65.

4. Мельничук, Д.В. Социальная философия в цифровую эпоху / Д.В. Мельничук, А.В. Рязанов // Манускрипт. – 2026. – Том 19. – Выпуск 1. – С. 267–272.

5. Жукова, Т.И. К проблеме трансформации социальных отношений и социального капитала в цифровую эпоху / Т.И. Жукова // Труды ИСА РАН. – 2025. – Том 75. – № 3. – С. 48–60.

6. Тропинова, Е.А.Рефлексивное управление в контексте цифровизации: концептуализация и практическое использование / Е.А. Тропинова // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2021. – Т. 22. – No 3. – С. 6–18.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Корсак А. И.
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой
г. Полоцк, Беларусь

В современных условиях трансформации международных отношений и информационного противостояния военно-мемориальная сфера стала одним из ключевых инструментов государственной идентичности и суверенитета Республики Беларусь. Вопросы исторической памяти отнесены к национальным интересам страны, что закреплено в обновлённой Концепции национальной безопасности [1].

В отечественной историографии и законодательной базе нет четкого определения информационной политики. Имеется ряд понятий, таких как «информационная безопасность» [1], «информационная сфера» [2, с. 83], «информационное поле» [2, с. 173], которые значительно шире по своему содержанию нежели интересующее нас понятие. Обратимся к опыту российских коллег, среди мнений которых принципиальных разногласий в определении информационной политики не существует. В этой связи нами за основу было взято определение политолога А.В. Манойло: «информационная политика – это деятельность системы государственной власти и управления по созданию условий для успешного, устойчивого и непрерывного развития системы социально-политических отношений общества в условиях интенсивного воздействия внешних и внутренних факторов, оказывающих на систему как стабилизирующее, так и деструктивное информационно-психологическое воздействие» [3, с. 330].

Военно-мемориальную сферу рассматриваем с точки зрения области деятельности государственных структур и общественных организаций по увековечению памяти погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн, а также по обеспечению сохранности воинских захоронений и мест массовых уничтожений периода Великой Отечественной войны [4, с. 106].

В данном контексте информационная политика в военно-мемориальной сфере представляет собой целенаправленную деятельность государства по формированию и трансляции в общественном сознании определённых интерпретаций военно-исторических событий. Её основное предназначение – обеспечение консолидации общества, патриотическое воспитание и противодействие попыткам искажения исторической правды.

Накопленный опыт и правовая основа (Указ Президента Республики Беларусь № 109 «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн», Государственная программа «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества» на 2021 – 2025 годы, Закон «О геноциде белорусского народа», обновлённая Конституция с положениями о защите исторической правды) информационной политики в военно-мемориальной сфере позволяют выделить несколько этапов в процессе развития государственной политики в исследуемой области. 1990-е годы определены как этап становления национальной законодательной базы, закрепление центрального места памяти о Великой Отечественной войне в историческом сознании. Институционализация и систематизация мемориальной работы, принятие первых государственных программ по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн приходится на 2000 – 2020 годы. Активизация процесса цифровизации учета захоронений, запуск масштабных просветительских проектов в условиях усиления внешнего информационного давления происходит в 2021 – 2025 годах.

Реализация информационной политики Республики Беларусь в военно-мемориальной сфере опирается на целый комплекс взаимосвязанных инструментов, обеспечивающих как сохранение памяти о погибших в годы Великой Отечественной войны, так и трансляцию соответствующих смыслов в общественное сознание.

Институциональный блок включает государственные средства массовой информации, систему школьного и вузовского образования, а также разветвлённую идеологическую вертикаль. Важным элементом являются военно-патриотические лагеря и клубы с целью создания условий для формирования у детей и молодежи гражданственности, патриотизма, верности своей Родине и готовности выполнять задачи по обеспечению защиты Отечества [5].

Цифровой компонент представлен автоматизированным банком данных «Книга памяти Республики Беларусь», содержащим сведения более чем о 20 010 учтенных воинских захоронениях и захоронениях жертв войн на территории Беларуси и европейских государств [6]. Важным инструментом является международный историко-патриотический проект «Цифровая звезда» [7], в рамках которого на мемориальных объектах установлены таблички с QR-кодами. С их помощью посетители могут перейти на интернет –портал с подробной информацией о памятнике, историческими справками, фотографиями и копиями архивных документов. Проект позволяет виртуально посетить более 3 000 мемориалов на территории Союзного государства и активно привлекать к поисковой работе молодежь. Перспективным направлением является также использование технологий дополненной реальности (VR/AR) в музейной и поисковой работе, позволяющее создавать виртуальные экспозиции и памятники. Примером является проект виртуальной реальности «Героический ДОТ», отражающий один из эпизодов начала Великой Отечественной войны, а именно оборону Полоцкого укрепленного района в июне – июле 1941 г. [8].

Коммеморативный инструментарий включает мемориальные комплексы и памятники на воинских захоронениях и могилах жертв Великой Отечественной войны. Ключевое место занимают «Хатынь», «Брестская крепость-герой», «Тростенец», «Красный Берег», «Буйническое поле» и др.

Поисковый блок охватывает деятельность 52-го отдельного специализированного поискового батальона и действующих 18-и поисковых общественных объединений и клубов, их взаимодействие с российскими поисковыми структурами, а также работу по эксгумации, идентификации останков и уточнению списков погибших.

Итак, инструментальный комплекс информационной политики в военно-мемориальной сфере Республики Беларусь представляет собой системный механизм. Его практическая отдача напрямую зависит от слаженности всех компонентов и способности своевременно учитывать вызовы информационного порядка.

Среди основных вызовов информационной политики Республики Беларусь можно выделить несколько основных: конкуренция с западными нарративами и попытки переписывания истории; уязвимость молодёжи перед информационно-психологическим воздействием; сохраняющийся разрыв между декларируемыми целями и практической реализацией на местах (системные проблемы в учёте воинских захоронений); необходимость противодействия фальсификации фактов в цифровом пространстве.

Обобщая имеющийся практический опыт Республики Беларусь, можно выделить следующие основные перспективные направления в военно-мемориальной сфере в рамках государственной информационной политики: расширение международного сотрудничества с зарубежными архивами и исследовательскими центрами в целях верификации данных воинских захоронений и мест уничтожения советских военнопленных и мирного населения в годы Великой Отечественной войны; усиление работы по оцифровке, систематизации и открытому представлению архивных материалов о потерях и захоронениях; совершенствование идеологической вертикали в части подготовки кадров, ответственных за мемориальную работу; повышение точности учёта воинских захоронений и мест массовых уничтожений с использованием геоинформационных систем и мобильных технологий.

Таким образом, информационная политика Республики Беларусь в военно-мемориальной сфере представляют собой системный развивающийся механизм, опирающийся на институциональный, цифровый, коммеморативный и поисковый инструменты. Не смотря на достигнутые результаты в систематизации учета захоронений и патриотическом воспитании, сохраняются вызовы, связанные с информационным

воздействием на молодежь и разрывом между целями и практической реализацией, что определяет перспективные направления – углублением международного архивного сотрудничества, оцифровку данных и совершенствование идеологической работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебел. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения: 23.08.2026).

2. Политическая социология: энциклопедический словарь / составители: Н.Л. Мысливец [и др.]; научный редактор Е.М. Бабосов. – Минск: Беларуская навука, 2025. – 277 с.

3. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография / А.В. Манойло. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.

4. Корсак, А.И. Международное военно-мемориальное сотрудничество в контексте современных реалий / А.И. Корсак // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». – 2024. – № 2. – С. 104 – 119.

5. Военно-патриотические клубы // Военно-информационный портал Министерства обороны Республики Беларусь. – URL: https://www.mil.by/ru/all_about/patriotic/patriotic%20club/ (дата обращения: 23.08.2026).

6. Автоматизированный банк данных «Книга Памяти Республики Беларусь» // Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь. – URL: https://memory.mil.by/ (дата обращения: 23.08.2026).

7. Международный исторический проект «Цифровая звезда». – URL: https://izvezda.by/ru/about-ru/ (дата обращения: 23.08.2026).

8. Презентация проекта виртуальной реальности «Героический ДОТ». – URL: https://www.psu.by/ru/novosti/sobytiya/prezentatsiya-proekta-virtualnoj-realnosti-geroicheskij-dot (дата обращения: 23.08.2026).

УДК 316.74:37

О СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЙ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ» И «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ»

Костюкевич С. В.
ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Начиная с середины XX в. основные ключевые понятия, используемые для анализа сферы образования, были разработаны экономистами. К ним относятся, прежде всего, такие понятия как «человеческий капитал» и «человеческий потенциал», которые, в свою очередь, анализируются в контексте общего для них понятия «знаниевая экономика». Содержание понятий человеческий капитал и человеческий потенциал взаимно пересекаются, однако, они не дублируют друг друга, поскольку в их основе лежат разные идеи. Если в основе понятия человеческий капитал лежит идея доходности образования, то в основе понятия человеческий потенциал – идея справедливости и человеческого развития. Авторами концептуализации термина человеческий капитал в экономической науке являются американские экономисты Т. Шульц и Г. Беккер. Авторами человеческого потенциала как экономической категории – пакистанский экономист Махбуб Уль-Хак и индийский экономист Амартия Сен [1, 2], которые получили не только отечественное, но и западное образование – оба учились в Кембриджском университете. В 1990 году группой экономистов, которую возглавлял М. Уль-Хак, были опубликованы исследования, в которых определены *концептуальные положения Индекса человеческого развития*. С этого же года этот индекс был включен в систему показателей ПРООН, рассчитываемых в Отчёте о человеческом развитии [3]. Уточняя, следует отметить, что если термин человеческий капитал был обоснован как понятие

экономической науки в теории человеческого капитала Т. Шульца и Г. Беккера, то термин человеческий потенциал, использованный в концепции человеческого развития М. Уль-Хака и А. Сена и обозначенный как экономическое понятие, не получил в рамках данной концепции тщательной теоретической проработки, в силу чего его содержание осталось довольно расплывчатым, хотя, при этом, были определены эмпирические индикаторы для его количественного измерения, в частности, применительно к сфере образования – это уровень грамотности и уровень образованности населения.

Как пишут представители Высшей школы экономики Я. Кузьминов, П. Сорокин и И. Фрумин: «…образовательная политика большинства развитых стран мира в последние десятилетия базируется на теории человеческого капитала…», уточняя, что «в центре понятия "человеческий капитал" лежит инвестиционная логика», что означает, что от инвестиций в образование как отдельный индивид, так и общество в целом ожидают роста как личного, так и общественного богатства [4, с. 19]. Первоначально, в середине XX века, главным инвестором было государство, затем, с запуском процесса маркетизации образования в последние десятилетия XX века, акцент сместился: теперь сами студенты и их родители должны были инвестировать в свое образование. Возник рынок образовательных услуг.

А. Сен исходил из идеи, что важно не только материальное или экономическое благосостояние человека, но и расширение возможностей человека в процессе его развития. Тем самым он смещал акцент с образования как фактора, обеспечивающего человеку доход, на образование как фактор развития человека. Согласно концепции человеческого развития, получение дохода вследствие полученного образования – это важная часть жизнедеятельности человека, но не единственная. Человеческая жизнь сложна и многообразна и не ограничивается только мотивацией заработка и прибыли и ростом материального благосостояния. В силу этого, А. Сен исходил из принципа «образование ценно для жизни», а не только для рынка труда.

В отличие от меркантильного и сугубо экономического подхода американских экономистов Т. Шульца и Г. Беккера, более гуманитарный подход индийского экономиста А. Сена к пониманию процесса развития, которое он рассматривал более широко: не только как экономический рост, *но и как развитие человека и социальной сферы,* обусловило его позицию в отношении государства – А. Сен считал, что государство должно инвестировать в развитие сферы образования (и в целом, в развитие социальной сферы) и обеспечивать справедливое распределение ресурсов в экономике. Подобная позиция в отношении государства означала, что А. Сен рассматривал *социальную политику государства и работу его институтов* (например, института образования как одного из ключевых компонентов социальной сферы) в качестве главных механизмов развития человеческого потенциала.

Подход А. Сена к расширению возможностей человека как результате его развития (в том числе, в процессе образования), когда учитываются психологические и культурные факторы: мотивация, ценности, ожидания и т.п., близок позиции некоторой части российских социологов. В частности, можно сослаться на статью известного российского социолога М.К. Горшкова «Неэкономические факторы экономического роста: неиспользованные резервы» [5]. Речь идет *о понимании экономического развития, прежде всего, как человеческого развития:* развития предприимчивости, инициативности, творческой устремленности и т.д. Подобный подход расширяет идеологическое обоснование понятий "человеческий потенциал" и "человеческий капитал", выходя за рамки идеи доходности образования, что стало необходимым *в силу фиксации проблемной ситуации:* «Созданный образованием человеческий потенциал все хуже капитализируется: глобальный и национальный экономический рост замедляются. Как следствие, предпринимаются все новые попытки теоретически обосновать ненужность или маловажность образования для экономического роста и жизненного успеха отдельного человека» [4, с. 19].

Не отказываясь от идеи доходности образования (как для отдельного индивида, так и для рынка образовательных услуг), сегодня экономисты признают, что «Тезис о том, что *человек (а не только природные ресурсы, финансовый или физический капитал) выступает основной*

движущей силой социально-экономического развития, стал сегодня общим местом для значительной части экспертного и академического сообщества» [4, с. 20]. Итак, доминирующей стала идея о том, что человек (включая его образование и его личностный и профессиональный потенциал) является одним из главных капиталов в экономике. В подобном направлении – *понимания экономического развития, прежде всего, как человеческого развития* – написаны работы Дж. Хекмана, который с середины 2000-х гг., отталкиваясь от подхода А. Сена о возможностях человека, расширил трактовку человеческого потенциала: Дж. Хекман начал связывать человеческий потенциал не столько с внешними возможностями (здравоохранением, образованием, валовым национальным доходом на душу населения), сколько «с развитием внутренних способностей человека, с активизацией деятельностных аспектов его личности, творческого потенциала, агентности и самостоятельности» [6].

Поскольку в концепции человеческого развития М. Уль-Хака и А. Сена понятие «человеческое развитие» понимается как процесс обеспечения здоровья и долголетия, уровня грамотности и образования, расширения доступа к ресурсам для достойной жизни, т.е. процесс развития – это не только рост экономического благосостояния, но, прежде всего, *расширение возможностей человека за счет* роста здоровья, долголетия, образования, роста валового национального дохода на душу населения, то использование в данной концепции термина “человеческий потенциал” было логически оправданным и обоснованным – *человеческий потенциал указывал на скрытые возможности человека (людей), которые можно активировать через здоровье, образование и наличие материальных ресурсов.*

До сих пор, несмотря на широкое использование термина человеческий потенциал, экономисты НИУ ВШЭ фиксируют, что «единой трактовки данного понятия нет, все существующие его интерпретации зачастую остаются размытыми. Поэтому перед учёными стоит важная *задача по концептуальной проработке понятия человеческого потенциала* (ЧП)» [7]. Эта задача стоит не только перед экономистами, но и перед социологами, так как в социологии «это понятие используется метафорически, без строгой операционализации. На этом фоне в социологических дискуссиях достаточно распространена трактовка, созвучная экономической: понятие человеческого потенциала рассматривается приблизительно в тех же категориях, что и человеческий капитал» [7]. Далее идет уточнение, что человеческий потенциал, в отличие от человеческого капитала, – «это некоторый «актив» человека, который задействуется на рынке труда и за его пределами. Его основным компонентом является образование и квалификация, *но содержание понятия расширяется за счёт включения личностных характеристик.* К ним может относиться, например, структура ценностей, интересов и широкий круг других параметров, на которые в экономической науке редко обращают внимание. Кроме того, социологи, в отличие от экономистов, рассматривают проявления человеческого потенциала не только на рынке труда и занятости, но и в других сферах» [7].

В заключении следует отметить, что концептуализация человеческого потенциала как понятия социологической науки предполагает его теоретический анализ. Например, М. Уль-Хак и А. Сен видели потенциал человека в «расширении возможностей человека за счет роста его здоровья, долголетия, уровня его образования, роста валового национального дохода на душу населения», Дж. Хекман видел потенциал человека в «развитии его внутренних способностей, активизации деятельностных аспектов его личности, творческого потенциала, агентности и самостоятельности», М. К. Горшков – в «развитии предприимчивости, инициативности, творческой устремленности».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сен, А. Развитие как свобода / А. Сен – М. : Новое издательство, 2004. – 432 с.
2. Сен, А. Об этике и экономике /А. Сен – М. : Наука, 1996. – 160 с.
3. Human Development Index (HDI) // United Nations Development Programme. – URL: https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI (дата обращения 28.07.2026).

4. Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I. Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice / Ya. Kuzminov, P. Sorokin, I. Froumin // Foresight and STI Governance. – 2019. – Vol. 13, № 2. – P. 19–41.

5. Горшков, М. К. Неэкономические факторы экономического роста: неиспользованные резервы / М. К. Горшков // Гуманитарные науки. – 2013. – № 2(10). – P. 33–43.

6. Heckman J., Corbin Ch. Capabilities and Skills / J. Heckman, Ch. Corbin // Journal of Human Development and Capabilities. – 2016. – Vol 17(3). – P. 342–359.

7. Факультет экономических наук НИУ ВШЭ // НИУ ВШЭ. – URL: https://economics.hse.ru/news/903089183.html (дата обращения 28.07.2026).

УДК 37.017.4

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Косыхин Е. В.
Руководитель по ВПВ, магистрант
г. Минск, Беларусь

Современная геополитическая реальность диктует необходимость пересмотра традиционных подходов к гуманитарным наукам. В рамках деятельности Научного совета по науковедению Международной ассоциации академий наук (МААН) анализ материала «Формирование единого воспитательного пространства военно-патриотического воспитания в Союзном государстве в условиях гибридной войны» позволяет констатировать: трансформация системы образования и воспитания из сугубо социальной функции в инструмент государственного управления, является закономерным ответом на внешние вызовы.

Военно-политическая обстановка вокруг Республики Беларусь и Российской Федерации, характеризующаяся нарастанием гибридных угроз, выступает не просто фоном, а катализатором интеграционных научных процессов. Как отмечает руководитель Агентства евроатлантического сотрудничества В. Ковалевский, проведение совместных учений «Запад-2025» создает среду для провокаций с использованием дронов, кибератак и дезинформации. Польша отклоняет предложения Беларуси о возобновлении переговоров по вопросам безопасности, обвиняя Минск в ведении враждебных гибридных действий, Латвия фиксирует двукратное увеличение попыток незаконного пересечения границы, расценивая это как инструмент давления, а Европейский Союз дополняет санкционный режим критериями за информационные манипуляции [1].

В этих условиях наука Союзного государства вырабатывает консолидированный подход, где военно-патриотическое воспитание (ВПВ) перестает быть узкопедагогической задачей и становится элементом системы коллективной информационной и идеологической безопасности. Данный вектор полностью соответствует приоритетам научно-технологического развития. На XI Форуме регионов Беларуси и России специалисты рекомендовали Постоянному комитету Союзного государства рассмотреть возможность формирования единой концепции гражданского и патриотического воспитания молодежи двух стран [2]. Для реализации этой задачи предлагается создать постоянно действующий консультационный совет по научно-технологическому и кадровому развитию, который обеспечит выработку приоритетов совместной деятельности с учетом ресурсного обеспечения из бюджета Союзного государства.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь 2024 года прямо называет деформацию исторической памяти, размывание гражданской идентичности молодёжи и внешнее информационное воздействие в числе основных угроз, что подтверждает актуальность перехода от разрозненных педагогических практик к системной научной модели.

Г. М. Лапшина справедливо указывает, что западноевропейский опыт отказа от целенаправленного патриотического воспитания порождает ценностный вакуум [7, с. 61]. Науковедческий анализ показывает, что противодействие этому вакууму требует синтеза усилий историков, социологов, специалистов по когнитивным технологиям и экспертов в области цифровой безопасности.

Целевое единство при разнообразии инструментов является отличительной чертой зрелой государственной политики. Там, где такое научное и управленческое единство отсутствует, усилия разных уровней нейтрализуют друг друга, создавая уязвимости для гибридного воздействия. Практическим воплощением интеграции науки и практики служит инициатива создания совместного центра патриотического воспитания, рассчитанного на четыре года [3], а также реализация майского указа Президента РФ Владимира Путина о создании к 2030 году условий для воспитания гармонично развитой личности на основе традиционных духовно-нравственных ценностей [4]. Именно такая междисциплинарная интеграция, поддерживаемая профильными министерствами и ведущими вузами, формирует суверенное образовательное пространство, способное противостоять современным геополитическим угрозам, рисунок.

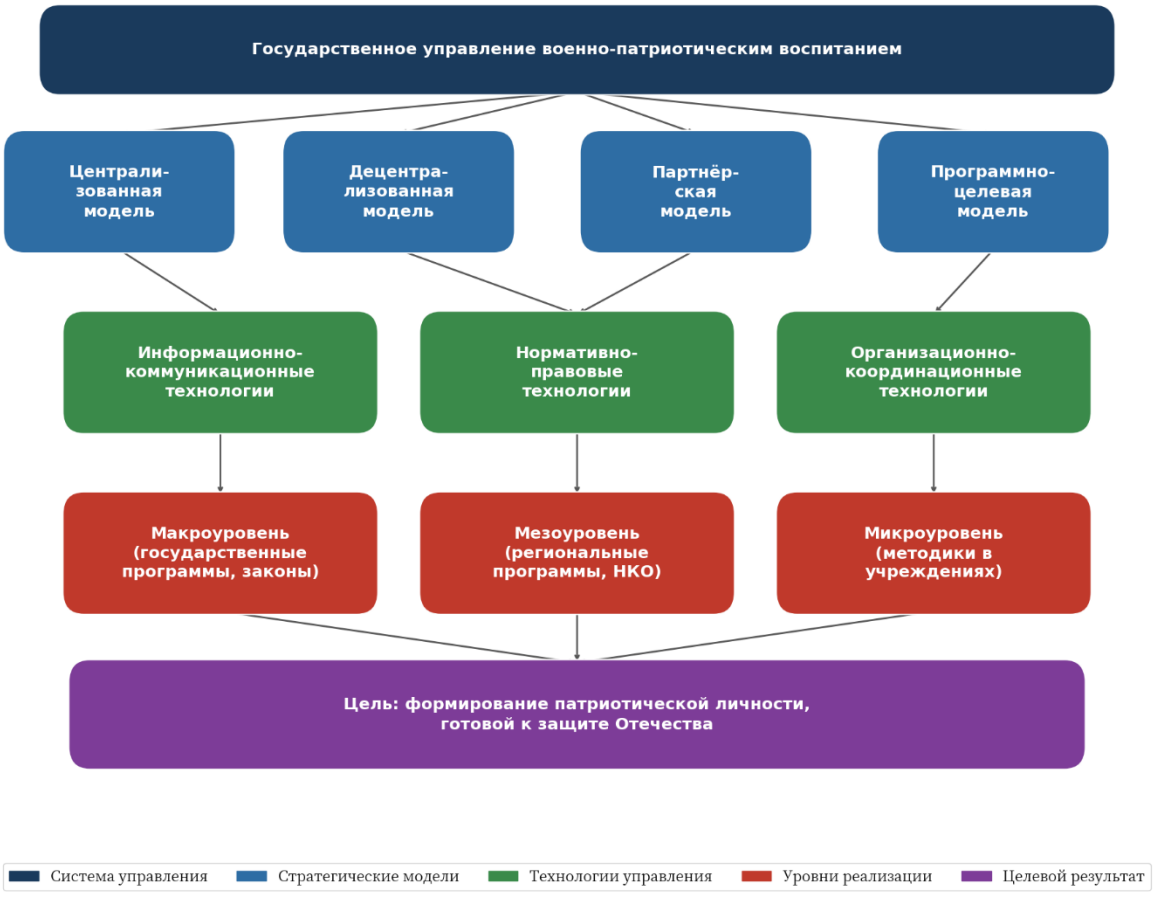

Рисунок. Соотношение стратегических моделей и применяемых технологий государственного управления военно-патриотическим воспитанием

Материал «Формирование единого воспитательного пространства...» фиксирует объективную реальность: в эпоху цифровизации государство вынуждено использовать интернет-платформы, социальные сети, мобильные приложения и мультимедийный контент для трансляции ценностей молодёжи. Однако с точки зрения научного осмысления геополитических угроз этот процесс выходит за рамки простого ответа на изменение информационного поведения молодого поколения. В условиях гибридной войны цифровая среда становится ареной борьбы смыслов, где когнитивные технологии определяют устойчивость национальной идентичности перед лицом внешнего деструктивного воздействия [5].

Научно-технологическая политика Союзного государства направлена на суверенизацию этого цифрового контура. Вместо пассивного присутствия в глобальных сетях предлагается формирование суверенных цифровых экосистем – от единых образовательных платформ до специализированных мобильных приложений, интегрирующих исторический и военно-технический контент России и Беларуси. Это позволяет не только транслировать патриотические ценности, но и осуществлять мониторинг информационных потоков, выявлять очаги дезинформации и оперативно купировать угрозы размывания исторической памяти. Данная работа координируется профильными министерствами науки и образования двух стран в рамках единой концепции идеологического воспитания [6].

Особое место в этой архитектуре занимает интеграция ИКТ с традиционными формами работы. Цифровые инструменты служат точкой входа, переводя виртуальный интерес молодежи в реальное социальное действие. Ярким примером такой синергии выступает ежегодная гражданско-патриотическая кадетская смена учащихся Союзного государства «За честь Отчизны» в Национальном центре «Зубренок» и военно-патриотическая смена в ВДЦ «Орленок». Финансируемые из бюджета Союзного государства (в 2016 году расходы составили более 45 миллионов рублей), эти мероприятия объединяют воспитанников из всех областей Беларуси и десятков субъектов РФ. Именно цифровые платформы обеспечивают предварительный отбор участников, проведение дистанционных этапов интеллектуальных конкурсов и последующее сопровождение молодежных сообществ после завершения смен [7].

Нормативно-правовой фундамент Республики Беларусь служит юридическим каркасом для внедрения этих высоких гуманитарных технологий. Конституция закрепляет защиту Отечества как обязанность и священный долг гражданина (ст. 57), что дает государству полное право регламентировать информационное пространство в интересах национальной безопасности. Этот конституционный императив конкретизируется в Концепции национальной безопасности 2024 года, которая прямо называет внешнее информационное воздействие одной из основных угроз [8].

Таким образом, совершенствование военно-патриотического воспитания в рамках Союзного государства является не политической декларацией, а практической необходимостью, продиктованной общими вызовами и угрозами. Реализация предложенных направлений будет способствовать укреплению духовного единства народов Беларуси и России, повышению престижа военной службы и формированию поколения, способного защитить Союзное государство от любых вызовов и угроз.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Домрачев, А. Г. Государственная политика в области военно-патриотического воспитания молодежи / А. Г. Домрачев // Проблемы управления. – 2020. – № 2. – С. 65–71.

2. Вайчулис, А. В. Военно-патриотическое воспитание молодежи как фактор национальной безопасности Республики Беларусь / А. В. Вайчулис // Вопросы управления. – 2020. – № 1. – С. 37–44.

3. Гришкевич, Е. В. Совершенствование системы военно-патриотического воспитания в Республике Беларусь / Е. В. Гришкевич // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2021. – № 21. – С. 87–94.

4. Каменков, В. С. Нормативно-правовое обеспечение военно-патриотического воспитания молодежи в Республике Беларусь / В. С. Каменков // Право.by. – 2021. – № 3. – С. 43–49.

5. Кодекс об образовании Республики Беларусь от 13 января 2011 г. № 243-З // ЭТАЛОН.

6. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 фев. 2022 г. // ЭТАЛОН.

7. Лапшина, Г. М. Государственная политика Республики Беларусь в сфере военно-патриотического воспитания молодежи / Г. М. Лапшина // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е, Педагогические науки. – 2019. – № 7. – С. 58–63.

8. О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 дек. 2021 г. № 773 // ЭТАЛОН.

УДК 314.1:911.3

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Кот У. В.
научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Современное демографическое развитие Республики Беларусь характеризуется устойчивой депопуляцией, снижением рождаемости, старением населения и выраженной пространственной дифференциацией демографических процессов. При этом региональные различия проявляются не только между областями и г. Минском, но и внутри отдельных регионов — между городскими и сельскими территориями, районами, прилегающими к крупным городам, и периферийными районами. Проведенный анализ показывает, что демографические процессы в Беларуси имеют выраженный центр-периферийный характер, при котором столичный регион и территории, испытывающие влияние крупных городов, демонстрируют относительно более благоприятную динамику, тогда как значительная часть периферийных сельских районов сталкивается с накоплением демографических рисков [1, 2].

Наиболее наглядно пространственная дифференциация проявляется в динамике численности населения. За 2000–2025 гг. население Беларуси сократилось примерно на 900 тыс. человек, или на 8,94 %. При этом региональная картина существенно различается. Единственной административной единицей, демонстрировавшей прирост населения, остается г. Минск: за 2000–2025 гг. его численность увеличилась на 18,6 %, тогда как во всех областях наблюдалось сокращение населения. Наиболее значительные потери отмечались в Витебской, Могилевской и Гродненской областях. Таким образом, столичный регион выступает основным центром концентрации населения и демографического потенциала страны [1, 2].

Таким образом, пространственная структура демографической динамики Беларуси формируется под воздействием выраженного столичного эффекта. Рост населения Минска стоит рассматривать как результат миграционной привлекательности столицы, концентрации рабочих мест, образовательных возможностей и социальной инфраструктуры с одновременным сокращением демографического потенциала периферийных территорий. Это соответствует выявленной тенденции усиления поляризации между демографически растущим столичным регионом и депопулирующей периферией [2, 3].

Особенно существенные различия наблюдаются при разграничении городского и сельского населения. За 2000–2025 гг. численность городского населения увеличилась в Брестской области на 4,2 % и в Гродненской области на 3,5 %, тогда как в других областях наблюдалась убыль. Наиболее масштабные потери характерны для сельской местности. Численность сельского населения за рассматриваемый период сократилась в Витебской области на 49,8 %, в Гродненской — на 50,2 %, в Могилевской — на 48,6 %, в Гомельской — на 40,6 %, в Брестской — на 38,3 %. При этом Минская область существенно отличается от остальных регионов: сокращение сельского населения здесь составило лишь 10,7 %. Такая динамика связана прежде всего с влиянием Минской городской агломерации и процессами субурбанизации, благодаря которым часть населения концентрируется в населенных пунктах, расположенных в зоне влияния столицы [1, 3].

Следовательно, сельская депопуляция в Беларуси имеет выраженную пространственную избирательность. Наиболее интенсивно население сокращается в удаленных от крупных городов территориях, тогда как пригородные и агломерационные районы демонстрируют большую демографическую устойчивость. Это позволяет рассматривать крупные города не только как центры концентрации населения, но и как фактор трансформации демографического пространства [2, 3].

Региональная дифференциация сохраняется и в показателях воспроизводства населения. В долгосрочной перспективе рождаемость снижается практически во всех регионах, однако

интенсивность этого процесса неодинакова. В 2019 г. общий коэффициент рождаемости составлял в среднем по стране 9,3 ‰, при этом наиболее высокий показатель отмечался в Брестской области — 10,9 ‰, а более низкие значения были характерны для г. Минска и Витебской области. К 2025 г. общий коэффициент рождаемости по Беларуси снизился до 6 ‰. При этом сохраняется различие между городской и сельской местностью: суммарный коэффициент рождаемости сельского населения остается выше городского во всех регионах. Однако более высокая рождаемость сельского населения не обеспечивает его демографической устойчивости вследствие старения, сокращения численности женщин репродуктивного возраста и миграционного оттока молодежи [1, 4].

Существенные территориальные различия наблюдаются и в смертности. Более высокие общие коэффициенты смертности характерны для регионов с более старой возрастной структурой населения. В 2019 г. максимальное значение отмечалось в Витебской области — 15,1 ‰, тогда как в г. Минске показатель составлял около 8,9 ‰. В 2025 г. сохранялся значительный разрыв между городской и сельской местностью. В результате сочетание различий в рождаемости и смертности формирует неодинаковую интенсивность естественной убыли населения в регионах: в 2025 г. естественная убыль населения Беларуси составила 6,8 ‰ [1, 5].

Дополнительным фактором пространственной дифференциации выступает возрастная структура населения. Беларусь характеризуется регрессивным типом возрастной структуры и высоким уровнем старения: на начало 2025 г. доля населения старше трудоспособного возраста превышала 24 %. Особенно выражены структурные диспропорции в сельской местности, где отток молодежи сочетается с более высокой смертностью и сокращением численности населения молодых возрастов. Это ограничивает возможности дальнейшего демографического воспроизводства и усиливает различия между территориями [1, 6].

Наиболее существенный вывод из проведенного анализа заключается в том, что административный уровень областей не позволяет полностью раскрыть пространственную неоднородность демографического развития Беларуси. При переходе от областного к районному уровню выявляется значительно более сложная картина. В частности, Брестская и Минская области характеризуются относительно высокой однородностью: в Брестской области только Ляховичский район относится к группе с умеренно низким индексом демографической устойчивости, а в Минской области практически все районы, за исключением Минского, сохраняют средний уровень устойчивости. Одновременно в восточной части страны концентрируются районы с более низкими значениями индекса — в Гомельской, Могилевской и Витебской областях [7].

Рассчитанный индекс демографической устойчивости сельских территорий позволяет количественно показать эту внутривидовую дифференциацию. К группе устойчивых отнесены Минский, Мозырский и Брестский районы; 91 район имеет средний уровень устойчивости; 23 района характеризуются умеренно низким уровнем, а Свислочский район Гродненской области — низким. При этом в число районов с относительно высокими значениями индекса попали не только территории, непосредственно связанные со столичной агломерацией или крупными городами, но и отдельные районы, пострадавшие от аварии на Чернобыльской АЭС, в том числе Краснопольский, Брагинский и другие. Это свидетельствует о нелинейности пространственной демографической динамики и о том, что административная принадлежность района сама по себе не определяет его демографическую траекторию [7].

Таким образом, региональные особенности демографического развития Беларуси могут быть представлены как сочетание нескольких взаимосвязанных пространственных процессов. Во-первых, происходит концентрация населения и демографического потенциала в столичном центре и прилегающей к нему зоне. Во-вторых, продолжается депопуляция сельских и удаленных периферийных территорий, сопровождающаяся их старением. В-третьих, сохраняется дифференциация рождаемости и смертности между регионами и особенно между городской и сельской местностью. В-четвертых, при переходе к районному уровню выявляется значительная внутрирегиональная неоднородность, которая не всегда совпадает с

границами областей. Следовательно, демографическое пространство Беларуси нельзя рассматривать как однородную систему, для которой эффективны одинаковые инструменты регулирования. Наличие отдельных районов с относительно устойчивой динамикой показывает, что депопуляционные процессы не являются полностью однородными и необратимыми на уровне отдельных территорий. Именно поэтому дальнейшее развитие демографической политики целесообразно связывать не только с областным принципом, но и с выделением территориальных групп, сходных по демографическим характеристикам, факторам риска и потенциалу развития. Такой подход соответствует необходимости перехода от унифицированной модели к пространственно дифференцированному управлению демографическими процессами [8].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. – URL: http://dataportal.belstat.gov.by/ (дата обращения: 1.09.2026).

2. Антипова, Е. А. Региональные особенности демографического развития Республики Беларусь / Е. А. Антипова // Состояние и перспективы демографического развития Республики Беларусь : сборник / под общ. ред. Т. Н. Мироновой, С. В. Рязанцева. – Минск, 2017. – С. 100–122.

3. Кот, У. В. Сравнительно-географическая характеристика демографического развития областных центров Республики Беларусь / У. В. Кот // 77-я науч. конф. студ. и асп. БГУ : мат-лы конф. в 3 ч. Ч. 3. – Минск, 2020. – С. 19–22.

4. Кот, У. В. Динамика и факторы демографического развития Брестской области / У. В. Кот // XVII Большой географический фестиваль, посвященный 195-летию российского кругосветного путешествия Ф. П. Литке (1826–1829): материалы Междунар. науч.-практ. конф. студ., асп. и молодых ученых. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2021. – С. 735–740.

5. Кот, У. В. Роль социально-экономических факторов в естественном движении населения Брестской области // Демографические риски XXI века: материалы VII межвуз. студенч. конф. с междунар. участием. – 2021. – С. 104–108.

6. Кот, У. В. Особенности возрастной структуры населения Брестской области / У. В. Кот // Подготовка научных кадров: опыт, проблемы, перспективы : материалы III Республиканской науч.-практ. Конф. – Минск: ИВЦ Минфина, 2022. – С. 123–127.

7. Кот, У.В. Демографическая динамика в сельской местности Беларуси: тенденции и устойчивость / У. В. Кот // Аграрная экономика. – 2025. – № 4. – С. 85-95.

8. Боброва, А. Г. Динамика демографической устойчивости регионов Республики Беларусь: пространственно-временной анализ и направления для совершенствования политики / А. Г. Боброва, О. Ю. Мурашко, У. В. Кот // Вестник Института экономики НАН Беларуси. – 2025. – № 11.

УДК 339.7

ПЛАСТИЧНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ КАК ФАКТОР ОСЛАБЛЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ ТРИЛЕММЫ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ

Кошкин А. В.
старший преподаватель кафедры экономической теории ФГАОУ ВО «СПбПУ»
кандидат экономических наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Классическая трилемма Манделла-Флеминга на протяжении полувека служила незыблемым ориентиром для макроэкономической политики. Её логика безупречна. Страна не может одновременно сохранять монетарную автономию, удерживать стабильный курс и не препятствовать движению капитала. Одна из трёх целей неизбежно приносится в жертву. Однако реальность последних лет демонстрирует устойчивое расхождение с этой стройной теорией. Экономики всё чаще балансируют в промежуточной зоне, где все три цели достигаются не полностью, но и не утрачиваются вовсе. Фундаментальные основания этой модели были заложены в работах Манделла и Флеминга ещё в начале 1960-х годов, а их

систематизация в форме «невозможной троицы» была осуществлена в более поздних работах по международной макроэкономике [1].

Пожалуй, наиболее яркий пример даёт Россия после февраля 2022 года. Центральный банк удерживает ключевую ставку на уровнях, кратно превышающих ставки ФРС и ЕЦБ. Курс рубля управляется через модифицированное бюджетное правило и административные меры. Капитал не заблокирован полностью, но движется по сегментированным каналам, альтернативным официальным. С точки зрения классической теории это невозможно. Тем не менее прошло более трёх лет, и коллапса, который предсказывала ортодоксальная модель, не произошло.

Россия в этом отношении не является исключением. Иран десятилетиями существует в подобной конфигурации. Малайзия в 1998 году ввела контроль за капиталом вопреки рекомендациям МВФ и прошла кризис с меньшими потерями, чем соседи. Венесуэла, напротив, попыталась удержать аналогичный гибридный режим и коллапсировала. Возникает закономерный вопрос. Почему одни экономики справляются с этой балансировкой, а другие нет? Что отделяет устойчивые гибридные режимы от тех, что обречены на обрушение? Ответ на эти вопросы лежит за пределами классической трилеммы. Он требует пересмотра самого понимания макроэкономического ограничения. Ограничение не исчезает, платёжный баланс по-прежнему должен сходиться, а центральные банки по-прежнему ограничены в своих действиях. Но механизмы, с помощью которых эти ограничения обходятся или смягчаются, теорией почти не исследованы. Наиболее последовательная попытка проблематизировать этот разрыв между теорией и практикой была предпринята в эмпирических работах последнего десятилетия [2; 3; 4].

В рамках проведенного исследования предлагается аналитическая рамка, в центре которой находится понятие институциональной пластичности. Под пластичностью понимается способность системы экономических институтов перестраивать свою конфигурацию в ответ на внешний шок, создавая функционально эквивалентные замещающие механизмы при блокировке стандартных каналов взаимодействия с внешним миром. Пластичность не сводится к качеству институтов в статическом смысле. Это динамическая характеристика. Она измеряет не то, насколько хорошо институты работают в нормальных условиях, а то, насколько быстро и с какими потерями они могут быть перестроены при резком изменении внешней среды. Теоретические основания такого подхода восходят к идеям институциональной эволюции и концепции институциональной конверсии, разработанной в рамках сравнительной политэкономии [5; 6].

Пластичность складывается из трёх компонентов. Первый, функциональная эквивалентность, представляет собой способность системы создавать механизмы, выполняющие ту же макроэкономическую функцию, что и заблокированный канал, но через иную институциональную форму. Когда страну отключают от SWIFT, пластичная система не пытается восстановить доступ к прежней платёжной системе, она создаёт альтернативу. Когда санкции блокируют официальные каналы импорта, пластичная система не закрывает экономику, она формирует параллельные каналы через третьи страны. Второй компонент, координационная эффективность, есть способность различных ведомств согласовывать действия в условиях, когда стандартные протоколы координации нарушены. В нормальных условиях центральный банк отвечает за курсовую политику, министерство финансов за бюджетную. В условиях шока это разделение перестаёт работать. Резервы могут быть заморожены, центральный банк не способен проводить интервенции, и министерство финансов вынуждено брать на себя часть его функций. Если координация между ними не налажена, возникает конфликт политик. Третий компонент, представленный в виде резервной ёмкости, представляет собой запас прочности, позволяющий системе нести издержки адаптации, не скатываясь в гиперинфляцию или коллапс платёжной системы. Этот компонент складывается из объёма доступных международных резервов, фискального пространства, глубины внутреннего финансового рынка и административного ресурса.

Стоит также отметить, что институциональная пластичность имеет свойство истощаться. Замещающий механизм, возникший в ответ на шок, потребляет ресурсы, которые в нормальных условиях служили бы амортизатором будущих потрясений. Бюджетное правило, перенастроенное под задачи курсовой политики, перестаёт выполнять функцию фискальной стабилизации. Резервы, потраченные на сглаживание курсовых колебаний, не могут быть использованы для абсорбции следующего шока. Кроме того, замещающие механизмы имеют свойство институционализироваться. Они обрастают формальными процедурами, регламентами, выделенными ставками и бюджетами. Вокруг них складываются группы интересов, извлекающие выгоду из их функционирования. Механизм, созданный как временный ответ на шок, со временем окостеневает, перестаёт быть гибким и начинает сопротивляться любым изменениям, включая возврат к исходной конфигурации или переход к более эффективной альтернативе. Так функциональная эквивалентность из механизма адаптации превращается в институциональную ловушку. Этот феномен был описан в теории институциональных изменений как переход от конверсии к истощению, когда институт, некогда выполнявший стабилизирующую функцию, сам становится источником нестабильности [6].

Из проведенного исследования следует несколько выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Классическая трилемма остаётся фундаментом, на котором строится анализ, однако наблюдаемая реальность, показывает, что гибридные макроэкономические режимы не являются ни аномалией, ни временным отклонением, а представляют собой новую реальность международной макроэкономики, в которой геополитическая фрагментация, санкционные режимы и институциональная адаптация меняют саму структуру ограничений. В этой реальности ключевым фактором успеха становится не следование ортодоксальным рецептам, а способность к адаптивной реконфигурации. Институциональная пластичность перестаёт быть метафорой и становится измеримой величиной, определяющей, удержится ли страна в квази-трилемме или обрушится [7].

Мониторинг квази-трилеммы не может опираться на единственный показатель расстояния до границы устойчивости. Необходим динамический анализ, отслеживающий не только положение страны в пространстве монетарной автономии, гибридности курса и сегментированности капитала, но и движение самой границы, которое определяется пластичностью. Критически важна не столько абсолютная величина пластичности, сколько её динамика. Стабильно низкая пластичность может быть совместима с выживанием десятилетиями. Падающая пластичность создаёт риск обрушения, даже если её текущий уровень остаётся выше, чем у стран, которые десятилетиями балансируют на грани.

Предложенная концептуальная рамка не претендует на завершённость. Она задаёт направление для дальнейших исследований. Операционализация пластичности, её эмпирическая верификация на независимых данных, различение типов кризисов и их связи с положением страны в пространстве новой квази-трилеммы, всё это задачи будущей работы. Однако сама постановка вопроса представляется весьма продуктивной. Гибридные режимы требуют нового языка для своего описания. Языка, который не сводит их к временным отклонениям, а видит в них закономерный результат эволюции международной финансовой системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Mundell, R. A. Capital mobility and stabilization policy under fixed and flexible exchange rates / R. A. Mundell // Canadian Journal of Economics and Political Science. – 1963. – Vol. 29, No. 4. – P. 475–485.

2. Aizenman, J. The «impossible trinity» hypothesis in an era of global imbalances: measurement and testing / J. Aizenman, M. D. Chinn, H. Ito // Review of International Economics. – 2013. – Vol. 21, No. 3. – P. 447–458.

3. Klein, M. W. Rounding the corners of the trilemma: sources of monetary policy autonomy / M. W. Klein, J. C. Shambaugh // American Economic Journal: Macroeconomics. – 2015. – Vol. 7, No. 4. – P. 33–66.

4. Rey, H. Dilemma not trilemma: the global financial cycle and monetary policy independence / H. Rey // Proceedings of the Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Policy Symposium, Jackson Hole. – Kansas City: Federal Reserve Bank of Kansas City, 2013. – P. 285–333.

5. North, D. C. Institutions, institutional change and economic performance / D. C. North. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 152 p.

6. Streeck, W. Beyond continuity: institutional change in advanced political economies / W. Streeck, K. Thelen. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 290 p.

7. Koshkin, A. Beyond the trilemma: how hybrid exchange rate regimes and segmented capital flows reconfigure monetary autonomy in emerging markets / A. Koshkin // Journal of Risk and Financial Management. – 2026. – Vol. 19, No. 7. – P. 506.

УДК 316.4

ЗДОРОВЬЕЗБЕРЕЖЕНИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Кравченко Э. Н.
аспирант АУпПРБ
г. Минск, Беларусь

Ключевым приоритетом государственной политики любого государства выступает формирование и обеспечение благоприятной среды обитания человека, способствующей благополучию и социальной защищенности граждан. В современных условиях отмечается повышенный научный и общественный интерес к проблематике качества жизни, что обусловлено негативным влиянием глобальных экономических кризисов на уровень материального достатка населения.

Согласно концептуальному подходу ВОЗ, качество жизни интерпретируется как субъективное восприятие человеком собственного положения в обществе, опосредованное влиянием культурной среды и индивидуальной системой ценностных ориентаций [1, с. 236].

В более широком теоретическом контексте качество жизни представляет собой динамический социально-экономический конструкт. Данная категория охватывает комплекс показателей: степень доступности общественных благ, уровень реализации материальных и духовных запросов личности, а также состояние здоровья населения и благоприятные условия среды обитания, включая влияние социальных факторов.

Субъективно-социодинамическая парадигма постулирует, что индикатором качества жизни выступает степень удовлетворенности граждан характером и темпами социально-экономических изменений [2, с. 69].

Повышение качества жизни граждан является ключевым вектором стратегий развития большинства современных стран. На макроэкономическом уровне данный показатель традиционно оценивается через динамику ВВП, ВНП, чистого национального дохода, а также личных и располагаемых доходов населения [3, с. 140]. При этом понятие качества жизни носит комплексный характер и включает в себя три составляющие: человеческий потенциал (уровень образования и состояние здоровья), экономическую самостоятельность (занятость и уровень доходов), а также параметры окружающей среды и социальной инфраструктуры, включая экологическую обстановку, уровень безопасности и соблюдение гражданских прав [2, с. 74].

Для анализа качества жизни применяется комплексный подход, включающий как базовые, так и дополнительные показатели. К основным индикаторам относят демографические данные (уровень рождаемости и младенческой смертности, ожидаемая продолжительность жизни и др.), уровень грамотности, обеспеченность продовольствием, а также состояние экономической, социальной, экологической и информационной сред. Дополнительно учитываются качественные характеристики общества: интеллектуальный и профессионально-образовательный потенциалы, уровень социокультурной активности,

доступность качественного образования, а также система духовных и нравственных ценностей [3, с. 141].

В условиях современного постмодернистского общества, характеризующегося деидеологизацией и атомизацией социума, где личность зачастую растворяется в пассивной массе, приоритетное значение приобретает здоровье как фундаментальное условие качества жизни. Здоровье при этом трактуется не просто как физиологический показатель, а как многогранный феномен, включающий психологические, экономические, социальные и философские аспекты. Оно выступает ключевым диалектическим фактором, определяющим характер взаимодействия человека с обществом, окружающими и самим собой [4, с. 78].

Здоровье выступает комплексным показателем, аккумулирующим в себе все аспекты качества жизни индивида. Его можно интерпретировать как универсальный индикатор благополучия и ключевой критерий эффективности социально-экономических преобразований. В современной науке изучение качества жизни, детерминированного состоянием здоровья, становится прогрессивной методологией, позволяющей объективно оценить результативность стратегий здоровьесбережения в социуме [1, с. 238].

Здоровьесбережение — это не просто забота о физическом состоянии, а комплексная стратегия, объединяющая личные усилия человека и поддержку со стороны общества. Оно базируется на формировании здоровых привычек, ценностей и особого стиля жизни. Эффективная система здоровьесбережения требует создания благоприятной социальной среды и включает в себя широкий спектр мер: от просветительской работы и пропаганды ЗОЖ до социально-экономических преобразований и специализированных медицинских профилактических программ.

Следовательно, концепция здоровьесбережения требует комплексного подхода, объединяющего два уровня: макроинституциональный, представленный государственной политикой, и микросоциальный, выступающий в качестве медико-социальной и индивидуальной технологии (см. табл.). Последняя направлена на достижение гармоничного состояния физического, психологического и социального благополучия личности [5, с. 2].

Таблица. Сравнительная таблица уровней здоровьесбережения.

Параметр сравнения	**Макроуровень (государство)**	**Микроуровень (личность)**
Субъект	Государственный институты, системы и ведомства	Отдельный индивид
Приоритет	Формирование благоприятной и безопасной среды обитания среды человека	Формирование привычек, ценностей и стиля жизни
Показатели	Демографические, социально-экономические (рождаемость, уровень ВВП, доступность общественных благ и др.)	Субъективное восприятие счастья, удовлетворенность качеством жизни
Ключевые задачи	Формирование государственной политики, реализация профилактических программ, создание информационной среды, пропаганда ЗОЖ и санитарно-эпидемиологического и социального благополучия	Самосохранительное поведение, формирование ответственного жизненного стиля и достижение гармоничного состояния личности
Тип взаимодействия	Социально-экономические, политические реформы	Индивидуальные медико-социальные и здоровьесберегающие технологии

Учитывая влияние социально-экономических факторов (уровень образования, доход, социальный статус и доступность качественной медицинской помощи) на состояние здоровья населения, следует рассматривать здоровьесбережение как приоритетный фактор, определяющий уровень качества жизни. Данная взаимосвязь подтверждает необходимость комплексного подхода к развитию социальной сферы.

Понятие «качество жизни» носит комплексный характер и затрагивает все уровни функционирования социума, так как непосредственно связано с жизнедеятельностью человека. Данный показатель отражает степень реализации человеческих потребностей, уровень удовлетворенности ими, а также соотнесенность полученных результатов с актуальными социальными нормами и имеющимся ресурсным потенциалом общества [2, с. 74].

В современных условиях мониторинг показателей качества жизни и благополучия населения приобретает особую значимость, что обуславливает необходимость внедрения инновационного методологического инструментария. Учитывая, что здоровьесбережение выступает фундаментальным детерминантом качества жизни, приоритетной задачей становится наращивание инвестиций в сферу здравоохранения как необходимое условие обеспечения устойчивого социального благополучия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лобанов, Ю. Ф. Качество жизни как проблема в здравоохранении: современные тенденции / Ю. Ф. Лобанов, Е. В. Скударнов, Л. А. Строзенко, М. П. Прокудина и др. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.– 2018. – № 5. – С. 235–239.

2. Калинина, Г. В. «Качество жизни» как феномен социального развития / Г. В. Калинина // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 1.– С. 67–79.

3. Щекотин, Е. В. Оценка качества жизни населения регионов РФ на основе цифровых данных: методологические аспекты / Е. В. Щекотин, Г. Ю. Коварж, В. Л. Гойко, Е. Ю. Петров и др. // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2020. – № 3.– С. 138–156.

4. Меттини, Э. Здоровье и человеческий капитал: к вопросу социального благополучия населения / Э. Меттини, Н. В. Присяжная // Социология медицины. – 2016. – № 2. – С. 73-79.

5. Донцов, В. И. Здоровьесбережение как современное направление профилактической медицины (обзор) / В. И. Донцов, В. Н. Крутько // Вестник восстановительной медицины. – 2016.– № 1. – С. 2–9.

УДК 371.7

РЕАБИЛИТАЦИОННО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ УСТАНОВОК У ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Красовская Н. Н.
доцент кафедры общей и медицинской психологии БГУ
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В современных условиях здоровье человека рассматривается не только как медицинская категория, но и как важнейшая жизненная ценность, определяющая качество и продолжительность жизни. Сохранение и укрепление здоровья во многом зависит от отношения человека к самому себе, сформированных жизненных установок и готовности придерживаться принципов здорового образа жизни. Поэтому особую значимость приобретает формирование у подрастающего поколения осознанного и ответственного отношения к собственному здоровью.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что у многих несовершеннолетних недостаточно сформированы навыки заботы о себе, профилактики заболеваний и поддержания физического и психического благополучия. Подростки нередко демонстрируют

поведение, отрицательно влияющее на состояние их здоровья, включая употребление табака, алкоголя и других психоактивных веществ. В связи с этим особое значение имеет не только информирование детей о правилах здорового образа жизни, но и формирование у них устойчивой внутренней мотивации к сохранению здоровья.

Приоритетным направлением государственной политики в сфере образования и здравоохранения является развитие у несовершеннолетних ценностного отношения к здоровью и здоровьесберегающих установок. Особого внимания требуют дети с особенностями психофизического развития (ОФПР). Согласно данным республиканского банка данных, в 2024 году в Беларуси насчитывалось 179,5 тыс. обучающихся с ОФПР, в том числе 18,4 тыс. детей с инвалидностью [1].

Дети с ОФПР сталкиваются с рядом трудностей, связанных с состоянием здоровья, психоэмоциональным развитием и социальной адаптацией. Эти особенности влияют на их восприятие здоровья и возможностей ведения здорового образа жизни. Заболевание может затруднять психическое развитие, изменять отношение ребёнка к себе, к окружающему миру и к собственному состоянию. Поэтому важной задачей специалистов является формирование у таких детей адекватного понимания здоровья как личностной ценности и основы полноценной жизни.

Особую актуальность проблема приобретает в регионах Беларуси, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. Дети, проживающие в этих регионах и имеющие заболевания щитовидной железы или нарушения функций дыхания, часто испытывают ограничения физической активности, повышенную тревожность и снижение работоспособности. Это требует создания специальных психолого-педагогических и оздоровительных условий, направленных на поддержку их безопасного развития и профилактику осложнений.

Эффективной формой работы с данной категорией детей являются детские реабилитационно-оздоровительные центры (ДРОЦ), где сочетаются медицинская реабилитация и психолого-педагогическое сопровождение. В условиях ДРОЦ создаются возможности не только для проведения лечебно-профилактических мероприятий, но и для формирования у несовершеннолетних ценностного отношения к здоровью как ресурсу долгосрочного благополучия.

Реабилитационное пространство ДРОЦ обладает рядом важных особенностей:

– ребёнок временно изолируется от привычной среды, которая может способствовать формированию неблагоприятных привычек;

– обеспечивается комплексный подход к оказанию медицинской, психологической, педагогической и социальной помощи;

– организуются коллективные формы досуга и физической активности, способствующие социализации детей;

– создаются условия для формирования мотивации к заботе о собственном здоровье.

Таким образом, пребывание детей в ДРОЦ создаёт особое реабилитационное пространство, способствующее личностной трансформации и развитию позитивного отношения к здоровью. Для достижения устойчивого эффекта необходимо сочетать медицинские мероприятия с психолого-педагогической работой, направленной на развитие у детей ответственного поведения в отношении своего физического и психического благополучия.

Реабилитационное пространство должно включать медико-психолого-педагогическое сопровождение несовершеннолетних, регулярную диагностику состояния здоровья, мероприятия по формированию здорового образа жизни, а также коррекционно-оздоровительную работу [2, с. 169]. Важным результатом такой деятельности является формирование здоровьесберегающей компетентности, которая предполагает наличие знаний, навыков и личностных установок, направленных на сохранение здоровья и поддержание физической активности.

С целью совершенствования системы психолого-педагогической и профилактической работы был разработан алгоритм формирования ценностного отношения к здоровью у детей,

находящихся в условиях повышенного экологического риска. Алгоритм основан на интеграции медицинских, педагогических и психологических подходов и включает следующие этапы:

– организационный – создание условий для реализации программы;

– диагностический – изучение отношения ребёнка к здоровью и особенностей его мотивационной сферы;

– содержательный – подбор методов и средств формирования ценностных установок;

– реализационный – проведение психопросветительских, интерактивных и коррекционно–развивающих мероприятий;

– аналитико–оценочный – анализ эффективности проведённой работы и достигнутых результатов.

В рамках данного алгоритма был разработан и апробирован проект программы психолого-педагогического содействия формированию ценностного отношения к здоровью у детей. Программа учитывала возрастные, индивидуальные и психофизиологические особенности несовершеннолетних, а также социально-экологические факторы, влияющие на формирование отношения к собственному здоровью.

Апробация программы осуществлялась посредством диагностико-аналитических, коррекционно-развивающих, воспитательных и информационно-просветительских мероприятий. В работе применялись активные методы обучения: игровые технологии, тренинги, проектная деятельность, групповые дискуссии, индивидуальные консультации психолога и медицинских специалистов.

Результаты апробации показали, что реализация программы способствует развитию устойчивых ценностных установок, направленных на сохранение физического и психического здоровья; формированию практических навыков здоровьесберегающего поведения; повышению осознания значимости здорового образа жизни; укреплению взаимодействия семьи, педагогов и медицинских работников в вопросах формирования культуры здоровья.

Психологическая и эмоциональная поддержка со стороны специалистов, родителей и сверстников, а также создание комфортной и безопасной среды способствуют снижению тревожности у детей с ОФПР. Это помогает им осознать важность сохранения здоровья, мотивирует к самостоятельному применению навыков здоровьесбережения и формирует позитивное отношение к собственному телу и образу жизни.

Таким образом, формирование ценностного отношения к здоровью у несовершеннолетних представляет собой сложный, но крайне значимый процесс, требующий согласованных усилий медицинских, педагогических, психологических и социальных специалистов. Наиболее эффективные результаты достигаются при комплексной организации реабилитационного пространства, обеспечивающего не только восстановление здоровья, но и развитие внутренней мотивации ребёнка к его сохранению.

Особое значение в этой работе имеет активное включение самих детей в здоровьесберегающую деятельность. Только при наличии осознанной личной позиции, устойчивой мотивации и практических навыков заботы о себе возможно формирование долговременного ответственного отношения к здоровью, что является важным условием успешного развития и социальной интеграции несовершеннолетних.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Государственной программе «Беларусь интеллектуальная» на 2026–2030 годы : Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 30 декабря 2025 года, № 796 [Электронный ресурс] – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500796. (дата обращения: 14.07.2026).

2. Тратинко, Т. В. Роль детского оздоровительно-реабилитационного центра в формировании ценностного отношения к здоровью у детей-инвалидов / Т. В. Тратинко // Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы X Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году защитника Отечества в России (24 апр. 2025 г., Махачкала, Россия) / отв. ред. З. З. Абдулаева. – Махачкала: Дагест. гос. ун-т, 2025. – С. 165–169.

УДК 316.4:004

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ НОВАЦИИ — ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

Красюк В. Ф.
доцент кафедры гуманитарных наук БГАС
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Для белорусского общества, как и для любого другого, значимость социального капитала несомненна. Это фактор и стабильности общественно-политического обустройства государства, и формирования зрелого гражданского общества, и социальной интеграции населения, и конкурентоспособности страны во всех её функциональных направлениях развития. Это несомненно всеобщее достояние и благо, которое имеет системный характер, питаясь энергией межличностных связей и духовно-социальными компетенциями личности.

Социальный капитал — не устойчивое сформировавшееся богатство, ему свойственны параметры как относительной стабильности, так проявления флуктуации, изменения своего содержания. Социальный капитал общества и личности формируется в сфере межличностных связей, его ценностный позитив обогащается социально значимыми ресурсами других людей, в то же время служа для них источником взаимного использования. Однако эти связи подвержены изменениям как объективного, так и субъективного характера. В своё время Дж. Коулмен писал, что социальный капитал есть не только нечто объективированное, но и в то же время динамичное, развивающееся, беспрестанно меняющее формы [1, с. 18]. Ныне существенную роль здесь играют коммуникативные трансформации, связанные с внедрением в повседневную жизнь новых форм взаимодействия, ранее невиданных технологий связи. Телекоммуникации, ИИ, Internet, гаджеты разных модификаций сделали непосредственные, живые формы взаимодействия между людьми опосредованными, тактильно бесконтактными. Место эмоций, впечатляющейся образности, когнитивных устремлений занимают знаки и символы. Пользование смартфонами вносит по сути революционные сдвиги в процесс формирования социального капитала, придавая новый импульс межличностным контактам. Изменяется структура связей, что сказывается на формировании норм взаимодействия между людьми, на становление используемых ими ценностей. Рассмотрим вопрос социальных аспектов массового использования смартфонов в плане формирования социального капитала, попытаемся определить позитивы и негативы этого заполнившего жизнь современного общества явления. Прежде всего обратимся к исходному элементу социального капитала — структуре связей. Связи между людьми в XXI веке коренным образом отличаются от предыдущих времён. Естественное, человеческое взаимодействие уступает место техническим формам — информационная эпоха вносит свои коррективы. Автоматизация технологических процессов насыщается расширением сетей инфокоммуникаций, цифровыми сервисами, новыми информационными технологиями; тема экспансии нейросетей всё больше выходит на повестку дня. Наявно актуализируется вопрос трансформации содержания социального капитала. Неизменным остаётся его значимость для всех сферах функционирования социума. Для экономической жизни он незаменим для снижения трансакционных издержек, в повышении эффективности вкладываемых ресурсов и достижения инвестиционных результатов. В сфере политики помогает установлению наиболее благоприятных отношений между политическими акторами, снижению уровня недоверия и напряжённости. В развитии культуры способствует устранить недопонимание между представителями различных этносов, религий, общностей. Бесценным является социальный капитал для формирования этики учёных, утверждения новых направлений научно-технических разработок.

Поэтому, когда в жизни современного человека — как творца, так и обывателя социальный капитал имеет первостепенную значимость, а жизнь эта ныне насыщена

электроникой/информатикой, остро стоит вопрос о человекосоизмеримости и человекоцентричности приобретаемого богатства взаимных связей. А приобретаемость эта осуществляется в практике повседневного бытия в первую очередь. Для будничной жизни, особенно для молодёжи, неотъемлемым атрибутом стал смартфон, пользование которым оценивается неоднозначно.

С одной стороны, для приобретения социального капитала применение гаджета имеет неоспоримые преимущества. Смартфон расширяет горизонты связей, его возможности многофункциональны. «Цифровое расширение» личности обеспечено постоянным доступом в Интернет, возможностью посредством социальных сетей и мессенджеров «открывать» для себя новые «миры» увлечений людей и знакомиться с этими людьми. В информационной сети, как и в других — институционально-экономической, инструментально-статусной молодёжь проявляет высокую активность в обретении новых форм взаимодействия и знакомств [2, с. 13].

Несомненно, усложняется структура связей, множится разнообразие и статус контактов. Обмен информацией помогает обнаружению приемлемых партнёров, с которыми можно делиться своими интересами, пожеланиями, мнениями. Обнаруживается наличие схожих потребностей и целей. Имеет место образование виртуальных неформальных групп, в среде которых устанавливаются свои нормы общения, складываются и практикуются определённые ценности. Несмотря на сетевой характер общения отношения между контактерами могут претендовать на статус доверия, эмпатии, готовности помогать друг другу, быть взаимными, делиться сокровенным, корректировать свои позиции. Этому способствует и при необходимости анонимность. Предоставляя свои информационные ресурсы другим пользователям (при соблюдении норм кибербезопасности) партнёр претендует на возможность использования их ресурсов. Получение взаимной выгоды способствует эффективности личного развития. Безусловно, всё это благоприятствует накоплению социального капитала.

Однако использование коммуникационных связей при помощи смартфона имеет и далеко не лучшую сторону формирования социального капитала. «Смартфонизация», как и Internet в целом, другие электронные средства поглощают время для активных занятий, реальной чувственно-практической деятельности. А ведь основой для становления ресурсов социального капитала как раз является «живая» непосредственная жизнь, повседневный индивидуальный опыт. Тоесть творчески-преобразующая, физическая активность. А чрезмерное использование смартфонов приводит к социальной изоляции. Предоставляемые ими возможности участвовать в социальных сетях и приобщаться к разного рода новациям оборачиваются негативными эмоциональными состояниями и психологическими проблемами из-за «перезагрузки», которую пользователь не в состоянии регулировать. Для становления социального капитала необходима способность усваивать и понимать «чужой» опыт и смысловой баланс, тогда как чем выше предельный уровень проблемного использования смартфона, тем отрицательнее связь с внимаемым интеллектом. В этом плане П. Бурдье говорил о необходимости обладания прочными сетями связей и институциализированных отношений для обмена социальным капиталом [1, с.9]. Для такого обмена необходимо получать различные выгоды от сотрудничества, но в свою очередь это обязывает предоставлять полноценные свои интеллектуальные ресурсы. Негативный метод использования смартфона генерирует собственную несостоятельность, неуверенность и отрицательный характер связи. Это снижает уровень доверия, такая социальная связь идет не во благо обретению социального богатства. А ведь, к слову, уровень межличностного доверия в Беларуси достаточно высок, уступая только высокоразвитым скандинавским странам [1, с. 45].

Для входящих в большую жизнь молодых людей зависимость от смартфона отрицательно коррелирует с внутренней мотивацией, что затрудняет готовность к сотрудничеству, а тем более снижает рейтинг социальной поддержки. Без взаимности социальный капитал невозможен, тогда как бессодержательное «зависание» в сети ведёт к

прокрастинации; откладывая «на потом» поток собственного развития, молодой человек не в состоянии предложить другим ценные идеи, сведения, новации. Отмечаются и проявления аутизма.

Социальное богатство приобретается в реальной жизни, виртуальное общение не формирует тех качеств, которые необходимы для получения позитивных навыков, востребуемых потенциальными партнёрами. Человек испытывает трудности в реальном общении, становится застенчивым, неуверенным в себе, снижается самооценка, что отрицательно сказывается на удовлетворенностью жизнью. «В исследованиях установлена значительная отрицательная корреляция между удовлетворённостью жизнью и зависимостью от смартфона» [3, с. 9]. В данной ситуации трансакции, включающие социальный капитал, содержат нечёткие, неопределённые обязательства, нарушение взаимных ожиданий. Потеря контроля над собой снижает индекс доверия. Чрезмерное пользование смартфоном, зависимость от него провоцируют тревожность, стресс, депрессию, усугубляют неблагополучие — явные антиподы факторов формирования социального капитала. В такой ситуации «кредитование» для исправления крайне затруднено, ибо слабое социально-психологическое состояние не даёт возможности «расплатиться» взаимной услугой, совершить обмен ресурсами. Это напоминает известную в социальной психологии «дилемму узника», на которую по случаю указывал Р. Патнем [1, с.12].

Из сказанного следует, что использование смартфона для формирования социального капитала имеет как позитивное, так и негативное значение. Вхождение в широкое информационное поле общения — позитив, дающий возможность установления отношений взаимного знакомства, признания, духовного обогащения. Однако чрезмерное использование гаджета виртуализирует бытие личности, создаёт неблагополучную ситуацию для её позитивного развития. Институциональная основа социального капитала — привязанность к определённому социальному кругу становится размытой, что делает уровень доверия между субъектами достаточно проблематичным. Выход из ситуации видится в повышении культуры жизнедеятельности в системе «человек–машина», в оптимизации информационных образовательных ресурсов, в совершенствовании каналов медиакоммуникаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Социальный капитал личности: монография / Л. Г. Почебут, А. Л. Свенцицкий, Л. В. Марарица [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 249 с.

2. Шейнов, В. П. Взаимосвязи проблемного пользования смартфоном с застенчивостью, самоуважением, удовлетворённостью жизнью и самооценкой / В. П. Шейнов, В. А. Карпиевич, В. Д. Ермак // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. – 2024. – № 1 (41). – С. 93–99.

3. Резанова, Е. В. Социальный капитал белорусской молодёжи: социологический анализ: автореф. дис. канд. социолог. наук : 22.00.01 / Резанова Екатерина Владимировна; Бел. гос. ун-т, 2010. – 20 с.

УДК 303.1

АНАЛИЗ ТЕМ КАК ОДНО ИЗ ВОЗМОЖНЫХ РЕШЕНИЙ ПРОБЛЕМЫ ИДИОГРАФИЧЕСКОГО ОБЪЯСНЕНИЯ

Кузнецов А. Е.
доцент кафедры социологии ПГНИУ
кандидат социологических наук
г. Пермь, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-78-10117).

Анализ интервью – интересная и трудоемкая работа, результативность которой может быть ограничена двумя крайностями: (1) сугубо описательными комментариями к

транскрипту, повторяющими показания респондента, возможно, с заменой оригинальной лексики на академическую, (2) домыслами, приписывающими респонденту идеи, которые отсутствуют в транскрипте. Указанные тенденции представляют одну общую проблему получения выводов на основе анализа единичного наблюдения (интервью) – проблему идиографического объяснения, остающуюся нерешенной по сей день.

Дискуссия о доступности идиографического (ИО) либо номотетического объяснения (НО) свела на страницах «Журнала теории социальной структуры» видных социологов, в т.ч. такие авторитеты, как Питер Блау и Джонатан Тернер. Это редкий случай, когда наконец-то произошел обмен конкретными и адресными аргументами, позволяющий читателю сделать выводы об их качестве и сути спора. НО утверждает необходимость объяснения единичного события *законом*, распространяющимся на ряд *подобных* событий. Д. Порпора оспорил доступность НО: чтобы сформулировать такой закон, его прежде надо обнаружить на индивидуальном уровне (конкретного события); поскольку же люди руководствуются интересами, объяснение индивидуального события будет неизбежно телеологическим, следовательно, доступно лишь ИО [1, p. 257]. Иными словами, в форме события «Если *X*, то *Y*» один из терминов (*X* либо *Y*) должен звучать как «*A* захотел *B*» («хотение» может быть названо интересом, потребностью, намерением, целью и т.п.). Блау возражал Порпоре: (1) ИО обречено быть описательным, (2) чтобы «преодолеть описание» и продвинуться к объяснению, нужно найти общий принцип, охватывающий подобные события, (3) определенные общим концептом [2, p. 270]. Нетрудно заметить, что (3) избыточно: раз события подобны, то общий концепт и не нужен. Проблема сводится к поиску «подобных событий», когда «общий принцип» еще не известен. Тернер допускает простую ошибку, спутав обобщение с абстрагированием: если абстрагироваться от особенностей эмпирического события, то можно получить НО [3, p. 277]. Иными словами, можно сфабриковать «подобность» событий, просто подобрав описания в более общих понятиях. Но Блау имел в виду, что события должны быть *эмпирически* подобны, несмотря на незначимые особенности и различия в описаниях респондентов, информантов или участников. (Поэтому эта ключевая для дилеммы ИО/НО трудность и называется проблемой *множественности описаний* или проблемой *идентичности* событий.) Замечательно, что этой проблемы не существует для количественной социологии – общие концепты изначально заложены в формулировки вопросов и шкал. Проблема соотнесения конкретных обстоятельств жизни респондента с общими концептами в шкалах не заботит исследователя, поскольку эту работу он возложил на самого респондента. Но неужели обыватель умеет решать проблему, которую еще не смогли решить социологи? Б. Мэйхью предложил вообще не решать проблему: читать «Если *X*, то *Y*» как «*Y* есть функция *X*», *X* и *Y* – считать переменными, а вместо событий (particular instances of phenomena) говорить «данные» [4, p. 286-287]. Порпора победил. Означает ли это, что интервью не дают данных, поддающихся объяснению, а не описанию?

Итак, исходные положения диспута о перспективах ИО/НО следующие: (1) основная форма анализа социальной реальности – «Если *X*, то *Y*», (2) ключевое препятствие в анализе – проблема идентичности событий, (3) которая может решаться путем абстрагирования/обобщения либо детализации. Далее покажем на материалах интервью, что наши респонденты рутинно и обыденно используют (1) и (3) и успешно решают (2). Это, на наш взгляд, объясняет бесплодность давнего и фундаментального спора об ИО/НО: сторонники обоих подходов пытаются применить их к анализу социальной реальности, которая уже организована и изменяется обычными людьми, ежедневно и обыденно использующими ИО. Иными словами, эта реальность сложнее предлагаемых подходов, которые еще только предстоит разработать.

Далее мы предложим простую технику поиска – в транскрипте – конструкций по форме «Если *X*, то *Y*», которые, как мы полагаем, являются эмпирической формой «тем» – культуральных принципов, контролирующих и стимулирующих деятельность [5, p. 185]. Важно различать описательные и анализируемые данные.

Наиболее массовые сюжеты интервью – описательные. Например: «Приглашаем совет ветеранов, они у нас всегда приходят… У нас есть школа, детские сады, даже вот мы приобщаем детские сады. Детки приходят… даже какая-то юнармия, поэтому сюда приезжают» [Начальник отдела социальных программ: 146-153]. Событие «ветераны приходят» может быть описано и подробнее: «вот нынче мы проводили в месячник Дня Победы тоже конкурс чтецов. Некоторые читали стихи собственного сочинения» [Председатель совета ветеранов: 305-307]. Вариации в описании событий никак не меняют аналитической ценности описательных сегментов: он ничтожен.

Участие в интервью обычно обозначается глаголом движения. Покажем, как респондент детализирует («ходили»), а потом обобщает описание: «Цель проекта было создание волонтёрских отрядов, которые ходили по нуждающимся, не ходили, а которые выполняли работы для нуждающихся слоев населения это пенсионеры, ВОВ, это вообще все нуждающиеся люди. Они могли самостоятельно делать заявки на центр. Эти волонтёрские отряды выходили и помогали посильной помощью, мытье окон и уборка прилегающей территории» [Директор молодежного центра]. Как видим, детализация порождает лишь более насыщенное описание. Противоположное детализации движение – абстрагирование. Тот же респондент: «это реальные люди, у которых есть проблемы социальные. С помощью проектов мы пытаемся либо облегчить, либо полностью решить». Хотя здесь можно усмотреть форму «Если *X*, то *Y*» (если человек нуждается, мы ему помогаем), это лишь грамматическая конструкция, трюизм, а не тема. Пример также показывает, насколько напрасны были надежды Блау и Тернера на технику абстрагирования или обобщения под «общим концептом»: наши респонденты применяют ее рутинно, походя, но ни к каким законоподобным суждениям она не приводит.

Настоящие темы имеют ту же грамматическую форму, но представляют совсем иной *практический* опыт. Тот же респондент формулирует 4 темы, где в левой части (*X*) описаны проблемные ситуации с категоризацией участников: директора – работающая молодежь (тема 1), родители – подростки (2), глава – молодые предприниматели (3), педагоги – школьники (4). Тема 1: «у нас на данный момент плохо прокачивается, например, союз работающей молодёжи. То есть работающей молодёжи, которая работает на предприятиях города. С ней тяжело работать, не идут на контакт. Во-первых, ввиду занятости своей, то, что они работают, [Тема 2] если у родителей, у подростков есть своя потребность и мы их удовлетворяем, и они бегут и идут к нам, [Тема 1] то у работающей молодёжи, которым 23, 22, где нет семьи, ещё пока да, есть. Они не идут пока сюда, к нам… Ну то есть есть такая проблема. Они не нуждаются, им так кажется, что они не нуждаются. Ну, это только кажется, они же ещё к маме приходили… у них есть проблемы и что мы можем помочь им. [Тема 3] Есть работающая молодёжь, которая приходит, например, у нас есть совет при главе, там молодые люди до 20, сколько-то там лет. Ну, молодые, они активно взаимодействуют с нами, молодые предприниматели взаимодействуют с нами. [Тема 1] Но вот как на предприятиях города молодые, специалисты. Здесь пока туговато идёт. Ну, это цель, к которой надо стремиться, которой нужно достичь. Это нормальный такой рабочий процесс. Учитывая то, что центр работает всего год в январе будет… [Тема 4] Как раз таки с образованием у нас хорошо налажен контакт с образованием, так как там дети несовершеннолетние, 14 лет волей-неволей приходится сотрудничать. И вообще идёт это сотрудничество, да, а вот предприятия с руководителями предприятий, не всегда, не понимают, для чего их молодёжь должна уйти в рабочее время куда-то там в какой-то центр» [Директор молодежного центра].

Итак, респондент связывает успешность работы центра с применением административного ресурса – социальные контролеры *принуждают* («волей-неволей») к сотрудничеству. Этот паттерн взаимодействия («общий принцип» Блау) – результат ИО, в котором наш респондент не была связана проблемами множественности описаний или поиска «законов». Какую аналитическую работу респондент оставила социологу? На наш взгляд, задача социолога – не объяснение поведения (оно непосредственно дано уже респондентом), а проблематизация практической ситуации респондента. Привлечение подростков к

волонтерской работе призвано сформировать у молодежи чувство социальной ответственности. Старшие поколения (работающая молодежь) не были охвачены этой работой, и ничем не привязаны к малой родине. Работодатели же не сотрудничают с центром, несмотря на очевидный риск потери работников. Тот же респондент: «Вот это движение молодёжи, что действительно молодёжь молодая выгорает, она увольняется, она уезжает, не остаётся здесь это происходит просто выгорание, нет сферы деятельности, где бы она могла переключиться… они никуда не ходят… им никуда не хочется. Вот есть интернет, есть винк, и окко, зачем, вот так вот все отработали смену, дома сидим». Заметим, что это вновь сугубо описательный сегмент. Хотя он вполне укладывается в модель «X → Y», каузация выражена странным глаголом «выгорает». Эта странность не нуждается в объяснении – смысл сегмента эксплицитен, ясен. По-видимому, «выгорание» маркирует сомнительную каузальную связь: респондент не имеет готового правдоподобного объяснения, а социолог не должен домысливать за респондента. Несомненно, что «выгорание» – неконтролируемое событие, *X* не описывает никакой проблемной ситуации; отсюда здесь нет и темы. Почему контрастируют описательные и анализируемые типы данных? Мы полагаем, что этот контраст не случаен – он возникает не в ходе интервью, а еще в практической деятельности респондента. Темы категоризируют опыт участников практически, это модель «проблема – решение». В дилемме ИО/НО это схоластические пары «причина – следствие», «средство – цель», «фактор – эффект», «мотив – действие». Фундаментальная социология ищет подходы к решению проблем, которые давно решены обычными людьми.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Porpora, D. On the Prospects for a Nomothetic Theory of Social Structure / D. Porpora // Journal for the Theory of Social Behaviour. – 1983. – № 13 (3). – P. 243–264.

2. Blau, P. Comments on the Prospects for a Nomothetic Theory of Social Structure / P. Blau // Journal for the Theory of Social Behaviour. – 1983. – № 13 (3). – P. 265–272.

3. Turner, J. H. Idiographic vs. nomothetic explanation: A comment on Porpora's conclusion / J. H. Turner // Journal for the Theory of Social Behaviour. – 1983. – № 13 (3). – P. 273–280.

4. Mayhew, B. H. Causality, historical particularism and other errors in sociological discourse / B. H. Mayhew // Journal for the Theory of Social Behaviour. – 1983. – № 13 (3). – P. 285–300.

5. Spradley, J. The Ethnographic Interview / J. Spradley. – New York : Holt Rinehart & Winston, 1979. – 247 p.

УДК 378.4:001.895(100)

ПОВЫШЕНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Курилович Н. В.
доцент кафедры социологии БГУ
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В современных условиях система университетского образования, выступая одним из признанных драйверов социально-экономического, культурного и политического развития белорусского общества, оказывает глубокое влияние на качество функционирования практически всех социальных субъектов инновационной деятельности. В этой связи актуализируются вопросы социологического анализа инновационного потенциала университетского образования в Республике Беларусь. В научном дискурсе представлены подготовленные белорусскими социологами публикации, посвященные изучению рассматриваемого нами проблемно-тематического поля на стыке таких отраслей социологической науки, как социология инноваций, социология образования и социология управления [1; 2; 3 и др.]. Вместе с тем само понятие инновационного потенциала

университетского образования до сих пор не имеет общепринятого определения. В качестве рабочей дефиниции уместно, на наш взгляд, использовать трактовку данного феномена как меры включенности университетов в процессы генерации и внедрения нововведений.

Рассмотрение инновационного потенциала университетского образования с позиций социологической науки требует выделения в качестве основного объекта изучения такой социально-профессиональной общности, как профессорско-преподавательский состав. Действительно, именно преподаватели выступают ключевыми субъектами инновационной деятельности в системе университетского образования. В связи с этим особую научно-теоретическую и практическую значимость приобретают социологические исследования, направленные на изучение мнений представителей профессорско-преподавательского состава об инновационном потенциале университетского образования. При этом в центре внимания социологов оказываются уровень активности, мотивация и компетентность преподавателей в области инновационной деятельности, оценка преподавателями барьеров (объективных и субъективных) и перспектив реализации университетским образованием своего инновационного потенциала, видение представителями профессорско-преподавательского состава мер повышения инновационного потенциала университетов и др.

Весной 2026 года под научным руководством автора публикации было проведено разведывательное социологическое исследование на тему «Инновационный потенциал университетского образования в оценках профессорско-преподавательского состава». Методом сбора социологической информации выступил анкетный опрос с использованием сервиса Yandex Forms. Объем выборочной совокупности составил 77 человек. В онлайн-опросе приняли участие представители профессорско-преподавательского состава белорусских учреждений высшего образования: Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусского государственного университета, Белорусского государственного экономического университета, Белорусского национального технического университета, Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Белорусского государственного университета культуры и искусств, Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина и др.

Результаты проведенного социологического исследования показали, что почти половина опрошенных преподавателей (48,1 %) оценили текущее состояние инновационного потенциала университетского образования в Беларуси как удовлетворительное, менее 1/3 респондентов (28,6 %) – как хорошее, менее 1/6 части опрошенных (15,6 %) – как неудовлетворительное, и только 2,6 % – как отличное, а 5,1 % респондентов затруднились с оценкой. Интересно отметить, что при этом более 2/3 опрошенных представителей профессорско-преподавательского состава (67,6 %) в целом позитивно оценивают перспективы развития инновационного потенциала университетского образования в Республике Беларусь. Наиболее оптимистично в отношении возможностей развития инновационного потенциала высшего образования настроены преподаватели со стажем более 20 лет (66,7 %) и до 5 лет (78,5 %).

Признание кадровых ресурсов важнейшей составляющей инновационного потенциала университетского образования обусловило интерес исследователей к тому, что белорусские преподаватели думают о собственной компетентности в сфере инновационной активности. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей компетентностью в области инновационной деятельности?» показало, что более половины представителей профессорско-преподавательского состава (53,3 %) удовлетворены своей компетентностью в этой сфере (из них полностью удовлетворены – 6,5 % и скорее удовлетворены – 46,8 %). Немногим более 1/3 опрошенных преподавателей (33,8 %) не удовлетворены своей инновационной компетентностью (из них скорее не удовлетворены – 31,2 % и абсолютно не

удовлетворены – 2,6 %). Затруднились с ответом на указанный выше вопрос 12,9 % респондентов.

Согласно данным проведенного нами социологического исследования, наиболее значимыми показателями реальной инновационной активности университета опрошенные преподаватели считают такие практические результаты его деятельности, как востребованность выпускников в инновационных секторах экономики (26,6 %), количество внедренных разработок (23,2 %), а также участие университета в международных и республиканских проектах (19,3 %). В отличие от перечисленных выше показателей, такие критерии, как количество созданных в университете стартапов/малых инновационных предприятий (16,4 %) и количество научных публикаций в высокорейтинговых журналах (14,0 %), представители профессорско-преподавательского состава белорусских вузов сочли менее значимыми индикаторами инновационной деятельности университета. При этом респонденты в качестве существующих в их вузах примеров инновационной активности привели грантовую поддержку (25,5 %), международные исследовательские проекты (24,8 %), партнерство с компаниями (18,2 %) и технопарки/бизнес-инкубаторы (15,3 %). Большинство опрошенных лично участвовали в инновационной деятельности академического формата: научных проектах (42,6 %) и разработке образовательных курсов (32,2 %). В то же время, по результатам исследования, немногим менее 1/6 части опрошенных (15,7 %) указали, что сами не участвуют и никогда не участвовали в инновационной деятельности.

В ходе социологического исследования респондентам было предложено выбрать меры, которые, по их мнению, могли бы стать путями повышения инновационного потенциала университетского образования. Полученные социологические данные свидетельствую о том, что наиболее популярными мерами среди опрошенных стали снижение нагрузки на преподавателей (16,3 %), обновление материально-технической базы (15,7 %), введение стажировок студентов на высокотехнологичных предприятиях (14,4 %) и увеличение государственного финансирования инновационных проектов (13,8 %). Менее популярными мерами оказались введение системы грантов для преподавателей (10,7 %), повышение квалификации преподавателей (8,8 %), пересмотр системы оплаты труда преподавателей с привязкой к результатам инновационной деятельности (7,8 %), создание центров компетенций, научно-производственных комплексов (6,9 %) и внедрение курсов по социальной инноватике (5,0 %).

Анализ взаимосвязи между возрастом респондентов и их ответами на вопрос «Какие меры, на Ваш взгляд, могли бы стать путями повышения инновационного потенциала университетского образования?» показал, что снижение нагрузки наиболее важно для подавляющего большинства преподавателей в возрасте от 50 лет и старше; обновление материально-технической базы получило максимальную поддержку у преподавателей в возрастном диапазоне от 50 до 60 лет и минимальную поддержку среди преподавателей старше 60 лет. Повышение квалификации оказалось наиболее востребованным у респондентов в возрасте от 40 до 50 лет и наименее востребованным у преподавателей старше 60 лет. Пересмотр системы оплаты труда преподавателей с привязкой к результатам инновационной деятельности, согласно полученным социологическим данным, наиболее значим для опрошенных старше 60 лет. Введение стажировок студентов на высокотехнологичных предприятиях активнее всего поддерживают преподаватели в возрасте до 40 лет и наименее активно – преподаватели старше 60 лет.

Таким образом, по результатам проведенного кафедрой социологии Белорусского государственного университета весной 2026 года социологического исследования можно сформулировать определенные выводы. Учитывая весьма сдержанную оценку представителями профессорско-преподавательского состава текущего состояния инновационного потенциала университетского образования в Беларуси, очевидно, что вопросы повышения последнего требуют серьезного внимания со стороны государства и бизнеса. Социологические данные, полученные нами в ходе проведения разведывательного исследования, разумеется, требуют дальнейшего подтверждения на республиканской

репрезентативной выборке, но даже они дают нам некоторые основания для того, чтобы утверждать, что решение проблемы повышения инновационного потенциала высшего образования связано с формированием благоприятной организационной, мотивационной и ресурсной среды для разработки и внедрения университетами нововведений. По мнению опрошенных нами белорусских преподавателей, к числу наиболее значимых мер повышения инновационного потенциала университетского образования следует отнести оптимизацию нагрузки представителей профессорско-преподавательского состава, модернизацию материально-технической базы отечественных вузов, а также расширение государственной поддержки инновационных проектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев, С. Е. Инновационный потенциал университетов Республики Беларусь / С. Е. Андреев // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 202.– № 4. – С. 110–115.

2. Андреев, С. Е. Инновационный потенциал современного университета / С. Е. Андреев // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2023.– № 4. – С. 84–88.

3. Волнистая, М. Г. Проблема социологического изучения инновационного потенциала университета / М. Г. Волнистая // Человек в фокусе новых вызовов: сборник науч. статей IV Междунар. науч.-методолог. междисцип. семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума», Минск, 13 нояб. 2025 г. / Белорус. гос. унт ; редкол.: А. Н. Данилов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – С. 76–80.

УДК [316.62:613:616-036.21]:303.425.2(510)

ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 КАК ФАКТОР ВЫБОРА НАСЕЛЕНИЕМ КИТАЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 2026 ГОДА

Лай Юньцзян
аспирант Института социологии НАН Беларуси
бакалавр филологии, магистр менеджмента
г. Минск, Беларусь

Стратегия развития системы социального обеспечения в современном Китае основана на активации механизмов поддерживающего взаимодействия институциональных компонентов, определяемых правительством КНР «сверху», и поведенческих компонентов, формируемых и реализуемых населением «снизу». Согласно установкам XX Всекитайского съезда КПК необходимо обеспечить постоянное совершенствование институциональных компонентов в рамках «пяти аспектов». Китайская модель модернизации системы социального обеспечения должна постоянно оптимизироваться в следующих аспектах:

«Аспект огромной численности населения: с учетом сложных потребностей сверхмассового населения необходимо продвигать общенациональную координацию, устранять региональные барьеры, создавать единую национальную информационную платформу и стандарты обслуживания, а также адаптироваться к потребностям миграции рабочей силы.

Аспект всеобщего процветания всего народа: укреплять координацию и взаимодополняемость первичного, вторичного и третичного распределения доходов, уделяя особое внимание укреплению базовых, всеобщих и минимальных гарантий жизнеобеспечения населения, предотвращая поляризацию общества.

Аспект гармоничного сочетания материальной и духовной цивилизации: укрепляя материальную основу, продвигать традиционные ценности, такие как «мир принадлежит всем» и «народ — основа государства», усиливая социальную сплоченность и духовную силу посредством справедливой системы социального обеспечения.

Аспект гармоничного сосуществования человека и природы: поддерживать «зеленый» переход, надлежащим образом решать вопросы социального обеспечения жителей экологических заповедников после перехода на другие виды производства и занятости, воплощать межпоколенческую справедливость и обеспечивать устойчивое развитие.

Аспект следования по пути мирного развития: опираться на внутренний экономический цикл, включать затраты на социальное обеспечение во внутреннюю экономику, не перекладывать бремя на внешний мир, демонстрировать институциональные преимущества ответственной великой державы путем повышения способности к внутреннему управлению и экономической открытости» [1].

Можно констатировать, что все пять названных аспектов китайской модели модернизации системы социального обеспечения, ориентированы на поддержку и укрепление экологической безопасности (в том числе – в сфере социальной экологии), а также – на устойчивое культивирование в общественном сознании ценностей здоровьесберегающего поведения с целью его расширенного воспроизводства.

Высокая эффективность системы государственного управления в Китае была, в частности, продемонстрирована в ходе преодоления пандемии COVID-19. Следует особо отметить, что население в целом в сложившихся обстоятельствах продемонстрировало достаточную адаптоспособность, гибкость мышления и духовную стойкость, которые позволили оперативно откорректировать социальные практики, достойно выдержать и преодолеть сложные жизненные испытания.

Одна из китайских пословиц гласит: «Каждое облако имеет серебряную подкладку» (смысл – нет худа без добра). Практика убедительно показала, что пандемия прошла, а хорошие и полезные привычки в части выбора и реализации здоровьесберегающего поведения остались. Проясним этот тезис на материалах авторского социологического исследования, проведенного в Китае в июле–августе 2026 г. (методом анкетного онлайн-опроса были опрошены 2020 чел.). Данный опрос был размещен и проведен на платформе «Wenjuanxing». «Wenjuanxing» – это наиболее авторитетная в Китае платформа для проведения онлайн-опросов, запущенная в 2006 году. Она поддерживает быстрое создание анкет, тестов, форм регистрации, голосований, оценочных тестов и других форм, а также обладает функциями логических переходов, многоканальной рассылки, автоматического анализа данных и экспорта данных в различные форматы. Платформа «Wenjuanxing» широко используется в таких сферах, как опросы в учебных заведениях, управление предприятиями и мониторинг деятельности государственных органов, и является одним из основных инструментов сбора данных в Китае. Полученные с её помощью данные отличаются высокой точностью и достоверностью.

Пандемия COVID-19 оказала масштабное влияние на образ мышления и социальные практики подавляющей доли населения. Только 7,43% опрошенных не ощутили, по их оценкам, на себе какого-либо существенного влияния. Среди абсолютного большинства в той или иной мере почувствовавших влияние пандемии наиболее весома доля тех, кто «стал(а) уделять больше внимания своему здоровью, понял(а), что если нездоров(а), то ни работа, ни деньги не имеют значения» (43,96%). Заслуживает внимания и такой вариант ответа, как: «Теперь у меня дома очень чисто. Я привык(ла) мыть руки, протирать телефон спиртом и проветривать комнату; эти привычки стали для меня чем-то само собой разумеющимся», который также имеет непосредственное отношение к выбору здоровьесберегающего поведения. Этот вариант отметили 11,19% опрошенных.

Охарактеризуем сначала представителей первой группы, которые ощутили, что они сейчас в большей мере, чем до пандемии, мотивированы к ведению здорового образа жизни (ЗОЖ). Опишем социально-демографический портрет этой так называемой «группы ЗОЖ». Более 1/4 данной группы составляют лица в возрасте старше 50 лет, что вполне объяснимо, так как COVID-19 сильнее всего «ударил» именно по представителям старшего поколения. В группе отмечена сравнительно более высокая доля мужчин (54,84%) по сравнению с долей женщин (45,16%). Это не говорит о том, что женщины менее склонны к ЗОЖ, а, скорее,

свидетельствует о том, что COVID-19 произвёл сильное влияние на образ мышления именно мужчин, которые серьёзнее стали относиться к своему здоровью.

Замечена тенденция: наличие детей положительно влияет на выбор здорового образа жизни. Так, среди бездетных 35,30% могут быть отнесены к «группе ЗОЖ». Среди тех, у кого 1 ребёнок, аналогичная доля составила 44,60%; у кого двое детей – 50,27%, а среди тех, у кого три и более ребёнка, представители «группы ЗОЖ» составили 54,46%.

Семейный статус как таковой также оказывается значимым маркером, свидетельствующем о большей, в случае наличия семейного союза, вероятности отнесения человека к представителям «группы ЗОЖ». Из тех, кто не женат / не замужем, 35,89% относятся к данной группе, а среди тех, кто состоит в семейном союзе, аналогичная доля составила 44,02%.

Ещё одна тенденция: более высокий объективный уровень ответственности за своё материальное положение, характерный для отдельных сфер занятости, обусловливает сравнительно более высокую долю работников, занятых в этих сферах, тяготеющих к здоровому образу жизни. Так, например, среди государственных служащих и работников государственных организаций, уровень социальной защиты у которых сравнительно выше, а уровень персональной ответственности за своё материальное положение, соответственно, несколько ниже, к «группе ЗОЖ» относятся 38,61%, среди работников частного сектора эта доля выше и составляет 40,95%, а наиболее высокая (среди работающего населения) доля представителей «группы ЗОЖ» зафиксирована среди индивидуальных предпринимателей или владельцев бизнеса (43,68%), которые по определению, в силу специфики их занятости, в наибольшей степени лично ответственны за своё благосостояние.

Теперь рассмотрим группу «чистоплотных» (11,19%), у которых, прежде всего, выработалась устойчивая привычка пристально следить за личной гигиеной (в качестве основного «постковидного» поведенческого эффекта). В составе этой группы 2/3 женщин и 1/3 мужчин, что вполне вписывается в типичные представления о традиционном обществе с его гендерным распределением ролей и функций. В возрастном аспекте почти половину группы «чистоплотных» составляют лица в возрасте от 21 года до 35 лет. Что касается таких предпосылок отнесения к данной группе, как семейные отношения и наличие детей, то тут, в отличие от «группы ЗОЖ», просматривается, скорее, обратная ситуация. Вероятность нахождения в группе лиц, которые, прежде всего, стремятся поддерживать идеальную чистоту в доме выше у бездетных и незамужних / неженатых.

В заключение отметим, что пандемия COVID-19 в Китае длилась 6 лет, и она стала настоящим испытанием для китайского правительства, в особенности для проводимой им политики в области системы социального обеспечения. Результаты этого испытания показали, что, несмотря на некоторые недостатки, политика китайского правительства в этой сфере в целом оказалась успешной и в основном удовлетворила широкие массы населения. Согласно данным социологического опроса, проведенного автором в июле–августе 2026 года и посвященного, в том числе, реакции китайского народа на пандемию COVID-19, пандемия оказала заметное влияние на образ жизни, потребительские привычки и основные взгляды китайского народа, однако люди не утратили доверия к правительству и с оптимизмом смотрят в будущее, что очень важно. По результатам проведенного исследования мы делаем вывод, что, во-первых, в борьбе с пандемией COVID-19 правительство Китая заслуживает оценку «хорошо» и, во-вторых, опыт преодоления пандемии стал весомым фактором выбора населением Китая здоровьесберегающего поведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде КПК [习近平. 高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗. 在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告]. – Синьхуа. 25.10.2022 г. – URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (дата обращения 31.07.2026).

УДК 32.019.5+316.77

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯХ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Лалетина А. Д.
аспирант, ассистент кафедры государственной политики и публичного управления
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта № Н-25.1/25 «Миграционные конфликты как фактор развития человеческого капитала крупных городов Краснодарского края: основания возникновения и практики публичного управления».

Городское пространство представляет собой не только материальную среду совместного проживания, но и объект постоянного согласования интересов различных групп. Локальные сообщества участвуют в этом процессе, артикулируя представления о допустимых способах использования города, его проблемах и приоритетах развития. В ситуациях городского конфликта они становятся одним из субъектов формирования повестки и производства интерпретаций происходящего [1, с. 358-359]. Рост мобильности населения и распространение новых каналов коммуникации усложняют структуру локальных взаимодействий, поскольку различия в происхождении, длительности проживания и способах освоения городского пространства приобретают социально значимый характер [2, с. 240]. В интернет-коммуникациях эти различия получают публичное выражение: повседневные конфликты вокруг транспорта, жилья, безопасности, городской инфраструктуры или туристической нагрузки могут интерпретироваться через противопоставление «местных» и «приезжих». В результате миграционная проблематика выходит за пределы обсуждения правового статуса иностранных граждан и включается в более широкий дискурс городской принадлежности.

Цель исследования – выявить способы конструирования миграционной проблематики в комментариях локальных сообществ Краснодара, Новороссийска и Сочи. Эмпирическую базу составили три массива комментариев из сообществ социальной сети ВКонтакте («Типичный Краснодар» – 649 комментариев, «Новороссийск LIFE» – 524 комментария, «Типичный Сочи» – 533 комментария).

Методологической рамкой исследования выступает критический дискурс-анализ , Фэркло, рассматривающий язык как социальную практику, обусловленную социальными структурами и участвующую в их воспроизводстве или изменении [3, с. 22-23]. Анализ соотносит текст, процессы его производства и интерпретации и социальные условия коммуникации [3, с. 24-27]. На текстовом уровне исследовались номинации, предикации, модальность, оценки и оппозиции «свои/чужие». На уровне дискурсивной практики учитывались медийные формулы, полемика с категоризацией участников, ирония и бытовое свидетельство. На уровне социальной практики рассматривались способы миграционного объяснения инфраструктурной нагрузки, транспорта, жилья, сезонности и безопасности.

Общий для трех городов паттерн состоит в расширительном функционировании миграционной номинации. Категория «мигрант» не сводится к юридическому статусу иностранного гражданина: совместно употребляются категории «приезжий», «понаех», «неместный»; мигрантом также называется гражданин России из другого региона. В краснодарском корпусе формула «акцент на приезжего, остальное не важно» фиксирует тематизацию происхождения. В Новороссийске «понаехом» называются все не коренные жители. В Сочи различаются туристы и те, кто «понаехали». Следовательно, миграционность функционирует как дискурсивная метка городской принадлежности. Граница между «своими» и «чужими» производится через происхождение *(«понаехи это все не коренные жители Новороссийска», «А почему он сообщает что это приезжий из Хабаровска!?!?!?»)* и

регистрацию *(«Гражданин Узбекистана работает на автомойке? А патент там, разрешение на работу?», «Всех, кто были незаконно легализированы, назад […] отправят когда?», «этим мигрантам нужны документы для того, чтобы легализоваться в России»)*, а также через знание локальных правил *(«это противоречит местным устоям и обычаям. Так уж заведено у нас», «садясь в такси и здороваясь, слышу в ответ: ты чё не местный? Оказывается, если ты желаешь здравия, то ты не местный», «когда я начал платить при входе, на меня там посмотрели как на больного […] почувствовал себя понаехом»)*, манеру поведения *(«понаех суть есть хамло. Влезла, нагадила […] и улетела», «ведут себя так, как будто они приехали на пару дней, не уважают местные традиции и жителей»)* и готовность разделять ответственность за общее пространство *(«вас понаехов и так уже […] из-за вас, кстати, отсутствует вода, дороги битые и свет у многих гасят», «Господа отдыхающие гадят […] Вы с чего решили, что за вами будут убирать по всему побережью? […] вы сами его устраиваете», «Пока тебя […] не принесли сюда, тут были заводы и фабрики. А ради таких, как ты, это всё угробили и понастроили скворечники дешёвые. Где ты работаешь, в какой сфере, кого обслуживаешь»)*.

Региональная специфика определяется тем, с какими дискурсами пересекается с этой границей. В краснодарском сегменте преобладает юридико-морализаторская рамка (наказание, полиция, документы, регистрация, паспортный режим и проверки). Происхождение преобразуется в вопрос о легитимности присутствия: кто имеет право находится в городе, на каком основании и под чьим контролем. Юридическая лексика нередко выражает моральное требование исключения или дисциплинирования. Как следствие, обращение к институтам власти (например, требование активных действий со стороны полиции или суда) является своеобразной точкой ожидания порядка.

В новороссийском сегменте миграционная проблематика преимущественно выстраивается вокруг противопоставления «местные/приезжие». Основанием для определения к той или иной группе выступают продолжительность проживания в городе и владение локальными повседневными практиками. Показателен комментарий о том, что человек в маршрутке *«почувствовал себя понаехом»* – в данном случае статус «чужого» оказывается не фиксированной характеристикой, а ситуативной позицией, возникающей вследствие недостаточного знания местных норм и правил. В целом миграция в комментариях под постами паблика «Новороссийск LIFE» рассматривается прежде всего как проблема совместного существования в городском пространстве. Вместе с тем заметен и контрдискурс – *«да и коренные не лучше приезжих»*, *«не надо разделять на местных и приезжих».* Подобные высказывания оспаривают идею коллективной ответственности. В центре внимания оказывается уже не происхождение человека, а его конкретные действия.

В сочинском сегменте образ приезжего связан с обсуждением курортной экономики и права на город. В комментариях упоминаются не только мигранты, но и туристы, переселенцы, инвесторы. Высказывания «*курорт […] не для миграции повальной»*, *«дайте нам пожить без понаехов»* показывают, что участники обсуждения по-разному понимают, кто и на каких основаниях может пользоваться городским пространством. Сам город воспринимается как ограниченный ресурс. Его можно посещать, использовать для жизни, и именно это становится предметом споров. Поэтому противопоставление «местные/приезжие» сочетается с различными формами мобильности. Туристы, как правило, воспринимаются как естественная часть курорта, тогда как постоянный переезд или покупка жилья нередко оцениваются как фактор, усиливающий давление на городскую среду.

Для исследуемого массива характерна одна и та же особенность. Отдельный случай быстро превращается в основание для выводов обо всей группе. Если нарушение совершает один человек, оно начинает восприниматься как типичная черта приезжих в целом. Им приписываются создание транспортных проблем, стремление получить выгоду без ответственности, а также неуважение к местным правилам. В качестве аргументов чаще всего используются безопасность, нехватка городских ресурсов и личный опыт. Вместе с тем встречаются и противоположные точки зрения, согласно которым происхождение человека не

определяет его поведение. В результате комментарии становятся пространством, где конкурируют разные объяснения происходящего: одни связывают проблемы с присутствием «чужих», другие – с состоянием городской инфраструктуры, организацией городской среды и соблюдением общих правил.

Различия между городами проявляются в том, какие аспекты миграции оказываются наиболее значимыми. Для Краснодара центральное значение приобретает вопрос правовых оснований присутствия, для Новороссийска – владение локальными повседневными практиками, а для Сочи – допустимые способы использования курортного пространства. Во всех трех городских сегментах миграционный дискурс выступает как способ осмысления городской принадлежности и связанных с ней социальных противоречий. Через фигуру «приезжего» участники онлайн-коммуникации артикулируют проблемы дефицита городского пространства, доверия, состояния инфраструктуры и отсутствия понятных правил совместной жизни. Контрдискурсивные стратегии, в свою очередь, демонстрируют, что границы между «своими» и «чужими» не являются неизменными, а постоянно переопределяются в процессе повседневной коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кольба, А. И., Орфаниди, Э. В. Городские сообщества как группы интересов в локальной политике: концептуальный анализ / А. И. Кольба, Э. В. Орфаниди // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2023. – Т. 10. – № 3. – С. 357-366.

2. Глухова, А. В., Кольба, А. И., Соколов, А. В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) / А. В. Глухова, А. И. Кольба, А. В. Соколов // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 239-252.

3. Fairclough, N. Language and Power / Тю Fairclough. – London; New York: Longman, 1989. – 259 p.

УДК. 323

РЕСУРСЫ УКРЕПЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

Левченко Д. О.
доцент кафедры государственной политики и публичного управления КубГУ
кандидат политических наук
г. Краснодар, Россия

Шпиро Л. А.
доцент кафедры государственной политики и публичного управления КубГУ
кандидат политических наук
г. Краснодар, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности».

Реализация политики развития на локальном уровне не может быть эффективной и устойчивой без легитимного гражданского представительства. Современная политико-управленческая практика показывает, что принятие ключевых градостроительных, инфраструктурных и экологических решений исключительно в рамках административно-вертикальной логики, без согласования с локальными городскими и сельскими сообществами, усиливает риски возникновения «конфликтов развития». Гражданские объединения выступают носителями материальных и нематериальных ресурсов, востребованных в

политике развития, а также способны наращивать собственную «капитализацию» в условиях и межсекторного партнерства, и публичного (политического) оспаривания.

Цель исследования заключается в определении и функциональной характеристике ресурсов, используемых гражданскими ассоциациями для укрепления собственной субъектности в реализации политики развития территорий, формирования солидарности и активного позиционирования в публичных отношениях с другими стейкхолдерами.

Исследование реализуется с опорой на теоретические положения и концепции, развиваемые в поле сетевого, конфликтологического, идентитарного, проектного и коммуникативного подходов, а также методологических разработок в области политики развития (И.С. Семененко, В.И. Пантин, А.Л. Бардин, М.И. Сигачев), теорий партисипаторной демократии и делиберативной политики (Дж. Бессет, Ю. Хабермас), сетевой публичной политики (И.В. Мирошниченко), в концептах «малых публичностей» (G.A. Fine) и публичного оспаривания (Р.В. Савенков).

Согласно классификации нематериальных ресурсов, доступных структурам локальным сообществам для реализации политики развития, выделяются базовые (локальная идентичность, человеческий потенциал, лидерство), связующие (социальный капитал, институциональные практики) и результирующие (доверие, социальное благополучие) (И.В. Мирошниченко и др.) [1, 2].

Эмпирическую основу исследования составили результаты анализа транскриптов глубинных поструктурированных интервью (N = 20) с жителями Краснодарского края, принимавшими участие в политике развития и публичном оспаривании на территориях крупных городов (Краснодаре, Анапе, Новороссийске) и сельских поселений. Выбор Краснодарского края как площадки для полевого исследования обусловлен широкой вариативностью моделей территориального развития, гибридизацией традиционных и инновационных подходов укрепления социально-экономического потенциала, а также воздействием широкого набора факторов эндогенной и внешней природы.

Развитие ресурсного потенциала гражданских объединений решает несколько задач в вопросе укрепления их субъектности в публичных отношениях:

– рост общей «капитализации» сообщества для паритетного взаимодействия с институтами власти, бизнесом и иными стейкхолдерами;

– укрепление внутригрупповой сплоченности и гражданской солидарности среди членов сообщества;

– развитие возможностей для публичного оспаривания проектов и решений, которые в представлениях местного сообщества могут иметь негативные эффекты и последствия.

По результатам исследования определены следующие группы ресурсов.

Активно действовать в пространстве политики и предлагать адекватные изменения позволяют интеллектуальный и профессиональный капитал гражданских активистов, основанный на профильном образовании и накопленном социально-политическом опыте. Наличие среди них специалистов с юридическим образованием, опытом правоохранительной деятельности, государственной службы, профессиональных компетенций в области медиаменеджмента позволяют объединениям квалифицированно формулировать требования и предложения относительно политики развития. Опыт участия в муниципальных выборах, работы в представительных органах или системной общественной деятельности дает гражданам глубокое понимание механики принятия управленческих решений.

Символический капитал и локальная идентичность выступают факторами внутригруппового сплочения. Глубокая привязка коренных жителей к своему пространству создает групповую надматериальную мотивацию к развитию и охране территории. Разделяемые всеми территориальными субъектами идеи и ценности, образы прошлого и будущего ложатся в основу модели ответственного развития, когда субъекты скоординированно создают общественные блага, например, через форматы соучаствующего проектирования в рамках инициативного бюджетирования, социального проектирования.

Консолидация гражданского общества укрепляется через сетевые форматы гражданской активности, где уплотняется групповой социальный капитал – патриотические практики, волонтерство, общественные акции и др. Как показали результаты эмпирического исследования, взаимодействие приехавших (мигрантов) и местных жителей зачастую имеет синергийный характер, способно изменить логику и интенсивность гражданского активизма: «*Вот вы знаете, наверное, надо засчитать за преимущество наличие людей переехавших из других регионов... когда они видят, что приехали люди, они что-то делают для всех... и местные тоже подтягиваются*» (И-1, городской активист). Граждане, переехавшие в муниципалитеты Краснодарского края из других регионов страны, приносят с собой высокий уровень социальной требовательности и установки на проактивное участие: «*Кубань – это такой своеобразный мир... У нас такого нет в Сибири, у нас очень всё активно, очень быстро... Ты начинаешь задавать вопросы письменно, чтобы получить внятные ответы. И здесь уже ставишь в тупик и администрацию, и тех, кто ответственный*» (И-4, сельский активист).

Накопленный социальный капитал способен конвертироваться в востребованные материально-финансовые ресурсы. В частности, местные жители аккумулируют финансовые средства для привлечения профессиональной правовой защиты, чтобы легитимно отстаивать «право на город». Так в кейсе строительства нового инфраструктурного объекта в г. Краснодаре активист акцентирует внимание на использовании потенциала краудфандинга: «*Собираем деньги на адвоката дорогостоящего. Мы оплачивали судебные моменты»* (И-6, городской активист).

Связующим ресурсом является цифросетевая среда. Закрытые и полузакрытые чаты мессенджеров функционируют как «инфраструктура доверия» и организации «малых публичностей». В них происходит выработка единства взглядов, координация действий и аккумуляция внутреннего потенциала. Коммуникативно-сетевые ресурсы позволяют низовым движениям преодолевать локальную изоляцию, привлекать внимание СМИ, инфлюенсеров / блогерского сообщества, выходить на федеральные каналы обратной связи. В отдельных случаях общественники активизируют механизмы электронного участия на портале «Госуслуги» для отклонения неблагоприятных проектов.

Таким образом, определен комплекс ресурсов (интеллектуальный и профессиональный капитал, символический капитал, групповой социальный капитал, финансовые ресурсы, коммуникативно-сетевые ресурсы), которые влияют на субъектность гражданских объединений в реализации политики развития в локальных сообществах Краснодарского края, что в том числе важно с точки зрения формирования солидарностей и эффективного взаимодействия с субъектами публичного управления, включая органы государственной и муниципальной власти и бизнес-сообщество.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мирошниченко, И. В. Нематериальные ресурсы в политике развития сельских территорий: пирамида возможностей / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова, Н. Т. Русия // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 1. – С. 101–117.

2. Analysing Rural Development Models Based on Intangible Assets and Socio-Economic Development / I. V. Miroshnichenko, O. V. Doroshenko, M. V. Tereshina [et al.] // Sustainability. – 2024. – Vol. 16, № 23. – P. 10613.

УДК 314.7

ФАКТОРЫ МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВ ЕАЭС: К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Леденева В. Ю.
главный научный сотрудник
Института социально-демографических исследований ФНИСЦ РАН
доктор социологических наук, доцент
г. Москва, Россия

Формирование общего рынка труда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) стало одним из ключевых направлений евразийской интеграции. Свобода передвижения рабочей силы обеспечила существенное сокращение административных барьеров и создала условия для развития взаимной трудовой мобильности [1]. Одновременно демографическое старение, дефицит кадров и структурные изменения экономики усилили конкуренцию государств за человеческий капитал.

Большинство исследований оценивает привлекательность государств по объему миграционных потоков. Такой подход не позволяет объяснить, почему разные категории мигрантов выбирают различные государства даже в рамках единого интеграционного пространства. На наш взгляд, рассматривать миграционную привлекательность нужно как комплекс экономических, правовых, институциональных, социальных и социокультурных факторов, определяющих выбор страны назначения.

Предлагаем использовать понятие «профиль миграционной привлекательности государства» и в отличие от традиционного подхода, оценивающего абсолютные масштабы миграции, анализировать структуру потоков и преобладающие категории мигрантов. Это позволяет перейти от количественной оценки к качественной характеристике миграционных процессов.

По данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), в 2024 г. численность трудящихся, осуществляющих трудовую деятельность в государствах ЕАЭС, увеличилась на 2,98 % по сравнению с предыдущим годом, что свидетельствует о сохранении устойчивой динамики развития общего рынка труда [2].

Основной объем взаимной трудовой миграции приходится на Российскую Федерацию, однако Казахстан и Беларусь постепенно усиливают позиции по привлечению отдельных категорий специалистов, студентов и предпринимателей. Таким образом, внутри общего рынка труда формируются различные модели миграционной привлекательности.

Предлагаемая модель включает пять взаимосвязанных блоков факторов: экономический (уровень оплаты труда, спрос на рабочую силу), правовой (условия трудоустройства, социальные гарантии), институциональный (простота административных процедур), социальный (образование, здравоохранение, качество городской среды) и социокультурный (язык, наличие диаспор, культурная близость). Совокупность указанных факторов формирует профиль привлекательности конкретного государства.

Таблица 1. Основные факторы миграционной привлекательности государств ЕАЭС

Группа факторов	**Основные характеристики**
Экономические	уровень оплаты труда, потребность экономики в рабочей силе, уровень безработицы
Правовые	условия трудоустройства, социальные гарантии, возможность долгосрочного проживания
Институциональные	административные процедуры, цифровизация государственных услуг, эффективность миграционного администрирования

Социальные	доступность образования, здравоохранения, социальной инфраструктуры
Социокультурные	языковая близость, наличие диаспор, культурная адаптация

Мониторинга национальных законодательных актов государств Евразийского экономического союза в области трудовой миграции за 2023-2024 годы показал, что государства-члены принимают меры по привлечению высококвалифицированных специалистов и упрощению пребывания граждан ЕАЭС в принимающей стране. Среди основных изменений: либерализация правил пребывания для трудовых мигрантов из государств Союза и усиление надзора за нелегальной миграцией и обеспечением безопасности [3].

Внутри ЕАЭС постепенно складывается определенная специализация миграционных потоков. Российская Федерация остается крупнейшим центром притяжения трудовых мигрантов благодаря масштабам экономики, емкости рынка труда и уровню заработной платы. Одновременно Россия является ведущим государством Союза по привлечению иностранных студентов и высококвалифицированных специалистов.

Казахстан также демонстрирует устойчивую привлекательность для квалифицированных кадров, предпринимателей и специалистов отдельных отраслей экономики, что обусловлено активным развитием промышленности, добывающего сектора и цифровой экономики.

Беларусь, обладая сравнительно небольшим рынком труда, формирует собственную модель миграционной привлекательности, ориентированную прежде всего на подготовку иностранных студентов, привлечение квалифицированных специалистов и развитие промышленной кооперации.

Армения активно развивает механизмы привлечения представителей высокотехнологичных отраслей, предпринимателей и репатриантов, используя преимущества национальной инновационной экосистемы.

Кыргызстан, являясь одним из крупнейших поставщиков трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС, одновременно сохраняет значение государства образовательной мобильности и регионального миграционного обмена.

Предлагаемый подход позволяет рассматривать государства ЕАЭС не только как участников единого рынка труда, но и как страны, формирующие собственные профили миграционной привлекательности.

Таблица 2. Предполагаемая специализация миграционной привлекательности государств ЕАЭС.

Государство	**Доминирующий профиль привлекательности**	**Преимущественные категории мигрантов**
Россия	Экономический и образовательный	Трудовые мигранты, ВКС, студенты
Беларусь	Промышленно-образовательный	Студенты, квалифицированные специалисты
Казахстан	Инвестиционно-экономический	Специалисты, предприниматели
Армения	Инновационный	ИТ-специалисты, репатрианты
Кыргызстан	Трудовая мобильность	Трудовые мигранты, образовательная мобильность

Предложенная типология показывает, что государства ЕАЭС не конкурируют исключительно за общий объем миграции. Их конкурентные преимущества связаны с привлечением различных категорий иностранных граждан, соответствующих национальным

приоритетам социально-экономического развития. Следовательно, внутри Союза формируется специализация миграционных потоков.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка системы показателей оценки миграционной привлекательности государств ЕАЭС и построение типологии стран Союза по профилям привлечения различных категорий мигрантов.

Таким образом, миграционная привлекательность представляет собой многомерную характеристику, отражающую не только интенсивность миграции, но и качественную структуру человеческого капитала. Разработка системы показателей профиля миграционной привлекательности государств ЕАЭС является перспективным направлением дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

2. Евразийская экономическая комиссия. Доклад о функционировании внутреннего рынка ЕАЭС. 2025.

3. Евразийская экономическая комиссия. Мониторинг трудовой миграции государств – членов ЕАЭС. 2025.

УДК 159.9:331.108

HR-БРЕНД РЕГИОНА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ И ВНУТРЕННЕЙ МОТИВАЦИИ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Леженина А. Д.
преподаватель кафедры «Психология и спорт»
Дальневосточный государственный университет путей сообщения
г. Хабаровск, Россия

В настоящее время нехватка молодых преподавателей в университетах России является острой проблемой, которая снижает качество образования и тормозит развитие науки. Согласно данным 2023 года почти 30% преподавателей вузов России старше 60 лет, а количество молодых преподавателей составляет минимум с 1988 года [1].

Дефицит молодых работников в сфере образования во многом связывают с изменением мотивационно-смысловых приоритетов современной молодежи. Для молодых специалистов на первый план выходят не только достойная оплата труда, но и свободный график, чувство сопричастности к инновационным проектам, а также прозрачные карьерные перспективы [2].

Кадровый дефицит в высшем образовании и трансформация мотивационно-смысловых приоритетов молодежи актуализируют поиск новых инструментов привлечения и закрепления молодых преподавателей. Традиционные меры, ориентированные преимущественно на материальные стимулы, оказываются недостаточными. В этом контексте HR-бренд региона приобретает значение стратегического ресурса, способного интегрировать внешние условия территории с внутренними мотивационно-смысловыми детерминантами выбора места работы.

HR-бренд – совокупность представлений, ассоциаций и ожиданий, связанных с работодателем как местом работы, которые формируются у сотрудников, соискателей и внешней аудитории. Применительно к региону это понятие расширяется: оно не сводиться исключительно к имиджу работодателя, а включает представление о территории как о месте, удобном для жизни, работы и самореализации. Ключевыми составляющими HR-бренда региона являются условия труда, условия жизни, возможности для самореализации, имиджевые составляющие, инновационный климат [3].

В настоящее время сильный HR-бренд транслирует не только материальные гарантии, но и ценности развития, свободы и достижений. Он способен привлечь и удержать талантливых молодых преподавателей, формируя у них устойчивые профессиональные смыслы и внутреннюю мотивацию.

Теоретический анализ литературы позволил выявить ключевые компоненты мотивационно-смысловой сферы HR-бренда региона, которые способны влиять на выбор работы у молодежи.

Согласно теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, выделяют внутреннюю и внешнюю мотивацию [4]. Внутренняя мотивация — стремление заниматься деятельностью ради удовольствия от самого процесса. Внешняя мотивация — стремление выполнять деятельность ради внешнего вознаграждения, либо чтобы избежать наказания. В работе Т. О.Гордеевой и Е. Н. Осина именно внутренняя мотивация обеспечивает устойчивость профессиональной деятельность, так как она автономна, устойчива к фрустрациям и способствует развитию [5].

Рассматривая данную теорию в связи с HR-брендом региона, можно прийти к выводу, что сильный HR-бренд региона, транслирующий ценности развития, свободы и достижений, может удовлетворять базовые психологические потребности молодых преподавателей — в автономии, компетентности и связанности, что будет способствовать усилению внутренней мотивации, которая делает педагога более устойчивым к профессиональным трудностям и снижает риск выгорания.

Согласно Д. А. Леонтьеву, смысложизненные ориентации включают три компонента, соотносящиеся с временными измерениями жизни: цели в жизни (будущее), процесс жизни (настоящее) и результативность жизни (прошлое). Смысложизненные ориентации определяют направленность жизни человека, его способность ставить цели, делать осознанный выбор, брать на себя ответственность за свою жизнь и быть в целом удовлетворённым ею. Для преподавателя высшей школы профессиональные смыслы могут быть определены через ответы на три вопроса:

1. «Зачем я преподаю?»;
2. «Интересно ли мне это делать?»;
3. «Вижу ли я результаты своего труда?».

Таким образом, регион с сильным HR-брендом должен предлагать молодому сотруднику рабочее место с возможностью самореализации. Среда для самореализации это не только заработная плата, но и атмосфера, где будет ценится инициатива, творчество и развитие молодого специалиста. Участие в инновационных проектах, признание профессионального сообщества и понятные карьерные перспективы помогают преподавателю понять, что работа имеет значение («укрепление цели»), приносит удовольствие от процесса («процесс жизни»), а также дает возможность ощущения достижений своего труда («результативность»).

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать вывод, что HR-бренд региона выходит за рамки маркетинга, выступая стратегическим ресурсом управления человеческим капиталом в образовании. Кадровый дефицит в образовании — это не временная проблема, а системная задача. HR-бренд в этом контексте становится инструментом, который помогает системно решать вопрос привлечения и удержания кадров. Он формирует целостную экосистему, которая влияет на все этапы: от привлечения талантливой молодёжи до их удержания и профессионального роста [6].

Таким образом, для преодоления кадрового дефицита необходимо развитие HR-бренда не только как набора выгод, но и как ценностно-смысловую экосистему, ориентированную на самореализацию, признание и развитие молодых кадров России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Преподавательский состав вузов России за 30 лет «постарел» – МИСиС [Электронный ресурс] // РИА Новости. – URL: https://ria.ru/20230602/pedagogi-1875854448.html (дата обращения: 06.07.2026)]

2. «Спрос на преподавателей продолжает расти»: возможно ли справиться с кадровым дефицитом в образовании? [Электронный ресурс] // Юрайт. – URL: https://urait.ru/news/3644 (дата обращения: 06.07.2026).

3. Тимонин, И. И. HR-бренд как основной элемент формирования лояльности работников / И. И. Тимонин, Е. В. Швеньк // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № S5. – EDN ZNUNDE.

4. Deci E. L., Ryan R. M. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation / E. L. Deci, R. M. Ryan // American Psychologist. — 2000. — Vol. 55. — No. 1. — P. 68–78

5. Осин, Е. Н. Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности / Е. Н. Осин, А. А. Горбунова, Т. О. Гордеева [и др.] // Организационная психология. – 2017. – Т. 7, № 4. – С. 21-49.

6. Гаспарович, Е. О. Разработка технологии развития внутреннего и внешнего HR-бренда вуза / Е. О. Гаспарович, Ч. Фан // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 74-79.

УДК 316.334.22:331.101.262

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРСОНАЛА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Лозовова Л. А.
доцент кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС
кандидат экономических наук, доцент
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье исследуется процесс трансформации требований к человеческому капиталу в условиях санкционного давления и необходимости форсированного импортозамещения программного обеспечения в рамках Союзного государства России и Беларуси.

В экономической теории, вслед за концепцией человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Шульц), цифровые компетенции рассматриваются как форма капитализации трудового ресурса, приносящая экономическую отдачу как самому работнику (в виде роста заработной платы), так и организации (в виде роста производительности). Однако в условиях острого структурного дефицита кадров данная логика вступает в конфликт с классической проблемой «безбилетника»: инвестируя в развитие общих цифровых навыков персонала, компания рискует потерять обученного специалиста, которого переманят конкуренты. Данная угроза многократно усиливается тем, что, как отмечают исследователи, «в условиях цифровизации основным ограничителем со стороны рынка труда выступает не спрос, а предложение труда» [3, с. 81].

Разрешить это противоречие можно, сместив фокус на специфический человеческий капитал: компетенции, чья ценность максимальна именно в рамках уникальной технологической архитектуры конкретного предприятия – скажем, работа на суверенном отраслевом ПО. По сути, речь идет о смене стратегии: в условиях рыночного дефицита компании делают ставку не на внешний рекрутинг, а на внутрифирменные регламенты и специфическое обучение – и эта ставка постепенно становится доминирующей моделью выживания бизнеса.

Освоение цифровых инструментов – вопрос не только когнитивный. Здесь работает иная, социологическая логика: широкое внедрение цифровых сервисов меняет саму структуру трудового поведения и корпоративную культуру, причем происходит это далеко не всегда осознанно для самих работников. Достаточно взглянуть на то, как меняются требования рынка труда: «Алгоритмы и машины в первую очередь будут ориентированы на задачи обработки и поиска информации и данных, административные задачи и некоторые области традиционно ручного труда. Задачи, в которых люди предположительно сохранят свое сравнительное преимущество, заключаются в управлении, консультировании, принятии решений, логическом мышлении, общении и взаимодействии» [1, с. 904]. При этом «инновационная

творческая работа на основе высоких технологий предъявляет новые требования к навыкам и компетенциям работников», и «наряду с профессиональными навыками возрастает значимость и востребованность "мягких" навыков» [1, с. 911].

Данный тезис коррелирует с социологической концепцией габитуса (П. Бурдьё), согласно которой устойчивые поведенческие диспозиции индивида (в данном случае – многолетняя привычка работы в определенных цифровых средах) с трудом поддаются трансформации и часто провоцируют неявное институциональное сопротивление. Именно поэтому предлагаемая нами модель компетенций сознательно выходит за рамки чисто технических навыков и включает поведенческий, психологический контур.

Базовый уровень.

Фундаментом системы выступает общая цифровая грамотность. Мы солидарны с трактовкой данного понятия, представленной в академической литературе: цифровая грамотность определяется как «знания и навыки применения основных информационно-коммуникационных технологий для решения задач в социальной сфере и в трудовой деятельности, не требующих знаний в области профессиональной деятельности» [4, с. 941]. С экономической точки зрения, данный уровень компетенций относится к общему человеческому капиталу: он снижает операционные риски и минимизирует «простой» рабочего времени, что критично именно в условиях кадрового голода, когда цена ошибки одного сотрудника не может быть компенсирована оперативной заменой персонала.

Профессионально-цифровой уровень.

Второй уровень модели относится уже к специфическому человеческому капиталу. Коллеги справедливо определяют этот вид компетенций следующим образом: «Специальные цифровые компетенции. Данная группа компетенций определяет знания и навыки применения информационно-коммуникационных технологий для решения задач в трудовой деятельности в сочетании со знаниями в области профессиональной деятельности» [4, с. 942]. Прокачка данного блока экономически выгодна фирме вдвойне: во-первых, она расширяет функциональный радиус действия работника; во-вторых, в отличие от базовых навыков, профессионально-цифровые компетенции, привязанные к специфическому (зачастую отечественному, суверенному) программному обеспечению, снижают риск ухода сотрудника к конкурентам, поскольку данный навык не всегда полностью переносим на другие рабочие места с иной технологической архитектурой.

Адаптационный блок.

Венчает модель способность к гибкой адаптации, которая, согласно нашей позиции, является важнейшим социальным ресурсом организации в условиях турбулентности. Данный тезис методологически смыкается с макроэкономическим уровнем анализа: только через формирование адаптивного, обучаемого коллектива возможен переход всей экономической системы к технологическому суверенитету. Это согласуется с более широким тезисом о значении непрерывного образования для национальной экономики в целом: «неотъемлемым условием развития национальной экономики является уровень образованности общества, непрерывное образование, которое способствует формированию научно-технического потенциала, позволяет государству оставаться конкурентоспособным на мировом рынке» [5, с. 3].

Представляется, что аналитический и коммуникативный кластеры компетенций играют роль связующего элемента, обеспечивающего переход организации к модели доказательного управления. В рамках предложенной модели компетенции структурированы по принципу возрастания сложности: во-первых, базовый уровень охватывает владение стандартным офисным программным обеспечением и навыками электронного документооборота, что позволяет минимизировать операционные риски; во-вторых, профессионально-цифровой сегмент формирует специфический человеческий капитал, связанный с работой в отраслевом и суверенном программном обеспечении; в-третьих, коммуникативные компетенции, реализуемые в условиях гибридной занятости, обеспечивают социальную сплоченность коллектива и профилактику профессионального выгорания. Отдельного внимания

заслуживает адаптационный блок: готовность персонала к переобучению существенно снижает транзакционные издержки и временные затраты при внедрении новых программных решений. Именно сочетание этих пяти компонентов отличает предложенную модель от традиционных подходов к оценке персонала, ориентированных преимущественно на измерение технических навыков.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд теоретических и практических выводов, значимых как для развития научного знания на стыке экономики и социологии труда, так и для практики управления человеческими ресурсами в условиях структурной трансформации рынков труда России и Беларуси.

Во-первых, установлено, что в условиях острого дефицита кадров классическая экономическая логика инвестирования в общий человеческий капитал персонала теряет эффективность вследствие высоких рисков оппортунистического поведения работников (эффект «безбилетника»). Разрешение данного противоречия лежит в плоскости целенаправленного формирования специфического человеческого капитала. При этом важно учитывать, что «одинаковое наличие формального доступа еще не означает одинаковой способности населения, бизнеса и местных институтов превращать цифровую среду в доход, занятость, мобильность, образование, медицинскую помощь и участие в принятии решений» [2, с. 81]. Следовательно, инвестиции в цифровые компетенции должны быть направлены не на формальное обучение, а на формирование способности извлекать из них реальную экономическую и социальную отдачу.

Во-вторых, доказано, что процесс освоения нового программного обеспечения не сводится к техническому обучению, а представляет собой сложный социальный процесс преодоления институциональной инерции и устойчивых поведенческих диспозиций (габитуса) работников, сформированных многолетней практикой взаимодействия с зарубежными цифровыми экосистемами. В связи с этим предложенная пятикомпонентная модель цифровых компетенций сознательно выходит за рамки узкотехнического подхода, интегрируя поведенческий, коммуникативный и адаптационный контуры.

В-третьих, разработанная модель имеет выраженный прикладной потенциал в контексте научно-технологического сотрудничества Союзного государства России и Беларуси.

Научная новизна исследования заключается в интеграции экономической теории человеческого капитала и социологической концепции институционального сопротивления в единую прикладную модель оценки готовности персонала к технологическим изменениям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нехода, Е. В. Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху / Е. В. Нехода, Л. Пань // Экономика труда. – 2021. – Т. 8, № 9. – С. 897–916.

2. Сизоненко, З. Л. Цифровое неравенство как фактор воспроизводства межрегиональной социально-экономической асимметрии в Российской Федерации / З. Л. Сизоненко, А. Ф. Гарифуллина, А. И. Уразова // Экономика и управление. – 2026. – № 3. – С. 80–86.

3. Ванкевич, Е. В. Рынок труда Республики Беларусь: развитие в условиях современных вызовов / Е. В. Ванкевич, О. В. Зайцева // Белорусский экономический журнал. – 2024. – № 3. – С. 80–94.

4. Симарова, И. С. Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие / И. С. Симарова, Ю. В. Алексеевичева, Д. В. Жигин // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 935–948.

5. Игнатова, Т. В. Инвестиционный менеджмент рынка образовательных услуг / Т. В. Игнатова, Л. А. Лозовова, Е. М. Филимонцева // Интернет-журнал «Науковедение». – 2015. – Т. 7, № 3. – С. 32.

УДК 316.334.56

СОЦИАЛЬНАЯ МЕХАНИКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА: КЕЙС КРАСНОДАРА

Лукащук В. И.
профессор Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета
доктор социологических наук, доцент
г. Севастополь, Россия

Маркин М. Е.
старший преподаватель факультета социальных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

Начиная с первых десятилетий своего развития во второй половине XIX в., массовый туризм стремительно меняет социальное пространство. Под влиянием ожиданий и запросов гостей городские территории значительно трансформируются, и на них появляется то, что принято называть достопримечательностями [1]. В настоящее время эти процессы играют не меньшую роль, так как современная туристическая сфера является частью глобальной экономики. Стремление городов привлекать гостей превращает бывшие индустриальные кластеры в новые арт-пространства, и оно, как правило, сопровождается джентрификацией отдельных районов [2]. Такие изменения характерны для многих стран, и Российская Федерация не является исключением.

На протяжении почти всей своей истории Краснодар не рассматривался как место, представляющее интерес для туристов. Край традиционно ассоциировался исключительно с черноморскими курортами, а его столица выступала в лучшем случае как пункт транзита для автопутешественников. Туристы, добиравшиеся до побережья воздушным или железнодорожным транспортом, и вовсе никогда не посещали этот город. В последнее время Краснодар появился на туристической карте России, и важной задачей для социологов становится исследовательская рефлексия социальной механики такой трансформации.

В марте-апреле 2026 г. коллектив преподавателей и студентов Высшей школы экономики под руководством М. Е. Маркина и Е. В. Надеждиной при содействии В. И. Лукащука провел полевую экспедицию, в рамках которой собраны углубленные интервью с местными жителями и гостями Краснодара. Проект реализован при финансовой поддержке программы «Открываем Россию заново».

Парк «Краснодар» – главная достопримечательность города. Он является точкой притяжения как для туристов, так и для местных жителей. Вход в парк бесплатный, а рядом находится большая автомобильная парковка, плата за использование которой тоже не взимается. Еще одна точка притяжения туристов – Японский сад. Это огороженная часть парка «Краснодар», попасть в которую можно либо отстояв длинную очередь за бесплатными QR-кодами, либо забронировав место в ресторане на этой территории. Ограничения на вход обосновываются необходимостью обеспечить сохранность окружающего природного ландшафта. По мнению краснодарцев, одноименный парк, включая Японский сад, представляют собой едва ли не единственную значимую туристическую достопримечательность города, интересную для жителей любой страны. Она создана и поддерживается на средства местного предпринимателя С. Н. Галицкого, что свидетельствует о его личном вкладе в трансформацию социального пространства. Краснодарцы и гости города называют эту достопримечательность не иначе как «Парк Галицкого», тем самым персонифицируя локацию.

Не только природа, но и погода привлекает людей в Краснодар. Город устойчиво ассоциируется с теплом, которое манит как туристов, приезжающих на ограниченный период,

так и тех, кто планирует сменить свое местожительство в пользу юга. Значительным потенциалом для развития семейного туризма обладает парк «Солнечный остров». Он находится за пределами центра города и в настоящее время привлекает в основном местных жителей. Летом тепло превращается в труднопереносимую жару, что негативно сказывается на комфорте краснодарцев. Решением этой проблемы становится отдых в старом парке, в котором растут взрослые деревья. И если используемая сейчас территория «Солнечного острова» вряд ли сможет вместить большое количество туристов, то восстановление ныне находящихся в запустении центральной и южной его частей откроет возможности для развития новой природно-рекреационной зоны для гостей города.

Краснодар вызывает интерес у жителей не только других регионов России и иных стран, но и соседних населенных пунктов. В поисках нового образа жизни, постоянного или временного, люди стремятся в столицу, где есть место как классическим театрам и музеям, так и молодежным клубам, современным арт-пространствам [3]. В Краснодаре все это можно найти в центре города: на улице Красная и в ее окрестностях. Культурно-познавательный отдых, как правило, выстраивается вокруг Историко-археологического и Художественного музеев, Театра драмы и Филармонии. Рядом находятся современное арт-пространство и модный книжный магазин, привлекающие преимущественно молодежь. В вечернее и ночное время бары и клубы Красной и Красноармейской улиц становятся местами притяжения активных краснодарцев и гостей города. Разнообразен этнический состав отдыхающих, включающий в себя десятки народов Кубани и Кавказа, что позволяет сделать вывод о значимой роли мобильности в целом и туризма в частности в формировании комфортной общественной среды.

Краснодар уже стал туристическим городом, хотя еще десять-пятнадцать лет назад такое сложно было представить. К числу наиболее значимых событий, произошедших за этот период, следует отнести открытие одноименного парка. Социальная ответственность бизнеса, личное желание предпринимателя С. Н. Галицкого выступили ключевыми драйверами изменений. В целом географическое положение Краснодара, его благоприятный климат и природный ландшафт также сыграли свою роль в превращении города в центр притяжения туристов. Гостей из соседних населенных пунктов привлекают классические и современные социальные пространства, комфортная межкультурная среда, благоприятная для коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Urry, J. The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies / J. Urry. – N.-Y.: Sage, 1990. – 176 p.

2. Spirou, C. Urban Tourism and Urban Change: Cities in a Global Economy / C. Spirou. – Oxford: Routledge, 2011. – 304 p.

3. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые создают будущее / Р. Флорида. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 384 с.

УДК 341.229

МЕЖДУ СУВЕРЕНИТЕТОМ И ЭКОЛОГИЕЙ: ПРАВОВЫЕ БАРЬЕРЫ НА ПУТИ К ОЧИСТКЕ ОКОЛОЗЕМНОГО ПРОСТРАНСТВА ОТ КОСМИЧЕСКОГО МУСОРА

Лунин Д. Е.
студент ЧОУ ВО «СИБЮУ»
г. Омск, Россия

Елисеева Г. В.
старший преподаватель кафедры конституционного и административного права
ЧОУ ВО «СИБЮУ»
г. Омск, Россия

Начало и последующее развитие эры космических полетов ознаменовало не только грандиозный технологический прорыв человечества, но и начало процесса беспрецедентного загрязнения околоземного пространства. Как следует из данных Европейского космического агентства, на январь 2026 года на орбите Земли находится более 54 000 объектов размером более 10 сантиметров, порядка 1 200 000 объектов размером от 1 до 10 сантиметров и свыше 140 000 000 частиц размером от 1 миллиметра до 1 сантиметра [1].

Любой, даже самый успешный и технологичный запуск летательного аппарата неизбежно влечет за собой появление на орбите Земли нового космического мусора. В последние десятилетия экспоненциальный рост числа запусков вступает в прямое противоречие с ограниченностью пространства земной орбиты, превращая каждый новый полет в акт усугубления глобальной экологической проблемы захламленности космического пространства.

При орбитальных скоростях, достигающих 28 000 километров в час, даже самые мелкие частицы космического мусора обладают колоссальной кинетической энергией. Столкновение с таким объектом способно пробить обшивку действующего спутника или вывести из строя критически важные системы Международной космической станции. Данное обстоятельство заставляет задуматься о том, насколько важно предотвратить рост числа космического мусора в целях сохранения благоприятной архитектуры околоземного пространства.

Однако фундаментальная проблема очистки земной орбиты кроется не столько в отсутствии соответствующих инженерных решений, сколько в устаревшей структуре международного космического права. Базовые документы, сформировавшие указанную отрасль – Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (далее – Договор о космосе) и Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (далее – Конвенция 1971 года), – были приняты в эпоху, когда проблемы захламленности орбиты просто не существовало.

Раскрывая проблематику, отметим, что Конвенция 1971 года не содержит определения понятия «космический мусор» вовсе. Данный акт в п. d) ст. 1 определяет значение термина «космический объект», к которому относятся составные части космического объекта, а также средство его доставки и его части [2]. Таким образом с юридической точки зрения к космическому объекту можно отнести, например, как исправный телекоммуникационный спутник, так и давно пришедший в негодность разгонный блок космического аппарата.

И на тот, и на другой объект, в соответствии со ст. VIII Договора о космосе, распространяется юрисдикция государств, в регистр которых они занесены, во все время их нахождения в космическом пространстве [3]. Утрата такими объектами своей функциональности либо их физическое разрушение не влекут за собой прекращение распространения на них юрисдикции соответствующего государства.

Вместе с тем в указанном положении состоит главный правовой тупик современности: ни одно государство или организация не имеют права захватить, свести с орбиты или утилизировать чужой неработающий спутник либо его части (даже если таковые представляют колоссальную угрозу) без прямого согласия государства, к регистру которого отнесен такой объект. Отступление от данного правила может быть расценено в качестве нарушения принципа невмешательства во внутренние и внешние дела другого государства, поскольку оно представляет собой посягательство на собственность государства, осуществившего запуск в космос спорного объекта [4]. Преодоление указанного правового пробела, как видится, неразрывно связано с необходимостью определения понятия «космический мусор», а также порядка и оснований изъятия такого мусора для целей последующей утилизации.

Осознавая неспособность существующих правовых предписаний урегулировать проблемы засорения земной орбиты, Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях принял Руководящие принципы по предупреждению образования космического мусора (далее – Руководящие принципы). Данный документ разъясняет, что под космическим мусором понимаются все находящиеся на околоземной орбите или возвращающиеся в атмосферу антропогенные объекты, включая их фрагменты и элементы, которые являются нефункциональными [5]. Вместе с тем Руководящие принципы, несмотря на попытки ООН обратить их принятием внимание международного сообщества на проблему засорения земной орбиты, демонстрируют низкую эффективность в борьбе с обозначенной проблемой, что обусловлено их преимущественно декларативным и рекомендательным характером, а также отсутствием в них четко установленных критериев для определения момента утраты антропогенными объектами своего функционального назначения.

Между тем многими авторами справедливо отмечается, что именно функциональность космического объекта выступает краеугольным камнем отграничения космического мусора от космического объекта, действительно заслуживающего международно-правовой охраны [6, с. 27].

С указанной позицией трудно не согласиться, поскольку именно возможность какого-либо космического объекта выполнять свои целевые функции и возможность быть подконтрольным государством, под юрисдикцией которого он находится, определяет его ценность и, что немаловажно, степень опасности для объектов, принадлежащих другим государствам. Критерий функциональности также определяет возможность вменить государству в вину последствия причинения принадлежащим ему объектом вреда космонавтам, летательным аппаратам и спутникам, находящимся под юрисдикцией других государств, в силу ст. III Конвенции 1971 года.

Учитывая вышеизложенное, представляется актуальным внести поправки в Договор о космосе, установив в нем понятие космического мусора, основные принципы взаимодействия государств-членов Договора о космосе в сфере борьбы с захламлением космического пространства; критерии определения функциональности космического объекта, опираясь на такие параметры, как время его нахождения в космическом пространстве, степень его активности, возможность связи с ним и управления; критерии идентификации космического мусора с государством-собственником уничтоженного космического объекта; порядок согласования процедуры извлечения космического мусора из орбиты и вопросов финансирования такой процедуры; порядок «принудительного снятия» с космического мусора статуса космического объекта при невозможности установления его государства-собственника.

Принятие изложенных мер позволит существенным образом повлиять на установление и конкретизацию правового статуса космического мусора в системе действующего международно-правового регулирования отношений в сфере космических исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Space debris by the numbers (Космический мусор в цифрах) // Официальный сайт Европейского космического агентства. – URL: https://www.esa.int/Space_Safety/Space_Debris/Space_debris_by_the_numbers. (дата обращения: 06.06.2026)
2. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (принята резолюцией 2777 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 29 нояб. 1971 г.) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml. (дата обращения: 06.06.2026)
3. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 дек. 1966 г.) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml. (дата обращения: 08.06.2026).
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 окт. 1970 г.) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml. (дата обращения: 08.06.2026).
5. Руководящие принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/space_debris.shtml#a1. (дата обращения: 08.06.2026).
6. Косенков, И. А. Штодина И. Ю. Международно-правовой режим борьбы с засорением космического пространства / И. А. Косенков, И. Ю. Штодина // Московский журнал международного права. – 2016. – № 1 (101). – С. 19–34.

УДК 101.1:316:340.12

КРИТИКА ВЕЙМАРСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В ДЕЦИЗИОНИСТСКОЙ ОПТИКЕ К. ШМИТТА

Лунская М. О.
младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

В рамках Веймарской республики была создана одна из наиболее прогрессивных правовых систем своей эпохи [1], ставшая, парадоксальным образом, важнейшим фактором политического краха данного государства. В свою очередь, институты, призванные обеспечить реализацию интересов каждого гражданина, стали катализаторами кризиса, выразившегося в фрагментации государственной власти и триумфе частных интересов. В данной работе рассматривается предложенное К. Шмиттом обоснование причин распада веймарской правовой системы и раскрываются основания регресса либерально-демократических правовых систем к модели политико-юридического управления посредством суверенных решений.

С учреждением правовой системы Веймарской республики мажоритарная система парламентских выборов была упразднена в связи с представлениями о том, что внутриполитические конфликты будут исчерпаны, если каждая социальная группа сможет представлять свои интересы в парламенте. Пропорциональная система выборов в Веймарский рейхстаг была технически точной и позволяла учитывать голос каждого избирателя. Ее введение должно было обеспечить перенесение арены политических действий с «улицы», где расколотый народ вел прямые столкновения друг с другом, в парламент, где представители каждой группы населения имели бы возможность прийти к консенсусу без применения

прямого насилия. Таким образом, посредством либерализации избирательного процесса учредительная власть Веймарской республики стремилась устранить послевоенный кризис и стабилизировать государство.

Несмотря на вышеуказанные достоинства пропорциональной избирательной системы, К. Шмитт относит ее к одному из ключевых факторов политико-правовой нежизнеспособности Веймарской республики [2]. Вся территория государства фактически выступала единым избирательным округом, поэтому многочисленные «мелкие» партии, которые не были популярны на региональном уровне, все же набирали необходимые шестьдесят тысяч голосов со всего населения республики для получения места в парламенте. Так, веймарский рейхстаг включал в свой состав депутатов из множества разнородных партий, что лишало любую из них возможности получить абсолютное большинство мандатов, необходимое для принятия парламентских решений. В связи с этим, нормальное функционирование парламента не представлялось возможным без образования партийных коалиций, депутаты, принадлежавшие к которым в сумме составляли бы партийное большинство.

Подавляющее большинство голосов на первых выборах в веймарский рейхстаг получили системные умеренные партии, деятельность которых была направлена на стабилизацию веймарского общества после всех социально-политических кризисов и потрясений. Однако ни одна из них не набрала большинства голосов, в связи с чем партийное большинство было сформировано из трех партий: СДПГ (социал-демократическая партия), партия Центра (католическая партия) и НДП (либеральная партия). Отсюда видно, что объединяться в коалиции были вынуждены партии, программы которых взаимоисключали друг друга: так, «Веймарскую коалицию» существенно ослабляли классовые противоречия между либералами и социалистами, а также разногласия между социалистами и партией Центра на религиозной почве.

Еще одним аспектом кризиса Веймарской системы права выступала слабость правительства, которое формально было только ответственно перед рейхстагом, однако де-факто полностью от него зависело. Канцлер, будучи главой правительства, должен был самостоятельно формировать кабинет министров, однако парламент имел легальную возможность отправить канцлера в отставку, в связи с чем кабинет министров на практике формировался из кандидатов, навязанных канцлеру партиями, входящими в парламентскую коалицию. Таким образом, именно посредством договора между канцлером и парламентскими партиями формировалось правительство Веймарской республики. К. Шмитт отмечает, что подобные «экономические сделки» не могут быть признаны в качестве релевантных средств урегулирования политических разногласий.

Пропорциональная модель парламентских выборов способствовала не только фрагментации политического пространства, но и выхолащиванию из него публичной составляющей, без которой государственный аппарат был редуцирован к чистой технике самовоспроизводства. Избиратели отдавали голоса не за конкретных лиц, а за партии, которые в наибольшей мере отражали их интересы. При этом непосредственный отбор кандидатов, занимавших верхние строчки партийных списков и имевших гарантированные шансы на мандат, осуществлялся внутри партий. Именно поэтому депутаты представляли в парламенте интересы собственных партий, а народ оказывался лишен реального представительства: «противоборствующие партии утрачивают представление об общих интересах и их экстремизм в конечном счете препятствует функционированию режима» [3, с. 151]. Практика формирования партийных списков подрывала демократический характер самой процедуры выборов, которая утрачивала публичный статус и де-факто приобретала форму внутрипартийных договоренностей.

В таком виде К. Шмитт обнаруживает Веймарскую республику, в которой система партийного плюрализма могла существовать лишь за счет соглашений о разделении «сфер влияния» между партиями. Коалиционные партии посредством договоренностей распределяли министерские портфели, раскалывая правительство на множество разобщенных групп. Политическая сфера вступает в союз с юридической ради поддержания установленного

в государстве порядка, но подобный союз между политикой и экономикой согласно К. Шмитту имеет деструктивные последствия для государства, поскольку область политического требует интеграции народа, в то время как предпосылкой существования экономических отношений является его разделение. Построение политической власти по аналогии со структурой рыночных отношений создает условия для фрагментации «общего» государственного интереса на множество частных. Реализация «общего» интереса более не представляется возможной, так как подорванным оказывается политическое единство государства: народ как государственный телос перестает существовать, распадаясь на конгломерат разобщенных акторов. Именно поэтому, согласно мысли К. Шмитта, государственный интерес находит свое выражение в суверенной воле, не зависящей от частных интересов, а потому целостной и лишенной противоречий.

Реконструкция осуществленной К. Шмиттом критики либерально-демократического порядка позволяет сделать вывод о его неизбежном регрессе к более жестким формам политической организации. Полицентричная структура власти, присущая парламентаристским системам, исключает из политического пространства субъекта, способного обеспечить реализацию правовых норм. Доминанта нормы ведет к вытеснению подобного «проводника» из политического пространства и знаменует кризис политики, принципиально неразрешимый в рамках либерально-демократической парадигмы. Поэтому К. Шмитт предлагает путь преодоления кризиса «извне» – посредством трансцендирования либерально-нормативного порядка и его замены единоличной властью суверена [4]. Выступая альтернативой либеральному нормативизму децизионизм переносит акцент с юридической нормы на суверенное решение как на подлинный фундамент политико-юридической легитимации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мёллер, Х. Веймарская республика: опыт одной незавершенной демократии / Х. Мёллер ; [пер. с нем. А. В. Доронина]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 311 с.

2. Шмитт, К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / К. Шмитт ; пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. – СПб. : Наука, 2016. – С. 93–170.

3. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм / Р. Арон ; пер. с фр. Г. И. Семенова. – М. : Текст, 1993. – 303 с.

4. Шмитт, К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / К. Шмитт ; пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // Понятие политического / сост. А. Ф. Филиппов. – СПб. : Наука, 2016. – С. 5–59.

УДК 316.77:37(045)

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ СМИ И В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Макарова М. Н.
профессор кафедры социологии УдГУ
доктор социологических наук, доцент
г. Ижевск, Россия

Социальные проблемы образования являются актуальными для большинства социальных групп и слоев населения и постоянно обсуждаются в публичном пространстве. Российское образование постоянно подвергается реформированию и отражает в своем функционировании те социальные тенденции, которые свойственны всей социальной системе. С одной стороны, обсуждение проблем образования в СМИ влияет на формирование представлений населения об этом социальном институте, с другой – образовательные ценности формируются под влиянием социального опыта и с трудом поддаются внешнему воздействию. Целью исследования является выявление особенностей актуализации проблем образования в российских СМИ и в общественном мнении. Исследование основано на

сочетании двух методов: контент-анализа публикаций федеральных средств массовой информации и опроса общественного мнения за период с января по июнь 2026 года. Общее количество проанализированных материалов составило 113 статей. Для анализа были выбраны 2 источника: «Комсомольская правда» – 24% и «Известия» – 76%. Одновременно проводился опрос населения с целью определения мнений относительно актуальных проблем образования в России. Было опрошено 182 человека в Удмуртской Республике методом онлайн опроса.

Первым направлением для сравнительного анализа СМИ и общественного мнения стала актуализация основных проблем образования в России (табл. 1).

Таблица 1. Проблемы образования, упоминаемые в СМИ и в общественном мнении (процент от общего числа наблюдений)

Проблема	СМИ	Общественное мнение
Цифровизация, интернет, ИИ в образовании	19,47	12,23
Безопасность (стрельба, терроризм и т.д.)	18,58	15,69
Рынок труда и образование (трудоустройство, участие работодателей, целевое обучение, отработка и др.)	17,70	25,49
Психологическое состояние обучающихся (буллинг, адаптация, конфликты, стрессы и др.)	13,27	27,45
Модернизация системы образования (новые программы, стандарты)	12,39	19,61
Поступление, доступность образования	12,39	17,65
Проблемы педагогов (зарплата, нагрузка, нехватка и др.)	11,50	36,25
ЕГЭ, ОГЭ	7,96	21,57
Финансирование образования, расходы на обучение	7,96	33,33
Проблемы качества образования	6,19	56,86
Проблемы воспитания (патриотизм, новые дисциплины, военная подготовка и др.)	5,31	13,73
Непрерывное образование (переобучение и др.)	2,65	11,76
Инфраструктура образования	2,65	11,86
Коррупция	0,88	5,88

СМИ на первое место ставят цифровизацию обучения, проблемы использования интернета и искусственного интеллекта в образовании. В рамках этой проблемы наиболее часто упоминается и обсуждается проблема использования искусственного интеллекта в образовании. При этом отношение к нему двойственное и настороженное. Фиксируется парадокс: с одной стороны, искусственный интеллект – неизбежный и полезный инструмент, с другой – он снижает образовательную ценность заданий, формирует иллюзию понимания и требует нового педагогического сопровождения. На втором месте – тема безопасности обучающихся. С начала 2026 года в российских образовательных учреждениях зафиксирована волна нападений. С этой проблемой связана третья по популярности тема психологического состояния обучающихся вследствие буллинга и травли, в связи со стрессом на экзаменах, высокой нагрузкой и иными трудностями. Вопросы модернизации образования рассматриваются чаще всего в контексте высшего образования и перехода к новой модели уровней образования.

Население на первое место ставит проблему качества образования. Жители высказывают, например, мнения о том, что содержание обучения не соответствует современным требованиям. С этим связана также проблема недостаточности практических навыков у выпускников. В СМИ проблема качества обучения занимает только десятое место. На второе место общественное мнение ставит проблемы педагогов. Сюда относится большая нагрузка, низкая зарплата, нехватка учителей в школах. В СМИ эта проблема находится лишь на седьмом месте. Существенное расхождение между СМИ и общественным мнением

наблюдается и по вопросу финансовой составляющей образования. Общественное мнение ставит проблему финансирования образования на третье место, а в СМИ оно располагается только на девятом. Для населения является актуальным как материальное обеспечение образовательных учреждений, так и высокая стоимость обучения.

Чаще всего в СМИ упоминаются проблемы школьного образования, так как в этой сфере происходит наибольшее количество нововведений в последние годы, причем эти инновации касаются не только образовательных программ, но и вопросов инфраструктуры, безопасности, воспитания и др. На втором месте – вузы, на третьем – среднее профессиональное образование. В общественном мнении ситуация несколько иная: на первом месте оказалось дополнительное образование, в то время как в СМИ этот уровень обсуждается крайне редко. Население волнуют вопросы профессиональных курсов длч взрослых, кружков и секций для детей.

Ответственными за решение обсуждаемых в СМИ проблем в большинстве случаев считаются руководители образовательных учреждений. Они как отвечают за реализацию образовательной политики государства, так и должны обеспечивать внутренний контроль и регуляцию образовательных процессов. Далее следуют властные структуры – министерства, ведомства и в целом государство как основной источник целенаправленного регулирования системы образования. Силовые структуры в последнее время обеспечивают вопросы безопасности в образовательных учреждениях и контролируют выполнение законодательства, направленного на предотвращение различных нарушений в образовательной системе. В общественном мнении ситуация отличается: граждане на первое место по уровню ответственности ставят государство, на втором месте – министерства и ведомства.

Какие действия предлагается предпринять для решения обозначенных проблем в СМИ и в общественном мнении (табл. 2)? Чаще всего СМИ обозначают изменение законодательства, нормативной базы, модернизацию образовательных программ и стандартов обучения.

Таблица 2. Действия по решению проблем, изменениям в образовании (имеющиеся или предлагаемые) в СМИ и в общественном мнении (процент от общего числа наблюдений)

Действия	СМИ	Общественное мнение
изменение законодательства, нормативной базы	37,17	23,53
изменения в образовательных программах, стандартах	35,40	62,75
регулирование, запреты	21,24	9,8
связь с рынком труда, бизнесом	16,81	37,25
социальная защита педагогов, учащихся и др.	15,93	47,06
информирование, пропаганда	12,39	13,73
не упоминается	11,50	
финансирование, материальная, ресурсная поддержка образования	10,62	78,43
другое	9,73	4,43
жалобы, протесты, обращения	6,19	3,92
цифровизация образования	4,42	17,65

Четверть проанализированных статей включают действия, направленные на регулирование или запреты. Вопросы, связанные с защитой, поддержкой (социальной, информационной, финансовой) или материальным обеспечением образования рассматриваются в медиа существенно реже. В общественном мнении ситуация иная: оно на первое место поставило финансирование образования, в то время как в СМИ оно находится лишь на седьмом месте. В общественном мнении изменения в законодательстве стоит на седьмом месте, в то время как в СМИ они находятся на верхней строке рейтинга. Также существенное расхождение наблюдается в отношении регулирования и запретов: в СМИ они на третьем месте, в то время как в общественном мнении – на восьмом. Очевидно, что

политика запретов не по душе населению в качестве способа решения образовательных проблем. Следует отметить, что изменения в образовательных программах актуальны как для СМИ, так и для общественного мнения: эти действия в обоих случаях поставлены на второе место.

Таким образом, расхождение между данными СМИ и общественным мнением носит системный характер. Федеральные медиа конструируют повестку вокруг острых, технологичных и нормативных сюжетов, формируя образ кризиса безопасности и необходимости реформ сверху. Общественное мнение отражает запрос на стабильность, качество базовых услуг, достойные условия труда педагогов и финансовую доступность образования. Главными факторами этих различий выступают специфика медийного производства, опора на экспертно-административные источники, дистанция федеральной повестки от повседневного опыта граждан, а также экономический контекст доступности образовательных услуг.

Разрывы в восприятии и освещении проблем образования обусловлены комплексом институциональных, экономических и социальных факторов. СМИ отбирают темы по критериям новизны, остроты и конфликтности. Основным источником новостей для населения являются социальные сети, где информация часто вторична и транслируется из СМИ. Однако межличностные контакты формируют локальную повестку, основанную на личном опыте взаимодействия со школой, вузом или детским садом, что делает проблемы педагогов и качества образования более видимыми для граждан.

УДК 371.39:004.8

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ГЛУБИНУ УСВОЕНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ОБУЧАЮЩИМИСЯ

Максимов Д. В.
аспирант кафедры физики конденсированных сред,
физических методов и ИТ в медицине
Физико-технического института «КФУ им. В.И. Вернадского»
г. Симферополь, Россия

Петренко Н. А.
доцент кафедры педагогики факультета психологии
Таврической академии «КФУ им. В.И. Вернадского»
кандидат филологических наук, доцент
г. Симферополь, Россия

В современном мире технологический прогресс развивается с невероятной скоростью, что напрямую влияет на внедрение инновационных технологий в различные сферы деятельности, включая образовательный процесс. С конца 2022 года это стало особенно заметно, т.к. нейросетевые технологии начали активно проникать в академическую среду, что неизбежно повлияло на методики преподавания и способы выполнения учебных заданий.

В научной литературе (А. Аманова, А. Антонов, М. Байбекова, В. Гумаров, С. Даггэн, Н. Клюева, М. Джанелидзе, П. Пюра, С. Смирнов, О. Фиговский, Н. Шестакова, Л. Ясницкий и др.) рассматривается влияние искусственного интеллекта (ИИ) на учебный процесс. Исследователи Д.О. Баринова и А.А. Шакарикова в работе «Роль искусственного интеллекта в повышении академической успеваемости студентов» на основе опроса пришли к выводу, что использование ИИ положительно коррелирует с успеваемостью [1]. Они аргументируют необходимость внедрения нейросетей в образование, но не рассматривают качество усвоения материала. Остаётся неясным, обусловлена ли успеваемость глубоким пониманием или поверхностным копированием. И.Г. Геращенко в работе «Инновации искусственного

интеллекта в образовании: постановка проблемы» ставит вопрос о внедрении ИИ, рассматривая инновации, риски и вызовы [2]. Он также не углубляется в механизмы усвоения и не приводит экспериментальных данных о глубине запоминания.

Исследование фокусируется на противоречии: ИИ дает мгновенные объяснения, создавая иллюзию компетентности, а сгенерированный ответ заменяет собственные мысли обучающегося. Основная проблема – влияние технологий на глубину усвоения и долгосрочное запоминание. Цель статьи – рассмотреть влияние ИИ на глубину усвоения учебного материала студентами.

В 2024 году компания Tyton Partners [3] опубликовала отчёт об использовании студентами больших языковых моделей (LLM, Large Language Model). Согласно данным отчёта, 67% обучающихся регулярно обращаются к различным нейросетям для помощи в выполнении учебных заданий. 40% студентов систематически используют нейросетевые технологии без какого-либо контроля со стороны преподавателей. Поэтому важно регулировать использование нейросети в образовательной среде. Данный отчет является подтверждением того, как стремительно развивающиеся цифровые технологии способны влиять на образовательный процесс. Думается, в дальнейшем учебные заведения обязаны ввести соответствующие правила и ограничения, регулирующие академическую честность и качество обучения.

Существуют два типа обучения: поверхностное и глубокое. Поверхностное основано на запоминании без понимания сути, помогая быстро находить решения. В эпоху генеративного ИИ оно меняется: вместо поиска в учебниках студенты мгновенно получают структурированные ответы от нейросетей. Это мешает запоминанию, так как копирование ответов исключает поиск ошибок и осмысление материала. ИИ упрощает процесс, лишая студентов возможности самостоятельного размышления, что негативно сказывается на усвоении знаний.

Глубокое обучение, напротив, направлено на углубленное понимание сути проблемы, на длительное изучение темы. Студенты стремятся не просто охватить материал, но лучше понять суть темы или задания, получить новые знания. В данном случае мы можем говорить об осмысленном обучении, которое наступает в процессе соединения новой информации с уже имеющимися знаниями обучающегося. Важно указать, что здесь связующими будут три условия: осмысленность материала, наличие соответствующих идей и желание студента не просто запомнить, а соединить уже известную информацию с новыми знаниями.

В современном учебном процессе использование генеративного искусственного интеллекта может быть полезным, если он не просто дает ответы студентам, а выступает партнёром, т.е. помогает актуализировать знания, разобраться в новом материале. Искусственный интеллект помогает быстро найти необходимую информацию, отформатировать документ, сохранить время для отдыха. Однако, заметим, чрезмерное использование нейросетей приводит к снижению когнитивных навыков (ухудшается память, снижается внимание, креативность и критическое мышление). Об этом уже писали известные зарубежные и отечественные психологи. Например, следуя теории американского психолога Михая Чиксентмихайи, состояние потока может возникать при балансе сложности задачи и навыка. Опираясь на результаты исследований Л.С. Выготского, заметим, что студент теряет интерес к изучаемому материалу, если поставленные задачи стоят ниже зоны ближайшего развития. Поэтому для глубины усвоения материала важно, чтобы ИИ не давал готовый ответ, а задавал уточняющие вопросы. Так студенты начинают размышлять и делать выводы по изучаемым темам.

Сравнивая типы обучения, отметим разное влияние ИИ на восприятие информации. Первый тип («вопрос – ответ») создает ложную память: студент запрашивает ответ у нейросети (например: «Дай ответ на задание № 5»), считая тему изученной. Отсутствие ошибок в понимании ведет к формированию неправильных нейронных связей, снижая самостоятельность и желание учиться. В результате формируется ложная память, т.к. отсутствие ошибок (в понимании студента) ведёт к отсутствию правильных нейронных связей,

снижается самостоятельность и желание учиться. Подтверждением этого является эксперимент профессора из Рио-де-Жанейро Андре Баркауи [4]. Вместе с группой ученых он разделил на две группы 120 студентов. Первая группа использовала ChatGPT для подготовки презентаций. Вторая – в процессе обучения прибегала лишь к традиционным методам (конспекты по дисциплинам, академические учебники, поиск материала в сети Интернет). Эксперимент длился 45 дней. В результате студенты первой группы правильно ответили только на 57,5% тестовых вопросов, а второй – на 68,5%. Таким образом, ученые доказали, что студенты, которые используют традиционные методы обучения, получают больше знаний. Но обучающиеся, использующие ChatGPT, затратили на подготовку к занятиям намного меньше времени (3,2 часа против 5,8 часов). Ученые считают, что в данном случае включается «когнитивная разгрузка», т.е. ИИ берет на себя анализ и структурирование информации, освобождая мозг студента от ненужных усилий.

Второй тип – «провокационный диалог» – побуждает студентов к самостоятельным размышлениям через уточняющие вопросы, контрпримеры и критический анализ, а не дает готовые решения. Эксперимент в Южной Индии с 253 студентами-медиками [5] подтвердил это: при использовании ИИ для сложных задач по таксономии Блума под руководством преподавателя выросла успеваемость, особенно у слабых студентов. Ключевым фактором стало педагогическое руководство в выборе материала, а не свободное использование ИИ. Это доказывает эффективность подхода «диалог-провокация».

В исследованиях проблем «избыточной генерации» (В. Антоненко, М. Маккарти, А. Миндигулова, Д. Мински, А. Панявин, А. Тьюринг и др.) отмечено, что неопределённость ответов ИИ заставляет студентов многократно генерировать текст в поисках решения. Без изменения параметров результат ухудшается, вызывая когнитивную усталость и снижая продуктивность. Студенты испытывают трудности в пояснении действий и анализе явлений. Научные работы доказывают: поверхностный подход «вопрос-ответ» не способствует глубокому усвоению материала, а вызывает когнитивное истощение.

Исследователи Н.Н. Шестакова и М.Г. Джанелидзе указывают на риски ИИ: снижение роли преподавателя в эмоционально-воспитательном аспекте, негативное влияние на критическое мышление и нарушение баланса с традиционными методами обучения [6, с. 97]. Д. Канеман в книге «Думай медленно… решай быстро» выделяет быстрое (автоматическое) и медленное (аналитическое) мышление. Именно генеративный ИИ провоцирует студентов на использование скорости решения задач, что мешает пониманию сложных текстов, нарушает причинно-следственные связи и создает иллюзию ложного понимания [7].

Искусственный интеллект – инновационная цифровая технология, получившая широкое распространение. Генеративный ИИ играет важную роль в обучении, предоставляя студентам инструменты для поиска информации. Анализ рисков и потенциала ИИ показывает, что в перспективе образование перейдет к гибридным когнитивным средам, где студент не просто управляет ИИ, но сохраняет полную ответственность за свои действия.

ИИ нейтрален, он не улучшает и не ухудшает обучение. Результат зависит от того, как спроектировано задание и способен ли студент сохранять интеллектуальную самостоятельность. Мы можем говорить о поверхностном и осмысленном обучении, которое влияет на восприятие студентом учебного материала. Так, при поверхностном обучении обучающийся получает готовые ответы и решённые задачи, что приводит к уменьшению внимания и логического мышления. При осмысленном обучении студент правильно использует ИИ, получает готовые ответы и начинает их анализировать, сопоставлять. Другими словами – ведет продуктивный диалог с нейросетью. Студенты, которые самостоятельно ищут информацию и исправляют ошибки, демонстрируют глубокое и осознанное понимание учебного материала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баринова, Д. О. Роль искусственного интеллекта в повышении академической успеваемости студентов / Д. О. Баринова, А. А. Шакарикова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2024. – № 10. – С. 170–185.

2. Геращенко, И. Г. Инновации искусственного интеллекта в образовании: постановка проблемы / И.Г. Геращенко // Studia Humanitatis. – 2025. – № 1.

3. Tyton Partners. Time for Class 2024: Unlocking Access to Effective Digital Teaching and Learning. – 2024. – URL: https://tytonpartners.com/time-for-class-2024 (дата обращения: 11.05.2026).

4. Barcaui, A. ChatGPT as a Cognitive Crutch: Evidence from a Randomized Controlled Trial on Knowledge Retention / A. Barcaui // Social Sciences & Humanities Open. – 2025. – Vol. 12.

5. Daniel, R. A., et al. Integrating ChatGPT into knowledge-retrieval tutorials in undergraduate medical education: a prospective evaluation of higher-order learning and feasibility / R.A. Daniel // Medical Education Online. – 2026. – Vol. 31, No. 1. – P. 2639203.

6. Шестакова, Н. Н. Искусственный интеллект: воздействие на систему «образование – рынок труда» / Н. Н. Шестакова, М. Г. Джанелидзе // Управленческое консультирование. – 2025. – № 5. – С. 91–105.

7. Yang, H. Next output is better? Overgeneration effect in generative artificial intelligence interaction / H. Yang, H. Zheng, L. Lu, P. Hu // Information & Management. – 2025. – Vol. 63, No. 2. – P. 104294.

УДК 314.74:325.1(4/9)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОМ ТРАНСГРАНИЧЬЕ

Максимова С. Г.
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Российский биотехнологический университет»
доктор социологических наук, профессор
г. Москва, Россия

Актуальность. Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 24–48–03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности» (2024–2026 гг.).

«Религиозность в современных государствах России и Монголии представляет собой сложный и динамичный феномен, сформированный в результате радикальных институциональных трансформаций XX–XXI веков. Институциональные условия, под которыми понимаются формальные законы, неформальные нормы и структуры власти, определяющие место религии в обществе, играют ключевую роль в понимании специфики религиозности» [1, с. 32] на территории российско-монгольского трансграничья.

Анализ религиозной ситуации в России и Монголии невозможно проводить в отрыве от изучения сложного комплекса институциональных условий, которые ее формируют [1, с. 335]. Эти условия включают в себя исторически сложившуюся модель государственно-конфессиональных отношений, правовое поле, деятельность самих религиозных организаций как социальных институтов, а также влияние других общественных систем, таких как образование и средства массовой информации. Ключевым институциональным фактором, определившим современный ландшафт религиозности, является историческое наследие советского периода. Отметим определяющую роль религиозного ренессанса 1990-х годов, который носил во многом символический характер и был тесно связан с процессами национального и культурного самоопределения.

Сформировавшаяся в постсоветский период модель государственно-конфессиональных отношений представляет собой другой важнейший институциональный элемент. Эта модель предполагает тесное взаимодействие в сферах образования, культуры, социальной работы и патриотического воспитания. Государство, в лице своих институтов, видит в «традиционных» религиях партнера в деле сохранения общественной стабильности и формирования

гражданской идентичности, что, в свою очередь, легитимирует публичную роль религиозных организаций и влияет на их авторитет в глазах населения. Правовое регулирование является конкретным выражением этой модели. Законодательство о свободе совести, пройдя несколько этапов развития от либерального к более ограничительному, создало определенные «правила игры». Оно закрепляет особый статус религий, считающихся «традиционными», и устанавливает барьеры для деятельности новых религиозных движений, тем самым структурируя религиозное поле и задавая институциональные рамки для конкуренции между конфессиями.

Цель исследования заключается в сравнительном анализе институциональных механизмов ретрансляции религиозности и безопасности и определении возможностей перехода от модели простого сосуществования конфессий к осознанному построению межрелигиозного сотрудничества на сопредельных территориях Монголии и России.

Методология исследования

Представлены данные социологического исследования, проведенного в 2024-2025 гг. на территории российско-монгольского трансграничья. В ходе исследования проведены экспертные опросы (по качественной стратегии) с представителями духовенства, представителями академического сообщества, государственными служащими. Критериями отбора информантов служила сфера профессиональной деятельности, включающая взаимодействие с религиозными организациями. Опросы проведены в пяти «приграничных субъектах Российской Федерации (Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, Забайкальский край, Алтайский край, n = 158 экспертов). Кроме того, исследование реализовано параллельно в четырех приграничных районах Монголии (Ховд, Баян-Улгий, Хувсугул, Сэлэнгэ, n = 120 экспертов). Кроме того, в ходе исследования также проведены два анкетных опроса населения сопредельных территорий (как в Российской Федерации, n = 2819 человек, так и параллельно в Монголии, n = 1735 человек)» [1, с. 32]. Все виды полевых работ имеют поддержку, грантодатель: РНФ № 24–48–03002, проект «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности» (2024–2026 гг.).

В исследовании приняли участие жители Монголии различной религиозной принадлежности: к буддизму относят себя 27,9% жителей, к исламу – 25,3%, к шаманизму – 20,4%. Стоит отметить, что конфессиональная принадлежность различается в аймаках. Так, большая часть жителей аймака Баян-Улгий исповедуют ислам (78,9%). В аймаках Сэлэнгэ и Хувсугул жители чаще относят себя к буддизму (41,5% и 40,1%) и шаманизму (31,1% и 37,7%). Почти четверть жителей Ховда – буддисты (25,4%), 17,0% – исповедуют шаманизм, 12,9% – ислам, кроме того, в Ховде один из самых высоких процент жителей, которые не считает себя верующими (19,8%).

Согласно полученным данным, 48,6% приграничных регионов России (Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, Забайкальский край, Алтайский край) причисляют себя к православными. Среди опрошенных 18,5% считают себя буддистами, также есть те, кто верят, но в какое течение не могут назвать (5,7%), практически равное количество исповедуют шаманизм (5,5%) и ислам (5,0%), есть представители традиционных верований (2,0%), других христианских конфессий (1,7%) и других религий (1,3%). Около 12% населения не считают себя верующим человеком.

Результаты

Россия

Согласно мнению экспертов, в обществе между людьми различных вероисповеданий доминируют нормальные, бесконфликтные отношения (69,8%), почти четверть считают, что такие отношения являются доброжелательными (26,8%), на напряженность и конфликтность указали 3,4% специалистов, при этом никто не отметил, что отношения взрывоопасны и способны перейти в открытые столкновения. Наиболее благоприятной выглядит ситуация в республике Бурятия, здесь эксперты чаще, чем в других регионах, отмечают

доброжелательность отношений (56,3%), и совсем нет тех, кто указал бы на напряженность. В республике Тыва также отсутствуют позиции, указывающие на конфликтность. Четверть экспертов отмечают доброжелательность, остальные – нормальность и бесконфликтность.

Подавляющее большинство опрошенных отмечают нормальность и бесконфликтность (71,9%), почти четверть – доброжелательность, напряженность отмечают 2,1%, никто не охарактеризовал такие отношения как взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения. Наиболее благоприятной оценивают ситуацию в межнациональных отношениях в республике Бурятия, подавляющее большинство экспертов указывают на их доброжелательность (68,8), в других регионах этот показатель значительно ниже.

Одним из ключевых факторов, способствующих формированию благоприятных межэтнических отношений в регионе, по мнению экспертов является длительный опыт совместного проживания разных народов на одной территории, его считают значимым подавляющее большинство специалистов в республике Бурятия (87,5% наблюдений), в Алтайском крае (77,1% наблюдений), в Забайкальском крае и республике Алтай (по 70,0% наблюдений), среди оценок экспертов республики Тыва данный фактор тоже является одним из ключевых, но доля указавших его меньше (48,5% наблюдений). Значимым фактором для экспертов Бурятии также является следующий: отсутствие конфликта интересов (то есть нет противоречий, причин для конфликтов) (62,5% наблюдений), в других регионах данное обстоятельство является менее значимым.

Подавляющее большинство экспертов в Алтайском и Забайкальском краях и в Республике Алтай считают, что определяющая роль в обеспечении безопасности в сфере этно-конфессиональных отношений в России принадлежит прежде всего органам государственной власти всех уровней (77,1%, 73,3% и 76,7% наблюдений соответственно). На втором месте по популярности в данных регионах ответы экспертов, связанные с религиозными организациями, отдельными религиозным лидерами (51,4%, 56,7%, 30,0% наблюдений соответственно). Немного иная ситуация в республиках Бурятия и Тыва, где религиозные организации на первом месте, по мнению экспертов (68,8% и 45,5% наблюдений соответственно), а затем уже органы государственной власти всех уровней (62,5% и 39,4% наблюдений соответственно).

Монголия

Эксперты Монголии представили такие данные: 54,3% считают, что взаимоотношения нормальные, бесконфликтные, а еще 39,1% информантов отмечают, что контакты доброжелательные. Взаимоотношения эксперты двух стран оценивают схожим образом: 52,6% – как нормальные, бесконфликтные, 41,1% – как доброжелательные.

Согласно мнению экспертов, способствует формированию благоприятных межэтнических отношений такие факторы, как сходство языка, культуры и религии народов (50,0% наблюдений), длительный опыт совместного проживания разных народов (43,8% наблюдений), отсутствие конфликта интересов (22,9% наблюдений), национальная идентичность (21,9% наблюдений), сотрудничество в торговле, хозяйственной деятельности представителей разных национальностей (16,7% наблюдений). Специалисты Ховда уделяют большее значение длительному опыту совместного проживания разных народов на одной территории (52,9% наблюдений), в других аймках на это указывают реже (33,3% наблюдений, 38,7% наблюдений, 40,9% наблюдений). В аймаке Хүбсүгол значимым фактором эксперты называют также следующий: объединяющая роль религии (27,3% наблюдений). В аймаке Баян-Улгий специалисты реже указывают на национальную идентичность, как фактор формирования благоприятных межэтнических отношений (9,7% наблюдений), однако чаще остальных указывают на роль реализуемых государственных программ по сохранению языка и культуры народов (22,6% наблюдений).

Определяющая роль в обеспечении безопасности в сфере этноконфессиональных отношений, согласно мнению экспертов, принадлежит органам государственной власти всех уровней (42,9% наблюдений), религиозным организациям, отдельным религиозным лидерам (27,6% наблюдений), некоммерческим и общественным объединениям (20,4% наблюдений),

институтам представительной власти, депутатскому корпусу (20,4% наблюдений). Специалисты аймака Сэлэнгэ определяющую роль относят некоммерческим и общественным объединениям (55,6% наблюдений).

Выводы. Результаты проведенного социологического исследования в России и Монголии свидетельствуют о том, что позитивные и неконфликтные межконфессиональные и межнациональные отношения являются ключевым условием для профилактики экстремизма. Эксперты единодушно подтверждают эффективную реализацию конституционных принципов свободы совести, что отражает не только формальное соблюдение законодательных норм, но и сложившуюся практику гарантирования религиозных прав граждан, включая право на отказ от религии. Однако сохраняются риски, связанные с глобализацией, утратой языковой и культурной идентичности. В качестве ключевых субъектов обеспечения этноконфессиональной безопасности рассматриваются как государственные институты, так и институты гражданского общества, что отражает комплексный подход к управлению межэтническими и межконфессиональными отношениями. Эксперты фиксируют переход от модели простого сосуществования конфессий к осознанному построению межрелигиозного сотрудничества. Оценка диалога власти с религиозными лидерами и открытости деятельности религиозных организаций указывает на институционализацию практик публичного обсуждения вопросов религиозной жизни, что может послужить основой развития религиозной сферы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Религиозность населения Монголии: экспертная оценка современного состояния / О. В. Суртаева, Е. В. Шахова, Д. К. Щеглова [и др.] // Society and Security Insights. – 2025. – Т. 8, № 4. – С. 32-49.

2. Бадмаев, В. Н. Национальная картина мира и идентичность монгольских народов: обзор международной научной конференции / В. Н. Бадмаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30, № 1. – С. 335-339.

УДК 343.1

ЮРИДИЧЕСКАЯ КООРДИНАЦИЯ КАК МЕТОД СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Максуров А. А.
доцент кафедры теории и истории государства и права
ЯрГУ им. П.Г. Демидова
кандидат юридических наук, доцент
г. Ярославль, Россия

В современных условиях эффективный социальный контроль предполагает обращение к новым методам своего осуществления. Эти методы призваны снять одну из основных выделяемых в науке проблем социального контроля – его объективную несогласованность и разобщенность [1, с. 64-67], поскольку контрольная деятельность осуществляется самыми разнообразными субъектами права в различных формах и с помощью различных способов и средств. Задачи и цели субъектов контроля, их полномочия и компетенция, значение их контрольной деятельности для общества неодинаковы и нередко приводят к неоправданному дублированию, что значительно снижает эффективность контрольной деятельности [2, с. 45], а в отдельных случаях даже создает угрозу национальной безопасности [3, с. 11-15].

Выходом из сложившейся ситуации может стать применение механизма юридической координации [4, с. 21-25], посредством которой будет осуществлено согласование контрольной деятельности различных социальных субъектов [5, с. 121-125], благодаря чему может быть достигнут синергетический эффект социального управления, подтвержденный математически [6, с. 17-19].

Применение методологии юридической координации в интересах социального контроля уже приносит свои позитивные плоды [7, с. 12-13], в том числе, относящиеся к сфере государственного управления [8, с. 85-90], установления и защиты интересов различных социальных групп при пресечении преступлений [9, с. 17-23], исполнения юрисдикционных актов [10, с. 160], разрешения социальных конфликтов в политической сфере путем медиации [11, с. 23-32] и в других подобных случаях.

Вместе с тем, у координационной деятельности как метода осуществления социального контроля имеются и существенные недостатки, традиционно отмечаемые в литературе [12, с. 89-94]. Такого рода недостатки выделяются, как в теоретических, так и в прикладных аспектах.

С точки зрения правовой теории, возникает вопрос о точном месте координации в системе методов социального контроля, поскольку от этого зависит, например, единство принципов координации и контроля [13, с. 59-64], эффективность применения норм права, особенно, частного права [14, с. 109-116], так как социальный контроль нередко рассматривается лишь в рамках публичного управления, что неверно.

Традиционно координация рассматривается как тактика социального контроля [15, с. 50-55], что в современных условиях выглядит уже достаточно узко, так как координация может пониматься и как средство реализации социального контроля (координационная техника) и как компонента стратегии социального контроля.

Решением проблемы могло бы стать широкое применение методов социальной инженерии, например, социального проектирования [16, с. 80-87], которое позволяло бы учитывать психологические особенности управляющего и управляемого субъектов, их социальные установки и ориентиры [17, с. 89-94]. Только таким путем, как представляется, может быть построена ориентированная на результат система социального контроля в негосударственной сфере, которую невозможно отразить в отношениях классической субординации.

Среди практически проблемных вопросов следует указать на неопределенность механизма применения координации в рамках социального контроля ввиду отсутствия достаточного нормативно-правового регулирования.

В частности, социальный контроль как способ обратной связи управляемого и управляющего субъектов нуждается в законодательной регламентации на самом высоком уровне [18, с. 54-58]. Так, на конституционно-правовом уровне явно следует вернуться к концепции контрольно-надзорной власти как самостоятельной, четвертой «ветви» власти, наряду с законодательной, исполнительной и судебной, которая бы в качестве метода своего построения использовала механизмы юридической координации. Это привело бы к оптимизации социального контроля, объединению усилий государственных и негосударственных органов (например, Счетной палаты РФ и Общественной палаты РФ и т.п.), федеральных и региональных, а также местных субъектов контроля, ассоциаций и иных форм объединения представителей предпринимательского сообщества и т.д. Дальнейшие законодательные изменения будут способствовать решению практических вопросов, например, закреплению универсальных форм координационного взаимодействия как метода социального контроля [19, с. 15-18], что, в свою очередь, будет способствовать эффективности социального управления.

Для решения указанных выше (и многих других) теоретических и практических задач применения координации в рамках реализации социального контроля необходимо структурирование правовой компоненты социального контроля, например, в виде соответствующей юридической технологии как разновидности (подвида) технологии социальной. В ее структуре следует отразить объекты (предметы) и субъекты социального контроля, предпринимаемые субъектами действия и операции, тактику, технику (совокупность средств) и стратегию такой деятельности, а также ее процессуальные формы, если в этом существует практическая необходимость.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что социальный контроль ввиду объективного разнообразия своих форм и проявлений предполагает несогласованность действий его субъектов, что в современных условиях негативно сказывается на его эффективности. Частично решить проблему согласованности деятельности субъектов социального контроля в конкретных субъектно-объектных областях можно с помощью механизма юридической координации.

В научной литературе отмечаются, как положительные примеры использования координации в виде метода социального контроля, так и недостатки его применения. По мнению автора, такие недостатки могут быть теоретического и практического свойства. К недостаткам теории следует отнести неопределенность юридической координации в общем инструментарии социального контроля. По всей видимости, следует отойти от бытующего в науке узкого понимания координации как тактики (совокупности способов) осуществления какой-либо социальной деятельности и рассматривать ее в виде: средства социального контроля и элемента его стратегии. Такое возможно путем адаптации метода социального проектирования, когда координация станет одной из реализуемых структур отношений в сфере социального контроля. Среди практических проблем применения координации как метода социального контроля является ее недостаточная законодательная регламентация в этом качестве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Постнов, А. С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики / А. С. Постнов // Российское право в период социальных реформ. Материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26-27 ноября 2004 г.). Вып. 6: Ч. 1. 2005. – С.64-67.

2. Макаров, И. И. Координация в праве / И. И. Макаров. – Ярославль: ЯФ МФЮА. 2012. – 314 с.

3. Баранов, В. М., Карташов, В. Н. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе / В. М. Баранов, В. Н. Карташов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2006. – № 6. – С.11-15.

4. Карташов, В. Н. Механизм координационного регулирования / В. Н. Карташов // Вестн. науч. тр. Нижнекам. филиала Москов. гуманитарно-эконом. ин-та. Вып.3. Часть 8. Вопросы теории и истории гос. и права / Отв.ред. П.А.Кабанов. – Нижнекамск, 2001. – С.21-25.

5. Бриль, Г. Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики / Г. Г. Бриль // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. Сб. науч. Тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / Отв. ред.проф. Г.Г. Бриль. – Кострома, 2007. – С.121.-125.

6. Максуров, А. А. Использование математических методов при определении эффективности правовых явлений (на примере координационной юридической практики) / А. А. Максуров // Современное право. – 2010. – № 11. – С.17-19.

7. Максуров, А. А. Дискуссионные вопросы методологии правовых исследований (на примере координационной технологии) / А. А. Максуров // Юридическое образование и наука. – 2014. – № 3. – С.12-13.

8. Максуров, А. А. Координация как метод построения вертикали власти / А. А. Максуров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2008. – № 2 (6). – С.85-90.

9. Уколова, Ю. А. При каких обстоятельствах невозвращение кредита может повлечь уголовную ответственность ? / Ю. А. Уколов // Юридический справочник руководителя. – 2009. – № 11. – С.17-23.

10. Гражданское исполнительное право. Под ред. Власова А.А. – М.: Экзамен, 2004. – 430 с.

11. Таланова, М. В. Политическая функция медиативной юридической практики / М. В. Таланова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 1. – С.23-32.

12. Карташов, В. Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности / В. Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. Сб. науч. Тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / Отв. ред.проф. Г.Г. Бриль. – Кострома, 2007. – С.89-94.

13. Фролов, С. Е. Принципы координационной деятельности / С. Е. Фролов // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных трудов. – Владимир. 2002. – С.59-64.

14. Таланова, М. В. Эффективность норм частного права / М. В. Таланова / Частно-правовые отношения в условиях глобализации. – Saarbrüchen.: Lambert academic publishing, 2012. Часть 1. Глава 7. – С.109-116.

15. Карташов, В. Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики / В. Н. Карташов // Развитие молодежной юридической науки в современном мире. Сб. науч.тр. по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции 15 мая 2011 года. – Тамбов, 2011. – С.50-55.

16. Таланова, М. В. Юридическое проектирование координационных процессов / М. В. Таланова // Право и бизнес: сборник статей I ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В.С. Мартемьянова / М.Ю. Абрамкина, М.Г. Абрамова, А.А. Алпатов и др. Под ред. И.В. Ершовой. – М.: Юрист, 2012. – С.80-87.

17. Чернецов, В. Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики / В. Ю. Чернецов // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации. Доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г. – М.: РГГУ, 2007. – С.89-94.

18. Кивленок, Т. В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности / Т. В. Кивленок // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. – Владимир: ВГПУ, 2002, Вып. 3. – С.54-58.

19. Мельников, Ю. И. Формы координационного взаимодействия в праве: Координационный семинар /Ю. И. Мельников // Вестник научных трудов Ярославского филиала Московской финансово-юридической академии. Юриспруденция. / Под ред. Ю.И. Мельникова, А.А. Максурова, Г.В. Семеновой. – Ярославль. 2003. Вып.1. – С.15-18.

УДК 001.89

МОБИЛИЗАЦИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ДАВЛЕНИЯ: УРОКИ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Малахов В. А.
старший научный сотрудник
заведующий Отделом науковедения ИИЕТ РАН
кандидат исторических наук
г. Москва, Россия

Современный этап развития научно-технологического комплекса России характеризуется серьезными геополитическими вызовами и постоянно нарастающим международным санкционным давлением. Начиная с 2014 г. западными странами последовательно вводились санкции и ограничения на сотрудничество с Россией и российскими технологическими компаниями и научными организациями. Масштаб международного давления многократно увеличился с 2022 г. (начало СВО в Украине). Уже к марту 2022 г. Россия стала мировым лидером по количеству введённых против неё санкций, многократно опередив Иран, Сирию и Северную Корею. В этих условиях достижение технологического суверенитета и успешное развитие науки является жизненной необходимостью, без которых под угрозу ставится само существование России в современном мире. Поэтому в новой Стратегии научно-технологического развития России современный этап научно-технологического развития страны (с 2022 г.) характеризуется как «этап мобилизационного развития… в условиях санкционного давления, сопровождающийся консолидацией общества и хозяйствующих субъектов для решения задач научно-технологического развития» [1]. В то же время ни в официальных документах, ни в научной литературе нет консенсуса о том, что именно понимать под «мобилизационным развитием» научно-технического потенциала и какими методами оно должно достигаться. Для выявления

наиболее успешных практик и методов мобилизации науки разберем несколько исторических примеров и сравним их мерами, принимаемыми в современной России.

В научной литературе под мобилизацией науки, как правило подразумеваются процессы, происходившие с национальными научно-техническими комплексами ведущих мировых держав в периоды Первой и Второй мировых войн, а также, в определенной степени – в межвоенный период и во время Холодной войны. Данные процессы характеризовались 1) перестройкой системы управления наукой, ее централизацией; 2) увеличением государственного финансирования научных исследований, расширением кадрового потенциала науки; 3) переориентацией исследований на решение в первую очередь прикладных (часто военных) задач; 4) увеличением идеологического давления на ученых, введением ограничений на международное сотрудничество, ее «национализацией»; (5) зарождением «Большой науки» – крупных научно-технических проектов, в реализации которых участвовали коллективы, состоящие из сотен, даже тысяч, ученых, инженеров и техников (Манхэттенский проект, Космическая программа и др.) [2-4].

Большинство исследователей характеризуют советский опыт Великой отечественной войны, как пример успешной мобилизации научно-технического потенциала [3]. К основным мерам по мобилизации науки в данный период относят: 1) увеличение объемов финансирования научно-исследовательского сектора и расширение институциональной базы советской науки, меры по сохранению и расширению ее кадрового потенциала; 2) административную перестройку и централизацию управления наукой (в рамках Академии наук); 3) ослабление идеологического контроля над работой ученых (теперь главным для оценки работы ученых становятся практические результаты, а не политическая благонадежность); 4) привлечение ученых к формированию научной политики; 5) переориентация исследований на прикладные задачи. В то же время некоторые из репрессивных мер мобилизации науки, практикуемые в данный период, подвергались критике исследователей как аморальные, малоэффективные и вредные [5]. Вскоре после окончания войны ослабевший было партийный контроль над научным сообществом вновь начал ужесточаться. Это вылилось в резкое сокращение международных контактов советских ученых, а также в установлении партийного контроля над самим содержанием научных концепций [6].

Опыт мобилизации науки во время Второй мировой войны в США большинство историков также рассматривают как успешный. Он характеризовался: (1) существенным увеличением государственного финансирования НИОКР; (2) появлением огромных научных коллективов, состоящих из исследователей, техников и инженеров и работающих на решение единой научно-технической задачи (зарождение «Большой науки»); (3) созданием эффективных органов государственного управления наукой (Национальный комитет оборонных исследований в 1940 г. и Управление научными исследованиями и разработками в 1941 г.).

В то же время примеры Германии и Японии обычно рассматриваются как негативные. В западной литературе это часто оценивалось как следствие неэффективности авторитарных режимов. Однако опыт СССР доказывает возможность успешной мобилизации науки в недемократической стране. Поэтому отечественные исследователи объясняют неудачи Японии слабой централизацией управления наукой и отказом от серьезного увеличения финансирования исследований. Вместо этого Япония пошла по пути «оптимизации» расходов, отказавшись от широкого научного поиском, и директивно выбрав два вида «чудо-оружия», которые должны были обеспечить победу в войне [3]. В Германии с приходом нацистов к власти резко возрос политический контроль науки со стороны государства. Руководство третьего рейха сделало ставку на создание «арийской науки», на руководящие должности в науке начали ставить людей исходя из их происхождения и политических взглядов, а не их компетенций. Эти ученые часто были далеки от переднего фронта исследований и оказались неспособными оценить перспективность конкурирующих проектов [3; 7].

Таким образом, ретроспективный анализ показывает, что мобилизация науки должна включать меры по централизации ее управления и переориентации тематик исследований на прикладные. Однако эти меры не должны в серьезной мере ограничивать творческую свободу исследователей. Ученых важно привлекать к формированию научной политики. Важно не вводить элементов политического контроля в науке. Отбор ученых на руководящие позиции должен осуществляться исключительно исходя из их профессиональных качеств. Кроме того, история показывает, что любая успешная мобилизация науки происходила на фоне увеличения финансирования науки и расширения ее кадрового состава.

Рассмотрим, как в России происходит «мобилизация науки» в современных условиях. Наиболее динамично формируется нормативно-правовая среда и укрепляется вертикаль власти, происходит её централизация [8]. Шаги в этом направлении начали осуществляться еще до 2022 г. (объединение научных фондов). В последние годы эти тенденции усилились. Были расширены полномочия Комиссии по научно-технологическому развитию, изменены функции РАН. Идет работа по исключению дублирования тем государственных заданий для научных учреждений. Несмотря на введение санкций продолжает развиваться международное научно-техническое сотрудничество (с переориентацией на страны БРИКС). В рамках выбранного курса на импортозамещение идет постепенная переориентация тематик НИОКР в пользу проектов прикладного характера.

Однако в современной России мы не наблюдаем основного признака эффективной научно-технической мобилизации – увеличения финансирования и кадрового состава науки. Так, даже Стратегия научно-технологического развития декларирует целью достижение к 2035 г. общих затрат на НИОКР не менее 2% от ВВП, что является довольно скромным показателем по меркам развитых стран. В 2022-24 гг. доля расходов на науку в структуре ВВП России не только не возросло, но и несколько сократилось (0,94% от ВВП в 2024 г.). Негативные тенденции отмечаются и в кадровом обеспечении российской науки. Таким образом, мы видим, что современные российские власти выбрали путь на централизацию управления наукой, переориентацию тематики исследований и оптимизацию расходов без общего увеличения финансирования НИОКР (по крайней мере в гражданском секторе). Этот подход схож с неудачной стратегией мобилизации науки, выбранной Японией в годы Второй мировой войны. История показывает, что успешное мобилизационное научно-техническое развитие страны просто невозможно без роста расходов на науку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации". URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/ (дата обращения: 13.06.2024).

2. Колчинский Э. И., Зенкевич С. И., Ермолаев А. И. и др. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / Под общ. ред. Э.И. Колчинского. – СПб.: Нестор-История, 2018. – 672 с.

3. Вихревая динамика развития науки и техники. Россия/СССР. Первая половина XX века. В 2-х тт. Т. 2. Экстремальный режим развития науки и техники / Отв. ред. Ю.М. Батурин. – М.: ИИЕТ РАН, 2018. – 721 с.

4. Kojevnikov A. The Great War, the Russian Civil War, and the invention of big science // Science in Context. – 2002. – Vol. 15. №. 2. – С. 239–275.

5. Красильников С. А. Раннесоветские «шарашки» как эксперимент соединения охранительных и мобилизационных практик // Управление наукой: теория и практика. – 2023. – Т. 5, № 2. – С.176–183.

6. Кременцов Н. Л. Советская наука на пороге холодной войны: «Дело КР» // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. – М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. – С. 272–282.

7. Колчинский Э. И. Наука и кризисы в XX веке: некоторые результаты сравнительного анализа // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Т. 6, № 3. – С. 141–149.

8. Дежина, И. Г. Формирование мобилизационного режима управления наукой в России // Управление наукой: теория и практика. – 2025. – Т. 7, № 1. – С. 39–54.

УДК 316.7

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Малыхина Р. М.
преподаватель кафедры философии и социологии
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
г. Курск, Россия

Ценностные ориентиры молодежи традиционно находятся в фокусе исследований социального воспроизводства, однако в текущем десятилетии эта проблематика приобрела новую остроту. Российское общество находится в стадии глубинной перестройки, затрагивающей как макроэкономику, так и повседневные практики. В этих условиях молодежь, обладающая высокой степенью восприимчивости к внешним сигналам, становится зоной наиболее выраженных ценностных противоречий.

Обзор литературы за 2018-2025 гг. выявляет ряд устойчивых негативных тенденций: сдвиг ментальных оснований [1], углубление социального расслоения [2], а также формирование прекариата как массовой страты [3]. Заслуживает внимания и фиксируемое снижение уровня педагогической культуры в семьях, что ведет к ослаблению трансляции ценностей между поколениями и росту девиаций [4].

В рамках данной работы предлагается типология ценностных ориентаций, построенная на трехуровневом принципе. Ее отличие от существующих (например, классификации по предметным сферам) состоит в том, что в качестве основания берется вектор воздействия ценностей на социальную систему, а также их статус по отношению к официальному дискурсу.

В качестве теоретической рамки исследования избран социокультурный подход, который позволяет рассматривать человека одновременно и как творца культуры, и как ее продукт. Этот подход восходит к работам П. Сорокина, утверждавшего неразрывную связь личности, общества и культуры [5], и Т. Парсонса, рассматривавшего культуру как систему символов, необходимую для построения социальной иерархии и осуществления перехода индивида от низших социальных ступеней к высшим [6]. Существенный вклад в развитие данного направления внесли также Р. Мертон, Н. Луман, Т. И. Заславская, Н. И. Лапин и другие исследователи, акцентировавшие взаимодействие культуры и личности в условиях социальных изменений.

С позиций социокультурного подхода общество понимается как единство культуры и социальности, образуемое деятельностью человека. В центре этой парадигмы находится активный субъект, представляющий собой многомерное био-социо-культурное существо, нравственность которого составляет основание любой культуры. Соответственно, молодежь рассматривается не как пассивный объект социализации, а как активный участник культурной жизни, характер воспроизводства которой напрямую зависит от сформированных ценностных ориентаций.

В научной литературе представлено множество классификаций ценностных ориентаций, построенных по различным основаниям. Выделяются константные и периферийные (Т. И. Ерохина), базовые и дополнительные (С. П. Подвиг), терминальные и инструментальные (М. Рокич), гедонистические и этические (А. Ц. Батуева), индивидуалистические и коллективистские (Е. Н. Жарова), культурные, материальные, духовно-нравственные, трансцендентные и витальные, интеракционистские и социализационные и др.

При всем многообразии этих классификаций они обладают одним общим ограничением: большинство из них построено либо по принципу противопоставления (одна группа ценностей противопоставляется другой), либо по принципу группировки в зависимости от сферы жизнедеятельности, к которой ценности относятся. Такой подход позволяет описать

содержательное наполнение ценностных ориентаций, но оставляет в тени вопрос об их социальной функции и последствиях для системы в целом.

Анализируя диссонанс между традиционными духовно-нравственными ориентирами, зафиксированными в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», и реальными трендами молодежной среды, мы предлагаем выделять три типа ценностных ориентаций в зависимости от их отношения к государственной политике и культурной динамике: конструктивные, деструктивные и пассивные ценностные ориентации [7]. Конструктивные ценностные ориентации молодежи представляют собой совокупность ценностей, которые одновременно обладают тремя характеристиками: относятся к числу поддерживаемых государственной политикой традиционных российских духовно-нравственных ценностей; находят отражение в культурных практиках. В данном случае наблюдается синергетический эффект, при котором ценностная система не только не противоречит стратегическим целям развития страны, но и обеспечивает легитимность социальных институтов в глазах молодого поколения. Конструктивные ценности выступают в качестве ресурса социальной интеграции, способствуя снижению напряженности как между различными возрастными группами, так и между обществом и властными структурами. В качестве иллюстрации можно привести ориентации на патриотизм, крепкую семью и созидательный труд, однако значимым условием является то, что данные установки не носят формального характера, а трансформируются во внутренние мотивы поведения, определяющие реальные поступки.

Деструктивные ценностные ориентации представляют собой антипод конструктивных и определяются в государственной политике как непосредственная угроза, поскольку они способны разрушить устоявшееся мировоззрение молодого поколения. Поведенческие паттерны, обусловленные такими ценностями, вступают в противоречие с основаниями традиционной русской культуры. Возникновение деструктивных ориентаций следует квалифицировать как проявление ценностного кризиса в общественном сознании современной России. Деструктивность по своей сути является аксиологическим конфликтом, в рамках которого приоритет индивидуализма, гедонизма или потребительства вступает в непримиримое противоречие с коллективистскими и духовными основаниями культуры. С позиции государства подобные ценности оцениваются как угрозы в силу того, что они размывают национально-культурную идентичность и подрывают механизмы социальной солидарности, обеспечивающие целостность социума.

Наиболее сложным и наименее изученным феноменом в данной типологии выступает пассивный тип ценностных ориентаций. Под термином «пассивный» понимается редкое применение или формальное восприятие. Так, пассивные ценностные ориентации проявляются у молодежи, но не выступают для них приоритетными. Кроме того, таки е ценности активно поддерживаются государством. В совокупности это придает им формальный характер. Наблюдать пассивные ценностные ориентации представляется возможным через культурные практики, так как они транслируются субъектами культуры, при этом молодежь их воспринимает как обязательство, а не «душевный порыв». Пассивные ценностные ориентации характеризуются нежеланием лично участвовать в различных инициативах, может наблюдаться соблюдение правил и установленных норм, но во избежание критики, без переоценки и осознания важности культуры поведения. Формирование ценностных ориентаций пассивной типологии происходит в образовательной, культурной, медиа средах, когда молодежь выступает активным участником досуговых мероприятий. Создается лишь видимость большой работы по «работе с ценностями», но на практике поведение, мировоззрение молодых людей не изменяется в прогнозируемом направлении. Наличие пассивных ценностных ориентаций создает иллюзию ценностного единства.

Таким образом, предложенная типология ценностных ориентаций подразделяет их на конструктивные, деструктивные и пассивные, что позволяет структурировать взаимодействие между молодежью, обществом и властью, выходя за пределы упрощенного

противопоставления традиционных и современных ценностей. Конструктивные ценностные ориентации выступают фактором стабильности и социальной интеграции, деструктивные свидетельствуют о ценностных конфликтах, пассивные представляют собой объект для политики государство по стимулированию ценностей молодежи. Типология позволяет увидеть реальную подвижность ценностных ориентаций в условиях изменяющегося социокультурного пространства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Носков, В. А. Социально-экономические изменения в обществе и неопределенность будущего услуг высшего образования в России / В. А. Носков, Е. Д. Корягина // Инновационное развитие экономики. – 2018. – № 5(47). – С. 347–351.
2. Вуколова, Т. А. Особенности трансформации социальной структуры современного российского общества и тенденции ее изменения / Т. А. Вуколова // XLVII итоговая студенческая научная конференция УдГУ: Материалы всероссийской конференции, Ижевск, 01–30 апреля 2019 года. – 2019. – С. 120–124.
3. Тихонова, Н. Е. Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества / Н. Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2019. –№ 2. – С. 167–173.
4. Шахмаева, Д. Р. Педагогическая культура родителей как источник воспитания детей / Д. Р. Шахмаева // Инновационные научные исследования в современном мире: теория, методология, практика. – 2025. – С. 62–66.
5. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – СПб., 2000. 1054 с.
6. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. О. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2002. – 880 с.
7. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

УДК 321.01

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОВЛАСТИЯ

Маркевич А. И.
заместитель Ответственного
Секретаря – начальник Аппарата
Представительства Парламентского
Собрания в Республике Беларусь
кандидат политических наук
г. Минск, Беларусь

Существующая научная проблема современной политологии – взаимосвязь и баланс между политической теорией и политической методологией волнует умы многих поколений исследователей политической науки. Изменения политических процессов на различных уровнях (глобальном, региональном, национальном) накладывают свой отпечаток, соответственно, появляющиеся реалии требуют и нового уровня познавательной деятельности и совершенствования процесса получения нового знания. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в январе 2026 года, выступая перед учеными в ходе вручения дипломов профессоров и докторов наук, подчеркнул: «Будущее, о котором еще вчера грезили самые продвинутые фантасты, наступило. И это будущее – время науки, без нее обеспечить безопасность и благосостояние государства и мира в целом невозможно» [1].

Актуальность исследования заключается в продолжающемся реализации процесса упрочения политической стабильности модели белорусской государственности, где совершенствование народовластия является одним из ключевых направлений дальнейшего укрепления устойчивого развития Республики Беларусь.

Теория политики позволяет уяснить сущность, закономерности, взаимосвязи и механизмы реализуемых политических процессов, действий, институтов, понять природу происходящего и определить прогноз на будущее. С помощью применения методологии познания политики осуществляется анализ языка и понятийно-категориального аппарата, построение теоретических моделей, использование аналитических методов, мониторинг и экспертиза проблем. Совокупность теории и методологии позволяет обеспечить научную базу для принятия управленческих решений и определения политической стратегии.

Отсутствие однозначного ответа на вопрос первенства теории или методологии в развитии научного знания создает возможность существования двух противоположных направлений получения нового политологического знания – генерация новых политических теорий или получение нового в политической науке на основе применения методологического инструментария. Данное положение вытекает из традиционного деления науки о политике на теоретическую и эмпирическую части.

Нацеленность научного знания на генерирование новизны на основе познания исследуемых объекта и предмета означает, что полученное знание будет сочетаться с определенными критериями – оно конкретизирует, дополняет, преодолевает имеющиеся стереотипы и на этой основе появляется возможность их преобразования. Применительно к политической науке важно учитывать и определенные формальные факторы научной новизны, которые относятся к источнику (внутренний и внешний), форме и месту в научном знании. Характеризуя форму, в которой выражено новое знание, необходимо указать, что это могут быть понятия, модели, концепты, концепции, теории, которые относятся к теоретической составляющей, кроме того, метод, методика могут быть отнесены к методологической составляющей.

Если науку и вклад в нее рассматривать как некий конечный итог научных изысканий, то разделение на теоретическую и методологическую составляющие нового научного знания имеет принципиальное значение, если же цель научного знания, в том числе и в политической науке, является прогрессивное поступательное развитие личности, общества и государства, то такое деление будет носить чисто условный характер, и одна и вторая составляющие нового знания являются только инструментом, позволяющим обеспечить улучшение нашей действительности.

Это же подтверждает французский исследователь Р. Арон, указывая, что «различия между теорией и методологией в общественных дисциплинах можно провести на абстрактном уровне и трудно выделить на практике» [2, с. 178], и отечественный исследователь политической науки В. С. Михайловский, который подчеркнул «действительно политология представляет собой совокупность научных форм, теоретическая или методологическая функция которых трудноопределима» [3, с. 128]. Он же предлагает идеальную картину «научного поиска: непознанная действительность – субъект познания – метод (инструмент) познания – познанная действительность – теория. В этой логике методологию политической науки действительно можно определить как деятельность по конструированию теории» [3, с. 128].

Данную картину, с учетом предложенного подхода применительно к политологии, можно дополнить положением о применении теоретических подходов в реальной деятельности по совершенствованию политической системы. Применение методологических инструментов происходит в ходе рефлексии добытых теоретических материалов, одновременно с этим теория, реализованная на практике, выступает в качестве метода, позволяющего теоретизировать в соответствии с имеющимся предметом исследования.

Одновременно с этим в политологии наблюдается первенство теоретического над методологией, поскольку теория является основой для получения нового знания, а методы как некий «вспомогательный» инструмент. Тем не менее часть исследователей (Н. А. Антанович, В. Н. Ватыль, В. С. Михайловский, С. В. Решетников, и др.) выступают за познавательный выход за границы политологических парадигм в ходе получения нового знания, то есть они рассматривают методологию как фундаментальную и отправную основу для генерации нового

знания в политической науке. Таким образом, можно уверенно утверждать, что ключевым познавательным средством генерации нового в политической науке является теория в функции метода, или иными словами – методологический подход, учение о котором перестает рассматриваться как вспомогательное или уточняющееся в политическом знании.

Методологический инструмент изучения народовластия в политической науке основывается на нескольких подходах, основными из которых являются системный, структурно-функциональный, институциональный, коммуникативный, неоинституциональный подходы.

Системный подход – это методологический инструментарий, способ изучения объектов окружающего мира. С точки зрения методологии народовластия система понимается как: 1. Совокупность элементов для решения каких-либо задач и функций. 2. Инструмент изучения и понимания сложных объектов.

На основе структурно-функционального подхода народовластие изучается как часть политического процесса и рассматривается с точки зрения процедуры принятия политических решений, политической легитимации и имплементации. Понимание народовластия как процесса, связанного с представительством интересов, позволяет уяснить элитистская, партисипаторная, плюралистическая, корпоративистская теории. Корпоративистский подход понимается как система «неконкурентного представительства ограниченным числом групп интересов» [4, с. 51], а властные структуры пытаются «координировать взаимодействие таких вертикально интегрированных групп» [4, с. 51].

На основе институционального подхода появляется возможность изучения формального измерения сути народовластия путем анализа политического порядка, организации институтов народовластия, норм и правил его реализации, институциональное строение этого политического института и занимаемого положения в политической системе. Теории бюрократии, рационального выбора, организации дают основу для анализа роли государства, институтов гражданского общества в процессах народовластия.

Коммуникативный подход акцентирует внимание на процессе выработки рационального обоснованного коллективного решения на основе, как правило, консенсусного итога обсуждения различных точек зрения, способов решения той или иной проблемы или вопроса. Этот подход непосредственно связан с совещательной (делиберативной) демократией, однако его отличие от принятия решения элитарными группами или голосования на основе большинства заключается в поиске решения исходя из открытости, рациональности, учета всех заинтересованных сторон и принятое решение снимает все острые противоречия и в идеале устраивает все стороны. Для теории демократии, теории государства значение коммуникативного подхода состоит в значимости консенсусного принятия решений, переводом информации при принятии решений из неформальных каналов в формальные (развитие идеи К. Дойча), а коммуникативная политика является важным инструментом политического управления. Этот подход напрямую связан с теорией политических сетей и хорошего/надлежащего управления.

С точки зрения народовластия важно уяснить, что политические сети могут формироваться политическими элитами, государственными структурами, институтами гражданского общества, и это, с одной стороны, позволяет их использовать для расширения каналов обратной связи между центрами влияния и обществом, с другой стороны, данное взаимодействие требует создания механизмов защиты от негативного и разрушительного воздействия деструктивных сил. Поскольку теория политических сетей привносит формы неформального политического процесса, развивает формы прямого участия в них, это объективно создает возможности прямого и опосредованного манипулятивного влияния на индивидуальное и массовое сознание различными политическими акторами.

Неоинституциональный подход, возникший в 80-е годы прошлого столетия, также привнес элементы новизны в изучение политических процессов. Основные теоретики неоинституционализма – П. Димаджио, Д. Норт, Р. Коуз, Б. Вайнгаст, Дж. Мейер, осмыслив идеи и подходы традиционного институционализма, опираясь на исследование эволюционных

процессов экономической и политической действительности, наполнили политическую науку новыми понятиями и обновили смысловое содержание хорошо известных терминов политологии: политический рынок, «институциональные ловушки», социальный контракт, «оппортунистическое поведение», транзакционные издержки, «политическая рента», ограниченная рациональность, формальные и неформальные ограничения социального действия и другие. В общем виде основная идея неоинституционализма заключается в том, что в конкурентной среде политические и экономические участники способны достичь своих устремлений, действуя в рамках существующих институциональных ограничений. Соответственно, в слабой конкурентной среде, где действует имеющая власть политическая элита, повышается вероятность рента-ориентированного поведения политических акторов.

Таким образом, существование двух противоположных направлений получения нового политологического знания – генерация новых политических теорий или получение нового в политической науке на основе применения методологического инструментария предполагает возможность их использования для выявление основных теоретико-методологических основ народовластия.

Одновременно с этим, для решения этой задачи может быть использован подход, рассматривающих методологию как фундаментальную и отправную основу для генерации нового знания в политической науке. Соответственно, ключевым познавательным средством генерации нового в политической науке является теория в функции метода, или иными словами – методологический подход, учение о котором перестает рассматриваться как вспомогательное или уточняющееся в политическом знании. Методологический инструмент изучения народовластия в политической науке основывается на нескольких подходах, среди которых следует выделить системный, структурно-функциональный, институциональный, коммуникативный, неоинституциональный.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Время науки: нужны своевременные и эффективные решения // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: https://www.sb.by/articles/vremya-nauki-nuzhny-svoevremennye-i-effektivnye-resheniya.html. – Дата публ.: 22.01.2026.

2. Aron, R. Peace and war: a theory of international relations / R. Aron. – Malabar : Robert E. Krieger Publ., 1981. – 820 p.

3. Михайловский, В. С. Генерация нового знания в политологии: первенство теории или методологии? / В. С. Михайловский // Вестник Гродненского государственного университета. Серия 1, История и археология. Философия. Политология. – 2020. – № 2. – С. 126-132.

4. Павроз, А. В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное со стояние / А. В. Павроз // Вестник Московского государственного университета. Серия 18, Социология и политология. – 2009. – № 4. – С. 50–62.

УДК 316.752

МОТИВАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОЕКТНЫХ ИНИЦИАТИВАХ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УГРОЗ

Маркова Ю. С.
доцент кафедры социологии ПГНИУ
кандидат социологических наук
г. Пермь, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-78-10117.

В условиях ресурсных ограничений, характерных для малых муниципальных образований в России, социальное проектирование выступает значимой технологией решения

местных проблем путем аккумуляции финансовых средств, партнерских связей, трудовых усилий, вовлеченности и энтузиазма жителей. На всех уровнях власти в Российской Федерации признается важность поддержки гражданского участия в целях повышения эффективности управления территориальным развитием. Отсюда особую значимость приобретает изучение мотивации включенности жителей в социальные проекты по поддержанию социокультурной безопасности.

В литературе уделяется достаточно большое внимание изучению мотивации социального участия [1], особенно – волонтерства и добровольчества [2; 3]. Особо подчеркивается важность дифференцированного подхода к изучению мотивации социального участия разных видов [4].

В настоящей работе изучение мотивов включения жителей в социальные проекты базируется на методике Е.Г. Клэри и М.А. Снайдера [5]. Данная методика охватывает такую группу мотивов просоциального поведения, как ценностный (реализация альтруистических ценностей в помощи обществу), когнитивный (получение новых знаний, умений и навыков), социальный (расширение социального капитала), личностного роста (саморазвитие, в т.ч. карьерный рост) и защитный (минимизация негативных эмоций, повышение уверенности в себе).

Эмпирические материалы интегрируют результаты количественного и качественного этапов исследований, проведенных в шести муниципальных округах (МО) Пермского края, Россия (Добрянский, Ильинский, Красновишерский, Пермский, Соликамский, Чернушинский). Количественные данные получены путем формализованных интервью: всего опрошено 3000 жителей (по 500 в каждом округе), отобранных с помощью квотной выборки, репрезентирующей население по полу, возрасту и типу поселения (городское/сельское). Качественный этап реализован посредством глубинных интервью с участниками социальных проектов (всего опрошено 40 информантов). Далее в тексте курсивом приводятся оригинальные цитаты из глубинных интервью с указанием в скобках названия муниципального округа и номера интервью (И. №).

Согласно данным формализованного опроса, участниками социальных проектов выступают 28% опрошенных жителей. Результаты формализованного опроса позволили выявить иерархию мотивов участия жителей в социальном проектировании (рис.).

В качестве основной причины участия выступает ценностный (альтруистический) мотив, выраженный в желании решать проблемы территории, способствуя тем самым улучшению качества жизни населения (50,9%). Участники глубинных интервью отмечают свою потребность в бескорыстном оказании помощи: «*я искренне верю в добро, и я патриот своей малой Родины. <…> Хочется здесь что-то поменять*» (Красновишерский МО, И. 1); «*нравится дарить тепло людям и от этого сам получаешь удовольствие, что ты помог. Да и не только людям, даже животным*» (Добрянский МО, И. 4).

Следующим отмечается когнитивный мотив (35,9%), который находит отражение в получении новых знаний, умений и навыков: «*полезные* [навыки] *появляются, потому что проекты связаны с разными сферами деятельности. Начинаешь погружаться: либо это строительство, либо <…> начинаешь изучать ГОСТы, стандарты. Кругозор очень сильно расширяется*» (Добрянский МО, И. 1); «*я поняла, что надо формировать компетенции организатора, потому что … всем позвонить, логистику выстроить, договориться*» (Добрянский МО, И. 5).

Еще одним важным мотивом выступает социальный мотив (35,8%): достижение успеха, уважения, престижа, а также обретение новых социальных связей. Участники проектов отмечают: важным для них является то, что «*они получили эмоции, они сдружились, они соединились*» (Красновишерский МО, И. 3). Благодаря проектной деятельности, «вырастают» лидеры общественного мнения, оказывающие большое влияние на жизнь поселенческих общностей: «[проекты] *меня как лидера общественного мнения показывали в массы <…> И поэтому потом меня стали вовлекать вообще во все общественные движения в округе*» (Добрянский МО, И. 5). Проекты формируют крепкие социальные связи, дружбу,

взаимопомощь и взаимоподдержку между участниками: «*и часто мы друг другу помогаем… Допустим, нам нужны люди, они в Перми, допустим, работают, приезжают к нам участниками. Они в какой-нибудь проект заходят, нужно письмо поддержки, мы им пишем. То есть у нас из этих отношений ученик-учитель переросло в… <…> партнерские отношения*» (Добрянский МО, И. 5). Примечательно, что участие в проектах может быть и формой проявления заботы о своей семье, о родных. Как сказал один из информантов, все его проекты реализуются в соответствии с интересами и потребностями дочери: «*Я всё делаю для своей дочери. То есть она у меня растёт, и мои проекты в силу её возраста тоже … "подрастают"»* (Чернушинский МО, И. 1).

Защитный мотив, выраженный в обретении уверенности и минимизации опасений и страхов через участие в проектах, является менее распространенным, но также значим для части опрошенных (17,8%). Проектная работа служит ресурсом психологической устойчивости, повышая убежденность в собственной эффективности и снижая тревожность, связанную с неопределенностью будущего, профессиональных перспектив или результатов собственной деятельности: «*проектная деятельность даёт мне уверенность в собственных силах, даёт понимание, что нет ничего невозможного*» (Ильинский МО, И. 5).

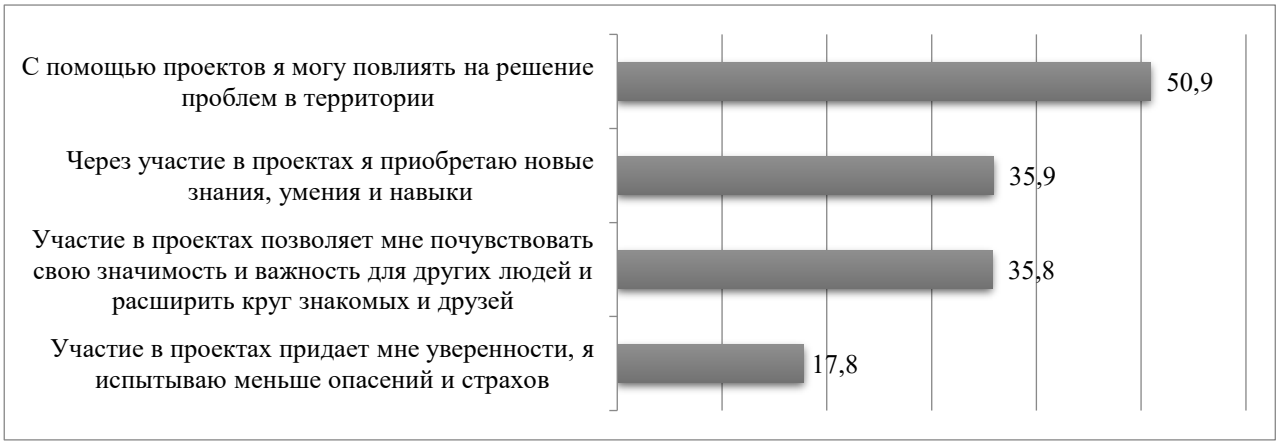

Рисунок. Мотивы участия жителей в социальных проектах (% от числа ответивших)

Результаты глубинных интервью с участниками проектов позволили дополнить мотивационную палитру таким значимым внутриличностным механизмом участия как инновационный мотив. Он находит отражение в стремлении жителей к социальным изменениям и инновационному развитию личности, поселенческих общностей и сети социальных институтов муниципальных образований в целом. Информанты отмечают, что реализуют социальные проекты, «*чтобы изменить свою жизнь к лучшему*» (Пермский МО, И. 1). Подчеркивается, что «*…всегда все начинается с инициативных людей, которым не безразлично место, где они живут, которые хотят его как-то преобразовать, сделать его более комфортным для проживания*» (Ильинский МО, И. 2). Как отметил один из информантов Соликамского муниципального округа, его интерес к участию в проектной деятельности связан с тем, что благодаря этому «*развивается активность*» не только отдельной личности, но и всей организации, а также других организаций-партнеров*, «потому что мы реализуем проекты со всеми национальными организациями <…> округа»* (Соликамский МО, И. 4). Инновационный мотив отражает особо глубокий, «преобразующий» слой мотивации, выраженный в намерении осуществить системные, комплексные изменения жизненного мира жителей поселений.

Еще одним мотивом участия жителей в социальных проектах, отраженным в глубинных интервью, выступает мотив личностного роста, частично связанный с когнитивным мотивом. Информанты подчеркивают значимость воплощения личных устремлений: «*приятно ощущать, что ты внес какую-то часть себя в этот проект*» (Добрянский МО, И. 2); «*я была тогда очень молодой и чувствовала свою значимость, что я что-то сама* [могу] *как личность*» (Ильинский МО, И. 5) и раскрытия творческих способностей: «*себя показать и мир*

посмотреть, это раскрытие их творческого потенциала. То есть, либо они показывают на какой-то своей маленькой территории, либо они здесь уже с гастролями. Это престижно» (Добрянский МО, И. 3).

Таким образом, проведенное исследование среди жителей Пермского края показало преобладание в структуре мотивации участия в социальном проектировании, прежде всего, ценностных, когнитивных и социальных мотивов. Для участников проектов важны как коллективистски ориентированные мотивы, связанные с реализацией альтруистических ценностей по развитию поселенческих общностей в муниципальных округах, так и индивидуалистическая мотивация, выраженная в раскрытии творческого потенциала своей личности и заботе о ближнем круге (семье, друзьях и т.д.). Учет и органичное сочетание данных групп мотивов просоциального поведения может быть важным фактором эффективного управления социально-проектной деятельностью на разных уровнях организации общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антонова, Н. Л. Типологизация практик неполитической активности городской молодежи: формы, мотивация, барьеры / Н. Л. Антонова, С. Б. Абрамова, А. Д. Гурарий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 243–257.

2. Бутуева, З. А. Добровольческая деятельность старших граждан: особенности и мотивы участия / З. А. Бутуева // Вестник Института социологии. – 2019. – Том 10. – № 4. – С. 220–230.

3. Воронина, Н. С. Мотивация волонтёров, участвующих в реагировании на чрезвычайные ситуации: результаты массового опроса / Н. С. Воронина, О. А. Башева // Вестник Института социологии. – 2022. – Том 13. – № 2. – С. 65–90.

4. Воробьева, И. Н. Специфика мотивации разных форм социального участия населения / И. Н. Воробьева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2023. – Т. 13. – № 3. – С. 203–219.

5. Клэри, Е. Г. Функциональный анализ альтруизма и просоциального поведения: Волонтерство / Е. Г. Клэри, М. А. Снайдер // Обзор личности и социальной психологии. – 1991. – №12. – С. 119–148.

УДК 316.654:621.039(476)

ОБРАЩЕНИЕ С РАДИОАКТИВНЫМИ ОТХОДАМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В ОБЩЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ

Мартищенкова Е. В.
научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

В мире на предприятиях промышленного, научного и медицинского профиля формируются отходы радиоактивной природы различной конфигурации. В государствах, обладающих развитой атомно-энергетической инфраструктурой, накопление таких отходов обусловлено преимущественно генерацией электроэнергии на АЭС. Беларусь присоединилась к числу этих стран в ноябре 2020 года после ввода в эксплуатацию первого энергоблока Белорусской атомной электростанции, расположенной в Островецком районе Гродненской области. Именно эта станция выступает главным источником образования радиоактивных отходов в республике. В процессе её работы образуются твердые, жидкие и газообразные отходы всех классов – от очень низкоактивных до высокоактивных.

Согласно Стратегии обращения с радиоактивными отходами (утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15.02.2023 № 128), регламентирован следующий порядок управления отходами Белорусской АЭС: высокоактивные материалы будут находиться на территории станции на протяжении всего периода её эксплуатации. Отходы с очень низкой, низкой и средней активностью, прошедшие кондиционирование (переработку, отверждение и упаковку), будут храниться на площадке

АЭС в течение 10 лет, после чего подлежат транспортировке и захоронению на специализированном полигоне, строительство которого запланировано в соответствии со сроками, указанными в Стратегии [1].

Стратегия предусматривает раздел о привлечении общественности к процессу принятия решений по вопросам управления радиоактивными отходами. В нем детально регламентировано взаимодействие гражданских структур с государственными институтами в данной сфере, что полностью соответствует стандартам МАГАТЭ.

Для стран, только начинающих развивать атомную отрасль, требования Международного агентства по атомной энергии предписывают не только формирование ядерной инфраструктуры, но и присоединение к множеству международных договоров в сфере атомной энергетики. Агентство выделяет 19 ключевых компонентов ядерной инфраструктуры, включающих радиационную безопасность, готовность к чрезвычайным ситуациям, обращение с радиоактивными отходами, а также вовлечение промышленных предприятий и другие аспекты.

По мнению О. М. Луговской, страна планомерно укрепляет инфраструктуру безопасности, задействуя как внутренние, так и внешние ресурсы. Формирование этой системы строится на стандартах МАГАТЭ, характеризуется иерархичностью, стратегичностью и интеграцией всех компонентов. При этом делается упор на передовой опыт стран с развитой атомной отраслью, включая Россию, но с обязательным учетом национальной специфики [2, с. 27]. В то же время, как показали предыдущие исследования, проведенные Институтом социологии, население с одной стороны, понимает, что атомная энергетика – это не только АЭС, но и много других видов деятельности, сопровождающих ее эксплуатацию, в том числе утилизация и переработка отработавшего ядерного топлива, но с другой, – не готова принять это как необходимое условие использования атомной энергии. Только около 1/3 опрошенных указывали, что «Утилизация и переработка отработавшего ядерного топлива» является неотъемлемой частью развития атомной отрасли в стране [3, с. 119–121].

Рассмотрим каково общественное мнение о том, что страна, имеющая АЭС, должна обеспечивать все стадии функционирования АЭС, включая хранение и захоронение радиоактивных отходов в настоящее время (когда Белорусская АЭС уже эксплуатируется и соответственно производит радиоактивные отходы). В ходе социологического исследования, проведенного в апреле-мае 2026 г. (N=1861, $\Delta = \pm 2{,}3$ % при доверительной вероятности 95,0 %), респондентам задавался вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что страна, имеющая АЭС, должна обеспечивать все стадии функционирования АЭС, включая хранение и захоронение радиоактивных отходов?». Распределение ответов на него представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что *страна, имеющая АЭС, должна обеспечивать все стадии функционирования АЭС, включая* хранение и захоронение радиоактивных отходов?», по регионам, в %

Варианты ответа	**Всего**	**В том числе по регионам:**						
		Брестская обл.	**Витебская обл.**	**Гомельская обл.**	**Гроднен-ская обл.:**	**Минская обл.**	**г. Минск**	**Могилев-ская обл.**
Полностью согласен(а)	38,8	48,2	46,4	37,3	49,2	34,8	31,0	31,8
Скорее согласен(а)	32,2	28,1	33,4	29,7	35,0	36,2	32,2	31,1
Положительные оценки	***71,0***	***76,3***	***79,8***	***67,0***	***84,2***	***71,0***	***63,2***	***62,9***
Скорее не согласен(а)	9,9	7,4	4,6	8,8	3,9	10,1	18,3	9,0
Совершенно не согласен(а)	4,8	3,2	3,1	6,2	3,3	2,0	6,1	9,4
Отрицательные оценки	***14,7***	***10,6***	***7,7***	***15,0***	***7,2***	***12,1***	***24,4***	***18,4***
Затрудняюсь ответить	14,0	13,1	11,9	17,9	8,6	16,9	12,2	17,4
Нет ответа	0,3	0,0	0,6	0,0	0,0	0,0	0,3	1,4
Неопределенное отношение	***14,3***	***13,1***	***12,5***	***17,9***	***8,6***	***16,9***	***12,5***	***18,8***

По данным таблицы 1 можно судить о том, что значительная часть населения по республике в целом (71,0 %) в той или иной степени согласна с тем, что страна, имеющая АЭС, должна обеспечивать все стадии функционирования АЭС, включая хранение и захоронение радиоактивных отходов, 14,7 % имеют противоположное мнение по данному вопросу и 14,3 % затруднились с ответом на поставленный вопрос.

Рассматривая распределение ответов респондентов в региональном разрезе, можно констатировать, что уровень понимания необходимости решения вопроса с РАО именно белорусской стороной достаточно высок во всех регионах страны, причем показатели даже превышают уровень поддержки населением развития атомной энергетики (61,0 % по республике в целом). Схожая ситуация и среди тех, кто давал отрицательные ответы на оба вопроса – различия в количестве не поддерживающих атомную энергетику и несогласных с необходимостью хранения и захоронения РАО на территории Республики Беларусь находятся в диапазоне ±5% во всех регионах [4, с. 38–49].

По результатам проведенного исследования выявлено, что 51,2 % опрошенных в общереспубликанском массиве выразили положительное в целом (сумма ответов «Положительно» + «Скорее положительно») отношение к сооружению ПЗРО на территории страны, 33,2 % – отрицательное и 15,6 % – затруднились с ответом на вопрос (табл. 2).

Что касается региональных различий в ответах респондентов на вопрос об их отношении к сооружению ПЗРО, то можно выделить Витебскую область (73,7 %) как наиболее положительно настроенный регион в этом вопросе, также Гродненскую (63,0 %) и Могилевскую (64,8 %) области. Значительно меньшей поддержкой планы по сооружению ПЗРО пользуются в Минской (38,8 %) и Гомельской (39,4 %) областях, а также в городе Минске (40,0 %). В плане отрицательного отношения к строительству данного объекта можно выделить Гомельскую область (здесь наибольший показатель – 51,1 %), город Минск (41,4 %) и Минскую область (40,0 %).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы лично относитесь к сооружению пункта захоронения радиоактивных отходов (ПЗРО) на территории Республики Беларусь?», по регионам, в %

Варианты ответа	**Всего**	**В том числе по регионам:**						
		Брестская обл.	**Витебская обл.**	**Гомельская обл.**	**Гроднен-ская обл.:**	**Минская обл.**	**г. Минск**	**Могилевская обл.**
Положительно	12,0	13,6	19,4	8,1	24,0	7,5	4,5	16,7
Скорее положительно	39,2	42,0	54,3	31,3	39,0	31,3	35,5	48,1
Положительные оценки	***51,2***	***55,6***	***73,7***	***39,4***	***63,0***	***38,8***	***40,0***	***64,8***
Скорее отрицательно	14,3	9,2	11,5	13,3	10,0	19,4	22,1	6,1
Отрицательно	18,9	21,1	2,9	37,8	14,9	20,6	19,3	10,4
Отрицательные оценки	***33,2***	***30,3***	***14,4***	***51,1***	***24,9***	***40,0***	***41,4***	***16,5***
Затрудняюсь ответить	15,1	14,2	10,7	9,1	12,1	20,6	17,9	18,1
Нет ответа	0,5	0,0	1,3	0,4	0,0	0,7	0,7	0,5
Неопределенное отношение	***15,6***	***14,2***	***12,0***	***9,5***	***12,1***	***21,3***	***18,6***	***18,6***

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать тот факт, что несмотря на достаточно высокий уровень принятия населением необходимости для нашей страны обеспечивать все стадии функционирования АЭС, включая хранение и захоронение радиоактивных отходов (табл. 1), в некоторых регионах уровень поддержки сооружения ПЗРО на территории Беларуси пока еще не достиг даже среднего показателя в 50 %. По нашему мнению, данное обстоятельство объясняется слабой информированностью населения по вопросам обращения с радиоактивными отходами (РАО), а также о различных аспектах сооружения и эксплуатации пунктов захоронения радиоактивных отходов (ПЗРО). В связи с

эти, необходимо проведение информационно-просветительской работы по данной тематике среди всего населения Республики Беларусь. Причем при ее проведении в информационных материалах упор необходимо делать, в первую очередь, на том, что ПЗРО, как и БелАЭС, являются объектами долговременной эксплуатации, выгода от которых будет значимой для будущих поколений нашей страны. Также необходимо указывать, что более высокая стоимость данных сооружений получается за счет применения более сложных технологических решений, которые и обеспечивают максимально возможную надежность и безопасность при эксплуатации. Важное значение в данном контексте имеет и акцентирование внимания аудитории на том, что соблюдение жестких ГОСТов и реализация контролирующих многоступенчатых государственных и международных проверок, а также предоставление общественности отчетов данных организаций являются приоритетными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Стратегии обращения с радиоактивными отходами : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 февр. 2023 г. № 128 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300128 (дата обращения: 26.01.2026).

2. Луговская, О. М. Международные подходы к формированию инфраструктуры ядерной и радиационной безопасности и их реализация в Беларуси / О. М. Луговская // Энергетическая стратегия. № 2(80) – Мн.: Инф.-изд. Центр ОАО «Экономэнерго», 2021. – С. 26–29.

3. Мартищенкова, Е. В. Уровень информированности населения Республики Беларусь по вопросам ядерной энергетики // Провести социологический мониторинг общественного мнения по вопросам развития ядерной энергетики в Республике Беларусь и восприятия населением строительства АЭС : отчет о НИР (заключ.) / Ин-т социологии НАН Беларуси; рук. С. А. Шавель; исполн.: Е. В. Мартищенкова [и др.]. – Минск, 2020. – 451 с. – № ГР 20190477.

4. Мартищенкова, Е. В. Общественная приемлемость ядерной энергетики и реализации проекта «Белорусская АЭС» // Провести социологический мониторинг общественного мнения населения Республики Беларусь с целью формирования позитивного отношения к атомной энергетике: отчет о НИР (заключ.) / Ин-т социологии НАН Беларуси; рук. Е. В. Мартищенкова; исполн.: Н. Ф. Денисова [и др.]. – Минск, 2025. – 335 с. – № ГР 20213076.

УДК 32.019.5

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ И СИМУЛЯКР: СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Марчик А. О.
преподаватель-стажер кафедры политологии БГУ
г. Минск, Беларусь

Современная политическая теория сталкивается с понятийной путаницей при попытке классифицировать феномены, лежащие на пересечении символической политики, теории идеологии и теории массовой коммуникации. Термины «миф» и «симулякр» нередко используются как взаимозаменяемые, что снижает их аналитический потенциал. Дополнительной проблемой является использование понятий мифа и симулякра как готовых знаков, применяемых субъектами в процессе социального взаимодействия, что само по себе приводит к мифологизации данных понятий.

Цель статьи заключается в исследовании концепций политического мифа и симулякра посредством семиотического подхода.

Исторические формы мифологического мышления разбирались Э. Дюркгеймом, К. Леви-Стросом, В. Гелленом, А.Ф. Лосевым. Большинство из вышеназванных исследователей рассматривали миф применительно к первобытным обществам, определяя его как совокупность образов, нарративов и символов, объясняющих место общины в мироустройстве и поддерживающих социальную стабильность через ритуал.

Применительно к современным формам политического мифотворчества немецкий философ Э. Кассирер в работе «Миф о государстве» определяет политический миф как осознанно сконструированное произведение политических элит [1]. В кризисные периоды, например в периоды экономических кризисов, войн или социальной дезинтеграции, миф становится необходимым средством сплочения общества. Ключевая характеристика кассиреровского мифа заключается в его субстанциональности. Миф представляет собой действенную силу, которая преобразует коллективные эмоции в социальную и политическую мобилизацию. Миф рукотворен, но после своей имплементации в знаковое пространство он обретает автономию и начинает структурировать восприятие реальности массами.

Французский философ и семиолог Р. Барт в работе «Миф сегодня» переносит анализ мифа и мифологического мышления в плоскость семиологии. Миф, по Барту, представляет собой вторичную семиотическую систему, надстраивающуюся над первичным языком-объектом. Если первичная система связывает означающее и означаемое в денотативный знак, то миф превращает этот готовый знак в новое означающее, наделяя его коннотативным, идеологическим значением [2]. Иными словами, Барт противопоставляет денотативную истину знака его мифологической коннотативной надстройке, предполагая, что денотация является нейтральным исходным уровнем. Подобное допущение оспаривается как в аналитической философии языка, так и в постструктуралистской семиотике.

Эта критика перекликается с позицией французского философа Ж. Бодрийяра, который в работе «К критике политической экономии знака» прямо указывает на ложность противопоставления денотации и коннотации [3, с. 219]. Денотация, по Бодрийяру, представляет собой абсолютный миф, скрывающий свою искусственность. Любой буквальный смысл уже является результатом предшествующей кодификации и культурных конвенций. Следовательно, различие между истинным денотативным смыслом и иллюзорным мифологическим смыслом само оказывается продуктом определённой стратегии власти.

Таким образом, процесс смыслообразования в политике в свете постструктуралистской семиотики можно понимать как последовательное упаковывание формы в форму, где каждое новое значение надстраивается над предыдущим. Данную проблематику на материале логономических систем анализирует российский политолог И.В. Фомин. Логономическая система, по Фомину, представляет собой трёхфазную структуру семиозиса, включающую фазу логономического понимания, которая заключается в производстве начальных ментальных интерпретантов; фазу логономической актуализации, когда возникает динамический интерпретант в виде знака-токена; и фазу логономической габитуации [4, с. 170]. В основе функционирования этой системы лежит напряжение между двумя тенденциями, а именно диверсификацией, порождающей новые смысловые решения, и стандартизацией, закрепляющей устойчивые интерпретативные привычки через их иконическое воспроизводство.

Знаковые системы обладают разной способностью к сохранению исходного смыслового кода. Так, политический миф в подобной семиотической перспективе тяготеет к габитуализации, то есть к закреплению в ритуализированных формах воспроизводства, что предполагает единство интерпретативного кода. Функциональная сторона подобной габитуализации заключается в способности актуализировать коллективные политические представления. Такие социологи, как Дж. Голдстоун и Ч. Тилли, указывали на политический миф как на необходимую переменную в деле политической мобилизации.

Учитывая модель логономических знаков И.В. Фомина, перейдём к осмыслению родственного понятия, а именно симулякра.

Симулякр (от лат. simulacrum – видимость, подобие) представляет собой термин философии постмодернизма, который в онтологической проекции фиксирует способ осуществления событийности, реализующийся в акте семиозиса и не имеющий иной формы бытия, помимо перцептивно-символической [5, с. 726]. Весомый вклад в разработку понятия симулякра внесли такие французские философы, как Ж. Батай, Ж. Делез, П. Клоссовски. Одной из центральных тем понятие симулякра стало для Ж. Бодрийяра. Бодрийяр исследовал

концепцию симулякра применительно к социально-политической реальности и разработал авторскую типологию «порядков симулякров».

Российский политолог Д.С. Мартьянов подмечает, что «переосмысление симулякра, сделанное Ж. Бодрийяром, породило концептуализацию гиперреальности как реальности симулякра, возник шей в результате утраты прежней реальности. Гиперреальность образуется вследствие стирания оппозиций между реальностью и знаками, между реальным и воображаемым, инверсии базиса и надстройки, в роли кото рой в силу главенствующей роли символического обмена в экономике и выступает гиперреальность, теперь определяющая базис» [6, с. 52].

В отличие от мифа, симулякр в процессе своего воспроизводства теряет функцию воспроизводства единого кода, стремясь к диверсификации значений. Важно подчеркнуть амбивалентность функциональной составляющей политических симулякров. В одном варианте диверсификация исходных значений открывает новые политические конфигурации и способствует «пристёжке» политических знаков и символов к новым референтным значениям. Негативно-коммуникационный аспект политического симулякра сводится к атомизации масс и утрате политической воли ввиду перегруженности идейно-символического пространства политики информацией.

Как показывает практика последних лет, в том числе в контексте обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь, именно такие пустые знаки в определённом социальном контексте способны выполнять роль катализаторов политической мобилизации.

В связи с этим перспективным направлением дальнейших исследований, особенно с учётом задач информационной безопасности Республики Беларусь, представляется построение модели «воронки симулятивности» по аналогии с уже зарекомендовавшими себя аналитическими инструментами, а именно «воронкой причинности» российских политологов А.Ю. Мельвиля и В.М. Сергеева, а также «воронкой перформативности» М.В. Ильина [7, с. 269]. В этой оптике политический процесс предстает как многослойная среда, где каждый последующий слой симуляции накладывается на предыдущий, уплотняя смысловую ткань и одновременно отдаляя её от исходного референта.

Таким образом, в работе был рассмотрен семиотический подход к категориям политического мифа и симулякра. С позиций данного подхода миф и симулякр осмысляются как два режима существования знака в политической коммуникации, различающиеся преимущественно способом воспроизводства и динамикой интерпретации. Миф несёт культурно-историческую нагрузку и тяготеет к габитуализации, тогда как симулякр представляет собой форму бытования знака в режиме серийного воспроизводства, при котором код диверсифицируется, а значение утрачивает устойчивую привязку к референту.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Виртуальный учебно-методический комплекс. Политическая наука и искусства управления – URL: https://virmk.ru/read/k/Kassirer.htm (дата доступа: 18.07.2026).

2. Барт, Р. Миф сегодня // Р. Барт // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова – URL: https://lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt (дата доступа: 18.07.2026).

3. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – М.: Академический проект, 2007. – 335 с.

4. Фомин, И. В. Ограничение, стандартизация и габитуация в интерпретирующих системах. Как представить логономический аспект социального семиозиса?: доклад / И. В. Фомин // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2022. – № 12-4. – С.168–191.

5. Можейко, М. А. Симулякр / М. А. Можейко // Постмодернизм. Энциклопедия. / Сост. и науч.ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 726–728.

6. «Политика постправды» и популизм / В. А. Ачкасов, Н. А. Баранов, Д. А. Будко, К. Ф. Завершинский [и др.]. – СПб. : Скифия-принт, 2018. – 216 с.

7. Ильин, М.В. Что может дать анализ перформативов? / М.В. Ильина // Полит. наука. –2016. – № 4. – С.262–270.

УДК 338.24, 331.556.4

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ: ОБЗОР ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Масленкова Е. В.
докторант экономического факультета
Белорусского государственного университета
кандидат экономических наук
г. Минск, Беларусь

В современной науке отсутствует единая общепризнанная теория, способная дать исчерпывающее объяснение феномену трудовой миграции. Существующие концепции представляют собой фрагментированный набор моделей, разработанных в рамках различных дисциплин и на разных уровнях анализа – от индивидуального до глобального [1]. При этом они не вступают в принципиальное противоречие, а скорее взаимодополняют друг друга, что свидетельствует о сложной, многофакторной природе миграционных процессов и о необходимости их синтезированного осмысления.

Неоклассическая парадигма исходит из рациональности экономического агента, стремящегося к максимизации полезности. Как сформулировал Дж. Хикс, фундаментальной причиной миграции выступают межстрановые различия в заработной плате [2]. В рамках модели Хекшера-Олина-Самуэльсона воспринимается средство выравнивания различий и дисбалансов на рынке труда. При всей своей методологической значимости рассмотренный подход имеет ряд уязвимых сторон. В частности, он априорно допускает изначальную готовность субъектов к территориальному перемещению, абстрагируясь от воздействия институциональных барьеров и социально-структурных факторов. Кроме того, за рамками анализа остаются временные форматы миграции, включая возвратную циркуляцию, а также полностью игнорируется ситуация на рынке труда в странах-реципиентах, которая, по сути, представляет собой стержневой фактор формирования миграционных коридоров.

В противовес этому макроуровневые, или структурные, концепции перемещают фокус внимания на геополитические и макроэкономические переменные. Так, мир-системная парадигма, разработанная И. Валлерштейном, трактует международные перемещения рабочей силы как неизбежный продукт экспансии капиталистической мироэкономики [7]. Валлерстайном выделена следующая структура мировой системы: 1) ядро: развитые страны, контролирующие технологии, капитал и принятие решений; 2) полупериферия: страны со средним уровнем развития, зависимые от ядра, но эксплуатирующие периферию; 3) периферия: бедные страны, поставляющие сырье и дешевую рабочую силу. Рабочая сила перемещается из периферии и полупериферии в ядро. Полупериферия одновременно принимает мигрантов из периферии и теряет население в пользу ядра. Ядро извлекает выгоду из дешевой рабочей силы и сырья периферии. В этом ракурсе движущей силой миграции выступает не столько разница в уровнях заработной платы, сколько асимметрия в социально-экономическом и политическом развитии различных территорий [1].

Концепция сегментированного (двойственного) рынка труда, выдвинутая М. Пьоре, делает акцент на запросах экономик, принимающих мигрантов [8; 9]. Ключевые положения данной теории состоят в разделении рынка труда на первичный и вторичный. Первичный рынок труда характеризуется высоким уровнем оплаты труда, стабильной занятостью, социальными гарантиями, карьерным ростом, требованиям высокой квалификации (например, управленцы, инженеры и т.д.). Мигранты редко попадают в этот сегмент из-за требований к образованию, языку, легальному статусу. Для вторичного рынка труда характерны низкая оплата труда, временная/неформальная занятость, отсутствие карьерных перспектив, высокая текучесть кадров (например, сезонные рабочие, уборщики, работники сельского хозяйства). Именно здесь концентрируются трудовые мигранты, так как местное население избегает таких рабочих мест из-за низкого престижа и тяжелых условий. Экономика развитых стран зависит

от мигрантов, заполняющих вторичный сегмент. При этом мигранты становятся «буфером» в периоды кризисов: их легко нанять и уволить.

На микроуровне теории трудовой миграции строятся на предпосылках об рациональности индивида. Модель человеческого капитала (Л. Шастад) рассматривает переезд как форму инвестиционного вклада: потенциальный труовой мигрант производит подсчет ожидаемых доходов и затрат на перемещение с учетом дисконтирования будущих выгод [10]. В отличие от неоклассического подхода, в рамках новой экономики трудовой миграции (Старк и Блум) предполагается, что труд является специфическим фактором производства, и поэтому мобильность труда влечет за собой многие специфические издержки, например, социальные и психологические. Также, одним из основных допущений является то, что индивиды действуют в социальном контексте. Таким образом, необходимо анализировать миграционное решение на индивидуальном уровне, принимая во внимание также социальный контекст процесса принятия решений с основным вниманием к семье или домохозяйству. Как предположили Старк и Тейлор, люди редко основывают свои решения только на оценке абсолютного дохода, но также принимают во внимание свой относительный доход, то есть доход по отношению к другим людям в их собственном местном сообществе. Таким образом, миграция может рассматриваться как стратегия, обусловленная намерением изменить положение в референтной группе или изменить саму референтную группу. Понимая данный аспект, можно объяснить, почему достаточно большое количество людей склонны мигрировать лишь временно. Когда кто-то решает переехать навсегда, он/она изменит референтную группу и, скорее всего, окажется на более низких ступенях распределения доходов с более высокой относительной депривацией. Таким образом, новая экономика трудовой миграции утверждает, что трудовая миграция гораздо сложнее, чем это предусматривается неоклассической экономикой, и должна восприниматься скорее как многоаспектный социальный процесс.

Наконец, теории, основанные на концепции социального капитала или миграционных сетей, объясняют сохранение трудовой миграции даже при отсутствии значительных различий в заработной плате (Бурдьё, Гурак, Касес). Сети делают международную миграцию чрезвычайно привлекательной как стратегию диверсификации рисков из-за того, что издержки миграции относительно низки, а риск, связанный с перемещением, минимизирован.

Систематизация рассмотренных теоретических подходов по уровням анализа и ключевым выводам представлена в таблице.

Таблица. Основные теории миграции: уровни анализа и выводы

Теория / подход	Уровень анализа	Основные выводы
Неоклассический подход	Макро	Международная миграция вызвана различиями в заработной плате между странами. Мобильность рабочей силы ведёт к выравниванию дисбалансов в глобальном масштабе. Международная торговля и потоки капитала являются субститутами миграции. На международные потоки рабочей силы влияют в первую очередь механизмы рынка труда
Теория мировых систем	Макро	Международная миграция является следствием формирования капиталистического рынка в развивающемся мире. Международный поток рабочей силы следует за международными потоками товаров и капитала (но в противоположном направлении). Международная миграция мало связана с различиями в заработной плате между странами; она отражает неравное распределение политической и экономической власти.
Теория двойственного рынка труда	Макро	Международная трудовая миграция в значительной степени обусловлена спросом. Занятость во вторичных секторах может быть привлекательной для иммигрантов, потому что они (как правило) воспринимают своё пребывание в стране назначения как временное.

		Международные различия в заработной плате не являются ни необходимым, ни достаточным условием для миграции. Люди мигрируют из-за международных различий в доходах или заработной плате, а также из-за различий в уровне занятости (шансах на трудоустройство). Миграция/мобильность является инвестицией. Индивидуальные характеристики человеческого капитала (образование, опыт, обучение, знание языка), увеличивают вероятность международного перемещения при прочих равных условиях.
Подход человеческого капитала	Микро	Единицами анализа для исследования миграции являются семьи/домохозяйства. Разница в заработной плате не является единственным условием для международной миграции.
Теория сетей	Мезо	Сети позволяют снизить издержки и риски, связанные с миграцией, и таким образом делают международную миграцию относительно лёгкой и привлекательной. Сети в значительной степени влияют на миграционный выбор. Мигрантские сети являются следствием миграции.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что современный теоретический инструментарий не предлагает единого универсального объяснения трудовой мобильности, а представляет собой совокупность частичных, дисциплинарно ограниченных моделей, каждая из которых фокусируется на определённом аспекте миграционного процесса. В то время как комплексный характер трудовой миграции, проявляющийся во взаимовлиянии экономических, социальных, политических и культурных факторов на разных уровнях анализа, настоятельно требует интеграции разноуровневых подходов в единую аналитическую рамку, способную преодолеть дисциплинарные границы и учесть многообразие миграционных траекторий в современном глобализирующемся мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Massey, D. S. Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium / D. S. Massey, J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pellegrino, J. E. Taylor. – Oxford : Clarendon Press, 1998. – 362 p.

2. Hicks, J. R. The Theory of Wages / J. R. Hicks. – London : Macmillan, 1932. – 247 p.

3. Ohlin, B. Interregional and International Trade / B. Ohlin. – Cambridge : Harvard University Press, 1933. – 617 p.

4. Heckscher, E. F. The Effect of Foreign Trade on the Distribution of Income / E. F. Heckscher // Readings in the Theory of International Trade. – Philadelphia : Blakiston, 1949. – P. 272–300.

5. Samuelson, P. A. International Trade and the Equalisation of Factor Prices / P. A. Samuelson // The Economic Journal. – 1948. – Vol. 58, No. 230. – P. 163–184.

6. Samuelson, P. A. International Factor-Price Equalisation Once Again / P. A. Samuelson // The Economic Journal. – 1949. – Vol. 59, No. 234. – P. 181–197.

7. Wallerstein, I. The Modern World-System / I. Wallerstein. – Berkeley : University of California Press, 2011. – 410 p.

8. Piore, M. J. Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies / M. J. Piore. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – 229 p.

9. Piore, M. J. The Shifting Grounds for Immigration / M. J. Piore // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1986. – Vol. 485. – P. 23–33.

10. Sjaastad, L. A. The Costs and Returns of Human Migration / L. A. Sjaastad // Journal of Political Economy. – 1962. – Vol. 70, No. 5. – P. 80–93.

11. Stark, O. The New Economics of Labor Migration / O. Stark, D. E. Bloom // The American Economic Review. – 1985. – Vol. 75, No. 2. – P. 173–178.

12. Stark, O. The Migration of Labor / O. Stark. – Oxford: Basil Blackwell, 1991. – 406 p.

13. Bourdieu, P. The Forms of Capital / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. G. Richardson. – Westport, CT : Greenwood Press, 1986. – P. 241–258.

14. Gurak, D. T. Migration Networks and the Shaping of Migration Systems / D. T. Gurak, F. Caces // International Migration Systems: A Global Approach / ed. by M. M. Kritz, L. L. Lim, H. Zlotnik. – Oxford : Clarendon Press, 1992. – P. 150–165.

УДК 34.01

МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА

Матевосова Е. К.
доцент кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
г. Москва, Россия

В современном мире, в котором технологические достижения, ранее воспринимавшиеся лишь как убедительное свидетельство научного прогресса, всё стремительнее превращаются в инструменты экономического влияния, политического давления и государственно-властного управления, сохранение технологического суверенитета приобретает значение необходимого условия устойчивого развития и самого существования государства.

Технологический суверенитет может быть определен как способность государства сохранять свободу стратегического выбора в условиях объективно существующей технологической взаимозависимости. Суверенным является то государство, которое способно понимать структуру собственной зависимости, определять ее допустимые пределы, предотвращать превращение технического посредничества в политическое господство и сохранять возможность выполнения публичных функций при изменении внешних условий.

Проблематика формирования, сохранения и укрепления технологического суверенитета непосредственно сопряжена с вопросами социального контроля, без которого технологическое развитие государства рискует утратить необходимую связь с обществом, его ценностями, ожиданиями и представлениями. Во взаимодействии правовых гарантий, профессионального знания, публичного обсуждения и опыта самих пользователей социальный контроль приобретает свойства действующего механизма, способного своевременно обнаруживать те риски и противоречия, которые могут оставаться незаметными как для разработчика, сосредоточенного на функциональности продукта, так и для публичной власти, оценивающей его прежде всего с позиций управленческой целесообразности. В данном контексте социальный контроль предстаёт особой формой рефлексии над проводимой государством технологической политикой, позволяющей найти в техническом решении не только способ достижения практической цели, но и властное усмотрение, и, если необходимо, поставить вопрос о допустимости, справедливости и соответствии такого решения общему благу.

Технологическое развитие во многом опережает законодательную мысль, понятийный аппарат которой нередко оказывается не готов своевременно распознать, дефинировать и нормативно выразить новое явление. Однако возникающий между появлением технологии и её специальным правовым оформлением временной разрыв вовсе не означает образования пространства, свободного от права и общественного воздействия. До того момента, когда законодатель создаст специальные нормы, новая технология уже существует в координатах сложившейся системы конституционных ценностей, общих правовых принципов, профессиональных обязанностей и социальных ожиданий [1], которые способны удерживать формирующуюся технологическую практику в границах допустимого.

Определение направлений правовой политики [2] технологического суверенитета исключительно в границах государственной управленческой логики не способно обеспечить необходимую полноту и объективность принимаемых решений, особенно с учётом соединения в лице государства нескольких функционально различных статусов. Государство одновременно выступает субъектом определения стратегических целей, заказчиком технологических разработок, регулятором соответствующего рынка и пользователем тех

данных, которые посредством соответствующих систем собираются и обрабатываются. Социальный контроль размыкает эту замкнутость, переводя общественное внимание с количества произведённых технологических продуктов на вопрос о реальной возможности их независимой проверки, безопасного использования и своевременной замены.

Код, интерфейс, протокол доступа и модель классификации обладают способностью направлять поведение людей, но они не тождественны праву. Механизм социального контроля должен выявлять случаи, когда техническое решение выполняет какую-либо функцию, не проходя установленных для права процедур, иначе общество подвергается скрытой регуляции, при которой правило действует вне формально определённой системы правового установления, легитимации и юридической ответственности.

Технологический суверенитет [3] имеет не только политическое, экономическое, производственное и инфраструктурное, но и когнитивное измерение. Тот, кто не способен правильно сформулировать вопрос, почти неизбежно принимает предложенный ему ответ вместе с заключённой в нём системой интересов, допущений и умолчаний. Именно поэтому образование, научная коммуникация, профессиональная подготовка независимых экспертов и развитие технологической грамотности должны рассматриваться как необходимые элементы социального контроля, создающие важные условия для общественной проверки технологических решений и позволяющие гражданину быть активным участником обсуждения принципов и правил функционирования технологической среды [4].

Репутационный риск, профессиональное неодобрение, вероятность судебного разбирательства, требование публичного объяснения и возможность отказа от предложенной технологии способны оказать регулятивное воздействие ещё до того, как спор приобретёт формально-юридические очертания. Наиболее эффективные формы социального контроля предусматривают, что в определении критериев технологического развития совместно участвуют представители публичной власти, создатели соответствующих продуктов и различные социальные группы, непосредственно их использующие. Одна и та же цифровая услуга, представленная в официальной отчётности как несомненное достижение управленческой рационализации, к примеру, для государственного аппарата может означать сокращение расходов и ускорение процедур, для пожилого человека – утрату привычного и доступного способа обращения, для бизнеса – возникновение новых финансовых и организационных издержек.

Участие общества в формировании технологической политики не следует превращать в бесконечную процедуру согласования, способную лишить государство возможности действовать стратегически. Интенсивность социального контроля должна соотноситься с масштабом возможного риска, продолжительностью возникающей технологической зависимости и иными значимыми факторами. И чем сложнее отказаться от технологии после её внедрения, тем более комплексной должна быть предварительная экспертиза, чем шире круг лиц, права и законные интересы которых затрагиваются, тем строже должны быть требования к публичности и обоснованности принятого решения.

Значимой представляется задача освободить категорию технологического суверенитета от искусственно создаваемого противостояния национального и международного начал, как если бы укрепление самостоятельности государства неизбежно требовало его отдаления от общего пространства научного обмена и технологической кооперации. Правовая политика в рассматриваемой сфере должна быть направлена на установление разумных и юридически обеспеченных пределов зависимости. Диверсификация поставок, использование открытых стандартов, договорное закрепление гарантий, полноценное участие в международном нормотворчестве и готовность к своевременному технологическому переходу образуют значительно более устойчивую основу суверенности, нежели торжественно провозглашённая, но практически недостижимая самодостаточность. Абсолютизация возможностей глобального рынка способна привести к тому, что любая зависимость оправдывается эффективностью, а при самоограничивающем изоляционизме само присутствие иностранного элемента заведомо признаётся источником угрозы, тогда как оценке должно подвергаться не

географическое происхождение технологии как таковое, а масштаб и характер возникающей зависимости, степень её контролируемости, а также влияние на способность государства определять направление собственного развития.

В теоретико-правовом осмыслении механизм социального контроля может быть представлен как форма обратной связи, соединяющей общество, государство и формируемую ими технологическую среду. Технологический суверенитет обретает подлинное содержание лишь при условии, что его практическое воплощение не посягает на автономию личности, сопровождается реальной институциональной подотчётностью публичной власти и сохраняет за обществом право быть полноправным участником определения собственного будущего как результата технологических преобразований. Таким образом, механизм социального контроля выступает необходимым условием научной обоснованности правовой политики технологического суверенитета, определённости её нормативных оснований и практической осуществимости принимаемых решений.

Настоящий доклад подготовлен в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Развитие правовой системы в условиях обеспечения технологического лидерства Российской Федерации: национальные приоритеты и международные вызовы (FSMW-2026-0005)». Регистрационный номер: 126022017763-1.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Веденеев, Ю. А. Грамматика правопорядка : монография. – Москва : Проспект, 2018. – 232 с.
2. Малько, А. В. Теория правовой политики : монография. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 328 с.
3. Бредихин, А. Л. Суверенитет как политико-правовой феномен : монография / А.Л. Бредихин. – Москва : ИНФРА-М, 2020. – 128 с.
4. Царегородцев, А. В. Цифровой суверенитет: актуальные проблемы и решения : монография / А.В. Царегородцев, С.В. Романовский. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 209 с.

УДК 316.472.4

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАКТИК СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОТ «РЕАЛЬНОГО» К «ВИРТУАЛЬНОГО» И ОБРАТНО

Сафиуллина Ф. Р.
старший преподаватель кафедры «Социология, политология и право» КГЭУ
кандидат социологических наук
г. Казань, Россия

Мерзляков К. М.
Электроэнергетические системы и сети КГЭУ
г. Казань, Россия

Абдуллин И. И.
Электроэнергетические системы и сети КГЭУ
г. Казань, Россия

В современной коммуникативной практике вербальная формула «встретимся в сети» замещает традиционные формы «встретимся в парке». Для поколения «зумеров» и «альфа» цифровое пространство перестало быть просто надстройкой над реальностью – оно превратилось в саму реальность [1, с. 35]. Если раньше интернет был местом, куда «заходили» для решения конкретных задач, то сегодня молодежь находится в нем перманентно [5]. Смартфон стал не просто гаджетом, а цифровым продолжением личности [2]. Это коренным образом меняет то, как молодые люди дружат, ссорятся, ищут признания и выстраивают границы своего «Я» [4, с. 242].

Один из наиболее заметных сдвигов – почти полный отказ значительной части молодёжи от голосовых звонков в пользу мессенджеров. Прямой звонок сегодня нередко воспринимается как вторжение в личное пространство. Почему так происходит? Ключевой фактор – контроль над коммуникацией. Текстовое или голосовое сообщение позволяет собеседнику подумать перед ответом, отредактировать мысль и ответить в удобное для себя время. Мы наблюдаем становление культуры асинхронности, где ценность личного времени и психологического комфорта ставится выше немедленной реакции [5].

Современное общение становится всё менее текстовым и всё более визуальным. Специфические инструменты мессенджеров (видеосообщения, стикеры, эмодзи) выступают как экономичные средства передачи эмоциональных состояний. Как отмечают исследователи цифровой социализации, смайлик или реакция на сообщение сегодня превратились в полноценные смысловые единицы, а визуальные формы коммуникации постепенно вытесняют развёрнутые текстовые сообщения в повседневной переписке молодёжи [2]. При этом возникает феномен «демонстративного потребления жизни»: социальное взаимодействие часто строится вокруг создания контента [4, с. 248]. Важно не просто сходить на выставку, а зафиксировать это для своей сети контактов. Таким образом, социальное одобрение (лайки, просмотры) становится ключевым драйвером активности, формируя у молодежи специфическую потребность во внешнем подтверждении собственной значимости [1, с. 21].

Цифровая среда существенно размыла чёткую границу между тем, что говорится «с глазу на глаз», и тем, что выносится на публику. Молодые люди нередко легче делятся личными переживаниями с широким кругом подписчиков (oversharing), но при этом могут испытывать трудности в глубоком офлайн-диалоге [4, с. 251]. Парадокс в том, что, имея сотни «друзей» в социальных сетях, молодой человек может чувствовать себя социально изолированным в физической реальности [3].

Согласно данным опроса ВЦИОМ «Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения» (август 2023 г.), 92% респондентов в возрасте 18–24 лет используют социальные сети для общения ежедневно, проводя там в среднем более 8 часов в сутки. В этом же исследовании отмечено, что молодые люди в возрасте 18–24 лет чаще других возрастных групп готовы пробовать новые социальные платформы, а более половины опрошенных россиян (51%) регистрируются в новых соцсетях только при необходимости [3]. Кроме того, по данным глобального отчёта «Digital 2024» (We Are Social & Meltwater), среднесуточное время пользователей в возрасте 16–24 лет в социальных сетях достигает 3–4 часов в зависимости от региона [5]. Эти данные подтверждают гипотезу о том, что цифровая среда для значительной части молодёжи стала одной из ключевых площадок социализации [1].

Подводя итог, можно сказать, что цифровизация не столько «убивает» живое общение, сколько радикально трансформирует его формы. Молодёжь вырабатывает новые коммуникативные нормы: право на отсроченный ответ, приоритет визуальных образов над текстом и возможность конструировать свою идентичность в сети [2].

Результаты исследования могут быть полезны при разработке образовательных программ по медиаграмотности, а также при подготовке рекомендаций для психологов и социальных работников, сталкивающихся с тревожностью и социальной изоляцией у молодых людей.

Перспективным направлением для дальнейших исследований представляется сравнительный анализ поколенческих различий в восприятии асинхронной коммуникации и изучение долгосрочных эффектов «визуального поворота» на навыки эмпатии. Главным вызовом остаётся сохранение баланса – умение использовать преимущества цифрового мира без потери способности к глубокому эмпатичному взаимодействию в реальной жизни [6, с. 111].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

2. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической перспективе: от социальной единицы к цифровой личности / Г. У. Солдатова // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 59. – С. 4.

3. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // ВЦИОМ. Новости. – 2023. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija.

4. Бойд, Д. Итоги: Жизнь в сетевых сообществах / Д. Бойд // Социальные медиа: критический анализ. – 2014. – С. 240–255.

5. We Are Social & Meltwater. Digital 2024: Global Overview Report // DataReportal. – 2024. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report.

6. Зубок, Ю. А. Социология молодежи : учебное пособие / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – М. : Норма, 2021. – 320 с.

УДК 316.4.051

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ: РИСКИ И УГРОЗЫ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Мещерякова Н. Н.
заведующая кафедрой политической социологии
и социальных технологий РГГУ
доктор социологических наук, доцент
г. Москва, Россия

Сапрыка В. А.
профессор кафедры политической социологии
и социальных технологий РГГУ
доктор социологических наук, доцент
г. Москва, Россия

В условиях трансформации глобального и регионального миропорядка особую значимость приобретает проблема сохранения и укрепления общих ценностных оснований, на которых основывается интеграционное взаимодействие. Для успешной интеграции Союзного государства необходима системная синергия институциональных механизмов и социокультурных универсалий, что позволит сохранить общее социокультурное пространство, основанное на традиционных ценностях. Основное противоречие современной эпохи, заключающееся в одновременной атомизации общества и унификации личности под давлением глобализации и техногенной реальности, что формирует социокультурные риски и угрозы для интеграционных процессов Союзного государства [1, с. 10]. Усиление внешних социально-ценностных рисков и угроз для Союзного государства, с одной стороны, и почти полным отсутствием комплексных исследований социально-ценностной устойчивости его населения с другой требует разработки новой социально-технологической модели, мобилизующей общий институциональный и ценностный потенциал двух стран и укрепляющей единство населения при сохранении культурного многообразия.

Для Союзного государства России и Беларуси основаниями для интеграции выступают не только традиционное сотрудничество, но и социокультурные универсалии, которые сохраняют устойчивые смысловые, нормативные и идентификационные паттерны, разделяемые большинством граждан обеих стран. В первую очередь, к этим паттернам относятся общая историческая память, славянский культурный код, православные и христианские нравственные ориентиры, коллективистские традиции взаимопомощи, единое образовательное и научное пространство, а также сходные модели семейных и межпоколенных отношений. Отмеченные универсалии и паттерны выполняют функцию смыслового каркаса интеграции, обеспечивая легитимность союзного проекта в сознании

людей и создавая возможности для устойчивого социально-экономического и политического взаимодействия [2].

Вместе с тем процесс изучения и анализа возможных деструктивных воздействий на социокультурные универсалии сопряжён с серьёзными методологическими сложностями, который отмечается в современной науке. Стоит отметить, что в современной исследовательской практике нередко смешиваются категории социального риска и социальной угрозы, что ведёт к размыванию стратегий реагирования. Все отмеченное выше ведет к тому, что превентивные меры подменяются экстренными, а системный мониторинг уступает место фрагментарной фиксации последствий. Комплексный подход к минимизации и устранению негативных факторов в масштабах всего Союзного государства пока не сложился, хотя именно здесь, на стыке двух близких, но не тождественных культур, уязвимость универсалий особенно высока. Глобализационные процессы, усиливающиеся геополитические противоречия и внутренние социальные дисфункции создают поле, в котором традиционные ценности и ориентиры подвергаются эрозии, а общее культурное достояние оказывается под угрозой фрагментации.

Для выработки адекватных мер противодействия необходимо строго разграничивать риски и угрозы применительно к социокультурным универсалиям Союзного государства. Риски — это совокупность вероятностных условий и факторов, которые при отсутствии целенаправленной профилактики могут привести к ослаблению или искажению универсалий, они носят прогностический характер и фиксируют зоны потенциальной нестабильности. Угрозы, напротив, представляют собой реально действующие силы, процессы и явления, уже оказывающие деструктивное воздействие на общие ценности, идентичность и социальную реальность Союзного государства, приводящие к снижению интеграционного потенциала и отчуждению между народами.

Социальные риски для Союзного государства можно классифицировать следующим образом: структурные, институциональные, социально-психологические. Структурные риски обусловлены возможной дифференциацией уровней социального развития регионов России и Беларуси, которая может спровоцировать взаимные предубеждения и чувство неравенства, снижающие доверие и общую солидарность участников интеграции. Институциональные риски проявляются в недостаточной скоординированности образовательных, молодёжных и информационных политик двух стран, что может создать предпосылки для рассинхронизации ценностных ориентаций у молодежи и новых поколений. Социально-психологические риски включают вероятность роста недоверия к союзным институтам и разочарования в интеграционных перспективах под влиянием внешнего гибридного воздействия.

Социокультурные угрозы для Союзного государства, в отличие от социальных рисков, могут проявляются в конкретных деструктивных формах. В социальной сфере к числу актуальных угроз относятся:

- устойчивая дифференциация социальных групп по этническим, языковым или конфессиональным признакам,
- кризис общей гражданской идентичности, когда граждане России и Беларуси всё реже идентифицируют себя с союзным будущим;
- неудовлетворённый запрос на социальную активность и отсутствие ясных долгосрочных перспектив снижает готовность граждан к участию в интеграционных проектах и подрывает доверие к наднациональным институтам.

Гражданское общество Союзного государства выступает фундаментом устойчивости политической системы как во внутреннем, так и во внешнем измерении, а подключение общественных формирований способно не только ускорить создание единой безбарьерной экономики и синхронизировать налогово-таможенные системы, но и дать народам обеих стран чёткое понимание смыслов и хода интеграции, что в условиях беспрецедентного санкционного давления коллективного Запада приобретает особую актуальность и ценность [4, с.67].

Ещё более масштабный характер носят социокультурные угрозы, непосредственно направленные на размывание традиционных ценностей. Вестернизация, агрессивно навязывающая либерально-индивидуалистические ценности, вступает в конфликт с традиционной солидарностью и соборностью, присущими российско-белорусскому культурному типу. Массовизация и примитивизация культурного продукта, ориентированного на гедонистическое потребление, вытесняют классическое наследие и высокие образцы искусства, которые составляли общий фонд двух народов. Технологизация и виртуализация коммуникаций, при всём их прогрессивном значении, приводят к замещению живого межличностного общения цифровыми симулякрами, разрыву традиционных каналов трансляции духовного опыта.

Ключевой социокультурной угрозой для стратегического развития Союзного государства выступает несформированность целостной интеграционной политики на наднациональном уровне, при которой разрозненные национальные политики участников лишены должной координации. В результате реализации данной социальной угрозы возможна утрата ценностного и культурного базиса для интеграции, что будет характеризоваться невозможностью сохранения общего культурно-цивилизационного пространства [3, с. 24-25].

Таким образом, анализ процессов противодействия социокультурным деформациям в рамках Союзного государства позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов:

Во-первых, необходима чёткая дифференциация социальных рисков и угроз на уровне научного дискурса и управленческой практики. Стоит отметить, что превентивные меры должны быть направлены на минимизацию рисков, а экстренные меры на купирование уже действующих угроз.

Во-вторых, комплексный подход требует синхронизации политик России и Беларуси в гуманитарной сфере и общественном секторе. Необходима активизация разработок наднациональных механизмов мониторинга состояния социокультурного пространства Союзного государства и оперативного реагирования на выделенные социальные риски и угрозы.

В-третьих, особое значение приобретает разработка системы индикаторов раннего предупреждения, позволяющих отслеживать переход рисков в фазу угроз. Создание таких индикаторов в первую очередь актуально в условиях гибридного противостояния, где сохранение традиционного социокультурного пространства является залогом сохранения суверенитета наших стран.

Стоит отметить, что без сохранения и укрепления общих социокультурных универсалий любая интеграционная стратегия останется формально-институциональной конструкцией, которая превращается в имитационную практику. Решение этой задачи требует глубокого междисциплинарного осмысления природы современных социокультурных трансформаций, что позволит перейти от пассивного наблюдения к проектированию устойчивого общего ценностного пространства Союзного государства.

Анализ показывает, что в условиях геополитической турбулентности и активизации гибридных угроз существующий уровень институциональной и социокультурной консолидации Союзного государства является недостаточным, необходимо формировать проактивный «социальный иммунитет» Союзного государства как самостоятельного субъекта международных отношений, способного отстаивать свои ценностные ориентиры в многополярном мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Яркова, Е. Н. Человек и общество: социокультурные универсалии и специфика России / Е. Н. Яркова // Социум и власть. – 2010. – № 1. – С. 10–14.

2. Бабосов Е. М. Специфика развития фундаментального социального института государства в XXI веке (на примере России и Беларуси) / Е. М. Бабосов // Экономика. Социология. Право. – 2024. – № 1 (33). – С. 42–47.

3. Бахлова, О. В. Возможности и угрозы для интеграционного взаимодействия Беларуси и России в рамках Союзного государства: стратегический ситуационный анализ. часть 2 / О. В. Бахлова, И. В. Бахлов // Управленческое консультирование. – 2022. – № 7 (163). – С. 23–36.

4. Бобков, В. А. Союзное государство: модель интеграции и стратегия развития / В. А. Бабков // Беларуская думка – 2022 – № 6 – С. 62–68.

УДК 327.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Мисун Е. Н.
доцент кафедры идеологической работы и социальных наук
УО «Военная академия Республики Беларусь»
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Геополитическое поведение акторов международной политики, лидеров-мнений проявляется через призму их национальных интересов, которые давно вышли за рамки традиционной национальной безопасности и защиты физических границ государства. Все чаще мы констатируем факты вмешательства во внутренние дела государств, нарушение принципов международного права. Социальные конфликты (военные конфликты) приобретают форму непрямого противостояния противника, когда со средствами военной силы (которые как правило используются анонимно и государства не признают факт их применения) используются политические, экономические и идеологические способы влияния. Главным фактором в таком противостоянии выступает механизм экономических санкций, который преследует цель подорвать экономику государства, кардинально изменить бытие людей и тем самым сформировать социальное напряжение, а в дальнейшем и протестные отношения.

Информационная сфера становится ареной межгосударственного противостояния ключевым полем которого выступает массовое сознание, ценностные ориентиры общества. Электронные средства массовой информации оказывают всеобъемлющее влияние как на общественно-политическую обстановку (провоцирование внутренних конфликтов, разрушение государственных принципов), так и на социально-экономические процессы.

Еще в 2021 году Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко отмечал, что «….на территории нашей страны недругами развязана информационная война, уже не противоборство» [1]. Этот же тезис год спустя А.Г. Лукашенко повторил на совещании о текущих вопросах деятельности средств массовой информации: «Идет информационная война. Глобальная информационная война, участниками которой мы являемся. Не скажу, что это по нашей воле» [2]. И сегодня эта тема актуальна как никогда. В современном мире информация является мощным оружием. Фейковые новости и дезинформация могут подрывать доверие к государственным институтам, а также создавать хаос в обществе. Это особенно опасно в условиях глобальной цифровизации, когда информация распространяется мгновенно и без границ. Мы все чаще сталкиваемся с беспрецедентным влиянием новых информационных технологий, которые развиваются настолько стремительно, что еще недавние фантастические сценарии обретают реальные очертания. Еще совсем недавно фантастичным для нас являлся киборг из «Терминатора», или робот-полицейский из «Робокоп». А сегодня в Китае работают школы для гуманоидных роботов, в которой они осваивают элементарные профессиональные и бытовые навыки.

Искусственный интеллект дал человечеству как колоссальные возможности, так и риски. Его аналитические возможности в юриспруденции, социологии и психологии, медицине, кибернетике впечатляют, но и одновременно вызывают опасение. Сегодня все чаще стали

звучать опасения по поводу внедрения искусственного интеллекта, пророчества о его возвышении или стремительном отвоевании жизненного пространства у человека. Нередки стали вопросы определения и его субъектности — кто несет ответственность за предоставленный и конструированный контент, и возможно ли в современных условиях это установить. Безусловно, до сильного и обладающего самосознанием искусственного интеллекта еще далеко и действует он сейчас как алгоритм, написанный человеком, но уже сейчас мы видим, что его можно научить преследовать свои цели и действовать.

Можем констатировать, что искусственный интеллект мощный игрок не только на внутреннем, но на внешнем контуре. Безусловно, следует согласиться с компетентным мнением, что с одной стороны он является стратегическим инструментом в модернизации национальной экономики стран, способствует повышению ее конкурентоспособности, устойчивому инновационному развитию. С другой стороны — это инструмент политического и военного влияния. Дестабилизирующие эффекты искусственного интеллекта проявляются в использовании новейших технологий в развязывании военных конфликтов, формировании киберугроз, дезинформировании общественности и т.п. Ведется активная борьба не только за территории, но и умы людей.

Сегодня в мире наблюдается экспоненциальный рост контента, предназначенного для общественности, который может быть направлен как в сторону созидания, просвещения, расширения ее осведомленности, так и в сторону деструктивного воздействия на нее. Основными каналами выступают онлайн пространства, социальные сети, сетевые сообщества. Напряженность, наблюдаемая на внешнем контуре, политическая нестабильность многих стран, делают любой инструмент дезинформации социально опасным явлением. В последнее время мы все чаще стали сталкиваться в обыденной повседневности с таким явлением как дипфейки, искусственно созданные видео-аудио записи известных политиков, которые максимально реалистичны и правдоподобны. Такие сфабрикованные заявления известных государственных деятелей способны нанести существенный вред национальной безопасности страны. По мнению экспертов созданные с помощью искусственного интеллекта высококачественные поддельные видео или изображения является мощным инструментом, который может быть использован деструктивными лицами для подрыва доверия к правительствам и политическим лидерам.

На сегодняшний день технологии искусственного интеллекта уже достигли такого уровня, что не всегда даже опытные знатоки могут отличить подделку от реальности. Опасность заключается также в том, что любое синтетически сгенерированное видео, благодаря особенностям интернет – пространства, может очень быстро разойтись по всему миру, спровоцировав волнения и общественный резонанс, прежде чем будет доказано, что он сгенирован нейросетью. Дипфейки — это полноценный инструмент информационно-психологического воздействия и элемент гибридных стратегий, которые активно используются во всем мире в военных и иных целях. Один вирусный ролик способен спровоцировать дипломатический скандал, вызвать панику или повлиять на ход боевых действий. Они рассчитаны на мгновенный эффект: даже если опровержение появляется спустя час, эмоциональная реакция уже произошла.

Для Республики Беларусь эта технология тоже является актуальной. Дипфейки с участием политических лидеров и чиновников Республики Беларусь используются в мошеннических схемах и для информационных вбросов, имитируя официальные заявления. Так, в ноябре 2024-го в соцсетях было распространено видео, на котором глава Наровлянского райисполкома В.П. Антоненко заявлял о введении с 23 ноября комендантского часа на вверенной ему территории. Оригинальное видео с выступлением нашлось сразу. И, естественно, говорил он о другом. С помощью нейросетей были сгенерированы и видео заявления председателя Гомельского облисполкома И.И.Крупко. В одном из фейков ему приписывали ложные слова о рисках авиасообщения с Россией, в другом — утверждения о масштабных поставках эшелонов с топливом с Мозырского НПЗ в Россию на фоне якобы тяжелой ситуации у соседа. Известны случаи подобных видео и с Президентом Республики

Беларусь А.Г. Лукашенко. Появление подобных роликов свидетельство того, что технологии, созданные для упрощения жизни людей, намерено используются по другому назначению.

Вместе с тем, стоит отметить, что несмотря на существующие риски, дипфейки вряд ли приведут к прямой военной эскалации, поскольку политики и дипломаты уже осознают потенциал этих технологий. Негативные явления сферы сетевой коммуникации безусловно нейтрализуются на законодательном уровне национального информационного поля, а также путем повышения уровня медиаграмотности населения, развития критического мышления и умения оценивать входящую информацию и проверять источник. Так уже с этого учебного года в средних образовательных школах Республики Беларусь планируется изучать как работает искусственный интеллект. В программе изучения вопросы, связанные с работой с запросами, проверкой достоверности информации, моделированием и критическим анализом информации. Отдельное внимание будет уделено темам защиты персональных данных, распознаванию интернет-мошенничеств и дипфейков. Это еще один шаг к формированию осознанного общества потребителей информации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Информационное агентство «БелТА» : [сайт].- URL:https://www.belta.by/president/view/idet-informatsionnaja-vojna-lukashenko-prognoziruet-usilenie-informatsionnogo-protivostojanija-435756-2021/ (дата обращения – 07.07.2026).

2. Администрации Президента Республики Беларусь «Издательский дом «Беларусь сегодня» : [сайт]. – URL: https://www.sb.by/articles/lukashenko-protiv-nas-razvyazana-polnomasshtabnaya-informatsionnaya-voyna-i-proigrat-ee-my-ne-mozhem.html (дата обращения – 07.07.2026).

УДК 351.85

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ МЕНЕДЖЕРОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Мицкевич Ю. В.
доцент кафедры менеджмента и коммуникаций ЧУО «ИСЗ имени а.М. Широкова»
кандидат педагогических наук, доцент
г. Минск, РБ

Глобализация, цифровизация, трансформация предпочтений целевой аудитории требуют от специалистов в сфере культуры не только профессиональных знаний, но и развитых организационно-управленческих компетенций. Так, в современном мире особую актуальность среди менеджеров в сфере культуры приобретают такие организационно-управленческие компетенции, как стратегическое планирование, лидерство, привлечение внебюджетных средств, способность адаптироваться к новым условиям, цифровая грамотность.

Менеджеры в сфере культуры – это специалисты, которые координируют работу социально-культурных институтов (театров, музеев, галерей, центров досуга, филармоний, спортивных комплексов), а также участвуют в реализации творческих проектов. Они являются регуляторами социально-культурной деятельности разных категорий населения, оказывая воздействие на процесс их социализации, инкультурации, интериоризации (активизируются память, мышление, речь).

Что касается креативной составляющей деятельности менеджера в сфере культуры, то он часто занимается организацией и координацией культурных мероприятий, таких как выставки, концерты, театральные постановки, фестивали и другие значимые события. Он разрабатывает проекты, включая культурные программы, образовательные инициативы и общественные акции, а также обеспечивает их результативность.

Менеджер в сфере культуры или его называют ещё арт-менеджером осуществляет управленческую деятельность в социокультурном секторе услуг и основными его задачами являются: обеспечение ресурсами, разработка стратегии поведения, организация

рекреационно-развивающего процесса, координация действий творческого коллектива, мониторинг результатов. Как считает Мотульский Р.С., управленческий статус менеджера в коллективе может быть реализован в трех различных позициях: администратор (поддерживает порядок в рамках созданных правил и регламентов); руководитель (ориентирован на взаимодействие с командой, отвечает за то, как выполняется работа); управленец (выстраивает процессы, стратегии, системы, отвечает за результат) [1, с. 50].

Следует подчеркнуть, что менеджер в сфере культуры часто работает в тандеме с художественным руководителем коллектива. У них разные зоны ответственности, однако от того, насколько скоординированы их действия, зависит общий результат творческой деятельности. Так, художественный руководитель определяет творческую концепцию и репертуарную политику, отвечает за уровень исполнительского мастерства и художественную ценность, проводит репетиции, отбирает участников или артистов. арт-менеджер – управляет финансами, бюджетом и поиском спонсоров. Занимается организацией гастролей, логистикой и продажей билетов, отвечает за маркетинг, рекламу и юридические вопросы (контракты, авторские права), занимается закупкой реквизита, ведением учётно-отчётной документации.

Отметим, что в Республике Беларусь разработана и выполняется Государственная программа «Культурное пространство», ориентированная на реализацию приоритетов социально-экономического развития на 2026–2030 годы и решение задач государственной политики в сфере культуры [2]. В частности, подпрограмма 2 «Искусство и творчество» направлена на поддержку развития профессионального искусства, функционирования театрально-зрелищных организаций и др. Что касается деятельности менеджеров в сфере культуры, то в ближайшей перспективе основными направлениями их работы будут следующие: создание условий для дальнейшего развития художественного творчества, достижения высоких художественных результатов и экономической конкурентоспособности в области профессионального искусства; обеспечение повышения качества и расширения ассортимента культурных продуктов и услуг; стимулирование потребления населением культурных благ и услуг; обеспечение популяризации достижений белорусского художественного творчества.

Сторонники компетентностного подхода и термина «компетенций» в контексте оценки персонала полагают, что в условиях перехода к рыночной экономике определённые виды компетенций обеспечивают конкурентоспособность организаций. Постепенно понятие «профессионально-важные качества» (ПВК) трансформировалось в компетенции. Компетенции в сфере культуры представляют собой комплекс требуемых характеристик (качеств), в частности, менеджера, которые он проявляет в реальной деятельности для успешного достижения поставленных рекреационно-развивающих целей в конкретных социально-культурных институтах.

Перечень профессиональных компетенций менеджера в сфере культуры включает:

– навык организации работы коллектива;

– сопричастность к образу жизни творческого коллектива, понимание его потребностей и целей;

– мониторинг трендов и тенденций в области культурной жизни страны и мира;

– расчет необходимого бюджета и подготовка сметы для реализации творческих проектов;

– владение правовыми аспектами осуществления деятельности для заключения договоров с артистами и подрядными организациями;

– применение специализированного программного обеспечения для создания текстов, презентаций и редактирования графического оформления выступлений;

– способность к эффективным межличностным коммуникациям;

– умение работать в стрессовых ситуациях;

– наличие креативного мышления.

Следует отметить, что для менеджеров в сфере культуры важно соблюдать следующие принципы:

– уважение личного достоинства человека;
– предоставление личности свободы выбора;
– вера в потенциальные возможности человека;
– создание атмосферы доверия на основе взаимоуважения;
– развитие инициативы, творческих способностей, умение найти себя в творческом коллективе и др.

На наш взгляд, для менеджера в сфере культуры важно также демонстрировать профессионализм в области современного социокультурного менеджмента и маркетинга, а также иметь высокий уровень общей культуры и эрудиции. Это значит, что он свободно ориентируется в современных художественных трендах, выстраивает конструктивный диалог с творческим сообществом, тем самым завоевывает авторитет у режиссеров, художников, музыкантов. Эрудиция позволяет арт-менеджеру глубже чувствовать запросы и культурные предпочтения современных посетителей социально-культурных институтов. Высокий уровень личной культуры помогает ему вести успешные переговоры со спонсорами, партнерами и представителями органов власти.

Таким образом, организационно-управленческие компетенции арт-менеджеров выступают фундаментом для эффективной деятельности в сфере культуры. Их роль заключается в обеспечении жизнеспособности социально-культурных институтов в условиях высокой конкуренции за внимание аудитории. Должность менеджера в сфере культуры предполагает необходимость принятия решений, работы с большими объёмами информации, распределения имеющихся ресурсов, координации деятельности творческих работников. Развитие организационно-управленческих компетенций арт-менеджера напрямую определяет будущее всей сферы культуры, а также качество времяпрепровождения разных категорий населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мотульский, Р. С. Основы менеджмента : учеб.-метод. комплекс для обучающихся специальности 6-05-0314-03 Социально-культурный менеджмент и коммуникации [Электронный ресурс] / Сост. Р. С. Мотульский. Электрон. дан. (0,8 Мб). – Минск : Институт современных знаний имени а. М. Широкова, 2024. – 105 с.

2. Госпрограмма «Культурное пространство» на 2026–2030 годы: цели, задачи, мероприятия // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2026/january/91817. – (дата обращения: 23.06.26).

УДК 323

СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ: ПОТЕНЦИАЛ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

Мирошниченко И. В.
проректор по стратегическому развитию и международной деятельности,
зав. кафедрой государственной политики и публичного управления КубГУ
доктор политических наук, доцент
г. Краснодар, Россия

Социальная архитектура политики развития территорий представляет собой новую исследовательскую и одновременно политико-управленческую оптику, которая интегрирует компоненты субъективного пространства политики и институциональные практики. Эвристические возможности аналитического инструментария социальной архитектуры заключаются в использовании комплекса нематериальных ресурсов к оценке потенциала, организации процессов и результатов политики развития территорий.

На уровне эмпирических данных комплексы нематериальных ресурсов могут приобретать разные конфигурационные характеристики, которые могут влиять на содержательные, институциональные, процессуальные и технологические характеристики политики развития территорий. Человеческий потенциал как нематериальный ресурс определяется возрастными характеристиками, уровнем образования и здоровья местного населения. Характеристики локальной идентичности связаны с ее темпоральной направленностью (ретроспективная/перспективная); вовлеченностью населения (позитивной/негативной), интегративным качеством (эксклюзивная/инклюзивная). Конфигурации лидерства зависят от его субъектности (индивидуальное/коллективное), происхождения (местный/неместный), различаются способами действий (традиционное/инновационное), по степени институционализации (формальное/неформальное), по характеру взаимодействия с местным сообществом (консолидирующее/автономное). Социальный капитал приобретает различные формы в зависимости от преобладающих типов социальных связей в местном сообществе (социальный капитал как частное благо / социальный капитал как общественное благо) и по характеру институционализации (неформальная/формальная). Институты развития могут приобретать различные конфигурации на основе следующих признаков: по типу институционализации (формальные/неформальные); по уровню публичного управления (локальные/региональные/территориальные); по институциональному профилю развития (институты развития бизнеса / институты развития НКО/ поддержки развития территорий в рамках реализации национальных проектов и/или инициативного бюджетирования). Социально-психологические ресурсы характеризуется уровнями социальной солидарности, доверия к действующей муниципальной власти и субъективного благополучия.

Автором на основе интерпретации эмпирических данных, полученных в рамках полевого исследования, и теоретического моделирования была построена интеллектуальная структура, которую можно описать как пирамиду нематериальных ресурсов. В основе пирамиды лежат ресурсы первого порядка, к которым относятся локальная идентичность, человеческий потенциал и лидерство. Второй уровень пирамиды составляют ресурсы второго порядка, к которым относятся социальный капитал и институты развития. На вершине пирамиды находятся ресурсы третьего порядка, включающие в себя гражданскую солидарность, доверие и субъективное благополучие. Ресурсы первого порядка – человеческий капитал, локальная идентичность и лидерство – создают условия для проектирования и реализации политики территорий, определяют ее содержание и институциональные практики [1,2].

Данные ресурсы при определенных конфигурационных характеристиках и интеграции их в политику развития территорий создают условия включенности всех субъектов социально-политической и социально-экономической деятельности, включая различные группы граждан, в проектирование социальных изменений, определение желаемого образа будущего и реализацию данных изменений, воплощенных в стратегии и проекты развития [3, 4].

В политико-управленческом аспекте инструментарий социальной архитектуры на уровне практических действий позволяет вырабатывать и реализовывать на практике уникальные стратегии развития территорий, учитывающих специфику их социокультурных, социально-экономических и природных ресурсов, при этом не только сохраняя традиции, сложившиеся в регионе или муниципалитете, но и используя инновационные управленческие практики.

Модель интеграции социальной архитектуры в политику развития территорий включает в себя несколько компонентов, каждый из которых основывается по потенциале нематериальных ресурсов:

а) концептуальные компоненты, воплощенные в нарративах ключевых социальных субъектов развития (власти, бизнеса, структур гражданского общества и активных граждан) и стратегиях развития территорий, которые содержат образ будущего региона/муниципального образования; в основе концептуальных компонентов – позитивная перспективная локальная

идентичность представителей территориального сообщества; интеллектуальные ресурсы и профессиональные компетенции лидерского сообщества, участвующих в выработке стратегических решений;

в) институциональные компоненты, связанные с такими нематериальными ресурсами как институты развития и социальный капитал, представляют собой институциональную среду системы публичного управления, включая механизмы вовлечения различных групп общественности в процесс выработки и реализации решений, направленных на развитие территорий;

г) технологический комплекс, необходимый для проектирования и реализации политики развития территорий, содержит несколько взаимосвязанных компонентов: технологии укрепления общероссийской гражданской идентичности в структуре многоуровневой идентичности местных и региональных сообществ; технологии формирования образа будущего и ценностной консолидации территориальных сообществ; технологии вовлечения граждан в конструктивную гражданскую активность и выработку стратегических и тактических решений в политике развития территорий;

г) управленческая команда со специфическими ролевыми характеристиками, компетенциями и функциональными задачами, обеспечивающих интеграцию принципов и технологий социальной архитектуры в политику развития территорий;

д) результаты развития, характеризующиеся показателями высокого уровня качества жизни населения, субъективной оценкой социального благополучия граждан, а также уровнем институционального доверия к власти.

Имплементация данной модели в практику публичного управления создает условия для реализации уникальных, учитывающих всю сложность социально-экономической и социокультурной специфики территорий, сценариев развития, но обеспечивающих устойчивую позитивную вовлеченность различных субъектов публичного управления в выработку решений в отношении достижения желаемого образа будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мирошниченко, И. В. Нематериальные ресурсы в политике развития сельских территорий: пирамида возможностей / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова, Н. Т. Русия // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 1. – С. 101–117.

2. Analysing Rural Development Models Based on Intangible Assets and Socio-Economic Development / I. V. Miroshnichenko, O. V. Doroshenko, M. V. Tereshina [et al.] // Sustainability. – 2024. – Vol. 16, № 23. – P. 10613.

3. Патент на промышленный образец № 145952 Российская Федерация. Схема «комплекс нематериальных ресурсов политики развития сельских территорий»: заявл. 23.09.2024: опубл.. 04.02.2025 / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова, М. В. Терешина [и др.] ; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет».

4. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2024688343 Российская Федерация. Программа для расчета индексов и показателей социально-экономического развития сельских поселений “Index-SED”: № 2024687964 : заявл. 21.11.2024 : опубл. 27.11.2024 / О. В. Дорошенко, И. В. Мирошниченко, М. В. Терешина ; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет».

УДК 001.8+327

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XXI ВЕКА

Молчанов П. Ю.
старший преподаватель кафедры философии и политологии БГМУ,
г. Минск, Беларусь

Переход к полицентричной модели мира в первой трети XXI века сопровождается кризисными амбивалентными процессами во всех подсистемах общества. Это такие процессы, как самоорганизация и организация, хаотизация и упорядочивание, аттракция и бифуркация. Влияние флуктуаций на развитие социоприродных систем максимально увеличивается в периоды нестабильности и кризисов. Роль параметров порядка возрастает при выходе сложных нелинейных систем на устойчивые аттракторы их функционирования. Данные процессы объективны и закономерны для развития человечества. Они проявляются во всех сферах общественной жизни синхронным или асинхронным образом и в каждую эпоху наполняются конкретно-историческим содержанием. В первой трети XXI века основные векторы общесистемного развития техногенной цивилизации связаны с формированием нового мирового порядка. Из разнообразных по форме и содержанию вариантов будущего мирового сообщества можно выделить два основополагающих направления преобразований – эгалитарно-демократическое и элитарно-авторитарное. В результате следования в русле того или иного из данных направлений формируются альтернативные стратегии развития человечества конструктивного и деструктивного характера. Поэтому возникает необходимость социально-философского осмысления эгалитарно-демократического и элитарно-авторитарного путей социодинамики с целью оценки возможных последствий их реализации для будущего полицентричного мира.

Эгалитарно-демократическое направление в развитии современной техногенной цивилизации характеризуется ростом степеней свободы в основных общественных подсистемах. В социально-экономической сфере – это либерализация рынков, антимонопольное законодательство, поддержка малого и среднего бизнеса, экологизация производственных процессов. В политико-правовой подсистеме – демократизация общественной жизни, расширение прав и свобод граждан, развитие сетевых структур на внутригосударственном и межгосударственном уровнях, усиление роли гражданского общества. В духовно-культурной области – рост свабодомыслия и плюрализма мнений, поиск интегрирующих морально-этических ценностей в контексте диалога культур и цивилизаций.

Эгалитарно-демократическое направление преобразований общественных институтов и отношений стало преобладать в развитии мирового сообщества после распада СССР и социалистической системы государств на рубеже 1980–1990-х гг. и доминировало в первое десятилетие 2000-х гг. Идеологическое и научно-теоретическое обоснование данная стратегия нашла в теории модернизации, в частности – в концепции «конца истории» Ф. Фукуямы [1; 2]. Нормативно-правовым воплощением вышеперечисленных пролиберальных идей являются основополагающие программные документы Организации Объединенных Наций (ООН) по вопросам устойчивого развития природы и общества [3]. Идеалы достижения материального благополучия и высокого социального статуса, свободы самовыражения, политического реформизма и пацифизма, правового равенства и толерантности – все это позиционируется теоретиками либерализма в качестве фундаментальных мировоззренческих ориентиров и воспринимается таковыми значительной частью населения нашей планеты.

К конструктивным последствиям реализации эгалитарно-демократического сценария развития мирового сообщества необходимо отнести повышение благосостояния и улучшение качества жизни значительной части жителей планеты; формирование правового государства и демократического строя, законодательную защиту прав и свобод граждан вне зависимости

от социального статуса; свободу самовыражения и доступность продуктов культуротворчества и научно-технического прогресса для широких слоев населения.

Однако существуют и деструктивные итоги следования по данному направлению общественного развития. В частности, это глобализм и вестернизация. Они направлены на унификацию объективных процессов глобализации в соответствии с общественно-историческим опытом и мировоззренческими ориентирами стран Западной Европы и США. Против этого активно выступают многие представители незападных государств. Кроме того, как отмечает Э. Фромм, политико-экономическая и социокультурная свобода, которую получил «вестернизированный» индивид в Новое и Новейшее время, заставила его чувствовать одиночество, изоляцию, тревогу и принудила к новому подчинению [4, с. 106]. То есть среднестатистический потребитель в массовом обществе первой трети XXI века зачастую готов сознательно или под влиянием манипуляции ограничить свободу в обмен на гарантии безопасности своей собственности и образа жизни. Внутренние психологические механизмы «бегства от свободы» в сочетании с объективными экономическими, геополитическими и экологическими факторами, такими как мировой экономический кризис 2008 г., «цветные революции» и региональные конфликты, эпидемия COVID-19 и др., вызвали ускоренный рост авторитарных процессов и явлений в развитии мирового сообщества после 2010-х гг.

В рамках элитарно-авторитарного направления стали преобладать тенденции к минимизации степеней свободы и повышению роли параметров порядка. В социально-экономической сфере это отразилось в усилении государственного регулирования и укреплении позиций крупного корпоративного капитала. В политико-правовой подсистеме – в ужесточении контроля за развитием общественных отношений и акцентировании внимания на вопросах национальной безопасности, создании региональных и межрегиональных блоков государств. В духовно-культурной области – в процессах реидеологизации и актуализации вопросов национально-культурной идентичности, патриотизма и укреплении соответствующих мировоззренческих ценностей.

К конструктивным результатам претворения в жизнь элитарно-авторитарных тенденций можно отнести упорядочивание внутригосударственных и межгосударственных отношений, обеспечение безопасности и соблюдение законности, выработку четких идеологических и аксиологических ориентиров, учитывающих специфику и традиции народов мира, в противовес ценностному релятивизму постмодернизма. Все это необходимо для стабильного функционирования как отдельных государств, так и человеческого общества в целом. Однако абсолютизация функций организации и контроля в конечном счете начинает блокировать процессы общественного развития и самообновления. Это создает угрозу формирования в XXI веке новых деструктивных форм тоталитаризма.

Особенность неототалитаризма заключается в постепенном переходе от стратегии «жесткой силы» (hard power) к широкому использованию технологий «мягкой силы» (soft power), которые позволяют одним социальным акторам подчинять своей воле других на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, а не прямого принуждения. Опасность этого подхода для населения заключается в том, что люди постепенно и практически незаметно для себя попадают под контроль со стороны различного рода манипуляторов. Причем такое положение вещей представляется гражданам в целом легитимным и не вызывает стремления к активной борьбе за освобождение. Кроме того, с ростом геополитической напряженности и практически повсеместной милитаризации в 2020-х гг. технологии мягкого подчинения могут дополняться жесткими силовыми методами, использование которых обосновывается необходимостью обеспечения национальной безопасности.

Исходя из вышеизложенного можно утверждать, что процесс формирования полицентричного мира в первой трети XXI века является сложным и противоречивым. Объективно строится многополярная архитектоника международных отношений. Вопрос

заключается в том, сколько и на каком уровне системной организации будет новых центров силы, а также какие взаимоотношения установятся между ними.

В эгалитарно-демократическом варианте это равноправное взаимовыгодное сотрудничество стран и регионов, неправительственных организаций и отдельных граждан. Конструктивный сценарий общемирового развития в данном направлении сводится к формированию сетевой цивилизации, которая децентрализована и построена на принципах биомимикрии. Это могут быть как леворадикальные (коммунизм, посткапитализм, экосоциализм и др.), так и праворадикальные проекты (анархо-капитализм, агоризм и др.). Более умеренная программа преобразований существующего миропорядка, который Д. А. Коцюбинский обозначил как «глобальный регионализм», сводится к взаимодополняющему взаимодействию новых и старых центров силы – Китая, Российской Федерации, Индии, Бразилии, Южно-Африканской Республики, ЕС, США, стран исламского мира [5, с. 258–274].

В элитарно-авторитарном сценарии предполагается создание противоборствующих блоков государств наподобие военных союзов в периоды двух мировых войн или «холодной войны» в XX веке. Формально за реализацию эгалитарно-демократического варианта выступают практически все страны мира, в том числе геополитические противники. Но фактически созданы и создаются международные и межрегиональные организации, которые могут стать локомотивами борьбы (в том числе вооруженной) между странами Запада и незападными государствами.

Таким образом, эгалитарно-демократическое и элитарно-авторитарное направления развития полицентричного мира диалектически взаимосвязаны. В общественном сознании первое направление ассоциируется, как правило, с идеалами борьбы за свободу, второе – с обеспечением безопасности. В философии и науке, в культуре и искусстве все чаще поднимается вопрос о ценностном статусе категорий свободы и безопасности для современного человека. Большинство исследователей сходятся во мнении об их взаимодополняющем характере [6, с. 5–8]. Реализация свобод невозможна без обеспечения безопасности. В то же время обеспечение безопасности может привести к подавлению свобод и формированию различных форм тоталитаризма. Поэтому первостепенной становится задача поиска разумного баланса между данными категориями, которые в определенных исторических условиях могут нести в себе как конструктивный, так и деструктивный потенциал для развития человечества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг. : сб. пер. / сост. и пер. В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко, Е. Ю Мелешкина. – М. : Ин-т науч. информ. по обществ. наукам Рос. акад. наук, 2012. – 212 с.

2. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ : Полиграфиздат, 2009. – 588 с.

3. Организация Объединенных Наций : [сайт]. – Нью-Йорк, 2025. – URL: https://www.un.org/ru (дата обращения: 12.07.2026).

4. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм ; пер. с англ. А. В. Александровой. – М. : Изд-во АСТ, 2025. – 288 с.

5. Коцюбинский, Д. А. Новый тоталитаризм XXI века: уйдет ли мода на безопасность и запреты, вернется ли мода на свободу и право? / Д. А. Коцюбинский. – СПб. : Страта, 2022. – 274 с.

6. Елагин, А. Г. Безопасность и свобода в жизнедеятельности человека / А. Г. Елагин // Труды академии МВД России. – 2015. – № 1 – С. 5–8.

УДК 316.7

ТУРИЗМ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВКЛАД В ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЭКОНОМИКУ МАКРОРЕГИОНА

Момотова Т. А.
доцент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. С-Петербург, Россия;
доцент Департамента мировой экономики Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» г. Москва, Россия

Развитие туризма в ЕАЭС имеет большой потенциал. У каждой страны евразийской «пятерки» есть своя специфика и преимущества, особая история и природный потенциал, уникальные туристические объекты и богатейшее культурное наследие. Страны ЕАЭС в настоящее время предлагают целый спектр основных видов туризма: историко-культурный, оздоровительный, религиозный, гастрономический, медицинский, фестивальный, образовательный, экстремальный. Туризм выделен в качестве перспективного стратегического направления евразийской интеграции, о чем свидетельствует включение сферы туризма (наряду с образованием, наукой, здравоохранением, спортом) в новые сферы интеграционного сотрудничества в Стратегических направлениях развития евразийской интеграции до 2025 года [1] и в Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь»[2]. Принятая в декабре 2025 года Концепция развития туризма в рамках ЕАЭС (далее – Концепция) [3] и созданная в апреле 2026 года в ЕЭК специальная рабочая группы высокого уровня по вопросам развития туризма в рамках ЕАЭС [4] являются важными шагами для перехода от декларируемых целей к практическим действиям и совместным проектам.

В настоящее время развитие сотрудничества в сфере туризма в ЕАЭС рассматривается в большей степени с точки зрения вклада в экономику макрорегиона. Так, в Концепции в качестве главных целей сотрудничества выделены: рост турпотока, повышение доли туризма в ВВП государств-членов, повышение конкурентоспособности и улучшение качества общих туристических продуктов. К основным направлениям сотрудничества отнесены: создание единых евразийских туристических программ и маршрутов, объединяющих несколько стран; развитие транспортной и сопутствующей инфраструктуры для удобства путешественников; формирование общего рынка туристических услуг внутри ЕАЭС и использование его потенциала для снижения барьеров. Сотрудничество стран Союза в сфере туризма рассматривается как катализатор экономического роста, важный фактор создания рабочих мест и развития предпринимательства.

Пока в целом в структуре ВВП стран ЕАЭС доля туризма отстает от общемирового показателя (по данным Всемирного совета по туризму и путешествиям, туризм обеспечивает 10,3% мирового ВВП). Серьезные различия по этому показателю наблюдаются и между странами Союза: так, по итогам 2025 года вклад сферы туризма в ВВП в Беларуси составляет около 2%, в России и Казахстане - по 3,1%, в Кыргызстане - 4,3%, в Армении же туризм обеспечивает около 13,5–14% ВВП (такой показатель республике обеспечил прием релокантов). В глобальном Индексе развития путешествий и туризма 2024 (TTDI), опубликованном Всемирным экономическим форумом и охватывающем 119 стран мира, Казахстан занимает 52-е место, Армения - 72-е, Кыргызстан расположился на 102-м месте (Россия и Беларусь в этом рейтинге не указаны) [5]. Не менее серьезными пока остаются различия в стратегических приоритетах и в законодательстве, регулирующем отрасль.

Реализация совместных мероприятий по развитию экономического сотрудничества государств-членов в сфере туризма в рамках Союза, предусмотренных Концепцией, должна способствовать гармонизации национальных подходов и инструментов регулирования,

повышению вклада туризма в совокупный ВВП стран Союза, увеличению взаимного туристического потока, повышению конкурентоспособности туристического сектора и продвижению туристических продуктов. К числу таких мероприятий относятся: разработка и развитие совместных евразийских туристических маршрутов; сотрудничество и обмен опытом по вопросам внедрения цифровых платформенных решений в сфере туризма; взаимодействие по вопросам применения стандартов предоставления туристических услуг в государствах-членах и по вопросам правового регулирования сферы туризма; содействие углублению взаимодействия туристических ассоциаций и операторов и т.д. Реальным результатом сотрудничества являются уже созданные карты евразийских туристических маршрутов, которые включают в себя информацию о 419 туристических объектах и 38 маршрутах и способах передвижения [6]. Ожидается, что эти карты позволят туристам легко и удобно планировать свои поездки по странам ЕАЭС, а также будут способствовать развитию туристической инфраструктуры и увеличению туристического потока.

Важным направлением сотрудничества также является реализация кооперационных проектов в сфере туризма, которые имеют высокую инвестиционную привлекательность. Например, в июле 2026 года Евразийский банк развития (ЕАБР), Акимат города Алматы и группа компаний «ВАСТА» подписали меморандум о готовности сотрудничать в развитии туристических инфраструктурных проектов г. Алматы. По итогам 2025 года южная столица Казахстана вышла на рекордный уровень турпотока, приняв 2,5 миллиона туристов, в том числе из соседних стран, появляются новые гостиницы, глэмпинги, расширяются горные курорты, идет большая работа по развитию горного кластера. Объем частных инвестиций в индустрию гостеприимства вырос до 198,8 млрд тенге. Ожидается, что благодаря сотрудничеству с ЕАБР и компаниями, имеющими практический опыт в реализации туристических проектов, эти темпы будут только увеличиваться [7]. Дополнительный импульс сотрудничеству в сфере туризма должно придать развитие Евразийского транспортного каркаса, в создание которого, по оценкам ЕАБР, инвестируется почти 350 млрд долларов США [8].

При очевидной экономической значимости сферы туризма, не менее важной является социальная роль туризма и его вклад в гуманитарное сотрудничество. Например, в Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года усиление социальной роли туризма выделено в качестве одной из ключевых целей [9]. Однако пока на уровне ЕАЭС социальным и гуманитарным аспектам сотрудничества в сфере туризма уделяется гораздо меньше внимания. Вместе с тем, путешествия испокон веков служили мостом между культурами, а евразийское пространство - с его бескрайними степями, древними городами Шёлкового пути, горными вершинами Алтая и Кавказа - хранит уникальные возможности для диалога народов. Представляется, что именно в период трансформации глобальных экономических связей туризм способен стать не просто отраслью экономики, но и важным инструментом гуманитарного сотрудничества, укрепляющим доверие между государствами и людьми.

Пока туристический потенциал стран евразийского региона используется явно недостаточно для повышения взаимной привлекательности и для привлекательности в глазах стран-партнеров. На текущем этапе развития интеграционного сотрудничества в этой сфере открывается большое пространство для социологии туризма и проведения специальных исследований, в том числе мониторинговых, которые позволили ответить в том числе на следующие вопросы:

Как туризм меняет социальное пространство Большой Евразии, способствует ли он пониманию народов, стран друг друга?;

Управляема ли туристическая отрасль с точки зрения создания образа страны, народа, людей?;

Сближает ли туризм народы евразийского региона в разрезе дихотомического выбора «Свой – Чужой»?;

Является ли туризм источником и инструментом для формирования евразийской идентичности?.

Важным направлением развития туризма как инструмента гуманитарного сотрудничества должен стать молодежный туризм. В целом молодежному направлению евразийского интеграционного сотрудничества сегодня уделяется много внимания - организуются летние школы, молодежные научные конференции, академические обмены. При всей важности данных мероприятий и инициатив (в основном реализуемых усилиями отдельных университетов), они пока не носят системного характера, а потому не могут внести существенный вклад в формирование обновленного социального фундамента для реализации долгосрочных стратегических экономических и политических задач углубления евразийской интеграции. Показательными в этой связи являются результаты пилотного этапа исследования «Будущее Евразии глазами молодежи»[5], проведенного в марте-апреле 2026 года с целью апробации количественного (анкетный опрос) и качественного (фокус-граппы с элементами форсайт-сессии) инструментария. Данный проект должен помочь выявить уровень информированности молодых людей о процессах евразийской интеграции, их отношение к международному сотрудничеству на евразийском пространстве, а также представления о будущем развития Евразии. Как показали результаты пилотного исследования, молодежь в целом признает наличие общих ценностей и потенциала сотрудничества на евразийском пространстве. Несмотря на общую осведомленность о значимых направлениях сотрудничества, современная российская молодежь плохо знает ближайшие страны-соседи, их культуру, традиции, политическую и экономическую ситуацию, обладает ограниченной информированностью о конкретных кооперационных проектах и институтах евразийской интеграции. Большинство российских студентов пока не посещали страны ЕАЭС. При этом, отвечая на вопрос «Какой личный вклад в развитие интеграционных процессов на евразийском пространстве Вы можете внести?» (вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответов из предложенных) российские студенты поставили на первое место именно туризм и интерес к истории и культуре других стран (57,8%) (среди других выбранных ответов были: изучение языков (50%), участие в образовательных и молодежных программах (44,2%), стажировки и работа в зарубежных компаниях (46,7%) и исследовательские/аналитические проекты (36,7%)). В целом поддержка евразийской интеграции среди молодежи зависит от восприятия личных и профессиональных выгод, связанных с международным сотрудничеством. Молодые люди готовы участвовать в интеграционных проектах, если видят реальные механизмы личного и профессионального включения. Важным каналом и инструментом такого вовлечения и одновременно формой развития молодежного образовательного туризма могла бы стать евразийская программа академической мобильности, о необходимости которой давно говорят эксперты [10], но которая пока так и не разработана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 09.09.2026).

[5] Проект реализуется Международной (некоммерческой) ассоциацией исследовательских агентств «Евразийский монитор» (https://eurasiamonitor.org/) совместно с Российским Фондом развития и поддержки социологических и маркетинговых исследований «Future Research — Исследования Будущего» (https://researchfund.ru/). Количественное исследование на основе общероссийской репрезентативной выборки будет проведено в период осень 2026 - зима 2027 года. В качестве респондентов пилотного этапа исследования , проведенного в виде онлайн опроса в марте-апреле 2026 года, выступили студенты нескольких вузов Москвы и Санкт-Петербурга (в общей сложности 95 человек).

2. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Гарант: [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/408293527/ (дата обращения: 09.09.2026).

3. Решение Высшего совета ЕАЭС от 21.12.2025 № 19 «О Концепции развития туризма в рамках Евразийского экономического союза».

4. Распоряжение Коллегии ЕЭК от 28.04.2026 № 58 «О рабочей группе высокого уровня по вопросам развития туризма в рамках Евразийского экономического союза».

5. Travel & Tourism Development Index 2024 // World Economic Forum: [сайт]. – URL: https://www.weforum.org/publications/travel-tourism-development-index-2024/digest/.

6. Туризм в ЕАЭС: какую страну больше всего посещают. 30 ноября 2024 г. // Интернет-портал СНГ: [сайт]. – URL: https://e-cis.info/news/566/123166/?ysclid=mu5klh9fep991096249.

7. Достигнуты договоренности о развитии туристических проектов в г. Алматы. 26 июня 2026 г. // Евразийский банк развития: [сайт]. – URL: https://eabr.org/press/detail/dostignuty-dogovorennosti-o-razvitii-turisticheskikh-proektov-v-g-almaty/.

8. 402 транспортных проекта на $345 млрд, еще $100 млрд — в планах: ЕАБР обновил данные по Евразийскому транспортному каркасу. 23 июля 2026 г. // Евразийский банк развития: [сайт]. – URL: https://eabr.org/press/detail/402-transportnykh-proekta-na-345-mlrd-eshche-100-mlrd-v-planakh-eabr-obnovil-dannye-po-evraziyskomu-/.

9. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р.

10. Программа развития академической мобильности. Рабочий документ 24/1. Апрель 2024 // Евразийский банк развития: [сайт]. – URL: https://eabr.org/analytics/special-reports/programma-razvitiya-akademicheskoy-mobilnosti/ (дата обращения: 09.09.2026).

УДК 331.5:316.346.2(476)

РОЛЬ БЕЛОРУССКИХ ЖЕНЩИН В РАЗВИТИИ НАУКИ И ОБЩЕСТВА И ИХ ПОВЕДЕНИЕ НА РЫНКЕ ТРУДА

Морозова Н. Н.
заведующий отделом экономики сферы услуг
ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»
кандидат экономических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Современная Беларусь представляет собой пример государства, в котором принципы гендерного равенства закреплены на конституционном уровне и последовательно реализуются на практике. Женщины составляют 54% населения страны, и их вклад в развитие науки, экономики и общественной жизни становится всё более значительным. В Беларуси 2026 год, объявленный Годом белорусской женщины, предоставляет возможность системно осмыслить ту роль, которую представительницы прекрасного пола играют в научной сфере, государственном управлении и на рынке труда, а также проанализировать вызовы, с которыми они сталкиваются на этом пути.

Путь женщин в академическую науку был не простым на протяжении длительного периода научное сообщество не признавало женщин в качестве полноправных субъектов научной деятельности, считая эту отрасль мужской сферой. В начале XX века в массовом сознании господствовало убеждение, что женщины не должны стремиться к высшему образованию, поскольку это отвлекает их от домашних обязанностей и уходом за детьми. Значительный прорыв произошёл после Октябрьской революции, когда женщинам на законодательном уровне были предоставлены равные возможности с мужчинами и произошло закрепление юридически их прав на получение образования. С конца XX в. неуклонно рос тренд доли женщин в составе научных кадров республики. «В истории Национальной академии наук Беларуси насчитывается всего три женщины-академика: Анна Михайловна Панкратова (1940 г.), Любовь Владимировна Хотылева (1980 г.) и Эмилия Ивановна Коломиец

(2021 г.)». Этот факт свидетельствует о том, что, несмотря на общий прогресс, высшие ступени академической иерархии долгое время оставались труднодоступными для женщин.

По данным Национального статистического комитета Беларуси (далее – Белстат), женщины составляют 38,1% от общего количества исследователей в стране. Среди кандидатов наук их доля достигает 40,8%, тогда как среди докторов наук — 22,3%. Эти цифры отражают так называемый «стеклянный потолок»: на нижних ступенях научной карьеры женщины представлены достаточно широко, но по мере продвижения к высшим учёным степеням их доля сокращается. Показательная ситуация наблюдается в Национальной академии наук Беларуси, где достигнут гендерный паритет: доля женщин-исследователей составляет 49,6%. Среди сотрудников Академии доля женщин — кандидатов наук выше, чем в среднем по стране (около 47%), а каждая пятая женщина-исследователь имеет докторскую степень.

В вузовской науке женщины составляют более 57% профессорско-преподавательского состава; среди докторов наук их около 26%, а среди кандидатов — порядка 54%. Анализ показал, что женщины-исследователи наиболее широко представлены в медицинских, сельскохозяйственных и гуманитарных науках (рис.1).

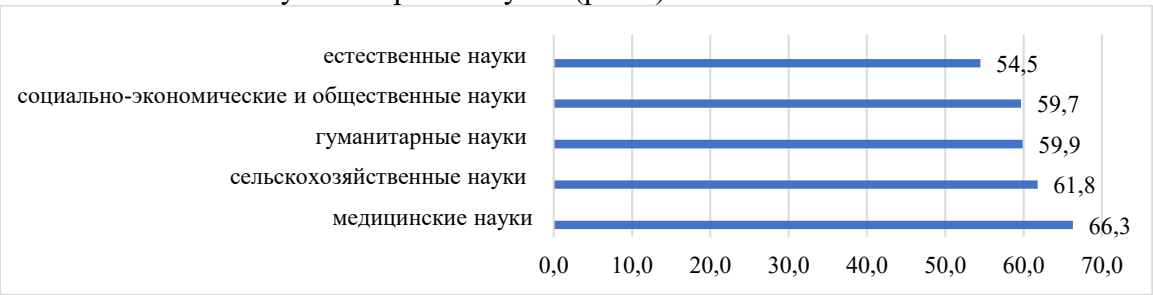

Рисунок 1. Доля женщин по направлениям научных исследований

В то же время общемировая тенденция показывает, что в технических областях сохраняется существенный гендерный дисбаланс: среди выпускников соответствующих факультетов женщины составляют лишь около 28%, а в технических науках их доля среди исследователей не превышает 27%. Отметим, что белорусские женщины помимо научной сферы активно участвуют в государственном управлении и общественной жизни. Государственные органы Беларуси представлены женщинами на 70%, свидетельствуя о том, что страна находится в тренде популяризации государственной службы именно для женщин.

Мировой опыт по оценкам ЮНЕСКО показал, что средняя доля женщин в науке в мире составляет 33,3%. Среди них такие крупные экономики, как Соединенные Штаты, Индия и Китай. В Европе от среднего показателя отстают сразу четыре страны: Люксембург (32,5%), Венгрия (30,8%), Финляндия (30,3%) и Германия (27,9%) (рис. 2).

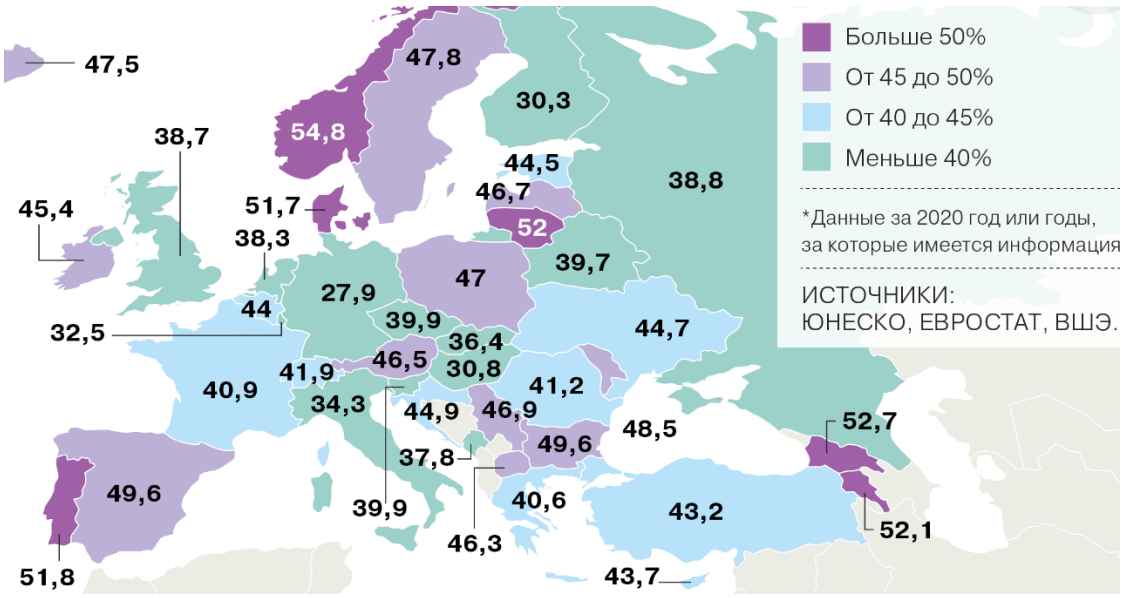

Рисунок 2. Процент женщин среди исследователей в странах Европы и России

Поведение белорусских женщин на рынке труда характеризуется следующими показателями: уровень занятости белорусских женщин в возрасте 15–74 лет составляет 64,7%, а среди женщин трудоспособного возраста — 85,6% (этот показатель у женщин на 1,5% выше, чем у мужчин). Как отмечают представители Белстата «если говорить о мировых тенденциях – это уникальный случай... в нашей стране уровень женской занятости выше, чем у мужчин».

В Беларуси, как и в других странах, наблюдается четкое распределение по видам деятельности. «Основная сфера женской занятости — сфера услуг, при этом в отличии от сферы производства уровень оплаты здесь в ряде отраслей ниже, чем в среднем по стране... женщины продолжают трудиться в условиях горизонтальной и вертикальной сегрегации на рынке труда и получают в среднем меньшую заработную плату, чем мужчины. Для устранения такого типа гендерного неравенства недостаточно одинаковое участие мужчин и женщин в трудовой деятельности, а требуется трансформация структуры спроса на рынке труда на сферу услуг» [1, с. 359].

Традиционно по данным Белстата приоритетными сферами занятости белорусок остается сфера услуг и максимальный процент приходится на здравоохранение и социальные услуги – 84,8 % (рис. 3). Однако наблюдается устойчивая тенденция к освоению женщинами нетипичных для них сфер деятельности, например — IT-сектор: если ранее доля женщин здесь была невысока, то сейчас среди разработчиков и аналитиков программного обеспечения каждый третий работник — женщина, а среди специалистов по базам данных женщин уже почти половина. Устойчивый рост демонстрирует женское предпринимательство в Беларуси: 42% предпринимателей — женщины (каждая девятая из них — работодатель); с 2020 по 2024 год доля женщин в малом и среднем бизнесе увеличилась почти на 10%. Больше половины женщин-предпринимателей — это директора или заведующие магазинами, а также индивидуальные предприниматели в сфере услуг. Данные за 2024–2025 годы показывают, что Беларусь выделяется на фоне других стран высоким уровнем занятости женщин. Однако, как и везде, сохраняется выраженная горизонтальная и вертикальная сегрегация: женщины доминируют в социальных отраслях (образование, здравоохранение), но слабо представлены в производстве и на высших уровнях научной иерархии.

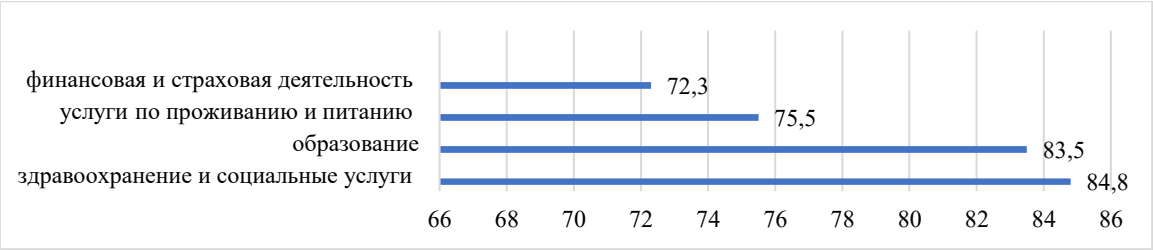

Рисунок 3. Наибольшая доля женщин занятых в сфере услуг

Таким образом, в ходе исследований было выявлено, что Беларусь демонстрирует уникально высокий уровень занятости женщин (84,8%), значительно опережая средний показатель по ЕС (71%) и ЕАЭС (лидирует Казахстан – 63,2%). Среди работающих белорусок 41,5% имеют высшее образование, что существенно выше, чем у работающих мужчин (29,9%), что подтверждает высокий образовательный уровень женщин в стране. Одним из ключевых вызовов, с которыми сталкиваются белорусские женщины-учёные и работницы, является «двойная нагрузка» – необходимость совмещать профессиональную карьеру с семейными обязанностями. Особое внимание сегодня уделяется популяризации науки и STEAM-дисциплин (естественные науки, технология, инженерия и математика) среди девочек и молодых женщин. Несмотря на то, что женщины обладают более высоким уровнем образования, они сталкиваются с барьерами при продвижении по карьерной лестнице, что подтверждается их низкой долей среди докторов наук (всего 22,6% в Беларуси) и руководителей. Отметим, что высокий уровень образования белорусских женщин пока не в полной мере конвертируется в их пропорциональное представительство на высших руководящих и научных позициях, что является общей проблемой для многих стран. Белорусские женщины играют многогранную и возрастающую по своему значению роль в развитии науки и общества. Они составляют значительную часть научного сообщества страны — от 38% в целом по республике до фактического гендерного паритета в Национальной академии наук. Женщины-исследователи вносят существенный вклад как в фундаментальную, так и в прикладную науку, особенно в медицинских, сельскохозяйственных, гуманитарных и социально-экономических областях. Текущий 2026 год, объявленный Годом белорусской женщины, создаёт дополнительный импульс для признания вклада женщин в развитие страны, привлечения внимания к существующим вызовам и поиска новых точек роста для всего общества. Дальнейшее развитие Беларуси в значительной степени зависит от полноценного использования интеллектуального и профессионального потенциала всех своих граждан независимо от их пола.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Морозова, Н.Н. Гендерный аспект состояния занятости в сфере услуг / Н.Н. Морозова // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности перспективы : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., г.Минск, 9-10 ноября 2023 г. / ред.кол. : Мысливец Н.Л. (гл.ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Донарит, 2023. –С. 356–360.

УДК 324:316.4

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ВЫБОРАМИ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Морозова О. С.
заведующий кафедрой философии, политологии и обществознания
РГУ имени С.А. Есенина

кандидат политических наук, доцент
г. Рязань, Россия

Наблюдение за выборами занимает особое место среди институтов, обеспечивающих общественную значимость избирательного процесса. Его нельзя сводить только к юридической процедуре фиксации нарушений или к техническому сопровождению дня голосования. В более широком социологическом смысле наблюдение выступает механизмом социального контроля, поскольку позволяет обществу, политическим акторам, экспертным сообществам и НКО получать информацию о качестве избирательных процедур, оценивать действия избирательной администрации и формировать публичное суждение о легитимности выборов.

Категория социального контроля в классической социологической традиции связана не только с принуждением, но и с поддержанием нормативного порядка, согласованием поведения участников общественных отношений и воспроизводством доверия к социальным институтам [1, p. 82–86]. В этом контексте наблюдение за выборами может быть определено как институционализированная форма общественного контроля за процедурами политического представительства. Его назначение состоит в том, чтобы сделать избирательный процесс более открытым и понятным.

Особенность выборов заключается в том, что они одновременно являются правовой процедурой, политическим событием и социальным актом коллективного признания власти. Поэтому контроль за выборами не может ограничиваться деятельностью государственных органов. Наряду с официальным контролем важное значение приобретает общественное наблюдение, в котором проявляется способность гражданского общества участвовать в поддержании публичного порядка. В этом смысле наблюдение соотносится с идеей гражданского общества как пространства, способного ограничивать произвольность власти, артикулировать общественные интересы и участвовать в демократической консолидации [2, p. 4–17].

Наблюдение за выборами выполняет несколько взаимосвязанных функций. Сначала нужно упомянуть информационную функцию, поскольку собирает сведения о ходе избирательной кампании, голосования, подсчета голосов и установления результатов. Также наблюдение выполняет предупредительную функцию: само присутствие наблюдателей способно дисциплинировать участников избирательного процесса. Наблюдение выполняет оценочную функцию, так как формирует заключения о соответствии выборов правовым нормам, политическим стандартам и ожиданиям общества. Важнейшая функция – коммуникационная, связывающая избирателей, кандидатов, партии, комиссии, средства массовой информации и экспертные группы.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что наблюдение за выборами влияет на восприятие качества электоральных процедур. Дж. Келли, анализируя практику международного наблюдения, показывает, что наблюдательные миссии способны оказывать воздействие на поведение политических акторов, хотя эффективность такого воздействия зависит от политического режима, международного контекста и способности наблюдателей формулировать убедительные оценки [3, p. 9–14]. С. Хайд также связывает распространение международного наблюдения с формированием новой тенденции, при которой государства стремятся демонстрировать открытость избирательного процесса перед внешними и внутренними аудиториями [4, p. 356–369].

Однако социально-контрольная природа наблюдения проявляется не только на международном уровне. Внутренние наблюдатели, представители общественных палат, правозащитных организаций, партий, кандидатов и средств массовой информации обеспечивают более плотное присутствие в избирательном процессе. Их преимущество заключается в знании национального законодательства, местной политической среды и социальных ожиданий избирателей. Международные миссии чаще формируют внешнюю

экспертную оценку, тогда как национальное наблюдение ближе к повседневным практикам гражданского контроля.

Важным аспектом является расширение предмета наблюдения. Если ранее внимание концентрировалось преимущественно на дне голосования, то современный подход предполагает оценку всего электорального цикла. Объектом наблюдения становятся регистрация избирателей, выдвижение кандидатов, агитационная кампания, доступ к средствам массовой информации, финансирование политической конкуренции, работа избирательных комиссий, использование цифровых технологий, подсчет голосов, рассмотрение жалоб и опубликование итогов. Такой переход от точечного контроля к процессуальному наблюдению усиливает его значение как механизма социального контроля.

При этом наблюдение за выборами не является нейтральным и бесконфликтным институтом. Оно само включено в политическую борьбу и может становиться предметом конкуренции интерпретаций. Государства по-разному относятся к международному наблюдению, а политические акторы могут использовать оценки наблюдателей для подтверждения собственной позиции. Н. В. Гришин справедливо обращает внимание на то, что политика государств в отношении международного наблюдения за выборами зависит от их представлений о суверенитете, внешнем давлении и допустимых пределах международного участия в национальном избирательном процессе [5, с. 150–162]. Следовательно, наблюдение за выборами находится на пересечении права, политики и общественного контроля.

Пандемия COVID-19 показала, что институт наблюдения должен адаптироваться к новым условиям. Ограничения на передвижение, санитарные требования, рост дистанционных процедур и использование цифровых технологий изменили привычные формы присутствия наблюдателей. Отмечается, что пандемия поставила под вопрос традиционные модели наблюдения и одновременно усилила потребность в новых форматах контроля, включая онлайн-трансляции, дистанционный мониторинг и развитие методик наблюдения за цифровыми элементами выборов [6, с. 149–158]. Это подтверждает, что социальный контроль в электоральной сфере не исчезает при изменении технологий, а трансформирует свои формы.

В этом отношении наблюдение за выборами можно рассматривать как один из механизмов укрепления доверия к публичным институтам. Его задача состоит не в замещении избирательных комиссий и не в политическом арбитраже, а в создании дополнительного контура общественной подотчетности. И. Б. Борисов и А. В. Игнатов подчеркивают, что международное наблюдение могло бы быть более эффективным при условии реализации принципов верховенства права, открытости и учета национальных особенностей развития государств [7, с. 12–16]. Данный вывод применим и к внутреннему наблюдению: социальный контроль работает тогда, когда он институционально признан, процедурно обеспечен и воспринимается обществом как легитимный.

Таким образом, наблюдение за выборами является не вспомогательной процедурой, а значимым элементом современной системы социального контроля, которое соединяет правовые гарантии, общественное участие, экспертную оценку и публичную коммуникацию. Его значение возрастает в условиях усложнения избирательных технологий, цифровизации политического процесса и роста общественного запроса на прозрачность институтов. Наблюдение позволяет не только выявлять нарушения, но и формировать культуру ответственности участников выборов. Именно поэтому его следует рассматривать как механизм, способствующий поддержанию общественно-политической устойчивости, легитимации представительных институтов и развитию правовой культуры современного общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Janowitz, M. Sociological Theory and Social Control / M. Janowitz // American Journal of Sociology. – 1975. – Vol. 81, № 1. – P. 82–108.

2. Diamond, L. Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation / L. Diamond // Journal of Democracy. – 1994. – Vol. 5, № 3. – P. 4–17.

3. Kelley, J. Monitoring Democracy: When International Election Observation Works, and Why It Often Fails / J. Kelley. – Princeton : Princeton University Press, 2012. – 336 p.

4. Hyde, S. Catch Us If You Can: Election Monitoring and International Norm Diffusion / S. Hyde // American Journal of Political Science. – 2011. – Vol. 55, № 2. – P. 356–369.

5. Гришин, Н. В. Политика государств в отношении международного наблюдения за выборами / Н. В. Гришин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 150–162.

6. Морозова, О. С. Наблюдение за выборами в условиях пандемии: новая реальность / О. С. Морозова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 67. – С. 149–158.

7. Борисов, И. Б. Международное наблюдение на выборах: проблемы институализации / И. Б. Борисов, А. В. Игнатов // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2021. – № 4 (187). – С. 12–16.

УДК 316.7

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ МУЗЫКА В ОЦЕНКАХ МОЛОДЁЖИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мукожева Д. А.
преподаватель кафедры социологии КубГУ
г. Краснодар, Россия

Актуальность исследования. Вопрос о роли музыки в формировании социальной идентичности и трансляции патриотических ценностей приобретает особую значимость в современном российском обществе. Согласно Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, одним из ключевых приоритетов является воспитание гражданской идентичности через культуру и искусство [1]. Вместе с тем социологическая теория фиксирует принципиальное различие между интенцией культурного производства и его рецепцией. П. Бурдьё показал, что восприятие культурных артефактов определяется позицией реципиента в социальном пространстве и накопленным культурным капиталом [2]. Б. Андерсон обосновал, что нация как «воображаемое сообщество» воспроизводится через разделяемые символы и практики [3]; Э. Хобсбаум, в свою очередь, показал, что апелляция к «традиции» нередко является целенаправленным «изобретением» [4]. Краснодарский край как полиэтнический регион с казачьей культурой и значительным диаспорным населением представляет особый случай: патриотический дискурс здесь пересекается с вопросами этнической и гражданской идентичности, что делает исследование рецепции патриотической музыки молодёжью региона самостоятельной научной задачей.

Процедура исследования. В мае-июне 2026 г. в Краснодарском крае были проведены две фокус-групповые дискуссии (далее – ФГД), посвящённые восприятию современной российской музыки и патриотического контента молодёжью. Транскрипты обработаны методом тематического анализа. Выбор метода обусловлен его возможностями для выявления латентных оценочных категорий, спонтанно формируемых в групповом взаимодействии. Первая группа – студенческая молодёжь 16–23 лет (9 чел.) обучающаяся по различным направлениям Кубанского государственного университета (филология, журналистика, ИТ, история, социология) и Института среднего профессионального образования (фармация). Вторая группа – работающая молодёжь 25–35 лет (8 чел.) включала жителей Краснодара, Анапы, Темрюка, Апшеронска. Стимульный материал включал шесть видеоклипов, в том числе патриотических («Я русский» SHAMAN, «Матушка-Земля» Татьяны Куртюковой, «Завтра» Басты и Егора Крида, «Небо славян» группы «Алиса», «Русский мир» Олега Газманова) и одиннадцать обложек музыкальных альбомов и отдельных композиций отечественных исполнителей и групп.

Роль музыки в повседневной жизни молодёжи. В обеих группах музыка плотно интегрирована в повседневность, она сопровождает дорогу, учёбу, физический труд, бытовые дела. Время активного прослушивания составляет от двух до пяти часов в день. При этом функции музыки полярны. Одни информанты используют её для «отключения» от реальности и снижения тревожности, другие – напротив, для углублённого проживания эмоций («прожить, а не подавить»). В старшей группе дополнительно выражена функция концентрации. Один из информантов отмечает, что музыка «наоборот концентрирует», а не отвлекает даже при интеллектуальной работе. Жанровый диапазон обеих групп крайне широк: от рока, инди и металла до этнической музыки, классики, K-pop и рэпа. Большинство респондентов идентифицируют себя как «меломанов без жанровых границ», что свидетельствует о высокой музыкальной мобильности информантов.

Степень музыкальной культуры. Музыкальная рефлексия в обеих группах дифференцирована. В студенческой группе оценки варьируются от «всегда вслушиваюсь в текст» до «10% – вслушиваюсь в текст, 90% – слушаю просто фоном». Устойчивый паттерн выявлен в отношении языка исполнения. Для иностранной музыки приоритет отдаётся звучанию, для русскоязычной – соотношение обратное. Данная закономерность воспроизводится в обеих группах независимо.

Уровень знания музыкальных артефактов существенно различается между группами. Студенческая группа демонстрирует более высокую осведомлённость об актуальных исполнителях и альбомах; работающая молодёжь лучше ориентируется в историческом пласте – советской и постсоветской классике. При предъявлении обложек альбомов группа «Алиса» и «Кино» были узнаны мгновенно в обеих группах; современные артисты, «Macan», 10AGE» – преимущественно в студенческой. Примечательно, что «Любэ» не была узнана по обложке почти никем, однако стоило назвать песню, как её начали петь все – это маркер глубокой культурной укоренённости при слабой визуальной атрибуции.

«Своя» и «чужая» музыка в восприятии молодёжи. Критерии «своей» музыки в обеих группах строятся на трёх основаниях. Первое – личная идентификация: совпадение лирики с собственным опытом («текст настолько мне близок, вплоть до того, что я набила татуировку со словами из песен» – Информант (девушка, 28 лет). Второе – культурная органичность: ощущение, что исполнитель «звучит как наш», не является «калькой» с чужой культуры. Третье – региональная и этническая близость: казачьи песни, гимн Кубани, музыка малой родины.

«Чужой» музыка становится по нескольким основаниям: обилие ненормативной лексики (особенно болезненно для студентки-филолога), культурная неаутентичность («русский рэп звучит не так – это калька с американского»), а также политическая позиция исполнителя. В полиэтническом контексте принципиально значимо замечание одного из информантов студенческой группы (этнической армянки): «Я русский» – не мой трек, потому что я не русская, но я россиянка и люблю Россию».

Критерий искренности в оценке патриотической музыки. Ключевой аналитической находкой исследования стала оппозиция «от души» и «по заказу», спонтанно воспроизводимая участниками обеих групп без наводящих вопросов модератора. Этот критерий выступает первичным фильтром оценки: прежде чем оценивать содержание, респонденты определяют происхождение намерения.

Наиболее показателен кейс SHAMAN. Песня «Я русский» вызвала консенсусное неприятие в обеих группах – не за текст (который отдельные респонденты признают небезынтересным), а за несоответствие визуального образа и публичного поведения артиста транслируемым ценностям: «Дреды, кожаные джинсы – и крест в поле» (Информант, мужчина, 25 лет); «после его действий эта песня воспринимается только через иронию» (Информант мужчина, 23 года). Симптоматично, что один из информантов (мужчина, 35 лет) формулирует общее правило: «Если бы эту песню исполнил кто-то другой – я бы, может, иначе к ней отнёсся».

На противоположном полюсе – «Небо славян» группы «Алиса», принятое в обеих группах практически без возражений. Ключевые объяснения состоит в том, что песня написана «давно и не под заказ», образы органичны и исторически обоснованы, отсутствует ощущение «навязанности». Аналогичную реакцию по мнению информантов вызывают песни Великой Отечественной войны, казачий фольклор и «Любэ» – объединяет их многолетняя история, не связанная с актуальной политической конъюнктурой. Старшая группа формулирует обобщение: «Проверка временем – вот единственный критерий настоящего».

«Матушка-Земля» Татьяны Куртюковой занимает промежуточную позицию: мелодия цепляет, хочется подпевать, но выглядит как будто «всё про патриотизм загуглили и собрали в одну песню» (Информант девушка, 19 лет). Похожее высказывание было и во второй группе (информант девушка, 27 лет): «хорошее исполнение плохо выполненного госзаказа». Тем самым эстетическое качество и эмоциональный эффект могут существовать отдельно от признания искренности.

Ключевые противоречия. Исследование выявило ряд устойчивых противоречий. Первое – между интенсивностью продвижения и эмоциональной легитимностью: государственно продвигаемые проекты систематически воспринимаются как менее подлинные, чем органически возникшие. SHAMAN транслируется повсеместно, но не «принят», тогда как «Алиса» с многолетней историей принимается без оговорок.

Второе противоречие – между этническим и гражданским измерениями патриотизма. Концепт «я русский» исключает часть аудитории полиэтнического региона, тогда как «мы россияне» или образы многонациональности («Русский мир» Олега Газманова) воспринимаются более органично информантами, хотя и с оговорками о художественном качестве.

Третье противоречие – между политической позицией артиста и художественной ценностью его произведений. Это порождает стратегию «абстрагирования от контекста», описанную несколькими респондентами как вынужденный способ сохранить доступ к эмоционально значимой музыке.

Рекомендации. На основе полученных данных можно сформулировать следующие рекомендации для субъектов культурной политики в области патриотического музыкального контента. Прежде всего следить за соответствием образа и реальной биографии. Эффективность патриотического посыла определяется прежде всего воспринимаемой искренностью исполнителя. Публичное поведение артиста за пределами сцены неотделимо от оценки его творчества – любое несоответствие обесценивает контент быстрее, чем любая ротация. Важно также учитывать, что в полиэтническом регионе патриотическая музыка, апеллирующая исключительно к этническому русскому самосознанию, отчуждает значительную часть аудитории. Более эффективны образы, объединяющие многонациональность страны (опыт клипа «Русский мир») или апеллирующие к «малой родине» (казачьи песни, The Hatters). Стоит делать ставку на органическое, а не институциональное. Молодёжь безошибочно распознаёт «музыку по заказу» и системно снижает ей доверие. Поддержка независимых исполнителей, работающих с темами идентичности и малой родины, может дать больший результат, чем масштабные государственные проекты с высокой ротацией. Работа с культурной памятью. Военные песни, советская и постсоветская классика, региональный фольклор обладают доказанной межпоколенческой легитимностью. Их актуализация и популяризация – ресурс, не требующий создания новых образов «с нуля».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р. – Москва, 2016. – 36 с.

2. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения вкуса / пер. с фр. О. Кирчик // Западная экономическая социология : хрестоматия современной классики / науч. ред. В. В. Радаев. – Москва : РОССПЭН, 2004. – С. 537–568.

3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. – Москва : Кучково поле, 2016. – 416 с.
4. Хобсбаум Э., Рейнджер Т. Изобретение традиции / пер. с англ. В. Вебера. – Москва : Новое литературное обозрение, 2022. – 520 с.

УДК 316.77

ЦИФРОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КРАСНОДАРА: ОФИЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС

Муха В. Н.
доцент кафедры социологии КубГТУ
кандидат социологических наук, доцент
г. Краснодар, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда, проект № 24-18-20075 «Культурный код города: визуальный аспект».

Цифровизация городской жизни меняет не только каналы передачи информации, но и способы, посредством которых горожане замечают проблемы, обсуждают события и обозначают принадлежность к локальному сообществу. Социальные сети включаются в ритмы повседневности как инфраструктура обмена новостями, жалобами, советами, воспоминаниями и эмоциональными реакциями. В результате город существует одновременно как материальная среда и как постоянно обновляемая система цифровых репрезентаций. Медиатизация повседневности означает, что социальный опыт все чаще организуется через платформенные форматы и публично фиксируется в сетевой коммуникации [1]. В этой логике онлайн-сообщества следует рассматривать не как вторичное отражение городской жизни, а как один из механизмов ее социального конструирования [2].

Цель исследования состояла в выявлении различий между официальным и пользовательским дискурсом Краснодара и определении функций, которые городские интернет-сообщества выполняют в воспроизводстве повседневных практик и локальной идентичности. Теоретически работа опиралась на представление о многоуровневой структуре виртуального города. Наряду с официальными площадками муниципальных органов и организаций в нем существует пространство, формируемое непосредственной коммуникацией жителей: городскими пабликами, районными группами, тематическими и развлекательными сообществами [3]. Такое различение позволяет аналитически разделить институциональную репрезентацию города и его пользовательскую интерпретацию [4].

Эмпирическую базу составили 20 открытых сообществ Краснодара в социальной сети «ВКонтакте». В выборку вошли официальные страницы городской администрации и учреждений, локально-новостные паблики, районные группы, развлекательные, культурные и историко-краеведческие сообщества. Анализировались все публикации и комментарии за декабрь 2024 г. – февраль 2025 г.; общий массив включал около 1,2 тыс. постов и 28 тыс. комментариев. Единицей анализа выступало дискурсивное событие «публикация – комментарии». На первом этапе фиксировались доминирующая тема поста и интенсивность пользовательского отклика, на втором – тональность, коммуникативная функция и речевая стратегия комментариев. Сравнительный анализ был направлен на выявление различий между официально-институциональным и неформальным пользовательским сегментами.

Полученные данные показывают, что тематическая структура цифрового города неоднородна. Официальные страницы преимущественно транслируют новости, отчеты, анонсы мероприятий и сведения о работе городских служб. Пользовательские паблики соединяют новостную повестку с обсуждением дорожно-транспортных происшествий, транспорта, состояния дорог, жилищно-коммунального хозяйства, городской застройки,

животных, взаимопомощи и локальных культурных символов. Районные группы концентрируются на проблемах непосредственной среды проживания: отключениях воды и электричества, благоустройстве дворов, поиске потерявшихся животных, работе общественного транспорта. Культурно-исторические сообщества поддерживают городскую память через архивные фотографии, рассказы о районах, памятниках и языковых особенностях Кубани.

Наиболее отчетливо различия проявились при сопоставлении крупнейшего неофициального паблика «Типичный Краснодар» и официального сообщества «Город Краснодар». За рассматриваемый период в первом было размещено более 200 новостных публикаций, получивших свыше 6600 комментариев; в официальном сообществе около 85 аналогичных сообщений собрали приблизительно 80 комментариев. Материалы о дорожно-транспортных происшествиях в пользовательском паблике были представлены 146 публикациями и 2484 комментариями, в официальном – 45 публикациями и 170 комментариями. Особенно значим разрыв в обсуждении инфраструктуры и благоустройства: 164 пользовательских поста получили более 5000 комментариев, тогда как 12 официальных сообщений практически не сформировали дискуссии. Следовательно, вовлеченность определяется не только социальной значимостью темы, но и жанром публикации, языком обращения к аудитории и возможностью горизонтального обмена опытом.

Официальный дискурс сохраняет признаки информационно-делового стиля. Для него характерны обезличенные формулировки, сообщения о выполненных мероприятиях, нормативная тональность и визуальная унификация. Даже присутствуя на платформе социальных сетей, муниципальная коммуникация во многом воспроизводит жанр пресс-релиза. Исследования официальных интернет-сообществ также показывают, что их коммуникативный потенциал зависит от наличия обратной связи, понятного языка и перехода от одностороннего информирования к диалогу [5]. В краснодарском материале ответы представителей учреждений встречались редко, а в части сообществ комментирование было ограничено. Это поддерживает символическую дистанцию между институциональным образом города и повседневным опытом жителей.

Пользовательский дискурс, напротив, строится на разговорной лексике, эмоциональных заголовках, локальных обозначениях, мемах и иронии. В классифицированном массиве комментариев крупнейшего паблика преобладали шуточно-ироничные реплики – 6151 сообщение из 10 855, или 56,7%. Негативные и конфликтные высказывания составили 23,6%, рассказы о личном опыте – 8,3%, позитивные реакции – 6,4%, информационно-уточняющие комментарии – 4,9%. Эти данные позволяют рассматривать юмор не как периферийный элемент коммуникации, а как основной код коллективного обсуждения городской жизни. Интернет-мемы и иронические реплики обеспечивают сжатую передачу общего опыта и поддерживают узнаваемость позиции «своих» [6]. В краснодарских сообществах шутки о пробках, жаре, затопленных улицах и постоянных дорожных работах одновременно выражают недовольство и нормализуют совместное переживание городской проблемы.

Доминирование критической и иронической тональности не следует непосредственно отождествлять с общим уровнем недоверия горожан. Скорее, оно фиксирует специфику сетевой публичности, в которой проблемное событие обладает большей мобилизующей силой, чем рутинное сообщение о нормальной работе городской инфраструктуры. Комментарий становится доступной формой присутствия в городском обсуждении: пользователь уточняет обстоятельства, добавляет свидетельство очевидца, сравнивает ситуацию со своим районом, предлагает практическое решение или символически присоединяется к коллективной реакции. В этом смысле городские паблики действуют как «виртуальный двор» – пространство слабых связей, оперативного обмена локальным знанием и ситуативной взаимопомощи.

Вместе с тем цифровая повседневность не сводится к жалобам и конфликтам. Публикации о поиске животных, благотворительных сборах, волонтерских акциях и локальных инициативах демонстрируют способность онлайн-коммуникации переходить в

координацию действий. Исторические фотографии, городские пейзажи и рассказы о символических местах создают иной режим взаимодействия – через ностальгию, гордость и эмоциональную привязанность к городу. Локальная идентичность воспроизводится не только посредством позитивных образов, но и через совместное распознавание «типично краснодарских» трудностей. Ироническая формула «все нормально, это Краснодар» соединяет критическую оценку городской среды с принятием принадлежности к ней.

Таким образом, официальный и пользовательский дискурсы образуют два взаимосвязанных режима цифровой репрезентации города. Первый формирует нормативный образ управляемого и развивающегося пространства; второй переводит этот образ в язык конкретных ситуаций, эмоций и повседневного опыта. Их различие определяется не только тематикой, но и архитектурой коммуникации: степенью открытости комментариев, характером обратной связи, допустимым эмоциональным регистром и способами визуализации событий. Практическая значимость результатов состоит в возможности использовать городские сообщества как источник мониторинга локальных проблем и общественных реакций. Для муниципальных площадок принципиально важен переход от публикационной активности к содержательному диалогу, предполагающему оперативную реакцию на сообщения жителей и включение пользовательского опыта в публичную повестку. Ограничения исследования связаны с трехмесячным зимним периодом наблюдения, включавшим праздничные даты, и анализом только открытых сообществ одной платформы. Эти обстоятельства ограничивают перенос результатов на другие сезоны и цифровые среды, но не отменяют выявленного разрыва между институциональной коммуникацией и горизонтальным городским обсуждением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецова, Е. И. Феномен цифровой медиатизации: аксиологический аспект социальной коммуникации / Е. И. Кузнецова // Гуманитарный вектор. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 154–160. – DOI 10.21209/1996-7853-2022-17-2-154-160.

2. Couldry, N. The Mediated Construction of Reality / N. Couldry, A. Hepp. – Cambridge : Polity Press, 2017. – 290 p.

3. Тимофеева, И. Ю. Повседневное пространство виртуального города как объект анализа / И. Ю. Тимофеева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8 (34), ч. I. – С. 193–196.

4. Балюшина, Ю. Л. Репрезентация города в виртуальной среде как объект социально-философского исследования / Ю. Л. Балюшина // Череповецкие научные чтения – 2017 : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Череповец : ЧГУ, 2018. – Ч. 1. – С. 12–14.

5. Францкевич, Р. Ю. Социальные сети в системе местного самоуправления / Р. Ю. Францкевич // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2024. – Т. 9, № 3. – С. 97–107.

6. Лысенко, Е. Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи / Е. Н. Лысенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2017. – Т. 10, вып. 4. – С. 410–424. – DOI 10.21638/11701/spbu12.2017.403.

УДК 316.7

ГРАНИЦЫ РУССКОСТИ В ПОКОЛЕНЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Муха В. Н.
доцент кафедры социологии КубГТУ
кандидат социологических наук, доцент
г. Краснодар, Россия

В российских исследованиях идентичности категория «русскость» остается методологически неоднозначной. В исследовательских и публичных текстах она нередко сближается с этнической принадлежностью, гражданской идентичностью, концептом

«Русский мир». В результате разные основания самоопределения описываются как единый феномен, а наличие идентичности подменяет анализ ее содержания. Между тем конструктивистская традиция показывает, что национальные общности воспроизводятся через разделяемые представления, символы и способы классификации [1], тогда как этничность следует рассматривать не как неизменное свойство группы, а как практику категоризации и интерпретации социального мира [2]. Поэтому предметом исследования должны становиться не только ответы на вопрос «кем человек себя считает», но и критерии, по которым он определяет границы принадлежности.

Под границами «русскости» предлагается понимать динамическую систему признаков, посредством которых индивиды и группы определяют, кто может быть признан русским, какие условия считаются необходимыми для такого признания и как «русскость» соотносится с российской, региональной, этнической идентичностями. Данное определение позволяет отказаться как от эссенциалистского понимания «русскости» в качестве набора неизменных качеств, так и от ее сведения к формальной самоидентификации. Граница проявляется в повседневных суждениях о происхождении, языке, культурной компетентности, исторической памяти, гражданстве, территории, религии и нормативных представлениях о «своих». Российская идентичность при этом может выполнять интегративную функцию, не отменяя этнических различий [3], однако ее связь с этническим самоопределением варьируется в зависимости от возраста, социального опыта и контекста [4].

Региональным полем исследования выступает Краснодарский край. Его аналитическая значимость определяется сочетанием высокой миграционной привлекательности, полиэтничности и устойчивых локальных идентичностей. В таком пространстве границы «русскости» формируются не только в отношении этнически иных групп, но и внутри самой русской общности: через различение местных и приезжих, носителей и неносителей региональной культуры, «кубанской» и общероссийской идентичности. Региональная принадлежность может усиливать общенациональную солидарность, но одновременно задавать дополнительные критерии включения. Поэтому Краснодарский край рассматривается как пространство, в котором особенно отчетливо проявляется многослойность идентификационных границ.

Поколенческий подход используется для анализа различий исторического опыта социализации. В логике К. Мангейма поколение образуется общей позицией в социально-историческом времени и сходством проблем, с которыми люди сталкиваются в период становления [5]. В проекте сопоставляются прежде всего поколения X и Z, чья социализация проходила в принципиально различных институциональных и медиакоммуникационных условиях. Для старшей когорты значимыми контекстами выступали позднесоветский опыт и постсоветская трансформация, а для младшей – цифровая среда, новые формы мобильности и множественные каналы культурной трансмиссии. Ранее проведенный анализ показал, что поколенческие идентификационные матрицы различаются не только набором ценностей, но и степенью согласованности отдельных идентичностей [6].

Разработанная методологическая модель включает четыре взаимосвязанных уровня. Первый уровень образует символико-смысловое ядро «русскости»: язык, историческая память, культура, территория, происхождение, гражданская лояльность и представления о нормативном поведении. Второй уровень фиксирует режим границы: открытый, когда принадлежность связывается с освоением культуры и участием в общей жизни; условно открытый, предполагающий сочетание происхождения и культурной интеграции; закрытый, при котором решающее значение приписывается происхождению. Третий уровень отражает конфигурацию идентичностей – соотношение этнической, гражданской, региональной, поколенческой и советской составляющих. Четвертый уровень описывает механизмы воспроизводства: семейную передачу, образование, медиадискурс, мемориальные практики, религиозные и локальные сообщества.

Для интерпретации сочетаний этих характеристик предложена рабочая типология когнитивных сценариев. Стабилизирующий сценарий предполагает согласованное

соединение этнической, гражданской и региональной принадлежности. Адаптивный сценарий характеризуется открытостью границ и возможностью включения через язык, культуру и участие в общей жизни. Фрагментированный сценарий возникает при слабой связи между отдельными идентичностями и ситуативной смене критериев принадлежности. Конфликтно-исключающий сценарий строится на жестком противопоставлении «своих» и «чужих» и восприятии иных идентичностей как угрозы. Типология выступает системой эмпирически проверяемых предположений, которые могут быть уточнены по результатам анализа.

Эмпирическая стратегия основана на триангуляции. Массовый опрос жителей Краснодарского края позволит измерить распространенность маркеров «русскости», степень открытости границ и конфигурации идентичностей. Глубинные интервью в семьях обеспечат сопоставление поколенческих интерпретаций в общей социокультурной среде. Фокус-группы будут направлены на реконструкцию коллективных аргументов о принадлежности, а анализ публикаций региональных медиа, официальных выступлений и интернет-ресурсов – на выявление публичных фреймов «русскости».

Ключевое методологическое преимущество модели состоит в переходе от измерения «силы» идентичности к анализу ее архитектуры. Один и тот же высокий уровень самоидентификации может скрывать разные основания принадлежности: наследуемое происхождение, гражданскую солидарность, культурную компетентность или защитную реакцию на воспринимаемую угрозу. Поколенческие различия также не следует трактовать как прямой эффект возраста: они опосредованы образованием, типом поселения, миграционным опытом, семейной памятью и включенностью в локальные сообщества. Поэтому рабочая гипотеза состоит не в противопоставлении «традиционного» старшего и «глобального» младшего поколения, а в выявлении разных способов согласования этнического, гражданского и регионального компонентов.

Предлагаемая модель позволяет эмпирически различать символическое ядро «русскости», критерии включения, конфигурации идентичностей и каналы их межпоколенческой передачи. Практическое значение подхода связано с возможностью выявлять не только зоны согласия, но и смысловые разрывы, которые внешне скрыты за одинаковыми самоопределениями. Результаты исследования могут использоваться при разработке культурных и образовательных программ, ориентированных на укрепление межпоколенческого взаимодействия и социальной сплоченности полиэтничного региона.

Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда, проект № 26-28-20274 «Границы русскости: поколенческое восприятие и региональные практики идентичности в Краснодарском крае».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаева ; вступ. ст. С. П. Баньковской. – М. : Кучково поле, 2016. – 416 с.

2. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер ; пер. с англ. И. Борисовой. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

3. Дробижева, Л. М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития / Л. М. Дробижева // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 74–84.

4. Сикевич, З. В. Соотношение национальной и этнической идентичности молодежи (на примере Санкт-Петербурга) / З. В. Сикевич, Н. Г. Скворцов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 277–291.

5. Мангейм, К. Очерки социологии знания: проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / К. Мангейм ; пер. с англ. Е. Я. Додина. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – 162 с.

6. Муха, В. Н. Идентичность поколений: конфликтный потенциал / В. Н. Муха, К. А. Чернявская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 45–48.

УДК 316.4.05

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ КРИТЕРИИ И ДИНАМИКА СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК

Мысливец Н. Л.
Директор Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Для обозначения оптимального состояния человека, социальных групп, общностей, общества в целом в научных теориях и социально-политических декларациях, нормативно-правовых актах и социальных программах, а также в повседневном дискурсе активно используется концепт социального благополучия. В истории социально-философской и общественно-политической мысли данное сочетание рассматривалось в самых разных аспектах. В период античности оформилось этико-философское направление, представители которого (Платон, Аристотель, Эпикур) отождествляли социальное благополучие с духовной свободой человека и его нравственным самосовершенствованием. Мыслители средневековья (А. Аврелий, Ф. Аквинский и другие) утверждали, что к благополучию человека ведут основные христианские добродетели – вера, смирение, надежда на спасение, служение Богу. В качестве стратегической цели политики государства социальное благополучие определяли Т. Гоббс, Дж. Локк, Н. Макиавелли и другие авторы периодов средневековья и Нового времени. Ученые эпохи гуманизма Дж. Бруно, Л. Вала, Данте, Ф. Петрарка, Э. Роттердамский считали, что благополучие может быть достигнуто только при наличии условий, обеспечивающих наиболее полное удовлетворение потребностей и развитие положительных свойств личности. Как материальный достаток социальное благополучие определяли Д. Белл и З. Бжезинский, Дж. Кейнс и Т. Мальтус, Д. Риккардо и Э. Тоффлер и другие исследователи. Как идеальное социальное устройство социальное благополучие трактовали Р. Дарендорф, Э. Дюркгейм, Л. Козер, О. Конт, К. Маркс, Т. Парсонс, П.А. Сорокин и другие.

Традиционные подходы к изучению социального благополучия опираются, прежде всего, на анализ объективных показателей – измеримых статистических данных, таких, как уровень доходов, уровень безработицы, уровень бедности, доступ к ресурсам. К объективным критериям социального благополучия принято относить, также, показатели общественного здоровья и развития системы образования, социальной сплоченности и доверия институтам государства, гражданской активности и участия в управлении общественными процессами. Не менее важную роль играют состояние окружающей среды, обеспечение личной безопасности, а также реализация принципа социальной справедливости. Перечисленные показатели не всегда могут отражать реальное положение дел в обществе, а фиксируемые позитивные тренды по абсолютным значениям могут не совпадать с субъективными оценками рядовых граждан. Следует принять во внимание тот факт, что восприятие каждым индивидом различных аспектов жизни вариативно и зависит как от процессов, протекающих на микроуровне, так и от всего происходящего на макроуровне. Социальное благополучие в данном случае рассматривается как объективное явление социальной жизни, а его анализ осуществляется на уровне всего общества как целостной системы.

В фокусе субъективистского подхода – оценка индивидом своей жизни, ее перспектив и степени реализации намеченных планов. При этом само содержание таких жизненных планов также влияет на уровень социального благополучия человека.

В процессе эволюции общества содержательная наполненность феномена социального благополучия, а также динамика его оценок в общественном мнении претерпевали определенные изменения, что диктует необходимость реализации комплексного подхода к его изучению с целью максимально полной интеграции накопленных научных знаний и представлений. Интегративный подход сочетает объективные и субъективные аспекты и стремится к максимально полной оценке рассматриваемого феномена с учетом разных

факторов. Как причины, так и возможные последствия расхождения между ними могут обусловливаться недостаточной информированностью индивидов, искаженными сведениями, получаемыми из прессы и других источников, которые способны манипулировать общественным мнением, играя на реальных и вымышленных проблемах и страхах. Ошибки в оценках собственного благополучия, также, могут быть связаны с качеством институциональной среды, равенством возможностей, представлениями о справедливости и т. п. Переоценка негативных явлений и недооценка позитивных сторон снижают удовлетворенность жизнью, формируют соответствующие предпочтения и реакции, социально-экономическое и политическое поведение.

Ряд вопросов, посвященных изучению различных аспектов социального благополучия жителей страны, был задан респондентам в ходе исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в июле-августе 2026 года во всех областных центрах Республики Беларусь и г. Минске, отдельных районных городах и сельских населенных пунктах. Объем выборочной совокупности составил 2045 респондентов (ошибка выборки ± 2,17%). Метод исследования – анкетный опрос по месту жительства респондентов.

Предметом социологического исследования выступили гражданская и локальная идентичность жителей республики, приоритетные ценности, отношение к труду, материальное положение семей и особенности потребительского поведения, оценки социально-экономического развития и инфраструктуры населенных пунктов, а также уровня личной безопасности, восприятие внешнеполитических отношений Беларуси с другими государствами, миграционные и репродуктивные установки, а также источники и каналы получения информации.

Благополучие человека, как и благополучие общества, непосредственно связаны с такой категорией, как здоровье. Здоровье населения является одной из важнейших качественных характеристик общества как социального организма, его показатели прямо или косвенно влияют на эффективность труда работников и развитие экономики в целом, на все социальные процессы и на повседневные социальные практики. Низкий уровень здоровья населения осознается как угроза национальной безопасности государству, препятствие его социально-экономическому прогрессу.

Общественное здоровье, с одной стороны, обусловливается социально-экономическим контекстом, а с другой – все теснее связывается с совокупностью ценностных ориентаций индивидов и способами их реализации разными слоями населения. Как показали результаты проведенного исследования, здоровье является важнейшей жизненной ценностью для представителей всех социально-демографических групп белорусского общества. Так считает 80,8% респондентов. Сравнивая результаты ответов на вопрос о ценности здоровья, полученные в 2026 году, с результатами ранее проведенных исследований можно констатировать: ценность здоровья сохраняет свою значимость на протяжении всего периода наблюдений, которые проводит Институт социологии НАН Беларуси начиная с конца 1990-х годов. Вместе с тем, как свидетельствует повседневный опыт, позиционирование жителями нашей страны ценности здоровья в качестве одной из важнейших для них жизненных ценностей не всегда соответствует реальным практикам его поддержания.

Важным интегральным показателем социального благополучия людей выступает удовлетворенность различными аспектами своей жизнедеятельности. Белорусы традиционно считаются трудолюбивыми, исполнительными, дисциплинированными работниками. Трудовая деятельность является одним из главных источников материального благополучия, а также важнейшим способом личностной самореализации. Результаты исследования демонстрируют высокий уровень удовлетворенности респондентов своим нынешним местом работы: 82,1% опрошенных утвердительно ответили на данный вопрос. Так оценивают свое рабочее место 83,1% респондентов-горожан и 77,9% опрошенных сельских жителей.

Наряду с вышеизложенным, следует признать, что изменения, происходящие во всех сферах нашей жизни, определенная трансформация ценностных ориентаций и жизненных установок, прежде всего, подрастающих поколений, актуализируют исследовательский

интерес к проблеме выбора: что предпочесть – больше работать или больше отдыхать? При ответе на вопрос «Что для Вас сегодня наиболее важно: много зарабатывать, даже если придется очень много и напряженно работать, или иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу?» вариант ответа «много и напряженно работать» выбрало чуть более половины всех принимавших участие в исследовании респондентов (54,3 %). Такую позицию разделяет 63,6% опрошенных мужчин и 46,9% опрошенных женщин. Предпочли бы иметь больше свободного времени в ущерб напряженной работе 37,3% всех опрошенных. Данный ответ чаще выбирали женщины (43,7%), чем мужчины (29,4%). Не смогли дать однозначный ответ на данный вопрос 8,4% всех опрошенных.

Среди вопросов, которые по мнению жителей республики в настоящее время являются наиболее острыми, – безопасность и мирное небо. Так считает более половины всех опрошенных (55,1%). Сохранение мира и безопасности в нашей стране, обеспечение стабильного развития всех сфер жизнедеятельности общества служат безусловными и реальными базовыми основаниями укрепления и роста социального благополучия наших граждан.

Девять из десяти опрошенных (89,8%) указали, что в настоящее время ощущают себя счастливыми. Не считают себя таковыми 9,9% респондентов. Респонденты в возрасте от 18 до 30 лет чаще давали утвердительные ответы на вопрос «Вы счастливы или нет?», чем респонденты более старшего возраста. При этом 43,4% опрошенных в самой молодой возрастной группе указали вариант ответа «да»; 49,5% – «скорее да». Среди респондентов самой старшей возрастной группы (женщины в возрасте 58 лет и старше и мужчины в возрасте 63 года и старше) однозначно утвердительные ответы дал каждый четвертый участник исследования (25,8% опрошенных), «скорее да» – 61,3% опрошенных.

По мнению половины опрошенных (51,5%) в их окружении примерно поровну и счастливых, и несчастливых людей. В окружении у 38,3% респондентов счастливых людей больше, чем несчастливых. У 8,9% опрошенных наоборот, их чаще окружают несчастливые люди.

Ощущение счастья в настоящем во многом определяет взгляды человека в отношении ближайшего и отделенного будущего. Результаты исследования говорят о том, что три четверти всех опрошенных (74,7%) с оптимизмом смотрят в будущее. При этом среди самых молодых респондентов оптимистов значительно больше (80,0%), чем среди представителей старших поколений. Представленные данные свидетельствуют о преобладании позитивного фона в социальном самочувствии жителей страны и могут служить залогом успешной реализации наших общих планов, направленных на повышение уровня социального благополучия белорусов.

УДК 341.232.7 (575.1 + 476)

СОТРУДНИЧЕСТВО УЗБЕКИСТАНА И БЕЛАРУСИ В КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Назаров Р. Р.
доцент кафедры «Правовые и гуманитарные дисциплины»
Ташкентского филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова
кандидат философских наук, доцент
г. Ташкент, Узбекистан

Алиева В. Р.
старший преподаватель кафедры «Правовые и гуманитарные дисциплины»
Ташкентского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова

кандидат философских наук
г. Ташкент, Узбекистан

Искаков Д. А.
студент Ташкентского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова
г. Ташкент, Узбекистан

В условиях современных международных отношений культурно-гуманитарное сотрудничество становится одним из важнейших факторов укрепления межгосударственных связей. Оно способствует развитию взаимопонимания между народами, сохранению исторической памяти, расширению образовательных и научных контактов, а также формированию благоприятной атмосферы для политического и экономического взаимодействия. Отношения между Республикой Узбекистан и Республикой Беларусь представляют собой пример устойчивого и поступательного развития двустороннего сотрудничества. Особое место в системе узбекско-белорусских отношений занимает культурно-гуманитарная сфера, охватывающая образование, науку, культуру, искусство, молодежную политику, спорт и туризм. За годы независимости обе страны сформировали прочную нормативно-правовую базу взаимодействия и накопили значительный опыт реализации совместных проектов.

История становления культурно-гуманитарных связей. Дипломатические отношения между Узбекистаном и Беларусью были установлены в январе 1993 г. Однако исторические предпосылки сотрудничества сложились значительно раньше — в советский период, когда обе республики входили в состав СССР и активно взаимодействовали в образовательной, научной и культурной сферах. После обретения независимости стороны стремились сохранить и развить накопленный потенциал. В течение 1990-х и начала 2000-х гг. сотрудничество в гуманитарной сфере осуществлялось преимущественно через образовательные учреждения, научные организации и культурные объединения. Новый этап отношений начался после активизации межгосударственного диалога с 2017 г. В этот период были значительно расширены контакты между министерствами культуры, образования и науки двух стран, стали регулярно проводиться Дни культуры, выставки, концерты, форумы. По оценкам экспертов, именно культурно-гуманитарное взаимодействие стало одним из наиболее динамично развивающихся направлений двустороннего сотрудничества [5].

Сотрудничество в сфере культуры и искусства. Культурное сотрудничество занимает центральное место в отношениях между Узбекистаном и Беларусью. Традиционной формой взаимодействия являются взаимные Дни культуры, которые позволяют знакомить жителей двух стран с достижениями национального искусства, музыки, театра и кинематографа. Регулярно организуются гастроли творческих коллективов, художественные выставки, фестивали и концерты. Особое значение имеют Дни культуры и искусства Узбекистана в Беларуси и Дни культуры и кино Беларуси в Узбекистане [8]. В последние годы активно развиваются контакты между театрами, музеями, библиотеками и художественными академиями. В ходе встреч руководителей культурных ведомств обсуждаются проекты совместных кинопроизводств, обменов театральными постановками и подготовки специалистов в сфере культуры. В 2025 г. министры культуры двух стран подтвердили заинтересованность в расширении сотрудничества в области киноискусства, театра и культурного образования.

Значительное внимание уделяется сохранению историко-культурного наследия. Специалисты двух государств участвуют в научных конференциях, посвященных вопросам реставрации памятников, музейного дела и популяризации культурного наследия.

Образовательное сотрудничество. Одним из наиболее успешных направлений культурно-гуманитарного взаимодействия является сотрудничество в области образования. Сегодня между высшими учебными заведениями Узбекистана и Беларуси действует более 190 соглашений и меморандумов о сотрудничестве, причем более 80 % из них были заключены в 2017-2026 гг. Это свидетельствует о высокой динамике академических связей между

странами. Основными направлениями взаимодействия являются академическая мобильность студентов и преподавателей, совместные образовательные программы, проведение научных конференций и семинаров, обмен учебно-методическими материалами, реализация программ повышения квалификации. Особую роль играют совместные образовательные проекты в области инженерии, информационных технологий, сельского хозяйства, медицины и педагогики [1, с. 79-80]. В ходе II Узбекско-Белорусского межрегионального форума была выдвинута инициатива по созданию передовых инженерных школ на базе узбекских вузов совместно с белорусскими университетами. Важным направлением остается развитие молодежных обменов и взаимодействия студенческих организаций. В октябре 2025 г. состоялся II-й Узбекско-Белорусский форум профессионального образования. Руководство обеих стран рассматривает молодежное сотрудничество как инвестицию в долгосрочное развитие двусторонних отношений [4].

Научно-техническое сотрудничество. Научная сфера является важнейшей составляющей гуманитарного партнерства Узбекистана и Беларуси. С 2019 г. успешно функционирует механизм совместных конкурсов научных проектов. За последние годы реализованы десятки научно-исследовательских программ в области химии, сельского хозяйства, медицины, биотехнологий и инженерных наук. Совместно выполнено более 50 научных проектов, а сотрудничество продолжается по нескольким десяткам новых направлений исследований. Эффективно работает Совместная узбекско-белорусская комиссия по сотрудничеству в области науки и технологий [6]. Ее деятельность способствует коммерциализации научных разработок и внедрению инновационных решений в экономику двух стран [11]. Особый интерес представляет сотрудничество в сфере цифровизации, искусственного интеллекта, информационных технологий и инженерного образования [7].

Межрегиональные и общественные связи. Существенную роль в развитии культурно-гуманитарного взаимодействия играет межрегиональное сотрудничество. Вступившее в силу в 2021 г. Межправительственное соглашение о межрегиональном сотрудничестве создало дополнительные возможности для развития культурных, образовательных и туристических обменов между регионами двух стран [3]. Активно развиваются побратимские связи между городами и областями. Например, в 2025 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между городами Навои и Орша, предусматривающее взаимодействие в области культуры, науки, образования, спорта и туризма [2]. Значительный вклад в развитие гуманитарных контактов вносят общества дружбы, культурные центры, молодежные организации и экспертные сообщества. Регулярно проводятся круглые столы, форумы и конференции с участием представителей научных кругов, общественных организаций и дипломатического корпуса.

Современное состояние сотрудничества. В настоящее время культурно-гуманитарное сотрудничество между Узбекистаном и Беларусью характеризуется устойчивым развитием и высоким уровнем институционализации. Политические консультации, проходящие на регулярной основе, подтверждают взаимную заинтересованность сторон в дальнейшем укреплении гуманитарных связей. Руководство двух государств рассматривает культурное и образовательное взаимодействие как важнейший элемент стратегического партнерства. В последние годы заметно увеличилось количество совместных мероприятий в сфере культуры, образования и науки. Продолжается расширение межвузовского сотрудничества, развивается академическая мобильность, укрепляются контакты между научными учреждениями и творческими союзами [5].

Перспективы развития. Анализ современного состояния отношений позволяет выделить несколько перспективных направлений дальнейшего сотрудничества [12].

Развитие цифрового гуманитарного пространства. Создание совместных цифровых образовательных платформ, электронных библиотек и научных баз данных позволит расширить доступ к образовательным ресурсам и повысить эффективность академического обмена [10, с. 113].

Расширение молодежных программ. Увеличение числа молодежных форумов, студенческих обменов и волонтерских проектов будет способствовать укреплению дружеских связей между молодыми поколениями двух стран [1; 4].

Совместные культурные проекты. Перспективным направлением является реализация совместных кинематографических, театральных и музейных проектов, посвященных общей исторической памяти и культурному наследию [9].

Развитие научной кооперации. Важное значение имеет создание совместных исследовательских центров по приоритетным направлениям науки и технологий, включая цифровизацию, биотехнологии и экологию [7; 11].

Расширение туристических обменов. Увеличение взаимного туристического потока позволит не только укрепить гуманитарные связи, но и способствовать более глубокому знакомству граждан обеих стран с историей и культурой друг друга [2; 5].

В заключение можно сделать некоторые выводы.

За более чем три десятилетия дипломатических отношений Узбекистан и Беларусь сформировали прочную систему культурно-гуманитарного взаимодействия. Сотрудничество охватывает широкий спектр направлений – от культуры и образования до науки, молодежной политики и туризма. Современный этап узбекско-белорусских отношений характеризуется высокой интенсивностью контактов, расширением институциональной базы и реализацией масштабных совместных проектов. Накопленный опыт сотрудничества создает благоприятные условия для дальнейшего углубления гуманитарного партнерства. В перспективе культурно-гуманитарная сфера будет оставаться одним из важнейших факторов укрепления стратегического партнерства между Узбекистаном и Беларусью, способствуя развитию дружбы, взаимопонимания и добрососедства между народами двух государств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азизова Ш. И. Вопросы информатизации в Республике Узбекистан и в Республике Беларусь/ Ш. И. Азизова // Международный форум молодых исследователей. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. – С. 78–85.

2. Буриев А. Навои и Орша будут сотрудничать. – URL: https://uza.uz/ru/posts/navoi-i-orsha-budut-sotrudnichat_756645?ysclid=mrbki2i8xb459247179 (дата обращения: 07.07.2026)

3. Вступило в силу межправительственное Соглашение между Республикой Узбекистан и Республикой Беларусь. – URL: https://www.uzdaily.uz/ru/vstupilo-v-silu-mezhpravitelstvennogo-soglasheniia-mezhdu-respublikoi-uzbekistan-i-respublikoi-belarus/?ysclid=mrbkk5dprx958287304 (дата обращения: 07.07.2026)

4. Второй Узбекско-Белорусский форум профессионального образования. – URL: https://ripo.by/index.php?id=8963&ysclid=mrbkwci1bn924390283 (дата обращения: 07.07.2026)

5. Имамова И. Узбекистан и Беларусь – партнерство, проверенное временем. – URL: https://uza.uz/ru/posts/uzbekistan-i-belarus-partnerstvo-proverennoe-vremenem_565305?ysclid=mrbkoamqpj981189402 (дата обращения: 07.07.2026)

6. Кологривко А.А. Первое заседание Совместной Белорусско-Узбекской комиссии. – URL: https://times.bntu.by/news/4903-pervoe-zasedanie?ysclid=mrbkqagehf976154778 (дата обращения: 07.07.2026)

7. НАН Беларуси и узбекский научно-производственный комплекс R&D Park подписали меморандум о сотрудничестве. – URL: https://www.sb.by/articles/nan-belarusi-i-uzbekskiy-nauchno-proizvodstvennyy-kompleks-r-d-park-podpisali-memorandum-o-sotrudnich.html (дата обращения: 07.07.2026)

8. Настоящий Узбекистан сквозь призму кинематографа. В кинотеатре "Победа" открылись Дни узбекского кино. – URL: https://belta.by/culture/view/nastojaschij-uzbekistan-skvoz-prizmu-kinematografa-v-kinoteatre-pobeda-otkrylis-dni-uzbekskogo-kino-790130-2026/?ysclid=mrbkzm2ktq66004002 (дата обращения: 07.07.2026)

9. Носовец А. А. Творческое взаимодействие кинематографистов Республики Узбекистан и Республики Беларусь / А. А. Носовец // Виды, жанры, технологии современного кино: приоритеты молодых кинематографистов. – М. : ВГИК, 2025. – С. 49–55.

10. Пономарёва Н.П. Цифровые технологии как основа инновационного развития образования в условиях становления экономики знаний Беларуси и Узбекистана / Н. П. Пономарёва, В. Ф. Карпович // Инновационная наука. -– 2024. – № 3-2. – С. 112–114.

11. Состоялось 9-е заседание Узбекско-Беларуской Межправительственной комиссии по двустороннему сотрудничеству. URL: https://www.uzdaily.uz/ru/sostoialos-9-e-zasedanie-uzbeksko-belaruskoi-mezhpravitelstvennoi-komissii-po-dvustoronnemu-sotrudnichestvu/?ysclid=mrbktilhuz719396919 (дата обращения: 07.07.2026)

12. Юсупалиева Д. К. Узбекистан – Белоруссия: на пути дальнейшего углубления взаимовыгодного сотрудничества / Д. К. Юуспалиева // Modern Science. – 2020. – № 6-1. – С. 448–450.

УДК 316.74 + 316.443 + 001.8

«ЭФФЕКТ МАТФЕЯ» ПОСЛЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НОВЫЕ ФОРМЫ КУМУЛЯТИВНОГО ПРЕИМУЩЕСТВА И АКАДЕМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В НАУКЕ

Неделевская И. Г.
доцент кафедры политологии и социологии ГрГУ им. Я. Купалы
кандидат социологических наук
г. Гродно, Беларусь

Концепция «эффекта Матфея», предложенная Р. Мертоном в 1960-х гг., стала классической, составив оборотную сторону научного этоса в виде его структурного отклонения. Механизм накопленного преимущества, который проявляется в том, что ученые, обладающие большими ресурсами и признанием, приумножают их быстрее, чем их коллеги с изначально более скромными объемами этих ресурсов, нашел эмпирическое подтверждение своего существования на самых разных уровнях организации научной деятельности: от отдельных научных сообществ до стран и регионов [1].

Неотъемлемой частью данного механизма является темпоральная структура научной деятельности, предполагающая регулярность и повторяемость действий и отношений, связанных с производством и распространением научного знания. Для исследователей науки она известна сосуществованием множественных темпоральных режимов, связанных с различиями в скорости производства и коммуникации научного знания внутри разных научных дисциплин [2] и институтов [3]. Несмотря на эти различия, многие исследователи утверждают о тенденции к ускорению, или же акселерации, данных процессов [4]. Сегодня они опосредованы результатами «цифровой революции» в науке, которая, несомненно, содействовала общей интенсификации всех процессов и оказала влияние на проявление «эффекта Матфея» в науке.

Текущее состояние проблемы обостряется выходом на «историческую арену» технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ), который продолжает цепочку событий «цифровой революции» в науке. Технология искусственного интеллекта может быть применена сегодня на всех этапах научной деятельности, начиная от сбора литературных источников и разработки дизайна исследования, заканчивая визуализаций результатов анализа данных и подготовкой текста публикации [5; 6]. Современные исследования подтверждают рост научной продуктивности, в частности, при использовании генеративного ИИ [7; 8]. Так, в эксперименте Ш. Ной и У. Чжан использование ChatGPT сократило время выполнения профессиональных письменных задач примерно на 40% и повысило качество результатов на 18% [8]. Хотя утверждение о влиянии других видов технологии ИИ на научную продуктивность требует более подробного анализа, можно предполагать, что оно также будет являться положительным.

Искусственный интеллект является особым типом технологии и как любая из них требует анализа специфики его работы, которая определяют возможности и ограничения для научной деятельности. С одной стороны, благодаря возможностям технологии ИИ в области

работы с языковыми и числовыми данными, исследователи получили ряд неоспоримых преимуществ в скорости поиска, перевода, реферировании текстов, обработки данных и их визуализации, а также в решении широкого ряда сопутствующих задач. С другой стороны, однако, сегодня наблюдаются различия среди исследователей в доступе к конкретным программным формам ИИ, что определяет для них ряд ограничений. Во-первых, следует выделить зависимость качества работы модели искусственного интеллекта от объема данных, что часто становится преградой для использования данной технологии в науке в отдельных странах или организациях [9]. Любые модели искусственного интеллекта ограничены данными, предоставленными во время обучения, что определяет преимущества для ряда источников и их авторов, которые попадают в «базу обучения» модели ИИ. Здесь необходимо отметить языковую, культурную и дисциплинарную предвзятость. Они обусловлены тем, что наиболее сильные модели, открытые для массового доступа, основаны на использовании широкого корпуса англоязычных источников, имеющих преимущественного западное происхождение, а также наиболее распространенных допущениях распространенных научных дисциплин и традиций. Эта особенность ведет к смещению данных и их источников, преодоление которого требует специальных усилий по созданию либо обучению собственных моделей ИИ, что затруднительно для многих научных организаций и исследовательских коллективов.

Во-вторых, необходимо отметить различия в скорости и объеме обработки данных разными моделями ИИ. Хотя общим результатом их работы является ускорение процессов обработки данных, не все модели способны демонстрировать одинаковое качество результата [10]. Все они могут быть дифференцированы на флагманские модели, модели среднего уровня и бюджетные модели, которые отличаются широтой контекстного окна, скоростью обработки и точностью рассуждения. Специфика их работы, в конечном счете, задает спектр задач, которые возможно решать при их использовании. Данная особенность вновь определяет преимущества исследователям, имеющим доступ к более мощным моделям искусственного интеллекта.

В-третьих, внедрение технологии ИИ сопряжено с различиями в компетенциях у исследователей для работы с ней. В этой плоскости необходимо отметить как различия среди самих исследователей, так и различия в доступе к техническим специалистам с узкой экспертизой. Так, опрос исследователей, проведенный в Германии, свидетельствует о наличии дифференциации ученых в зависимости от возраста, пола, уровня образования и принадлежности к дисциплинарной области: преимущество в знакомстве с технологией ИИ оказалось на стороне ученых более молодого возраста, мужского пола, с более высоким уровнем образования и на стороне представителей социальных наук [11]. Исследования из других стран, в частности, России, показывают более умеренные отличия, однако также подтверждают их существование среди ученых с разными социально-демографическими и образовательными характеристиками [12]. Кроме этого, современные исследования указывают на различия в доступе к передовым и ресурсоемким ИИ-инструментам исследователями из промышленного и академического сектора [13]. Однако данные различия можно обнаружить и среди отдельных организаций внутри науки с разным объёмом финансовых ресурсов.

Таким образом, выступая новым элементом инфраструктуры научной деятельности, технология ИИ становится новым фактором стратификации в науке, который имеет алгоритмическую форму. Его влияние является двойственным: с одной стороны, исследователи с первоначальными статусными преимуществами продолжают их накапливать через доступ к лучшим моделям и компетенциям в области их использования, кратно увеличивая свою научную продуктивность, а с другой стороны – результаты их работы имеют наиболее высокие шансы пополнить базу знаний самих алгоритмов, которые определяют рамки для генерации и интерпретации данных, связанных с задачами других исследователей. Часть этих последствий обусловлены особенностями функционирования научной системы и носит «человеческое» происхождение, однако другая – техническая часть – уже сегодня

требует выработки прозрачных политик доступа к технологии ИИ, этических стандартов ее применения для задач научной деятельности и компетенций по их применению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Bonitz, M. Characteristics and impact of the Matthew effect for countries / M. Bonitz, E. Bruckner, A. Scharnhorst // *Scientometrics*. –1997. – № 40. – P. 407–422.

2. Губа, Е. 5 фактов о научном цитировании / Е. Губа // ПостНаука. – URL: https://postnauka.org/faq/89066 (дата доступа: 21.07.2026).

3. Chankseliani, M. A big picture: bibliometric study of academic publications from post-Soviet countries / M. Chankseliani, A. Lovakov, V. A. Pislyakov // Scientometrics. – 2021. – Vol. 126, iss. 10. – P. 8701–8730/

4. Vostal, F. Accelerating Academia: The Changing Structure of Academic Time / F. Vostal. – New York : Palgrave MacMillian, 2016. – 242 p.

5. Телицына, А. Ю. Оптимизация научной деятельности через интеграцию ИИ: нейронные сети как инструмент в работе с академической литературой / А. Ю. Телицына // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2024. – № 5 (183). – С. 218–236.

6. Кузьменко, М. В. Искусственный интеллект в исследовательской деятельности и академическом письме: аналитический обзор направлений и ограничений применения / М. В. Кузьменко // Непрерывное образование: XXI век. – 2025. – № 3. – С. 2–21.

7. Al Naqbi, H. Enhancing Work Productivity through Generative Artificial Intelligence: A Comprehensive Literature Review / H. Al Naqbi, Z. Bahroun, V. Ahmed // Sustainability. – 2024. – Vol. 16, No. 3. – P. 1–37.

8. Noy, S. Experimental evidence on the productivity effects of generative artificial intelligence / S. Noy, W. Zhang // Science. – 2023. – Vol. 381. – P. 187–192.

9. Стрельцова Е. А., Попов Е. В., Гершман М. А. (2025) Искусственный интеллект в науке / Е.А. Стрельцова, Е.В. Попов, М.А. Гершман // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. – URL: https://issek.hse.ru/news/1015931860.html (дата доступа: 21.07.2026).

10. Comparison of Models: Intelligence, Performance & Price Analysis // Artificial Analysis. – URL: https://artificialanalysis.ai/models (date of access: 22.07.2026).

11. Chugunova, M. Who uses AI in research, and for what? Large-scale survey evidence from Germany / M. Chugunova, D. Harhoff, K. Hölzle [et al.] // Research Policy. – 2022. – Vol. 51. – P. 1–19.

12. Голоухова, Д. В. Восприятие и использование технологий искусственного интеллекта в научной деятельности: перспективы и барьеры внедрения / Д. В. Голоухова, А. А. Куманцов // Вестник Института социологии. – 2026. – Т. 17, № 2. – С. 12–33.

13. Roded, T. AI And The Future Of Scientific Discovery / T. Roded, P. Slattery // MIT FutureTech. – URL: https://futuretech.mit.edu/news/ai-and-the-future-of-scientific-discovery (date of access: 25.07.2026).

УДК 316.351 + 316.47 + 316.77

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАЦИИ: ВЫЗОВЫ КЛАССИЧЕСКИМ ТЕОРИЯМ

Неделевская И. Г.
доцент кафедры политологии и социологии ГрГУ им. Я. Купалы
кандидат социологических наук
г. Гродно, Беларусь

Работа подготовлена в рамках проекта «Социальное благополучие белорусского студенчества как фактор устойчивого развития общества» при финансовой поддержке БРФФИ (№ Г26М-044).

Современные исследования все чаще фиксируют парадоксальные тенденции в области социальной коммуникации среди молодежи: хотя доля интеракций представителей молодого поколения в цифровой форме во многих странах растет, частота их контактов в офлайн среде снижается [1]. Кроме этого, ряд исследований утверждают о формировании общемировой тенденции роста уровня одиночества среди подростков [2; 3], что способно оказывать негативное влияние на социальное и психологическое благополучие молодежи. Все это указывает на амбивалентный характер цифровых практик и необходимость переосмысления

традиционных подходов к анализу включенности молодежи в социальные связи и накопление ими социального капитала. В этом контексте важным является определение потенциала теоретических подходов к концептуализации социального капитала молодежи с учетом современных тенденций.

Идейные истоки концепций социального капитала восходят к работам философов и социальных мыслителей в лице Д. Юма, А. Токвилля [4], а также социологов в лице М. Вебера и Э. Дюркгейма [5]. В качестве термина социальный капитал был введен американским педагогом Л. Ханифаном, который, однако, не предложил его разработанной концепции. Начало теоретической разработки социального капитала исследователи связывают с именем П. Бурдье [4]. Трактуя социальный капитал как совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с сетью институционализированных знакомств, П. Бурдье отмечает несколько его характеристик. Во-первых, социальный капитал имеет коллективную основу, которая позволяет использовать «репутацию» группы, в которую входит индивид, в целях приумножения социального капитала или же аккумулирования других форм капитал в различных областях социального пространства. Во-вторых, социальные отношения, лежащие в основе социального капитала, требуют постоянного поддержания посредством обменов материального или символического характера. Данные процессы обмена требуют подтверждения близости, которые могут быть лишь отчасти сведены к близости как в физическом, так и в социальном пространстве [6, с. 66]. В-третьих, отношения взаимного знакомства и признания, по замечанию П. Бурдье, способны оформляться социально и обладать именем в виде имен или названий отдельных социальных групп (например, семей, племен, партий, школ), а также посредством институционализирующих актов [6, с. 66].

Спустя восемь лет после выхода работы П. Бурдье, другой американский социолог – Дж. Коулман также концептуализирует социальный капитал в работе «Капитал социальный и человеческий» [7]. Он выстраивает свою концепцию на основе синтеза теории рационального выбора и теории социальных норм и определяет социальный капитал в качестве социальных связей, способствующих повышению блага как на уровне индивида, так и на уровне группы. Дж. Коулман предполагает, что отдельный индивид не способен распоряжаться ресурсами и контролировать события в одиночку и по этой причине вынужден вступать в различные формы сотрудничества с другими индивидами [5, с. 104]. Из данного тезиса он формулирует два основополагающих свойства социального капитала: продуктивность, которая выражается в способности социального капитала содействовать в достижении индивидуальных целей участниками социальных отношений, и поддержка действий участников социальных отношений [5, с. 104].

Дж. Коулман также различает три уровня социального капитала [5, с. 104]. Первый из них – это доверие, которое возникает в результате рациональных обменов и исполнений обязательств. Такой обмен ведет к расширению контроля каждого участника группы над ресурсами, событиями, а также определению позиции в структуре власти. На втором – информационном уровне, происходит обмен новой информацией, который требует обращения к социальным связям. Третий уровень образуют нормы, которые ограничивают действие эгоистических интересов индивида и формируют установки на бескорыстие, что в конечном итоге способствует росту общего блага. В концепции Дж. Коулмана социальный капитал находится в тесной взаимосвязи с капиталом человеческим, который представляет собой совокупность навыков и способностей, позволяющих действовать индивиду иным образом [7].

Дальнейшее распространение понятия социального капитала некоторые исследователи связывают с именем американского политолога Р. Патнэма [8]. Концептуализацию социального капитала он производит на основе теории коллективного действия с целью обоснования роли социальных связей в развитии институциональных процессов. Р. Патнэм определяет социальный капитал как «связи между индивидуумами, социальные сети и нормы взаимности, которые из упомянутых сетей проистекают» [8]. В социальном капитале он выделяет два измерения: структурное и культурное. Первое выражается в социальных сетях формального и неформального характера, а второе – в социальных нормах, среди которых

нормы взаимности являются ключевыми в связи с обеспечением доверия участников социальных отношений [5, с. 102]. Согласно Р. Патнэму, нормы взаимности могут быть «сбалансированными», что выражается во взаимном обмене эквивалентными ценностями, и «обобщенными», которые выражаются во взаимных ожиданиях эквивалентности обмена [5, с. 102]. Обобщенные нормы взаимности напрямую связаны с доверием и сотрудничеством, а их формирование происходит в рамках социальной группы. По утверждению Р. Патнэма, данные нормы способны обобщаться и переноситься на уровень всего общества, что положительным образом влияет на институты экономики и управления.

Исследователи отмечают, что дальнейшее развитие теории социального капитала происходило по большей части в русле политологической проблематики развития гражданского общества и демократических институтов [4]. Данное обстоятельство определило и соответствующее развитие методологических проблем измерения социального капитала, которые в большей степени фокусируются на объектах мезо- и макроуровня: от социальных групп к национальным обществам. Вместе с тем тенденции, фиксируемые в молодежной среде, ставят перед теоретиками социального капитала новые вызовы, которые требуют пересмотра ряда фундаментальных положений классических концепций.

Среди ключевых положений теорий социального капитала, требующих переосмысления, можно выделить следующие: роль физического пространства, линейная зависимость объема социального капитала от количества социальных связей, устойчивость норм взаимности и обмена ресурсами. Во-первых, появление новых технических средств коммуникации сегодня расширяет количество и формы ее каналов. Если ранее, согласно классическим теориям, установление социальных связей происходило преимущественно в географическом пространстве и в ходе совместной деятельности, то сегодня оно уступает так называемым распределенным сетевым структурам без привязки к территориальной принадлежности [9, с. 52]. Во-вторых, современные исследования фиксируют тенденцию, которая выражается в том, что количество социальных контактов в цифровой среде не означает линейной зависимости роста «звеньев» сети в социальном капитале, который предполагает обмен ресурсами [9, с. 52]. В-третьих, классические теории социального капитала утверждают относительную устойчивость норм взаимности и обмена ресурсами, однако современные исследования показывают асимметричность поведения части молодых людей в обмене «цифровым» ресурсом, что осложняется работой алгоритмов социальных сетей, которые создают условия фрагментированного и ситуативного взаимодействия [10].

Таким образом, классические теории социального капитала (П. Бурдье, Дж. Коулман, Р. Патнэма) сформировали концептуальные рамки для его определения и дальнейшей операционализации, однако современные тенденции в области цифровой трансформации коммуникации молодежи проблематизируют ряд их фундаментальных допущений. Все это требует дальнейшей теоретической и эмпирической работы по поиску адекватных решений исследовательских проблем в области соотношения физического и цифрового пространства, взаимосвязи количества и качества социальных связей в цифровой среде, а также специфики формирования норм, распределения и обмена ресурсов в виртуальном и социальном пространстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Social connections and loneliness in OECD countries // OECD. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/social-connections-and-loneliness-in-oecd-countries_6df2d6a0-en/full-report/trends-in-social-connections-are-people-becoming-more-or-less-connected_6e2f6d9a.html (date of access: 05.07.2025).

2. Hall, H. Modelling Adolescent Loneliness via Empathy, Social Goals and Social Capital: A Self-Determination Theoretical Perspective / H. Hall, P. Millear, M. Summers // Child Youth Care Forum. – 2026. – DOI: https://doi.org/10.1007/s10566-026-09923-6.

3. Liu, J. Messages in a Digital Bottle: A Youth-Coauthored Perspective on LLM Chatbots and Adolescent Loneliness / J. Liu, D. Fu // arXiv. – URL: https://arxiv.org/html/2604.03470v1 (date of access: 01.07.2026).

4. Яшкова, М. Я. Социальный капитал: эволюция концепта / М. Я. Яшкова // Неприкосновенный запас. – 2018. – № 3. – С. 196–210.
5. Мадлен, Б. Социальный капитал: к обобщению понятия / Б. Мадлен, Н. А. Головин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2015. – № 4. – С. 99–111.
6. Бурдье, П. Формы капитала / П. Бурдье // Экономическая социология. – 2002. – № 5. – С. 60–74.
7. Коулман, Д. Капитал социальный и человеческий / Д. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.
8. Патнэм, Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм. – Москва : Ad Marginem, 1996. – 288 с.
9. Жукова, Т.И. К проблеме трансформации социальных отношений и социального капитала в цифровую эпоху / Т.И. Жукова // Труды ИСА РАН. – Т. 75, № 3. – 2025. – С. 48–60.
10. Поддячая Е.А. Виртуальный социальный капитал молодых ученых. – Дискурс. – 2023. – № 1. – С. 69–83.

УДК 314.15:711.4

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В «ДЕТОЦЕНТРИЧНУЮ» СРЕДУ КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ В МАЛОМ ГОРОДЕ

Нейфельд О. П.
глава муниципального округа Богданович,
кандидат экономических наук
г. Богданович, Россия

Проблема депопуляции малых городов в России приобрела системный и угрожающий характер. Согласно исследованиям, малые города, в которых проживает около трети городского населения страны, столкнулись с устойчивой убылью численности населения, обусловленной как снижением рождаемости, так и миграционным оттоком, прежде всего молодежи и населения трудоспособного возраста [1]. По прогнозам, при сохранении текущих тенденций часть малых городов к 2050 году может стать «мертвыми городами» [2].

В этих условиях поиск эффективных механизмов удержания населения и стимулирования рождаемости становится приоритетной задачей государственной региональной политики. Одним из перспективных подходов является целенаправленное формирование «детоцентричной» городской среды – системы инфраструктурных, сервисных и ценностных решений, ориентированных на потребности семей с детьми и молодежи. Муниципальный округ Богданович в Свердловской области стал пилотом реализации такой стратегии, запустив на своей территории реализацию стратегического проекта «Богданович. Детская столица Урала» и развернув масштабную программу преобразований.

Богданович – один из малых городов Урала. Согласно официальным данным, численность населения муниципального округа составляет чуть более 40 000 человек. Демографическая ситуация характеризуется постепенной убылью населения, наблюдается ежегодное сокращение численности населения и увеличение численности населения старше трудоспособного возраста, которая за последние десять лет выросла на 14%. Особую тревогу вызывает ситуация на рынке труда: миграционный отток молодежи создает дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы, что становится ограничением для развития производства и реализации инвестиционных проектов. В сельских территориях округа ситуация усугубляется дефицитом квалифицированных кадров и их оттоком. При этом в Богдановиче сохраняется относительно молодая возрастная структура – доля жителей до 35 лет составляет почти 50%, а детей до 14 лет – около 10%. Однако, как показывает практика, наличие молодого населения само по себе не гарантирует демографической стабильности – необходимы механизмы его закрепления на территории.

Инфраструктурная составляющая проекта «Богданович. Детская столица Урала» включает широкий спектр проектов, охватывающих все сферы жизнедеятельности города.

Здравоохранение. В 2023 году проведен капитальный ремонт детской поликлиники, которая в настоящее время работает в режиме «бережливых технологий», приобретено новое медицинское оборудование. Поликлиника включает 8 педиатрических участков, кабинет УЗИ, рентгенологический и физиотерапевтический кабинеты, кабинет неотложной медицинской помощи, кабинеты медицинского психолога и социального работника.

Образование. В муниципальном округе Богданович функционирует 28 детских садов и 20 школ, создано более 20 «Точек роста» – центров образования цифрового и гуманитарного профилей. Реализуется проект строительства детского технопарка «Кванториум» как современной образовательной площадки, позволяющей детям получить качественные современные знания, не выезжая за пределы муниципалитета и научиться применять их на практике. Детский технопарк включает 5 направлений подготовки (квантумов) – Хайтек, IT-квантум, Промробоквантум, Промдизайн, AR/VR-квантум. Кванториум является условием успешной профориентации детей, подготовки к обучению в вузе и стимулом к продолжению трудовой деятельности в Богдановиче.

Наиболее амбициозным инвестиционным проектом в рамках «Детской столицы» является создание детского загородного образовательно-оздоровительного центра «Астера» на территории бывшего детского санатория. Проект предполагает концессионное соглашение с общим объемом инвестиций на уровне 5 млрд рублей. Центр будет рассчитан на единовременное пребывание до 350 детей, а ежегодно в нем смогут отдыхать, учиться и оздоравливаться более 10 тысяч детей. «Астера» позиционируется как главная площадка для проведения тематических образовательных смен, олимпиад, спортивных и патриотических мероприятий, профориентации и творческой реализации молодежи. Реализация проекта планируется в два этапа до 2028 года. В 2024-2026 годах муниципалитет уже выделил финансирование на содержание комплекса зданий и сооружений и разработку концептуальной и архитектурной документации.

Культура и досуг. Функционирует центр современной культурной среды, 15 сельских домов культуры, 2 музея, 18 библиотек с современной инфраструктурой и оборудованием.

В 2025 году была проведена масштабная реконструкция Парка культуры и отдыха, в результате чего городской парк представляет собой многофункциональное современное городское общественное пространство с аттракционами, детскими и игровыми площадками, зонами отдыха, большой событийной площадкой с трибунами и сценой.

Спорт. В городе действует 5 крупных спортивных учреждений, спортивные площадки, хоккейные корты, тир и стадион. Среди воспитанников спортивных школ – олимпийский чемпион и победители международных соревнований .

В 2025 году завершилось строительство Спортивного комплекса «Родина» в северной части города, что позволяет проводить учебно-тренировочные занятия для детей и взрослых по боксу, борьбе, баскетболу, волейболу, мини-футболу, организовывать спортивные мероприятия муниципального, регионального и межрегионального уровня.

В 2026 году было завершено строительство Центра спортивной подготовки для детей и взрослых, где на 2500 м2 разместились гимнастический зал, зал аэробики, фитнес-бар, тренажерный зал, массажный кабинет, детская комната.

Создан крупный спортивный объект – BMX-трасса. Этот рейс-трек не просто локальный проект, а объект олимпийского уровня, уникальный в масштабе страны, что дает возможность детям Богдановича получать подготовку высочайшего уровня, заряд мотивации и впоследствии достигать спортивных высот.

Городская среда. Богданович демонстрирует высокий индекс качества городской среды. Проекты включают комплексное благоустройство скверов, улицы Партизанской, Площади Мира. Особенностью всех проектов является их ориентация на семейный и детский отдых – создание детских площадок, арт-объектов, зон для проведения массовых мероприятий с участием детей.

Площадь Мира проектировалась как смысловой центр Детской столицы Урала. Эта центральная для города площадь создавалась не как парадный «взрослый» зал, а как пространство, учитывающее детское восприятие (масштаб, яркость, игровые элементы в арт-объектах). Проектом было предусмотрено создание нескольких функциональных зон (входная на центральной аллее, прогулочные аллеи, зона лектория, зона творческих встреч, зона тихого отдыха, зона отдыха у воды у фонтана). Также была предусмотрена установка тематических арт-объектов «Мир глазами ребенка», «Семья – мир, построенный любовью», «Связь поколений», которые не только придают разнообразие и визуальную привлекательность пространству, но и помогают передать основные смыслы, лежащие в основе развития города как Детской столицы

Инфраструктурные инвестиции в «детоцентричную» среду влияют на демографическую ситуацию через:

Удержание молодежи через качество среды. Исследования показывают, что основной причиной оттока молодежи из малых городов является недостаточная инфраструктура, ограниченные карьерные и образовательные возможности, отсутствие смыслов, которые позволяют увидеть картину лучшего будущего. Создание современной образовательной, спортивной и досуговой инфраструктуры, соответствующей или даже опережающей уровень крупных городов, снижает мотивацию к переезду.

Формирование территориальной идентичности. Вовлечение детей и молодежи в процессы городского планирования (стратегические сессии, общественные обсуждения) способствует формированию устойчивой эмоциональной связи с местом проживания. Когда молодые люди видят, что их мнение учитывается, что город развивается с их участием и для них, они с большей вероятностью свяжут свое будущее с этой территорией.

Создание регионального центра притяжения. Масштабные проекты, такие как загородный образовательно-оздоровительный центр «Астера» или BMX-трасса, которая принимает соревнования федерального и международного уровня, позиционируют Богданович не как локальный муниципалитет, а как значимый центр, что создает дополнительный экономический эффект – приток посетителей, развитие сопутствующих услуг, новые рабочие места, что в свою очередь повышает привлекательность города для проживания.

Влияние на репродуктивные установки. Качественная и доступная инфраструктура для детей (детские сады, школы, поликлиники, спортивные и досуговые учреждения) является важным фактором, влияющим на решение семей о рождении детей. В условиях малого города, где экономические возможности ограничены, наличие развитой социальной инфраструктуры может стать решающим аргументом в пользу увеличения семьи.

Хотя проект «Богданович. Детская столица Урала» реализуется относительно недавно, уже можно говорить о некоторых позитивных тенденциях. Среди них – приращение человеческого капитала, увеличение объемов валового муниципального продукта, количества проектов, реализуемых за счет частных инвесторов создание новых рабочих мест, развитие МСП, существенное повышение уровня удовлетворённости тем, что город, в котором они живут — удобный, подходящий для создания большой здоровой семьи, для воспитания детей, для жизни старшего поколения. Однако долгосрочная эффективность проекта будет зависеть от последовательности реализации, достаточности ресурсного обеспечения и способности адаптироваться к изменяющимся условиям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Внутрироссийская миграция молодежи: повышение привлекательности малых городов: Результаты исследования Института экономики роста П. А. Столыпина (14 ноября – 22 декабря 2023 г.). – URL: https://stolypin.institute/storage/app/media/IMC4Stolypin%20Inst_Migration%20Survey_2024_FINAL-EXTRA%20PPT.pdf

2. Максимова, И.В., Симагин Ю.А. Демографическая ситуация в малых городских округах России/ И.В. Максимов, Ю.А. Симагин // Народонаселение. – 2025. – №3. – С. 4-16.

УДК 316.772.5 + 316.752

СИМУЛЯЦИЯ СОПРИЧАСТНОСТИ: КРИЗИС МЕТАМОДЕРНИСТСКОГО ЦЕННОСТНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПРОЕКТЕ МЕТАВСЕЛЕННОЙ

Непомилуева М. А.
аспирант социологического факультета СПбГУ
г. Санкт-Петербург, Россия

Метавселенная рассматривается как платформа, использующая инновационные методы доставки потребителю ценностного предложения [1], а также социальный феномен, формируемый коллективными ожиданиями, культурными практиками и институциональными установками [2]. У пользователей (действующих и потенциальных) формируется социальный образ Метавселенной, который отражает их усреднённый ценностный профиль и определяет ожидания относительно безопасности, инклюзии, возможностей самореализации и др.[3].

В терминах концепции метаструктуры П. Штомпки [4] метамодернизм при условии его устойчивости может рассматриваться как функциональное содержание современной метаструктуры, задающее ценностно-смысловой каркас социальной жизни и влияющее на границы социального взаимодействия и социальное поведение. При этом проект Метавселенной, как и другие коммуникативно-технологические проекты, занимает положение внутри институционального и символического уровней социальной реальности, выступая гибридным медиатором между структурой и агентностью и одновременно служа индикатором социокультурной динамики в условиях переходной модерности. В связи с чем формируемый у пользователей социальный образ Метавселенной и транслируемые ценности становятся не только фоном, но и значимыми драйверами или барьерами коммуникативно-технологического проекта.

Проведённое авторское эмпирическое исследование, включающее качественный контент-анализ программно-аналитических документов по проекту Метавселенной, ранжирование ценностей и метод семантического дифференциала Осгуда, подтверждает присутствие в таких документах набора метамодернистских ценностей [5, с. 18-22] (рис.).

Рисунок. Репрезентация ценностей метамодернизма в проекте Метавселенной. Облако слов

Ценностное ядро при этом составляют безопасность, человекоцентричность, общность человеческого опыта и инклюзия, дистанция и соблюдение личных границ при одновременном осознании ценности сопричастности и коллективного опыта, возможность развития. Этот набор формирует официальный гуманистический фасад проекта и задаёт нормативную картину желаемого социального образа Метавселенной.

Особое аналитическое значение имеют при этом две взаимодополняющие метамодернистские ценности: дистанция и сопричастность. Дистанция отражает сохранение безопасного пространства субъекта, т.е. защиту личных границ, право на автономию и неполное присутствие в цифровых средах. Сопричастность выражает стремление к эмпатийной вовлеченности и совместному творчеству. Осцилляция между этими полюсами в виде баланса близости и автономности задаёт нормативную форму коммуникации в цифровой культуре. Сделан вывод, что в представленном ценностном предложении Метавселенной этот баланс нарушен [6, с. 325]. Пользователи стремятся к безопасности и сохранению личных границ, но не всегда её ощущают, поскольку институциональные механизмы защиты часто действуют декларативно и не создают глубокого доверия. При этом сопричастность часто редуцируется до имитации вовлечения, что не порождает подлинного эмпатийного участия.

Такое симулированное участие имеет двоякий эффект. С одной стороны, оно усиливает ожидание включённости, однако поверхностный характер взаимодействия и высокая интенсивность коммуникационных стимулов приводят к социальной и эмоциональной перегрузке пользователей. Перегрузка усиливает потребность в социальной дистанции как защитном механизме. Таким образом, динамика между дистанцией и сопричастностью проявляется как циклическая осцилляция, при которой стремление к вовлечению порождает утомление и возврат к дистанции, что отражает поверхностное освоение в проекте Метавселенной метамодернистских ценностей и формирует социальный барьер в его развитии.

Выдвигается тезис о нарастающем кризисном потенциале текущего ценностного распределения Метавселенной. Его причинами выступают этический дефицит (поверхностная декларация ценностей), цивилизационная инерция (репродукция старых паттернов в новых технологиях), онтологическая холодность и культурная симуляция (замена подлинного соучастия имитацией). В совокупности это снижает реалистичность и доверительную привлекательность образа Метавселенной и препятствует формированию устойчивой коллективной субъектности.

Сделан вывод, согласно которому, в текущей версии проект Метавселенной, декларирующий метамодернистские ценности, фактически симулирует безопасность и инклюзию, не обеспечивая глубинного освоения дистанции (как реальной защиты личной автономии) и сопричастности (как подлинного эмпатийного соучастия), воспроизводит прежние паттерны с гуманистическим фасадом и технической прагматикой, разрабатывается как контролируемые экосистемы, но не как пространство смысловой трансформации.

Разработана рекомендация, в соответствии с которой для преодоления социокультурных барьеров проекту Метавселенной необходимо осваивать глубинные ценности метамодернизма через практики, которые одновременно обеспечивают реальную защиту личных границ (дистанция как нормативная и технологическая гарантия безопасности) и создают условия для подлинного соучастия (сопричастность как эмпатийная и творческая практика). Это означает переход от формализованной, регулируемой безопасности к осмысленной ответственности и от имитации вовлечения – к инструментам, поддерживающим устойчивое сотворчество и признающим нестабильность как ресурс и условие доверия, а также освоение метамодернистского ядра (осцилляция, постирония, новая искренность, экологичность, гибридность, равный приоритет духовного и материального, ценность собственного производства, превалирование качества над количеством).

Достижение этого ценностного баланса позволит рассматривать Метавселенную не как технологическую утопию, а как пространство освоения метамодернистской осцилляции – нового типа социокультурной чувствительности, сочетающей эмпатию и рефлексивную автономию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kraus S., Kanbach D. K., Krysta P. M., Steinhoff M. M., Tomini N. Facebook and the creation of the metaverse: Radical busi ness model innovation or incremental transformation? // International Journal of Entrepreneurial Behaviour & Research. – 2022. – Vol. 28, № 9. – P. 52–77. – DOI: 10.1108/ IJEBR-12-2021-0984.

2. Орехова С. В., Евсеева М. В. Технологические системы в экономике: гетеродоксальный подход и институциональные основы // Журнал институциональных исследований. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 34–53.

3. Непомилуева М. А. Социальный образ Метавселенной как медиатор институциональных, социокультурных и ценностных трансформаций цифрового пространства // Перспективы и проблемы инновационного развития социально-экономических систем / Материалы X Национальной научно-практической конференции научных сотрудников, специалистов, преподавателей, аспирантов научно-образовательного центра «Стратегии инновационного развития». Воронеж, 2 – 10 декабря 2025 г. Воронеж: Изд-во ВГУИТ. – 2026. – 159 с. – С. 92 – 95. [Электронный ресурс] URL: https://vsuet.ru/images/science/conferences/2025/12/conf-4/mat.pdf (дата обращения: 07.07.2026).

4. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс. – 1996.

5. Хрущева Н. Метамодерн в музыке и вокруг неё. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик». – 2020.

6. Непомилуева М. А. Репрезентация ценностей метамодернизма в проекте метавселенных: социально-психологические драйверы и барьеры // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 1. – С. 320-327. [Электронный ресурс] URL: https://www.vestnykeps.ru/0125/54.pdf (дата обращения: 02.07.2026).

УДК 316:796

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГАРАНТИЙ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ

Новик О. Г.
Директор ГУ «Барановичская СДЮШОР по боксу имени М. Я. Павлова»
г. Барановичи, Беларусь

В современной парадигме государственного управления Республики Беларусь физическая культура и спорт высших достижений рассматриваются не только как инструменты формирования здорового образа жизни, но и как важнейшие институты развития человеческого капитала, а также обеспечения долгосрочной социальной стабильности общества [4]. Реализация государственной политики в данной сфере опирается на сквозную систему нормативно-правовых и организационно-экономических гарантий, закреплённых на высшем государственном уровне [2]. Эффективность этих механизмов напрямую определяет качество воспроизводства человеческого потенциала, уровень социализации молодежи и общую общественно-политическую устойчивость, особенно на региональном уровне [7]. В условиях современных геополитических вызовов, санкционного давления на отечественный спорт и необходимости оптимизации бюджетных ресурсов на первый план выходят вопросы совершенствования управленческих стандартов. В связи с этим требуется глубокий анализ и оптимизация механизмов, посредством которых государственные социальные гарантии трансформируются в конкретные результаты работы спортивных учреждений на местах.

Институциональная основа исследуемой системы носит комплексный, многоуровневый характер, объединяя в себе правовые, экономические и организационные меры. Фундамент этой системы составляют Конституция Республики Беларусь [1], Закон «О физической культуре и спорте» [2], а также профильные государственные программы, утверждаемые на

среднесрочную перспективу [3]. В рамках данного правового поля ключевой государственной гарантией выступает обеспечение всеобщей доступности занятий спортом для детей и учащейся молодежи, что реализуется через планомерное развитие сети специализированных учебно-спортивных учреждений [2; 3]. Параллельно с этим государство берёт на себя обязательства по непрерывному финансированию подготовки спортивного резерва, модернизации инфраструктуры за счёт средств республиканского и местных бюджетов, а также обеспечению базовых социальных стандартов и правовой защиты работников отрасли [2; 3; 4]. Этот сложный правовой контур связывает республиканские органы управления, такие как Министерство спорта и туризма, с местными исполнительными и распорядительными органами [4]. Именно на региональные управления и отделы райисполкомов возлагается функция непосредственного регулирования, координации бюджетных потоков и контроля выполнения доведённых государством плановых показателей. Таким образом, создаётся вертикаль, в которой стратегические задачи государства спускаются на уровень конкретных исполнителей.

Переход от декларации государственных гарантий к их практическому воплощению происходит непосредственно на уровне специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва (СДЮШОР) [7]. На данном этапе управленческая деятельность руководителя приобретает выраженный прикладной характер и требует внедрения высоких стандартов менеджмента [8]. Первым и ключевым инструментом здесь выступает программно-целевое планирование, направленное на жёсткий контроль ключевых показателей эффективности учреждения. Руководитель обеспечивает выполнение государственного заказа по подготовке резерва, контролирует динамику спортивных результатов, комплектование групп, выполнение разрядных нормативов и передачу перспективных учащихся в высшие звенья подготовки — училища олимпийского резерва и центры олимпийской подготовки [3; 8].

Однако выполнение этих организационных задач невозможно без создания устойчивой организационно-экономической платформы, что выводит на первый план механизмы оптимизации финансово-хозяйственной деятельности [5]. В условиях бюджетирования важнейшей задачей руководителя становится рациональное распределение выделяемых средств, контроль жёсткой финансовой дисциплины и проведение своевременных текущих или капитальных ремонтов для поддержания инфраструктуры [5]. При этом современный управленческий стандарт требует от директора эффективного привлечения внебюджетных источников финансирования, организованного таким образом, чтобы полностью сохранить базовый принцип доступности бесплатных занятий для профильных групп учащихся.

Важнейшей опорой локального менеджмента является кадровый потенциал, поскольку именно от квалификации тренеров зависит итоговый рост спортивного мастерства учащихся [7]. Руководитель должен обеспечивать непрерывное развитие профессиональных компетенций тренерского состава, внедрять гибкие системы мотивации труда, а также создавать благоприятные социальные условия для адаптации и удержания молодых специалистов в региональных учреждениях. Таким образом, организационные, финансовые и кадровые аспекты управления формируют единую систему, обеспечивающую преемственность методик подготовки и стабильность работы всего коллектива [3; 5; 7].

Несмотря на выстроенную структуру, практическая реализация государственных гарантий неизбежно сталкивается с рядом деструктивных факторов, требующих оперативного управленческого реагирования [8]. Первым серьёзным барьером выступает локальный инфраструктурный дефицит, выражающийся в моральном и физическом устаревании некоторых спортивных объектов в малых регионах, что требует от руководства поиска дополнительных инвестиций и оптимизации эксплуатационных расходов [5]. Второй барьер имеет демографический и социальный характер: это кадровый дисбаланс, вызванный естественным стремлением молодых и перспективных тренеров перемещаться в крупные административные центры в поисках более высокой оплаты труда [7]. На это накладываются общие бюджетные ограничения, вынуждающие учреждения жестко экономить ресурсы.

Преодоление указанных барьеров лежит в плоскости постепенного перехода от пассивного администрирования к активному проектному менеджменту [8]. Современный руководитель СДЮШОР должен уметь находить скрытые внутренние резервы организации, диверсифицировать внебюджетную деятельность и использовать инструменты социального партнёрства, что позволяет нивелировать дефицит ресурсов и обеспечить бесперебойное выполнение государственных социальных стандартов.

Успешное преодоление внутренних рисков и стабильная работа спортивной школы напрямую конвертируются в серьёзные социальные эффекты для всего региона. Специализированные учреждения выполняют важнейшую государственную функцию по глубокой социализации подрастающего поколения [4]. Физическая культура выступает наиболее эффективным и наименее затратным инструментом снижения уровня девиантного поведения среди подростков, ранней профилактики правонарушений, а также формирования дисциплинированной и целеустремлённой молодежной среды [6]. С точки зрения теории социального управления, стабильное функционирование спортивной инфраструктуры обеспечивает достижение трёх критически важных эффектов. Во-первых, гарантируется равенство возможностей, создавая прозрачные социальные лифты для одарённых детей независимо от материального положения их семей [4]. Во-вторых, реализуется задача здоровьесбережения, формируя у молодёжи устойчивые поведенческие паттерны здорового образа жизни и снижая будущие медицинские издержки государства [6]. В-третьих, спорт обеспечивает гражданскую консолидацию, повышая уровень вовлечённости молодых граждан в общественно полезную деятельность и укрепляя локальный патриотизм [4]. Таким образом, государственные гарантии в сфере спорта трансформируются на местах в мощный стабилизирующий фактор, укрепляющий общую устойчивость регионального социума.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что совершенствование механизмов реализации государственных гарантий в сфере физической культуры на современном этапе требует качественного изменения подходов к деятельности руководящего состава. Современный директор спортивной школы — это не просто исполнитель инструкций, а эффективный менеджер, способный стратегически мыслить, управлять рисками, оптимизировать финансово-хозяйственные процессы и выстраивать продуктивный диалог с органами местной власти и общественными институтами [5; 8]. Практический опыт работы специализированных учреждений Республики Беларусь наглядно доказывает, что системная, научно обоснованная и последовательная реализация государственной политики в области спорта является незыблемым фундаментом для приумножения человеческого потенциала и обеспечения долгосрочной социальной стабильности государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г.). – Минск, 2022.

2. О физической культуре и спорте : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19 июля 2022 г. № 200-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024. – URL: https://etalonline.by. (дата обращения: 07.07.2026).

3. Государственная программа «Физическая культура и спорт» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 янв. 2021 г., № 54 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 05.02.2021. – 5/48739.

4. Государственная политика в сфере физической культуры и спорта: социальные аспекты и приоритеты / под ред. А. В. Ковальчука. – Минск : Беларуская навука, 2023. – 215 с.

5. Дмитриева, О. Н. Финансово-хозяйственная деятельность бюджетных организаций физической культуры / О. Н. Дмитриева // Экономика. Управление. Право. – 2023. – № 2. – С. 12–19.

6. Морозов, Е. П. Социализация и воспитание молодежи средствами физической культуры и спорта / Е. П. Морозов // Социологические исследования молодых ученых. – 2024. – № 1. – С. 88–94.

7. Петровский, И. С. Развитие кадрового потенциала спортивной отрасли в регионах Республики Беларусь / И. С. Петровский // Вопросы физического воспитания и спорта. – 2022. – № 4. – С. 45–51.

8. Сидоров, В. А. Современные стандарты менеджмента в сфере физической культуры : учеб.-метод. пособие / В. А. Сидоров. – Минск : БГУФК, 2021. – 180 с.

УДК 31.316.62

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: АНАЛИЗ ГРАНИЦ ДОВЕРИЯ

Ображей О. Н.
научный сотрудник ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси»
г. Минск, Беларусь

Неотъемлемой частью современного белорусского общества является искусственный интеллект (далее ИИ), который трансформирует все его сферы и оказывает влияние на широкий спектр социальных практик. В условиях стремительного прогресса в области ИИ наблюдается не только усиление его технического потенциала, но и рост его участия в процессах, традиционно подпадающих под деятельность человека. Одной из ключевых тенденций современности является делегирование частично или полностью важных решений ИИ в различных сферах жизни общества. «Современные системы искусственного интеллекта все чаще выступают не как вспомогательные инструменты, а как участники когнитивных процессов – формулируют гипотезы, структурируют информацию и предлагают решения» [1].

Делегирование решений ИИ вызывает серьёзные научные и этические дискуссии, связанные с вопросами ответственности, прозрачности алгоритмов, защиты персональных данных и возможным социальным последствиями. Принятие решений ИИ – это зачастую непрозрачный процесс для пользователей ИИ, что может вызывать сомнения в достоверности и надежности выводов. В связи с этим также актуализируется проблема границ доверия ИИ. «Проблема надежности и степени доверия человечества к инструментам ИИ сейчас стоит особо остро» [2]. Успех внедрения ИИ неразрывно связан с уровнем доверия пользователей к результатам и рекомендациям ИИ.

Существующие подходы к анализу ИИ и его роли в принятии решений формируются в различных дисциплинарных полях. Однако все еще отсутствует целостное понимание того, каким образом формируются границы делегирования решений ИИ и как они соотносятся с типом задач, уровнем риска и распределением ответственности. Знание и понимание границ доверия ИИ критически важно для эффективного, безопасного и социально ответственного внедрения ИИ. Это позволяет не только минимизировать риски, но и максимизировать позитивные изменения, которые ИИ может принести в различные сферы жизни.

В рамках социологического исследования[6], одной из поставленных задач являлось изучение границ доверия населения Республики Беларусь к ИИ. Согласно полученным данным жители Беларуси демонстрируют асимметричное доверие к ИИ. Уровень доверия к технологиям, основанным на ИИ, определяется, во-первых, сферой их применения, во-вторых, распределением ответственности за обеспечение личной безопасности.

Население Республики Беларусь в большей степени склонно делегировать ИИ выполнение элементарных базовых задач (таблица). Это касается таких областей, как организация доставки товаров, решение повседневных домашних вопросов, выполнение части своих профессиональных обязанностей. Так, готовы и скорее готовы использовать ИИ как удобного ассистента при доставке товаров 64,8% жителей страны. Готовы делегировать ИИ принятие решений в повседневных бытовых задачах (система «умный дом», планирование досуга

[6] Республиканское социологическое исследование «Факторы, специфика и социальные последствия процессов цифровизации в Республике Беларусь» в рамках НИР «Социальные условия, факторы и последствия цифровой трансформации экономики Беларуси» задания 5.01. «Комплексное социологическое исследование социально-экономических аспектов цифровой трансформации экономики Беларуси», **№ ГР 20210257** (май-июнь 2024 года, n= 1850, ошибка выборки ±2,28%).

и т.д.) – 46,9% опрошенных, выполнение части своих профессиональных обязанностей / своей работы – 34,1%. Такой подход может отражать стремление населения снизить время и усилия, затрачиваемые на рутинные операции, а также уверенность в возможностях ИИ в решении простых задач. Как видим, в данных сферах ИИ воспринимается как достаточно удобный инструмент.

Таблица. Распределение ответов на вопрос «Представьте себя в следующих ситуациях. Доверили бы Вы искусственному интеллекту?» (в % от общего числа опрошенных)

	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Управление машиной	3,9%	7,2%	18,1%	54,5%	16,3%
Выполнение части своих профессиональных обязанностей / своей работы	11,5%	22,6%	14,1%	34,5%	17,2%
Контроль за состоянием Вашего здоровья	9,3%	24,2%	15,2%	34,9%	16,4%
Обучение Вашего ребенка	5,1%	16,1%	17,6%	38,9%	22,4%
Управление финансовыми операциями (оплата счетов, выбор банка и т.д.)	8,1%	13,8%	17,2%	44,7%	16,1%
Принятие окончательных решений в кредитовании, начислении налогов, штрафов и т.д.	5,0%	9,2%	15,8%	51,5%	18,5%
Постановку окончательного диагноза и назначение лечения	3,3%	6,9%	16,3%	55,2%	18,3%
Доставку товара	36,9%	27,9%	4,6%	16,4%	14,1
Принятие решений в повседневных бытовых задачах (система «умный дом», планирование досуга и т.д.)	20,0%	26,9%	11,4%	23,9%	17,8
Поиск своей «второй половинки» / партнера	3,4%	5,3%	11,8%	59,8%	19,7%

Самая низкая степень доверия к ИИ наблюдается в областях со значительной социальной ответственностью. Доверие к ИИ-технологиям снижается в ситуациях, где может возникнуть угроза для здоровья или жизни человека (таблица 1). Степень доверия к ИИ в таких областях ограничена из-за восприятия рисков и необходимости человеческого контроля.

Согласно данным не готовы или скорее не готовы делегировать управление ИИ собственным автомобилем – 72,6%, что свидетельствует о недостаточном уровне доверия к ИИ в вопросах безопасности на дорогах. Более 70,0% респондентов не готовы доверять ИИ в вопросах диагностики заболеваний и назначения лечения без прямого участия врача. Также 50,1% опрошенных не уверены в том, что ИИ может эффективно отслеживать их здоровье. Это подчёркивает важность человеческого фактора в сферах с высокой степенью медицинской ответственности. В области личных отношений границы доверия также весьма низкие: 71,6% опрошенных отказываются доверить ИИ выбор партнёра, а в вопросах воспитания и обучения детей 56,5% опрошенных считают неприемлемым полное доверие ИИ.

Если говорить о финансовой сфере, то здесь наблюдается похожая ситуация. Население сохраняет скептицизм относительно полного доверия ИИ в вопросах, связанных с распределением денежных средств. По данным опроса не готовы доверить алгоритмам ИИ управление своими финансовыми операциями 61,9% населения. Ещё более высокая доля тех (67,3%), кто не готов делегировать ИИ право принимать окончательные решения по кредитованию, налогообложению, назначению штрафов и другим финансовым операциям.

Сравнивая разные сферы применения ИИ, можно говорить о том, что доверие к ИИ – контекстно-зависимая категория, уровень доверия к ИИ существенно различается в зависимости от области применения. Меньше всего опасений вызывает делегирование ИИ рутинных задач. Однако вопросы, затрагивающие жизненно важные интересы (здоровье, безопасность, финансы) вызывают гораздо больше беспокойства. Выбор партнёра, контроль состояния здоровья, обучение ребёнка воспринимаются как сферы, где риски недостаточной надёжности или неэтичности ИИ значительно выше. В данных сферах доверие к ИИ ограничено, что указывает на необходимость дальнейшего улучшения технологий, повышения их прозрачности и разъяснения роли ИИ как вспомогательного, а не заменяющего человека в ключевых жизненных решениях. ИИ наиболее успешен в областях, где риски минимальны и принимаемые решения не касаются критически важных аспектов человеческой жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Новикова, А. Границы делегирования решений искусственному интеллекту: когнитивные, поведенческие и организационные аспекты / А. Новикова, М. Лопухина – URL: https://www.researchgate.net/publication/404399491/ (дата обращения: 25.07.2026).

2. Дашков, А. А. Построение доверия при использовании искусственного интеллекта / А. А. Дашков, Ю. О. Нестерова // E-Management. – 2021. – Т. 4. –№ 2. – С. 28–36.

УДК 94(476)+378-055(476)

ЖЕНЩИНЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ БССР: ДИНАМИКА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В 1944-1991 ГГ.

Олесик Е. Я.
доцент кафедры всеобщей истории и политологии БрГУ имени А.С.Пушкина
кандидат исторических наук
г.Брест, Беларусь

Одним из важнейших достижений советского общества, унаследованных всеми постсоветскими государствами, включая Республику Беларусь, стало существенное повышение образовательного уровня женщин. В послевоенный период советское государство последовательно проводило курс на расширение образовательных возможностей для женщин, рассматривая их активное участие в общественном производстве как необходимое условие социально-экономического развития страны. Закрепление принципа равноправия мужчин и женщин в советском законодательстве, совершенствование системы социальных гарантий, расширение сети высших учебных заведений и увеличение масштабов подготовки специалистов создали предпосылки для значительного роста числа женщин, получавших высшее образование. Особое значение в росте образовательного уровня женщин БССР имело конституционное закрепление приоритета образования как одного из важнейших механизмов достижения фактического равноправия женщин и мужчин, получившее наиболее полное отражение в Конституции БССР 1978 г. [1, с. 12]

Государственная политика в отношении женщин была тесно связана с решением демографических и экономических задач. Создание условий для совмещения женщинами профессиональной деятельности, материнства и общественной активности сопровождалось развитием системы социальных льгот, бытовой инфраструктуры и мер государственной поддержки материнства. Постепенно социальные гарантии, ранее предоставленные работающим женщинам, распространялись и на студенток высших учебных заведений, включая право на академический отпуск в связи с рождением ребёнка и оказание материальной помощи молодым матерям.

Вместе с тем изменение представительства женщин в вузах БССР носило неравномерный характер: темпы роста численности женщин различались как по отдельным

историческим этапам, так и по профессиональным направлениям подготовки, что было обусловлено особенностями государственной образовательной политики, структурой экономики и сохранявшимися гендерными различиями в выборе профессии.

Анализ динамики представительства женщин среди студентов высших учебных заведений БССР позволяет выделить четыре основных этапа, характеризующихся существенными изменениями их удельного веса в структуре студенческого контингента.

Наиболее интенсивная феминизация студенческого контингента вузов БССР была характерна для 1944-1946 гг.. Резкий приток женщин в вузы в первые послевоенные годы был обусловлен критическими изменениями половозрастной структуры населения из-за военных потерь (свыше 2,2 млн человек). По данным переписи 1959 года, среди потенциальных абитуриентов того времени (в возрасте 32–51 года) женщины составляли 61 %, а мужчины — лишь 39 % [2, л.10,11,23,24,36,37,51,52,65,66,71,72,79,80,96,97]. В этот период требования к поступающим снизились из-за дефицита абитуриентов, а социальная роль женщины значительно возросла за годы войны и оккупации. Наиболее феминизированными в 1946 году стали педагогические вузы (до 76 % женщин) и Институт народного хозяйства (69 %) [3, л. 16, 28–42].

Второй этап охватывает 1947-1960 гг., в данный период происходило постепенное сокращение доли женщин в вузах республики. Переход страны к мирной жизни характеризовался развитием системы высшего образования, ориентированной на ускоренное восстановление кадрового потенциала народного хозяйства, а также развитие тяжёлой промышленности и расширение технических специальностей. Политика «политехнизации» образования и расширение вечерней и заочной форм обучения, ориентированных преимущественно на подготовку специалистов с числа работающей молодёжи, привели к «взрослению» студенческого контингента и определили снижение представительства женщин в вузах. В 1960/1961 уч. г. доля женщин в числе студентов высших учебных заведений достигла своего наименьшего показателя за всю послевоенную историю БССР – 41% [4, с. 461].

В 1961-1986 гг. происходил устойчивый рост представительства студенток в вузах БССР, достигнув в 1986/1987 учебном году максимального уровня – 61 % [5, с. 108]. Рост числа студенток в вузах БССР был обусловлен совокупностью нескольких факторов. Существенное значение имело расширение возможностей получения высшего образования по специальностям, традиционно привлекательным для женщин. Создание в Витебске и Могилёве высших учебных заведений, готовивших специалистов для лёгкой промышленности, способствовало высокой концентрации женщин среди обучающихся: их доля в числе студентов данных вузов достигала 73-83% [6, л. 23, 42]. Определённую роль сыграли социокультурные изменения в советском обществе. В общественном сознания населения БССР высшее образование всё больше воспринималось как значимая жизненная ценность и необходимое условие профессиональной и социальной самореализации. Дальнейшей феминизации высшей школы также способствовали экономические факторы. Снижение престижа инженерно-технического труда и относительно невысокий уровень оплаты труда специалистов по сравнению с рабочими профессиями обусловили сокращение числа мужчин, стремившихся получить высшее образование. Отметим, что удельный вес женщин в вузах БССР был выше общесоюзного, в 1986/1987 г. данный показатель в БССР на 6 % был выше чем в целом по СССР [7, с. 511].

В последние годы существования СССР (1987-1991 гг.) тенденция к феминизации высшей школы БССР сменилась снижением удельного веса женщин среди студентов: если в 1986/1987 учебном году он достигал 61 %, то к 1991 году сократился до 52 % [8, с.207]. Ключевым фактором этих изменений стали экономические преобразования периода перестройки. Переход предприятий на принципы хозяйственного расчёта привёл к изменению кадровой политики: при направлении работников на обучение по целевым договорам работодатели нередко отдавали предпочтение мужчинам, стремясь избежать дополнительных социальных расходов, связанных с предоставлением льгот женщинам, имеющим детей

[9, с.2-7]. Дополнительное влияние на сокращение представительства женщин в вузах оказало введение в 1989 году отсрочки от призыва на срочную военную службу для студентов, что существенно повысило привлекательность получения высшего образования среди юношей и способствовало увеличению их доли в составе студенчества. Одновременно ухудшалось положение женщин на рынке труда. В 1991 году они составляли 83 % зарегистрированных безработных, причём 68 % из них имели высшее образование [10, с.4,7]. Это свидетельствовало о нарастании гендерного неравенства в сфере занятости в условиях социально-экономической трансформации конца 1980-х — начала 1990-х гг.

Вместе с тем, несмотря на снижение удельного веса женщин в вузах БССР за годы перестройки, в целом в послевоенный период существенно расширилась профессиональная структура женского высшего образования. Если в первые послевоенные десятилетия женщины концентрировались преимущественно в педагогических, медицинских и гуманитарных учебных заведениях, то в дальнейшем значительно возросло их представительство в экономических, сельскохозяйственных и инженерно-технических специальностях. Особенно заметным стало увеличение числа студенток в промышленных вузах, связанных с лёгкой промышленностью, а к середине 1980-х гг. значительная часть женщин уже получала техническое образование, в результате чего происходило постепенное освоение женщинами новых сфер профессиональной подготовки, ранее считавшихся преимущественно мужскими. В то же время женщины по-прежнему преобладали в педагогическом, медицинском, экономическом и ряде гуманитарных направлений подготовки, тогда как инженерные, транспортные, энергетические и отдельные сельскохозяйственные специальности оставались преимущественно мужскими. На выбор образовательной траектории абитуриентов продолжали влиять как устойчивые общественные представления о «женских» и «мужских» профессиях, так и государственная политика, допускавшая ограничения при приёме на отдельные специальности. Кроме того, следует отметить, что высокий уровень образовательной подготовки женщин не обеспечивал им равных возможностей профессиональной реализации. Экономические преобразования конца 1980-х-начала 1990-х гг. показали уязвимость сложившейся модели: несмотря на высокий уровень образования, именно женщины в наибольшей степени столкнулись с трудностями на рынке труда. Это позволяет сделать вывод, что достижения в сфере обеспечения доступа женщин к высшему образованию не сопровождались полной ликвидацией гендерного неравенства в профессиональной сфере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики : принята на внеочеред. девятой сес. Верхов. Совета Белорус. ССР девятого созыва 14 апр. 1979 г. : с изм. и доп., внес. Законом Белорус. ССР от 21 июня 1979 г. – Минск : Беларусь, 1987. – 48 с.

2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 30. Оп. 5. Д. 7149. Л. 10–96.

3. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 821. Л. 8–43.

4. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1968 г. : стат. ежегодник / Центр. стат. упр. при Совете Министров Белорус. ССР. – Минск : Статистика, 1969. – 531 с.

5. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1988 г. : стат. ежегодник / Гос. ком. Белорус. ССР по статистике. – Минск : Беларусь, 1989. – 264 с.

6. НАРБ. – Ф. 1220. Оп. 2. Д. 616. Л. 3–5, 23, 42.

7. Народное хозяйство СССР в 1987 г. : стат. ежегодник / Гос. ком. СССР по статистике. – М. : Финансы и статистика, 1988. – 735 с.

8. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1990 г. : стат. ежегодник / Гос. ком. Белорус. ССР по статистике. – Минск : Беларусь, 1991. – 303 с.

9. Доклад председателя Государственного комитета СССР по народному образованию Г. Ягодина на встрече ректоров высших учебных заведений страны, посвящённой актуальным проблемам образования и работы вузов в современных условиях (Москва, 11 мая 1990 г.) // Бюл. Гос. ком. СССР по нар. образованию. Сер. : Высш. и сред. спец. образование. – 1990. – № 8. – С. 2–7.

10. Социально-демографические характеристики безработных в Республике Беларусь (по материалам исслед. 1991–1992 гг.) / Респ. центр занятости населения Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 1992. – 10 с.

УДК 316.4

ИИ-АССИСТЕНТ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО ДОВЕРИЯ

Онипко А. А.
доцент кафедры «Управление персоналом и социология» УрГУПС
кандидат социологических наук
г. Екатеринбург, Россия

Стремительное развитие цифровых технологий и проникновение искусственного интеллекта в повседневную жизнь сопровождается его ускоренной институционализацией в финансовом секторе. Банковская сфера оказалась в авангарде этого процесса: по данным Банка России, каждое четвертое кредитно-финансовое учреждение уже использует искусственный интеллект для обработки и анализа данных, оптимизации операций и выстраивания коммуникаций с клиентами, и по достоинству оценило потенциал применения новых технологий и их роль в деле повышения конкурентоспособности, изменения бизнес-моделей и качества клиентского сервиса [1-4].

Сегодня разнообразные ИИ-технологии: чат-боты, голосовые ассистенты, персонализированные рекомендательные системы и др. – постепенно вытесняют традиционные каналы обслуживания, превращаясь для большинства клиентов в основную точку соприкосновения с банком. Однако технологическая экспансия не влечет за собой полного согласия и одобрения пользователей: в обществе сохраняется некоторая настороженность и недоверие к автоматизированным системам. Так, согласно данным, ВЦИОМ, россияне по-прежнему отводят ИИ-ассистентам второстепенную роль и не готовы делегировать им принятие финансово значимых решений [5]. Это противоречие между удобством и востребованностью технологии, с одной стороны, и дефицитом доверия к ней – с другой, определяет предмет настоящего исследования.

Концептуальной рамкой анализа служит социологическая традиция изучения доверия, в которой данный феномен рассматривается как механизм функционирования социальных отношений, условие кооперации в ситуациях неопределенности и результат оценки ожидаемых выгод и рисков (Э. Гидденс, Дж. Коулман, Н. Луман, А. Селигман, П. Штомпка, Ф. Фукуяма и др.). Применительно к цифровым интеллектуальным системам эта традиция конкретизируется в концепции технологического доверия – совокупности убеждений и ожиданий пользователя в надежности, эффективности и предсказуемости системы, формирующихся через опыт взаимодействия с ней и опосредованных институциональным контекстом [6-8]. В сфере банковских услуг это означает, что доверие к ИИ-ассистенту не является автономной переменной: оно производно от доверия к банку-провайдеру, степени лояльности клиента и его удовлетворенности цифровыми каналами взаимодействия в целом.

Эмпирическую основу исследования составили результаты анкетирования пользователей банковских услуг г. Екатеринбурга (N=170 из них 58,8% женщин, 41,2% мужчин). Большинство респондентов – активные пользователи цифровой банковской среды в возрасте 18-34 лет (64,7%), обращающиеся к онлайн-сервисам ежедневно или несколько раз в неделю (80,4%). Для них мобильное приложение давно перестало быть дополнительным сервисом – это основной инструмент платежей, контроля расходов, переводов и получения финансовой информации.

В результате анализа полученных данных можно сделать вывод: более выраженная готовность доверять ИИ-ассистенту в банковской сфере характерна для групп с высокой

цифровой включенностью, и прежде всего, пользователей до 25 лет, остальные воспринимают цифровое взаимодействие как менее надежное – клиенты проверяют ответы, сомневаются, ищут возможность связаться с сотрудником или избегают более сложных запросов.

В сценариях стандартного информационного обслуживания – поиск данных, навигация по приложению, уточнение условий продукта – совокупная доля положительных оценок составляет 58,9%, что отражает достаточно высокий базовый уровень принятия технологии. Картина принципиально меняется, когда речь заходит о персональных данных, уровень доверия падает до 37,1%, а доля сомневающихся достигает 40,6% – вдвое выше, чем в первом сценарии. Для банковской сферы это принципиальный результат, клиент может признавать удобство сервиса, но вопрос безопасности и конфиденциальности личной информации остается зоной высокого напряжения.

В ситуациях финансового риска, например, когда клиент сталкивается с угрозой мошенничества, списаниями средств, спорными операциями, доверие достигает минимума. Лишь 8,2% пользователей готово полностью доверить ИИ-ассистенту принятие решений, еще 21,8% – скорее готово. Стоит отметить, что общий опыт использования технологий искусственного интеллекта (74,7%) превышает аналогичный показатель использования банковских ИИ-ассистентов (63,5%), что на наш взгляд, связано с наличием особой зоны уязвимости и финансовыми потерями. Тем самым полученные данные фиксируют существенное смысловое разграничение в сознании пользователей, которое формирует два разных уровня доверия – с одной стороны, цифровой помощник как удобный справочный инструмент, с другой – ИИ-ассистент как субъект принятия ответственных решений. Поэтому при их использовании в сфере банковского обслуживания важно не только совершенствовать саму технологию, но и объяснять клиенту, какие задачи она решает, какие есть ограничения и почему обращение к сотруднику остается нормальной частью клиентского маршрута. Все это помогает укреплять доверие, улучшать практики персонализированной коммуникации [9-10] и создать фундамент, на котором строятся эффективные стратегии взаимодействия банка с клиентами.

Анализ результатов исследования позволяет выделить основные детерминанты доверия ИИ-ассистенту в банковской сфере. Наиболее значимым фактором оказывается точность и корректность ответов системы (72,4%). Пользователь доверяет технологии искусственного интеллекта только когда убежден в ее способности верно интерпретировать запрос и предоставить релевантный ответ. Вторым по значимости фактором является гарантия защиты персональных данных (68,2%), при этом важна не столько техническая обеспеченность безопасности, сколько ее «прозрачность», важно понимать, какие сведения используются и с какой целью. Защита, остающаяся необъясненной, не формирует доверия в полной мере. Третий фактор – возможность пользователя быстро переключиться на оператора (57,6%). Это воспринимается респондентами не как отказ от технологии, а как страховочный механизм, исключающий ситуацию брошенного клиента. Следующим фактором согласно результатам исследования можно выделить репутацию банка-провайдера (48,8%). Поскольку ИИ-ассистент воспринимается как лицо банка, то институциональный кредит доверия к последнему напрямую переносится на автоматизированную систему. Банки с высоким репутационным капиталом получают преимущество уже на старте внедрения ИИ-сервисов, что подтверждается результатами других исследований [11-12]. И пятый фактор – качество пользовательского опыта, а именно простота интерфейса (46,5%) и скорость предоставления ответа (42,9%) формируют эмоциональную установку по отношению к системе.

Уровня доверия отличается в различных группах респондентов в зависимости от возраста. Пользователи 18-24 лет демонстрируют готовность доверять банковскому ИИ-ассистенту в 70% случаев, тогда как представители старших групп склонны верифицировать ответы, избегать сложных запросов или искать возможность переключиться на живого специалиста. Это указывает на то, что цифровая включенность и накопленный опыт взаимодействия с технологиями искусственного интеллекта выступают решающими детерминантами, определяющими силу и направление действия остальных факторов.

Итак, результаты исследования позволяет заключить, что технологическое доверие в цифровом банкинге представляет собой сложный социальный конструкт, несводимый к оценке его технических характеристик, закрепившийся в системе институциональных ожиданий, норм и обязательств. Его формирование определяется взаимодействием ряда составляющих: во-первых, воспринимаемой пользователем компетентности и прозрачности алгоритмических решений; во-вторых, эмоциональной установкой, связанной с качеством накопленного пользовательского опыта; и в-третьих, институциональными, опосредованными репутацией банка и гарантиями безопасности данных. Отсюда следует и практический вывод для банковской отрасли – повышение технологического доверия требует не только инженерного совершенствования систем, но и целенаправленной работы с пользователем – объяснения логики действия ИИ-ассистента, обозначения границ его компетенции и сохранения человеческого присутствия как органичной и доступной части клиентского маршрута.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Махалина, О. М. Эволюция финансового сектора экономики в условиях давления технологий искусственного интеллекта / О. М. Махалина, В. Н. Махалин // Beneficium. – 2024. – № 3 (52). С. 60–67.

2. Гетман, А. С. Внедрение искусственного интеллекта в дистанционное банковское обслуживание в России / А. С. Гетман, Л. Н. Дробышевская // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 5 (123). – С. 88–101.

3. Ставрицкий, А. В. Влияние диалоговых систем искусственного интеллекта на лояльность клиентов банка: измерение через индекс потребительской лояльности / А. В. Ставрицкий // Прогрессивная экономика. – 2026. – № 3. – С. 216–231.

4. Щербина, А. В. Влияние применения искусственного интеллекта на качество обслуживания клиентов в банковском секторе / А. В. Щербина, М. А. Чернова // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 1 (57). – С. 538–546.

5. Доверие к ИИ : [сайт ВЦИОМ]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii (дата обращения: 03.07.2026).

6. Лешкевич, Т. Г. Парадокс доверия к искусственному интеллекту и его обоснование / Т. Г. Лешкевич // Философия науки и техники. – 2023. – Т. 28. – № 1. – С. 34–47.

7. Юдина, Т. Н. Доверие как трансакционный институт цифровой экономики / Т. Н. Юдина, Е. В. Купчишина // Информационное общество. – 2023. – № 6. – С. 106–115.

8. Петрунин, Ю. Ю. Доверие к технологиям генеративного искусственного интеллекта как зеркало доверия к институтам / Ю. Ю. Петрунин, Н. З. Нуралиева // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – № 113. – С. 22–30.

9. Базалей, Т. Ю. Формирование доверия через персонализированную коммуникацию: опыт российских банков в продвижении финтех-решений / Т. Ю. Базалей, И. В. Еременко // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № s6. – URL: https://esj.today/PDF/90FAVN624.pdf.

10. Ермоленко, О. М. Применение персонализированного подхода к клиентам банков с использованием современных цифровых технологий / О. М. Ермоленко, Л. Г. Нагапетян // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 10 (128). – С. 128–133.

11. За 10 лет доверие россиян к банкам выросло до 77% // Коммерсант. Инвестиции от 15.05.2026. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8670130?ysclid=mrc1t34g9j253145194 (дата обращения 05.07.2026).

12. Карапетян, С. А. Р. Взаимосвязь уровня доверия и устойчивости финансовой системы: экономико-социологический подход / С. А. Р. Карапетян // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 1. – С. 62–68.

УДК: 316 314

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕНЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА

Островский С. Н.
доцент кафедры экономической социологии БГЭУ
кандидат психологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Молодость – прекрасный возраст и особенно прекрасный для создания семьи. Не секрет, что в настоящее время очень большое количество молодых пар живет, не регистрируя своих отношений. Такие данные с трудом поддаются обработке и аналитике, поскольку мы не располагаем точной статистикой по данному вопросу. Тем не менее ряд опросов показывает, что неоформленные юридически отношения в так называемых «гражданских браках» имеют тенденцию к своему увеличению. Корень проблемы – в отсутствии доверия, любви и самое главное ответственности за свои поступки. Также присутствуют страхи, но опять же, корень страха заключается в отсутствии доверия. Кроме того, психологический парадокс отношений в браке тоже неутешителен. Так, почти 90% мужчин в таких отношениях женатыми себя не считают, тогда как порядка 90% женщин считают себя замужними [1].

Эти страхи и опасения подтверждаются и неутешительной статистикой. Так, согласно данным Белстата за 2025 год среди белорусов было заключено 52044 брака и расторгнуто 34813 семей. Хоть и отмечают рост свадеб, но большой процент разводов все равно присутствует.

Интересны и данные Белстата и по возрасту людей, заключающих браки. Так, белорусские женщины впервые вступают в официальный брак в среднем в 26,7 года, мужчины — в 29 лет [2]. Аналитика свидетельствует о том, что возраст вступления в брак у мужчин немного повысился. В качестве основных причин можно рассматривать желание профессионального роста, материальной обеспеченности и как это не парадоксально желание получать удовольствие без обременения себя дополнительной ответственностью.

Интересные данные можно увидеть и по статистике рождаемости в Беларуси за 2025 год. Согласно официальным данным, за прошлый год в стране родилось 54 257 детей. Для сравнения: в 2024 году на свет появилось 58 938 малышей, в 2019-м – 87 602, в 2018-м – 94 042, а в 2017 году – 102 556 [3]. Как видно, количество рождаемых детей в стране идет на убыль. Основные причины – миграция молодежи в страны дальнего зарубежья, высокооплачиваемые работы за рубежом, отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Авторские личные наблюдения и собеседования показывают, что подавляющее большинство студентов из периферии (около 97%) предпочитают переехать жить в столицу. Поражает и тот факт, что этой же тенденции придерживается и студенческая молодежь из крупных областных центров. С другой стороны, коренные минчане предпочитают уехать за рубеж. Подчеркиваю, это личные наблюдения, которые никак не отражают общих статистических данных по всей стране. Тем не менее, согласно официальной статистике, отмечается рост людей, покидающих нашу страну. Так, по данным Белстата, в 2024 году покинули страну 32 762 человека, в 2025-м – 37 824.

Однако вернемся к вопросу о молодежи. В настоящее время возраст молодежи в нашей стране ограничивается 30 (31) годами. Тем не менее, в средствах массовой информации, интернет-источниках можно заметить сообщения о том, что этот возраст могут увеличить до 35 лет. В Российской Федерации возрастной потолок молодежи составляет 35 лет, а согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) медицинские воззрения позволяют увеличить этот возраст почти до 45 лет.

Какие возможные проблемы могут скрываться за увеличением возрастных границ у молодежи? Первая проблема – откладывание создания семьи. У молодежи в умах формируется тенденция, что все еще впереди (так называемый феномен вечной юности студенчества

хорошо известный в педагогической науке), что торопится с рождением детей нет смысла и т. п. [5]. Но в таком подходе есть ряд противоречий: известный биологический факт свидетельствует о том, что с возрастом отмечается ухудшение сперматозоидов у мужчин, а у женщин возрастная беременность грозит ростом развития различных генетических аномалий, особенно на фоне снижения количества и качества яйцеклеток, что опять же может отразится на самом зачатии ребенка. Кроме того, пик физического развития – 25 лет. Если дети будут рождены в достаточно позднем возрасте, то кто будет заниматься их воспитанием? Уход за ребенком требует очень больших физических и эмоциональных усилий. Не секрет, что некоторые отцы просто самоустраняются из семьи с маленьким ребенком, а женщина не имея поддержки, сама очень быстро выгорает. Физическая выносливость с возрастом ослабевает, и то, что можно себе позволить в 20-30 лет, потребует значительных усилий и напряжения в 40-50 (говорю об этом как опытный 50-ти летний отец, сам осуществляющий уход за маленьким ребенком). А если еще нет должной установки на семью и преодоление трудностей, если человек до 30 и больше лет будь приучен к развлечениям и поощрению своего эго, то каким образом он в одночасье сможет изменить свой образ жизни к 40 годам? Таким образом, сдвиг возрастных границ неизменно приведет к увеличению рисков рождения больных детей и соответственно к уменьшению количества самих рождающихся деток, поскольку имеющийся возраст и поздняя беременность негативны и для мамы, и для ребенка.

Вторая проблема – рост инфантилизма молодежи, опять же в силу того, что прекрасно работает установка, мол все еще впереди (см. выше). Подчеркиваю, ряд классических исследований показывает, что практически все люди склонны переоценивать себя, считать, что еще все успеется, что важное можно отложить на потом и т. п. В когнитивной психологии это явление получило название «эффект телескопа» [6]. Откладывая на потом, как правило, люди мало чего достигают, либо буквально вгоняют себя в стресс, чтобы успеть сделать вовремя что-то важное. Очень ярко это можно проследить на вечно опаздывающих студентах, некоторые из них поощряются самой системой образования (речь идет о людях творческих профессий: артисты, музыканты, архитекторы и т.п.), где к ним, как правило, проявляют большее снисхождение, при этом не воспитывается самоорганизация и т.п.

Третья проблема – призывной возраст. Если есть тенденция к расширению границ молодого возраста, то есть смысл и изменить призывной возраст – с 18 лет перенести на 25? Но ведь вся логика развития человека свидетельствует именно об обратном. Навеянные западные тенденции к расширению молодого возраста несут явные глубинные противоречия. Тут неизбежен конфликт с реальностью: невозможно все успеть, откладывая на потом. Даже та же учеба легче дается в молодом возрасте, чем в более старшем. К тому же в реальной жизни немало примеров, особенно в западных государствах, когда взросление молодежи и особенно ответственного поведения затягивается до 40 лет. Опыт отечественных вооруженных сил показывает, что военное воспитание с 18 лет делает фактически из подростка мужественного мужчину, но делать мужчину из 25-летнего нарцисса будет гораздо сложнее, да и время для самого юноши уже будет утрачено.

Четвертая проблема – отсутствие научного прогнозирования социальных, психологических, демографических последствий изменения молодежного возраста. Любые новшества, принимаемые в других государствах следует подвергать особенному вниманию и исследованию при внедрении в своем государстве. Глубокой доказательной базой подобные тенденции не обладают, но развиваться по модным зарубежным образцам далеко не всегда на пользу.

Таким образом, проблема изменения возрастных границ имеет под собой ряд противоречий, может привести к серьезным демографическим сдвигам и требует детального серьезного многоспектрального научного исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Психолог: гражданский брак плох тем, что мужчина начинает бездействовать, перестает развиваться [Сайт] – URL: https://people.onliner.by/2015/07/16/psixolog-o-grazhdanskom-brake (Дата обращения: 06.07.2026).

2. Белорусы стали чаще жениться, даже в 65+. Свежая брачная статистика от Белстата [Сайт] – URL: https://people.onliner.by/2026/04/08/belorusy-stali-chashhe-zhenitsya-dazhe-v-65-svezhaya-brachnaya-statistika-ot-belstata (Дата обращения: 06.07.2026).

3. Белстат раскрыл свежие данные по рождаемости в Беларуси [Сайт] – URL: https://tochka.by/articles/life/belstat_raskryl_svezhuyu_statistiku_po_rozhdaemosti_v_belarusi_/ (Дата обращения: 06.07.2026)

4. Как изменилось количество мигрантов в Беларуси за последние годы – Белстат [Сайт] – URL: https://tochka.by/articles/life/kak_izmenilos_kolichestvo_migrantov_v_belarusi_za_poslednie_gody_belstat_/ (Дата обращения: 06.07.2026)

5. Клименко, В. А., Островский, С. Н., Шершнева, Т. В. Педагогика и психология высшей школы: учеб.-метод. пособие / В. А. Клименко, С. Н. Островский, Т. В. Шершнева. – Минск, БГАА, 2019. – 272 с.

6. Майерс Д. Социальная психология / Дэвид Майерс; [пер. с англ. З. Замчук]. — 7-е изд.. — Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2011. — 793 с.

УДК 316.42

ИНДЕКС ЦИФРОВОГО КАПИТАЛА В ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

Павлов А. В.
аспирант СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
г. Санкт–Петербург, Россия

В условиях ускоряющейся цифровой трансформации общественного развития искусственный интеллект (ИИ) и цифровые технологии перестают быть исключительно технологическим фактором и становятся самостоятельным элементом социальной структуры. Эмпирические исследования последних лет демонстрируют, что цифровизация одновременно способствует росту производительности, расширению доступа к образованию, здравоохранению и государственным услугам, а также воспроизводит новые формы социального и экономического неравенства, связанные с различиями в доступе к инфраструктуре, цифровым навыкам и возможностям использования цифровых сервисов [1, с. 107-108]. В странах с развитой цифровой повесткой цифровые технологии активно внедряются в социальную сферу и государственное управление, что делает особенно важным вопрос о том, как эти процессы влияют на человеческое развитие и стратификацию [2, с. 30]. В этом контексте традиционные индикаторы общественного развития – индекс человеческого развития, показатели социального развития и коэффициент Джини – фиксируют конечные результаты, но не раскрывают механизмы, через которые цифровая среда трансформирует социальные возможности и неравенство [3, с. 667-668].

Научная проблема заключается в том, что существующие интегральные индексы общественного развития не содержат специфицированного измерения цифровой среды, хотя именно цифровая включенность во все большей степени определяет доступ к образованию, занятости, социальным услугам и возможностям социального продвижения. Индекс человеческого развития оперирует показателями здоровья, образования и дохода, но не учитывает, каким образом доступ к данным, сетям, алгоритмам и ИИ–сервисам конвертируется в дополнительные социальные преимущества. Коэффициент Джини фиксирует распределение доходов, однако не объясняет, как цифровое неравенство предшествует и усиливает доходную дифференциацию, выступая ее структурным основанием. Отсутствие измерителя цифровой включенности затрудняет как теоретическое описание цифрового капитала как фактора стратификации, так и сравнительный анализ влияния цифровизации на человеческое и социальное развитие в разных, в том числе развитых, странах [4].

Цель статьи – разработать концептуальную модель цифрового капитала и обосновать методологическую конструкцию индекса цифрового капитала как аналитического

инструмента, позволяющего оценить влияние цифровизации и искусственного интеллекта на человеческое развитие, социальное развитие и неравенство. Для этого мы опишем структуру цифрового капитала, которая состоит из цифровой доступности, грамотности и практик, которые приносят выгоды и риски. Затем данную модель мы опирационализируем на уровни анализа – национальный, групповой и индивидуальный для релевантности контексту и объекту исследования. В конце, как результат, мы покажем сопоставимость индекса цифрового капитала с индексом человеческого, социального развития и коэффициентом Джини для сравнительного анализа. Таким образом мы демонстрируем аналитическую ценность индекса для интерпретации цифрового прогресса как фактора социального развития.

В качестве методологического фундамента нашего исследования мы используем комплексный подход, объединяющий теоретический анализ, концептуальное моделирование и дескриптивно-аналитическую интерпретацию эмпирического материала из актуальных публикаций, посвященных цифровизации, формированию цифрового капитала и динамике социального неравенства в их следствие. Теоретический каркас работы мы формируем на основе научных трудов, где сквозные технологии рассматриваются как драйверы качественного роста и модернизации общественной сферы, а также публикаций, в которых цифровой капитал позиционируется в качестве ключевого ресурса, определяющего стратификацию и возможности субъекта в сетевой среде. Структурируя авторскую модель, мы опираемся на классическую социологическую традицию изучения форм капитала Бурдьё в сочетании с современными концепциями цифровых активов. В результате мы сформировали трехкомпонентную матрицу (включающую инфраструктурный доступ, компетенции и практическую реализацию), развернутую на макро-, мезо- и микроуровнях (национальном, групповом и персональном).Анализ взаимосвязи между индикаторами цифрового капитала, ИЧР (индексом человеческого развития), показателями общественного прогресса и коэффициентом Джини мы основываем на эмпирических выводах о двойственной роли цифровизации, способной как углублять сегрегацию, так и расширять человеческий потенциал. Главным научным результатом нашего исследования мы считаем верифицированную теоретическую модель интегрального индекса цифрового капитала как релевантной дополнительной метрики общественного развития в эпоху технологических трансформаций. Предложенная нами структура (доступ – навыки – практики на уровнях государства, социальных групп и индивидов) позволяет интерпретировать цифровизацию не просто как фон социальных процессов, а как один из ключевых драйверов. Именно в нем, по нашему мнению, происходит трансформация технологических ресурсов в реальные преференции или барьеры.

На макроуровне (национальный масштаб) в блоке «доступ» мы выделяем показатели инфраструктуры: покрытие и скорость интернета, его финансовая и физическая доступность, распределение государственных и коммерческих онлайн-сервисов и др. Категорию «навыки» применительно к данному уровню мы трактуем как способность государственных органов (а также способность базовых институтов) генерировать и масштабировать конкурентоспособные платформенные решения, удовлетворяющие запросы гражданского общества и управленческого аппарата. Наконец, «результирующие практики» отражают продуктивность цифрового диалога между институтами власти и населением: от предиктивного оказания госуслуг до функционирования экосистем в сфере просвещения, медицины и социальной поддержки. Суммарно данные метрики демонстрируют, в какой степени технологический прогресс трансформируется в реальный инструмент повышения качества жизни и гуманитарного развития внутри конкретного государства [5, с. 150-152].

На групповом уровне (корпорации, профессиональные и социальные группы) доступность обозначает наличие цифровой инфраструктуры и платформ, через которые группа включается в цифровую экономику и коммуникацию. Навыки на этом уровне понимаются как способность создавать цифровые продукты, ориентироваться в логике цифровой экономики и маркетинга, использовать данные и алгоритмические инструменты для достижения стратегических целей. Результирующие практики группы выражаются в

способности достигать поставленных целей – экономических, социальных, репутационных – посредством цифровых инструментов. В этой перспективе группы с более высоким уровнем цифрового капитала получают структурные преимущества в доступе к рынкам, информации и сетям влияния, что воспроизводит социальную дифференциацию на уровне коллективных акторов [1, с. 113-119].

На индивидуальном уровне доступность фиксирует наличие устройств и качество подключения к интернету, то есть базовую техническую возможность участия в цифровой среде. Навыки интерпретируются как цифровая грамотность: способность искать, оценивать и использовать информацию, взаимодействовать с цифровыми сервисами, применять базовые инструменты анализа и коммуникации. Результирующие практики индивида отражают способность достигать собственных целей использования цифровых технологий: улучшать образование, находить работу, повышать доход, оптимизировать потребление, расширять социальные связи и возможности социального продвижения.

Связь индекса цифрового капитала с другими индикаторами общественного развития может быть описана следующим образом. Во–первых, индекс цифрового капитала, как и индекс технологического развития, становится предиктором социально-экономического успеха стран, который выражается в более высоком уровне цифровой включенности и создает условия для расширения доступа к образованию, здравоохранению, информации и возможностям трудоустройства. Во–вторых, он функционирует как медиатор социального развития: через цифровые навыки и практики цифровые ресурсы трансформируются в социальные действия, институты и формы организации, определяющие качество социального развития. В–третьих, индекс цифрового капитала работает как детерминанта неравенства: цифровой разрыв на уровне доступа, навыков и практик предшествует и усиливает доходную и социальную дифференциацию, что отражается в динамике коэффициента Джини.

Таким образом, предложенная нами модель и индекс цифрового капитала позволяют перейти от описания цифровизации как технологического процесса к анализу цифрового капитала как социального ресурса, который неравномерно распределен между странами, группами и индивидами и конвертируется в различные формы социального преимущества. Это позволяет интерпретировать эмпирические закономерности, обнаруживаемые в исследованиях влияния цифровизации на неравенство и качество социально-экономического роста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дерюгин, П. П. Социологическая диагностика цифрового капитала как фактора цифрового неравенства: апробация методологической модели / П. П. Дерюгин [и др.] // Дискурс. – 2025. – Т. 11, № 5. – С. 105–125.

2. Setyawan A. A. [et al.]. Artificial Intelligence, Human Development, and Inequality: A Cross-Country Analysis Using Global Development Data from Our World in Data / A. A. Setyawan [et al.] // International Journal of Society 5.0. – 2026. – Vol. 1, № 1. – P. 30–40.

3. Au A. How do different forms of digitalization affect income inequality? / A. Au // Technological and Economic Development of Economy. – 2024. – Vol. 30, № 3. – P. 667–687.

4. Subramaniam, Y. The Digital Divide in Developing Countries / Y. Subramaniam [et al.] // International Organisations Research Journal. – 2020. – Vol. 15, no. 4. – Pp. 115–139. – DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-06.

5. Растворцева, С. Н. Неравенство и пространственные эффекты в развитии цифровой экономики российских регионов / С. Н. Растворцева, Е. Э. Колчинская, С. А. Панасюк // Балтийский регион. – 2026. – Т. 18, № 1. – С. 134–158.

УДК [316.346.2+305]:311(476)/ББК 60.542.2к95(4Беи)

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ В ОБЛАСТИ ДОСТИЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДДЕРЖКИ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Павлова Н. А.
младший научный сотрудник, аспирант Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Охрана сексуального и репродуктивного здоровья, а также защита прав человека, в том числе сфере труда – базис гендерного равенства.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь (далее – Белстат), в 2025 году на территории Республики Беларусь проживают 4 906 332 женщин, что составляет 53,7 % от общей численности населения. По данным выборочного обследования, проведенного Белстат, согласно Международной классификации статуса в занятости по типу экономического риска ICSE-18-R, в 2024 году абсолютное большинство женщин (96,5 %) являлись работающими за заработную плату, еще 3,5 % выступали работниками, занятыми с целью получения прибыли [1].

Неформальная занятость охватывает различные виды работы, которые не оформлены официально и не регулируются трудовым законодательством, может включать в себя как деятельность в неформальном секторе, так и работу в найме, где трудовые отношения не оформлены. Неформальный сектор, в свою очередь, представляет собой совокупность домашних хозяйств и индивидуальных предпринимателей, которые занимаются производством товаров и услуг. Работники неформального сектора часто сталкиваются с нестабильными условиями труда, низким уровнем оплаты труда и отсутствием социальных гарантий, таких как выплаты по больничным листам или пенсионные накопления. Доля женщин, занятых неформально в общей занятости представлена в таблице (см. табл.) [2].

Таблица. Доля неформальной занятости от общей занятости, %

Год	**Женщины**	**Республика Беларусь**
2023	7,7	9,9
2024	7,7	9,5
2025	1,5	2,0

Гендерный разрыв в оплате труда представляет собой разницу между оплатой труда мужчин и женщин. Показатель может быть рассчитан для средней, медианной или другой величины средней оплаты труда при распределении заработной платы. Более высокая оплата мужского труда, чем женского является характерной чертой практически всех рынков труда в мире. При этом величина гендерного разрыва больше среди высокооплачиваемых работников, чем среди малооплачиваемых [3]. По данным с платформы Целей устойчивого развития, известно, что гендерный разрыв в оплате труда в Республике Беларусь составлял 24,3 % в 2021 году, в 2024 году – 26,8 % (см. рис.) [4].

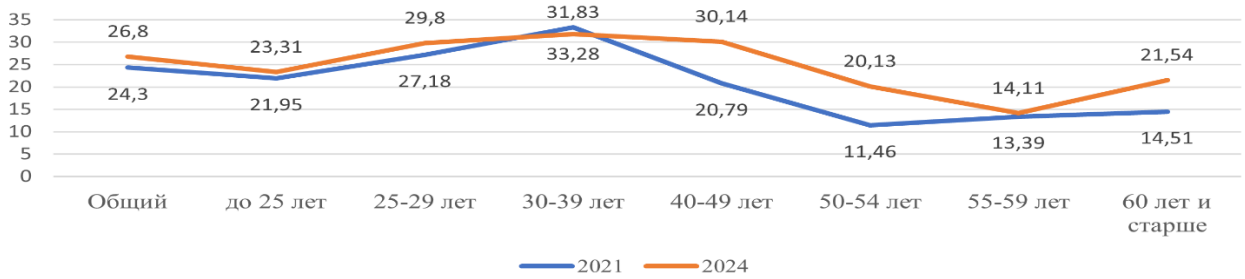

Рисунок. Гендерный разрыв в оплате труда в 2021 и 2024 годах по возрастным группам, %

Самый высокий уровень разрыва в оплате труда наблюдается среди работников в возрасте 30-39 лет, самый низкий – в возрасте 55-59 лет.

Средняя почасовая оплата труда женщин отмечается на уровне 6,96 белорусских рублей в 2021 году (87,0 % от соответствующего показателя по республике; аналогичный показатель для мужчин составил 9,2 рублей), в 2024 году – 9,94 белорусских рублей (86,2 % от соответствующего показателя по республике; аналогичный показатель для мужчин составил 13,58 рубля). Средняя оплата труда женщин в Беларуси ниже, чем у мужчин, вне зависимости от возраста. Самый высокий уровень оплаты труда наблюдается у женщин в возрасте 25-29 лет, самый низкий – у женщин старше 60 лет [2].

По методологии расчета уровня безработицы Международной организации труда, численность безработных в Республике Беларусь является колеблющейся в период с 2023 по 2025 год величиной, имеющей тенденцию к снижению. Так, уровень безработицы среди женщины составлял 2,8 % в 2023 году (в стране – 2,5 %), 2,7 % в 2024 году (в стране – 3,0 %), 2,1 % в 2025 году (в стране – 2,5 %) [4].

По данным веб-портала «Гендерная статистика» Национального статистического комитета, уровень занятости женщин в Республике Беларусь в трудоспособном возрасте с 2023 по 2025 год превышает показатель 84 %, насчитывая величину 84,3 % в 2023 году, 84,8 % в 2024 году, 85,6 % в 2025 году [2].

По результатам многоиндикаторного кластерного обследования для оценки положения женщин и детей в Республике Беларусь (MICS), проведенного в 2019 году, в том числе с использованием данных переписи населения, каждая вторая женщина (52,6 %) в возрасте 15-49 лет, находящаяся в настоящее время замужем или состоящая в незарегистрированных отношениях, использует (или партнер которой использует) тот или иной (современный или традиционный) метод контрацепции. Каждая пятая (22,7 %) женщина, находящаяся в браке или состоящая в незарегистрированных отношениях, не может отказать в сексуальном контакте супругу/партнеру, при этом 70,6 % могут это сделать, 6,7 % выражают неуверенность/опираются на обстоятельства. Решение о применении контрацепции, по результатам исследования, чаще является совместным с партнером/мужем (63,2 %), практически каждая пятая женщина принимает подобное решение самостоятельно (18,5 %), муж/партнер принимает решение в 0,8 % случаев, 16,9 % не опрашивались/затруднились с ответом [5].

Важными индикаторами эффективности системы здравоохранения, направленной на сохранение здоровья женщин и детей, являются показатели «дородового наблюдения женщин» и «доля родов, принятых квалифицированными медицинскими работниками». Дородовое наблюдение, предоставляемое во время беременности, является ключевым в системе раннего выявления и профилактики осложнений, связанных с беременностью. Процедура наблюдения включает в себя медицинские осмотры, скрининги и лабораторные анализы, которые позволяют медицинским работникам отслеживать здоровье матери и ребенка. Доля родов, принимаемых специально подготовленными медицинскими работниками, имеет решающее значение при обеспечении сохранности жизни и здоровья матери и ребенка, поскольку медицинские работники обладают знаниями и навыками, необходимыми для управления процессом рождения. По данным Белстат, охват дородовым наблюдением (беременные женщины посещали квалифицированного медицинского работника как минимум один раз) составил 99,9 % случаев в 2019 году. На высоком уровне находится показатель доли родов, принятых квалифицированными медицинскими работниками. По открытым данным, с 2019 по 2025 годы, процент подобных родов стабильно отмечается на уровне 99,9. В Беларуси действует система послеродового наблюдения за роженицами, осуществляемая с целью профилактики развития осложнений у матери и ребенка в их результате. По данным «Гендерной статистики» Белстат, в 2019 году показатель охвата послеродовым наблюдением находился на уровне 99,5 % [2].

В Республике Беларусь наблюдается устойчивая тенденция к откладыванию рождения первого ребенка. Так, средний возраст женщин при рождении первого ребенка изменялся в

период 2023-2025 гг.: составляя 27,3 лет в 2023; 27,6 лет в 2024 году; 27,6 лет в 2024 году. Самый ранний средний возраст рождения первого ребенка в 2025 году зафиксирован в Брестской области и Гомельской областях (26,7 лет), самый поздний возраст – у жительниц города Минска (30,1 лет).

Средний возраст матери при рождении ребенка, рассчитанный с помощью средней арифметической, полученной путем деления общего числа человеко-лет (сумма произведений значений возраста матерей на число родившихся детей в этом возрасте) на общее число родившихся детей, демонстрирует следующие тенденции:

– самый высокий показатель среднего возраста при рождении детей в 2025 году фиксируется в городе Минске (32,2 года), самый низкий – в Брестской области (29,8 лет);

– по данному показателю наблюдается плавный ежегодный прирост, в том числе, в разрезе областей.

В Республике Беларусь существует тенденция к снижению числа случаев искусственного прерывания беременности (абортов), в том числе выполненных методом вакуум-аспирации и с помощью лекарственных средств в срок до 22 недель. Уменьшение числа абортов может демонстрировать эффективность систем планирования семьи и деторождения, повышение уровня грамотности в вопросах использования контрацепции. В период 2023-2025 года количество абортов постепенно сокращалось (15871 случаев в 2023 году, 14444 в 2024 году, 13679 в 2025 году). Самое высокое количество абортов в рассматриваемый период фиксировалось в Гомельской области (3370 в 2023 году, 3379 в 2024 году, 2769 в 2025 году) [2].

Индикатором демографического благополучия является показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. По данным Гендерного портала Белстат, ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2025 году составляла 74,8 года (79,8 года для женщин, 69,5 для мужчин). Показатель имеет тенденцию к росту, по открытым данным, с 2010 года (70,4 года).

Проведенный анализ данных отражает устойчивое положение женщин в современном белорусском обществе. Однако обращает на себя внимание то, что в сфере труда женщины чаще мужчин оказываются в положении подчиненного, чем руководителя. Вместе с тем, женщины чаще являются представителями тех профессий, которые традиционно оплачиваются ниже. Все это формирует обозначенную диспропорцию в уровне оплаты труда по половому признаку. Социологические исследования фиксируют, что при выполнении одинаковой функциональной нагрузки женщины чаще получают доход в денежном эквиваленте меньше, чем мужчины в ряде случаев, а также сталкиваются с предубеждениями при принятии на работу, вплоть до отказов. Обозначенное нуждается в дополнительном изучении и контроле, так как тиражирование данных фактов создает негативный фон, дискриминирующий развитую в Республике Беларусь законодательную базу по профессиональной поддержке женщин. Республика Беларусь прилагает усилия по оказанию качественной и своевременной помощи всем гражданам, особенно женщинам (в том числе роженицам и матерям).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Статистический ежегодник 2025 // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/9be/bw58kf25iyvf50lhg5ggffbiroi4haqa.pdf (дата обращения: 27.07.2026).

2. Веб-портал «Гендерная статистика» Национального статистического комитета Республики Беларусь : [сайт]. – Мн., 2020–2026. – URL: https://gender.belstat.gov.by/ (дата обращения: 27.07.2026).

3. Международная организация труда : [сайт]. – Женева, 1996–2026. – URL: https://www.ilo.org/ (дата обращения: 27.07.2026).

4. Национальная платформа представления отчетности по показателям Целей устойчивого развития (ЦУР) : [сайт]. – Мн., 2018–2026. – URL: https://sdgplatform.belstat.gov.by/ (дата обращения: 27.07.2026).

5. Отчет о результатах исследования «Многоиндикаторное кластерное обследование для оценки положения детей и женщин в республике беларусь» (2019 год) // Национальный статистический

комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/mics6/mics-210716-ru.pdf (дата обращения: 27.07.2026).

УДК 316.3/4

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Паламарчук К. О.
аспирант кафедры
экономической социологии СПБГУ
г. Санкт-Петербург, Россия

Сложный и противоречивый характер социокультурной адаптации иностранных граждан в современных условиях обусловлен рядом факторов, а именно: усилением культурной гетерогенности обществ, активным развитием цифровых каналов коммуникации, влияющих как на способы трансляции, так и на переоценку ценностей [1, с. 7–35]. В сложившейся ситуации теоретический анализ и осмысление ценностных ориентаций выступает в качестве регулятора поведения и механизма согласования культурных различий мигрантов и социальной структуры принимающего общества.

Следует отметить, что базовые для понимания социокультурной адаптации мигрантов проблемы, рассматриваемые как фундаментальные вопросы в научном творчестве П.А. Сорокина и Д.В. Иванова, в массиве научных публикаций явно не затрагиваются: наибольшим научным потенциалом обладает идея связанности («интегратизма» – у Сорокина, «дополняемости» – у Иванова).

В настоящей работе нами раскрыта специфика ценностных ориентаций в социокультурной адаптации через призму двух концептуальных подходов, макросоциологической теории социокультурной динамики П. А. Сорокина и современной критической теории социальной реальности Д. В. Иванова. Совместное использование этих подходов позволяет увидеть как устойчивые давно сложившиеся структурные основания ценностной регуляции, так и новые формы её проявления в условиях цифровизации и алгоритмизации социальных процессов.

Методология П. А. Сорокина позволяет анализировать социальные системы в их динамике и во взаимосвязи с культурными элементами [2, с. 80]. Д.В. Ивановым развита концепция социальной адаптации, в которой сконцентрировано внимание на многомерности и гибкости данного процесса в условиях общества дополненной современности. Работы указанных исследователей восполняют существующие пробелы в анализе социокультурной интеграции мигрантов, предлагая критически важный подход для современной социологической науки и практической социальной политики.

В изучении процессов социокультурной адаптации мигрантов исследователи часто обращаются к теоретическим конструкциям П. А. Сорокина и Д. В. Иванова [3, с. 196-199], что не является случайным, поскольку в настоящем случае возникает связь между классическим понимаем трендов развития общества и новыми реалиями. *Это идея интеграции* социологического знания в изучении социальных явлений [4, с. 255-286], [5, с. 23].

Такую параллель можно провести, но с важным уточнением. Речь идет не о тождестве теоретических конструкций П. А. Сорокина и Д. В. Иванова, а об общей метаидее, выражающейся в стремлении преодолеть фрагментацию знания об обществе и актуальности создания более связанной картины социальной реальности, в том числе и адаптации мигрантов. При этом мотивы, акценты и инструменты понимания процессов интеграции у каждого автора свои.

П.А. Сорокин в статье «Моя философия – интегрализм» прямо обозначил свою научную платформу, которую он называет интегрализмом [6, p. 261–273]. Суть этого подхода в стремлении преодолеть фрагментацию знания и создать целостную картину общества и человека. Сорокин выступал за синтез разных способов познания (чувственного, рационального, интуитивного) и за объединение различных дисциплин – социологии, психологии, философии, истории, культурологии, этики, имеющие актуальное звучание для анализа адаптации [7, с. 325-349]. Он хотел построить теорию, которая бы учитывала многообразие факторов и не сводила сложность реальности к одному объяснению.

В рамках интегрализма П.А. Сорокин также говорил об «интегральной истине» (как о результате синтеза разных способов познания), рассматривал человека как «интегральное существо» и выдвигал идею «высшей интегральной ценности» – единства Истины, Добра и Красоты. В перспективе он видел возможность формирования особого интегрального социокультурного строя, который объединил бы лучшие черты разных типов культуры и социальных систем.

Д. В. Иванов использует тождественные идеи в рамках анализа развития науки социологии и говорит трех волнах «интеграции», однако с иным фокусом, описывая, как в ответ на новую волну фрагментации (вызванную, например, постколониальным дискурсом) в науке зреет запрос на новый уровень связности. Им предложены конкретные аналитические инструменты для этой задачи – концепция «дополненной социальной реальности» (чтобы связать разные типы структур – институты, интеракции, сети, потоки) и идея «дополненной современности» (чтобы преодолеть старые бинарные оппозиции такие как локальное и глобальное, материальное и символическое, реальное и цифровое) [8, с. 23-36]. То есть он не строит метатеорию общества уровня «интегрализма», а предлагает *методологический каркас* для современных интегративных исследований.

Подходы П. А. Сорокина и Д. В. Иванова объединены идеей преодоления фрагментации знания, но реализуют её на разных уровнях: Сорокин, через макросоциологический интегрализм и ценностные матрицы, Иванов, через аналитические инструменты для связности современных форм социальности. Их синтез даёт комплексную оптику для анализа адаптации мигрантов, сочетает устойчивость культурных оснований и динамику цифровых практик.

Таким образом, сочетание этих подходов обладает высокой степенью релевантности и эвристической ценности, поскольку симбиоз концепций позволяет дать ответы на вопросы между тем, что требует практика, и тем, что есть в науке.

Сопоставляя представленные подходы, –исторический и современный, ракурсы исследования ценностей адаптации, – появляется возможность проанализировать, как в практиках взаимодействия мигрантов сложившиеся традиционные ценностные ориентации (по П.А. Сорокину) сталкиваются, встраиваются или переосмысляются под влиянием новых, алгоритмизированных форм взаимодействия (по Д.В. Иванову). Можно сказать, что типология П.А. Сорокина даёт макроуровень анализа, она помогает понять, какой «фундамент» лежит в основе целой культуры в определённый исторический период. Подход Д.В. Иванова работает на мезо- и микроуровне и показывает, как в современной, сложной и многослойной реальности на этом фундаменте (который может быть, например, идеациональным или чувственным по П.А. Сорокину) выстраиваются конкретные практики, и как новые формы социальности (сети, потоки) порождают новые ценностные акценты. Иными словами, П.А. Сорокин спрашивает «что объединяет?», а Д.В. Иванов – «как это работает здесь и сейчас, в том числе в цифровой среде?».

Теоретическое осмысление ценностных ориентаций играет важную роль в понимании социокультурной адаптации. Ценностные ориентации выступают в качестве регуляторов поведения и механизмов согласования культурных различий мигрантов и социальной структуры принимающего общества. Проблемы теоретического анализа социокультурной адаптации в современном обществе связаны с необходимостью учёта множества факторов,

влияющих на процесс адаптации. Среди них культурные, социальные, экономические и технологические аспекты.

Концепции П. А. Сорокина и Д. В. Иванова могут предоставить ценные инструменты для анализа ценностных ориентаций мигрантов. Таким образом, теоретический анализ социокультурной адаптации должен учитывать не только индивидуальные особенности мигрантов, но и контекст принимающего общества, а также современные технологические и культурные тенденции. Это позволит более эффективно разрабатывать стратегии поддержки и интеграции мигрантов в новых условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов Д.В. (2023) Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности. Журнал социологии и социальной антропологии, 26(3): 7–35.

12. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 80.

3. Милецкий, В. П. К вопросу о социальной адаптации мигрантов в постсоветской России / В. П. Милецкий, Е. А. Ковтун // Информация–Коммуникация–Общество. – 2021. – Т. 1. – С. 196-199.

4. Иванов, Д. В. Теоретическая социология в XXI веке: тенденции фрагментации и потенциал интеграции / Д. В. Иванов, Ю. В. Асочаков, К. П. Гулькина // Проблемы теоретической социологии : Межвузовский сборник. К 300-летию решения Петра I о создании университета в Санкт-Петербурге. – Санкт-Петербург : ООО "Скифия-принт", 2024. – С. 255-286.

5. Поломошнов П. А. Интегрализм как способ преодоления фрагментации современного социального знания : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Поломошнов Платон Андреевич; [Место защиты: Дон. гос. техн. ун-т]. — Ростов-на-Дону, 2009. — 23 с.

6. Долгов А. Ю. 2014. 01. 007. Николс Л. Т. Обновление социологии: интегральная наука, солидарность и милосердие: президентское обращение к северо-центральной социологической ассоциации. Nichols L. T. renewing sociology: integral Science, solidarity and loving kindness: North Central sociological Association Presidential address // sociological focus. – Kalamazoo (OH), 2012. – Vol. 45, n 4. – p. 261–273 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. 2014. №1.

7. Козырева, П. М. Психологические аспекты социальной адаптации / П. М. Козырева, А. И. Смирнов // Россия реформирующаяся. – 2023. – № 21. – С. 325-349.

8. Иванов Д. В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 2. Теории и методы для дополненной социальной реальности // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 23-36.

УДК 341.231; 342.1

ОБРАЗ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ЕДИНСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ В СОВРЕМЕННОМ КОНЦЕПТЕ СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Панкратов С. А.
профессор кафедры российской государственности, социологических и политических наук ВолГУ
доктор политических наук, профессор
г. Волгоград, Россия

Панкратова Л. С.
старший научный сотрудник социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН
кандидат социологических наук, доцент
г. Санкт – Петербург, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01067-П, «Образы, концепты, проекты и модели цивилизационного развития российского общества».

В условиях всеобъемлющего кризиса либеральной модели общественного устройства и формирования многополярного мира перед Российской Федерацией и Республикой Беларусь актуализируются различные аспекты позиционирования себя во внутри и внешне политическом дискурсах публичного пространства не только как суверенных государств, но и цивилизационных образований, обладающих собственными цивилизационными ценностями и основания для нынешнего и будущего развития. Россия и Беларусь неоднократно в истории переживали и преодолевали вместе сложные времена, в том числе распад СССР, формирование и институализацию новой государственности, противоречивые и неоднозначные процессы утверждения с конца прошлого века по настоящее время Союзного государства России и Белоруссии. В методологическом плане авторы статьи отталкиваются от тезиса, выдвинутого В. В. Козловским о том, что «при всех своих различиях и уникальности отдельных государств существует определенное единство их цивилизационного развития, которое проявляется в мозаичности и множественности общих и особенных свойств цивилизационной динамики в любом социуме, в конкретных типах цивилизационного комплекса страны, ее отдельных сообществ, территорий, поселений» [1, с. 41]. При этом интеграцию двух государств в рамках Союзного государства вполне реально осмыслять не просто как инструмент геополитического балансирования или экономической взаимодополняемости, но как экзистенциальную необходимость сохранения и развития особого цивилизационного типа.

Раскрытию глубинной устойчивости цивилизационного сопряжения России и Беларуси может помочь использование концепта социальной архитектоники позволяющего рассматривать отдельный социум (его взаимодействие с иными обществами) как сложную, целенаправленно проектируемую и исторически складывающуюся структуру, включающую в себя политико – правовые институции, территориально – пространственную организацию, ценностные матрицы и когнитивные схемы. В этом смысле в самом общем виде концепт социальной архитектуры в рамках современного научного дискурса понимается как фундаментальный механизм институционального, когнитивного и ценностного конструирования общества [См.: 2, с. 546 – 547].

Социальная архитектоника как «методологическая оптика» акцентирует внимание на «социальной энергии» и конфигурации несущих элементов, удерживающих объект от распада через:

– анализ цивилизационного кода и исторической памяти, коллективных травм и т.д., пережитых в пространственно – временном континууме (онтологический уровень);

– выделение институционального / неинституционального «каркаса», принимающего на себя основные внешние и внутренние риски и угрозы (политические и экономические катаклизмы, внутренние протесты и др.), минимизируя издержки состояния турбулентности и бифуркации (структурный уровень);

– интерпретацию легитимирующих / делегитимирующих нарративов, официальную / протестно – оппозиционную риторику, символику и т.д. (дискурсивно – коммуникативный уровень);

– «опредмечивание» практик выживания, стратегий адаптации и др. (повседневно – поведенческий уровень).

В рамках данного исследования чрезвычайно важно подчеркнуть, что до настоящего времени не сложилось единого подхода к определению базовых характеристик и параметров цивилизаций, структурных и содержательных элементов мировой и локальной цивилизации. Как утверждает М. Лернер цивилизация гораздо большее, чем сумма составляющих ее частей. При этом «можно подробно обрисовать население, армию, технику, экономику, политику, искусства, можно описать города и веси, классы и сословия, нравы и мораль, и все равно останется нечто неуловимое, то, что лучше всего было бы назвать духом нации» [3, с. 11]. Согласимся со спецификой социологического понимания цивилизации, выстраиваемого учеными из Санкт – Петербурга и обосновавшими, что «это совокупность социетальных регулятивных методов, способов и моделей интеграции различных культурных, духовных,

религиозных, хозяйственных и властных форм деятельности в целостный комплекс, обеспечивающий устойчивый общественный уклад жизнедеятельности людей. Цивилизация является социокультурным образованием, культурно сконструированной и институционально регулируемой социальной структурой» [4, с. 6].

Среди отечественных и зарубежных исследователей продолжается дискуссия о целесообразности выделения в качестве самостоятельной российскую / русскую / славянскую / евразийскую цивилизацию, ее характеристиках и отличиях от иных, в первую очередь европейской, что особенно «пикантно» в связке цивилизационного единства России и Белоруссии. При этом, Л. Н. Гумилев, изучив опыт взаимодействия России со странами «западноевропейского мира», пришел к выводу, с точки зрения авторов, имеющего не приходящую ценность, суть которого заключается в том, что желание некоторых «“войти в круг цивилизованных народов”, то есть чужой суперэтнос» обязательно должно соизмеряться с тем, «что ценой присоединения в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция» [5, с. 256].

Российско-белорусская цивилизационная матрица сформировалась на стыке европейских и азиатских традиций, впитав в себя православную этику (в ее широком культурно-историческом, а не строго конфессиональном смысле), опыт имперского строительства, коллективистскую психологию, выработанную суровыми климатическими условиями и необходимостью постоянного противостояния внешним вторжениям. Цивилизационное единство в данном контексте понимается не как как преимущественно государственная, этническая или исключительно лингвистическая общность, хотя славянские корни и языковая близость играют важнейшую роль. Это, прежде всего, общность исторической судьбы, экзистенциального опыта, базовых этических императивов и метафизического восприятия мира.

Начиная с эпохи Киевской Руси, через период Великого княжества Литовского и Русского, где белорусские земли развивались в тесном переплетении с русскими, вплоть до вхождения в состав Российской империи и совместного проживания в СССР, Россия и Белоруссия сформировали уникальный «код взаимопомощи» и «код выживания», которые в настоящее время трансформируются в принцип солидаризма. Вместе с тем, следует признать наличие в белорусском обществе как минимум двух доминирующих цивилизационных проектов: евразийской интеграции (официальный, в том числе в рамках укрепления союзного государства с Россией) и диссидентский – проевропейский (опирается на собственную интерпретацию истории Великого княжества Литовского – «литвинскую» идентичность и образ насильственной русификации в составе Российской империи и СССР) [6]. Катализатором наличия противостояния цивилизационных проектов выступили события 2020 – 2022 гг., одной из причин которых выступило «одновременное выстраивание двух противоположных векторов развития с ориентацией на ЕС и с ориентацией на Россию (извлечение выгоды с обеих сторон)» [7, с. 110].

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) является абсолютным цементирующим фактором российско-белорусской цивилизационной матрицы. Этот исторический период во многом выступает в XXI веке источником гражданской идентичности и моральным императивом обоих обществ. В условиях ведения гибридной войны со стороны недружественных правительств, важнейшим «полем битвы» за цивилизационное единство и цивилизационный суверенитет Российской Федерации и Республики Беларусь выступает когнитивное пространство. Обоим государствам приходится противостоять инструментальной архитектуре забвения и искажения (фальсификации) истории. В данном случае речь идет о защите единого смыслового пространства, что является вопросом обеспечения не только настоящего, но и будущего совместного развития, в том числе в рамках Союзного государства России и Белоруссии, институализация которого, по мнению ряда экспертов, демонстрирует «преимущественно “спящий” формат интеграционного проекта», что объясняется рядом объективных и субъективных факторов и условий [8, с. 9]. Волнообразность проявления «союзнической» активности в определенной степени

свидетельствует о том, что «ценностное, культурное, цивилизационное единство народов становится презумпцией, но не организационным приоритетом интеграционного процесса» [8, с. 11].

Таким образом, цивилизационное единство России и Белоруссии не является лишь «призраком прошлого» или ностальгическим конструктом. Оно требует ежедневного воспроизводства и укрепления, т. к. выступает социальным каркасом позитивного развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Козловский, В. В. Модели цивилизационного развития современных обществ: самоопределение и взаимодействие / В. В. Козловский // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2023. – Т. 26 (4). – С. 41 – 62.

2. Панкратов, С. А. Образ прошлого, настоящего и будущего России в современном концепте социальной архитектуры / С. А. Панкратов // Россия и мир в первой четверти XXI века: политические итоги и перспективы: Материалы Всероссийской ежегодной конференции РАПН с международным участием. Москва, Государственный университет управления, 28-29 ноября 2025 г. / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, М. М. Мчедловой, Л. Н. Тимофеевой. — М.: РАПН. – 882 с.

3. Лернер, М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня / М. Лернер. – В 2 т. – Т. 1. – М.: Радуга. – 1992. – 671 с.

4. Российское общество: архитектоника цивилизационного развития: [монография] / Р. Г. Браславский, В. В. Галиндабаева [и др.]; отв. ред. В. В. Козловский; ФНИСЦ РАН. – М.; СПб.: ФНИСЦ РАН. – 2021. – 340 с.

5. Гумилев, Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев. – СПб.: Юна. – 1992. – 272 с.

6. Криштапович, Л. Е. Историософское единство белорусов и русских как основа строительства союзного государства / Л. Е. Криштапович // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – 2011. – № 8 (103). – Вып. 16. – С. 292 – 296.

7. Печенкин, Н. М. Факторы протестных общественно – политических настроений и логика протестной активности граждан Республики Беларусь в 2020 г. / Н. М. Печенкин // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 1. – С. 109 – 119.

8. Панкевич, Н. В., Руденко В. В. Союзное государство Беларуси и России: идентитарная политика как ключевой фактор интеграции / Н. В. Панкевич, В. В. Руденко // Социум и власть. – 2023. – № 4 (28). – С. 7 – 20.

УДК 316.346.2-055.2(100+476):001

ЭВОЛЮЦИЯ ЖЕНСКОГО ЛИДЕРСТВА В НАУКЕ И ОБЩЕСТВЕ

Парфенцова Е. В.
доцент кафедры социально-гуманитарных и историко-правовых дисциплин
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат искусствоведения, доцент
г. Минск, Беларусь

Вопрос о месте женщины в научном дискурсе и управленческих структурах имеет давнюю исследовательскую традицию, однако до недавнего времени он оставался периферийным в силу институциональных ограничений. За несколько столетий: от эпохи Просвещения, когда университетские кафедры были практически недоступны для женщин, до настоящего времени, где они возглавляют исследовательские центры и участвуют в выработке государственных решений, – роль и место женщины в научной и общественной жизни изменилась кардинально. Эта трансформация затронула не только формальные механизмы доступа к образованию, но и глубинные пласты общественного сознания, а также породила новые поведенческие стратегии лидерства. В Республике Беларусь, как и в иных развитых странах, деятельность женщин-исследователей и общественных деятелей оказала заметное влияние на формирование локальных научных школ, системы образования и социальной

политики. Чтобы проследить динамику этого процесса, необходимо выделить ключевые исторические этапы, сопоставить мировые и национальные практики, а также охарактеризовать современные приемы публичного позиционирования женщин-ученых.

Обращение к исторической ретроспективе показывает, что вплоть до второй половины XIX века системное вовлечение женщин в научную деятельность фиксировалось скорее как исключительные случаи, обусловленные удачным стечением семейных обстоятельств либо личными связями. Показательна в этом смысле судьба итальянского математика Марии Гаэтаны Аньези (1718–1799). Получив фундаментальное домашнее образование под руководством отца, она создала значимую научную работу «Instituzioni analitiche», однако так и не добилась профессорского звания. Ее путь в науке отражает общую для той эпохи коллизию: признание дарования на уровне экспертного сообщества не могло отразиться в институциональном статусе.

Ситуация меняется в конце XIX века, когда в Европе и США начинает активно развиваться образование для женщин. Открытие женских колледжей при Оксфорде и Кембридже восполнило недостающую академическую инфраструктуру. Благодаря этому Софья Ковалевская (1850–1891) сумела не только пройти полный курс подготовки, но и занять пост первой в мире женщины-профессора математики (Стокгольмский университет, 1884 г.). Ее карьера стала веским аргументом в пользу независимости научной продуктивности от гендерной принадлежности. Аналогичные процессы разворачивались и на белорусских землях, тогда входивших в состав Российской империи. Так открытие в 1878 г. в Санкт-Петербурге Бестужевских высших женских курсов, ставших центром подготовки научных кадров для большого региона, дало возможность многим уроженкам Беларуси работать в области ботаники, химии и медицины, закладывая фундамент первых научных направлений.

XX век принес миру нобелевские прорывы, в которых участие женщин стало более заметным. Мария Склодовская-Кюри (1867–1934) выступила не только первой женщиной-нобелевским лауреатом, но и единственным на сегодняшний день ученым, удостоенным этой награды в двух различных естественнонаучных дисциплинах (физика, 1903; химия, 1911). Ее работа заложила основы радиохимии и ядерной медицины, а сам факт успеха радикально пересматривал патриархальные установки. Показательно, что первую Нобелевскую премию она разделила с супругом Пьером Кюри, что отражало характерную для того времени практику включения женщин в совместные проекты при одновременном ограничении их самостоятельного лидерства. Иная, но не менее поучительная судьба сложилась у Розалинд Франклин (1920–1958): полученные ею рентгенограммы ДНК стали ключевым звеном в расшифровке двойной спирали, однако Нобелевская премия 1962 года была присуждена только Дж. Уотсону, Ф. Крику и М. Уилкинсу. Оба случая демонстрируют устойчивое отставание институционального признания от реальных научных достижений женщин на протяжении нескольких десятилетий.

Советский период, включая БССР, ознаменовался провозглашением формального гендерного равенства, что стимулировало массовый приток женщин в научно-технические и гуманитарные сферы. К 1980 году доля женщин среди исследователей в СССР достигала 45%, однако их представленность в верхушке академической иерархии оставалась минимальной. Этот феномен, получивший в социологии название «стеклянный потолок», был характерен и для Беларуси. Женщины активно работали в академических институтах, но их имена редко появлялись в списках руководителей, директоров или председателей диссертационных советов.

Современная картина демонстрирует принципиальные сдвиги. Анализ актуальных институциональных данных подтверждает поступательную интеграцию женщин в белорусскую науку. По сведениям Института социологии НАН Беларуси, в 2024 году в ведущей научной организации страны установился гендерный паритет (50% на 50%), тогда как в предшествующие годы доля женщин-исследователей колебалась от 46% до 48% [1]. Согласно статистике Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2025 год, женщины составляют 38,1% от общего числа исследователей в Беларуси; среди

кандидатов наук их доля достигает 40,8%, а среди докторов наук – 22,3% [2]. Отдельного внимания заслуживает тренд на укрепление женского лидерства в системе аттестации кадров: женщины-ученые формируют почти половину корпуса профессоров, большинство доцентов, а также треть состава Президиума Высшей аттестационной комиссии и экспертных советов. В то же время отчетливо прослеживается отраслевая сегрегация: наиболее феминизированными остаются медицинские науки (около 70% женщин) и гуманитарные науки (59,9%), тогда как в технических науках доля женщин составляет лишь 27%, что коррелирует с общемировыми показателями.

Особый интерес представляет феномен женщин-академиков как маркер вершины научной иерархии. За всю историю Национальной академии наук Беларуси насчитывается всего три женщины-академика: историк Анна Михайловна Панкратова (избрана в 1940 г.), генетик Любовь Владимировна Хотылёва (1980 г.) и микробиолог Эмилия Ивановна Коломиец (2021 г.) [3]. Л.В. Хотылёва, посвятившая науке более 70 лет и почти четверть века руководившая Институтом генетики и цитологии, выступает соавтором высокоурожайного сорта тритикале «Немига-2», шести гибридов томатов и семи сортов сладкого перца. Э.И. Коломиец, возглавлявшая Институт микробиологии на протяжении 17 лет, сегодня руководит государственным научно-производственным объединением «Химический синтез и биотехнологии», разрабатывая микробиологические средства защиты растений. Эти примеры свидетельствуют о том, что количественный рост участия женщин в науке пока не сопровождается их адекватной представленностью на высших уровнях академического признания, что требует дополнительного науковедческого и социологического анализа.

Важной особенностью современной роли женщин-ученых выступает их публичная коммуникация и самопрезентация. В мировой традиции женщины-лидеры нередко используют невербальные маркеры для трансляции ценностей и дипломатических сигналов. Хрестоматийный пример – «булавочная дипломатия» Мадлен Олбрайт, первой женщины-государственного секретаря США (1997–2001). Она сознательно придала брошам статус политических символов: на встречу с Саддамом Хусейном после того, как ее назвали «несравненной змеёй», она надела брошь со змеей, а на российско-американском саммите 2000 года – брошь с тремя обезьянами. Впоследствии Мадлен Олбрайт обобщила и отразила этот опыт в отдельной книге [4]. Данный случай иллюстрирует способность женщин-лидеров использовать предметный мир для создания дополнительного коммуникативного канала, смягчения жесткости политического дискурса и трансляции посланий.

В белорусском академическом и управленческом сообществе подобная символическая самопрезентация выражена менее явно, что, вероятно, объясняется спецификой институциональной культуры и традиционной сдержанностью в публичных проявлениях. Здесь доминирует минималистичный деловой стиль, смещающий акцент с формы на интеллектуальное содержание. Согласно современным рекомендациям по деловому этикету, офисные украшения должны быть лаконичными и не отвлекать от профессиональной коммуникации [5]. На официальных приемах женщины-руководители иногда используют аксессуары с национальной символикой (васильки, льняные колосья), которые служат визуальным маркером патриотизма и приверженности культурной традиции. Выявленное различие между западной практикой сигнального использования аксессуаров и белорусской традицией содержательного дискурса образует самостоятельное поле для кросс-культурных исследований.

Институциональная поддержка в этом вопросе остается значимым фактором. Мероприятия, проводимые под эгидой НАН Беларуси и Белорусского союза женщин, способствуют формированию публичных образцов для подражания. Регулярные круглые столы («Женщины в науке: ретроспективный анализ, современность и образы будущего», «Женский путь в науку: от первых шагов до больших открытий») и диалоговые площадки («Женщина в науке и образовании Беларуси») задают институциональную рамку для обсуждения гендерных аспектов. Конкурс «Женщина-ученый года», учрежденный по инициативе Белорусского комитета «Женщины в науке», ежегодно фиксирует достижения

исследовательниц. При этом, по данным социологических исследований Института социологии НАН Беларуси, более половины молодых женщин-ученых рассматривают науку как призвание и окончательный профессиональный выбор, а основным мотивом прихода называют внутренний интерес к исследовательской деятельности. Это свидетельствует о преобладании внутренней профессиональной мотивации над внешними институциональными стимулами.

Таким образом, можно отметить, что роль женщин в научном и общественном развитии прошла эволюцию от аутсайдерства до признанного лидерства в ряде ключевых областей. В Республике Беларусь сложилась эффективная система государственной и общественной поддержки женщин-исследователей, что подтверждается устойчивыми показателями их присутствия среди кандидатов наук и молодых ученых. Однако для устойчивого прогресса формального равенства доступа недостаточно: требуется целенаправленная работа по деконструкции культурных стереотипов о гендерной дифференциации научных отраслей. Среди перспективных задач – увеличение представленности женщин в академических советах и на руководящих позициях в научных учреждениях и активная популяризация достижений женщин-ученых. Современная женщина в науке выступает не только генератором нового знания, но и агентом социальных изменений, чей стиль и публичное поведение постепенно формируют новые нормы профессиональной этики, гражданской ответственности и равноправия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 50 на 50: наука Беларуси достигла гендерного паритета [Электронный ресурс] // БелТА. – 2024. – 27 сентября. – URL: https://belta.by/special/society/view/50-na-50-nauka-belarusi-dostigla-gendernogo-pariteta-664398-2024 (дата обращения: 22.05.2026).

2. Белстат: женщины составляют почти 40% от общего количества исследователей в Беларуси [Электронный ресурс] // БелТА. – 2026. – 6 мая. – URL: https://belta.by/special/society/view/belstat-zhenschiny-sostavljajut-pochti-40-ot-obschego-kolichestva-issledovatelej-v-belarusi-779080-2026 (дата обращения: 22.05.2026).

3. Выставка «Науки женское лицо: академики и члены-корреспонденты НАН Беларуси» [Электронный ресурс] // Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа НАН Беларуси. – URL: https://csl.bas-net.by/vystavka-nauki-zhenskoe-liczo-akademiki-i-chleny-korrespondenty-nan-belarusi (дата обращения: 22.05.2026).

4. Олбрайт, М. Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт / М. Олбрайт. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2004. – 688 с.

5. AllTime. Офисные украшения – уместные и заметные // Русский ювелир. – 2025. – 21 октября. – URL: https://russianjeweller.ru/1/1/18998 (дата обращения: 22.05.2026).

УДК 316.752

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ ДЛЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОКРУГОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Плотникова Е. Б.
доцент кафедры социологии ПГНИУ, доцент
кандидат исторических наук
г. Пермь, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 24-78-10117).

В соответствии с ситуацией в России на современном этапе важно акцентировать внимание на человеческом потенциале молодежи. Молодые люди должны быть способны и готовы действовать с учетом современных норм российского общества. Особый акцент в

представленном материале сделан на исследовании роли социальных проектов в основании человеческого потенциала молодежи. В России муниципальные округа занимают особое место в экономической, социальной и политической жизни. Именно небольшие территориальные образования являются главными опорными центрами, объединяющими пространства России, и обеспечивающими её целостность. Поэтому для перспективного развития страны чрезвычайно важна стабильность муниципалитетов в отношении жителей, особенно молодого поколения.

В условиях рискогенности российских регионов, муниципальных округов в частности, актуальным и важным становится исследование механизмов преодоления социокультурных угроз, чтобы человеческий потенциал (ЧП) жителей муниципалитета поднимался на более высокий уровень, в частности необходимо формирование ЧП молодежи, и повышения её социальной активности.

Основные показатели человеческого потенциала молодежи были выявлены М.К. Горшковым, Ф.Э. Шереги [1]. В монографии 2010 г. проведен социологический анализ российской молодежи как возрастной когорты с акцентом на участие молодого поколения в социальной структуре российского общества.

Авторы научной литературы принимают во внимание определение человеческого потенциала молодежи как *«комплекса способностей и одновременной готовность готовности молодых людей действовать и взаимодействовать, сообразуясь с теми или иными паттернами ценностей и смыслов»* [2]. Также молодое поколение по мнению ученых должно обеспечивать национальную безопасность и национальное достояние [3], и преемственность поколений сохраняет значимые исторические события [4]. Безусловно, человеческий потенциал любого возраста жителей зависит от преобладания всех видов социальных сфер общества. Но на современном этапе важно акцентировать молодое поколение в муниципальных округах, поскольку благодаря исторической памяти, в последующем временном пространстве – территории РФ, именно молодые члены жителей смогут поддержать и преобразовать Россию, используя исторический подход, политическую ситуацию.

Общее содержание социальных проектов выявлено в проведении глубинного интервью с экспертами и руководителями проектов в шести муниципальных округах Пермского края: в Добрянском, Ильинском, в Красновишерске, Пермском районе, Соликамском, Чернушинском. Всего было опрошено более 40 участников проектов. Цитаты из глубинных интервью показаны в тексте с указанием в скобках муниципального округа.

Основные высказывания участников интервью относятся к нацеленности проектов на предупреждение социокультурных рисков и разрешение социальных проблем в территории, связанных с культурной составляющей жизни муниципалитетов, развитием инфраструктуры для реализации необходимых социальных практик.

Предупреждение рисков, сопряженных с утратой исторической памяти, идентичности с территорией проживания, осуществляется через проекты, носящие просвещенческий характер. Мероприятия во всех сферах жизнедеятельности направлены на оказание масштабной помощи, предупреждение любого вида рисков, связанных с уменьшением социальной активности молодых индивидов вследствие ухудшения их духовного и физического состояния. Значимым в формировании культурных ценностей стало возведение памятников истории, посредством которых формируется и возрождается чувство патриотизма молодежи и любви к «малой Родине».

В результате анализа социальных проектов выявлено, что распространение индивидуализма приводит к ценностному разрыву у поколений, осложняет взаимное понимание. Молодежь значимо чаще стремится к реализации ценностей, направленных на автономность, личную независимость и уникальность своего выбора и траектории развития, в то время как старшее поколение демонстрируют приверженность к коллективному благу, потребности защищенности со стороны государства и ориентацию на взаимопомощь и поддержку. Участие в социальных проектах разных возрастных групп часто разграничено:

каждая группа принимает причастность от своей организации (старшее поколение от Советов ветеранов, а молодежь по линии Росмолодежи, Движения первых, молодёжных центров).

Внедрение социальных проектов направленно на развитие волонтерских движений. Добровольческие организации созданы во всех исследуемых территориях. Примеры православного волонтерства можно привести в Добрянском, Чернушенском районах *«благодаря проекту, волонтёры — это молодые ребята с воскресных школ»*. В Пермском районе посредством волонтерского движения реализуется «*проект возрождения этнокультурного заповедника преподобного Трифона. Каждый год ребята что-то делают, какие-то мосточки, целый двухэтажный дом гостевой сделали, построили купель, сделали колодец, сейчас идет речь о полном восстановлении храма»*. В Ильинском районе «*построили символ волонтерства «Цветок добра».*

Проекты с трудными подростками Добрянского района нацелены на предупреждение негативного девиантного поведения молодежи. В рамках проектной деятельности стимулом к объединению в различные инициативные группы в исследуемых муниципалитетах стала организация фестивалей, например, «Камская урбаника» (Добрянка), «Театральная пестрядь» (Ильинский округ). Поддержка и развитие местного искусства и творчества помогают молодому поколению реализовать свои креативные способности, объединяя различные социальные группы в единое сообщество.

В заключении следует отметить, что выделенные направления в реализации проектов по преодолению социокультурных угроз в муниципальных округах Пермского края создают условия для формирования социального капитала и повышения человеческого потенциала жителей разного возраста, что выражается в их уверенности в завтрашнем дне, в повышении качества жизни, и утверждает национальную идею о значимости малой Родины, которой являются муниципальные округа – территории региона.

Посредством проектов развиваются общекультурные, социокультурные навыки населения, в частности молодого поколения: умение коммуницировать с разными социальными группами (возрастными, профессиональными, занимающими различные места во властной иерархии); овладение командной работы; вести организаторскую работу; развитие стратегического мышления, и способность планировать.

В результате социальных проектов происходит усвоение ценности патриотизма как любви к малой Родине и всей стране; развитие гражданской позиции (формирование гражданских инициатив, гражданского общества); повышение ролевой позиции, субъектности молодежи (осознание значимости социальных проектов как реального средства решения проблем местного сообщества, улучшения качества жизни населения; в сравнении с выборами, которые не осознаются многими как механизм участия населения в управлении территорией и средство решения проблем).

Реализация проектов с акцентом на молодое поколение – это своеобразная тактика работы власти с населением, что повышает ее имидж. Анализ содержания грантовых проектов Пермского края, поддержанных административными сотрудниками муниципальных округов, позволяет использовать муниципальными властями проектную деятельность в качестве технологии повышения социальной активности в человеческом потенциале молодых жителей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – С.134.

2. Бабинцев В.П. Человеческий потенциал молодежи: противоречия формирования и реализации в российском социуме / В.П. Бабинцев Г.Ф. Ушамирская, А.Э. Ушамирский // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – 12. – №6. – С.65- 74.

3. Малин С.В. Развитие человеческого потенциала у молодых людей как основное направление работы с молодежью в современном обществе // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 9-4. – С. 854-857;

4. Казарина-Волшебная Е.К. Парадоксы трансформаций ценностных ориентаций российской молодежи / Е.К. Казарина-Волшебная, И.Г. Комиссарова, В.Н. Турченко // СОЦИС. – 2012. – № 6. – С. 121-126.

УДК 316.42:004

БАРЬЕРЫ ЦИФРОВОГО ВКЛЮЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Подвальская В. С.
научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Цифровые технологии сегодня являются важной составляющей общественного развития, оказывая влияние на различные сферы жизни и повседневные практики населения. Расширение цифровой среды создает новые возможности для получения информации, взаимодействия с государственными и коммерческими структурами, а также участия граждан в экономической и социальной жизни. Вместе с тем доступность цифровых решений не обеспечивает их широкого и эффективного использования. Степень вовлеченности населения в цифровую среду определяется также готовностью людей применять цифровые технологии, уровнем сформированных компетенций и существующими ограничениями.

Под цифровым барьером понимается совокупность препятствий, ограничивающих доступ человека/социальной группы к цифровым технологиям, их эффективному использованию и получению результатов от их применения [1]. Это комплексное явление, которое включает не только технические ограничения, но и недостаточный уровень цифровых навыков, мотивационные установки, вопросы информационной безопасности и доверия к цифровой среде.

В Республике Беларусь цифровая трансформация рассматривается как одно из ключевых направлений социально-экономического развития. В соответствии с программой цифрового развития Беларуси на 2026-2030 годы приоритетными задачами являются укрепление цифрового суверенитета, совершенствование цифровой инфраструктуры, расширение доступности цифровых сервисов для населения и бизнеса, а также внедрение технологий искусственного интеллекта и обеспечение кибербезопасности [2]. Необходимость дальнейшего развития цифровой среды закреплена также в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2040 года [3].

Реализация масштабного развития цифровой среды требует учета факторов, ограничивающих цифровое включение населения. В рамках данной работы анализируются результаты блока вопросов о барьерах цифровизации, включенного в социологическое исследование Института социологии НАН Беларуси, проведенное в мае-июне 2024 года (объем выборки – 1850 человек, ошибка выборки – ±2,28).

Согласно полученным данным, основным препятствием цифрового включения населения является не столько ограниченный доступ цифровых технологий, сколько психологические, мотивационные и навыковые ограничения. Наиболее часто респонденты отмечали страх стать жертвой мошенничества – этот вариант выбрали 26,9% опрошенных. Это свидетельствует о недостаточном уровне доверия к цифровой среде и высокой обеспокоенности возможными рисками. Еще 21,1% респондентов опасаются совершить ошибку, которая может привести к потере персональных данных или финансовых средств. Кроме того, 16,5% опрошенных белорусов в целом сомневаются в надежности и безопасности цифровых технологий (рис.).

Среди психологических факторов отмечается отсутствие возможности непосредственного взаимодействия со специалистом при использовании цифровых сервисов. Более 11% опрошенных отмечают, что их сдерживает от использования цифровых технологий

невозможность оперативно получить консультацию или подтвердить правильность своих действий. Еще одним фактором, снижающим доверие к цифровым технологиям, является негативный личный опыт их использования, о котором сообщили 4,6% участников опроса.

Наряду с психологическими существенную роль играют и мотивационные факторы. Так, 23,7% опрошенных указали на отсутствие желания осваивать новые цифровые технологии и сервисы. Такая позиция может быть связана как с отсутствием интереса, так и с недостаточной уверенностью в собственных цифровых навыках. Еще 15,7% респондентов не считают необходимым применять цифровые технологии, т.к. не видят их практической ценности для решения повседневных задач.

Существенным барьером остается цифровая грамотность населения. Так, недостаток необходимых навыков отметили 19,1% опрошенных белорусов. Помимо этого, каждый седьмой респондент указал, что стремительное обновление цифровых технологий затрудняет адаптацию к происходящим изменениям и формирует ощущение постоянного отставания.

Информационные ограничения также оказывают влияние на цифровую вовлеченность населения. Каждый восьмой опрошенный отметил недостаток информации о существующих цифровых сервисах, каждый девятый указал на отсутствие бесплатных образовательных программ и консультаций, направленных на развитие цифровых компетенций.

Инфраструктурные и финансовые барьеры, согласно результатам исследования, имеют меньшее значение. На финансовые ограничения при приобретении технических средств/программного обеспечения указали 9,5% респондентов. Проблемы, связанные с физической доступностью цифровых сервисов, отметили только 3,5% опрошенных белорусов. Это позволяет говорить о достаточно высоком уровне развития цифровой инфраструктуры и смещении основных препятствий цифровизации в сферу доверия, мотивации и цифровых компетенций населения.

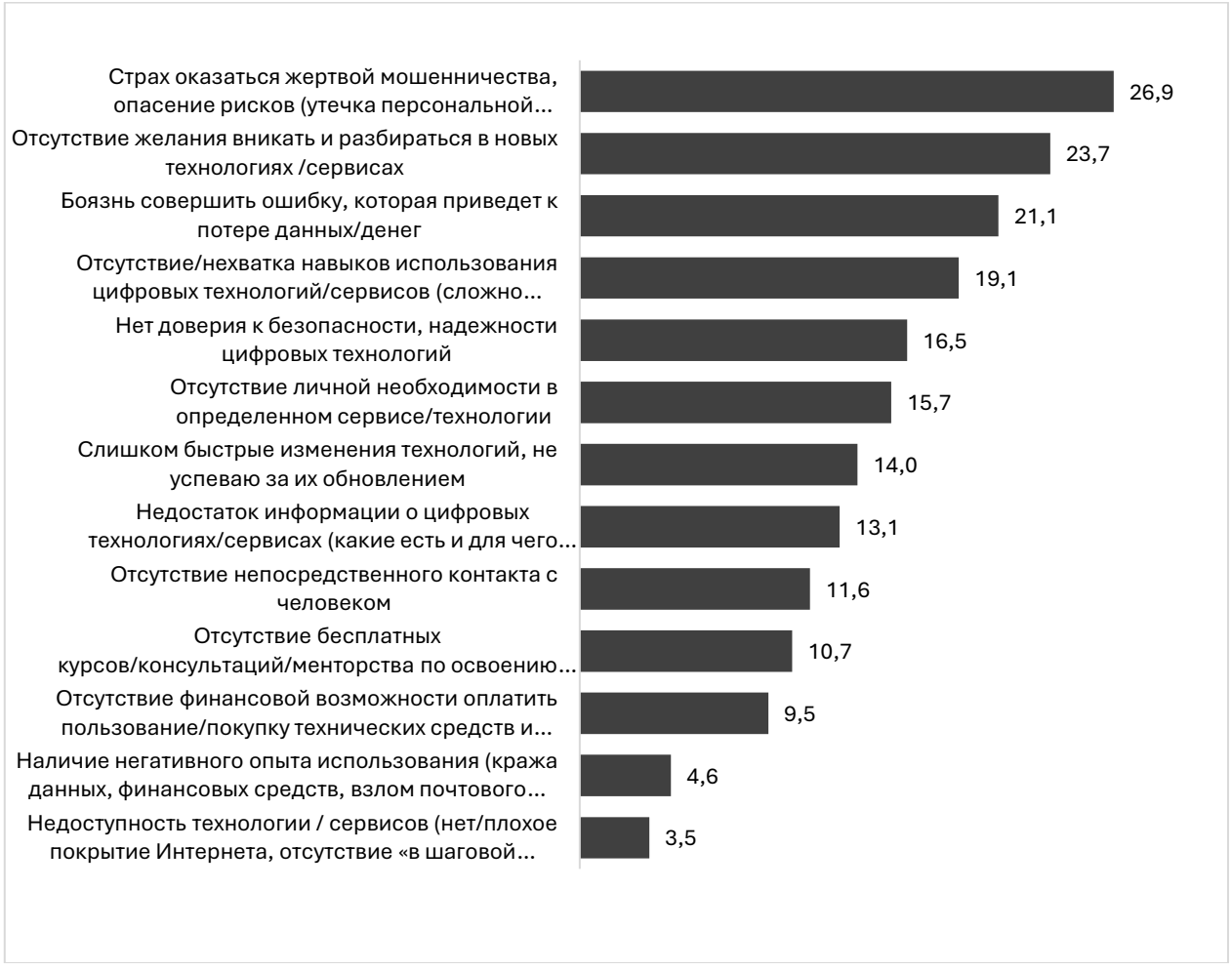

Рисунок. Распределение ответов на вопрос: «Что Вас удерживает от освоения и внедрения новых цифровых технологий/сервисов в свою жизнь?», % от общего числа опрошенных

Таким образом, работа по дальнейшему повышению уровня цифрового включения населения требует комплексного подхода. При этом особое внимание целесообразно уделять укреплению доверия граждан к цифровой среде, развитию цифровых компетенций, формированию навыков безопасного использования цифровых технологий. Реализация инициатив в этих направлениях будет способствовать снижению существующих барьеров и более широкому вовлечению населения в цифровую среду.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Van Dijk, Jan, A. G. M. The Deepening Divide. Inequality in the Information Society out [Electronic resource] / Jan A. G. M. van Dijk // SAGE Publications. – URL: https://us.sagepub.com/en-us/nam/the-deepening-divide/book226556. (дата обращения: 28.07.2026).

2. Государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026 – 2030 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 декабря 2025 г., № 793 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500793. (дата обращения: 28.07.2026).

3. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf. (дата обращения: 28.07.2026).

УДК 316.62

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ АКТИВНОЙ МОЛОДЁЖИ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА УЧАСТНИКОВ ФОРУМА «ТЕРРИТОРИЯ СМЫСЛОВ-2025»)

Погодина Ю.А.
младший научный сотрудник, аспирант КГУ
г. Кострома, Россия

Актуальность. В условиях гибридных и информационно-психологических войн российская молодёжь становится одним из главных объектов внешнего ценностного воздействия. Недружественные государства через цифровые платформы продвигают модели гипертрофированного индивидуализма, гедонизма и космополитизма, что создаёт риски для сохранения культурной идентичности. В этой связи особый интерес представляет изучение ценностных ориентаций активной, социально ориентированной молодёжи – той части молодого поколения, которая уже включена в общественную и профессиональную деятельность и выступает носителем созидательного потенциала страны.

Цель исследования – выявить и проанализировать ценностные ориентации участников всероссийского форума «Территория смыслов» как репрезентативной группы активной российской молодёжи, определить структуру их ценностных приоритетов и соотнести полученные данные с распространёнными стереотипами о доминировании западных индивидуалистических моделей в молодёжной среде.

Методология и эмпирическая база. Исследование выполнено в рамках структурно-функционального подхода Т. Парсонс, [1, с. 832], концепции ценностных ориентаций В. А. Ядова, [2] и теории социокультурной динамики П. А. Сорокина, [3, с. 1054]. Эмпирическую базу составил социологический опрос, проведённый программной дирекцией форума «Территория смыслов» в 2025 году. В опросе приняли участие 5000 молодых людей в возрасте от 16 до 35 лет – участники форума, представляющие активных, социально ориентированных молодых людей из различных регионов России. Выборка сформирована на основе участников пяти тематических смен форума: «Семья», «Созидание», «Единство», «Добро», «Служение». Метод сбора данных – онлайн-анкетирование, для анализа использовались методы описательной статистики и корреляционного анализа.

Результаты.

Социальная ответственность и альтруизм как доминирующие ценности. Подавляющее большинство участников форума считают крайне важным использовать свои навыки для помощи другим (средний балл 8,9 из 10, доля оценок 8-10 – 78 %) и делать мир лучше (средний балл 8,7, доля оценок 8-10 – 81 %). Ценность служения важной цели также занимает высокие позиции (8,6 балла – 72 %). Это наиболее выраженная ценностная группа, что отличает участников форума от среднестатистической молодёжи и говорит о самоотборе социально ориентированных респондентов. Полученные данные согласуются с общей направленностью форума, в рамках которого тема ценностного суверенитета стала основой всей программы, а смены были выстроены по логике традиционных духовно-нравственных ценностей.

Стабильность и безопасность как значимый ценностный ориентир. Несмотря на юношеский энтузиазм, большинство участников подчёркивают значимость стабильности: 65 % респондентов высоко оценивают важность работы в организации, обеспечивающей долгосрочную стабильность (8-10 баллов). Установка на стабильность как самостоятельную ценность (8,4 балла) отражает желание молодёжи иметь уверенность в будущем. При этом ценность гарантированного оклада (7,7 балла, 58 % высоких оценок) выражена несколько слабее, что указывает на приоритет содержательных аспектов стабильности (долгосрочность, защищённость) перед сугубо материальными.

Баланс семьи и карьеры вместо их противопоставления. 68 % участников считают крайне важным гармоничное сочетание семейных и карьерных интересов (8,3 балла). Это свидетельствует о смене парадигмы в ценностях и жизненных целях по сравнению с поколениями, ориентированными на однобокий карьерный успех. Семья воспринимается не как препятствие для профессиональной реализации, а как равнозначная жизненная сфера, требующая внимания и ресурсов. Данный вывод корреспондирует с результатами общероссийских опросов: по данным ВЦИОМ, для большинства молодых людей от 18 до 24 лет крепкая семья является главной ценностью. На форуме смена «Семья» стала самой востребованной – было получено более четырёх тысяч заявок, что подтверждает высокий интерес молодёжи к семейной тематике.

Низкая значимость лидерства и власти как самоцели. Вопросы руководства и лидерства не являются первостепенными для большинства участников. Только 18 % высоко оценивают важность быть первым руководителем, 24 % – занимать высокую руководящую должность. Это согласуется с данными качественного исследования женщин-лидеров ГК «Росатом», где респондентки также не декларировали стремление к власти как самоцель, а приписывали свою лидерскую позицию внешним обстоятельствам.

Предпринимательство и соревновательность на периферии ценностной системы. Создание собственного бизнеса (4,8 балла, 22 % высоких оценок) и соревновательность (5,5 балла, 28 %) не являются главными ценностями. Это может указывать на предпочтение работы по найму и социальной активности перед предпринимательскими рисками, а также на доминирование кооперативных установок над конкурентными.

Эмпирическое опровержение тезиса о доминировании западных индивидуалистических ценностей. Ценности гипертрофированного индивидуализма (конкуренция, коммерческое предпринимательство, лидерство как самоцель, высокая руководящая должность) занимают низшие позиции в ценностной иерархии активной российской молодёжи (средние баллы от 4,4 до 5,5, доля высоких оценок 18–28 %). Это опровергает тезис об успешной имплантации западных индивидуалистических моделей под воздействием информационно-психологических войн. Напротив, в среде активной молодёжи доминируют альтруистические и коллективистские установки, что позволяет говорить о формировании нового ценностного профиля, где социальная ответственность и служение занимают центральное место.

Выводы.

Активная, социально ориентированная молодёжь – участники форума «Территория смыслов» – демонстрирует ценностный профиль, в котором доминируют социальная ответственность (помощь другим, служение важной цели), стабильность и баланс семьи и

карьеры. Ценности лидерства, предпринимательства и соревновательности выражены слабо, что указывает на предпочтение кооперативных и альтруистических моделей поведения перед индивидуалистическими и конкурентными. Полученные данные эмпирически опровергают распространённый тезис об успешном внедрении западных индивидуалистических ценностей в российскую молодёжную среду и свидетельствуют о наличии устойчивого ценностного ядра, основанного на традиционных духовно-нравственных ориентирах. Выявленный ценностный профиль создаёт благоприятные условия для реализации созидательного потенциала молодёжи через институты общественных организаций, образовательные форумы и волонтёрство при условии учёта выявленных приоритетов и разработки адресных программ поддержки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Парсонс Т. О социальных системах. – М. : Академический проект, 2002 – С. 832.
2. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы – М. : Наука, 1972.
3. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – СПб. : РХГИ, 2000 – С. 1054.

УДК 316.6

МОЛОДЕЖЬ И «НОВЫЙ ДРУГОЙ»: СТИГМАТИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН В ХИДЖАБЕ В УСЛОВИЯХ РОСТА РЕЛИГИОЗНОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ВИДИМОСТИ

Погонцева Д. В.
доцент Южного федерального университета
кандидат психологических наук, доцент
г. Ростов-на-Дону, Россия

В современном мультикультурном обществе Российской федерации хиджаб, трансформировался в сложный символ, который функционирует одновременно как религиозный атрибут, этнокультурный маркер и как объект социально-психологических проекций. При этом, в эмпирических исследованиях отмечается устойчивая связь между ношением хиджаба и активизацией негативного отношения и дискриминации.

В российских исследованиях уделяется внимание хиджабу как маркеру религиозной идентичности, однако следует отметить, что на территории России ислам является одной из традиционных религий и представители ислама являются коренными жителями страны (а не эмигрантами, как в европейских исследованиях). Однако, в зависимости от региона и представленности среди коренных жителей граждан, исповедующих ислам, а также наличие традиции ношения хиджаба формирует различное отношение к данному головному убору. Так в Южном федеральном округе (и Ростовской области, в частности), длительное время женщины в хиджабах отсутствовали в городской среде или были в качестве туристов. В последние 5-7 лет мы наблюдаем прирост мигрантов из Азиатских стран, где хиджаб является культурно-религиозной нормой, кроме того, растет число девушек выбирающих хиджаб как маркер своей религиозности и в республиках северного Кавказа. Как отмечает М.С.Г. Албогачиева на примере Ингушетии, «если до конца 1990-х годов не было женщин в хиджабах, то теперь из года в год их становится больше на улицах сел и городов Ингушетии» [1], автор также отмечает, что хиджаб предпочитают молодые девушки, в то время как старшее поколение носит платок (концы завязываются сзади по линии волос) и не одобряет хиджаб считая его не традиционным для региона. Похожие результаты можно увидеть и в исследовании А.Г. Сабировой, которая выделяет две модели поведения татарских женщин-мусульманок: «первая модель, более характерная для старших женщин, предполагает вписывание вновь приобретенного знания и опыта в татарское окружение через авторитет «читающей» мусульманки; вторая, более характерная для молодых девушек, утверждает образ «другой», «практикующей» мусульманки, где важную роль играет «закрытие» или повязывание платка» [2]. Таким образом, исследуя исламские регионы авторы подчеркивают,

что светский внешний облик, который был нормой 30-40 лет назад, сейчас модифицируется и для молодых девушек важно маркировать свою религиозную принадлежность в том числе – за счет ношения хиджаба.

Все это формирует новую среду восприятия хиджаба и девушки в нем. Исходя из этого, целью нашего исследования является изучение отношения к девушке в хиджабе в Ростовской области. Это исследование обусловлено увеличением количества девушек в хиджабах.

Методы и методики исследования.

Респондентам были предложены стимульные материалы из методики «Диагностика принятия дискриминационного поведения Другого, направленного на женщин с различным этнорелигиозным оформлением компонентов внешнего облика» [3, с. 236-346], который представляет собой 5 пар портретов девушек в хиджабах и без них, к каждому фото были добавлены 2 шкалы: 1. Отношение к девушке на фото (От 1 дружелюбное до 9 враждебное); 2. Шкала социальной дистанции Богардуса (от 1 – готова принять в качестве близкой родственницы; до 7- не готова видеть в моей стране).

В опросе 2026 года приняли участие 121 девушка в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 23,1), проживающих в Ростове-на-Дону.

Результаты исследования.

Мы использовали Критерий Уилкоксона для сравнения попарно результатов оценок фотографий девушек в хиджабах и без них.

По опроснику отношения нами были получены значимые различия по всем пяти парам фотостимулов, которые являются статистически значимыми на высоком уровне достоверности ($p<0,001$). Значения Z-критерия варьируются от 4,04 до 5,31, что позволяет констатировать наличие выраженного эффекта религиозной стигмы при восприятии женщин в хиджабе.

Для оценки глубины стигматизации была использована шкала социальной дистанции Богардуса, измеряющая готовность респондентов допускать женщин в хиджабе на различные уровни близости в своей жизни (от сограждан до членов семьи). Парные сравнения контрольных и экспериментальных стимулов ($N=121$, критерий Уилкоксона) выявили статистически значимое увеличение социальной дистанции по всем пяти парам фотографий ($Z = 4,80–6,32$; $p < 0,001$). Наиболее выраженный эффект зафиксирован для 5-го стимула ($Z = 6,32$), наименее выраженный, но все равно высокозначимый — для 4-го ($Z = 4,80$). Таким образом, наличие хиджаба выступает универсальным фактором, статистически значимо ограничивающим готовность принимающего большинства к близкому межличностному контакту, независимо от индивидуальных особенностей внешности.

Выводы.

Приведенное нами эмпирическое исследование показало, что хиджаб является одним из социальных триггеров негативного восприятия Другого. Статистически значимые различия по всем пяти парам фотостимулов свидетельствуют о том, что наличие религиозного маркера трансформирует отношение к женщине, независимо от её индивидуальных внешних характеристик. Эти данные подтверждают идею о том, что хиджаб считывается не как личный выбор или эстетический элемент, а как символ, активирующий негативные установки, которые есть в обществе.

Ограничение выборки по полу и возрасту с одной стороны является ограничением данного исследования, однако с другой стороны, молодые девушки являются тем поколением, которые сталкиваются с растущей видимостью хиджаба в публичном пространстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Албогачиева, М. С. Г. Хиджаб современной мусульманки: традиция или мода? / М. С. Г. Албогачиева // Minbar. Islamic Studies. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 578–602.

2. Сабирова А. Г. Формирование религиозной идентичности в мегаполисе (на примере женщин-татарок, обучающихся на религиозных курсах в Москве) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук, Москва, 2006. – 25 с.

3. Этнолукизм: эмпирическая модель и методы исследования / В. А. Лабунская, А. А. Бзезян, Д. В. Погонцева, В. Д. Альперович. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Мини Тайп", 2018. – 258 с.

УДК 316.016

БРЕНД КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА МАЛЫХ ГОРОДОВ

Подгайская Л. И.
доцент кафедры социально-гуманитарных и историко-правовых дисциплин
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Бондарук Ю. В.
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

В условиях глобализации, усиления конкуренции между территориями и возрастающей роли человеческого капитала формирование привлекательного имиджа города становится стратегической задачей органов местного управления, бизнеса и общественных институтов. Города вступают в конкурентную борьбу не только за экономические ресурсы, инвестиции и туристические потоки, но и за символическое пространство – внимание, лояльность и эмоциональную привязанность людей. В этих условиях бренд города перестает быть исключительно маркетинговым инструментом и превращается в сложный социокультурный феномен, отражающий ценности, символы и смыслы, разделяемые городским сообществом. Бренд города представляет собой комплексный феномен, включающий не только визуальную айдентику, но и эмоциональное восприятие территории ее жителями и внешними аудиториями, а также совокупность объективных конкурентных преимуществ [1].

Особую значимость проблема формирования городского бренда приобретает для малых городов, которые, не обладая ресурсами мегаполисов, вынуждены искать собственные уникальные пути позиционирования. В Республике Беларусь, где система расселения представлена преимущественно небольшими городами с богатым историко-культурным наследием, вопросы брендинга территорий становятся актуальными как с точки зрения развития туризма, так и с позиции сохранения локальной идентичности и предотвращения оттока населения. Город Береза Брестской области выступает показательным примером такого города. Обладая уникальным историческим наследием (руины картезианского монастыря XVII в., объекты нематериального культурного наследия – щеповая птица, споровская полька), сложной исторической памятью и значительным туристическим потенциалом, город в то же время сталкивается с вызовами, характерными для многих белорусских провинциальных центров: отток молодежи, недостаточная туристическая инфраструктура, размытый образ во внешнем восприятии [3].

Анализ современного состояния брендинга городов в Беларуси показал, что данная сфера находится в стадии активного становления. Наблюдается переход от разрозненных инициатив к более системным подходам: разрабатываются национальные и региональные бренды, реализуются успешные проекты (например, бренд Миорского района, удостоенный премии Red Dot Award), однако отсутствует единая концепция национального бренда и правовая определенность статуса региональных брендов. Роль местных сообществ, культурных институций и медиа признана определяющей в формировании городского бренда. Успешные белорусские практики (конкурс районных брендов в Гомельской области, проект «Минская смена», брендовые фестивали в регионах) демонстрируют эффективность

вовлечения жителей в процессы брендинга. Культурные институции (музеи, библиотеки, центры ремесел) выступают хранителями локальной идентичности и центрами притяжения. Местные медиа, особенно районные газеты, остаются главными каналами формирования локального патриотизма и информационной повестки [2].

Анализ зарубежного опыта брендинга городов позволил выделить пять основных моделей (культурно-событийная, инфраструктурно-архитектурная, креативно-инновационная, социально-трансформационная, локально-идентитарная) и современные тенденции: переход к смысловому брендингу, рост значимости локальной аутентичности, вовлечение сообществ, интеграцию целей устойчивого развития. Наиболее релевантным для Березы как малого города признан опыт стран Вышеградской группы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), где успешно реализуются проекты брендинга с ограниченными ресурсами [4]. Адаптация зарубежного опыта в Беларуси возможна по шести направлениям: развитие событийного туризма, использование локальной идентичности и историко-культурного наследия, вовлечение местных сообществ в процессы брендинга, интеграция брендов местных предприятий в территориальный бренд, развитие межрегионального сотрудничества и обмен опытом, а также разработка государственной поддержки брендинга малых городов. При этом необходимо учитывать правовые, экономические и культурные ограничения белорусского контекста.

Авторами было проведено комплексное исследование восприятия бренда города Березы, выявлены его сильные и слабые стороны, ресурсы и ограничения. SWOT-анализ конкурентных позиций города Березы показал следующее:

Сильные стороны: Уникальное историко-культурное наследие (картезианский монастырь XVII в. – единственный в ВКЛ). Развитая промышленная база с продукцией, известной на международном рынке. Удобное транспортное расположение на трассе Брест-Минск. Наличие природных ресурсов и объектов (заказник «Споровский», уникальная споровская полька как объект нематериального наследия). Действующие учреждения культуры и центры народных ремесел. Наличие местных медиа (газета «Маяк», сетевое издание BEREZA.BY).

Слабые стороны: Отсутствие системного исследования восприятия города целевыми аудиториями. Недостаточная туристическая узнаваемость и отсутствие в топ-направлениях страны. Слабая увязка экономических брендов предприятий с брендом города. Преимущественная ориентация медийного образа на внутреннюю аудиторию. Ограниченные возможности для досуга по сравнению с крупными городами. Отток молодежи в областной центр и Минск.

Возможности): Развитие событийного туризма на основе уникальных культурных практик (споровская полька, фестиваль «Споровские сеножати»). Актуализация исторического наследия (руины монастыря как туристический магнит). Использование брендов местных предприятий для продвижения территории. Вовлечение местных сообществ в процессы брендинга (краудсорсинговые инициативы). Участие в республиканских и международных туристических и инвестиционных проектах. Развитие цифровых каналов коммуникации для продвижения города.

Угрозы: Конкуренция со стороны более раскрученных туристических центров региона (Брест, Беловежская Пуща). Недостаточное финансирование проектов по благоустройству и развитию туристической инфраструктуры. Сохранение негативных исторических ассоциаций (концлагерь Береза-Картузская) при недостаточной работе по их переосмыслению. Старение населения и сокращение человеческого капитала.

Исследование восприятия бренда города Березы выявило ключевые противоречия: между богатым историко-культурным (картезианский монастырь, споровская полька) и промышленным потенциалом (бренды «Beryoza ceramica», «Савушкин продукт») и его недостаточной актуализацией в бренде города; между наличием медийных ресурсов и отсутствием системной коммуникационной стратегии; между сложным историческим наследием и необходимостью формирования позитивного образа. Город обладает

объективными предпосылками для формирования узнаваемого бренда, но требует разработки комплексной стратегии.

Для оптимизации брендинга города Березы можно предложить следующее: стратегическое позиционирование города («Береза – город контрастов и единства: историческое наследие, промышленная энергия, природная гармония»); создание визуальной айдентики (логотип, слоган, талисман); коммуникационную стратегию с акцентом на цифровые каналы и брендовые мероприятия; механизмы вовлечения стейкхолдеров (Общественный совет, конкурсы микрогрантов, партнерство с предприятиями); институциональные изменения (разработка Концепции бренда, регистрация товарного знака); систему мониторинга эффективности на основе KPI.

Ключевыми принципами предложенных рекомендаций выступают аутентичность (опора на реальные конкурентные преимущества и локальную идентичность Березы – картезианский монастырь, промышленные бренды, заказник «Споровский»), вовлеченность (активное участие жителей, бизнеса, учреждений культуры), системность (интеграция брендинга в программы социально-экономического развития) и измеримость (наличие конкретных показателей и регулярный мониторинг).

Таким образом, формирование устойчивого бренда малого города, опирающееся на локальную идентичность, вовлечение сообществ и системную коммуникационную стратегию, является действенным инструментом повышения его конкурентоспособности и социокультурного развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бренд белорусского города: стратегии формирования / Белорусский государственный университет культуры и искусств. – Минск, 2025. – URL: http://repository.buk.by/handle/123456789/30617 (дата обращения: 05.04.2026).

2. Замана, А. Ю. Проблема идентичности белорусских городов: социологический анализ / А. Ю. Замана ; науч. рук. И. Г. Неделевская // Социологические чтения – 2025 : сборник научных статей / Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» ; главный редактор В. Н. Ватыль ; редколлегия: В. Н. Ватыль, А. С. Касяновская. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2025. – С. 112–115.

3. О районе // Березовский районный исполнительный комитет. – URL: https://bereza.brest-region.gov.by (дата обращения: 05.04.2026).

4. Пять причин поехать в Березу / Союзное вече. – URL: https://www.souzveche.ru/articles/tourism/50079/ (дата обращения: 05.04.2026).

УДК 37.035.6

ЦИФРОВЫЕ МУЗЕИ КАК ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Поляничко М. К.
студент КубГУ
г. Краснодар, Россия

В современных условиях развития России особое внимание уделяется разработке доступных и безопасных онлайн-платформ, в первую очередь, цифровых музеев, направленных на трансляцию культурных норм и традиционных ценностных ориентиров жителей регионов страны, что регламентируется в указе Президента Российской Федерации от 7.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [1].

Изучением проблематики культурного воспитания в условиях цифровизации занимается отечественный исследователь Н.А. Коровникова, которая отмечает необходимость демонстрации культурно-исторических объектов через современные цифровые музеи с

помощью инновационных методик как фактора регионального развития, что является важным условием обеспечения политической стабильности, безопасности и социального развития [2. с.450–452].

Е.А. Кузьменко и В.А. Моторина рассматривают создание виртуальных музеев как способ популяризации культуры, стимулирования гармоничного развития личности, а также обращают внимание на то, что данные разработки являются эффективным способом расширения цифрового и культурного пространства РФ. Кроме того, виртуальные экспозиции повышают интерес к культурно-историческому наследию, формируют полное представление о прошлом и настоящем страны и являются одним из важнейших факторов развития интеллектуального потенциала населения [3, с.169–179].

В свою очередь, Е.С. Юдкина подробно описывает свойства и возможности виртуальных музеев, а также подчеркивает их доступность как средство взаимодействия человека и современных технологий с целью сохранения наследия, передачи информации о культурном достоянии и проведения образовательно-воспитательной работы среди граждан РФ [4, с.222–230].

Таким образом, отмечается повышенный интерес отечественных исследователей к изучению проблематики создания виртуальных музеев в контексте цифровой трансформации, посвящённых истории и культуре отдельных регионов России. Это обусловлено синтезом духовной культуры и разнообразием социокультурных ориентиров в отношении формирования глубокого понимания культурной самобытности народов и разработке интернет-инноваций.

С целью изучения особенностей функционирования цифровых музеев в качестве технологий формирования социокультурных представлений и укрепления знаний об историческом и культурном наследии регионов России автор провел сравнительный анализ онлайн-сервисов, разработанных в трех регионах страны как для граждан, так и иностранных жителей. Выборку для анализа составили следующие музеи: «Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова», «Государственный Эрмитаж», «Крымский этнографический музей», расположенные в удаленных регионах страны, каждый из которых демонстрирует культурное многообразие, отличается этническим составом, историческими условиями формирования и культурными особенностями, для того чтобы показать, что данная работа проводится по всей стране и имеет федеральное значение.

Одним из наиболее известных музеев Дальнего Востока является «Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова». Представленный культурный центр публикует бесплатные онлайн-экскурсии, выставки, проекты, посвящённые историческим личностям, событиям, в частности о Великой Отечественной войне, артефактам коренных народов Хабаровского края, а также их традициям и обычаям. Помимо этого, на сайте размещён виртуальный тур по музею, сопровождаемый дополнительной информацией об экспонатах. Онлайн-платформа отличается полной доступностью для жителей любой точки мира с возможностью выбрать подходящий язык, удобна для людей с ограниченными возможностями, а также имеет не только текстовые материалы, но и видео- и аудиофайлы. Использование музеем онлайн-сервисов повышает культурную активность и расширяет аудиторию независимо от географического положения и физических возможностей, что положительно воздействует на воспитательный процесс жителей других регионов [5].

Кроме того, «Государственный Эрмитаж» предлагает виртуальный тур по музею, который способствует повышению интереса к истории самого учреждения культуры, имперского правления и его выдающимся личностями, в сопровождении аудиозаписей и текстовых материалов как на русском, так и на английском языках. Виртуальные выставки позволяют онлайн-посетителям ознакомиться с народными традициями, обычаями, праздниками, русским стилем одежды за весь период существования Российского государства. Наряду с этим, сайт дает возможность посетить виртуальные выставки за пределами основного здания «Эрмитажа», а также способствует ознакомлению с исследовательскими данными по археологии и археологическим экспедициям, включая

просмотр фотоматериалов. «Государственный Эрмитаж» является качественным и удобным для пользования инструментом в формировании личности, национальной идентичности, а также является важным средством, выполняющим воспитательно-образовательную функцию [6].

«Крымский этнографический музей» разработал свой цифровой музей, отличающийся интерактивностью и полной безопасностью редких экспонатов. Проект рассказывает о традициях, культуре народов и этнических групп полуострова. Также, музей предлагает посетить виртуальные выставки, которые посвящены национальным праздникам и памятным датам. Такие онлайн-разработки доступны на официальных страницах музея в социальных сетях, что позволяет людям с любой точки мира расширить кругозор и познакомиться с историческими фактами о данном регионе. Таким образом, проектирование и функционирование виртуального музея способствует поднятию интереса к культурному наследию Крыма, повышая эрудированность и компетентность населения, а также улучшает межкультурное взаимодействие на глобальном уровне [7].

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что особое влияние на конструирование традиционных ценностей и исторических нарративов оказывает институт государства. Оно обеспечивает поддержку учреждениям культуры, в частности, музеям, которые разрабатывают открытые цифровые ресурсы, ориентированные не только на внутреннюю, но и на международную аудиторию. Благодаря этому расширяется применение новых технологий в реализации культурной политики РФ, что позволяет проводить качественную просветительскую деятельность с целью повышения вовлеченности населения в процесс усвоения знаний об истории регионов, а также формирования целостного представления о культуре и прошлом России у жителей зарубежных стран.

Автором были проанализированы особенности функционирования виртуальных музеев, а также их влияние на повышение заинтересованности к культурно-историческому наследию отдельных регионов России. Необходимо отметить, что интеграция новых технологий в сферу искусства способствует укреплению когнитивного и ценностного компонентов картины мира жителей РФ и иностранных посетителей, которые посредством культурных технологий конструируют представление о регионе и формируют к нему ценностное отношение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35261 (дата обращения: 25.07.2026)

2. Коровникова, Н.А. Виртуальный музей как фактор интеграции российских регионов / Н.А. Коровникова // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17–3. – С. 450–452.

3. Кузьменко, Е.А., Моторина, В.А. Виртуальные музеи: проблема цифровизации культурного пространства / Е.А. Коровникова, В.А. Моторина // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – № 3. – С. 169–179.

4. Юдкина Е.С. Просветительские возможности виртуальных музеев / Е.С. Юдкина // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum. – 2020. – № 1 (16). – С. 222–230.

5. Гродековский музей – Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова. – URL: https://hkm.ru/ (дата обращения: 25.07.2026)

6. Государственный Эрмитаж. – URL: https://www.hermitagemuseum.org/ (дата обращения: 25.07.2026)

7. Крымский этнографический музей. – URL: https://ethnocrimea.ru/ (дата обращения: 25.07.2026)

УДК 327+502.1

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Посталовская О. А.
доцент кафедры политологии БГЭУ
кандидат политических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В современном мире вопросы экологии и этнополитики становятся всё более актуальными и взаимосвязанными. С ростом населения и увеличением воздействия человеческой деятельности на окружающую природную среду, экологические проблемы, такие как загрязнение, изменение климата, утрата биоразнообразия требуют комплексного научного подхода к их разрешению. В то же время этнополитика как отдельное научное направление политической науки, используя культурные, социальные, территориальные и другие факторы, влияет на механизмы формирования и реализации современной экологической политики. В условиях стремительного ухудшения состояния окружающей среды различные народы и этносы сталкиваются с новыми вызовами, которые способствуют возникновению напряженности. Экологические проблемы могут усугублять этнические разногласия, провоцировать конфликты, мешающие экологическим инициативам и затрудняющие действия по охране окружающей среды. Поэтому важно исследовать экополитику и этнополитику в контексте их взаимодействия и находить пути для повышения устойчивости общества к современным вызовам и угрозам. Изучение взаимосвязи между экологическими и этническими аспектами потенциально может способствовать социальной стабильности и экосистемному равновесию, что является ключевым для развития общества. Экополитика, изучающая взаимодействие общества и природы, и этнополитика, фокусирующаяся на проблемах идентичности и прав различных этнических групп, пересекаются и создают уникальные условия для анализа социальной динамики.

В настоящее время наблюдается нарастающая необходимость в понимании того, как экологические изменения влияют на этнические группы, и наоборот, как этнополитические факторы могут формировать экологическую ситуацию. Прежде всего, необходимо отметить, что экология и этнополитика – это не просто два параллельных процесса, а сферы, которые взаимодействуют и влияют друг на друга. Взаимосвязь экополитики и этнополитики является важным аспектом современного общества. Экологические проблемы часто пересекаются с этническими интересами, что приводит к появлению уникальных вызовов. Например, изменение климата может по-разному затрагивать различные этнические группы в зависимости от их местоположения и образа жизни. Экополитика стремится решать вопросы защиты окружающей среды, а этнополитика фокусируется на потребностях и интересах этнических меньшинств.

На этнополитические процессы оказывают влияние экологические изменения, которые способны усугублять социальные и культурные противоречия. Например, нехватка воды или земли может привести к миграции, что, в свою очередь, вызывает напряжение между разными этническими группами. Экополитика направлена на разработку экологически устойчивых решений, которые учитывают интересы населения и окружающей среды. При этом нельзя забывать, что разные этнические сообщества имеют свои представления о природе и ее сохранении. У каждой культуры есть свои традиции, обычаи и системы знаний, которые могут повлиять на подходы к охране окружающей среды.

Экологические проблемы, такие как изменение климата, загрязнение водоемов и истощение ресурсов, могут привести к социальным конфликтам. Этнические группы, зависящие от природных ресурсов, часто оказываются в наиболее уязвимой позиции, что может вызывать напряженность и даже насилие. Ключевой аспект этого взаимодействия – доступ к ресурсам. В условиях дефицита воды или земли этнические противоречия возникают

достаточно быстро. Это вызывает недовольство и может привести к масштабным политическим конфликтам. С другой стороны, этнополитические факторы оказывают влияние на экологическое управление. Этнические группы, имеющие свои уникальные традиции и практики в охране окружающей среды, могут предложить инновационные методы устойчивого использования ресурсов. Их знания и опыт могут сыграть критическую роль в разработке экологически устойчивых решений как на местном, так и на глобальном уровнях.

Экология и этнополитические аспекты национальной безопасности представляют собой взаимосвязанные и крайне важные темы в современном мире. Они требуют комплексного подхода, понимания и осознания необходимости их учета при формировании устойчивой будущей политики. Важно учитывать, что успешная экополитика должна включать в себя элементы этнополитики. Участие этнических сообществ в принятии решений по экологическим вопросам способствует более эффективному решению проблем и укрепляет социальную сплоченность. Таким образом, интеграция этих двух областей становится залогом устойчивого развития и гармоничного сосуществования различных культур.

По мнению российского исследователя Е.Н. Каратуевой, «эти направления могут находиться в конфликте, особенно в многонациональных государствах». Различное восприятие и использование природных ресурсов этническими группами может способствовать напряженности. Что в свою очередь, создает дополнительные сложности в реализации устойчивой экологической политики [1, с. 115].

Необходимо отметить, с одной стороны, народы и сообщества, сталкивающиеся с экологическими катастрофами, начинают более активно осознавать свою уникальность. Это происходит благодаря совместным усилиям в решении проблем и защите природных ресурсов. В таких условиях растет национальное сознание и ощущение принадлежности к своему региону. Люди начинают ценить культурное наследие и традиции, связанные с природой. С другой стороны, локальная идентичность усиливается, когда сообщества организуются для решения экологических вопросов. В этих процессах формируется новая, зеленая идентичность, основанная на заботе о природе и устойчивом развитии. «Экологическая проблематика создает возможности для усиления национальной или локальной идентичности» [2, с. 5]. Экологические проблемы открывают новые горизонты для укрепления как национальной, так и локальной идентичности. В нынешних условиях важно отметить, как нация может гордиться своим вкладом в решение глобальных экологических вызовов. Эти процессы способствуют формированию более глубокого чувства принадлежности к своей стране или региону, а также укрепляют представление о собственном культурном наследии и ответственности за окружающую среду.

Важным инструментом эффективного и гармоничного сосуществования человека и природы становится этноэкология. Как научная дисциплина этноэкология помогает понять, как разные народы взаимодействуют с окружающей средой и как традиционные знания могут способствовать устойчивому развитию.

Этноэкология, по мнению российского ученого А.Н. Ямского «ставит своей задачей изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом в природных и социокультурных условиях их обитания» [3, с. 17-18]. Изучение особенностей использования природной среды различными этносами и их влияния на эту среду требует глубокого анализа традиций рационального природопользования, что позволяет лучше понять, как культуры взаимодействуют с природными ресурсами.

Изучение особенностей использования природной среды различными этносами, а также их влияния на нее представляет собой важный аспект научных исследований. Это включает в себя анализ традиций рационального природопользования, которые складывались у различных народов на протяжении долгого времени. Традиции, сформировавшиеся в процессе взаимодействия человека и природы, помогают понять, как разные этносы адаптировались к условиям окружающей среды и каким образом они сохраняли устойчивость своих экосистем.

Важно исследовать закономерности формирования и функционирования этноэкосистем, которые могут значительно отличаться в зависимости от культурных и исторических

факторов. Понимание этих процессов может помочь в разработке более эффективных стратегий устойчивого развития и охраны окружающей среды в условиях современного мира. Кроме того, необходимо отметить роль государства в обеспечении экологической безопасности. Государственная политика должна быть направлена на поддержку устойчивого развития, которое учитывало бы интересы различных этнических групп. Это не только снизит вероятность конфликтов, но и поможет создать эффективные механизмы управления природными ресурсами.

Экология и этнополитические аспекты тесно связаны и взаимодополняют друг друга. Экологические изменения могут оказывать значительное влияние на этнические группы, их традиции и образ жизни. Например, ухудшение состояния окружающей среды может привести к миграции населения, что, в свою очередь, вызывает этнополитическую напряженность и конфликты. С другой стороны, этнополитические вопросы также влияют на экологическую ситуацию. Конфликты могут препятствовать осуществлению устойчивых практик управления природными ресурсами, что может усугублять экологические проблемы.

Таким образом, важно понимать, что экология и этнополитика не существуют отдельно друг от друга, а являются частью сложной системы, где изменения в одной области могут оказывать значительное влияние на другую. Экополитическая и этнополитическая взаимосвязь представляет собой не противоречие, а взаимодополнение. Когда различные культурные группы объединяются ради общей цели, такой как сохранение окружающей природной среды, это идет на пользу не только экосистеме, но и укреплению идентичности самих групп. В современных условиях это особенно важно. Создание конструктивного диалога между экополитикой и этнополитикой является важным шагом на пути к устойчивому развитию и социальной гармонии. Каждый шаг в рамках экополитики необходимо делать с учетом этнического контекста. Это не только поможет избежать конфликтов, но и обеспечит справедливое распределение ресурсов, что, в свою очередь, будет способствовать общей социально-политической стабильности. Интеграция экополитических и этнополитических подходов может привести к более глубокому пониманию тех проблем, с которыми сталкиваются разные сообщества. Такой подход даст возможность нахождения эффективных решений на основе сотрудничества. Интеграция этнополитических аспектов в экологическую политику может привести к более устойчивым и гармоничным решениям, учитывающим нужды всех групп населения. Создание платформ для диалога и сотрудничества между различными сообществами открывает новые возможности для поиска общих интересов. Такие платформы могут способствовать оптимальному использованию природных ресурсов, что является важным шагом к устойчивому развитию. Своевременное взаимодействие экополитики и этнополитики позволит не только сохранить природные ресурсы, но и обеспечить благоприятные условия для жизни и развития всех участников, включенных в процессы, протекающих под влиянием экологического и этнического факторов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Каратуева, Е.Н. Экологические протесты и национальная идентичность в многонациональном государстве: зеленый национализм в СССР и современной России / Е.Н. Каратуева // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 105-121.

2. Тулаева, С. Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в Российских регионах / С. Тулаева, Я. Снарский // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2022. – №14(3). – С. 4-33.

3. Ямсков, А.Н. Ключевые компоненты дисциплины «Этническая экология» и основные проблемы университетских курсов по этноэкологии и смежным областям науки // Этнос и среда обитания. Вып. 6: Этноэкологическое образование / Ред.: Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова, А.Н. Ямсков (отв. ред.). – М.: Старый сад, 2018. – С. 14-46.

УДК 316.776

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ АУДИТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Посталовский А. В.
заместитель директора по научной работе
Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В современных условиях развития медиапространства, общих процессов цифровизации общества и активного включения в повседневную жизнь человека информационно-коммуникативных технологий немаловажное значение приобретают каналы воспроизводства, трансляции и распространения информационного контента. Социальные сети как онлайн ресурсы, предполагающие не только форматы межличностной сетевой коммуникации и визуальной самопрезентации в Интернете, но и также возможности управления пользовательской реакцией целевой аудитории на публикуемую информацию, становятся значимым атрибутом социальной обыденности значительной части современного социума. Социальные сети сегодня – это, одновременно, и информация о повседневности об окружающем социальном пространстве (новости), время проведения досуга (просмотр фото, видео), межличностное общение (переписка), коммуникация с близким социальным окружением (просмотр ленты подписчиков) и т.д.

В медийных исследованиях и медиаизмерениях аудиторной активности важным показателем выступает «социально-демографический профиль аудитории». Социально-демографический профиль представляет собой условный портрет целевой аудитории конкретного ресурса, позволяющий ответить на вопрос «кто смотрел/ознакомился с информационным контентом». Ответ на указанный вопрос предполагает выделение половозрастных характеристик целевой аудитории. В телевизионных медиаизмерениях для анализа социально-демографического профиля аудитория используется метрика TgSat% (Target Saturation), представляющая собой процент демографической группы эфирного события/канала от аудитории данного события канала, которая используется для определения демографического профиля эфирного события/канала [1, с. 117]. При интерпретации результатов социологических исследований анализируются переменные по полу и возрасту с целью определения социально-демографического портрета пользователей сетевых ресурсов

Распределение ответов респондентов по полу в контексте анализа ответов на вопрос использования конкретных социальных сетей представлен на рисунке 1.

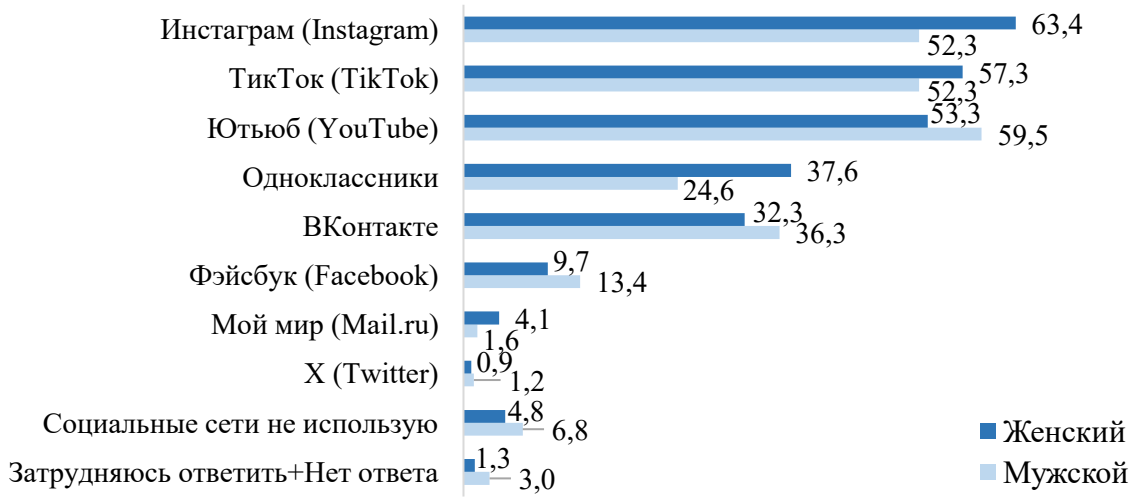

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие социальные сети Вы используете?», пол, в % от числа опрошенных

Согласно представленным на рисунке 1 данным «Инстаграм» и «ТикТок» являются ресурсами с преимущественно женской аудиторией, причем доминирование женских пользование отчетливее выражено в социальной сети «Инстаграм». В свою очередь, для «Ютуба» характерно доминирование мужской аудитории, ориентированной в большей степени на просмотр более продолжительных по времени видеороликов по сравнению с «ТикТоком» и «Инстаграмом». Также условно «мужской» социальной сетью выступает «Вконтакте».

Важным компонентом социально-демографического профиля аудитории выступает анализ переменных в разрезе возрастных групп. В социологических исследованиях 2021-2025 гг. представлены 4 группы респондентов по возрасту: 10 18-29; 2) 30-44; 3) 45-54; 4) 55 и старше. В таблице 1 представлено распределение ответов респондентов по возрасту в разрезе ответов на вопрос относительно использования социальных сетей.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие социальные сети Вы используете?», возраст, в % от числа опрошенных

Социальные сети	Возрастные группы:			
	18-29 лет	30-44 лет	45-54 лет	55 лет и старше
Инстаграм (Instagram)	83,3	70,5	50,9	33,3
Ютуб (YouTube)	72,1	56,1	51,9	48,0
ТикТок (TikTok)	67,4	56,6	52,4	47,1
ВКонтакте	48,8	42,7	24,1	20,4
Фейсбук (Facebook)	13,5	14,4	12,7	5,1
Одноклассники	12,6	26,3	37,3	48,0
Мой мир (Mail.ru)	4,2	3,0	3,8	1,8
X (ранее Twitter)	2,8	1,5	0,0	0,0
Социальные сети не использую	1,4	2,7	9,4	9,6
Затрудняюсь ответить+Нет ответа	1,4	2,7	0,9	2,1

Согласно представленным данным, условное лидирующее трио «Инстаграм», «Ютуб» и «ТикТок» являются сетевыми ресурсами с выраженной молодежной аудитории (доминирование пользователей в возрасте 18-29 лет). «Инстаграм» является лидером среди других социальных сетей по объемам накопленной молодежной аудитории. При этом «разрыв» в «Инстаграме» между молодежной и условно «пожилой» аудиторией (старше 55 лет) составляет 50 %. В других социальных сетях разрыв между поколениями не такой ярко выраженный. При том если смотреть показатели «ТикТока» в указанном контексте, условный

«разрыв» между возрастными группами составляет 5-10 процентов, что позволяет говорить одновременно как о доминировании молодежного сегмента аудитории, так и сохраняющимся устойчивом интересе и со стороны иных возрастных групп. Относительный паритет востребованности социальной сети в разрезе возрастных групп можно наблюдать у «Фейсбука» (фактическое равенство в показателях в трех возрастных группах).

Таким образом, проанализировав показатели востребованности социальных сетей и социально-демографического профиля целевых аудиторий по результатам проведенных социологических исследований необходимо сделать следующие выводы. Наличие инструментов интерактивности и доминирование видеоконтента обуславливает востребованность социальных сетей среди населения, в свою очередь, те сервисы, которые ориентированы в том числе и на коммуникацию (межличностное общение, переписка, просмотр новостной ленты подписчиков) в меньшей степени находят отклик у аудитории. Простота восприятия, фактическое соучастие в трансляции и сопереживание сюжету публикуемых в социальных сетях видеороликов делает эти ресурсы востребованным для повседневного использования. ТОП-3 социальных сетей среди белорусской аудитории медиа составляют «Инстаграм», «ТикТок» и «Ютуб», при этом «Инстаграм» имеет ярко выраженную молодежную и женскую аудиторию, в то время как «Ютуб» как классический формат видеоконтента востребован преимущественно у мужчин. Как показывает динамика проводимых в 2021-2025 гг. социологических исследований медиапотребления, в белорусском медиапространстве будет сохранятся тренд на доминирование социальных сетей с ярко выраженным видеоконтентном содержанием публикуемой информации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Посталовский, А.В. Измерение рейтингов телевидения и радио в условиях трансформации медиапространства / А.В. Посталовский. – Минск : РИВШ, 2021. – 128 с.

УДК 339.924(045):327.7

РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА И КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ В ОДКБ

Потапова Е. Ю.
научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН
г. Москва, Россия

В контексте нарастающего геополитического напряжения на западных рубежах роль России и Беларуси для поддержания стабильности трудно переоценить. Государства активно взаимодействуют как в рамках Союзного государства (СГ), так и в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В первом случае они реализуют систему глубокой и всесторонней интеграции, охватывающей различные аспекты, включая экономику, социальную сферу и вопросы безопасности. Во втором случае страны становятся центром коллективной системы обороны на постсоветском пространстве.

Центральным элементом безопасности двух стран является военная составляющая. В ответ на усиление санкционного давления со стороны Запада правительством РФ и Республики Беларусь был подписан ряд договоров.

В сентябре 1993 г. был подписан Договор о статусе воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил, временно размещенных на территории Республики Беларусь, который позволил российской стороне законно и на четких условиях размещать свои стратегические силы в Беларуси, а Беларуси – контролировать их деятельность в рамках своего национального законодательства.

В феврале 1995 г. – Договор «О совместных усилиях в охране государственной границы Беларуси» положил начало для долгосрочного и тесного сотрудничества двух стран в области охраны границ и определил параметры взаимодействия России и Беларуси в охране государственной границы Союзного государства с Латвией, Литвой и Польшей.

И логическим продолжением союза стал заключенный в конце 1997 г. Договор «О военном сотрудничестве», который заложил основу для формирования общей оборонной политики и создания региональной группировки войск двух стран. В нем закреплен переход к полноценному стратегическому партнерству в военной сфере: тесное взаимодействие в разработке и производстве вооружений, подготовке вооруженных сил, использовании военной инфраструктуры, совместных проектах. А в 2009 г. для укрепления системы поставок продукции военного назначения был принят договор «О развитии военно-технического сотрудничества» [1].

Реализацией подписанных соглашений стало последовательное размещение оружия на территории Республики Беларусь. В декабре 2022 г. Россия передала вооруженным силам Беларуси зенитные ракетные комплексы С-400 «Триумф» и оперативно-тактические «Искандер», в апреле 2023 г. – оперативно-тактический комплекс «Искандер-М» (ОТРК), который способен использовать ракеты как в обычном, так и в ядерном оснащении [2].

В декабре 2024 года Республика Беларусь и РФ заключили межгосударственный договор «О гарантиях безопасности в рамках Союзного государства», который предусматривает возможность размещения российских военных объектов на территории Беларуси и совместное применение ядерного оружия в случае угрозы суверенитету одной из стран. И уже в конце 2025 г. в Беларуси был поставлен на боевое дежурство новейший российский ракетный комплекс «Орешник», который способен нести как обычные, так и ядерные боеголовки. Дислокация комплекса позволяет ракете поражать цели по всей Европе и Атлантике [3].

В рамках соглашения 2023 г. «О создании и функционировании учебно-боевых центров совместной подготовки военнослужащих» под руководством объединенного командования создаются учебные центры, на которых широко используется опыт, приобретенный в зоне Специальной военной операции (СВО), благодаря которому военнослужащие могут значительно улучшить свои боевые тактики [4].

В 2024 г. было принято решение о корректировке построения охраны рубежей. Для этого в рамках программы «Развитие пограничной безопасности Союзного государства» на период до 2027 г. реализуются меры по совершенствованию пограничной инфраструктуры и технической оснащенности подразделений границы.

Кроме того, с 2009 г. проводятся совместные военные учения по отражению агрессии против Союзного государства – «Запад», «Славянское братство», «Кавказ», а также «Армейские международные игры». В феврале 2022 г. состоялись масштабные учения «Союзная решимость» [5]. В 2025 году ключевым событием стало крупнейшее стратегическое учение РФ и Республики Беларусь «Запад-2025». В учении приняли участие около 100 тысяч военнослужащих, было задействовано около 10 тысяч единиц вооружения и техники, включая 333 летательных аппарата и 247 кораблей. Маневры проходили на 41 полигоне в России и Беларуси, а также в акваториях Балтийского и Баренцева морей [6].

Усиление обороноспособности Союзного государства и Организации Договора о коллективной безопасности является ключевой задачей для защиты интересов и обеспечения безопасности стран-участниц. Важно подчеркнуть, что российско-белорусские военные учения тесно связаны с задачами ОДКБ и все меры, принимаемые в рамках Союзного государства, работают также и на укрепление всей организации. Развернутые на территории Республики Беларусь современные российские оборонные комплексы и тактическое ядерное оружие являются элементом защиты ОДКБ с западного направления и адекватным ответом на военную активность у границ. По словам генерального секретаря ОДКБ Т. Масадыкова, в связи с многочисленными с конфликтами в разных частях света «организация анализирует и пытается отработать всевозможные риски и угрозы».

Одним из важнейших направлений сотрудничества ОДКБ также являются совместные учения, ключевой площадкой которых является Республика Беларусь. В августе-сентябре 2025 г. здесь прошли масштабные маневры «Взаимодействие-2025» с участием более 2000 военнослужащих и 450 единиц техники из пяти стран [7] и была отработана совместная операция по разрешению кризисной ситуации и уничтожению условных боевиков. Параллельно с маневрами проходили специальные учения с силами и средствами разведки и материально-технического обеспечения «Поиск-2025» и «Эшелон-2025» [8].

С 1 января 2026 года Россия приняла председательство в ОДКБ. Этот период проходит под девизом: «Коллективная безопасность в многополярном мире: единая цель – общая ответственность». На 2026 г. запланировано проведение свыше 60 мероприятий, включая 8 учений [9].

В марте-июле 2026 г. прошли переговоры оборонных ведомств Беларуси, России и стран ОДКБ по подготовке учений, которые пройдут на территориях России, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана в сентябре–октябре 2026 г. В Казахстане пройдут учения с силами быстрого развертывания Центральноазиатского региона «Рубеж-2026»; В Беларуси – учения по противодействию биологическим угрозам «Барьер-2026» параллельно с командно-штабным учением миротворческих сил «Нерушимое братство-2026»; в Таджикистане – учения «Кобальт-2026» для отработки совместных действий элитных подразделений стран-участниц. На полигоне «Чебаркульский» в России состоятся учения «Взаимодействие-2026» по взаимодействию при проведении совместных операций, а также специальные учения «Поиск-2026» для разведывательных подразделений стран ОДКБ и учения «Эшелон-2026» по тыловой поддержке всех совместных операций [10].

Стоит отметить, что в 2026 г. военное сотрудничество РФ и Республики Беларусь достигло уровня глубокой стратегической интеграции. Союзное государство стало платформой для всеобъемлющей военной и военно-технической интеграции. В его рамках фактически создается единая оборонная инфраструктура, ключевым элементом которой становится совместный «ядерный зонтик», поддерживаемый тесным военно-техническим взаимодействием.

В рамках ОДКБ партнёрство России и Беларуси становится движущей силой для всей организации, механизмом для отработки коллективных действий в более широкой коалиции и внедрению передовых практик. Эти страны формируют сильный военный союз, который способен эффективно противостоять внешним угрозам и играть важную роль в системе коллективной безопасности на постсоветском пространстве.

Такой институт международной безопасности как ОДКБ имеет важное стратегическое значение для России и является ключевым инструментом для сохранения ее влияния на постсоветском пространстве, обеспечения безопасности ее границ и противодействия западным альянсам [11]. Для успешной работы ОДКБ крайне важно, чтобы союзники разделяли её концепцию безопасности и принимали во внимание внешнеполитические интересы Москвы. Однако на практике цели и приоритеты участников организации нередко расходятся, и порой весьма существенно. Все ближайшие партнёры Москвы, за исключением Беларуси, продолжают придерживаться курса на политическую «многовекторность», что фактически означает балансирование между Россией и другими ключевыми мировыми игроками – США, с которыми Россия находится в длительной конфронтации, Европейским союзом, Китаем и Турцией.

В то время как другие члены ОДКБ стремятся диверсифицировать свои связи, чтобы снизить зависимость от Москвы, российско-белорусские отношения, наоборот, демонстрируют углубляющуюся интеграцию, особенно в военной и экономической сферах. И в таком случае союз России и Беларуси выступает своего рода противовесом общей тенденции к многовекторности внутри организации и выполняет стабилизирующую функцию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Двусторонние договоры // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/ (дата обращения: 30.06.2026)

2. Шойгу заявил, что Россия передала Беларуси ракетный комплекс «Искандер-М» // RTVI. 04.04.2023. URL: https://rtvi.com/news/shojgu-zayavil-chto-rossiya-peredala-belarusi-raketnyj-kompleks-iskander-m/ (дата обращения: 01.07.2026)

3. Russia Builds Forward Infrastructure For Strategic Nuclear Deterrent in Belarus as Oreshnik Missiles Deploy // Military Watch Magazine. 27.12.2025. URL: https://militarywatchmagazine.com/article/russia-forward-infrastructure-nuclear-deterrent-belarus (date of access: 01.07.2026)

4. Белорусские танкисты будут обучаться в российском учебно-боевом центре // Союзное государство. 20.09.2024. URL: https://посткомсг.рф/news/politika_ekonomika/240500/ (дата обращения: 01.07.2026)

5. Военное и военно-техническое сотрудничество // Посольство Российской Федерации в Республике Беларусь. URL: https://belarus.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/military-and-military-technical-cooperation/ (дата обращения: 01.07.2026)

6. В Минобороны объявили о завершении учений «Запад-2025» // Медиагруппа «Звезда». 17.09.2025. URL: https://tvzvezda.ru/news/20259171941-dAbmm.html (дата обращения: 03.07.2026)

7. Учения стран-членов ОДКБ «Взаимодействие-2025» стартовали в Белоруссии // Медиагруппа «Звезда». 01.09.2025. URL: https://public.tvzvezda.ru/news/202591219-G5Bnc.html (дата обращения: 03.07.2026)

8. На полигоне Лосвидо проводятся специальные учения «Эшелон-2025» // Беларусь сегодня. 03.09.2025. URL: https://www.sb.by/articles/na-poligone-losvido-provoditsya-spetsialnoe-uchenie-eshelon-2025.html (дата обращения: 03.07.2026)

9. Страны ОДКБ планируют провести восемь учений в 2026 году // Беларусь сегодня. 03.06.2026. URL: https://www.sb.by/articles/v-2026-godu-strany-odkb-zaplanirovali-vosem-ucheniy-.html (дата обращения: 03.07.2026)

10. В ОДКБ обсудили подготовку к предстоящим в 2026 году учениям // Беларусь сегодня. 09.04.2026. URL: https://www.sb.by/articles/v-odkb-obsudili-podgotovku-k-predstoyashchim-v-2026-godu-ucheniyam.html (дата обращения: 03.07.2026)

11. Каширина, Т.В. Организация Договора о коллективной безопасности и ее деятельность в военно-политической сфере : монография / Т.В. Каширина, Д.Т. Турлыбаева. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2023. – 268 с.

УДК 316.4

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Похомова А. А.
заведующий кафедрой социальной коммуникации БГУ
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Статья подготовлена в рамках НИР «Одиночество в цифровом обществе как вызов социальной интеграции: теоретико-эмпирический анализ причин и последствий» по заданиям ГПНИ 12 «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности», 2026-2030 годы (подпрограмма «Философия»).

Цифровизация в современном обществе рассматривается не столько как технологический процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы и институты общества для повышения эффективности их функционирования через оптимизацию рутинных операций, сколько как социально-экономический феномен, влияющий на социальную структуру и содержание иных социальных явлений, таких как неравенство, доверие, коммуникация и др., и институтов. Одним из таких институтов, оказавшимся под воздействием цифровых технологий, стал институт волонтерства (добровольчества).

Цель данной статьи – рассмотреть признаки трансформации института волонтерства в условиях цифровой среды. При этом объектом изучения выступает институт добровольчества в современном мире, а предметом – структурные и функциональные изменения волонтерства в условиях цифровизации. Традиционные практики помощи и взаимопомощи строились на эмпатии, сопереживании, стратегиях выживания социальной общности, социальном служении, чувстве долга и предполагали соучастие в обеспечении жизненно важных для нуждающегося человека (группы) процессах, например, удовлетворении базовых потребностей в пище и питье, безопасности, жилье, лечении и др. С усложнением социального устройства изменялись и практики безвозмездной помощи, приобретая характер социального института. Новые цифровые условия и виртуальное пространство, которые наслоились и интегрировались в повседневность, внесли изменения в содержание феномена добровольчества и возможности оказания помощи. Программное обеспечение, информационные порталы, приложения, функционирующие с помощью технологий искусственного интеллекта, алгоритмов машинного обучения и больших данных создали новую цифровую среду для оказания безвозмездной помощи нуждающимся и улучшения качества данной работы.

В настоящее время осуществление волонтерской деятельности удаленно получило самостоятельное название цифрового волонтерства (также киберволонтерство, онлайн-волонтерство, виртуальное волонтерство и др.). Несмотря на отсутствие единообразия в терминологии возможности самореализации у цифровых волонтеров широки и не накладывают существенных пространственно-темпоральных ограничений.

В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026 – 2030 годы указано, что одним из семи приоритетов выступает рост конкурентоспособности, ускорение технологического развития и цифровая трансформация (приоритет 4). Внедрение цифровых технологий будет и далее затрагивать сферу повседневности (например, интернет вещей), охватывать функционирование таких социальных институтов как образование, здравоохранение и др., для чего имеется необходимая технологическая, социальная и нормативно-правовая база.

Усиливающиеся процессы цифровизации способствуют цифровой трансформации института волонтерства, что заметно на примере изменений, произошедших в самих волонтерских практиках, а также в системе организации, управлении, контроле за волонтерской деятельностью. Анализируя воздействие цифровых технологий на функционирование института волонтерства, можно выделить три основных аспекта такого влияния: управленческий, коммуникативный и пространственно-темпоральный.

Управленческий аспект. Цифровизация волонтерства позволяет, прежде всего, сделать работу по мобилизации волонтеров и привлечению ресурсов более эффективной. Благодаря социальным сетям и мессенджерам, цифровым платформам и иным инструментам автоматизируется и совершенствуется работа по привлечению, координации, обучению и удержанию, контролю волонтеров и верификации их опыта.

Результаты работы российской исследовательницы Асеевой А.А. свидетельствуют о наличии «экспоненциального тренда в изменении численности волонтеров в России за 2017–2024 годы, обусловленного началом активной государственной поддержки волонтёрского движения через платформу Добро.РФ и программы цифрового волонтёрства в регионах» [1, с. 40]. Цифровизация волонтерства способствует активизации той части населения, которая потенциально готова к участию в волонтерской деятельности, посредством нейтрализации и / или минимизации входных барьеров. Асеева А.А. утверждает, что с цифровой трансформацией волонтерства происходит «положительное переформатирование цифровых компетенций» самих волонтеров посредством применения «более сложных инструментов в процессе использования платформенного волонтёрства» [1, с. 43].

С точки зрения российской исследовательницы Антоновой Т.В., социальные сети и информационные системы выступают мощнейшим инструментом развития волонтерства среди молодежи, так как Интернет обладает приоритетом у молодого поколения в поиске

информации и определенным кредитом доверия [2, с. 437]. При этом следует отметить, что молодежь как агенты волонтерской деятельностью с точки зрения оказываемого мировоззренческого, аксиологического, воспитательного воздействия представляет собой наиболее перспективную общность, в отношении которой стимулирование волонтерской активности представляется наиболее эффективным в стратегическом плане.

Коммуникативный аспект. Формирование глобального коммуникационного пространства в результате развернувшихся процессов цифровизации позволило интенсифицировать информационные потоки, предоставляя возможность получить информацию о волонтерских инициативах и возможностях участия по всему миру и оказывать помощь в зависимости от индивидуальных предпочтений и ресурсов. При этом созданное информационное пространство позволяет социально активным гражданам самоорганизовываться для оказания необходимой помощи в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций [3, с. 377, 380].

По мнению российского исследователя М.М. Мовсисяна, волонтерство играет важную роль в социализации молодежи в силу широких возможностей участия в различных программах, проектах, лагерях вне зависимости от социальных и демографических факторов. Онлайн-волонтерство стало одним из способов расширения добровольческого пространства, которое сформировало, в том числе среди молодежи, особую коммуникативную среду, позволяющую сделать процесс управления волонтерской деятельностью и продвижения волонтерства в социальных сетях более эффективным и экономным по затратам времени и ресурсам [4, с. 141]. Социальные сети как канал информирования и воздействия имеют широкий охват аудитории, дают возможность применять таргетированную социальную рекламу, позволяют создавать и управлять волонтерским сообществом, презентовать деятельность волонтерского объединения с применением визуального контента, давать / получать обратную связь в виде комментариев, лайков, сообщений.

Пространственно-темпоральный аспект. Онлайн-волонтерство позволяет вовлекаться в волонтерское движение тем, для кого барьером интеграции выступала нехватка свободного времени [4, с 138]. Активно развивающаяся цифровая среда – это стимул для реализации социальных инициатив, особенно среди молодежи. Цифровой профиль волонтерства тесно связан с имеющейся инфраструктурой волонтерства в рамках определенной национальной системы и охватывает имеющиеся официальные платформы, позволяющие оперативно предоставлять/получать информацию, управлять волонтерской деятельностью, формировать базу волонтеров и т.д. Цифровой профиль отдельного волонтера выступает своего рода цифровым резюме волонтерских активностей человека, необходимого не только для прохождения обучения, подтверждения имеющегося опыта, компетенций в определенных направлениях и формах волонтерства, но и для получения обозначенных в нормативных документах преференций. Наличие развернутой инфраструктуры волонтерства свидетельствует о его зрелом состоянии и завершенном процессе институционализации. Цифровые инструменты в волонтерстве позволяют преодолевать географические и временные ограничения, присущие традиционным практикам волонтерской деятельности. Онлайн волонтерство как современный социальный феномен не ограничивает добровольца конкретным промежутком времени и определенным местом, так как работа осуществляется удаленно, например, написание статей, разработка программного обеспечения, модерирование и продвижение социальной сети и др. [5, с .83].

Таким образом, поступательное внедрение цифровых технологий в функционирование социального института волонтерства приводят к его системным изменениям. Несмотря на имеющиеся риски в развитии волонтерства, в том числе онлайн-волонтерства (например, геймификация, обезличивание социальных проблем и их носителей, снижение эмпатии), цифровая трансформация является неизбежным процессом, последствия которого следует направлять на усиление позиций, престижа, распространенности и эффективности волонтерских практик. Формирующийся социальный феномен цифрового альтруизма ставит

новые гносеологические задачи перед исследователями волонтерства определить, как сочетаются цифровые технологии и гуманистическая сущность института волонтерства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Асеева, А.А. Инновационная трансформация волонтерства в эпоху цифровизации / А.А.Асеева // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика. Сборник статей 15-й Международной научно-практической конференции, в 3-х томах. – Курск, 2025. – С. 40-44.

2. Антонова, Т.В. Развитие волонтерства в условиях цифровизации общества: возможности для молодежи / Т.В.Антонова // Комплексное развитие территориальных систем и повышение эффективности регионального управления в условиях цифровизации экономики. Материалы национальной (всероссийской) научно-практической конференции. – 2018. – С. 436-439.

3. Башева, О. А. Цифровизация деятельности российских волонтеров в чрезвычайных ситуациях: влияние пандемии или самостоятельный тренд развития? / О.А. Башева, П.О.Ермолаева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6. – С. 376–402.

4. Мовсисян, М.М. Волонтерская деятельность и ее продвижение в сети Интернет / М.М. Мовсисян // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. – 2016. – № 7. – С. 136–145.

5. Воронина Ю.В. Виртуальное волонтерство – феномен цифрового общества / Ю.В.Воронина, О.В.Барсукова // Мотивирующая цифровая среда как тренд современного образования. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Отв. за выпуск Ю.В. Воронина. – 2019. – С. 79–88.

УДК 396 + 396.9 + 930

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ: ЧТО ДОСТИГНУТО И КАКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Пушкарева Н. Л.
главный научный сотрудник,
руководитель Центра гендерных исследований
Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
доктор исторических наук, профессор
г. Москва, Россия

Женская история как направление начало формироваться у нас в стране в начале 1980-х гг. Развитие интереса к женским исследованиям не было реакцией на “мужской шовинизм” или “мачизм”, как-то было на Западе, но было реакцией на унификацию половых различий, характерных для советской идеологии. В российской традиции в значительно меньшей степени, нежели западной, свойственно выделение пола в качестве предмета обсуждения, поэтому и культивирование явно «женского» (тем, проблематики, стиля написания, подходов анализа) проявилось после развала СССР не в форме борьбы с мужским доминированием, а в виде восстановления тех равнозначимых различий полов, которые советская идеология старалась нивелировать.

Своеобразный ментальный сплав советской эпохи соединил русский менталитет (в коем значима соборность, а ценность индивидуализма малозаметна), оксюморонное сочетание православия с секуляризмом и атеизмом, прагматизм советской идеологии с его концептом «работающей матери» (женщины, которая обязана работать и обязана рожать) и государственный патернализм (заместивший традиционный патриархат). В этом контексте суждено было неожиданно возникнуть женским исследованиям в исторических науках: вплоть до конца XX в. не было заинтересованности в создании самостоятельной дискурсивной практики, связанной с темой женского. Идеологизированная советская историческая наука была заинтересована лишь в обосновании марксистских догм в отношении женщин и регулярно пополнялась работами по истории участия женщин в революционном и

освободительном движениях, в боевых действиях в годы войн, в освоении неженских профессий.

После XVI Международного конгресса исторических наук (1985 г.), на котором проблема "Женщина и общество" была объявлена одной из трех основных тем для докладов, и создания в 1990 г. на XVII конгрессе исторических наук "Международной федерации исследователей, изучающих историю женщин" (МФИЖИ), стало ясно, что оставаться в стороне нельзя. МФИЖИ признавала коллективное членство, а на создание «Российской ассоциации исследователей женской истории» (РАИЖИ) – понадобилось долгих полтора десятилетия. В настоящее время «историки женщин», объединенные в Ассоциацию – это более 400 «женоведок»-РАИЖИсток в разных городах страны.

Огромную роль в институционализации направления сыграли региональные научные центры. Они возникли не в столичных Москве и Петербурге, а в не самых крупных, но университетских городах, вроде Саратова, Твери, Петрозаводска, Набережных Челнов, Костромы и Иваново. Именно в Иваново стал с 1996 г. выпускаться журнал «Женщина в российском обществе». Эти центры объединяли прежде всего социологов и демографов, экономистов и юристов. Число историков, решивших связать свою научную биографию с «женскими исследованиями», было сравнительно невелико. На интеллектуальную и финансовую поддержку исследовательским организациям могли тогда рассчитывать прежде всего те, кто занимался острыми вопросами современности, а не изучением исторического прошлого. Речь о западных фондах – они предоставляли поддержку и в 1990-2000-е годы в деле институционализации направления дали весьма много постсоветским интеллектуалам: возможность участия в жизни международного научного сообщества, чтения книг и журналов, недоступных в то время в стране, открыли для многих перспективы научного роста. Образовывавшиеся в 1990-е годы российские научные фонды стали обращать внимание на «женскую тему» как раз потому, что недавно образованные центры женских исследований стали получать финансовую помощь с Запада.

Система грантовой поддержки помогла индивидуальным грантополучателям, большинство из которых обратили все силы на распространение знаний и убеждений, связанных с женской историей и необходимостью написать новую историю, в которой бы женщины не были забыты. Финансовые вливания – нацеленные на поддержку изучения взаимоотношений полов в гуманитарном знании РФ – продолжались все 1990-е. Историкам, изучавшим женскую тему, внушалось, что западные фонды преследуют благие цели, основанные на идеалах либерального общества западной модели – способствуют формированию в России «гендерного равенства» таким, каким оно понималось на Западе. С высоких трибун и на научных конференциях говорилось, что работа с фондами способствует упрочению статуса женщины в российском обществе, «пошатнувшегося» – как тогда писалось, «в результате кризисов в постсоветское время».

Однако вскоре выяснилось, что группы, получающие помощь от западных организаций, отвечали запросам иностранных фондов больше, чем домашним нуждам. Грантовая политика иностранных фондов определяла повестку, заставляя российские НКО работать над темами, интересными донорам. Никто не собирался давать деньги на изучение исторических побед и завоеваний многонациональной России, к которым женщины всегда имели отношение.

Неоднозначное влияние западных фондов на развитие «истории женщин» можно найти и в финансировании исследований, продвигавших выгодные иностранным фондам трактовки (в том числе и о привнесенности идей женской социальной активности, женского движения из-за рубежа), в настойчивом продвижении понимания равноправия и эмансипации такими, какими они были приняты в европейских публикациях. Фонды спонсировали в первую очередь проекты, которые старались не тематизировать величия России и объединенного славянства, общей славянской истории и места в этой славной истории женщин.

Не лучшую роль сыграл и феномен «ложного активизма»: под объявленные программы писались проекты, которые хотели видеть грантодатели. А донаторы никогда не давали гранты по изучение, скажем, роли женщины в сохранении традиционной русской культуры. Опасной

стала и тенденция создания новых элит, увеличения расстояния между теми, кто имел и кто не заполучил связей, денег, грантов. Гранты получали те, кто лучше и быстрее освоил искусство составления заявок – это рождало зависть, помноженную на резкое неприятие некоторых идей, включенных в западную повестку. Множество центров поддержки женских исследований оставалось неизвестным самим адресатам помощи – женщинам. Возникла новая женская номенклатура – руководители успешных центров, получавших поддержку от западных организаций…

Социологи и психологи с экономистами уже участвовали в первых международных конференциях в Москве, организованным ЮНЕСКО, собирались в 1991 и 1992 гг. на Первый и Второй независимые женские форумы в Дубне, а историков туда даже и не звали Вот почему столь важным – и казавшимся запоздавшим – было создание РАИЖИ – Ассоциации, объединившей именно историков. Члены РАИЖИ стали собираться на свои конференции, и с 2008 г. они проходят ежегодно.

Было бы некоторым преувеличением сказать, что направление женской истории пережило все сложности и ныне влияет на интеллектуальную ситуацию**,** но оно сделало свое дело: появились десятки книг и диссертаций, несколько сотен статей, в которых реконструируется женское социальное прошлое. Интеграция же женской темы в «большую науку» идет очень медленно. Рубрики в журналах, секции на конгрессах случаются, но больше везет все-таки истории повседневности, в которую женская тема оказывается включена. Даже этнологи по-прежнему, в основном, работают в концептуальных рамках традиционной этнологии семьи и пола, а не новых аналитических подходов.

Показателем признанности женской истории и антропологии женской повседневности станет признание *метода* как результата всех интеллектуальных исканий в области истории ментальностей, новой культурной истории, истории тела и телесности, антропологии женского профессионального труда, истории и антропологии повседневно-бытовых практик. К этому есть все предпосылки. Прежде всего, потому что женская тема в изучении прошлого менее политизирована, нежели, например, гендерная социология или гендерная политология. При этом в современных женских исследованиях прошлого сосуществуют два дискурса.

Первый дискурс – дискурс традиционных социально-половых ролей. Он легитимирует роль женщины как комплементарную (взаимодополнительную) к роли мужчины. Сторонники этого типа говорения о предмете много пишут об отношениях полов, об истории и этнографии семьи, о женщинах во власти и безвластии. Они социализированы (в научном смысле) в духе традиционности. Они пишут об отношениях полов и женщинах так же, как писали столетиями до них, и на их труды есть запрос – на такое, бесконфликтное освещение женского социального прошлого.

Второй дискурс – тот, что ставит под сомнение эссенциалисткую обусловленность взаимодополнительности социально-половых ролей в прошлом и в настоящем. Сторонницы такого типа научного говорения полагают, что нужно не просто собирать материал, а постоянно иметь в виду социально-половые отношения и взаимодействия как систему, разделяющую общество на властвующих и подчиненных. Приверженцы такого методологического ракурса не чувствуют себя связанными с западной интеллектуальной мыслью, так что чаще всего они идут нетореными тропами. Разные подходы к толкованию социально-половых взаимодействий в историческом прошлом и сегодня настолько переплелись, что в одном и том же учреждении, в одном и том же научном центре могут вполне мирно сосуществовать сторонники и сторонницы разных подходов.

«Российской ассоциации исследователей женской истории» – это постоянно укрепляемая сеть взаимодействий историков из разных городов, диссенсусное сообщество, а не очередная политически неэффективная (однако формально-стабильная) посткоммунистическая институция. Благодаря нашей открытости разным подходам, основу которой заложил журнал «Женщина в российском обществе», российские исследования «женской темы» сделали немало для того, чтобы в нашей научной среде были созданы условия

для распространения новых методов, новых оснований в историописании, включающих женский социальный опыт.

УДК 001.007:314.7

АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В НАУЧНОЙ СФЕРЕ БЕЛАРУСИ ЗА ПЕРИОД 1995-2025 ГГ.

Пушкевич С. А.
научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
магистр социологических наук
г. Минск, Беларусь

Проблема интеллектуальной миграции затрагивает различные аспекты экономической, социальной и научной политики государства и национальной безопасности. Потеря интеллектуального элитного слоя лишает государство перспектив динамичного экономического и научно–инновационного развития, поскольку интеллектуальный потенциал не только является «лицом» общества, но и определяет его способность к конкуренции в мировой экономике и технологиях.

Процесс интеллектуальной миграции ученых и специалистов должен находиться в русле государственной политики. Соблюдая принцип свободной международной мобильности исследователей, государству следует иметь четкую стратегию эффективного накопления и использования отечественного научного потенциала в национальных интересах. Необходимо стремиться к трансформации проблемы утечки умов в проблему государственной поддержки мобильности ученых в интересах их взаимовыгодного сотрудничества с зарубежными коллективами и исследователями, обеспечения возрастания их вклада в научно-технологический прогресс Беларуси.

В Беларуси в целом сформировано законодательство, направленное на удержание в стране человеческого капитала и отвечающее международным нормам и правилам, создаются правовые условия для цивилизованного экспорта и импорта высококвалифицированной рабочей силы.

Можно выделить три этапа эволюции государственной миграционной политики в научной сфере за 1995-2025 гг.:

Первый этап охватывает период с 1995 по 1999 гг. и может быть охарактеризован как этап институционализации. Принимались основополагающие нормативные правовые акты, создавались управленческие структуры и учреждения в сфере миграции. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 апреля 1997 г. № 337 был создан Комитет по миграции при Министерстве труда Республики Беларусь, а затем был принят Закон Республики Беларусь от 17 июня 1998 № 169-З «О внешней трудовой миграции»

С целью информационного и научного обеспечения системы государственного регулирования процессов интеллектуальной миграции Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 сентября 1999 года № 1494 был создан Центр мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров в качестве структурного подразделения Института социологии НАН Беларуси. На Центр были возложены следующие задачи:

– создание и научное сопровождение республиканской прогнозно-аналитической системы отслеживания процессов внутренней и внешней миграции научных и научно-педагогических кадров в режиме мониторинга;

- разработка предложений по совершенствованию кадровой политики в научной сфере, государственного регулирования процессов внутренней и внешней миграции научных и научно-педагогических кадров.

Второй этап можно охарактеризовать как этап государственных миграционных программ. За период с 1998 по 2010 гг. были разработаны и реализованы три специальные государственные миграционные программы.

Так, Государственная миграционная программа на 2006-2010 гг. в качестве основной цели определяла содействие устойчивому социально-экономическому развитию Республики Беларусь в свете управления миграционными процессами, укрепление государственной безопасности и создание условий для реализации прав мигрантов. В документе указывалось, что серьезной проблемой для республики остается эмиграция высококвалифицированных специалистов и перспективных научных работников, которая наносит значительный ущерб интеллектуальному потенциалу страны. В данном контексте одним из приоритетных направлений регулирования миграционных процессов было признано создание условий для снижения эмиграционного оттока научно-технических и творческих кадров, а также молодых специалистов из страны.

В 2003 г. образован Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел, на который возложены задачи организации контроля за миграционными процессами в Республике Беларусь, обеспечения реализации законодательства в сфере миграции, а также выработки государственной миграционной политики.

В международной практике государственного регулирования трудовой миграции происходит расширение стратегических мер и инструментов, направленных на привлечение специалистов высокой квалификации из-за рубежа. Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» в части выдачи разрешения на постоянное проживание выделяет несколько льготных категорий иностранцев:

- являющиеся работниками и специалистами, в которых нуждаются организации Республики Беларусь;

- обладающие исключительными способностями и талантом или имеющие выдающиеся заслуги перед Республикой Беларусь, высокие достижения в области науки, техники, культуры и спорта;

- являющиеся иностранными инвесторами, вложившими инвестиции в размере не менее ста пятидесяти тысяч евро в объекты инвестиционной деятельности на территории Республики Беларусь [1].

Третий этап характеризуется тем, что вопросы регулирования миграции, в т. ч. интеллектуальной, включены в контекст демографической безопасности страны. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О демографической безопасности» миграционная политика должна быть отражена в программах демографической безопасности. В преамбуле Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011-2015 гг. был определен целевой принцип организации миграции, включающий возвращение соотечественников, проживающих за рубежом; привлечение иностранных специалистов для работы в приоритетных и нуждающихся в кадрах отраслях экономики; предоставление миграционных льгот иностранным студентам и аспирантам, успешно окончившим учреждения образования страны. В Программе ставилась задача оптимизации миграционных процессов, уменьшения эмиграции высококвалифицированной рабочей силы, а также создания условий для привлечения высококвалифицированных кадров из-за рубежа. Мероприятиями по внешней миграции в интересах развития Республики Беларусь предусматривалось создание механизма, основанного на избирательном подходе к привлечению иммигрантов, с учетом их инвестиционного и образовательного потенциала, а также возраста [2].

Постановлением Президиума НАН Беларуси №17 от 26 февраля 2018 г. утверждена Стратегия «Наука и технологии: 2018-2040». Двумя неотъемлемыми условиями ее успешной реализации названы:

- укрепление интеллектуального потенциала научной сферы посредством повышения качества подготовки кадров высшей научной квалификации, создания условий и стимулов для развития научных школ и закрепления в науке талантливой молодежи;

- формирование и развитие человеческого капитала и социокультурной среды, соответствующих приоритетам и потребностям научно-технологического развития страны и ориентированных на создание новых технологий.

Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. №6 утверждена Концепция миграционной политики Союзного государства. Одними из приоритетных направлений в области обеспечения социально-экономического развития, повышения благосостояния и уровня жизни населения государств-участников названы:

- содействие академической мобильности студентов, аспирантов, педагогических и научных работников государств-участников;

- создание и развитие механизмов привлечения на территорию Союзного государства высококвалифицированных специалистов, ученых, научных сотрудников, а также квалифицированных работников по профессиям, дефицитным и востребованным на рынке труда государств-участников [3].

Также был принят Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. №233-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции»», в соответствии с которым последний был изложен в новой редакции. Он вводит понятие высококвалифицированного работника – иностранца, трудоустраивающегося в Республике Беларусь у нанимателя Республики Беларусь, имеющего высокий уровень профессиональных знаний, умений и навыков, подтвержденных документами об образовании и стажем работы по соответствующему виду профессиональной деятельности не менее пяти лет, при этом размер указанной в трудовом договоре месячной заработной платы такого иностранца превышает пятикратный размер месячной минимальной заработной платы, установленной в Республике Беларусь [4].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 января 2024 г. №48 утверждена Концепция миграционной политики Республики Беларусь на 2024-2028 годы. Одними из основных направлений в сфере оптимизации внутренних и внешних миграционных потоков, обеспечения положительного сальдо внешней миграции являются:

- содействие миграции, связанной с осуществлением инвестиций, предпринимательской и инновационной деятельности;

- содействие миграции в сфере образования и поддержки академической мобильности [5].

Таким образом, значимость проблемы интеллектуальной миграции и необходимость ее политического и правового регулирования законодательно закреплены в Республике Беларусь. Заложенные в законодательстве базовые принципы, касающиеся регулирования интеллектуальной миграции, требуют дальнейшего развития: разработки институциональных механизмов, принятия и реализации соответствующих нормативных правовых актов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З: в ред. от 2 февраля 2026 г. №130-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 08.07.2026).

2. Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы: Указ Президента Респ. Беларусь от 11 авг. 2011 г. № 357 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2011. – № 93. – 1/12762.

3. Миграционная политика // Посольство Российской Федерации в Республике Беларусь. – URL: https://belarus.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/migratsionnaya_politika/ (дата обращения: 08.07.2026).

4. Об изменении Закона Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции»: Закон Респ. Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 233-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 08.07.2026).

5. Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 23 янв. 2024 г. № 48 : в ред. от 24 янв. 2025 г. № 40 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 08.07.2026).

УДК 316:314.74

ПРИВЯЗАННОСТЬ К МЕСТУ И МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Пушкевич С. А.
научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
магистр социологических наук
г. Минск, Беларусь

Как человек в принципе относится к миграции? Ценности, оценки, допустимость миграции как жизненной стратегии – все это характеризуют миграционные установки.

По мнению С.А. Кузнецовой, «миграционные установки… являются разновидностью социальных установок… и включают в себя когнитивные, аффективные, интенциональные и поведенческие компоненты» [1, с. 84]. Е.В. Богданова на остове анализа работ С.А. Кузнецовой уточняет: «Миграционные установки – это сформированное представление о том, где индивид хотел бы про живать: если он планирует (думает, заявляет об этом или готовится) переехать, то миграционные уста новки будут представлять собой (пока) нереализованное желание сменить место жительства. Они могут быть ориентированы на различные направления миграции: в другой район города, в другой город или страну. Сама установка подразумевает лишь наличие желания или планов у индивида, но не означает их обязательной реализации.» [2, с. 46]

Одним из наиболее показательных, но редко обсуждаемых индикаторов, имеющих отношение к миграции, является не столько доля желающих уехать, сколько субъективная привязанность респондентов к разным территориальным уровням. Данные республиканского опроса общественного мнения, проведенного Институтом социологии в марте-апреле 2026 г. (N=1848) позволяют сопоставить эти два параметра и выявить расхождения.

Доля респондентов, желающих выехать за границу на постоянное место жительства, составила в 2026 году 1,8%, с целью временной работы – 2,9%.

Респондентам среди прочих задавался вопрос «Чувствуете ли вы привязанность к следующим местам?» (варианты ответа: месту своего рождения; месту своего нынешнего проживания; к Беларуси). Вопрос был взят для проверки гипотезы, выступает ли территориальная идентичность своеобразным «якорем», снижающим готовность к перемещению даже при наличии экономических стимулов.

Выяснилось, что привязанность к месту практически не выполняет дифференциацию миграционных намерений: 57,1% испытывающих привязанность к месту своего рождения, 55,2% не испытывающих привязанность и 55,6% затруднившихся ответить не планировали в 2026 г. выехать из Беларуси за границу. То есть доли не планирующих выезд колеблются в пределах 55-57% на всех территориальных уровнях. Среди потенциальных эмигрантов доля выше у тех, кто затруднился с ответом, чем у ощущающих привязанность к территории: выехать за границу на постоянное место жительства хотели бы лишь 1,5% от испытывающих привязанность к месту своего рождения, 3,4% от не испытывающих привязанность и 5,6% от затруднившихся ответить на этот вопрос, а выехать для временной работы – 2,7%, 3,4% и 5,6% от соответствующих групп респондентов. Это позволяет предположить, что не столько отсутствие привязанности, сколько её неосмысливаемый характер может быть предвестником миграционной готовности.

Несколько иная картина обнаружилась в отношении респондентов к месту своего нынешнего проживания. 58,0% испытывающих привязанность к месту своего нынешнего

проживания, 42,2% не испытывающих и 44,4% затруднившихся ответить, согласно данным опроса 2026 г., не имели планов выезда за границу. Хотели бы уехать на постоянное место жительства 1,3%, 9,6% и 5,6% соответствующих групп респондентов, а выехать за границу для временной работы – 2,3%, 9,6% и 9,3% от соответствующих групп. Столь резкие различия, вероятно, отражают не столько миграционные установки, сколько удовлетворенность местными условиями жизни.

Наиболее сильный эффект ощущения привязанности проявился на уровне страны. Так, 57,7% испытывающих привязанность к Беларуси, 38,5% не испытывающих и 38,5% затруднившихся ответить, согласно данным опроса 2026 г., не имели планов выезда за границу. Однако дальше идут серьезные различия с респондентами, ответившими на вопрос о привязанности к месту своего рождения и к месту своего нынешнего проживания. 23,1% не чувствующих привязанности к Беларуси и 11,5% затруднившихся ответить на этот вопрос имели планы уехать из Беларуси на постоянное место жительства. Получается, что больше всего предрасположены к выезду на постоянное место жительства респонденты, не чувствующие привязанности к Беларуси, а к выезду за границу для временной работы – не испытывающие привязанности к месту своего нынешнего проживания. Впрочем, интерпретировать эти данные нужно с осторожностью: выборка по данным подгруппам составляет, соответственно, всего 26 и 52 человека, поэтому статистическую значимость различи необходимо дополнительно проверять. Тем не менее, даже в качестве гипотезы этот результат заслуживает внимания.

Такое положение дел актуализирует изучение не только миграционных намерений, но и миграционных установок населения Беларуси. В связи с этим в анкету республиканского мониторинга предлагается включить вопрос «В какой степени Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями о переезде в другой населённый пункт или другую страну?» (табл. 1). В утверждение 8 намеренно добавлена пословица: оно призвано зафиксировать нормативное, а не лишь рациональное отношение к оседлости.

Таблица 1. Вопрос «В какой степени Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями о переезде в другой населённый пункт или другую страну? (Ответ дайте, пожалуйста, по каждой строке)»

	Полностью согласен(а)	**Скорее согласен(а)**	**Скорее несогласен(а)**	**Совершенно не согласен(а)**	**Затрудняюсь ответить**
1.Переезд в другой населенный пункт или страну может быть для меня приемлемым способом улучшения жизни. Это нормальная жизненная стратегия.	1	2	3	4	5
2. Если я решу переехать, то смогу справиться с возникающими трудностями	1	2	3	4	5
3. Большинство важных для меня людей	1	2	3	4	5

одобрили бы мое решение переехать в другое место					
4. Я предпочел(чла) бы жить в другом месте, чем там, где живу сейчас	1	2	3	4	5
5. Для моей семьи важно, чтобы я остался(лась) жить в Беларуси, а не уезжал(а) за границу	1	2	3	4	5
6. Я опасаюсь, что в случае моего переезда я потеряю поддержку близких людей	1	2	3	4	5
7. Мне важно реализовать себя именно в своей стране, а не за ее пределами	1	2	3	4	5
8. Лучше оставаться жить там, где родился(ась), чем переезжать в другое место. Где родился, там и пригодился	1	2	3	4	5

Как в таком случае операционализировать миграционные установки? Построить индекс миграционных установок на основе восьми представленных выше утверждений. Респондент оценивает степень согласия с каждым утверждением по пятибалльной шкале. После реверсивного кодирования обратных формулировок рассчитывается суммарный либо средний балл.

Естественно, предлагаемый индекс не претендует на предсказание реального переезда – это вряд ли возможно, – а фиксирует лишь ценностную готовность респондентов к переезду. Как говорилось ранее, ценности, оценки, допустимость миграции как жизненной стратегии – все это характеризуют миграционные установки. Индекс их (установки) усредняет (и в этом его главная уязвимость), но для мониторинга общественного мнения даже такой интегральный показатель может быть полезен, если сравнивать его по разным группам по полу, возрасту, образованию, территории.

Данный вопрос предлагается ко включению в анкету республиканского мониторинга общественного мнения 2027 г. Его включение позволит перейти от фиксации декларируемых

миграционных планов и миграционных намерений к измерению миграционных установок и миграционного потенциала, что, в конечном счете, важно для своевременной корректировки миграционной и демографической политики страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецова, С. А. Разработка шкалы миграционных установок личности / С. А. Кузнецова, И. Ю. Кузнецов // Вестник РУДН, серия Психология и педагогика. – 2014. – №1. – С. 83–90.

2. Богданова, Е. В. Миграционные установки молодежи и миграционная политика Республики Беларусь / Е. В. Богданова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2018. – №14. – С. 45-48.

УДК 314.6:316.48(476)

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ОДИНОЧНЫХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В БЕЛАРУСИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Радкевич Д. Б.
младший научный сотрудник Центра политологии
Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Рост числа одиночных домохозяйств и сопутствующее ему усиление социальной изоляции рассматриваются в современных исследованиях как серьёзные факторы риска, способствующие дезинтеграции общества. Глобализация и информатизация, рост стоимости жизни делают людей более изолированными. Подобные условия могут вести к социальному отчуждению, потере ценности совместного семейного проживания и неспособности воспроизводства семейного уклада, что особенно важно в контексте сбережения традиционных семейных ценностей в Беларуси.

Вместе с тем, для корректного анализа принципиально важно не ставить знак равенства между объективным демографическим фактом ведения одиночного домохозяйства и субъективно переживаемым состоянием отчужденности. Проживание в одиночестве нередко является следствием экономического благополучия, финансовой эмансипации и осознанного выбора, при котором индивид может сохранять высокий уровень социальной вовлечённости и плотную сеть межличностных контактов. Риски для стабильности общества актуализируются именно в тех случаях, когда физическое обособление сопровождается разрушением социальных связей и трансформируется в вынужденную изоляцию. При этом необходимо подчеркнуть, что, в любом случае, в кросс-секционных исследованиях неизменно демонстрируется, что проживание в одиночестве связано со значительно более высоким уровнем ощущения одиночества по сравнению с другими вариантами проживания, и зачастую это один из самых сильных коррелятов [1, с. 6].

Состояние подобного одиночества и отчужденности формирует у человека чувство неполноценности и изоляции от здоровой социальной среды, что стимулирует его к поиску новой идентичности. Мировой опыт показывает, что одинокие люди становятся особенно уязвимыми для радикальных нарративов и психологических расстройств.

Социальные сети создают эффект «эхо-камер», где радикальные убеждения одиноких людей подкрепляются единомышленниками, а альтернативные мнения и социальный контроль сожителей отсутствуют. Это значительно ускоряет процесс когнитивной деформации, сокращая время от принятия крайних идей до готовности к неправомерным действиям в реальности. Таким образом, социальное отчуждение лишает человека «защитной оболочки», делая его лёгкой целью для деструктивных идеологий, которые угрожают общественному порядку [2, с. 8–10].

Кроме того, «эпидемия одиночества» в индустриальных странах подрывает коллективную способность общества к развитию и создает дополнительную нагрузку на государственные системы социального обеспечения ввиду отсутствия институтов неформального ухода. Одинокие люди чаще страдают от психологических проблем и депрессии, что снижает их экономическую активность и потенциал участия в жизни общества. С точки зрения медицины и социологии, отсутствие стабильных семейных или супружеских уз лишает индивида чувства безопасности в кризисные периоды. Женатые люди имеют преимущество перед неженатыми или вдовами в плане социальной регуляции. Длительное пребывание без семейной поддержки может привести к проблемам со здоровьем, а показатели самоубийств и самоповреждений среди живущих в одиночестве выше [3].

Республика Беларусь подвержена множеству аналогичных для постиндустриальных стран процессов. В том числе и распространению, а также «омоложению» одиночного ведения хозяйства. Белстат определяет частное домохозяйство так: «группа лиц, которые совместно проживают в … жилых помещениях, а также нежилых помещениях, используемых для проживания, обеспечивают себя всем необходимым для жизни, ведут общее хозяйство, полностью или частично объединяя и расходуя свои средства… Частное домохозяйство может состоять из одного человека, который живёт самостоятельно и обеспечивает себя всем необходимым для жизни» [4, с. 42].

На основе данных переписей 1999, 2009 и 2019 годов можно заметить значительный рост доли одиночных домохозяйств в Беларуси, а также увеличение доли в них людей трудоспособного возраста от общей численности одиночных домохозяйств. При этом рост является значительным. Настораживает также и изменение темпов роста одиночных домохозяйств. В 1999 году в Беларуси насчитывалось 3 855 016 домохозяйств, из которых одиночные составляли 1 007 369 – то есть 26,2% от общего их количества. В одиночных домохозяйствах проживало (при населении страны в 10 045 200 чел.) около 10% от всех наших граждан [5].

К 2009 году картина незначительно изменилась: одиночных домохозяйств стало на 14% больше в сравнении с 1999 годом – 1 147 665 из 3 873 139 домохозяйств. Доля одиночных увеличилась до 29,6%. При этом доля одиноких людей относительно всего населения увеличилась до 12,08% (всё население составило 9 513 557 чел.).

Перепись 2019 года, в свою очередь, показала наиболее яркие результаты – при общем количестве домохозяйств в 4 312 685 одиночные составили 1 615 469 или 37,4%. Из всего населения Беларуси (9 413 446 чел.), таким образом, 17,16% граждан проживали одни. И 20,7%, если учитывать исключительно людей в возрасте 15 и более лет. И поскольку мы допускаем, что люди в возрасте менее 15 лет (не учитывая, что это допущение работает и на более старшие возрастные когорты), живут в семьях, мы видим, что уже более 20% от всего населения Беларуси живёт в одиночестве (из 7 819 801 чел.) по состоянию на 2019 г.

Допустимым мнением является позиция о том, что одиночество – это в основном удел пожилых граждан, а именно – женщин пенсионного возраста, имеющих более длительную продолжительность жизни в сравнении с мужчинами. Но данные Белстата говорят о том, что одиночество молодеет. Если в 1999 году на 1 000 одиноких людей трудоспособного возраста приходилось 1 385 одиноких пенсионеров, то в 2019 году – уже 840. То есть одиноких людей в трудоспособном возрасте становится значительно больше, чем одиноких пенсионеров.

Стоит отметить и тренд на ускорение темпов роста числа одиночных домохозяйств: пока в период между 1999 и 2009 годами их число росло примерно на 1,31% ежегодно, для периода с 2009 по 2019 годы этот показатель составляет уже 3,48% – темп ускорился в 2,65 раза.

При этом количество одиночных домохозяйств, состоящих из лиц трудоспособного возраста, выросло более чем в два раза – с 420 545 в 1999 году до 879 384 в 2019 году. И здесь ускорение составило 1,49 раза между сравниваемыми межпереписными периодами от 3,02% в год до 4,5% в год. В масштабах всего населения в 1999 году одинокие трудоспособные граждане составляли 6,97% от всех жителей, тогда как в 2019 году – уже 9,94%. То есть каждый десятый гражданин Беларуси в трудоспособном возрасте сегодня является одиноким.

Для примера «омоложения» одиночных домохозяйств приведена таблица с объединёнными возрастными когортами членов одиночных домохозяйств по годам и динамикой роста их количества (см. табл.).

Таблица. Динамика численности одиночных домохозяйств в Республике Беларусь по данным переписей 1999, 2009 и 2019 годы по возрастным когортам.

Когорта, лет	1999	2009	2019	Динамика,%
15–34	222 638	268 051	375 831	+68.8
35–49	130 919	158 512	248 557	+89.9
50–64	219 640	257 073	445 677	+102.9
65+	434 199	464 029	545 404	+25.6
Всего по группам	1 007 396	1 147 665	1 615 469	+60.4

Несмотря на то, что наиболее старшие поколения все еще занимают лидирующие позиции по абсолютному количеству одиночных домохозяйств, их динамика роста является самой низкой, тогда как рост более молодых возрастных групп демонстрирует уверенное ускорение. При этом общий прирост среди женщин составил 44,9%, среди мужчин – 94,3% за 20 лет [6].

Таким образом, Беларусь переживает рост числа одиночных домохозяйств. Данный процесс так или иначе создает риски эпидемии одиночества, что, в свою очередь, может социальной проблемой, учитывая, что все чаще проживать одиноко начинают более юные когорты населения. Несмотря на то, что одиночные домохозяйства могут являться производными от индивидуального интереса личности в обособлении и эмансипации, еще предстоит выяснить, какое количество из одиночных домохозяйств составляет «одиночество по выбору» (а не вынужденное одиночество), а также уровень субъективного одиночества, переживаемого в данных типах домохозяйств. Тем более, что даже сознательный выбор в пользу одиночного проживания может приводить к описанным выше последствиям для ментального состояния жителей. Научный интерес представляет и выявление негативных эффектов данного явления на различные аспекты жизнедеятельности (социальная сфера, экономика, политика).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Barjaková, M. Risk factors for loneliness: A literature review / M. Barjaková, A. Garnero, B. D'Hombres // Social Science & Medicine. – 2023. – Vol. 334. – С. 1–12.

2. Локова, М. Ю. Феномен одиночества в молодежной среде / М. Ю. Локова, М. Н. Ханова, М. Р. Захохова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 8–12.

3. Burlina, Ch. Alone and lonely. The economic cost of solitude for regions in Europe / Ch. Burlina, A. Rodríguez-Pose // Environment and Planning. – 2023. – № 8. – С. 2067–2087.

4. Число и состав домашних хозяйств Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2021. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/statisticheskie-izdaniya/index_21657/ (дата обращения: 12.07.2026).

5. Число домохозяйств Республики Беларусь и группировка их по размеру в 1999 году // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-1999/tablichnye-dannye/chislo-domokhozyaystv-respubliki-belarus-i-gruppirovka-ikh-po-razmeru-v-1999-godu/ (дата обращения: 15.07.2026).

6. Число домохозяйств, состоящих из одного человека в возрасте 15 лет и старше // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://gender.belstat.gov.by/demography/24?type=table&reg=(T/F/M):(T):(T) (дата обращения: 18.07.2026).

УДК 37.014

ПОДХОДЫ К ПРОВЕДЕНИЮ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Рачкевич В. А.
младший научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Цифровизация образовательной политики выступает в качестве одного из стратегических ориентиров развития национальных систем образования. Изучение зарубежного опыта реализации цифровых преобразований позволяет выявить закономерности и перспективные модели управления развитием образования в цифровую эпоху. В результате анализа зарубежных практик нами были выделены пять ключевых подходов к проведению цифровизации образовательной политики: инфраструктурно-технологический, компетентностный, аналитико-управленческий, дидактический и этический.

Инфраструктурно-технологический подход охватывает две взаимосвязанные составляющие: материально-техническое оснащение образовательных учреждений и формирование единого цифрового пространства. К физической компоненте относятся обеспечение школ стабильным энергоснабжением, установка современного компьютерного и интерактивного оборудования, проведение высокоскоростного интернета. Виртуальная компонента выражается в построении единого информационного пространства, обеспечивающего хранение информации и взаимодействие участников образовательного процесса. Данный подход является одним из наиболее распространенных, поскольку представляет собой материальную основу цифровой трансформации. В Бразилии с 2023 года действует Национальная стратегия обеспечения доступа к интернету для школ (A Estratégia Nacional de Escolas Conectadas – Enec), согласно которой предполагается обеспечение качественного доступа к интернету для всех государственных школ, их преобразование в современные цифровые пространства (включая оснащение классов, библиотек, лабораторий компьютерами, ноутбуками, планшетами и другими цифровыми устройствами и создание безопасной сети Wi-Fi), а также предоставление гарантии наличия электроэнергии во всех школах, в том числе расположенных в удаленных и труднодоступных регионах, с помощью развития зеленой энергетики [1].

Компетентностный подход ориентирован на формирование у всех участников образовательного процесса навыков продуктивного использования цифровых технологий. Он предполагает включение в учебные программы модулей по цифровой грамотности, программированию, работе с искусственным интеллектом, а также системное обучение педагогических и управленческих кадров. В Испании принят План цифровизации и развития цифровых навыков в системе образования на 2021-2027 годы (Plan de Digitalización y Competencias Digitales del Sistema Educativo – Plan #DigEdu), одна из целей которого связана с повышением цифровой компетентности, а именно: развитие цифровых навыков учащихся (через интеграцию в учебные программы), учителей (через аккредитацию 80 % педагогов по обновлённому профессиональному стандарту) и образовательных центров (через разработку индивидуальных планов цифровизации на основе европейских) [2]. В Норвегии реализовывается Стратегия развития цифровой компетентности и инфраструктуры в детских садах и школах (Strategi for digital kompetanse og infrastruktur i barnehage og skole) на 2023-2030 годы, направленная на развитие цифровой компетентности учащихся и сотрудников [3].

Аналитико-управленческий подход предполагает использование данных как базового инструмента для разработки и оценки управленческих решений в сфере образовательной политики. Для этого формируются централизованные реестры данных, налаживается межведомственный обмен информацией, создаются панели мониторинга для отслеживания ключевых показателей, используются методы сложного анализа данных. В Австралии принята Стратегия работы с данными на 2026–2028 годы (Data Strategy 2026–2028), основная цель

которой заключается в трансформации системы управления образовательной политикой путем использования высококачественных, доступных и защищённых данных, выступающих как стратегический актив государственного управления. Документ предполагает не только совершенствование процессов сбора и хранения информации, а формирование целостной цифровой экосистемы данных об образовании, которые становятся главным инструментом при разработке и оценке государственной политики [4].

Дидактический подход направлен на модернизацию средств обучения за счёт применения цифровых технологий. Традиционные учебники дополняются или заменяются электронными аналогами, разрабатываются специализированные обучающие приложения, внедряются виртуальные лаборатории и симуляторы. В Южной Корее принята концепция «Персонализированное образование для всех», в соответствии с которой в 2023 году был предложен План внедрения цифровых учебников с использованием ИИ в систему школьного образования. Считается, что традиционное обучение не способно обеспечить полноценный индивидуальный подход к каждому ученику, тогда как ИИ-технологии открывают для этого новые возможности. Предлагается внедрение цифровых учебников с использованием ИИ для всех классов, кроме начальных, и по всем школьным предметам, за исключением творческих и нравственных (музыка, искусство, физическая культура, этика). Цифровые учебники должны иметь следующий функционал: для ученика – диагностика и анализ обучения, рекомендация оптимального контента, ИИ-тьютор; для учителя – ИИ-ассистент для проектирования уроков и управления учебным процессом на основе данных; для родителей и учителя – информационные панели (дашборды) с визуализацией прогресса, успеваемости и интересов ученика. Предполагается, что использование данных учебников позволит освободить время учителей для творческой работы, сократить образовательное неравенство и снизить расходы семей на частное репетиторство [5].

Этический подход нацелен на создание безопасной цифровой среды в образовании. В его рамках внедряются системы кибербезопасности, фильтрации нежелательного контента и защиты персональных данных, разрабатываются кодексы применения искусственного интеллекта. В Сингапуре осуществляется работа в области цифровизации образования в соответствии с Генеральным планом «Преобразование образования с помощью технологий» до 2030 года («Transforming Education through Technology» Masterplan 2030), одним из направлений которого является усиление кибербезопасности для обеспечения безопасного взаимодействия обучающихся с технологиями [6].

Таким образом, на основе изучения стратегий, программ, планов цифровизации образования различных государств нами были выделены пять подходов к проведению образовательной политики, комплексное использование которых создаёт основу для перехода от фрагментарных решений к последовательной политике, ориентированной на устойчивое развитие национальных систем образования в цифровую эпоху.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. A Estratégia Nacional de Escolas Conectadas (Enec) // Ministério da Educação. – URL: https://www.gov.br/mec/pt-br/escolas-conectadas (дата обращения: 27.03.2026).

2. Plan de Digitalización y Competencias Digitales del Sistema Educativo (Plan #DigEdu) // Ministerio de Educación y Formación Profesional de España. – URL: https://intef.es/Noticias/plan-de-digitalizacion-y-competencias-digitales-del-sistema-educativo-plan-digedu/ (дата обращения: 27.03.2026).

3. Strategi for digital kompetanse og infrastruktur i barnehage og skole 2023-2030 // Kunnskapsdepartementet. – URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/3fc31c3d9df14cc4a91db85d3421501e/no/pdfs/strategi-for-digital-kompetanse-og-infrastruktur.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

4. Data Strategy 2026–2028 // Australian Government Department of Education. – URL: https://www.education.gov.au/download/19861/data-strategy-2026-2028/43090/document/pdf (дата обращения: 26.03.2026).

5. AI 디지털교과서 추진방안(안) // 교육부. – URL: https://mathpowergen.com/wp-content/uploads/2024/12/AI-

%EB%94%94%EC%A7%80%ED%84%B8%EA%B5%90%EA%B3%BC%EC%84%9C-%EC%B6%94%EC%A7%84-%EB%B0%A9%EC%95%88.pdf (дата обращения: 06.04.2026).

6. «Transforming Education through Technology» Masterplan 2030 // Ministry of Education Singapore. – URL: https://www.moe.gov.sg/education-in-sg/educational-technology-journey/edtech-masterplan (дата обращения: 31.03.2026).

УДК [321.01+316.658.4:077]-0.49.5(476)

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ МОДЕЛИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Ревенко В. В.
старший научный сотрудник Центра политологии
Института социологии НАН Беларуси
кандидат политических наук
г. Минск, Беларусь

Современная политическая обстановка в евразийском регионе и Республике Беларусь, в частности, заставляет страны обращаться к вопросу сохранения традиционных ценностей, исторической памяти и правды, культурного наследия и самоидентичности. Все эти константы ложатся в основу идеологии в классическом ее понимании. Основная угроза этим константам находится в плоскости глобального противостояния западной (англо-саксонской) и восточной модели восприятия мира. Особо стоит выделить попытки героизации нацизма, трансформацию традиционного понимания института семьи, гендерной принадлежности, религиозных ценностей.

Коллективный Запад посредством инструментов «мягкой» и «жесткой силы» стремится подчинить себе государства, реализующие собственный уникальный путь развития модели государственности. Основными механизмами реализации данных действий являются информационное воздействие на эти государства и общество внутри них, а также экономическое, политическое и военное давление, что теоретически может привести к нарушению общественно-политической устойчивости. Подобные механизмы успешно реализованы в отношении Украины, Молдавии, Грузии и практически достигли успеха в Иране в 2026 году.

Сегодня данному давлению подвергается и Республика Беларусь: наращивание контингента НАТО у западных границ Беларуси, введение экономических санкций в отношении белорусских компаний, политическое давление на международной арене. Особо стоит выделить кратно возросшее давление и вмешательство в информационную сферу Республики Беларусь с целью подрыва основ белорусской государственности в период выборов Президента Беларуси в 2020-ом году, когда коллективный Запад предпринимал попытки осуществить или поддержать государственный переворот в Республике Беларусь.

Белорусское государство во главе с Президентом Александром Григорьевичем Лукашенко предприняло ряд действий по защите основ белорусской государственности и национального суверенитета. Ключевыми и фундаментальными стоит принять внесение изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, Концепцию национальной безопасности, принятие Военной доктрины Республики Беларусь и усиление мер по реализации положений Концепции информационной безопасности.

Именно воздействие на информационную среду, согласно концепции «мягкой силы», является одним из ключевых инструментов дестабилизации общественно-политической устойчивости государства (модели государственности). Некорректная или фейковая информация способна сформировать ложные мнения у населения о государстве, государственном аппарате, политических процессах и институтах, развить протестные

настроения в обществе, что и пытались осуществить деструктивные силы в Республике Беларусь. Данная деятельность традиционно направлена в отношении молодежи как наиболее активной и сенситивной части общества, получающей информацию из интернета и мессенджеров, где более трудно контролировать информационные потоки. Сегодня именно новые медиа и их потенциальное деструктивное влияние способны нанести вред информационной безопасности государства и дестабилизировать общественно-политическую устойчивость.

Под информационной безопасностью (на основании Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [1]) понимается состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Иными словами, информационная безопасность – это состояние информационной сферы государства, что представляется как область деятельности, связанная с созданием, преобразованием, передачей, использованием, хранением информации, оказывающей воздействие в том числе на индивидуальное и общественное сознание и собственно информацию.

Согласно источнику, можно сделать вывод, что информационная безопасность включает два компонента: технический и гуманитарный.

К техническому стоит отнести вопросы технической защиты и контроля информации, ресурсов и средств. К гуманитарному стоит отнести вопросы информационного и психологического воздействия на общество. Деструктивное информационное воздействие на общество с описанными выше гуманитарными направлениями воздействия способно подорвать идеологию государства, которая выстраивалась годами в целях обеспечения общественно-политической устойчивости модели государственности.

Гуманитарный аспект информационный безопасности, в свою очередь, видится актуальным разделить на информационную безопасность для государства и его институтов, для государственной власти, для имиджа государства, для общества (его взглядов, ценностей и др. – идеологию).

В источнике «Современный словарь по политологии» под редакцией Мельника В. А. [2, с. 106] идеология трактуется как относительно систематизированная совокупность идей, ценностей и представлений, в которых различные группы людей осознают свое место в социальной действительности, свое отношение к ней, свои интересы и устремления и пути их реализации.

Фактически, единую идеологию можно рассматривать как ключевой фактор обеспечения стабильности в обществе, его гармоничного взаимодействие с институтами власти, что прямо влияет на общественно-политическую устойчивость всего государства. В Республике Беларусь идеология основана, в первую очередь, на исторической памяти, уникальности курса развития и исторического становления модели белорусской государственности, патриотизме и традиционных ценностях. Именно эти константы идеологии белорусского государства подвергаются наибольшей опасности в процессе информационного воздействия извне на нашу страну.

На основании вышеизложенного представляется актуальным в гуманитарном аспекте информационной безопасности выделить идеологическую безопасность и дать ей следующее авторское определение: «идеологическая безопасность» – это состояние всесторонней защищенности относительно систематизированной совокупности идей, ценностей и представлений в обществе, сформированных в интересах поддержания общественно-политической устойчивости государства.

Под всесторонней защищенностью понимается защита от посягательств на информационный суверенитет Республики Беларусь, защита от деструктивного информационного влияния извне, контроль естественных процесов в государстве, связанных со сменой поколений и психолого-педагогическими особенностями современной молодежи.

Для обеспечения и укрепления идеологической безопасности белорусского государства необходим комплекс взаимосвязанных мер, среди которых:

усиление идеологической работы и поиск новых форм данной работы с молодежью;

вовлечение в идеологическую работу с молодежью института семьи;

усиление контроля в информационном пространстве за информационными потоками извне;

усиление контрпропаганды;

продвижение посредством «умной силы» компонентов идеологии модели белорусской государственности за пределы Республики Беларусь, иными словами, осуществлять информационное воздействие вовне;

основой для реализации комплекса мер по усилению идеологической безопасности белорусского государства может стать один из наиболее значимых для страны документов в области идеологии и национально-государственного становления – Директива Президента Республики Беларусь № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» [3].

В итоге стоит констатировать, что вопрос идеологической безопасности в Республике Беларусь является актуальным и требующим усиления мер по его решению. Идеологическую безопасность стоит рассматривать как полноценный и ключевой компонент информационной безопасности, влияющий на сохранение общественно-политической устойчивости модели белорусской государственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Сов. беза. Республики Беларусь 18 марта 2019 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001 (дата обращения: 13.06.2026).

2. Мельник, В. А. Современный словарь по политологии / В. А. Мельник. – Мн. : Кн. дом, 2004. – 638 с.

3. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02500012 (дата обращения: 17.06.2026).

УДК 316.6

РЕШЕНИЯ ПО ВЫХОДУ ИЗ РЕФЛЕКСИИ: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И РОЛЬ «ДЕЛА-ЯКОРЯ»

Резникова М. С.
член клуба независимых исследовательниц Ливре Леди
на базе издательства «Ливрезон»
г. Зеленоград, Россия

«Между знанием и навыком иногда лежит жизнь», – справедливо заметил патентовед И. Л. Викентьев. Именно этот разрыв мы стремимся сократить: наша исследовательская задача – не просто описать психофизиологические механизмы, а создать инструмент, позволяющий женщинам быстро переводить теоретическое знание в практический навык саморегуляции.

Согласно данным аналитического центра НАФИ, около трети россиян обращались к психологу, причем лидирующие причины – депрессия, тревога и проблемы с самооценкой. Анализ поисковых запросов показывает, что за этими проблемами часто стоит паттерн зацикленности на переживаниях, мешающий продуктивной деятельности. В ходе практической работы с женщинами было замечено, что многие из них не достигают желаемых результатов не из-за отсутствия компетенций, а из-за внутреннего барьера – рефлексии, самокопания, обесценивания собственных достижений. Это наблюдение легло в основу исследовательского вопроса: что мешает женщинам действовать и заявлять о своих результатах, и существуют ли решения, позволяющие преодолеть этот барьер?

Для ответа на этот вопрос мы обратились к исследованию биографий и интервью женщин, добившихся значимых результатов. Эмпирическая база – 68 биографий и интервью женщин в науке, бизнесе и искусстве. Эмпирическим методом выделены 19 случаев, содержащих описание выхода из рефлексии, которые легли в основу типологии. Анализ позволил выделить три группы решений: «Используй эмоции», «Переключайся на действия», «Готовься заранее».

Группа решений 1: Используй эмоции. В основе лежит механизм переключения доминанты мозга через сильный эмоциональный стимул. Профи (Н. Бехтерева) используют музыку для создания «праведной ярости», что напоминает «экспериментальный невроз» по И. П. Павлову – столкновение возбуждения и торможения, переключающее мозг в режим действия [1, с. 34; 9, с. 303; 10]. У Бехтеревой дело (выживание и работа в блокадном Ленинграде) служило якорем, не дававшим уйти в рефлексию. Ремесленники (Айн Рэнд) используют грубую смену фона через эстетику и игру – это работает через эффект референтного уровня (закон Вебера–Фехнера) [5, с. 127–130; 6]. Инфлюенсеры (С. Сурганова) применяют социальную буферизацию стресса – присутствие «своего» снижает уровень кортизола через повышение окситоцина [13, с. 29–41; 11]. Эмоция перестаёт быть тормозом и становится ресурсом для действия. Однако, когда у человека было дело (как у Бехтеревой), возврат к продуктивной деятельности происходил быстрее и осмысленнее.

Группа решений 2: Переключайся на действия. Основана на ресурсном дефиците внимания: сложная деятельность загружает префронтальную кору, оставляя мало ресурсов для тревожного прокручивания. Профи (Ада Лавлейс) используют математику для дисциплинирования мышления – механизм ресурсного вытеснения (Norman & Bobrow, 1975) [8, с. 54–55; 7]. У Лавлейс дело (научные занятия) было навязано матерью, но именно оно сформировало стержень, вытеснявший бесплодные фантазии. Ремесленники (Мэри Кэй Эш) трансформируют рефлексию в продукт – сублимация [4, с. 73–75]. Инфлюенсеры (Вивьен Ли) используют письма обидчику (без отправки) – экспрессивное письмо, снижающее маркеры стресса [3, с. 15–22; 12]. Действие вытесняет рефлексию. Однако если у Мэри Кэй Эш это привело к созданию бизнеса (дело), то у Вивьен Ли осталось инструментом самопомощи без выхода в социально значимый продукт.

Группа решений 3: Готовься заранее. Основана на проактивном формировании рефлекторных связей: если знаешь, что стрессовая ситуация повторится, можно подготовить ритуал или алгоритм. Профи (С. Ковалевская) используют имитацию послушания с параллельной внутренней работой – это позволяет сохранить энергию для дела [2, с. 30–32]. Ремесленники (методики МЧС) отрабатывают ритуалы волевой мобилизации: самоприказы, дыхательные техники. Это формирует рефлекторную связь между ритуалом и готовностью. Инфлюенсеры используют разговор с собой – суррогат поддержки. Повторяющиеся стрессовые ситуации требуют заранее подготовленных автоматизмов. Наличие дела (у Ковалевской – наука, у спасателей – спасение жизней) делает подготовку системной, тогда как у инфлюенсера она остаётся средством снятия острого дискомфорта.

Выводы

Исследование подтвердило, что рефлексия является ключевым барьером, мешающим женщинам достигать результатов и заявлять о них. Вместо конкретных шагов к успеху многие склонны к самокопанию и обесцениванию.

Выявлены три типа универсальных психофизиологических механизмов выхода из рефлексии: использование эмоций (переключение доминанты, смена фона, социальная буферизация); переключение на действия (ресурсное вытеснение, сублимация, экспрессивное письмо); проактивная подготовка (ритуалы, рефлексы, автоматизмы). Эти механизмы опираются на эффекты, подтверждённые в нейробиологии и клинической психологии, что делает их универсальными и доступными каждому.

Сформулирована гипотеза о роли «дела-якоря»: наличие значимой цели не обязательно для применения механизмов, но значительно усиливает их эффективность. Дело задаёт направление, обеспечивает регулярную тренировку механизмов и мотивирует терпеть

дискомфорт. В примерах учёных (Бехтерева, Лавлейс, Ковалевская) дело служило стержнем, не дававшим рефлексии стать самоцелью. У инфлюенсеров и обычных людей те же механизмы оставались средствами самопомощи без выхода в дело, что снижало их долгосрочную эффективность.

Рефлексия перестаёт быть проблемой, когда человек знает, какой психофизиологический рычаг задействовать, и имеет навык его применения. Максимальная эффективность достигается, когда механизмы работают в контексте значимого дела. Дальнейшее исследование предполагает проверку гипотезы на более широкой выборке и разработку практических рекомендаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. – М. : АСТ, 2020. – С. 34.
2. Ковалевская С. В. Воспоминания. – М. : Наука, 1974. – С. 30–32.
3. Ли В. Жизнь, рассказанная ею самой. – М. : Яуза-пресс, 2012. – С. 15–22.
4. Оленцова Н. Женщины, изменившие мир. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – С. 73–75.
5. Никифорова Л., Кизилов М. Айн Рэнд (ЖЗЛ). – М. : Молодая гвардия, 2020. – С. 127–130.
6. Fechner G.T. Elemente der Psychophysik. – Leipzig, 1860.
7. Norman D.A., Bobrow D.G. // Cognitive Psychology. – 1975. – Vol. 7, No. 1. – P. 44–64.
8. Ушаков И. Прекрасные ученые… – San Diego, 2011. – С. 54–55.
9. Павлов И.П. Полн. собр. соч. – 2-е изд. – М.; Л. : АН СССР, 1951. – Т. 3, кн. 2. – С. 303.
10. Павлов И.П. О типах ВНД и экспериментальных неврозах. – М. : Медгиз, 1954. – С. 13–21.
11. Heinrichs M. et al. // Biol. Psychiatry. – 2003. – Vol. 54. – P. 1389–1398.
12. Pennebaker J.W. Opening Up: The Healing Power… – N.Y. : Guilford Press, 1997.
13. Сурганова С. Всё сначала! – М.: Эксмо, 2020. – С. 29–41.

УДК 316.35

ПРАКТИКИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Реут В. Г.
заведующая кафедрой психологии и конфликтологии Филиала РГСУ
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Вовлеченность современной молодежи в социально значимую деятельность становится все более актуальной темой, вызывающей интерес в современном белорусском обществе. Важность данной проблематики обусловлена высокой потребностью социума в социальной активности молодых граждан для повышения уровня гражданской социализации и конструктивной созидательности.

Трансформационные изменения институтов образования, а именно возрастание их воспитательных и идеологических функций, способствует расширению пространства формирования социальных практик молодежи в учреждениях высшего образования. В трудах российских и белорусских ученых-социологов и психологов уже несколько десятилетий подчеркивается, что студенчество выступает особой социальной группой, обладающей высоким потенциалом социальной инициативности. При этом акцент делается на процессах социальной вовлеченности как механизме интеграции личности в систему общественных отношений. Белорусская школа социологии указывает на функциональность и конструктивность социальной активности молодежи в решении социально важных проблем и противоречий, а также в развитии и укреплении ключевых ценностей и норм. И здесь важным моментом также следует считать противопоставление созидательной активности молодежи пассивности и деструктивным формам поведения [1].

Профессор социологии С. А. Шавель рассматривает вовлеченность как процесс поэтапного включения личности в социальную деятельность, зависящий от уровня институциональной поддержки и групповой идентификации. Как отмечает С. А. Шавель: «У каждого человека своя матрица ожиданий, в ней есть достаточно устойчивая часть, связанная с высшими ценностями, такими как справедливость, социальный порядок, достоинство человека, патриотизм, толерантность, истина, красота, вера и др.; а также более подвижная часть, изменяющаяся по мере роста возможностей, перемены условий и новых личных обстоятельств. Но когда рассматриваются общественно значимые ожидания, то имеется в виду состояние общественного сознания, определяющее не просто желательное, но и "должное" в общественной жизни с точки зрения логики развития, имеющихся возможностей и перспектив укрепления целостности и стабильности социума» [2]. Синхронность этих диспозиций составляет конструктивное взаимодействие в процессе вовлеченности в социально значимую деятельность.

Российская школа социологии идет по пути выявления созидательной активности молодежи как ресурса формирования новой социальной архитектуры с системообразующим компонентом – самоопределением молодого человека как творца, новатора, идеолога, технолога современной реальности. На неопределенность понятия «молодежь» ученые-социологи и социальные психологи обращают особое внимание. «Молодежь, – отмечает профессор И.М. Ильинский, – это не организация. В «молодежь» не вступают и не принимают специально. «Молодежью» становятся, хотя неясно когда: единых, четких, всеми принятых нижней и верхней возрастных границ понятия «молодежь» не существует. Социальный статус молодежь приобретает именно тогда, когда она включается в социальные процессы, связанные с постановкой целей, отбором ресурсов для их реализации, установления связей и отношений с различными социальными группами, разработкой критериев оценки эффективности собственной деятельности (рефлексией)» [3].

Весьма убедительна с точки зрения социального поведения молодежи диспозиционная теория, разработанная российским социологом академиком В.А. Ядовым еще в 80-х годах прошлого века [4]. Так, согласно этой теории, социальная активность личности зависит от уровня ее установок (потребностей и социальных условий, они же «диспозиции»): чем выше уровень социальных установок, тем сильнее эти установки определяют направленность социального поведения личности, и, следовательно, степень ее вовлеченности в социальную жизнь. Простые (элементарные) установки способствуют возникновению привычных (автоматических) реакций на повседневные ситуации (например, человек при встрече автоматически здоровается). Следующий уровень установок – социальные установки (поведенческие) – формирует отношение к людям и обществу (человек убежден, что образование важно, поэтому он уважителен и вежлив по отношению к педагогам и обучающимся); за социальными установками следуют базовые социальные установки, которые формируют ценностные ориентации (для человека важна честность и порядочность, и он не обманывает сам и ценит тех, кто честен и порядочен), и, наконец, высший уровень диспозиций – ценности высшего порядка, которые способствуют формированию жизненных принципов и мировоззрения (человек считает своим высшим предназначением помощь другим, выбирает помогающую профессию и разворачивает всю концепцию жизнедеятельности вокруг этой цели). Таким образом, в работах российских социологов социальная активность рассматривается как форма проявления субъектности молодежи и ее участия в общественных процессах.

Для исследования особенностей и степени вовлеченности молодежи в социально значимую деятельность было проведено исследование среди молодых людей – студентов Российского государственного социального университета, филиала в г. Минске Республики Беларусь. В исследования приняли участие студенты старших курсов бакалавриата (3 и 4 курс), имеющие опыт вовлеченности в социальные проекты, организуемые в Филиале, было опрошено 195 человека (каждая группа третьего и четвертого курсов очной формы обучения

направлений подготовки «Социальная работа», «Психология», «Юриспруденция», «Менеджмент»).

В рамках исследования категория «социальная вовлеченность» операционализировалась через понятия: личностная вовлеченность (уровень ценностей, мотивация и личностные потребности); групповая динамика вовлеченности (поведенчесгий уровень, потребности референтной группы); институциональная вовлеченность (когнитивный уровень, возможности университета); деятельностный уровень (практики участия, социальный заказ).

Для выявления особенностей практик вовлеченности студентов в социально значимую деятельность были проведены фокус-группы, отбор респондентов в которые осуществлялся при помощи индикаторов социальной активности. В результате были сформированы группы молодежи, проявляющей разный уровень участия в социально значимых событиях и проектах: активно вовлеченные, формально вовлеченные, эпизодически вовлеченные/не вовлеченные.

В процессе фокус-групповой дискуссии были использованы показатели социальной активности, относящиеся к компонентам мотивационной структуры личности и социального взаимодействия. В ходе групповой дискуссии и интервью со студентами были определены модели практик вовлеченности в социальные проекты, благотворительные акции, экологические, инклюзивные мероприятия и другие виды социально значимой деятельности. В результате удалось обосновать источники и направленность социально активного поведения молодежи, которые позволили выделить следующие устойчивые модели практик вовлеченности в социально значимую деятельность.

Модель гражданской идентичности. Молодежь обосновывает свое участие в социально (профессионально, политически) значимой деятельности как внутреннюю личностную необходимость, гражданский долг. Для молодых людей являются абсолютами помощь, ответственность и стремление повышать качество жизни в целом. Нарративами данной модели выступают суждения: «я делаю реально что-то полезное, не для портфолио, и не для резюме», «мне важно помогать людям», «это мой долг».

Модель социальной солидарности, которая детерминируется ценностями партнерства, сотрудничества, доверия, справедливости и договора. Нарративы в рамках фокус-группой дискуссии выступили «для меня очень важным является то, что я помогаю людям», «если идет большинство, то я тоже участвую», «это важно для профессионального развития и одобрения окружением моего поведения».

Модель самоопределения, в рамках которой молодежь осуществляет поиск путей применения получаемых компетенций в практике непосредственной профессиональной деятельности, коммуникации с целевыми группами; это маршрут, который прокладывается для исполнения социальных и профессиональных ролей. Нарративы такого маршрута «Я убеждаюсь в правильности выбранного профессионального пути», «Я формирую полезные социальные связи и отношения», «Я тренирую свою инициативность, лидерские качества».

Модель личностного развития. Включенность в социально значимые практики в рамках данной модели способствует развитию навыков работы в команде, формирования ответственности за принимаемые решения и эффективному самоуправлению. В данной модели социальная активность трансформируется в саморазвитие. Нарративы участников фокус-групп, определяющих основными мотивами социальной активности готовность к личностному росту: «совместно достигаемые цели всегда эффективны», «коллективная деятельность формирует уверенность в себе», «корпоративные ценности являются звеньями цепи личностного роста».

Модель социального развития. Данная модель демонстрирует сформированные у молодежи убеждения в том, что любая инициатива приводит к значительным позитивным изменениям в жизни общества. Глобальные проблемы современности подлежат разрешению и вклад человека очевиден: развитие местного сообщества, защита окружающей среды, следование здоровому образу жизни или деятельность в инклюзивном обществе, – все это определяет личность современного человека. Нарративы в рамках данной модели:

«Я способен влиять на социальные процессы», «Я могу создавать условия для развития общества», «Моя деятельность принесет ощутимые результаты».

Итак, вовлеченность молодежи в социально значимую деятельность – это многокомпонентное системное явление, зависящее от личностных, социокультурных, технологических, коммуникативных аспектов развития современного общества. Фокус-групповое исследование студенческой молодежи на примере Филиала РГСУ в г. Минске свидетельствует о вариативности жизненных и профессиональных стратегий молодых людей, указывая на инвариантную часть стратегий – потребность в социально-личностном развитии через практики социального взаимодействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Социология детства и молодежи: учебно-методический комплекс / С. Н. Лихачева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – 156 с.

2. Шавель, С. А. Согласованность взаимных ожиданий как закон целостности и стабильности социума // Социологический альманах. Выпуск 11 – 2020 – С. 76–90.

3. Ильинский, И. М., Луков, В. А. О стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. – № 1. – URL: http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/6 (дата обращения: 07.07.2026.

4. Ядов, В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. /В. А. Ядов – М. : ЦСПиМ, 2013. – 376 с.

УДК 316.334.3:061.2

ИНСТИТУТ ВОЛОНТЁРСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Римашевская Т. В.
студент СЭФ БГЭУ
г. Минск, Беларусь

В современных условиях развития белорусского общества особую актуальность приобретает исследование институтов, способствующих укреплению гражданской идентичности, социальной солидарности и политической культуры. Одним из таких институтов является волонтёрство, которое в последние годы существенно расширило сферу своего действия и перестало рассматриваться исключительно как форма благотворительной деятельности. Волонтерство становится механизмом общественного участия, формирования гражданской ответственности и взаимодействия личности, общества и государства. В этой связи следует рассматривать институт волонтёрства как один из элементов современной политической культуры Республики Беларусь.

В политической науке политическая культура определяется как совокупность политических знаний, ценностей, норм, ориентаций и моделей поведения, определяющих отношение личности к политической системе и степень её участия в общественно-политической жизни. Классическое понимание политической культуры было сформулировано Г. Алмондом и С. Вербой, которые рассматривали её как систему субъективных ориентаций граждан по отношению к политическим институтам и политическим процессам, определяющую характер функционирования демократических институтов и политического участия населения [1, с. 30]. В белорусской политологической литературе политическая культура также рассматривается как важнейшая составляющая политической системы общества, отражающая уровень политического сознания, политического поведения и степень включённости граждан в общественную жизнь [2].

Политическая культура проявляется не только через участие граждан в выборах или деятельности политических партий, но и посредством различных форм общественной активности. Одной из них является волонтёрская деятельность, способствующая

политической социализации личности, формированию активной гражданской позиции и культуры участия.

Конституция Республики Беларусь закрепляет человека, его права, свободы и гарантии их реализации в качестве высшей ценности общества и государства, а также гарантирует гражданам право участвовать в решении государственных и общественных дел в предусмотренных законом формах [3]. Реализация данных конституционных положений возможна посредством различных форм гражданской активности, среди которых волонтерская деятельность занимает особое место.

Одним из ключевых субъектов формирования волонтёрского движения в Беларуси выступает система образования. Волонтёрские центры учреждений высшего образования создают условия для вовлечения студентов в общественно полезную деятельность, способствуя развитию у них гражданской ответственности, инициативности и патриотизма. Добровольческая деятельность рассматривается как эффективный инструмент воспитательной работы [4, с. 169–172].

Волонтёрская деятельность является эффективным механизмом политической социализации молодёжи, обеспечивая её участие в решении общественно значимых задач и формируя понимание роли государства и институтов гражданского общества.

Современное развитие института волонтёрства в Беларуси характеризуется его постепенной институционализацией. Добровольческая деятельность становится объектом государственной поддержки и всё активнее интегрируется в систему реализации молодёжной, образовательной и социальной политики. Наиболее показательным примером является инициатива Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь по законодательному закреплению института электорального волонтёрства. Создание корпуса электоральных волонтёров при участии Белорусского республиканского союза молодёжи, Молодёжного совета при Центральной избирательной комиссии и Молодёжного парламента свидетельствует о формировании новых механизмов вовлечения молодёжи в общественно-политические процессы. Законодательное закрепление института электорального волонтёрства свидетельствует о возрастающей роли волонтеров в политической жизни современной Беларуси и её интеграции в систему взаимодействия государства и общества [5].

Вместе с тем развитие института волонтёрства не ограничивается участием граждан в общественно-политических инициативах. Значительный потенциал добровольческой деятельности проявляется в процессе формирования социальной ответственности и развития локальных сообществ. Современный город выступает основным пространством реализации волонтёрских проектов, объединяя необходимые организационные, кадровые и инфраструктурные ресурсы. Наиболее востребованными направлениями добровольческой деятельности в Беларуси являются социальное, экологическое и зооволонтёрство, что отражает актуальные общественные потребности и ценностные ориентиры населения [6, с. 286–287].

Социальное волонтёрство ориентировано на оказание помощи детям, пожилым гражданам, лицам с инвалидностью, людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Экологическое направление связано с благоустройством территорий, озеленением населённых пунктов, экологическим просвещением населения, участием в мероприятиях по сохранению окружающей среды и формированием экологической культуры. Зооволонтёрство направлено на защиту животных, развитие гуманного отношения к окружающему миру и поддержку деятельности государственных и общественных организаций, осуществляющих работу с безнадзорными животными. Несмотря на различие сфер деятельности, все перечисленные направления объединяет их общественная направленность и добровольный характер участия граждан [6, с. 287–289].

Включение граждан в подобные общественные практики способствует формированию культуры участия, основанной на доверии, взаимной ответственности и готовности к сотрудничеству. Волонтёрская деятельность позволяет человеку осознать собственную сопричастность к развитию государства и общества, приобрести опыт коллективного решения

социальных проблем, а также реализовать свой гражданский потенциал. В результате добровольчество становится важным механизмом укрепления общественной солидарности и повышения уровня политической культуры населения.

Следует отметить, что развитие института волонтёрства тесно связано с развитием гражданского общества. Волонтерские объединения выступают формой самоорганизации граждан, создавая условия для реализации общественных инициатив. Подобная модель позволяет обеспечить организационную устойчивость волонтёрского движения, расширить масштабы его деятельности и повысить эффективность реализации общественно значимых проектов.

Институт волонтёрства накапливает разнообразные гражданские инициативы, способствует развитию социальной активности различных возрастных групп населения и формированию культуры взаимопомощи. При этом дальнейшее развитие волонтерского движения предполагает совершенствование информационной поддержки волонтёрских проектов, повышение общественного авторитета деятельности волонтеров, распространение успешных волонтёрских практик и развитие культуры волонтерства как системы общественно значимых ценностей [7, с. 330–332].

Таким образом, институт волонтёрства в современной Беларуси постепенно приобретает значение одного из элементов политической культуры, обеспечивающего взаимосвязь государства, гражданского общества и личности. Такая деятельность способствует политической социализации молодёжи, формированию гражданской ответственности, развитию патриотизма, укреплению общественной солидарности и расширению практик конструктивного общественного участия. В перспективе дальнейшее развитие института волонтёрства будет способствовать укреплению политической культуры белорусского общества, повышению уровня гражданской активности населения и развитию эффективного взаимодействия государства и общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алмонд, Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба. – М. : Мысль, 2014.

2. Мельник, В. А. Современный словарь по политологии / В. А. Мельник. – Минск : Книжный Дом, 2004. – 638 с.

3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (дата обращения: 15.07.2026).

4. Похомова, А. А. Молодежное волонтерство в системе воспитательной работы учреждений высшего образования Республики Беларусь / А. А. Похомова // Современное социально-гуманитарное образование: проблемы и перспективы : сборник материалов XXI научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, 29 марта 2024 г., Минск / БГУ, Фак. философии и социальных наук ; [редкол.: Н. В. Курилович (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 169–172. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/312040 (дата обращения: 15.07.2026).

5. Понятие «электоральное волонтерство» могут закрепить в избирательном законодательстве // БЕЛТА. – 16.10.2024. – URL: https://belta.by/ (дата обращения: 15.07.2026).

6. Похомова, А. А. Волонтерство как способ освоения городской среды / А. А. Похомова // Современная урбанистика: устойчивое развитие городов в условиях цифровой трансформации : сборник статей Международной научно-практической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, 21 ноября 2025 г. / БГУ, Фак. философии и социальных наук ; [редкол.: В. С. Сайганова (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – С. 287–290. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/343388 (дата обращения: 15.07.2026).

7. Махнач, С. А. Волонтерство как институт гражданского общества / С. А. Махнач ; науч. рук. А. С. Геворгян // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества (Мир в постковидную эпоху: от разобщенности к единству) : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Минск, 15–16 декабря 2021 г. / Белорусский государственный экономический университет, Институт социально-гуманитарного образования,

кафедра политологии ; [редакционная коллегия: Н. Ю. Веремеев (гл. ред.) и др.]. – Минск : Колорград, 2021. – С. 329–332. – URL: http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/91794 (дата обращения: 15.07.2026).

УДК 316.4.06

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ УСЛОВИЙ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ АДАПТАЦИЮ МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ

Родачев В. А.
аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета
г. Пермь, Россия

Одним из приоритетных направлений развития системы общего образования является привлечение молодых учителей и сокращение среднего возраста педагогических кадров. Указанная цель относится не только к формальным показателям воспроизводства кадров, но и к обеспечению доступности качественного образования. Оптимизация кадровой структуры образования, как показывает мировой опыт [1], оказывает большее влияние на качество образования, чем все остальные организационно-педагогические меры. Однако, несмотря на целый ряд мер государственной поддержки, российская система общего образования продолжает характеризоваться увеличением среднего возраста педагогических работников, выбытием молодых кадров [2], а также высоким уровнем неоднородности данных показателей, что предполагает переход от данных официальной ведомственной статистики к анализу опыта отдельных образовательных организаций. Данная работа посвящена описанию влияния организационных условий на привлечение и адаптацию молодых учителей.

В научной литературе выделяется устойчивое направление, связанное с анализом организационно-управленческих мероприятий по профессиональной адаптации молодых специалистов. Исследователями рассматриваются такие показатели как наличие и эффективность наставничества [3, с. 16], использование мер поддержки, закрепление кадров [4], а также анализ нагрузки начинающих сотрудников [5]. Однако практика показывает, что перечисленные показатели имеют специфические проявления в адаптации учителей как уникальной профессиональной группы. Например, готовность администрации школы к трудоустройству молодых специалистов зависит от статуса организации [6, с. 80].

В качестве эмпирической базы использованы несколько групп источников, охватывающих молодых учителей общеобразовательных организаций Пермского края: 24 глубинных интервью (отбор путем сочетания методов снежного кома и максимальной вариации по критериям типа населенного пункта, профиль образования, предметная область преподавания); данные онлайн-анкетирования 298 молодых учителей (стихийная выборка с последующим взвешиванием данных по территориальному признаку, 11,9% от генеральной совокупности). В отличие от данных ведомственной статистики, в исследованиях тип населенных пунктов был разделен на три группы: школы регионального центра, другие городские школы, сельские школы в связи с ранее выявленной спецификой адаптации учителей города Перми [7].

Одной из существенных характеристик внутренней среды образовательной организации является высокий уровень возрастного разрыва. Как показали ранее проведенные исследования, более двух третей педагогического коллектива школ Пермского края имеют педагогический стаж более 20 лет [7, с. 133]. Именно с возрастным дисбалансом молодые педагоги связывают увеличение дефицита кадров: «беда с людьми, люди просто кончаются и не хотят идти в школу, <...> работают уже очень сильно пожилые люди, которые очень сильно хотят, на пенсию, просто уйти не могут» (Интервью 7: учитель физики, школа краевого центра). Связь возрастного разрыва и кадрового дефицита создает несколько эффектов для организационных условий профессиональной адаптации молодых учителей. Во-первых,

молодые учителя сталкиваются с избыточной нагрузкой в первые годы своей работы. Материалы глубинных интервью показывают, что избыточная аудиторная нагрузка воспринимается как норма: «в принципе, ну, в школах у нас это нормально, я думаю, у каждого учителя больше двух ставок» (Интервью 18: учитель начальных классов, городская школа). Схожие данные демонстрирует онлайн-анкетирование молодых учителей Пермского края: средняя аудиторная нагрузка респондентов составила 27,9 часа (при штатной ставке учителя 18 академических часов в неделю). Только 14,7% участников опроса указали размер аудиторной нагрузки, не превышающий 18 часов. Избыточная нагрузка формирует повышенные риски профессионального выгорания и увольнение молодого сотрудника («приходила и могла часами смотреть в стену, потому что у меня просто нет сил ни на что другое» (Интервью 7: учитель физики, школа краевого центра)), при этом, не приводя к пропорциональному росту оплаты труда. Во-вторых, имеющаяся аудиторная нагрузка молодых учителей может распределяться по нескольким параллелям и предметам учебного плана, что неминуемо приводит к увеличению трудозатрат на подготовку к урокам: «первый год работы, было вдвойне тяжело, вот ночами сидела постоянно, сейчас уже не так» (Интервью 12: учитель русского языка и литературы, сельская школа).

Реализация механизмов наставничества также демонстрирует затруднения в связи с выделенными выше обстоятельствами. Проведенный анализ демонстрирует, что одним из существенных барьеров наставничества является высокая аудиторная нагрузка не только адаптанта, но и опытного педагога: «ну система образования так устроена, что все учителя работают больше там двух ставок, им не до тебя» (Интервью 6: учитель математики и изобразительного искусства, школа краевого центра). Еще одной проблемой наставничества является межпоколенческий разрыв, затрудняющий взаимодействие в педагогическом коллективе. В результате, только 10,4% участников анкетирования в случае проблем готовы обращаться к наставнику, в то время как, большая часть респондентов рассчитывают получить помощь других коллег (78,9%) или самостоятельно найти нужную информацию в сети Интернет.

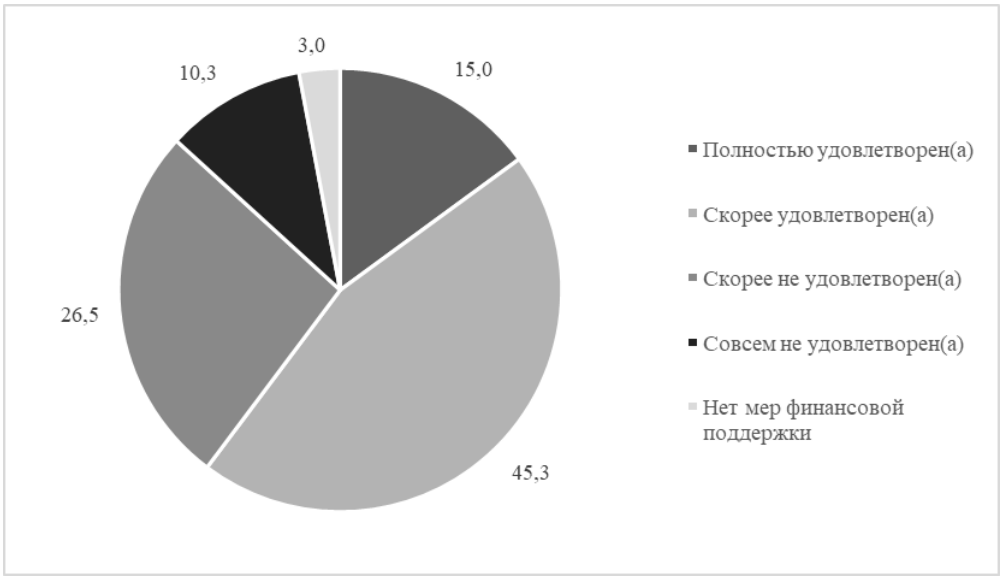

Рисунок 1. Удовлетворенность мерами финансовой и материальной поддержки

Несмотря на значительное количество федеральных, региональных и местных мер поддержки педагогов, только 15% участников онлайн-опроса полностью удовлетворены мерами финансовой и материальной поддержки. Треть участников опроса, в той или иной форме не удовлетворены оказываемой помощью. Проведенное исследование позволяет выделить несколько причин. Первая причина связана с наличием дополнительных расходов, не предполагающих компенсацию со стороны образовательной организации (на необходимость самостоятельной покупки расходных материалов указывает 41%

респондентов). Вторая причина связана с необходимостью соответствия жестким критериям тех или иных мер поддержки. Более того, информанты отмечают несоответствие масштаба поддержки и возлагаемой ответственности: «я их взял, так что сейчас третий год идёт, я как раз с ними расплачиваюсь – последний год рабства. Конечно, рабство» (Интервью 1: учитель истории и обществознания, школа краевого центра).

Проведенное исследование демонстрирует, что профессиональная адаптация молодых специалистов системы общего образования является комплексной социальной проблемой. Сложившиеся тенденции кадровой структуры школьного образования ограничивают существующие меры поддержки: например, высокая нагрузка не позволяет реализовать потенциал механизмов наставничества, оставляя молодых учителей наедине с возникающими методическими затруднениями. Необходимость компенсации кадрового дефицита приводит к комплектованию педагогических коллективов сотрудниками, несоответствующими квалификационным требованиям, что не позволяет им использовать меры государственной поддержки. Таким образом, эффективное разрешение кадровых проблем образования предполагает системное изучение социальных факторов профессиональной адаптации педагогов на разных уровнях, включая организационный.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Rivkin, S.G., Hanushek, E.A., Kain, J.F. Teachers, schools, and academic achievement // Econometrica. – 2005. – Vol. 73, No. 2. – P. 417–458.

2. Заир-Бек С.И., Мерцалова Т.А., Анчиков К.М. Кадры школьного образования: возможности и дефициты // Мониторинг экономики образования: информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований. – 2020. – № 18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2020/12/03/1354427472/release_18_2020.pdf. – Дата доступа: 12.06.2026.

3. Руденко И.В., Саркисова И.В. Наставничество как форма научно-методического сопровождения профессионального развития будущих педагогов // Научен вектор на Балканите. – 2021. – Т. 5, № 2 (12). – С. 15–20.

4. Фурсов М.А. Показатели эффективности первичной адаптации к трудовой деятельности // Гуманитарный научный журнал. – 2018. – № 1-1. – С. 147–148.

5. Bryant J., Ram S., Scott D., Williams C. K–12 teachers are quitting. What would make them stay? // McKinsey & Company – URL: https://www.mckinsey.com/industries/education/our-insights/k-12-teachers-are-quitting-what-would-make-them-stay#/. (date of access: 22.03.2024).

6. Изучение качества работы образовательных организаций с молодыми педагогами: Аналитический отчёт / рук. А. Н. Шевелев; Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования. – Санкт-Петербург, 2018. – 183 с.

7. Родачев В.А., Волегов В.С. Сравнительный анализ показателей воспроизводства педагогических кадров: кейс Пермского края // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2025. – Вып. 1. – С. 125–138.

УДК 656.2.003

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА НА ОЦЕНКУ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Ромащенко А. Г.
студент Белорусского государственного университета транспорта
г. Гомель, Беларусь

Кравченко А. В.
старший преподаватель кафедры учетные системы и технологии бизнес-менеджмента Белорусского государственного университета транспорта
г. Гомель, Беларусь

Главная задача организации труда на любом предприятии, включая объекты железнодорожной инфраструктуры, заключается в обеспечении максимально эффективного применения кадрового потенциала [6, с. 28–35]. В комплекс мероприятий по налаживанию трудовой деятельности традиционно входят отбор и обучение сотрудников, поддержание рабочих мест, совершенствование операций, внедрение систем поощрения, обеспечение безопасных условий.

Актуальность темы обусловлена тем, что на железнодорожном транспорте доля расходов на оплату труда достигает 25–35 % в структуре эксплуатационных затрат [4, с. 45–50]. Следовательно, даже незначительное повышение эффективности использования трудовых ресурсов даёт существенный экономический эффект. В Республике Беларусь уделяется большое внимание вопросам роста производительности труда. На Белорусской железной дороге (БЖД) разработаны и внедряются методики оценки эффективности использования персонала [1, с. 112–118].

Железнодорожная отрасль отличается многогранностью и высокой трудоёмкостью организации труда, что вызвано необходимостью учитывать особенности технологических регламентов [6, с. 28–30]. Базовыми принципами выступают комплексность, системность, результативность, адаптивность, научная обоснованность. Транспортный процесс базируется на единой технологической цепочке, в которую вовлечены все структурные звенья. Трудовые операции должны быть скоординированы между собой на основе графика движения составов.

В комплексе мер приоритетное внимание следует уделять анализу рабочих условий персонала, поскольку значительная часть профессиональных категорий трудится в обстановке, отклоняющейся от стандартной (табл. 1) [4, с. 60–65]. Система организации труда обязана принимать во внимание повышенные физические и психоэмоциональные перегрузки, присутствие рисков, связанных с движением транспорта.

Особого внимания заслуживает вопрос нормирования труда. На железнодорожном транспорте традиционно используются межотраслевые и отраслевые нормы времени, однако многие из них устарели [1, с. 130–135]. Поэтому одним из направлений совершенствования организации труда является актуализация нормативной базы. Уровень организации труда напрямую предопределяет результативность работы.

По поручению руководства БЖД была разработана методика исчисления производительности труда, направленная на унификацию подходов по иерархическим уровням управления (рис. 1) [1, с. 140–145]. Предлагается выполнять вычисления с использованием стоимостного измерителя (выручка от реализации). Осознавая ограниченность стоимостного подхода, авторы методики детально проработали возможность применения натуральных и условно-натуральных измерителей, которые основываются на прямом подсчёте объёмов работ в физическом выражении, что гарантирует объективность оценки [4, с. 70–75; 1, с. 150].

Для отделения дороги предлагается применять условно-натуральный показатель производительности:

$$П_{тр} = \frac{(\sum PL * k_1 + \sum AL * k_2 + P * k_3 + A * k_4)}{Ч_{пер}} \quad (1)$$

где ∑PL — эксплуатационные тонно-километры, млн; ∑AL — пассажиро-километры, млн; P — объём погрузки, тыс. тонн; A — количество перевезённых пассажиров в поездах собственного формирования, тыс.; k_1–k_4 — корректирующие коэффициенты, отражающие трудоёмкость единицы работы ($k_1 = 1$); Чпер — среднесписочная численность персонала, занятого на перевозках. Порядок расчёта коэффициентов приведения по трудоёмкости на основе форм статистической отчётности (ЦО-4, 12-т, ЦО-25) представлен в методических рекомендациях БЖД [5, с. 3–5].

Для комплексной оценки результативности применения трудовых ресурсов предприятия в целом используется интегральный индекс [2, с. 80]:

$$I_{пр} = I_n * an + I_{ивд} * a_{ивд} \quad (2)$$

где Iп, Iивд — индексы производительности по основной деятельности и прочим видам; αп, αивд — удельный вес численности работников. Аналогичный подход применим для оценки основной деятельности в разрезе производственных групп:

$$I_{пр} = I_1 * a_1 + I_2 * a_2 + \cdots + I_n * an \quad (3)$$

где I_1, I_2, In — индексы производительности по группам; α_1, α_2, αn — доля работников. Индекс производительности показывает, насколько изменился уровень производительности в отчётном периоде по сравнению с аналогичным отрезком предыдущего года [5, с. 4].

Важным внешним фактором, влияющим на эффективность использования трудовых ресурсов, является государственная политика в области производительности труда. В Республике Беларусь действует ряд программных документов, направленных на повышение эффективности работы персонала на всех уровнях экономики. На Белорусской железной дороге внедрены системы ключевых показателей эффективности (KPI) для руководителей структурных подразделений, что позволяет увязать оплату труда с конечными результатами деятельности [7]. Такой подход создаёт дополнительные стимулы для поиска внутренних резервов повышения производительности.

Кроме того, цифровая трансформация железнодорожной отрасли открывает новые возможности для совершенствования организации труда. Внедрение автоматизированных систем управления перевозками, электронного документооборота, дистанционного контроля за состоянием инфраструктуры позволяет не только повысить безопасность движения, но и оптимизировать численность персонала, занятого на рутинных операциях. При этом высвобождающиеся трудовые ресурсы могут быть перенаправлены на более сложные и творческие задачи, требующие высокой квалификации [3, с. 25–30].

В Республике Беларусь вопросам повышения производительности труда уделяется значительное внимание. На БЖД реализуются программные мероприятия, направленные на обеспечение её роста, что закреплено в отраслевых планах развития и госпрограммах цифровизации [4, с. 92]. При этом обеспечивается непрерывное обучение сотрудников [3, с. 25–30]. Опыт БЖД показывает, что наиболее эффективными инструментами являются внедрение систем дистанционного обучения, автоматизация учёта рабочего времени, развитие материального стимулирования [1, с. 165].

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Организация труда на железнодорожном транспорте имеет ярко выраженную отраслевую специфику, связанную с непрерывностью цикла и особыми условиями работы [6, с. 300–310]. Разработанная методика расчёта производительности труда, включающая три уровня управления (дорога в целом — отделения — предприятия отраслевых хозяйств), позволяет объективно оценивать эффективность использования ресурсов как на макро-, так и на микроуровне [1, с. 140–145]. Использование натуральных и условно-натуральных показателей (тонно-километры, пассажиро-километры, объём погрузки) обеспечивает более высокую

достоверность оценки по сравнению со стоимостным методом, который подвержен влиянию ценовых факторов.

Практическая апробация методики на Белорусской железной дороге подтвердила её пригодность для сравнения эффективности работы разных предприятий, выполняющих однотипные операции (при условии единых нормативов времени). Рекомендации по повышению эффективности использования трудовых ресурсов включают актуализацию устаревших норм времени с учётом внедрения новых технологий, более широкое применение систем дистанционного обучения и повышения квалификации, развитие материального стимулирования с привязкой премий к конкретным показателям (выполнение графика, отсутствие нарушений, экономия ресурсов), автоматизацию рутинных операций для высвобождения персонала на более квалифицированную работу, а также регулярный анализ условий труда и разработку мер по снижению вредного воздействия [6, с. 300–310; 3, с. 25–30; 7].

Внедрение предложенных рекомендаций наряду с использованием разработанной методики будет содействовать росту результативности использования кадровых ресурсов в подразделениях железнодорожного транспорта, снижению текучести кадров и обеспечению стабильного функционирования отрасли в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гизатуллина, В. Г. Анализ хозяйственной деятельности на железнодорожном транспорте /В. Г. Гизатуллина, Д. А. Панков, О. В. Липатова, С. Л. Шатров ; под ред. Д. А. Панкова. – Гомель : БелГУТ, 2020. – 368 с.

2. Гизатуллина, В. Г. Бухгалтерский управленческий учет на железнодорожном транспорте : учебник / В. Г. Гизатуллина, С. Л. Шатров. – Гомель : БелГУТ, 2022. – 361 с.

3. Михалкина, Е. В. Управление человеческими ресурсами организации / Е. В. Михалкина. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2013. – 428 с.

4. Соколов, Ю. И. Экономика железнодорожного транспорта: вводный курс : учебник / Ю. И. Соколов. – М . : ИНФРА-М, 2023. – 518 с.

5. Приказ Белорусской железной дороги № 286Н от 17.12.2003 «О расчёте производительности труда на Белорусской железной дороге». – 5 с.

6. Шкурина, Л. В. Экономика труда и система управления трудовыми ресурсами на железных дорогах / Л. В. Шкурина [и др.]. – М. : УМЦ по образованию на ж.-д. трансп., 2015. – 352 с.

7. Официальный сайт АНО «Федеральный центр компетенций в сфере производительности труда». – URL: https://производительность.рф (дата обращения: 22.05.2026).

УДК 316.7:130.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУР

Румянцева Т. Г.
профессор БГУ
доктор философских наук, профессор
г. Минск, Беларусь

Под культурой, особенно если характеризовать ее в социологической перспективе, мы понимаем не только совокупность идей, ценностей и символов; она представляет собой своего рода механизм, благодаря которому осуществляется организация социальной жизни, обеспечивается передача опыта между поколениями, формируются те или иные модели поведения и поддерживается социальная целостность. Для анализа культуры важно выявить не только конкретные нормы и ценности того или иного конкретного общества, но и обозначить наиболее устойчивые смысловые основания, которые лежат в основе различных

культурных систем. Поэтому анализ культуры целесообразнее всего осуществлять с помощью понятия социокультурных универсалий.

Согласно академику В. С. Степину, под социокультурными или мировоззренческими универсалиями мы понимаем предельно общие категории культуры, через которые человек воспринимает мир и организует свою деятельность. Он пишет: « Это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» [1, т. 2, с. 343]. Обладая относительной устойчивостью и обеспечивая преемственность культурного развития, социокультурные универсалии, тем не менее, могут существенно изменяться под влиянием новых исторических условий, социальных изменений и межкультурных взаимодействий. Поэтому к числу взаимосвязанных механизмов развития любой культуры мы относим традицию и инновацию, которые не следует рассматривать как противоположности. Понятие социокультурной универсалии включает в себя такие смысловые структуры, которые хотя и имеют общечеловеческое значение, но по-разному воплощаются в различных культурах. К числу такого рода универсалий традиционно относят представления о добре и зле, справедливости и смысле жизни, отношении человека к природе и обществу, а также стремление к познанию предельных оснований бытия. Одной из наиболее ярких форм выражения этих универсалий является философия, так как именно она формулирует вопросы, которые далеко выходят за пределы повседневности.

Универсальность философских вопросов не означает, однако того, что на них даются одни и те же ответы. Каждая культура создает и использует свой собственный язык, с помощью которого она описывает мир, общество и человека. Что касается традиции, то она отнюдь не сводится к только к тому, чтобы сохранять прошлое; для нее важно передать накопленный опыт, приспособив его в то же самое время к новым историческим условиям. Тем самым она становится механизмом культурной преемственности, обеспечивающим связь поколений и сохраняющим фундаментальные ценности. Так формируется основа для дальнейшего развития той или иной культуры.

Долгое время в европейской культуре господствовало представление о философии как исключительно рациональной форме постижения мира. Философия понималась, прежде всего, как теоретическая деятельность, направленная на создание понятийных систем, как логический анализ и как поиск универсальных истин. Так, И. Кант определял философию как критическое исследование возможностей человеческого разума и границ его применения [2, с. 1011]. Для Г. В. Ф. Гегеля она представляла собой постижение истины посредством разума, высшую форму самопознания духа эпохи. Благодаря такому подходу сформировалось классическое европейское понимание философии как рационального дискурса, которое на протяжении длительного времени фактически определяло европейскую интеллектуальную традицию. Более того, оно во многом стало своего рода критерием для оценки всех других форм мышления. Эта модель философии оказала большое влияние на дальнейшее развитие науки и культуры. Однако ее распространение на другие культурные традиции обнаружило ограниченность, так как не все формы духовного освоения мира соответствовали западному видению философского знания. Наиболее отчетливо подобный подход проявился в оценке философской мысли Востока, которая часто рассматривалась европейскими философами скорее как религиозная мудрость, но не как философия в строгом смысле этого слова.

Наиболее последовательно такую позицию выразил Гегель. Он считал, что «философия в собственном смысле начинается на Западе. Лишь на Западе восходит эта свобода самосознания» [3, т. 1, с. 146.] Восточное мышление он характеризовал как связанное с религией, образностью и отсутствием развитой рефлексии. Подобная позиция во многом отражала характерную для европейской философии XIX века европоцентристскую установку, согласно которой только европейская культура является универсальным критерием оценки всех других культурных форм.

Начиная со второй половины XX века, Европа начинает постепенно преодолевать подобную ограниченность. Так, исследование восточных традиций показывает, что различие между культурами Запада и Востока связано не с наличием или отсутствием философского мышления, а скорее с различными способами его выражения. Если западная традиция преимущественно развивала философию как теоретическое знание, то восточная культура часто понимала ее как мудрость, то есть как путь преобразования человека и практику правильной жизни [4, с. 12]. Понятие мудрости и стало тем связующим звеном, которое позволяет рассматривать различные философские традиции как ответы на одни и те же фундаментальные вопросы человеческого существования. Как Запад, так и Восток размышляют о том, что такое человек, как устроен этот мир, в чем смысл существования и т.п. Но вот пути достижения этих целей различаются. Для Востока гораздо важнее опора на внутренний опыт, духовные практики, стремление к гармонизации человека с миром, нежели только на разум.

Для восточной мысли характерно тесное единство знания и жизненной практики. Философия здесь выступает не только как теория, но и как способ преобразования личности. Это особенно заметно в индийских и китайских традициях. В буддизме, даосизме, учениях йоги философское знание связано с изменением сознания, преодолением ограниченности повседневного восприятия и достижением внутренней гармонии, отказе от жесткого противопоставления субъекта и объекта, человека и мира, материального и духовного.

Особенности восточного мышления проявляются также в том, в какой форме здесь осуществляется выражение идей. В отличие от западной традиции, ориентированной на определения и доказательства, восточные тексты часто используют символы, притчи, афоризмы и наставления. Здесь важно не только объяснение истины, но и стремление привести человека к самостоятельному ее постижению. Поэтому философия Востока может быть понята как искусство жить, как практическая мудрость.

Все эти различия между западной философией и восточной мудростью не следует рассматривать как противопоставление развитого и неразвитого мышления. Речь идет о двух специфических культурных формах реализации одной и той же универсальной человеческой потребности –понять мир и себя в этом мире.

Проведенный анализ показывает, что современная философия постепенно отказывается от представления о единственно возможной модели философствования и переходит к признанию многообразия интеллектуальных традиций. Это очень важно для развития гуманитарного знания. Сформировавшиеся в XX веке межкультурная философия и компаративистские исследования показывают, что философия не является продуктом только одной конкретной цивилизации, а представляет собой универсальный способ познания человеком мира, которое может принимать самые разные культурные формы.

Речь идет не об отказе от традиции, а о ее переосмыслении. Сохраняя свое значение, западная рациональность перестает быть единственно возможным способом познания мира. Восточные формы мышления становятся частью мирового философского наследия, способствуя возникновению новой модели философского диалога. Этот диалог основывается на признании культурного равноправия и взаимного обогащения. Именно в этом проявляется действие социокультурных универсалий: сохраняя общие смысловые основания культуры, они допускают разнообразие исторических форм их выражения, которые во многом зависят от исторического опыта и культурных традиций. Благодаря этому становится возможным выйти за пределы европоцентризма и понять, что философия является сложным и многоликим явлением мировой культуры.

Подводя итоги, отмечу, что социокультурные универсалии следует рассматривать не только как предмет философского анализа, но и как важный элемент социальной организации культуры. Их значение заключается в том, чтобы обеспечивать связь между сохранением культурных основ и способностью общества приспосабливаться к новым условиям. Они не остаются неизменными, а меняются под влиянием социальных изменений, развития коммуникаций и культурных контактов. Рассмотрение западной и восточной философских

традиций показывает, что универсальные для человечества вопросы получают различные культурные интерпретации. Сегодня взаимодействие культур становится более тесным. При этом общества стремятся сохранить свою культурную самобытность и одновременно воспринимают новые идеи и ценности. Развитие коммуникаций и информационных технологий расширяет возможности для культурного обмена. Однако традиции не исчезают: они сохраняют свою роль в культуре и приспосабливаются к новым историческим условиям. Сегодня разные культурные модели не вытесняют друг друга, а скорее активно взаимодействуют и обогащают друг друга, что особенно заметно в диалоге западной и восточной философии. Признание разнообразия культурных форм способствует развитию открытости и диалога между культурами.

Таким образом, анализ социокультурных универсалий показывает, что культуры могут сохранять свои ценности и одновременно изменяться под влиянием новых условий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Сочинения на немецком и русском языках. М.: Наука, Том 2, Часть 1. – 2006.

2. Стёпин, В. С. Культура / В. С. Стёпин // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., Мысль. – 2000-2001. – С. 341-347.

3. Гегель, Г. Лекции по истории философии / Г. В. Ф. Гегель. Санкт-Петербург, Наука, – 1993.

4. Назаров, В. И. Мудрость / В.И. Назаров // Новая философская энциклопедия в 4 томах. Том 2. М., Мысль. – 2000-2001. – С. 618.

УДК 316.354.4

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ ЮГА РОССИИ

Русия Н. Т.
доцент кафедры государственной политики и публичного управления КубГУ, кандидат политических наук
г. Краснодар, Россия

Чернова С. А.
магистрант КубГУ
г. Краснодар, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности».

Современная политика развития все в большей степени ориентируется на использование внутренних ресурсов городских и сельских сообществ. Наряду с материальными, организационными и инфраструктурными условиями все более значимую роль приобретают нематериальные ресурсы территории, обеспечивающие способность локальных сообществ к самоорганизации, совместному решению проблем и реализации проектов развития. Одним из важнейших ресурсов такого рода выступает локальная идентичность, проявляющаяся через чувство принадлежности к месту, коллективную память, устойчивые социальные связи, общие символические представления и повседневные практики взаимодействия жителей. Именно локальная идентичность создает основу для формирования доверия, воспроизводства гражданской солидарности и устойчивости территориальных сообществ в условиях социальных изменений. Такой подход соответствует результатам исследования, в рамках которого локальная идентичность рассматривается как ключевой символический ресурс,

влияющий на уровень солидарности и характер взаимодействия различных субъектов политики развития [1].

Молодежь одной из первых реагирует на изменения, происходящие в городских и сельских сообществах. Это проявляется и в миграционных установках, и в том, как оцениваются возможности самореализации, качество среды и перспективы жизни на конкретной территории. Решение остаться, уехать или вернуться после получения образования связано не только с личными обстоятельствами, но и с восприятием территории как места, где возможно профессиональное развитие, участие в общественной жизни и реализация собственных жизненных планов.

Эмпирическую основу исследования составили материалы, полученные в ходе изучения территориальных сообществ Юга России. Использованы данные анкетного опроса молодежи (N = 600), десяти фокус-групповых интервью, а также результаты исследований, посвященных жизненным стратегиям молодых жителей сельских территорий. Сопоставление различных источников позволило проследить как особенности восприятия территории отражаются в жизненных стратегиях молодежи и каким образом это связано с развитием местных сообществ.

Собранные материалы свидетельствуют, что привлекательность территории молодежь оценивает не только через возможность трудоустройства или получения образования. В обсуждениях значительно чаще звучали темы, связанные с качеством повседневной среды, социальными отношениями, ощущением безопасности и возможностью быть включенным в жизнь своего населенного пункта. Экономические условия остаются важным фактором, однако сами по себе они редко определяют жизненные планы молодых людей. Гораздо чаще в ходе опросов и фокус-групп участники исследования связывали желание жить на конкретной территории с качеством повседневой среды, возможностью поддерживать привычные социальные связи, ощущением безопасности и комфортом небольших локальных сообществ: *««У меня тоже был выбор после студенчества остаться в Краснодаре, работу предлагали. Но я очень люблю свою станицу: природу, чистый воздух… Поэтому осознанно приняла решение жить там»»* (из фокус-группы в Тимашевском районе Краснодарского края). Для части респондентов принципиальное значение имела возможность участвовать в жизни территории, влиять на происходящие изменения и видеть реальные перспективы ее развития (*«Здесь я начала и волонтерством заниматься, и в колледже помогаю в развитии…»* – из фокус-группы в Крымском районе Краснодарского края). Это позволяет говорить о том, что локальная идентичность складывается не только как эмоциональная привязанность к месту, но и как результат повседневного опыта взаимодействия с территориальным сообществом.

Жизненные стратегии молодежи показывают индивидуальные предпочтения и состояние сообществ. В населенных пунктах с высоким уровнем взаимного доверия и активным участием жителей в местных делах молодые люди чаще планируют остаться. Пример из Тихорецкого района: участники фокус-групп говорили, что соседи для них почти семья, «у нас в калитку просто заходят, человек тебе в дом заходит». В таких условиях связь с местом становится естественной. В противоположной ситуации, когда горизонтальные связи слабее и возможности повлиять на местные проблемы ограничены, ориентация на переезд возникает быстрее. Миграционные настроения здесь определяются в первую очередь качеством социальных отношений; экономические различия между территориями играют меньшую роль.

Локальная идентичность особенно заметна при реализации проектов развития. Жители оценивают изменения по двум параметрам: по содержанию проекта и по тому, насколько он вписывается в их представления о своей территории – в ее символы, повседневный уклад, историческую память. Если предлагаемые решения соответствуют этим представлениям, поддержка оказывается выше. Если же они воспринимаются как чуждые или угрожающие, возникает коллективное неприятие. В обоих случаях идентичность определяет характер взаимодействия: от сотрудничества до протестных действий. Если предлагаемые решения не противоречат этим представлениям, их чаще поддерживают, а если же они воспринимаются

как угроза сложившемуся порядку, возникает коллективное неприятие. В обоих случаях идентичность определяет характер взаимодействия жителей с властями и друг с другом – от сотрудничества до протестных действий.

Цифровые коммуникации тоже заметно влияют на жизнь сообществ. Местные чаты, группы в соцсетях, тематические каналы служат площадками для обсуждения благоустройства, экологических проблем, анонсов собраний. Через них распространяются призывы участвовать в субботниках, сборе подписей, общественных слушаниях. Регулярное общение в такой среде не только удерживает уже сложившиеся контакты, но и вовлекает новых людей – особенно тех, кто не ходит на очные встречи, но следит за новостями в телефоне.

Таким образом, молодежные стратегии позволяют увидеть не только личные планы, но и глубинные процессы в территориальных общностях, так как они фиксируют, насколько сообщество способно удерживать своих членов, какие именно факторы – доверие, общие представления, доступность информации – работают на сохранение населения, а какие толкают к оттоку. Это важно для понимания того, почему в одних поселениях проекты развития приживаются, а в других буксуют, несмотря на одинаковое финансирование. Через отношение молодых людей к месту проживания, готовность связывать с ним свое будущее и участвовать в общественной жизни проявляются состояние горизонтальных связей, уровень доверия и качество взаимодействия внутри сообщества. Поэтому анализ молодежных стратегий может использоваться при оценке потенциала солидарности и возможностей развития городских и сельских территорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мирошниченко, И. В. Нематериальные ресурсы в политике развития сельских территорий: пирамида возможностей / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова, Н. Т. Русия // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 1. – С. 101-117.

УДК 291:316.4

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ РЕЛИГИИ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Рыжов Ю. В.
доцент Передовой инженерной школы ЮФУ
доктор культурологии, доцент
г. Таганрог, Россия

Введение. Цифровизация проникает во все сферы общественной жизни, включая сферу сакрального. Религиозные институты, традиционно опиравшиеся на непосредственную общинность и ритуальную практику, сталкиваются с необходимостью пересмотра своих социальных ролей. Одновременно в обществе происходят глубинные ценностные сдвиги: религия всё чаще воспринимается как личное дело человека, не требующее обязательного институционального оформления. Согласно данным общереспубликанских мониторинговых исследований Института социологии НАН Беларуси, доля населения, ассоциирующего себя с верующими, выросла с 53,6% в 2002 г. до 73,4% в 2024 г., однако лишь 38,3% опрошенных выразили уверенность в своей вере, что свидетельствует о преобладании номинальной, а не глубокой религиозности [1]. В России наблюдается схожая тенденция: 74% граждан идентифицируют себя как православные, но регулярная религиозная практика остаётся на низком уровне [2]. Эти процессы актуализируют исследование адаптационных механизмов религиозных организаций в сравнительной перспективе.

Цель исследования выявить общие закономерности и национальные особенности трансформации социальных функций религиозных организаций под влиянием технологических и ценностных изменений в России и Беларуси.

Теоретико-методологические основы анализа. Классические трактовки социальных функций религии, разработанные Э. Дюркгеймом, М. Вебером и Р. Мертоном, предполагали рассмотрение религии как интегрирующего механизма, обеспечивающего солидарность и нормативный порядок. Однако в условиях постсекулярного общества эти функции претерпевают значительную трансформацию. Концептуальной основой для их анализа служит ранее предложенная нами концепция «новой религиозности», котрая не предполагает жёсткого членства, догматического вероучения или развитой культовой практики [3]. Рост этого феномена обусловлен кризисом традиционных институтов и развитием массовых коммуникаций, которые делают возможным свободное заимствование и синтез разнородных духовных элементов. Данный подход позволяет объяснить, почему религиозная практика в обеих странах носит преимущественно «мозаичный» характер, не сводимый к институциональным формам. Для анализа адаптационных стратегий религиозных институтов продуктивна теория институционального изоморфизма П. ДиМаджио и У. Пауэлла, согласно которой организации вынуждены реагировать на давление внешней среды, перенимая успешные практики или вырабатывая нишевые стратегии выживания.

Контекст сравнительного анализа: религиозная ситуация в России и Беларуси. Россия и Беларусь представляют собой восточнославянские государства с глубокими историческими, культурными и религиозными связями. Православная традиция остается одним из важнейших объединяющих факторов: Белорусская православная церковь (БПЦ) является экзархатом Русской православной церкви (РПЦ), что объективно укрепляет связь между странами. Вместе с тем, религиозная ситуация в двух странах имеет существенные различия. Так, в Беларуси примерно половина религиозных общин принадлежит православной церкви. Второе и третье место занимают протестантские общины и католики, что связано с историческим влиянием Польши и Литвы. В России же подавляющее большинство общин принадлежат РПЦ, а второй по численности религией является ислам, что обусловлено многонациональным составом населения.

Специфика белорусской религиозности заключается в её умеренности и личностном характере. Как показывают исследования, более двух третей белорусов допускают возможность быть верующим без участия в церковных обрядах, а больше половины – никогда не участвуют в коллективных религиозных действиях [1].

Сравнительный анализ государственно-конфессиональной политики. Несмотря на существование Союзного государства, в России и Беларуси наблюдаются существенные различия в подходах к организации государственно-конфессиональных отношений. Наиболее отчетливо они видны в сфере регулирования миссионерской деятельности. В России был принят «пакет Яровой», ознаменовавший переход к модели «формально-уведомительного контроля», тогда как в Беларуси законодательство закрепляет модель «превентивно-разрешительного фильтра» (редакция 2024 года Закона «О свободе совести и религиозных организациях») [4], т.е. в Беларуси требуется более строгая предварительная процедура для осуществления миссионерской деятельности, чем в России. Различия проявляются и в определении угроз национальной безопасности, связанных с религиозным фактором: в России перечень таких угроз более расширен и включает прозелитизм нетрадиционных религиозных объединений и размывание традиционных ценностей, тогда как в Беларуси угрозы формулируются более сдержанно [5]. При этом на региональном уровне в Беларуси демонстрируется модель конструктивного диалога между органами власти и религиозными организациями, включающая сотрудничество в сфере духовного воспитания, благотворительности и укрепления института семьи.

Цифровизация религиозного сознания: уровни проблемы. Пандемия COVID-19 стала катализатором цифровой трансформации религиозных практик как в России, так и в Беларуси. Необходимость проводить богослужения онлайн послужила стимулом для

активного использования цифровых технологий [2]. Анализ процессов цифровизации религиозного сознания позволяет выделить три уровня проблемы [6].

Конкурентный уровень заключается в возникновении острой конкуренции между традиционными религиозными учениями и альтернативными концепциями в сетевой среде. Религиозные организации вынуждены отстаивать своё учение, осваивая цифровые форматы: создание сайтов, ведение видеоблогов, присутствие в социальных сетях.

Замещающий уровень проявляется в переносе традиционных религиозных практик в онлайн-формат. Встаёт дискуссионный вопрос о том, что теряет религия, перемещаясь в Интернет. Присутствие в храме, соприкосновение с вещественной религиозной атрибутикой, личное общение с духовенством трудно заменить дистанционно. В РПЦ неоднократно отмечали, что таинства требуют личного присутствия человека в храме. Однако цифровая религия приносит и позитивный компонент – осознанность выполняемых ритуалов.

Трансформационный уровень предполагает радикальные изменения, формирующие принципиально новый тип религиозности в киберрелигии, где такие фундаментальные категории, как жизнь, смерть, тело и душа, осмысливаются иначе. Интернет и цифровые технологии становятся своего рода «кумиром» для всё большего числа пользователей [7].

И в России, и в Беларуси технологическая адаптация сталкивается с дополнительными вызовами. Например, в социальных сетях появляются ложные аккаунты, маскирующиеся под страницы храмов, а также распространяются дипфейк-видео со сгенерированными образами «священнослужителей». Таким образом, цифровые технологии создают угрозу десакрализации и фрагментации авторитета, одновременно провоцируя религиозные институты на разработку новых форм информационной гигиены.

Типология адаптационных стратегий. На основе проведённого анализа можно выделить четыре стратегии адаптации религиозных организаций к современным вызовам, имеющих как общие, так и специфические черты в России и Беларуси.

Консервативная стратегия проявляется в усилении традиционных форм ритуалистики и акценте на неизменности догматов. В России эта стратегия поддерживается на государственном уровне через продвижение «традиционных ценностей»; в Беларуси она смягчена необходимостью сохранения межконфессионального мира.

Технологическая стратегия включает освоение цифровых платформ и медиа-инструментов. В обеих странах пандемия стала мощным катализатором этого процесса.

Социально-сервисная стратегия предполагает смещение акцента с культа на социальное служение. В Беларуси религиозные организации активно участвуют в благотворительных и духовно-просветительских проектах. В России же социальное служение также активно развивается, но оно более институционализировано.

Либерально-диалоговая стратегия предполагает участие в межрелигиозном диалоге. В Беларуси она находит выражение в конструктивном диалоге с органами власти; в России межрелигиозный диалог иногда осложнён политическими факторами.

Заключение. Проведённый сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что трансформация социальных функций религиозных организаций в России и Беларуси, несмотря на общую институциональную основу (доминирование РПЦ/БПЦ), имеет как общие, так и существенно различающиеся черты. Общими для обеих стран являются: восприятие православия преимущественно как культурной идентичности; цифровизация религиозных практик, стимулированная пандемией; преобладание теологических аргументов в религиозном дискурсе; государственный контроль за религиозными организациями. Различия определяются тремя ключевыми факторами: разным религиозным ландшафтом; разными законодательными моделями; разной степенью и формами политизации религии.

Анализ трёх уровней проблем цифровизации религиозного сознания – конкурентного, замещающего и трансформационного – показывает, что ключевой проблемой остаётся религиозная безопасность. В качестве мер по её укреплению предлагаются межрелигиозные конференции, совместное социальное служение и развитие религиозного образования. Власти России и Беларуси в целом справляются с обозначенными проблемами, обеспечивая

межконфессиональный мир, регулируя деятельность религиозных организаций в цифровой среде и поддерживая социально-сервисные инициативы традиционных конфессий. Наиболее перспективной в обеих странах представляется гибридная модель адаптации, сочетающая сохранение традиционных «ядер» религиозной идентичности с активным освоением цифровых инструментов. Однако развитие технологий искусственного интеллекта создаёт новые вызовы, требующие дальнейшей рефлексии и совершенствования регуляторных механизмов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пьянов В.В. Религиозная ситуация в Республике Беларусь // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2025. – № 1. – С. 52–59.

2. Khroul V. Addressing COVID-19 «Ex catedra»: how religions in Russia and Belarus faced the pandemics // Studia Humanitatis. – 2025. – № 2. – URL: https://st-hum.ru/content/khroul-v-addressing-covid-19-ex-catedra-how-religions-russia-and-belarus-faced-pandemics (дата обращения: 07.07.2026).

3. Рыжов Ю.В. Новая религиозность как социокультурный феномен. – М.: Смысл, 2005. – 124 с.

4. Зайцев В.Ю. Сравнительно-правовой анализ регулирования миссионерской деятельности в Российской Федерации и Республике Беларусь // Праксис. – 2025. – № 3 (20). – С. 101–116.

5. Донцев С.П. Религиозный фактор и угрозы национальной безопасности России и Беларуси: сравнительный анализ // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2019. – № 3. – С. 60–74.

6. Афанасьева М.А. Цифровизация религиозного сознания: проблемы и перспективы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 114–122.

7. Маркова Н.М. Цифровизация религии: анализ современных богословских, философских и религиоведческих тенденций // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2024. – Т. 2, № 3 (51). – С. 77–86.

УДК 316.7

ФИЗИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Рысюкевич Н. С.
старший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Развитие человеческого потенциала является важнейшим фактором социально-экономического развития страны, изучение которого является актуальным в современных условиях. Для обеспечения устойчивого роста экономического потенциала и развития страны в современных быстроменяющихся условиях уже недостаточно подготовить квалифицированных работников, знающих свою специальность, становится весьма актуальным наличие у них ряда важных личностных качеств и физических кондиций. Современный специалист должен обладать хорошим соматическим и физическим здоровьем для поддержания должного уровня работоспособности, инициативностью и адаптивностью для освоения новых необходимых навыков, коммуникабельностью и стрессоустойчивостью для сохранения эффективности работы в различных условиях и многими другими качествами, которые способствуют эффективному выполнению своих профессиональных и социальных обязанностей, позволяют гармонично вписываться в корпоративную культуру.

Основные компоненты человеческого потенциала можно классифицировать по различным признакам. Мы выделяем ряд созидательных компонентов человеческого потенциала наличие которых определяет полноценную его реализацию для обеспечения устойчивого социально-экономического и инновационного развития белорусского общества. Необходимыми созидательными (компонентами) развития человеческого потенциала

являются: физический, демографический, образовательный, интеллектуальный, инновационный, социальный, экономический, технологический, трудовой, культурный, духовный, экологический, творческий.

Физический компонент является фундаментом, на котором строится реализация человеческого потенциала, является важнейшим и определяется совокупностью биологических и функциональных ресурсов человека. Он обеспечивает здоровье, долголетие, физическую работоспособность и адаптивность для осуществления трудовой, бытовой и любой другой деятельности. Физический компонент потенциала человека не смотря на стремительное развитие и внедрение новых технологий, автоматизации и компьютеризации практически во всех сферах деятельности вовсе не утрачивает своей значимости, как может показаться на первый взгляд, а наоборот его значение в современных условиях, становится еще более важным. Необходимость использования физического труда в меньшей степени, замена его механизмами, привела к снижению двигательной активности человека, однако постоянное значительное снижение двигательной активности, в последствии неминуемо негативно сказывается на состоянии здоровья.

Понимая важность физического компонента потенциала человека, его развитию должно уделяться особое внимание на всех стадиях онтогенеза человека. Физический потенциал

является ресурсом в каждом возрастном периоде. В молодом возрасте – это ресурс для самореализации, в зрелом – основа для эффективности деятельности во всех сферах, в старости – это ресурс для сохранения и поддержания качества жизни. Структура физического потенциала человека включает в себя ряд компонентов (соматическое и психическое здоровье, функциональные резервы организма (биохимические, физиологические, и пр.), уровень физической подготовленности, личностные качества, сформированность ценностей физической культуры личности, профессиональная физическая подготовка), от качественного состояния которых зависит эффективность профессиональной и иной повседневной деятельности (рис.)

Рисунок. Структура физического потенциала человека

Задачи интернализации ценностей физической культуры – поддержания и повышения уровня функциональных возможностей организма, развития физических качеств, воспитания личностных качеств, которые будут определять здоровьесберегающее поведение индивида, успешно решаются с помощью физического воспитания в процессе развития, обучения, трудовой деятельности, а также в последующем послетрудовом периоде.

Личностные качества, ценностные ориентации, мотивационные установки имеют важное значение в развитии физического потенциала человека. Белорусский социолог С. А. Шавель проводивший эмпирико-социологический анализ личностных качеств, населения Беларуси, определял личностные качества как основу человеческого потенциала. Он утверждал, что «общество должно стремиться к познанию этих свойств, т. е. личностных

качеств, выявлению их особенностей применительно к основным социальным группам и категориям населения с тем, чтобы способствовать индивидуальному развитию и одновременно направлять качественную групповую динамику на сохранение целостности и поступательного движения социума» [1, с. 105–126].

В исследовании Института социологии НАН Беларуси 2026 года (N=1876, Δ = ± 2,26 %) была изучена самооценка респондентов наличия у них некоторых личностных качеств. На вопрос о наличии потребности в физическом совершенствовании были получены интересные данные. Треть респондентов в целом (33,6%) считают, что данная потребность у них выражена в достаточной степени из них 38,3% мужчин и 29,9% женщин. По мере увеличения возраста респондентов, данная потребность снижается. У 17,2% населения в целом, по результатам опроса, потребность в физическом совершенствовании отсутствует. Интерес представляет категория респондентов, ответившая на этот вопрос «в меньшей степени, чем хотелось бы». Так на данный вопрос ответило 47,3% респондентов в целом, из них 45,2 % мужчин и почти половина (49,0%) женщин. То есть они имеют данную потребность, но по каким-то причинам, она не удовлетворяется, что сигнализирует о наличии скрытого противоречия между желаемым образом себя и реальными возможностями или мотивами. Можно сказать, что данная часть респондентов имеют потенциал для физического совершенствования, но он заблокирован по различным причинам, и задача состоит в снятии этих блоков. Данный ответ требует качественного анализа причин этого противоречия, которые могут быть как внешними, так и внутренними.

Одна из наиболее распространенных причин препятствующих посещениям занятий по физическому совершенствованию, называемых обычно респондентами, это нехватка времени. Работа, учеба, семейные обязанности требуют значительных временных затрат, но не исключают такой возможности в случае рациональной организации времени в течении дня. Еще одним их факторов являются финансовые ограничения (высокая стоимость абонементов для занятий, экипировки, персональных тренировок) и отсутствие рядом с домом или работой подходящей для желаемых занятий инфраструктуры (спортивных объектов). Внутренним барьером на пути к физическому совершенствованию является низкая мотивация или лень. Высокий уровень загруженности и стресса тоже приводит к тому, что на тренировки не остается ментальных сил. Отсутствие специальных знаний о методиках тренировки и здоровьесбережения, на наш взгляд, еще один очень существенный барьер. Человек хочет совершенствоваться, но не знает, как это делать правильно и эффективно, поэтому не делает ничего, либо ожидает мгновенных результатов от занятий и приходит к разочарованию через короткое время и перестает заниматься. Поэтому важно чтобы каждый обладал элементарными знаниями теории и методики физического воспитания, которые дают фундаментальную базу для грамотной организации тренировочного процесса в соответствии с индивидуальными задачами. Это косвенно подтверждается полученными результатами исследования, которые свидетельствуют о том, что чем выше уровень образования, тем больше респондентов отмечают свою потребность в физическом совершенствовании и наличие такого качества личности как здоровьесбережение.

В современных социально-экономических условиях значение физической культуры и спорта в системе ценностей будет только возрастать. Развитие физической культуры и спорта является одним из важнейших направлений государственной социальной политики, эффективным инструментом оздоровления нации и укрепления международного имиджа страны. Право граждан Республики Беларусь на занятие физической культурой и спортом обеспечивается государством посредством создания необходимых условий, что нашло отражение в Законе Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» [2], Государственной программе «Физическая культура и спорт» на 2026-2030 годы [3], подготовленной в соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, основных документах, определяющих направления развития физической культуры и спорта на государственном уровне.

Таким образом, формирование и повышение интереса белорусских граждан к физической культуре и спорту, дальнейшее формирование системы стимулов, обеспечивающих высокую заинтересованность людей в физическом совершенствовании и укреплении здоровья, уже закреплено в нормативных документах и должно в дальнейшем оставаться приоритетным направлением социальной политики. Очень важно сделать все возможное для поднятия престижа, развития и массовости физической культуры и спорта, чтобы их возможности максимально использовались в развитии физического и связанных с них компонентов потенциала человека.

Совершенствование социальной политики в сфере физической культуры и спорта требует межведомственного взаимодействия и системной работы. Пути совершенствования должны быть разноплановы и включать различные направления такие как: развитие спортивной инфраструктуры, популяризация массового спорта, внедрение цифровых сервисов, кадровое обеспечение отрасли, адресной поддержка социально уязвимых слоев населения, информирование о предоставляемых возможностях сферы физической культуры, образование и просвещение населения по вопросам здорового образа жизни и физического совершенствования. Реализация данных направлений в развитии отрасли физической культуры и спорта, пропаганда здорового образа жизни является инвестицией, от которой государство получает огромную выгоду для себя. Повышение уровня здоровья населения через привитие ценностей физической культуры определяет развитие физического, трудового, экономического, демографического и др. потенциалов общества, что будет выражаться в увеличении продолжительности жизни, повышении рождаемости, повышении работоспособности и производительности труда. Социальная политика в области физической культуры и спорта должна быть направлена на создание условий для удовлетворения разнообразных интересов и потребностей в физической активности каждого, включая обеспечение доступности занятий физической культурой для социально уязвимых категорий граждан. Это будет благом как для отдельного человека, так для общества в целом, так как воспитанная в каждом человеке мотивация к здоровому образу жизни и физическому совершенствованию, превращается в систему общепринятых норм, определяющих общественную престижность высокого уровня здоровья и физического совершенства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шавель, С. А. Перспективы развития социума / С. А. Шавель. – Минск: Беларуская навука, 2015. – С. 105–126.

2. Закон Республики Беларусь о физической культуре и спорте // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11400125 (дата обращения: 16.06.2026).

3. Государственная программа «Физическая культура и спорт» на 20261–2030 годы // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500772 (дата обращения: 16.06.2026).

УДК 316.472

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Савич Н. А.
ведущий социолог Центра социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета
г. Минск, Беларусь

О развитии человеческого потенциала говорят с 60-х годов XX века (зарождение «Движения за развитие человеческого потенциала» в психологии, которое легло в основу гуманистической психологии Абрахама Маслоу, Карла Роджерса и др.). Официальным

стартом концепции в современном виде считается публикация первого Доклада о человеческом развитии Программы развития ООН (ПРООН) в 1990 году [1], главной мыслью которого было то, что «развитие человека – это процесс расширения спектра выбора». Базовыми параметрами при этом были названы возможность прожить долгую и здоровую жизнь, получить образование и иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни.

Еще одним важным аспектом развития человеческого потенциала является гражданская активность, которая способствует вовлечению граждан в общественные процессы, играя ключевую роль в формировании ответственного и активного гражданского общества, способного адаптироваться к изменениям и решать возникающие проблемы. Гражданская активность позволяет влиять на принятие решений, развивает такие навыки, как лидерство, коммуникация, критическое мышление, повышает осведомленность граждан о социальных, экономических и политических вопросах, содействует укреплению социальных связей и солидарности, улучшению качества жизни и созданию более справедливого общества.

Вовлеченные граждане склонны заботиться о своем окружении, не только ближайшем – это могут быть и совершенно незнакомые люди, участвовать в различных инициативах, брать на себя ответственность за принятые решения, способствовать распространению принципов добра и человеколюбия, что крайне важно для сплоченности общества и его устойчивости перед вызовами и угрозами.

Уровень гражданской активности населения Беларуси был изучен в ходе опроса, проведенного ЦСПИ БГУ в апреле-мае 2024 г.

На основе разработанной нами методики был рассчитан индекс гражданской активности, для которого отобраны такие показатели, как доверие (незнакомцам; людям, живущим по соседству); оказание безвозмездной помощи нуждающимся в ней, участие в различных благотворительных акциях и т.д.; готовность к созданию неформальной группы из друзей/соседей в случае возникновения серьезной проблемы.

Ответам респондентов присваивалось определенное количество баллов:

1. «Полностью доверяю людям, с которыми впервые встретился» – 4 балла; «скорее доверяю людям, с которыми впервые встретился» – 2 балла; за варианты «скорее не доверяю» и «полностью не доверяю» – 0 баллов.

2. «Полностью доверяю людям, живущим по соседству» – 2 балла; «скорее доверяю людям, живущим по соседству» – 1 балл; за варианты «скорее не доверяю» и «полностью не доверяю» – 0 баллов.

3. По одному баллу респонденты получали за различные виды безвозмездной помощи, оказанной добровольно.

4. Респонденты, которые выбрали вариант «Организовал неформальную группу из друзей/соседей, чтобы действовать совместно» в первую очередь, получали 2 балла, и 1 балл, если этот вариант был выбран во вторую очередь.

В дальнейшем все баллы суммировались. Максимально возможное количество баллов составило 14. Сумма баллов нормировалась делением на 14 и умножением на 100.

В результате расчетов нами были получены значения индекса гражданской активности от 0,00 в первой группе (полная отстраненность) до 71,43 – в четвертой (ограниченное сотрудничество), пятая (кооперация/сотрудничество) и шестая (активная включенность) группы не наполнились (см. табл.).

Таблица. Индекс гражданской активности

Группа	Индексный балл	%	Доля группы, %
I Полная отстраненность	0,00	6,5	6,5
II Изоляционизм	7,14	14,3	51,2
	14,29	19,1	
	21,43	17,8	
III Гуманизм (добродетельность/доброжелательность)	28,57	15,6	39,5

	35,71	11,7	
	42,86	9,1	
	50,00	3,1	
IV Ограниченное сотрудничество	57,14	1,7	2,8
	64,29	0,3	
	71,43	0,8	
V Кооперация/сотрудничество	0,0	0,0	0,0
VI Активная включенность	100,00	0,0	0,0

В первую группу «полная отстраненность» попало 6,5 % опрошенных (характерно полное отсутствие какой-либо социальной активности, полное недоверие и незнакомцам, и соседям).

Вторая группа (изоляционизм) характеризуется доверием к людям, живущим по соседству, готовностью помогать «на расстоянии» (деньгами/вещами), готовностью объединиться с друзьями/соседями для решения проблемы, имеющей важное значение.

Для третьей группы (гуманизм) характерно активное участие в благотворительных акциях, оказание добровольной помощи деньгами/вещами, склонность к заботе о бездомных животных, готовность объединяться с другими людьми для решения актуальных социальных проблем. Представители данной группы скорее доверяют людям, с которыми впервые встретились и своим соседям.

Для четвертой группы «ограниченное сотрудничество» характерна активная помощь нуждающимся в заботе, участие в общественных обсуждениях и встречах с представителями власти. В данной группе больше доверяют людям, с которыми встретились впервые и своим соседям.

Рассмотрев социально-демографические характеристики, было выявлено, что типичным представителем первой группы является мужчина в возрасте от 45 до 59 лет со средним специальным образованием, которому хватает денег на вполне обеспеченную жизнь; представителем второй группы является мужчина или женщина в возрасте от 30 до 44 лет со средним общим/неполным средним, средним специальным или высшим образованием у которых денег хватает на вполне обеспеченную жизнь; представитель третьей группы – вполне обеспеченная женщина в возрасте от 30 до 59 лет со средним специальным или высшим образованием; типичный представитель самой активной, четвертой, группы – женщина в возрасте от 30 до 44 лет с высшим образованием и чуть более низким уровнем жизни, чем представители остальных групп (денег им хватает на нормальное питание и одежду).

Из представленных данных видно, что к помощи и взаимодействию больше склонны женщины в возрасте от 30 до 59 лет со средним специальным или высшим образованием.

Повышение уровня гражданской активности в обществе – комплексная задача, требующая усилий как со стороны власти, так и со стороны граждан. Способствовать этому процессу могут различные курсы, семинары, образовательные программы, помогающие людям понять важность участия в общественной жизни, свои права и обязанности; развитие диалоговых платформ, где граждане могут высказывать свои идеи и предлагать решения проблем, делиться мнениями; поощрение волонтерской деятельности; вовлечение молодежи в гражданские инициативы через школы, университеты и молодежные организации; поощрение местных инициатив и проектов; открытость власти и доступность информации о ее деятельности; освещение успешных примеров участия граждан в жизни общества через СМИ и социальные сети; работа над улучшением законодательства, касающегося прав граждан на участие в общественной жизни и др.

Подобные меры будут содействовать формированию более активного и вовлеченного общества, где граждане, обладая субъектностью, осознают свою сопричастность, понимают, что их действия имеют значение, готовы брать ответственность за будущее.

Способствовать развитию человеческого потенциала могут также инвестиции в образование, поддержка науки и исследовательской деятельности, развитие системы здравоохранения, поддержка предпринимательства (малого, среднего бизнеса), социальная поддержка уязвимых групп населения, развитие инфраструктуры (в том числе, цифровой и социальной), поддержка культурных инициатив, формирование активного гражданского общества, развитие международного сотрудничества и др.

Все эти меры помогут создать условия для максимального раскрытия человеческого потенциала, что в свою очередь будет способствовать устойчивому развитию общества в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Human Development Report 1990 // Human Development Reports. – URL: https://hdr.undp.org/content/human-development-report-1990

УДК 316.334.55(476)

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Сакович А. Ю.
доцент кафедры социологии БГУ
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Важнейшим показателем качества жизни населения являются жилищные условия. Для сельской местности, характеризующейся миграционным оттоком молодых людей в города, наличие благоустроенного жилья рассматривается как фактор их закрепления на селе. В Республике Беларусь разработан комплекс мер, направленных на улучшение жильных условий сельчан. Так, согласно Указу №95 «О государственной поддержке при жилищном строительстве» от 6 марта 2025 г. гражданам, проживающим в поседениях, численность которых не превышает 20 тыс. чел. предоставляется льготный кредит на приобретение жилья [1]. Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 2 сентября 1996 г. «О некоторых мерах по развитию жилищного строительства на селе» льготный кредит предоставляется сельскохозяйственном предприятиям на строительство (покупку) жилых помещений для своих работников [2]. По данным статистики, в 2023 г. 84,4% сельского населения проживали в блокированных или одноквартирных домах (квартирах). Для сравнения: в 2018 г. их доля составляла 75,2% [3, с. 82–83]. Как видно, объективные показатели указывают на улучшение жилищных условий сельского населения. Субъективные оценки удовлетворённости сельчан своим жильём были изучены в ходе социологического исследования, проведённого в 2023 г. Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета в рамках международного проекта «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития» на тему «Формирование семьи, стабильных семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни». Обратимся к его результатам и рассмотрим жилищные условия сельского населения.

Сельская местность характеризуется преобладанием одноэтажной застройки и наличием приусадебного участка. Жилплощадь на селе обычно больше, чем в городе. В ходе исследования респондентам был задан вопрос о том, сколько в их доме (квартире) жилых комнат. Данные опроса показали, что 38,0% сельчан жили в трёхкомнатном, 27,1% – двухкомнатном, 12,4% – однокомнатном жилье. Сравнивая результаты исследования среди городского и сельского населения, следует отметить, что жители городов чаще проживали в

двухкомнатных (39,6%) и однокомнатных (18,1%) и реже – в трёхкомнатных (31,4%) жилых помещениях (p <0,05). В целом обеспеченность жильём по количеству комнат городского и сельского населения имело следующий вид (рис. 1).

Для закрепления населения на селе важнейшим является вопрос приватизации жилья. Результаты исследования показали, что 76,6% сельских домохозяйств являлись владельцами домов (квартир), в которых они проживали. Арендовали жилье 17,2% опрошенных. Некоторым жилое помещение было предоставлено без арендной платы (6,2%). Среди городского населения владельцами жилья были 63,7% респондентов. Горожане чаще, чем сельчане, являлись арендаторами жилых помещений (22,5%). Без арендной платы жилье было предоставлено 9,0% жителям городов (p <0,05).

Сельчане, арендовавшие жилое помещение, чаще всего снимали его у частных лиц либо фирм (65,2%). Часть респондентов получили жилье в аренду от работодателя (21,7%). Некоторые снимали жилое помещение у государственной, коммунальной, добровольной или некоммерческой организации (13,0%). Статистически значимых различий в распределении арендного жилья между сельским и городским населением не установлено (p>0,05).

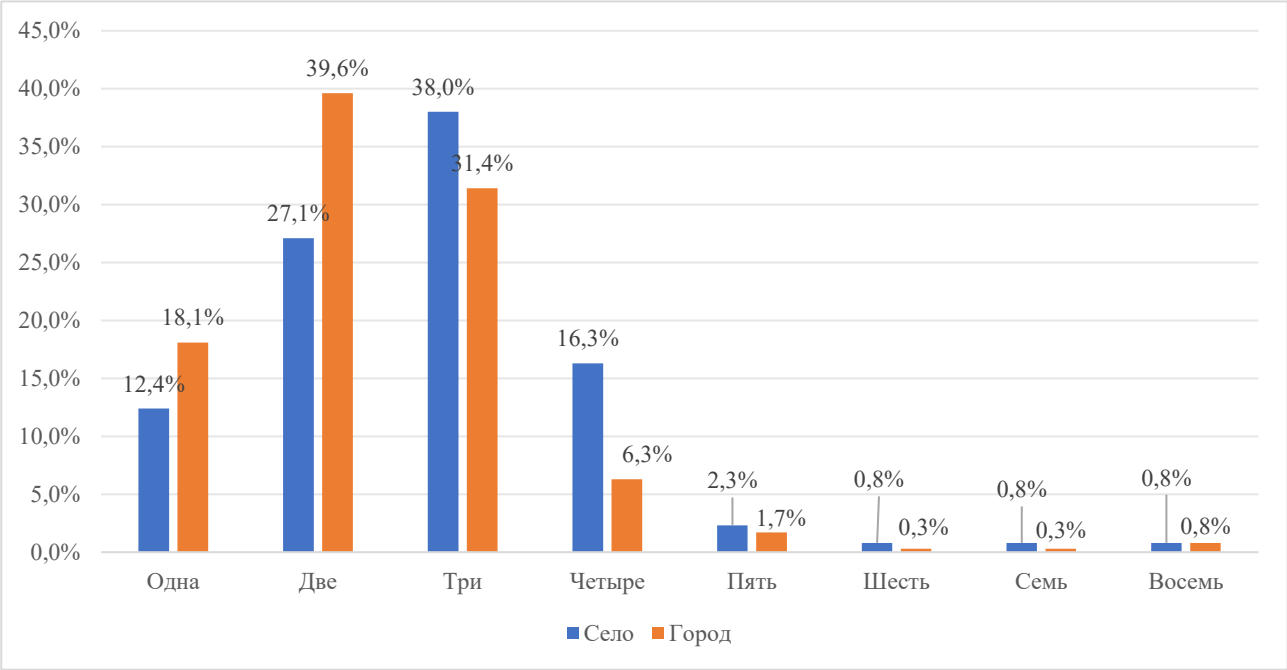

Рисунок 1. Обеспеченность жильём по количеству комнат сельского и городского населения Республики Беларусь

В большинстве случаев (91,4%) каких-либо изменений жилищных условий в сельских домохозяйствах в течение последних пяти лет не происходило. На протяжении этого времени 89,5% сельчан проживали по тому же адресу. Среди сменивших место жительства 7,0% сельского населения переехали в рамках одного поселения. Некоторые жили в другом населённом пункте Беларуси (3,6%). Городское население отмечалось большей мобильностью (p <0,05). По одному и тому же адресу в течение последних пяти лет проживали 79,1% горожан. В пределах одного города сменили место жительства 15,2% опрошенных. Из другого поселения страны переехали 5,7% горожан.

В современных условиях важным показателем качества жилищных условий является подключение домохозяйств к сети Интернет. По данным статистики, в период с 2013 г. по 2022 г. доля интернет-пользователей среди сельского населения в возрасте от 6 до 72 лет выросла с 43,1% до 79,7%. Большинство сельчан (65,2%) пользовались интернетом каждый день [3, с. 142–143]. Результаты исследования показали, что 76,3% сельского населения имели подключение к интернету. Среди городского населения доля интернет-пользователей составляла 85,0% (p <0,05). В течение дня 27,9% сельчан использовали интернет для работы либо личных целей в среднем 1-2 часа, 26,7% – более 4 часов. Не пользовались им 16,8%

опрошенных. В целом распределение времени, затраченное на использование интернета сельским и городским населением, выглядело следующим образом (рис. 2).

На удовлетворённость сельчан своим жильём косвенно указывают их миграционные настроения. Результаты исследования показали, что 78,3% опрошенных не планировали и 6,2% скорее не планировали переезд на новое место жительства в течение ближайших трёх лет. Установку на миграцию имели 9,6% опрошенных. Среди намеревавшихся переехать большинство респондентов (60,0%) были ориентированы на смену места жительства внутри страны. Намеренье ухать на границу имели 2,6% сельчан. Невысокий уровень миграционных настроений указывает на удовлетворённость сельского населения своим жильём.

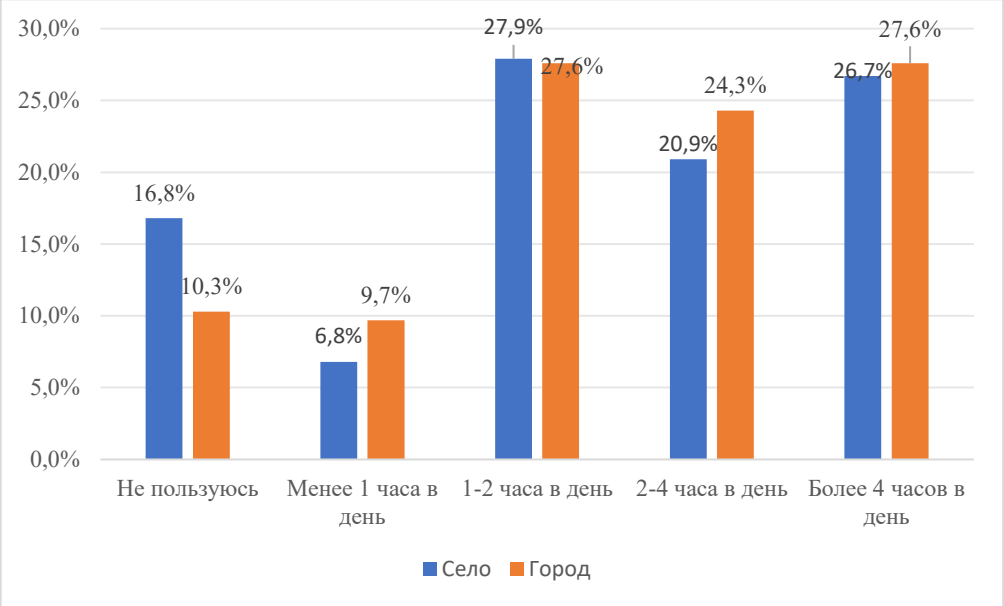

Рисунок 2. Среднее время использования интернета в день сельским и городском населением Республики Беларусь

Таким образом, результаты исследования показали, что большинство жителей села (76,6%) являлись владельцами домов (квартир), в которых они проживали. Доля собственников жилых помещений на селе была больше, чем в городе. В сельской местности преобладали трёхкомнатные (38,0%) и двухкомнатные (27,1%) дома (квартиры). В городах такой тип жилья также являлся наиболее распространенным. Однако доля обладателей трёшек в городской местности была меньше, чем в сельской. Среди сельчан значительно больше, чем среди горожан, было проживающих в четырёхкомнатных домовладениях. Большинство сельского населения (89,5%) не меняли место жительства в течение последних пяти лет. На протяжении этого времени каких-либо изменений жилищных условий у 91,4% сельчан не происходило. В современных условиях в сельской местности население активно использует сеть Интернет (76,3%). Большинство опрошенных (78,3%) не планировали переезд на другое место жительства, что косвенно указывает на удовлетворённость сельчан своими жилищными условиями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О государственной поддержке при жилищном строительстве : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 марта 2025 г., № 95 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32500095 (дата обращения: 27.06.2026).

2. О некоторых мерах по развитию жилищного строительства на селе : Указ Президента Респ. Беларусь, 2 сентября 1996 г., № 346 // ЭТАЛОН-ONLINE – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=p39600346&q_id=6254482 (дата обращения: 27.06.2026).

3. Развитие современного белорусского села: проблемы, тенденции, перспективы / Н.Л. Балич [и др.] ; под общ. ред. Н.Л. Балич ; Нац. Акад. Наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Беларуская навука, 2024. – 248 с.

УДК: 801.3:802.0

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОГО ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Салимшоева Ф. М.
докторант кафедры языкознания и сравнительной типологии
Таджикский государственный педагогический университет имени Садриддина Айни
г. Душанбе, Республика Таджикистан

Введение. Современный этап развития цивилизации характеризуется стремительным проникновением информационных технологий во все сферы жизни общества. Глобальная цифровизация выступает катализатором трансформаций в системе высшего образования, предъявляя новые требования к уровню подготовки специалистов. В современных реалиях владение иностранными языками превращается в центральный элемент формирования качественного человеческого капитала. В стратегических программных документах Республики Таджикистан, в частности, в Посланиях Президента страны, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона Парламенту, неизменно подчеркивается приоритетная роль освоения иностранных языков и развития цифровых навыков среди молодежи как факторов обеспечения устойчивого экономического роста и международной конкурентоспособности государства.

Цифровая модернизация требует переосмысления дидактического базиса лингвистического образования. Традиционная репродуктивная модель преподавания языков, ориентированная на пассивное усвоение материала, обнаруживает недостаточную эффективность в условиях динамичного рынка труда [1, с.184]. Возникает объективная потребность в проектировании высокотехнологичной образовательной среды, способной обеспечить сбалансированное развитие коммуникативной, межкультурной и цифровой компетенций.

Трансформация дидактических принципов в цифровой образовательной среде. Интеграция электронных образовательных ресурсов видоизменяет структуру взаимодействия субъектов образовательного процесса. Происходит модернизация классических дидактических принципов: наглядности, доступности, систематичности и прочности усвоения знаний. Однако наиболее существенно изменяется принцип сознательности и активности обучающихся, который тесно переплетается с концепцией учебной автономии. Как отмечает Н. Ф. Коряковцева, автономия учащегося в аспекте цифровизации образования приобретает качественно новое измерение [2, с.23]. Цифровая среда предоставляет студенту возможности для конструирования индивидуальной образовательной траектории и самостоятельного выбора темпа освоения материала. В данном контексте педагог превращается из транслятора знаний в фасилитатора, тьютора и координатора. Его главной задачей становится формирование у обучающихся способности к самоорганизации и непрерывному самообразованию.

Параллельно цифровизация влечет за собой ряд рисков. Т. П. Обдоева указывает, что лавинообразный рост объемов информации и хаотичное использование сетевых ресурсов могут приводить к фрагментации мышления, снижению концентрации внимания и девальвации базовых академических ценностей [3]. Более того, чрезмерное увлечение игровыми технологиями нередко препятствует формированию глубоких системных знаний. В связи с этим перед педагогической наукой стоит задача поиска баланса между традиционными методами филологического анализа и инновационными инструментами.

Педагогические условия интеграции электронных образовательных ресурсов. Системное внедрение электронных ресурсов в практику языковой подготовки должно опираться на строгую иерархию педагогических условий. С целью систематизации ключевых факторов нами была разработана аналитическая матрица, отражающая дуалистический характер данного процесса (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Матрица возможностей и рисков цифровизации языкового обучения

Педагогическое направление	**Дидактические возможности**	**Потенциальные риски**	**Способы минимизации**
Развитие языковой автономии	Индивидуальный темп; доступ к аутентичным базам данных	Снижение дисциплины и мотивации без внешнего контроля	Поэтапный цифровой мониторинг; регулярные консультации тьютора
Формирование коммуникативной компетенции	Интерактивное межкультурное общение в реальном времени (вебинары, чаты)	Формализация общения; утрата навыков живой невербальной коммуникации	Сочетание виртуальных дискуссий с очными дебатами и проектами
Модернизация контроля знаний	Автоматизация тестирования; мгновенная диагностика ошибок и обратная связь	Поверхностная проверка; риски мошенничества и плагиата	Комплексные творческие задания, кейс-методы, защита уникальных проектов

Эффективная интеграция цифровых инструментов невозможна без совершенствования методов педагогического сопровождения. И. В. Рекрут подчеркивает, что ключевым вызовом для современного преподавателя является преодоление технологического барьера и развитие собственного уровня цифровой грамотности [3]. Преподаватель должен выступать в роли архитектора цифрового образовательного пространства, комбинируя синхронные и асинхронные формы обучения.

Национальный контекст и развитие человеческого капитала. В условиях Республики Таджикистан процессы цифровизации приобретают особую стратегическую значимость. Исследуя динамику рынка образовательных услуг Таджикистана, С. С. Шарифзода отмечает, что планомерное внедрение цифровых технологий способствует преодолению географической изолированности регионов, обеспечивая равный доступ молодежи к передовым методикам обучения иностранным языкам [1, с. 115]. Развитие цифровой инфраструктуры вузов — ключевое условие интеграции национальной системы образования в глобальное пространство. Как обосновывает в своих трудах Х. У. Идиев, развитие человеческого капитала в условиях цифровой трансформации Таджикистана напрямую коррелирует с качеством языковой подготовки [4, с. 214]. Свободное владение международными языками в сочетании с ИКТ-компетентностью формирует инновационный тип сотрудника. В свою очередь, Х. Икромзода указывает на то, что инвестиции в языковое образование выступают наиболее рентабельным видом вложений в человеческий капитал, поскольку они повышают мобильность трудовых ресурсов и стимулируют привлечение зарубежных технологий в национальную экономику [5]. Таким образом, модернизация языкового образования на базе цифровых платформ является важнейшим элементом государственной политики по модернизации страны.

Заключение. Глобальная цифровизация открывает перед высшей школой широкие горизонты для качественного улучшения системы языковой подготовки [4, с. 89]. В ходе исследования установлено, что под воздействием ИКТ происходит переосмысление репродуктивной модели обучения в пользу личностно ориентированной парадигмы.

Ключевым условием успешности данного процесса выступает содержательная трансформация дидактических принципов. Феномен учебной автономии приобретает статус системообразующего фактора, требующего от педагога перехода к роли фасилитатора и навигатора знаний [2, с.24]. Преодоление выявленных рисков (фрагментация мышления, академическое мошенничество) требует разработки гибридных методик, гармонично сочетающих традиции классического образования с потенциалом сетевых платформ. Для Республики Таджикистан синергетический эффект от интеграции цифровых ресурсов и языкового обучения выступает макроэкономическим рычагом. В свете указаний Лидера нации Эмомали Рахмона, модернизация лингвистического образования на базе ИКТ является вектором наращивания конкурентоспособного человеческого капитала страны [4, с.92]. Технологии позволяют нивелировать географическую изоляцию регионов, формируя специалиста нового типа.

В качестве долгосрочных перспектив дальнейших изысканий видится необходимость перехода к этапу прикладного проектирования — детальной разработке и внедрению в учебный процесс отечественных вузов специализированных интеллектуальных цифровых платформ. Эти ресурсы должны быть ориентированы на профессионально направленное преподавание языков, отвечать вызовам национального рынка труда и способствовать интеграции образовательной системы Таджикистана в мировое научно-информационное пространство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шарифзода, С. С. Рынок образовательных услуг в условиях цифровизации на примере Республики Таджикистан / С. С. Шарифзода // Вестник Российско-Таджикского (Славянского) университета. — 2024. — № 2 (84). — С. 112–119. — 210 с.

2. Обдоева, Т. П. Проблемы влияния цифровизации общества на высшее лингвистическое образование и образовательный потенциал цифровых технологий / Т. П. Обдоева // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. — 2023. — URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 30.05.2026).

3. Рекрут, И. В. Преподавание языков в условиях цифровизации: вызовы, риски и новые возможности / И. В. Рекрут // Научная электронная библиотека Elibrary.ru. — Москва, 2026. — URL: elibrary.ru (дата обращения: 01.06.2026).

4. Идиев, Х. У. Рушди сармояи инсонӣ ва таълими забонҳо дар шароити трансформацияи рақамӣ дар Тоҷикистон / Х. У. Идиев // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои ҷомеашиносӣ. — 2024. — № 4. — С. 88–95. — 312 с.

5. Икромзода, Х. Роль иностранных языков в развитии человеческого капитала / Х. Икромзода // Народная газета. — 2026. — 29 января. — URL: narodnaya.tj (дата обращения: 01.06.2026).

УДК 316.7(476) (043.3)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ЛОКУС ЦИФРОВЫХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Салтанович И. П
доцент кафедры философии и логики
Белорусского государственного университета иностранных языков
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Цифровая трансформация современного общества затрагивает все сферы социальной жизни, однако именно образовательное пространство выступает ее уникальным локусом. Институт образования концентрирует в себе базовые противоречия информационного общества: здесь разворачивается непосредственное столкновение «цифровых аборигенов» (Digital Natives) и «цифровых иммигрантов» (Digital Immigrants) [1], здесь же проявляются

экзистенциальные последствия технологических инноваций для структуры знания, профессиональной идентичности и культурных ориентаций.

В социологической литературе теоретический анализ цифровизации образования традиционно выстраивается вокруг трех ключевых узлов напряжения:

Рисунок 1. Ключевые узлы напряжения в образовании

При этом недостаточно исследовано, как цифровизация влияет на фундаментальные ценностные ориентации академического сообщества и каковы социокультурные последствия этих сдвигов для стратегии национального развития.

Цель исследования – выявить глубинные социокультурные трансформации, происходящие в белорусском образовательном пространстве в условиях тотальной цифровизации, и научно смоделировать сценарии дальнейшей реализации стратегии цифровой трансформации с учетом выявленного аксиологического профиля респондентов. Эмпирическую базу исследования составили данные стандартизированного анкетирования преподавателей и студентов (N = 542, БГУИЯ, 2026 г.).

Трансформация академической субъектности и фигуры преподавателя. В классической университетской парадигме (от В. Гумбольдта до М. Вебера) профессор выступал монопольным носителем и транслятором сакрального знания. В условиях тотальной доступности информации и доминирования поисковых систем, что подтверждается 96,5 % активности в выборке, происходит десакрализация фигуры педагога. Преподаватель вынужден переходить из статуса «лектора-вещателя» в статус тьютора, модератора, фасилитатора.

Эта трансформация порождает ролевой конфликт и латентный кризис профессиональной идентичности, особенно среди преподавателей со стажем более 20 лет, привыкших к традиционной иерархической модели взаимодействия. Академическая субъектность раздваивается: с одной стороны, требуется цифровая компетентность и гибкость, с другой – сохраняется ориентация на авторитетное познание, вертикальную трансляцию знаний и институциональную дистанцию.

Кризис сетевой коммуникации и размывание академического этикета

Перенос учебного взаимодействия на платформы LMS (Moodle) и в коммерческие мессенджеры (Telegram, Viber) ведет к феномену «сжатия социального пространства» и размыванию границ личного времени. Виртуализация общения часто оборачивается его формализацией, ростом психологического отчуждения и синдромом «экранной утомляемости» (Zoom-fatigue), что фиксирует значительная часть академического сообщества.

Живой сократический диалог, предполагающий импровизацию, невербальную обратную связь и эмоциональную присутственность, вытесняется сухим алгоритмическим обменом файлами-заданиями. Коммуникативная практика обедняется: вместо дискурсивного пространства совместного поиска истины возникает логистическая цепочка доставки контента.

Феномен «генеративного вызова» (ИИ-экспансия)

Внедрение систем искусственного интеллекта в 2025–2026 годах поставило под угрозу сами основы классической дидактики. ИИ взламывает традиционные методы контроля знаний: рефераты, курсовые, эссе, стандартизированные тесты обесцениваются, так как легко генерируются нейросетями. Возникает глубокий кризис академической честности (academic integrity).

Образовательная среда сталкивается с необходимостью радикального пересмотра методологии оценки: от контроля «результата» (текста) к контролю «процесса» (мышления, критического анализа, устной аргументации, рефлексивных практик). Это требует перехода к экзаменационным формам, семинарским дебатам, проектной деятельности и портфельным технологиям оценивания, что, в свою очередь, усиливает нагрузку на преподавателя и требует новых компетенций.

Следовательно, образовательное пространство концентрирует в себе все базовые противоречия цифрового общества. Его изучение позволяет зафиксировать не просто статистические показатели внедрения компьютеров, а выявить глубинные сдвиги в культуре мышления, ценностях и структуре идентичности интеллектуального потенциала нации [2].

Эмпирическая верификация пяти базовых срезов социальной идентичности респондентов (N = 542) позволила зафиксировать неравномерный, мозаичный характер «ментальной цифровизации».

Образовательная идентичность – эпицентр трансформации. Данный маркер зафиксировал абсолютное доминирование позитивных оценок: 60,4 % (327 человек) четко связывают свое самоощущение как субъекта академического пространства с цифровыми технологиями. Это доказывает, что этос студента и преподавателя в Республике Беларусь сегодня неотделим от цифрового присутствия (экосистемы LMS, облачных платформ, сетевых профессиональных сообществ). Академическое «Я» оказалось наиболее пластичным и оцифрованным элементом самосознания.

Профессиональный срез демонстрирует умеренную динамику. Позитивное влияние цифровых технологий на профессиональное самоощущение отмечают 49,4 % респондентов, что связано с ростом значимости цифрового портфолио и сетевой мобильности.

Возрастной срез. Принадлежность к поколению «цифровых аборигенов» доминирует нейтральная позиция: 50,2 % опрошенных воспринимают гаджеты как естественный фоновый маркер повседневности, а не как активный фактор идентичности.

Культурная идентичность демонстрирует высокую устойчивость: 45 % респондентов заняли нейтральную позицию, не связывая цифровизацию напрямую с размыванием культурных устоев.

Национальная идентичность также показала устойчивость: 48,2 % нейтральных ответов. При этом важно, что 46,3 % респондентов находят в сетевой среде ресурсы для укрепления национального самосознания через потребление локального контента.

Таким образом, сетевая среда не воспринимается как инструмент эрозии национальных устоев; напротив, значительная часть академического сообщества рассматривает ее как площадку для консолидации культурного и национального самосознания.

При исследовании фундаментального ценностного профиля образовательной среды находит свое объяснение латентная культурная тревожность. Математически выверенное ранжирование ценностей респондентов по доле высшего (1-го) ранга важности выявило жесткое преобладание экзистенциальных и гуманистических ориентиров над технологическими:

Рисунок 2. Аксиологический профиль образовательной среды

Тот факт, что технологический прогресс как самоценность замыкает список жизненных приоритетов, набрав лишь 10,5 % первых мест, доказывает: в белорусском академическом сообществе культура сохраняет антропоцентричный и безопасностно-ориентированный характер. Культура здесь выступает не как тормоз модернизации, а как защитный механизм

личности [3]. Респонденты подсознательно оценивают любую государственную или институциональную стратегию цифровизации сквозь призму двух базовых культурных вопросов: гарантирует ли данная инновация безопасность (63,7 %) и оставляет ли она пространство для личной автономии и творчества (40,2 %)?

Положительным маркером является то, что исследуемое сообщество не демонстрирует радикального культурного консерватизма или слепой технофобии. При анализе характера воздействия цифровых технологий на традиционные ценности общества доминирующим вектором выступает концепция культурной эволюции и адаптации: 30,1 % опрошенных считают, что технологии «способствуют новому восприятию и прочтению традиционных ценностей», а 22 % уверены, что они «скорее сохраняют, чем разрушают» культурное ядро. Радикальный алармизм («полностью разрушают ценности») ограничен ничтожной долей в 1 %.

Таким образом, роль культуры в процессах цифровизации общества заключается в выполнении функции смыслообразующего координатора. Культура не противостоит цифровизации, но жестко навязывает ей гуманистические правила игры. В современных условиях место культуры в стратегии цифрового развития должно быть переосмыслено: от утилитарной «оцифровки фондов» необходимо переходить к созданию защищенной, ценностно-ориентированной цифровой экосистемы, где технологии выступают не довлеющей силой, а гибким инструментом, обеспечивающим автономию, безопасность и креативное самовыражение человека [4].

Анализ всей совокупности социокультурных последствий (сдвигов в идентичности, карты рисков и ИИ-экспансии) позволяет научно смоделировать два полярных сценария дальнейшей реализации стратегии цифровой трансформации в Республике Беларусь: *технократически-директивный сценарий (инерционный) и гуманистический сценарий (концепция соучаствующего проектирования).*

Переход к гуманистическому сценарию требует активации выявленного нами мощного латентного ресурса гражданской активности: вовлечения 44,4 % респондентов, готовых к цифровой волонтерской деятельности, и 27,5 % мотивированных специалистов, стремящихся работать в экспертных советах. Управление цифровой трансформацией переводится на рельсы гибкой сетевой демократии с использованием инструментов мгновенной обратной связи – экспресс-опросов, которые получили максимальную легитимность среди 87,4 % участников исследования [5].

Образовательное пространство Республики Беларусь концентрирует в себе все базовые противоречия цифрового общества. Эмпирическое исследование (N = 542) выявило мозаичный характер «ментальной цифровизации»: наиболее пластичной оказалась образовательная идентичность (60,4 % позитивных оценок), тогда как национально-культурная идентичность демонстрирует высокий иммунитет к цифровому давлению (45 % и 48,2 % нейтральных ответов соответственно).

Аксиологический анализ зафиксировал превосходство экзистенциальных ценностей (стабильность – 63,7 %, автономия – 54,4 %) над технологическим прогрессом (10,5 %). Это свидетельствует о том, что культура выполняет в образовательной среде функцию смыслообразующего координатора и защитного механизма личности.

В качестве оптимальной стратегии предлагается гуманистический сценарий соучаствующего проектирования, опирающийся на высокий уровень субъектности академического сообщества и его готовность к цифровой волонтерской деятельности (44,4 %) и экспертному участию (27,5 %). Только такой подход позволяет гармонизировать технологическую модернизацию с фундаментальными ценностями белорусского общества — стабильностью и безопасностью, личной автономией и творческим самовыражением, превращая цифровую среду из источника тревоги в безопасное и эффективное пространство развития человеческого потенциала нации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пренски, М. Цифровые аборигены, цифровые иммигранты / М. Пренски // На пути к цифровому обществу. – 2001. – Т. 9, № 5. – С. 1–6.

2. Данилов, А. Н. Общество в условиях цифровой реальности: социологический ракурс / А. Н. Данилов // Социологический альманах. – 2023. – Вып. 14. – С. 12–25.

3. Бабосов, Е. М. Человек в изменяющемся мире / Е. М. Бабосов. – Мн.: Беларуская навука, 2014. – 341 с.

4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 22 апр. 2011 г., № 157 // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 48. – 1/12497. (С учетом обновлений 2024–2026 гг.).

5. Мартинович, С. В. Цифровая идентичность молодежи в мегаполисе / С. В. Мартинович // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2024. – № 2. – С. 45–53.

УДК 657.1:336.22

ПРОЦЕНТНЫЕ СТАВКИ И ДОЛГОВАЯ НАГРУЗКА БИЗНЕСА: РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ

Солодовникова М. В.
старший преподаватель кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал
г. Челябинск, Россия

Санасарян А. А.
студент факультета Экономики и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал
г. Челябинск, Россия

Трансформация глобальной финансовой архитектуры, усиление санкционного давления и перестройка внешнеэкономических связей создают качественно новую среду для функционирования бизнеса на постсоветском пространстве. Одним из наиболее чувствительных индикаторов этой среды выступают процентные ставки, определяющие стоимость заёмного капитала и, как следствие, — предельный уровень долговой нагрузки, который предприятие способно выдержать без ущерба для финансовой устойчивости.

В Республике Беларусь ставка рефинансирования Национального банка служит базовым ориентиром для ценообразования на кредитном рынке [7]. В Российской Федерации аналогичную функцию выполняет ключевая ставка Банка России. В обоих случаях ужесточение монетарной политики ведёт к росту стоимости обслуживания долга, что немедленно находит отражение в финансовых результатах организаций и требует от бухгалтерских служб корректного применения соответствующих стандартов учёта.

Если сравнить, как именно учитываются долговая нагрузка и затраты на обслуживание кредитов в Беларуси, России и по стандартам МСФО, можно заметить общую концептуальную базу, но при этом есть и серьезные отличия. Все ключевые различия систематизированы в таблице.

Таблица. Сравнительная характеристика отражения процентных расходов и долговой нагрузки

Критерий сравнения	**Республика Беларусь (НСБУ)**	**Российская Федерация (РСБУ)**	**МСФО**
Основной нормативный акт	Закон № 57-З; Инструкция № 102 [1; 2]	Закон № 402-ФЗ; ПБУ 15/2008; ФСБУ 26/2020 [3; 4]	IAS 23; IFRS 7 [6; 8]
Признание процентов в расходах	В составе расходов по финансовой деятельности текущего периода	Расходы периода либо капитализация в стоимость инвестиционного актива	Расход периода, кроме затрат по квалификационным активам
Капитализация процентов	Допускается в ограниченных случаях	Обязательна при одновременном выполнении трёх условий (п. 7 ПБУ 15/2008)	Обязательна для всех квалификационных активов (п. 8 IAS 23)
Раскрытие процентного риска	В примечаниях к бухгалтерской отчётности	В пояснениях к бухгалтерской отчётности	Детальное количественное и качественное раскрытие (IFRS 7)
Определение актива, подлежащего капитализации	Не формализовано в отдельном стандарте	Инвестиционный актив — срок создания свыше 12 месяцев	Квалификационный актив — подготовка требует значительного времени

Анализ таблицы показывает, что основное различие между системами кроется в подходах к капитализации процентов. Здесь МСФО, а именно стандарт IAS 23, диктует самые строгие правила. Суть предписания проста: если заемные средства привлекаются для создания квалификационного актива (то есть объекта, подготовка которого к эксплуатации требует длительного времени), затраты по обслуживанию долга нужно обязательно включать в его стоимость [6].

Российское ПБУ 15/2008 ставит более жесткие процессуальные рамки. Чтобы начать капитализировать проценты по инвестиционным активам, нужно дождаться, пока совпадут сразу три фактора: затраты на сам актив уже произведены, долг фактически возник, и работы по его созданию начаты [4].

Совершенно иная картина наблюдается в Беларуси. Местная Инструкция по учету доходов и расходов дает компаниям гораздо больше свободы маневра. По умолчанию процентные платежи у нас уходят в расходы текущего периода (в финансовую деятельность), а к капитализации прибегают редко и, как правило, по исключительным причинам [2].

Н. П. Кондраков подмечает: решение о том, куда отнести проценты — в стоимость актива или сразу в расходы, — это вовсе не сухая бухгалтерская техника. От этого выбора напрямую зависит то, как со стороны будет выглядеть бизнес [5, с. 342].

Когда капитализируется долг, балансовая стоимость объекта растет, а бремя расходов «растягивается» во времени за счет последующей амортизации. В краткосрочной перспективе это позволяет существенно улучшить показатели рентабельности. Если же проценты списывают сразу, текущая прибыль падает. Как отмечают многие эксперты, такой подход гораздо консервативнее и дает куда более честное, достоверное представление о реальном финансовом состоянии компании.

С позиции раскрытия информации о долговой нагрузке наиболее развитым инструментарием располагает МСФО (IFRS) 7, обязывающий организации раскрывать не только количественные параметры процентного риска, но и качественные аспекты политики управления им, включая результаты анализа чувствительности [8]. Российское законодательство, опираясь на Федеральный закон № 402-ФЗ и систему федеральных

стандартов, постепенно сближается с международной практикой: в частности, ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения» ввёл правила включения процентов в первоначальную стоимость объекта, что приблизило российскую модель к требованиям МСФО (IAS) 23 [4]. В белорусской системе аналогичная конвергенция протекает медленнее, хотя Закон № 57-З прямо декларирует ориентацию национальной системы учёта на международные стандарты [1].

Высокая долговая нагрузка в условиях дорогих кредитов — это не просто строка в балансе, но реальный ограничитель инвестиционной активности. Шеремет А. Д. подчёркивает, что при оценке финансовой устойчивости необходимо анализировать не только абсолютный объём обязательств, но и структуру их обслуживания, долю процентных расходов в выручке и динамику коэффициента покрытия процентов [9, с. 218]. Организация, направляющая более трети операционной прибыли на обслуживание долга, попадает в зону повышенного риска — и это обстоятельство должно быть прозрачно раскрыто в примечаниях к финансовой отчётности вне зависимости от того, какой системой стандартов руководствуется предприятие.

Таким образом, сопоставительный анализ показывает, что при формальном сходстве базовых принципов белорусская, российская и международная системы учёта предлагают существенно различающиеся механизмы отражения процентных расходов и долговой нагрузки. В условиях, когда стоимость заёмных средств остаётся высокой, а макроэкономическая среда — трудно предсказуемой, качество и полнота раскрытия соответствующей информации в отчётности приобретают особое значение как для внутренних управленческих решений, так и для внешних пользователей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О бухгалтерском учете и отчетности : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 57-З : в ред. от 29.12.2023 г. // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Об утверждении Инструкции по бухгалтерскому учету доходов и расходов : постановление Минфина Респ. Беларусь, 30 сент. 2011 г., № 102 : в ред. от 29.12.2023 г. // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. О бухгалтерском учете : федер. закон Рос. Федерации, 6 дек. 2011 г., № 402-ФЗ : в ред. от 28.05.2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7344.

4. Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет расходов по займам и кредитам» (ПБУ 15/2008) : приказ Минфина России, 6 окт. 2008 г., № 107н : в ред. от 06.04.2023 г. // Российская газета. – 2008. – 22 нояб.

5. Кондраков, Н. П. Бухгалтерский учет : учебник / Н. П. Кондраков. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2020. – 720 с.

6. International Financial Reporting Standard (IAS) 23 Borrowing Costs [Электронный ресурс] // IFRS Foundation. – URL: https://www.ifrs.org. (date of access: 20.07.2026).

7. Отчет о развитии банковского сектора Республики Беларусь за 2025 год [Электронный ресурс] / Национальный банк Республики Беларусь. – Минск, 2026. – URL: https://www.nbrb.by. (дата обращения: 20.07.2026).

8. International Financial Reporting Standard (IFRS) 7 Financial Instruments: Disclosures [Электронный ресурс] // IFRS Foundation. – URL: https://www.ifrs.org. (дата обращения: 20.07.2026).

9. Шеремет, А. Д. Комплексный анализ хозяйственной деятельности : учебник / А. Д. Шеремет. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 416 с.

УДК 331.5:004.8

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА В ПАРАДИГМЕ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УЗБЕКИСТАНЕ

Саттарова Б. Ш.
ст. преподаватель кафедры экономика труда и управление
Ташкентского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова
г. Ташкент, Узбекистан

За последние три десятилетия глобальная экономическая система претерпела глубокую трансформацию, обусловленную быстрым распространением информационно-коммуникационных технологий, которая меняет структуру рынка труда, содержание профессий, логику трудовых отношений и требования к человеческому капиталу. Искусственный интеллект затронет почти 40 % рабочих мест в мире, заменив одни и дополнив другие. В странах с развивающейся экономикой и странах с низким уровнем дохода, напротив, ожидается, что доля использования ИИ составит 40% и 26% соответственно [1]. Поскольку почти 40 % рабочих мест в мире подвержены влиянию искусственного интеллекта, опасения по поводу потери рабочих мест и сокращения возможностей для некоторых групп населения становятся все более острыми. Это подчеркивает необходимость активной и всеобъемлющей политики, которая подготовит рабочую силу к будущему рынка труда и обеспечит широкое распределение преимуществ ИИ [2].

Стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030» представляет собой комплексную национальную программу, направленную на формирование цифровой экономики, развитие электронного правительства и повышение доступности цифровых услуг для населения [3]. «Цифровой Узбекистан – 2030» можно рассматривать как один из ключевых инструментов перехода страны к инновационной модели развития, где информационно-коммуникационные технологии выступают основой модернизации экономики, повышения качества человеческого капитала и интеграции Узбекистана в глобальное цифровое пространство. В этом контексте цифровизация становится важным фактором социально-экономического развития, повышения прозрачности государственных процессов и формирования новых компетенций у граждан. Для достижения целевого показателя правительство Узбекистана ставит задачу увеличить количество рабочих мест в ИТ-сфере до 300 000 к 2030 году. Для этого потребуется обеспечить среднегодовой темп роста занятости в данном секторе на уровне более 22%.

Таблица 1. Динамика численности занятых в сфере ИКТ в Узбекистане за 2017-2025 годы [4]

№	Годы	Количество занятых в сфере ИКТ (чел)	Рост к 2017 году (в %)	Прирост к предыдущему периоду (в %)
1	2017	53 100	100	-
2	2020	62 200	117,1	+ 17,1
3	2023	87 800	165,3	+ 41,2
4	2025	108 800	204,9	+ 23,9

Общий рост за 2017–2025 годы составил 204,9%, т. е количество занятых в сфере ИКТ выросло на 104,9%, примерно в 2,05 раза. Национальная инициатива Узбекистана в области искусственного интеллекта является важным продолжением курса страны на цифровую трансформацию и формирование современной экономики, основанной на знаниях, данных и инновациях [5]. Искусственный интеллект становится не вспомогательным инструментом, а самостоятельным фактором повышения эффективности национальной экономики и трансформации рынка труда, что также отмечается в работах К. Х. Абдурахманова [6, с.141]

Таблица 2. Оценка Узбекистана по ключевым компонентам готовности к внедрению искусственного интеллекта [7].

№	Ключевые компоненты	Баллы
1	Policy Capacity – политико-управленческий потенциал	80,5
2	AI Infrastructure – инфраструктура искусственного интеллекта	47
3	Governance – управление и регулирование	79,1
4	Public Sector Adoption – внедрение ИИ в государственном секторе	64,4
5	Development & Diffusion – развитие и распространение технологий	43,8
6	Resilience – устойчивость системы	38

На основе представленных показателей Oxford Insights за 2025 год Узбекистан демонстрирует достаточно высокий институциональный потенциал в сфере искусственного интеллекта, однако практическое распространение ИИ, инфраструктурная база и системная устойчивость пока остаются зонами дальнейшего развития. ИИ рассматривается не просто как технология, а как фактор трансформации рынка труда, повышения производительности и развития человеческого капитала в условиях цифровой экономики Узбекистана.

Таблица 3. Рынок труда в Узбекистане (млн. чел.) на апрель 2026 г [8]

Классификаторы	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Численность трудовых ресурсов	19158,2	19334,9	19517,5	19739,6	20085,2	20602,6
Уровень экономической активности населения	73,8	74,1	73,7	72,9	72,3	74,0
Численность экономически активного населения	14797,4	14980,7	15038,9	15038,3	15097,9	15678,8
Численность занятых в экономике	13236,4	13538,9	13706,2	14014,2	14261,9	14933,9
Численность официально зарегистрированных безработных	37110,0	98689,0	48954,0	36690,0	13723,0	253,0
Уровень занятости	66,0	67,0	67,2	67,9	68,3	70,5
Численность безработных	1561,0	1441,8	1332,7	1024,1	836,0	744,9

Особое значение внедрение ИИ имеет для рынка труда Узбекистана. Возрастает потребность в специалистах, обладающих цифровыми компетенциями, навыками анализа данных, работы с алгоритмами, цифровыми платформами и интеллектуальными системами. В этих условиях человеческий капитал становится главным ресурсом адаптации национального рынка труда к новым технологическим вызовам [9, с. 90-95].

Таким образом, цифровая трансформация рынка труда в Узбекистане требует комплексного подхода. С одной стороны, необходимо развивать цифровую инфраструктуру, расширять доступ к интернету, поддерживать ИТ-предпринимательство и внедрение искусственного интеллекта. С другой стороны, ключевым условием успешной трансформации является развитие человеческого капитала, повышение качества образования, формирование цифровых компетенций и обеспечение готовности работников к новым требованиям рынка труда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Georgieva, K. AI Will Transform the Global Economy. Let's Make Sure It Benefits Humanity [Electronic resource] / K. Georgieva // International Monetary Fund. – 2024. – URL: https://www.imf.org/en/blogs/articles/2024/01/14/ai-will-transform-the-global-economy-lets-make-sure-it-benefits-humanity. – (date of access: 06.07.2026).

2. Cazzaniga, M. Gen-AI: Artificial Intelligence and the Future of Work [Electronic resource] / M. Cazzaniga, F. Jaumotte, L. Li [et al.] // International Monetary Fund. Staff Discussion Notes. – 2024. – URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/sdn/2024/english/sdnea2024001.pdf. – (date of access: 06.07.2026).

3. О Стратегии «Узбекистан – 2030»: Указ Президента Республики Узбекистан, 11 сент. 2023 г., № УП-158 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: https://lex.uz/uz/docs/6600404. (дата обращения: 06.07.2026).

4. Численность работников в юридических лицах, осуществляющих деятельность в сфере ИКТ [Электронный ресурс] // Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. – URL: https://siat.stat.uz/data/537// (date of access: 06.07.2026).

5. О мерах по реализации приоритетных проектов в области технологий искусственного интеллекта в 2025–2026 годах: Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан, 10 июля 2025 г., № 425 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: https://lex.uz/ru/docs/7623817. (дата обращения: 06.07.2026).

6. Абдурахманов, К. Х. Искусственный интеллект – основа устойчивого развития экономики / К. Х. Абдурахманов. – Москва : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2023. – 356 с.

7. Government AI Readiness Index 2025 [Electronic resource] / Oxford Insights. – 2025. – URL: https://oxfordinsights.com/ai-readiness/government-ai-readiness-index-2025/. (date of access: 06.07.2026).

8. Рынок труда // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. – URL: https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market. (date of access: 06.07.2026).

9. Саттарова Б.Ш. Цифровизация и автоматизация: вызовы и возможности управления человеческими ресурсами в Узбекистане. В сборнике: Управление персоналом: реалии настоящего и возможности будущего. сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. Донецк, 2025. – С. 90–95.

УДК 316.42:366.02

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В БЕЛАРУСИ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ

Семёнова А. В.
научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук
г. Минск, Беларусь

На современном этапе государство активно принимает участие в развитии цифровой потребительской инфраструктуры, что является не только важным аспектом цифровизации и экономического роста в стране, но и одним из направлений обеспечения равных условий для удовлетворения потребностей в товарах и услугах для белорусского населения, независимо от географической локализации. Благодаря возможности посещения онлайн-магазинов, жители регионов, ограниченные в доступе к определенным товарам и услугам по месту проживания,

могут их приобрести в любой точке страны и мира, не выходя из дома. Вместе с тем расширяется потребительский рынок за счет продавцов онлайн, которые имеют больше условий и средств для стимулирования продаж, связанных с процессами взаимодействия с потребителями и в целом организацией и реализацией деятельности.

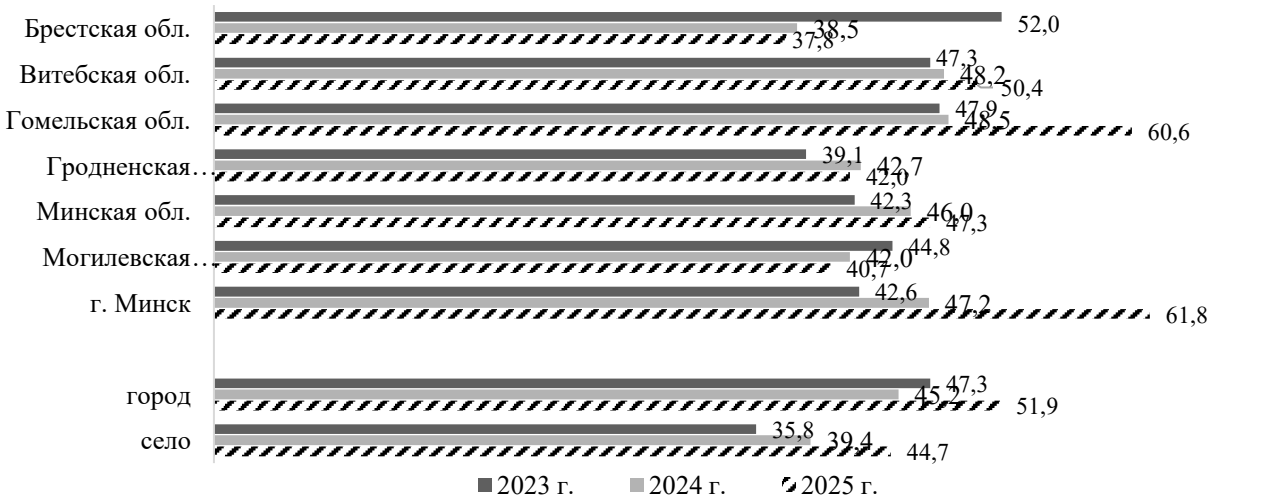
Эффективность политики в сфере развития цифровой потребительской инфраструктуры определяется не только статистическими показателями в этой сфере, но и субъективными оценками населения в разрезе областей, городских и сельских населенных пунктов, связанными с отношением к онлайн-торговле в связи с потребительским опытом.

Для изучения востребованности онлайн-торговли среди белорусского населения рассмотрим результаты ряда республиканских тематических исследований, реализованных Институтом социологии НАН Беларуси по заказу Министерства информации Республики Беларусь в сентябре–октябре 2023 г. (N=1344), августе–сентябре 2024 г. (N=1353), июле–августе 2025 г. (N=1338), отражающих предпочтения среди жителей страны в зависимости от области и типа населенного пункта получать информацию о товарах и услугах из Интернета.

Рисунок 1. Предпочтение получать информацию о товарах и услугах из Интернета среди белорусского населения в зависимости от области и типа населенного пункта, 2023–2025 гг., в % от числа пользующихся Интернетом

На протяжении рассматриваемого периода так продолжает поступать примерно каждый второй житель Витебской (47,3 % – 2023 г., 48,2 % –2024 % и 50,4 % – 2025 г.), Минской (42,3 %, 46,0 % и 47,3 % соответственно), Гродненской (39,1 %, 42,7 % и 42,0 % соответственно), Могилевской (44,8 % – 2023 г., 42,0 % – 2024 г., 40,7 % – 2025 г.) областей (рис. 1). Заметно выросло число пользователей Интернет-ресурсов с информацией о товарах и услугах среди населения Гомельской области (47,9 % – 2023 г., 48,5 % – 2024 г., 60,6 % – 2025 г.) и г. Минска (42,6 % – 2023 г., 47,2 % – 2024 г., 61,8 % – 2025 г.). Брестская область, наоборот, обращает внимание сокращением предпочтений среди респондентов информации о товарах и услугах в Интернете (52,0 % – 2023 г., 38,5 % – 2024 г., 37,8 % – 2025 г.) (рис. 1).

С 2023 по 2025 г. число сельчан, которые пользуются Интернетом с целью узнать о товарах и услугах, постепенно увеличивалось (35,8 % –2023 г., 44,7 % – 2025 г.) и стало менее отличаться от числа таковых горожан (47,3 % – 2023 г., 44,7 % – 2025 г.) (рис. 1).

Что касается опыта приобретения товаров и услуг посредством Интернет-сервисов, то он изучался в рамках мониторинга Института социологии НАН Беларуси, реализованного в апреле 2023 г. (N=1847).

Таблица 1. Частота использования Интернета для заказа и покупки потребительских товаров среди белорусского населения в зависимости от области и типа населенного пункта, 2023 г., в % от числа опрошенных

Область, регион	**Тип н.п.**	**Заказ и покупка потребительских товаров в Интернете (в %)**		
		Часто	***Редко***	***Никогда***
Брестская обл.	город	54,5	22,8	22,8
	село	31,5	28,7	39,7
Витебская обл.	город	35,6	28,9	35,6
	село	23,1	16,7	60,4
Гомельская обл.	город	45,2	18,6	36,2
	село	31,6	30,0	38,4
Гродненская обл.	город	35,9	39,4	24,6
	село	34,0	34,0	32,0
Минская обл.	город	41,4	27,2	31,3
	село	31,9	33,6	34,4
Могилевская обл.	город	57,0	12,7	30,2
	село	36,4	15,2	48,5
г. Минск		51,7	27,0	21,3

В целом горожане выступают более опытными потребителями товаров посредством Интернета. Больше всего таких зафиксировано в Брестской (54,5 % против 31,5 % сельчан), Гомельской (45,2 % против 31,6 % сельчан), Минской (41,4 % против 31,9 % сельчан) областях и в г. Минске (51,7 %). На фоне остальных регионов выделяется Витебский, в котором заказывают товары и услуги онлайн среди горожан 35,6 % – часто, 28,9 % – редко и 35,6 % – не делают этого никогда, среди сельчан – только 23,1 % часто и 16,7 % – редко, тогда как никогда – 60,4 %. Равные проценты опытных пользователей интернет–магазинов зафиксированы в группах городских и сельских респондентов Гродненской области: часто делают это 35,9 и 34,0 % соответственно. Однако если в остальной части городского населения этой области преобладают те, кто редко делает покупки в Интернете (39,4 %) над никогда этого не делающими (24,6 %), то среди сельского населения – их проценты практически равны (34,0 и 32,0 % соответственно) (табл. 1).

Анализ показал, что в среднем более трети жителей страны используют Интернет-ресурсы для поиска информации на этапах принятия решения о покупке и выбора товаров и услуг, а также их непосредственной покупки. В целом в Республике Беларусь наблюдается положительная динамика развития цифровой потребительской инфраструктуры. Актуальными остаются направления политики по внедрению инструментов цифровизации в функционирование потребительской инфраструктуры, а также популяризации их возможностей среди сельского населения, независимо от региона проживания. Достижение полного баланса в развитости регионов требует гибкой политики и применения адресных мер, с учетом специфики регионов.

УДК 001.89-057.4-055.2:005.963.2

УСЛОВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН – МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ (НА ПРИМЕРЕ НАН БЕЛАРУСИ)

Соловей А. П.
научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Актуальность изучения различных аспектов профессиональной самореализации женщин – молодых ученых обуславливается следующими важными, но не исчерпывающими, на наш взгляд, обстоятельствами.

Во-первых, активной представленностью женщин среди исследователей до 35 лет в отечественной науке, удельный вес которых в целом по республике 32,7 %, в НАН Беларуси – 51,0 % [1, с. 18; 2, с. 279].

Во-вторых, включение женщин в науку (феминизация науки) имеет стратегически важное значение для развития научного знания и общества: 1) повышает интеллектуальный потенциал не только науки, но и нашего государства в целом; 2) способствует трансформации гендерных стереотипов относительно представленности, возможностей и способностей женщин и мужчин в науке; 3) содействует популяризации науки и формировании успешных ролевых моделей женщин-ученых, репрезентирующих профессию ученого и STEM-образование среди школьниц и студенток; 4) усиливает научное знание за счет новых тематик, гибких методологий, вариативности концепций и парадигм, уникальности неизученных направлений и проблемных тем о женщинах как социально-демографической и профессиональной группы общества.

В-третьих, опыт социологических исследований прошлых лет (2017–2024 гг.) подтверждает значимость развития профессиональной карьеры для молодых женщин исследовательниц, которые рассматривают науку как призвание и окончательный профессиональный выбор, заинтересованы в построении научной карьеры и планируют защитить диссертации в будущем.

В-четвертых, необходимостью повышения эффективности подготовки научных кадров высшей квалификации и выявления специфики научно-исследовательской продуктивности ученых с учетом возрастных, гендерных и квалификационно-должностных особенностей.

Для эффективной профессиональной самореализации важное значение имеют благоприятные условия научно-исследовательской деятельности и повышения исследовательской продуктивности. По результатам онлайн-опроса молодых ученых НАН Беларуси по теме «Социальное и профессиональное положение молодых ученых (2025 г., N = 826, из них 483 женщины, уровень погрешности не превышает 2,34 % при $\alpha = 0,05$) рассмотрим условия повышения результативности научно-исследовательской деятельности для женщин – молодых ученых. При изучении данных условий следует учитывать как объективные, так и субъективные его аспекты, которые комплексно влияют на характер, содержание и результаты научного труда (см. рисунок).

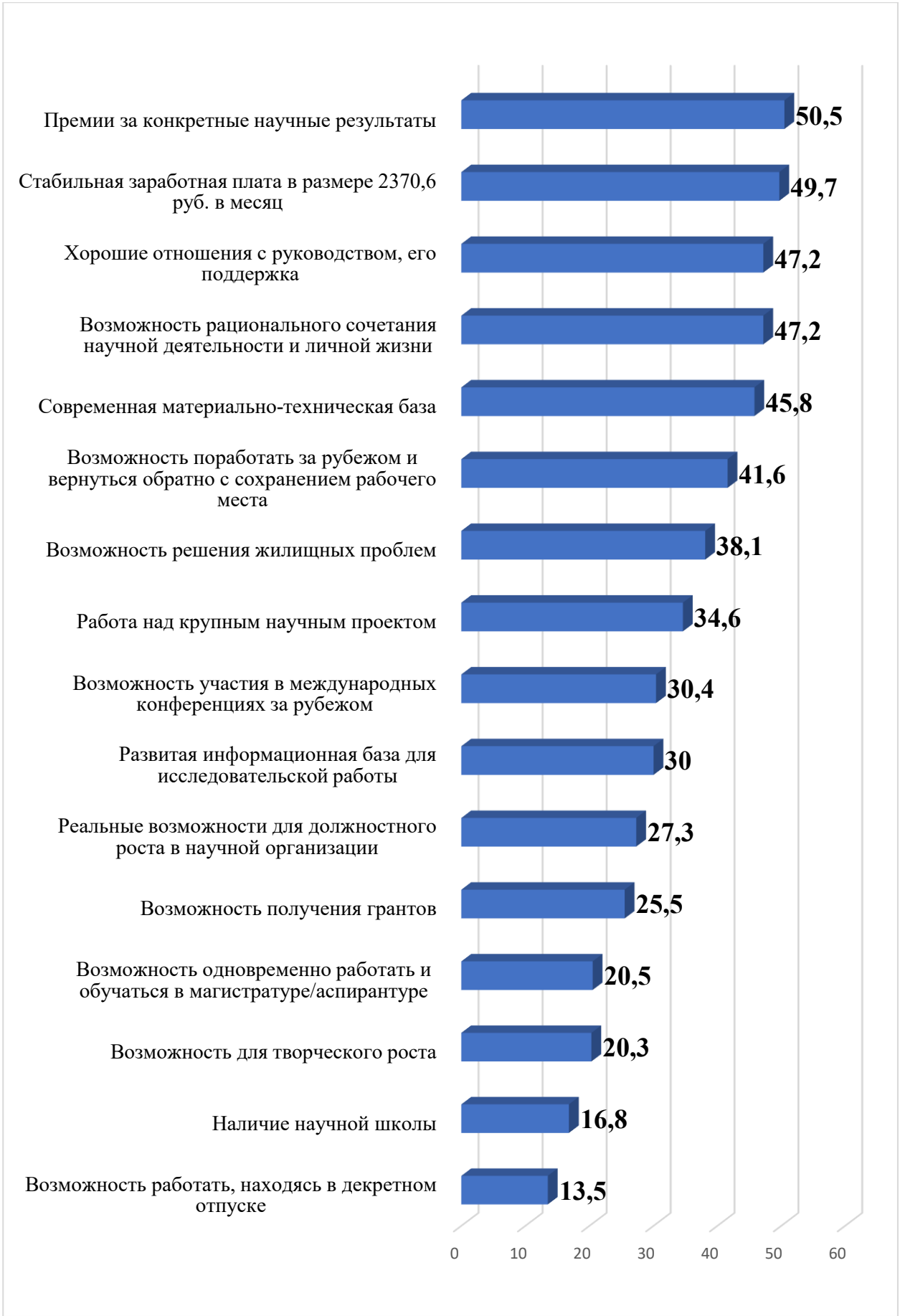

Рисунок. Условия повышения результативности научно-исследовательской деятельности женщин – молодых ученых НАН Беларуси (в %)

Анализ эмпирических данных, представленных на рисунке, позволяет выделить пятерку лидирующих условий, повышающих результативность научно-исследовательской деятельности женщин – молодых ученых НАН Беларуси. На первом месте среди данных условий премии за конкретные научные результаты (50,5 %), на втором – стабильная заработная плата в размере 2370,6 руб. в месяц (в анкете предполагалось указать желаемый уровень заработной платы), на третьем оказались два условия – хорошие отношения с руководством, его поддержка; возможность рационального сочетания научной деятельности и личной жизни (по 47,2 %); на четвертом – современная материально-техническая база (45,8 %); на пятом – возможность поработать за рубежом и вернуться обратно с сохранением рабочего места (стажировки за рубежом) (41,6 %). Значительная доля респонденток указала на возможности решения жилищных проблем (38,1 %). Для каждой третьей среди таких условий являются работа над крупным научным проектом (34,6 %), возможность участия в международных конференциях за рубежом (30,4 %), развитая информационная база для исследовательской работы (30,0 %). Для каждой четвертой молодой исследовательницы чтобы повысить результативность работы необходимы реальные возможности для должностного роста в научной организации (27,3 %) и возможность получения грантов (25,5 %), каждой пятой – возможность одновременно работать и обучаться в магистратуре/аспирантуре (20,5 %) и возможность для творческого роста (20,3 %). Наименее важными условиями для женщин оказались наличие научной школы (16,8 %) и возможность работать, находясь в декретном отпуске (13,5 %).

Таким образом, женщины – молодые ученые выступают значимым кадровым потенциалам развития фундаментальной и прикладной науки, внося личный вклад в приращение исследовательских направлений и решение практических научно-технологических задач. Объективные и субъективные условия эффективности научно-исследовательский деятельности оказывают существенное влияние на профессиональную самореализацию женщин-ученых, обуславливая тем самым необходимость учета данных условий при построении научной карьеры и повышении вклада женщин в отечественную науку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь за 2025 год : стат. бюлл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; отв. за вып..: Т. И. Силич. – Минск, 2026. – 75 с.

2. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2025 году / Нац. акад. наук Беларуси. – Мн. : Бел. навука, 2026. – 317 с.

УДК 327.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА: КОНЕЦ ЭПОХИ ЛИБЕРАЛИЗМА?

Соловьев Э. Г.
зав. сектором теории политики ИМЭМО РАН,
кандидат политических наук
Москва, Россия

Международные отношения середины и второй половины XX столетия характеризовались тем, что традиционный комплекс факторов, лежащих в основе мировой политики, был дополнен сильным идеологическим компонентом, возможно, впервые со времен религиозных войн XVI в. Причем вес идеологической составляющей по мере развития холодной войны и биполярного противостояния имел тенденцию к росту. Холодная война представляла собой не просто очередную фазу борьбы за мировое лидерство между ведущими державами (на тот момент сверхдержавами – США и СССР), но одновременно и выраженную

идеологическую войну, призванную навязать противостоящей стороне определенную систему ценностей, политический режим, форму социального устройства. Противостояние полюсов подразумевало жесткую конкуренцию между антагонистами, разыгрывавшими идеологически обусловленную игру с нулевой суммой. При этом борьба велась на уничтожение – предполагалось, что исход противоборства зафиксирует победу одной из сторон и исчезновение другой.

С завершением холодной войны в общественно-политическом дискурсе стран Запада была актуализирована тема «конца идеологий», утраты внешней политикой идеологического измерения. Однако в реальности идеологическая составляющая оказалась глубоко интегрирована в формировавшийся «новый» мировой порядок, а доминирование стран Запада легитимировалось том числе и посредством идеологического инструментария. В рамках проявившегося к началу XXI в. «униполярного момента» страны Запада, как и сто, и двести лет назад, пытались играть роль авангарда, проецирующего (в том числе принудительно) свои ценности и институты (рынок, права человека, демократию) на другие общества, которые (пусть и в различной степени) готовы были оказать этому сопротивление и которые, как ни парадоксально, отстаивают ныне совокупность институтов и норм, навязанных им Западом ранее (суверенитет, территориальная целостность, дипломатия как основная форма взаимодействия на международной арене и т.д.) [1, p. 237]. Международные отношения представляли собой систему центр-периферийных отношений, в которых роль центра, генерирующего и распределяющего (по Д.Истону) ценности и нормы принадлежала странам Запада во главе с США. По аналогии с существующим в теории международных отношений понятием «наступательного реализма», можно обозначить новый период (с 1990-х гг. примерно по середину 2010-х гг.) как период «наступательного либерализма» (offensive liberalism), предполагавшего возможность активного (в т.ч. с помощью применения силы) продвижения демократических институтов и ценностей, смены режимов по всему миру как главного условия обеспечения мира и всеобщей безопасности. Либерализм как идеология и либеральная теория международных отношений оказались на пике влияния к рубежу XX-XXI вв.

Расцвет либерализма в теории и практике международных отношений

Распад Советского Союза стал восприниматься многими политиками и исследователями не только как рубеж окончания идеологических конфликтов, но и как конец геополитики [2]. Мировая история и история международных отношений выглядела логичным примером линейного или цикличного (в зависимости от предпочтений тех или иных авторов) развития от несовершенного баланса сил периода Нового времени через существенно более стабильную биполярность эпохи холодной войны к консолидированному и управляемому однополярному миру («новому мировому порядку»)). Место соотношения сил, проблем безопасности, структурных переменных в мировой политике заняли иные факторы. И среди них определяющую роль заняло распространение либеральных норм и институтов, обеспечивающее поступательное социально-экономического развитие и предсказуемые рамки конкуренции тех или иных политических сообществ друг с другом. Довольно соблазнительной идея конца идеологии выглядела для Соединенных Штатов и их западных союзников, которые при таком развитии событий могли минимизировать издержки на поддержание собственного лидерства в рамках возникающего либерального и униполярного мирового порядка, используя все преимущества от глобализации и открытости мировых рынков.

В рамках дебатов по теории международных отношений и современному состоянию дел в мировой политике западными авторами в последнюю четверть века, как правило, акцентировался кризис Вестфальской системы и эрозия функций суверенного «вестфальского» государства. Новый мировой порядок, мир, основанный на правилах, должен был зиждиться на либеральной идеологической платформе. Гоббсианская «анархичность» международной среды постепенно преодолевалась бы посредством формирования

международного сообщества, объединенного общепризнанными правилами поведения основных акторов, разделяемыми общими ценностями, идеалами. В рамках подобных концептуальных построений демократические институты, эффективное правление (good governance) являются предпосылкой выстраивания стабильных предсказуемых отношений между государствами. Утверждалось как аксиома, что либерализация и демократическая унификация политических систем необходимы для обеспечения всеобщего мира и безопасности. В этом контексте смена режима, «распространение демократии» выступает приемлемой стратегией обеспечения безопасности и собственного морального и политического лидерства странами Запада. А экономическая взаимозависимость и существующие международные институты призваны сформировать более мирную и кооперативную международную среду. Либерализм позиционируется как универсальный набор идей, применимых вне зависимости от национальных и культурных различий. Кроме того, как отмечал Дж. Айкенберри, у развивающихся опережающими темпами потенциальных ревизионистов, таких как Китай, появляется необходимость защищать все больше «активов», что постепенно приводит к их интеграции в существующий мировой порядок и купирует возможность вызова системе глобального господства с их стороны [3]. Дискуссии внутри либеральной парадигмы шли лишь относительно того, должно ли распространение либеральных ценностей и институтов демократии осуществляться во всем мире «в силу примера», посредством того, что Джозеф Най позиционировал как «мягкую силу» или посредством принуждения (санкционного и даже силового) [4].

С точки зрения сторонников либеральных подходов, попытки изменить мировой порядок возможны. Но сложившиеся системы обеспечения лидерства западных стран в мировой системе и господствующие структуры политического дискурса создают такой довольно мощный «эффект колеи» и блокируют изменения [5].

Поворот к реализму

Действительно, переплетение устоявшихся правил и институтов поддерживает сохранение статус-кво. Эта мысль подкрепляется результатами научных исследований и была резюмирована знаменитым высказыванием Дж.Айкенберри о присущем институциональным системам «эффекте блокировки», обеспечивающем сопротивление изменениям. Однако ситуация в мире стала заметно изменяться уже в начале 2000-х гг. и особенно явно в период глобального финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг. На фоне крайне унилатералистской и опирающейся на жесткую силу политики администрации Дж.Буша-мл., вторжений в Афганистан и особенно в Ирак либеральный максимализм стал понемногу утрачивать позиции. «Войнами по выбору» США существенно подорвали собственный авторитет и влияние в мире. «Необязательные» и дестабилизирующие по своим последствиям вторжения подорвали веру в их способность к эффективному глобальному лидерству и в их неодолимую военную мощь. Ну а финансовый кризис радикально подорвал представление о том, что США обладают безусловной компетентностью и непререкаемым авторитетом в финансово-экономических вопросах. Произошла делегитимизация однополярного мира на фоне объективного роста тенденций полицентричности.

Присущий современному либерализму прагматизм трансформировался в подобие экономического детерминизма, когда внешняя политика стала восприниматься как технический механизм по обслуживанию экономических интересов национальных или транснациональных бизнес-элит. Все иные интересы (от сохранения национальной культуры до защиты национальной безопасности) объявлялись досадными рудиментами ушедших эпох. Увлечение едиными нормами и правилами не исключало правового релятивизма, когда базовые нормы международного права (суверенитет, невмешательство во внутренние дела других государств, отказ от использования военной силы и пр.) стали применяться лидирующими державами выборочно (идея политического «шведского стола»), в зависимости от текущих политических потребностей и конкретных ситуаций. О кризисе либерализма свидетельствует и окончание «четвертой волны» демократизации, так и не утвердившей господства либеральных ценностей ни в Восточной Азии, ни тем более на Ближнем Востоке.

Неупорядоченное состояние мировой среды, возникшее в результате эрозии однополярной модели, неизбежно ставит под вопрос господство либеральной парадигмы в системе международных отношений. В условиях неопределенности стабильность миропорядка обеспечивается балансом мощи и интересов основных формирующих его государств. Поскольку эра полного преобладания США, парадоксальным образом через проекцию силы подкреплявшая либеральную рефлексию, по целому ряду признаков движется к своему окончанию (наиболее очевидный симптом – это превращение КНР в ведущую экономическую державу), есть основания утверждать начало нового длинного реалистского тренда и постепенное утверждение тенденций полицентричности в мировой политике. Адепты полицентричности не отрицают, что подобные системы характеризуются наличием более широкого набора переменных и большей неопределенностью складывающихся и эволюционирующих в рамках полицентричного миропорядка балансов между ведущими центрами силы. Но именно неопределенность побуждает государства вести себя на международной арене более рационально и осмотрительно. В рамках полицентричности возможны широкие коалиции, нацеленные на поддержание status quo, способные создать эффективные механизмы противостояния агрессии стремящейся к доминированию или дестабилизирующим действиям некой ревизионистской державы. При этом полицентричный миропорядок вполне может основываться не на конфликте и принимать форму «концерта держав», когда несколько крупных государств работают вместе над созданием правил игры и выработкой мер воздействия на их нарушителей [6].

Принципиальная новизна формирующегося нового полицентричного миропорядка не только в его асимметрии (США по-прежнему остаются выдающимся по всем основным параметрам мощи – военным, экономическим, культурным – и по их сочетанию государством), но и в наборе претендентов на лидерство в формирующейся системе. Впервые за последние столетия в их числе нет европейских стран, что символизирует конец европоцентристского мира. В глобальном соотношении экономических и политических сил все более весомым становится присутствие Китая и Индии (19,3% и 8,2% мирового ВВП по паритету покупательной способности соответственно) [7]. Конкуренция на мировой арене приобретает цивилизационный характер [8]. Происходит своеобразная инверсия предназначения и функций глобализации. Глобализация, активно продвигавшаяся индустриально развитыми странами Запада в собственных интересах, постепенно создала условия для экономического и технологического прорыва развивающихся стран и особенно так называемых быстрорастущих стран-гигантов (Китай, Индия и др.). Происходит постепенная эрозия западного доминирования, сдвиг «богатства и влияния» на Восток.

США, намеренно или нет, усугубляют ситуацию. Привычно провозглашая политику, нацеленную на поддержание мира и стабильности в духе американского лидерства и исключительности, Соединенные Штаты де-факто перешли к линии на дестабилизацию ключевых регионов мира. Примерами могут служить Ближний Восток, Ливия, Иран, Украина.

В давнем споре научных школ реализма и идеализма в политике о том, что важнее – «мощь» государств или «бумага» как некий набор кодексов и правил поведения, – решающее слово до последнего времени оставалось в анархичной международной среде за силой (совокупной мощью – power). Попытка преодолеть анархичность среды в глобальном масштабе в начале XXI века не увенчалась успехом. В условиях нарастающей турбулентности происходит своего рода возвращение к «нормальности». Аномалией выглядит как раз универсализирующий либерализм, поворот от которого к политическому реализму как интеллектуальной доминанте при интерпретации и принятии решений в динамичной и гораздо более неопределенной, нежели в последние десятилетия, международной среде представляется весьма вероятным исходом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Buzan B. From international to World Society? English school theory and the social structure of globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

2. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y., Free Press, 1992.

3. Ikenberry J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2011.
4. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y., Public Affairs, 2004.
5 Уолфорт У. Возвращение реальной политики // Россия в глобальной политике. 2015. Июль-август. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Vozvraschenie-realnoi-politiki-17636
6. Ikenberry J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2000.
7. Основные показатели развития мировой экономики в 2024 г. // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. Вып. 2025 г. М.: Идея-Пресс, 2026. С. 286.
8. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015.

УДК 316.354 : 351/354

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ: ОТ ВОССТАНИЯ МАСС ДО ОБЩЕСТВА МАССОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Семёнова Л. Н.
заведующая кафедрой социального управления
Белорусского национального технического университета (БНТУ)
доктор исторических наук, профессор
г. Минск, Беларусь

Удачно сформулированный концепт социального знания позволяет не только обосновать, но и дать объяснительную версию обозначаемого явления или процесса. Также он дает возможность в контексте своей исследовательской оптики высветить подобные явления или процессы в исторической ретроспективе и спрогнозировать их развитие в будущем. Широко распространенный концепт «социальный контроль» обладает именно таким значительным познавательным потенциалом.

Социальный контроль считается необходимым механизмом общественной регуляции, выполняющим охранительную, стабилизирующую и регулятивную функции. Структурно он включает в себя социальные нормы, которые внедряются в общество путем социализации, воспитания, убеждения, принуждения и т.д., и социальные санкции (позитивные и негативные), которые применяются как в случае поощрения за соблюдение социальных норм, так и в случае наказания при нарушении последних. Механизм социального контроля складывается на всех уровнях социальной организации: начиная от семьи, трудового коллектива, религиозной общины и заканчивая государственным и международным уровнем.

На протяжении истории социальный контроль был естественным образом встроен в социальную ткань различных малых сообществ, в которых проживал человек и не воспринимался как что-то внешнее и специальное. В традиционном обществе до эпохи модернизации он являлся частью общепринятого общинного, корпоративного или сословного этоса. С глубокой древности обозначением и осмыслением социальных норм, внедрением их в общественное сознание ведало жречество. Воины-управленцы применяли санкции прежде всего по отношению к третьему сословию тружеников. С оформлением писаных документов публичного права (законов, правд) применение негативных санкций институционализировалось судебной властью правителя и специальных судей, приобретая характер регулярности, публичности и зрелищности в виде прилюдных казней на главных площадях городов. Профессиональными действиями палача власть открыто и наглядно «разговаривала» со своими подданными, показывая, что будет в случае нарушения социальных норм. Таким образом власть реагировала на отдельные исключительные, отнюдь не массовые случаи неповиновения, следуя китайской метафоре, била по одиноко выпирающим из общей похожей массы гвоздям. Что же происходит внутри этой массы, как живут конкретные труженики, как они усваивают предписанные социальные нормы, что они думают, оставалось вне сферы власти. Как принято утверждать в работах о манипуляции

общественным сознанием, власть довольствовалась чисто внешним послушанием и «не лезла под кожу». Возможно и хотела бы, но адекватных средств для этого не было. Тиран повелевал, но не манипулировал, не контролировал.

Традиционное общество во всех своих социально-экономических (рабовладение, феодализм, «азиатский способ производства») и цивилизационных (Китай, Индия, западнохристианский, восточнохристианский, исламский мир) проявлениях не нуждалось в акцентировании внимания на каком-то особом социальном контроле, полагаясь на естественный ход событий, традиции и правила, групповую организацию и солидарность.

Процесс модернизации, развитие капитализма и формирование мировой капиталистической системы, лидером которых стала западнохристианская цивилизация (Запад), привели к разрушению основных скреп традиционного общества, за которым последовало, с одной стороны, появление независимого, свободного, не связанного общинными, корпоративными, сословными узами индивида с новыми видами идентичности в виде гражданского общества и нации, с другой стороны, резкое разрастание и усиление по терминологии Ф. Броделя «всепроникающего» государства. Свободные индивиды в условиях кардинально меняющейся обыденности, вызванной индустриализацией, ростом городов, духом эпохи Просвещения, становились все более грамотными, социально и политически активными. Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет назвал это явление «восстанием масс». Об участниках этой массы он образно писал, что в прошлом «рассеянные по миру маленькими группами или поодиночке, они жили, казалось, разбросанно и разобщенно. Каждый был на месте, и порой действительно на своем: в поле, в сельской глуши, на хуторе, на городских окраинах». Но внезапно они сгрудились, и началось столпотворение. Прежде эта толпа «теснилась где-то в глубине сцены; теперь она вышла к рампе – и сегодня это главный персонаж. Солистов больше нет – один хор» [1, с. 11]. По отношению к этой массе понадобились новые средства управления, применение которых оказалось по силам только сильному государству с функционально разнообразным аппаратом, а не одному князю или королю с помощниками и роскошным двором. Близкое по времени появление концептов социального контроля и восстания масс неслучайно. При этом сначала в конце XIX в. оформился термин «социальный контроль», и только потом, как будто отвечая на вопрос «для кого?», «по отношению к кому?», «зачем?» в 1930 г. была опубликована работа «Восстание масс».

Капиталистические государства и их правящие круги формировались как очень сложный механизм, сосредоточивший в своих руках власть, информацию и ресурсы, прежде всего денежные, в отличие от традиционных государств, в большей степени занятых самосохранением и полагавшихся на естественный ход событий, вышли на проектно-конструкторскую деятельность. Поэтому социальный контроль над массами был для них, с одной стороны, жизненно необходим для решения собственных задач, а, с другой стороны, вполне возможен благодаря создаваемым средствам пропаганды, агитации, манипулирования, которые позволяли переформатировать сознание («залезть под кожу», воздействовать невидимо и ненавязчиво на «мягкие волокна мозга»), а не довольствоваться лишь внешним послушанием. Эпоха Просвещения с её культом разума и науки, нанесшая серьезный удар по вере и сакральности, взрастила светские идеологии и открыла пути для различных манипулятивных техник и политических технологий. Об этом уже можно уверенно говорить с XVIII в. при наличии всего лишь печатного слова. Воспользуемся фразой французского мыслителя Мишеля Фуко, сказанной им об армии, но удивительно точно подходящей для всего капиталистического общества, начиная с XVIII в. «Из бесформенной массы, непригодной плоти можно сделать требуемую машину» [2, с. 165].

Одновременно с этим модифицировалась система наказаний. Прилюдные казни на главной площади города переместились в закрытые от глаз людских тюремные системы. Если раньше палач наказывал тело, то теперь, по меткому замечанию М. Фуко из известной работы «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», карательному вмешательству подлежат тело и душа. «Не как искусству представлений, а как обдуманному манипулированию индивидом.

Всякое преступление излечивается благодаря физическому и моральному воздействию…». Наказание становится «захватом контроля над индивидом» [2, с. 158–159].

Но во времена «восстания масс» только с помощью газет, памфлетов, партийных ораторов трудно было достучаться до каждого, установить над всеми полный контроль. Были и несогласные, отсюда восстания, революции. Власть прилагала большие усилия, чтобы воздействовать. В настоящее время в начале XXI в. благодаря минимум двум фундаментальным процессам: формированию общества массового потребления и цифровизации ситуация с социальным контролем резко изменилась в пользу власть предержащих.

Сложившееся в «золотые» 1950–60-е гг. на Западе общество массового потребления благодаря многочисленной бытовой технике перевело восприятие информации в разряд престижного регулярного обильного потребления. Стало модным не только читать газеты, но и слушать радио, смотреть телевизор, ходить в кино, и позднее иметь персональный компьютер, мобильник, гаджет, планшет, наушники и т.д. Тем более слушать и смотреть оказалось гораздо легче, чем читать. Все писатели-фантасты рисовали будущее обязательно в интерьере различных экранов, как, например, у Джорджа Оруэлла в антиутопии «1984» – «телекранов», с которых смотрит «Большой Брат», во всех помещениях, где бывает каждый. Только компьютеры и информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) создали беспрецедентные технические возможности «связать» воедино всех членов общества и воздействовать на сознание каждого.

Сегодня мы находимся в точке бифуркации. Первый путь позволит использовать цифровизацию на благо развития всего человечества и осуществить переход от индустриально-технократической к информационно-космической цивилизации. В ней, конечно же, будет социальный контроль, обусловленный необходимостью жить в ладу с общими законами мироздания. На втором пути, контуры которого уже начинают просматриваться, цифровизация приведет к расслоению общества на «господ и рабов Цифры» (новых богатых и бедных), результатом которого станет установление тотального контроля первых над вторыми, а по сути, над всем населением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 269 с.

2. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер с франц. – М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2023. – 416 с.

УДК 392.37

ПОЛОЖЕНИЕ ЧУВАШСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Сергеева Е. В.
научный сотрудник БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
г. Чебоксары, Россия

Социальное и правовое положение чувашской женщины в период второй половины XIX – начала XX века характеризовалось значительной двойственностью. С одной стороны, она занимала ключевую роль в аграрном производстве и домашнем хозяйстве, что свидетельствовало о ее функциональной значимости для общины. С другой стороны, её правовой и социальный статус оставался строго подчинённым, что отражалось в ограниченных возможностях участия в общественной и политической жизни, а также в

отсутствии формальных прав на владение имуществом и участие в судебных процессах [1, с. 3; 2, с. 164-165; 3, с. 364-365; 4, с. 327].

Хотя у чувашей в этот период существовал патриархальный уклад в семье, в отдельных семьях женщина могла занять доминирующую позицию в управлении домашним хозяйством. Это могло быть вызвано различными факторами, включая временное отсутствие главы семьи в связи с трудовой деятельностью или его интеллектуальное превосходство. Кроме того, главенство женщины могло стать следствием систематического злоупотребления супругом алкогольными напитками [2, с. 165; 5, с. 279, 284; 6, с. 302-303; 7, с. 38; 8, с. 123; 9, с. 223; 10, с. 102; 11, с. 89-90]. Следующий пример этому подтверждение: «В с. Ерилкино (Бугурусланского уезда Самарской губернии, ныне Клявлинского МР Самарской области. – *Е.С.*) в семье из 21 человека хозяйкой является женщина, хотя имеется и муж. Все деньги находятся у нее». Сохранилась поговорка, свидетельствующая о существовании матриархата в древности: «*Ĕлĕкех, авалах, арăм хуçа пулнă чух*» (В далеком прошлом, когда женщина была хозяйкой) [12, с. 7; 13, с. 115].

В ряде источников фиксируется маргинальный статус женщины, что свидетельствует о её социальной и правовой дискриминации.

Но некоторые источники характеризуют бесправное положение женщины. Муж редко обращался к ней по имени, а после рождения ребенка использовал, например «мать Ивана». В семье случались проявления жестокости, которые рассматривались в волостном суде, но не приводили к решению проблемы. Тем не менее, после замужества чувашка получала определенные привилегии. Она не только сохраняла традиции и обряды, но и оказывала значительное влияние на выбор супругов для своих детей. Кроме того, у нее появлялось право на наследство по завещанию [2, с. 165; 14, л. 171; 15, с. 29-30; 16, с. 45; 17, с. 192].

Священник Е. Шкенев, проживавший в селе Казанла Вольского уезда Саратовской губернии (ныне Базарно-Карабулакский муниципальный район Саратовской области), выражал следующую: «Жену можно приобрести... Приобретенной женщиной можно управлять по своему усмотрению; жену, в конце концов, не только можно, но и следует наказать... Действительно, это логический вывод!». Однако в его рассуждениях есть и другая сторона: он предложил организовать женские школы. По его мнению, «школа повысит интеллектуальный и моральный уровень женщины, научит её осознанно и разумно подходить к жизни; школа, хотя и не даст женщине-крестьянке прикладных знаний, все же воспитает в ней чувство порядочности и чистоты; школа возвысит женщину в глазах крестьянского мужа, на которого неизбежно окажет положительное влияние умная и добрая жена» [18, с. 1072].

В патриархальном обществе, где права и свободы были ограничены, сноха оказывалась в особенно сложной ситуации, особенно в трехпоколенных или других сложных семьях. Ей приходилось выполнять значительную часть работы, при этом она спала меньше всех остальных. Сноха вставала рано утром, чтобы выгнать скот на пастбище, и возвращалась домой, когда животные возвращались вечером. На ее плечи также ложились и другие домашние дела, что позволяло свекрови освободиться от множества обязанностей [19, с. 120; 20, с. 72]. С конца XIX – начала XX века в чувашском обществе активизировался процесс выделения малых семей из патриархальных, неразделенных семей. Этому способствовали различные факторы, включая конфликты между свекровью и невесткой, ослабление патриархальных традиций, а также неравномерное распределение обязанностей среди членов семьи (когда одни трудились, а другие вели праздный образ жизни) [12, с. 284; 14, л. 160, 170; 16, с. 46; 29, с. 119; 21, с. 45].

В волостных судах рассматривались подобные споры. Так, в 1909 г. крестьянка из д. Пиделей Ядринского уезда Казанской губернии (ныне д. Кукшумы Ядринского муниципального округа Чувашской Республики), Анастасия Артемьева обратилась в Балдаевский волостной суд с заявлением о привлечении к уголовной ответственности своего мужа и снохи за причинение тяжких телесных повреждений, совершенных с применением кулаков, пинков ног и таскания за волосы. Однако позже она сообщила, что полученные ею травмы ограничились лишь синяками, которые полностью исчезли, и попросила прекратить

дело из-за достигнутого примирения с обидчиками [22, с. 73]. В ряде случаев подобные дела прекращались из-за отсутствия обеих сторон на судебном заседании. Вероятно, стороны достигли мирного урегулирования конфликта [23, л. 5-6].

Раздел имущества не всегда инициировался женщиной. Это подтверждается примером из автобиографии учащегося Казанской инородческой семинарии. Вернувшись из армии после восьми лет службы, его отец столкнулся с отчуждением со стороны родных. Они воспринимали его как постороннего. Глава семьи, дед, не проявил заботы и сосредоточился на своих сыновьях, которые жили и работали с ним. В итоге отец учащегося женился и создал собственную семью. Он описывал свою жизнь как трудную и бедную [24, с. 417–418].

С другой стороны, о высокой роли женщины в чувашской семье писал в середине XIX в. составитель «Материалов для географии и статистики» М. Лаптев. Это явление, по мнению автора, выступало одной из ключевых причин отставания чувашского этноса в сравнении с русским. Необразованная чувашка, согласно наблюдениям, управляла как финансовыми ресурсами, так и интеллектуальной сферой своего супруга. Отсутствие владения русским языком, по мнению составителя этнографического сборника, способствовало тому, что чувашки были более подвержены влиянию языческих обрядов, предрассудков, суеверий и невежества. Данное утверждение находит подтверждение в архивных материалах. В 1812 г. некрещеный чуваш Митюк Михалев, проживавший в д. Алебыш Цивильского уезда (в настоящее время д. Иваново Янтиковского муниципального округа Чувашской Республики), обратился в духовную консисторию с просьбой о расторжении брака с женой Савиной Сагировой. Основанием для обращения послужило нежелание супруги принять православие и категорический запрет на крещение их семилетнего сына Митрюка. Митюк Михалев выразил намерение принять христианство и вступить в брак с правоверной женщиной, на что его супруга также дала согласие. В ответ на обращение Казанская консистория предоставила разрешение на крещение Митюка Михалева при условии, что его супруга также примет православие [25, с. 249; 26, с. 36].

На рубеже веков традиционные нормы начали подвергаться эрозии под влиянием: развития товарно-денежных отношений и отходничества, роста грамотности и распространения новых правовых представлений, изменений в структуре семьи (увеличение числа малых семей, ослабление жёсткой иерархии). Эти процессы постепенно размывали жесткую систему статусов и открывали новые возможности для женской автономии, хотя патриархальные нормы сохранялись вплоть до революционных преобразований.

Положение чувашской женщины во второй половине XIX – начале XX в. характеризовалось сочетанием подчинённого правового статуса и высокой хозяйственной значимости. Система возрастных и семейных статусов отражала сложную логику социальной регуляции, в которой нормы обычного права, общинные практики и экономическая функция семьи формировали как ограничения, так и возможности для женской автономии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Егоров, Д. В. Семейный совет как орган семейной юстиции чувашей во второй половине XIX – начале XX в. / Д. В. Егоров // Проблемы истории и образования народов России : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И. Н. Ульянова, Чебоксары, 28–29 октября 2011 г. / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова ; редкол. : О. Н. Широков, И. А. Липатова, М. И. Федулов. – Чебоксары : ЧГУ И.Н. Ульянова, 2012. – С. 208–213.

2. Иванчина, О. А. Внутрисемейные статусы и имущественно-правовое положение чувашской женщины в конце XIX – начале XX в. / О. А. Иванчина // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – Т. 15, № 3. – С. 164–166.

3. Комиссаров, Г. И. Чуваши Казанского Заволжья / Г. И. Комиссаров // Известия общества археологии, истории и этнографии. – Казань : Типолит. Императ. ун-та, 1911. – Т. XXVII. – Вып. 5. – С. 311–432.

4. Чуваши / отв. ред. В. П. Иванов, А. Д. Коростелев, Е. А. Ягафова; ИЭА РАН; ЧГИГН. – М. : Наука, 2017. – 654 с.

5. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 151. 355 с.

6. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. 405 с.

7. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 181. 220 с.

8. Ашмарин, Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки=Словарь чувашского языка / Н. И. Ашмарин. – Чебоксары : Наркомпрос ЧАССР, 1929. – Вып. III. – 363 с.

9. Ашмарин, Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки=Словарь чувашского языка / Н. И. Ашмарин. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1934. – Вып. VI. – 320 с.

10. Тимофеев, Г. Т. Тăхăръял. Этнографи тĕрленчĕкĕсем. Халăх сăмахлăхĕ. Çырса пынисем. Çырусемпе асаилӳсем / Г. Т. Тимофеев [вступ. ст. В. Г. Родионова] ; Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен институчĕ. – Шупашкар: Чăваш. кĕнеке изд-ви, 2002. – 431 с.

Никольский, Н. В. Собрание сочинений : в 4 т. / Н. В. Никольский ; [сост., авт. предисл., коммент. и примеч. Г. Б. Матвеев] ; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2004. – Т. 1 : Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. – 526 с.

12. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 238. 616 с.

13. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем / Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен институчĕ ; ăслăлăх редакторĕ В. Г. Родионов ; пухса хатĕрлекенĕ, ум сăмахпа ăнлантарусене çыракан О. Н. Терентьева. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2007. – 493 с. – (Чувашское народное творчество. Пословицы и поговорки).

14. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 434. 295 с.

15. Иванов, В. П. Семья у чувашей / В. П. Иванов, П. П. Фокин. – Чебоксары : НИИЯЛИЭ, 1991. – 97 с.

16. Иванчина, О. А. Динамика социально-правового положения чувашской женщины в крестьянском обществе (конец XIX – начало XX вв.) / О. А. Иванчина // Гуманитарный вестник. – 2011. – № 3(27). – С. 45–47.

17. Особенности повседневной культуры Средневолжского региона : монография / Н. В. Алехина, О. И. Анучин, О. Н. Ганина, В. А. Краснощеков, Л. Ю. Лепешкина, В. П. Овсянников, Н. В. Овсянникова, В. М. Селиванов, П. Е. Суворова, В. Н. Якунин. – Рязань : Концепция, 2015. – 427 с.

18. Шкенев, Е. Думы сельского пастыря / Е. Шкенев // Саратовские епархиальные ведомости. – 1897. – № 17. – С. 1070–1078.

19. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 216. 570 с.

20. Сергеева, Е. В. Чувашское сельское сообщество во второй половине XIX – начале XX века в половозрастном измерении: историко-этнографические очерки / Е. В. Сергеева; науч. ред. Д. В. Егоров. – Чебоксары: ЧГИГН, 2025. – 208 с.

21. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 184. 396 с.

22. Егоров, Д. В. Деятельность волостных судов в регулировании семейно-бытовых отношений чувашей / Д. В. Егоров // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, Уфа, 25 октября 2013 г. / Ин-т этнолог. иссл-ий им. Р. Г. Кузеева УНЦ РАН; редкол. : И. И. Бахшиев, Э. В. Камалеев, А. И. Фатхутдинова, З. Р. Хабибуллина, З. Ф. Хасанова, отв. ред.: А. Т. Ахатов. – Уфа: ИЭИ им. Р. Г. Кузеева УНЦ РАН, 2013. – С. 69–73.

23. Государственный архив Чувашской Республики. Ф. 130. Оп. 1. Д. 140.

24. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. 480 л.

25. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. [Т. 8]. Казанская губерния / сост. М. Лаптев. – Санкт-Петербург : Военная типография, 1861. – IV, IV, 616 с. – (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба).

26. Евдокимова, А. Н. Степень усвоения прихожанами чувашского края христианского вероучения и обрядности к 60-м годам XIX века / А. Н. Евдокимова // Вестник чувашского университета. – 2004. – № 1. – С. 34–50.

УДК 316.346.2-055.2

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ НЕВИДИМОСТИ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Середа Ю. П.
научный сотрудник Института философии
Национальной академии наук Беларуси
г. Минск, Беларусь

В современных контекстах нестабильности и рискогенности проблематизация таких ключевых сфер общества, как образование, трудовая деятельность, семья, культура, наука – в своей совокупности характеризуются противоречивыми и более кризисными процессами, в том числе усложняя глобальную социодинамику взаимосвязи вопросов качества жизни, безопасности, благополучия и самореализации женщин. Одной из важнейших по своей социальной значимости представляется задача, связанная с выявлением и анализом причин так называемых «слепых зон» функционирования социума. Именно такой трудно калькулируемой областью является феномен женской невидимости, охватывающий собой широкий диапазон ситуаций и практик, которые особенно остро проявляются в социально-демографической и профессионально-трудовой сферах.

С одной стороны, стереотипно большую ответственность за рождаемость все еще продолжают возлагать на женщин, переводя ее репродуктивные функции в область долженствования и обязывая в большем объеме, чем другие социальные группы, включаться в формирование и продвижение соответствующих ценностно-смысловых моделей приемлемого (ожидаемого) поведения. В этом отношении, важно понимать, что сущность проблемы заключается не в самом женском теле, а в том «значении, приписываемом ему обществом, и в социально обусловленном игнорировании его особенностей» [1, с.14]. Завышенные стандарты идеала «хорошей» матери не теряют своей позиции в общественном сознании и активно транслируются через различные институции, начиная с так называемой риторики «материнского блаженства», транслируемой через медиа и заканчивая учреждениями медицинского профиля с активной и, зачастую, навязчиво-агрессивной агитацией быть «правильной» матерью. При этом другая сторона материнства, связанная с экономическими трудностями, социально-бытовыми и психологическими вопросами, как правило, не артикулируется. Резонным представляется замечание, что «при подключении рыночных механизмов к выполнению работы, связанной с заботой, однако, становится очевидным, что риторика «материнского блаженства» исключает из традиционной экономики миллионы людей, чей труд не возмещается и не защищается социальными гарантиями. Проще говоря, мать и няня выполняют одни и те же функции заботы. Но первая делает это из любви, а вторая получает компенсацию за свой труд. Время работы няни четко регламентировано, в случае, если она работает на «белом рынке труда», ее услуги засчитываются в трудовой стаж, который в разных социальных системах может подразумевать различные инвестиции в будущую пенсию. При этом материнская забота не подразумевает гарантированного отдыха, не засчитывается в трудовой стаж и вообще не считается работой, поскольку предполагается, что ухаживать за другими – биологическая потребность женщин» [2, с. 9-10].

С другой стороны, стоит признать, что сегодня необходимо пересмотреть статус патерналистской модели семейной политики как единственной, в которой государство брало на себя значительную часть обязанностей, связанных с рождением и воспитанием детей, оказывая поддержку исключительно матерям. В такой исторически сложившейся модели отцы были символически отстранены от своих родительских обязанностей, а любые практики заботы мужчин о детях или о родственниках фактически интерпретировались обществом и государством как незначимые и немужские социальные роли. Труд матери, связанный с рождением и воспитанием ребенка, форматировался в «невидимый» и не калькулируемый труд, труд как деятельность исключительной заботы, безусловного принятия своей

«родительствующей» роли. Такая тенденция сохраняется и сегодня, и во многом ее преодоление позволит переформатировать не только сферу демографической политики, но и откроет возможности для формирования в общественном сознании более адекватного, и даже гуманного отношения к людям, занятым заботой о других. Поскольку в подавляющем своем большинстве «заботящиеся люди испытывают сложности в совмещении ухода и работы, сталкиваются с ограничениями в профессиональном продвижении, ощущают нехватку досуга и возможностей самореализации, переживают синдром выгорания» [3, с. 18].

Тем не менее, формирующуюся в глобальном масштабе тенденцию на снижение рождаемости не следует определять исключительно как негативную и кризисную. Во многом она способствует преодолению социальной невидимости женщин в обществах. Поскольку благодаря этому появляется возможность эксплицировать новые потребности и ориентиры для женщин как социальной группы. В этом контексте, следует отметить положительную тенденцию расширения профессиональных возможностей для женщин. Если рассмотреть в качестве примера небольшие по составу семьи, то они часто ориентированы на вложение б*о*льших средств в здравоохранение и образование в расчете на одного ребенка, и эти инвестиции в долгосрочной перспективе способствуют достижению устойчивого и инклюзивного экономического роста. Более того, есть вероятность, что у женщин, воспитывающих детей, постепенно будут расширяться возможности для смены прекаризированной деятельности на профессиональную реализацию в более стабильных и престижных сферах, поскольку все больше своих усилий и времени они смогут направить на образование (повышение квалификации, смена профессии) и оплачиваемую (не домашнюю) работу. Так, например, при содействии Министерства экономики Республики Беларусь 45 предпринимательниц из трех областей Беларуси приняли участие в пилотной менторской программе ПРООН [4]. Эта инициатива позволяет обозначить роль женщин в экономике будущего и выявить проблемные точки в этих процессах, эксплицировать факторы, влияющие на профессиональную реализацию женщин и внести корректировки для преодоления тенденции двойной женской нагрузки, неизбежно связанной с все еще продолжающейся практикой социального и экономического обесценивания материнского труда (воспитание и забота о детях).

Следует отметить, что сам институт материнства и родительства сегодня подвергается существенным изменениям. Речь идет о все более явном «детоцентризме», но выражающемся не в количестве детей, а в крайне высоком качестве самого процесса воспитания ребенка, т.е. происходит трансформация самой модели материнства с параллельным расширением сферы материнской ответственности (включая пренатальный уровень). Другими словами, формируется вектор на «интенсивный родительский уход», эмоционально-вовлеченное и ресурсное материнство и, в целом, родительство. На основе вышеотмеченного, можно сказать, что снижение рождаемости и увеличение процента малодетных семей – это ключевой маркер новой приоритизации задач и целей индивида в рамках собственной жизненной стратегии. Это системный поворот в сторону идеи пересмотра экономических и социальных запросов населения по базовым критериям: от минимального набора жизненно необходимых вещей к ценности человеческого капитала, его потенциальным возможностям и запроса на перманентно повышающийся уровень материального благополучия и социальной безопасности.

Резюмируя, можно заключить, что ситуация «отсутствующего присутствия», выражающаяся в невидимости женщин, может быть множественной и в современных реалиях остается незамеченной даже в условно нейтральной и сбалансированной институциональной среде, принимая латентные и смешанные формы. В целом, проблематизация социальной невидимости позволяет определить не только маркеры несбалансированности в позициях женщин в социальном пространстве, но и способствует актуализации продвижения идеи формирования условий для социальной поддержки и гендерной устойчивости. Данный подход, главным образом, должен опираться на принцип равных возможностей в вопросах совмещения семьи, деторождения и карьеры, поскольку от эффективной социальной политики

в этой области во многом зависит преодоление существующих в обществе уязвимостей, социальных барьеров и норм, которые снижают потенциал женщин в контексте целей устойчивого развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Криадо Перес, К. Невидимые женщины: почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных / К. Криадо Перес. Пер. с агл. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 495 с.

2. Шадрина, А. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке / А. Шадрина. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 392 с.

3. Здравомыслова, Е.А. Мужчины и женщины: старение в оптике гендерного подхода / Е.А. Здравомыслова // Социодиггер. 2022. Май-Июнь. – Т. 3. Выпуск 5-6(18): Старые люди – новые тренды. – С. 16 – 26.

4. Менторская программа для предпринимательниц в Беларуси: результаты [Электронный ресурс]. 2026. – Режим доступа: https://www.undp.org/ru/belarus/publications/mentorskaya-programma-dlya-predprinimatelnic-v-belarusi-rezultaty – Дата доступа: 20.07.2026.

УДК316.7:316.42

ОТ УНИФИКАЦИИ К СЕЛЕКТИВНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ В ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Сехлеян С. А.
сотрудник отдела координации учебных траекторий
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

Классические теории глобализации, предсказывавшие унификацию культур или их конфликт (Ф. Фукуяма, С. Хантингтон), не объясняют сложную и противоречивую динамику ценностей в постсоветском пространстве. Концепция Ф. Фукуямы исходила из постепенной культурной унификации и распространения универсальных либеральных ценностей, тогда как С. Хантингтон акцентировал внимание на неизбежности цивилизационных противоречий и конфликтов. Однако материалы исследования по постсоветским странам не подтверждают процессы реализации обеих моделей. Полученные данные свидетельствуют о распространении культурной селективности, при которой глобальные культурные элементы воспринимаются избирательно и сочетаются с сохранением локальных идентичностей и собственных ценностных ориентиров.

Эмпирические данные последних лет фиксируют иную реальность: не унификацию, не конфликт, а устойчивый рост культурной селективности. Под этим понимают избирательное присвоение глобальных элементов при сохранении локальной идентичности и наличия символических границ «своего» и «чужого». Социокультурные универсалии (семья, труд, авторитет) трансформируются не в направлении жёсткой бинарности, а в гибридные, стратифицированные формы.

Цель исследования – выявить и охарактеризовать проявления культурной селективности как новой нормы в постсоветских обществах, опираясь на данные по России, Беларуси и другим странам региона.

Эмпирическую базу составили: лонгитюдные опросы ВЦИОМ (2022, 2025; N=1600); данные ФОМ (2023, 2024; N=1500) о медиапредпочтениях; материалы четвёртой волны «Интеграционного барометра ЕАБР» (девять стран постсоветского пространства); результаты Всемирного исследования ценностей (WVS) по постсоветским странам, а также национальные опросы Института социологии НАН Беларуси (2024–2025 гг.).

Исследование основано на вторичном анализе данных массовых опросов (ВЦИОМ, ФОМ, Институт социологии НАН Беларуси, ЕАБР, WVS) и качественном анализе пяти экспертных интервью. Количественные данные обработаны с использованием корреляционного анализа; качественные – методом тематического кодирования.

Тенденция 1: рост амбивалентности (переход от унификации к селективности). Данные ВЦИОМ фиксируют устойчивую динамику: доля негативных оценок западного культурного влияния в России снизилась с 44% в 2022 г. до 30% в 2025 г., а доля амбивалентных (неоднозначных) оценок выросла с 19% до 36% (рис. 1) [1]. Это прямое свидетельство перехода от жёсткой бинарности («принять или отвергнуть») к модели культурной селективности.

По Вашему мнению, западная культура влияет или не влияет на художественные вкусы россиян, и если влияет, то положительно или отрицательно?

(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Мужской	Женский	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Не влияет	9	9	8	7	11	7	8	9
Безусловно положительно	3	2	3	8	4	3	1	2
Скорее положительно	6	6	6	15	12	4	3	3
В чем-то положительно, в чем-то отрицательно	34	30	38	51	43	42	31	22
Скорее отрицательно	24	24	24	9	18	18	28	33
Безусловно отрицательно	20	23	17	8	10	21	24	24
Затрудняюсь ответить	4	6	4	2	2	5	5	9

Рисунок 1. Динамика оценок влияния западной культуры на вкусы россиян (2025 гг.), % [1]

В Беларуси, по данным опроса Института социологии НАН Беларуси (2025 г.) [4], представленных на рисунке 2, 57% респондентов определяют патриотизм через «любовь к белорусской культуре и истории», а не через поддержку государства (28%). Это также указывает на рост селективности: лояльность к культурному ядру сочетается с критической дистанцией от институционального дискурса.

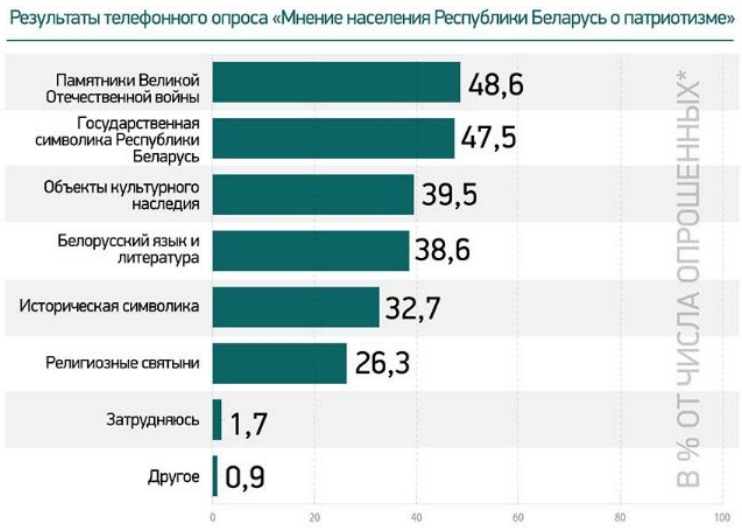

Рисунок 2. Результаты исследования патриотических ценностей населения Республики Беларусь (2022–2025 гг.), % [4]

Тенденция 2: поколенческий разрыв и медийная стратификация. Данные ФОМ (2023 г.) [3] демонстрируют, что две медиасреды формируют две разные картины мира. Телевизионная аудитория (87% граждан 60+, 71% с низким образованием) в **78%** случаев оценивает западное влияние на вкусы как отрицательное. Интернет-аудитория (56% молодёжи 18–30 лет, 56% с высшим образованием) даёт отрицательные оценки лишь в **44%** случаев, среди них преобладают амбивалентные или положительные ответы (рис. 3). Корень поколенческого разрыва кроется в психологии исторических периодов: старшее поколение сформировано советской социализацией и высокой тревожностью (западная культура – знак угрозы); молодёжь – цифровая повседневность, где глобальное перестало быть «чужим» (73% молодых согласны, что проблема утраты культуры – это ответственность самих россиян).

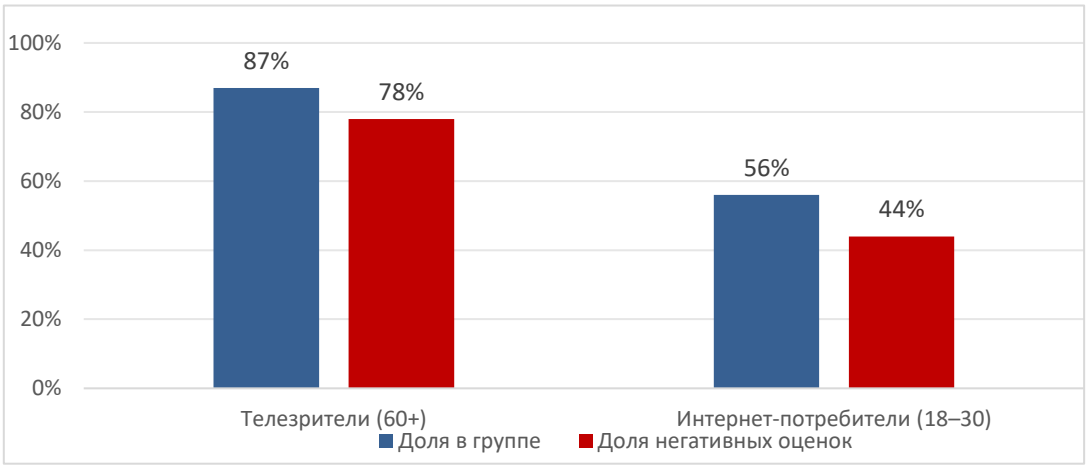

Рисунок 3. Медиапредпочтения и доля негативных оценок западного влияния (2025 г.)

Данные «Интеграционного барометра ЕАБР» подтверждают универсальность этого разрыва для региона: «мнения молодежи и более взрослого населения сильно расходятся» [5].

Таблица 1. Медиапредпочтения и оценки западного культурного влияния (2025 г.)

Аудитория	**Доля в группе**	**Отрицательные оценки**	**Амбивалентные/ положительные**
Телезрители (60+)	87%	78%	22%
Интернет-потребители (18–30)	56%	44%	56%

Тенденция 3: гибридизация социокультурных универсалий. Содержание универсалий «семья», «традиция», «патриотизм» не унифицируется, а гибридизируется. В Беларуси, по данным мониторинга Института социологии НАН Беларуси (2024 г.), 48,9% опрошенных считают главой семьи мужа, 13,9% – жену, а 37,2% выбирают эгалитарный вариант. Традиционная форма сосуществует с инновационной. В России, по

данным ФОМ (2024 г.) [2], 85% опрошенных считают себя приверженцами традиционных ценностей, но их содержание различается: для одних это семья и вера, для других – культурное наследие, для третьих – государственный суверенитет. По данным WVS, внутренняя культурная вариативность в России, Украине и Казахстане выше, чем межстрановая, тогда как в Армении, Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане наблюдается более высокая культурная гомогенность [6]. Интенсивность социально-экономических и культурных преобразований, этническая неоднородность и дифференциация уровней урбанизации в России, Украине и Казахстане предопределяют множественность ценностных моделей, сосуществующих в этих обществах. В свою очередь, в странах с более высокой культурной гомогенностью внутренняя вариативность выражена слабее, а традиционные социальные институты сохраняют доминирующее положение. Таким образом, культурная селективность и гибридизация характерны прежде всего для обществ, переживших интенсивные трансформационные процессы.

Заключение. Эмпирические данные подтверждают, что «культурная селективность» становится новой нормой для постсоветских обществ. Она проявляется в росте амбивалентности, разрыве поколений и гибридизации базовых ценностей. Это требует пересмотра социального знания о культурной глобализации. Наблюдается переход от оппозиционной модель к многомерным моделям. В постсоветском регионе культурная селективность приобретает особую остроту в многонациональных и социально стратифицированных обществах, что необходимо учитывать при выработке адресной культурной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. ВЦИОМ. Россия и Запад в зеркале культуры // ВЦИОМ: [сайт]. – 2025. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-zapad-v-zerkale-kultury (дата обращения: 10.05.2026).

2. ФОМ. Источники информации: предпочтения россиян // ФОМ: [сайт]. – 2023. – URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/14835 (дата обращения: 10.05.2026).

3. Институт социологии НАН Беларуси. Мониторинг общественного мнения. – Минск, 2024. – 120 с.

4. Институт социологии НАН Беларуси. Патриотизм и культурная идентичность в Беларуси. – Минск, 2025. – 85 с.

5. Центр интеграционных исследований ЕАБР. Интеграционный барометр ЕАБР – 2025 // Евразийский банк развития: [сайт]. – Москва, 2025. – URL: https://eabr.org/analytics/integration-barometer/ (дата обращения: 25.05.2026).

6. World Values Survey. – 2020–2024. – URL: https://www.worldvaluessurvey.org/ (дата обращения: 30.05.2026).

УДК 316.6:613.2

ПИЩЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЫХ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПЕРЕГРУЖЕННОСТИ: РИСКИ И СТРАТЕГИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ

Сирковская Т. В.
ассистент кафедры социологии ПГНИУ
г. Пермь, Россия

Введение. В последние годы объем информации о здоровом питании, доступной рядовому потребителю, вырос многократно [1, с. 36]. С одной стороны, это расширяет возможности для осознанного выбора [2, с. 129], с другой – создает среду противоречивых рекомендаций, маркетинговых уловок и псевдонаучных данных [3, с. 11–12]. Для молодых людей до 35 лет, активно использующих цифровые каналы, этот информационный шум

становится повседневным фоном, способным осложнять формирование устойчивых пищевых привычек. Проблема информационной перегруженности в сфере питания особенно актуальна: она способна снижать доверие к любым рекомендациям и провоцировать хаотичное нездоровое пищевое поведение [4, с. 9–11]. Настоящая работа направлена на выявление того, как различная степень восприятия информационной перегрузки связана с реальными пищевыми установками и поведением молодых россиян.

Цель исследования – выявить особенности пищевого поведения молодых россиян (18-35 лет) в зависимости от уровня субъективной информационной перегруженности по вопросам питания, а также оценить запрос на внешнюю нормативную поддержку (государственные рекомендации) и субъективные барьеры для соблюдения принципов здорового питания.

Материалы и методы. Эмпирическую базу составили данные репрезентативного всероссийского исследования «Еда по правилам и без», проведенного методом интернет-опроса на базе вероятностной панели «ВЦИОМ-Онлайн» [5]. Общий объем выборки составил 3200 респондентов в возрасте от 18 лет. Для целей настоящего исследования из общей совокупности была выделена подвыборка молодых респондентов в возрасте от 18 до 35 лет включительно. Объем подвыборки составил 900 человек, что соответствует 28,1% от общей выборочной совокупности.

Социально-демографическая структура подвыборки выглядит следующим образом. Доля мужчин в подвыборке равняется 57,6% опрошенных, женщин – 42,4%. Возрастное распределение имеет одномодальный характер с пиком в 35 лет (11,4%) и 34 года (10,8%), при этом заметный вклад вносят респонденты 24 лет (10,2%) и 33 лет (8,2%). Наибольшая доля опрошенных приходится на города с численностью от 100 до 500 тысяч человек (25,2%), а также города-миллионники (22,1%), доля Москвы составляет 9,1%, Санкт-Петербурга – 5,0%, сельских населенных пунктов – 12,7%. Высшее образование (включая незаконченное) имеют 62,2% респондентов, еще 12,1% имеют два и более высших образования или ученую степень. Среднее специальное образование характерно только для каждого пятого, 16,8% опрошенных, включенных в исследуемую совокупность.

Согласно полученным данным, 38,7% респондентов указали, что их доходов достаточно для приобретения продуктов и одежды, однако покупка товаров длительного пользования вызывает затруднения. Еще 33,9% опрошенных свободно приобретают бытовую технику, тогда как 14,8% сталкиваются со сложностями при покупке одежды, а 4,8% – при выборе продуктов.

Основным инструментом анализа послужил индекс «информационной перегруженности» в сфере питания, рассчитанный по методике ВЦИОМ путем суммирования баллов по четырем позициям: противоречивые сведения об одном и том же продукте; расхождения в рекомендациях специалистов; избыточность информации, затрудняющая ее осмысление, и сложность практического применения диетических советов (где выставляемый балл «2» соответствует варианту «часто», «1» – «редко», 0 – «Не сталкиваюсь» или «Затрудняюсь ответить»).

Итоговый диапазон индекса составил от 0 до 8 баллов, и на его основе подвыборка была разделена на три анализируемые группы: с низким уровнем информационной перегруженности (0-2 балла, 23,0%), средним (3-5 баллов, 36,9%) и высоким (6-8 баллов, 40,1%). Полученные данные свидетельствуют о том, что 77% молодых россиян находятся в состоянии средней или высокой информационной перегруженности в вопросах питания, что подтверждает актуальность выбранного направления анализа.

При обработке информации применялся пакет IBM SPSS Statistics 23.0, а для сопоставления трех независимых выборок по параметрам пищевого поведения применялся непараметрический критерий Краскела-Уоллиса.

Результаты. Обращаясь непосредственно к результатам, стоит отметить, что две ключевые субъективные характеристики – оценка достаточности имеющейся в сфере

здорового питания информации и самооценка приверженности здоровому питанию – не продемонстрировали статистически значимых межгрупповых различий.

В первом случае значение χ^2 составило 3,440 (p=0,179), при этом респонденты с низким уровнем перегруженности чаще склонялись к тому, что сведений о питании им вполне хватает.

Во втором случае показатель χ^2 равнялся 4,511 (p=0,105), что также не позволяет говорить о прямой зависимости. Хотя в группе с максимальной перегрузкой фиксируется наиболее высокий ранг, это скорее указывает на возможную нелинейность связи: рост объемов потребляемой информации по указанной теме может усиливать субъективное ощущение собственной осведомленности в вопросах правильного питания.

Принципиально иная картина складывается при анализе запроса на единые государственные рекомендации. Здесь межгрупповые различия достигают уровня значимости (χ^2=14,995, p=0,001) и демонстрируют четкую обратную тенденцию: чем выше уровень информационной перегрузки, тем ниже запрос на унифицированный стандарт. Доля положительно настроенных респондентов в группах с низкой и средней перегрузкой составляет 65,7% и 68,5% соответственно, тогда как в группе с высокой перегрузкой этот показатель падает до 43,7%. Одновременно в последней группе фиксируется максимальный процент тех, кто считает подобные рекомендации ненужными – 36,9%. Вероятно, молодые люди, столкнувшиеся с информационным избытком, либо теряют доверие к официальным источникам, либо формируют собственные критерии отбора данных, не нуждаясь во внешнем регламенте.

Поскольку значимых различий по самооценке приверженности правильному питанию и субъективной оценке объема информации не выявлено, данные переменные проанализированы совокупно по всей подвыборке. Так лишь 16,6% молодых россиян однозначно придерживаются принципов правильного питания, 56,1% стараются, но не всегда успешно, 26,1% не придерживаются. Достаточным объем информации по теме правильного питания считают 58,9%, избыточным – 16,3%, дефицитным – 20,0%.

Наиболее содержательные сдвиги зафиксированы при анализе барьеров здоровому питанию в разрезе групп. В целом по подвыборке лидируют стоимость продуктов (57,9%), вкусовые привычки (53,3%), стресс и усталость (48,9%). С ростом информационной перегруженности структура барьеров трансформируется.

В группе с низким уровнем перегрузки на первый план выходят стоимость (53,3%), вкусовые привычки (48,0%) и трудности вне дома (37,5%). Стресс и усталость указывают 37,5%, противоречивость информации – лишь 7,2%. В группе со средним уровнем перегрузки стоимость остается главным барьером (58,7%), однако существенно возрастает роль вкусовых привычек (59,8%) и стресса (52,7%). Противоречивость данных как помеху отмечают лишь 12,9% участников. В группе с высоким уровнем информационной перегруженности стоимость по-прежнему лидирует (59,6%), но значение стресса и усталости (51,3%), а также дефицита времени (46,5%) выходит на максимальные показатели.

При этом доля опрошенных, выделивших информационную противоречивость информации, непонимание, как именно правильно питаться, в качестве барьера здоровьесберегательному пищевому поведению, возрастает до 15,9%, что более чем вдвое превышает аналогичный показатель в группе с низким уровнем перегрузки. Одновременно падает роль вкусовых пристрастий (50,3%) и обостряются проблемы, связанные с питанием вне дома (47,8%), а также поиском качественных продуктов (27,7%). Следовательно, с ростом информационной перегруженности барьеры смещаются из экономической и вкусовой плоскостей в психоэмоциональную и когнитивную: стресс, усталость, нехватка времени и несогласованность (противоречивость) данных становятся все более ощутимыми препятствиями.

Заключение. Информационная перегруженность не оказывает прямого статистически значимого влияния на самооценку приверженности правильному питанию и оценку существующего общего объема информации о правильном питании, однако приводит к качественным сдвигам в структуре барьеров и запросе на институциональные рекомендации.

По мере роста перегрузки молодые россияне демонстрируют снижение доверия к единым государственным ориентирам, что сопряжено с усилением роли стресса, усталости и противоречивости информации как препятствий для здорового питания.

Полученные результаты указывают на необходимость дифференцированного подхода: для группы с высоким уровнем перегрузки эффективны инструменты снижения когнитивной нагрузки (персонализированные сервисы, цифровые агрегаторы), для группы с низкой – сохранение спроса на четкие государственные стандарты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бурак, Л. Ч. Факторы, влияющие на выбор потребителями продуктов здорового питания: критический обзор / Л. Ч. Бурак, З. Е. Егорова, Н. В. Саманкова // Sciences of Europe. – 2025. – № 167. – С. 35–45.

2. Палагина, М. Ю. Педагогические подходы к воспитанию культуры здорового питания в студенческой среде / М. Ю. Палагина // Педагогические исследования (сетевое издание). – 2025. – №. 2. – С. 124–144.

3. Камалова, Т. А. Особенности современных маркетинговых стратегий на рынке товаров здорового питания / Т. А. Камалова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2025. – Т. 40, № 4. – С. 7–17.

4. Тутельян, В. А. Ключевые проблемы в структуре потребления пищевой продукции и прорывные технологии оптимизации питания для здоровьесбережения населения России / В. А. Тутельян, Д. Б. Никитюк // Вопросы питания. – 2024. – Т. 93, № 1 (551). – С. 6–21.

5. Еда по правилам и без : аналитический обзор [Электронный ресурс] / Аналитический центр ВЦИОМ. – 2026. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/eda-po-pravilam-i-bez (дата обращения: 11.07.2026).

УДК 331.1

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ

Симхович В. А.
главный научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
доктор социологических наук, профессор
г. Минск, Беларусь

Современным миром правит искусственный интеллект (ИИ). Его потенциал кажется неисчерпаемым, побуждая человека к использованию ИИ-технологий практически в любой отрасли и сфере общества. В экономике искусственный интеллект – один из основных драйверов, позволяющий повышать эффективность производственных процессов, производительность труда работников, совершенствовать управление персоналом и т.п. Более того, он кардинально изменяет рынок труда, дополняя возможности работника, а нередко – выполняя его функции. ИИ используют все крупные компании, выпускающие кредитные карты, в программах обнаружения мошенничества. Системы безопасности используют программы ИИ для наблюдения за несколькими экранами с камер видеонаблюдения и обнаружения объектов, которые часто пропускает охранник. ИИ изменяет и повседневную жизнь людей, которые проживают в умных домах и являются активными пользователями мобильных приложений, смартфонов, сетей и т. п.

Искусственный интеллект относится к области компьютерных наук, сосредоточенной на создании интеллектуальных машин, способных выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта, такие как обучение, рассуждение и решение проблем [1]. Соответственно, эксперты из Международной организации по стандартизации определяют ИИ как способность машины или компьютерной системы выполнять задачи, для которых обычно требуется человеческий интеллект. Это включает в себя программирование систем для

анализа данных, обучения на основе опыта и принятия разумных решений под руководством человека [2].

Существуют и другие дефиниции искусственного интеллекта. Американские эксперты в сфере ИИ Пол Доэрти, Джеймс Уилсон определяют ИИ как систему, расширяющую возможности человека благодаря распознаванию, осмыслению, действию и обучению [3], социолог Амитай Этциони в совместной статье с сыном, специалистом в области ИИ Ореном Этциони трактует ИИ как деятельность, направленную на то, чтобы сделать машины интеллектуальными [4], белорусский ученый Абламейко С. В. – как научную зонтичную дисциплину, которая включает представление данных, доказательство теорем, компьютерное зрение, машинное обучение, робототехнику, обработку естественного языка и т. п. [5, с. 26] и др.

Мы не отрицаем корректность дефиниций ИИ данных исследователей, однако считаем более оптимальным определение, которое дает модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта», разработанный Объединенным институтом проблем информатики НАН Беларуси и одобренный Межпарламентской ассамблеей СНГ 18 апреля 2025 года. Закон определяет искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Он включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [6].

Технологии искусственного интеллекта, выстроенные на основе алгоритма, охватывают обработку визуальных и звуковых данных, включая компьютерное зрение, распознавание и синтез речи, обработку текста, интеллектуальную поддержку принятия решений и управления, а также технологии повышения эффективности самого ИИ.

Известные в настоящее время технологии ИИ успешно применяются во многих сферах деятельности человека. Одна из востребованных сфер – управление персоналом (HR), или HR-менеджмент организаций и предприятий. Поскольку ИИ – это технологии, способные анализировать большие массивы данных, выявлять закономерности и делать выводы для оптимизации деятельности, в HR используются базовые технологические методы и прикладные программные инструменты, которые автоматизируют рутину, подбор, оценку и развитие сотрудников.

Дифференцируют следующие базовые технологии ИИ в HR:

– машинное обучение (Machine Learning): анализ резюме, прогнозирование текучести кадров и оценка успешности кандидатов на основе прошлых данных;

– обработка естественного языка (NLP): автоматический скрининг резюме, анализ текстов откликов, чат-боты для первичного общения с соискателями;

– компьютерное зрение: анализ видеоинтервью (оценка мимики, жестов и уверенности кандидата);

– генеративный ИИ и языковые модели (LLM): создание описаний вакансий, текстов для онбординга и генерация обучающих материалов.

В управлении персоналом активно используются различные прикладные решения и платформы. К ним относятся системы автоматизации рекрутинга с ИИ-модулями, например, «Поток Рекрутмент» для подбора персонала, AI-ассистенты и сорсеры – инструменты для поиска и фильтрации кандидатов, например, Xenia AI или специализированные AI-сорсерские модули, а также HR-платформы с ИИ. Данные платформы являются комплексными системами управления талантами, например, Eightfold.ai, подбирающая кандидатов по навыкам, кадровые экосистемы SAP с встроенными AI-помощниками типа Joule, TARGControl – WFM-система с акцентом на прогнозирование, автоматизацию учета рабочего времени с биометрическим оборудованием и др. [7].

Имеющийся опыт применения технологий ИИ показывает, что в управлении персоналом они используются прежде всего для автоматизации рутинных задач: подбора кандидатов, анализа резюме, разработки персональных программ адаптации и развития сотрудников, оценки их производительности. Нейросети мгновенно находят идеальных кандидатов среди тысяч резюме и извлекают ключевые данные: образование, навыки, опыт и т.п., сокращая время на первичный отбор. Они автоматически исключают кандидатов, несоответствующих критериям вакансии, осуществляя первичный скрининг и ранжируя остальных по релевантным параметрам. Кроме того, с помощью инструмента SpectrumData они проверяют благонадежность кандидата, осуществляя мониторинг государственных и иных реестров, что позволяет компании принимать взвешенное решение о найме сотрудника. Технологии машинного обучения также способны предсказывать потенциальную успешность кандидата на основе анализа его цифрового следа и поведенческих паттернов.

В ходе видеоинтервью алгоритмы фиксируют мимику, тон голоса, скорость речи, используя компьютерное зрение для распознавания эмоций, а затем платформы анализируют данные, чтобы определить личностные особенности кандидата и то, насколько он успешно пройдет онбординг.

Чат-боты, такие как Mya и Olivia, предоставляют виртуальное наставничество. Они отвечают на вопросы кандидатов 24/7, обеспечивая мгновенную обратную связь, анализируют поведение, генерируют для них индивидуальные планы работы, ускоряя интеграцию новичков в команду.

Использование ИИ значительно ускоряет оценку сотрудников, а также их обучение и развитие. Одной из наиболее эффективных онлайн-платформ для обучения персонала считается SAP Litmos LMS – централизованный центр для учебных материалов, упрощающий доступ и распространение информации. Ее использовал Forbes для электронного обучения и объединения своих сотрудников во время пандемии короновируса.

Набирает популярность технология виртуальной и дополненной реальности (VR-технология), с помощью которой сотрудников обучают общению с клиентами, производственной безопасности и другим профессиональным навыкам. Не менее популярна технология геймификации. Ее элементы – баллы, уровни, рейтинги, визуализация и др. – помогают быстрее обучаться и адаптироваться к организационным изменениям, повышая производительность персонала.

Многие компании уже создали определенные треки развития для всех категорий сотрудников. Анализируя данные о навыках, интересах и производительности, ИИ может генерировать индивидуальные планы развития каждого сотрудника, которые затем приводятся в соответствие матрицам компетенций [см. более подробно: 8].

Совершенно очевидно, что искусственный интеллект в сфере управления персоналом уже вышел за рамки базовой автоматизации, открыв новые возможности для оптимизации процессов отбора, ротации, обучения и адаптации сотрудников. Зарубежный и российский опыт применения его технологий в HR-менеджменте описан в целом ряде публикаций [9; 10; 11 и др.]. В частности, следует отметить публикацию о результатах масштабного исследования, которое в 2024 году провел Росстат, используя методологию НИУ ВШЭ. Данное исследование подтвердило массовость использования ИИ-технологий в управлении персоналом российскими компаниями: данную сферу отметили 51% корпоративных ИИ-пользователей [12].

В Беларуси подобные масштабные исследования пока не проводились, и научные публикации отечественных ученых посвящены, как правило, теоретико-методологическим основаниям применения ИИ-технологий в сфере управления персоналом [13; 14; 15]. В открытой печати найдена одна работа, в которой на примере ОАО «8 Марта» рассматривается возможность внедрение ИИ-платформы «Workable» в систему HR-менеджмента [16].

И хотя в ряде сообщений отмечается, что белорусские организации и предприятия активно внедряют искусственный интеллект в производственные процессы, темпы внедрения его технологий в управление персоналом могли бы быть выше. Эксперты выделяют несколько

причин, которые не способствуют активизации данного процесса: отечественным HR-специалистам не хватает компетенций, ИИ пока не используется как стратегический инструмент [17], сложный и затратный характер технологий. Можно предположить, что белорусским, как и российским компаниям [18], не удалось избежать некоторых негативных социальных последствий цифрового HR, таких как усиление социального неравенства, неприятие технологий ИИ, дегуманизация трудовых отношений, эрозия приватности и т. п.

Все это актуализирует конкретную научную задачу для отечественных ученых в настоящее время: изучить белорусскую практику внедрения технологий искусственного интеллекта в управление персоналом в различных отраслях экономики, выявить ее специфику, узкие места и определить потенциал данных технологий с целью совершенствования системы управления человеческим капиталом в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Artificial intelligence (AI): a simple-to-understand guide. – URL: https://cloud.google.com/learn/what-is-artificial-intelligence (дата доступа: 19.07.2026).

2. Искусственный интеллект: что это такое, как он работает и почему он важен / International Standardization Organization. – URL: https://www.iso.org/ru/artificial-intelligence (дата доступа: 19.07.2026).

3. Доэрти, П. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта / П. Доэрти, Дж. Уилсон; пер. с англ. О. Сивченко, Н. Яцюк. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 304 с.

4. Etzioni, A. Should artificial intelligence be regulated / A. Etzioni, O. Etzioni // Issues in science and technology. – 2017. – Vol. 33. – № 4. – URL: https://issues.org/perspectiveshould-artificial-intelligence-be-regulated/ (дата обращения: 05.11.2025).

5. Абламейко, С. В. Искусственный интеллект в Беларуси – история и перспективы / С. В. Абламейко // Наука и инновации. – 2022. – № 5. – С. 26-31.

6. О технологиях искусственного интеллекта / Модельный закон. Приложение к постановлению МПА СНГ от 18.04.2025 № 58-8. – URL: https://eccis.org/document/7183 (дата обращения 29.07.2026).

7. Александрова, А. Топ-10 решений с искусственным интеллектом для HR и рекрутеров / А. Александрова. – URL: https://potok.io/blog/hr-overview/top-10-reshenij-s-iskusstvennym-intellektom-dlya-hr-i-rekruterov/ (дата доступа: 29.07.2026).

7. Филиппова, Ю. Искусственный интеллект в HR: как AI меняет подбор, управление и развитие персонала / Ю. Филиппова // Поток. – URL: https://spectrumdata.ru/blog/proverka-soiskatelya/iskusstvennyy-intellekt-v-hr-kak-ai-menyaet-podbor-upravlenie-i-razvitie-personala/ (дата доступа: 29.07.2026).

9. Radonjić, A. Artificial intelligence and HRM: HR managers' perspective on decisiveness and challenges / A. Radonjić, H. Duarte, N. Pereira // European Management Journal. – 2024. – Vol. 42. – P. 57-66. – DOI: 10.1016/j.emj.2022.07.001 (date of access: 18.07.2026).

10. Руденко, Л. Г. Тренды применения искусственного интеллекта в HR-менеджменте / Л. Г. Руденко // Государственная служба. – 2024. – № 6(152). – С. 96-105.

11. Носырева, И. Г. Внедрение технологий искусственного интеллекта как вызов специалистам по управлению персоналом / И. Г. Носырева, Н. А. Белобородова // Лидерство и менеджмент. – 2025. – Т. 12. – № 11. – С. 2267-2288. – DOI 10.18334/lim.12.11.124171 (дата обращения 29.07.2026).

12. Абашкин В. Л. Применение искусственного интеллекта в российских компаниях / В. Л. Абашкин, Г. Г. Ковалева – Москва : НИУ ВШЭ, 2025. – URL: https://issek.hse.ru/news/1083541394.html (дата доступа: 21.07.2026).

13. Ванкевич, Е. В. Технологии искусственного интеллекта в управлении человеческими ресурсами / Е. В. Ванкевич, И. Н. Калиновская // Белорусский экономический журнал. – 2020. – № 2. – С. 38–51.

14. Балтрукевич, П. И. Применение технологий искусственного интеллекта для совершенствования рекрутинга персонала // П. И. Балтрукевич, С. Ю. Михневич, А. А. Войтович // Проблемы коммуникации. – 2025. – № 1 (21). – С. 66-71. – DOI: 10.61726/9791.2025.92.11 (дата обращения 29.07.2026).

15. Дурович, А. П. Возможности и направления применения технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом / А. П. Дурович, Н. И. Гришко // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2025. – № 1. – С. 13–22.

16. Маслюкова, А. Д. Влияние искусственного интеллекта на эффективность управления персоналом в ОАО «8 Марта» / А. Д. Маслюкова, О. В. Арашкевич // Творчество молодых, 2025 : сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов. В 3 ч.; Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2025. – Ч. 2. – С. 52–55.

17. ИИ в HR: где реально помогает, и что мешает внедрению / Аспект. Тренинговый портал в Беларуси. – URL: https://ta-aspect.by/articles/ii-v-hr-gde-realno-pomogaet-i-chto-meshaet-vnedreniyu (дата доступа: 30.07.2026).

18. Ковальжина, Л. С. Технологии искусственного интеллекта в сфере управления персоналом: социальный опыт внедрения и использования / Л. С. Ковальжина, А. А. Орлова // Социодинамика. – 2025. – № 12. – С. 95-106. – DOI: 10.25136/2409-7144.2025.12.77472 (дата обращения 30.07.2026).

УДК 930. 94(470)“1812”

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ИСТОРИОГРАФИИ ВОЙНЫ 1812 ГОДА: ОТ 1920-Х К СОВРЕМЕННОСТИ

Скопинцев И. А.
студент ОГПУ
г. Оренбург, Россия

Война 1812 года давно перестала быть узкоисторической темой. Она, не без помощи государства и политиков, приобрела ареол центральной исторической темы, одного из определяющих современную Россию и ее граждан событием. В этой связи историография столь обширной и популярной темы также является достоянием широкой общественности. Работы Е. В. Тарле [1], пережившие множество изданий и ставшие классическими. Труды П. А. Жилина [2; 3], рассчитанные на широкую политизацию истории войны 1812 года. Монографии Н. А. Троицкого [4; 5], своим появлением положившие начало рассмотрению темных и неприглядных сторон темы. Все вышеобозначенные историки приобрели широкую известность в массах населения, далеких от академической науки.

Вместе с тем, среди нескольких десятков крупнейших исследователей эпохи выделяются не только мужчины. Незаслуженно забытыми, на наш взгляд, остаются женщины, внесшие огромный вклад в изучение темы, становившийся зачастую прорывным. Мы остановимся на следующих представительницах историографии войны 1812 года, ушедших в тень мужчин в рамках общественного сознания: Н. В. Брюлова-Шаскальская, М. А. Нечкина, О. В. Орлик, Л. Л. Ивченко, Н. Ю. Шведова.

Историография войны 1812 года трансформировалась и переживала целый ряд точек флуктуации. Вместе с тем, одним из самых неоднозначных периодов отношения власти и академической среды к Русской кампании являются 1920-е годы. В фарватере критического и ревизионистского отношения к теме, задаваемым С. М. Покровским [6, с. 181], следовала основная масса академического сообщества. Вместе с тем, именно этот период захватил в себе двойственность, открыв дорогу к ранее запретным и неприглядным проблемам.

Настоящим выразителем этого дуализма начала 1920-х годов стала Н. В. Брюлова-Шаскальская с работой «Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн» [7]. В брошюре исследовательница углубляется в изучение вопросов крестьянского сословия на разных уровнях и в разных категориях, указывая на голод, бесправие, увеличение налогового гнета и открыто пишет о зверствах помещиков, насилии [7, с. 20]. Историк ввела в научный оборот целый ряд ценнейших свидетельство о проблемах, не получивших должного рассмотрения в дореволюционной историографии. Она открыто пишет о том, что «разлучали жен с мужьями, детей с родителями. Людьми торговали на рынке» [7, с. 18]. Приводит исследовательница и совершенно дикие свидетельства, например: «Многие крестьяне, особенно дети, умирали под плетьми. Помещики, любители охоты, держали целые своры гончих и борзых собак и заставляли крестьянок выкармливать их грудью» [7, с. 20]. Все это по мысли Н. В. Брюловой-Шаскальской и приводило к крестьянским волнениям, иногда протекавшим в виде военных

выступления. Война 1812 года же стала одним из центральных событий, на фоне которого и протекали одни из самых массовых актов неповиновения. «Как и М. Н. Покровский, Н. В. Брюллова-Шаскальская отрицала народный характер войны» [6, с. 186]. Для нее война 1812 года скорее «была величайшим несчастьем, что многие готовы были бежать к французам и искать у них вольности» [7, с. 54, 56], в некоторой степени страданиям и лишениям в ее труде уделено куда большее внимание, нежели в работах М. Н. Покровского. Не смотря на одиозные и отчасти политизированные выводы в работе рассматриваемого автора, ее научные изыскания стали важным этапом развития науки и открыли дорогу к темным пятнам, казалось бы, во всем известной темы.

Следующим автором, которому мы уделим внимание, является М. В. Нечкина. Как историк она известна скорее трудами по проблемам революционной мысли. Однако, оставила исследовательница существенный след и в рассмотрении кампании 1812 года. Не смотря на ее нахождение скорее на периферии темы, она полностью вобрала в себя политизированный дух академической истории сталинского периода. Заметное участие М. В. Нечкина приняла в критике школы Покровского, обвиняя бывшего учителя в отступлениях от марксизма и оценок Ленина-Сталина [8]. Касаясь рассмотренных автором вопросов войны 1812 года особенное внимание следует уделить ее статьям в рамках центральной прессы. В них и выразилось принятие автором всех идеологических клише и маркеров, предложенных вождем и партией, на которые она откликалась одной из первых [9, с. 160]. Так, исследовательница, по следу речи Сталина, рассказывала читателям о том, как боролся народ с иноземными захватчиками, указывая на то, что «на помощь героической русской армии пришли народные массы» [10]. Раскрывала она и роль партизанских отрядов, указывая на их всепроникающую хитроумную борьбу с противником [11]. Идея же «гениального русского полководца» Кутузова состояла в следующем: «Измотать численно превосходящие силы врага обороной, копить в то же время силы для ответного удара, нанести этот удар и добиться разгрома противника» [12]. Важно отметить, что кроме всего прочего, ей также удалось войти в авторский коллектив школьной литературы и перенести необходимые политикам тезисы на ее страницы [13].

Следующей заметной, в рамках советских исследований войны 1812 года, женщиной стала О. В. Орлик. Её труд «Гроза двенадцатого года…» [14], вышедший на заре советской эпохи, во многом вобрал в себя многие исторические мифы, сформированные к этому моменту в советском пространстве памяти. Данный труд является ярким маркером всей советской историографии. В оценке исследовательницы война носила исключительно справедливый и освободительный характер. Велась она с целью остановить грабительские и колониальные замыслы Наполеона по расчленению России [14, с. 15]. Начал же противник данную кампанию подло, без объявления войны, с огромным перевесом в живой силе [14, с. 18]. Оперирует О. В. Орлик и заретушированными сталинскими оценками, сохранившими свои позиции в исторической науке, после XX съезда партии, без привычной ссылки на их автора. Так, после Бородина, по ее мнению, начинается этап контрнаступления русской армии, подготовленный союзом партизан, крестьян, народа и гениального полководца Кутузова [14, с. 68, 80].

Наконец, более заметные роли в историографии темы женщины стали занимать с 1990-х годов. Так, одними из самых заметных и знаменитых исследовательниц войны 1812 года стали Л. Л. Ивченко и Н. Ю. Шведова. Их поле деятельности несколько различно и демонстрирует вариативность специализации историков современного этапа развития науки.

Первая из рассматриваемых историков является автором нескольких значимых монографий и статей [15; 16; 17; 18; 19; 20; 21]. Многие из них, не смотря на одиозные выводы и оценки, демонстрируют уникальные подходы и методы. Особенным интересом историка стало сражение у села Бородино. В данном контексте исключительную важность имеет статья, опубликованная в журнале «Родина» под заглавием «Девять на двенадцать или повесть о том, как некто перевел часовую стрелку» [15]. В ней, совместно с А. А. Васильевым, Л. Л. Ивченко обстоятельно доказывает несостоятельность широко бытующей версии о времени ранения Багратиона и взятии флешей, защищавшихся его армией. Так, она указывает на то, что «наполеоновские войска захватили укрепления на левом фланге русской позиции не позднее

10.00, то есть на два часа раньше, чем это принято считать в русской историографии» [15, с. 66]. В другой работе «Бородинское сражение. История русской версии событий» [16] Л. Л. Ивченко акцентируется на рассмотрении битвы сквозь призму русских воспоминаний, свидетельств и мемуаров, фактически исключая из повествования иностранные источники. При всех минусах подобного подхода, важно отметить, что исследовательница, располагая массовым источниковым материалом, позволяет читателю оценить «русскую версию событий», не скрывая ее однополярности. Кроме того, заметной можно назвать и ее биографию М. И. Кутузова [17], не смотря на неоднозначные оценки со стороны других ученых-историков [5, с. 45]. Внесла рассматриваемая нами фигура и вклад в обзор, изучение и систематизацию современной историографии, как по теме войны 1812 года [18], так и по персоналиям периода [19; 20; 21].

Н. Ю. Шведова в свою очередь, также имеет несколько весомых публикаций в центральных исторических журналах. Так, под ее авторством вышла заметка о первом описании войны 1812 года [23, с. 103]. Кроме того, важной работой является статья «Злых фурий светоч», опубликованная в журнале «Родина» [22]. На основе комплекса русской публицистики исследовательница рассматривает эволюцию и становление в ней образа императора французов, указывая на огромный размах издания антинаполеоновской литературы и сохранение скептического отношения к ней в русской среде [22, с. 13]. Специализированной работой автора, подводящей нас ближе к сфере ее интереса и углубленного изучения, стала статья, рассматривающая «книги из библиотек участников Отечественной войны 1812 года в коллекции редких книг Музея-панорамы Бородинская битва» [24]. Именно работе в научной библиотеке одного из крупнейших музеев по тематике 1812 года и посвятила большую часть своей жизни Н. Ю. Шведова. Она стала одним из первых сотрудников музея-панорамы, устроившись в него в 1965 году, а через 3 года она возглавила научную библиотеку. «С тех пор началась кропотливая работа по формированию книжного собрания музея», коллекция которого, трудом исследовательницы, была доведена до 10.000 наименований [25].

Итак, рассмотренные нами труды демонстрируют, что женский взгляд на войну 1812 года никогда не был статичным или периферийным. Наоборот, он чутко, а порой и с опережением отражал магистральные повороты исторической науки. Каждая из этих исследовательниц оставила свой след в осмыслении «Русской кампании», будь то бесстрашное вскрытие крестьянских страданий, идеологическая мобилизация памяти или тихое архивное исследование. Их наследие убедительно показывает, что историография 1812 года лишается целых пластов смысла без тех методологических поисков и источниковедческих открытий, которые были инициированы этими незаслуженно отодвинутыми в тень женщинами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тарле, Е. В. Нашествие Наполеона на Россию / Е. В. Тарле. – М. : Военное издательство, 1992. – 304 с.

2. Жилин, П. А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году / П. А. Жилин. – М. : Военное издательство, 1950. – 191 с.

3. Жилин, П. А. Гибель наполеоновской армии в России / П. А. Жилин. – М. : Наука, 1968. – 403 с.

4. Троицкий, Н. А. 1812. Великий год России / Н. А. Троицкий. – М. : Мысль, 1988. – 348 с.

5. Троицкий, Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты / Н. А. Троицкий. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2002. – 365 с.

6. Шеин, И. А. Война 1812 года в отечественной историографии / И. А. Шеин. – М. : Научно-политическая книга, 2013. – 462 с.

7. Брюлова-Шаскальская, Н. В. Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн / Н. В. Брюлова-Шаскальская. – М. : издательство Политкаторжан, 1931. – 83 с.

8. Нечкина, М. В. Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского / М. В. Нечкина // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского : сборник статей. Ч. 1. – М. ; Ленинград : Академия наук СССР, 1939. – С. 303–337.

9. Будницкий, О. В. Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941-1945 гг. / О. В. Будницкий // Российская история. – 2012. – № 6. – С. 157–169.

10. Нечкина, М. В. Бессмертные традиции всенародного ополчения / М. В. Нечкина // Комсомольская правда. – 1941. – 11 июля. – № 161. – С. 2.

11. Нечкина, М. В. Борьба партизан с армией Наполеона / М. В. Нечкина // Красный Север. – 1941. – 2 августа. – № 181. – С. 2.

12. Нечкина, М. В. Михаил Кутузов / М. В. Нечкина // Знамя Родины. – 1944. – 21 мая. – № 109. – С. 2.

13. Минц, И. И. Элементарный курс истории СССР: для начальной школы : в 2 ч. / И. И. Минц, Е. А. Мохровец, М. В. Нечкина [и др.]. – М., 1935. – Ч. 2. – 176 с.

14. Орлик, О. В. «Гроза двенадцатого года…» / О. В. Орлик. – М. : Наука, 1987. – 192 с.

15. Васильев, А. А. Девять на двенадцать или повесть о том, как некто перевел часовую стрелку / А. А. Васильев, Л. Л. Ивченко // Родина. – 1992. – № 6-7. – С. 62–68.

16. Ивченко, Л. Л. Бородинское сражение. История русской версии событий / Л. Л. Ивченко. – М. : Квадрига, 2017. – 384 с.

17. Ивченко, Л. Л. Кутузов / Л. Л. Ивченко. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 494 с.

18. Ивченко, Л. Л. Историография Отечественной войны 1812 года накануне юбилея события / Л. Л. Ивченко // 1812 год. Люди и события великой эпохи : материалы Международной научной конференции, Москва, 23 апреля 2010 г. – М. : Кучково поле, 2010. – С. 3–22.

19. Ивченко, Л. Л. Кутузов в отечественной историографии 2000-2012 годов / Л. Л. Ивченко // 1812 год. Люди и события великой эпохи : материалы Международной научной конференции, Москва, 19-20 апреля 2012 г. – М. : Кучково поле, 2013. – С. 111–129.

20. Ивченко, Л. Л. Кутузов в отечественной историографии. Проблемы изучения биографии полководца / Л. Л. Ивченко // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2012. – № 4(12). – С. 8–9.

21. Ивченко, Л. Л. Не братья по славе? / Л. Л. Ивченко // Родина. – 2012. – № 6. – С. 9–17.

22. Шведова, Н. Ю. Злых фурий светоч / Н. Ю. Шведова // Родина. – 2002. – № 8. – С. 10–13.

23. Шведова, Н. Ю. Кем и когда была написана первая история войны 1812 года? / Н. Ю. Шведова // Родина. – 1992. – № 6-7. – С. 103.

24. Шведова, Н. Ю. Книги из библиотек участников Отечественной войны 1812 года в коллекции редких книг Музея-панорамы «Бородинская битва» / Н. Ю. Шведова // Чертковские чтения : материалы Второй научной конференции, 26-27 сентября 2012 г.: к 150-летию Чертковской библиотеки : 75-летию ГПИБ России. – М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2013. – С. 42–60.

25. Хранитель истории: научный сотрудник Надежда Шведова – о 50 годах работы в музее-панораме «Бородинская битва» // Rambler. – URL: https://news.rambler.ru/science/51422045-hranitel-istorii-nauchnyy-sotrudnik-nadezhda-shvedova-o-50-godah-raboty-v-muzee-panorame-borodinskaya-bitva/ (дата обращения: 20.04.2026).

УДК 316.74

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Скриган М. И.
младший научный сотрудник, аспирант Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Актуальность социологического изучения профессионального развития различных социально-возрастных групп белорусского общества обусловлена тем, что на микроуровне оно выступает одним из наиболее значимых условий успешной социально-профессиональной адаптации конкретной личности к меняющимся обстоятельствам социальной среды, а на макроуровне становится компонентом развития человеческого потенциала общества в целом.

В условиях современного общества необходимость в профессиональном развитии детерминируется как внутриличностным стремлением к перманентному получению новых знаний, так и формируется под воздействием внешне обусловленных факторов. В связи с этим

в данной работе представлены следующие аспекты анализа профессионального развития как направления познавательной деятельности различных социально-возрастных групп белорусского населения: 1) рассмотрение потребности в развитии профессиональных знаний и навыков как качества личности, 2) изучение необходимости получения новых знаний в профессиональной и трудовой сферах как тематических направлениях познавательной деятельности личности. Социологическое исследование профессионального развития как направления познавательной деятельности населения было осуществлено посредством анализа отдельных результатов опроса Института социологии НАН Беларуси, проведенного в 1 квартале 2026 года (N = 1876).

Среди качеств, которые были предложены респондентам к оцениванию в рамках вопроса «В какой степени Вам присущи следующие качества?», нами была отобрана позиция «потребность в развитии профессиональных знаний и навыков», анализ которой позволил выявить следующее: вариант «в достаточной степени» был выбран 44,3 % респондентов, «в меньшей степени, чем хотелось бы» – 41,8 %, «качество отсутствует» – 11,7 %. В целом не ответили по данному пункту 2,2 % опрошенных.

Рассматривая качество «потребность в развитии профессиональных знаний и навыков» в рамках возрастной дифференциации, отметим, что 62,7 % респондентов в возрасте до 24 лет (включительно) указали, что им свойственна данная потребность «в достаточной степени», для 32,9 % – «в меньшей степени, чем хотелось бы», 4,3 % указали, что данное качество отсутствует. В данной возрастной группе все респонденты предоставили ответы по исследуемому пункту.

В возрастной группе 25–44 лет 52,8 % опрошенных отметили «потребность в развитии профессиональных знаний и навыков» как присущую им «в достаточной степени», 42,3 % – «в меньшей степени, чем хотелось бы», 3,7 % указали, что данное качество у них отсутствует, а 1,2 % не дали ответа.

Среди опрошенных в возрасте 45–64 лет 41,3 % указали на то, что рассматриваемая потребность выражена у них «в достаточной степени», по мнению 44,7 % – «в меньшей степени, чем хотелось бы», а 11,4 % выбрали «качество отсутствует». Ничего не отметили по изучаемой позиции 2,7 % опрошенных возрастной группы 45–64 лет.

Распределение ответов респондентов в возрасте 65 лет и старше выглядит следующим образом: 26,2 % отметили, что качество присуще им «в достаточной степени», 39,7 % – «в меньшей степени, чем хотелось бы», 30,0 % указали, что данное «качество отсутствует», а 4,1 % не дали ответ по рассматриваемому пункту вопроса.

Для изучения мнения населения о необходимости получения ими новых знаний в области трудовой и профессиональной деятельности, обратимся к анализу ответов на вопрос «На Ваш взгляд, в каких областях Вашей жизни необходимо получение новых знаний, умений и навыков?». В рамках данного вопроса рассмотрим более подробно один из предложенных респондентам для оценки вариантов: «Работа, профессиональная деятельность». Так, данную позицию выбрали в целом 37,5 % опрошенных. Среди выбравших работу и профессиональную деятельность как необходимые области для получения новых знаний, умений и навыков 58,4 % – респонденты в возрасте до 24 лет (включительно), 52,7 % – 25-44 лет, 34,1 % – 45-64 лет, а 6,8 % – 65 лет и старше.

Таким образом, среди более молодых возрастных групп фиксируются наиболее выраженные показатели потребности и необходимости в профессиональном развитии. Данные закономерно отражают различия, обусловленные возрастной спецификой, связанной с началом, активным продолжением и завершением трудовой деятельности личности. Вместе с тем в ряде случаев потребность в получении новых знаний, умений, навыков в профессиональной сфере может быть охарактеризована как требующая дальнейшего развития в силу того, что выражена в повседневной жизни респондентов меньше желаемого для них уровня.

Полученные данные подтверждают необходимость дальнейшего социологического изучения профессионального развитии как тематического направления познавательной

деятельности населения. Среди перспективных направлений исследования: выявление мотивационных основ, инструментов реализации и изучение самооценок результативности профессионального развития различных социально-возрастных групп белорусского общества.

УДК 364.62

«НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ УХОДА ЗА СТРАЖДУЩИМИ»: К ВОПРОСУ О ЖЕНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ СЕСТРИНСКОЙ РАБОТЫ

Смагина Е. В.
лаборант НОЦ краеведческих исследований
Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина
Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия

Изучение истории благотворительности представляет собой то, что можно считать гендерным подходом в исследовании. И этому есть несколько объяснений. Во-первых, социальной работой еще во времена Российской империи занимались преимущественно женщины, а во-вторых, историей этого явления в общественной среде занимаются тоже почти всегда женщины. Именно они задают исследовательские вопросы к историческим источникам и сочиняют историографические труды по истории реализации социально-экономической политики в государстве.

В разговорах об исторической действительности помощи ближнему во второй половине XIX – начале XX века среди первых возникает понятие «сёстры милосердия». Н. М. Пирогову приписывают авторство выражения, ставшее уже крылатым для исследователей истории социальной работы в России: «милосердие, всегда было присуще женскому сердцу». Но одно дело – теоретизировать работу сестёр милосердия прошлого и выдвигать гипотезы, основанные на собственном представлении о том, что такое уход за больным человеком (как и проживание в замкнутой общинной среде). И совсем другое, когда труд исследователя берут на себя те женщины, которые действительно являются либо современными сёстрами милосердия (медсёстрами) либо монахинями.

В этой связи хочется выделить два современных труда по сестринской истории: книгу о Марфо-Мариинской обители М. Н. Крючковой (монахини Елизаветы) [1] и сборник статей Л. А. Карпычевой [2]. Эти исследования написаны женщинами, непосредственно работавшими или проживающими «в сестринской среде» что, даёт основание эту историческую публицистику выделить среди множества подобных.

В рецензии к книге о Марфо-Мариинской обители сообщается, что это «органичный сплав исповедальной публицистики и ценного документального исследования». В прологе автор резюмирует личные мотивы «взяться за перо»: «хочу осмыслить свою участь и собственную жизнь, свой скромный вклад в возрождение обители…» [1, с. 5].

Монахиня Елисавета (Крючкова) «не типично» интерпретирует историческую действительность всем известных событий. «Вспоминая крымскую кампанию, мы, как правило, идеализируем деятельность сестричеств тех лет. Севастопальская страда, однако, обнажила многие трагические настроения в сестричествах… сестры заболевали, дисциплина хромала, и профессиональный уровень российских сестричеств был низким» [1, с. 72].

Размышляя о социальной работе начала XX века, исследовательница обращается к личности основательницы Марфо-Мариинской обители и честно сообщает о том, что при включении рукописи личного происхождения она задумывалась: «нужно ли знакомить с ней читателя в том виде, в каком передали ее мне? Воспоминания переведены в точном соответствии с оригиналом и без пояснений могут быть не поняты… могут показаться противоречивыми, даже недружелюбными» [1, с. 33].

Среди прочих аспектов сестринского служения автор рассматривает полемику о диаконии и резюмирует отрицательную точку зрения на этот вопрос церковных иерархов, к

которой, как известно, примкнул император Николай II. «Если в социальных трудах сестры обители преуспевают, то духовная сторона не продумана. Посвященная Богу часть души весит над бездной. От диаконис по одеянию требуется только внешняя сторона служения. Нет аскетических обетов… диакония носит однобокий характер» [1, с. 120].

Монахиня не заканчивает своё исследование вместе с окончанием благоприятных дней для обители. На страницах своего издания даёт возможность прочесть воспоминания американской журналистки, которая посетила Марфо-Мариинских сестёр в августе 1917 года, и повседневные сюжеты из жизни уже не обители, а «общества не преследующего материальных выгод» [1, с. 132, 146]. Во второй половине книги размещён фотоархив Великой княгини Елизаветы Федоровны и архитектурные планы обители, что даёт основание – это издание отнести к ведущим трудам по истории московского социального проекта начала XX века.

Сборник статей другой нашей современницы, сестры милосердия Л. А. Карпычевой стоит особняком в литературе о сестринском служении. В этом изданни, которое увидело свет уже после смерти автора, опубликована строчка из личного письма. «Моя статья – моё личное покаяние, а караван всё равно будет идти…». При этом, несмотря на такое, казалось бы, «не типичное» для официальной науки признание, выдержки из этого сборника кочуют по всем исследованиям о сёстрах милосердия последних десятилетий.

Л. А. Карпычева размышляет об истории генезиса сестринского служения и национальных особенностях этого дела в Российской империи [2, с. 218, 300], а свои выводы чаще всего подкрепляет историческими источниками. Например, выдержкой из дневника настоятельницы Московского Страстного монастыря, посетившую одну из московских общин сестёр милосердия в 1875 году. «Суетные дела благотворительности: школы, ясли, т.е. хождение за крошечными детьми, больницы, прием больных, занятия в аптеках, – отнимают все время, умучивают донельзя, так, что о молитве или внутреннем своём состоянии и подумать некогда…смешала монастырь с общиной сестёр милосердия. Что вышло? Безобразие, неустройство, беспорядок и срам монашеству» [2, с. 253].

В статье «Кто такие сёстры милосердия?» после обширной исторической справки современная сестра милосердия рефлексирует на злободневную тему. «Но бывают ли профессии православными? …И потом, можно ли считать милосердие профессиональной характеристикой? ...По правилам православной аскетики от него (сердца – Авт.) нельзя требовать постоянства если человек не достиг святости. Его чрезмерное и постоянное понуждение на сострадание и любовь к больному не по силам тем, кто лишь стремится к ней. «Чувствительное сердце» чревато психическим и физическим нездоровьем» [2, с. 304].

Обращает на себя внимание, что, возможно, сама того не ведая, Л. А. Карпычева работала с историческими фактами, следуя заветам крупнейшего методолога исторической науки И. Д. Ковальченко, который призывал вкладывать личное отношение к действительности. «Представляется, что "вживание" и "сопереживание" выступают как компоненты и приемы научного воображения, которое основывается на объективной реальности» [3, с. 272]. Что в свою очередь делает её исследование выходящим за рамки общепринятой «православной публицистики» о милосердии.

Таким образом, для молодого исследователя, решившего изучать исторические или современные вопросы, посвященные социальной работе, отдельно стоит обращать внимание на те труды, авторы которых имеют личный опыт сестринского или монашеского служения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Крючкова, М.Н. Традиции российского милосердия. Марфо-Мариинская обитель / М.Н. Крючкова. – М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2020. – 496 с.

2. Карпычева, Л. А. На небесах еси уготовится истина твоя / Л. А. Карпычева. – СПб.: Покровская община, 2009. – 343 с.

3. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

УДК 316.7

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ КРАСНОДАРА: ОТ ВЕДУЩИХ ДО ПЕРИФЕРИЙНЫХ ПРАКТИК

Смаль А. Ю.
аналитик факультета социальных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

Хохлова Е. А.
студентка факультета социальных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

Краснодар является важным логистическим центром для российских туристов. Особенно актуален он для курортов Черноморского побережья одноименного края и Крымского полуострова. В 2025 г уровень туристического потока в город составил почти 10 млн человек. Вместе с тем его образ в массмедиа ассоциируется в основном с парком «Краснодар» (или, как его называют местные жители, «Парком Галицкого»). Таким образом, возникает иллюзия, что городская культура Краснодара исчерпывается только парком. Данное исследование предпринимает попытку выявить потенциал второго плана города. В ходе работы команда исследователей реконструирует восприятие мест, которые не возникают в медийном пространстве города. Эмпирическая база исследования включает 15 полуструктурированных интервью, взятых у местных жителей и туристов. Также в качестве анализируемых данных использовались результаты не включенного наблюдения. Эмпирическая база исследования собиралась в ходе экспедиции «Краснодар туристический: новая социокультурная карта города» под руководством М. Е. Маркина и Е. В. Надеждиной. Экспедиция проводилась в рамках программы исследовательских экспедиций «Открываем Россию заново» НИУ ВШЭ с 31 марта по 09 апреля 2026 г.

Для того чтобы проанализировать сложившуюся ситуацию в Краснодаре, мы использовали две основных парадигмы: социологию города и социологию туризма. Первая парадигма вводит понятие «джентрификации» – процесса смены социального состава районов, которое сопровождается подъемом цен на жилье и реконструкцией жилого фонда, а также трансформацией общественного пространства [1]. Вместе с джентрификацией перестаивается не только физическое пространство города, но и система культурных ориентаций: новоселы приносят отличные для этого пространства запросы к досуговым практикам. В свою очередь, локальные практики либо коммерциализируются, либо уходят на второй план, скрываясь среди своих носителей. Ярким примером того, как джентрификация влияет на городскую инфраструктуру, являются наблюдения, составленные Д. Харви. В частности, в своих работах он указывает, что городское пространство является не нейтральным фоном, а местом, которое отражает социальную дифференциацию [2]. Районы, отрезанные от транспортной инфраструктуры, теряют доступ к более выгодным предложениям на рынке труда или к образовательным и культурным объектам. В рамках нашего исследования предположение о важности транспортной инфраструктуры заключается в следующем: встроенность культурного объекта в сеть транспортных путей обеспечивает его попадание в орбиту как туристов, так и местных жителей.

Вторая парадигма вводит понятия первого и второго планов, которые в своей работе «Турист. Новая теория праздного класса» сформировал социолог Д. Макканелл [3]. Под первым культурным планом понимается публичный и общедоступный слой городской культуры. Основным пользователем и героем этого плана выступает массовый турист. В основном благодаря тому, что первый план имеет низкий порог входа: он безопасен, понятен и предсказуем для внешних агентов. Как правило, в первый план входят объекты культуры,

которые необходимо посетить в первую очередь. Для Краснодара таким объектом выступает парк «Краснодар». Он формирует образ города как города-парка. Вторым планом является изолированная от внешнего агента (массового туриста) часть культурной жизни города. Основная его функция и главная характеристика – сохранение привычных для местных жителей традиций и уклада жизни. Это могут быть определенные городские пространства, гастрономические сцены, арт-пространства или места повседневного взаимодействия краснодарцев. Второй план не афишируется, но именно в нем сосредоточена та аутентичность, которую ищет современный массовый турист.

Таким образом, основным нашим тезисом, который формируется на стыке двух парадигм заключается в следующем: туристическое восприятие Краснодара искажается в силу того, что первый план (парк «Краснодар») перетягивает на себя все медийное пространство. Это не только сужает разнообразие возможного туристического и культурного опыта, но и возводит определенную стигму вокруг Краснодара («город-парк», «город одного дня», «нет ничего, кроме парка»). Эмпирический раздел работы направлен на выявление действительной насыщенности и ценности тех объектов и практик, которые находятся за кулисами второго плана Краснодара – как в восприятии самих краснодарцев, так и туристов.

В восприятии жителей города Краснодар формирует образ города контрастов. В основном проявления этого можно заметить в конфликте через призму «свой-чужой»: стигматы «понаехи» (приехавшие из других регионов страны) и «кубаноиды» (местные жители) формируют напряженность между представителями разных общественных слоев города. На фоне этого туристический поток только усиливает контраст между различными группами. В связи с этим можно заметить, как город разделяется на разные зоны: для туристов (парк «Краснодар», улица Красная) и для местных, своих (Ботанический сад, Чистяковская роща). Как отмечалось ранее, транспортная инфраструктура также вносит определенную роль в пространственной сегрегации города. Это проявляется непосредственно в центре. Так, главная пешеходная улица, по мнению местных жителей и туристов (а также в результате наблюдения), имеет более ухоженный, облагороженный вид, чем периферийные пешеходные зоны. В силу нагруженного трафика и недоступности трамвайных путей (самого главного транспорта города), местные жители формируют собственные точки притяжения (например, «Немецкую деревню»).

Помимо разных планов, в Краснодаре также возникают и не институционализированные формы и форматы культурных практик и досуга. Среди тех объектов, которые выявлены в ходе исследования, можно выделить книжный магазин (сочетающий в себе одновременно и кладезь философской и научно-популярной литературы, и лекторий, привлекающий интеллектуальную молодежь города), различные независимые театры, а также арт-резиденции и отдельные литературные музеи. Ключевая особенность этих объектов – отсутствие широкого освещения в массмедиа. В этом контексте информация о них транслируется через сети личных знакомств и контактов. Следуя положениям М. Грановеттера о силе слабых связей [4], можно сделать вывод, что именно они выступают каналом обмена информацией о мероприятиях и, что более важно, ретранслятором культурных событий в городе. В свою очередь, участники сети описывают свои взаимоотношения как дружеские, однако их основа носит чисто инструментальный характер обмена профессиональной информацией. В результате формируется замкнутый круг, который формирует элитарный и недоступный для массовой аудитории образ.

Отдельную роль играют и торговые центры, а также ночная жизнь города. Улица Красноармейская является ее амбассадором. С одной стороны, это главное место концентрации баров, ресторанов и клубов, с другой, она имеет статус маргинальной и «трешовой». При этом местные жители не разграничивают для себя культурные контексты объектов. Существует практика похода на «Красноармейскую» после просмотров постановок в местном драмтеатре. Таким образом, в рамках локальной культуры границы между высоким и низким досугом часто размываются.

Отдельно стоит отметить и то, что в Краснодаре историческое наследие города не инкорпорировано в городское пространство. Память о Великой Отечественной войне и имперской эпохе присутствует исключительно в нарративах местных жителей, но не отражается в городской среде (как в других городах юга, пострадавших во время немецкой оккупации, например, Севастополе). Информанты старшего возраста называют одной из ассоциаций с городом казачество, но, по нашим наблюдениям, сильной связки с тем, что казачество – визитная карточка города, не обнаружено. При этом есть локальные магазины казачьего костюма и казачьих сувениров, но они себя не позиционируют как туристические места и не воспринимаются соответствующим образом. Это создает парадокс: исторический нарратив инкорпорирован в сознание, но не включен в туристическую инфраструктуру.

Интересно, что богатая история города в связке с отсутствием мейнстримных историко-культурных туристических маршрутов создает нестандартные туристические маршруты. Например, существуют авторские экскурсии на Всесвятское кладбище, что, с одной стороны, ставит вопрос о том, насколько допустимым и приемлемым со стороны жителей является десакрализация сакрального, а, с другой стороны, создает возможности для проработки нетривиальных особенностей туристического потенциала города.

В качестве основного вывода исследования можно выделить следующее: Краснодар имеет многослойную, но децентрализованную и не институализированную культурную структуру. Между планами отсутствуют четкие и устойчивые каналы коммуникации, что создает разрыв между позиционированием города в СМИ («город-парк») и действительным многообразием культурных практик. Возникает ситуация, при которой большая часть культурного и исторического наследия города уходит на второй план для внешнего агента и становится недоступной для массового туриста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шалина, Д. С., Степанова, Н. Р. Реновация, редевелопмент, ревитализация и джентрификация городского пространства / Д. С. Шалина, Н. Р. Степанова // Фундаментальные исследования. – 2019. – № 12. – С. 285-289.

2. Харви, Д. Социальная справедливость и город / Д. Харви. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 472 с.

3. Макканелл, Д. Турист. Новая теория праздного класса / Д. Макканелл. – 2-е изд. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 256 с.

4. Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – № 4. – С. 31-50.

УДК 316.722

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КАТЕГОРИЙ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Смыкова Е. Ю.
заведующий отделом Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологический наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Вопросы концептуального анализа культуры и культурного пространства представляют собой актуальную проблемную область научного знания. Принципиально важное значение в исследовании обозначенных категорий отводится их различению. В современном социально-гуманитарном дискурсе сформировалась устойчивая традиция отождествления категорий «культура» и «культурное пространство». Подобного рода редукция не позволяет зафиксировать принципиальные различия в содержании данных феноменов, что приводит впоследствии к методологическим искажениям в рамках дальнейших исследований. Если говорить про вопрос соотношения категорий культуры и культурного пространства в самом

широком смысле, то первая представляет собой сущность, а вторая – среда, способ существования. Другими словами культура – это устойчивые основания (ценности, нормы, традиции и др.), культурное пространство – среда, в которой данные основания формируются, воспроизводятся, хранятся и передаются из поколения в поколение.

Социологическое видение культуры детерминирует понимание данного феномена, который интерпретируется как система исторически сформированных механизмов, выступающих основой для регулирования поведенческого компонента субъектов. Культуру как сущность определяют такие метафоры как, императивность – задает факт «правильности» и «неправильности» феноменов в обществе; интериоризация – предполагает наличие носителя, с помощью которого культура инкорпорируется в сознание субъекта. В силу нематериальности культуры такие ее компоненты, как традиции, обычаи и др. не имеют овеществлённой формы. Факт их существования обусловлен сугубо процессом воспроизводства в социуме, который возможен в силу того, что субъекты верят в данные феномены. В связи с чем актуальным представляется вопрос исследования культуры как феномена, который в целях социологического замера, подлежит «опредмечиванию». В этом контексте и вводится категория культурное пространство, которая рассматривается как социальная форма воплощения культуры.

Если более предметно остановиться на типологических особенностях двух обозначенных категорий по ряду оснований (сущность категории, статика/динамика, наличие границ, отношение к субъекту), то следует отметить, что культура, исходя из сущностных характеристик, рассматривается как деятельность и результаты подобного рода деятельности (материального и духовного характера). Именно посредством устойчивых ценностно-нормативных оснований, которые разделяют члены социума, осуществляется их социализация с помощью первичных и вторичных социальных институтов. Культурное пространство – это среда для воспроизводства результатов данной деятельности. Культурное пространство создает определенный социокультурный контексте, который не ограничивается конкретными локациями, имеющими физические параметры, а расширяется за счет социальных институтов, поведенческих практик, в рамках которых культурные смыслы формируются, воспроизводятся, транслируются.

С позиции статики и динамики также прослеживаются определенные различия в интерпретации культуры и культурного пространства. Культура рассматривается как статичная категория в силу того, что устойчивые ценностно-нормативные основания, представленные в виде традиций, ценностей, обычаев и т.д., крайне сложно поддаются трансформациям. Система ценностно-нормативных оснований ориентирована на их воспроизводство и сохранение, в связи с чем выступает своего рода механизмом социальной памяти. Обратная тенденция характерна для культурного пространства, которое по своей природе динамично, его границы существенно расширяются, в первую очередь, за счет коммуникативного компонента и современных технологий. Динамичность культурного пространства обусловлена активным перемещением субъектов между пространствами, определением «своих» и «чужих» локаций, выстраиванием конструктивных и деструктивных взаимодействий.

Границы выделенных категорий также положены в основу их различения. Культура не имеет четко очерченных границ, последние в большей мере носят условный характер. В данном контексте можно говорить о наличии понятийных рамок. Последние определяются возможностями субъекта интерпретировать культурные символы. Понятийные рамки задаются общностью языка (знание слов и их подтекста, понимание контекста и др.), веры (религиозного, светского порядка (идеология, ценности и т.д.) и кодами различного порядка. Поэтому принадлежность к культуре определяется знанием и пониманием субъектом ее культурных кодов. То есть физическое нахождение субъекта на определенной территории, не предусматривает тот факт, что субъект является членом ее культуры и более того оперирует соответствующими понятийными смыслами, рядами.

Любая культура не существует изолированно, результаты деятельности материального и духовного характера (ценности, нормы и т.д.) переходят свободно либо с учетом определенных условий из одной культуры в другую. Открытость культурных границ предполагает тот факт, что в условиях влияния внешний факторов, включение некоторых составляющих так называемой «другой» культуры путем адаптации, заимствования и т.д. не предполагает трансформацию сущности доминирующей культуры. По факту открытость культурных границ является необходимым условием существования и развития любой культуры. Именно готовность культуры к изменениям, адаптации нововведений под собственный содержательный контекст, позволяет сохранять собственные устойчивые основания (ценностно-нормативное ядро) от размывания.

Что касается культурного пространства как среды распространения культурных кодов и смыслов, то у него есть как физические, так и в контексте современных условий и виртуальные границы. Физические границы культурного пространства предполагают конкретную территорию, в рамках которой осуществляется либо личное взаимодействие субъектов, либо опосредованное, используя различного рода артефакты (экспонаты, книги и др.). Виртуальные границы культурного пространства – каналы коммуникации субъектов, реализуемые в области традиционных медиа (телевидение), так и современных социальных медиа (TikTok, YouTube и др.), рамки которых выстраиваются, опираясь на алгоритмы их работы, языковые фильтры и др. Парадокс состоит в том, что физическое или виртуальное нахождение субъекта в культурном пространстве не означает факт его принадлежности к данному типу культуры.

Резюмируя, следует отметить, что, опираясь на природу происхождения границ, в культуре четко прослеживаются понятийные рамки (общность веры, языка, кода). Частично можно говорить о виртуальных границах культуры – понимание культурных кодов в интернет-сообществах имеют также понятийные рамки. Что касается культурного пространства, понятийные границы в данном случае отсутствуют, так как нахождение в нем не предполагает понимание культурных смыслов. Однако четко прослеживаются физические границы культурного пространства – городские кварталы, государственная граница и др., и виртуальные границы реализуются в области медиасреды, алгоритмов работы социальных медиа, языковые настройки интернет-ресурсов и т.д.

Если более предметно останавливаться на вопросе взаимоотношений с субъектом, то следует отметить, что культура выстраивает с ним своего рода рамочные отношения. Посредством механизма социализации осуществляется трансляция ценностно-нормативных оснований, определяющих границы принятого в данном типе культуры. Более того, культура формирует личность субъекта, задавая определенные образцы и модели поведения. Формат отношения культурного пространства к человеку носит принципиально отличный характер. В рамках культурного пространства человек рассматривается как активный деятельный субъект. Последний не просто занимает положение в сетке позиций, а активно трансформирует культурное пространство, адаптируя его под собственные потребности и присваивая тем самым определенные смыслы феноменам. В культурном пространстве реализация субъектом деятельностного потенциала предполагает соблюдение конкретных условий, в первую очередь, связанных с выполнением ролевых позиций, детерминированных возникающими ситуациями.

Таким образом, обзор современных исследований показывает, что в рамках социогуманитарного знания имеет место тенденция, связанная с подменой понятий культура и культурное пространство, что приводит к определенным методологическим последствиям. Данная подмена, воспроизводимая как на понятийном уровне, так и на уровне операционализации категорий, сужает исследовательскую оптику. В связи с чем, актуальным представляется категориального различения анализируемых феноменов по выделенным основаниям, что создаёт методологическую основу для их дальнейшей концептуализации и эмпирического исследования.

УДК 321.01-049.5+316.752

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Снисаренко К. Л.
научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Развитие современных информационно-коммуникационных технологий имеет транснациональный характер. Это, в свою очередь, содействует глобализации информационного пространства. Согласно замечанию российского философа А. В. Ольшанской: «Интернет как социокультурный феномен сложен и противоречив. С одной стороны, он открывает невиданные до сих пор возможности коммуникации, получения и хранения информации. С другой, многим дает возможность находить готовые ответы на сложные вопросы, что приводит к уменьшению роли рефлексивного в культуре. Парадоксальность ситуации проявляется и в том, что в современном обществе одновременно сосуществуют два противоречивых явления: процессы глобализации способствуют формированию глобально мыслящего субъекта, но, в то же время, усиливается фрагментарность личности» [1, с. 21].

Снижение критического отношения человека к информации в силу фрагментарности её восприятия сопровождается широкими возможностями для циркуляции смыслов в современном глобализированном информационном пространстве. За обычным обменом информации, как правило, скрывается ценностная составляющая, что создаёт беспрецедентные возможности для трансформации общественных устоев. Начало XXI в. ознаменовалось широким распространением «цветных революций», информационных войн, информационно-психологических операций. Эти явления стали источниками угрозы для безопасности многих государств.

Следует отметить то, что основой общественно-политической устойчивости любого государства являются ценности. Они представляют собой доминанты сознания и жизнедеятельности как отдельной личности, так и всего общества, воплощают в себе совокупность положительных качеств, тем самым оказывают преобразующее влияние на окружающую реальность, определяют целеполагание деятельности индивидов и направленность социальных процессов.

Общественное отношение к ценностям связано с восприятием их вневременными, внеличностными, или атрибутивными, обусловленными разными типами личностей и сообществ. В этой связи представляет интерес теория ценностей культуры Р. Инглхарта и К. Вельцеля. В её рамках определены два основных типа преобладающих в мире культурных ценностей: традиционные и секулярно-рациональные, либеральные ценности. Традиционные ценности характеризуются высоким уровнем религиозности, авторитета старших поколений, приоритетом семейных традиций. Либеральные ценности ориентированы на снижение религиозных чувств, самовыражение отдельной личности, широкую свободу выбора.

Лонгитюдные кросс-культурные исследования позволили авторам теории ценностей культуры прийти к выводу о том, что в обществах, которые обеспечивают своим участникам сильное чувство экзистенциальной безопасности, широко распространяются либеральные ценности. Данная теория оказала значительное влияние на дальнейшее восприятие ценностей общества. При этом она не всегда отличается последовательностью.

Во-первых, высокий уровень защищённости общества представляется в ней как постоянное явление. Появившиеся в XXI в. угрозы международного терроризма, пандемий заболеваний, военно-политических конфликтов содействовали утрате чувства безопасности, но не привели к трансформации традиционных и либеральных ценностей.

Во-вторых, традиционные и либеральные ценности представляют собой теоретические обобщения. В общественной практике уместнее говорить об их соотношении. Иначе сложно объяснить высокую роль традиций в либеральной системе ценностей британского общества, глубокую традиционность социумов Азии, часть которых, тем не менее, воспринимаются через призму либеральных ценностей (Турция, Южная Корея, Япония).

В-третьих, остался открытым вопрос о соотношении влияния экономических и социокультурных факторов на ценностную основу общества.

Присущее западным исследователям восприятие традиционных ценностей как архаичных не соответствует действительности. Они отвечают за воспроизводство идейных оснований, которые консолидируют общество, ориентированы на обеспечение гармонии между интересами личности, общества и государства, предполагают отход от утилитарных благ к духовным связующим основаниям. Традиции наполняют жизнь человека общезначимым смыслом, в основе которого лежит опыт поколений. Популяризация и развитие традиционных ценностей в обществе становится, тем самым, залогом обеспечения общественно-политической устойчивости государства.

Пропаганда частью мировых держав в глобальном информационном пространстве либеральных ценностей подтолкнула многие государства к закреплению ценностных норм в праве и концептуальных документах, развитию политики по их сохранению.

Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 г. № 809 дал определение и обозначил содержание традиционных ценностей: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [2].

В Беларуси институционализация традиционных ценностей была осуществлена в рамках «Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» в 2019 г. Согласно её тексту: «Для повышения устойчивости общества к деструктивным информационным воздействиям необходимо сосредоточить усилия на сохранении сформированных в общественном сознании традиционных фундаментальных ценностей народа, выступающих в качестве одного из основных элементов обеспечения его единства и одним из условий неуклонного развития государства. Информационная политика Республики Беларусь нацеливается на продвижение таких жизненных приоритетов, как гуманизм, миролюбие, добрососедство, справедливость, взаимопомощь, крепкие семейные отношения, здоровый образ жизни, созидательный труд, принятые в белорусском обществе нормы морали и нравственности, позитивное правосознание. В информационной сфере в полной мере находят отражение равные права всех без исключения национальностей, населяющих Республику Беларусь, уважительное отношение ко всем традиционным религиям и вероисповеданиям. Важнейшее значение имеет поддержка и всемерное развитие гражданско-патриотической идеологии» [3].

Более ранняя институционализация традиционных ценностей в Беларуси связана с развитием идеологии белорусского государства. В соответствии с Директивой Президента Республики Беларусь «О реализации основ идеологии белорусского государства» от 9 апреля 2025 г. № 12: «Идеология белорусского государства – система идей, взглядов и представлений,

которая отражает национально-исторические традиции, интересы и ценности белорусского народа, определяет цели развития личности, общества и государства» [4].

Идеология белорусского государства представляет собой уникальный феномен, существование и развитие которого содействует консолидации белорусов. В практическом плане она рассматривается как ориентир для ведения идеологической работы среди населения.

Таким образом, в современных условиях глобализации информационного пространства сохранение и развитие традиционных духовно-нравственных ценностей народа может выступать залогом сохранения общественно-политической устойчивости государства. С одной стороны, конституирование традиционных ценностей позволяет определить основу общественно-политической устойчивости государства. С другой стороны, они выступают в качестве проекта, направленного на актуализацию, освоение большинством граждан заложенных в них идей, дальнейшее их развитие и передачу подрастающим поколениям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ольшанская, А. В. Коммуникативный процесс в условиях глобализации: социально-философский анализ: автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / Ольшанская Анастасия Вадимовна ; Моск. педагог. гос. ун-т. – Москва, 2005. – 23 с.

2. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 г. № 809. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873 (дата обращения: 04.06.2026).

3. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001 (дата обращения: 29.09.2025).

4. Директива Президента Республики Беларусь «О реализации основ идеологии белорусского государства» от 9 апреля 2025 г. № 12. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02500012 (дата обращения 04.06.2026).

УДК 316.4

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Сойко А. Д.
младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Социальная консолидация является сложным и многогранным процессом, под которым в теории понимают процесс сплочения людей и групп в единое целое, укрепление связей между ними, а также любые усилия, направленные на поддержание этой целостности. Развитие и безопасность современного белорусского общества напрямую зависят от уровня консолидации его граждан. При этом ключевым институтом, закладывающим основы гражданской солидарности и понимания государственных ценностей, является национальная система образования.

В контексте процессов консолидации, современная система образования выступает в качестве фундамента, на котором строится понимание общества о важности социальной консолидации, ее роли в устойчивом развитии государства и его национальной безопасности. Новые этапы трансформации и процессы развития института образования обусловливают необходимость регулярного наблюдения за состоянием образовательной среды, а также осмысления и разрешения ценностно-смысловых конфликтов, сопровождающих смену образовательных парадигм.

Согласно Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года, совершенствование системы образования нашего государства исходит из его национальных интересов и потребностей экономики с учетом основных тенденций развития

мирового образовательного пространства. Стратегической целью данного совершенствования является формирование такой системы образования, которая отвечала бы потребностям инновационной экономики и принципам устойчивого развития [1, с. 29]. В этом направлении наблюдается прогресс: с 2010 по 2018 гг. доля работников с высшим и средним специальным образованием, в общей численности работающих в экономике выросла на с 48 % до 55,9 %. Увеличивается численность выпускников учреждений образования по всем уровням образования. Так, например, с 2024 по 2025 гг. количество выпускников учреждений профессионально-технического образования выросло на 1101 человек, учреждений I ступени высшего образования – на 684 человека [2].

На сегодняшний день большое значение придается практико-ориентированности в образовании. В соответствии с программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, доля практико-ориентированного обучения по всем специальностям профессионально-технического, среднего специального и высшего образования в общем объеме профессионального компонента должна увеличится не менее, чем на 50 % в 2030 году (35 % по состоянию на 2024 год). [3, с. 11] Основываясь на результатах социологического мониторинга, проводившегося в 2023 году на базе учреждения образования «Академия последипломного образования» (количество респондентов в сплошной выборке составило 3473 педагогических работников), педагоги отмечают у себя высокий запрос на получение практико-ориентированных знаний во время прохождения курсов повышения квалификации [4]. В рамках социологического мониторинга рассматривалась оценка слушателями таких показателей: уровень соответствия программы повышения квалификации области профессиональной деятельности педагогических работников, уровень обеспечения структуры дополнительного профессионального образования, мера обеспечения практикоориентированного обучения и совершенствования инновационной практики обучения, уровень устранения профессиональных затруднений педагогических работников. Среди этих показателей респонденты-слушатели оценили уровень практико-ориентированности образования и совершенствования инновационной практики обучения на 82,34 % [4].

В образовательном процессе можно выделить некоторые ключевые аспекты социальной консолидации. Ключевыми из них являются формирование педагогами гражданской идентичности у обучающихся через призму собственного опыта и личный пример; и духовно-нравственное воспитание и передача культурного кода.

По данным исследования Академии образования большинство педагогов сегодня высоко оценивают собственные компетенции, касающиеся воспитания обучающихся в сфере национального самосознания и патриотизма: у 72 % респондентов не возникает потребностей в развитии своих профессиональных компетенций по вопросам обеспечения патриотического воспитания учащихся, у 66 % – по вопросам обеспечения воспитания личности с активной гражданской позицией и национальным самосознанием [5, с. 5]. Подобные высокие самооценки педагогов свидетельствуют о том, что современная образовательная среда в Беларуси позволяет через коммуникацию между педагогами и обучающимися закладывать основы для формирования гражданской идентичности и понимания своей роли в развитии общества и государства.

Также важно отметить, что педагоги формируют у обучающихся ценностные ориентиры на собственном примере, через свою профессиональную компетентность. По данным исследования, 21 % респондентов испытывают потребность в формировании у себя компетенций по обеспечению духовно-нравственного воспитания обучающихся. Некоторые разъяснения требуются 41 % респондентов при обеспечении воспитания личности с критическим, социально и экологически ориентированным мышлением, 40 % – при выявлении факторов социально опасного положение учащегося. Организация социально значимых инициатив учащихся с опорой на лучшие традиции коллективного воспитания вызывает незначительные затруднения у 38 % респондентов [5].

Успешность консолидационных процессов во многом определяется условиями и возможностями профессиональной деятельности педагогов. Непрерывное развитие образовательной сферы обязывает педагогов оперативно адаптироваться к меняющимся требованиям и вызовам. В рамках проведенного исследования педагоги оценивали изменения условий своего труда за 2023/2024 учебный год. Согласно полученным данным, у большинства респондентов отмечено улучшение ряда показателей: удовлетворенности итогами своей деятельности (41 %); мотивации к труду и вовлеченности в рабочий процесс (41 %); доступности изучения инновационных педагогических технологий и методик (39 %); возможности применения передовой (включая цифровую) техники, сервисов и платформ (37 %); доступности ознакомления с профильной методической литературой и профессиональной периодикой, в том числе в электронном формате (36 %). Позитивные изменения в сфере повышения квалификации отметили 35 % респондентов. Консолидация образовательной системы напрямую зависит от профессионального благополучия педагогов, так как рост их мотивации и удовлетворенности формирует устойчивое сообщество, способное эффективно транслировать государственные задачи. Доступ к современным цифровым ресурсам и оборудованию обеспечивает техническое единство учебного процесса, высокая динамика повышения квалификации позволяет синхронно внедрять новые методики и стандарты обучения. Таким образом, улучшение условий труда создает надежный фундамент для объединения всех звеньев системы образования, что делает педагогов ключевыми участниками преобразований, работающих в едином ценностном и информационном поле.

Таким образом, образовательный потенциал выступает одним из ключевых факторов консолидации белорусского общества, поскольку обеспечивает интеллектуальное, духовно-нравственное и технологическое единство государства. Институты образования транслируют общие гражданские ценности, формируют историческую память и закрепляют ключевые приоритеты развития государства. Основными сферами влияния системы образования на консолидационные процессы в обществе являются формирование гражданской идентичности у обучающихся, их духовно-нравственное воспитание и передача культурного кода. Рост качественных и количественных показателей развития национальной системы образования свидетельствуют о высоком уровне социальной консолидации в обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года // Министерство экономики Республики Беларусь. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf (дата обращения 28.07.2026).

2. Численность выпускников учреждений образования // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10103000010 (дата обращения: 28.07.2026).

3. Об утверждении Программы социально экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы: решение Всебелорусского народного собрания 19 декабря 2025 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/macro-prognoz/pser-2030.pdf (дата обращения: 28.07.2026).

4. Сойко, А.Д. Оценка удовлетворенности потребителей качеством повышения квалификации в 2023 году // Информационно-аналитические материалы по результатам социологического исследования. – Минск, 2023. – 1 CD-ROM.

5. Сойко, А. Д. Профессиональные компетенции и образовательные запросы педагогических работников учреждений дошкольного и общего среднего образования Республики Беларусь / А. Д. Сойко // Информационно-аналитические материалы по результатам социологического исследования / А. Д. Сойко. – Минск, 2024. – 1 CD-ROM.

УДК 316.473

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДОВЕРИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РИСКОВ

Соловьев С. С.
старший преподаватель кафедры социологии ПГНИУ
г. Пермь, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, https://rscf.ru/project/24-78-10117/.

Актуальность исследования взаимосвязи доверия и социокультурных рисков обусловлена комплексными вызовами современности. Глобализация, цифровизация, рост социального неравенства и политическая нестабильность порождают новые классы рисков, угрожающие целостности и идентичности социумов. Социокультурная трансформация российского общества сопряжена с возникновением новых угроз и рисков, важность их изучения отмечается в Стратегии национальной безопасности РФ. В этом контексте доверие, выступающее фундаментальным ресурсом социального капитала, становится ключевым фактором, опосредующим как восприятие и минимизацию рисков, так и эффективность трансляции культурного наследия. Сами же риски связаны с социальными и культурными детерминантами и вытекают из специфики отношений в обществе [1, с. 110-111].

В социологической теории доверие понимается как ожидание позитивных действий со стороны других лиц или институтов в условиях неопределенности. Оно снижает транзакционные издержки взаимодействия и обеспечивающей предсказуемость социальной среды. Выделяют два основных вида доверия: межличностное – доверие между отдельными индивидами и институциональное – доверие к социальным институтам, органам власти и социальным организациям. Функционально доверие способствует социальной сплоченности, облегчает коллективные действия, легитимирует власть и ускоряет распространение информации.

У. Бек ввел в научный оборот понятие "общества риска", в котором производство и управление рисками становится центральным проблемным полем [2, с. 25-28]. В его концепции, в том числе, рассматривается кризис доверия к институтам, которые эти риски порождают и призваны контролировать. Таким образом, социокультурные риски рассматриваются как угрозы ценностям, нормам, идентичности и устойчивым моделям социальных отношений в обществе.

Еще во второй половине XX века социологи начали изучать взаимосвязь доверия и социокультурных рисков. Так Н. Луман рассматривал доверие как один из механизмов минимизации рисков и решения проблемы информационного дефицита при необходимости принятия решения [3, с. 63-65]. По мнению Э. Гидденса, доверие помогает людям справляться с неопределенностью и рисками. В эпоху «поздней современности» социальные изменения происходят быстрее, чем человек успевает к ним адаптироваться, в таких условиях доверие к институтам формирует и поддерживает чувство безопасности, дефицит доверия к «экспертным системам» порождает экзистенциальную тревогу и новые социокультурные риск, что в конечном счете, позволяет функционировать сложным системам общества [4, с. 130].

Эмпирические исследования отечественных авторов подтверждают положительную корреляцию между уровнем доверия и способностью общества сохранять свою культурную идентичность. Например, А.Н. Татарко подтверждает наличие связи между доверием и социокультурными рисками, угрозами устойчивости общества в целом. Таким образом, доверие выступает в качестве фактора, снижающего социокультурные риски [5, с. 36-37]. Е.Б. Шестопал и А.В. Селезнева рассматривают доверие в контексте психологических дисфункций общества как структурный элемент социального капитала. Дефицит солидарности и доверия возникает вследствие раскола между различными социальными группами и является источником социокультурных рисков и угроз. [6, с. 93].

Таким образом, можно сделать вывод, что низкий уровень институционального доверия, например, подрывает веру в официальные источники информации, что делает общество уязвимым для дезинформации и способствует разрастанию различных конспирологических теорий. В свою очередь, невысокое межличностное доверие затрудняет коллективные действия, что влечет за собой снижение сопротивлению влияния иных культурных ценностей и, в конечном счете, противодействию рискам. В ситуации «кризиса доверия» общество становится фрагментированным, а его реакция на вызовы – нескоординированной и неэффективной.

Для подтверждения выдвинутого предположения были проанализированы результаты исследования "Социокультурный портрет региона", проведенного в 2023 году в Пермском крае среди 400 респондентов по методике Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой в рамках программы "Социокультурная эволюция России и ее регионов"[7].

Измерение межличностного доверия осуществлялось по одиннадцатибалльной шкале Лайкерта, институционального доверия – по пятибалльной шкале, а измерение социокультурных рисков основано на субъективном восприятии оценки степени защищенности от них.

Связь между межличностным доверием и рисками преступности, бедности, экологической угрозы, одиночества, преследований за политические убеждения, произвола чиновников и правоохранительных органов оказалась очень слабой (значение коэффициента Ро Спирмена менее 0,2), а с риском потери работы – немного сильнее (Ро Спирмена 0,215). Связь межличностного доверия с рисками ущемления из-за национальности, притеснений из-за возраста или пола и религиозных убеждений оказалась статистически не значимой. Важно отметить, что именно по этим трем рискам респонденты в среднем чувствуют себя более защищенными (медианный вариант ответа: «Пожалуй, защищен», для остальных рисков – «Трудно сказать»).

Таблица. Взаимосвязь доверия и социокультурных рисков

	Экологической угрозы	**Притеснений из-за Вашего возраста или пола**	**Произвола чиновников**	**Ущемления из-за Вашей национальности**	**Притеснений из-за Ваших религиозных убеждений**	**Произвола правоохранительных органов**	**Преследований за политические убеждения**	**Бедности**	**Одиночества**	**Преступности**	**Потери работы**
Межличностное доверие	0,15	-	0,15	-	-	0,11	0,10	0,16	0,13	0,18	0,22
Институциональное доверие (регион)	0,35	0,29	0,46	0,19	0,18	0,42	0,37	0,37	0,16	0,38	0,30
Институциональное доверие (федерация)	0,36	0,27	0,42	0,26	0,25	0,41	0,43	0,33	0,26	0,33	0,31

Институциональное доверие на региональном уровне умеренно связано с рисками произвола правоохранительных органов и чиновников (коэффициент Ро Спирмена равен 0,42 и 0,46 соответственно), крайне слабо связано с рисками одиночества, притеснений из-за

религиозных убеждений и ущемления из-за национальности (Ро Спирмена 0,16; 0,18 и 0,19). При этом, риск одиночества статистически не связан с доверием к региональным общественным организациям, а риски притеснений из-за религиозных убеждений и ущемления из-за национальности – с доверием к региональным отделениям политических партий, общественным организациям и СМИ. Риск произвола чиновников, что вполне ожидаемо, в большей степени связан с доверием губернатору, правительству и законодательному собранию региона (Ро Спирмена 0,4; 0,46 и 0,42).

На федеральном уровне институциональное доверие в большей степени связано с рисками произвола правоохранительных органов (0,41) и чиновников (0,42), а также с риском преследований за политические убеждения (0,43). Риск одиночества статистически не связан с доверием суду; риск притеснений из-за пола или возраста – с доверием политическим партиям и СМИ; риск ущемления из-за национальности – с доверием политическим партиям, СМИ и интернет-источникам; притеснений из-за религиозных убеждений – с доверием прокуратуре, общественным организациям, политическим партиям, СМИ и интернет-источникам. В целом доверие к федеральным институтам связано с рисками слабо или очень слабо.

Более половины изученных социокультурных рисков связаны с межличностным и институциональным доверием. Доверие к отдельным людям оказалось не связано с рисками ущемления из-за национальности, притеснений из-за возраста или пола и религиозных убеждений, а сильнее всего связано с риском потери работы. Следовательно, межличностное доверие в первую очередь связано с экономическими рисками и не связано с демографическими. Институциональное доверие в целом сильнее всего связано с рисками произвола чиновников и правоохранительных органов. Таким образом, в первую очередь институциональное доверие связано с политическими рисками, сила этой связи преимущественно умеренная, в отличие от свиязи с другими рисками. На региональном уровне на первое место выходят риски произвола чиновников и роль институтов власти (губернатора, правительства и законодательного собрания региона), а на федеральном добавляется риск политических преследований и института полиции, как средства предотвращения этого риска. Несмотря на то, что связи носят преимущественно слабый характер, во всех случаях снижение доверия вызывает усиление рисков, увеличение доверия, напротив – повышает степень защищенности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шилина Н. А., Беликова Н. Ю., Лугинина А. Г. Социокультурные риски и духовная люмпенизация Российского общества / Н. А. Шилина, Н. Ю. Беликова, А. Г. Лунина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Москва, 2021. – Вып 12–1. С. 110–113.

2. Бек, Ульрих. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – Москва: Прогресс-традиция, 2000. – 381 с.

3. Луман, Никлас. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001. – 256 с. – (Серия «Образ общества»).

4. Гидденс, Энтони. Судьба, риск и безопасность / Пер. С.П. Баньковской // THESIS. 1994. – Вып 5.

5. Татарко А. Н. Межличностное доверие как фактор социально-экономического развития. / А.Н. Татарко //Социальная психология и общество. – Москва, 2014. – Том 5 №3. С. 28–41.

6. Шестопал Е. Б., Селезнева А. В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. – Москва, 2018. – № 10. – С. 90–99.

7. Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010.

УДК 39

ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ УНИВЕРСАЛИЯ

Соловьева Н. Г.
ведущий научный сотрудник отдела этнологии народов КЧР КЧИГИ
кандидат исторических наук, доцент
г. Черкесск, Россия

Традиционная семья кубанских казаков – это типичный социальный институт патриархального устройства консервативного общества. Этнокультурные особенности кубанского казачества напрямую сказались на ее характеристиках, которые, отличаясь от общепринятых социальных и культурных универсалий, оформили его идентичность. Исследование традиционной семьи в рамках регионалистики и теоретизация полученных знаний в форму научно-практических работ видится актуальным вектором современного развития гуманитарных дисциплин. Этнологический взгляд на обозначенную проблему социологии также нетривиален. Междисциплинарный подход позволит более широко и достоверно осветить многие аспекты не только социокультурного развития России, но и понять феноменологию такого исторического явления как казачество, выявить закономерности его уникальной смешанной системы универсалий внутриобщинного взаимодействия, исторически заложенной и в определенной степени реализуемой и в наши дни.

Для достижения обозначенной цели и ряда других задач следует определиться с тем, что представляет собой социокультурная универсалия. Данное понятие состоит из трех частей, две из которых наделяют его ключевыми смысловыми характеристиками. «Универсалии – это общие понятия…» [1, с. 255]. Социальной универсалией считают некую норму, свойственную большинству человеческих обществ, постоянно присутствующую в социальной жизни независимо от исторических вех, культурного и экономического развития. Культурная универсалия – это черта или модель, являющаяся общей для всех культур мира. Совокупность культурных универсалий принято определять как человеческую природу. Следует отметить и то, что традиционная семья входила в состав культурной универсалии, являлась одним из ключевых основополагающих понятий всего содержания социокультурной универсалии. Таким образом, институт традиционной семьи был тем самым объединяющим элементом, который не только участвовал, но и во многом определил социокультурную универсалию как таковую.

Традиционная семья кубанских казаков в этом смысле является типичной моделью (нормой) семейного уклада жизни в Российской Империи конца XIX – начала XX в. Она обладала универсальными механизмами социализации, свойствами адаптации к экстремальным условиям жизни. Традиционная семья кубанских казаков – это социальная категория, повторяющая устойчивые принципы организации семейных отношений, свойственные многим традиционным (не модернизированным) культурам мира. В ней присутствовала четкая регламентация поведения членов семьи в соответствии с их ролевыми функциями, где главенствующие позиции занимал именно мужчина – глава казачьей семьи. Он определял и повседневные ролевые позиции, и действия, и порядок их исполнения каждым из ее членов.

Традиционная семья кубанских казаков представляла собой большую, так называемую «расширенную» семью. «Расширенная семья представляет собой вариант неразделенной семьи, которая отличается тем, что учредительные группы могут жить врозь. Однако они обычно расселяются по соседству и принимают участие в некоторой общей деятельности (например, обработке земельных участков). Со структурой семьи тесно связаны порядок и уклад ее жизни, ее обычаи и традиции, а также ее взаимоотношения с другими семьями и со всем обществом» [2, с. 201]. Роли в традиционной семье кубанских казаков распределялись с

учетом статуса, которым обладал старший представитель казачьего рода. Чем выше был статус главы казачьей семьи, тем больше он имел прав в решении личных экономических и общинных вопросов, тем выше был статус всей его семьи в станичном обществе. Наиболее почетное место занимал атаман станицы, как, впрочем, и звание «старик», которое получал казак, окончивший военную службу и имеющий награды. По праву старшинства и «мудрого слова» старик занимал место третейского судьи и советника на казачьем Круге – общем собрании казаков своей станицы. В семейной и социальной жизни кубанских казаков присутствовала так называемая фактическая олигархия. Структура традиционной казачьей семьи согласовывалась со структурой традиционного казачьего общества, властные полномочия в которых строго ориентировались на патриархальность и консерватизм. Основы этого «социального строительства» входили в общую картину мира российского социума дореволюционной России, указывали на то, что традиционная семья кубанских казаков является социокультурной универсалией – нормой общероссийского бытия. При этом коллективное принятие решений у казачества – единодушное мужское решение, при определенных условиях (отсутствия казака во время его службы) могло делегироваться казачке, что в русских и иных славянских семьях в указанный период не встречалось и порицалось обществом. То есть социокультурная универсалия традиционной семьи кубанских казаков, имея четкие границы, определялась как частичное проявление повторяемости общих правил, норм и характеристик их этнокультурного бытия.

Традиционная семья кубанских казаков как малый социальный институт, выступая главным стабилизирующим рычагом экономического существования и развития, являлась важной, образующей ячейкой казачьего общества. Ориентация на рождение и воспитание детей была главным критерием образования семьи, консервативных отношений в ней, что влияло на устойчивость ценностных ориентиров, норм и порядка устройства социума. Следует указать и на то, что семейные отношения в традиционной семье кубанских казаков опирались на патриархальный принцип взаимодействий, заключающийся в приоритетной роли мужчин, что также относило их в разряд социокультурных универсалий дореволюционного периода. Крайне негативное отношение к разводу, его неприятие общественным сознанием казаков являлось типичным поведенческим архетипом россиянина, его социокультурной универсалией, невзирая на этнокультурную и конфессиональную составляющую его представителей. При этом кубанское казачество отличалось отчетливой в своих проявлениях религиозностью – приверженностью к православной вере, которая пронизывала все стороны его жизни, определяя широкий обрядово-ритуальный комплекс, а также неписаные нормы и правила казачьего этикета. Уважение к старшим и гостям было одним из ключевых принципов общинного бытия кубанских казаков. К ним обращались исключительно на «Вы», оказывая особые знаки почтения: вставая при их появлении, пропуская вперед на пути следования и т.п. Воспитание, осуществляющееся посредством этнопедагогических практик в рамках традиционной семьи, было нацелено на формирование типичных для кубанского казачества социальных ролей: воина, защитника, труженика, семьянина. Приобщение с детства к труду, культуре, военным навыкам формировало этнокультурные характеристики, идентичность казачества в целом. Личная этнокультурная идентичность в традиционной семье кубанских казаков приравнивалась к коллективной идентичности, что было связано с их ментальными установками, где под понятием «мы» всегда подразумевалось понятие «я». Социализация казаков также происходила под этим девизом: «Мы – казаки, значит и я – казак!». Не случайно в этом контексте применялось выражение «Умереть за други своя», что означало бороться за каждого как за все казачество, то есть себя самого. Таким образом, традиционная семья кубанских казаков, выступая в качестве социокультурной универсалии российского общества, обладая при этом своим, специфическим наполнением, выступала и своеобразным этнокультурным маркером идентичности как их самих – кубанских казаков, так и русского мира в целом.

Процесс слияния социальных универсалий с культурными универсалиями у казаков отсутствовал, так как их формирование шло одновременно, в единой связке, с учетом общих

пространственно-временных условий бытия их обладателей. Модель традиционной семьи, закладываемая этнопедагогикой кубанских казаков как социокультурная универсалия, формировала этнокультурное мировоззрение, в том числе опирающееся и на идентификационные установки. Так как у каждого этноса и субэтноса они имели свои особенности, то это накладывало определенный отпечаток на разные виды универсалий, не нарушая, при этом, их общие принципы и содержание.

Таким образом, традиционная семья кубанских казаков как социокультурная универсалия представляла собой своеобразную формулу. Во-первых, традиционная семья кубанских казаков являлась социокультурной универсалией русского мира – союза славянских народов, для которых именно семья была первым практическим социальным институтом. Во-вторых, она выступала строительным материалом в закладке фундамента российского общества, зиждущегося на семейных принципах традиционализма и консерватизма, в том числе и кубанских казаков. В-третьих, традиционная семья кубанских казаков в качестве социокультурной универсалии входила в разветвленную внутреннюю систему управления российского государства, участвуя в ее функционировании – формируя и регулируя семейные и общественные отношения с учетом общих норм и правил, тем самым непосредственно содействуя упрочению централизованной власти.

Несмотря на так называемую общую «нормативность» социокультурной универсалии, она обладала не менее важными локальными специфическими характеристиками своих обладателей, которые во многом и определяли их культурный код и идентичность. Традиционная семья кубанских казаков как социокультурная универсалия входила в качестве одного из основных символов-знаков в их культурный код, определенным образом формируя этнокультурную идентичность.

Сегодня, когда социальные изменения затрагивают все мировое сообщество, отход от традиционного взгляда на семью, ее ценности и установки может привести к окончательной трансформации этого социального института. «В современном обществе наблюдается процесс ослабления семьи как социального института, изменение ее социальных функций, неролевых семейных отношений. Семья утрачивает свои ведущие позиции в социализации индивидов, в организации досуга и других важнейших функциях» [3, с. 159]. Смена моделей семейных отношений в современном мире приведет к ослаблению и даже стиранию межпоколенных связей, которые выступают гарантами существования социума в целом. Выявление и исследование социокультурных универсалий традиционной семьи кубанских казаков важно для понимания «универсальной» структуры российского общества, которое, несмотря на свою лаконичность, только через имеющееся разнообразие способно двигаться вперед, динамично развиваясь в русле общемирового порядка, сформированного через формулу традиционной семьи. Таким образом, традиционная семья кубанских казаков как социокультурная универсалия отражает общечеловеческую потребность в воспроизводстве и социализации своего общества, в сохранении и передачи культурных ценностей российской цивилизации в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Новая иллюстрированная энциклопедия. КН. 18. Та – Ун. – М., 2003. – 256 с.

2. Харчева В. Основы социологии. Учебник для средних специальных учебных заведений / В. Харчева. – М., 1997. – 304 с.

3. Радугин А. А. Социология / А. А. Радугин, К. А Радугин. – М., 2003. – 223 с.

УДК 316.4

ВОЗРАСТ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ВОВЛЕЧЕННОСТИ: АНАЛИЗ УЧАСТИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ

Сомхишвили К. О.
старший преподаватель кафедры социологии ПГНИУ
г. Пермь, Россия

Спецификой России является ее большая протяженность и необходимость учета влияния множества факторов разной природы на жизнь той или иной территории. Развитие территорий в последние годы все больше связывается с повышением активности самих жителей. Государственная политика предполагает, что готовность жителя вложить собственные средства, силы, время и иные ресурсы можно считать главным доказательством его ответственности за территорию [1]. Вовлечение в практики реализации социальных проектов происходит практически со школьного возраста за счет дополнительных предметов или внеучебной деятельности. То же касается студентов. Менее заметна работа с другими возрастными группами. В целом редко учитывается возрастная специфика, которая отвечает за круг интересов и представление о возможностях самого проекта и участия в его реализации. При этом именно интерес и вовлеченность играют значительную роль в появлении идеи и готовности ее реализовать.

В публикациях особое внимание уделяется необходимости подготовки жителей к участию в социальных проектах. Белова Н.П. с соавторами описывает опыт создания проекта помощи людям с ограниченными возможностями [2]. Обращают на себя внимание две составляющие: инициаторами проекта являются люди зрелого возраста, исполнителями – студенты-волонтеры. Интуитивно происходит деление на тех, кто видит пользу и тех, кто может отработать навыки. Можно предположить, что поддержание активности созданного центра по завершении проекта будет зависеть от качества исполнения этих ролей. Это не единичный случай. Однако он подчеркивает, что внимание уделяется функциональной, а не мотивационной стороне вопроса. Наличие инициативы вменяется жителям территории.

Отсутствие учета действительной мотивации тех, кто реализует социальные проекты, требует дополнительного изучения. Происходящее естественным образом деление ответственности за разные составляющие в процессе подачи заявки и реализации проекта может стать точкой роста для успешного поддержания созданных инфраструктурных объектов и практик. Речь идет не о видении проблем территории, а о личной системе оценки потребности участия в социальных проектах. Основная задача состоит в различении мотивации представителей разных возрастных групп, их ориентации на участие в социальных проектах.

Эмпирической базой выступает исследование, проведенное в августе-сентябре 2025 года в территориях Пермского края. Выборочная совокупность составила 3000 респондентов, воспроизводящих структуру населения с учетом погрешности и демографических сдвигов последних лет. Группы в разрезе возраста представлены следующим образом: молодежь – 24,3%, люди зрелого возраста – 47,6%, пожилые люди – 28,1%. За основу деления взята нормативная база, действующая в России согласно которой люди в возрасте до 35 лет относятся к представителям молодежи, пенсионный возраст мужчин наступает с 65 лет, женщин – с 60 лет. Так как нет закрепленной возрастной границы для группы людей зрелого возраста, будем относить к ней тех, кто не вошел в ранее обозначенные два возрастных коридора.

Для определения участия в социальных проектах респондентам предлагалось отметить указать свою степень участия. Среди опрошенных только 3,5% готовы назвать себя инициатором или руководителем проекта, 9,4% опрошенных указали, что участвовали в социальных проектах в качестве членов команды, еще 9,5% помогали в реализации без вхождения в команду реализации проекта. В качестве посетителей мероприятий,

организуемых в рамках проектов, отметили себя 13,8%. Абсолютное большинство (68%) указали, что не участвуют в проектах. Такой результат вполне соотносится с данными других исследований, например, Тарасовой А.Н. и соавторов [3] или Устиновой К.А. [4]. Невысокая доля участников социальных проектов такова только на первый взгляд, если посмотреть на статус участия, то практически каждый пятый либо входил в команду организаторов, либо помогал им в реализации проекта. Опасение вызывает только небольшой охват посетителей мероприятий, что, однако может свидетельствовать об адресности мероприятий в рамках социальных проектов.

Среди группы людей зрелого возраста чаще встречаются руководители проектов. Это люди, имеющие опыт и готовые нести ответственность. Можно предположить, что они уже обладают навыками в области подачи заявки и организации работы. Молодежь, в своем большинстве, набирается опыта и занимает, и чаще включается в работу на позициях членов команды или волонтеров. В группе старшего поколения реже встречаются три рассматриваемые формы активного участия. (табл.1) Доля не участвующих вообще в социальных проектах среди представителей пожилых также максимальна (71,1% против 67,4% и 66,4% у молодежи и зрелых людей соответственно). В территориях есть активные советы ветеранов и иные формы самоорганизации старшего поколения, однако они, будучи то, что называется, кружком по интересам, могут не включать в себя значительную часть представителей возрастной группы в силу иных сформированных досуговых практик у последних.

Таблица 1. Степень участия в социальных проектах в разрезе по возрастам (в % от количества представителей соответствующей когорты)

	молодёжь (729)	**люди зрелого возраста (1427)**	**пожилые (844)**
принимал участие в написании заявки, являлся инициатором/руководителем проекта	2,8	4,6	2,4
принимал участие в проекте как член команды	10,7	9,5	8
оказывал помощь в реализации проекта, но не являлся членом проектной команды	10,8	9,5	8,3

Участие и отказ от участия в социальных проектах поддерживаются субъективным представлением о причинах соответствующего выбора. Для оценки системы мотивации в разрезе групп предварительно разделим выборку на тех, кто принимает активное участие в социальных проектах (является инициатором или руководителем, участником проектной команды или оказывает помощь в реализации, посещает мероприятия) и тех, кто не участвует или затруднился с ответом. Мы намеренно включаем тех, кто посещает мероприятия, так как они являются основной поддерживающей совокупностью при реализации проекта.

Статистически значимые связи между принадлежностью к возрастной группе и причинами участия или отказа от участия в социальных проектах оценивались путем расчета показателя отношения шансов (статистика риски) для 95% доверительного интервала. Так, в качестве причин участия представители молодежи практически в полтора раза чаще выбирают приобретение новых знаний, умений и навыков. Люди зрелого возраста в большей мере ориентированы на решение проблем в территории, этот вариант выбирают в 1,4 раза чаще. Пожилым людям участие в социальных проектах в первую очередь обеспечивает уверенность в завтрашнем дне и защиту от опасений и страхов, они указывают этот вариант практически в два раза чаще. Зависимость между основным мотиватором и возрастной группой указывает на необходимость выстраивания грамотного распределения жителей внутри команд проектов. Их

ориентации должны быть учтены при выборе функционала. Это также согласуется с приоритетной степенью участия.

В случае же причин отказа от участия наибольшие для молодежи наиболее характерен отказ из-за отсутствия интереса, этот вариант встречается у них в 1,7 раз чаще, или отсутствия знаний о возможности и способах участия – в 1,3 раза чаще. Информированность и вовлеченность в групповую активность становятся ключевым фактором вовлечения молодежи. Однако привычку приходить «за компанию» не стоит рассматривать в негативном ключе, при грамотной организации она может стать ресурсом организации целой сети взаимодействия. Для зрелого населения отказ от участия в социальных проектах по большей части связан с оценкой реальной полезности проектов для территории, этот ответ выбирают чаще в 1,6 раза. Их ориентация на развитие места проживания становится ведущим фактором, а понимание перспектив проекта и последствий реализации становится драйвером участия. Можно предположить, что критическое и проектное мышление могут повысить уровень компетенций и привлечь к активному участию в проектах. Для группы пожилых наблюдаемые статистически значимые связи касаются интереса и отсутствия знаний о местах обращения, однако эти две характеристики скорее не выбираются участниками исследования. Можно предположить, что для указанной группы нет явных причин отказа, речь идет скорее о ситуативном участии.

Анкета исследования содержала в себе не только вопрос, отмечающий степень участия, но и указывающий на форму участия. В каждом вопросе можно было выбрать все подходящие варианты. Если оценивать степень вовлеченности в социальные проекты через количество активностей, в которых в той или иной форме принимали участие опрошенные, то участие во всех формах будет оцениваться в 7 баллов. Для всех тех групп медианный балл составил 2, в большинстве случаев это сочетание одной из степеней активного участия с формой. Медианное значение во всех трех группах совпадает с модальным. При ориентации на относительные величины можно увидеть небольшое смещение в область 3 и 4 баллов у представителей молодежи пожилых, именно эти две группы чаще можно встретить не только в лице организаторов, но и как благополучателей или участников мероприятий.

Мотивация участия в проектах в разрезе трех возрастных групп будет отличаться, что может быть учтено на этапе подготовки к написанию проекта и при его реализации. Возраст выступает значимым фактором социальной вовлеченности. Люди зрелого возраста чаще выступают инициаторами проектов и ориентируются на полезность этих проектов для развития территории. Молодежь больше готова включаться в качестве членов команды и приобретать новый опыт. Понимании мотивации может стать точкой роста для повышения активности участия населения в реализации социальных проектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Анцыферова И. С. Социальный проект инициативного бюджетирования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки . –2018. –№2. –С.205-207.

2. Белова Н. П., Мирошниченко О. Н., Павлов В. А. Социальный проект: опыт и перспективы // Вестник РУК. –2020. –№3 (41). –С.17-21.

3. Тарасова А. Н., Певная М. В., Телепаева Д. Ф. Саморегуляция волонтерской деятельности молодежи или факторы неучастия молодых волонтеров в социальных проектах // Научный результат. Социология и управление. –2022. –№3. –С. 155-172.

4. Устинова К.А. Стимулы и барьеры участия населения в социальных практиках // Проблемы развития территории. –2019. –№ 6 (104). –С. 102–119.

УДК 373.2:394.2:004.9

ЦИФРОВАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ РИТУАЛА: ГИБРИДНЫЕ МЕДИАСТРАТЕГИИ В ТРАНСЛЯЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ ДОШКОЛЬНИКАМ

Сорокина Ж. И.
ассистент кафедры педагогических практик и сервисных индустрий
АГУ им. В. Н. Татищева
г. Астрахани, Россия

В условиях действия ФГОС ДО и ФОП ДО актуализируется задача поиска эффективных путей приобщения детей к историко-культурному наследию родного края. Формирование основ гражданской идентичности и толерантности признано ментальным базисом для социализации личности. Для Астраханской области данная проблема первостепенна, так как регион функционирует как уникальное многонациональное пространство Нижнего Поволжья, где исторически переплелись русская, казахская, татарская, калмыцкая и ногайская культуры. Универсальным институтом трансляции этого опыта являлся народный ритуал (обрядовое действие, календарный праздник), аккумулирующий в себе социальные коды этноса через систему знаков и коллективных действий.

Однако современная ситуация развития характеризуется феноменом «цифрового детства», меняющим архитектонику детской деятельности. Традиционные обрядовые формы угасают в естественной среде, уступая место интерактивным экранным симулякрам. Линейное внедрение ритуалов в практику детского сада наталкивается на когнитивное отторжение со стороны детей – «цифровых аборигенов», чье внимание адаптировано к динамичному медиаконтенту. Перед педагогической наукой встает междисциплинарная проблема: как сохранить воспитательный потенциал этнокультурных универсалий, используя адекватные цифровой эпохе знаковые инструменты? Инновационным решением выступает концепт «цифровой реинкарнации ритуала» посредством гибридных медиастратегий. Данный метод представляет собой перевод компонентов традиционного обрядового фольклора в интерактивный формат цифровых образовательных ресурсов нового поколения с последующим их выведением из экранного пространства в реальную двигательную и игровую практику дошкольников в условиях группового взаимодействия.

Методологическую основу исследования составил синтез культурно-исторического подхода Л. С. Выготского, трактующего цифровые средства как новые «культурные орудия» интериоризации смыслов, и концепции информационной социализации Т. Д. Марцинковской, требующей конструирования гибкой идентичности в условиях транзитивности. Географические и содержательные рамки процесса определены теорией «культурных гнезд» Н. К. Пиксанова и принципом концентрического краеведения Н. Ф. Виноградовой, детерминирующими движение познания от чувственных образов малой родины к абстрактным гражданским понятиям через оцифровку локального материала. Перенос толерантогенного потенциала традиций в цифровую плоскость опирается на положения Д. Б. Эльконина о моделировании человеческих отношений в игре и тезис Е. О. Смирновой о необходимости преодоления пассивного экранного созерцания ради активизации детской субъектности. Социально-педагогический вектор модели усилен концептом воспитательной триады «детский сад – семья – социум» Т. В. Волосовец, преобразующим информационные технологии в открытый ресурс духовно-нравственного сотворчества поколений.

Для верификации разработанных условий был проведен педагогический эксперимент. Общую репрезентативную выборку исследования составили 150 старших дошкольников в возрасте 6–7 лет (выпускные группы ДОО Астраханской области), распределенных на равные экспериментальную (75 детей) и контрольную (75 детей) группы. В орбиту экспериментального воздействия на правах равноправных субъектов были включены родители воспитанников, что обеспечило мониторинг функционирования открытой триады.

Диагностический комплекс констатирующего и контрольного этапов эксперимента включал три валидных блока. Первый блок был направлен на качественную оценку этнокультурной осведомленности и гражданской сопричастности детей к малой родине на основе модифицированной анкеты Н. Ф. Виноградовой. Второй блок был центрирован вокруг мониторинга уровня развития игровой деятельности по структурным параметрам теории Д. Б. Эльконина (способность детей самостоятельно организовывать игру, принимать роли, следовать правилам и демонстрировать перенос оцифрованных алгоритмов в реальное пространство). Третий блок диагностического аппарата включал модифицированную анкету для родителей по определению доминирующих стратегий медиации цифрового контента Г. У. Солдатовой [10; 12], позволяющую дифференцировать родительские позиции от репрессивно-ограничительного контроля до активной диалоговой медиации.

Авторская методика включала три взаимосвязанных технологических этапа, последовательно внедренных в образовательный процесс дошкольных организаций Астраханской области.

Первым этапом методики выступило дидактическое кодирование и создание интерактивных цифровых образовательных ресурсов (ЦОР). На данном этапе осуществлялся отбор ключевых календарно-обрядовых праздников народов Нижнего Поволжья (русской Масленицы, татарского Сабантуя, казахского Наурыза, калмыцкого Цаган Сара) и их перевод в цифровой интерактивный формат на базе платформ-конструкторов (LearningApps, Wordwall). В рамках интерактивного квеста «Календарь народных традиций» дошкольники помогали анимированным персонажам решать дидактические задачи: распределять элементы праздничных ритуалов (атрибуты встречи весны, угощения, национальные костюмы), узнавать звучание домбры или баяна и расшифровывать национальные орнаменты. Интерактивная обратная связь обеспечивала высокую познавательную мотивацию и подготавливала семантическую базу для понимания культуры перед переносом в реальное пространство.

Вторым этапом методической системы стала гибридная физическо-экранная реализация оцифрованного ритуального алгоритма, направленная на преодоление экранной изоляции и дефицита телесности (по М. М. Безруких). Интерактивная доска использовалась как динамический навигатор, переводящий обрядовый сюжет в реальное коллективное взаимодействие детей. Например, при реконструкции праздника Сабантуй экран задавал алгоритм интерактивной игры «Тюбетейка», где дети передавали по кругу реальный головной убор, а при остановке музыки выполняли задания экрана, требующие назвать национальное блюдо или исполнить танцевальное движение соседа по группе, представляющего другую национальность. Экран выполнял роль умного медиатора, усложняя волевую задачу и формируя полисенсорный баланс, при котором виртуальный стимул стимулировал живое межличностное общение и межнациональное сотворчество в группе сверстников.

Третьим, завершающим этапом методики явилась организация совместного детско-родительского этномедиатворчества в русле триады Т. В. Волосовец. Практическое воплощение осуществлялось на базе созданной в ДОО цифровой мультстудии, где педагоги, дети и родители разных национальностей объединялись для создания авторских анимационных фильмов по мотивам обрядовых сказок и легенд Астраханской области. Родители вместе с детьми собирали этнографический материал в локальном социуме, после чего в мультстудии лепили персонажей, создавали декорации с элементами национальных узоров, осуществляли покадровую съемку и озвучивали диалоги на русском, татарском или казахском языках. Готовые медиапродукты снабжались QR-кодами, формируя открытую цифровую этноигротеку ДОО и обеспечивая глубокое эмоциональное проживание ценностей народной традиции в семье.

Сравнительный количественный и качественный анализ полученных данных показал, что в экспериментальной группе уровень этнокультурной осведомленности и индекс межэтнической толерантности вырос на 34 % по сравнению с констатирующим этапом исследования ($p \leq 0,01$). В то же время в контрольной группе, где в образовательном

процессе применялись исключительно традиционные, вербально-наглядные методы, аналогичный рост составил лишь 8 %. Зафиксированный в эксперименте на выборке из 150 детей 34-процентный сдвиг наглядно демонстрирует, что цифровая реконструкция смогла эффективно преодолеть когнитивную дистанцию между сознанием «цифрового аборигена» и архаичным содержанием фольклора Прикаспийского края. Введение мультимедийных игровых элементов позволило перевести абстрактные исторические понятия в визуальные образы.

Качественное лонгитюдное наблюдение зафиксировало важнейший психологический феномен, определяющий успешность процессов интериоризации: дети экспериментальной группы начали спонтанно и активно переносить реконструированные праздничные сюжеты и игры из цифровой среды в свою самостоятельную деятельность на прогулках. Наглядным феноменологическим примером этого процесса послужило поведение детей на прогулке в астраханском детском саду, когда инициативная группа старших дошкольников самостоятельно организовала казахские и татарские ритуализованные игры, демонстрируя высокий уровень эмпатии и межнационального согласия. В этот момент произошло полное врастание внешнего цифрового знака во внутренний план личности. Оцифрованная традиция перестала быть чуждым элементом прошлого, превратившись в естественную и востребованную форму детской субкультуры (по Н. Е. Вераксе) [2].

Включение родительской общественности в экспериментальное поле позволило переструктурировать домашнее медиапотребление. Анализ анкетирования родителей на итоговом этапе показал существенное изменение их воспитательных стратегий: более 75 % респондентов из экспериментальных групп перешли от ограничительного, запретительного контроля над гаджетами к активной совместной медиации и обсуждению цифрового контента. В результате этого была преодолена изоляция ребенка у экрана внутри семьи, а цифровые технологии стали органичным связующим звеном между этнокультурным наследием социума, образовательными задачами детского сада и воспитательным потенциалом семьи.

Комплексный анализ экспериментальных данных позволяет утверждать, что технология цифровой реинкарнации ритуалов на материале традиций народов Астраханской области является эффективным средством формирования межэтнической толерантности у старших дошкольников. Перевод архаичного фольклора в интерактивный формат ЦОР преодолевает семантическую дистанцию между культурным наследием Нижнего Поволжья и восприятием современного ребенка. Исследование доказывает, что пассивное медиапотребление деформирует ценностную сферу, смещая ориентиры к эгоцентризму, в то время как целенаправленное использование информационных технологий как культурного орудия развивает самостоятельность мышления и стимулирует эмпатию.

При этом переход от деструктивного скроллинга к медиатворчеству зависит от внешних стратегий регуляции, где жесткий ограничительный контроль со стороны семьи и ДОО демонстрирует несостоятельность. Необходим переход к развивающему навигаторству и внедрение верифицированных инструментов управления медиасредой всеми субъектами воспитания. Образовательным организациям важно сместить акцент на формирование критической медиаграмотности и информационной гигиены через интерактивные медиастратегии сотворчества (анимация, социальное проектирование). Для семьи рекомендации сводятся к преемственной модели активной медиации: замене наказаний лишением гаджетов совместным обсуждением медиатекстов, участием в цифровых квестах и организацией зон «цифрового детокса» ради сохранения психофизического здоровья подрастающего поколения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Безруких, М. М., Верба, А. С. Экранное время и его влияние на физическое и психическое развитие детей дошкольного и младшего школьного возраста // Новые исследования. – № 2 (66). – С. 5–18.

2. Веракса, Н. Е., Бухаленкова, Д. А., Шиян, О. А. Цифровые устройства в жизни современного дошкольника // Вопросы психологии. – 2020. – № 2, С. 54–64

3. Виноградова, Н. Ф. Теоретические основы и практика ознакомления дошкольников с социальной действительностью. – М. : Просвещение, 2007. – 194 с.
4. Волосовец, Т. В. Дошкольное и начальное образование в эпоху динамично меняющегося мира: современное состояние и перспективы развития // Образовательная панорама, № 1 (17), С. 8–19.
5. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
6. Николаева, С. Н. Теория и методика экологического образования детей. М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 336 с.
7. Пиксанов, Н. К. Областные культурные гнезда. – М.-Л. : Государственное издательство, 1928. – 148 с.
8. Смирнова, Е. О. Детский сад в пространстве цифровой культуры. Современное дошкольное образование. – 2019. – № 1 (91), С. 4–13.
9. Смирнова, Е. О. Роль цифровых технологий в трансформации современного детства. Национальный психологический журнал. – 2019. – № 4 (36), С. 41–49.
10. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической перспективе: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире. Психологический журнал. – 2018. – Т. 39, № 4, С. 26–34.
11. Федеральная образовательная программа дошкольного образования. – М. : ТЦ Сфера, 2003. – 224 с.
12. Эльконин, Д. Б. Психология игры. 2-е изд. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – 360 с.

УДК 32

СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Сорокопудова О. Е.
ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований цивилизационного развития России Научно-инновационного управления ГАУГН,
старший научный сотрудник факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова
кандидат политических наук
г. Москва, Россия

Исследование подготовлено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2026-0021 «Духовно-политические ориентиры социального проектирования в России: аксиологический аспект»).

Современное время ставит перед государствами все новые геополитические, экономические и социальные вызовы. Признаётся, что «необходим переход от реактивного управления, ориентированного на ликвидацию последствий, к проактивному проектированию, направленному на формирование среды, устойчивой к возникновению деструктивных процессов» [1, с. 10; 2, с. 6], то есть к социальной архитектуре. Однако сама формируемая среда обладает определёнными качествами, с которыми управленческим структурам приходится считаться. Одними из таких качеств являются ценности, причём, если речь идёт о российском обществе, корректнее будет говорить о базисных традиционных ценностях.

Базисные традиционные ценности уже являются объектом междисциплинарного изучения. В ходе исследований было предложено следующее определение: «ценности, выработанные в результате многовекового исторического и духовно-политического развития народа в сложившихся природно-климатических, географических, конкретно-исторических, духовно-нравственных и социально-политических условиях, и являющиеся непременным фактором формирования общенациональной и политической идентичности народа» [3, с. 27-28; 4]. Их перечень был институционализирован указом Президента РФ №809 от 09.11.2022 г.,

однако исследования показали, что этот список может быть дополнен. История России и русской политической мысли показывает, что важнейшие решения правительства, которые были направлены на общественные преобразования (и, в связи с этим, могут быть определены как предшественники социальной архитектуры), имели ценностный характер. При этом процесс был двусторонним – новые сформированные реалии порождали новые социально-политические отношения, которые в свою очередь влияли на появление новых или трансформацию старых ценностей. Можно предположить, что результаты общественных преобразований оказывались устойчивыми преимущественно в тех случаях, когда опирались на традиционные ценности, свойственные российскому обществу.

Примерами общественных преобразований, которые оказали значительное влияние на развитие общества и сохранили его на протяжении длительного периода, можно с полной уверенностью назвать: крещение Руси; деятельность Ивана III по созданию централизованного государства; формирование имперской государственности Петром I; секулярный универсализм в реформах Екатерины II; восстановление религиозного целеполагания в правление Павла I; преобразовательная деятельность российской верховной власти в XIX в.; революционные изменения большевиков в XX в.; реформы перестройки второй половины 1980-х гг.

Выбор именно этих периодов и процессов в истории России обусловлен еще и тем фактом, что в их случае возможно подтвердить или опровергнуть предложенную гипотезу путем анализа конкретных исторических источников. А именно – тех, что, во-первых, принадлежат самому исполнителю общественно-политических преобразований или его ближайшим соратникам; во-вторых, современных самому событию (если подобные тексты не сохранились, возможно использование наиболее хронологически близких источников); наконец, в-третьих, в них отражены конкретные ценности, на укрепление которых или с учётом которых осуществлялось общественное преобразование.

Несмотря на то, что выбранные события, решения и процессы, безусловно, не исчерпывают все пространство вариантов, однако являются показательными и открывают методологические возможности для анализа других исторических событий.

По итогу проведенного анализа была подтверждена гипотеза о том, что базисные традиционные ценности, характерные для российского общества на протяжении долгого времени, выступали как ориентир для общественных преобразований, проводимых государством. Для ключевых моментов российской истории, связанных с общественным преобразованием по инициативе власти, можно выделить несколько ведущих ценностных принципов для каждого периода, которые, во-первых, выражали намерение и цели преобразователей; во-вторых, выступали регуляторами выбора средств достижения целей реформ; в-третьих, в значительной степени отражали общественные представления о должном государственном устройстве, что обеспечивало устойчивость результатов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Володенков, С.В. Новая философия управления, или ответ на «идеальный шторм» // Государство. 2026. Вып. 5. С. 9-21.

2. Володенков, С.Д., Харичев, А.Д., Селезнева, А.В. Социальная архитектура: теория и практика социальных изменений. М.: Проспект, 2026. 432 с.

3. Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С. В. Перевезенцева, А. В. Селезневой. М.: Квадрига, 2024. 720 с.

4. Перевезенцев, С.В., Пучнина, О.Е., Страхов, А.Б., Шакирова, А.А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. №4. С. 113-133.

УДК [351.858+37.015.31:32.019.5](476)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕНДЕНЦИИ И КОНСТАНТЫ

Старичёнок В. В.
заведующий Центром политологии Института социологии НАН Беларуси
кандидат исторических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В апреле 2025 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подписал Директиву № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства», которая представляет собой упорядоченную модель организации идеологической работы в нынешней пятилетке. Как следует из Директивы, сфера образования находится в числе приоритетных, где идеологическая работа находится под особым контролем государства. Учреждения образования выделены как отдельные субъекты реализации идеологии белорусского государства, а на Министерство образования (а также на НАН Беларуси и Академию управления) возложена функция научного и научно-методического сопровождения идеологической работы. Среди направлений обеспечения организации идеологической работы в Директиве отдельно выделена воспитательная деятельность, которая включает гражданско-патриотическое воспитание [1].

В связи с этим важным представляется определение особенностей продвижения идеологии белорусского государства через систему образования, выделение успешных направлений, реализованных в последние годы. Наиболее рельефно связь идеологии и образования проявляется в сфере воспитания. Так, в Кодексе об образовании слово «идеология» упоминается именно в разделе «Воспитание в системе образования» (ст. 17). В нем изложен следующий тезис: «Воспитание основывается на общечеловеческих, гуманистических ценностях, культурных и духовных традициях белорусского народа, государственной идеологии, отражает интересы личности, общества и государства». В числе основных составляющих воспитания выделено «идеологическое воспитание, направленное на формирование у обучающихся знаний основ государственной идеологии, привитие подрастающему поколению общечеловеческих, гуманистических ценностей, идей, убеждений, отражающих сущность белорусской государственности». Одна из задач воспитания – «формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания на основе государственной идеологии». Кроме того, в Кодексе обозначена возможность создания в учреждениях высшего образования в качестве структурного подразделения управления (отдела, сектора) по идеологической и воспитательной работе (ст. 203) [2].

Сейчас встроенность идеологии белорусского государства в систему образования очевидна. Однако далеко не так ситуация выглядела в 1990-е годы. Как говорил А. Г. Лукашенко, само слово «идеология» «было основательно затаскано, а лучше сказать, заболтано в пресловутые времена застоя и перестройки» [3, с. 8]. Это породило отторжение гражданами советского догматизма и всплеск дискурса «деидеологизации» среди ученых и политиков [4, с. 121]. При этом идеология никуда не делась: в республике в последнее десятилетие XX века расцветала пропаганда национализма и либерализма, которая фактически противоречила государственной политике. В частности, в истории, как отмечал доктор исторических наук В. А. Белозорович, произошла «гиперболизация антирусизма и антисоветизма» [5, с. 52]. Белорусский исследователь А. А. Коваленя констатировал ошибочность озвученного в начале 1990-х гг. концепта «трех Д» (деполитизация, департизация, деидеологизация) и противопоставил ему принципы научности, надпартийности, надклассовости и национально-государственного приоритета [6, с. 81].

В тогдашних реалиях система образования одна из первых попала в фокус внимания власти. Речь идет об учебниках, содержание которых требовалось привести в соответствие с

государственным видением развития страны. Создание в августе 1995 г. Государственной комиссии по подготовке учебников и учебных пособий по социально-гуманитарному циклу дало старт процессу совершенствования учебных материалов и приведения их к общему знаменателю [5, с. 52; 7, с. 530].

Поворот к идеологическому строительству в Беларуси состоялся в марте 2003 г., когда прошел семинар руководящих работников республиканских и местных государственных органов «О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию». На нем Глава государства дал ряд установок, в том числе в отношении сферы образования. По итогам семинара было решено начать разработку курса «Основы идеологии белорусского государства» и подготовить методические материалы для его преподавания, что означало плотное встраивание идеологического компонента в высшее образование. Тогда же Министерству образования поручили оказать содействие созданию в учреждениях образования ячеек Белорусской республиканской пионерской организации и Белорусского республиканского союза молодежи [3, с. 185, 187].

В результате в учреждениях образования был создан механизм продвижения государственной идеологии. Однако за их пределами дело обстояло иначе. В гражданском обществе все большее влияние стали играть негосударственные организации, поддерживаемые Западом. Даже напрямую не занимаясь политической деятельностью, многие из них противопоставляли государство «независимым» структурам гражданского общества и частному сектору, транслировали западное видение мира. Идеализируя Запад, они формировали искаженный образ Беларуси как якобы отстающей от «цивилизованного мира» страны и увязывали процесс прогрессивного развития исключительно с геополитическим выбором Минска в пользу Европы и США.

В конечном итоге это стало одной из предпосылок политической турбулентности 2020 г. Вот что об этом пишет белорусский ученый и общественно-политический деятель, доктор военных наук Н. Е. Бузин: «Формировалась долгосрочная система воздействия на молодежь через различные фонды, образовательные программы и проекты, внедрение болонских принципов и культа индивидуализма… Финансирование “цветной революции” в стране должна была обеспечить сеть разного типа неправительственных международных организаций, фондов, частных структур» [8, с. 21]. Как результат – веерная ликвидация ряда НГО после 2020 г. Еще в декабре 2021 г. на совещании о противодействии санкционным мерам А. Г. Лукашенко обозначил свою позицию: «Те организации, которые финансировались из-за рубежа и организовывали переворот и мятеж, мы все ликвидировали» [9]. Как следует из материалов, представленных в июне 2026 г. в Совете по правам человека ООН, в 2020–2025 гг. в Беларуси прекратили деятельность почти 2 тыс. некоммерческих организаций [10].

Системе образования пришлось наверстывать упущенное и повышать качество идеологического сопровождения политических процессов, ориентируя его как на учащихся отдельных учреждений образования, так и на общественный сектор в целом. К тесному взаимодействию с прогосударственными институтами гражданского общества добавились широкое использование проектного подхода, увеличение разнообразия мероприятий, более выраженный акцент на качественных показателях (а не количественных). В результате в сфере образования в 2021-2025 гг. удалось реализовать следующие, на наш взгляд, успешные направления идеологической работы:

- наращивание экспертного диалога в учреждениях образования, прежде всего, в форме организации диалоговых площадок, встреч с экспертами и лидерами мнений. Пример республиканского масштаба – инициированный БРСМ проект «Зачетный разговор», который стартовал зимой 2023 г. и прошел не только в вузах, но и ссузах и колледжах Беларуси;

- выделение идеолого-политического актива из студентов и учащихся, целевая работа с данной категорией, включение ее представителей в общественную деятельность, работу с госорганами. Показательна работа в этом направлении Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов (ЦИК). По ее инициативе в 2022 г. в Академии управления создан Центр по работе с населением и избирательному

процессу. В феврале 2023 г. на его базе образован молодежный избирательный клуб «Выбор», а в ноябре 2023 г. при ЦИК сформирован Молодежный совет. Это позволило соединить в одном звене представителей научно-образовательной среды, органов госуправления, молодежи, реализовать ряд проектов. В частности, в декабре 2023 г. стартовал информационно-просветительский марафон «Выбирай.BY»; также была разработана настольная образовательная игра «Выбор.BY», которая активно используется в мероприятиях по электоральному просвещению молодежи;

- включение учащихся в идеологическую работу в качестве организаторов и спикеров. Хорошо зарекомендовал себя подход «равный обучает равного», который позволяет молодежи не только апробировать свои коммуникативные навыки, но и снимает барьеры в диалоге между лектором и аудиторией, создавая тем самым более доверительную атмосферу общения. Данный формат использовался в Беларуси и ранее, однако на этот раз акцент ставился на идеологию и политико-правовое просвещение;

- налаживание межвузовской студенческой коммуникации. Успешный проект – республиканский конкурс «Всебелорусская лига дебатов». В его рамках сформировалось молодежное сообщество, объединенное вокруг конструктивной деятельности, организованной Министерством образования в тандеме с управленческой вертикалью (Академия управления) и общественными организациями (РОО «Белая Русь», БРСМ);

- сочетание политического и культурно-развлекательного контента. Показательный пример – «Марафон единства», реализованный с октября 2024 г. по январь 2025 г. в шестнадцати городах Беларуси. Для молодежи он стал точкой притяжения, аккумулируя разнообразный контент (концертные программы, выставки, конкурсы, флешмобы, квесты, ряд публичных акций). Для идеологической вертикали это стало возможностью продемонстрировать свою способность формировать «живую» повестку и удерживать ее длительное время, доказать свой высокий организационный потенциал;

- насыщение госсимволикой образовательного пространства. Знаковыми стали внесенные в начале 2021 г. изменения в Закон «О государственных символах Республики Беларусь» [11]. В отношении учреждений образования обозначено, что Государственный флаг поднимается или устанавливается не только в дни начала и окончания учебного года, но постоянно, Государственный гимн исполняется не только в дни начала и окончания учебного года, но и при проведении торжественных мероприятий. В августе 2022 г. принят новый образовательный стандарт дошкольного образования. В прежнем стандарте 2019 г. дети к шести годам должны были знать правила поведения на церемонии исполнения Государственного гимна Республики Беларусь, а к семи годам – соблюдать их. Но в 2022 г. данные компетенции усилили: воспитанник к пяти годам «соблюдает правила исполнения Государственного гимна Республики Беларусь (слушает и подпевает гимн стоя, мальчики снимают головные уборы)», к шести годам – «слушает и исполняет гимн стоя» [12]. Как отмечает белорусский социолог Н. М. Звёздкин, «это является очень существенным моментом, поскольку только собственное исполнение гимна позволяет его глубоко изучить, а следовательно – осознать заложенный в нем смысл» [13, с. 92].

Таким образом, на смену идеологическому «анархизму» начала 1990-х гг. пришло понимание важности фактора идеологии в государственной политике, значимости сферы образования как института, формирующего идейно-политические ориентиры в обществе. В 2021-2025 гг. идеологический компонент в системе образования Беларуси существенно расширился. Наращивание мероприятий идеологического характера сопрягалось с использованием разнообразных форм соответствующей деятельности, предложением аудитории креативных и интересных инициатив. Все это формировало благоприятный для реализации государственной политики общественно-политический климат, являлось важным фактором обеспечения общественно-политической устойчивости страны во время референдума 2022 г., электоральных кампаний 2024 и 2025 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02500012 (дата обращения: 21.07.2026).

2. Кодекс Республики Беларусь об образовании : 13 янв. 2011 г. № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243 (дата обращения: 21.07.2026).

3. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию: материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов (27–28 марта 2003 г.). – Мн. : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2003. – 191 с.

4. Основы идеологии белорусского государства : учеб. для вузов / под. ред. С. Н. Князева, С. В. Решетникова. – Мн. : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 491 с.

5. Белозорович, В. А. Реализация государственной исторической политики в Республике Беларусь / В. А. Белозорович // Суверенитет – безопасность – интеграция как константы устойчивого государственного развития: международный опыт и национальные реалии. К 30-летию Института Президентства Республики Беларусь. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 31 мая – 1 июня 2024 г.) : в 2 ч. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2024. – Ч. 1 – С. 50–54.

6. Каваленя, А. А. Метадалагічныя падыходы асвятлення навейшай гісторыі Рэспублікі Беларусь / А. А. Каваленя // Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность : материалы науч.-теорет. конф. (Минск, 29 сент. 2006 г.) / НАН Беларуси. – Мн. : Издательский дом «Белорусская наука», 2006. – С. 78–84.

7. Белазаровіч, В. А. Арганізацыя гістарычнай навукі Беларусі (90-я гг. XX – пачатак XXI стст.) / В. А. Белазаровіч // Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность : материалы науч.-теорет. конф. (Минск, 29 сент. 2006 г.) / НАН Беларуси. – Мн. : Издательский дом «Белорусская наука», 2006. – С. 529–534.

8. Бузин, Н. Е. Уроки неудавшегося госпереворота. Сущность и особенности белорусского протеста – 2020 / Н. Е. Бузин // Привкус цветных революций / сост. С. Г. Мусиенко, М. В. Осипов. – Мн. : Беларусь, 2023. – С. 17–27.

9. Лукашенко расставил точки в вопросе работы НКО в Беларуси // БелТА. – 2021. – 16 декабря. – URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-rasstavil-tochki-v-voprose-raboty-nko-v-belarusi-475120-2021/ (дата обращения: 21.07.2026).

10. Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Беларуси Нила Муйжниекса / Совет по правам человека ООН (62-я сессия, 15 июня – 10 июля 2026 года). – URL: https://digitallibrary.un.org/record/4117856?ln=ru&v=pdf (дата обращения: 21.07.2026).

11. О государственных символах Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 5 июля 2004 г. № 301-З // ЭТАЛОН-ONLINE. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h10400301&q_id=6269032 (дата обращения: 30.06.2026).

12. Об утверждении образовательного стандарта дошкольного образования : постановление М-ва образования Респ. Беларусь от 4 авг. 2022 г. № 228 // ЭТАЛОН-ONLINE. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=w22238596p (дата обращения: 21.07.2026).

13. Звёздкин, Н. М. Национальная патриотическая культура: тенденции и направления развития / Н. М. Звёздкин // Беларуская думка. – 2023. – № 11. – С. 89–96.

УДК 37.013.43:004:725.8

ПРОЕКТ «УМНАЯ СКАМЕЙКА» КАК СРЕДСТВО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ

Ермолович Д. В.
доцент кафедры «Психология», БНТУ
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Старостенков Я. Н.
студент, БНТУ
г. Минск, Беларусь

В современную эпоху информационные технологии приобретают всё большее значение в социальной сфере, включая процессы патриотического воспитания. Молодёжь чаще воспринимает информацию через цифровые носители, что требует адаптации воспитательных практик к новым условиям. В этих условиях поиск инновационных форм патриотического воспитания становится важнейшей задачей педагогики и культурной политики.

Одним из примеров, сочетающих воспитание с современными технологиями, является патриотический проект «Умная скамейка», разработанный автором статьи. Он основан на использовании возобновляемых источников энергии и стал победителем Конкурса молодёжных инициатив. Пилотная реализация проекта состоялась в г. Верхнедвинске Витебской области Республики Беларусь (см. рисунок 1) [1, 2].

Рисунок. Видеоэкран – ключевой элемент патриотического проекта

«Умная скамейка» представляет собой многофункциональный информационно-досуговый мини-центр. Она оснащена разъёмами для зарядки мобильных устройств, ночным освещением, питаемым от гибридной солнечной электростанции, а также видеоэкраном, транслирующим презентации о событиях Великой Отечественной войны. Видеоматериалы включают биографии участников, описание боевых действий и карательных операций, фотографии и документы. Использование данного формата значительно улучшает эмоциональное воздействие на исследователя, способствует формированию чувства сопричастности к подвигу, укрепляет уважение к исторической памяти народа [4, 5].

Несмотря на реализацию данной идеи, поиск современных форм патриотического воспитания не заканчивается на архитектурной форме «скамейки». Идея имеет перспективу расширения до масштабной сети информационных объектов шаговой доступности из-за необходимости цифровизации городской среды и благоустройства территорий. В неё могут войти такие элементы, как информационные стенды, умные остановки общественного

транспорта, многофункциональные мультимедийные площадки, которые располагаются на территориях учебных заведений, парков и культурных объектов. За счёт развития авторской концепции повышается доступность информации в ключевых точках маршрута потенциального потребителя.

Сохранение не навязчивого характера способа подачи информации является основным аспектом, который обеспечивает её естественное и органичное восприятие. Есть необходимость в наличие контента, адресного по времени, месту, сроку и значимости событий. Например, для описания памятных дат появляется возможность сопровождения тематическими материалами на скамейках, стендах, остановках. В местах массового скопления людей (парках, площадях, пешеходных улицах) перспективно проведение мультимедийных экскурсий и уроков памяти. В результате проект становится динамичной системой информационно-идеологического просвещения, способная сохранить память и сформировать у молодёжи устойчивую систему ценностей.

Психологический аспект проекта – способность воздействия на эмоции личности исследователя. Молодёжь при взаимодействии с подобными информационными объектами имеет возможность изучить памятный символ, почувствовать сопричастность к событиям Великой Отечественной войны. Патриотический проект способствует развитию чувства гордости за Отечество, укреплению национальной идентичности и гражданской ответственности. Визуальные образы видеоматериалов усиливают эмоциональное восприятие потребителем, формируют уважение к подвигу предков и атмосферу коллективной памяти. В психологии подобные механизмы рассматриваются как ключевые причины социализации, непосредственно влияющие на формирование личности и её ценностных установок [5, 6].

С точки зрения педагогики, проект является интерактивным учебными пособием для людей различных возрастов. Применение такого универсального пособия стимулирует самостоятельный поиск информации, делает процесс изучения истории более наглядным и увлекательным, формирует активный интерес к историческим событиям. Контент видеопрезентации представлен на трёх языках: белорусском, русском и английском языках, что даёт возможность изучить информацию не только местному жителю, но и туристу. Диалог между поколениями имеет ключевое значение: объекты наподобие «Умной скамейки» могут стать площадкой для тематических встреч ветеранов и школьников, студентов, при этом обеспечивая передачу ценностей и опыта от старшего поколения к младшему. Традиционный урок памяти превращается в живой диалог, где история является частью личного опыта каждого участника [7].

Практическая значимость проекта заключается в интеграции в учреждения образования, места активного отдыха, общественные пространства и транспортные узлы. Проект имеет большую перспективу стать частью образовательных программ, быть площадкой для проведений открытых уроков истории, внеклассных мероприятий, памятных встреч (митингов).

Таким образом, патриотический проект на основе возобновляемых источников энергии «Умная скамейка» выполняет несколько функций:

- мемориальную – увековечивание памяти о Великой Отечественной войне;
- образовательную – универсальное интерактивное пособие;
- воспитательную – формирование патриотической идентичности, гражданской ответственности, гордости за Отечество.

Подобные инициативы в перспективе способны перерасти в единую сеть интерактивных мемориальных объектов, которые объединяют общество вокруг идеи сохранения исторической памяти, увековечивания подвига предков, воспитания патриотизма. Реализованный одним из авторов данной статьи проект в Верхнедвинске (автор проекта – Старостенков Я.Н.) подтверждает эффективность внедрения подобных инициатив, а также открывает возможности масштабирования на республиканском уровне. Разработка объектов в шаговой доступности позволит создать единое информационно-просветительское

пространство, где гражданин может прикоснуться к истории и почувствовать сопричастность к судьбе Родины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Старостенков, Я. Н. Разработка энергоэффективной умной скамейки с интерактивным интерфейсом / Я. Н. Старостенков // Новые горизонты – 2025 : сборник материалов XII Белорусско-китайского молодежного инновационного форума, 27-28 ноября 2025 года / Белорусский национальный технический университет. – Минск : БНТУ, 2025. – Т. 1. – С. 138–139.

2. Старостенков, Я. Н. Влияние условий окружающей среды на работоспособность солнечной панели = Influence of environmental condition son solar panel performance / Я. Н. Старостенков ; науч. рук. Т. А. Петровская // Актуальные проблемы энергетики – 2024 : материалы студенческой научно-технической конференции / сост.: И. Н. Прокопеня, Т. А. Петровская ; редкол.: Е. Г. Пономаренко (пред.), Н. Б. Карницкий, В. А. Седнин [и др.]. – Минск : БНТУ, 2024. – С. 146–151.

3. В Минске выбрали победителей республиканского конкурса молодежных инициатив. – URL: https://brsm.by/ru/talent-news-ru/view/v-minske-vybrali-pobeditelej-respublikanskogo-konkursa-molodezhnyx-initsiativ-26487/ (дата обращения: 01.04.2026).

4. В Верхнедвинске состоялась презентация «Умной скамейки» [Электронный ресурс] // Дзвинская правда. – 2026. – 16 апреля. – URL: https://www.d-p.by/2026/04/v-verhnedvinske-sostoyalas-prezentaciya-umnoj-skamejki/ (дата обращения: 10.04.2026).

5. Студент из Верхнедвинска создал исторический интерактивный гид для «умной скамейки» // Витебские вести. – 28.04.2026. – URL: https://vitvesti.by/obshestvo/student-iz-verkhnedvinska-sozdal-istoricheskii-interaktivnyi-gid-dlia-umnoi-skameiki.html (дата обращения: 29.04.2026).

6. Сахарова, Т. Н. Инновационные подходы к образованию и воспитанию детей поколений Z и α в контексте особенностей их психологических характеристик / Т. Н. Сахарова, Н. А. Цветкова // Педагогика и психология образования. – 2024. – № 1. – С. 205–223.

7. Ермолович, Д. В. Здоровое детство как условие полноценного онтогенеза социума / Д. В. Ермолович // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. – 2024. – Вып. 1 : Вопросы педагогики и психологии. – С. 21–28.

УДК 316.346.2

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС «СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ БЕЛОРУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ»: ОБЗОР С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Стома Н. В.
младший научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

В Республике Беларусь 2026 год объявлен Годом белорусской женщины. Соответствующий указ подписан Главой государства, он принят в том числе в целях формирования национального образа женщины-труженицы, популяризации роли женщин в сохранении и развитии общества [1].

На сайте Меркаванне.бел [2] представлен социологический опрос по теме «Современная роль белорусской женщины». В данной работе будет сделан обзор вопросов с краткими статистическими комментариями с целью выявления тематических направлений, актуальных для женской тематики и Года белорусской женщины.

Первый вопрос из опроса «Какую роль женщины в обществе Вы считаете основной?» предполагает возможность выбора одного ответа из следующих: «Прежде всего семья и воспитание детей», «Прежде всего профессиональная самореализация», «Равное сочетание семьи и работы», а также вариант «Другое» с полем для записи.

Вторым вопросом идет выбор степени согласия с утверждениями, где есть четыре варианта отчетов от положительного до отрицательного. Утверждения следующие: «Женщина должна в первую очередь быть хорошей матерью и женой», «…иметь возможность строить карьеру наравне с мужчиной», «Общество по-прежнему предъявляет к женщинам больше

требований, чем к мужчинам», «Роль женщины в Беларуси за последние годы стала более значимой».

Третий вопрос оценивает «Чувствуете ли Вы давление со стороны общественного мнения по поводу «правильной» роли женщины?». При этом можно выбрать один ответ из представленных: «Да, постоянно», «Иногда», «Редко», «Нет», «Другое (поле для записи)».

Согласно Национальному статистическому комитету Республики Беларусь [3], страна занимает 27-е место среди 172 стран мира по индексу гендерного неравенства.

Эти три вопроса позволяют измерить представление респондентов о гендерных ролях и положении женщины в обществе (от базовой установки, ее детализации через утверждения и выводу про ощущение/отсутствие давления).

Следующий вопрос предполагает раскрытие темы как белорусские женщины воспринимают счастье в контексте семейных отношений. В опросе можно было выбрать от одного до трех вариантов из перечня: финансовая стабильность, поддержка и забота партнера, рождение детей, многодетность, карьера, наличие собственного жилья, возможность самореализации, совместный отдых, путешествия, другое (поле для записи).

Далее вопрос о семейных обязанностях, где можно выбрать степень равного участия женщины и мужчины, а также совместного. Представлены следующие обязанности: ведение домашнего хозяйства; уход за детьми и воспитание; финансовое обеспечение семьи; управление семейным бюджетом, оплата счетов и кредитов; покупки продуктов и бытовые покупки; ремонт и технические работы по дому; принятие важных решений. И сразу после следует вопрос о согласии или не согласии о справедливом текущем распределении семейных обязанностей в семье, где также представлен вариант «затрудняюсь ответить».

Согласно [3], 9 из 10 женщин удовлетворены распределением обязанностей в семье. При этом 53,4 % женщин и мужчин считают, что забота о доме и детях; и приятие всех важнейших решений в семье (77,0 %) является совместной обязанностью.

Данный блок из двух вопросов характеризует семейное благополучие, распределении ролей, баланс семьи и карьеры. Как логическое продолжение, следует вопрос «Для современной женщины совместимы ли семья и карьера?».

Согласно [3], в суточном фонде времени женщин в возрасте от 15 лет и старше 4 часа 24 минуты отведены на «ведение домашнего хозяйства и уход за членами семьи». И при этом, в 2025 г. женщины в 1,7 раза больше времени, чем мужчины, тратили на работу по дому и уход за членами семьи (в сравнении с разницей в 2 раза в 2015 г.). Также стоит сделать уточнение, что уровень женской занятости составляет 64,7 %. А в наиболее активном рабочем возрасте (30-45 лет) соотношение женщин и мужчин – 1030 к 1000, а в возрасте старше трудоспособного 2339 к 1000.

А после предлагается оценить «Какие меры помогают (или помогли бы) женщинам лучше совмещать работу и семью?». Из предлагаемых вариантов можно выбрать от одного до трех ответов: гибкий график / удаленная работа; дополнительный оплачиваемый отпуск по уходу за ребёнком; детские сады/ясли с удобным графиком; финансовая поддержка от государства; поддержка со стороны супруга/родственников; корпоративные льготы от работодателя, а также вариант «Другое» с полем для записи.

Есть интересный вопрос «Как Вы относитесь к ситуации, при которой мужчина занимается воспитанием детей, а женщина работает и устраивает свою карьеру?» с ответами «полностью поддерживаю», «допускаю», «считаю неприемлемой», «затрудняюсь ответить». По сути, это вопрос-индикатор об отношения к изменению традиционных гендерных ролей в семье, он помогает понять, насколько респонденты готовы воспринимать не только совмещение женщиной семейной и профессиональной ролей, но и активное участие мужчины в сфере заботы и воспитания.

Далее следует блок вопросов про репродуктивные установки и факторах, способствующих деторождению. Первый из них «Планируете ли Вы рождение (еще) детей?» с вариантами «да, в ближайшее время», «да, в отдаленной перспективе», «нет» и «затрудняюсь

ответить». Второй вопрос о количестве в идеале желаемых детей с выбором ответов из диапазона от одного до четырех и более, а также «не иметь детей» и «не знаю».

Следующий вопрос «Как Вы оцениваете условия для рождения и воспитания детей в Беларуси?» с ответами от «благоприятных до неблагоприятных условий». Вытекающее исследуется, что может стимулировать рост рождаемости в нашей стране (с выбором от одного до трех вариантов): увеличение материальной поддержки семей с детьми; улучшение жилищных условий; рост доходов населения; развитие инфраструктуры для семей с детьми (детсады, поликлиники и т.д.); повышение качества репродуктивной медицины; популяризация многодетности; укрепление института брака и традиционных семейных ценностей; воспитание мужественности у мужской части населения; другое (поле для записи).

Согласно [3], Республика Беларуси занимает 25-ю позицию из 179 стран в рейтинге самых комфортных для материнства.

Также в опросе представлен вопрос «Считаете ли Вы, что женщина должна быть способна материально обеспечивать сама себя на протяжении всей жизни?» с ответами «да», «нет», «затрудняюсь ответить». А далее открытый вопрос с полем для записи «Какие, по Вашему мнению, знания, навыки и умения (компетенции) самые необходимые для женщины?».

После по шкале, где 1 – очень плохо, 5 – отлично, предлагается оценить привлекательность условий для осуществления женщинами следующих видов занятости: работа по найму, государственная служба, предпринимательство, фермерство, ремесленничество, самозанятость. Как следствие, следующий вопрос об отношении «к тому, что некоторые женщины сейчас заняты в сфере государственного управления и политической деятельности» с вариантами ответов «положительно», «отрицательно» и «затрудняюсь ответить».

Согласно [3], удельный вес женщин среди предпринимателей – 41,6 %, а доля женщин среди занятых, имеющих дополнительную работу, составляет 65,9 %. И каждая 9-я женщина-предприниматель является нанимателем.

Вопросы выше оценивают социально-экономическую самостоятельность женщины, профессиональную реализацию и участие в общественно-политической жизни.

И есть блок вопросов об одобрении и поддержки деятельности женских организаций или сообществ, продвигающих политику в интересах женщин, а также выбор тематики форума, посвященного вопросам женской повестки, с предложенными вариантами (от одного до пяти вариантов): вопросы семьи (детско-родительские взаимоотношения, супружество как партнерство, роль отца в семье и т.д.); финансовая грамотность; предпринимательство; безопасность (профилактика домашнего насилия); солидарность (инициативы, направленные на решение социально значимых проблем); самореализация и равенство возможностей; культура и искусство; красота и здоровье; другое (поле для записи).

В опросе есть еще два открытых вопроса, первый из них – «Назовите имена известных в Беларуси женщин, мнение которых для вас авторитетно, которых Вы уважаете, считаете образцами для подражания?», второй – «По Вашему мнению, какие меры необходимо предпринять государству для улучшения положения женщин в нашей стране?». Такие вопросы позволяют выявить более глубокий смысл и настроения респондентов, учесть проблемы, которые невозможно измерить статистически.

Эти вопросы можно охарактеризовать как обобщающие о женской солидарности, общественной повестки и запросе мер поддержки и улучшения положения женщин.

В заключении, опрос начинается с общей ценностной ориентации, сужая внимание к личному опыту женщин и переходящий к дальнейшим практическим решениям. Подняты значимые темы о роли женщин и гендерных установках, о балансе карьеры и семьи, о разделении труда в семье, репродуктивные установки, меры поддержки.

Важными в рамках исследования станет разница ответов про идеалы (к примеру, про «Женщина должна…») и реальными ситуациями (о восприятии счастья, распределении обязанностей, планировании семьи). Опираясь на вопросы, допустимо предположение, что

ответы можно будет сгруппировать по группам «традиционного уклада» (где для женщины семья на первом месте), группе «карьерного пути» (где на первом месте карьера и реализация), и группе «равнозначной ценности» (признания равной значимости семьи и работы).

Опрос направлен на поддержание курса укрепления традиционных семейных ценностей, определении мер поддержи со стороны государства для женщин. Ответы помогут понять, какой образ современной женщины существует в общественном сознании и какие условия необходимы для ее полноценной реализации в семье, профессии и обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об объявлении 2026 года Годом белорусской женщины: Указ от 1 янв. 2026 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32600001 (дата доступа: 27.07.2026).

2. Онлайн-опрос «Современная роль белорусской женщины» // Меркаванне.Бел. – URL: https://меркаванне.бел/index.php/314179?lang=ru (дата доступа: 27.07.2026).

3. Статистический буклет «Год белорусской женщины» // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/4a4/rkn5t75can5fcrpw6teccwgkxw9gd2zh.pdf (дата доступа: 27.07.2026).

УДК 338.24

CHINESE DIGITAL SUPPLY CHAIN MANAGEMENT EXPERIENCE FOR GREAT STONE INDUSTRIAL PARK

Sun Ke
postgraduate student of Belarusian National Technical University
Minsk, Belarus

Digital supply chain management has become one of the most practical results of the modernization of Chinese industrial enterprises. In China, supply chain management is no longer understood only as the coordination of procurement, production, warehousing and delivery. It increasingly relies on data platforms, digital logistics, intelligent planning and stable cooperation between enterprises. Recent bibliometric research treats digital supply chain management as a separate and fast-developing research field connected with blockchain, digital twins and other data-driven technologies [1]. This article examines Chinese experience in digital supply chain management and considers how it can be adapted for the China-Belarus Industrial Park "Great Stone". The research subject remains Chinese digital supply chain management; the industrial park is treated as a practical field where this experience can be applied and localized.

The relevance of the topic is connected with two processes. China is forming models of digital and intelligent supply chains that can be repeated in different industries. Empirical research on Chinese firms shows that the breadth and depth of digital technology deployment are related to supply chain visibility and agility, which are important conditions for supply chain performance under crisis conditions [2]. At the same time, Belarus is interested in industrial modernization, export development and deeper participation in international production networks. Great Stone is a suitable platform for this task, because it brings together production, logistics, warehousing, research and investment activity within one institutional space.

Chinese industrial enterprises have accumulated useful experience in building supply chains around real-time data. This experience includes the integration of orders, inventories, transport routes, production schedules and supplier information into a common management system. The value of this approach is not only technological. It changes the organization of work between enterprises. Decisions are made faster, risks become more visible, and coordination costs decrease. Recent research also confirms that supply chain digitalization can strengthen resilience and improve performance through several mediating mechanisms [3]. For an industrial park, where resident

companies operate independently but depend on shared infrastructure, this experience is especially important.

Great Stone already has conditions for applying such a model. Studies of the China-Belarus Great Stone Industrial Park describe it as a high-tech industrial zone and an important node on the Eurasian Land Bridge, linking China with the Eurasian Economic Union and the European Union [4]. This means that Great Stone is not only a territory for production facilities. It can become a node where digital tools connect manufacturers, logistics operators, customs procedures, warehouse services and external markets.

The first direction for adapting Chinese experience is the creation of a park-level digital supply chain coordination platform. This platform should not replace the internal information systems of resident enterprises. Its practical task is to connect basic information on warehouse capacity, delivery time, customs status, transport availability and demand forecasts. Such a system would help resident companies plan operations with fewer delays and with a clearer view of the whole chain.

The second direction is the digitalization of logistics inside and around the park. For Great Stone, logistics is not an auxiliary function but part of the park's competitive advantage. Chinese practice shows that digital logistics can reduce waiting time, improve vehicle loading, coordinate warehouse operations and make delivery routes more predictable. In the Belarusian context, this may be useful for companies that work with the Eurasian Economic Union market and with partners from China and Europe.

The third direction is the formation of a shared risk management mechanism. Modern supply chains face delivery delays, changes in demand, currency risks, transport restrictions and supplier instability. Chinese enterprises often use data monitoring to identify weak points before they become direct losses. A similar approach may be used in Great Stone through indicators such as delivery reliability, inventory turnover, supplier dependence, logistics cost and order fulfillment time. These indicators can help both enterprises and the park administration evaluate the stability of supply chain operations.

The fourth direction is the localization of Chinese management experience. Direct copying is not enough, because the institutional, legal and market environment in Belarus differs from China. Research on foreign direct investment in the Central and Eastern European region shows that the China-Belarus Industrial Park has recently faced external political and economic pressures, which makes practical adaptation and risk reduction especially important [5]. Adaptation should include training for local specialists, bilingual digital documentation, compatibility with Belarusian customs and tax procedures, and protection of commercial data. In this form, Chinese experience becomes not an external model imposed on the park, but a practical management tool adjusted to local conditions.

The expected economic effect for Belarus is connected with the improvement of the park's operational efficiency. Digital supply chain management can reduce transaction and logistics costs, improve the use of warehouse infrastructure, increase the reliability of deliveries and strengthen cooperation between Chinese and Belarusian enterprises. It can also support technology transfer in a concrete form: not only through equipment, but also through management methods, digital standards and organizational routines.

Thus, the application of Chinese digital supply chain management experience in Great Stone may become a practical channel through which research on Chinese enterprises contributes to the Belarusian economy. The main contribution is not a general analysis of Belarusian economic development, but the adaptation of Chinese organizational and economic mechanisms to a specific Belarusian-Chinese industrial platform. This approach preserves the original focus of the dissertation and at the same time demonstrates its practical value for Belarus.

REFERENCES

1. Zhang, H. Digital Supply Chain Management: A Review and Bibliometric Analysis / H. Zhang, Y. Lv, S. Zhang, Y. D. Liu // Journal of Global Information Management. – 2024. – Vol. 32, No. 1. – P. 1–20.

2. Ye, F. Digital supply chain management in the COVID-19 crisis: An asset orchestration perspective / F. Ye, K. Liu, L. Li, K.-H. Lai, Y. Zhan, A. Kumar // International Journal of Production Economics. – 2022. – Vol. 245. – P. 108396.

3. Zhao, N. Impact of supply chain digitalization on supply chain resilience and performance: A multi-mediation model / N. Zhao, J. Hong, K. H. Lau // International Journal of Production Economics. – 2023. – Vol. 259. – P. 108817.

4. Liu, Z. Coupling national geo-political economic strategies and the Belt and Road Initiative: The China-Belarus Great Stone Industrial Park / Z. Liu, M. Dunford, W. Liu // Political Geography. – 2021. – Vol. 84. – P. 102296.

5. Rudy, K. Political Effects on FDI in the CEE Region: Two Cases of Connectivity and Decoupling from the West / K. Rudy // Global Journal of Emerging Market Economies. – 2024. – Vol. 16, No. 2. – P. 149–167.

УДК 331.108.23

ГЕНДЕРНЫЙ ПРОФИЛЬ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ И РОССИЙСКОЙ ЛЕСНОЙ НАУКИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЖЕНЩИН-ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Сторожишина К. М.
заведующий научным отделом Жорновской экспериментальной лесной базы
Института леса НАН Беларуси
кандидат сельскохозяйственных наук
г. Осиповичи, Беларусь

Роль женщин-исследователей в становлении и развитии академической лесной науки традиционно базируется на сочетании фундаментальной глубины и уникальной методической преемственности. Исторически пройдя путь от единичных специалистов в экспедициях начала XX века, сегодня женщины-ученые Института леса НАН Беларуси самостоятельно руководят научными направлениями, определяя стратегии адаптивного лесовосстановления и лесоводства, охраны и защиты лесов, биологического разнообразия и устойчивости лесов на генетическом уровне. В прошлом году организации исполнилось 90 лет и на протяжении всего периода ее развития зачастую женщины занимали ключевые позиции в сохранении многогранной информации о лесе. Сегодня этот заложенный десятилетиями фундамент позволяет ведущему отраслевому институту успешно отвечать на вызовы глобальных климатических изменений и антропогенных нагрузок на лесные экосистемы. При этом современный этап характеризуется не просто участием женщин в исследовательском процессе, а их лидирующей ролью в разработке инновационных методов цифрового мониторинга лесных насаждений, селекции и сохранения генофонда ценных древесных пород.

Анализ текущей кадровой структуры наглядно демонстрирует, как академическая преемственность трансформируется в реальные управленческие и научные решения, определяющие вектор развития лесной науки на ближайшие десятилетия. Сравнительный анализ их деятельности с опытом коллег из институтов Российской академии наук позволяет выявить общие закономерности и специфические черты в решении глобальных вызовов, стоящих перед лесами Союзного государства. Настоящая работа призвана оценить значимость этого интеллектуального капитала, обеспечивающего биологическую стабильность и продуктивность лесных экосистем в условиях современных природно-антропогенных аномалий.

В связи с этим ключевое значение приобретает детальный анализ кадровой структуры и роли исследователей в профильных академических учреждениях. На примере ведущих лесных институтов можно проследить актуальные тенденции гендерного представительства на различных этапах научной карьеры – от специалистов без степени и кандидатов наук до руководителей структурных подразделений. Данное исследование обобщает реальные показатели кадрового состава, позволяя объективно оценить вклад женщин-исследователей в развитие современной лесной науки и определить перспективы кадрового роста в профильных институтах.

В данной работе проведен анализ по пяти институтам леса, один з которых белорусский – Институт леса Национальной академии наук Беларуси (далее Институт леса НАНБ) и четыре российских академических института – Институт леса Карельского научного центра Российской академии наук (далее – Институт леса КарНЦ РАН), Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов Российской академии наук (далее – ЦЭПЛ РАН), Институт леса имени В.Н. Сукачева Сибирское отделение Российской академии наук (далее – Институт леса им. Сукачева СО РАН), Институт лесоведения Российской академии наук (далее – Институт лесоведения РАН).

Среди лесных институтов Союзного государства наибольшее представительство женщин-руководителей структурных подразделений на сегодняшний день наблюдается в Институте леса КарНЦ РАН (рис. 1). Их шести научных лабораторий пятью руководят женщины, имеющие степень кандидата или доктора наук (83% женщин-руководителей от общего числа руководителей подразделений). В некоторых лабораториях (например, аналитической химии, ландшафтной экологии и охраны лесных экосистем) с момента их организации во главе стояли мужчины, однако в последнее десятилетие данными лабораториями руководят женщины – кандидаты наук.

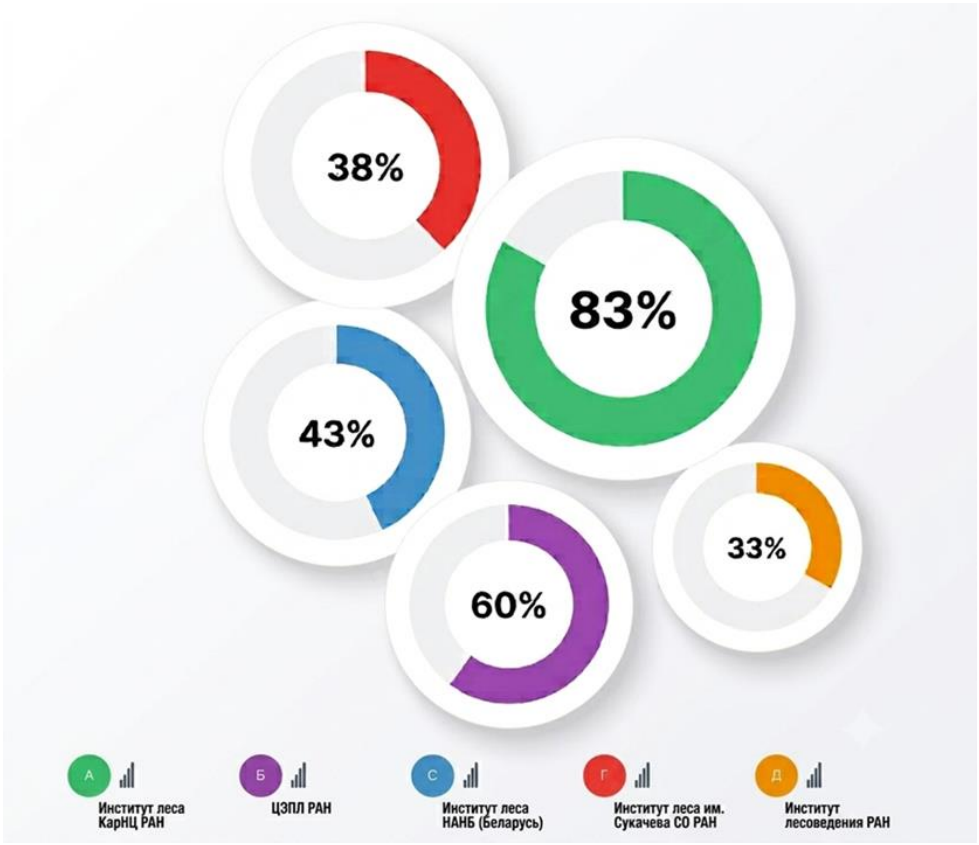

Рисунок 1. Удельный вес женщин-руководителей структурных подразделений академических лесных институтов

Необходимо отметить специфику лесной науки. Она заключается в том, что результаты научных исследований видны через десятилетия, и именно преемственность, скрупулезность и системность (черты, традиционно сильные в женских исследовательских коллективах) определяют её успех. Поэтому женщины-ученые лесной науки не просто исполнители, а ключевые архитекторы долгосрочных исследований. Одним из ярких примеров успешной женщины-ученого Института леса КарНЦ РАН является Лидия Васильевна Ветчинникова, доктор биологических наук, главный научный сотрудник. Под ее руководством в 1991 г. была создана лабораторная база для выполнения экспериментальных работ по размножению древесных растений посредством культуры тканей, что открыло дополнительные

возможности для изучения морфогенеза растений. Сегодня Лидия Васильевна является признанным экспертом в области изучения карельской березы (*Betula pendula var. carelica*), руководит проектами, связанными с изучением особенностей физиолого-биохимической адаптации берез к условиям Севера, селекцией и микроклональным размножением редких видов и форм березы. Она одна из первых использовала технологию микроклонального размножения для ее сохранения и создала *in vitro* коллекцию клонов, которая включает более 100 генотипов карельской березы!

Следует отметить, что и по общему количеству женщин-исследователей Институт леса КарНЦ РАН выступает лидером среди анализируемых институтов (69% женщин от общего количества сотрудников, занимающихся научной деятельностью). При этом, здесь больше всего женщин – докторов наук, число которых находится наравне с мужчинами –докторами наук (3 женщины, что составляет 50% от общего количества сотрудников с данной ученой степенью). Также в институте преобладают женщины-исследователи без ученой степени (79,4% от общего количество сотрудников без ученой степени) и кандидаты наук женского пола (62,5% от общего количество сотрудников с ученой степенью кандидата наук) (рис. 2).

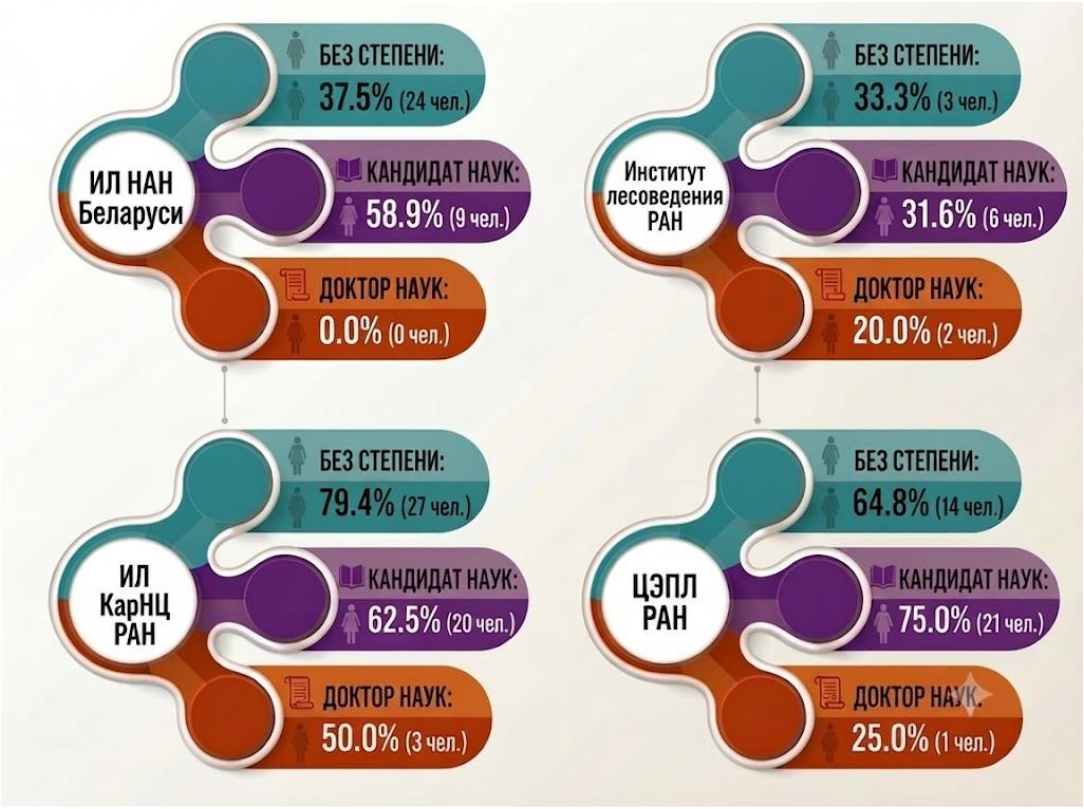

Рисунок 2. Долевое участие женщин академических лесных институтов на различных этапах карьеры

Высокий процент женщин с ученой степенью кандидата наук отмечается в ЦЭПЛ РАН (75,0%), а также сотрудников женского пола без ученой степени, в число которых входят магистранты и аспиранты (64,8%). При этом из числа всех сотрудников долевое участие женщин-исследователей достигает 68%. Из числа руководителей подразделений в данной академической организации также большинство женщин (60%). Примечательно, что руководителем Центра уже более 10 лет является женщина – крупный ученый в области лесной экологии, лесоведения и лесного почвоведения, член-корреспондент РАН, доктор биологических наук, профессор Наталья Васильевна Лукина Ее деятельность как крупного российского ученого отмечена в области разработки современных направлений лесоведения, лесной экологии, лесного почвоведения и биогеохимии, а результаты научных исследований отличаются высокой актуальностью в связи с ролью лесов в адаптации к изменениям климата

и смягчении последствий этих изменений. Наталья Васильевна успешно руководит Центром, являясь координатором направления «Лесной сектор» технологической платформы БиоТех 2030, председателем научного совета РАН по лесу, главным редактором журналов «Лесоведение» и «Вопросы лесной науки».

Вернемся к отечественному флагману академической лесной науки – Институту леса НАН Беларуси. В нашей организации руководителями подразделений работают три женщины. Их интересы довольно разные.

Женщин с ученой степенью доктора наук в Институте леса нет. В тоже время женщин кандидатов наук в учреждении работает больше, чем мужчин со степенью (58,9%). Также следует отметить, что без степени сотрудников женского пола, занятых научными исследованиями, меньше, чем мужчин. Такая же ситуация и в Институте лесоведения РАН, где на долю женщин без степени приходится треть сотрудников (33,3%). В выше представленных лесных организациях наблюдалась другая тенденция, характеризующая высокий процент женского участия в научных исследованиях.

Женщины-ученые нашего института отличаются удивительным внутренним стержнем, объединившим в себе интеллигентность, женскую чуткость к природе и жесткую профессиональную дисциплину, необходимую в лесной отрасли. Их работа требует колоссальной усидчивости, терпения и точности – от полевых экспедиций до кропотливого анализа данных в лаборатории. Как правило, это женщины с богатым жизненным опытом, которые прошли путь от молодого специалиста до состоявшегося ученого и руководителя. Зачастую они успешно совмещают напряженную академическую карьеру (руководство проектами, написание научных статей, участие в ученых советах) с заботой о семье.

В институте сильны традиции наставничества. В основном руководство проектами по управлению лесным хозяйством и фундаментальными исследованиями осуществляется преимущественно мужчинами-учеными, заложившими основы академических школ. Сегодня этот накопленный десятилетиями опыт все чаще перенимают именно женщины-исследователи, которые становятся их прямыми преемниками, они успешно продолжают начатые многолетние разработки и обеспечивают непрерывность научной мысли. Среди них можно отметить заведующую лабораторией проблем восстановления, защиты и охраны лесов Севницкую Наталью Леонидовну, заведующую сектором пищевых и лекарственных ресурсов леса Коваленко Снежанну Александровну и, собственно, автора этой статьи. Они успешно руководят проектами согласно своей научной направленности, продолжают мониторинговые исследования, начатые до них и имеющие практическое значение сегодня, прекрасно понимают экономику лесного хозяйства, особенности выращивания ценных древесных пород в лесорастительных условиях Беларуси, постоянно принимают участие в республиканских семинарах лесохозяйственной отрасли. Женщины-руководители лабораторий и подразделений обычно выступают не только как теоретики, но и как эксперты, чьи разработки внедряются в лесохозяйственную практику страны.

В целом, благодаря проделанному анализу по определению роли женщины в отечественной и российской лесной науке, могу отметить, что женщины-ученые российской академии наук чаще выступают как масштабные стратеги глобальных экосистемных процессов, так как огромная территории России и разнообразие лесных зон накладывает колоссальные географические и экосистемные различия. Их исследовательский профиль отличается выраженной масштабной многоплановостью: он охватывает как глобальный углеродный цикл и биосферные функции лесов, так и узкоспециализированные особенности таежных или горных экосистем. В то время как представительницы лесной науки Беларуси специализируются на детальной проработке вопросов управления, селекции и адаптивного ведения лесного хозяйства применительно к конкретным условиям европейской зоны, являются хранителями уникальных многолетних стационарных наблюдений, которые ведутся десятилетиями.

ПОТРЕБНОСТИ, ЦЕННОСТИ И ФАКТОРЫ УСПЕХА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОГО ПОКОЛЕНИЯ «Z»: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Судьин С. А.
заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
доктор социологических наук, профессор,
г. Нижний Новгород, Россия

Голубин Р. В.
декан факультета социальных наук, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И.Лобачевского»
кандидат исторических наук, доцент
г. Нижний Новгород, Россия

Молодежь – стратегический ресурс любого государства, требующий к себе внимательного и ответственного отношения. В условиях глобальной информатизации и цифровизации наблюдается стремительно растущий разрыв между поколениями, нарушается естественный прежде процесс культурной и ценностной преемственности. Безвозвратно меняется структура агентов социализации, чего в реальности могут не осознавать не только родители, но и сами дети. Отсутствие межпоколенного диалога сводит к нулю попытки влиять на настроения и установки молодежи, например, через механическую эксгумацию и рекапитализацию абсолютно ничего не значащих для нее символов советской эпохи; это происходит на фоне фактического незнания «героев нашего времени», владеющих умами и душами зумеров и постепенно, но неуклонно вступающего в свои права поколения «альфа». Альтернативные жизненные сценарии, в том числе, сформированные в результате активной ценностной экспансии со стороны недружественных стран способствуют распространению инстант-культуры с ее ориентацией на получение всего и сразу любыми возможными средствами. Все это становится серьезным вызовом на пути имплементации традиционных ценностей, призванных сформировать духовно-нравственный фундамент России как государства-цивилизации.

Представленный доклад основан на результатах эмпирического исследования, проведенного в регионах ПФО. Учитывая социально-экономическое и этнокультурное разнообразие субъектов Федерации, входящих в Приволжский федеральный округ, можем говорить о репрезентативности полученных данных для основной территории страны. Репрезентативность исследования обеспечивалась использованием квотной выборки, сформированной пропорционально на основе информации о численности различных молодежных когорт по регионам ПФО; основными параметрами для квотирования также стали пол и место учебы/работы респондента. После выбраковки массива общая численность наблюдений составилаКоличество опрошенных составило около 13500 человек.

Кратко охарактеризуем результаты.

Чего хочет российская молодежь для себя? Прежде всего, обращает на себя внимание доминирование базовых потребностей: материальное благополучие и здоровье.

Материальная обеспеченность. Этот вариант набрал наибольшее количество упоминаний. Это говорит о том, что финансовая стабильность является главным жизненным ориентиром для значительной части населения. Вероятно, это рассматривается как необходимое условие для реализации других целей или доминирует в силу возрастных особенностей выборки.

Здоровье**.** Суммарно физическое и психическое здоровье занимают лидирующие позиции. Важно отметить, что психическое здоровье упоминается даже чаще физического. Вместе они составляют более трети всех ответов, что указывает на осознанное отношение людей к своему состоянию как к главному ресурсу и капиталу.

Вторая группа приоритетов – традиционные ценности: семья и самореализация. Построение крепкой семьи и рождение детей остается одним из важнейших приоритетов. Этот показатель сопоставим с важностью физического здоровья, что подчеркивает устойчивость традиционных семейных ценностей. Важность яркой жизни и профессиональной самореализации свидетельствует о высокой потребности не просто в выживании или стабильности, но и в получении удовольствия от жизни. В то же время достижение профессионализма в своей специальности является целью для меньшего числа людей, что может говорить о смещении фокуса с карьерного роста на качество жизни вне работы.

Важно отметить относительно низкий приоритет социально-ориентированных и альтруистических целей. Так, желание достичь признания в обществе, самореализоваться в творчестве и благотворительности, жить в соответствии со своими принципами важно лишь для нескольких процентов опрошенных. Стремление оказывать влияние на общество, вести экологичный и нравственный образ жизни – всего для единиц.

Как российская молодежь понимает успех?

В определении успеха доминируют традиционные и социальные ценности. Три верхних показателя успеха являются классическими маркерами благополучия, охватывая более половины всех ответов. Это говорит о том, что для большинства людей успех неразрывно связан со стабильностью и признанием в ближайшем социальном кругу.

Хорошая семья, дети. Этот показатель является абсолютным лидером. Успех в первую очередь определяется через реализацию в личной жизни, создание крепких семейных уз и продолжение рода. Это фундаментальная ценность, которая служит основой для оценки других достижений.

Материальное благополучие.

Уважение людей. Эти два показателя практически идентичны по значимости и занимают второе и третье места. Они отражают две стороны социального статуса: объективную (финансовый достаток) и субъективную (репутация). Для многих быть успешным означает одновременно иметь финансовую независимость и пользоваться авторитетом среди окружающих – коллег, друзей, соседей.

На втором месте – значимость личного ресурса и самореализации.

Крепкое здоровье. Высокое место здоровья в рейтинге подчеркивает его роль как необходимого условия для достижения любых других целей. Без него невозможно построить семью, заработать капитал или заслужить уважение

Реализованность в любимом деле. Этот пункт отражает растущую важность внутреннего удовлетворения от своей деятельности. Успех все чаще измеряется не только внешними атрибутами (деньги, должность), но и внутренним ощущением гармонии и осмысленности своего труда.

Также отмечается почти нулевая значимость формальных статусов и публичности, таких, как формальные атрибуты карьеры:

Высокая должность и награды за достижения находятся в нижней части списка. Это может свидетельствовать о некотором разочаровании в бюрократических системах или о том, что для людей важнее содержание работы и ее результат, чем формальный статус и регалии.

Социальный капитал и популярность. Полезные связи важны, но не являются самоцелью. А известность (популярность) – наименее важный маркер успеха. Большинство респондентов не стремятся к славе ради славы, предпочитая признание в своем профессиональном сообществе или близком окружении.

Несмотря на невысокую значимость общественной пользы труда, этот показатель находится на одном уровне с наградами и должностями, что указывает на наличие у части молодежи альтруистических мотивов в определении успеха.

Наконец, что является секретом успеха?

В представлении российской молодежи формула успеха выглядит следующим образом: это результат упорного труда (трудолюбие) и высокого интеллекта (знания), помноженный на умение приспосабливаться к меняющейся среде (адаптивность) и эффективно

взаимодействовать с социумом (связи, коммуникабельность). Успех достижим при балансе между следованием своим принципам (честность) и здоровой долей прагматизма (предприимчивость). Внешние данные и обаяние играют минимальную роль по сравнению с внутренними качествами и реальными навыками.

Приоритет личных усилий и компетенций.

Абсолютным лидером рейтинга являются трудолюбие и упорство. Это фундаментальные качества, которые молодежь считает главным залогом успеха. Они отражает веру в то, что системная работа и настойчивость важнее врожденных талантов или удачного стечения обстоятельств.

Второе место занимают высокий интеллект и знания, что подчеркивает важность когнитивных способностей и эрудиции. Примечательно, что более узкие понятия – образованность и профессионализм – находятся ниже в списке. Это может говорить о том, что для молодежи важен не столько формальный статус (диплом), сколько реальная способность мыслить, анализировать и обладать глубокими знаниями в своей области.

Третье место получило умение адаптироваться к любым обстоятельствам – свидетельство прагматизма молодого поколения и понимания того, что современный мир изменчив, и гибкость является ключевым навыком для выживания и процветания.

Далее необходимо отметить очевидный баланс между этикой и прагматизмом – вторая по частоте упоминания группа факторов. Данные показывают интересное сочетание традиционных моральных установок с жесткими реалиями современного мира.

Честность и принципиальность ценятся почти так же высоко, как предприимчивость и хитрость. Близость этих показателей говорит о сложном, двойственном восприятии пути к успеху. С одной стороны, молодые люди признают важность следования своим принципам, но с другой – осознают необходимость быть предприимчивыми и порой идти на нестандартные ходы для достижения цели.

Серьезность, ответственность рассматривается как базовое качество надежного человека, без которого невозможно построение долгосрочной карьеры или бизнеса.

Заключительная группа факторов – социальный капитал и коммуникативные навыки. Значимость социальных навыков очевидна, и умение выстраивать отношения с людьми оценивается очень высоко.

Важность коммуникабельности, дипломатичности, связей и нужных знакомств подтверждает известную аксиому *«успех зависит не только от того, что ты знаешь, но и от того, кого ты знаешь»*. Молодежь понимает ценность нетворкинга и умения находить общий язык с разными людьми.

Лидерские качества, харизма важны, но воспринимаются, скорее, как дополнительный бонус, а не абсолютная необходимость для каждого.

УДК 316.334.2:338.48-44(476-88)

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сухотский Н. Н.
заместитель директора по научной и инновационной работе
Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В Республике Беларусь туризм рассматривается как стратегически важный сектор экономики – Национальной стратегией устойчивого развития до 2040 года предусмотрено увеличение доли туризма в ВВП до 5% [1]. При этом приоритетным направлением выступает развитие внутреннего туризма. В этой связи особенно информативным ресурсом являются

результаты изучения общественного мнения в отношении данной проблематики, в частности, оценка населением проводимой государством политики в сфере туризма.

Государственным научным учреждением «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» во втором квартале 2026 года проведен республиканское исследование «Туристические предпочтения населения Республики Беларусь» (выборка – 900 респондентов). Метод – телефонный опрос на основе компьютеризированной системы CATI ASSO, которая позволяет осуществлять отбор респондентов в любом регионе страны, проводить тщательный контроль за ходом исследования, проверять результативность любого звонка. В результате исследования выявлены основные приоритеты граждан в сфере туризма, оценки населением перспектив развития внутреннего туризма, меры повышения туристической привлекательности Беларуси.

Традиционно социологические опросы фиксируют, что отдых для белорусов является важнейшей составляющей частью их жизни и досуга. В настоящий момент такой позиции придерживаются более 83,5% респондентов. Придерживаются противоположной точки зрения – 14,5% опрошенных.

Ключевым трендом за последние три года является активизация внутреннего туризма и высокая готовность белорусов к рекреации в пределах страны [2]. Абсолютное большинство (91,9%) рассматривают Беларусь как возможное место отдыха. Значительная часть белорусов реализуют свои предпочтения на практике. Доля «активных» туристов, то есть тех, кто путешествует по Беларуси несколько раз в год, составила почти 30%. Среди молодежи данный показатель превысил 50%, что вполне объяснимо с учетом постоянного стремления юношей и девушек к поиску нового, открытию для себя окружающего мира. Среди лиц пенсионного возраста этот показатель минимален – 18%, но и он представляется не таким уж и несущественным с учетом возраста людей.

Как показали результаты исследования, ежегодно путешествует по Беларуси каждый четвертый. Такая периодичность в большей степени характерна для людей среднего возраста, где этот показатель составил 31%. В целом можно констатировать, что белорусы готовы к путешествиям по нашей стране, что формирует благоприятную почву для эффективной реализации внутреннего туризма.

Особенностью туристических предпочтений граждан является то, что заниматься организацией своего отдыха большинство предпочитает самостоятельно (67%). При этом каждый пятый (19,3%) предпочитает действовать через туроператоров и агентства. В большей степени на самостоятельный поиск настроены молодежь и люди среднего возраста – более 70% в каждой из групп. Принимая во внимание «освоенность» данными категориями сети Интернет, где содержится достаточно информации о туристических объектах Беларуси, закономерно, что многие полагаются «на себя» в выборе маршрутов путешествий.

Данным фактором предопределяется сложность статистического учета белорусского туриста, который не всегда ориентирован на групповые туры. На это наслаивается еще один фактор – предпочтение многими людьми однодневного туризма, когда люди выезжают на своем транспорте посмотреть Беларусь. С одной стороны, таким образом можно сэкономить на гостинице, питании и т.д., с другой – данная особенность сдерживает развитие инфраструктуры на местах. Как вариант – формирование у людей ориентации на туры нескольких дней с тиражированием преимуществ (можно больше посмотреть, не нужно никуда торопиться и т.д.).

Что касается проживания, то чаще всего респонденты предпочитают гостиницы, отели (отметили 31,2%). Ориентированы на арендованные квартиры (дома) – 19,4%. Вместе с тем значительная часть респондентов (37%) предпочитает останавливаться у родственников, знакомых, друзей.

В отношении целей путешествий по Беларуси приоритеты респондентов распределились следующим образом: посещение исторических, культурных мест (44,1%); родственные визиты, посещение малой Родины (39%); посещение природных объектов (заповедники, леса, озёра) (37,4%); посещение мероприятий, фестивалей, выставок (22,6%), лечение,

оздоровление (17,8%). В числе наиболее интересных для белорусских туристов мероприятий – традиционная туристско-развлекательная повестка, включающая фестивали музыки и музыкальные конкурсы, ярмарки (выбрали примерно по 40% респондентов), исторические мероприятия, реконструкции (33,1%), национальные праздники (31,7%), спортивные события (27,3%).

Положительная динамика наблюдается по вопросу оценки развития туристической отрасли. Как показал опрос, 73,6% белорусов отмечают улучшение сферы внутреннего туризма за последние 2–3 года (в 2023 г. этот показатель составлял 65%). Факторами, позитивно влияющими на общественное мнение, могут быть: а) расширение спектра туристических услуг, в том числе в связи с развитием внутреннего туризма, а также притоком россиян; б) активная деятельность Национального агентства по туризму как новой структуры-регулятора туристической отрасли; в) включение туризма в один из семи приоритетов Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 гг.

Вместе с тем имеются отдельные сдерживающие факторы для развития внутреннего туризма. В качестве двух главных причин, почему население не рассматривает Беларусь как место для своего отдыха, входят высокая стоимость, в том числе проживания, услуг, передвижения (отметили 34,2%), а также недостаток интересных и привлекательных мест для отдыха (23,8%). При этом, в 2021 г. нехватку таких локаций отмечали 42,7% респондентов. Это значит, что постепенно доля негативных суждений снижается, что в значительной мере обусловлено устойчивым развитием отрасли и эффективной государственной политикой в сфере туризма.

В качестве основных направлений развития сферы туризма, по мнению опрошенных, выступает увеличение бюджетных (экономически доступных) вариантов отдыха. Данную позицию в 2026 г. выбрали 42,1% респондентов. Также фиксируются запросы на улучшение качества обслуживания в существующих туристических объектах (отметили 29,5%), продвижение в средствах массовой информации внутреннего туризма (29%), увеличение количества туристических объектов (25,1%), развитие туризма, ориентированного на использование местной, региональной специфики (23%). Отметим, что здесь фиксируется определенная позитивная динамика в необходимости улучшения качества обслуживания в существующих объектах. Этот запрос выразили в 2021 г. – 35%, в 2026 г. – 29,5%.

В число наиболее популярных по мнению респондентов мер по повышению туристической привлекательности Беларуси вошел характерный для предпочтений граждан перечень. Условно в него входят три составляющих: 1) состояние объектов и их разнообразие; 2) качество туристических услуг; 3) информационное сопровождение туризма.

В рамках конкретных направлений мнения респондентов распределились следующим образом:

– реставрация и восстановление культурно-исторических памятников – 35,4%;
– развитие инфраструктуры (кафе, гостиницы и т.д.) – 35,1%;
– организация праздников, фестивалей и тематических дней в регионах – 30,7%;
– расширение сети туристических и экскурсионных маршрутов –30,3%;
– развитие транспортного сообщения – 30%;
– увеличение числа информационных материалов (путеводители, брошюры) – 29,9%;
– повышение качества предоставляемых услуг – 29,3%.

В отношении организации праздников, фестивалей и тематических дней в регионах следует подчеркнуть расширение фестивальной повестки в Беларуси. В частности, в прошлом году «Славянский базар» посетило 400 тысяч человек, «Александрия собирает друзей» – 115 тысяч. Безусловно, такие мероприятия, равно как увеличение их масштаба и повышение качества, с абсолютной точностью попадают в запрос граждан на культурно-досуговую повестку, особенно в регионах.

В топ-5 перспективных направлений туризма для респондентов входят следующие:

– лечебно-оздоровительный туризм (санатории, профилактории и т.д.) – назвали 48,1%;
– агроэкотуризм (посещение агроусадеб, природных объектов и т.п.) – 28,7%;

культурно-образовательный (посещение объектов историко-культурной ценности, музеев) – 25%;

– военно-исторический (посещение мест сражений, памятников Великой Отечественной войны и др.) – 22,8%;

– активный/спортивный туризм (посещение горнолыжных комплексов, туристические походы) – 20,4%.

Вместе с тем, фиксируется определенное отставание от других видов промышленного туризма, который выбрали лишь 9,2% опрошенных. Следовательно, данное направление остается резервом развития туристической отрасли с высоким потенциалом, особенно актуальным в Пятилетку качества.

Обращаясь к образу страны, воспринимаемому сквозь призму туристических объектов, отметим топ-3 мест, которые для респондентов являются визитной карточкой Беларуси: Мирский замок (18,2%), Брестская крепость (16,4%), Несвижский замок (11,6%). При этом в отношении данных трех историко-культурных объектов существует единство в представлениях разных поколений белорусов – межпоколенческая разница выражена незначительно.

Среди объектов, которые респонденты рекомендуют для посещения своим друзьям, родственникам, коллегам – в основном города с туристической историей, а также объекты, в которых, по мнению граждан, воплощен образ Беларуси: Несвиж (13,5%); Гродно (12,8%); Брест (12,5%); Мир (10,5%); Брестская крепость (10,1%); Минск (9,4%); Браславские озера (8,9%); Беловежская пуща (6,3%); Нарочь (5,4%); Витебск (4%).

Таким образом, туризм является неотъемлемой частью жизни большинства современных белорусов. Вместе с тем, у значительной части граждан сохраняется достаточно «потребительское» отношение, в рамках которого желание удешевления туристических услуг соседствует с запросом на расширение их спектра, повышение качества и т.д. В данной ситуации с учетом повышенного спроса (например, со стороны увеличения числа российских туристов) стратегически важно выстроить оптимальное сочетание «цена – качество», избежать ситуации «упущенной выгоды», удовлетворив потребность в качественных туристических услугах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf (дата обращения: 30.07.2026).

2. Белорусский туризм: тенденции и перспективы [Электронный ресурс] // Белорусский институт стратегических исследований. – 2023. – июль – Режим доступа: https://socio.bisr.by/belorusskij-turizm-tendencii-i-perspektivy. – Дата доступа: 30.07.2026.

УДК 324:329:321.7

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ПРОТИВ ВОЛАТИЛЬНОСТИ: ИЗМЕРЕНИЕ ЛЕГИТИМНОСТИ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Сычков А. В.
младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Введение. Политические партии представляют собой автономные объединения граждан, ставящие своей целью занятие правительственных должностей, как правило, через координированную реализацию активного и пассивного избирательного права. Они выполняют ряд специфических функций: артикуляцию и агрегирование интересов граждан,

политическую социализацию и последующую мобилизацию сторонников, организацию избирательного процесса и кооптацию политических лидеров.

Однако социально-политические трансформации последних десятилетий ознаменовали кризис партийной политики практически во всех консолидированных либеральных демократиях. Процессы поляризации и фракционализации значительной части электората, как закономерные последствия данного кризиса, вызывают серьезную обеспокоенность ввиду отсутствия функциональной альтернативы политическим партиям. Низовые инициативы, общественные объединения и движения, вероятно, не способны обеспечивать агрегирование запросов многочисленных социальных групп и эффективность процесса принятия государственных решений. Следовательно, политические партии все еще являются незаменимым элементом представительной демократии и в этом отношении представляют практически безграничный потенциал для междисциплинарных исследований.

В соответствии с позицией британских политологов К. Даудинга и Р. Кимбера, «политическая стабильность – это состояние политического субъекта, при котором он в состоянии сопротивляться непредвиденным обстоятельствам, угрожающим его существованию» [1, p. 238–239]. Таким образом, «… о стабильности можно говорить лишь в условиях естественного сопротивления системы, вытекающей из ее собственных ресурсов и возможностей» [2, с. 144]. По нашему мнению, основным ресурсом системы является легитимность. Как отмечает американский социолог Сеймур М. Липсет, «легитимность – это способность политической системы формировать и поддерживать убеждение в том, что существующие политические институты являются наиболее подходящими для данного общества» [3 p. 86]. Другими словами, «легитимность – это не справедливость или право в абсолютном смысле; это относительное понятие, существующее в субъективном восприятии людей» [4, p. 15]. Легитимность партийной системы – как компонента политической системы в целом – является не только необходимым условием совершенствования механизмов демократии, но и обладает значительным консолидационным потенциалом, существенно снижая трансакционные издержки практически на всех уровнях публичной политики – от внутрипартийных взаимодействий до национальных реформ.

Электоральная волатильность – чистое изменение (перераспределение) голосов избирателей между партиями от одних выборов к другим [5, p. 3]. Электоральная волатильность вне всяких сомнений повышает неопределенность политических взаимодействий, однако не является очевидным следствием нестабильности партийной системы. Так как ранее мы концептуально связали стабильность и легитимность, необходимо ответить на вопрос: ведет ли снижение легитимности (стабильности) партийной системы к росту электоральной волатильности?

Методология. В рамках данного исследования используется аддитивный индекс легитимности партийных систем (PSLI), объединяющий три показателя: явку избирателей на выборах в национальное законодательное собрание – парламент; институциональное доверие граждан к политическим партиям и верховенство права. Каждый из представленных показателей был стандартизирован методом z-оценки (число стандартных отклонений относительно среднего значения). Так как мы принимаем допущение, что все три показателя в равной степени важны для операционализации легитимности партийной системы, им были присвоены равные веса. В целом, используемый нами подход базируется на более ранних исследованиях партийной легитимности нидерландского политолога Ханса Кемана [6, p. 312–313].

Объектом для исследования выступили партийные системы Великобритании и 26 стран Европейского Союза (ЕС-26) (за исключением Франции) в 2015–2025 гг. Выбор данных государств обусловлен как институциональными, так и режимными аспектами. Основными источниками данных (эмпирической базой) для анализа выступили электоральная статистика (явка); социологические данные Eurobarometer (84–104) (институциональное доверие) и индекс верховенства права, разработанный Всемирным проектом правосудия.

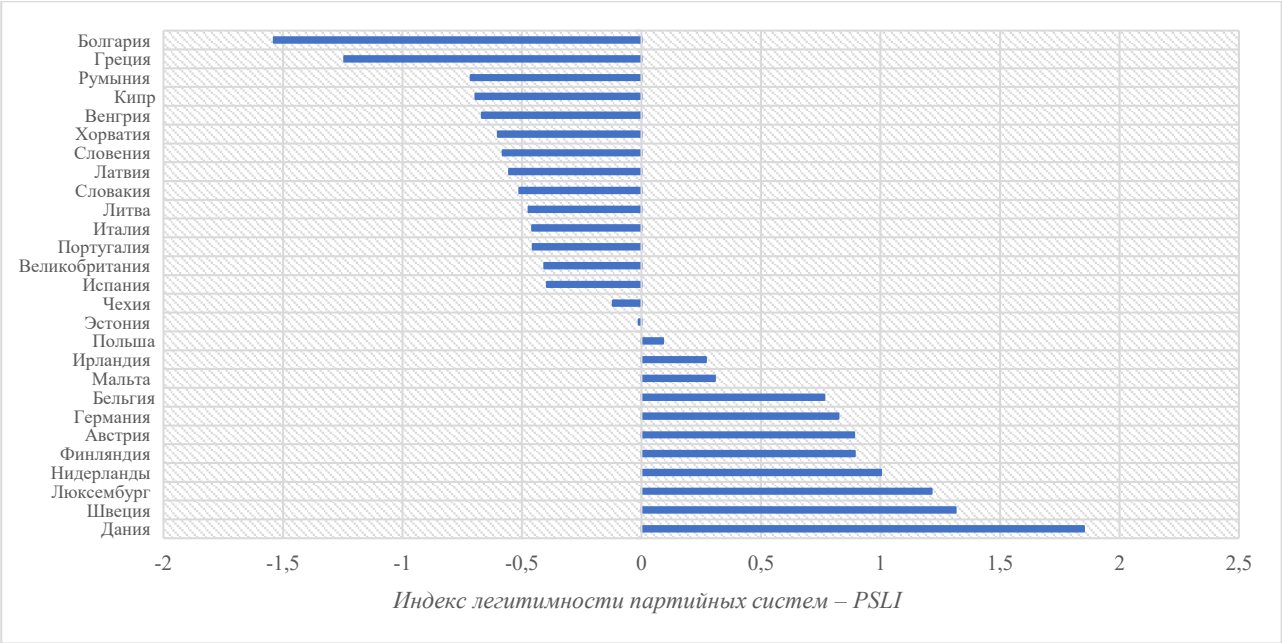

Рисунок. Легитимность партийных систем (PSLI) Великобритании и стран ЕС-26 (2025)

(https://github.com/aliakseis-psc/party-system-legitimacy-index-eu-ru)

Результаты и обсуждение. Анализ партийных систем 26 стран Европейского Союза и Великобритании (см. рис.) показал, что наиболее высоким уровнем легитимности на 2025 г. обладают партийные системы Дании (1,85), Швеции (1,31), Люксембурга (1,21) и Нидерландов (1,01) – четырех конституционных монархий с системой пропорционального представительства и высоким уровнем политической культуры. Низкая легитимность партийных систем Болгарии (-1,53), Греции (-1,24), Румынии (-0,75) и Кипра (-0,69) обусловлена, вероятно, незавершенным процессом демократизации (в соответствии с категориальным подходом) и рядом социально-экономических проблем (в том числе проблемой коррупции). В случае с Кипром имеет место продолжительное и далекое от завершения внешнеполитическое противостояние с ТРСК и Турцией. Партийные системы Венгрии и Словакии сталкиваются с рисками демократического отката, что, вероятно, негативно влияет на их легитимность.

Анализ полученных данных в динамике за 2015–2025 гг. выявил две разнонаправленные тенденции: если партийные системы Польши (-0,58 → 0,09), Чехии (-0,38 → -0,12) и Словении (-0,96 → -0,58) демонстрируют устойчивый рост легитимности, то партийные системы Великобритании (0,27 → -0,40), Болгарии (-1,17 → -1,53), Кипра (-0,33 → -0,69) и Греции (-0,95 → -1,24), наоборот, подвержены рискам делигитимации. Корреляционный анализ легитимности партийных систем (PSLI) и электоральной волатильности (индекс Педерсена, EV) [7] политических партий в период электоральных кампаний позволил выявить умеренную отрицательную связь (см. таб.), что подтверждается регрессией ($\beta = -2{,}50$, $p = 0{,}035$).

Таблица. Результаты корреляционного анализа легитимности партийных систем и электоральной волатильности.

(r_p)

Переменные	(1)	(2)
PSLI	1.00	
EV (PI)	-0.238**	1.00

(r_s)

Переменные	(1)	(2)
PSLI	1.00	
EV (PI)	-0.208*	1.00

** $p < 0.05$; * $p < 0.10$. N = 79.

Заключение. Представленный в рамках данного исследования индекс легитимности имеет ряд ограничений, которые можно разделить на две группы: ограничения, связанные с методом стандартизированной оценки (например, высокая чувствительность к страновой выборке), и ограничения, связанные с выбранными нами показателями. Так, явка избирателей является самым стабильным показателем, однако она может быть завышена административными методами, например, обязательным голосованием. Институциональное доверие подвержено искажениям ретроспективного голосования, когда респонденты оценивают непосредственно правящую партию, блок или коалицию, а не партийную систему в целом.

Использование верховенства права в данном индексе может показаться избыточным. Тем не менее, рассматриваемый показатель выполняет «выравнивающую» функцию в недемократических (гибридных, классических авторитарных или тоталитарных) режимах, которые, впрочем, не рассматриваются в ходе данного исследования. И все же отметим, что в рамках анализа подобных политических систем, мы, вероятно, столкнемся с аномально высокими уровнем институционального доверия и явкой избирателей, сильно искажающими действительное положение дел в рассматриваемых странах.

Наиболее высокий уровень легитимности зафиксирован в странах Скандинавии и Бенилюкса, наиболее низкий – в Болгарии, Греции, Румынии и на Кипре. Важно отметить, что потенциал статистических методов далеко не безграничен, так как комплексное изучение партийных систем, в конечном счете, предполагает обращение к ограниченной совокупности исторически уникальных случаев, каждый из которых требует глубокого понимания его специфики.

В рамках данного исследования, мы не смогли ответить на вопрос, ведет ли снижение легитимности партийной системы к росту электоральной волатильности. Анализ европейского кейса действительно позволил установить, что партийные системы с высокой легитимностью, как правило, в меньшей степени подвержены рискам электоральной волатильности. Тем не менее, нам не удалось подтвердить каузальный характер данной связи. Таким образом, рост электоральной волатильности, вероятно, в большей степени зависит от числа партий, типа избирательной системы, фракционализации, политического режима и прочих факторов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Dowding, K. The Meaning and Use of «Political Stability» / K. Dowding, R. Kimber // European Journal of Political Research. – 1983. – Vol. 11, № 1. – P. 229–243.

2. Телин, К. О. «Стабильность» вместо стабильности: провалы и неудачи государственной политики / К. О. Телин // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 141–157.

3. Lipset, S. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy / S. Lipset // The American Political Science Review. – 1959. – Vol. 53, № 1. – P. 69–105.

4. Fukuyama, F. The End of History and the Last Man / F. Fukuyama. – New York : Free Press, 1992. – 418 p.
5. Keman, H. Democratic Performance of Parties and Legitimacy in Europe / H. Keman // West European Politics. – 2014. – Vol. 37, № 2. – P. 309–330.
6. Pedersen, M. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility / M. Pedersen // European Journal of Political Research. – 1979. – Vol. 7, № 1. – P. 1–26.
7. Electoral volatility // Who Governs in Europe. – 2026. – URL: https://whogoverns.eu/party-systems/electoral-volatility/ (date of access: 28.07.2026).

УДК 330.15

ПЕРЕХОД К ЭКОНОМИКЕ ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ПРАКТИКАХ НАСЕЛЕНИЯ: КЕЙС КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ (РОССИЯ)

Терешина М. В.
профессор кафедры государственной политики и публичного управления КубГУ
доктор экономических наук, доцент
г. Краснодар, Россия

Обраскова Т. С.
старший преподаватель кафедры государственной политики
и публичного управления КубГУ
г. Краснодар, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ и КНФ в рамках конкурса 2024 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), 24-18-20049 «Региональная система экономики замкнутого цикла: институциональные модели и технологии развития (на примере Краснодарского края)».

До недавнего времени в исследовательском дискурсе экономика замкнутого цикла рассматривалась скорее в технологическом ракурсе, как совокупность инновационных технологических решений, использование которых позволяет сократить потребление первичных ресурсов и снизить образование отходов. Однако подобное толкование значительно сужало ее содержание [1]. В настоящее время под экономикой замкнутого цикла понимается комплексная модель социально-экономической трансформации, в процессе которой меняются способы производства и потребления, институциональные механизмы и инструменты регулирования природопользования, а также бытовые привычки и практики населения. Такое понимание экономики замкнутого цикла определяет исследовательский интерес не только к результатам внедрения новых регуляторных только как результат внедрения регуляторных механизмов и технологических инноваций, но и к процессам изменения повседневного поведения, потребительских установок и способов вовлечения граждан в новые модели ресурсопользования [2]. Поэтому изучение перехода к экономике замкнутого цикла на региональном уровне предполагает рассмотрение вместе с организационно-нормативными предпосылками тех общественных представлений и поведенческих установок, от которых зависит степень принятия населением соответствующих преобразований [3].

Предметом настоящего исследования выступили представления и практики жителей Краснодарского края, связанные с моделями экономики замкнутого цикла. Эмпирическая база включала результаты стандартизированного опроса 600 жителей шести муниципальных образований региона. В рамках исследования муниципальные образования были предварительно разделены на две аналитические группы – кризисные и относительно стабильные территории. Типологизация территорий строилась на трех критериях: острота инфраструктурных проблем, уровень экологической напряженности и степень общественной

конфликтности вокруг вопросов утилизации отходов (публичные обсуждения, протестные акции, обращения в СМИ). Эта классификация использовалась для стратификации выборки: мы отбирали муниципалитеты с разными сочетаниями признаков, чтобы сравнивать установки и поведение жителей в неодинаковых территориальных условиях.

Анкета включала несколько содержательных блоков. Первый блок фиксировал уровень осведомлённости населения об экономике замкнутого цикла и о содержании реформы обращения с отходами. Второй – реально сложившиеся практики обращения с твердыми коммунальными отходами, что позволило соотнести декларируемые установки с фактическим поведением респондентов. Третий блок был посвящён готовности населения участвовать в двухпоточной системе раздельного сбора отходов. Также в анкету были включены вопросы, фиксирующие ценностные ориентации ответственного потребления, уровень экологической тревожности и чувствительность к вопросам экологии в более широком смысле. Важное место занял блок, посвящённый восприятию институциональных условий проведения «мусорной» реформы и уровню доверия населения к информации, распространяемой органами публичной власти по данной проблематике.

Для обобщения эмпирического материала были разработаны интегральные индексы информированности, практик обращения с отходами, готовности к двухпоточной системе, ответственного потребления, экологической тревожности и проблемной чувствительности, институциональных условий и доверия. Основанием для построения и расчета индексов служили шкалированные вопросы соответствующих блоков анкеты, приведенные к единому диапазону значений.

Анализ ответов респондентов показывает, что для значительной части опрошенных экономика замкнутого цикла ассоциируется прежде всего с набором конкретных повседневных действий. На уровне установок респонденты чаще указывали на значимость таких практик как сокращение объема отходов в домохозяйстве, повторное использование вещей, выбор товаров с меньшим количеством упаковки, продление срока службы предметов, сортировка отходов при условии, что действующие правила понятны и выполнимы.

Официальные программные документы федерального и регионального уровня в ответах респондентов фигурируют редко, так как они не выступают непосредственным ориентиром для повседневных решений, и воспринимается скорее, как внешний контекст, чем как регулятор бытового поведения. Сопоставление декларируемых установок и реальных практик обнаруживает систематическое расхождение. Так, около 80% опрошенных выражают согласие с необходимостью сокращать отходы и рационально использовать ресурсы. Однако регулярная сортировка мусора фиксируется лишь у 35–45% респондентов в зависимости от муниципалитета. Природа этого разрыва не сводится к дефициту информации. Определяющую роль играют ситуационные факторы: сложность выполнения требуемых операций, совместимость с устоявшимся бытовым укладом, наличие инфраструктурных элементов (контейнерные площадки, их доступность) и уровень доверия к организаторам процесса переработки.

Переход на двухпоточную систему раздельного сбора заслуживает отдельного анализа. Сравнение индекса готовности к участию и индекса текущих практик обращения с отходами показывает, что потенциальная вовлеченность домохозяйств превышает реализуемую. Это расхождение не свидетельствует о неприятии целей реформы. Напротив, оно указывает на наличие нереализованного ресурса участия, который требует институциональных условий для своей конвертации в устойчивые практики. Блок ответственного потребления дает дополнительные штрихи. Около 40% респондентов ориентируются на сокращение избыточных покупок, продление срока службы вещей, использование многоразовых решений и учет перерабатываемости упаковки. В ответах эти действия не связываются с государственной циркулярной повесткой, однако объективно корреспондируют с ее целями. Следовательно, региональный циркулярный переход разворачивается не исключительно в сфере обращения с отходами, но также через эволюцию потребительских норм, которая носит более постепенный и внутренне мотивированный характер.

Готовность населения к включению в практики, соответствующие логике экономики замкнутого цикла, неоднородна и связана с уровнем чувствительности к экологической проблематике. Там, где проблема отходов и состояние окружающей среды в целом воспринимаются как непосредственно связанные с качеством жизни и рисками для здоровья, поддержка изменений и готовность следовать новым правилам выражены сильнее. Таким образом субъективно высокая значимость экологической тематики в локальной повестке выступает, фактором, способствующим участию в действиях, ориентированных на сокращение отходов, сортировку и ответственное потребление.

Важное значение имеет и институциональная среда. Чем выше воспринимается качество организации реформирования обращения с отходами, тем более фиксируется уровень практической вовлеченности. Социальная результативность экономики замкнутого цикла в этом смысле оказывается связана не только с содержанием технологических решений, но и с тем, насколько последовательно и прозрачно выстроено институциональное посредничество между реформой и повседневным поведением населения.

На основании анализа результатов стандартизированного опроса факторы, определяющие включенность населения в практики экономики замкнутого цикла, могут быть систематизированы в виде схемы, представленной на рисунке 1.:

Рисунок 1. Факторы включенности населения в практики экономики замкнутого цикла (составлено автором)

Как следует из рисунка, потенциал вовлеченности населения в циркулярные практики формируется под воздействием взаимосвязанных когнитивно-поведенческих, институциональных и инфраструктурных факторов. Поэтому повышение результативности региональной политики в сфере экономики замкнутого цикла предполагает не только развитие системы обращения с отходами, но и обеспечение понятности правил, доступности инфраструктурных решений и доверия граждан к организаторам реформы.

Сопоставление муниципальных образований Краснодарского края показывает, что при единой федеральной нормативной рамке включенность населения в циркулярные практики во многом зависит от местных условий: доступности инфраструктуры, характера взаимодействия с операторами по обращению с отходами, качества публичных коммуникаций и выраженности экологической проблематики. Следовательно, меры по развитию экономики замкнутого цикла должны учитывать территориальную специфику и не ограничиваться универсальными решениями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ
1. Kirchherr, J. Conceptualizing the Circular Economy: An analysis of 114 definitions / J. Kirchherr, D. Reike, M. Hekkert // Resources, Conservation and Recycling. – 2017. – Vol. 127. – P. 221–232.
2. Ермолаева, Ю. В. Трансформация социально-экологических практик обращения с отходами в менталитете граждан России/ Ю. В. Ермолаева // Научный результат. Социология и управление. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 104–116.
3. Титаренко, Л. Г. Экологический аспект образа жизни: основные ценности и типы поведения / Л. Г. Титаренко // Социологические исследования. – 2015. – № 2. – С. 107–113.

УДК 316.356

КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ДВА БАЗОВЫХ МОТИВА СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Тетерюкова И. О.
старший преподаватель кафедры «ПОИСиТ» БНТУ
г. Минск, Беларусь

Существуют два базовых мотива на основании которых люди способны объединяться в социальные группы – это «общее дело» и «общий враг» [1, с. 53-54]. Это справедливо для любых социальных групп любого масштабов начиная от семьи и заканчивая геополитическими образованиями.

Мотив «общее дело» запускает механизм интеграции социальных единиц в группу, формирования горизонтальных связей и вызывает чувство причастности, что приводит к сплочению группы и позволяет эффективно решать общие задачи и достигать общую цель.

Мотив «общий враг» способен объединять людей даже если до этого их не связывало общее дело. Общий враг не обязательно внешний агрессор. Это могут быть угрозы, вызовы или кризисные ситуации различного характера, при этом имеющие существенную значимость для общества в целом что проводит к мобилизации, социальной консолидации и поддержке лидера на эффекте «объединение вокруг флага» [2, с. 136-137].

И тот и другой мотивы организует людей в систему, где каждый работает на общий финал через механизм слаженной деятельности.

Возможно ли объединение людей в группу только на одном мотиве – либо «общее дело», либо «общий враг»? Возможно, но недостаточно. Объединение в социальную группу только на одном из мотивов не обеспечивает нужной степени сплоченности и консолидации, которое необходимо для устойчивости социума и способности к групповой адаптации в условиях быстро меняющейся внешней и внутренней среды [3, с. 448].

Для созданная устойчивой и эффективной социальной группы всегда необходимо учитывать сразу две движущие силы любой системы – и сотрудничество и конкуренцию, которые являются результатом работы механизма распознавания «свой – чужой».

Мотив «общее дело» предполагает сотрудничество, основанное на интеграции, но не исключает конкуренцию между участниками процесса, основанную на дифференциации. При превалировании конфликта интересов в группе работа механизма распознавания «свой – чужой» разворачивается внутри нее самой, что приводит к накапливанию враждебности между теми, кто идентифицирует друг друга как «чужих» и это является предрасположенностью к открытому конфликтному взаимодействию. Когда в группе начинаются открытые стычки и жесткие выяснение отношений они становятся первичны по отношению к самой деятельности – общее дело уходит на задний план, общая цель теряется из фокуса. Если же группа уходит в глубокий регресс это может привести к «короткому замыканию» в системе из-за критически высокого уровня дифференциации и внутреннего напряжения вплоть до ее разрушения – полного обнуления групповой мотивации «общее дело».

Чтобы предотвратить негативную групповую динамику, необходимо сбалансировать группу объединяющим мотивом «общий враг». При появлении внешнего общего врага работа механизма распознавания «свой – чужой» автоматически разворачивается вовне, происходит сплочение перед лицом внешней угрозы и накопившееся внутренне напряжение разряжается в форме группового нападения или обороны. При отсутствии внешнего общего врага, чтобы группа не перешла в неуправляемый формат «война всех со всеми», что крайне невыгодно системе из-за потенциального ее разрушения, необходим замещающий внешнего врага объект [4, с. 61], через который производится отток излишков накопленной агрессии.

Одним из вариантов замещающего объекта является назначение внутреннего врага – «козла отпущения» в отношении которого проявление групповой агрессии считается допустимым [4, с. 65-66]. Его функционал – принять удар на себя при реализации группового нападения. В результате балансировки группы появлением общего врага она стабилизируется за счет снятия излишнего напряжения, конфликт интересов удерживается в контролируемом поле, исходные взаимодействия по решению общих задач и достижению общей цели остаются в целости. Тем самым назначение внутреннего общего врага минимизирует разрушение горизонтальных связей и способствует сохранению системы. Человечество исторически выработало такой механизм социальной разрядки и это соответствует эволюционному регулирующему механизму любой системы – пожертвовать малым, чтобы спасти большее.

Мотив «общий враг» – это объединяющее начало для не связанных с систему элементов, а также при наличии конфликта интересов внутри группы. Общий враг опаснее чем внутренние противоречия и это ложится в основу взаимодействий по принципу «дружить против». Другими словами, общий враг автоматически запускает возникновение общего дела и обеспечивает единство группы.

Тем не менее социальное объединение, построенное исключительно на мотиве «общий враг» ограничено временными рамками. После того как угроза будет устранена или перестанет быть угрозой группа может распасться, так как нет интеграционных связей общего дела, а если у временных союзников был конфликт интересов – он возобновится. «Дружить против» – это режим функционирования системы только на короткой дистанции. Для построения пролонгированной во времени группы необходима ее балансировка объединяющим мотивом «общее дело».

Таким образом можно прийти к выводу, что мотивы «общее дело» или «общий враг» по отдельности не могут являться самодостаточными системообразующими факторами. Более того, объединение только на одном мотиве может являться не только тормозом для развития социума, но и в некоторых случаях показателем его застоя или деградации.

Максимально высокий уровень сплоченности и консолидация общества возможен на гибком сочетании сразу двух объединяющих мотивов «общее дело» и «общий враг», когда социальная группа действует как единый организм, где каждый вкладывается в достижении общей цели и устранения общей угрозы. А динамическое равновесие двух движущих сил системы позволяет социуму в спокойное мирное время делать упор на общее дело, прирастая ресурсной базой с усилением экономических, производственных, технологических, демографических, культурных мощностей, а в суровое время – оперативно мобилизоваться, эффективно реагировать на стрессы и вызовы, опираясь на накопленную ресурсную базу, которая на длинной дистанции способна поддерживать в противостоянии высокий темп. Именно синтез двух объединяющих мотивов обеспечивает высокий уровень консолидации общества и способность к групповой адаптации в условиях изменений внешней среды, что обеспечивает не только выживание системы, но и ее развитие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Варшавский, Е. Стратегическая культура: мягкая сила империи / Е. Варшавский // Изборский клуб. Русские стратегии. – 2024. – Т. 124, № 6. – С. 50–67.

2. Казун, А. Д. Эффект «rally around the flag». Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? / А. Д. Казун // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. – С. 136–146.

3. Тупикова, В. А. Социальная сплоченность в российском обществе: результаты эмпирического исследования / В. А. Тупикова, Е. К. Мисяутова, Л. Е. Мурзиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 447–458.
4. Козер, Л. А. Функции социального конфликта / Л. А. Козер. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 205 с.

УДК 342.7

МИРОЛЮБИЕ – ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ БЕЛОРУСОВ И ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Тиковенко А. Г.
главный научный сотрудник Института социологии НАН Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

1. Республика Беларусь как государство социального мира и политической стабильности играет важную роль в укреплении международной безопасности. Государственный гимн Республики Беларусь начинается со знакомых каждому из нас слов: «Мы, белорусы – мирные люди…». Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, определяет Республику Беларусь как независимое, суверенное и миролюбивое государство (п. 6). Ее Государственный герб обрамлен венком из золотых колосьев, переплетенных справа цветками клевера, слева – цветками льна (ч. 1 ст. 9 Закона Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 301-З «О Государственных символах Республики Беларусь»), что свидетельствует о созидательной деятельности белорусов, составляющей их социальный код. Красной нитью всех посланий Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь проходит идея о миролюбии белорусов и миролюбивой внешней политике белорусского государства. В частности, в Послании Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь от 28 января 2022 г. Глава государства отметил мирный характер белорусов и указал, что «Мир – это абсолютная ценность для белорусов…» [1]. В целях консолидации белорусского народа, укрепления в обществе идей мира и созидательного труда как главных условий развития белорусского государства, 2023 год в Республике Беларусь объявлен Указом Президента Республики Беларусь от 1 января 2023 г. № 1 Годом мира и созидания.

Миролюбие белорусов выступает в качестве одной из важнейших особенностей их национальной самобытности. Более того, на наш взгляд, миролюбие является доминирующей чертой национального белорусского характера, что подтверждается многовековым историческим процессом политико-правовой мысли Беларуси и белорусской государственности. Важнейшими компонентами национально-этнического самосознания в эпоху Возрождения и Реформации стали идеи гражданского и религиозного мира и согласия. Принцип религиозно-этнической толерантности сыграл исключительно важную роль в процессе создания Великого Княжества Литовского [2, с. 154]. Ф. Скорина считал, что общество должно основываться на мире и согласии [3, с. 58]. «Беларус не любіць ваяваць» – отмечает А. В. Астапенко [4, с. 232]. Современные опросы, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси в 2008, 2022, 2024 гг. свидетельствуют, что респондентами часто упоминаются такие черты характера белорусов, как миролюбие к другим народам, терпимость, толерантность, солидарность [5, с. 64–65; 6, с. 149–152]. Доминирующими чертами белорусов, по мнению В. А. Мельника, являются толерантность, миролюбие, доброжелательность, терпеливость, соборность, гостеприимство и др. [7, с. 64].

2. Идентичность с точки зрения социальных наук имеет ценностную основу, формируемую, приобретаемую в результате взаимодействия, диалога индивида или социальной группы, характеризующиеся обладанием ими уникальными качествами, которые

позволяют выделить данного индивида или группу из числа сходных в процессе их самоосознания (самоотождествления, самопознания и самоопределения).

Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2021 г. № 773, рассматривает в качестве одной из патриотических ценностей национально-культурную идентичность и указывает на одну из своих важнейших задач: формирование национальной идентичности – внедрение и утверждение общественно-государственных (национальных) ценностей, формирование нации как единого целого, представленного уникальными традициями и культурой. В этих условиях Директива Президента Республики Беларусь от 09 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» (далее – Директива № 12), отражающая положения Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), предусматривает необходимость сохранения национально-исторических традиций, ценностей и интересов белорусского народа во взаимосвязи с национально ориентированным государственным аппаратом, которые выступают в качестве основы упрочения национально-государственной идентичности, способствуют, на наш взгляд, устойчивости общенациональной идентичности единой общности «белорусский народ».

Национальная идентичность имеет тесную ценностную связь между настоящим и прошлым – историей и культурой, этикой и теологией. Она осуществляется через язык, предания, быт и организацию социального пространства. Национальная идентичность обеспечивает самосохранение этноса, его духовно-нравственных констант, этнокультурных кодов [3, с. 6], во многом определяет смысловое понятие конституционной идентичности, являющейся основой для «конституционного ядра» – конституционных ценностей, принципов и норм. Положения преамбулы Конституции во взаимосвязи с ее статьями (часть 1 ст. 14, ст. 15, ст. 17, часть 3 ст. 32, ст. 50, 51 и 54) свидетельствуют об условиях для формирования национальной идентичности, которые получают развитие, конкретизацию в законах, что гарантирует личности право на уважение ее идентичности, самоидентификации, обеспечивающих удовлетворение ей своей идентичностью. Конституционный Суд Республики Беларусь в Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь оценил важное значение преемственности национальной идентичности, составляющих одно из базовых начал, относящуюся к конституционным основам идеологии белорусского государства (Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 марта 2026 г.).

Важное значение для понимания национальной идентичности имеют конституционные положения о культурных и духовных традициях белорусского народа, его нравственных ценностях. Основным нормативным правовым актом, максимально отражающим, концентрирующим правовые ценности и устанавливающим их объективную иерархию, является Конституция. Закрепляясь, как правило, в преамбуле Конституции, ее нормах-целях, нормах-задачах и нормах-принципах, они приобретают статус конституционно-правовых ценностей, занимая таким образом центральное место во всей системе ценностей. Сохранение и утверждение традиционных ценностей белорусского народа является одной из целей Концепции развития национального культурного пространства во всех сферах жизни общества на 2024-2026 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2023 г., № 961.

3. Осознание нацией своей тесной связи с государством, его институтами свидетельствует о развитии национального самосознания, призванного на основе конституционных положений и во взаимосвязи с государственностью формировать национально-государственную идентичность, выступающую основополагающим фактором стабильности конституционного строя, укрепления социальной солидарности, обеспечения государственного суверенитета, национальной безопасности.

Национальная и государственная идентичность взаимосвязаны, ибо формирование последней зависит от развития национального самосознания, являющегося результатом процесса самоидентификации национальной общности на историко-культурной и духовной

основе, представляющей себя в образе коллективного «мы» – конституционной формуле «Мы – народ Республики Беларусь (Беларуси)…», содержащейся в преамбуле Конституции и других ее положениях (об общности культурных и духовных традиций, направлениях развития белорусской государственности), а также в ряде статей, определяющих цели и задачи Республики Беларусь, источник государственной власти, взаимную ответственность гражданина и государства, человека и общества (часть 1 ст. 1, часть 2 ст. 2, часть 1 ст. 3, часть 3 ст. 23 Конституции и др.). Это коллективное «мы», вытекающее из единой общности «белорусский народ», олицетворяет нашу коллективную идентичность, народное единство. Слова: «Мы, народ Республики Беларусь (Беларуси) …», открывающие Конституцию, свидетельствуют о двух важнейших тесно взаимосвязанных конституционных ценностях, предопределяющих в силу этого взаимодействие народа и государства, что позволяет говорить о государственной идентичности, выступающей основой их единства. Государственная идентичность представляет собой осознание личностью тождественности с государством. Она формируется под воздействием объективных и субъективных факторов. Среди них особое место занимает сознательная и целенаправленная идентификационная деятельность государства и его институтов. Государственная идентичность предполагает внедрение в массовое и индивидуальное сознание идей о субъективной значимости данного государства для любого гражданина, их обоюдной тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. Таким образом, государственная идентичность выступает важным консолидирующим фактором населения страны.

4. Идеология белорусского государства, как указывает Директива № 12, отражает национально-исторические традиции, интересы и ценности белорусского народа, определяет цели развития личности, общества и государства. Национально-государственная идентичность выступает в качестве одной из основ государственной идеологии, которую государство учитывает при ее формировании и утверждении в обществе. Источником государственной идеологии является Конституция, которая, как отметил Президент Республики Беларусь на Торжественной Церемонии подписания Решения республиканского референдума 4 марта 2022 г., писалась всем народом, является народным документом, «… и есть наша идеология» [8]. Таким образом, государственная идеология – это, по существу, конституционная идеология.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь. – Беларусь сегодня. – 29 января 2022. – С. 1–3.

2. Старостенко, В. В. Становление национального самосознания белорусского народа / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2025. – 184 с.

3. Шалькевіч, В. Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі. – Мінск : Маладзежнае навуковае супольніцтва, 2002. – 248 с.

4. Астапенка, А. У. Беларусы : ад этнасу да нацыі : манаграфія. – Мінск: БІП, 2022. – 298 с.

5. Науменко, Л. И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л. И. Науменко. – Минск, 2012. – 205 с.

6. Балич, Н. Л. Особенности белорусского характера в оценках наиболее многочисленных национальностей Республики Беларусь / Н. Л. Балич // Социологический альманах. Выпуск 16. – Минск, 2025. – С. 147–156

7. Мельник, В. А. Идейно-ценностная основа общества / В. А. Мельник // Беларуская думка. – 2015. –№ 6. – С. 60–66).

8. Лукашенко, А. Г. Конституция нашего будущего / А. Г. Лукашенко. – Беларусь сегодня. – 5 марта, 2022. – С. 1–2.

УДК 373.091.12:316.66:303.446

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА И ПРЕСТИЖА ПРОФЕССИИ УЧИТЕЛЯ

Толстяк Т. А.
младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

В рамках данной работы осуществляется компаративный анализ результатов нескольких исследовательских проектов, фокусирующихся на проблематике социального статуса и престижа профессии учителя. Во-первых, рассматриваются результаты исследования фонда The Varkey Foundation социального статуса учителей «Global Teacher Status Index» в 2013 и 2018 годах. В 2013 году опрошены 21 тыс. чел. из 21 страны, в 2018 – 35 тыс. чел. из 35 стран, а также 200 действующих учителей в 27 странах-участницах. Опрашивалось население в возрасте от 16 до 64 лет. Выборка репрезентировалась по полу, возрасту, региону проживания. В рамках исследования выявлялись мнения населения разных стран мира о национальной специфике социального статуса, престижа и общественного авторитета учителя [1, с. 4; 2, с. 9]. Во-вторых, представлен анализ результатов международного мониторингового исследования представлений учителей и руководителей школ о педагогической профессии Teaching and Learning International Survey (TALIS) международной экономической организации развитых стран Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD). Выборочную совокупность в каждом замере составили: в 2013 году более 100 тыс. учителей и директоров школ из 34 стран, 2018 году – 240 тыс. учителей и 13 тыс. директоров школ в почти 50 странах, 2024 году – более 280 тыс. педагогов из 55 стран. Исследование затронуло взаимоотношения педагогов с администрацией школ, различные факторы удовлетворенности работой, самоэффективность учителей, а также привлекательность профессии и специфику внутрипрофессиональной стратификации [3, с. 22–24; 4, с. 15; 5, с. 14]. В-третьих, представлены результаты мониторингового исследования «The Global Status of Teacher» международной федерации профессиональных союзов работников сферы образования Education International (EI) о статусе учителей и профессии учителя во всем мире. В отличие от опросов GTSI и TALIS, в исследованиях Education International опрашиваются не учителя и население стран в целом, а руководители педагогических профсоюзов. Выборочную совокупность в 4 реализованных замерах составили представители: в 2015 году – 73 организаций из 55 стран, в 2018 году – 114 организаций из около 80 стран, в 2021 году – 128 организаций из 94 стран, 2024 году – 204 организаций из 121 страны [6, с. 9; 7, с. 8; 8, с.19 ; 9, с. 3].

В 2013 году фонд The Varkey Foundation инициировал первый замер комплексного мониторинга «Global Teacher Status Index» в связи с отсутствием сопоставительных эмпирических данных о социальном статусе (social standing, or status) учителей различных стран и недостатком знания о влиянии их социального статуса на национальную образовательную систему. Результаты замера, представленные в «Global Teacher Status Index 2013» (GTSI 13), продемонстрировали, «что в большинстве рассмотренных странах учителя обладали средним социальным статусом, при этом самым высоким социальным статусом обладали учителя Китая, а самым низким – Израиля и Бразилии. Чаще всего в массовом сознании респондентов социальный статус учителя отождествлялся с социальным статусом социальных работников» [1, с. 7]. В 2018 году опубликован отчёт «Global Teacher Status Index 2018» (GTSI 18) по результатам второй волны исследования. Лидирующую позицию в рейтинге сохранил Китай, где вновь зафиксирован самый высокий социальный статус учителей, на втором месте – Малайзия [2, с. 12]. Стоит отметить, что во второй волне исследования в число стран-участниц была включена Российская Федерация, которая по оценке статуса учителя вошла в топ-10 наряду с Китаем и Малайзией [2, с. 41].

В результате международных исследований представлений учителей и руководителей школ о восприятии обществом педагогической профессии получены следующие значимые в контексте нашего исследования результаты:

– в 2013 году выявлено, что около трети (30,9 %) опрошенных учителей и директоров школ считали свою профессию престижной и ценной в обществе. При этом выявлены значительные межстрановые различия: значительная часть педагогов Малайзии (84 %), Сингапура (68 %) и Южной Кореи (67 %), ОАЭ (67 %), Финляндии (59 %) отмечали наличие глубокого уважения к своему труду в обществе. Минимальная степень согласия (менее 10 %) с суждением о наличии высокой ценности профессии учителя в обществе зафиксирована у педагогов Испании (9 %), Швеции (5 %), Франции (5 %), Словакии (4 %) [3, с. 187];

– в 2018 году в среднем 26 % учителей стран-участниц согласились, что их труд ценится обществом. Наивысший уровень уважения к своей профессии в обществе отмечали учителя Вьетнама (92 %), Сингапура (72 %), ОАЭ (72 %) и Южной Кореи (67 %), Казахстана (64 %). Самые низкие показатели (менее 10 %) по прежнему демонстрировали учителя Хорватии (9 %), Португалии (9 %), Франции (7 %), Словении (6 %), Словакии (5 %) [10, с. 56, 76, 79]. Во втором замере 2018 года в сравнении с 2013 годом, отмечается рост среднего уровня восприятия престижа своей профессии учителями стран-участниц обоих замеров. Выявлено, что старшие и более опытные учителя склонны считать свою профессию менее ценной для общества, чем молодые и начинающие коллеги [10, с. 76];

– в 2018 году в среднем около одного из пяти (18 %) учителей отмечали, что испытывают сильный стресс на работе. Основными причинами стресса учителя называли слишком большое количество административной работы, высокую степень ответственности за достижения учеников и необходимость адаптации к постоянно меняющимся требованиям контролирующих и ведомственных органов. Важным является то, что в половине стран стресс остаётся тесно связанным с намерением учителей уйти из профессии, даже с учётом высокого уровня удовлетворённости работой [10, с. 76];

– в 2024 году ключевые результаты по оценке престижа и общественного признания профессии учителя демонстрируют сохраняющиеся значительные межстрановые различия. Лидером вновь стал Вьетнам, где более 92 % педагогов чувствуют, что их труд ценится обществом [5, с. 30]. Высокие оценки (свыше 70 %) зафиксированы также в Казахстане (82 %), ОАЭ (80 %), Саудовской Аравии (79 %), Сингапуре (72 %), Шанхае (Китай, 71 %). Примерно в трети из стран-участниц замеров 2018 и 2024 годов доля учителей, считающих, что их профессия ценится в обществе, увеличилась [5, с. 241]; выявлена прямая взаимосвязь между ощущением ценности своего труда и готовностью оставаться в профессии: учителя, которые согласны с тем, что их профессия ценится в обществе, в среднем на более чем 10% реже хотят уйти из профессии в течение следующих пяти лет, даже с учётом внутренней мотивации учителей, условий контрактов и удовлетворённости условиями работы (включая зарплату) [5, с. 242]. Исследование показало, что на желание учителей оставаться в школе стабильность контракта, условия труда и общая атмосфера в коллективе влияют сильнее, чем прямые финансовые надбавки и размер заработной платы [5, с. 254].

Результаты замеров мониторингового исследования международной федерации профессиональных союзов работников сферы образования Education International (EI) отражают следующие положения:

– в 2015 году констатировано, что статус учителя связан с аспектами качественного образования, что заработная плата и условия труда являются важными определяющими факторами, и что непрерывное профессиональное развитие имеет решающее значение для повышения статуса учителей [6, с. 72–73]; доказано, что национальный контекст имеет определяющее значение для обеспечения условий, необходимых для привлечения и удержания кадров в педагогической профессии. Выявлено, что национальные системы образования сталкивались с различными вызовами, обусловленными внутренними или внешними факторами, некоторые из которых представляют собой общие (межстрановые) угрозы для статуса учителя [6, с. 11];

– в 2018 году обозначена обеспокоенность «по поводу растущего числа неквалифицированных учителей, нанимаемых для преподавания в государственных системах образования» и «сокращения числа учителей, выпускающихся из педагогических учебных заведений, что связано с низкой привлекательностью преподавания как профессии и последующим дефицитом учителей по конкретным дисциплинам»[8, с. 12];

– в 2021 году отмечалось что не произошло существенных позитивных изменений в вопросах, поднятых на всех уровнях: статус учителей, их заработная плата, условия труда, привлекательность профессии для молодежи – по прежнему проблемные аспекты [8, с. 13];

– в 2024 году отмечались некоторые позитивные изменения в ситуации с текучестью кадров: удалось успешно решить проблему текучести кадров в странах с высоким уровнем статуса учителя и с высоким уровнем успеваемости учащихся, но при этом отмечалось, что проблема финансирования образования все еще сохраняется [9, с. 1–2].

Текучесть кадров среди учителей, рабочая нагрузка, нестабильная занятость (временные и краткосрочные контракты), найм неквалифицированных учителей, заработная плата, условия труда, привлекательность преподавания как профессии, дефицит педагогических кадров (по некоторым дисциплинам) – все эти аспекты в той или иной мере затрагиваются во всех международных исследованиях статуса и престижа профессии учителя. Итак, мы наблюдаем явное противоречие: с одной стороны, признается важнейшая роль учителя в обществе, с другой стороны, учитель недооценивается в сравнении с другими профессиями, что отражается на восприятии его статуса и престижа. Исключение – Азиатско-Тихоокеанский регион, страны которого находились под влиянием Китая и его конфуцианской культуры. Учитывая интерес к школьному образованию и профессии учителя со стороны международных организаций, правительств, профсоюзов и филантропов, стремящихся к ликвидации неграмотности населения и развитию школьного образования в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития государств, проблему статуса и престижа профессии учителя можно обозначить как социальную проблему. Суть данной проблемы в том, что социокультурная ценность школьного образования и профессии учителя признается высокой, но несмотря на это, статус учителя во многих обществах является невысоким. Данное противоречие требует причинно-следственного анализа тех факторов, которые влияют на формирование статуса и престижа профессии учителя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Global Teacher Status Index 2013 / P. Dolton, O. Marcenaro-Gutierrez ; Varkey GEMS Foundation. – 60 p. – URL: https://987251e4-cee0-47e6-b80d-c388eac3563c.filesusr.com/ugd/5c330e_4cfee56c83dd43aa90f3d48cb8a4be83.pdf (дата обращения: 02.06.2026).

2. Global Teacher Status Index 2018 / P. Dolton, O. Marcenaro, R. de Vries, P.-W. She ; Varkey Foundation. – 105 p. – URL: https://987251e4-cee0-47e6-b80d-c388eac3563c.filesusr.com/ugd/5c330e_6df4627a869444728143dc4b04f19494.pdf (дата обращения: 03.06.2026).

3. TALIS 2013 Results : An International Perspective on Teaching and Learning // OECD. – OECD Publishing, 2014. – 442 p. – URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264196261-en (дата обращения: 04.06.2026).

4. TALIS 2018 Results (Volume I) : Teachers and School Leaders as Lifelong Learners // OECD. – OECD Publishing, Paris, 2019. – 220 p. – URL: https://doi.org/10.1787/1d0bc92a-en (дата обращения: 05.06.2026).

5. Results from TALIS 2024 : The State of Teaching // OECD. – OECD Publishing, Paris, 2025. – 307 p. – URL: https://doi.org/10.1787/90df6235-en (дата обращения: 06.06.2026).

6. Symeonidis, V. The Status of Teachers and the Teaching Profession 2015 / V. Symeonidis ; Education International. – Education International, 2015. – 103 p. – URL: https://www.ei-ie.org/en/item/25775:the-status-of-teachers-and-the-teaching-profession (дата обращения: 20.06.2026).

7. Stromquist, N. P. The Global Status of Teachers and the Teaching Profession / N. P. Stromquist ; Education International. – Education International, 2018. – 120 p. – URL: https://www.ei-ie.org/en/item/25722:the-global-status-of-teachers-and-the-teaching-profession (дата обращения: 21.06.2026).

8. The Global Report on the Status of Teachers 2021 // Education International. – Education International, 2021. – 140 с. – URL: https://issuu.com/educationinternational/docs/2021_ei_research_statusofteachers_eng_final?fr=sMWFkMjQzMTIyOTU (дата обращения: 22.06.2026).
9. Arnold, B. Global Status of Teachers 2024 / B. Arnold, M. Rahimi. – Brussels: Education International (EI), 2024. – 168 с. – URL: https://www.ei-ie.org/en/item/29412:the-global-status-of-teachers-2024 (дата обращения: 23.06.2026).
10. TALIS 2018 Results (Volume II) : Teachers and School Leaders as Valued Professionals // OECD. – OECD Publishing, Paris, 2020. – 250 p. – URL: https://doi.org/10.1787/19cf08df-en. (дата обращения: 05.06.2026).

УДК 336.22

НАЛОГОВЫЙ КОНСАЛТИНГ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ДОБРОСОВЕСТНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Тотолин В. С.
студент Финансового Университета при Правительстве РФ
г. Москва, Россия

Налоговое поведение предпринимателя в современной экономике нельзя сводить только к техническому исполнению обязанности по исчислению и уплате налогов, поскольку за выбором режима налогообложения, способом фиксации расходов, характером взаимодействия с контрагентами и готовностью раскрывать данные государству стоит более широкий поведенческий механизм, в котором соединяются правовая информированность, доверие к публичным институтам, оценка собственных рисков и представление предпринимателя о допустимых границах экономической выгоды. В социологическом измерении налоговая культура рассматривается как система ценностей, норм и знаний, влияющих на осознанное исполнение налоговой обязанности, поэтому налоговый консалтинг предпринимателей целесообразно понимать не как узкую услугу по расчету платежей, а как практический канал формирования устойчивой модели добросовестного экономического поведения [1, с. 63-76].

Для малого и среднего бизнеса проблема добросовестности особенно значима, потому что предпринимательский проект на ранней стадии редко располагает самостоятельным правовым, бухгалтерским и аналитическим подразделением, вследствие чего налоговое решение часто принимается не на основании целостной оценки бизнес-модели, а под влиянием фрагментарных советов, поверхностных сравнений ставок или желания немедленно снизить текущую нагрузку. При таком подходе даже формально доступные специальные налоговые режимы, предусмотренные налоговым законодательством, могут использоваться не как инструмент легального упрощения деятельности, а как источник последующих споров, если выбранная форма не соответствует фактической структуре доходов, расходов, персонала, имущественных связей и деловой цели предпринимателя [2].

Налоговый консалтинг приобретает социальную функцию именно в той точке, где консультант помогает предпринимателю перевести абстрактную норму закона на язык конкретного проекта и увидеть, что выбор между общей системой, упрощенной системой, патентной системой или налогом на профессиональный доход является не разовой арифметической операцией, а решением о допустимой организационной модели бизнеса, горизонте масштабирования, характере работы с физическими лицами и организациями, возможности привлечения работников, порядке подтверждения расходов и степени публичной прозрачности деятельности. Режим налога на профессиональный доход, введенный как специальный правовой эксперимент, наглядно показывает, что упрощение налогового входа в легальную занятость способно снижать барьер формализации деятельности, однако устойчивый эффект возникает только тогда, когда предприниматель

понимает не только размер ставки, но и пределы применения режима, последствия выхода за установленные ограничения и риски подмены трудовых отношений гражданско-правовыми конструкциями [3].

Цифровизация налогового администрирования усиливает значение такой консультационной работы, поскольку публичные сервисы Федеральной налоговой службы России делают многие действия предпринимателя более быстрыми и формально доступными, но не устраняют необходимость содержательного выбора между альтернативами. Электронный сервис «Выбор подходящего режима налогообложения» позволяет пользователю соотнести категорию налогоплательщика, предполагаемые доходы и отдельные параметры деятельности с возможными режимами, однако сама логика предпринимательского проекта, включая сезонность выручки, долю документально подтверждаемых расходов, будущую потребность в работниках, договорную модель с контрагентами и вероятность расширения на другие регионы, остается предметом профессиональной интерпретации, без которой цифровая подсказка может быть воспринята слишком механически [4].

Добросовестное экономическое поведение предпринимателя формируется не только через угрозу санкции, но и через снижение неопределенности, потому что субъект малого бизнеса значительно охотнее действует открыто, когда он заранее понимает налоговые последствия выбранной модели и не воспринимает государственный контроль как непредсказуемое вмешательство после уже совершенных хозяйственных операций. В этом смысле налоговый консультант выступает посредником между нормативной системой и повседневной деловой практикой, поскольку он помогает заранее отделить законную оптимизацию от имитационных схем, объяснить, почему экономия налога не может быть единственной деловой целью, и встроить налоговую дисциплину в обычные управленческие решения предпринимателя, а не оставлять ее в виде внешней обязанности, возникающей только перед отчетной датой.

Отдельное значение имеет профилактика налоговых рисков при выборе контрагентов, оформлении договоров и построении цепочек поставки, поскольку цифровая прозрачность хозяйственных связей постепенно превращает поведение партнера в фактор собственной налоговой безопасности предпринимателя. Наличие общедоступных критериев самостоятельной оценки налоговых рисков, используемых при планировании выездных налоговых проверок, показывает, что современное администрирование ориентировано не только на последующее выявление нарушений, но и на предварительное побуждение налогоплательщика к самопроверке, тогда как сервис «Прозрачный бизнес» закрепляет ожидание, что участники оборота будут проявлять осмотрительность при выборе деловых связей и оценивать признаки проблемного поведения контрагентов до заключения сделки [5; 6].

В предпринимательской среде такая профилактическая роль налогового консалтинга особенно важна потому, что значительная часть нарушений возникает не из прямого намерения уклониться от налогообложения, а из недооценки связи между гражданско-правовой формой сделки, бухгалтерским отражением операции, фактическим движением ресурсов и последующей налоговой квалификацией. Если консультирование ограничивается обещанием минимизировать платежи, оно может закреплять у предпринимателя установку на поиск внешне допустимой формы при отсутствии реального экономического содержания, тогда как ответственное сопровождение бизнес-проекта, напротив, показывает предпринимателю границу между рациональной налоговой организацией деятельности и поведением, которое создает угрозу доначислений, блокировки расчетов, утраты репутации и вытеснения из легального рынка.

Налоговый консалтинг предпринимателей в таком понимании выступает элементом социально-экономической инфраструктуры, поддерживающей не только индивидуальную устойчивость конкретного бизнеса, но и качество предпринимательской среды в целом, поскольку массовое распространение понятных правил, привычки к документированию

операций, предварительной оценке налоговых последствий и осмотрительности при выборе партнеров снижает привлекательность неформальных практик. В отличие от принудительного контроля, консультационное сопровождение действует до нарушения, а потому способно влиять на мотивы поведения предпринимателя мягче и глубже, соединяя правовое просвещение, финансовую рациональность и социальную норму уважения к публичным обязательствам.

Практическая значимость такого подхода проявляется в том, что налоговое регулирование перестает восприниматься предпринимателем как совокупность запоздалой отчетности и санкционного давления, поскольку в рамках консультационного сопровождения оно включается в проектное планирование, управленческую ответственность и осознанный выбор легальной модели бизнеса. Развитие этого направления предполагает отказ от узкого представления о консалтинге как о механическом поиске минимальной ставки, так как содержание профессиональной помощи должно включать анализ фактической деятельности, допустимых режимов, налоговых рисков, цифровых следов, деловой цели и долгосрочной устойчивости предпринимательского проекта, а такая логика делает налоговую дисциплину не внешним ограничением предпринимательства, а условием его легального роста и формирования устойчивого доверия со стороны государства, контрагентов и общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ильиных, С. А. Налоговая культура как условие налогового комплаенса / С. А. Ильиных. // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 63–76.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации : часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ, часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824 ; 2000. – № 32. – Ст. 3340.

3. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» : Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 49. – Ст. 7494.

4. Выбор подходящего режима налогообложения : электронный сервис // Федеральная налоговая служба России. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/service/mp/ (дата обращения: 22.05.2026).

5. Концепция системы планирования выездных налоговых проверок : Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ // Федеральная налоговая служба России. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/reference_work/conception_vnp/ (дата обращения: 22.05.2026).

6. Прозрачный бизнес: электронный сервис // Федеральная налоговая служба России. – URL: https://pb.nalog.ru/ (дата обращения: 22.05.2026).

УДК 316.346.2-001.38

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН-ЧЛЕНОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В НАУЧНЫХ СЪЕЗДАХ И КОНГРЕССАХ (ДО 1917 Г.)

Трофимова В. С.
доцент кафедры интеллектуальных систем и защиты информации СПбГУПТД
кандидат филологических наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Трофимова Т. Н.
Соискатель ИИЕТ РАН
г. Москва, Россия

Санкт-Петербургское математическое общество (СПбМО) было образовано в 1890 г. На протяжении 1890-х гг. печатались протоколы его заседаний. Однако вплоть до 1917 г. можно найти сведения о его деятельности в различных справочных изданиях, поэтому мы

ограничиваем первый период его существования 1917 годом. Особенностью СПбМО по сравнению с другими математическими обществами России было то, что к концу XIX в. в его составе было 13 женщин.

Во второй половине XIX – начале XX в. в России и за рубежом проходило много съездов по точным и естественным наукам. Начиная с последних десятилетий XIX века, в них принимали участие женщины, и их число увеличивалось от съезда к съезду. Не остались в стороне и женщины из Санкт-Петербургского математического общества. Они участвовали в Международных математических конгрессах, начиная с самого первого, который проходил в Цюрихе с 9 по 11 августа 1897 г. В нем, среди прочих, приняла участие основательница Санкт-Петербургского математического общества Вера Иосифовна Шифф. Она приехала вместе со своим мужем П. А. Шиффом, который тоже значился среди участников как профессор Артиллерийской академии из Санкт-Петербурга; В. И. Шифф была записана как профессор университета для дам; супруги проживали в Санкт-Петербурге по адресу Фонтанка 112, квартира 2 [1, p. 74]. На конгрессе было 242 участника, из них 38 женщин; из России приехало 13 человек, и среди них одна женщина – уже упомянутая В. И. Шифф [1, p. 78]. На конгрессе были следующие секции:

Секция 1. Арифметика и алгебра.

Секция 2. Анализ и теория функций.

Секция 3. Геометрия.

Секция 4. Механика и математическая физика.

Секция 5. История и библиография.

На наш взгляд, Вера Иосифовна могла посетить секцию геометрии, в то время как ее супруг, скорее всего, посещал секцию, посвященную анализу и теории функций.

В. И. Шифф также приняла участие во Втором Международном математическом конгрессе, который проходил в Париже с 6 по 12 августа 1900 г. Приехало 229 человек, в том числе 5 женщин; из России приехало 12 человек, из них две женщины – В. И. Шифф и Ольга Стефановна Сабинина, супруга московского математика Егора Федоровича Сабинина, принадлежавшая к кругу московских математиков. Вера Иосифовна снова приехала с мужем и была зарегистрирована как профессор Высших женских курсов из Санкт-Петербурга, а Петр Александрович как полковник; оба проживали по прежнему адресу [2, p. 9]. На конгрессе было шесть секций:

Секция 1. Арифметика и алгебра.

Секция 2. Анализ.

Секция 3. Геометрия.

Секция 4. Механика.

Секции 5 и 6. Библиография и история. Обучение и методы.

Скорее всего, Вера Иосифовна посещала третью секцию и последние две секции, а Петр Александрович – вторую.

Третий Международный математический конгресс проходил в Гейдельберге с 8 по 13 августа 1904 г. На конгрессе было представлено 19 стран (в Париже стран было 26, а в Цюрихе 14). В конгрессе принимало участие всего 336 человек, из которых Россию представляли 34 человека, из них две женщины, и это были женщины-астрономы из Санкт-Петербургского математического общества – Мария Васильевна Жилова и Евгения Александровна Максимова. М. В. Жилова представляла Пулковскую обсерваторию как вычислитель по звездам, а Е. А. Максимова была записана как учительница гимназии в городе Устюжна [3, p. 17, 20]. В конгрессе также принял участие член Санкт-Петербургского математического общества Д. Ф. Селиванов. Странным образом, информация о его членстве в Санкт-Петербургском математическом обществе отсутствует, указаны лишь Московское и Казанское математические общества, которым были разосланы приглашения. В целом организаторы конгресса разослали приглашения двум тысячам математиков. Участники конгресса должны были заплатить взнос в 20 марок. На конгрессе было 78 пленарных лекторов, одним из которых был Д. Гильберт.

На конгрессе были следующие секции (они более или менее соответствовали секциям на предыдущих конгрессах):

Секция 1. Арифметика и алгебра. На этой секции председательствовал и принимал участие в дискуссии Д. Ф. Селиванов.

Секция 2. Анализ.

Секция 3. Геометрия.

Секция 4. Прикладная математика.

Секция 5. История математики.

Секция 6. Педагогика.

Можно предположить, что Е. А. Максимова принимала участие в работе секции педагогики, хотя информация об этом в отчете отсутствует. В какой секции участвовала М. В. Жилова, неясно. Третий Международный математический конгресс прошел на высоком уровне. Участники хвалили гостеприимство немецких математиков, хорошую организацию и теплый прием.

Женщины из СПбМО участвовали в VIII–XIII съездах русских естествоиспытателей и врачей. Конкретно эти съезды проходили с 1889 по 1913 гг. VIII съезд прошел в Санкт-Петербурге с 28 декабря 1889 г. по 7 января 1890 г. Из 2910 участников было 209 женщин, то есть 9,5 % [4, с. 21]. IX съезд проходил в Москве с 3 по 11 января 1894 г. Из 1009 участников было 90 женщин, или 8,9 % [4, с. 21]. X съезд состоялся в Киеве с 21 по 30 августа 1898 г. Из 1694 участников было 103 женщины, или 6,08 % [4, с. 21]. XI съезд проходил в Санкт-Петербурге с 20 по 30 декабря 1901 г. Из 4166 участников было 679 женщин, или 16,3 % [4, с. 21]. XII съезд состоялся в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Из 5249 участников было 1208 женщин, или 23,01 % [4, с. 21]. Наконец, XIII съезд прошел в Тифлисе с 16 по 24 июня 1913 г. Из 3457 участников было 868 женщин, или 25,1 % [4, с. 21]. В. И. Шифф раньше всех остальных женщин – членов СПбМО начала участвовать в этих съездах. Она посетила четыре съезда – VIII, IX, XI и XII, причем в VIII съезде она принимала участие еще до образования СПбМО. Больше всего съездов посетила Е. А. Максимова – пять – IX, X, XI, XII и XIII. М. В. Жилова посетила четыре съезда – с X по XIII. Александра Иеронимовна Стебницкая в конце декабря 1901 г. как учитель арифметики принимала участие в XI съезде русских естествоиспытателей и врачей. Наконец, Елизавета Федоровна Литвинова участвовала в том же XI съезде. Она выступала с докладом, однако не указала никаких сведений о себе. Таким образом, в XI съезде приняли участие одновременно пять женщин-членов СПбМО.

Первый всероссийский съезд преподавателей математики проходил в Санкт-Петербурге с 28 декабря 1911 г. по 3 января 1912 г. Работа съезда происходила в Соляном городке в помещениях Педагогической музея высших учебных заведений и Императорского Русского Технического общества. В нем участвовало 1217 человек, в том числе пять женщин из Санкт-Петербургского математического общества – Е. Ф. Литвинова, Е. А. Максимова, которая к тому времени уже переехала из Устюжны в Порхов, А. И. Стебницкая, В. И. Шифф и Вера Владимировна Березина (в девичестве Щиглева). В. И. Шифф была членом организационного комитета съезда, а также членом комиссии по денежной отчетности [5, с. IX, XIV]. В. И. Шифф должна была выступать на съезде с докладом «Обзор современной учебной литературы по аналитической геометрии», однако ее доклад не состоялся, как и некоторые другие доклады. В. И. Шифф выступала в прениях по докладам К. А. Поссе и В. Б. Струве. Поссе в своем докладе говорил о том, что мнение о недоступности усвоения высшей математики женщинами – не более чем предрассудок: «доказательством тому служит существование и постоянное развитие высших женских курсов в нескольких городах России»; он отмечал, однако, что программы женских гимназий остаются намного ниже мужских [5, с. 457]. Эта тема уже вызвала реакцию аудитории прежде, чем в прениях приняла участие В. И. Шифф. Кроме того, в докладах Поссе и Струве обсуждался вопрос о необходимости введения курса аналитической геометрии и анализа в специальных математических классах; в СССР среднее математическое образование пошло дальше, и были созданы специальные

математические школы, в которых изучалась аналитическая геометрия и основы анализа; в 1980-е гг. к ним прибавились математические классы в неспециализированных школах. Именно эта тема привлекла внимание В. И. Шифф. Она заявила, что «для развития функционального мышления и возбуждения философской мысли» нужно ввести во всех средних школах «аналитическую геометрию хотя бы в небольшом объеме» [5, с. 478]. Кроме того, она считала невозможным введение в школе анализа бесконечно малых без преподавания аналитической геометрии [5, с. 478]. Библиограф К. Н. Дерунов включил две книги Е. Ф. Литвиновой – «Н. И. Лобачевский» и «С. В. Ковалевская», изданные еще в 1890-е гг. в серии «Жизнь замечательных людей» библиотеки Павленкова, – в свой небольшой список изданий общематематического содержания, которые можно было бы рекомендовать преподавателям и любителям математики [6, с. 36].

Русские женщины из СПбМО, которые преподавали математику в средних и высших учебных заведениях, принимали активное участие в различных всероссийских и международных съездах по точным и естественным наукам. Им были небезразличны перспективы преподавания математики в России. Кроме того, такие члены СПбМО, как В. И. Шифф, М. В. Жилова и Е. А. Максимова, участвовали в фундаментальных Международных математических конгрессах, которые происходят до сих пор и на которых выступали и выступают математики очень высокого уровня.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Verhandlungen des ersten internationalen Mathematiker-Kongresses in Zürich vom 9. bis 11. August 1897 / ed. F. Rudio. – Leipzig : B. G. Teubner, 1898. – VIII, 306 p.

2. Compte Rendu du Deuxième congrès international des mathématiciens tenu a Paris du 6 au 12 aout 1900 / ed. E. Duporcq. – Paris : Gathier-Villars, 1902. – 455 p.

3. Verhandlungen des dritten Internationalen Mathematiker-Kongresses in Heidelberg vom 8 bis 13 August 1904 / ed. A. Krazer. – Leipzig : B. G. Teubner, 1905. – X, 755 p.

4. Валькова, О. А. Российские женщины-естествоиспытатели второй половины XIX – начала XX в.: по материалам съездов русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913) / О. А. Валькова. – М. : ИИЕТ, 2014. – 89 с.

5. Труды 1-го Всероссийского Съезда Преподавателей математики. 27-го декабря 1911 г. – 3-го января 1912 г. : в 2 т. / отв. ред.: З. Макшеев. – СПб. : Тип. «Север», 1913. – Т. 1 : Общие собрания. / З. Макшеев. – 1913. – XVI, 608 с.

6. Труды 1-го Всероссийского Съезда Преподавателей математики. 27-го декабря 1911 г. – 3-го января 1912 г. : в 2 т. / отв. ред.: З. Макшеев. – СПб. : Тип. «Север», 1913. – Т. 2 : Секции. / З. Макшеев. – 1913. – VII, 363 с.

УДК 316.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТА В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ОТ МОДЕРНА К ЦИФРОВОМУ КАПИТАЛИЗМУ

Трунов А. А.
доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью НИУ «БелГУ»
кандидат философских наук, доцент
г. Белгород, Россия

Категории теоретической социологии не возникают произвольно и не сводятся исключительно к результатам развития научной мысли. Их содержание определяется исторически изменяющимися формами общественного существования человека. История социологической мысли оказывается тем самым одновременно историей общественной практики, социальных институтов и соответствующих понятий, посредством которых раскрывается их содержание. Категорию субъекта в этой связи следует рассматривать не как

внеисторическую характеристику человека, а как понятие, фиксирующее определенный этап развития и последующей трансформации обществ модерного типа.

В традиционном обществе человек существовал как участник устойчивых коллективных образований. Происхождение, сословная принадлежность, религия, родственные связи или локальная включенность определяли его общественное положение раньше, чем он мог заявить о себе как об автономном действующем лице. Социальная идентичность задавалась не индивидуальным выбором, а местом в уже существующем социальном порядке, где права, обязанности, формы признания и допустимые жизненные траектории были заранее распределены между группами, которые сформировались на основе общественного разделения труда. Практика воспроизводилась через традицию, обычай, ритуал, личную зависимость, а не через универсальные нормы договора, гражданства или индивидуальной ответственности. Человек действовал не столько от собственного имени, сколько как представитель рода, общины, сословия, конфессии или локального городского или сельского сообщества, внутри которого его поступки получали смысл и оценку. Поэтому универсальная категория субъекта в этих условиях не была востребована. Общество не нуждалось в понятии абстрактной автономной личности, равной другим в способности самостоятельно формулировать цели и отвечать за собственный выбор. Общественная практика еще не выработала соответствующей формы существования человека, поскольку сам принцип социального порядка опирался не на автономию индивида, а на наследуемую им принадлежность и воспроизводство коллективных различий.

Положение стало меняться по мере становления капиталистических отношений. Расширение рыночного обмена и разрушение сословных ограничений превращают рациональное действие в один из основных механизмов воспроизводства общественной жизни. Возрастает значение договора, личной инициативы, способности самостоятельно принимать решения и отвечать за их последствия. Однако изменение общественной практики само по себе еще не получает статуса социологической категории. Оно становится теоретически значимым лишь тогда, когда закрепляется в устойчивых институциональных формах и начинает воспроизводиться как типичный способ общественного существования субъекта. Так, национальное государство формирует гражданина; право – лицо, способное нести юридическую ответственность; бюрократия – рационально организованного исполнителя; массовая школа – дисциплинированного участника общественной жизни.

Существенно, однако, именно то, что модерн не сводится к перечню социальных институтов. Он образует особый способ обоснования, при котором основные принципы и нормы социального существования человек определяет сам, не отсылая их к внешней, заранее данной инстанции. Наиболее точно эту особенность фиксирует П. Вагнер: «концептуально модерн отсылает к такой ситуации, в которой люди не принимают никаких внешних гарантов – то есть гарантов, которые они сами не постулируют, – для своего знания, своего политического устройства или своих способов удовлетворения материальных потребностей» [1, p. 22]. Формулировка П. Вагнера позволяет уточнить, почему именно субъект, а не какая-либо иная категория, становится центральной для всей социологии модерна. Социальные институты не создают эту категорию произвольно, но закрепляют уже сложившийся способ существования человека, для которого отказ от «внешних гарантов» стал необходимым условием его общественного признания. Рационализация хозяйства, права и управления предполагает автономную личность, соотносящую собственные действия с универсальными нормами. Капитализм как форма жизни «накладывает отпечаток не только на экономические структуры, но и на то, как мы постигаем мир, на наше отношение к пространству и времени и на наше отношение к природе, причем так, что это затрагивает всю нашу жизнь в целом, а индивиды даже не осознают этот отпечаток как нечто специфическое» [2, p. 36].

Социологическая теория модерна, таким образом, не порождает категорию субъекта, а фиксирует уже сложившуюся общественную реальность, придавая понятийную определенность тому историческому типу личности, который производится социальными институтами. Эта взаимосвязь сохраняется и в социальной теории XX в. Несмотря на различия

между марксизмом, структурализмом и постструктурализмом, все они исходят из того, что социальные институты взаимодействуют с человеком посредством обращения к субъекту, меняя лишь версии его происхождения, но не его место в социальной реальности. Историческое доминирование этой категории определялось совпадением практики, институтов и социологической рефлексии, характерных именно для обществ модерного типа.

Развитие цифрового капитализма вносит в эту логику свои коррективы. Изменяются общественные практики, основанные на непрерывном производстве данных и алгоритмической организации взаимодействий. Вслед за ними трансформируются социальные институты, которые все чаще опираются на цифровую инфраструктуру и вероятностное моделирование поведения. Алгоритмические системы практически не обращаются к внутреннему миру личности. Они не интерпретируют мотивы и не предполагают рационального согласия субъекта, оперируя устойчивыми параметрами поведения, цифровыми следами и вероятностными характеристиками. Как отмечают Й. ван Дейк, Т. Пул и М. де Вааль, «платформы алгоритмически определяют интересы, желания и потребности каждого пользователя на основе широкого спектра датифицированных пользовательских сигналов, персонализируя поток контента, рекламу и рекомендации контактов» [3, p. 41]. Цифровые технологии, будучи «машинами габитуса», предлагают персонализированные услуги, оставаясь «совершенно безразличны к индивидам и их личностям» [4, p. 3].

Обнаруживаемая здесь ограниченность категории субъекта не означает ее устранения из аппарата теоретической социологии. Речь идет о необходимости дополнить ее категорией социального присутствия личности, то есть исторически изменчивой формы включенности человека в систему общественных отношений, а также категорией общественной действительности личности, фиксирующей конкретно-историческую форму этого присутствия. В условиях цифрового капитализма такой формой становится цифровой профиль, который рассматривается не как совокупность персональных данных, а как инфраструктурная форма общественной действительности личности, посредством которой осуществляется ее включение в современные общественные отношения [5].

Тем самым изменяется и характер власти. Институты модерна обращались к субъекту через право, образование и механизмы убеждения, предполагавшие интерпретацию норм и возможность сознательного согласия или сопротивления, то есть сохраняли то самообоснование, которое П. Вагнер называет определяющим признаком модерна. Инфраструктурная организация цифрового общества смещает управление на уровень архитектуры цифровой среды и алгоритмического распределения возможностей, изменяя не столько содержание убеждений, сколько сами условия общественного существования личности [3, p. 9]. В известном смысле это можно описать как частичный возврат тех самых «внешних гарантов» (только не сословных или религиозных, а инфраструктурных) там, где модерн стремился их устранить. «Команды, которые прежде исходили от властей, теперь превратились в желания, которые люди удовлетворяют, не задумываясь» [5, с. 128]. Речь идет не о буквальном повторении досовременных форм зависимости, а о структурном сходстве властно-идеологической функции. Субъект вновь соотносит свое поведение с некой инстанцией. Форма этой инстанции, разумеется, качественно иная. Это не отменяет субъектность, но перемещает уровень, на котором осуществляется общественное воздействие.

При этом цифровой профиль не следует понимать, как простое отражение личности в информационной среде. Он является результатом отбора, классификации и сопоставления следов поведения, то есть формой социального представления, создаваемой не только самим человеком, но и инфраструктурой, в которую он включен. Поэтому роль профиля принципиально амбивалентна. С одной стороны, он расширяет возможности участия в коммуникации, труде, потреблении и публичной самопрезентации, а с другой – превращает личность в совокупность признаков, доступных прогнозированию и ранжированию со стороны алгоритмов цифровых платформ. В этом отношении новейший капитализм не элиминирует субъекта, а производит рядом с ним новую фигуру – цифровой профиль, через

который общество все чаще «видит» человека раньше, чем вступает с ним в непосредственное взаимодействие.

Именно здесь как раз и возникает главный теоретический риск. Социология может либо преждевременно объявить субъект «устаревшей» категорией, либо продолжать пользоваться ею так, как будто цифровая инфраструктура почти ничего не изменила. Оба подхода недостаточны. Первый игнорирует тот факт, что ответственность, действие, признание и конфликт по-прежнему требуют субъекта как носителя социального смысла. Второй не замечает, что условия проявления субъектности все чаще задаются средой, устроенной по логике платформ, рейтингов, рекомендаций и алгоритмического отбора. Поэтому задача теоретической социологии состоит не в отказе от категории субъекта, а в уточнении ее границ и в разработке понятий, способных описать формы общественного существования личности за пределами классической модели модерна.

В целом же трансформация категории субъекта в теоретической социологии (от модерна к цифровому капитализму) представляет собой закономерный этап исторического развития категориального аппарата социологической науки, обусловленный изменением общественной практики. Категория субъекта сохраняет фундаментальное значение для понимания человека, однако не исчерпывает всего многообразия исторически изменяющихся форм его общественного существования, что требует дальнейшей теоретической разработки категорий социального присутствия и общественной действительности личности применительно к анализу цифрового общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Wagner, P. Modernity: Understanding the Present / P. Wagner. – Cambridge; Malden: Polity Press, 2012. – xv, 190 p.

2. Jaeggi, R. Critique of Forms of Life / R. Jaeggi; transl. by C. Cronin. – Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. – xx, 395 p.

3. Van Dijck, J. The Platform Society: Public Values in a Connective World / J. Van Dijck, T. Poell, M. De Waal. – N.Y.: Oxford University Press, 2018. – x, 225 p.

4. Romele, A. Digital Habitus: A Critique of the Imaginaries of Artificial Intelligence / A. Romele. – N.Y.: Routledge, 2024. – 176 p.

5. Bernard, A. The Triumph of Profiling: The Self in Digital Culture / A. Bernard; transl. by V. A. Pakis. – Cambridge: Polity Press, 2019. – 180 p.

УДК 159

ПАМЯТНИКИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Тучина О. Р.
профессор кафедры психологии личности и общей психологии КубГУ
доктор психологических наук, доцент
г. Краснодар, Россия

Аполлонов И А.
профессор кафедры графики КубГУ
доктор философских наук, доцент
г. Краснодар, Россия

Памятники являются одним из основных элементов городской среды, определяя особенности и своеобразие городского ландшафта, формируя национальную и локальную идентичность, создавая неповторимый образ города. Памятники являются важной частью символического капитала города и региона, который обеспечивает ему узнавание, престиж, доверие со стороны различных социальных групп, они занимают особое место в культурно-

символической политике, направленной на брендирование территории и формирование национальной и локальной идентичности, включенности города и региона в российский культурный контекст.

Перспективным направлением исследования города представляется рассмотрение городской среды и отдельных ее элементов в контексте ценностно-смысловых особенностей личности. Ценности, являясь абстрактными принципами, отражающими базовые потребности и мотивы поведения людей, способствуют формированию определенных предпочтений в области оценки городской среды и ее составляющих. Теоретической основой исследования является субъектно-бытийный подход, в рамках которого место проживания человека рассматривается как значимое бытийное пространство личности, где происходит формирование личностных смыслов [Тучина, Аполлонов, 2024]. Восприятие городской среды и ее основных элементов опосредовано личностью горожанина, его имплицитной картиной мира, жизненным опытом, представлением о городской среде и о себе в этой среде. Психосемантический подход, реализующий парадигму «субъектного» подхода к пониманию другого [Петренко, 2010], и теория субъективной семантики [Габидулина, 2012] позволяет реконструировать субъективный образ городской среды и ее основных составляющих в картине мира горожан.

Цель работы – исследование восприятия и психосемантической оценки городских памятников и монументов, посвященных историческим личностям и историческим событиям, жителями Краснодара. Исследование состояло из двух этапов. Для первого этапа была использована методика свободных описаний Д.А. Леонтьева. Респондентам предлагалось назвать и описать наиболее значимые, по их мнению, памятники города Краснодара, посвященные историческим личностям и историческим событиям. Выборка исследования составила 520 респондентов, проживающих в городе не менее года. Для дальнейшего исследования были отобраны 5 памятников, которые выбрали для описаний не менее 50 % респондентов: Александровская триумфальная арка, Мемориал Памяти героев, памятник Екатерине II, памятник Героям битвы за Кубань, памятник Кубанскому казачеству (рис. 1).

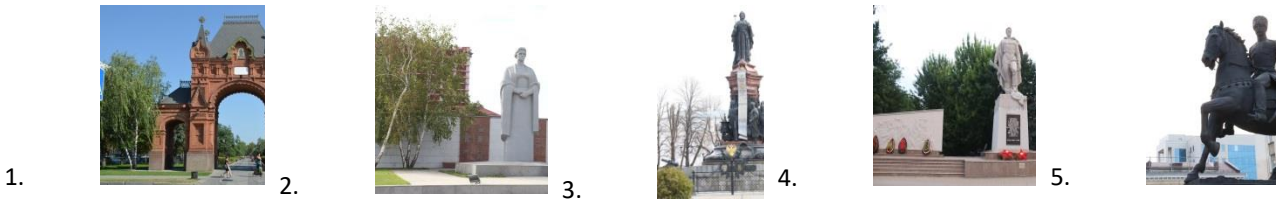

Рисунок 1. Памятники, фотографии которых были использованы в качестве стимульного материала: Александровская триумфальная арка (памятник 1), Мемориал Памяти героев (памятник 2), памятник Екатерине II (памятник 3), памятник Героям битвы за Кубань (памятник 4), памятник Кубанскому казачеству (памятник 5)

На основании частотного анализа было выделено 23 семантические характеристики памятников, на основании которых были составлены шкалы для изучения восприятия памятников города. При помощи метода семантического дифференциала респонденты проводили шкалирование выделенных характеристики представленных памятников (от 1 до 7). Для исследования базисных категорий восприятия памятников в городской среде был использован факторный анализ методом главных компонент. Оценки отдельных произведений были суммированы в общую матрицу, затем было проведена процедура факторизации полученных матриц. На основании полученных данных городские памятники были размещены в семантическом поле данной выборки респондентов. В основном этапе исследования приняли участие 427 респондентов, постоянно проживающих в Краснодаре (M = 35,3, SD = 8,9; 54,1% женщин). Для обработки данных применялся эксплораторный факторный анализ.

В результате исследования были выявлены три базовые категории, на основании которых строится восприятие городских памятников. В первый фактор (61,1 % общей дисперсии), названный нами «Культурно-исторический канон», вошли характеристики величественный, человечный, традиционный, важный, гармоничный, мощный, красивый, талантливо созданный, притягивающий, знаменитый, монументальный, без вычурности. Второй фактор (11,3 % дисперсии), «Эмоциональная вовлеченность и глубина» объединил шкалы теплый, энергичный, детальный, многозначный, трогательный. Третий фактор (8,7% дисперсии), «Камерность и простота», включает характеристики типичный, скромный, миниатюрный, лишенный пафоса. Все исследуемые объекты респонденты рассматривают как знаковые для города, воплощающие «культурный код города», соответственно, данные памятники получили высокие оценки по факторам «Культурно-исторический канон» и «Эмоциональная вовлеченность и глубина».

Выводы.

В результате исследования психосемантических факторов оценки городских памятников были выявлены основные категории, на основании которых строится восприятие городских памятников. Самым значимым фактором является «Культурно-исторический канон», объединяющий признаки, характеризующие памятник как образное воплощение национальной идентичности. Данный фактор отражает институционально одобренное восприятие памятника, оценивает, насколько объект соответствует статусу символа национальной памяти. Второй фактор, «Эмоциональная вовлеченность и глубина», характеризует сложность воспринимаемого художественного образа, вызываемый им эмоциональный отклик. Третий фактор, «Камерность и простота», описывает восприятие памятника как личностного объекта, характеризует такие особенности восприятия памятника как отсутствие назидательности, официоза, преувеличенной патетики.

В результате исследования был получен инструмент, который может быть применен для исследования памятников и мемориальных объектов в разных городах.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках научного проекта № 24-18-20075 «Культурный код города: визуальный аспект»

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аполлонов, И.А., Тучина, О.Р. Национальная и локальная идентичность и городские коммеморативные практики: кроссрегиональный анализ (Севастополь – Новороссийск). / И.А. Аполлонов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2022 – № 4. – С. 136-149.

2. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики. / В. Ф. Петренко // М. : МГУ, 2010.

3. Габидулина, С.Э. Психология городской среды. / С.Э. Габидулина // М. : Смысл, 2012.

УДК 334.73

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Угарина Т. А.
Ведущий научный сотрудник НИИ труда
Министерства труда и социальной защиты
кандидат экономических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В условиях инновационного развития экономики, процессов информатизации, цифровизации и широкого внедрения искусственного интеллекта, качественные изменения охватывают все уровни воспроизводственного процесса, изменяя всю систему экономических

отношений, возникающих по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ в социуме.

Меняются качественные параметры самого производства, производимых благ и производственных отношений, в основе которых – отношения собственности. Отношения собственности являются основными, базовыми, поскольку определяют в чьих интересах происходит производство, присвоение материальных благ и в каких объемах.

Изменение отношений собственности — это процесс изменения принадлежности функций владения и распоряжения имуществом, который в каждом конкретном обществе на определенном историческом этапе развития имеет определенные целевые установки и специфические механизмы реализации.

Изменение принадлежности (персонификации) функций собственности социально различным субъектам есть изменение структуры отношений собственности, то есть реструктуризация отношений собственности.

Процесс реструктуризации имеет внутренние противоречия для саморазвития, но также подвержен регулированию посредством традиционных систем воздействия на поведение хозяйствующих субъектов, нацеленных на ограничение или мотивацию к увеличению (уменьшению) объемов присвоения (при отчуждении, доверительном управлении, создании) материальных благ и услуг. То есть охватывает межсубъектные взаимодействия, которые, в свою очередь, влияют на формирование субъектно-объектных параметров управления и распоряжения имуществом (объектом).

В эпоху цифровизации процессы реструктуризации отношений собственности в реальном секторе экономики имеют основания для многократного ускорения и увеличения в объемах. Это связано с тем, что в практику хозяйствования вводятся новые технологии, которые позволяют в упрощенном режиме менять структуру активов, ее принадлежность, делить активы бизнеса, привлекать инвесторов без увеличения транзакционных издержек при переуступке прав на отчуждаемое имущество и т. д. Так, например, электронные реестры снижают время регистрации прав собственности на объект; технология блокчейн гарантирует сохранность истории владения объектом собственности; смарт-контракты позволяют в автоматическом режиме передавать права владения объектом собственности при выполнении определенных заранее условий сделки.

Главным образом это происходит потому, что изменяется структура факторов производства: все большее значение в структуре внеоборотных активов организаций приобретают нематериальные активы. Увеличивается удельный вес цифровой инфраструктуры, программного обеспечения, баз данных и пр. Обычные машины и оборудование заменяются киберфизическими системами, роботами и IT-комплексами, оснащенными датчиками сбора данных. Изолированные («автономные») объекты собственности превращаются в коннектированные и управляемые цифровыми платформами звенья одной производственно-сбытовой цепи.

В настоящее время цифровая инфраструктура, представленная интеллектуальной (промышленной) собственностью, постепенно усиливает свои доминирующие позиции, а физические объекты имущественного комплекса, как, например, здания, сооружения и пр. основные средства их утрачивают.

Постепенно основные средства становятся интегрированными элементами в цифровой экосистеме предприятий и организаций, что, в свою очередь, на наш взгляд, в будущем может потребовать дополнений в части определения понятия предприятия как имущественного комплекса, закрепленного в ст. 132 Гражданского Кодекса Республики Беларусь.

Уже в настоящее время цифровизация экономических процессов во многом определяет качественные изменения в системе отношений собственности, раздвигая границы владения, пользования и распоряжения объектами собственности между множеством заинтересованных индивидов посредством токенизации активов. В отдельных странах современного мира эта технология позволяет бизнесу привлекать множество инвесторов и наращивать объемы инвестиций на автоматизированной основе и часто без биржевых посредников (например, в

США и Швейцарии). Компании, как правило, передают цифровым инвесторам права владения акциями, облигациями, недвижимым имуществом, интеллектуальной собственностью, предметами искусства и т. д.

Более того, возможность дробить активы организации на токены разной величины (килограммы, метры и т. д.) позволяет продавать их множеству мелких инвесторов, что упрощает процесс инвестирования и позволяет значительно быстрее привлекать финансирование в необходимых объемах в реальный сектор.

В настоящее время токенизация активов представляет собой рискованное технологическое решение, законодательная база для которого, с одной стороны, еще полноценно не сформирована, но при этом отсутствует прямой запрет на токенизацию активов, что позволяет частному бизнесу организовывать такого рода сделки.

В целом, изменение структуры принадлежности активов организаций в ближайшее время будет постепенно приобретать качественно новые способы реализации, которые потребуют институционального закрепления в системе имущественных отношений на ряду с действующими. Так, наравне с традиционными способами отчуждения активов, передача цифровых прав на них, которая, по сути, также представляет собой способ продажи конкретным покупателям и может рассматриваться как способ отчуждения доли актива организации или предприятия, приводит к изменению структуры собственности на объект. Можно сказать, что цифровизация расширяет и технически упрощают способы реструктуризации отношений собственности, но не изменяет ее сущностные характеристики.

УДК 316.4

АФРИКАНА-ВУМЕНИЗМ В ЖЕНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ФЕНОМЕН РУАНДЫ

Усовская Э. А.
профессор кафедры менеджмента и коммуникаций
Института современных знаний имени А. Широкова
кандидат культурологии, доцент

Женские исследования представляют собой широкую область науки, неотъемлемую от социально-политической, культурной и экономической реальности, повседневной жизни миллионов женщин, чьи проблемы, горести, невзгоды, радости и надежды стали предметом самостоятельного изучения. Их появление стало возможным благодаря феминистскому движению и его результатов в целом, сложному процессу трансформации отношения к так называемому второму полу, победам в борьбе за права и их реализацию самых разных слоев общества, национальных сообществ, рас и народов.

Women's studies, возникшие как направление в рамках второй волны феминизма 1960 – 70-х гг., охватывают вопросы женской истории и культуры, автономности и вписываемости дискурса женского мира в систему патриархата и власти, парадоксы мизогинии, неравенства и многие другие острые проблемы. Одним из существенных их достижений стало открытие иного, отличного от мужского, горизонта истории – женского, роли феминного в системах воспитания, ухода, обслуживания, творчества, науки. От резкой критики мужского как эквивалента доминации, связанной с социально-экономическим, политическим и расовым угнетением, до стремления к гендерной комплиментарности можно условно обозначить диапазон развивавшихся и изменявшихся течений, форм женских исследований.

Существенным их вкладом наряду с гендерными являются интерсекциональные исследования, интегрировавшие в свое поле деколониальную и постколониальную проблематику. Труды Джудит Батлер, Гаятри Чакраворти Спивак, Сейлы Бенхабиб, Мадины Тлостановой и многих других ученых позволили иначе подойти к изучению «женского вопроса». Критика незападного подхода к нему сконструировала целую волну феминизма,

позиционировавшего себя как отличающейся от «белых» женских исследований. В полной мере это касается и африкана-вуменизма.

Как ни странно, источником его рождения оказалось переосмысление феминизма как такового, его задач и особенностей в расово-женском аспекте ученой и писательницей, профессором Йельского университета Кленорой Хадсон. Она предложила концепцию африканского феминизма в 1980-х гг., написав несколько книг на эту тему, в частности, «Африканский вуменизм: возвращение к себе», а также монографии об Эмметте Тилле, убийство которого стало катализатором движения за гражданские права («Эмметт Луис Тилл: импульс современного движения за гражданские права») не только в США, но и по всему миру. Правда, очевидно, Хадсон опиралась на концепт вуменизма, идея и сам термин которых были разработаны знаменитой афроамериканской писательницей и общественным деятелем Элис Уокер, активисткой движения за гражданские права чернокожих, соратницей Мартина Лютера Кинга. Сборник ее эссе «В поисках садов наших матерей» (1983) поистине стал манифестом вуменизма.

Разрабатывая и формулируя концепцию африканского феминизма, Хадсон-Уимс столкнулась с противодействием как со стороны «белых», так и «чернокожих» феминисток, утверждая, феминизм – «термин, концептуализированный и принятый белыми женщинами, включающий в себя программу, которая была разработана для удовлетворения потребностей и требований этой конкретной группы» [1, p. 11]. Опыт и практики эмансипации западных женщин отличались от многих рас, этносов, которые, как правило, испытывали колониальную эксплуатацию и насилие. Более того, исторические условия, политические и культурные контексты свидетельствовали о необходимости пересмотра общей парадигмы западного феминизма.

Африканский феминизм отличается от «белого», согласно Кленоре Хадсон, по ряду характеристик, которым она посвятила первую главу своего научного бестселлера. Среди ключевых (восемнадцати) она выделила в том числе приоритет расы над гендером, семьецентричность, гибкость мужских и женских ролей, соучастие в жизни мужчин и женщин (совместимость с мужчиной), уважение к страшим, предкам, материнство. Среди личностных качеств африкана-вуменистки были названы сила, сестринство, адаптивность, жизнестойкость и иные черты [1, p. 38–52].

Особое значение африкана-вуменизм имел для Руанды, которая в 1994 г. испытала ужасы геноцида тутси, унесшего жизни около одного миллиона человек. При этом по меньшей мере 250 000 женщин были изнасилованы и изувечены [2]. При этом физическое, сексуальное издевательство над тысячами женщин являлось целенаправленным: многие солдаты хуту были заражены СПИДом, ВИЧ и другими болезнями, которые передались и женщинам, их будущим детям. Как пишет И. В. Кривушин, «события 1994 г. нельзя рассматривать только как “государственный геноцид”, подобно Холокосту, – их можно с полным правом назвать и “народным геноцидом”. Свидетельства очевидцев показывают, что на всех уровнях – общенациональном, провинциальном, общинном – административная иерархия организовывала граждан на массовые убийства заранее намеченных жертв» [3, с. 213].

После трагедии 1994 г. радикально изменился гендерный состав населения страны – 70 % населения составили женщины. Он стал последствием регулярных этнических чисток, направленных изначально на мужскую часть населения, охвативших затем всех тутси и примыкавших к ним хуту. Правительству необходимо было принять меры по самому активному вовлечению женщин во все сферы общества и государства. Паритет, гендерное равенство были избраны как стратегия восстановления и развития страны: «Женщины и мужчины, – заявлял президент Руанды, – равны с точки зрения способностей и достоинства, и они также должны быть равны с точки зрения возможностей. Как руандийцы, как часть мирового сообщества Мы нуждаемся в том, чтобы каждый член нашего общества использовала свои таланты в полной мере если мы когда-либо хотим достичь наших целей развития» [4, p. 4]. В соответствии с национальной гендерной политикой подходы, условия реализации задач по ликвидации дискриминации, созданию эгалитарного общества постоянно

уточнялись и изменяются в настоящее время. Большую роль в конструировании реалий вовлеченности женщин в различные структуры и сферы государства, в том числе в политическую и управленческую системы, стала деятельность таких институций, как Министерство по гендерным вопросам и семьи, Национальный женский совет, Парламентский форум женщин Руанды. Все эти меры привели к неклонному росту представительства женщин в парламенте. Их доля в 2018 г. составила 64 % [4, p. 56].

Общей концептуальной, социально-культурной платформой стала не только государственная официальная идеология, но и высказывания научных, образовательных сообществ, язык женщин. Африкана-вуменизм в этой связи оказался наиболее приемлемым дискурсом. Ключевым, отправным его моментом в руандийском обществе и культуре являлись принципы сохранения культурной идентичности, взаимопомощи и защиты семьи. Социально-культурной основой также являлись традиции и ценности общины.

Большинство исследовательниц «женского» феномена Руанды склонялись к мысли о противоположности западного и африканского феминизма. Так, по мнению Джастин Увузы, большинство европоцентричных феминистских теорий противопоставляют мужские и женские роли, в то время как для руандийской культуры характерна реалия комплиментарности, а не конфронтация с мужчинами. Женщина совмещает, интегрирует традиционные роли хозяйки, матери с общественной, политической деятельностью [5].

Ее идеи во многом совпадают с основными позициями Кленоры Хадсон и вторят выводам, к которым в результате масштабных исследований пришли Дженни Кловер, Ширли Ранделл: лидерство женщин связано с преодолением геноцида, исключительно важного значения коллективизма и взаимопомощи, так называемого материнского долга. Особое внимание было уделено именно последнему концепту, столь важному для понимания сути геноцида и путей построения нового общества. Материнский долг рассматривался, в частности Дженни Барнет, в контексте концепции матери нации, согласно которой долгом для женщин стало удочерение и усыновление сирот, помощь женщинам, подвергшимся физическому и психологическому насилию [см. 6].

Феномен женщин-руандиек, африкана-вуменизма демонстрирует широкие возможности развития феминистской теории и его реальных практик. Ценным здесь является осознание женщинами собственной роли, значения в восстановлении общества и страны, деколонизации менталитета, понимание сути культурных, идентификационных основ конструирования и развития Руанды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Hudson-Weems, C. Africana womanism: reclaiming ourselves» / C. Hudson-Weems. – London, New York : Rutledge, 2024 – 230 p.

2. Программа просветительской деятельности «Геноцид тутси в Руанде в 1994 году и Организация Объединенных Наций» – URL: https://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/backgrounders.shtml (дата обращения: 14.07.2026)

3. Кривушин, И. В. Руандийский геноцид: причины, характер, значение // Pax Africana: континент и диаспора в поисках себя. – Издательский дом ВШЭ, 2009. – С. 239–277.

4. The state of gender equality in Rwanda: from transition to transformation. – Gender Monitoring Office, – 2019. 69 p.

5. Uvuza, Justin. Hidden inequalities: Rwandan female ppolitician’s experiences of balancing family and political responsibilities. A thesis submitted for the degree of doctor of philosophy / Justin Uvuza. – New Castle University, 2014 – URL https://theses.ncl.ac.uk/jspui/bitstream/10443/2475/1/Uvuza%20J.%2014.pdf (дата обращения: 25.07.2026).

6. Burnet, J. E. Genocide lives in us: women, memory, and silence in Rwanda / J. E. Burnet. – University of Wisconsin Press, 2012. – 302 p.

УДК 378.147:004.8

VR-ТРЕНАЖЁР ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ «СПЕЦ» С ИИ-ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ СВОБОДНЫХ ОТВЕТОВ

Феоктистова Д. П.
магистрант НГТУ НЭТИ
г. Новосибирск, Россия

Коробко С. С.
магистрант НГТУ НЭТИ
г. Новосибирск, Россия

Разрыв между теоретической подготовкой выпускников направления «Социальная работа» и практическими требованиями профессии фиксируется в ряде современных исследований. Согласно данным, приводимым О. В. Демиденко, более 70 % работодателей указывают на недостаточную практическую подготовку выпускников данного направления [1]. М. И. Витковская отмечает, что 75 % студентов связывают собственные перспективы трудоустройства именно с качеством практической подготовки, полученной в период обучения [2]. При этом Н. П. Клушина отдельно указывает на перспективность внедрения в образовательный процесс активных методов обучения, включая симуляционные технологии и ситуационное моделирование, как средство интеграции теоретических знаний и практических компетенций [3].

Существующие в образовательных учреждениях на данный момент методы, моделирующие реальные ситуации (анализ случаев, кейсов, ролевые игры, тренинги и др.) ограничены уже разработанными сценариями. Применение этих методов требует и присутствие преподавателя или куратора, что затрудняет массовую подготовку специалистов и требует дополнительных расходов (как материальных, так и методических). Уже имеющиеся симуляторы, которые мы рассматривали как своих конкурентов (американские компании Kognito и #C Institute) используют разработки, ограничивающие ответы пользователя только лишь выбором ответов из предложенных вариантов, что способствует формированию поверхностных навыков, когда студент пытается «угадать» правильный ответ, а не понимать саму проблему изнутри. Выбор готового варианта ответа кардинально отличается от самостоятельного выстраивания диалога специалиста и клиента в реальной жизни. Проект «Спец» предусмотрел эту условность – VR-тренажер для специалистов по социальной работе, моделирующий реальную трудную жизненную ситуацию клиента, предусматривающий использование технологий искусственного интеллекта для выстраивания вариативного диалога, в большей степени приближенного к реальному. Специалист голосом диктует свою реплику (вариант ответа), модуль обработки естественного языка (NLP) анализирует ее и определяет развитие сценария в рамках уже написанного кейса (ситуации). В данном случае механизм в большей степени побуждает обучающегося в игровой форме и в безопасной среде формулировать самостоятельно свои ответы, а не вынуждает выбирать их из ограниченного списка. Это также решает проблему необходимости присутствия преподавателя или куратора, позволяя эффективно масштабировать обучение и обеспечивать разнообразие прохождения сценариев при массовом использовании.

Ключевым решением стало сознательное ограничение возможности искусственного интеллекта. То есть, система не получает полный контроль над развитием сюжета, поскольку развитие сценариев кейсов – это заранее написанные сюжеты и алгоритмы, основанные на реальных кейсах российских специалистов по социальной работе, включающие в себя работу с замещающими семьями, подростками, людьми с зависимостью, домашним насилием, пожилыми людьми и т.д. Задачей NLP-модуля является анализ ответов пользователя в рамках уже установленной структуры, а не создание нового повествования. Передача полного управления кейсами искусственному интеллекту приводит к риску нарушения процесса

обучения, в том числе была бы потеряна обучающая специфика, которая превращает приложение в обычный диалог с ИИ, что сделало бы использование VR-технологию в данном случае неоправданной. Стоит уделить внимание и внутренней составляющей тренажера: он состоит из клиентской части на платформе Unity/#, серверного модуля на платформе .NET и отдельного компонента для управления сценариями. Первоначальная версия (MVP) разрабатывается на персональном компьютере с последующим переносом приложения на VR с использованием VR-шлемов Meta Quest. Дополнительно интегрирован модуль машинного обучения для генерации персонализированных рекомендаций по итогам прохождения сценариев обучающимся.

В дальнейшем для оценки эффективности тренажера планируется проводить анкетирование участников до и после прохождения обучения для измерения снижения уровня тревожности обучающихся перед реальным общением с клиентами. Также планируется провести сравнительную характеристику уровня профессиональной готовности с контрольной группой. Необходимо ответить то, что VR-симуляций не заменяет полноценную производственную практику. Результаты этого исследования требуют дальнейшей валидации на более широкой выборке.

Все кейсы посвящены темам, которые необходимо проработать и с этической точки зрения, ведь на этапе первичной консультации, где могут быть произведены неверная оценка рисков, пренебрежение мерами безопасности или повторная травматизация жертвы критически зависят от точности формулировок специалиста. Поэтому невозможно обойтись готовыми шаблонами ответов. Свободный диалог с обработкой естественного языка становится не просто технической способностью, а осмысленной необходимостью, подтверждая точку зрения Н. Е. Куприяновой о важности развития цифровых навыков у социальных работников в эпоху цифровой трансформации профессии [4].

В отличие от зарубежных аналогов, ориентированных на медицинскую сферу (Osso VR, Oxford Medical Simulation) либо реализованных в текстово-видео формате без адаптации к российскому правовому контексту (например, компании Kognito и 3C Institute), «Спец» сочетает ветвящуюся сценарную логику на основе реальных кейсов, свободный текстовый ввод пользователя с NLP-интерпретацией и соответствие действующему российскому законодательству (Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» и др.) [5].

На момент подготовки статьи реализован пилотный прототип приложения, доступный для тестирования в черновом виде, что подтверждает техническую осуществимость предложенного решения [6].

Таким образом, применение технологий обработки естественного языка в VR-симуляторах профессиональной подготовки развивает направление, обозначенное в литературе как перспективное для сокращения разрыва между теоретической и практической подготовкой специалистов социальной сферы [3], и выступает примером того, как искусственный интеллект и цифровые технологии становятся драйвером развития кадрового потенциала социальной сферы – при условии, что контроль над сценарной логикой остаётся за разработчиком, а не передаётся языковой модели.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Демиденко, О. В. Проблема подготовки специалистов по социальной работе: обзор современных исследований / О. В. Демиденко. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 20 (571). — С. 729–733.

2. Витковская М. Производственная практика и профессиональное становление студентов (по материалам социологического исследования) / Витковская М.И. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2002. – С. 181–189.

3. Клушина Н.П., Клушина Е.А. Инновационные подходы и технологии профессиональной подготовки специалистов по социальной работе // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-podhody-i-tehnologii-professionalnoy-podgotovki-spetsialistov-po-sotsialnoy-rabote (дата обращения: 30.07.2026).

4. Куприянова Н.Е., Валеева Н.Ш. Особенности подготовки специалистов по социальной работе в эпоху цифровой трансформации общества // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2024. № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-podgotovki-spetsialistov-po-sotsialnoy-rabote-v-epohu-tsifrovoy-transformatsii-obschestva (дата обращения: 30.07.2026).
5. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – URL: https://base.garant.ru/70552648/ (дата обращения: 30.07.2026).
6. СПЕЦ – VR технологии в социальной работе [Электронный ресурс] – URL: https://vk.ru/spetsvr (дата обращения: 30.07.2026).

УДК 366-058:316.728

ТРЕНДЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕВУШЕК-ЗУМЕРОВ В РИТЕЙЛЕ

Филинская Л. В.
доцент кафедры социологии БГУ
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Левицкая И. В.
доцент кафедры социальной работы филиала РГСУ в г. Минске
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Четверть века назад британский социолог Зигмунт Бауман (Zygmunt Bauman) отметил, что «в потребительском обществе всеобщая потребительская зависимость – универсальная зависимость от покупок – это обязательное условие всей индивидуальной свободы; главным образом свободы отличаться, «иметь идентичность» … Массово производимые средства – инструмент индивидуального разнообразия. Идентичность – «уникальная» и «индивидуальная» – может быть выявлена лишь на веществе, которое все покупают и могут получить только посредством покупки» [1, с. 92-93]. Концепция З. Баумана показывает, что в обществе потребления идентичность формируется через покупку массовых, но символически окрашенных товаров.

Описание потребления включает не только процесс приобретения (что, где, как) и использования товаров и услуг, но и характеристику того, какие ценности присущи субъекту потребления, к какой социально-демографической группе он относится, какие эмоции он испытывал в момент покупки и т.д. Например, российский социолог Вадим Радаев выделяет такие «нестандартные формы потребления», как паническое, импульсивное, компульсивное, статусное и этичное [2, с. 49-85], каждая из которые имеет свои мотивы и смыслы, а также экономические и социальные эффекты.

Потребительское поведение различных возрастных групп с учетом культурно-исторического контекста их жизни изучается на методологических основаниях поколенческих концепций, среди которых одной из наиболее обсуждаемых является теория социальных поколений Уильяма Штрауса и Нила Хоува (William Strauss and Neil Howe) [3; 4].

Мы сосредоточимся на поколении зумеров, т.е. родившихся в начале XXI в. и выросших в условиях повсеместного интернета. Их потребительское поведение сегодня только начинает формироваться и приобретать те специфические особенности, которые в ближайшие десятилетия в значительной степени будут определять основные рыночные тренды. Белорусская экономист Наталья Черченко, говоря о специфике покупательского поведения зумеров в контексте маркетинга, отмечает, что представители этого поколения «повсеместно используют разнообразные цифровые технологии» и ценят «преимущественно визуальный, эмоционально насыщенный и интер-активный контент наряду с иммерсивным клиентским опытом», а «экологические инициативы брендов и реализация программ, связанных с

социальной ответственностью бизнеса, находят активный отклик» у представителей этого поколения [5, с. 131].

Для изучения особенностей потребительского поведения девушек, которых можно обозначить как представительниц поколения зумеров, были проанализированы результаты онлайн-опроса студентов 3-4 курсов 15 факультетов БГУ, Института Бизнеса БГУ и МГЭИ им. Сахарова БГУ, проведенного в апреле-мае 2026 года с использованием сервиса Яндекс Формы. Выборочная совокупность составила 1883 студента, из них 1153 девушки.

Также для лучшего понимания субъективных смыслов, мотивов и ценностей исследуемой категории покупателей были изучены 15 кейсов девушек в возрасте от 18 до 25 лет, в которых сами информантки в свободной форме описывали собственный опыт того, как они делают покупки.

В ходе исследования удалось зафиксировать и объяснить некоторые современные тренды потребительского поведения зумеров в ритейле.

Одна из наших информанток (20 лет) следующим образом описала свое поведение в ситуации выбора между офлайн и онлайн формой покупки: «Мне нравится покупать в офлайн-магазинах. Но онлайн-шопинг дает возможность видеть множество вариаций одного товара от разных производителей, а также читать отзывы людей, которые уже использовали товар и отмечают его минусы». Очевидно, что для зумеров нет деления на «только онлайн» или «только офлайн», есть стратегия smart-шопинга: маркетплейсы используются для поиска, сравнения цен и изучения отзывов покупателей, а офлайн-опыт посещения торговых центров и магазинов – для «поиска идей», оценки новинок и примерки. Такой кросс-платформенный поиск также дает возможность сравнения цен между физическими магазинами и маркетплейсами в поисках выгоды и экономии времени и денег.

О том, что же важнее при выборе того или иного товара или услуги для покупательниц поколения зумеров, – сколько стоит вещь или то, выражает ли она внутреннее «Я» владелицы, говорят следующие цитаты: «Вещь должна меня отражать, мой вкус. … Но стоимость не менее важна» (18 лет), «Не всегда для самовыражения требуется тратить большие суммы, но я готова переплатить за вещь, если она мне прямо очень сильно понравится» (25 лет). Несмотря на то, что часть покупок совершается как следование за массовыми трендами, для современных девушек ощущение собственной уникальности и восприятие своей идентичности – это база: вещь должна соответствовать внутреннему «самоощущению» и раскрывать личность. Однако цена становится тем критическим фильтром, который в значительной мере определяет окончательный потребительский выбор.

Значительный прагматизм наблюдается у современных девушек при выборе стиля одежды. Как отметила одна из наших информанток (24 года), «сейчас возвращается мода на элегантность, но оверсайз настолько вошёл в нашу жизнь, что от него не стоит отказываться из-за удобства». То есть оверсайз и унисекс прочно закрепились в повседневности благодаря эргономичности и свободе движений, мода воспринимается как эклектичная, нормой становится микширование стилей, гламур, деловой и спортивный стили сосуществуют, распределяются по настроению и ситуации.

В нескольких кейсах, описывающих потребительское поведение девушек-зумеров, возникла тема о том, что за покупкой стоит не только потребность в вещи, но и создание имиджа и/или определенной атмосферы. Например, одна из информанток (23 года) отметила: «Покупкой можно сказать, например, я могут себе это позволить или я слежу за трендами, но это всегда про вайб». При этом роль блогеров и создателей контента в социальных сетях одна из информанток (22 года) описала следующим образом: «Инфлюенсеры для меня не являются подругой», отведя им второстепенную роль в формировании потребительских предпочтений.

Описание собственного опыта покупок чаще всего осуществлялось нашими информантами на примере одежды и косметики. И здесь неизбежно возникла тема выбора между отечественными и иностранными брендами. Мы не будем называть конкретных производителей, упомянутых нашими информантами, но отметим, что, например, выбор иностранных брендов косметики нередко связан с ожиданием «чудодейственного эффекта».

А среди мотивов выбора продукции отечественных производителей фигурируют не просто доступная цена, а оптимальное соотношение цены и качества, разнообразие продукции, наличие актуальных моделей, соответствие отечественной продукции мировым трендам. Дальнейшее изучение мотивов и форм потребительского патриотизма представляется нам весьма актуальным.

Еще одна тема, поднятая информантками, – отказ от владения вещью в пользу временного пользования. В качестве иллюстрации приведем несколько цитат: «Это отличный вариант быстро получить то, что очень нужно в моменте» (19 лет), «Люди дают себе право на временное удовольствие, понимая, что им в будущем может понравиться или понадобится что-то другое» (21 год). Таким образом, владение дорогой вещью уже не является маркером статуса. Краткосрочная аренда воспринимается молодежью как более удобная и прагматичная потребительская модель: шеринг снимает бытовую нагрузку, позволяя экономить бюджет и избавляя от хлопот, «где хранить, как утилизировать», или дает возможность протестировать товар перед покупкой.

Можно было бы предположить, что зумеры в значительной степени ориентированы на сиюминутные желания, комфорт и скорость, однако данные опроса студентов БГУ свидетельствуют, что сознательный выбор, ориентированный на долгосрочную заботу об окружающей среде, становится регулярной практикой потребительского поведения молодежи: такие формы этичного потребления как приобретение вещей в second-hand или во временное пользование (напрокат) практикуют 17,1 % студентов, минимальная упаковка покупок – 29,0 %, отказ от вещей, без которых можно обойтись (осознанное потребление) – 45,5 %, использование многоразовой сумки для покупок – 51,4 %. В качестве иллюстрации приведем несколько цитат из интервью с нашими информантками: «Использовать шопер сначала было непривычно, на меня кассиры в супермаркете смотрели, как на странную, что я отказываюсь от бесплатного пакета. А сейчас это просто рутина. И я не понимаю, зачем плодить этот пластиковый ад» (21 год), «Я практикую «правило трех дней», т.е. если вещь мне понравилась, то я закрываю вкладку и жду. В 90 % случаев через три дня я о ней даже не вспоминаю. Оказывается, мне нужно гораздо меньше вещей» (20 лет).

Результаты исследования позволили выделить следующие тренды потребительского поведения девушек поколения зумеров:

– омниканальность и практика гибридного шопинга;

– поиск баланса между выражением своей уникальности и рациональностью;

– смешение стилей;

– смещение акцента с конструирования собственного образа на создания атмосферы вокруг себя (вайба);

– критическое отношение к инфлюенсерам и рекламе в социальных сетях;

– расширение практики совместного потребления;

– рационализация практики потребительского патриотизма;

– рутинизация практики этичного потребления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бауман, З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – URL: https://www.prostranstvo.media/wp-content/uploads/2018/10/bauman_liquid_modernity_2008.pdf (дата обращения 16.07.2026).

2. Радаев, В. В. Нестандартное потребление / В. В. Радаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025 – 216 с.

3. Исаева, М. А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува / М. А. Исаева // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – №3. – С. 290-295.

4. Ожиганова, Е. М. Теория природы Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения /Е. М. Ожиганова // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2015. Т. 1, № 1. – С. 94-97.

5. Черченко, Н. В. Специфика покупательского поведения поколения Z в контексте маркетинга / Н. В. Черченко // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. науч. ст. Вып. 11 / Институт бизнеса БГУ; редкол.: М. Л. Зеленкевич (председатель) [и др.]. – Минск : Институт бизнеса БГУ, 2025. – С. 127-133.

УДК 316.3

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В ИННОВАЦИОННЫХ КОМПАНИЯХ

Фокин И. В.
аспирант факультета социологии СПбГУ
г. Санкт-Петербург, Россия

Дерюгин П. П.
профессор СПбГУ, СПб ЛЭТИ
доктор социологических наук, профессор
г. Санкт-Петербург, Россия

В современной экономике с возрастающим значением инноваций проблема доверия все теснее переплетена с четырьмя основными социальными трансформациями, связанными со 1) временем, 2) масштабами, 3) скоростью социальных изменений, 4) неопределенностью. Во-первых, инновации в бизнесе не сочетаются с краткосрочной ориентацией, они требуют длительного горизонта планирования [1, с. 18]. Во-вторых, инновационные проекты чаще всего являются масштабными и дорогостоящими. Они требуют значительных инвестиций в создание подходящих условий организационной среды, от чего в том числе зависит взаимное доверие и разделение общих норм и ценностей [2, с. 52-58]. В-третьих, высокая скорость социальных изменений способствует социальным разрывам в развитии технологий и культуры (аномии по Э. Дюркгейму), для преодоления которых требуется доверие [3, с. 37]. В-четвертых, неопределенность стала значимой характеристикой современного общества в том числе благодаря инновационному развитию, что повышает значимость доверия, о чем писал еще Н. Луман [4, с. 26].

В условиях, когда ключевым экономическим результатом деятельности компании выступает успешно реализованный инновационный продукт, традиционные контрактные отношения, которые часто являются негибкими, а также административный контроль оказываются малоэффективными. В связи с этим возникает необходимость концептуализации доверия для инновационных компаний, которое выступает в качестве одного из условий осуществления инноваций. Цель данной работы – сформировать концептуальную рамку для исследования доверия в инновационных компаниях.

Доверие с точки зрения теории действия. В теории действия в фокусе внимания исследователя находятся когнитивные, эмоциональные, ценностные основания действия. Анализ экономических и социологических источников, посвященных концептуализации действия и доверия, позволяет выделить пять основных компонентов доверия как действия: минимум два актора; наличие взаимных ожиданий; ситуация социального взаимодействия; неустранимая неопределенность; неустранимая уязвимость. Мы определяем доверие как готовность одного актора вступить в социальное взаимодействие с другим актором при условии наличия неустранимой неопределенности и уязвимости. Ключевым условием формирования доверия является наличие неустранимой неопределенности и осознаваемой уязвимости как минимум одной из сторон взаимодействия. Доверяющий актор осознанно или неосознанно принимает состояние собственной уязвимости перед действиями другого. Полное устранение неопределенности есть ситуация уверенности, а не доверия. Выход за рамки неопределенности – более близкая метафора для доверия, что сближает его с формой веры. Таким образом, на уровне действий доверие выступает как индивидуальный выбор и психологическая готовность к межличностной коммуникации.

Доверие с точки зрения социальной структуры. Структуралистский подход рассматривает доверие не как выбор, а как надындивидуальное явление. Доверие интерпретируется как устойчивое реляционное системное свойство самой социальной структуры. Оно находит выражение в разделяемых членами сообщества нормах кооперации и

в обеспечиваемой институтами «моральной плотности» и интеграции. Одна из его важнейших функций состоит в конструировании условий, минимизирующих риски недобросовестного (оппортунистического) поведения. Вторая – обеспечение определенной степени предсказуемости социальных взаимодействий для носителей различных организационных статусов и ролей.

Синтез подходов: дуальная природа доверия. Для создания жизнеспособной концептуальной рамки необходим синтетический подход, преодолевающий дихотомию действия и структуры. Доверие – это дуальный социальный феномен. Оно не сводится к простой готовности актора к взаимодействию, детерминированной извне институциональной средой, внешне заданными нормами и ценностями. Доверие процессуально по своей природе.

Для синтеза подходов мы опираемся на три основы: 1) теорию креативного действия Х. Йоаса, в соответствии с которой действие понимается не в узкой рациональной трактовке и не с точки зрения нормативной ориентации, а как соотносимое с контекстом и ценностями активное преобразование социальной среды [5]; 2) концепцию доверия через «приостановку» (suspension) неопределенности Г. Мёллеринга, в соответствии с которой доверие зарождается не на когнитивной основе, а благодаря т.н. «прыжку веры» (leap of faith), т.е. акту преодоления неопределенности, без которого невозможно сформировать некоторое ожидание о поведении другого [6]; 3) концепцию доверия А. Селигмена, согласно которой доверие требуется в условиях автономизации индивида от системы статусов и ролей, когда «индивид превращается в основного носителя ценностей» [7][8, с. 136]. В акте доверия акторы совершают креативное действие, осуществляя выход за пределы наличного бытия через «прыжок веры» и приостановку неопределенности. При этом, они одновременно опираются нормы, ценности, прошлый опыт (параметры социальной структуры) и воспроизводят или трансформируют саму социальную структуру в ходе взаимодействия. Следовательно, в обобщенном виде доверие – это процесс интерсубъективного конструирования социальной реальности. Функционально этот процесс направлен на минимизацию рисков недобросовестного поведения и повышение предсказуемости ролевых взаимодействий. Однако помимо рисков оппортунизма и предсказуемости взаимодействий, есть еще то, что характеризует связь доверия и инноваций.

Специфика инновационной среды и доверие. Описанная дуальная модель приобретает особую специфику при анализе инновационных компаний. В инновационных секторах экономики значение неустранимой неопределенности возрастает многократно, поскольку конечным экономическим результатом является создание и успешный вывод на рынок принципиально нового, ранее не существовавшего инновационного продукта. В этих условиях преодоление неопределенности для сотрудников и менеджмента становится более сложным. Это сводится к трем обстоятельствам: 1) риск непредсказуемости результата: агенты должны доверять компетенциям и честности друг друга в условиях, когда ни у кого в компании нет гарантированного успеха и алгоритма действий; 2) креативность как условие работы: поскольку создание инноваций требует постоянного выхода за рамки существующих шаблонов, социальная структура компании должна быть достаточно гибкой, чтобы поощрять принятие рисков и ошибки; 3) социальный капитал: моральная плотность в инновационной компании измеряется способностью удерживать высококвалифицированных специалистов от недобросовестного поведения (например, утечки интеллектуальной собственности) без внедрения инструментов тотального контроля, препятствующих творческой инициативе.

Заключение. Предложенная концептуальная рамка позволяет рассматривать доверие в инновационных компаниях не как статичное явление, а как социокультурный процесс. Дальнейшие эмпирические исследования в данном направлении должны быть сфокусированы на том, как именно повседневные практики в компаниях и ценности сотрудников помогают совершать «прыжок веры», необходимый для преодоления неопределенности и зарождения доверия, которое требуется для создания и коммерциализации инновационных продуктов. В этом отношении важно учитывать, как структурно-сетевые характеристики социальной среды в компаниях (связь ценностей и структуры сети социальных связей, сила социальных связей и

др.), так и содержательные, смысловые характеристики доверия (рефлексивность акторов, готовность идти на риск, открытость новому опыту).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нестик Т. А. Социально-психологические механизмы долгосрочной ориентации // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2016. – Т. 1. – №. 4. – С. 16-60.

2. Чудновская С. Н. О роли социализации и доверия в формировании кросскультурной среды реализации корпоративных проектов // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ sro, 2016. – №. 32. – С. 51-61.

3. Алёшин С. В. Доверие как социально-философская категория // Научная мысль Кавказа. – 2010. – №. 3 (63). – С. 35-40.

4. Luhmann N. Trust and power // John Wiley & Sons. – 2018. – 232 с.

6. Йоас Х. Креативность действия: пер. с нем. / Хайс Йофас. – СПб.: Алетейя, Ист. кн., 2005. – 319 с.

7. Mollering G. Trust: Reason, routine, reflexivity // Emerald Group Publishing. – 2006. – 230 с.

8. Селигмен А. Проблема доверия / Адам Селигмен; Пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. – Москва: Идея-Пресс, 2002. – 254 с.

9. Быкова О. Е. Феномен доверия в философии Адама Селигмена // Этическая мысль. – 2020. – Т. 20. – №. 1. – С. 130-141.

УДК 303.01

КРИЗИС ИЗМЕРЯЕМОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТ ДАННЫХ К СЛЕДАМ

Фофанова К. В.
профессор кафедры социологии и социальной работы
МГУ им. Н.П. Огарева
доктор социологических наук, профессор
г. Саранск, Россия

Современные социологические методы исследования все труднее вписываются в традиционное понимание методологии, основанной на классической дихотомии количественных и качественных подходов. Расширение эмпирической базы за счет современных цифровых методов социологического анализа, следов социальной активности, алгоритмично опосредованными исследовательскими практиками приводит к размыванию границ между наблюдением, измерением и интерпретацией. В отличие от естественных наук, сохранивших относительную стабильность своих объектов, методов и процедур измерения, социальные науки развиваются в условиях постоянно трансформирующегося социального контекста, что обнаруживает различие эпистемологических режимов [4, с. 6]. А.А. Сычев подчеркивает, «если естественнонаучное познание по определению монологично (в нем существует только одна позиция, а объект безответен), то гуманитарное познание диалогично» [7, с. 85]. Диалогичность гуманитарного познания делает проблематичной саму идею объективных данных, тем самым указывая на методологический кризис социологии, ориентированной на измеряемость и репрезентацию. Естественные науки в большей степени опираются на относительно стабильные методологические основания и воспроизводимые процедуры измерения, высокую степень стандартизации исследовательских практик, социология, напротив, сталкивается с подвижной, рефлексивной и исторически изменчивой реальностью. Эти изменения затрагивают не только предмет исследования, но и сами основания научного знания, что непосредственно влияет на методы и процедуры исследования. Социология как «неформальная наука» вынуждена регулярно пересматривать собственные методологические инструменты, поскольку социальное не является

фиксированным объектом, а существует в форме процессов, практик, взаимодействий. Это делает социологическую методологию более подвижной, открытой к изменениям и включенной в сам объект исследования. В результате формируется ситуация методологического плюрализма, при которой новые цифровые, вычислительные и сетевые подходы не сводимы к универсальной методологической модели, поскольку работают с различными типами алгоритмически производимых данных и цифровых следов, не обеспечивающих стабильной репрезентации социальной реальности.

Позитивистское понимание науки исходит из предпосылки классической измеряемости объекта исследования, предполагая его устойчивость, воспроизводимость и независимость от познавательной позиции исследователя. Однако в современной социологии именно измеримость оказывается под вопросом. Отсутствие устойчивой и достоверной статистики, способной адекватно отражать реальное социальное положение, размывание генеральной совокупности, нестабильность выборки, ограничения онлайн-опросов и неоднозначность интерпретации big data свидетельствуют о методологическом поиске, выходящим за рамки отдельных методов. Методы, разработанные для относительно стабильной социальной реальности, все чаще не справляются с объектом, который непрерывно меняется, ускользает от фиксации и производит собственные формы самонаблюдения. Тем самым современная социология существует в режиме постоянного методологического поиска, где научность определяется не позитивистскими принципами стабильности объекта, а способностью исследователя обосновать логику его конструирования [8, с. 15]. Методология перестает быть техническим разделом науки и превращается в пространство теоретического конфликта – между измерением и поиском, данными и следами, объектом и его конструированием.

В современной ситуации все большую важность приобретает вопрос, поставленный Г. Батыгиным. Ученый отмечал: «самый общий взгляд на социологическую методологию заключается в вопросе “Как проводить исследование?”. Методолог вынужден абстрагироваться от предмета исследования – от “что?” – и обратиться к нормам, регламентирующим процесс получения научного знания, – к “как?”» [1]. По сути, в этой позиции как раз и скрывается главный методологический вопрос – как организовать научный поиск в исследовании? Методология, таким образом, понимается, не как набор процедур, а как стратегия навигации в неопределенном социальном пространстве. В условиях неопределенности данных эта постановка вопроса приобретает особую актуальность. Если выборка не может быть стабилизирована, то методологическая рефлексия смещается от вопроса «как измерять?» к вопросу «что мы ищем и каким образом это становится наблюдаемым?». Постановка вопроса о методологии как организации поиска, а не совокупности процедур измерения, фиксирует принципиальный разрыв с классическим позитивистским пониманием научного исследования. Однако данный поворот еще сохраняет ориентацию на исследователя как центральную фигуру, контролирующую процесс производства знания. Б. Латур пишет: «Тард всегда сокрушался, что Дюркгейм отказывается в противоположность своему младшему оппоненту он настойчиво утверждал, что социальное – это не особая область реальности, а принцип соединения» [5, с. 27]. С позиций акторно-сетевого подхода «ни общества, ни социального с самого начала не существует… Социальное не общая мера всех вещей… а всего лишь движение, которое можно уловить только опосредованно» [5, с. 54-55]. Объект социологического исследования не задан заранее, он результат прослеживания ассоциаций, оставляющих эмпирически фиксируемые «следы» – цифровые, институциональные, медийные. Следы не репрезентируют социальную реальность в классическом смысле, но позволяют отслеживать процессы их формирования. Тем самым происходит сдвиг от объяснения к отслеживанию, от фиксированного объекта к процессуальной динамике. Следует отметить, что следы не заменяют классические данные. Это иной тип эмпирического материала, возникающий в условиях современной неопределенности и изменчивости.

Данный взгляд, указывает на определенный поворот в методологии социологического исследования и дополняется идеями П. Бурдье, критиковавшего иллюзию нейтральных

данных. В работах П. Бурдье методологическая проблема смещается с вопроса описания социальных связей к анализу условий производства самого знания. Бурдье настаивает на необходимости рефлексии социальной позиции исследователя, его включенности в поле: «Социология должна включать в себя социологию конструирования воззрений на мир, которые в свою очередь участвуют в конструировании этого мира» [3, с. 73]. Тем самым методология перестает быть набором технических процедур и превращается в анализ того, каким образом сами методы, данные, позиция исследователя участвует в конструировании данных. С точки зрения П. Бурдье, объект исследования не существует вне исследовательских практик, а метод выступает не только инструментом познания, но и формой символической власти. Следовательно, кризис методологии нельзя свести только к техническим проблемам сбора данных (сейчас невозможно провести исследование по модели социологов советской школы 1960-70-х гг), трудности связаны с условиями производства самого научного знания. Массовые опросы общественного мнения, получившие развитие в период становления исследований Гэллапа, опирались на относительно устойчивые социальные роли, идентичности и формы участия. Репрезентативная выборка рассматривалась как допустимая модель общества в целом. Однако в условиях цифровизации, текучести объекта, утраты прозрачности, общество измеряет само себя (рейтинги, лайки), исследователь включен в процесс и утрачиваются, казалось бы, совершенно очевидными основания для исследования.

Методология в современной ситуации все в меньшей степени сводится к инструментарию и все в большей – к обоснованию исследовательской логики, траекторий поиска и принципов отбора эмпирического материала. Скорее всего, в современной ситуации невозможно получить универсальные готовые техники, поэтому эмпирический материал рассматривается не как результат целенаправленного сбора, а как совокупность следов социальной активности, фиксируемых в ходе коммуникаций, повседневных практик, цифровых взаимодействий [6]. Следовательно, кризис современной методологии нельзя свести к чисто техническим трудностям сбора данных, он связан с необходимостью анализа условий производства самого научного знания. С позиций М.М. Бахтина: «быть – значит общаться диалогически» [2, с. 280], социогуманитарное знание невозможно вне диалога, поскольку объект не существует как завершенная данность. Поэтому современные методологические тренды – рост цифровых методов, big data, использование «следов» следует рассматривать не столько как признак прогресса, сколько как адаптацию социологии к утрате классической измеряемости. В рамках этой перспективы социальное – это не самостоятельная субстанция или структура, а результат связывания разнородных акторов, практик, артефактов.

Таким образом, методологический кризис современной социологии обусловлен утратой условий, при которых классическая эмпирика могла функционировать как инструмент научного познания. Позитивистская модель измеряемости оказывается неприменимой к социальной реальности, которая не поддается стабилизации, репрезентации и статистическому обобщению, размывается классическое понимание объекта, выборки и данных. Данные перестают быть объективным основанием знания и выступают результатом инфраструктурных, алгоритмических и исследовательских практик, соответственно, проблема из области измерения переходит в область отслеживания процессов. В результате социологическая методология все в большей степени приобретает характер навигации в неопределенном эмпирическом пространстве, где научность определяется не универсальностью метода, а степенью рефлексивности и теоретической обоснованности исследовательского поиска. Поэтому современная социология нуждается в новой оптике, которая могла бы перейти от репрезентации к отслеживанию, от фиксированного объекта – к процессу, от данных как результата сбора – к данным как продукту социальных действий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Батыгин, Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 286 с.

2. Бахтин, М.М. Собр. соч. в 7 т. Т. 6. – М. : Русские словари, 2002. – 800 с.

3. Бурдье, П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдье // Социология социального пространства – М.: Институт экспериментальной социологии; – СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

4. Возможна ли истина в гуманитарных науках? Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 1. – С. 5-28.

5. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

6. Сычев, А. А. В поисках надежности: трансформация доверия в эпоху цифровых технологий / А. А. Сычев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2024. – № 5(183). – С. 37-59.

7. Сычев, А.А. М.М. Бахтин об особенностях методологии гуманитарных наук / А. А. Сычев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. № 6 (63). – С. 85-90.

8. Фофанова, К.В. История развития социологического знания в контексте методологических идей М. М. Бахтина / К. В. Фофанова // Центр и периферия. – 2021. – № 3. – С. 11-16.

УДК 004.8:658.8

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НОВЫЙ ПОСРЕДНИК В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Хабирова А. З.
бакалавр МГИМО МИД России
г. Москва, Российская Федерации

Даянова А. В.
бакалавр МГИМО МИД России
г. Москва, Россия

Согласно трактовке Крэйга, коммуникация представляет собой социальную практику, в ходе которой формируется и конструируется социальная реальность [1]. Традиционно технологии рассматривались лишь как каналы передачи сообщений: телефон доставлял голос, электронная почта — текст, поисковая система — ссылки. ИИ-поиск (ИИ — искусственный интеллект) отличается тем, что не транслирует готовое сообщение, а создаёт его: отбирает источники, синтезирует информацию, выбирает структуру и тональность ответа, — являясь полноправным участником создания дискурса. Таким образом, взаимодействие с GenAI (GenAI — Generative Artificial Intelligence, генеративный искусственный интеллект) следует рассматривать как коммуникацию в полном смысле слова, в ходе которой создаются новые смыслы.

Теоретическую основу для понимания того, почему пользователи воспринимают подобное взаимодействие как коммуникацию, заложили Ривс и Насс в концепции CASA (CASA — Computers Are Social Actors, «компьютеры как социальные акторы»): люди переносят социальные реакции на взаимодействие с технологиями, даже осознавая, что перед ними машина, поскольку та производит социальные сигналы — голос, язык, контекст [2]. Эта закономерность проявляется и в контексте LLM (LLM — Large Language Model, большая языковая модель): часть пользователей благодарит ИИ, извиняется за нечёткие формулировки, демонстрируя поведение, характерное для межличностного общения. В 2021 году концепция была расширена Ломбардом и Сю до MASA (MASA — Media Are Social Actors, «медиа как социальные акторы») : дело не столько в количестве социальных сигналов, сколько в их качестве — персонализации, адаптивности, контекстуальности [3]. Механизм неосознанного антропоморфизма, описываемый MASA, объясняет, почему пользователи доверяют ИИ даже при риске галлюцинаций: эмоциональная привязанность к ИИ становится важнее рациональной проверки точности информации [4].

Генеративные системы опираются на двусторонний диалог, похожие на человеческие ответы и иные качества, имитирующие взаимодействие с человеком. Коммуникация с генеративным ИИ-агентом предполагает, что он сам формирует сообщение, а значит, и направляет взаимодействие. То есть, выстраивается общение «человек-алгоритм», имеющее разные сценарии (образовательная модель, ролевая, развлекательная, создание идей и креатив и др.).

Человек-алгоритм в этой системе целенаправленно обмениваются информацией, и не только передают или получают её, но и задают, конкретизируют и распределяют благодаря высокой технической организации со стороны ИИ и восприятию человека, который способен идентифицировать GenAI не только как канал, но и участника коммуникации. Однако клиенты не утрачивают осознание того, что они вступают в контакт с алгоритмической системой. То есть, с коммуникационной точки зрения генеративный ИИ имеет промежуточный образ: он не воспринимается в качестве полноценного собеседника, но и не ассоциируется полностью с техническим средством. Модель скорее выступает как партнёр, который способен обеспечить двустороннюю коммуникацию, характер которой ситуативен и во многом задаётся человеком, испытывая влияние со стороны алгоритмов и их ограниченности [5, с. 3].

Механизм памяти генеративной модели и его влияния на контакт с пользователем можно рассмотреть на примере спиральной модели коммуникации Фрэнка Дэнса [6]. В рамках этой концепции описать процесс развития коммуникации подобным образом: взаимодействие начинается в маленькой точке, затем при дальнейших контактах информация добавляется и субъекты хранят друг о друге большее количество сведений. По мере их накопления каждый круг спирали расширяется, отражая объём имеющихся сведений и заставляя стороны углублять и совершенствовать свой цикл взаимодействия для избежания повторений. Описанный механизм раскрывает общение с ИИ: каждый раз, по мере того, как пользователь задаёт вопросы, ИИ заносит в память основные черты взаимодействия, что делает дальнейшую коммуникацию более точной.

5 основных характеристик, отражающих модель, полностью применимы к взаимодействию с ИИ: цикличность (пользователь формулирует запросы, создаётся постоянный цикл вопрос-ответ), контекстуальность (ИИ взаимодействует с контекстом, который задаёт пользователь, а не со всей доступной информацией в мире), продолжительность (коммуникация протекает в реальном времени, с накоплением циклов), неповторимость (ИИ создаёт разные ответы), накопительность (нейросеть накапливает знания о пользователе, а клиент — о том, как строится общение с генеративной моделью).

Согласно исследованию BCG (BCG — Boston Consulting Group, Бостонская консалтинговая группа), за период с февраля по ноябрь 2025 года покупки с использованием ИИ возросли на 35% [7, с. 1]. Потребители склонны делегировать на ИИ существенные этапы процесса приобретения (Customer Journey) и подобным образом ускорять его.

ИИ-поиск трансформирует классическую воронку AIDA (AIDA — Attention, Interest, Desire, Action; Внимание, интерес, желание, действие), где сначала человек узнает о продукте (Awareness). На следующей стадии воронки (Interest) у него появляется интерес, и он начинает изучать различные предложения, за этим следует этап формирования желания совершить покупку (Desire), который впоследствии превращается в действие (Action). Если традиционный поиск требовал ключевых слов и последовательного прохождения этапов, то при взаимодействии с GenAI потребители сравнивают бренды и опции (80%), открывают новые продукты (72%), уточняют цены (56%) и получают рекомендации (48%) в рамках единого диалога [8]. Этап Interest сокращается: ИИ принимает на себя анализ вариантов, оставляя пользователю лишь валидацию вывода. Поскольку лишь 12% пользователей ChatGPT переходят на внешние сайты [8], традиционные метрики посещаемости уступают место показателю AI Share of Voice — доле присутствия бренда в генеративной выдаче. Измеримость GEO обеспечивается также метриками: Subjective Impression («субъективное впечатление») и PA-WC (PA-WC — Position-Adjusted Word Count, «объём слов с поправкой на позицию») [9].

На основе анализа потребительских запросов нами выделены четыре сценария обращения к GenAI. Сценарий 1 представляет собой ориентацию в незнакомой категории: именно здесь GenAI формирует первичный набор брендов, которые потребитель будет рассматривать в дальнейшем. В рамках Сценария 2 потенциальный потребитель решает конкретную проблему: ИИ выступает в роли эксперта-консультанта, задаёт уточняющие вопросы и подбирает решение; такие запросы обладают наибольшим потенциалом конверсии. По Сценарию 3 происходит валидация решения: потребитель ищет подтверждение уже сложившегося выбора, используя воспринимаемую объективность ИИ. В качестве Сценария 4 выделено решение комплексной жизненной задачи: ИИ встраивает коммерческие рекомендации в решение задач, которые изначально не предполагают покупку (планирование путешествия, обустройство детской комнаты). Сценарии образуют взаимопроникающую систему: в рамках одного диалога потребитель может последовательно пройти несколько сценариев.

В ходе работы были сформированы и проанализированы 200 поисковых запросов, объединённых в срезы по 4 категориям продуктов P&G (P&G — Procter&Gamble) (уход за телом, уход за полостью рта, личная гигиена и уход за волосами) по 50 запросов на категорию (поисковой срез — группа однотипных поисковых запросов, объединённых по категории товара и намерению пользователя, которая берётся как единица анализа поисковой выдачи). По результатам анализа были выработаны рекомендации по увеличению видимости брендов в ИИ-поиске Яндекса. Совокупность этих мер формирует *операциональную модель GEO* (GEO — Generative Engine Optimization, оптимизация под генеративные поисковые системы) (см. рисунок).

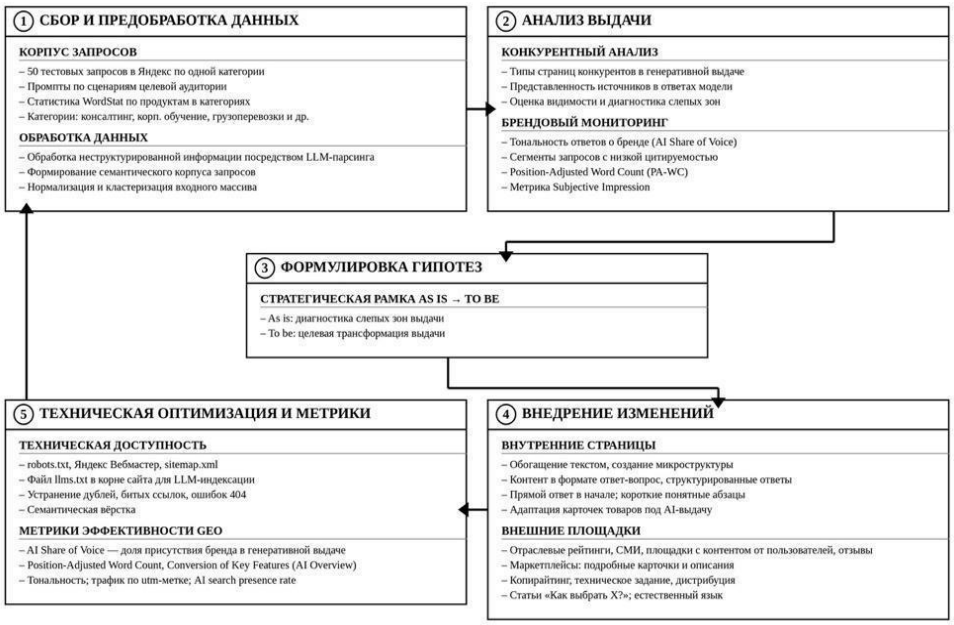

Рисунок. Операционная модель GEO

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Craig, R. T. Communication Theory as a Field / R. T. Craig // Communication Theory. – 1999. – Vol. 9, № 2. – P. 119–161.

2. Reeves, B. The Media Equation / B. Reeves, C. Nass. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1996. – 305 p.

3. Lombard, M. Social Responses to Media Technologies in the 21st Century: The Media are Social Actors Paradigm / M. Lombard, K. Xu // Human–Machine Communication. – 2021. – Vol. 2. – P. 29–55.

4. Zhou, T. Examining generative AI user addiction from a C-A-C perspective / T. Zhou, C. Zhang // Technology in Society. – 2024. – Vol. 78. – Art. 102653. – DOI: 10.1016/j.techsoc.2024.102653.

5. Zhang, B. Seeking With Sentiment: Emotional Attachment and the Use of Generative AI as an Information Intermediary / B. Zhang, N. Sreepada // Media and Communication. – 2026. – Vol. 14. – P. 1–23. – DOI: 10.17645/mac.11345.

6. Drew, C. 5 Features of Dance's Helical Model of Communication / C. Drew // Helpful Professor. – 2023. – URL: https://helpfulprofessor.com/helical-model-of-communication/ (date of access: 16.04.2026).

7. Consumers Trust AI to Buy Better. Brands Need to Move Quickly / G. McRoskey, L. Taylor, B. Eppler [et al.] // Boston Consulting Group. – 2026. – URL: https://www.bcg.com/publications/2026/consumers-trust-ai-to-buy-better-brands-must-adapt (date of access: 23.04.2026)

8. Aggarwal, P. GEO: Generative Engine Optimization / P. Aggarwal, V. Murahari, T. Rajpurohit [et al.] // arXiv. – 2024. – DOI: 10.48550/arXiv.2311.09735.

УДК 316.4:323.2:535.41

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК ПРИНЦИП ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

Хамутовская С. В.
зав. отделом социологии гос. управления Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Понятие «интерференция» имеет латинское происхождение, объединяет в себе inter (между, взаимно) и ferens (ferentis) (несущий или переносящий). В научный оборот термин был введен английским физиком Томасом Юнгом в 1803 г. для экспликации наложения световых волн в тонких пленках. В физике под интерференцией понимается «явление усиления или ослабления амплитуды (интенсивности) результирующей волны в зависимости от соотношения между фазами складывающихся в пространстве двух (или нескольких) когерентных волн. Если когерентные волны встречаются в одинаковой фазе, то они усиливают друг друга, и амплитуда результирующей волны равна сумме амплитуд, а интенсивность больше, чем сумма интенсивностей двух волн (получаются максимум амплитуды и максимум интенсивности). Если когерентные волны встречаются в противофазе, то они ослабляют друг друга, и амплитуда результирующей волны равна разности амплитуд, а интенсивность меньше, чем сумма интенсивностей двух волн (получаются минимум амплитуды и минимум интенсивности). Если встречаются некогерентные волны, то интерференции волн не будет – интенсивность результирующей волны будет равна сумме интенсивностей этих волн» [1, с. 219]. При этом под когерентностью подразумевается «согласованное протекание во времени и в пространстве нескольких колебательных или волновых процессов. Когерентность проявляется при сложении нескольких колебательных или волновых процессов» [2, с. 247].

В конце XIX–начале XX в. понятие интерференции стали активно использовать в лингвистике и социолингвистике для описания преимущественно специфики воздействия одного языка на другой, взаимного проникновения элементов языков и культур (например, норм) друг в друга при их контакте; психологической и биологической науках – для исследования особенностей взаимовлияния различных процессов (например, восприятия, памяти и мышления). Примерно в середине-второй половине XX в. термин «интерференция» начинает применяться в культурологии и социологии, преимущественно для осмысления явлений межкультурной коммуникации, сопровождаемых внедрением ценностей, норм и образцов поведения из одной культуры в другую в результате конфликта либо посредством адаптации. По отношению к социальным процессам и явлениям интерференция предполагает возможность для последних в результате взаимодействия как их усиления, так и ослабления посредством «наложения», взаимного влияния.

В настоящее время с учетом изменения потребностей, ожиданий и запросов социума, появления новых вызовов, рисков и угроз, в социогуманитарных науках актуализируется проблематика исследования консолидационных процессов, происходящих в белорусском

обществе, сквозь призму выявления и анализа воздействующих на них социально-политических факторов. При этом социальные и политические факторы целесообразно рассматривать не по отдельности, а совокупно, вследствие их интерферентности, то есть взаимовлияния друг на друга, в ходе которого взаимно интенсифицируются либо наоборот некоторые их параметры, свойства. В таком контексте принцип интерференции востребован для:

– анализа противоречий (в том числе приводящих к конкуренции и конфликтам), возникающих в ходе «наложения» социальных и политических процессов: к примеру, во времена так называемых «голодных бунтов» в толпе, требующей хлеба и громящей при этом пекарни, проявляется «наложение» друг на друга ряда кризисов (экономического, социального, политического), в результате которого изначально мирные социальные протесты переходят в стихийные беспорядки, иногда перерастающие в революционные движения;

– исследования схожих и отличных интересов, ценностей, норм и потребностей различных социальных групп общества: в зависимости от того, что преобладает, может происходить соответственно как возникновение социальной и/или политической напряженности, так и новых форм консолидации, направленных на сплочение представителей социальных групп, общностей, поддержание социально-политической стабильности и эффективное обеспечение национальной безопасности государства в тех и или иных сферах. В качестве примера может выступать аккультурация, когда в рамках взаимодействия мигрантов и представителей коренного населения происходит либо взаимное обогащение культур с присущими им ценностями, нормами, установками и т. п. (т. е. конструктивная интерференция), либо конфликт ценностей, норм, установок и т.п. (т. е. деструктивная интерференция);

– изучения свойств тех или иных политических и социальных факторов с точки зрения выполнения ими интеграционных либо дезинтеграционных функций: к примеру, цифровизация может как укреплять социальные связи, упрощать интеракцию между людьми и государственными органами (организациями), так и приводить к новым социальным расслоениям (цифровому неравенству), усиливать риски политических манипуляций, утечки данных и т.п. Цифровая коммуникация способна оказывать влияние на традиционные формы общения, в итоге изменяя структуру некоторых социальных институтов (семьи, образования и др.). Еще одним ярким примером является социальная политика, направленная на повышение пенсионного возраста: последняя может вызывать поддержку у молодежи, воспринимающей ее как необходимую меру для снижения нагрузки на экономику, но одновременно с этим – неприятие со стороны старших возрастных групп населения (предпенсионного и пенсионного возрастов), считающих данную политику противоречащей принципу социальной справедливости. Соответственно такое политическое решение потребует поиска эффективных механизмов для достижения социального компромисса, согласования интересов социальных групп в целях обеспечения устойчивого развития общества, экономической, социальной и политической безопасности;

– оценки влияния внутренних и внешних воздействий на социальные и политические факторы консолидации общества, таких как, например, глобализация, международная повестка, геополитические и интеграционные процессы, информационно-коммуникационные технологии и т.п., с одной стороны, и система ценностей, национальные традиции, идеология, система права, система государственного управления и т. п. – с другой. Посредством применения принципа интерференции становится возможным более четкое понимание того, как явления и события трансформируют друг друга: как глобальный экономический кризис действует на экономику конкретного государства; с учетом каких национальных интересов государство вступает в те или иные союзные образования, развивает стратегическое партнерство и т. д.

При этом, при анализе интерференции как принципа взаимодействия политических и социальных факторов консолидации общества необходимо принимать во внимание обозначенную в определении интерференции обязательную когерентность (изначально в

физике – волн, а в данном случае – сфер общества). Белорусский доктор социологических наук, профессор С. А. Шавель считал, что последние когерентны, то есть сцеплены и осуществляют непрерывный взаимообмен. «Например, экономическая сфера получает от других такие вклады: 1) от сферы политики – цели и приоритеты, организованность всей общественной жизни, общую мобилизованность и др.; 2) от социальной сферы – лояльность, солидарность, упорядоченность конкурирующих притязаний, социальный капитал, минимизацию или смягчение конфликтов, дополнительные производственные эффекты сотрудничества и коллективизма; 3) от духовно-культурной сферы – высокий уровень готовности людей к экономической деятельности, социализированных и мотивированных индивидов, профессионализм работников, человеческий капитал. В свою очередь, вклады экономики в другие сферы – это не только материальные средства к жизни, но и новые рабочие места, возможности выбора профессий, доступ к ресурсам и информации (новые средства связи, интернет и т. д.), социальным благам и услугам, вертикальную мобильность, иммиграцию, условия самореализации индивида» [3, с. 22]. Если вышеописанный обмен эквивалентен, это способствует консолидации общества, в противном случае – возникает дисбаланс, отрицательно воздействующий на состояние устойчивости социума как целостной системы.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о том, что для эффективного научного исследования возможностей и потенциала влияния социальных и политических факторов на консолидацию общества к последним целесообразно применять принцип интерференции с учетом когерентности сфер общественной жизни. В данном случае ресурсным представляется применение методов, подходов и аналитических инструментов различных наук, прежде всего социологии и политологии в рамках междисциплинарности. Основное преимущество междисциплинарного подхода заключается в том, что с его помощью политическое и социальное изучается комплексно в их взаимосвязи: многоуровневый, многоаспектный, сложноорганизованный социальный феномен консолидации анализируется не только сквозь призму социальных структур, групповых интересов, ценностей и поведения индивидов, социальных групп и общностей, но и как «инструмент» по сплочению общества, создаваемый и реализуемый, в основном, политическими институтами в рамках государственной политики, направленной на достижение национальных интересов в политической и социальной сферах в контексте обеспечения национальной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Интерференция волн // Физика : словарь-справочник / Е. С. Платунов [и др.] ; под ред. Н. М. Кожевникова. – СПб., 2014. – с. 219.

2. Когерентность // Физика : словарь-справочник / Е. С. Платунов [и др.] ; под ред. Н. М. Кожевникова. – СПб., 2014. – с. 247.

3. Шавель, С. А. Сферная когерентность общества как императив его устойчивости и прогресса / С. А. Шавель // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 3. – С. 12–23.

УДК 316.42

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА И СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Хлебовец А. С.
старший преподаватель кафедры международного менеджмента БГУ
г. Минск, Беларусь

В современном обществе происходит постоянный рост уровня научно-технического развития и уровня медицинского обслуживания. Что создает условия для снижения показателей смертности населения. На ряду с этим снижается рождаемость населения. Рост

доли пожилого населения и сокращения доли молодежи приводит к изменению возрастной структуры населения и к процессам его старения.

В историческом разрезе данная тенденция в Республике Беларусь подчиняется общим закономерностям, выделенным Фрэнком Ноутстейном. В своём «Учении о демографическом переходе» он выделил три стадии процесса трансформации возрастной структуры населения: высокую, переходную и низкую [2, 36-45]. Первая стадия характеризуется высокими показателями рождаемости и смертности населения и низким естественным приростом. Вторая стадия характеризуется высокими показателями рождаемости и низкими показателями смертности, следовательно высоким естественным приростом населения. Третья стадия характеризуется низкими показателями рождаемости и смертности, как следствие низким естественны приростом.

В целом процесс старения населения Республики Беларусь можно разделить на этапы исходя из значения коэффициента демографической нагрузки (рисунок).

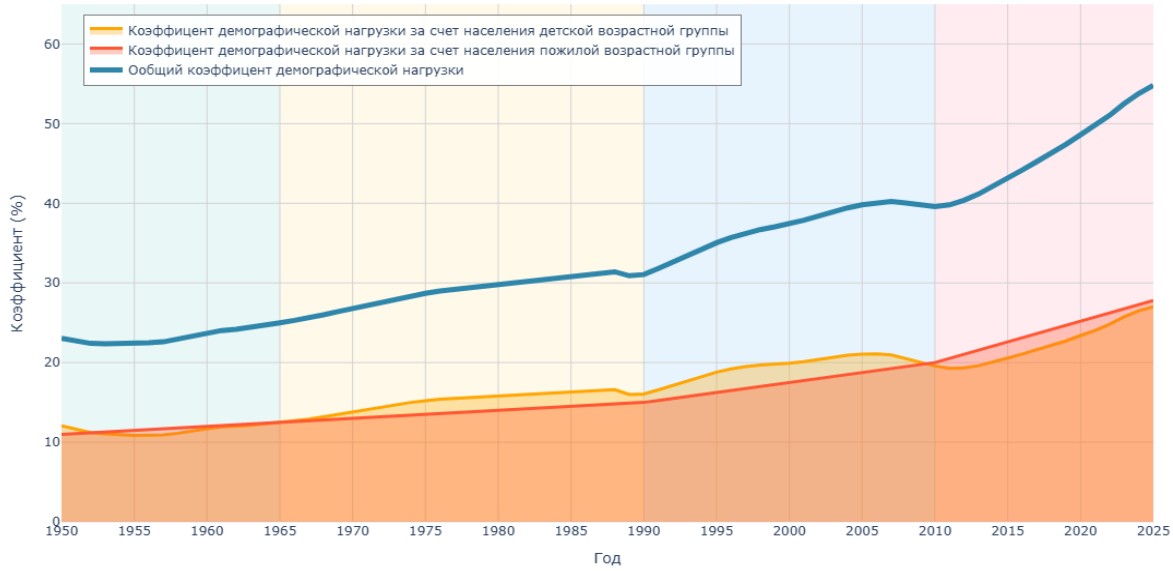

Рисунок. Коэффициент демографической нагрузки в Республике Беларусь за 1950-2025 годы, % [3,4]

Исходя из изменения коэффициента демографической нагрузки, эволюцию старения населения Беларуси можно разделить на несколько этапов, с хронологией и интенсивностью:

1. 1950-1970-е гг.: этап высокой нагрузки детьми — послевоенный период характеризовался высокой рождаемостью, что обусловило значительный удельный вес детей в структуре населения. Основной вклад в общий коэффициент демографической нагрузки вносило население младшего возраста.

2. 1980-1990-е гг.: переходный этап — в этот период началось снижение рождаемости, и общая нагрузка снизилась за счет уменьшения доли детей. Однако процесс старения еще не приобрел критического характера, так как доля пожилых росла медленно.

3. С 2000-ых г. по настоящее время: этап высокой нагрузки пожилыми — современный этап характеризуется неуклонным ростом численности населения старше 65 лет. В 2005 г. кривые детской и пожилой нагрузки пересеклись. К 2025 г. нагрузка пожилыми достигла 31%, детская — 25%, общая — 56%. Рост обусловлен исключительно старением, детская компонента стабильна на уровне 24–25%. Это стало следствием как низкой рождаемости, так и увеличения продолжительности жизни. Коэффициент демографической нагрузки сегодня формируется преимущественно за счет пожилого населения.

Подтверждает данную тенденцию и анализ трудоспособного населения: рост был с 5,695 млн. чел. (1989) до 5,853 млн. чел. (2009), но затем сократилось до 5,317 млн (2025), а его доля снизилась с 61,6% до 58,4% (табл. 1).

Таблица 1. Анализ общей численности и численности населения трудоспособного возраста в Республике Беларусь за 1989-2025 годы [3,5]

Показатель		Год переписи населения/оценки				
		1989	1999	2009	2019	2025
Общая численность населения (тыс. чел.)		10151,8	10045,2	9503,8	9413,4	9109,28
Население трудоспособного возраста	Численность (тыс. чел.)	5 695,1	5 735,6	5 853,1	5 422,3	5 317,3
	Удельный вес в общей численности населения (%)	56,1	57,1	61,6	57,6	58,4
	Прирост (убыль) к предыдущему периоду в абсолютном выражении (тыс. чел.)	—	40,5	117,5	-430,8	-105,0

Источник: рассчитано по данным переписей населения Республики Беларусь 1989, 1999, 2009, 2019 гг. и официальному бюллетеню Белстата на 01.01.2025 г.

Примечание – трудоспособное население – мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 года (до пенсионной реформы). Источник: рассчитано по данным ООН World Population Prospects 2024, Всемирного банка.

Переход к третьей стадии порождает системные вызовы: рост бюджетной нагрузки на пенсионную систему и здравоохранение; дефицит рабочей силы; увеличение спроса на гериатрическую помощь; гендерный дисбаланс (преобладание женщин среди 65+); сельско-городская дифференциация с ускоренным старением на селе. Меры, адресованные в основном сельским семьям, могут усиливать региональные диспропорции, при этом детская нагрузка остаётся стабильной — рождаемость закреплена на уровне ниже воспроизводства.

Эволюция возрастной структуры Беларуси в 1950–2025 гг. соответствует трёхстадийной модели Ф. Ноутстейна, но с сжатой хронологией. Страна находится в финальной стадии перехода, что подтверждается данными исследования, ростом общей нагрузки до 56% и сокращением трудоспособного населения. Однако в современной демографической науке (в том числе в отечественной трактовке А.Г. Вишневского) III стадия уточняется: основной фактор — не столько дальнейшее падение рождаемости, сколько рост смертности вследствие демографического старения [1].

Таким образом, для стран, завершающих демографический переход (включая Беларусь), характерна именно эта модификация III стадии

. Социально-экономические последствия требуют пересмотра пенсионной, социальной и региональной политики. Дальнейшие исследования должны быть направлены на прогнозное моделирование с учётом характерных черт старения населения Беларуси:

- высокая нагрузка на трудоспособное население;
- гендерный дисбаланс;
- сельско-городская дифференциация (процесс урбанизации, привел к тому, что сельская местность стареет более быстрыми темпами);
- влияние государственной политики.

Анализ старения населения Республики Беларусь показывает, что страна вступила в финальную стадию демографического перехода, характеризующуюся высокой нагрузкой пожилого населения. Данный тренд требует принятия комплексных мер, учитывающих как общемировые закономерности, так и национальные особенности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ
1. Вишневский, А. Г. Демографическая революция [Электронный ресурс] / А. Г. Вишневский. – М.: Статистика, 1976. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/dem_revol/dem_revol.pdf. (дата обращения: 21.07.2026).
2. Notestein F. W. Population: The Long View // Food for the World / ed. T. W. Schultz. – Chicago : University of Chicago Press, 1945. – P. 36–57.
3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Численность населения Республики Беларусь на 1 января 2025 г. и в среднем за 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.belstat.gov.by. (дата обращения: 21.07.2026).
4. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects 2024 [Электронный ресурс]. – New York : United Nations, 2024. – URL: https://population.un.org/dataportal/. (дата обращения: 30.07.2026).
5. World Bank. Age dependency ratio (% of working-age population) – Belarus [Электронный ресурс]. – Washington, DC: World Bank, 2024. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.DPND. – (date of access: 27.07.2026).

УДК 37.078

ИМИДЖ КАК РЕСУРС СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

Цуран О. П.
заместитель директора ИУК
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

Мир образования воспринимается и осознаётся людьми в определённой системе символов и понятий. Все педагогические процессы, которые происходят в учреждении образования так или иначе связаны между собой и остаются в сознании всех субъектов, как неотъемлемая часть образа педагогической системы. Это и есть имидж, который является своеобразным посредником во взаимодействии между его носителями (обучающимися, руководством и работниками) и воспринимающим социальным окружением.

В системе образования каждый участник педагогического процесса стремится к идеальному индивидуальному образу, который сливается в коллективную социальную конструкцию и выступает как фактор, оказывающий мощное воздействие на восприятие окружающих людей.

В наше время тема развития имиджа учреждений образования стала достаточно модным направлением для обсуждения в педагогическом сообществе. Однако наблюдается дефицит фундаментальных исследований в области дошкольного и общего среднего образования. Вместе с тем, следует отметить работы современных ученых Республики Беларусь по повышению позитивного имиджа в учреждениях высшего образования. Е. А. Ровба, В. В. Карпинский, Т. А. Пивоварчик, А. А. Градюшко изучают имиджевые стратегии в академической среде и уделяют особое внимание процессам позиционирования белорусских университетов в глобальном и медийном пространстве.

Ещё один парадокс имиджа учреждений образования заключается в конфликте между реальным качеством обучения и его внешней оболочкой. Он проявляется, когда усилия школы, колледжа или вуза уходят на создание красивой картинки для привлечения учащихся и образовательных ресурсов, в то время как глубинная суть учебных процессов развивается стабильно, но без повышения качества образования.

Если посмотреть, с другой стороны, то устаревшие педагогические подходы и оборудование, отсутствие открытых каналов связи с родителями и абитуриентами, эмоциональное выгорание педагогического состава и проблемы в коммуникации являются классическими симптомами глубокого системного кризиса имиджевой среды в учреждениях

образования. В совокупности они образуют замкнутый круг: устаревшие подходы порождают стресс и выгорание, из-за чего педагоги теряют ресурс для открытого диалога, а абитуриенты и учащиеся чувствуют формализм и нехватку эмпатии.

Таким образом, стратегическое управление развитием имиджа учреждений образования крайне необходимо в современных условиях для формирования привлекательного образа всех типов учебного заведения. Такой управленческий подход соединит образовательную миссию с ожиданиями общества, повысит доверие и напрямую будет влиять на успех учреждения образования.

На встрече с членами Республиканского совета ректоров учреждений высшего образования 13 февраля 2024 г. Александр Григорьевич Лукашенко отметил: «Самое важное – мы сохранили преемственность и качество классического образования. Был риск кинуться в реформы и эксперименты. Нас очень активно пытались втянуть в них деятели различных зарубежных фондов. Это делалось не случайно. И, давайте откровенно говорить, кое-где мы туда вступили. Будем честными: советская высшая школа дала миру гениальные открытия, прославленные на весь мир имена. Тогда полученные в наших вузах знания были на вес золота. И сейчас в Беларусь едут учиться, потому что мы сохранили лучшие советские традиции» [1].

Изучая опыт советских академиков И. Я. Лернера, М. Н. Скаткина, В. В. Краевского, можно с уверенность утверждать, что советская система образования опиралась на фундаментальность, всеобщую доступность и строгую идеологию. Она сформировала мощный позитивный имидж учреждений образования с глубокой базовой подготовкой, однако была ориентирована на среднего ученика, оставляя мало места для вариативности и развития креативности.

Вместе с тем, учения педагогов В. А. Сухомлинского, П. П. Блонского, Ш. А. Амонашвили, Ю. К. Бабанского, В. Ф. Шаталова, Д. В. Эльконина раскрывает советскую систему образования с совершенно другой, уникальной стороны и доказывают: внутри строгого государственного канона развивалось мощнейшее гуманистическое и новаторское движение.

Таким образом, само понятие «имидж» в Советском Союзе рассматривалось исключительно как инструмент манипулирования массовым сознанием и поэтому было спорное отношение к этому определению, никаких крупных исследований данного понятия и явления в целом не велось. Идеология и была синонимом имиджа в эпоху Советского Союза. Имидж государства в то время позиционировал себя как оплот мира, представлял передовую научную державу и общество социальной справедливости. Эта позиция активно продвигалась через культуру, образование и спорт в том числе. Идеология задавала строгие стандарты внешнего вида, поведения и морали. Вся публичная сторона сферы образования служила одной цели — созданию и поддержанию безупречной репутации советской педагогической системы.

В современном геополитическом мире, где образование стало ключевым инструментом «мягкой силы» и суверенитета, такой идеологический подход к имиджу учреждений образования имеет место быть и скорее является необходимым условием представления системы образования Республики Беларусь на международной образовательной арене. Ведь имидж учреждений образования, который опирается на идеологию государства будет способствовать академической мобильности с дружественными странами, содействовать активному обмену учебными практиками и проектами в мировом научном пространстве, что будет способствовать защите национальной идентичности Республики Беларусь.

Следует отметить, что в 1980-х годах, интерес к категории имиджа проявил доктор философских наук, профессор О. А. Феофанов, одним из первых попытавшийся изменить отношение к имиджу в своих статьях. В 1990-х годах эту область начал изучать философ В. М. Шепель, запустивший в дискурс понятие «имиджелогии». В 1994 году он опубликовал фундаментальный труд «Имиджелогия: Секреты личного обаяния», в котором концептуализировал имидж не как инструмент манипуляции, а как гуманитарную технологию развития личности. Это заложило основы развития имиджа учреждений образования, и

представление его, как целенаправленно сформированного, эмоционально окрашенного образа, который складывается в сознании учащихся, родителей, педагогов и общественности.

В наше время технология личностного роста переводит внутренний потенциал всех субъектов педагогической системы во внешний, и приводит к социально востребованному результату, который является необходимым ресурсом для выстраивания общего, долгосрочного плана действий управления развитием имиджа учреждений образования.

Таким образом, основной целью имиджа как ресурса стратегического управления учреждением образования является повышение его конкурентоспособности и создание устойчивого позитивного восприятия у целевой аудитории: учащихся, родителей, педагогов, социальных партнеров и общества в целом. Причем идеология учреждения образования выступает фундаментом его имиджа. Она транслируется через ценности и базовые принципы, определяющие поведение коллектива, через стиль учреждения образования.

Стратегическое управление развитием имиджа учреждения образования — это не абстрактная теория, а инструмент устойчивого развития, которым должен уверенно владеть каждый руководитель, так как он и является ключевой фигурой в представленном процессе. Руководитель учреждения образования задет вектор развития, принимает решение по выбору образовательных ресурсов, формирует в учреждении культуру стратегического мышления.

И принцип тут очень простой: как сегодня учреждения образования будут работать над повышением позитивного имиджа, такой результат педагогическая система получит через несколько лет.

Долгосрочное планирование имиджа учреждения образования — это стратегический процесс создания, развития и поддержания устойчивого положительного образа учебного заведения в сознании учащихся, родителей, педагогов и общества. Это процесс включает четыре ключевых этапа.

1. Анализ текущего восприятия. Главная задача на этом этапе — это найти разрыв между тем, что транслируется в учреждении образования, и тем, что хотят видеть в социуме, чтобы скорректировать стратегию, улучшить качество образования.

2. Определение целевой аудитории представляет собой сегментацию всех участников образовательного процесса и общественности на группы с общими потребностями и запросами. Точное понимание потребностей этих групп позволяет создать правильный, привлекательный и убедительный образ учреждения для каждой из них.

3. Формулирование позиционирования отвечает на вопрос: почему должны выбрать именно это учреждение образования?

4. Выбор каналов коммуникации, где каждый канал должен выполнять свою конкретную задачу.

Имидж как ресурс стратегического управления учреждением образования не должен «жить» только в документах. Это сложный динамичный процесс создания уникального и привлекательного образа учреждения образования, который требует слаженной постоянной работы всех субъектов образовательного процесса. Если положительное отношение к учреждениям образования будет сформировано в социуме, то за ним, как результат влияния социальных связей, обязательно последуют доверие и, в свою очередь, — высокие оценки и поддержка. Такова психологическая цепочка, порождаемая положительным отношением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь: [сайт]. – URL: https://president.gov.by/ru/about, https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/308398/1/91-97.pdf (дата обращения: 12.06.2026).

УДК 316.7

«КУЛЬТУРНАЯ ПРАСТОРА» ЯК САЦЫЯЛАГІЧНАЯ КАТЭГОРЫЯ

Цыбульская Н. В.
вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі
кандыдат сацыялагічных навук, дацэнт
г. Мінск, Беларусь

Паняцце "культурная прастора" трывала ўвайшло ў катэгарыяльны апарат вялікай колькасці гуманітарных і сацыяльных дысцыплін, якія ўключаюць культуру ў прадмет сваіх даследаванняў (філасофіі, культуралогіі, сацыялогіі, тэорыі мастацтва, псіхалогіі і сацыяльнай псіхалогіі, і многіх іншых). Як і само паняцце «культура», якое мае мноства значэнняў, тэрмін «культурная прастора» («прастора культуры») часта выкарыстоўваецца інтуітыўна як «зразумелы ўсім» або трактуецца прадстаўнікамі розных навук і з пункту гледжання «свайго» аспекту даследавання культурных з'яў.

Беларускі сацыёлаг Уладзімір Абушэнка адзначаў, што сацыялогія ніколі не займала вядучую пазіцыю сярод навук, якія прэтэндуюць на цэласнае асэнсаванне і даследаванне праблематыкі культуры. Аднак на працягу ўсёй гісторыі сацыялогіі праблематыка культуры перманентна прысутнічала ў сацыялагічных дыскурсах. У сучасных сацыялагічных ведах бачанне і аналіз культуры пры яе даследаванні рэалізуюцца ў асаблівай сацыялагічнай рамцы «прадукавання ведаў аб чалавеку, сацыяльна дзеючым у сваёй культуры (на падставе розных ведаў пра яе), і для сацыяльна дзеючага ў сваёй культуры чалавека» [1, с. 21].

Трактоўка паняцця «культурная прастора» ў сацыялагічным кантэксце абапіраецца на сцвярджэнне аб тым, што быццё культуры «праймае» быццё грамадства і быццё чалавека. Зыходзячы з гэтага, можна сцвярджаць, што культурная прастора соцыума ўключае ў сябе «перасякальныя» прасторы рэчаў (артэфактаў); тэкстаў, значэнняў, сэнсаў і сімвалаў; каштоўнасцяў; розных відаў дзейнасці (уключаючы тэхналагічную, гульнявую, камунікатыўную і многія іншыя). Усё пералічанае робіцца прадметам сацыялагічнага вывучэння і спараджае адпаведныя канцэпцыі і тэарэтычныя распрацоўкі. Ні адну з іх нельга лічыць той, якая валодае ўніверсальным бачаннем культуры, аднак усе яны ўніверсальныя «ў сэнсе аналізу такога зрэзу культуры, які дазваляе ахопліваць яе як цэласнасць, што забяспечвае ўзнаўленне, функцыянаванне і развіццё соцыума і ўсіх яго кампанентаў, пачынаючы з асобаснага і сканчаючы глабальным узроўнем яго арганізаванасці» [1, с. 21].

Такім чынам, зробім выснову, што «сацыяльнае» і «культурнае» непарыўныя адно ад аднаго. Адзначым, што ў сацыяльных і гуманітарных навуках шырока выкарыстоўваецца тэрмін «сацыякультурная прастора». На наш погляд, менавіта з прычыны «непарыўнасці» культуры і соцыума прыстаўка «сацыя-» у згаданым тэрміне з'яўляецца залішняй, бо без культуры існаванне соцыуму немагчымае. Ужыванне сацыялагічных метадаў даследавання соцыума ахоплівае і культурныя працэсы, што адбываюцца ў соцыуме, што дае вельмі каштоўную інфармацыю пра стан, функцыянаванне і развіццё грамадства.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Абушэнка, У. Л. Магчымасці і абмежаванні сацыялагічнага вывучэння культуры / У. Л. Абушэнка // Асоба. Культура. Грамадства. – 2004. – Т. 6, № 24. – С. 9–21.

УДК 004.8, 159.955

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЧЕЛОВЕКА XXI ВЕКА – ДИАЛЕКТИКА «КОГНИТИВНОЙ РАЗГРУЗКИ» И АТРОФИИ

Чернавский А. С.
старший преподаватель кафедры политологии Московского педагогического государственного университета
г. Москва, Россия

Чобанян Р. С.
советник генерального директора, НИИП «Комплексные электронные системы»
кандидат юридических наук
г. Москва, Россия

Массовое распространение генеративных ИИ–ассистентов на основе больших языковых моделей (БЯМ/LLM) от ChatGPT 3/3.5 до актуальных моделей Gemini и Claude, и пр. поставило перед гуманитарными и когнитивными науками вопрос, не имеющий однозначного исторического прецедента. Изменяет ли делегирование языковых и коммуникативных задач машине архитектуру и фундамент человеческих компетенций? По данным ежегодного опроса McKinsey «Global Survey on AI» за 2025 год, почти девять из десяти организаций в мире уже регулярно используют ИИ хотя бы в одной бизнес-функции, однако лишь около трети компаний вышли за пределы пилотных проектов и начали масштабировать такие решения на уровне всего предприятия. [1]. При столь высоком уровне проникновения технологий ИИ в нашу жизнь вопрос о когнитивных последствиях приобретает не только общетеоретическое, но и весьма прикладное образовательно–когнитивное измерение.

Академическая дискуссия сегодня по сути структурирована двумя конкурирующими позициями. Первая – концепция «когнитивной разгрузки» – апеллирует к теории расширенного ума Э. Кларка и Д. Чалмерса. Здесь авторами обосновывается тезис «расширенного разума», когда при активном двустороннем взаимодействии внешние артефакты и медиа-среда могут образовывать с человеком единую «сопряжённую» систему. Причем внешние компоненты в таком случае рассматриваются как подлинные части когнитивного процесса субъекта. В рамках этой позиции ИИ сегодня берет на себя значительные, вычислительно емкие задачи, в логике Э. Кларка и Д. Чалмерса, если ИИ-система надежно включена в цикл решения задач и выполняет операции, которые в голове мы бы признали когнитивными, ее можно трактовать как компонент расширенной познавательной системы субъекта [2]. После упоминания классической работы конца 90-х годов мы также отметим также и недавнее исследование уже из 2025 года, которое показывает, что ИИ инструменты с элементами ролевых игр снижают коммуникативную тревожность и улучшают навыки межличностного взаимодействия (в том числе и помогают учащимся чувствовать себя более компетентными во взаимодействии в группе) [3]. Еще в одной недавней публикации, по итогам экспериментов, авторы отмечают, что более высокий уровень генеративной ИИ-грамотности статистически значимо связан с лучшими результатами по ряду критериев академического письма в последующем задании без доступа к генеративной ИИ-поддержке (даже после удаления поддержки от соответствующего ИИ инструментария) [4].

Вторая значимая позиция в контексте заявленной темы – это концепция «когнитивной атрофии», которая оспаривает эту сравнительно оптимистическую картину происходящего сегодня в контексте заявленной нами темы. Едва ли не основным триггером соответствующей полемики стала работа «Your Brain on ChatGPT», подготовленная в MIT. Суть эксперимента изложена нами ниже. Пятьдесят четыре участника в трех группах на протяжении четырех месяцев писали эссе при помощи только собственных когнитивных возможностей, используя

поисковые системы – и большие языковые модели. EEG-данные показали, что у пользователей LLM моделей наблюдалась самая низкая функциональная связность мозга в альфа- и бета-диапазонах (до примерно 55%), – ниже, чем у группы «только человеческий мозг». При этом 83% участников LLM-группы сразу после задания не смогли корректно процитировать собственный текст, а сниженная нейронная вовлечённость частично сохранялась даже после перехода к письму без использования ИИ. [5]. Авторы ввели по итогам исследования понятие «когнитивного долга» – то есть отложенных потерь за краткосрочное когнитивное удобство.

Независимое подтверждение предлагает также и актуальное, уже цитируемое исследование М. Герлиха с соавторами. Авторами было представлено исследование с участием 666 респондентов, посвящённое связи между использованием ИИ-инструментов и критическим мышлением. Авторы обнаружили значимую отрицательную связь между частотой использования ИИ и показателями критического мышления, при этом когнитивный «офлоадинг» выступает медиирующим фактором этой зависимости. Молодые участники (17–25 лет) по итогам исследования демонстрируют более высокую зависимость от ИИ-инструментов – и более низкие показатели критического мышления по сравнению с участниками старшей возрастной группы (46 лет и старше). [6]. При этом другое недавнее высокоцитируемое исследование 2025 года дополняет эту картину, поскольку показывает, что высокая уверенность пользователей в генеративных технологиях ИИ ассоциируется с меньшей вероятностью когнитивного вовлечения – и меньшими усилиями в области критического мышления. Тогда как более высокая уверенность в собственных силах была связана с большим вовлечением в критическое мышление [7].

Определенное концептуальное примирение обеих позиций в современных условиях предлагает К. Кляйн в своей модели «полого разума». С точки зрения авторов, сегодня ИИ создает структурный риск зависимости через «ловушку суверенитета». Это определяется как особая ситуация, – создание психологического механизма, при котором авторитетная компетентность системы ИИ побуждает пользователя уступать ей интеллектуальное суждение – и ошибочно принимать доступ к информации за собственную когнитивную способность. [8]. Это уже сегодня принципиально отличает возможности LLM от традиционных когнитивных артефактов. Сформулируем здесь базовое утверждение на наглядном примере: записная книжка расширяет память, не замещая процесс ее формирования, тогда как ИИ–ассистент сегодня предоставляет готовый текст в обход порождающих когнитивные способности нейронных цепей.

Применительно к коммуникативно-когнитивным компетенциям как особому случаю наш анализ приобретает специфическую актуальность в контексте текущих вызовов, поскольку последние уже конститутивно оказываются связаны с «авторским голосом» и интерсубъективным «присутствием» ИИ в области коммуникации. Недавнее стилометрическое исследование демонстрирует, что тексты GPT 3.5, GPT 4 и Llama 70b образуют «плотно сгруппированные кластеры», тогда как человеческие тексты обнаруживают значительно большую индивидуальную вариативность [9]. Один из важных вопросов сегодня – насколько регулярное использование LLM для письменных текстов даже сможет «заглушать» лингвистические «отпечатки»/паттерны, изначально маркировавшие контент, созданный человеком.

Исход описываемой нами трансформации, однако, пока не предопределен однонаправленно и однозначно. Например, еще одно недавнее исследование 2025 года формулирует по своим итогам следующий ключевой тезис: вопрос не в том, хорош или плох ИИ для когнитивного/ментального здоровья, но в том, как он перестраивает архитектуру «совладания» в новых обстоятельствах возможностей ИИ [10]. Критическим камертоном здесь для оценки служит непосредственный режим использования. Сегодня мы рассматриваем рефлексивное взаимодействие с ИИ в условиях регулярной практики как формат, который может поддерживать эффективность работы, но при этом не отменяет необходимости самостоятельного когнитивного усилия для сохранения и развития нейронной вовлеченности [11]. Также мы обратим и внимание на публикацию Университета технологий Сиднея 2026

года, который особо предупреждает нас об уязвимости «новичков» (которые еще строят базовые знания и навыки), для которых неструктурированное использование ИИ блокирует формирование базовых знаний (и может быть особенно вредным для студентов с меньшими знаниями и более слабыми метакогнитивными навыками) [12]. Говоря о ситуации в образовании, уточним, что в отечественной академической традиции отмечается и то, что «высшие учебные заведения сталкиваются с дефицитом квалифицированных преподавателей, способных обучать новым медиа и цифровым технологиям. Это несоответствие между требованиями быстро меняющейся практике и образовательными стандартами может негативно сказаться на качестве образования и привести к устареванию компетенций выпускников» [13, с. 41].

Таким образом, в контексте заявленной темы, сегодня мы понимаем, что «когнитивный долг» – не неизбежная атрофия человеческих способностей как таковая, но управляемый риск. Сегодня он требует не полного технологического отказа, а соответствующей педагогической стратегии и корректных механизмов управления. Здесь и сегодня мы говорим о целенаправленном чередования ИИ–поддержки и самостоятельной человеческой практике, а также развития «ИИ-грамотности» как метакогнитивного навыка. Также, очевидно, в самом ближайшем будущем нам будет необходима экспертная общественная дискуссия о будущем институциональных форматов, сохраняющих индивидуальный коммуникативный опыт как условие подлинной компетенции. Ранее автором был сформулирован принципиальный вопрос: «Здесь уже возникает дилемма субъектности: если сообщение сгенерировано – ИИ, то кто является субъектом коммуникации – сам алгоритм, его создатель или пользователь, опубликовавший контент?» [14, с. 433]. Вероятно, ответ на этот вопрос уже в ближайшем будущем окажется центром соответствующей дискуссии, которая будет призвана ответить на вопрос заголовка данной статьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. McKinsey & Company. The State of AI: How Organizations Are Rewiring to Capture Value. 2024. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai (дата обращения 19.05.2026).

2. Clark A., Chalmers D. The extended mind //analysis. – 1998. – Т. 58. – №. 1. – С. 7-19.

3. Wen Q. et al. Divergent Role of AI in Social Development: A Comparative Study of Teachers' and Students' Perceptions in Online and Physical Classrooms //Behavioral Sciences. – 2025. – Т. 15. – №. 12. – С. 1649. DOI: 10.3390/bs15121649.

4. Jin Y. et al. Do students write better post-AI support? effects of generative AI literacy and chatbot interaction strategies on multimodal academic writing //arXiv e-prints. – 2025. – С. arXiv: 2507.04398. DOI: 10.48550/arXiv.2507.04398.

5. Kosmyna N. et al. Your brain on ChatGPT: Accumulation of cognitive debt when using an AI assistant for essay writing task //arXiv preprint arXiv:2506.08872. – 2025. – Т. 4.

6. Gerlich M. AI tools in society: Impacts on cognitive offloading and the future of critical thinking //Societies. – 2025. – Т. 15. – №. 1. – С. 6. DOI: 10.3390/soc15010006.

7. Klein C. R., Klein R. The extended hollowed mind: why foundational knowledge is indispensable in the age of AI //Frontiers in Artificial Intelligence. – 2025. – Т. 8. – С. 1719019. DOI: 10.3389/frai.2025.1719019.

8. Lee H. P. et al. The impact of generative AI on critical thinking: Self-reported reductions in cognitive effort and confidence effects from a survey of knowledge workers //Proceedings of the 2025 CHI conference on human factors in computing systems. – 2025. – С. 1-22. DOI: 10.1145/3706598.3713778.

9. O'Sullivan J. Stylometric comparisons of human versus AI-generated creative writing //Humanities and Social Sciences Communications. – 2025. – Т. 12. – №. 1. – С. 1-6. DOI: 10.1057/s41599-025-05986-

10. Chirayath G., Premamalini K., Joseph J. Cognitive offloading or cognitive overload? How AI alters the mental architecture of coping //Frontiers in Psychology. – 2025. – Т. 16. – С. 1699320 DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1699320.

11. Lodge J. M., Loble L. Artificial intelligence, cognitive offloading and implications for education. – 2026. URL: https://leonfurze.com/wp-content/uploads/2026/03/ai-cognitive-offloading-and-implications-for-education.pdf DOI: 10.71741/4pyxmbnjaq.31302475.

12. McKinsey & Company. The State of AI: How Organizations Are Rewiring to Capture Value. 2024. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai (дата обращения 19.05.2026)

13. Владимирова, Т. Н. Методические стратегии в журналистском образовании: вызовы времени / Т. Н. Владимирова // Медиаобразование: стратегии развития-2024: Материалы XV Международной научно-практической конференции, Москва, 05–06 декабря 2024 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2025. – С. 36–41. – EDN QDUANS.

14. Чернавский, А. С. AI-агентность как актуальный феномен интерактивных медиакоммуникаций: возможности и вызовы / А. С. Чернавский // Роль бизнеса в трансформации общества – 2025: Сборник материалов XX Международного конгресса (международной научно-практической конференции), Москва, 07–11 апреля 2025 года. – Москва: Московский университет "Синергия", 2025. – С. 431–436. – EDN WMZTBU.

УДК 658.14

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ТРЕНДЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ 2024 – 2026 ГГ.

Чернова Д. О.
студент АГТУ ВШН
г. Альметьевск, Россия

Жукова С. Б.
старший преподаватель ШЭМИ АГТУ ВШН
г. Альметьевск, Россия

Финансовый рынок является неотъемлемой частью экономической системы, и его развитие во многом зависит от модели развития российской экономики, подходов к решению стоящих перед ней задач [4, с.3]. В 2024-2026 гг. произошла существенная трансформация систем управления финансами, обусловленная ускоренным внедрением цифровых технологий, нестабильной геополитической обстановкой и растущими инфраструктурными рисками. Вместо прежних моделей, основанных на анализе прошлых данных, активно применяются инструменты прогнозирования и автоматизированные платформы. Однако сам процесс этой модернизации создает новые слабые места, нуждающиеся в комплексном изучении.

Цель данной статьи – выявить основные инновационные подходы в сфере финансового менеджмента и связанные с ними риски, а также предложить способы их минимизации.

Концепция «Финансовый менеджмент 4.0 подразумевает внедрение технологий искусственного интеллекта, анализа больших данных (Big Data) и роботизированной автоматизации процессов (RPA) в систему финансового управления. Цифровая трансформация финансов – это не только внедрение новых технологий, но и перестройка всей системы управления рисками, бизнес-процессов и корпоративной культуры [2, с.26]. На практике это выражается в прогнозировании бюджета на 3-12 месяцев с помощью алгоритмов машинного обучения, опирающихся на прошлые данные о доходах и задолженностях; в автоматизации обработки документов и сверки выписок через RPA, снижающей трудоемкость на 30–60%; а также в оперативном контроле денежных потоков через ERP-системы, такие как SAP S/4HANA и «1С:ERP».

Цифровизация затрагивает и повседневную практику: освоение электронного документооборота ускоряет операции, снижает затраты и повышает прозрачность. Пример тому – внедрение электронных счетов-квитанций за жилищно-коммунальные услуги, в частности, за потребленную электроэнергию.

В условиях санкций российские предприятия и государственные структуры активно переходят на отечественные программные обеспечения и финансовые инструменты. Банк России развивает Систему передачи финансовых сообщений в качестве альтернативы SWIFT. По сведениям Центрального Банка РФ, на начало октября 2025 года пользователями СПФС являлись 582 организации [4, с.36]. Перспективным направлением является цифровой рубль – экспериментальная инициатива Банка России по созданию третьей формы национальной валюты; эта технология обеспечивает возможность проведения платежей в офлайн-режиме и уменьшает зависимость от международных платежных систем. Для мобилизации внутренних инвестиционных потоков в период ограниченного доступа к зарубежным финансовым рынкам вводятся новые типы Индивидуальных инвестиционных счетов (ИИС типа 3) и программа долгосрочных сбережений. Кроме того, осуществляется импортозамещение программного обеспечения – переход от зарубежных систем, таких как SAP/Oracle, к отечественным разработкам: 1С, «Галактика», ГосТех, что сокращает технологическую зависимость, но влечет за собой значительные расходы на переобучение персонала. Данные решения снижают зависимость, но требуют дополнительных затрат.

Ключевыми факторами устойчивости финансовой системы являются доверие и информационная прозрачность. Этот тезис проходит красной нитью по всем разделам основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации [1, с.29].

Цифровой финансовый менеджмент критически зависит от бесперебойного энергоснабжения. Любые перебои в этих сферах оказывают непосредственное влияние на критически важные финансовые структуры. Производственные объекты с безостановочным технологическим процессом несут колоссальные убытки с каждым часом простоя, что требует незамедлительных мер по управлению денежными потоками.

Для обеспечения бесперебойной работы применяются следующие меры: установка резервных дизель-генераторных установок и источников бесперебойного питания на объектах финансовой инфраструктуры; заключение контрактов с поставщиками электроэнергии, гарантирующими стабильность поставок; создание резервных копий центров обработки данных в различных энергетических зонах Единой энергетической системы.

Цифровая трансформация финансового менеджмента неразрывно связана с повсеместной доступностью интернета. Однако для некоторых регионов России этот аспект является сдерживающим фактором. Для корпоративного финансового менеджмента это порождает ряд существующих рисков: невозможность использования облачных финансовых платформ при сбоях интернет-соединения, блокирующая платежи и отчетность; риск недоступности международных финансовых API и платёжных шлюзов из-за ограничений трансграничного трафика; а также нестабильное интернет-соединение на удалённых объектах (филиалах или добывающих предприятиях), требующее наличия у систем финансового менеджмента режима автономной работы.

Предлагаемые решения включают создание гибридной инфраструктуры, объединяющей локальные серверы и облачные сервисы, применение защищенных VPN-соединений и резервных спутниковых каналов связи (VSAT), а также интеграцию в модули 1С/SAP функционала для работы в офлайн-режиме.

Процесс трансформации финансового менеджмента сопровождается комплексными рисками.

Таблица. Матрица рисков цифрового финансового менеджмента.

Категория риска	**Конкретный риск**	**Последствие для ФМ**	**Меры снижения**
Инфраструктурные (энергоснабжение)	Аварии в энергосистеме ЕЭС России; перебои в энергоснабжении ЦОД и серверных	Недоступность ERP/1С; сбой онлайн-расчётов; потеря данных	Резервные ДГУ, ИБП, дублирование серверов на разных узлах ЕЭС

Инфраструктурные (интернет)	Отключение международных каналов; деградация трансграничного интернета	Остановка онлайн-банкинга, SWIFT-альтернатив; недоступность облачных ФМ-систем	Переход на внутренние каналы связи, оффлайн-режимы 1С/SAP, спутниковые резервные каналы
Военные и геополитические	Расширение санкций; кибератаки на финансовую инфраструктуру; физические угрозы объектам	Заморозка активов; недоступность SWIFT; принудительная реструктуризация долга	Диверсификация в рублёвые инструменты; использование СПФС; страхование военных рисков
Техногенные катастрофы	Пожар/затопление ЦОД; авария на объектах критической инфраструктуры	Потеря финансовых данных; паралич расчётов; форс-мажор по контрактам	Резервное копирование (geo-redundancy); BCP-планы; страхование ИТ-рисков
Технологические	Устаревание ПО; утечка данных; ИИ-ошибки в прогнозах	Ошибки в финансовой отчётности; санкционные штрафы за утечку	Регулярный аудит ИТ-систем; двухфакторная аутентификация; верификация ИИ-решений
Кадровые	Дефицит специалистов в области ИИ и цифровых финансов	Замедление цифровизации; рост ошибок; операционные потери	Корпоративные программы переобучения; партнёрство с университетами

Особое внимание стоит уделить военным и геополитическим угрозам. В период с 2022 по 2025 год расширение санкций привело к блокировке значительных российских активов за рубежом и исключению ключевых банков из системы SWIFT. Это потребовало экстренной адаптации корпоративного управления финансами: перевода транзакций в рублевую зону, внедрения СПФС, а также формирования валютных резервов в валютах дружественных стран, таких как юань и дирхам.

Техногенные катастрофы, включая возгорания в центрах обработки данных и сбои на объектах инфраструктуры, также представляют собой непосредственную угрозу для финансовых данных. В связи с этим, географически распределенное хранение данных становится обязательным стандартом для крупных компаний.

Мировая практика отражает общие тенденции в сфере финансового сектора. В США ведущие банковские учреждения (JPMorgan, Goldman Sachs) инвестируют в платформы искусственного интеллекта, предназначенные для усовершенствования управления рисками и прогнозирования рыночных тенденций. В Китае развитие цифрового юаня достигло стадии активного применения в реальных операциях более чем в 30 мегаполисах, что способствует формированию новой платежной экосистемы. Европейский Союз сосредоточен на развитии нормативно-правовой базы: директива DORA, вступающая в силу с 2025 года, налагает на финансовые организации обязательство обеспечивать устойчивость своих информационных систем к киберугрозам и операционным сбоям, включая требования к резервному электропитанию и каналам связи. В период 2026–2027 гг. ключевым фактором станет

«антихрупкость» финансовых систем – способность адаптироваться к кризисам и использовать их как источник развития.

Трансформация финансового менеджмента в 2024–2026 гг. носит комплексный характер: цифровизация открывает возможности от автоматизации расчётов до предиктивной аналитики, но формирует уязвимости, связанные с энергоинфраструктурой, интернет-каналами и кибербезопасностью. Военно-геополитические и техногенные риски требуют встраивания в стратегии финансового менеджмента конкретных сценариев отказоустойчивости. Эффективность управления будет определяться способностью компаний обеспечить работоспособность систем в любых условиях и использовать данные для принятия опережающих решений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алифанова Е. Н. Об основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2026–2028 гг.: мнение экспертов Финансового университета / Е. Н. Алифанова, К. В. Криничанский, Т. В. Маняхин, С. А. Переход., Б. Б. Рубцов, П. Ю. Соловьев // Экономика. Налоги. Право. 2026. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osnovnyh-napravleniyah-razvitiya-finansovogo-rynka-rossiyskoy-federatsii-na-2026-2028-gg-mnenie-ekspertov-finansovogo

2. Бойко А. В. Цифровая трансформация финансов: выяснение последствий / А. В. Бойко, В. Н. Пуляева // Вестник алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 5. – С. 25–29.

3. Ермакова Е. А., Гаспарян Т. С. Влияние искусственного интеллекта на систему финансового менеджмента в коммерческой организации // Региональная экономика. Юг России. – 2024. – №4. – С. 216–223.

4. Основные направления развития финансового рынка российской федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/181362/onrfr_2026_2028.pdf

УДК 316.43/316.334:001

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Шарый И. Н.
заведующий сектором Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук
г. Минск, Беларусь

Развитие межгосударственного сотрудничества в научно-технологической и инновационной сферах является важной составляющей интеграционных процессов в рамках Содружества Независимых Государств, формируя таким образом внешнеполитический контур государственной политики в этих сферах для Республики Беларусь. Одним из оснований развития в этом направлении было Соглашение о создании общего научно-технологического пространства государств – участников СНГ, принятое 3 ноября 1995 г. Процесс формирования научно-технологического пространства стал также важной частью деятельности Союзного государства. 4 апреля 2006 г. было принято Постановление Совета Министров Союзного государства №9 «Об основных направлениях формирования единого научно-технологического пространства Союзного государства».

В конце первого десятилетия XXI в. негативные процессы в мировой экономике, глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 годов, привели к замедлению экономического роста, что актуализировало проблему обеспечения долгосрочного устойчивого социально-экономического развития и создания системы противодействия факторам, препятствующим устойчивому росту экономики и ее научно-технической сферы в государствах СНГ. В этот период заметно активизировался процесс формирования

долгосрочных основ стратегического межгосударственного сотрудничества стран СНГ. Временной период действия документов стратегического планирования существенно превышал пятилетний горизонт планирования. В ноябре 2008 г. была принята Стратегия экономического развития СНГ на период до 2020 г., а в октябре 2011 г. решением Совета глав правительств СНГ была принята «Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года». Этот межгосударственный документ стратегического планирования был направлен на содействие достижению национальных стратегических целей экономического развития на базе преимуществ создаваемого единого инновационного пространства государств – участников СНГ [1]. В рамках этого документа межгосударственного стратегического планирования были предусмотрены несколько подпрограмм, в том числе подпрограмма «Кадры», цель которой состояла в создании кадрового потенциала для долговременного межгосударственного сотрудничества в рамках инновационного пространства СНГ. Мероприятия этой подпрограммы были ориентированы на целевые аудитории, относимые к категории «профессиональные кадры в сфере инновационного сотрудничества»: профессиональные научные и инженерные кадры по специальностям, соответствующим приоритетным направлениям научно-технического и инновационного сотрудничества; государственные служащие, занятые в сфере инновационной деятельности и государственно-частного партнерства; студенты учреждений высшего образования по приоритетным специальностям; преподаватели средних и высших учебных заведений, применяющие инновационные разработки в процессе подготовки кадров; специалисты по управлению инновациями и инновационной политике [1]. Подпрограмма «Кадры» включала такие направления как: 1. Создание карьерных возможностей для исследователей и инженеров; 2. Обучение основам инновационного предпринимательства; 3. Повышение квалификации государственных и муниципальных служащих; 4. Развитие системы подготовки кадров [1].

Программно-целевой подход в системе межгосударственного стратегического планирования получил дальнейшее развитие. В 2020 г. была принята Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года, в которой также были представлены кадровые аспекты развития в сфере инновационной деятельности, в частности задача развития ситемы кадрового обеспечения межгосударственного инновационного развития в условиях смены технологических укладов [2]. Важным направлением этой программы межгосударственного стратегического планирования являются вопросы подготовки кадров для инновационной экономики государств – участников программы. Ключевым результатом ее выполнения будет создание в рамках СНГ условий для дальнейшего развития на основе национальных инновационных экосистем межгосударственного инновационного пространства, способствующего продвижению на мировой рынок научно-технических разработок и изобретений [2].

Среди новых документов межгосударственного стратегического планирования следует отметить принятую в сентябре 2025 года Советом глав правительств Содружества Независимых Государств в г. Минске «Стратегию научно-технологического развития СНГ на 2026–2035 годы», направленную на формирование благоприятных условий межгосударственного научно-технологического взаимодействия, создание общего научно-технологического пространства государств – участников СНГ [3]. Стратегия представляет собой совокупность согласованных подходов государств – участников СНГ к организации взаимодействия по развитию научно-технического и технологического сотрудничества с учетом национальных особенностей. Одной из задач стратегии является развитие интеллектуального потенциала государств – участников СНГ, в том числе путем развития системы подготовки высококвалифицированных научных и инженерных кадров, создания условий для повышения престижа научных и инженерных кадров и их роли в обществе [3].

Система стратегического планирования развивается в рамках Союзного государства. В январе 2024 г. была принята «Стратегия научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года», задачей которой является формирование единого

научно-технологического пространства Союзного государства [4]. Основные направления научно-технологического развития Союзного государства включают проблематику, связанную с развитием кадрового потенциала. Выделяются такие направления как долгосрочное планирование и регулярная актуализация приоритетных научных, научно-технических проектов или программ, позволяющих формировать конкурентоспособные коллективы, объединяющие исследователей, разработчиков и предпринимателей; развитие современной системы научно-технического творчества детей и молодежи; привлечение молодых ученых и специалистов в области научной, научно-технической и инновационной деятельности в соответствии с направлениями научно-технологического развития, представленными в Стратегии и др. На первом этапе реализации Стратегии (2026-2030 гг.) предполагается сформировать целостную систему устойчивого воспроизводства и привлечения кадров для научно-технологического развития Союзного государства [4]. Среди перспективных направлений долгосрочного развития интеграционных процессов выделяют проведение совместных исследований в области фундаментальных исследований, которые являются базой инновационной деятельности [5, с. 8; 6, с. 162].

В 2010 г. в Беларуси была принята Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, которая является основополагающим документом государственного стратегического планирования. В этом документе научно-технологическая сфера и ее кадровая составляющая рассматриваются среди других важнейших сфер развития государства, выделены проблемы ее развития с учетом внутриполитического и внешнеполитического аспектов. Участие Беларуси в формировании общего научно-технологического и инновационного пространства СНГ на основе межгосударственного стратегического планирования будет способствовать устойчивому развитию ее научной сферы и кадрового потенциала в соответствии со стратегическими национальными интересами. Решение проблем развития кадрового потенциала белорусской науки будет также осуществляться в рамках Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь (2024 г.), которая является важной составляющей системы стратегического государственного планирования.

Особенности формирования внешнеполитического контура стратегии развития научно-технической сферы Республики Беларусь необходимо учитывать в качестве долгосрочного внешнего фактора, влияющего на направления развития кадрового потенциала белорусской науки. Во втором десятилетии XXI в. в научно-технической и инновационной сфере СНГ активизировались интеграционные процессы, что нашло отражение в формировании системы межгосударственного стратегического планирования. В Беларуси в этот период система стратегического планирования также получила дополнительный импульс для развития. Интеграционные процессы в рамках СНГ будут оказывать влияние на развитие кадрового потенциала науки в Беларуси, в наибольшей степени будет развиваться сотрудничество в рамках Союзного государства. В то же время динамика процесса воспроизводства кадрового потенциала белорусской науки будет определяться факторами внутриполитического характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Решение о Межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года от 18 октября 2011 года, г. Санкт-Петербург. https://eccis.org/document/3186

2. Решение о Межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года от 6 ноября 2020 года. https://eccis.org/document/6286

3. Решение о Стратегии научно-технологического развития Содружества Независимых Государств на 2026–2035 годы от 29 сентября 2025 года, г. Минск. https://eccis.org/document/7188?ysclid=mrdcs6vyti434315089

4. Постановление от 29 января 2024 г. № 2 «О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года» file:///C:/Users/user/Downloads/pril-pso-vgs-2_29-01-2024.pdf

5. Макаров, Ю.Н., Снаплян, О.О. Основные направления долгосрочного сотрудничества государств – участников СНГ в инновационной сфере / Ю.Н. Макаров // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – №26. – С. 2-10.

6. Клименко, В.А. Институциональные механизмы создания общего научно-технологического пространства СНГ / В.А. Клименко // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (30–31 октября 2025 г., г. Минск) / редкол.: Н.Л. Мысливец (гл.ред) [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Четыре четверти, 2025. – С. 162–165.

УДК 303.1:316

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОИСК ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ САМОСОХРАНЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОТ ЛОГОВ К ДНЕВНИКУ

Шарыпова С. Ю.
научный сотрудник кафедры социологии ПГНИУ
кандидат социологических наук
г. Пермь, Россия

Работа подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00480-П «Самосохранительные стратегии россиян в условиях новой нормальности».

Изучение трансформации самосохранительного поведения в условиях цифровизации требует сочетания трёх аналитических уровней: дискурсивного (субъективные нарративы), бихевиорального (наблюдаемые цифровые действия) и контекстуального (роль цифровых акторов). Это предполагает использование как традиционных, так и новых подходов к сбору эмпирических данных.

Среди новых подходов особое место занимает анализ цифровых следов (Digital Footprint Research) — совокупности фрагментированных данных о прошлых действиях индивида в цифровой среде [1]. Следы делятся на активные (сознательно оставляемые: посты, комментарии, профили) и пассивные (автоматически фиксируемые: cookies, геолокация, метаданные) [2,3]. Обе формы — продукт фиксации поведения, что делает их ценным ресурсом для социальных наук [4,5]. Для понимания самосохранительного поведения в условиях цифровизации digital-следы обладают огромным потенциалом, например, сегодня эти данные используются для фенотипирования — определения факторов риска здоровья [6].

Пассивные следы формируют большие массивы данных, но страдают нерепрезентативностью и зависимостью от платформенных алгоритмов [7]. Активные следы, напротив, позволяют фиксировать более осознанную цифровую активность индивидов, и даже результат сознательного построения социальной идентичности, но требуют соотнесения с субъективными смыслами [8,9]. Традиционные интервью, используемые в отечественной социологии для изучения самосохранения в цифровой среде [10,11], полагаются на память и восприятие информанта, что может приводить к упущениям и искажениям. Разрыв между объективными цифровыми следами и субъективным опытом их осмысления делает актуальным обращение к методу, который соединяет оба измерения.

В мировой практике таким методом является интервью по цифровым следам (Trace Interviewing / Interviews), который на сегодняшний день имеет несколько подходов (техник) апробации. Условно их можно систематизировать по степени предварительной обработки и анализа цифровых следов исследователем. Высокая степень предполагает сбор и визуализацию логов исследователем до интервью. Так, в исследовании политической коммуникации [12] на основе цифровых данных респондентов строили диаграммы активности, которые затем использовали как стимул в интервью. Это улучшало припоминание контекста, но сопровождалось высокой технической сложностью, проблемами доступа к данным разных платформ и тревогой респондентов за приватность; в итоге удалось провести лишь пять интервью. Аналогичный подход применялся при изучении новостного потребления

в Великобритании и Бразилии (n=73) [13]: визуализация истории браузеров помогала выявлять неосознаваемые практики и уточнять контекст запросов, однако исследователи столкнулись с неточностью логов (например, из-за использования устройств несколькими членами семьи) и сохраняющимися этическими барьерами.

Средняя степень обработки представлена методом «интервью, стимулированного данными» (Data-Prompted Interviewing) [14], где в качестве стимула использовали платформенные логи из YouTube и Netflix, а исследователи помогали участникам экспортировать данные и агрегировали их для обсуждения. Этот подход улучшил припоминание и интерпретацию, позволил выявить искажения, заложенные в платформенных логах, но также сохранил технические и этические ограничения, связанные с передачей персональной информации. В исследовании потенциала цифровых следов для ранней диагностики онкологии [15] интервью по истории браузера (n=20) выявило специфические этические барьеры: участники с онкологическим анамнезом опасались раскрытия данных, не связанных со здоровьем, и стремились контролировать передаваемую информацию, что создавало дополнительное напряжение.

Низкая степень предварительной работы с данными реализована в отечественном исследовании поведения в соцсетях [16], где сбор открытых цифровых следов был автоматизирован через программное обеспечение, интегрированное с опросником, для последующего машинного обучения. Несмотря на технологическую проработанность, исследователи столкнулись с неполнотой данных, искажениями в опросных ответах и ограниченной доступностью пользовательских страниц. Альтернативой стал метод «прокрутки назад» (Scroll Back Method) [17], при котором обращение к цифровым следам происходит непосредственно в ходе интервью: респондент и исследователь совместно прокручивают ленту соцсети, что усиливает рефлексию и снижает техническую нагрузку, но порождает новые этические вызовы — угрозу приватности, эмоциональный дискомфорт и необходимость пересмотра границ отношений.

Опыт показывает, что каждая из техник имеет свои ограничения, однако методологический потенциал Trace Interviewing для изучения самосохранительного поведения бесспорен: он улучшает припоминание, стимулирует рефлексию, обогащает нарративы контекстом и позволяет сопоставлять объективные данные с субъективными смыслами [18]. Выявленные сложности и недостаточная апробация в российской практике актуализируют поиск альтернативной формы работы с цифровой историей.

В рамках нашего проекта был разработан и апробирован дневник цифровой истории — инструмент, сохраняющий идею трассировки, но заменяющий автоматическое логирование на самостоятельное заполнение респондентом. Пилотное исследование (n=30, студенты ПГНИУ, весна 2026) показало ряд преимуществ. Во-первых, дневник позволяет избежать технических барьеров: даже у студентов навыки выгрузки логов оказались не универсальными. Респонденты отмечали, что методика не должна требовать «*умения работать с экранным временем, историей браузера, так как для людей старшего возраста – это будет барьером*» (ж, 20 лет). Во-вторых, дневник фиксирует не случайные нажатия, а сознательно значимые эпизоды. Объективные метрики, например скриншоты экранного времени, оказались малоинформативны: «*статистика времени не всегда отражает реальную важность приложения*» (ж, 19 лет). В-третьих, полное логирование невозможно: история автоматически удаляется, голосовые команды не сохраняются, невозможен экспорт списка умных устройств или данных со специализированных сайтов. Кроме того, логи игнорируют пассивное потребление контента, например в TikTok и Shorts. Дневник позволяет восполнить эти пробелы по памяти, а наличие примеров расширяет понимание того, что может быть значимым. Наконец, дневник минимизирует этические риски: респонденты могут контролировать объём передаваемой информации и обобщённо описывать чувствительные запросы, что снижает самоцензуру и тревожность.

Во время интервью дневник упрощал восприятие и активизировал память: *«Когда я начала разбирать свою цифровую историю, мне казалось, что я почти не использую*

технологии для здоровья и безопасности. Но анализ показал более сложную картину» (ж, 20 лет). Опора на дневник получила положительные оценки и в плане личного рефлексивного эффекта. Вместе с тем выявлены ограничения: высокая трудоёмкость заполнения (*«Когда я согласилась участвовать в исследовании, мне показалось, что заполнить дневник это минут на двадцать. В итоге я провела с ним больше часа»* (ж, 19 лет)) и слабая верификация данных. Однако первое уравновешивается отсутствием вмешательства исследователя на этапе сбора, второе — последующим глубинным интервью, уточняющим и проверяющим информацию.

Таким образом, дневник цифровой истории органично вписывается в логику Trace Interviewing, адаптируя метод к реалиям исследовательской практики. Предложенный подход более этичен, доступен и содержателен, что делает его перспективным инструментом для изучения самосохранительного поведения в цифровой среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Armstrong, A. Everyday digital traces / A. Armstrong, J. Briggs, W. Moncur, D.P. Carey, E. Nicol, B. Schafer // Big Data & Society. – 2023. – July–December. – P. 1–13. – DOI: 10.1177/20539517231213827.

2. Girardin, F. Digital Footprinting: Uncovering Tourists with User-Generated Content / F. Girardin, F. Calabrese, F. Dal Fiore, C. Ratti, J. Blat // IEEE Pervasive Computing. – 2008. – Vol. 7, No. 4. – P. 36–43. – DOI: 10.1109/MPRV.2008.71.

3. Breiter, A. The complexity of datafication: Putting digital traces in context / A. Breiter, A. Hepp // Communicative Figurations Transforming Communications–Studies in Cross-Media Research / ed. by A. Hepp, A. Breiter, U. Hasebrink. – London: Palgrave Macmillan, Cham, 2018. – P. 387–405.

4. Olinder, N. Using digital footprints in social research: an interdisciplinary approach / N. Olinder, A. Tsvetkov, K. Fedyakin, K. Zaburdaeva // Wisdom. – 2020. – No. 3 (16). – P. 124–135.

5. Бадараев, Д.Д. Исследования социальной идентичности в контексте цифровой социологии: теоретико-методологический аспект / Д.Д. Бадараев, А.Б. Цыденов // Власть. – 2024. – Vol. 32, No. 2. – С. 181–189. – DOI: 10.24412/2071-5358-2024-2-181-189.

6. Kim, I. Stanford Screenomics: An Open-source Platform for Unobtrusive Multimodal Digital Trace Data Collection from Android Smartphones / I. Kim, J. Boffa, M. Cho, D.E. Conroy, N. Kline, N. Haber, T.N. Robinson, B. Reeves, N. Ram // medRxiv. – 2025. – DOI: 10.1101/2025.06.24.25329707.

7. Богданов, М.Б. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии / М.Б. Богданов, И.Б. Смирнов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1. – С. 304–328.

8. Флеров, О.В. Цифровой след человека в Интернете: основные гуманитарные подходы / О.В. Флеров // Образовательные ресурсы и технологии. – 2018. – № 4 (25). – С. 79–82.

9. Reigeluth, T.B. Why data is not enough: Digital traces as control of self and self-control / T.B. Reigeluth // Surveillance & Society. – 2014. – Vol. 12, No. 2. – P. 243–254.

10. Богомягкова, Е.С. Цифровой образ тела пользователей устройств для селф-трекинга / Е.С. Богомягкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2023. – Vol. 16, No. 2. – С. 183–196. – DOI: 10.21638/spbu12.2023.205.

11. Paramonova, A. Mental health tracking among young Russians: practices and motivations / A. Paramonova et al. // Discover Mental Health. – 2025. – Vol. 5, Article 96. – DOI: 10.1007/s44192-025-00219-0.

12. Dubois, E. Trace Interviews: An Actor-Centered Approach / E. Dubois, H. Ford // International Journal of Communication. – 2015. – Vol. 9. – P. 2075–2091.

13. Gajardo, C. Evaluating the potential and limits of trace-based interviews when studying news use / C. Gajardo, A. Kalogeropoulos, P. Rossini, C. Mont'Alverne, T. Nicholls // Information, Communication & Society. – 2026. – P. 1–20. – DOI: 10.1080/1369118X.2026.2652514.

14. Pierce-Grove, R. Integrating trace data into interviews: Better interviews, better data / R. Pierce-Grove, E.A. Watkins // Convergence. – 2024. – URL: https://www.researchgate.net/publication/386244357_Integrating_trace_data_into_interviews_Better_interviews_better_data.

15. Gradwell, N.C. Acceptability of Sharing Internet Browsing History for Cancer Research: Think-Aloud and Interview Study / N.C. Gradwell, M. Ramasawmy, S. Arora, M. Mistry, R. Punjabi, C. Derksen, S.E. Scott // JMIR Cancer. – 2026. – Vol. 12. – ID e82009. – DOI: 10.2196/82009.

16. Ледовая, Я.А. Социальные сети как новая среда для междисциплинарных исследований поведения человека / Я.А. Ледовая, Р.В. Тихонов, О.Н. Боголюбова // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. – 2017. – Т. 7, Вып. 3. – С. 193–210. – DOI: 10.21638/11701/spbu16.2017.301.

17. Robards, B. Uncovering longitudinal life narratives: scrolling back on Facebook / B. Robards, S. Lincoln // Qualitative Research. – 2017. – Vol. 17, No. 6. – P. 715–730. – DOI: 10.1177/1468794117700707.

18. Kwasnicka, D. Data-Prompted Interviews: Using Individual Ecological Data to Stimulate Narratives and Explore Meanings / D. Kwasnicka, M. White, S.U. Dombrowski, F.F. Sniehotta // Health Psychology. – 2015. – Vol. 34, No. 12. – P. 1191–1194. – DOI: 10.1037/hea0000234.

УДК 316.4

ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ И ФАКТОРЫ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РАБОТОДАТЕЛЯ

Шестопалова О. Н.
доцент кафедры «Управление персоналом и социология» УрГУПС
кандидат социологических наук, доцент
г. Екатеринбург, Россия

В современных условиях социально-экономического развития, создания нового технологического и общественного уклада происходят активные перемены на рынке труда и занятости, меняется их структура, содержание и условия воспроизводства трудового потенциала. Наиболее чувствительным к данным трансформациям и одновременно уязвимым выступает молодежный сегмент рынка труда. С одной стороны, молодые специалисты концентрируют в себе инновационный потенциал, актуальное знание, технологическую адаптивность и гибкость, с другой – сталкиваются с устойчивыми барьерами при вхождении в профессиональную среду в виде завышенных требований к уровню компетенций и практических навыков. Кроме того, противоречие между ожиданиями молодежи и реальными предложениями работодателей усугубляется структурным дисбалансом – доля вакансий для кандидатов без опыта работы сократилась с 14% в 2024 году до 11,7% к концу 2025 года [1], – что обостряет конкурентную борьбу за молодые кадры. Изучение ценностных детерминант трудового поведения молодежи и факторов привлекательности работодателя в этом случае приобретает не только теоретическое, но и практическое значение – понимание логики, которой руководствуется молодой специалист при выборе места работы, становится необходимым условием формирования эффективной кадровой стратегии организации. Анализ трудовых ценностей, требований к рабочему месту и критериев выбора работодателя позволяет не только зафиксировать актуальные установки молодого поколения в сфере занятости, но и сформулировать рекомендации для организаций, стремящихся выстроить с ним устойчивые и взаимовыгодные отношения. С этой целью в мае текущего года было проведено анкетирование студентов двух ведущих университетов Екатеринбурга (N=253; 42% юношей, 58% девушек), завершающих обучение по гуманитарным и техническим направлениям.

Исходной точкой анализа стала общая оценка молодежью ситуации на региональном рынке труда, и она далека от оптимистичной. Каждый второй респондент (51%) характеризует обстановку в сфере занятости как неблагоприятную, считая поиск достойной работы делом трудным и непредсказуемым. К сожалению, наличие трудового опыта не снижает уровня тревожности: 64% опрошенных уже работают и имеют стаж более года, однако именно эта группа наиболее отчетливо фиксирует структурные проблемы рынка – нестабильность занятости, распространенность неформальных схем трудоустройства и заниженную оплату труда. Это свидетельствует о том, что трудовое поведение молодежи формируется не в условиях поверхностных ожиданий, а на фоне рационального и достаточно критичного понимания рыночных реалий. При этом, девушки более категоричны в своих оценках (54% против 46% у юношей), что отражает их большую чувствительность к рискам правовой

незащищенности и волатильной занятости, тогда как мужчины чаще демонстрируют оптимистичное настроение и толерантность к неопределенности.

Выпускники действительно сталкиваются с трудностями на рынке труда, расхождение между их ожиданиями и реальными предложениями работодателей носит системный характер и подтверждается эмпирическими данными нашего исследования и результатами смежных работ [2-5]. Ценностные детерминанты трудового поведения молодежи образуют упорядоченную структуру факторов и привлекательные характеристики рабочего места выстраиваются следующим образом: высокий уровень вознаграждения (66%), комфортный и гибкий график (64%), перспективы карьерного роста (62%), интерес и содержание выполняемых задач (56%). В тоже время каждый из указанных факторов опосредован репутацией и HR-брендом организации. Большинство молодых людей готовы принять меньшую заработную плату в компании с сильным и привлекательным брендом, нежели более высокую в организации, не имеющей узнаваемого имени на рынке [6-7]. Это означает, что имидж и репутация работодателя для выпускника становится социальным сигналом его надежности, снижающим риски трудоустройства, что делает HR-бренд компании не вспомогательным, а стратегически значимым инструментом конкуренции за молодые кадры.

Дифференциация критериев выбора работодателя в зависимости от пола оказывается достаточно выраженной. Для девушек приоритетными выступают стабильность, психологическая безопасность рабочей среды и качество межличностной коммуникации в коллективе; юноши, напротив, акцентируют динамику дохода, возможности карьерного продвижения, инициативу и автономию в принятии решений. При этом запрос на правовую защищенность носит универсальный характер, утверждение «работодатель, не соблюдающий трудовое законодательство, для меня неприемлем ни при каких деньгах» получило среднюю оценку 4,4, что свидетельствует о высокой значимости формальных гарантий занятости вне зависимости от пола и специальности респондента.

Отдельного внимания заслуживает восприятие молодежью предлагаемых организацией социальных бонусов и льгот, оно принципиально отличается от того, как этот инструмент традиционно понимается в управленческой практике. Выпускники воспринимают социальный пакет не как символический набор корпоративных привилегий и возможностей, а как индикатор готовности работодателя проявлять заботу и инвестировать в профессиональное будущее и долгосрочную устойчивость сотрудников. Наиболее значимым бенефитом становится корпоративное обучение (4,2 балла), оно считывается молодежью как вклад в развитие профессиональных компетенций и формирование социального капитала. Второе место занимает добровольное медицинское страхование (3,8 балла) – как свидетельство внимания работодателя о здоровье и благополучии сотрудника. Остальные элементы социального пакета оцениваются значительно ниже, что указывает на избирательность молодых людей в восприятии корпоративных преимуществ. Тем самым социальный пакет включен в систему ценностных детерминант трудового поведения как фактор, свидетельствующий о характере отношений, которые работодатель готов выстраивать с сотрудником.

Анализ полученных данных в результате позволяет выделить профиль привлекательного работодателя в восприятии современного выпускника. Это организация, сочетающая такие характеристика как надежность и стабильность, уважение и заботу о сотрудниках, реальные возможности профессионального роста и «прозрачные» правила взаимодействия. И напротив, требование опыта при отсутствии стартовых позиций, неформальные и «серые» схемы трудоустройства, слабая обратная связь в процессе найма и несоответствие публичных обещаний реальным условиям труда формируют образ ненадежного, отталкивающего работодателя. Эти данные вписываются в более широкую тенденцию, фиксируемую федеральными и региональными исследованиями: ценностные ориентации молодежи в сфере труда смещаются от материального стимулирования к смысловой наполненности, автономии и балансу профессиональной и личной жизни. Более 65% молодых россиян до 30 лет ставят интерес к сфере деятельности выше уровня материального вознаграждения, каждый пятый

ценит возможности творческой самореализации, запрос на гибкость формата работы выражен у 72% респондентов, а карьерные ориентации данной категории персонала сопряжены с динамикой и частой сменой работы [8-10], что создает некоторое противоречие между постматериальными установками и трудовыми ценностями нового поколения и традиционными корпоративными моделями, ориентированными на карьерный рост и финансовое стимулирование.

В заключении отметим, что трансформация трудовых ценностей молодого поколения создает новую конфигурацию требований к работодателю и одновременно новые возможности для тех организаций, которые готовы выстраивать с молодежью отношения, основанные на взаимном инвестировании в человеческий потенциал. Возможным решением со стороны работодателя, на наш взгляд, может стать, во-первых, целенаправленная работа с HR-брендом как инструментом управления репутационными сигналами на рынке труда, во-вторых, перестройка способов коммуникации с молодежной аудиторией через форматы, резонирующие с ее ценностями: стажировки, проектное участие, менторство, и в-третьих, создание реальных, а не декларируемых условий для смысловой вовлеченности и профессионального роста как единственного устойчивого основания для долгосрочного удержания молодых специалистов. Понимание ценностных детерминант трудового поведения молодежи становится необходимым условием формирования эффективных стратегий привлечения и удержания молодых специалистов, и в более широком контексте, развития человеческого потенциала региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рынок труда в России – 2026: снижение спроса на STEM-кадры и новые тренды. – URL: https://www.rambler.ru/pro/rabota/56100511/?utm_content=pro_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 05.07.2026).

2. Нурилова, А. З. Трудоустройство молодого выпускника: проблема и тенденции / А. З. Нурилова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 1. – С. 41–44.

3. Лапушинская, Г. К. Формирование профессиональных компетенций специалистов и трудоустройство: точки соприкосновения в условиях цифровой экономики / Г. К. Лапушинская, Д. Г. Зыбин, А. В. Антоновский // Прикладная психология и педагогика. – 2024. – Т. 9. – № 1. – С. 26–35.

4. Санкова, Л. В. Молодежь на рынках труда регионов: основные тренды, новые вызовы и перспективы / Л. В. Санкова, Л. А. Богаченко, Л. А. Отставнова // Human Progress. – 2024. – Т. 10. – Вып. 1. – URL: http://progress-human.com/images/2024/Tom10_1/Sankova.pdf.

5. Онипко, А. А. Выбор профессионального пути и особенности построения карьерных треков в современных реалиях / А. А. Онипко, О. Н. Шестопалова // Исследование и развитие рельсового и автомобильного транспорта: сб. трудов Междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. С. В. Бушуева. – Екатеринбург: УрГУПС, 2025. – Вып. 6 (268). – С. 315–318.

6. Тлисов, А. Б. Кадровые стратегии работодателей и карьерные устремления выпускников вузов: поиск условий согласования интересов / А. Б. Тлисов, С. В. Алиева // Вестник экспертного совета. – 2025. – № 1 (40). – С. 88–98.

7. Шаповалова, А. А. Бренд работодателя как фактор выбора работы молодыми специалистами / А. А. Шаповалова, Т. О. Разумова // Социально-трудовые исследования. – 2025. – Т. 58. – № 1. – С. 178–189.

8. Окунева, Т. В. Трудовые ценности молодых работников / Т. В. Окунева // Транспорт: логистика, строительство, эксплуатация, управление: сб. трудов Междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2023. – С. 216–218.

9. Путь «школа – вуз – работа» уже не актуален – результаты исследования ВШЭ // РБК. Тренды. – 2024. – 24 апр. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/62d0227e9a794710912218a5?from=copy (дата обращения 05.07.2026).

10. Трудоустройство молодежи в современной России: возможности, проблемы, решения : экспертно-аналитический доклад ВЦИОМ / ВЦИОМ. Консалтинг. – URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/doklad_trudoustroistvo_molodezhi.pdf?utm_referrer=https://dzen.ru/media/i (дата обращения 05.07.2026).

УДК 34.01

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: РИСКИ ДЛЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Шеяфетдинова Н. А.
доцент кафедры теории и истории государства и права МПГУ
доцент кафедры КБ-12 «Правовое обеспечение национальной безопасности»
МИРЭА -Российский технологический университет
кандидат юридических наук, доцент
г. Москва, Россия

Искусственный интеллект (далее ИИ) внедряется в нашу правовую действительность всё активнее, привнося не только положительные аспекты, но и создавая угрозы, в том числе и правовые. В современности происходит вынужденное переформатирование правосознания в контексте выработки правовых ответов на существование ИИ-действительности, [1, с.2 58] что требует юридической универсализации подходов к развитию ИИ. [2, с.72]

Проблемы связанные с формированием правосознания (которое также трансформируется в цифровое и фактически выступает инновационным [3, с. 97]) в эпоху развития ИИ выводят на первый план вопрос о качестве правовой информации выдаваемой ИИ пользователю. Повсеместность распространения ИИ в профессиональной деятельности актуализирует вопрос достоверности и тех решений, которые приняты должностными лицами непосредственно с использованием ИИ. Критическое осмысление того, что представлено в правовой сфере со стороны ИИ – та разумная мера, которая необходима современному правосознанию, но она же и снижает результат использования ИИ, поскольку к последнему зачастую обращаются для быстрого поиска информации и эффективного решения правовой задачи в кратчайшие сроки. С одной стороны возможная потенциальная рассогласованность между правом и правосознанием в цифровую эпоху, [4, с.166] дуализм влияния ИИ на правосознание открывает не до конца очевидные перспективы использования ИИ, а, с другой стороны, влечет за собой ряд проблем, которые могут нивелировать те благоприятные возможности, которые технологии ИИ предоставляют социуму.

Технологический прогресс в любой области всегда сопряжен с рисками его неправомерного использования. В отношении ИИ, данные риски добавляются к тем, которые вытекают из эксплуатационной миссии ИИ, а именно: ускорять деятельность человека, убыстряя множество процессов, на которые человек потратил бы гораздо больше времени. Однако, вместе с тем, появляется другая спорная, с точки зрения исключительной пользы для общества, возможность, предоставляемая ИИ – это заменять человека. Безусловно, объём замены, области и сферы, где ИИ будет функционировать вместо человека, зависят от самого человечества, но соблазн использования потенциала ИИ по максимуму, безусловно, высок, особенно если это области, традиционно испытывают нехватку кадров: медицина, педагогика и др. Потенциал ИИ в правоохранительной сфере, в том числе в судебной деятельности, – предмет жарких научных дискуссий. Очень тонка грань между "помогать" и "заменять". Свойственное человеку качество облегчения своего бытия различными способами всех ли удержит от передоверия своих функций ИИ?

В этой связи фактическая, а возможно в перспективе и юридическая, ответственность потенциально распределяется между такими значимыми для внедрения ИИ субъектам как разработчик, обучающий и эксплуатирующий субъект. Однако риски ошибок и неправомерного использования будут направлены как негативные последствия на адресата ИИ-деятельности. Например, неверный диагноз и лечение, назначенное врачом, использующим ИИ обернется риском для жизни и здоровья больного.

Обязанность владельцев ИИ-сервисов маркировать контент, созданный с помощью нейросетей также, не представляется решением проблемы. Вопрос об исполнении данной обязанности неукоснительно остается риторическим, поскольку зависит от сознательности и правосознательности субъекта, на которого данная ответственность возложена.

Недобросовестный подход в этой связи сопряжен с введением в заблуждение окружающих. Очевидной зоной риска представляются продукты творческой деятельности, которые могут выдаваться за результат собственного труда, при том, что они полностью или частично могли быть сгенерированы нейросетью. Массовое нарушение правил маркировки способно укоренить в массовом правосознании постулат о нейросгенерированности почти любого творческого контента (своеобразная "презумпция виновности"), что поставит в затруднительное положение добросовестных представителей творческих профессий. Аналогичны риски и для представителей другого вида деятельности. Уверенность пациента в том, что диагноз поставлен ИИ с минимальным участием врача может привести к мысли не пользоваться услугами мед. работников, а самостоятельно определять собственный диагноз и лечение также с помощью ИИ.

Подвергается риску и правовая грамотность населения. Причем ожидаем не только очевидный сценарий в виде обращения пользователя с обыденным правосознанием к ИИ, а не к юристу, но и использование недобросовестными юристами ИИ как инструмента, не помогающего ему, а фактически заменяющего его в разрешении той или иной правовой ситуации.

Дипфейки – реальность цифровой современности, которые пока не имеют эффективного инструментария для борьбы с ними. Данный массив информации, который обнаруживается далеко не весь и не весь удаляется, служит (как и всё в цифровой плоскости находящееся) основой для самообучения ИИ, чей уровень очевидно в этой связи может падать. К тому же и без дипфейков наличие недостоверной информации в сети Интернет увеличивает риски для ИИ самообучиться на неподходящем контексте. И тогда условная "презумпция грамотности" ИИ будет под еще большим вопросом.

Знания не единственный компонент правового сознания, правовые эмоции и чувства – тоже его значимая составляющая. Поскольку ИИ способен для некоторых лиц в той или иной мере удовлетворить потребность общения, то не исключено, что ИИ станет значимым собеседником для подобной личности, с которой человек будет советоваться в важных ситуациях с правовыми последствиями. «Этический императив: развитие ИИ требует постоянного этического надзора и разработки гибких правовых механизмов для обеспечения справедливости и защиты прав личности». [5, с. 344]

Использование ИИ как инструментария в преступных руках сопряжено не только с криминальным правосознанием подобных пользователей, но и ложными правовыми шагами тех, кто стал жертвой подобной преступной деятельности. Например, массовые вбросы чат-ботами информации о появлении нового вируса и/или заболевания способны привести к панике и, как следствие, миграционным тенденциям, увольнениям, переносу намеченных мероприятий, закупке товаров, которые при других обстоятельствах не понадобились бы и пр. Ситуативность и спонтанность и, как результат, непродуманные правовые шаги для дестабилизации обстановки могут быть сценически смоделированы (с участие ИИ) и как часть гибридных военных действий со стороны противника, в том случае если государство находится в военном конфликте и тогда риски для правосознания сопряжены с рисками для государства и общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Борзяев, М. М. Искусственный интеллект и правосознание: проблемы взаимодействия / М. М. Борзяев // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сборник материалов XXI Международной научно-практической конференции, Москва, 14 июня 2023 года. – Санкт-Петербург: Печатный цех, 2023. – С. 255-258.

2. Попова, Н. Н. Развитие технологий искусственного интеллекта в перспективах трансформации права: правосознание в проекции будущего / Н. Н. Попова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2021. – № 3. – С. 65-76.

3. Карпович, В. Э. Особенности формирования инновационного правосознания при совершении киберпреступлений / В. Э. Карпович, С. С. Мельник // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 1(37). – С. 91-99.

4. Третьякова, О. Д. Правосознание в механизме цифровизации юридической техники / О. Д. Третьякова, Ш. О. Шомирзаев // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – № 3(64). – С. 163-166.

5. Сокол, А. В. Воздействие искусственного интеллекта на процесс правотворчества, правосознание и юридическое мышление / А. В. Сокол // Седьмые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной : Сборник материалов, Минск, 03 апреля 2025 года. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2025. – С. 340-344.

УДК 316.356.2

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЧУВСТВО ЗАЩИЩЕННОСТИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Шляпина А. С.
Старший преподаватель кафедры социологии ПГНИУ
г. Пермь, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-78-10117.

Российское общество сталкивается с вызовами в экономической, политической и социокультурной сферах, что усиливает социальную неопределенность и порождает новые угрозы для жизни населения. В особенности среди социокультурных рисков актуализируются угрозы отчужденности населения, одиночества, фрагментации и поляризации самосознания. Одним из эффективных ответов на возрастающие социокультурные угрозы выступает укрепление социальной и территориальной идентичности населения.

Социальная идентичность проявляется через принадлежность к социальным группам или общностям, с ценностями и жизненными миром которых ассоциирует себя индивид и в деятельность которых непосредственно вовлечен. Вовлеченность в жизнь территориального сообщества отсылает к категории гражданской идентичности, позволяя проявлять чувство сопричастности с сообществами и территориями через деятельность, иными словами, участвовать в их развитии [1]. Территориальная идентичность часто выделяется как отдельная категория в литературе, сопряженная в первую очередь с конкретным пространством и ограниченная им. При этом учитывается не только привязанность и лояльность к этой территории, но и к социальным сообществам, формируемым этими территориями [2].

Изучение поддержания субъективно переживаемой безопасности и защищенности от угроз в текучем социуме становится одной из ключевых тем. В научных исследованиях социологов идентификация населения с территорией ассоциирована с более высоким уровнем социального самочувствия и благополучия населения [3; 4]. В исследованиях психологов установлено, что чувство безопасности и защищенности населения способствует формированию и укреплению близости с территориями, формируя чувство лояльности к ней [1]. Устанавливается взаимосвязанность между проявляемой территориальной идентичностью и социальным участием населения в развитии территории. Феномены взаимно усиливают друг друга за счет формирования чувства сопричастности к будущему территории и использования более разнообразных практик вовлечения в преобразование городского пространства, население заявляет «право на город» и формирует ощущение контроля над средой [5]. Это позволяет рассматривать территориальную и гражданскую идентичность как потенциальный ресурс субъективной безопасности.

Эмпирической базой выступают данные проекта «Социокультурная эволюция регионов», собранные в 2026 г. В выборку вошли 403 жителя Пермского края в соответствии со структурой населения по полу, возрасту и типу поселения. Для анализа были отобраны два блока вопросов: чувства идентичности (свое, близкое, безразличное, далекое, чужое) с разного уровня территориальными сообществами (поселение, область, страна, СНГ, мир и

виртуальное пространство) и чувством личной защищенности (защищен, скорее защищен, трудно сказать, скорее не защищен, не защищен) от разного вида угроз (экологической угрозы, притеснений из-за возраста или пола, произвола чиновников, ущемления из-за национальности, притеснений из-за религиозных убеждений, произвола правоохранительных органов, преследований за политические убеждения, бедности, одиночества, преступности, потери работы).

Корреляционный анализ показал слабую связность между большинством переменных, что позволило при помощи кластерного анализа методом k-средних разделить жителей на 4 группы, устойчивость кластеризации которых была подтверждена через дискриминантный анализ (93% правильно классифицированных наблюдений). При описании типов используется медианное значение по каждой переменной (см. табл.).

Таблица.

		Локально-индифферентные и средне защищенные	Глобально-ориентированные и средне защищённые	Локально-укорененные и слабо защищенные	Историко-укорененные и высоко защищенные
Отношение к сообществам (1- свое, 5 – чужое)	Жители поселения, в котором я живу	2	1	2	1
	Жители всей моей области	3	1	2	1
	Жители всей России	3	1	3	2
	Жители бывших республик СССР	3	2	4	2
	Жители всей Земли	3	2	4	3
	Люди в виртуальном пространстве	4	3	3	3
Чувство защищенности от угроз (1 – не защищен, 5 – защищен)	От экологической угрозы	3	3	2	4
	От притеснений из-за возраста или пола	4	4	3	5
	От произвола чиновников	3	3	2	4
	От ущемления из-за национальности	5	5	3	5
	От притеснений из-за религиозных убеждений	5	5	4	5
	От произвола правоохранительных органов	3	3	2	4
	От преследований за политические убеждения	3	3	2	5
	От бедности	3	3	2	4
	От одиночества	3	3	2	5
	От преступности	3	3	2	4
	От потери работы	3	3	2	4

Локально-индифферентные и средне защищенные (n=111)

Население, входящее в эту группу, демонстрирует слабую локальную укорененность, сфокусированную на поселении, и преобладающую нейтральностью к более широким общностям, чуждое отношение проявляется лишь к виртуальному сообществу. При этом защищенность по дискриминационным угрозам (на основе возраста, пола, национальности или религии) выше, чем по институциональным или экономическим, где отсутствует определенное отношение (позиция «трудно сказать»).

Глобально-ориентированные и средне защищённые (n=112)

Группа проявляет склонность к формированию близости со всеми категориями общностей, и демонстрирует безразличие к людям в виртуальном пространстве. При этом профиль субъективной защищенности в данной группе статистически не отличается от локально-индифферентной (выявлено на основе сравнения средних методом U Манна-Уитни).

Локально-укорененные и слабо защищенные (n=109)

Для этого типа характерно чувство сопричастности с территорией поселения и края, но безразличность к населению России. При этом декларируется высокая социальная дистанция и отчуждённая идентичность по отношению к населению за пределами России. В то же время группа демонстрирует наибольшую уязвимость в отношении всех угроз, исключая касающихся дискриминации по полу, возрасту, национальности или религии.

Историко-укорененные и высоко защищенные (n=71)

Для этой группы фокус идентичности сохраняется в пределах не только локального сообщества, но и общероссийского и сообщества стран СНГ. При этом проявляется безразличие к сообществу мира и виртуального пространства. Это группа проявляет наибольшую защищенность от всех видов угроз, что делает ее самой защищенной.

Полученная типологизация населения, позволила выявить несколько любопытных тенденций, требующих дальнейшей более детальной верификации. Во-первых, чувство отчужденности и чужеродности социальных групп, возможность противопоставлять их «своим», может быть связана с формированием большей тревожности в отношении личной безопасности. Во-вторых, формирование исторической идентичности и восприятия связности с государственностью, может быть ассоциировано с большим чувством защищенности от разного рода угроз. При этом данные косвенно подтверждают первый тезис, поскольку наиболее защищенная группа демонстрирует безразличие к жителям Земли и виртуального пространства, а не отчужденность. В-третьих, в большинстве типов идентичности субъективное чувство защищенности по дискриминационным основаниям (пол, возраст, национальность, религия) выше, чем по институциональным и экономическим угрозам, что может отражать как историческую травму, так и результат современной государственной политики, акцентированной на защите традиционных ценностей и поддержании территориальной идентичности. В-четвертых, связанность типов с социально-демографическими характеристиками не была выявлена.

Таким образом территориальная идентичность, учет исторических корней могут усиливать чувство защищённости через переживание принадлежности к значимому «своему» пространству, тогда как отчуждённая или индифферентная идентичность сопряжена с большей неопределённостью и тревожностью относительно будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Оплетина И. А., Белоусова Н. А. Выраженность компонентов гражданской идентичности у жителей разных регионов России // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 6. – DOI: 10.24158/spp.2021.6.14.

2. Михайлов В. Т., Рунге Й. Идентификации человека: территориальные общности и социальное пространство – опыт концептуализации // Социологические исследования. – 2019. – № 1. – С. 52–62. – DOI: 10.31857/S013216250003747-4.

3. Печеркина И. Ф., Кошкина А. А., Хузяхметов Р. Р. Территориальная идентичность в социальном пространстве [Электронный ресурс] // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Социально-экономические и правовые исследования / гл. ред. Л. М. Симонова. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2021. – Т. 7, № 4 (28). – С. 85–101.

4. Левтерова Д. С. Персональная идентичность, благополучие и персональная социальная безопасность [Электронный ресурс] // Социально-экономические и психологические проблемы управления: сб. науч. ст. по материалам I (IV) Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23–25 апр. 2013 г.) / под общ. ред. М. Г. Ковтунович. – Ч. 1. – М.: МГППУ, 2013.

5. Воробьёва И. Н. Территориальная идентичность населения как фактор и следствие социального участия // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 70–85. – DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.4.

УДК 316.4

ОТ ИСТОКОВ К ТУРИСТИЧЕСКОМУ БРЕНДУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Штеер О. В.
заместитель декана финансово-экономического факультета
по идеологической и воспитательной работе
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой
г. Новополоцк, Беларусь

Развитие туризма является приоритетным направлением социально-экономической политики Республики Беларусь [1]. В условиях глобальной конкуренции важным инструментом достижения поставленных целей выступает формирование сильного национального туристического бренда.

Изучением брендинга территорий активно занимались С. Анхольт, С. Дэвис, М. Данн, К. Боулдинг, Д. Бурстин, Г. Ю. Никифорова, А. П. Панкрухин, Н. П. Шалыгина и др.

Задача брендинга любого государства, по мнению С. Анхольта, заключается в строительстве и поддержании позитивных ассоциаций о себе, своих гражданах и продуктах. Основой мощи национального бренда, по Анхольту, является его ключевая идентичность[2].

Туристический потенциал Республики Беларусь базируется на уникальном историко-культурном наследии страны, которое и выступает маркером национальной идентичности, транслирует исторический и социокультурный опыт местного населения. Историко-культурное наследие представляет собой совокупность наиболее отличительных результатов и свидетельств исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях [3]. Вопрос популяризации объектов историко-культурного наследия является одним из наиболее актуальных направлений брендинга в мире.

Идея формирования бренда территории на основании ее историко-культурного наследия раскрыта в работах В. И. Алешниковой, Т. Ю. Быстровой, А. А. Гуцалова, Д. В. Визгалова, Д. Н. Замятина, Ю. В. Савельева, А. С. Старцевой и др.

Как отмечает Савельев Ю.В. «уникальность и, в конечном счете, привлекательность бренда территории в первую очередь зависят от того, какие уникальные особенности самой территории закладываются в его основу, а уже во вторую очередь – от выбранной модели управления маркетингом территории[4].

Таким образом, трансформация историко-культурного наследия в туристический бренд – это не только экономическая задача, но и процесс формирования новой социальной идентичности. В основе этого процесса лежит синтез двух аспектов: сохранение историко-культурного наследия, создание условий для его передачи будущим поколениям и определение национально значимых историко-культурных ценностей для их репрезентации через бренд. В Государственный список исторических и культурных ценностей Беларуси включено 5696 историко-культурных ценностей (по состоянию на 01.05.2026) [5], что создает основу для формирования и продвижения бренда страны.

Согласно результатам опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси во втором квартале 2024 г., большинство туристических объектов, вошедших в топ-10 «визитных карточек страны» имеют статус историко-культурной ценности (в их числе – Мирский замок, Брестская крепость, мемориальный комплекс «Хатынь» и др.)[6].

К успешным кейсам трансформации историко-культурного наследия в бренд можно отнести:

1. Замковый комплекс «Мир» и дворцово-парковый комплекс Радзивиллов в г. Несвиже. Оба объекта включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. В данном случаи можно говорить о «европеизации» нашего наследия: отреставрированные замки транслируют историю Беларуси как часть общеевропейского контекста (эпоха Радзивиллов), что делает их

понятными для иностранного туриста. И хотя сами по себе эти замки – пример локальных брендов, статус ЮНЕСКО и доступная подача превратили идею «Беларусь страна замков» в бренд мирового уровня.

2. Парк средневековой истории «Великое княжество Сула» – хороший пример формирования бренда через концепцию «изобретенной традиции». Согласно Э. Хобсбауму, это совокупность символических практик, призванных укрепить связь с прошлым и транслировать определенные ценности [7].

В данном случае историческое наследие (часть сохранившихся аутентичных построек и элементов бывшей усадьбы конца XVIII–XIX веков имеет охранный статус историко-культурной ценности) не просто сохраняется, оно переосмысляется для интерактивного потребления. Это пример успешной адаптации наследия под запрос современного туриста, который хочет получить эмоциональный опыт, быть частью процесса, а не пассивным слушателем.

В белорусском контексте концепция Хобсаума особенно актуальна: многие «исторические» объекты были реконструированы или воссозданы с нуля в последние десятилетия и могут быть успешно интегрированы в бренд.

Несмотря на очевидные успехи в создании брендов на основе историко-культурного наследия в системе территориального брендинга Беларуси все еще наблюдаются пробелы. Во-первых, это «точечность» развития: фокус внимания смещен на несколько крупных объектов, куда и направляются основные туристические потоки. При этом соседние территории также обладают богатым наследием, но их потенциал остается нераскрытым.

Важным элементом является и нематериальное наследие, которое в Беларуси имеет богатую фольклорно-этнографическую основу. Активное знакомство с традиционным укладом жизни, обрядами и обычаями сделало бы туристический продукт уникальным и легло бы в основу бренда территории. Например, зимний праздник «Колядные цари» (агрогородок Семежево, Копыльский район, Минская область) и весенний обряд «Юрьевский хоровод» (деревня Погост, Житковичский район, Гомельская область), которые включены в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, могли бы сформировать позитивные ассоциации и стать фундаментом для создания сильного бренда.

Ключевая задача не допустить «диснеизацию» наследия, при которой история упрощается до уровня развлечений. В условиях глобализации критически важно найти баланс: сделать объект понятным для туриста, не теряя его подлинной ценности.

Трансформация историко-культурного наследия Беларуси в туристический бренд – это необходимый ответ на вызовы глобализации. Анализ показывает, что страна обладает мощным потенциалом для создания привлекательного туристического имиджа. Формированию узнаваемого бренда страны способствуют грамотное планирование, поддержка государственных программ в сфере культуры и популяризация наследия. Положительный опыт свидетельствует о том, что историко-культурное наследие страны может стать непросто объектом охраны, а эффективным инструментом «мягкой силы».

Таким образом, для Республики Беларусь, обладающей богатым, но не полностью раскрытым историко-культурным потенциалом, вопрос использования наследия для создания узнаваемого туристического бренда является стратегическим приоритетом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2025. – URL: https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2025/december/91547/ (дата обращения: 06.07.2026).

2. Анхолт С. Брендинг: дорога к мировому рынку: пер. с англ. М.: Кудиц – Образ, 2004. – С.213.

3. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры : 20 ліпеня 2016 г. № 413-З : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 г. : адобраны Саветам Рэсп. 30 чэрвеня 2016 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk1600413 (дата обращения: 05.07.2026).

4. Савельев Ю.В. Особенности формирования бренда территории на основе ее культурно-исторического наследия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2011. – № 3. – С. 88–93.

5. Государственный список исторических и культурных ценностей Беларуси : [сайт] – Минск, 2026. – URL: http://gosspisok.gov.by (дата обращения: 06.07.2026)

6. Туристические предпочтения белорусов // Институт социологии НАН Беларуси. – URL:: https://socio.bas-net.by/turisticheskie-predpochteniya-belorusov (дата обращения 05.07.2026).

7. Хобсбаум Эрик Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy (дата обращения: 28.07.2026)

УДК [321.01-049.5+004.056.5](476)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ КИБЕРЗАЩИТЫ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Шумская Б. И.
аспирант кафедры политологии БГЭУ
г. Минск, Беларусь

Цифровая модернизация государственного аппарата и общественных отношений перевела киберпространство в разряд суверенных сфер обеспечения национальной безопасности. Развитие технологий искусственного интеллекта, интернета вещей и облачных вычислений объективно расширяет управленческий инструментарий, однако одновременно создает новые точки уязвимости в критической информационной инфраструктуре и финансовом секторе. В текущей геополитической ситуации информационная среда стала полноценной площадкой межгосударственного противоборства. Инструменты классического технического саботажа неразрывно совмещены с технологиями когнитивного влияния и глубинного манипулирования общественным сознанием, что предопределяет потребность формирования многоуровневой системы киберзащиты, соединяющей техническую, правовую и социально-психологическую составляющие.

Стратегический курс Республики Беларусь на укрепление информационной безопасности базируется на защите конституционных основ общества, национальных интересов и государственного суверенитета. Точкой переосмысления природы цифровых рисков выступило принятие Концепции информационной безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 [1]. Концепция зафиксировала приоритет защиты национальных интересов над выраженно техническим администрированием сетей. Нормативное закрепление триединства безопасности личности, общества и государства позволило перенаправить оборонный потенциал на защиту аксиологического суверенитета страны, т.е. её традиционных ценностей, исторической памяти, общественного согласия и конституционного базиса. Парадигма получила практическое развитие в Указе Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности» [2]. Документ институционализировал национальную систему реагирования на инциденты, заложив правовую основу для ввода превентивной модели защиты. Внедрение в Беларуси риск-ориентированного подхода киберзащиты позволило нашему государству перейти от фиксации совершенно различных кибератак к упреждающему моделированию угроз и предиктивной оценке уязвимости критических информационных систем.

Как подчеркивает Президент А.Г. Лукашенко, деструктивное влияние в этой области выводится за пределы привычных технических рисков: «Мы видим, как информационными потоками размывается национальный менталитет, самобытность стран и народов. Существенно меняются социальные связи человека, стиль мышления, способы общения, восприятие действительности. Всему этому следует противопоставить принципы гуманизма и справедливости, приоритеты крепких семейных отношений и здорового образа жизни» [3]. Данная установка всерьёз видоизменяет модель кибербезопасности из узкопрофильной

технической дисциплины в системную государственную стратегию. Её цель состоит в защите, обеспечении и сохранении долгосрочной устойчивости белорусской государственности от совокупности внешних и внутренних вызовов и угроз.

Технологические аспекты киберзащиты зависят от степени интеграции цифровой инфраструктуры в процессы государственного управления, экономики и социальной сферы. Транзит стандартной триады (обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности данных) к системному поддержанию жизнеспособности государства привел к видоизменению целевого назначения киберзащиты при цифровизации государственного управления. Встроены внутрь защитного контура платформы исполнительной власти, системы межведомственного электронного взаимодействия, критическая информационная инфраструктура и финансово-телекоммуникационные пункты. Высокая интерактивность перечисленных элементов оптимизирует транзакционные издержки управления и создает эмерджентные риски, т.е. тесная взаимосвязанность систем расширяет общую площадь атаки, превращая частный технический инцидент в причину цепного сбоя смежных секторов экономики и социальной сферы.

Объективное представление о трансформации современного ландшафта киберугроз дают результаты международных исследований. По последним данным Агентства Европейского союза по кибербезопасности (ENISA), критерием успешности деструктивного воздействия выступает выбор первоначального вектора проникновения в информационные системы. Статистический анализ инцидентов демонстрирует полное доминирование методов социальной инженерии: на фишинг (спам, вишинг, вредоносную рекламу) приходится около 60% случаев компрометации систем. Вторым по значимости каналом несанкционированного доступа является прямая эксплуатация уязвимостей программного обеспечения (21,3 %). Меньшую долю в структуре угроз имеют активность ботнетов (9,9 %), использование вредоносных приложений (8 %) и внутренние угрозы (0,8 %) [4, p.4]. Данное распределение подтверждает, что человеческий фактор остаётся критической уязвимостью в системе государственной киберзащиты.

Наравне с технологическим контуром, приоритетным направлением киберзащиты оказывается когнитивная безопасность. Технические атаки нацелены на нарушение работы объектов критической инфраструктуры, а когнитивные интервенции – на ментальное разрушение общества: деформацию ценностной матрицы, искусственное занижение электорального доверия к государственным институтам, программирование заданных моделей массового поведения. Объектом защиты здесь является общественно-политическая и психологическая устойчивость социума как базовое условие сохранения государственного суверенитета, конституционного строя и национальной идентичности Республики Беларусь.

Технологическим драйвером данных угроз выступают рекомендательные алгоритмы цифровых платформ, механизмы микротаргетинга, технологии анализа больших данных и искусственный интеллект. Инновационные алгоритмы позволяют сегментировать аудиторию по возрастным, социально-демографическим, профессиональным, культурным и психологическим характеристикам, формируя персонализированное кибервоздействие. Их применение автоматизирует создание контента и масштабирует информационные операции в настоящем времени. В свете того, цифровые платформы стали и средством коммуникации, и пространством борьбы за интерпретацию политических процессов, общественные настроения и ценностные ориентиры населения.

Слияние технологического и когнитивного векторов окончательно нивелирует разрыв между программно-аппаратным саботажем и информационно-психологическим давлением. Каждый технический инцидент в гибридной схеме функционирует как медиатриггер, переводящий сбой инфраструктуры в плоскость политической дестабилизации. Нынешняя система киберзащиты должна строиться по принципу системности, объединяя защиту цифровой инфраструктуры вместе с обеспечением устойчивости общественно-политического сознания.

Наращивание количества виртуальных угроз подтверждено учёными. По оценке исследовательской группы Positive Technologies Cyber Analytics В. Бесединой и А. Осиповой, число успешных кибератак в 2025 г. увеличилось на 6 % по сравнению с 2024 г., на 11 % – с 2023 г., на 37 % – с 2022 г. Прогнозируемый мировой ущерб от кибердеяний к 2026 г. может достигнуть 11,9 трлн долларов США, что сопоставимо с 11 % мирового ВВП. Анализ отраслевой структуры атак показал, в 2025 г. наиболее частыми объектами противоправного воздействия были: государственные учреждения (15 %), промышленные предприятия (15 %), ИТ-компании (7 %) и организации сферы услуг (7 %) [5]. Тенденция указывает на увеличение количества кибератак и на расширение круга целей, в т.ч. включая в них гражданскую инфраструктуру и государственный сектор.

Развитие системы киберзащиты белорусской государственности осуществляется скоординировано при взаимодействии нормативно-правового, технологического и когнитивно-коммуникационного уровней. Ключевыми приоритетами совершенствования национальной системы кибербезопасности являются: повышение устойчивости объектов критической информационной инфраструктуры и планомерное развитие отечественных цифровых технологий. Технологический суверенитет подкрепляется предиктивным мониторингом угроз, развитием когнитивной стойкости общества. Последнее выполняется с улучшением стратегических государственных коммуникаций, повышением общественной медиаграмотности и внедрением культуры ответственного поведения в цифровом мире, что в совокупности гарантирует обеспечение общественно-политической устойчивости в моменты деструктивного гибридного давления.

Резюмируя, проведенный анализ подтверждает, что киберзащита белорусской государственности качественно превзошла классическое понимание современной информационной безопасности как совокупности программно-технических мер. Цифровая трансформация государственного управления, интеграция технологий искусственного интеллекта, усложнение межгосударственного противоборства обусловили целесообразность неразрывного синтеза технологического и когнитивного контуров национальной безопасности. Первый уровень гарантирует стабильность функционирования критически важной инфраструктуры, государственных систем и цифровых сервисов, а второй нацелен на защиту общественного сознания, национальной идентичности и информационного суверенитета. Именно их паритетный, взаимодополняющий характер определяет архитектуру белорусской модели киберзащиты, способной эффективно противостоять вызовам XXI века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Сов. Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871 &p0=P219s0001 (дата обращения: 06.07.2026).

2. О кибербезопасности : Указ Президента Респ. Беларусь от 14 фев. 2023 г. № 40 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32300040 (дата обращения: 08.07.2026).

3. Необходимо эффективно обеспечивать информационную безопасность Беларуси // Министерство информации Республики Беларусь. – URL: https://mininform.gov.by/ru/news-ru/view/neobkhodimo-effektivno-obespechivat-informatsionnuyu-bezopasnost-belarusi-4095/ (дата обращения: 11.07.2026).

4. ENISA Threat Landscape October 2025 // The European Union Agency for Cybersecurity. – URL: https://www.enisa.europa.eu/sites/default/files/2025-10/ENISA%20Threat%20Landscape%202025%20Booklet.pdf (дата обращения: 14.07.2026).

5. Ландшафт киберугроз в 2025-м в России и мире // Positive Technologies. – URL: https://habr.com/ru/companies/pt/articles/988872/?ysclid=mrew3pmife326520308 (дата обращения: 17.07.2026).

УДК 316.74:82

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Шухно Е. В.
заведующий сектором социальных и маркетинговых исследований
Национальной библиотеки Беларуси
г. Минск, Беларусь

Формирование культуры чтения и книжной культуры является важной составной частью становления и всестороннего развития личности. Приобщение к чтению, привитие устойчивого интереса и потребности в регулярном чтении прежде всего литературных произведений является важной общественной и государственной задачей.

В этой связи актуальную социальную потребность приобретает изучение читательского опыта населения в современных условиях, характеризующихся всеобъемлющими процессами темпоральной насыщенности, практически непрерывного информационного потребления, цифровой трансформации, внедрения искусственного интеллекта, развития и широкой доступности различных видов рекреационной деятельности, вытесняющих традиционные читательские практики на периферию повседневного времяпрепровождения.

Кроме того, актуальность подобного исследования обусловливается инструментальным характером чтения в контексте процессов социализации. В данном контексте читательский репертуар может рассматриваться в качестве опосредованного фактора социализации. В родительском сознании так или иначе преломляются аксиологические и поведенческие паттерны, содержащиеся в потребляемом ими информационном (литературном, книжном) контенте. Соответственно, родители, традиционно прежде всего мать, как важнейшие агенты первичной социализации в той или иной мере (зачастую латентно) транслируют и проецируют на своих детей усвоенные и подкрепленные соответствующей литературной продукцией ценности, нормы и модели поведения.

От книжной культуры семьи, читательских практик и читательского репертуара родителей в значительной мере зависят отношение детей к книге, чтению как таковому, их читательские предпочтения. Приобщение к книге и чтению способствует воспитанию гармонично развитого человека в идеалах гуманизма, патриотизма и уважения к иным культурам, что корреспондирует задачам государственной семейной и молодежной политики.

Проблематика изучения читательского и библиотечного опыта в гендерном измерении, в частности применительно к женской части населения Беларуси, приобретает особую актуальность в Год белорусской женщины, объявленный Президентом Республики Беларусь.

Чтение выступает базовым навыком современного человека, находящим свое выражение в учебном, профессиональном, досуговом вариантах, которые способствуют овладению специальностью и профессиональному становлению, приобщению к лучшим образцам человеческой мысли и формированию всесторонне развитой личности, привитию гуманистических духовно-нравственных идеалов и повышению общего уровня культуры. Чтение книг развивает критическое аналитическое мышление, что особенно важно в условиях информационного противостояния, распространения фейков и искусственного интеллекта. Книгочтение расширяет картину мира, позволяет воспринимать окружающий мир в широкой перспективе, выходя за узко индивидуальные рамки, формирует многополярную мировоззренческую картину, иммунитетную к идеологической и пропагандистской индоктринации. Чтение, выступая фактором социализации, позволяет воспитывать новые поколения в духе патриотизма, уважения к наследию белорусского народа.

В то же время рассматриваемая проблематика амбивалентна. С одной стороны, перед обществом и государством стоит задача развития и воспитания нового поколения, инкультурации им общечеловеческих и национальных традиционных ценностей, привития

интереса к книге как таковой, так и к определенным книгам – классике белорусской и мировой литературы, формирования книжной культуры у детей и подростков. С другой стороны, развитие культуры чтения представляет собой не однонаправленный, а, напротив, активный двунаправленный процесс в котором актуальные и потенциальные читатели выступают в качестве деятельного субъекта, характеризующегося собственными предпочтениями, интересами, мнениями. Указанная амбивалентность обуславливает необходимость учета и соотнесения существующих интересов и потребностей населения в целом, а также сего отдельных социально-демографических и социально-профессиональных групп в сфере книгочтения с желательными (эталонными) с точки зрения государственных и институциональных акторов характеристик книгочтения.

В этой связи важно отметить, что социологическое сопровождение деятельности библиотек, в т. ч. изучение чтения, читательских предпочтений и отношения к библиотекам, актуализируется пунктом 1.3 части первой статьи 134 Кодекса Республики Беларусь о культуре, в соответствии с которым одной из основных задач библиотек выступает «обеспечение библиографического, информационного и справочно-библиографического обслуживания пользователей библиотек согласно их потребностей и интересов» [1].

Кроме того, социологический анализ практик книгочтения, в том числе в гендерном разрезе, будет способствовать реализации подпрограммы 1 «Культурное наследие» Государственной программы «Культурное пространство» на 2026 – 2030 годы, в частности активному пополнению и обновлению фондов библиотек с учетом актуальных читательских запросов и интересов (задача 2, мероприятие 6 «Пополнение Библиотечного фонда Республики Беларусь») [2].

Информация о практиках книгочтения населения республики может стать основой для совершенствования издательской деятельности в части ассортимента выпускаемой литературы, комплектования фондов библиотек учреждений образования и публичных библиотек, выработки стратегии продвижения книги в условиях цифровой реальности, разработки мер популяризации чтения у детей и взрослых, женщин и мужчин.

Изучение гендерной специфики читательского опыта позволит осуществить комплексный структурный и факторный анализ чтения взрослых (их читательского поведения), эксплицировать количественные и качественные характеристики книгочтения. Гендерный анализ читательских практик позволит охарактеризовать портрет читательницы и читателя в современном обществе.

К основным *структурным составляющим* которого могут быть отнесены следующие аспекты (включая чтение и приобретение книг): вид чтения – досуговое, учебное, профессиональное; частота книгочтения; количество прочтенных книг; читательские предпочтения; источники чтения; длительность чтения; языки чтения; форматы книг; жанровые предпочтения; источники информации о книжной продукции; предпочтения в разрезе авторов и произведений; покупка книг; количество приобретаемых книжных изданий; локации приобретения книг; наличие и объем домашней библиотеки. В *факторном отношении* могут быть дифференцированы мотивация, факторы книгочтения, агенты приобщения к чтению (социализационный аспект), факторы выбора книг, мотивация покупки/непокупки книг.

Значение и необходимость изучения чтения в разрезе пола обусловливается следующим:

во-первых, получением целевой актуальной информации о читательском опыте с учетом гендерной специфики, практиках и предпочтениях женщин и мужчин;

во-вторых, инструментальной ролью чтения в процессе социализации;

в-третьих, потенциалом чтения как конструктивного фактора времяпрепровождения.

Социологическое изучение гендерной дифференциации читательских практик позволяет разработать научно обоснованные рекомендации по корректировке ассортимента книжной продукции в торговой сети, корректировке планов выпуска литературы издательствами, корректировке комплектования библиотечной сети, выстраиванию адресно ориентированной информационно-рекламной кампании.

Изучение читательских предпочтений женской и мужской частей населения республики может повысить адресность книгоиздательской деятельности и комплектования библиотечных фондов с учетом характерного для данных социально-демографических общностей литературного ландшафта, служить обоснованием корректировки данных видов деятельности, исходя из востребованности литературы рассматриваемыми категориями белорусского общества. Социологическое исследование как таковое может выступать драйвером привлечения внимания общественности и государства к роли чтения в современном мире и к месту чтения в жизни современных женщины и мужчины.

Таким образом, гендерный анализ читательского и библиотечный опыта позволит детально проанализировать практики чтения и обращения к библиотечным услугам применительно к двум основным социально-демографическим группам населения современного белорусского общества; выявить проблемы книгочтения; разработать рекомендации, направленные на популяризацию книгочтения в условиях цифровизации социума, а также комплектование библиотек и книгопечатание.

Материалы могут служить для разработки мер и мероприятий по популяризации чтения среди белорусских женщин и мужчин всех возрастов и профессиональных отраслей. Полученные данные могут выступать основанием для дальнейшего углубленного изучения читательских и библиотечных практик белорусок и белорусов с использованием методологического и методического аппарата социологического знания.

Однако следует отметить, что книгочтение в целом и в гендерном отношении необходимо изучать в более широком контексте чтения и потребления информационного контента, а также структуры времяпровождения современного человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры : 20 ліп. 2016 г. № 413-З : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобраны Саветам Рэспублікі 30 чэрв. 2016 г. : у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 15 крас. 2026 г. № 139-З // Нацыянальны цэнтр заканадаўства і прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1600413 (дата звароту: 30.07.2026).

2. О Государственной программе «Культурное пространство» на 2026–2030 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 800 // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500800 (дата обращения: 30.07.2026).

УДК 316.346.32–053.6

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСТВА

Шушунова Т. Н.
старший научный сотрудник НИИ
Теории и практики государственного управления
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Изучение ценностных ориентаций студенчества выступает значимым направлением социологических исследований актуальных как для Республики Беларусь, так и для зарубежных исследователей. Данный процесс включает анализ отношения молодежи к обществу и социальным явлениям, предполагает изучение специфики ее взросления и становления, выбора сферы профессиональной деятельности и т.д. Интерес к изучению этой проблематики связан с отличительными особенности рассматриваемой социально-демографической группы. Студенческий возраст является важным этапом социализации

молодых людей, когда формируются ценностные ориентации, закладываются репродуктивный установки и выбираются стратегии профессионального выбора. «Е.А. Климов определяет профессиональное самоопределение как многомерный процесс развития человека. В нем личность формирует свое отношение к миру профессий и ищет свой смысл в труде» [1, с.39]. Студенты образуют специфическую субкультуру, которая формирует их мировоззрение и задает вектор будущих жизненных стратегий. Современное студенчество представляет собой принципиально новую совокупность молодежи, отличную по ряду характеристик от предыдущих поколений, способную выступить в качестве потенциальных акторов будущих интеллектуальных, политических, экономических и культурных изменений в обществе. Эта социально-демографическая группа быстро адаптируется к изменениям в мире и отличается высокой социальной активностью. Немаловажным является изучение гендерных различий студенчества. «Процесс профессионального самоопределения является результатом многих взаимосвязанных внешних и внутренних факторов, в систему которых входит и гендерная идентичность» [2, с.376]. Как показывают эмпирические данные, ценностные структуры юношей и девушек имеют существенные различия, что обусловлено как биологическими, так и социокультурными факторами. Гендерный анализ позволяет также прогнозировать особенности профессиональной самореализации и карьерных траекторий студентов различных половозрастных групп. Анализ гендерных особенностей ценностной структуры и профессиональных ориентаций у студенческой молодежи показывает, что «у девушек в качестве приоритета выступили карьера и финансовое благополучие, у юношей – личные отношения и любовь» [3, с. 10].

В 2026 г. Научно-исследовательским институтом теории и практики государственного управления было проведено республиканское социологическое исследование, посвящённое изучению студенческой молодежи, одной из задач которого было выявление их профессиональных ценностей. Всего в исследовании приняло участие 6 447 респондентов. Все опрошенные студенты были представителями ведущих областных белорусских университетов, включая город Минск.

Для выявления профессиональных ценностей молодежной аудитории, принявшей участие в исследовании, рассмотрим распределение ответов на вопрос «Что для нас наиболее важно в будущей работе» в зависимости от половой принадлежности опрошенных для последующего сравнения результатов.

В группе опрошенных студентов из числа девушек приоритет в структуре профессиональных ценностей отдается факторам материального благополучия и комфортных условий труда. Именно фактор материального благополучия для девушек является наиболее важным условием в профессиональной деятельности (81,6%), что указывает на то, что они высоко ценят стабильность и заинтересованы в финансовой независимости. «Хорошие условия и режим труда» занимает второе место (58,6%), подчеркивая роль комфортных и благоприятных условий труда на рабочем месте.

Существенное значение для представительниц женской группы опрошенных имеют те характеристики трудовой деятельности, которые связаны с ее графиком и необходимостью присутствовать физически на рабочем месте. Ценность установленного «Нормированного рабочего дня» отмечается 43,0% опрошенными, а «Гибкий график работы», важен только для каждой четвертой студентки (25,1%), что характеризует традиционность мнений девушек в вопросе совмещения профессиональных и семейных ролей. Ценности организационной культуры, влияющие на социальное самочувствие работников важны для опрошенных. Так вариант ответа «Благоприятный климат в коллективе» является необходимым условием для успешной профессиональной деятельности для 40,3% респонденток, что опережает вариант – «Возможность приносить пользу обществу» (30,9%). Наличие «Социального пакета» актуально для 20,7% опрошенных. Наименьшую значимость в представленной структуре имеют внешние статусные характеристики, такие как «Престиж и статус организации» (11,9%) и «Статус госслужащего» (6,3%).

Таким образом, предпочтения современных студенток в профессиональной сфере носят комплексный характер. В них преобладает сочетание материальных потребностей с теми, которые традиционно причислялись к более высшему уровню и связаны с самореализацией, содержательным наполнением труда, карьерным продвижением, имеющим место в дружном коллективе с четким и понятным графиком работы.

Анализ факторов профессиональных предпочтений студентов из числа юношей показал, что значительному большинству опрошенных в профессиональной сфере важнее всего иметь «Достойную оплату труда» (78,6%), это во в многом обусловлено традиционной социально-экономической ролью мужчин в обществе и ролью главного источника дохода в семье. При этом значимость фактора «Обеспеченность социальным пакетом» (18,4%) значительно уступает базовой оплате труда, что говорит о предпочтении получать достойное вознаграждение за свой труд, а не ориентироваться на социальные выплаты.

На втором месте в профессиональных потребностях отмечен ответ «Интересное содержание в работе» (54,6%), что характеризует запрос современных молодых людей на осмысленный труд, интерес к нему. Третьим значимым фактором является вариант – «Хорошие условия и режим труда» (51,4%), подчеркивающий важность комфорта и удобства на рабочем месте для парней в том числе.

Факторы, характеризующие стремление юношей к профессиональному развитию, являются вторичными, но не менее ценными. Это прежде всего варианты ответов «Возможность самореализации» (48,3%) и «Возможность карьерного роста» (44,8%). Это свидетельствует о том, что для значительной части студентов из числа юношей карьера выступает в качестве источника обретения материального благополучия и обретения социального статуса. При этом ценность этого статуса для парней не является первоочередной, вариант ответа «Социальный статус» (14,4%) и «Престиж организации» (14,1%) имеют показатели, располагающиеся на нижнем уровне среди всех профессиональных предпочтений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что профессиональные предпочтения современных студентов из числа мужчин носят преимущественно рациональный характер с выраженным запросом на содержательный аспект труда – работа должна быть интересной. Материальное вознаграждение выступает необходимым и приоритетным условием труда, вместе с комфортными условиями работы, на фоне которых возможно и личностное развитие, и карьерное продвижение. Внешний статус и формальные социальные гарантии играют вторичную роль.

На рисунке 1 мы видим, что при сравнении приоритетов в профессиональной деятельности представителей обоих групп обращает на себя внимание наибольшее единообразие в мнениях, которое наблюдается в отношении материальных и содержательных характеристик профессиональной деятельности. Фактор «Достойная оплата труда» занимает лидирующую позицию в иерархии потребностей у обоих полов, несмотря на то, что мотив финансового благополучия у девушек выражен чуть сильнее (81,6 %), чем у юношей (78,6 %). «Интересное содержание работы» одинаково важно, как для юношей, так и для девушек в их будущей профессиональной деятельности: 54,5% и 54,6% соответственно, что свидетельствует о высокой потребности современной студенческой молодежи в интересной работе, в своей увлеченности тем, за что можно еще и получить достойное вознаграждение.

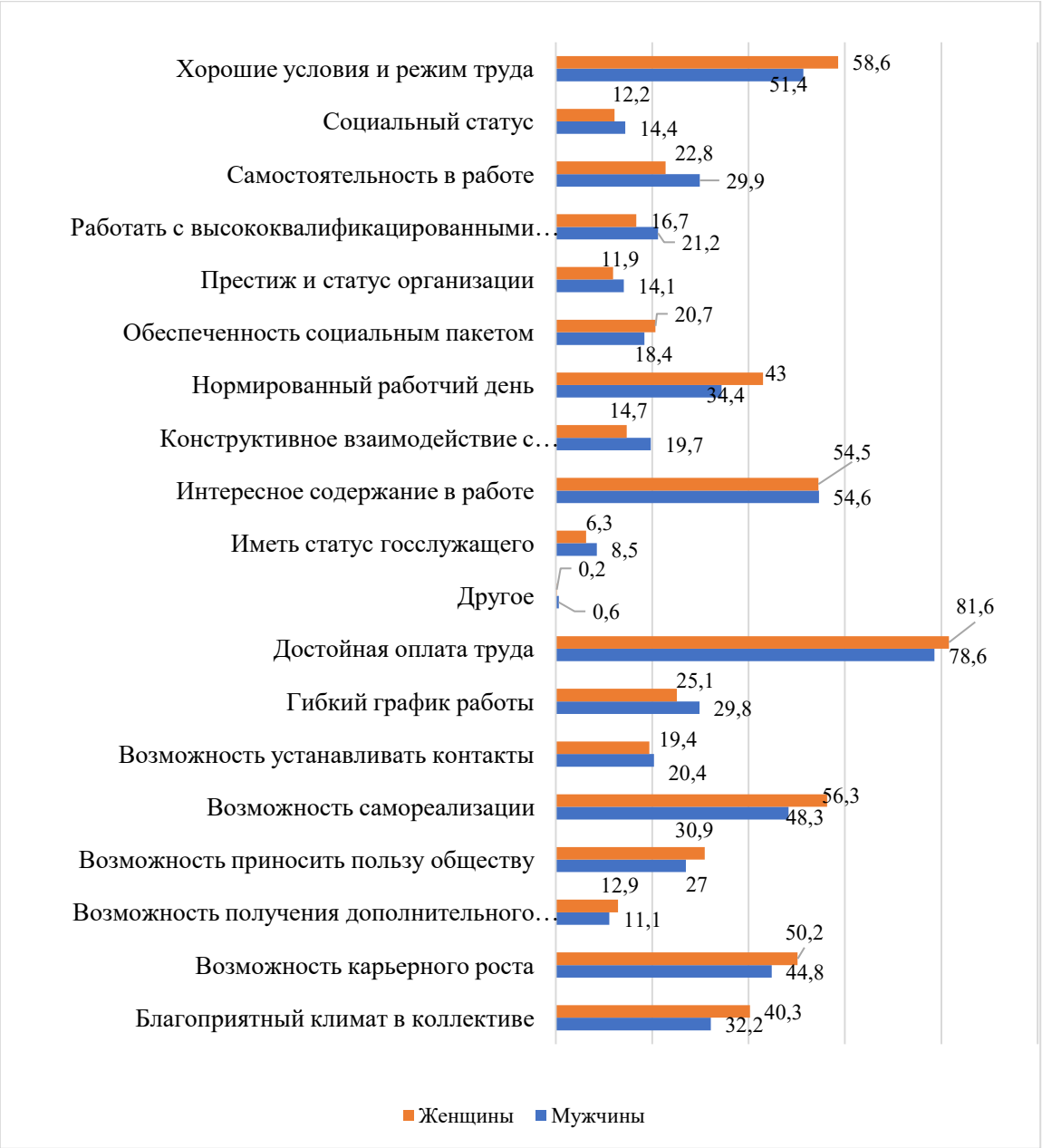

Рисунок. Приоритеты в профессиональной деятельности в гендерном ракурсе, (данные в %)

Таким образом, анализ данных, полученных в ходе республиканского социологического опроса белорусского студенчества в отношении профессиональных предпочтений по гендерному признаку, показал сходство обоих групп опрошенных в части материального благополучия и интересной содержательной стороны профессиональной деятельности, вместе с тем выявил и сущностные отличительные черты в зависимости. Мужская модель профессиональных предпочтений тяготеет в большей степени к инструментальному типу, где в приоритете независимость и хорошие отношения с руководством. В то время как женская модель носит более гармоничную и сбалансированную направленность, ориентируясь на интерес к работе, свою самореализацию в ней, карьерный рост и стабильность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Богданова Г. В., Рудинский И. Д. Аспекты профессионального самоопределения взрослого человека/ Г.В. Богджанова, И.Д. Рудинский // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2025. – Т. 1. – № 1 (103). – С. 37–47.

2. Воропай, Е. В. Гендерные различия при профессиональном самоопределении подростков / Е.В. Воропай, Л.Н .Ожигова, П.Ю. Удачина // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – №70-2. – С. 375–378.

3. Жираткова, Ж. В. Ценностные ориентации студентов: сравнительный анализ / Ж.В. Жираткова, Т.Э.Петрова, С.И. Янин // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2024. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-studentov-sravnitelnyy-analiz (дата обращения: 20.07.2026).

УДК 316.42

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Щербинин С. Н.
начальник учебно-методического управления ГрГУ им. Янки Купалы
кандидат социологических наук, доцент
г. Гродно, Беларусь

Максимук Е. Г.
специалист по менеджменту отдела менеджмента качества ГрГУ им. Янки Купалы
г. Гродно, Беларусь

Современное общество характеризуется динамичными трансформационными процессами, которые затрагивают все социальные структуры и институты. В связи с глубинными изменениями всех подсистем общества, актуализируется необходимость выявления и научного осмысления факторов, определяющих переход социума от одного качественного состояния к другому, их взаимосвязи и иерархии. Объяснение социальных изменений с позиций экономических детерминант является фрагментарным и не отражает все аспекты общественного развития. Это существенно повышает значение и роль социокультурных факторов. В связи с этим, внимания заслуживает определение и структура социокультурных факторов, оказывающих влияние на социально-экономические процессы в обществе.

В научной литературе представлено множество подходов к интерпретации социокультурных факторов и оценке их значимости. В социологии, культурологии, экономике акцентируется внимание на различных аспектах и проявлениях социокультурных факторов. Они представляют собой факты и (или) контекст, связанные с различными группами людей в обществе и их привычками и традициями [1]. В самом обобщенном виде к данным факторам относят: ценности, установки, нормы, язык, традиции, значимое прошлое и др. Указанные категории влияют на происходящие в обществе изменения и сами находятся в состоянии изменений в процессе интеракционного взаимодействия.

В качестве фундаментальной основы развития общества, уровень которого позволяет определить готовность индивидов к самостоятельному выбору, разнообразию, свободе и др. [2] американский социолог Р. Инглхарт и немецкий исследователь К. Вельцель определяют ценности самовыражения. К ним отнесены факторы, связанные с переходом от индустриального общества к постиндустриальному (отношение к религии, власти, семье, патриотизму и др.) [2]. Р. Инглхарт и К. Вельцель не используют понятие «социокультурные факторы», но раскрывают трансформацию общества посредством категорий «культурные изменения», «ценностные ориентации», «человеческое развитие». Именно культурные изменения выступают основой коренных преобразований в обществе.

В качестве системообразующего фактора социальной общности, а следовательно, и происходящих в нем изменений, белорусский социолог Е. М. Бабосов определяет культурный код нации, который выступает объективной действительностью в определенных культурно-исторических условиях [3, с. 10]. В его структуре исследователь определяет такие элементы, как этническое самосознание, социокультурный статус этноса, межэтнические отношения, историческая память, язык и единство времени и пространства [3, с. 11-12]. Данные

компоненты формируют идентичность, менталитет, повседневные практики членов общества, передаются и сохраняются посредством языка, первичной и вторичной социализации, образования и взаимодействия, обеспечивая консолидацию и историческую преемственность. Культурный код нации является совокупности социокультурных факторов, выступающих как устойчивые институциональные и ценностно-символические структуры. Тем самым, они обусловливают развитие общества и социальных институтов [4], определяя экономическое, социальное, культурное поведения и др.

Схожей позиции придерживаются российские социологи С. Г. Карепова и С. В. Некрасов, отмечающие, что социокультурные факторы охватывают такие категории, как «национальная гордость, культурный код, историческое наследие, историческая память, ценности, прогресс в сфере технологий и т.д.» [5, с. 49]. Ключевыми, по мнению авторов, являются цифровизация, культурный код (обеспечивает взаимодействие человека, культурных ценностей и социальных институтов), национальная гордость и семейные ценности [5, с. 50-52]. Несмотря на подверженность изменениям, социокультурные факторы обеспечивают сохранение устойчивости общества.

Белорусский социолог И. В. Лашук под социокультурными факторами понимает «все виды капиталов гуманитарной природы – человеческий, социальный, символический и др.» [6, с. 415], содержание которых раскрывается посредством жизненных стратегий социокультурного поведения. Они предполагают базовые ценности – ориентиры, определяющие направленность жизни (самореализация, благополучие, семья, друзья, общественное признание), и инструментальные ценности – социально значимые ресурсы, используемые для достижения целей (образовательные, сетевые, административные и др.) [6, с. 415]. Повседневное взаимодействие рассмотренных компонентов формируют модели социокультурного поведения, обеспечивая развитие общества.

К социокультурным факторам имеет отношение анализируемые белорусским социологом В. Р. Шухантович понятия самоактуализации, профессионального призвания, а также здоровья и личностных качеств, присущих самоактуализированной личности. Самоактуализация является культурным и социальным контекстом, «значимым духовным ресурсом развития личности и общества» [7]. Данные категории выступают ресурсами развития общества с позиции социокультурного воздействия.

Российский философ Н. И. Лапин рассматривает социокультурные факторы как взаимосвязанные элементы общественной жизни, объективные институциональные условия и субъективные ценностные ориентации индивидов. Они способствуют как стагнации общества, так и его модернизации. Для развития социума необходимо принимать во внимание ценности, доверие, качество жизни, обеспечивающих решение экономических и социальных задач [8, с. 4]. Согласно социологам М. К. Горшкову и Н. Е. Тихоновой, социальное самочувствие членов общества, нормативно-ценностная система, гражданская, региональная и этническая идентичности, а также характер политической активности и доверие к социальным институтам – составляющие социокультурных факторов. [9]. Анализ данных составляющих позволит определить состояние общества и уровень его развития.

Необходимо отметить, что социокультурные факторы формируются под влиянием ключевых социальных институтов общества и выступают в качестве культурных норм, мировоззренческих ориентаций и коммуникационных процессов [10, с. 2-3, 6]. Они постоянно воспроизводятся и трансформируются посредством коммуникации, обеспечивая передачу ценностей из поколения в поколение и сохранение коллективной идентичности, подвергаясь изменениям через социальные практики. Это характеризует данные факторы как постоянно развивающуюся систему, в которой взаимодействуют институциональные условия, культурные нормы, а вовлечение индивидов в социальную жизнь общества взаимообсловливает конструирование его ценностных смыслов.

Социокультурные факторы состоят из системы культуры и системы социального [11]. Система культуры включает субъективные внутренние (эмоции, идеи, ценности, убеждения и т. п.) и внешние аспекты (традиции, обычаи, нормы и т. п.), система социального –

объективные личностно-ориентированные (взаимные ожидания, обязанности, статусно-ролевые предписания и т. п.) и общественно-ориентированные регуляторы (правила, социальная организация, объединяющая культура и т. п.). Таким образом, социокультурные факторы представляют собой субъективные, смысловые структуры и объективные, институциональные рамки, которые могут вступать в противоречие, например, традиции и инновации. Именно противоречивость позволяет исследовать и статичное, и динамичное состояние общества.

Российский философ Е. В. Комф определяет важнейшими социокультурными факторами справедливость (равные возможности), самовыражение, доверие, возможность и готовность влиять на изменения в обществе [12, с. 161]. Некоторые исследователи, опираясь на подход немецкого социолога Г. Хофстеде, сосредотачиваются на таких социокультурных факторах, как *ценностные установки* (готовность общества мирится с иерархией, степень дискомфорта перед неопределенностью, ориентация на личные цели или групповые, готовность к отложенным результатам и др.), *социальный капитал* (в том числе, доверие и связи) и *социокультурное разнообразие* (этническая, лингвистическая и религиозная неоднородность) [13, с. 108]. Они влияют на эффективность социальных институтов посредством неформальных норм и культурных ценностей.

Обобщение и анализ существующих подходов к рассмотрению социокультурных факторов позволяет сформулировать следующее определение. Социокультурные факторы представляют собой ценностные и культурно-поведенческие нормы, регулирующиеся социальными институтами и социальными практиками общества. Значимой характеристикой рассматриваемых детерминант выступает сложность и вариативность структуры. Анализ подходов позволяет отметить необходимость учитывать следующие уровни: ценностно-нормативный (ценности, их иерархия), поведенческий (повседневные практики, экономические стратегии, социальное и культурное поведение), идентификационный (национальная, групповая и другие виды идентичностей), субъективный (восприятие качества жизни, социальное самочувствие), институциональный (социальный контекст) и структурный (уровень потребления, материальное положение, социальный статус). Данные составляющие способствуют как позитивным изменениям в обществе (например, инновационной активности, консолидации и др.), так и сдерживают его модернизацию (например, ориентация на сохранение сложившихся норм и традиций, настороженное отношение к новому и др.). Исследование и понимание социокультурных факторов позволяет определить причины поведенческих стратегий индивидов и прогнозировать результаты взаимодействия в различных сферах общества. Сложность и вариативность структуры социокультурных факторов позволяет заключить о значительном влиянии данных детерминант на развитие общества и его структур. Перспективным направлением выступает проведение эмпирического социологического исследования, направленного на выявление особенностей данного влияния на различные социальные практики и поведение индивидов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Sociocultural factor // Cambridge Dictionary. – URL: https://dictionary.cambridge.org/tr/example/ingilizce/sociocultural-factor (дата обращения: 10.07.2026).

2. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое издательство, 2011. – 464 с.

3. Бабосов, Е. М. Культурный код нации – кристаллизация и обогащение опыта прошлого / Е. М. Бабосов // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2023. – № 2. – С. 9–13.

4. Марченкова, Е. Е. Детерминанты социокультурного развития Беларуси польско-литовского периода / Е. Е. Марченкова // Научный журнал «Эпомен». – 2020. – № 40. – С. 59–73.

5. Карепова, С. Г. Социокультурные факторы в трансформационных процессах современного российского общества и их воздействие на сознание и традиционные ценности социума / С. Г. Карепова, С. В. Некрасов // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 5. – С. 49–54.

6. Лашук, И. В. Социокультурные основания экономических, культурных и социально-политических процессов в Беларуси / И. В. Лашук // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире

: XXI Международные Лихачевские научные чтения, г. Санкт-Петербург, 25–26 мая 2023 г. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2024. – С. 415–420.

7. Шухантович, В. Р. Самоактуализация: поиск ресурсов улучшения здоровья и развития человеческого потенциала / В. Р. Шухантович // Социологический альманах. – 2017. – Вып. 8. – С. 460–472.

8. Лапин, Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2011. – №. 9. – С. 3–18.

9. Горшков, М. К. Социокультурные факторы консолидации российского общества / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. – М. : Институт социологии РАН, 2013. – 54 с.

10. Тумин, А. Ю. Соотношение институциональных и социокультурных факторов формирования патриотического сознания / А. Ю. Тумин // Гуманитарный вестник. – 2023. – №. 2. – С. 1–9.

11. Темницкий, А. Л. Социокультурное в условиях сложного общества: от нерасчлененного понятия к дуальным оппозициям / А. Л. Темницкий // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 4 (19). – С.180–188.

12. Комф, Е. В. Социокультурные факторы органичной модернизации / Е. В. Комф // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – №. 2. – С. 160–162.

13. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ // Центр стратегических разработок. – URL: https://www.csr.ru/uploads/2017/10/report-sf-2017-10-12.pdf (дата обращения: 18.07.2026).

УДК 316.43

АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО: КОНТУРЫ НОВОГО ТИПА СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Эсселевич Э. А.
аспирант кафедры Социологи и Политологии
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
г. Санкт-Петербург, Россия

В современном российском обществе алгоритмизация социальных и профессиональных практик ведет к трансформации структуры социального неравенства. Участие алгоритмов в различных социальных процессах становится повседневностью. При этом возникают противоречия: с одной стороны, алгоритмы применяются при решении задач в различных областях для повышения эффективности и точности, и в целом, их создание планировалось на благо человечества. С другой стороны, работа алгоритмических технологий приводит к негативным социальным последствиям: усугубление различных форм неравенства, воспроизводству системной дискриминации, созданию информационных барьеров. Обобщая, данное явление можно охарактеризовать как алгоритмическое неравенство. Ниже представлены основные положения научной новизны, которые мы получили в ходе социологического исследования алгоритмического неравенства в рамках диссертационной работы.

Во-первых, впервые через системный подход обозначен контур исследования новейшего типа социального неравенства – алгоритмического неравенства, который посредством технологии алгоритмов и ИИ категорически меняет характер общественной жизни. Было установлено, что с точки зрения генетической природы данная форма может рассматриваться как четвертая стадия эволюции цифрового неравенства. Если первая стадия выражается в доступе к информационным технологиям, вторая в различиях в навыках, а третья – в неравных целях, возможностях и качестве использования технологий, то четвертый уровень, который также называют алгоритмическим разрывом, проявляется в неравеномерном понимании, доступе и навыках применения алгоритмических систем [1, с. 1782]. Более того, мы показали связь с алгоритмического неравенства с традиционными типами неравенства в социальной реальности и новыми типами неравенства, характерными для общества дополненной

современности. Из этой связи вытекают такие социальные последствия, как: закрепление различий в доступе, усиление дискриминации, разделение общества через ранжирование, неравномерное распределение вычислительных мощностей, необходимых для получения благ, а также ограничение получаемой информации для различных социальных групп и ускорение или замедление процессов [2, с. 124]. Наконец была разработана модель иерархии участников алгоритмизации по степени вовлеченности в исполнение специфических функций. В этой системе наивысшее положение занимают «заказчики» – они обладают материальными срдствами, достаточными для того, чтобы запрашивать разработку алгоритмов и устанавливать правила. Следующая ступень, «Разработчики», непосредственно занимается созданием технологии, но не обладает правами на неё. «Исполнители и реализаторы», отчаются тем, что эффективно используют потенциал алгоритмов, в то время как «Пользователи», являющиеся самой зависимой и уязвимой группой, взаимодействуют с алгоритмами в рамках потребляемых продуктов.

Во-вторых, посредством анализа источников и литературы построена уникальная концептуальная модель исследования алгоритмического неравенства как нового типа социальной дифференциации. Содержание модели следующее: описание проблематики определение основных технологий, механизмов, средств формирования искусственной социальности, а также протекания алгоритмизации и последствий их существования; анализ основных направлений исследований алгоритмизированного общества, а также методологические инновации, представленные в этих исследованиях. Таким образом благодаря тому, что данная модель включает в себя совокупность направлений и тем изучения алгоритмизации общества, она может стать полезном инструментом при создании программы собственного социологического исследования, не только в нашем случае, но и для будущих исследований других социологов.

В-третьих, предложена новая типология механизмов воспроизводства и усиления алгоритмического неравенства, углубления разрыва между социально-профессиональными группами общества. Для каждого типа подобрана теоретическая рамка исследования, описаны основные характеристики, пути проявления, собраны конкретные примеры, изучена связь с различными типами социального неравенства и выявлены социальные последствия существования рассматриваемого механизма в обществе. К основным механизмам мы отнесли: таргетинг, алгоритмическое ранжирование и рейтинговые системы, алгоритмическая дискриминация и предвзятость, неравная алгоритмическая осведомленность, автоматизированный контроль и управление, непрозрачность и неподотчетность. Выявлены социальных последствия, функционирования данных механизмов, такие как: формирования информационных «пузырей», воспроизводство системной дискриминации, трансформация труда и занятости, отсутствие ответственности за ошибки, усиление традиционных форм неравенства.

В-четвертых, разработаны четыре модели когнитивного осознания социальных последствий алгоритмического неравенства в обществе в зависимости от алгоритмической осведомленности и технологической включенности: модель социотехнического проникновения (высокие осведомленность и включенность; характеризуется осознанием единства социального и технического), асимметричная социоцентричная модель (высокая осведомленность, низкая включенность; осознание взаимодействия с ИИ как сложного, рекурсивного и принципиально неравного диалога), ассиметрично техноцентричная модель (низкая осведомленность, высокая включеность; первичность технологии алгоритмов, признание ИИ инфраструктурой, организующей познание), модель отчужденного алгоритмического сознания (низкие осведомленность и включенность; интерпретация поведения ИИ как имитация без понимания).

Наконец, сложившийся подход к выявлению новых форм солидарности в условиях дополненной современности был расширен благодаря моделям, разработанным в рамках изучения алгоритмизации и алгоритмического неравенства. Таким образом, классические органическая и механическая солидарность были дополнены тремя новыми формами,

характерными для общества дополненной реальности: коммуникативной (демонстрация единства в сети посредством функционала социальных платформ), транзитной (объединение людей вокруг события или эмоции), потоковой (передача ценностей через повторяющие взаимодействия). Таким образом, складываются две группы пользователей по восприятию алгоритмизации: социальные реалисты и цифровые авангардисты. Первые предпочитают ценности, связанные с традиционной солидарностью, вторые – с цифровой.

Таким образом, исследование вносит вклад в развитие цифровой социологии и социологии неравенства, предлагая целостную концептуальную рамку анализа алгоритмического неравенства, его механизмов, уровней проявления и социальных последствий. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных моделей и типологий для дальнейших эмпирических исследований, разработки мер по снижению социальной напряженности между социально-профессиональными группами и формирования более справедливых подходов к внедрению алгоритмических и интеллектуальных систем в общественные процессы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Gran, A.-B. To be or not to be algorithm aware: a question of a new digital divide? / A.-B. Gran, P. Booth, T. Bucher // Information, Communication & Society. – 2021. – Vol. 24, № 12. – P. 1779–1796.

2. Kitchin, R. Code/Space: Software and Everyday Life / R. Kitchin, M. Dodge. – Cambridge, MA : The MIT Press, 2011. – 305 p.

УДК 314.7

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЕ СНГ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕГО ПРОСТРАНСТВА: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ

Юдина Т. Н.
главный научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН
доктор социологических наук, профессор
г. Москва, Россия

Принимаемая в сентябре 2026 г. новая редакция Концепции общего миграционного пространства государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – Концепция ОМП) стало закономерным ответом на исчерпание регулятивного потенциала Концепции 2012 г. [1; 2] и на существенные изменения структуры миграционных потоков в постсоветском регионе [3; 4]. Настоящие тезисы обобщают результаты экспертного опроса, проведённого Институтом социальной демографии ФНИСЦ РАН в 2026 г. в рамках научно-аналитического сопровождения подготовки новой Концепции, и демонстрируют, каким образом экспертные оценки послужили обоснованием вошедших в неё ключевых решений.

Методология. Опрошены 124 эксперта из России, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Армении и ряда других стран Содружества. В структуре выборки: научно-образовательное сообщество – 44,0%, некоммерческие и общественные организации – 18,0%, органы государственной власти – 17,0 %, объединения работодателей и международные организации – 11,0%. Стаж работы в сфере миграции более 10 лет имеют 47,5 % респондентов. Географическое распределение (71,8 % – Россия, 28,2% – страны СНГ) отражает реальную асимметрию миграционного пространства и позволяет корректно сопоставить позиции принимающей страны и стран – доноров рабочей силы.

Общая оценка состояния сотрудничества. Экспертное сообщество фиксирует сдержанно-пессимистичную оценку: 47,2% характеризуют уровень сотрудничества как «средний», 25,3% – как «скорее низкий» или «очень низкий» и лишь 21,1% – как «высокий». Действующие механизмы 53,7% экспертов оценивают как «частично эффективные».

Российские эксперты критичнее в оценке эффективности: 24,7% из них считают механизмы неэффективными против 11,7% у представителей других стран СНГ, что отражает более глубокую погруженность в институциональные ограничения существующей архитектуры. Полученные оценки формируют содержательный запрос на качественное обновление нормативной базы, реализованный в новой Концепции ОМП 2026 г.

Ключевые характеристики миграционного взаимодействия. Тройку наиболее значимых характеристик составляют: влияние внешнеполитических факторов (44,2%), недостаточная согласованность миграционной политики (41,7%), усиление внимания к миграционной безопасности (40,0%). При консенсусе относительно политизации миграционной повестки (44,2% и 44,1% соответственно) фиксируется ценностную дифференциацию: российские эксперты острее ставят вопросы безопасности (43,0% против 32,4%), эксперты стран-доноров–вопросы защищённости мигрантов (41,2% против 26,7%) и правовых различий (29,4% против 14,0%). Эта разность взглядов учтена в новой Концепции через одновременное закрепление контура безопасности и контура правовых гарантий.

Приоритеты, вошедшие в новую Концепцию ОМП. Эксперты сформировали устойчивый консенсус по пяти опорным направлениям, составившим содержательное ядро принятой в сентябре 2026 г. Концепции (см. табл.).

Таблица. Экспертные оценки приоритетов новой Концепции ОМП, % от числа опрошенных

Направление Концепции ОМП 2026 г.	**Всего (в %)**	**Россия (в %)**	**Другие страны СНГ (в %)**
Противодействие нелегальной занятости	53,5	60,2	35,5
Развитие организованного набора	51,8	50,6	54,8
Цифровизация миграционного управления	48,2	49,4	45,2
Согласование принципов трудовой миграции	46,5	42,2	58,1
Защита социальных и трудовых прав мигрантов	39,5	28,9	67,7

Источник: составлено по данным экспертного опроса.

Консенсусно-асимметричная модель приоритетов в формировании общего миграционного пространства. Первое – устойчивый двусторонний консенсус по организованному набору (50,6% и 54,8%) и цифровизации (49,4% и 45,2%). Именно эти направления закреплены в новой Концепции в качестве операциональной и технологической платформ общего пространства. Второе – управляемая асимметрия по противодействию нелегальной занятости (60,2% против 35,5%) и защите прав (28,9% против 67,7%; разрыв 38,8 п.п., максимальный в исследовании). Эти позиции решены в тексте Концепции через принцип легализации трудовых отношений посредством организованного набора с одновременными юридическими гарантиями для обеих сторон.

Барьеры и точки консенсуса. Ключевым барьером признана теневая занятость (65,0%; Россия – 71,4%, страны СНГ –48,5%); при этом различия в национальном законодательстве значительно острее воспринимаются в странах-донорах (63,6% против 21,4%). Единственный симметричный барьер–различия в экономических интересах (около 40% с обеих сторон). Одновременно исследование фиксирует три позиции практически единогласной поддержки: 92,0% экспертов поддерживают согласованное признание квалификаций (Россия – 89,2%, другие страны СНГ – 100,0%); 82,7% – разработку общих минимальных стандартов защиты прав (77,6% и 96,5%); 81,0% – цифровизацию миграционного управления как перспективное направление. Эти три позиции стали несущими конструкциями новой Концепции ОМП.

Организованный набор заслуживает отдельного внимания как единственный крупный тематический блок, в котором позиции России и стран-доноров практически совпадают: высокий потенциал механизма отмечают 44,0% российских экспертов и 48,3% представителей стран СНГ (разрыв 4,3 п.п.). Главный операциональный барьер – деятельность

недобросовестных посредников (49,1% при полном совпадении позиций сторон: 48,8% и 50,0%). Таким образом, новая Концепция закрепляет механизм аккредитации посредников и участие проверенных работодателей (44,7% экспертов назвали это ключевым условием), что стало прямой имплементацией экспертного мандата.

Выводы. Экспертный опрос, проведенный в рамках подготовки новой Концепции ОМП, выполнил три задачи: диагностическую (фиксация исчерпания потенциала предыдущей архитектуры сотрудничества), содержательную (обоснование пяти опорных направлений Концепции – противодействие нелегальной занятости, организованный набор, цифровизация, правовая гармонизация, защита прав) и переговорную (выявление асимметрии позиций как ресурса для кооперации). Принимаемая в сентябре 2026 г. редакция Концепции институционализировала три несущие конструкции – цифровую платформу консенсуса, организованный набор как операциональную точку сборки и общие минимальные стандарты защиты прав как условие легитимности системы. Тем самым экспертное сообщество не только зафиксировало запрос на качественное обновление миграционной архитектуры СНГ, но и предложило её конкретную конфигурацию, воспринятую разработчиками нового документа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в области регулирования миграционных процессов: утв. Решением Совета Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств 17 мая 2012 года № 37-8. – URL: https://eccis.org/document/3489

2. Проект Концепции общего миграционного пространства государств – участников Содружества Независимых Государств. https://iacis.ru/novosti/postoyannye_komissii/rabochaya_gruppa_mpa_sng_podgotovila_proekt_obnovlennoj_kontceptciyu_obshego_migratcionnogo_prostranstva_sodruzhestva

3. Леденева В. Ю. Миграционная политика ЕАЭС и государств-членов // Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС: [научный доклад] / Г. И. Осадчая, О. А. Волкова, М. Л. Вартанова [и др.]; под общ. ред. Г. И. Осадчей; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН, 2025.– С. 179–199.

4. Юдина Т. Н. Факторная архитектура миграционных потоков в странах постсоветского пространства: от интеграции к турбулентности (2000-2025) // PolitBook – 2026.– № 2. – С. 22–44.

УДК 316.455

АДАПТАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Юй Ян
аспирант СПБГУ
г. Санкт-Петербург, Россия

Ли Миньсюань
аспирант СПБГУ
г. Санкт-Петербург, Россия

Юй А. Н.
бакалавриат РГПУ
г. Санкт-Петербург, Россия

Расширение международной образовательной мобильности сопровождается усложнением способов адаптации студентов к новой университетской среде [1]. Для обучающихся за рубежом адаптация связана не только с освоением языка и формальных

требований, но и с поиском доступных социальных связей, информационных каналов и способов согласования образовательных целей с изменившимися условиями [2]. Вместе с тем существующие исследования чаще рассматривают институциональные, культурные и психологические аспекты адаптации раздельно, что затрудняет анализ того, как студенты комбинируют различные ресурсы в конкретных учебных и повседневных ситуациях [3].

Теоретической основой исследования выступает концепция дополненной социальности Д. В. Иванова, в которой выделяются четыре формы организации социальных связей: институт, интеракция, сеть и поток [4]. В образовательной адаптации эти формы не существуют изолированно: студенты одновременно обращаются к формальным правилам, непосредственным взаимодействиям, социальным сетям и меняющимся информационным потокам. Их попарное сочетание позволяет выделить шесть моделей адаптации. Диалоговая решётка объединяет интеракцию и сеть; конвенциальная адаптация — институт и интеракцию; резонансная — интеракцию и поток; реляционная — институт и сеть; модулированная — институт и поток; сетепоточная — сеть и поток. Эти модели рассматриваются не как устойчивые типы личности, а как различные способы организации действий в образовательной среде.

Эмпирическую основу исследования составили данные трёх групп: китайские студенты, обучающиеся в России, — 118 человек; российские студенты российских университетов — 254 человека; китайские студенты, обучающиеся в Китае, — 104 человека. Общий объём выборки составил 476 респондентов. На предварительном этапе анализировались средние показатели шести моделей адаптации.

Таблица 1. Средние значения показателей моделей образовательной адаптации в трёх группах студентов

Модель даптации	**Китайские студенты в России**	**Российские студенты**	**Китайские студенты в Китае**
Диалоговая решётка	2,635	3,242	3,783
Конвенциальная	2,701	3,122	3,747
Резонансная	2,780	3,289	3,779
Реляционная	2,853	3,269	3,752
Модулированная	2,854	3,163	3,760
Сетепоточная	2,969	2,626	3,767

Среди китайских студентов, обучающихся в России, наиболее высокий показатель получила сетепоточная адаптация — 2,969. Далее следуют модулированная и реляционная модели — 2,854 и 2,853. Минимальное значение зафиксировано для диалоговой решётки — 2,635. Такое распределение указывает на повышенную роль гибких информационных каналов, цифровых платформ, временных связей и неформальных способов поиска решений. В условиях ограниченной знакомости с языком, образовательными правилами и повседневными практиками сетепоточная модель позволяет компенсировать недостаточную доступность привычных институциональных и социальных ресурсов. В группе российских студентов наиболее выраженными оказались резонансная — 3,289, реляционная — 3,269 и диалоговая модели — 3,242. Наименьшее значение получила сетепоточная адаптация — 2,626. Российские студенты действуют в знакомой институциональной и языковой среде, поэтому могут опираться на устойчивые взаимодействия, понятные правила и доступные социальные отношения. Более низкий показатель сетепоточной модели отражает не недостаток адаптационных возможностей, а меньшую потребность в использовании временных сетей и нестабильных информационных потоков. У китайских студентов, обучающихся в Китае, значения всех шести моделей расположены в узком диапазоне от 3,747 до 3,783. Выраженного доминирования одной модели не наблюдается. В знакомой образовательной среде институциональные правила, непосредственные взаимодействия, социальные связи и текущая

информация могут использоваться параллельно. Адаптация этой группы характеризуется не выбором одной ведущей стратегии, а сочетанием нескольких способов действия.

Наиболее содержательный результат даёт сопоставление китайских студентов в России с двумя группами, обучающимися в собственной стране. В российской образовательной среде китайские студенты демонстрируют более низкие показатели большинства моделей, однако именно у них сетепоточная адаптация занимает первое место и превосходит соответствующий показатель российских студентов. Это различие показывает, что транснациональная мобильность не просто снижает доступность привычных ресурсов, но и меняет их иерархию: при ограниченной эффективности институциональных правил и устойчивых отношений возрастает значение цифровых сетей, оперативной информации и ситуативно формируемых контактов. В то же время равномерное распределение моделей среди китайских студентов в Китае свидетельствует о том, что в знакомой среде различные механизмы адаптации не конкурируют между собой и могут включаться в зависимости от конкретной задачи.

Предложенная модель позволяет анализировать адаптацию не как единый показатель успешности и не как следствие устойчивых национально-культурных характеристик, а как изменяющуюся конфигурацию способов действия. Её аналитическая ценность состоит в возможности сопоставлять группы по тому, какие сочетания институтов, взаимодействий, сетей и потоков становятся для них наиболее доступными. Дальнейшее развитие исследования предполагает проверку устойчивости выявленных различий с помощью многомерного статистического анализа, выделение смешанных адаптационных профилей и их качественную верификацию посредством интервью. Это позволит установить, как отдельные модели связаны с образовательным выбором, ценностными ориентациями и представлениями студентов о будущей профессиональной траектории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов Д. В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 1: Актуальность новой повестки // Социологические исследования. 2024. № 6. С. 3-15. DOI: 10.31857/S0132162524060014 EDN: EKBIAA

2. Дерюгин П. П., Вэй Л., Бакулин А. В., Юй Я. Ценности дополненной социальности в восприятии возрастных когорт китайцев (опыт эмпирического исследования) / П. П. Дерюгин, Л. Вэй, А. В. Бакулин, Я. Юй // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – № 10(160). – DOI 10.60797/IRJ.2025.160.44. – EDN MZCLIE.

3. Дерюгин П. П., Чжао Ц., Юй Я., Чжэн С. Восприятие китайскими студентами коммуникативных технологий и общения в управлении: итоги пилотажного исследования / П. П. Дерюгин, Ц. Чжао, Я. Юй, С. Чжэн // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 1. – С. 278-284. – DOI 10.24412/1998-5533-2025-1-278-284. – EDN PXCPVE.

4. Иванов, Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации / Д. В. Иванов // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 44-55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9 EDN: KJDUDV

5. Иванов Д. В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 1: Актуальность новой повестки // Социологические исследования. 2024. № 6. С. 3-15. DOI: 10.31857/S0132162524060014 EDN: EKBIAA

6. Юй, Я. Анализ ценностей китайских студентов в рамках концепции «дополненной социальности» Д. В. Иванова / Я. Юй, П. П. Дерюгин, А. Н. Юй // Социология новой современности: проблемы, теория, методы : Материалы Всероссийской научной конференции XIX Ковалевские чтения, Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2025 года. – Иваново – Санкт-Петербург: ООО "ПресСто", 2026. – С. 685-686. – EDN POMHZA.

УДК 316.472.3

АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЛИДАРНОСТИ

Яковлева Н. И.
научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Проблема достижения и поддержания социального порядка всегда актуальна и особенно значима при необходимости снижения конфликтности в обществе, обеспечения его большей сплоченности перед современными рисками. Исследование вопросов солидарности остается востребованным в современном обществе, так как именно она определяет способность людей объединяться в условиях глобальной неопределенности и технологических изменений, помогает сохранить социальный мир на фоне растущего индивидуализма.

Сегодня в рамках социо-гуманитарного знания понятие «солидарность» рассматривается через призму двух основных подходов: социально-психологического и деятельностного. В первом случае она понимается как феномен индивидуального сознания, основанный на самоидентификации личности с группой. Индивид признает общность значимым социальным субъектом, влияющим на его жизнь, что формирует систему взаимной ответственности между личностью и коллективом. В рамках деятельностного подхода солидарность определяется как динамический процесс создания коллективов, групп, члены которых четко осознают общие интересы и прилагают совместные усилия для достижения целей [1]. В сфере социологического знания выделяется также традиция, в соответствии с которой солидарность, может представлять собой систему взглядов и практик, направленных на согласование интересов участников группы, при этом наличие чувства коллективного «мы» или четкой идентичности по какому–либо признаку (нация, партия) не обязательно, подобный тип консолидации может наблюдаться при функционировании рабочего, феминистского и других социальных движений.

Понимание солидарности как морального явления было предложено Э. Дюркгеймом, который полагал, что, рост благосостояния сам по себе не создает предпосылок для общественной стабильности и даже может быть для нее разрушительным. Тогда как возникая на основе общественного разделения труда и растущей специализации, социальная солидарность, становится тем моральным фактором, который способствует дальнейшему общественному развитию, обеспечивает в нем согласие. Дюркгейм выделял два типа солидарности: механическую – сознание отдельных индивидов подчинено коллективному, общество диктует, что следует делать, устанавливается единообразие, как способ защиты системы и поддержания её стабильности. Органическая солидарность, в сою очередь, не подавляет индивидуальность, а использует её для общественного развития, формируя среду взаимоответственности, где каждый специализируется на своем занятии, и каждый знает, что его дело приносит обществу благо и оценено.

Эту традицию продолжает и П. Штомпка, который считал, что только моральная связь (доверие, лояльность, солидарность) между людьми может сплотить общество. Мораль предполагает нормативность, обязательность достойного отношения к другим людям. Солидарность же П. Штомпка определяет как заботу об интересах других и готовность предпринять какие-то действия для их защиты [2, с. 195–196].

В современной философии Р. Скрутона понятие солидарности также занимает центральное место. В отличие от мыслителей, которые связывают понятие солидарности с классами или национальными, глобальными общественными движениями, Р. Скрутон исследует её через призму патриотизма, родной земли и общего дома [3]. По мнению философа истинная солидарность — это любовь к дому, своему сообществу, культуре и истории, она строится на чувстве общей ответственности за сохранение того, что нас окружает (от природы до памятников архитектуры). Гражданская солидарность возникает не из государственных указов, а из повседневного опыта совместной жизни людей на одной

территории. Жители одной страны готовы поддерживать порядок, следовать законам и платить налоги, например, в пользу бедных только потому, что они относятся к этим гражданам как к своим, ощущают единство с ними. Именно данное ощущение «своих» является основой национальной солидарности, поддерживает и защищает внутреннюю структуру конкретного общества, что, однако, делает сложной межнациональную интеграцию из регионов, обществ, где солидарность была сформирована, к примеру, на верности роду или религиозной общине [3].

Таким образом, на основании приведенных концепций определения солидарности можно предположить, что данный феномен выполнят в обществе ряд важных функций, среди которых: интеграция – формирование механизмов, которые объединяют индивидов в единую социальную систему на основе общих ценностей; легитимация порядка, путем обоснования того, почему граждане должны соблюдать общие нормы ради общественного блага даже в ущерб личным интересам; проявление вовне явлений социального отчуждения, аномии и конфликтов. Результатом солидарной деятельности являются не только достижение социального порядка, но и получение ресурсов для агентов-участников: социальных (доверие, связи, новые знакомства внутри группы.), психологических (снижение тревоги за счет уверенности в коллективе, преодоление изоляции), организационных (объединение усилий и навыков в группе) и материальных (разделение издержек, доступ к общему бюджету).

В тоже время изучение солидарного сознания в настоящее время остается непростой задачей, поскольку солидарность представляет собой моральное явление, основанное на свободном выборе той или иной общности и ответственной взаимозависимости её членов, а также имеет свои особенности, механизмы формирования и проявляется по-разному на бытовом и национальном уровнях, что усложняет определение категориального аппарата и критериев исследования практик солидарности. Сегодня также наблюдается трансформация солидарности от ее традиционных форм (семейной, корпоративно-цеховой) к глобальным и виртуальным типам консолидации. Необходимо учитывать и то, что мотивационные практики далеко не всегда основаны на просоциальных мотивах или единых ценностях с сообществом, напротив могут присутствовать конкурентные отношения, за ресурсы, получаемые в результате солидарного поведения [4, с. 74]. Например, мотивом солидарного поведения с группой медийных персон может быть желание установления полезных связей и новых знакомств с членами группы, доступ к информационным ресурсам. С другой стороны, иметь с сообществом общие интересы, общую идентичность не всегда означает быть солидарным с ним. Например, социально-уязвимые категории граждан часто идентифицируют себя с данным статусом и имеют общий интерес – чтобы существовали условия для улучшения их ситуации, но в повседневных практиках они могут оказываться в конкурентной ситуации. Важно отметить, что солидарное сознание и поведение не являются обязательными всеобщими характеристиками [5, с. 34].

Таким образом, ключевой задачей исследователя становится уточнение мотивов и факторов, при которых ценность солидарности интегрируются в систему жизненных практик граждан. В качестве оснований изучения феномена солидарности можно рассмотреть наличие групповой идентичности и общих с группой интересов, проблем, целей, моральных ценностей; отношений ответственной созависимости между её членами; осознание фактической значимости группы в рамках системы общественных институтов; готовность индивида делиться собственными и приумножать ресурсы сообщества; отношения доверия, добрососедства.

Из вышесказанного следует, что исследование феномена солидарности остается актуальной задачей современной социологической науки, поскольку способствует выявлению и преодолению факторов, которые разрушают единство общества, ставят под угрозу его выживание и стабильное развитие. Аппарат накопленного социо-гуманитарного знания способен на основе исследования условий проявления общественной мобилизации во время пандемий и экономических спадов, изучения причин поляризации между политическими, социальными и культурными группами, анализа механизмов адаптации к технологиям и

формирования цифровых сообществ, а также мониторинга других проявлений феномена солидарности предложить гражданам и государству перспективу стабильного общественного развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Климова, С.Г. Солидарность / С.Г. Климова // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. Под ред. В.А. Ядова. – СПб.: Наука. – 2006. – 426 с.

2. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества. / П. Штомпка // Пер. с польск. С.М. Червонной. — М.: Логос. – 2005. — 664 с.

3. Скрутон, Р. Границы демократии / Р. Скрутон // Электронный ресурс: Заметки по европейской истории. – № 2-3 (228). – Точка доступа: https://z.berkovich-zametki.com/y2021/nomer2_3/rscruton/ Дата доступа: 20.07.2026.

4. Халий, И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде / И.А.Халий. // М.: Институт социологии РАН. – 2007. – 300 с.

5. Климова, С.Г. Идеи и практики солидарности в добровольческом движении / С.Г. Климова // Социологические исследования. – 2013. – № 6. – С. 32–41.

6. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм // Пер. с фр. и послесловие А. Б. Гофмана. М.: Наука. – 1991. – 576 с.

УДК 614.2:004.42

ВЛИЯНИЕ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ

Якушева В. Г.
студент лечебного факультета №2 ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России
г. Донецк, ДНР, Россия

Бугашева Н. В.
ассистент кафедры общественного здоровья, здравоохранения экономики здравоохранения ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России
г. Донецк, ДНР, Россия

Актуальность. В условиях современного ритма жизни, характеризующегося гиподинамией, стрессом и дефицитом времени, поддержание здорового образа жизни становится сложной задачей. По данным Всемирной организации здравоохранения, недостаточная физическая активность является одним из ведущих факторов риска смертности от неинфекционных заболеваний, а число людей с хроническими патологиями неуклонно растёт.

Мобильные приложения являются не просто вспомогательными устройствами, а полноценными цифровыми помощниками, способными кардинально изменить отношение человека к своему здоровью. Их интеграция в повседневную жизнь создаёт прочную основу для долгосрочной профилактики заболеваний и повышения качества жизни [1, с. 4].

Цель исследования. Оценить влияние специализированных мобильных приложений на формирование и поддержание приверженности здоровому образу жизни, выявить количественные изменения поведения пользователей.

Материалы и методы. Применили метод анонимного анкетирования. В опросе приняли участие 200 пользователей мобильных приложений, проживающих в Донецкой Народной Республике, в возрасте от 18 до 45 лет. Рассчитали относительные и средние величины с оценкой их достоверности.

Результат исследования:

Согласно систематическому анализу российского рынка мобильных приложений для здоровья, в магазинах приложений представлено более 200 регулярно обновляемых программ, причём 69,5 % из них имеют рейтинг 4 балла и выше [2, с. 4]. Наиболее популярными категориями являются «Фитнес и здоровый образ жизни» (свыше 1,2 млрд установок), «Женское здоровье» (более 285 млн) и «Контроль состояния организма» (более 26 млн) [2, с. 5]. Проведённое нами анкетирование подтверждает эти тенденции и позволило количественно оценить влияние конкретных приложений на поведение пользователей.

1. Контроль принятия лекарств («Medisafe», «Моя Таблеточка: Напоминания», «Pills Time»). Данные приложения формируют дисциплину и ответственность за своё здоровье, что является базой для соблюдения других здоровых привычек, помогают легко контролировать прием назначенных лекарств. В них можно установить время и дозу приема, сделать привязку к еде, настроить длительность и цикличность курса, оставлять пометки принято/пропущено и создавать краткий отчет о принятия лекарств, подключать доступ членам семьи. Также можно добавлять «лекарства по необходимости», которые принимаются по самочувствию и без расписания.

Благодаря системе оповещений 89% участников практически перестали забывать о таблетках, а 76% пациентов с хроническими болезнями вывели лечение на новый уровень контроля. Пользователи отмечают, что стали чувствовать себя спокойнее из-за наличия системы контроля (85%), а возможность делиться отчётами с врачом повышает доверие к терапии.

2. Дневник питания («MyFitnessPal», «FatSecret», «YAZIO») – эти приложения позволяют вести учет калорий (по названию блюд, сканеру штрих-кодов или фотографии), планировать питание, отслеживать пищевой дневник и дефицит калорий для достижения целей. Дополнительно – напоминания о приёме пищи, отчёты по питанию и отслеживание динамики веса.

После использования приложений 82% респондентов стали лучше понимать пищевую ценность продуктов. 67% участников достигли целевых показателей по калорийности в течение 3 месяцев использования. У 58% улучшился баланс БЖУ (белков, жиров, углеводов). Пользователи отмечают снижение веса (в среднем на 3–5 кг за 2 месяца) 43%, повышение энергии в течение дня (56%) и уменьшение тяги к сладкому (47%). Отчёты помогают корректировать меню в реальном времени.

3. Мониторинг сна («Трекер Сна», «Pillow», «Sleep Cycle»). Нормализация сна напрямую влияет на гормональный фон, восстановление организма и когнитивные функции, что повышает общую эффективность здоровых привычек. С помощью данных приложений можно отслеживать время засыпания, продолжительность сна, записывать храп и разговоры во сне, анализировать циклы сна, делать обзоры за неделю/месяц/год.

73% пользователей улучшили регулярность засыпания (сдвиг времени отхода ко сну к норме на 30–45 минут). У 64% сократилось количество ночных пробуждений. Участники отмечают улучшение самочувствия 68%, повышение работоспособности 51%, снижение дневной сонливости 61%. Анализ фаз сна помогает выбирать оптимальное время для пробуждения.

4. Дневник артериального давления и пульса – позволяет записывать и хранить показания давления и пульса в виде журнала, графиков или отчётов, которые можно предоставить лечащему врачу.

81% гипертоников стали чаще измерять давление (с 2–3 раз в неделю до ежедневного контроля). У 55% выявлены скрытые скачки АД, о которых они не знали. Регулярный мониторинг мотивирует избегать стрессов, соли и алкоголя, так как пользователи видят прямую связь между этими факторами и изменениями показателей.

5. Контроль уровня глюкозы в крови – данные измерений можно вносить вручную или синхронизировать с глюкометром (автоматическая запись). Приложения отслеживают показатели в течение дня, оповещают о критических уровнях и позволяют настроить родительский контроль для дистанционного мониторинга детей.

88% диабетиков сообщили о более стабильных показателях гликемии. У 61% уменьшилось количество гипогликемических эпизодов благодаря своевременным оповещениям. Родители детей с диабетом (94%) отметили снижение стресса из-за удалённого доступа к данным.

6. Физическая активность. Приложения данной группы длятся на две подгруппы: шагомеры и тренировки дома.

Шагомеры: подсчитывают шаги (ходьба, бег, подъем по лестнице), позволяют ставить ежедневные цели, оповещают о прогрессе и формируют отчёты за неделю/месяц/год.

Тренировки дома: содержат программы с анимацией и видео-уроками для правильной техники, контроль сожжённых калорий, напоминания, цели и отчёты.

79% пользователей шагомеров увеличили дневную активность с 4500 до 7200 шагов в среднем. 68% занимающихся по видео-урокам отметили повышение выносливости и тонуса мышц. Сожжённые калории выросли на 15–20% у 63% участников.

7. Ментальное здоровье – приложения позволяют записывать негативные и позитивные мысли, осознавать их, искать пути переработки, а также проходить психологические тесты.

77% пользователей снизили уровень тревожности через 4 недели. 65% отметили улучшение настроения и способность справляться со стрессом. У 52% уменьшилась частота навязчивых мыслей. Участники стали более осознанными, научились отслеживать триггеры стресса, улучшился сон и коммуникация с близкими.

8. Дневник цикла («Flo», «Женский календарь») – удобен для записи менструальных циклов и сопутствующих симптомов (настроение, температура тела, боли). Позволяют получать прогнозы месячных, планировать/отслеживать беременность и формировать отчёты

91% участниц стали точнее прогнозировать начало цикла, 78% снизили дискомфорт от ПМС, потому что успевают подготовиться (скорректировать питание, снизить нагрузки), а 45% использовали данные для планирования беременности. Женщины отмечают, что перестали паниковать из-за задержек, чувствуют себя увереннее и относятся к репродуктивному здоровью как к управляемому процессу.

Выводы.

Исследование подтвердило высокий потенциал мобильных приложений для повышения приверженности здоровому образу жизни. Приложения контроля лечения повышают дисциплину: 89% пользователей перестали пропускать таблетки, 88% диабетиков отметили стабилизацию глюкозы. Дневники питания и шагомеры меняют поведение: 82% лучше понимают пищевую ценность продуктов, 79% увеличили шаги с 4500 до 7200 в день. Мониторинг сна и ментального здоровья даёт комплексный эффект: нормализация сна у 73% и снижение тревожности у 77% создают основу для других привычек, снижая риск срывов в диете и пропусков тренировок.

В среднем 74% пользователей отметили повышение приверженности ЗОЖ, субъективно оценивая изменения как улучшение энергии, настроения и уверенности в управлении здоровьем.

Полученные данные согласуются с общероссийскими тенденциями: наибольший интерес пользователи проявляют к контролю физической активности, мониторингу хронических заболеваний и женскому здоровью [2, с. 8]. Таким образом, мобильные приложения действительно являются эффективным инструментом повышения приверженности здоровому образу жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пчелинцев, С. В. Использование мобильных приложений и технологий для мониторинга здоровья / С. В. Пчелинцев, Е. В. Невзорова // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Естественные и технические науки. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 1–7.

2. Гусев, А. В. Российские мобильные приложения для здоровья: систематический поиск в магазинах приложений / А. В. Гусев, А. А. Ившин, А. В. Владзимирский // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 21–31.

УДК 339

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАТНОГО ВЛИЯНИЯ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОЙ ИНДУСТРИИ НА ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Ян Юйцзе
аспирант экономического факультета БНТУ
г. Минск, Беларусь

Аннотация

Глобальный экономический и социальный порядок находится на стадии постоянной корректировки и структурной трансформации, а волна цифровизации еще больше способствует глубоким изменениям в формах промышленности, способах производства и социальных моделях функционирования. Творческая индустрия, опираясь на цифровые технологии для обновления форм деятельности и модернизации системы, значительно повышает свой промышленный уровень и социальное влияние. Существующие исследования в основном сосредоточены на внешней среде и технологических условиях, влияющих на процесс преобразования творческой индустрии, и часто упускают из виду внешние эффекты и обратные драйверы, возникающие по мере зрелости отрасли. В этой статье на основе теоретической перспективы изменений экономической и социальной структуры и с учетом характеристик цифровой эволюции творческой индустрии систематически анализируется механизм того, как творческая индустрия оказывает обратное влияние на промышленную систему, формы занятости и структуру потребления. Исследование показывает, что современная творческая индустрия уже не является просто пассивным адаптером социальных изменений, а является важной движущей силой, способствующей оптимизации экономической структуры и эволюции социальных форм.

1. Введение

В настоящее время глобальная модель развития продолжает меняться, традиционная

экономика, основанная на промышленности, постепенно теряет свои ведущие позиции, а драйверами экономической и социальной трансформации становятся инновации, знание и цифровая интеграция. В этом контексте креативная индустрия благодаря своей инновационности, проницательности и высокой добавленной стоимости постепенно становится ключевой частью экономической системы нового времени. Распространение цифровых технологий устраняет временные и пространственные ограничения креативного производства, перестраивает всю цепочку создания контента, распространения продуктов и реализации ценности, способствуя устойчивому росту активности и влияния креативной индустрии.

Существующие исследования в основном придерживаются одностороннего подхода «внешняя среда формирует развитие отрасли», сосредотачиваясь на том, как технологический прогресс и социальные преобразования стимулируют обновление и развитие креативной индустрии. Но по мере расширения масштабов креативной индустрии и зрелости её бизнес-моделей её влияние на макроэкономику, социальную структуру и стиль жизни людей становится всё более заметным. Исходя из этого, в этой статье меняется исследовательская перспектива: рассматривая экономические и социальные изменения в макрорамках, мы изучаем, как креативная индустрия в свою очередь формирует экономическую и социальную структуру, дополняя ограниченные взгляды существующих односторонних исследований.

2. Соответствующая теоретическая база

Теория эволюции промышленной структуры указывает, что рост новых отраслей постоянно оказывает влияние на существующую экономическую систему, стимулируя структурную замену промышленного соотношения, факторов производства и драйверов роста. Теория креативной экономики дополнительно объясняет, что такие мягкие элементы, как креативность, знания и культура, постепенно заменяют традиционный капитал и трудовые

ресурсы, становясь основным ресурсом, поддерживающим современный экономический рост. Теория трансформации социальной структуры подчеркивает, что обновление промышленной системы связано с изменениями в структуре занятости, потребления и образе жизни в целом.

На фоне цифровой трансформации отношения между промышленностью и обществом уже не ограничиваются односторонней адаптацией; они проявляются как динамическое взаимопроникновение и взаимное конструирование. Цифровые технологии значительно снижают затраты на создание и распространение креативного продукта, способствуя постоянному расширению границ креативной индустрии и углублению промышленной интеграции, что создает реальные основы для внешнего воздействия и обратного стимулирования макроструктурных изменений.

3. Как креативная индустрия влияет на экономику и общество

3.1 Улучшение структуры экономики и развитие новых моделей роста

Креативная индустрия активно развивается, разрывая старые границы между традиционными отраслями и способствуя интеграции первичной, вторичной и третичной сфер. В отличие от традиционных отраслей, зависящих от ресурсов, креативная индустрия фокусируется на контентных инновациях, обновлении дизайна и культурной ценности, отличаясь малым потреблением энергии, высокой инновационностью и большим потенциалом[1].

Элементы креатива постоянно внедряются в системы традиционного производства и сферы услуг, что помогает улучшить недостаток инноваций и сильную схожесть в развитии традиционных отраслей, способствуя качественному обновлению традиционных форм бизнеса. В то же время индустрия креатива непрерывно расширяется, увеличивая долю инновационных и знаниево-ориентированных отраслей в национальной экономике, продвигая региональную экономику от ресурсозависимой модели к модели высококачественного развития, основанного на инновациях, и эффективно перестраивая структуру и логику роста современной экономики.

3.2 Перестройка структуры занятости в обществе, появление новых форм труда

С развитием индустрии креативных направлений традиционная стандартная и фиксированная структура занятости эпохи промышленности постепенно разрушается. Ранее занятость в основном сосредоточивалась на конвейерном производстве, базовых сервисах и других повторяющихся работах, при этом трудовые отношения были закреплены, а структура профессий — однообразной.

Развитие цифровой креативной индустрии породило множество новых профессий, таких как контент-креатор, дизайнер, культурный планировщик, специалист по цифровому контенту, расширяя возможности выбора работы в обществе. В то же время платформенные и сетевые модели производства делают формы занятости более гибкими и разнообразными: фриланс, гибкий график, проектная работа — новые формы труда распространяются очень быстро. Рабочая сила постепенно перемещается в креативные, профессиональные и инновационные отрасли, что постоянно оптимизирует структуру занятости и распределение человеческого капитала в обществе.

3.3 Руководство по обновлению структуры потребления и содействие изменениям в образе жизни общества

Одним из важных признаков изменений в экономической и социальной структуре является то, что спрос населения на потребление расширяется от физических нужд к духовным и культурным потребностям. Креативная индустрия постоянно поставляет культурные продукты, цифровой контент и сервисы с опытом, обеспечивая богатое предложение для духовного потребления населения и эффективно направляя обновление структуры общественного потребления[2].

Благодаря развитию креативной индустрии, общественное потребление уже не ограничивается материальными товарами: доля потребления, связанного с культурной эстетикой, погруженными впечатлениями и персонализированным контентом, непрерывно растет. Изменение структуры потребления влечет за собой трансформацию жизненных

концепций людей, способов восприятия красоты и ритма жизни, постепенно способствуя переходу общей формы общественной жизни к более качественному, индивидуальному и культурному образу.

4. Заключение

В условиях глубокой перестройки глобальной экономической и социальной модели креативная индустрия после цифровой модернизации уже обладает значительным потенциалом индустриального влияния и способность к социальному конструированию. Она не только может адаптироваться к изменениям макросреды и обеспечивать собственную эволюцию, но и способна с разных сторон — через структуру отраслей, структуру занятости и структуру потребления — стимулировать обновление экономической и социальной системы. Эффект обратного формирования креативной индустрии является важной точкой для понимания гибкой и инновационной трансформации современного общества и экономики. В будущем можно дальше, с учетом тенденции интеграции отраслей, глубже исследовать долгосрочные механизмы, с помощью которых креативная индустрия способствует качественным изменениям экономики и общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хуа Цзянь. Внутренняя динамика, многообразные формы и пути модернизации кластерного строительства цифровой культурно-творческой индустрии / Цзянь Хуа // Вестник Шанхайского университета финансов и экономики. – Шанхай, 2026. – Т. 28, № 1. – С. 19–33.

2. Хуэй Нин, Чжан Линюй. Цифровая экономика как движитель высококачественного развития культурной индустрии / Нин Хуэй, Линюй Чжан // Вестник Пекинского политехнического университета (серия общественных наук). – Пекин, 2024. – Т. 24, № 2. – С. 31–47.

УДК 316.74

ЙОГА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Ярощук Р. С.
младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

В современном мире йога является сложным феноменом духовной сферы жизни человека, поэтому её изучение с позиции социологии возможно только с использованием многомерной исследовательской оптики. В данной работе предпринимается попытка систематизировать теоретические подходы к социологическому изучению йоги и на их основе разработать аналитическую модель для исследования трансформации йоги в постсоветском/белорусском контексте. Телесное, духовное и рыночное в йоге не просто сосуществуют — они находятся в состоянии перманентного напряжения. Тело стремится к дисциплине, дух — к свободе, рынок — к стандартизации. Именно это напряжение и составляет исследовательский интерес: как практикующие удерживают этот баланс и что происходит, когда одна из логик начинает доминировать?

Потребность в многомерной оптике при изучении йоги обусловлена тем, что она принципиально по своему содержанию не вписывается в жесткие дисциплинарные границы. Йога отличается от «чистых» явлений, таких как спорт, религия и рынок. Одновременно существуя между указанными социальными мирами, она не сводима ни к одному из них. Сложность йоги заключается в том, что она одновременно функционирует как телесная практика (оздоровление), рыночный продукт (абонементы, бренды) и духовный поиск (саморазвитие). Однако каждая из этих оптик по отдельности редуцирует феномен: социология тела видит позы, но упускает смыслы; религия — духовность, но не замечает коммерции; рынок — товар, но исключает сакральное.

В основу данного тезиса легли работы, сформировавшие современный взгляд на йогу как на социальный и культурный феномен. Среди них фундаментальные труды по истории и трансформации йоги: «A History of Modern Yoga» (2005) Э. де Мишелис [1], в которой вводится понятие «современная постурная йога»; «Тело йоги. Истоки современной постуральной практики» (2010) М. Синглтона [2], где доказывается гибридный характер современной практики асан. Помимо классических работ использованы современные сборники: книга К. Конецкого «Is the Body the Temple of the Soul?» [3] и 14-й том Annual Review of the Sociology of Religion (2023) «The Sociology of Yoga, Meditation, and Asian Asceticism» [4]. При работе с источниками использован метод теоретического синтеза, позволяющий объединить элементы разных парадигм в единую аналитическую рамку.

В йоге духовность не обязательно требует веры в трансцендентное; часто она существует как светская «работа над собой», терапия или форма заботы о себе. Социологу трудно зафиксировать эту «текучую» религиозность вне институтов — нужны инструменты, улавливающие субъективные смыслы. Также необходимо учитывать аспект глобально-локальной гибридности: йога пришла из Индии, но была переформатирована западными посредниками, а затем адаптирована к местным постсоветским реалиям. Тело в йоге не просто «тренируется» — оно одновременно выступает инструментом функционирования в физическом мире, платформой для развития осознанности и товаром. Именно поэтому многомерная оптика позволяет рассматривать йогу как социальное поле, где пересекаются три логики: телесная дисциплина (формирует габитус и нормы); духовная субъективация (производит смыслы и переживания подлинности); рыночная коммодификация (превращает практику в товар и бренд). В постсоветском/белорусском контексте добавляется исторический слой — память о запрете, переход от дефицита к рынку, гибридные формы легитимации. В Беларуси этот габитус часто соседствует с советским наследием физкультурной дисциплины, где тело было объектом государственного проекта.

В рамках рассмотрения тела в йоге ключевой вопрос: «Как через телесные практики йоги формируются социально обусловленные нормы «правильного» тела, самоконтроль и статусные различия?» Важным понятием выступают «техники тела» Марселя Мосса, согласно которым тело используется не «естественно», а согласно культурным образцам. В контексте данной работы асаны — это не просто упражнения, а культурно специфическая техника тела, перенесённая из индийской аскезы в западный «wellness». Обращаясь к Пьеру Бурдье, мы определяем его «габитус» как систему устойчивых предрасположенностей, через которые социальные структуры записываются в теле и проявляются в манерах и вкусах. Йога формирует специфический телесный габитус — гибкость, прямая спина, контролируемое дыхание — который становится маркером принадлежности к определенному слою. У Мишеля Фуко важны понятия «дисциплинарные практики» и «технологии себя»: в современном обществе власть действует через самодисциплину, а йога — яркий пример «технологии себя», где индивид самостоятельно работает над телом и психикой.

При рассмотрении духовного аспекта йоги основной вопрос: «Как йога функционирует в качестве современной духовной практики вне традиционных религиозных институтов?» Для понимания обратимся к понятию Грейса Дэви — «believing without belonging» (вера без принадлежности) [5]. Йога — классический случай такой веры: практикующие могут верить в «энергию» или «целительную силу практики», но не обязаны вступать в организацию. Это делает йогу удобной формой духовности для постсоветского человека, часто с недоверием относящегося к институциональной религии. Важны также понятия «духовная революция» и субъективный поворот Пола Хиласа и Линды Вудхед [6]: на смену религии как подчинению внешнему авторитету приходит «самодуховность» — поиск сакрального внутри себя через субъективный опыт. Йога идеально вписывается в этот поворот, так как инструкторы и практикующие апеллируют к личному опыту. Концепция «культовой среды» К. Кэмпбелла [7], изначально описывавшая маргинальные эзотерические течения, сегодня применима к йоге лишь частично, поскольку та стала мейнстримной. На основе вышесказанного йогу необходимо рассматривать как форму «самодуховности», вписанную в постсоветскую

культовую среду. Но где проходит граница между «духовным поиском» и «потребительским выбором» в йога-студии? Этот вопрос подводит нас к третьему измерению — рассмотрению йоги как рыночного феномена.

С точки зрения потребления и глобализации ответим на вопрос: «Как глобальные рыночные механизмы превращают йогу в стандартизированный товар и бренд»? По Дж. Ритцеру [8], в современном обществе прослеживается тенденция к «макдональдизации» — распространению принципов эффективности, калькулируемости и предсказуемости на все новые сферы, включая досуг и духовность. Современная студийная йога часто макдональдизирована — стандартизированные классы, единые критерии сертификации. По Ж. Бодрийяру [9], в обществе потребления люди покупают не столько вещи, сколько знаки статуса. Брендированная одежда, коврики, фото из студии — символы принадлежности к группе. В логике Бодрийяра, йога рискует превратиться в симулякр, когда брендированные знаки «осознанности» и «духовности» замещают собой глубинный опыт. И что остаётся от «подлинной» йоги, когда её продают как услугу?

Пересечение трёх блоков прослеживается в том, что йога одновременно является: телесной техникой, производящей габитус и самодисциплину; духовной практикой, основанной на субъективном опыте; рыночным продуктом, функционирующим в логике глобального потребления. В постсоветском белорусском контексте эти измерения приобретают дополнительную окраску: тело несёт следы советской физкультурной дисциплины; духовность расцветает на фоне идеологического вакуума; рынок вырастает из постсоветского капитализма, но ориентируется на глобальные стандарты. Модель можно визуализировать как систему трёх взаимосвязанных аналитических осей — диаграмму, в центре которой находится практикующий субъект, одновременно реализующий телесную, духовную и потребительскую стратегии. Схематически эту взаимосвязь можно представить следующим образом (рис.1)

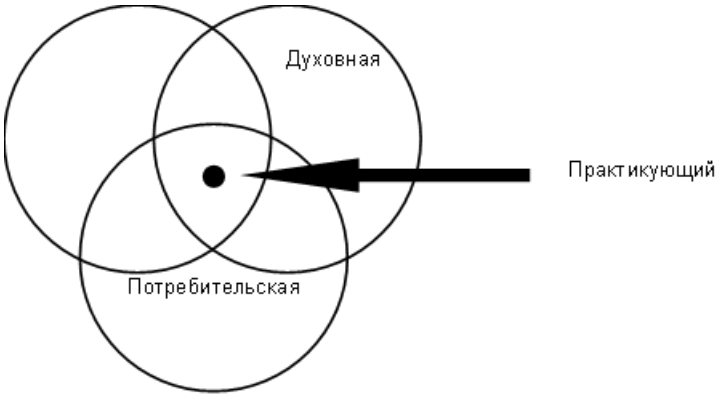

Рисунок 1. Схема взаимосвязи телесной, духовной и потребительской исследовательской оптики

Таким образом, мы предлагаем рассматривать йогу как трёхмерную призму — не как сумму измерений, а как поле их пересечения. Этот подход, на наш взгляд, позволяет уйти от одномерных классификаций и увидеть, как телесное, духовное и рыночное переплетаются в повседневных практиках современных людей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. De Michelis, E. A History of Modern Yoga: Patanjali and Western Esotericism / E. De Michelis – London : Continuum, 2004. – 304 p.

2. Синглтон, М. Тело йоги. Истоки современной постуральной практики / М. Синглтон ; пер. с англ. – М. : Oxford University Press, 2010. – 262 с.

3. Konecki, K. T. Is the Body the Temple of the Soul? Modern Yoga Practice as a Psychosocial Phenomenon / K. T. Konecki – Krakow : Jagiellonian University Press, 2015. – 204 p.

4. Annual Review of the Sociology of Religion : Volume 14: The Sociology of Yoga, Meditation, and Asian Asceticism / ed. by L. Obadia, E. Pace. – Leiden : Brill, 2023. – 264 p.
5. Davie, G. Religion in Britain since 1945: Believing without Belonging / G. Davie. – Oxford : Blackwell, 1994. – 226 p.
6. Heelas, P. The Spiritual Revolution: Why Religion is Giving Way to Spirituality / P. Heelas, L. Woodhead. – Oxford : Blackwell, 2005. – 204 p.
7. Campbell, C. The Cult, the Cultic Milieu and Secularization / C. Campbell // A Sociological Yearbook of Religion in Britain. – 1972. – Vol. 5. – P. 119–136.
8. Ритцер, Дж. Макдональдизация общества 5 / Дж. Ритцер ; пер. с англ. А. Лазарева. – М. : Праксис, 2011. – 591 с.
9. Бодрийяр, Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Е. А. Самарской. – М. : АСТ, 2024. – 382 с.

УДК 316.334.55:332.1

ПРАКТИКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ В ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ячменник К. В.
ст. преподаватель кафедры государственной политики
и публичного управления КубГУ
г. Краснодар, Россия

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России FZEN-2026-0013 «Социальное проектирование в политике развития сельских территорий (на примере Юга России)».

Развитие сельских территорий является одним из стратегических приоритетов и направлений политики развития Российской Федерации, что закреплено в политической повестке и ряде программных документов, и сталкивается с целым комплексом взаимосвязанных вызовов, выходящих за рамки сугубо экономических и инфраструктурных проблем. Сельские территории продолжают демонстрировать устойчивую негативную динамику по ключевым демографическим показателям. По данным Федеральной службы государственной статистики, доля сельского населения в общей численности населения России в 2025 году составила 36,3 млн. человек, что ниже показателя 2024 года (36,6 млн. человек) [6]. Эта тенденция приобретает особую остроту в контексте реализации национальных проектов и государственных программ, ориентированных на повышение качества жизни сельского населения. Сложившаяся вертикальная модель управления развитием сельских территорий, при которой решения преимущественно принимаются «сверху», зачастую не учитывают локальную специфику и не в состоянии мобилизовать внутренний потенциал территории. Это приводит к низкой эффективности реализуемых программ развития, их формальному исполнению и росту недоверия со стороны населения к институтам власти.

Одним из ключевых ресурсов развития сельских территорий выступают гражданские инициативы местных жителей [5]. Вовлечение сельских сообществ в проекты развития способствует не только повышению эффективности управленческих решений, но и выступает значимым условием устойчивого развития территорий, позволяющий актуализировать эндогенный потенциал и формировать новые смыслы сельской жизни. Можно выделить несколько функциональных типов практик вовлечения сельских сообществ в проекты развития, представленных в сельских территориях Российской Федерации: представительские, консультационно-организационные, партисипаторные и самоорганизационные.

Представительские практики представляют собой наиболее институционализированную форму участия, реализуемую через территориальное общественное самоуправление (ТОС) и

институт сельских старост. ТОС обладает четкой структурой, подотчетен населению и может взаимодействовать с органами местного самоуправления на договорной основе. ТОСы выступают значимой формой мобилизации местных сообществ для решения вопросов благоустройства и социального развития сельских населенных пунктов. По данным Общероссийской ассамблеи развития территорий и общественного самоуправления в России насчитывается 40 788 таких объединений, из них треть действует в сельских территориях (по состоянию на 2024 год) [3]. Сельские старосты помогают жителям небольших сельских населенных пунктов напрямую общаться с местной властью и вместе решать повседневные вопросы. Его основная задача состоит в аккумулировании проблем и инициатив односельчан, транслировании их «наверх», а также доводить информацию от властей. Это, в свою очередь, способствует расширению возможностей граждан влиять на жизнь своего поселения, объединять людей для совместных дел.

Консультационно-организационные практики предполагают вовлечение населения в процессы развития сельских территорий через публичные слушания, общественные советы и дискуссионные площадки. Показательным примером данных практик служит апробированная в Ленинградской области в 2025 году трехступенчатая система развития сельских сообществ. Первый этап включает составление социального паспорта села через анкетирование жителей для выявления реальных проблем. На втором этапе проводится сход граждан с участием глав поселений, где коллективно обсуждаются предложения жителей. На третьем этапе проводится встреча клуба благотворителей, на которой жители и представители местного бизнеса обсуждают проекты развития и определяют источники финансирования отобранных проектов. [4] Внедрение данной системы показало, что системная работа по выстраиванию доверия способна значительно повысить результативность вовлечения сельских сообществ. Тем не мене этот тип практик зачастую остается на уровне информационного обмена, не переходя к реальному принятию решений и распределению ресурсов.

Партисипаторные практики представляют собой наиболее динамично развивающееся и перспективное направление вовлечения сельских сообществ в проекты развития территорий, реализуемое прежде всего через механизмы инициативного бюджетирования. Инициативное бюджетирование позволяет жителям реализовывать свои проекты путем внесения собственных средств и привлечения софинансирования из бюджета. Партисипаторные практики «трансформируют пассивный человеческий потенциал в активный социальный капитал, укрепляют институты развития на локальном уровне» [7]. Так в Российской Федерации по итогам 2025 года общая сумма проектов инициативного бюджетирования достигла 67,7 млрд. рублей, что на 12,6 % превышает показатель 2024 года. Общее число практик инициативного бюджетирования 792, из которых 495 муниципального уровня (в том числе сельских). Тематическая структура выбранных проектов традиционно смещена в сторону благоустройства и дорожной инфраструктуры: автомобильные дороги, тротуары, остановки; места массового отдыха и благоустройство (парки, скверы); благоустройство дворовых территорий; детские игровые площадки. Значительную долю занимают также проекты в сфере культуры, образования, физической культуры и спорта. При этом вовлеченность граждан в выдвижении идей и формировании проектных предложений в 2025 году выросла почти на 50 % по сравнению с предыдущим периодом, а число участников голосования увеличилось на 3 %. [2]

Самоорганизационные практики занимают особое место в типологии вовлечения сельских сообществ, поскольку они в наименьшей степени опосредованы институциональными структурами и в наибольшей отражают активность самих жителей. Самоорганизационные практики возникают «снизу» на основе неформальных связей, общих интересов и разделяемых ценностей сельских сообществ. К числу таких практик относятся инициативные группы, волонтерские объединения, неформальные сообщества. Особого внимания заслуживает феномен «новых сельских жителей» – городских жителей, переселившихся в сельскую местность на постоянное место жительства. Именно эта категория населения нередко выступает драйвером самоорганизационных процессов, привнося в

сельские сообщества управленческие компетенции, предпринимательский опыт и иные ресурсы, дефицитные для традиционного сельского социума [1]. Существенным ограничением саоорганизационных практик выступает их фрагментарный или ситуативный характер. Неформальные объединения не обладают правовым статусом, что затрудняет их взаимодействие с органами местного самоуправления и доступ к бюджетным ресурсам. Кроме того, высокая зависимость от лидерского потенциала делает такие практики уязвимыми и нередко приводит к сворачиванию инициатив.

Анализ представленных типов практик позволяет выявить ряд системных барьеров, препятствующих эффективному вовлечению сельских сообществ в проекты развития территорий. Первый барьер связан с институциональной асимметрией между формальными механизмами участия и реальными потребностями сельских сообществ. Инициативное бюджетирование и схожие инструменты нередко выполняют компенсаторную функцию, восполняя дефицит бюджетных средств на содержание и ремонт инфраструктурных проектов, но не создавая условий для стратегического развития территорий. Второй барьер демонстрирует низкий уровень социального доверия и гражданской активности. Длительное доминирование вертикальной модели управления привело к формированию у значительной части населения патерналистских установок и ожиданий, что все проблемы должны решаться «сверху». Третий барьер связан с дефицитом кадров и компетенций на местном уровне. Успешная реализация проектов развития сельских территорий требует от активистов и муниципальных служащих навыков проектного управления, финансового планирования, работы с общественностью. Четвертый барьер – демографический. Сокращение численности сельского населения, особенно молодежи, сокращает ресурсную базу для любых форм вовлечения, снижает потенциал гражданской активности и сужает круг субъектов, способных выступать инициаторами проектов развития.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что практики вовлечения сельских сообществ в проекты развития территорий Российской Федерации представляет собой многоуровневую и динамично развивающуюся систему. Каждый из выделенных нами типов обладает собственной спецификой, преимуществами и ограничениями, однако в совокупности они формируют институциональную среду, способную при системном подходе обеспечить переход от пассивного ожидания решений «сверху» к активному соучастию граждан в определении приоритетов и путей развития своих территорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аверкиева, К. В. Роль низовой самоорганизации населения в развитии периферийной сельской местности / К. В. Аверкиева, Я. К. Куксин // Известия Русского географического общества. – 2025. – Т. 157, № 4. – С. 486-504.

2. Инициативное бюджетирование в России: предварительные итоги 2025 года // Министерство финансов Российской Федерации. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40385-initsiativnoe_byudzhetirovanie_v_rossii_predvaritelnye_itogi_2025_goda (дата обращения: 20.07.2026).

3. Общероссийская ассамблея развития территорий и общественного самоуправления. – URL: https://oatos.ru/o-nas (дата обращения: 14.07.2026).

4. Социальный паспорт, сельский сход и клуб благотворителей: как внедряли систему развития местных сообществ в Ленобласти // Агентство социальной информации. – URL: https://asi.org.ru/2026/03/13/kak-vnedryali-sistemu-razvitiya-mestnyh-soobshhestv-v-lenoblasti/ (дата обращения: 20.07.2026).

5. Уханова, Ю. В. Предпосылки и вовлеченность сельского социума в практики гражданского участия / Ю. В. Уханова, И. В. Параничева // Проблемы развития территории. – 2019. – № 4(102). – С. 132-147.

6. Численность населения // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/popul_1897+.xlsx (дата обращения: 14.07.2026).

7. Ячменник, К. В. Инструменты управления нематериальными ресурсами в политике развития территорий / К. В. Ячменник // Общество: политика, экономика, право. – 2026. – № 3(152). – С. 50-56.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Абдильдина Р. Ж. Цифровая трансформация общества и искусственный интеллект: новые возможности и вызовы 3

Абраев А. И. Мониторинг общественного мнения о науке: сравнительный анализ международной практики 6

Авшалумов С. С. Использование цифровых технологий в реализации молодежной политики крупных российских компаний 8

Агиевец С. В. Приоритеты развития инклюзивного образования в Республике Беларусь 11

Аксеневич А. М. Портрет женщины-предпринимателя в Беларуси: социально-демографический профиль и особенности экономического поведения 13

Артюхин М. И. Современное состояние белорусской аспирантуры в оценках экспертов 16

Алякритский Е. Р. Данные таможенных органов Российской Федерации как эмпирическая основа формирования социального знания 18

Ананченкова П. И., Барковский Е. С. Обратное наставничество как механизм преодоления цифрового разрыва поколений 21

Анкудинов И. А. Последние тренды в предвыборной социологии: кризис 2016 года и итоги десяти лет методической рефлексии 24

Антанович Н. А. Университетское образование и искусственный интеллект: партнёрство и трансформация? 25

Арутюнян К. С. Цифровизация и искусственный интеллект в совершенствовании социального управления 27

Атамась Е. В., Обраскова Т. С. Институциональные модели экологизациитуристского бизнеса в регионе: кейс Краснодарского края 30

Ашурзода Л. М. Развитие образовательной экосистемы Республики Узбекистан в условиях цифровой трансформации 33

Bakytzhanova A. A., Alimbekova G. T. How is sociological knowledge changing? Research agendas in Kazakhstan and Belarus 35

Bakytzhanova A. A., Alimbekova G. T. The price of the future: how social inequality shapes women's reproductive decisions 38

Бабосов Е. М. Город – центр поселенческой концентрации творческой деятельности, кадров и ресурсов в экономике, политике, науке, культуре, религии, цивилизационном воспроизводстве человека 41

Бальбот Н. А., Крыштановская О. В. Гендерная идентичность и ценности российских женщин 45

Барановский Н. А. Социальное государство как субъект деятельности в социальной сфере 48

Барышкова Е. А., Веренич Г. Д. Экономика долголетия: как старение населения меняет модели сбережений, рынки труда и межпоколенческие контракты 50

Батоврина Е. В. Инновационный потенциал молодых специалистов как ресурс развития российских высокотехнологичных компаний 54

Байсарова А. В. Идеологическое обоснование медиации и её адаптация к новым социальным реалиям 57

Бакулин А. В., Дерюгин П. П. Эволюция представлений о социальности: от единственности к множественности 59

Балич Н. Л. Планирование социально-культурного развития территорий с учетом статистики и опросов общественного мнения 62

Бердникова В. Н, Акст А. А. Проблемы и перспективы реализации национального проекта «Инфраструктура для жизни» 64

Боброва А. Г. Материнство как ресурс человеческого потенциала женщины 67

Бориско О. А. Гражданское участие в решении локальных проблем: кейс Краснодарского края 70

К. М. Бородавко Сетевое взаимодействие педагогического университета и общественных объединений как стратегический приоритет развития воспитательной системы в современном обществе 73

Бородкин М. А. Особенности молодежной миграции (на примере Санкт-Петербурга) 75

Бородкина О. И. Цифровизация здравоохранения в России: вызовы, барьеры, перспективы 78

Бочарова О. С., Пыталев Р. М. Феномен фальсификации истории в условиях цифровой социализации поколения Z 80

Бражникова А. В., Тимергазизова Э. Р. Особенности развития экономики в меняющемся мире 83

Бридже Д. Т., Всеволод Д. Е. Социальная инженерия в условиях цифровизации общества: социологический анализ 86

Бровчук Н. М. Культурное наследие как социокультурный феномен: теоретические аспекты 89

Огородникова Е. П, Бузулукская А. С. Динамика подозрительных операций в банковском секторе России в 2014-2025 гг.: статистический анализ 91

Василенко Д. В. Особенности проявления неравномерностей в уровнях развития экономического пространства региона 94

Васина О. В. Социальные механизмы развития человеческого потенциала в новых регионах России:на примере г. Мелитополь 96

Вароніна С. М. Культурныя ўстановы Беларусі ў ацэнках насельніцтва 99

Веремеев Н. Ю. Институты гражданского общества как фактор обеспечения общественно-политической устойчивости 101

Воднева И. П. Музей как площадка гражданского диалога: проект «Женщина. Семья. Будущее» и развитие женского сообщества Полотчины 104

Войтеховский А. В. О патриотическом воспитании в союзном государстве 105

Волегов В. С. Показатели движения педагогических кадров системы общего образования России 108

Волкова О. А. Аналитика демографической безопасности как инструмент развития и практического применения социального знания 111

Волосников Р. А., Бурмистров В. М. Управление профессиональной деятельностью военнослужащих женского пола как предмет системного анализа 114

Володарская Е. А. Научное содружество АН СССР и АН БССР перед лицом общих вызовов (1930-е гг.) 116

Вонсович Л. В. Идеологический механизм обеспечения общественно-политической стабильности в Республике Беларусь 119

Воробьева О. В. Истоки и смысл организационных преобразований нефтегазового комплекса России: интеграция и дезинтеграция 122

Воровко О. В. Антиципационная состоятельность педагогов-инженеров 125

Воронецкая Л. Г. Анализ выполнения государственной программы «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2021–2025 годы 128

Воронова К. А. Роль волонтёров в социальных проектах на российских малых территориях (по результатам социологического исследования в Пермском крае) 131

Ворошень О. Г. Тенденции в динамике половозрастного состава аспирантов в Республике Беларусь в 2016-2023 гг. 134

Ворошилов Н. В. Социально-экономическое развитие малых городов Северо-запада России: источники для анализа и ключевые проблемы 137

Гаврилик О. Н. Социальное благополучие молодежи как фактор устойчивого развития общества 140

Галанзовский А. С. Трансформация воображаемых структур общества в цифровую эпоху: алгоритмы, платформатизация и сетевые институты 142

Галич Л. П. Ценностные детерминанты созидательного потенциала студенческой молодежи (на примере областных вузов Республики Беларусь) 144

Галкин К. А. Использование умных колонок старшим поколением: опыт России и Беларуси 148

Гапанович-Кайдалов Н. В. Влияние социального знания на здоровьесберегающее поведение студентов медицинского университета 150

Гецевич А. К. Перспективы пенсионного обеспечения в Беларуси через призму молодежного прагматизма и демографических вызовов 153

Глушакова Е. А. Электоральный выбор и электоральная безопасность как факторы обеспечения устойчивости общественно-политической системы 156

Гребень Н. Ф. Доступность цифровой среды и режим пребывания в ней подростков Беларуси 158

Григорьева Н. С., Соловьев А. И. Переосмысление социального – трансформация подходов и практике применения понятия «социальная архитектура» 160

Григорьева Н. С. Женщины – молодые ученые МГУ имени М. В. Ломоносова: совмещение семейных и профессиональных обязанностей 163

Гронский А. Д. Виктимизация и образ врага в украинской исторической памяти 166

Грошева Л. И. Развитие потенциала молодёжи в условиях цифровой экспансии 168

Грошев И. Л., Грошева И. А. Риски отражения экономического поведения в молодёжной цифровой среде 171

Давыдова Е. И., Тимергазизова Э. Р. Экономические последствия демографических сдвигов и миграции 175

Данилов А. Н. Как рождается идеал будущего: высокая общественная миссия социологии 177

Далилова С. М. Доступность и качество здравоохранения как фактор развития человеческого потенциала 180

Денискина А. И. Трансформация профессиональных траекторий в условиях цифровизации: механизмы и стратегии адаптации работников (на примере Республики Беларусь) 183

Демидчик В. А. Общественные объединения как субъекты социального управления созидательным потенциалом молодежи 185

Дерюгин П. П., Кузнецова О. В., Юй Ян Адаптация в среде дополненной реальности: эмпирическая проверка теоретических моделей 188

Евмененко А. А., Кравченко А. В. Контрольно-надзорная деятельность: безопасность и основа защиты 191

Екадумов А. И. Шмиттеанская трактовка политического и риски конфронтационного популизма 194

Екадумова И. И. Социокультурные факторы межстрановых различий в подходах к регулированию алгоритмических систем 197

Еникеева А. Г. Стратегические приоритеты развития системы непрерывного образования в условиях цифровизации экономики Узбекистана 200

*Епифанцева С. А., Дмитров Д. В.*Экономическая безопасность и эволюция методов противодействия легализации 203

Еремеева Т. С. Корпоративные практики поддержки работников с детьми и сотрудников с семейными обязанностями 205

Ермолович Е. П. Роль женских общественных объединений в продвижении семейно-демографических приоритетов в Республике Беларусь 208

Ефимова Г. З. Компенсаторные практики академического развития научно-педагогических работников российских университетов 211

Жук Е. И. Гетерологическая модель коммуникации в социально-гуманитарной сфере 213

Зеленская М. М. Трансформация социальных практик сельского населения Республики Беларусь в условиях агрогородка 216

Землякова С. Н., Анучина С. Е. Миграционный отток сельского населения как фактор снижения производственного потенциала АПК Ростовской области 219

Зенченко С. В. Факторы детерминации национально-государственной идентичности белорусов 222

Змачинская Т. Е., Тимашова Е. А., Краско С. Г. Теоретические аспекты опроса «недоступных респондентов» 225

Зокирова Н. К. Инновационная инфраструктура как фактор устойчивого развития региона в условиях цифровой трансформации общества 227

Золотарева А. В. Междисциплинарная интеграция общего и дополнительного образования как предмет научных исследований в России: история, статистика, результаты 230

Исаева Л. А., Гареева Э. Р. Роль и функциональные задачи психолога в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы 234

Ильина Е. М. Цифровая теория политики в системе политологического образования Республики Беларусь 237

Ильина Ю. А. Искусственный интеллект: между технологическим прогрессом и экзистенциальным кризисом 239

Ишмухаметов Я. М. Кибербезопасность как приоритет стратегии национальной безопасности Российской Федерации 242

Казак О. Г. Документы комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь как источник по этнополитологии 245

Кабанов О. М., Демиева А. Г. Договорное регулирование суррогатного материнства: правовой опыт России и Беларуси 248

Калачев Е. Н. Трансформация социального знания в условиях алгоритмизации информационных потоков 251

Капалыгина И. И. Коннективность здоровьесберегающего поведения и мобильности обучающегося в процессе профессиональной подготовки 252

Карасева Д. С. Социальный капитал как механизм развития человеческого потенциала 253

Карасёва А. С., Рубцова Н. Н. Особенности страхования в Запорожской области 256

Кармызова Д. Д. Эволюция социологических концепций старения 259

Кетов И. В. Непосильная цель и посильное действие в муниципальной проектной деятельности 262

Клычева У. А. Созидательный потенциал молодежи как субъекта политики развития сельских территорий Краснодарского края 265

Кобяк О. В., Шифрин А. Е. Формирование субкультуры Папараць Кветки на основе интеллектуально-спортивной игры «Слупки» 268

Кольба А. И. Исследование участия локальных сообществ в «конфликтах развития»: потенциал дистрибутивного подхода 271

Колядко И. Н. Цифровые технологии конструирования социальной реальности 273

Корсак А. И. Информационная политика Республики Беларусь в военно-мемориальной сфере 276

Костюкевич С. В. О социально-гуманитарной трактовке понятий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» 278

Косыхин Е. В. Формирование единого воспитательного пространства военно-патриотического воспитания в Союзном государстве в условиях гибридной войны 281

Кот У. В. Пространственная дифференциация демографического развития Республики Беларусь 284

Кошкин А. В. Пластичность социальных институтов как фактор ослабления ограничений трилеммы денежно-кредитной политики 286

Кравченко Э. Н. Здоровьезбережение как стратегический фактор повышения качества жизни населения 289

Красовская Н. Н. Реабилитационно-оздоровительное пространство как фактор формирования здоровьесберегающих установок у детей с особенностями психофизического развития 291

Красюк В. Ф. Социальный капитал и информационные новации — вызов времени 294

Кузнецов А. Е. Анализ тем как одно из возможных решений проблемы идиографического объяснения 296

Курилович Н. В. Повышение инновационного потенциала университетского образования в Республике Беларусь 299

Лай Юньцзян Опыт преодоления пандемии Covid-19 как фактор выбора населением Китая здоровьесберегающего поведения: социологическое исследование 2026 года 302

Лалетина А. Д. Региональная специфика миграционного дискурса в интернет-коммуникациях городских сообществ (на материалах Краснодарского края) 305

Левченко Д. О., Шпиро Л. А. Ресурсы укрепления субъектности гражданских объединений в реализации политики развития в Краснодарском крае 307

Леденева В. Ю. Факторы миграционной привлекательности государств ЕАЭС: к вопросу о специализации миграционных потоков 310

Леженина А. Д. HR-бренд региона как стратегический ресурс формирования профессиональных смыслов и внутренней мотивации молодых преподавателей 312

Лозовова Л. А. Цифровые компетенции персонала как социальный механизм технологического суверенитета 314

Лукащук В. И., Маркин М. Е. Социальная механика возникновения туристического города: кейс Краснодара 317

Лунин Д. Е., Елисеева Г. В. Между суверенитетом и экологией: правовые барьеры на пути к очистке околоземного пространства от космического мусора 319

Лунская М. О. Критика веймарской правовой системы в децизионистской оптике К. Шмитта 321

Макарова М. Н. Особенности актуализации социальных проблем образования в российских СМИ и в общественном мнении 323

Максимов Д. В., Петренко Н. А. Влияние искусственного интеллекта на глубину усвоения учебного материала обучающимися 326

Максимова С. Г. Институциональные условия формирования религиозности и безопасности в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в российско-монгольском трансграничье 329

Максуров А. А. Юридическая координация как метод социального контроля 332

Малахов В. А. Мобилизация научно-технического потенциала страны в условиях международного давления: уроки истории и современность 335

Малыхина Р. М. Ценностные ориентации современной молодежи в условиях социокультурных изменений 338

Маркевич А. И. Теоретико-методологические основания исследования народовластия 340

Маркова Ю. С. Мотивация социального участия населения в проектных инициативах по преодолению социокультурных угроз 343

Мартищенкова Е. В. Обращение с радиоактивными отходами в Республике Беларусь в общественном восприятии 346

Марчик А. О. Политический миф и симулякр: семиотический подход 349

Масленкова Е. В. Теоретические подходы к анализу трудовой миграции: обзор основных концепций 352

Матевосова Е. К. Механизм социального контроля в формировании правовой политики обеспечения технологического суверенитета государства 355

Сафиуллина Ф. Р., Мерзляков К. М., Абдуллин И. И. Трансформация практик социального взаимодействия молодежи в условиях цифровизации: от «реального» к «виртуального» и обратно 357

Мещерякова Н. Н., Сапрыка В. А. Социокультурные универсалии: риски и угрозы для интеграции Союзного государства 359

Мисун Е. Н. Искусственный интеллект как инструмент влияния в условиях геополитического противостояния 362

Мицкевич Ю. В. Роль и значение организационно-управленческих компетенций менеджеров в сфере культуры 364

Мирошниченко И. В. Социальная архитектура политики развития территорий: потенциал нематериальных ресурсов 366

Молчанов П. Ю. Альтернативные направления развития полицентричного мира в первой трети XXI века 369

Момотова Т. А. Туризм на евразийском пространстве: вклад в гуманитарное сотрудничество и экономику макрорегиона 372

Морозова Н. Н. Роль белорусских женщин в развитии науки и общества и их поведение на рынке труда 375

Морозова О. С. Наблюдение за выборами как механизм социального контроля 378

Мукожева Д. А. Патриотическая музыка в оценках молодёжи полиэтнического региона: опыт качественного социологического исследования 381

Муха В. Н. Цифровая повседневность Краснодара: официальный и пользовательский дискурс 384

Муха В. Н. Границы русскости в поколенческом измерении: методологическая модель 386

Мысливец Н. Л. Социальное благополучие населения: ключевые критерии и динамика субъективных оценок 389

Назаров Р. Р., Алиева В. Р., Искаков Д. А. Сотрудничество Узбекистана и Беларуси в культурно-гуманитарной сфере: история, современное состояние, перспективы 391

Неделевская И. Г. «Эффект Матфея» после искусственного интеллекта: новые формы кумулятивного преимущества и академического неравенства в науке 395

Неделевская И. Г. Социальный капитал молодежи в условиях цифровой трансформации коммуникации: вызовы классическим теориям 397

Нейфельд О. П. Инфраструктурные инвестиции в «детоцентричную» среду как фактор демографической стабилизации в малом городе 400

Непомилуева М. А. Симуляция сопричастности: кризис метамодернистского ценностного предложения в проекте метавселенной 403

Новик О. Г. Механизмы реализации государственных гарантий в сфере физической культуры и спорта как фактор развития социального потенциала регионов 405

Ображей О. Н. Взаимодействие человека и искусственного интеллекта в современном обществе: анализ границ доверия 408

Олесик Е. Я. Женщины в высшей школе БССР: динамика подготовки специалистов в 1944-1991 гг. 410

Онипко А. А. ИИ-ассистент в банковской сфере: исследование факторов пользовательского доверия 413

Островский С. Н. Социально-психологические проблемы изменения молодежного возраста 416

Павлов А. В. Индекс цифрового капитала в оценке социального прогресса 418

Павлова Н. А. Статистические показатели в области достижения гендерного равенства и осуществления поддержки женщин в Республике Беларусь 421

Паламарчук К. О. Исследование ценностных ориентаций социокультурной адаптации мигрантов в современных условиях 424

Панкратов С. А., Панкратова Л. С. Образ цивилизационного единства России и Беларуси в современном концепте социальной архитектуры 426

Парфенцова Е. В. Эволюция женского лидерства в науке и обществе 429

Плотникова Е. Б. Организация социальных проектов для преобразования человеческого потенциала молодого поколения муниципальных округов Пермского края 432

Подвальская В. С. Барьеры цифрового включения населения Беларуси (по результатам социологического исследования) 435

Погодина Ю. А. Ценностные ориентации активной молодёжи России (по материалам опроса участников форума «Территория смыслов-2025») 437

Погонцева Д. В. Молодежь и «новый другой»: стигматизация женщин в хиджабе в условиях роста религиозной и миграционной видимости 439

Подгайская Л. И., Бондарук Ю. В. Бренд как социокультурный фактор формирования имиджа малых городов 441

Поляничко М. К. Цифровые музеи как технологии формирования культурных ценностей в условиях цифровизации российского общества 443

Посталовская О. А. Экологическая и этнополитическая взаимосвязь: ключевые аспекты взаимодействия 446

Посталовский А. В. Социально-демографический профиль аудитории социальных сетей 449

Потапова Е. Ю. Россия и Беларусь: взаимодействие в рамках Союзного государства и ключевая роль в ОДКБ 451

Похомова А. А. Трансформация института добровольчества в цифровой среде 454

Пушкарева Н. Л. Женская история сегодня: что достигнуто и какие перспективы 457

Пушкевич С. А. Анализ эволюции государственной миграционной политики в научной сфере Беларуси за период 1995-2025 гг. 460

Пушкевич С. А. Привязанность к месту и миграционные установки: опыт эмпирического анализа 463

Радкевич Д. Б. Динамика численности одиночных домохозяйств в Беларуси: социально-политический аспект 466

Рачкевич В. А. Подходы к проведению цифровизации образовательной политики 469

Ревенко В. В. Идеологическая безопасность как компонент информационной безопасности в обеспечении общественно-политической устойчивости модели белорусской государственности 471

Резникова М. С. Решения по выходу из рефлексии: универсальные механизмы и роль «дела-якоря» 473

Реут В. Г. Практики вовлеченности молодежи в социально значимую деятельность 475

Римашевская Т. В. Институт волонтёрства как элемент политической культуры современной Беларуси 478

Родачев В. А. Влияние организационных условий на профессиональную адаптацию молодых учителей 481

Ромащенко А. Г., Кравченко А. В. Влияние организации труда на оценку эффективности использования трудовых ресурсов на железнодорожном транспорте 484

Румянцева Т. Г. Социокультурные универсалии: традиции и инновации на примере западной и восточной культур 486

Русия Н. Т., Чернова С. А. Локальная идентичность и жизненные стратегии молодежи в развитии территориальных сообществ Юга России 489

Рыжов Ю. В. Цифровая трансформация социальных функций религии в России и Беларуси 491

Рысюкевич Н. С. Физический компонент в структуре человеческого потенциала 494

Савич Н. А. Гражданская активность как аспект развития человеческого потенциала 497

Сакович А. Ю. Жилищные условия сельского населения Республики Беларусь (социологический анализ) 500

Салимшоева Ф. М. Педагогические аспекты языкового обучения в условиях глобальной цифровизации 503

Салтанович И. П Образовательное пространство как специфический локус цифровых и социокультурных трансформаций 505

Солодовникова М. В., Санасарян А. А. Процентные ставки и долговая нагрузка бизнеса: Россия и Беларусь в новых реалиях 509

Саттарова Б. Ш. Цифровая трансформация рынка труда в парадигме меняющегося мира: новые технологии, искусственный интеллект и развитие человеческого капитала в Узбекистане 512

Семёнова А. В. Развитие цифровой потребительской инфраструктуры в Беларуси в оценках населения регионов 514

Соловей А. П. Условия профессиональной самореализации женщин – молодых ученых (на примере НАН Беларуси) 516

Соловьев Э. Г. Трансформация мирового порядка: конец эпохи либерализма? 519

Семёнова Л. Н. Социальный контроль: от восстания масс до общества массового потребления 523

Сергеева Е. В. Положение чувашской женщины в семье (вторая половина XIX – начало XX в.) 525

Середа Ю. П. Проблема социальной невидимости женщин в современном обществе 529

Сехлеян С. А. От унификации к селективности: трансформация социокультурных универсалий в постсоветских обществах 531

Сирковская Т. В. Пищевое поведение молодых россиян в условиях информационной перегруженности: риски и стратегии здоровьесбережения 534

Симхович В. А. Технологии искусственного интеллекта в управлении персоналом 537

Скопинцев И. А. Женское лицо историографии войны 1812 года: от 1920-х к современности 541

Скриган М. И. Профессиональное развитие как направление познавательной деятельности населения 544

Смагина Е. В. «Не только для ухода за страждущими»: к вопросу о женских исследованиях по истории сестринской работы 546

Смаль А. Ю., Хохлова Е. А. Социокультурные ландшафты Краснодара: от ведущих до периферийных практик 548

Смыкова Е. Ю. К проблеме разграничения категорий культура и культурное пространство 550

Снисаренко К. Л. Обеспечение общественно-политической устойчивости государства в условиях глобализации информационного пространства 553

Сойко А. Д. Образовательный потенциал как фактор консолидации белорусского общества 555

Соловьев С. С. Взаимосвязь доверия и социокультурных рисков 558

Соловьева Н. Г. Традиционная семья кубанских казаков как социокультурная универсалия 561

Сомхишвили К. О. Возраст как фактор социальной вовлеченности: анализ участия в социальных проектах 564

Сорокина Ж. И. Цифровая реинкарнация ритуала: гибридные медиастратегии в трансляции этнокультурных универсалий дошкольникам 568

Сорокопудова О. Е. Социальная архитектура как ценностно-ориентированная деятельность: опыт исторического анализа 571

Старичёнок В. В. Идеологический компонент в системе образования Республики Беларусь: тенденции и константы 573

Ермолович Д. В., Старостенков Я. Н. Проект «умная скамейка» как средство патриотического воспитания молодёжи 577

Стома Н. В. Социологический опрос «современная роль белорусской женщины»: обзор с экономической точки зрения 579

Sun Ke Chinese digital supply chain management experience for Great Stone Industrial Park 582

Сторожишина К. М. Гендерный профиль кадрового потенциала современной белорусской и российской лесной науки: опыт и перспективы женщин-исследователей 584

Судьин С. А., Голубин Р. В. Потребности, ценности и факторы успеха в представлениях российского поколения «Z»: опыт эмпирического исследования 588

Сухотский Н. Н. Современные тренды внутреннего туризма Беларуси: социологический аспект 590

Сычков А. В. Нестабильность против волатильности: измерение легитимности партийных систем Великобритании и стран Европейского союза 593

Терешина М. В., Обраскова Т. С. Переход к экономике замкнутого цикла в представлениях и практиках населения: кейс Краснодарского края (Россия) 597

Тетерюкова И. О. Консолидация общества: два базовых мотива социальных объединений 600

Тиковенко А. Г. Миролюбие – характерная особенность национальной самобытности белорусов и одна из составляющих государственной идеологии 602

Толстяк Т. А. Международный опыт исследования социального статуса и престижа профессии учителя 605

Тотолин В. С. Налоговый консалтинг предпринимателей как инструмент формирования добросовестного экономического поведения 608

Трофимова В. С., Трофимова Т. Н. Участие женщин-членов Санкт-Петербургского математического общества в научных съездах и конгрессах (до 1917 г.) 610

Трунов А. А. Трансформация категории субъекта в теоретической социологии: от модерна к цифровому капитализму 613

Тучина О. Р., Аполлонов И А. Памятники в городской среде: психологический и социокультурный аспект 616

Угарина Т. А. Реструктуризация отношений собственности в условиях цифровизации экономики 618

Усовская Э. А. Африкана-вуменизм в женских исследованиях: феномен Руанды 620

Феоктистова Д. П., Коробко С. С. VR-тренажёр для подготовки специалистов по социальной работе «Спец» с ИИ-интерпретацией свободных ответов 623

Филинская Л. В., Левицкая И. В. Тренды потребительского поведения девушек-зумеров в ритейле 625

Фокин И. В., Дерюгин П. П. Концептуальная рамка исследования доверия в инновационных компаниях 628

Фофанова К. В. Кризис измеряемости и трансформация методологии социологических исследований: от данных к следам 630

Хабирова А. З., Даянова А. В. Генеративный искусственный интеллект как новый посредник в принятии решений потребителей 633

Хамутовская С. В. Интерференция как принцип взаимодействия политических и социальных факторов консолидации общества 636

Хлебовец А. С. Общие закономерности демографического перехода и старения населения Республики Беларусь 638

Цуран О. П. Имидж как ресурс стратегического управления учреждением образования 641

Цыбульская Н. В. «Культурная прастора» як сацыялагічная катэгорыя 644

Чернавский А. С., Чобанян Р. С. Генеративный ИИ и трансформация коммуникативных компетенций человека XXI века – диалектика «когнитивной разгрузки» и атрофии 645

*Чернова Д. О., Жукова С. Б.*Трансформация системы финансового менеджмента в условиях новой экономической реальности: тренды и ограничения 2024 –2026 гг. 648

Шарый И. Н. Особенности развития кадрового потенциала белорусской науки в контексте межгосударственного стратегического планирования 651

Шарыпова С. Ю. Методический поиск для исследования самосохранения в цифровой среде: от логов к дневнику 654

Шестопалова О. Н. Ценностные детерминанты трудового поведения молодежи и факторы привлекательности работодателя 657

Шеяфетдинова Н. А. Искусственный интеллект: риски для правосознания 660

Шляпина А. С. Социальная идентичность и чувство защищенности в территориальном измерении 662

Штеер О. В. От истоков к туристическому бренду: трансформация историко-культурного наследия в условиях глобализации 665

Шумская Б. И. Технологические и когнитивные аспекты киберзащиты белорусской государственности 667

Шухно Е. В. Читательский опыт в гендерном измерении: к постановке вопроса 670

Шушунова Т. Н. Отражение гендерной идентичности в профессиональных предпочтениях студенчества 672

Щербинин С. Н., Максимук Е. Г. Понятие и структура социокультурных факторов: теоретический анализ 676

Эсселевич Э. А. Алгоритмическое неравенство: контуры нового типа социальной дифференциации 679

Юдина Т. Н. Интеграционные процессы в миграционной сфере СНГ в условиях новой концепции общего пространства: экспертные оценки 681

Юй Ян, Ли Миньсюань, Юй А. Н. Адаптационные модели студентов в контексте образовательной мобильности: предварительные результаты сравнительного пилотажного исследования 683

Яковлева Н. И. Аспекты исследования солидарности 686

Якушева В. Г., Бугашева Н. В. Влияние мобильных приложений на формирование приверженности здоровому образу жизни 688

Ян Юйцзе Исследование обратного влияния развития креативной индустрии на изменения экономической и социальной структуры 691

Ярощук Р. С. Йога как объект социологического знания: основные исследовательские парадигмы 693
Ячменник К. В. Практики вовлечения сельских сообществ в проекты развития территорий Российской Федерации 696

Научное издание

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

материалы VI Международной научно-практической конференции

(г. Минск, 29-30 октября 2026 г.)

Материалы публикуются

в авторской редакции

Ответственный за выпуск

А. В. Посталовский